3 1761 08821007 5

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso07mami

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

163cv

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

(V7)

494382

7.7.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1916 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

ГОРНОЕ ГНѢЗДО.

Романъ.

Вотъ пріѣдетъ баринъ,
Баринъ насъ разсудитъ...

Некрасовъ.

I.

— Аѳанасья, пошли сейчасъ разсылку за Родіономъ Антонычемъ... Да слышишь: скорѣе!..

Въ подтвержденіе своихъ словъ Раиса Павловна притопнула ногой и сдвинула вылѣзшія бѣлыя брови. Она была въ утреннемъ дезабилье и нервно держала правую руку, въ которой качался исписанный листикъ почтовой бумаги. Письмо застало Раису Павловну еще въ постели: она любила понѣжиться часовъ до двѣнадцати. Но этотъ лоскутокъ исписанной бумаги заставилъ ее вскочить въ неуказанное время съ такой же быстротой, съ какой электрическая искра подбрасываетъ спящую кошку. Первой мыслью, когда она пробѣжала письмо, было послать за Родіономъ Антонычемъ.

Горничная вышла, осторожно затворивъ за собой дверь. Въ большія окна врывались пыльными полосами лучи горячаго майскаго солнца; подъ письменнымъ столомъ мирно похрапывала бурая легавая собака. Въ сосѣдней комнатѣ пробило девять часовъ. Нѣтъ, это было невыносимо!.. Раиса Павловна дернула за сонетку.

— Ну?—крикливо спросила она появившуюся Аѳанасью своимъ сиповатымъ, непріятнымъ голосомъ.

— Сейчасъ будутъ-съ.

— Видно, въ курятникѣ своемъ сидитъ?

— Точно такъ-съ. У нихъ курица вторыхъ цыплятъ выводитъ...

Раиса Павловна сердито плюнула и торопливо зашагала по кабинету. Горничная нерѣшительно продолжала оставаться въ дверяхъ.

— Ты чего тутъ торчишь чучеломъ гороховымъ?—сердито оборвала ее взволнованная барыня.

— Когда прикажете подавать одѣваться?

— Ахъ, да... Некогда мнѣ... Принеси пока оренбургскій платокъ.

Горничная исчезла, какъ тѣнь. Раиса Павловна опустилась въ кресло и задумалась. Она была очень некрасива въ настоящую минуту: желтое сморщенное лицо, съ мѣшками подъ глазами, непріятно выкаченные сѣрые глаза, взбитые клочьями остатки бѣлокурыхъ волосъ на головѣ и брюзглая полнота, которая портила ей шею, плечи и талію. Около рта и вокругъ глазъ залегли

тонкія морщины, которыя появляются у женщинъ подъ пятьдесятъ лѣтъ. „Вѣдьма... Нѣтъ, хуже: старая баба“,—думала иногда Раиса Павловна, когда смотрѣлась въ зеркало. А между тѣмъ она когда-то была очень и очень красива, по крайней мѣрѣ мужчины находили ее такой, чему она имѣла самыя неопровержимыя доказательства. Но красивыя формы и линіи заплыли жиромъ, кожа пожелтѣла, глаза выцвѣли и поблекли; всеразрушающая рука времени безпощадно коснулась всего, оставивъ подъ этой разрушавшейся оболочкой женщину, которая, какъ разорившійся богачъ, на каждомъ шагу должна была испытывать коварство и черную неблагодарность самыхъ лучшихъ своихъ друзей. Можетъ-быть, это послѣднее обстоятельство и придало желтоватому лицу Раисы Павловны вызывающее и озлобленное выраженіе.

— Оставь!—капризно проговорила Раиса Павловна, когда горничная, накинувъ ей на голыя плечи платокъ, мимоходомъ поправила сбившуюся юбку.— Да сейчасъ же послать за Родіономъ Антонычемъ второго разсылку. Слышишь?

Прошло мучительныхъ десять минутъ, а Родіонъ Антонычъ все не приходилъ. Раиса Павловна лежала въ своемъ креслѣ съ полузакрытыми глазами, въ сотый разъ перебирая нѣсколько фразъ, которыя лѣзли ей въ голову. „Генералъ Блиновъ честный человѣкъ... Съ нимъ ѣдетъ одна *особа*, которая пользуется безграничнымъ вліяніемъ на генерала; она, *кажется*, настроена противъ васъ, а въ особенности противъ Сахарова. Осторожность и осторожность...“

Кабинетъ, гдѣ теперь сидѣла Раиса Павловна, представлялъ собой высокую комнату, выходившую тремя окнами на главную площадь Кукарскаго завода, а двумя въ тѣнистый садъ, изъ-за разорванной линіи котораго блестѣла полоса заводскаго пруда, а за нимъ придавленными линіями поднимались контуры грудившихся горъ. Посерединѣ комнаты стоялъ громадный письменный столъ, заваленный книгами, планами и тысячью дорогихъ бездѣлушекъ, безпорядочной кучей занимавшихъ центръ стола. Подъ ногами лежала попорченная молью медвѣжья шкура. Расписанный потолокъ и бархатные синіе обои придавали комнатѣ отпечатокъ роскоши, хотя и съ казенной ноткой, сквозившей во всей обстановкѣ. Отъ этой казенной нотки Раиса Павловна, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могла избавиться и наконецъ помирилась съ ней. Въ простѣнкахъ висѣло нѣсколько картинъ хорошей работы, на внутренней стѣнѣ, надъ широкимъ оттоманомъ, помѣщались оленьи рога съ развѣшаннымъ на нихъ оружіемъ. Воздухъ былъ пропитанъ дымомъ хорошихъ сигаръ, окурки которыхъ валялись по окнамъ и на столѣ. Словомъ, это былъ кабинетъ главнаго управляющаго Кукарскихъ заводовъ, а всѣ главные управляющіе, повѣренные и довѣренные не любятъ стѣснять себя обстановкой.

Въ ожиданіи Родіона Антоныча, Раиса Павловна въ третій разъ пробѣжала полученное письмо. Оно было изъ Петербурга, отъ Прохора Созоныча Загнеткина, главнаго бухгалтера при петербургской конторѣ заводовладѣльца Лаптева. Прохоръ Созонычъ рѣдко писалъ, но зато каждое его письмо всегда было интересно той дѣловой обстоятельностью, какой отличаются только люди очень практическіе. Даже въ этомъ мелкомъ и убористомъ почеркѣ, какимъ писалъ Прохоръ Созонычъ, чувствовалась твердая рука настоящаго дѣльца, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Занимая довольно видный постъ въ конторѣ и пользуясь своимъ столичнымъ положеніемъ, гдѣ во-время и подъ рукой всегда и все можно было развѣдать и разузнать, Загнеткинъ служилъ Раисѣ Павловнѣ самымъ исправнымъ корреспондентомъ, извѣщая ее о малѣйшихъ измѣненіяхъ и колебаніяхъ въ служебной атмосферѣ. Правда, писалъ

онъ неровно, съ отступленіями и забѣганіями впередъ, постоянно боролся— и не въ свою пользу—съ орѳографіей, какъ большинство самоучекъ, но эти маленькіе недостатки въ „штилѣ“ выкупались другими неоцѣненными достоинствами. Загнеткинъ для Раисы Павловны былъ тѣмъ же, чѣмъ для садовника служитъ въ оранжереѣ термометръ. Закулисная сторона всякой частной службы, въ особенности заводской, представляетъ собой самую ожесточенную борьбу за существованіе, гдѣ каждый вершокъ вверхъ дѣлается по чужимъ спинамъ. Схематически изобразить то, что̀, напримѣръ, творилось въ іерархіи Кукарскихъ заводовъ, можно такъ: представьте себѣ совершенно коническую гору, на вершинѣ которой стоитъ самъ заводовладѣлецъ Лаптевъ; снизу со всѣхъ сторонъ бѣгутъ, лѣзутъ и ползутъ сотни людей, толкая и обгоняя другъ друга. Чѣмъ выше, тѣмъ давка сильнѣе; на вершинѣ горы, около самаго заводовладѣльца, можетъ помѣститься всего нѣсколько человѣкъ, и попавшимъ сюда счастливцамъ всего труднѣе сохранить равновѣсіе и не скатиться подъ гору.

Раиса Павловна, какъ жена главнаго управляющаго Кукарскихъ заводовъ, пережила и переживаетъ всѣ случайности своего высокаго положенія и поэтому умѣетъ цѣнить всякую сильную руку, которая помогаетъ ей сохранить за собой выдающуюся позицію. Такой рукой и былъ Прохоръ Созонычъ Загнеткинъ. Какъ женщина, Раиса Павловна относилась ко всему, что̀ происходило вокругъ нея и съ ней самой, съ большой страстностью, и въ ея глазахъ вся путаница творящихся въ заводскомъ мірѣ событій окрашивалась слишкомъ ярко. Такая яркая окраска считается при научныхъ изслѣдованіяхъ громаднымъ недостаткомъ, но на практикѣ она приноситъ несомнѣнно пользу. Можетъ-быть, этой своей особенности Раиса Павловна отчасти и была обязана тому, что, несмотря на всѣ перевороты и пертурбаціи, она твердо и неизмѣнно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сохраняла власть въ своихъ рукахъ. И теперь, перечитывая письмо Загнеткина, она сильно волновалась, какъ старый боевой конь, почуявшій пороховой дымъ. Вотъ что̀ ей писалъ Прохоръ Созонычъ:

„Я уже писалъ вамъ, что Евгеній Константинычъ (заводовладѣлецъ) очень сблизился съ генераломъ Блиновымъ, и не только сблизился, но даже совсѣмъ подпалъ подъ его вліяніе. Блиновъ служилъ профессоромъ, юристъ, человѣкъ не глупый и вмѣстѣ глупый. Сами увидите, что̀ за птица. Теперь занятъ проектомъ финансовыхъ реформъ, которыя должны быть произведены на заводахъ. Что̀ это за проектъ—пока неизвѣстно, но Блинову удалось убѣдить Евгенія Константиныча отправиться нынче же на Уралъ, а это что-нибудь значитъ, и вы можете судить по этому, насколько сильно вліяніе генерала. Нужно сказать вамъ, что самъ по себѣ Блиновъ, пожалуй, и не такъ страшенъ, какъ можетъ показаться, но онъ находится подъ вліяніемъ одной особы, которая, кажется, предубѣждена противъ васъ и особенно противъ Сахарова. Предупредите его, и пусть приметъ соотвѣтствующія мѣры къ пріѣзду Евгенія Константиныча. Отъ себя пока сказать ничего не могу объ этой особѣ, которая теперь вертитъ Блиновымъ, но есть кой-какія обстоятельства, которыя оказываютъ, что эта особа уже имѣетъ сношенія съ Тетюевымъ. Значитъ, можно такъ разсуждать, что вся поѣздка Евгенія Константиныча есть дѣло тетюевскихъ рукъ, а можетъ-быть, заодно съ нимъ орудуютъ Вершининъ и Майзель, на которыхъ никогда нельзя надѣяться: продадутъ... Еще скажу я вамъ, Раиса Павловна, что вы все-таки не опасайтесь: Господь милостивъ! А вы спросите меня о Прейнѣ, какъ онъ?—скажу одно, что попрежнему, какъ флюгеръ, вертится по вѣтру. Но все-таки, если на кого и можно и слѣдуетъ надѣяться, такъ это на Прейна: съ нимъ Евгеній Константинычъ

никогда не разстанется, а генералъ Блиновъ сегодня здѣсь, а завтра и слѣдъ простылъ. Знаю, что вамъ интересно бы узнать, что̀ это за особа, которая вертитъ генераломъ—разузнавалъ и пока узналъ только то, что она живетъ съ генераломъ въ гражданскомъ видѣ, очень некрасива и не молода. Постараюсь разузнать все подробнѣе и тогда опишу.

„Главное, нужно приготовиться къ пріему Евгенія Константиныча, котораго вы хорошо знаете, и также знаете и то, что̀ нужно вамъ дѣлать. Майзель и Вершининъ не ударятъ лицомъ въ грязь, а вамъ только остальное. Много вамъ будетъ хлопотъ, Раиса Павловна, но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ... Съ своей стороны, буду стараться извѣщать васъ о всемъ, что̀ здѣсь будетъ дѣлаться. Можетъ, Евгеній Константинычъ и раздумаетъ ѣхать на заводы, какъ не могъ собраться съѣздить туда въ теченіе двадцати лѣтъ раньше этого. А еще скажу вамъ, что въ зимній сезонъ Евгеній Константинычъ очень были заинтересованы одной балериной и, несмотря на всѣ старанія Прейна, до сихъ поръ ничего не могли отъ нея добиться, хотя это имъ стоило большихъ тысячъ“.

За Родіономъ Антонычемъ былъ посланъ третій разсылка. Раиса Павловна начинала терять терпѣніе, и у ней по лицу выступили багровыя пятна. Въ моментъ, когда она совсѣмъ была готова вспылить неудержимымъ барскимъ гнѣвомъ, дверь въ кабинетъ неслышно растворилась, и въ нее осторожно пролѣзъ самъ Родіонъ Антонычъ. Онъ сначала высунулъ въ отворенную половинку дверей свою сѣдую, обритую голову съ щурившимися сѣрыми глазками, осторожно оглядѣлся кругомъ и потомъ уже съ подавленнымъ кряхтѣньемъ ввалился всей своей упитанной тушей въ кабинетъ.

— Вы... что̀ же это вы дѣлаете со мной?!.—съ крикливыми нотками сдержаннаго гнѣва заговорила Раиса Павловна.

— Я?—удивился Родіонъ Антонычъ, поправляя на себѣ лѣтнее коломянковое пальто.

— Да, вы... Я посылала за вами цѣлыхъ три раза, а вы сидите въ своемъ курятникѣ и ничего на свѣтѣ знать не хотите. Это безсовѣстно наконецъ!..

— Виноватъ, Раиса Павловна. Вѣдь еще десятый часъ на дворѣ.

— Вотъ полюбуйтесь!—сунула подъ носъ Родіону Антонычу разсерженная Раиса Павловна смятое письмо.—Вы только и знаете, что свой десятый часъ...

— Отъ Прохора Созоныча-съ... — въ раздумьѣ проговорилъ Родіонъ Антонычъ, вооружая свой мясистый носъ черепаховыми очками и сначала разсматривая письмо издали.

— Да читайте... тьфу!.. Точно старая баба съ печи слѣзаетъ...

Родіонъ Антонычъ вздохнулъ, далеко отодвинулъ письмо отъ глазъ и медленно принялся читать его строчка за строчкой. По его оплывшему, жирному лицу трудно было угадать впечатлѣніе, какое производило на него это чтеніе. Онъ нѣсколько разъ принимался протирать очки и снова перечитывалъ сомнительныя мѣста. Прочитавъ все до конца, Родіонъ Антонычъ еще разъ осмотрѣлъ письмо со всѣхъ сторонъ, осторожно сложилъ его и задумался.

— Ну?..

— Нужно будетъ съ Платономъ Васильичемъ посовѣтоваться...

— Да вы сегодня, кажется, совсѣмъ съ ума спятили: *я буду совѣтоваться съ Платономъ Васильичемъ...* Ха-ха!.. Для этого я васъ и звала сюда!.. Если хотите знать, такъ Платонъ Васильичъ не увидитъ этого письма, какъ своихъ ушей. Неужели вы не нашли ничего глупѣе мнѣ посовѣтовать?

Что такое Платонъ Васильичъ?—дуракъ, и больше ничего... Да говорите же наконецъ или убирайтесь, откуда пришли! Меня больше всего сводитъ съ ума эта особа, которая ѣдетъ съ генераломъ Блиновымъ. Замѣтили, что слово *особа* подчеркнуто?

— Точно такъ-съ.

— Вотъ меня это и бѣситъ... Прохоръ Созонычъ не будетъ даромъ подчеркивать слова.

— Нѣтъ, не будетъ... Охъ, не будетъ!—какимъ-то плаксивымъ голосомъ заговорилъ Родіонъ Антоновичъ:—и обо мнѣ есть: „настроены противъ Сахарова въ особенности"... Ничего не разберу!..

— Если бы Лантевъ ѣхалъ только съ генераломъ Блиновымъ да съ Прейномъ—это все были бы пустяки, а тутъ замѣшалась особа. Кто она? Что ей за дѣло до насъ?

Родіонъ Антонычъ сдѣлалъ кислую гримасу и только поднялъ кверху свои покатыя, жирныя плечи.

Въ кабинетѣ водворилось тяжелое молчаніе. Въ саду весело заливалась безыменная птичка; набѣгавшій вѣтерокъ гнулъ пушистыя верхушки сиреней и акацій, врывался въ окно пахучей струей и летѣлъ дальше, поднимая на пруду легкую рябь. Солнечные лучи прихотливыми узорами играли на стѣнахъ, скользя яркими искрами по золотому багету и разливаясь мягкими свѣтовыми тонами на массивныхъ узорахъ обоевъ. Съ тонкимъ жужжаньемъ влетѣла въ комнату какая-то зеленая мушка, покружилась надъ письменнымъ столомъ и поползла по рукѣ Раисы Павловны. Та вздрогнула и очнулась отъ своего раздумья.

— Ну?

— Это Тетюевъ да Майзель механику подводятъ,—проговорилъ Родіонъ Антонычъ.

— И опять глупо: этакую новость сообщилъ! Кто же этого не знаетъ... ну, скажите, кто этого не знаетъ? И Вершинину, и Майзелю, и Тетюеву, и всѣмъ давно хочется столкнуть насъ съ мѣста; даже я за васъ не могу поручиться въ этомъ случаѣ, но это все пустяки и не въ томъ дѣло. Вы мнѣ скажите, кто эта особа, которая ѣдетъ съ Блиновымъ?

— Не знаю.

— Такъ узнайте! Ахъ, Господи! Господи! Непремѣнно узнайте, и сегодня же!.. Отъ этого все зависитъ: мы должны приготовиться. Странно, что Прохоръ Созонычъ не постарался разузнать о ней... Вѣроятно, какая-нибудь столичная выжига.

— Вотъ что, Раиса Павловна,—заговорилъ Родіонъ Антонычъ, снимая очки.—Вѣдь Блиновъ-то учился, кажется, съ Прозоровымъ...

— Ну?..

— Такъ вотъ отъ Прозорова и можно будетъ узнать.

— Ахъ, дѣйствительно... Какъ это мнѣ не пришло въ голову? Дѣйствительно, чего лучше! Такъ, такъ... Вы сейчасъ же, Родіонъ Антонычъ, сходите къ Прозорову и стороной все разузнайте отъ него. Вѣдь Прозоровъ болтунъ, и отъ него все на свѣтѣ можно узнать... Отлично!..

— Нѣтъ ужъ, къ Прозорову будетъ лучше вамъ самимъ сходить, Раиса Павловна...—съ кислой гримасой заговорилъ Родіонъ Антонычъ.

— Это почему?

— Да такъ... Вы вѣдь знаете, что Прозоровъ меня ненавидитъ...

— Ну, это вздоръ... Онъ и меня ненавидитъ, какъ ненавидитъ весь свѣтъ.

— Все-таки вамъ удобнѣе, Раиса Павловна. Вы бываете у Прозорова, а я...

— Ну, чортъ съ вами, убирайтесь въ свой курятникъ! — сердито оборвала Раиса Павловна, дергая сонетку.—Аѳанасья! одѣваться... да живѣе!.. Вы зайдите часика черезъ два, Родіонъ Антонычъ!

„Охъ, дрянь дѣло“,—думалъ Родіонъ Антонычъ, вылѣзая изъ кабинета. Его оплывшее лицо, блестѣвшее жирнымъ загаромъ, теперь сморщилось въ унылую улыбку, какъ у доктора, у котораго только-что умеръ самый надежный паціентъ.

II.

Черезъ полчаса Раиса Павловна спускалась съ открытой веранды въ густой и тѣнистый господскій садъ, который зеленой узорчатой прорѣзью драпировалъ берегъ пруда. На ней теперь было надѣто платье изъ голубого альпага, отдѣланное дорогими кружевами; красиво собранныя рюши были схвачены подъ горломъ бирюзовой брошью. Въ волосахъ, собранныхъ въ утреннюю прическу, удачно скрывалась чужая коса, которую носила Раиса Павловна очень давно. И въ костюмѣ, и въ прическѣ, и въ манерѣ себя держать—вездѣ сквозила какая-то фальшивая нота, которая придавала Раисѣ Павловнѣ непривлекательный видъ отжившей куртизанки. Впрочемъ, она это знала сама, но не стѣснялась своей наружностью и даже точно нарочно щеголяла эксцентричностью костюма и своими полумужскими манерами. То, что̀ губитъ въ общественномъ мнѣніи другихъ женщинъ, для Раисы Павловны не существовало. На остроумномъ языкѣ Прозорова, эта особенность Раисы Павловны объяснялась тѣмъ, что „подозрѣніе да не коснется жены Цезаря“. Вѣдь Раиса Павловна была именно такой женой Цезаря въ маленькомъ заводскомъ міркѣ, гдѣ вся и все преклонялось предъ ея авторитетомъ, чтобы вдоволь позлословить на ея счетъ за глаза. Какъ умная женщина, Раиса Павловна все это отлично понимала и точно наслаждалась развертывавшейся предъ ней картиной человѣческой подлости. Ей нравилось, что тѣ люди, которые топтали ее въ грязь, въ то же время заискивали и унижались передъ ней, льстили и подличали наперерывъ. Это было даже пикантно и пріятно щекотало расшатавшіеся нервы жены Цезаря.

Чтобы пройти къ Прозорову, который, въ качествѣ главнаго инспектора заводскихъ школъ, занималъ одинъ изъ безчисленныхъ флигелей господскаго дома, нужно было миновать рядъ широкихъ аллей, перекрещивавшихся у центральной площадки сада, гдѣ по воскресеньямъ играла музыка. Садъ былъ устроенъ на широкую барскую ногу. Оранжереи, теплички, клумбы цвѣтовъ, аллеи и узкія дорожки красиво пестрили зеленую полосу берега. Въ воздухѣ пахучей струей разливался ароматъ только-что распустившихся левкоевъ и резеды. Сирень, какъ невѣста, стояла вся залитая напухшими, налившимися почками, готовыми развернуться съ часу на часъ. Подстриженныя щеткой акаціи образовали живыя зеленыя стѣны, въ которыхъ тамъ и сямъ уютно прятались маленькія зеленыя ниши съ крошечными садовыми диванчиками и чугунными круглыми столиками. Эти ниши походили на зеленыя гнѣздышки, куда такъ и тянуло отдохнуть. Вообще, садовникъ хорошо зналъ свое дѣло и на пять тысячъ, которыя ему ежегодно ассигновало кукарское заводоуправленіе спеціально на поддержку сада, оранжерей и теплицъ, дѣлалъ все, что̀ могъ сдѣлать хорошій садовникъ: зимой у него отлично цвѣли камеліи, ранней весной тюльпаны и гіацинты; огурцы и свѣжая земляника подавались въ февралѣ, лѣтомъ садъ превращался въ душистый цвѣтникъ. Только нѣсколько

отдѣльныхъ купъ изъ темныхъ елей и пихтъ да до десятка старыхъ кедровъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ сѣверѣ, гдѣ цвѣли эти выхоленныя сирени, акаціи, тополи и тысячи красивыхъ цвѣтовъ, покрывавшихъ клумбы и грядки яркой цвѣтистой мозаикой. Растенія были слабостью Раисы Павловны, и она каждый день по нѣскольку часовъ проводила въ саду или лежала на своей верандѣ, откуда открывался широкій видъ на весь садъ, на заводскій прудъ, на деревянную раму окружавшихъ его построекъ и на далекія окрестности.

Видъ на Кукарскій заводъ и на стѣснившія его со всѣхъ сторонъ горы изъ господскаго сада, а особенно съ веранды господскаго дома, былъ замѣчательно хорошъ, какъ одна изъ лучшихъ уральскихъ панорамъ. Центръ картины, точно налитое до краевъ полное блюдо, занималъ большой заводскій прудъ овальной формы. Направо широкой плотиной связаны были двѣ возвышенности: на ближайшей красовалось своей греческой колоннадой кукарское главное заводоуправленіе съ господскимъ домомъ, а на противоположной качался мохнатыми вершинами рѣдкій сосновый гребень. Издали эти двѣ возвышенности походили на ворота, въ которыя выливалась горная рѣка Кукарка, чтобы дальше сдѣлать колѣно подъ крутой лѣсистой горой, оканчивавшейся утесистымъ пикомъ съ воздушной часовенкой на самомъ верху. Между этими возвышенностями и по берегу пруда крѣпкіе заводскіе домики выровнялись въ правильныя, широкія улицы; между ними яркими заплатами зеленѣли желѣзныя крыши богатыхъ мужиковъ и бѣлѣли каменные дома мѣстнаго купечества. Пять большихъ церквей красовались на самыхъ видныхъ мѣстахъ.

Сейчасъ подъ плотиной, гдѣ сердито бурлила бойкая Кукарка, съ глухимъ вздрагиваніемъ погромыхивали громадныя фабрики. На первомъ планѣ дымились три доменныхъ печи; изъ рѣшетчатыхъ желѣзныхъ коробокъ вѣчно тянулся чернымъ хвостомъ густой дымъ, прорѣзанный снопами яркихъ искръ и косматыми языками вырывавшагося огня. Рядомъ стояла черной пастью водяная лѣсопильня, куда, какъ живые, ползли со свистомъ и хрипѣньемъ ряды бревенъ. Дальше поднимались десятки всевозможныхъ трубъ и правильными рядами горбились крыши отдѣльныхъ корпусовъ, точно броня чудовища, которое желѣзными лапами рвало землю, оглашая воздухъ на далекое разстояніе металлическимъ лязгомъ, подавленнымъ визгомъ вертѣвшагося желѣза и сдержаннымъ ворчаніемъ. Рядомъ съ этимъ царствомъ огня и желѣза, картина широкаго пруда съ облѣпившими его домиками и зеленѣвшаго по горамъ лѣса невольно манила къ себѣ глазъ своимъ просторомъ, свѣжестью красокъ и далекой воздушной перспективой.

Флигелекъ Прозорова стоялъ въ сѣверномъ углу сада, куда совсѣмъ не хватало солнце. Раиса Павловна вошла въ открытую дверь полусгнившей, покосившейся террасы. Въ первой комнатѣ никого не было, какъ и въ слѣдующей за ней. Эти маленькія комнатки съ выцвѣтшими обоями и сборной мебелью показались ей сегодня особенно жалкими и мизерными: на полу оставались слѣды грязныхъ ногъ, окна были покрыты пылью, вездѣ царилъ страшный безпорядокъ. Откуда-то тянуло затхлой сыростью, точно изъ погреба. Раиса Павловна поморщилась и презрительно съежила плечи.

„Это какая-то конюшня...“ — брезгливо подумала она, заглядывая въ слѣдующую узкую, полутемную комнату.

Она въ нерѣшительности остановилась въ дверяхъ, когда изъ глубины до ея слуха долетѣлъ речитативъ Мефистофеля:

Красотка-то немножко устарѣла...

— Это вы, Виталій Кузьмичъ, на мой счетъ упражняетесь?—весело спросила Раиса Павловна, переступая порогъ.

Старчески-фальшивый голосъ смолкъ, и въ отвѣтъ послышался тихій, съ дѣтскими нотками смѣхъ.

— Царица Раиса! Какими судьбами!..—заговорилъ небольшого роста худощавый господинъ, поднимаясь съ прорваннаго клеенчатаго дивана.

— Здравствуйте, великій человѣкъ... на малыя дѣла!—развязно отозвалась Раиса Павловна, протягивая руку чудаку-хозяину.—Вы тутъ что-то такое пѣли сейчасъ?

— Да, да...—торопливо проговорилъ Прозоровъ, поправляя сбившійся на шеѣ галстукъ.—Дѣйствительно, пѣлъ... Узрѣлъ сіи голубыя одежды, сію накладную косу, сіе раскрашенное лицо, и запѣлъ!

— Если все остроуміе заключается у васъ сегодня въ мѣстоименіи *сей*, то это немного скучно, Виталій Кузьмичъ.

— Что дѣлать, что дѣлать, голубушка! Постарѣлъ, поглупѣлъ, выдохся... Ничто не вѣчно подъ луной!..

— Гдѣ у васъ тутъ присѣсть можно?—спрашивала Раиса Павловна, напрасно отыскивая глазами стулъ.

— А вотъ пожалуйте на диванъ! Располагайтесь. Однако какими это судьбами занесло васъ, царица Раиса, въ мою берлогу?

— По старой памяти, Виталій Кузьмичъ... Когда-то и вы писывали стишки для женщины въ голубыхъ одеждахъ.

— О, помню, помню, царица Раиса! Дайте ручку поцѣловать... Да, да... Когда-то, давно-давно Виталій Прозоровъ не только декламировалъ вамъ чужіе стихи, но и самъ пѣлъ для васъ. Ха-ха... Получается даже каламбуръ: пѣлъ и пѣлъ. Такъ-съ... Вся жизнь состоитъ изъ такихъ каламбуровъ! Тогда, помните эту весеннюю лунную ночь... Мы катались по озеру вдвоемъ... Какъ теперь вижу: все пахло сиренями, гдѣ-то заливался соловей. Вы были молоды, полны силъ и, судебъ повинуясь закону...

Ты помнишь чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты...

Прозоровъ припалъ своей сѣдѣвшей головой къ рукѣ Раисы Павловны, и она почувствовала, какъ на руку закапали крупныя слезы... Ей сдѣлалось жутко отъ двойного чувства: она презирала этого несчастнаго человѣка, отравившаго ей жизнь, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней смутно проснулось какое-то теплое чувство къ нему, вѣрнѣе сказать, не къ нему лично, а къ тѣмъ воспоминаніямъ, какія были связаны съ этой кудрявой и все еще красивой головой. Раиса Павловна не отнимала руки и смотрѣла на Прозорова большими остановившимися глазами. Это узкое лицо съ козлиной бородкой и большими темными, горячими глазами все еще было красиво какой-то безпокойной, нервной красотой, хотя кудрявые темные волосы уже давно блестѣли сѣдиной, точно серебристой плѣсенью. Такой же плѣсенью былъ покрытъ и живой, остроумный мозгъ Прозорова, разлагавшійся отъ собственной работы.

— А теперь,—заговорилъ Прозоровъ, перерывая тяжелую паузу,—я смотрю на развалины моей Трои, которая напоминаетъ мнѣ о моемъ собственномъ разрушеніи. Да, да... Но я еще нахожу капельку поэзіи:

Тихо заперъ я двери
И одинъ, безъ гостей,
Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей...

„Кабинетъ“ Прозорова, занимавшій узкую проходную комнату, что-то въ родѣ коридора, былъ насквозь пропитанъ дымомъ дешевыхъ сигаръ и запахомъ водки. Ободранный письменный столъ, придвинутый къ внутренней стѣнѣ, былъ заваленъ книгами, которыя лежали здѣсь въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ. Тутъ же валялись листы исписанной бумаги и пустая бутылка изъ-подъ водки. Въ углу комнаты помѣщался шкапъ съ книгами, въ другомъ—пустая этажерка и сломанное кресло съ вышитой цвѣтными шелками спинкой. Измятый, небрежный костюмъ хозяина соотвѣтствовалъ обстановкѣ кабинета: лѣтнее пальто изъ парусины съежилось отъ стирки и некрасиво суживало его и безъ того узкія плечи: такія же брюки, смятая сорочка и нечищенные, порыжѣвшіе сапоги дополняли костюмъ. Раиса Павловна готова была пожалѣть этого жалкаго старика, который уже замѣтилъ это мимолетное движеніе, и по его худошавому лицу скользнула презрительно-нахальная улыбка, которая Раисѣ Павловнѣ была особенно хорошо знакома.

— А я зашла къ вамъ за Лушей...—дѣловымъ тономъ заговорила Раиса Павловна, испытывая маленькое смущеніе.

— Знаю, знаю...—торопливо отозвался Прозоровъ, взбивая на головѣ волосы привычнымъ жестомъ.—Знаю, что за дѣломъ, только не знаю, за какимъ...

— Я же сказала вамъ.

— Ахъ, да... Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію. За Лушей... Такъ.

— А вѣдь она у васъ совсѣмъ большая. Необходимо о ней позаботиться...

— Совершенно вѣрно!

Что̀ за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

— Особенно такимъ отцомъ, какимъ судьба такъ несправедливо наградила бѣдную Лушу.

— Да, но я только отрицательнымъ образомъ несправедливъ къ моей дочери, тогда какъ вы своимъ вліяніемъ прививаете самое положительное зло.

— Именно?

— Именно набиваете ей голову тряпками и разной бабьей философіей. Я, по крайней мѣрѣ, не вмѣшиваюсь въ ея жизнь и предоставляю ее самой себѣ: природа—лучшій учитель, который никогда не ошибается...

— И я такъ же разсуждала бы, если бы не любила вашей Луши.

— Вы? Любили? Перестаньте, царица Раиса, играть въ прятки; мы оба, кажется, немного устарѣли для такихъ пустяковъ... Мы слишкомъ эгоисты, чтобы любить кого-нибудь, кромѣ себя, или, вѣрнѣе сказать, если мы и любили, такъ любили и въ другихъ самихъ же себя. Такъ? А вы, кромѣ того, еще умѣете ненавидѣть и мстить... Впрочемъ, я, если уважаю васъ, такъ уважаю именно за это милое качество.

— Благодарю. Откровенность за откровенность: бросьте этотъ старый хламъ и лучше разскажите мнѣ, что̀ за человѣкъ генералъ Блиновъ, съ которымъ вы учились.

— Блиновъ... генералъ Блиновъ... Да, Миронъ Блиновъ.

Прозоровъ остановился и, взглянувъ на Раису Павловну, со своей ехидной улыбкой проговорилъ:

— Такъ вотъ зачѣмъ вы пожаловали ко мнѣ!

— Что же изъ этого?

— А для чего вамъ понадобился Блиновъ? Опять какая-нибудь мудреная комбинація въ области политики...

— Если спрашиваю, значитъ, мнѣ это нужно знать, а для чего нужно— дѣло мое. Поняли? Бабье любопытство одолѣло.

— Я такъ спросилъ... Такъ вамъ, значитъ, нужно выправить черезъ меня справку о Миронѣ Геннадьичѣ? Извольте... Во-первыхъ, это очень честный человѣкъ—первая бѣда для васъ; во-вторыхъ, онъ очень умный человѣкъ— вторая бѣда, и, въ-третьихъ, онъ, къ вашему счастію, самъ считаетъ себя умнымъ человѣкомъ. Изъ такихъ умныхъ и честныхъ людей можно веревки вить, хотя сноровка нужна. Впрочемъ, Блиновъ застрахованъ отъ вашей бабьей политики... Ха-ха!..

— Я не нахожу ничего смѣшного въ томъ, что Миронъ Геннадьичъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ одной особы, которая...

— ...Которая безобразна, какъ гороховое чучело,—подхватилъ Прозоровъ удачно подброшенную реплику: — стара, какъ попова собака, и умна, какъ дьяволъ.

— А вы не знаете, кто эта особа сама по себѣ?

— Н-нѣтъ... Кажется, изъ дѣвицъ легкаго чтенія или изъ кухарокъ, но, вообще, не высокаго полета. Ха-ха!.. Представьте же себѣ такую комбинацію: Блиновъ—профессоръ университета, стяжалъ себѣ извѣстное имя, яко политико-экономъ и свѣтлая финансовая голова, затѣмъ, какъ я уже сказалъ вамъ, хорошій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ — и вдругъ этотъ самый генералъ Блиновъ, со всей своей ученостью, честностью и превосходительствомъ, сидитъ подъ башмакомъ какого-то урода. Я еще понимаю такую ошибку, потому что когда-то самъ имѣлъ несчастіе увлечься такой женщиной, какъ вы. Вѣдь и вы меня любили когда-то, царица Раиса...

— Я? Никогда!..

— Немножко?

— А вы видѣли эту особу, которая держитъ генерала подъ башмакомъ?— перебила Раиса Павловна этотъ откровенный вопросъ.

— Издали. Про нее можно сказать словами балаганныхъ остряковъ, что издали она безобразна, а чѣмъ ближе, тѣмъ хуже. Послушайте, однако, для чего вы меня исповѣдуете обо всемъ этомъ?

— А вы до сихъ поръ не можете догадаться, что это секретъ,—съ улыбкой отвѣтила Раиса Павловна:—а секретовъ вамъ, какъ извѣстно, довѣрять нельзя.

— Да, да... Все разболтаю: языкъ мой—врагъ мой,—согласился Прозоровъ съ полукомическимъ вздохомъ.

Раиса Павловна просидѣла въ каморкѣ Прозорова еще съ полчаса, стараясь вывѣдать у своего болтливаго собесѣдника еще что-нибудь о таинственной особѣ. Прозоровъ въ такихъ случаяхъ не заставлялъ себя просить и принялся разсказывать такія подробности, которыя даже не позаботился сколько-нибудь прикрасить для вѣроятности.

— Ну, вы, кажется, ужъ того...—замѣтила Раиса Павловна, поднимаясь съ мѣста.

— Убей меня Богъ, если вру!

Чтобы придать своимъ разсказамъ оттѣнокъ дѣйствительности, Прозоровъ углубился въ воспоминанія собственной юности, когда онъ еще студентомъ занималъ вмѣстѣ съ Блиновымъ крошечную каморку въ 17-й линіи Васильевскаго Острова. Славное было время, хотя Блиновъ былъ одинъ изъ самыхъ тупыхъ студентовъ. Рѣшительно не подавалъ никакихъ надеждъ, зубрилъ напропалую, вообще являлся дюжинной натурой и самой жалкой посредственностью. Послѣ ихъ дороги разошлись, а теперь Блиновъ — видный ученый и превосходительная особа, тогда какъ Прозоровъ заживо тонетъ въ водкѣ.

— Кто же вамъ велитъ пить?—строго проговорила Раиса Павловна, стараясь не глядѣть на своего собесѣдника.

— Кто меня заставляетъ?—спросилъ Прозоровъ, запуская обѣ руки въ свои сѣдые кудри.

— Да, васъ...

— Эхъ, царица Раиса... Зачѣмъ вы меня спрашиваете?—застоналъ Прозоровъ. — Вы вѣдь очень хорошо знаете всю эту исторію: душа болитъ у Виталія Кузьмича, вотъ онъ и пьетъ. Думалъ когда-то гору своротить, а запнулся о соломинку... Знаете, у меня на-дняхъ блеснула очень хорошая теорія, которую можно назвать *теоріей жертвъ*. Да, да... Всякое движеніе впередъ и во всякой сферѣ требуетъ своихъ жертвъ. Это желѣзный законъ!.. Возьмите промышленность, науку, искусство — вездѣ казовые концы, которыми мы любуемся, выкупаются цѣлымъ рядомъ жертвъ. Каждая машина, каждое усовершенствованіе или изобрѣтеніе въ области техники, каждое новое открытіе требуетъ тысячъ человѣческихъ жертвъ, именно въ лицѣ тѣхъ тружениковъ, которые остаются, благодаря этимъ благодѣяніямъ цивилизаціи, безъ куска хлѣба, которыхъ рѣжетъ и дробитъ какое-нибудь глупѣйшее колесо, которые приносятъ въ жертву своихъ дѣтей съ восьми лѣтъ... То же самое творится и въ области искусства и науки, гдѣ каждая новая истина, всякое художественное произведеніе, рѣдкія жемчужины истинной поэзіи—все это выросло и созрѣло благодаря существованію тысячъ неудачниковъ и непризнанныхъ геніевъ. И замѣтьте, эти жертвы не случайность, даже не несчастіе, а только простой логическій выводъ изъ математически-вѣрнаго закона. Вотъ я и сопричислилъ себя къ лику этихъ неудачниковъ и непризнанныхъ геніевъ: имя намъ легіонъ... Единственное утѣшеніе, которое осталось намъ на долю, когда рядомъ генералы Блиновы процвѣтаютъ и блаженствуютъ — есть мысль, что, если бы не было бы насъ, не было и дѣйствительно замѣчательныхъ людей. Да-съ...

Прозоровъ остановился передъ своей слушательницей въ трагической позѣ, какія „выкидываютъ“ плохіе провинціальные актеры. Раиса Павловна молчала, не поднимая глазъ. Послѣднія слова Прозорова отозвались въ ея сердцѣ болѣзненнымъ чувствомъ: въ нихъ было, можетъ-быть, слишкомъ много правды, естественнымъ продолженіемъ которой служила вся безпорядочная обстановка прозоровскаго жилья.

— И замѣтьте,—импровизировалъ Прозоровъ, начиная бѣгать изъ угла въ уголъ,—какъ насъ всѣхъ, такихъ межеумковъ, заѣдаетъ рефлексія: мы не сдѣлаемъ шагу, чтобы не оглянуться и не посмотрѣть на себя... И вездѣ это проклятое я! И понятное дѣло! Настоящаго, опредѣленнаго занятія у насъ нѣтъ,—вотъ мы и купаемся въ собственной душонкѣ да вытаскиваемъ оттуда разный хламъ. Главное, я сознаю, что такое положеніе самое распослѣднее дѣло, потому что создается скромнымъ желаніемъ оправить себя въ глазахъ современниковъ. Ха, ха!.. И сколько насъ, такихъ артистовъ! Есть даже такіе счастливцы, что̀ ухитряются цѣлую жизнь пользоваться репутаціей

умныхъ людей. Благодарю Бога, что я не принадлежу къ ихъ числу, по крайней мѣрѣ... Выѣденное яйцо—вѣрнѣе, болтунъ—и дѣло съ концомъ.

— О чемъ же у васъ душа болитъ?

— Ахъ, да... Душа-то?.. А болитъ она, царица Раиса, о томъ, что̀ я могъ выполнить и не выполнилъ. Самое тяжелое чувство... И такъ во всемъ: въ общественной дѣятельности, въ своей профессіи, особенно въ личныхъ дѣлахъ. Идешь туда—и, глядишь, пришелъ совсѣмъ въ другое мѣсто; хочешь принести человѣку пользу — получается вредъ, любишь человѣка — платитъ ненавистью, хочешь исправиться — только глубже опускаешься... Да. А тамъ, въ глубинѣ души, сосетъ этакій дьявольскій червякъ: вѣдь ты умнѣе другихъ, вѣдь ты бы могъ быть и тѣмъ-то и тѣмъ-то, вѣдь и счастіе себѣ своими руками загубилъ. Вотъ тутъ и приходитъ матъ, хоть петлю на шею!.. Я васъ за что люблю?—неожиданно прервалъ Прозоровъ ходъ своихъ мыслей.—Люблю за то именно, чего мнѣ недостаетъ, хотя самъ я этого, пожалуй, и не желалъ бы имѣть. Вѣдь вы всегда меня давили и теперь давите, даже давите вотъ своимъ настоящимъ милостивымъ присутствіемъ...

— Я ухожу.

— Еще одно слово!—остановилъ Прозоровъ свою гостью:—моя пѣсенка спѣта и обо мнѣ нечего говорить, но я хочу просить васъ объ одномъ... Исполните?

— Не знаю, какая просьба.

— Исполнить ее вамъ ничего не стоитъ...

— Обѣщать, не зная что̀, по меньшей мѣрѣ глупо.

Прозоровъ неожиданно опустился передъ Раисой Павловной на колѣни и, схвативъ ее за руку, задыхавшимся шопотомъ проговорилъ:

— Оставьте Лушу въ покоѣ... Слышите, оставьте! Я встрѣтился съ вами въ несчастную минуту и дорого заплатилъ за это удовольствіе...

— И я, кажется, не дешево!

— Но моя дѣвочка не виновата ни душой ни тѣломъ въ нашихъ ошибкахъ...

— Перестаньте ломать комедію, Виталій Кузьмичъ,—строго заговорила Раиса Павловна, направляясь къ выходу.—Достаточно того, что я люблю Лушу гораздо больше вашего и позабочусь о ней...

— Неужели вамъ мало вашихъ приживалокъ, которыми вы занимаете своихъ гостей?!—со злостью закричалъ Прозоровъ, сжимая кулаки.—Зачѣмъ вы втягиваете мою дѣвочку въ эту помойную яму? О, Господи, Господи! Вамъ мало видѣть, какъ ползаютъ и пресмыкаются у вашихъ ногъ десятки подлыхъ людей, мало ихъ униженія и добровольнаго позора, вы хотите развратить еще и Лушу! Но я этого не позволю... Этого не будетъ!

— Вы забываете только одно маленькое обстоятельство, Виталій Кузьмичъ,—сухо замѣтила Раиса Павловна, останавливаясь въ дверяхъ:—забываете, что Луша совсѣмъ большая дѣвушка и можетъ имѣть свое мнѣніе, свои собственныя желанія.

Прозоровъ остановился, что-то подумалъ, махнулъ рукой и какимъ-то упавшимъ голосомъ спросилъ:

— Скажите, по крайней мѣрѣ, для чего вы меня исповѣдывали о генералѣ Блиновѣ?

Раиса Павловна только пожала плечами и презрительно улыбнулась. Она вздохнула свободнѣе, когда очутилась на открытомъ воздухѣ.

— Дуракъ!..—энергично проговорила она, шагая по черемуховой аллеѣ къ центральной площадкѣ.

III.

Возвращаясь по саду домой, Раиса Павловна перебирала въ умѣ только-что слышанную болтовню Прозорова. Что̀ такое генералъ Блиновъ—она почти поняла, или, по крайней мѣрѣ, отлично представляла себѣ этого человѣка, но относительно особы она мало вынесла изъ своего визита къ Прозорову. Эта особа такъ и оставалась искомымъ неизвѣстнымъ. Прозоровъ рисовалъ слишкомъ густыми красками и, навѣрно, любую половину привралъ. Раису Павловну смущало больше всего противорѣчіе, которое вытекало изъ характеристики Прозорова: если эта таинственная особа стара и безобразна, то гдѣ же секретъ ея вліянія на Блинова, тѣмъ болѣе, что она не была даже его женой? Что-нибудь да не такъ, особенно, если принять во вниманіе, что генералъ, по всѣмъ отзывамъ, человѣкъ умный и честный... Конечно, бываютъ иногда случаи.

Занятая своими мыслями, Раиса Павловна не замѣтила, какъ столкнулась носомъ къ носу съ молоденькой дѣвушкой, которая шла навстрѣчу съ мохнатымъ полотенцемъ въ рукахъ.

— Ахъ, какъ ты меня испугала, Луша!

— Куда это вы ходили, Раиса Павловна?—весело спрашивала дѣвушка, цѣлуя Раису Павловну звонкимъ поцѣлуемъ.

— Къ вамъ ходила... Съ папенькой твоимъ бесѣдовали чуть не цѣлый часъ. Даже голова заболѣла отъ его болтовни... Ты что̀ это, купалась?

— Да.

Дѣвушка показала свои густые мокрые волосы, завернутые толстымъ узломъ и прикрытые сверху пестрымъ бумажнымъ платкомъ, который былъ сильно надвинутъ на глаза, какъ носятъ заводскія бабы. Подъ навѣсомъ платка беззаботно смѣялись бойкіе каріе глаза, опушенные длинными рѣсницами; красивый съ горбикомъ носъ какъ-то особенно смѣшно морщился, когда Луша начинала смѣяться. Это молодое лицо, теперь все залитое румянцемъ, было хорошо даже своими недостатками: маленькимъ лбомъ, неправильнымъ оваломъ щекъ, чѣмъ-то безхарактернымъ, что̀ лежало въ очеркѣ рта. Раиса Павловна любила это лицо и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ осматривала дѣвушку съ ногъ до головы: положительно, Луша унаслѣдовала отъ отца его нервную красоту. Съ материнской улыбкой она осматривала теперь новенькое платье Луши. Это была дорогая обновка изъ чесучи, и дѣвушка въ первый разъ надѣла ее, чтобы итти купаться. Нѣтъ, въ этой дѣвчонкѣ есть именно то качество, которое сразу выдѣляетъ женщину изъ тысячи другихъ безцвѣтныхъ куколъ.

— Луша, я скажу тебѣ очень интересную новость...—заговорила Раиса Павловна, обнимая дѣвушку за талію и увлекая ее за̀ собой.—Къ намъ ѣдетъ Евгеній Константинычъ...

— Лаптевъ?

— Да. Только это пока секретъ. Понимаешь?

— Понимаю, понимаю...

— Съ нимъ, конечно, ѣдетъ Прейнъ, потомъ толпа молодежи... Превесело проведемъ все лѣто. Самый отличный случай для твоихъ первыхъ тріумфовъ!.. Да, мы имъ всѣмъ вскружимъ голову... У насъ одинъ бюстъ чего стоитъ, плечи, шея... Да!.. Милочка, женщинѣ такъ мало дано отъ Бога на этомъ свѣтѣ, что она своимъ малымъ должна распорядиться съ величайшей осторожностью. Притомъ женщинѣ ничего не прощаютъ, особенно не прощаютъ старости... Вѣдь такъ... а?..

При послѣднихъ словахъ Раиса Павловна накинулась на дѣвушку съ такими ласками, отъ которыхъ та принуждена была защищаться.

— Ахъ, какая ты недотрога!..—съ улыбкой проговорила Раиса Павловна.— Не нужно быть слишкомъ застѣнчивой. Все хорошо въ мѣру: и застѣнчивость, и дерзость, и даже глупость... Ну, сознайся, ты рада, что пріѣдетъ къ намъ Лаптевъ? Да?.. Вѣдь въ семнадцать лѣтъ жить хочется, а въ какомъ-нибудь Кукарскомъ заводѣ что̀ могла ты до сихъ поръ видѣть — ровно ничего! Мнѣ, старой бабѣ, и то иногда тошнехонько сдѣлается, хоть сейчасъ же камень на шею да въ воду.

— А Лаптевъ долго пробудетъ у насъ?

— Пока ничего не знаю, но съ мѣсяцъ, никакъ не болѣе. Какъ разъ пробудетъ, однимъ словомъ, столько, что ты успѣешь повеселиться до упаду и, кто знаетъ... Да, да!.. Говорю совершенно серьезно...

Луша тихо засмѣялась тѣми же дѣтскими нотками, какъ смѣялся отецъ; ровные бѣлые зубы и ямочки на щекахъ придавали смѣху Луши какую-то наивную прелесть, хотя каріе глаза оставались серьезными и въ нихъ свѣтилось что-то жесткое и недовѣрчивое.

— Вы меня ужъ не за Прейна ли прочите?—проговорила Луша, дѣлая гримасу.

— Нѣтъ. Прейнъ никогда не женится. Но это ему не мѣшаетъ быть еще красивымъ мужчиной, конечно, красивымъ для своихъ лѣтъ. Когда-то онъ былъ замѣчательно хорошъ, но теперь...

— Мнѣ онъ кажется просто отвратительнымъ.

— Да? А между тѣмъ отъ него еще недавно женщины сходили съ ума... Впрочемъ, ты еще была совсѣмъ крошкой, когда Прейнъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ.

— Все-таки я отлично его помню: зубы гнилые и смотритъ такъ... совсѣмъ особенно. Я всегда боялась, когда онъ начиналъ смѣяться.

— Дурочка!.. Что̀ же мы здѣсь шатаемся съ тобой, пойдемъ ко мнѣ кофе пить.

— Я схожу переодѣться сначала.

— Вздоръ! Можешь у меня переодѣться. Аѳанасья уберетъ тебѣ волосы.

Онѣ пошли отъ пруда по направленію къ главному зданію господскаго дома. Солнце было уже высоко и подобрало ночную росу съ травы и цвѣтовъ. Только кой-гдѣ, подъ прикрытіемъ кустовъ, оставались еще темно-зеленыя полосы мокрой зелени, точно сейчасъ покрытой лакомъ. Изъ этихъ тѣнистыхъ уголковъ такъ и обдавало свѣжестью, которая быстро исчезала подъ наплывомъ сгущавшагося лѣтняго зноя. Легкое грозовое облачко, точно вскинутый кверху ворохъ темныхъ кружевъ, круто поднималось надъ далекими горами, оставляя за собой длинную тѣнь, скользившую по землѣ широкимъ шлейфомъ.

Съ веранды дамы прошли прямо въ уборную Раисы Павловны, великолѣпную голубую комнату съ атласными обоями, штофными драпировками и орѣховой мебелью въ стилѣ котораго-то Людовика. Мраморный умывальникъ, низкая рѣзная кровать съ балдахиномъ надъ изголовьемъ, нѣсколько столиковъ самой вычурной работы, въ углахъ шифоньерки—вообще, обстановка уборной придавала ей видъ и спальни и будуара. Тысячи бездѣлушекъ валялись кругомъ безъ всякой цѣли и порядка, единственно потому только, что ихъ такъ бросили или забыли: японскія коробки и лакированные ящички, нѣсколько китайскихъ фарфоровыхъ вазъ, пустыя бонбоньерки, тѣ спеціально дамскія бездѣлушки, которыми Парижъ наводняетъ всѣ магазины, футляры всевозможной величины, формы и назначенія, флаконы съ духами, цѣлый арсеналъ

принадлежностей косметики и т. д. Приготовленное Аѳанасьей платье ждало Раису Павловну на широкомъ атласномъ диванчикѣ; различныя принадлежности дамскаго костюма перемѣшались въ безпорядочную цвѣточную кучу, изъ-подъ которой выставлялись рукава платья съ болтавшимися манжетами, точно подъ этой кучей лежалъ раздавленный человѣкъ съ безсильно опустившимися руками. Раиса Павловна любила щеголять въ пестрыхъ костюмахъ, особенно лѣтомъ.

— Аѳанасья, прибери голову Лушѣ,—лѣниво проговорила Раиса Павловна, усталымъ движеніемъ опускаясь на кушетку.—А я подожду...

Аѳанасья, худая и длинная особа, съ костлявыми руками и узкимъ злымъ лицомъ, молча принялась за дѣло. Дѣвушка съ удовольствіемъ помѣстилась къ дамскому уборному столику, овальное зеркало котораго совсѣмъ пряталось подъ кружевнымъ пологомъ, схваченнымъ наверху короной изъ голубыхъ и бѣлыхъ лентъ. Раиса Павловна нѣсколько минутъ слѣдила за работой Аѳанасьи и нахмурилась. Вѣрная служанка видимо была недовольна своей работой и сердито приводила въ порядокъ разсыпавшуюся по плечамъ Луши волну русыхъ волосъ; гребень ходилъ у ней въ рукахъ неровно и заставилъ дѣвушку нѣсколько разъ сморщиться отъ боли.

— Оставь...—проговорила Раиса Павловна, когда Аѳанасья принялась заплетать тяжелую косу.—Можешь итти.

Аѳанасья что-то проворчала себѣ подъ носъ и вышла изъ комнаты.

— Настоящая змѣя!—съ улыбкой проговорила Раиса Павловна, вставая съ кушетки.—Я сама устрою тебѣ все... Сиди смирно и не верти головой. Какіе у тебя славные волосы, Луша!—любовалась она, перебирая въ рукахъ тяжелыя пряди еще не просохшихъ волосъ.—Настоящій шелкъ... У затылка не нужно плести косу очень туго, а то будетъ болѣть голова. Вотъ такъ будетъ лучше...

Съ ловкостью камеристки Раиса Павловна сдѣлала проборъ на головѣ, заплела косу и, отойдя въ сторону, нѣсколько времени безмолвно любовалась сидѣвшей неподвижно Лушей. Когда та хотѣла встать, она остановила ее:

— Погоди, у меня есть одна штучка, которая къ тебѣ очень пойдетъ.

Вытащивъ изъ шифоньерки какой-то длинный футляръ, Раиса Павловна торопливо достала изъ него нѣсколько нитокъ красныхъ коралловъ съ золотой застежкой и надѣла ихъ на Лушу.

— Вотъ теперь хорошо!—довольнымъ голосомъ замѣтила она.—Красные кораллы идутъ ко всякой кожѣ...

Луша покраснѣла отъ удовольствія: у нея, кромѣ бусъ изъ дутаго стекла, ничего не было, а тутъ были настоящіе кораллы. Это движеніе не ускользнуло отъ зоркаго взгляда Раисы Павловны, и она поспѣшила имъ воспользоваться. На сцену появились браслеты, серьги, броши, колье. Все это примѣривалось передъ зеркаломъ и цѣнилось по достоинству. Дѣвушкѣ особенно понравилась брошь изъ восточнаго рубина, густого кровяного цвѣта; дорогой камень блестѣлъ, какъ сгустокъ свѣже-запекшейся крови.

— Не правда ли, хорошо? — спрашивала Раиса Павловна и потомъ вдругъ расхохоталась.

Дѣвушка смутилась и начала торопливо срывать съ себя чужія сокровища, но Раиса Павловна удержала ее за руку.

— Знаешь, надъ чѣмъ я хохочу?—шептала она, вздрагивая отъ смѣха.—Если бы твой папа увидѣлъ теперь насъ, онъ просто приколотилъ бы и тебя и меня... Вѣдь онъ ненавидитъ все, что̀ нравится женщинамъ. Ха-ха... Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ тебя мальчика—да? Но природа перехитрила его. Развѣ

мы виноваты, если эти бездѣлушки дѣлаютъ насъ не красивѣе, а замѣтнѣе? Женщина—пассивное существо; ей, особенно въ извѣстномъ возрастѣ, поневолѣ приходится прибѣгать къ искусству... Но это къ тебѣ не относится: ты слишкомъ хороша сама по себѣ, чтобы портить себя разнымъ дорогимъ хламомъ. Какая-нибудь лента, нѣсколько живыхъ цвѣтовъ—вотъ все, что для тебя теперь необходимо. Такъ?.. Только не слѣдуетъ забывать, что всякая красота, особенно типичная, рѣдкая красота, держится не долго, и ее приходится поддерживать. Вотъ объ этомъ всякой женщинѣ слѣдуетъ подумать заблаговременно. Женщина всегда останется женщиной, что бы тамъ ни говорили... Будь ты умна, какъ всѣ семь греческихъ мудрецовъ, но ни одинъ мужчина не посмотритъ на тебя, какъ на женщину, если ты не будешь красива. Замѣть, что даже самой красивой дѣвушкѣ не всегда будетъ семнадцать лѣтъ... Время—нашъ самый страшный врагъ, и мы всегда должны это помнить, ma petite.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Аѳанасьи съ кофе. За ней вошелъ въ комнату высокій господинъ въ круглыхъ очкахъ. Онъ осмотрѣлся въ комнатѣ и нерѣшительно проговорилъ:

— Раиса Павловна, вы слышали новость?

— Какую?

— Евгеній Константиновичъ ѣдетъ къ намъ...

— Неужели?

— Да, да... Всѣ говорятъ объ этомъ. Получено какое-то письмо. Я нарочно зашелъ къ тебѣ узнать, что это такое?..

— Можешь успокоиться: Лаптевъ дѣйствительно ѣдетъ сюда. Я сегодня получила письмо объ этомъ.

— Здравствуйте, Платонъ Васильичъ...—заговорила Луша.

— Ахъ, да... Виноватъ, я совсѣмъ не замѣтилъ тебя,—разсѣянно проговорилъ Платонъ Васильичъ.—Я что-то хуже и хуже вижу съ каждымъ днемъ... А ты выросла. Да... Совсѣмъ ужъ взрослая барышня, невѣста. А что папа? Я его что-то давно не вижу у насъ?

— Виталій Кузьмичъ сердится на тебя,—отвѣтила Раиса Павловна.

Платонъ Васильичъ постоялъ нѣсколько минутъ на своемъ мѣстѣ, разсѣяннымъ движеніемъ погладилъ свою лысину и вопросительно повернулъ сильно выгнутыя стекла своихъ очковъ въ сторону жены. На его широкомъ, добродушномъ лицѣ съ окладистой сѣдой бородой промелькнула неопредѣленная улыбка. Эта улыбка разсердила Раису Павловну.

„Этотъ идіотъ невыносимъ“,—со щемящей злобой подумала она, нервно бросая въ уголъ какой-то подвернувшійся подъ руку несчастный футляръ. Ее теперь бѣсила и сѣрая лѣтняя пара мужа, и его блестѣвшія очки, и нерѣшительныя движенія, и эта широкая лысина, придававшая ему видъ новорожденнаго.

— Ну?—сердито бросила она свой обычный вопросъ.

— Я—ничего... Я сейчасъ иду въ заводъ,—заговорилъ Платонъ Васильичъ, ретируясь къ двери.

— Ну, и отправляйся въ свой заводъ, а мы здѣсь будемъ одѣваться. Кофе я пришлю къ тебѣ въ кабинетъ.

Когда Платонъ Васильичъ удалился, Раиса Павловна тяжело вздохнула, точно съ ея жирныхъ плечъ скатилось тяжелое бремя. Луша не замѣтила хорошенько этой семейной сцены и сидѣла попрежнему передъ зеркаломъ, вокругъ котораго въ самомъ художественномъ безпорядкѣ валялись броши, браслеты, кольца, серьги и колье. Живой огонь брильянтовъ, цвѣтныя искры рубиновъ и сапфировъ, радужный, жирный блескъ жемчуга, молочная теплота

большого опала—все это притягивало теперь ея взглядъ съ магической силой, и она продолжала смотрѣть на разбросанныя сокровища, какъ очарованная. Воображеніе рисовало ей, что эти брильянты искрятся у ней на шеѣ и разливаютъ по всему тѣлу пріятную теплоту, а на груди влажнымъ огнемъ горитъ восточный рубинъ. Въ карихъ глазахъ Луши вспыхнулъ жадный огонекъ, заставившій Раису Павловну улыбнуться. Кажется, еще одно мгновеніе, и Луша, какъ сорока, инстинктивно схватила бы первую блестѣвшую бездѣлушку. Дѣвушка очнулась только тогда, когда Раиса Павловна поцѣловала ее въ зарумянившуюся щечку.

— А?.. что̀?..—бормотала она, точно просыпаясь отъ своего забытья.

— Ничего... Я залюбовалась тобой. Хочешь, я подарю тебѣ эту коралловую нитку?

Дѣйствительность отрезвила Лушу. Инстинктивнымъ движеніемъ она сорвала съ шеи чужіе кораллы и торопливо бросила ихъ на зеркало. Молодое лицо было залито краской стыда и досады: она не имѣла ничего, но милостыни не принимала еще ни отъ кого. Да и что̀ могла значить какая-нибудь коралловая нитка? Это душевное движеніе понравилось Раисѣ Павловнѣ, и она съ забившимся сердцемъ подумала:

„Нѣтъ, положительно, эта дѣвчонка пойдетъ далеко... Настоящій тигренокъ!“

IV.

Извѣстіе о пріѣздѣ Лаптева молніей облетѣло не только Кукарскій, но и всѣ остальные заводы.

Интересно было прослѣдить, какъ распространилось это извѣстіе по всему заводскому округу. Родіонъ Антонычъ не сказалъ никому о содержаніи своего разговора съ Раисой Павловной, но въ заводоуправленіи видѣли, какъ его долгушка не въ урочный часъ прокатилась къ господскому дому. Это—разъ. Когда служащіе навели необходимыя справки, оказалось, что за Родіономъ Антонычемъ разсылка изъ господскаго дома бѣгала цѣлыхъ три раза. Вотъ вамъ—два. А это ужъ что-нибудь значило! Послѣ такихъ экстренныхъ совѣтовъ Раисы Павловны со своимъ секретаремъ всегда слѣдовали какія-нибудь важныя событія. Когда служащіе вкривь и вкось обсуждали все случившееся, въ заводскую библіотеку, которая помѣщалась въ зданіи заводоуправленія, прибѣжалъ Прозоровъ и торопливо сообщилъ, что на заводы ѣдетъ Лаптевъ. Онъ самъ не слыхалъ объ этомъ, но дошелъ до такого заключенія путемъ чисто-логическихъ выкладокъ и, какъ мы видимъ, не ошибся. Въ библіотекѣ въ это время сидѣли молодой заводскій докторъ Кормилицынъ и старикъ Майзель, второй заводскій управитель.

— Что̀ же тутъ особеннаго: ѣдетъ такъ ѣдетъ!—жидкимъ тенорикомъ замѣтилъ докторъ, поправляя свою нечесаную гриву.

— А па-извольте узнать, Виталій Кузьмичъ, отъ кого вы это узнали?—спрашивалъ Майзель, отчеканивая каждое слово.

— Все будешь знать—скоро состаришься,—уклончиво отвѣтилъ Прозоровъ, ероша свои сѣдые кудри.—Сказалъ, что ѣдетъ, и будетъ съ васъ.

Майзель презрительно сжалъ свои губы и подозрительно чмокнулъ угломъ рта. Его гладко остриженная голова, съ закрученными сѣдыми усами, и военная выправка выдавали стараго военнаго, который постоянно выпячивалъ грудь и молодцовато встряхивалъ плечами. Красный короткій затылокъ и точно обрубленное лицо, съ тупымъ и нахальнымъ взглядомъ, выдавали въ Майзелѣ кровнаго „русскаго нѣмца“, которыми кишмя кишитъ наше любезное отече-

ство. Въ манерѣ Майзеля держать себя съ другими, особенно въ рѣзкой чеканкѣ словъ, такъ и рѣзалъ глазъ старый фронтовикъ, который привыкъ къ слѣпому подчиненію живой человѣческой массы, какъ самъ умѣлъ сгибаться въ кольцо передъ сильными міра сего. Къ этому остается добавить только то, что Майзель никакъ не могъ забыть тѣхъ жирныхъ генеральскихъ эполетъ, которыя уже готовы были повиснуть на его широкихъ плечахъ, но по одной маленькой случайности не только не повисли, но заставили Майзеля выйти въ отставку и поступить на частную службу. Рядомъ съ Майзелемъ, вылощеннымъ и вычищеннымъ, какъ на смотръ, докторъ Кормилицынъ представлялъ своей длинной, нескладной и тощей фигурой жалкую противоположность. Въ немъ какъ-то все было не къ мѣсту, точно платье съ чужого плеча: тонкія ноги съ широчайшими ступнями, длинныя руки съ узкой, безсильной костью, впалая чахоточная грудь, расшатанная походка, зеленовато-сѣрое лицо съ длиннымъ носомъ и узкими карими глазами, наконецъ вялыя движенія, гдѣ все выходило угломъ. Прозоровъ бойко и насмѣшливо посмотрѣлъ на своихъ слушателей и проговорилъ, обращаясь къ Майзелю:

— Итакъ, драгоцѣннѣйшій Николай Карлычъ, дни наши сочтены, и воздастся коемуждо по дѣломъ его...

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?

— Ха-ха... Ничего, ничего! Я пошутилъ...

— И очень глупо!..

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ: съ Лаптевымъ ѣдетъ генералъ Блиновъ, и намъ всѣмъ достанется на орѣхи.

Послѣдняя фраза цѣликомъ долетѣла до ушей входившаго въ библіотеку бухгалтера изъ Заозернаго завода. Сгорбленный, лысый старичокъ тускло посмотрѣлъ на бесѣдовавшихъ, неловко поклонился имъ и забился въ самый дальній уголъ, гдѣ изъ-за раскрытой газеты торчало его любопытное старческое ухо, ловившее интересный бѣглый разговоръ.

Этого было достаточно, чтобы чрезъ полчаса всѣ заводскіе служащіе узнали интересную новость. Майзель торопливо уѣхалъ домой, чтобы изъ первыхъ рукъ сообщить все слышанное своей Амаліи Карловнѣ, у которой—скажемъ въ скобкахъ—онъ несъ очень тяжелую фронтовую службу. Тѣмъ, кто не былъ въ этотъ день на службѣ, интересное извѣстіе обязательно развезъ докторъ Кормилицынъ, причемъ своими безсвязными отвѣтами любопытную половину человѣческаго рода привелъ въ полное отчаяніе. Черезъ два часа новинка уже катилась по дорогѣ въ Заозерный заводъ и по пути была передана ѣхавшему навстрѣчу кассиру изъ Куржака и мельковскому заводскому надзирателю. Словомъ, полученное утромъ Раисой Павловной извѣстіе начало циркулировать по всѣмъ заводамъ съ изумительной быстротой, поднимая на всѣхъ ступенькахъ заводской іерархіи страшнѣйшій переполохъ. Какъ это часто случается, послѣднимъ узналъ эту интересную новость главный управляющій Кукарскихъ заводовъ, Платонъ Васильичъ Горемыкинъ. Онъ съ механикомъ дожидался отливки катальныхъ валовъ, когда старикъ-дозорный, снявъ шапку, почтительно освѣдомился, не будетъ ли какихъ особенныхъ приказаній по случаю пріѣзда Лаптева.

— Что-нибудь да не такъ,—усомнился Горемыкинъ.

— Нѣтъ, они ѣдутъ-съ... — настаивалъ дозорный. — Вся фабрика въ голосъ говоритъ.

— Вы развѣ ничего не слыхали, Платонъ Васильичъ?—съ удивленіемъ спрашивалъ механикъ.

— Нѣтъ.

— Странно... Всѣ рѣшительно говорятъ о пріѣздѣ Евгенія Константиновича на заводы.

— Гм... Нужно будетъ спросить у Раисы Павловны,—рѣшилъ Горемыкинъ.—Она знаетъ, вѣроятно.

Главный виновникъ поднявшагося переполоха, Прозоровъ, былъ очень доволенъ той ролью, которая ему выпала въ этомъ дѣлѣ. Пущеннымъ наудачу слухомъ онъ удовлетворялъ свое собственное озлобленное чувство противъ человѣческой глупости: пусть-де ихъ побѣснуются и поломаютъ свои пустыя головы. Съ другой стороны, этому философу доставляло громадное наслажденіе наблюдать базаръ житейской суеты въ его самыхъ живыхъ движеніяхъ, когда наверхъ всплывали самые горячіе интересы и злобы. Подавленная тревога Майзеля, дѣтское равнодушіе доктора, суета мелкой служительской сошки—все это доставляло богатый запасъ пищи для озлобленнаго ума Прозорова и служило матеріаломъ для его ядовитыхъ сарказмовъ. Побродивъ по заводоуправленію, гдѣ въ четырехъ отдѣленіяхъ работало до сотни служащихъ, Прозоровъ отправился къ предсѣдателю земской управы, Тетюеву, который, по случаю лѣтнихъ вакацій, жилъ въ Кукарскомъ заводѣ, гдѣ у него былъ свой домъ.

— Слышали новость, Авдѣй Никитичъ?—крикливо спрашивалъ Прозоровъ еще изъ передней небольшого вертляваго господина въ синихъ очкахъ, который ждалъ его въ дверяхъ гостиной.

— Да, слышалъ... Только это насъ не касается, Виталій Кузьмичъ,—отвѣчалъ предсѣдатель, протягивая свою короткую руку.—Для земства это совершенно безразлично.

— Ой-ли?

— Конечно, безразлично... Хотя бы три дня шелъ дождь Лаптевыми, скажу словами Лютера, до земства это не касается... Земство должно держать высоко знамя своей независимости, оно стоитъ выше всего этого.

Прозоровъ засмѣялся.

— Вы чему смѣетесь?

— Да такъ... Скажу вамъ на ушко, что всю эту штуку я придумалъ—и только! Ха-ха!.. Пусть ихъ поворочаютъ мозгами...

— Въ такомъ случаѣ, я могу васъ увѣрить, что Лаптевъ дѣйствительно ѣдетъ сюда. Я это знаю изъ самыхъ наидостовѣрнѣйшихъ источниковъ...

— Вотъ тѣ и разъ! Значитъ, иногда можно соврать истинную правду.

— Вы, конечно, знаете, какую борьбу ведетъ земство съ заводоуправленіемъ вотъ уже который годъ,—торопливо заговорилъ Тетюевъ.—Пріѣздъ Лаптева въ этомъ случаѣ имѣетъ для насъ только то значеніе, что мы окончательно выяснимъ наши взаимныя отношенія. Чтобы нанести противнику окончательное пораженіе, прежде всего необходимо понять его планы. Мы такъ и сдѣлаемъ. Я поклялся сломить заводоуправленіе въ его нынѣшнемъ составѣ и добьюсь своей цѣли.

— Война алой и бѣлой розы?

— Да, около того. Я поклялся провести свою идею до конца, и не буду я, если когда-нибудь измѣню этой идеѣ.

— Врагъ силенъ, Авдѣй Никитичъ...

— Чтобы я когда-нибудь перешелъ на сторону Лаптева?.. Нѣтъ, Виталій Кузьмичъ, наплюйте мнѣ въ лицо, если замѣтите хоть тѣнь чего-нибудь подобнаго.

Плотная, приземистая фигура Тетюева, казалось, дышала той энергіей, которая слышалась въ его словахъ. Его широкое лицо съ крупными чертами

и окладистой русой бородкой носило на себѣ интеллигентный характеръ, такъ же, какъ и простой домашній костюмъ, приспособленный для кабинетной работы. Вообще, Тетюевъ представлялъ собой интересный типъ земскаго дѣятеля, этого homo novus захолустной провинціальной жизни. Отецъ и дѣдъ Тетюева служили управителями въ Кукарскомъ заводѣ и прославились въ темныя времена крѣпостного права особенной жестокостью относительно рабочихъ: подъ ихъ желѣзной рукой стонали и гнулись въ бараній рогъ не одни рабочіе, а весь штатъ заводскихъ служащихъ, набранныхъ изъ тѣхъ же крѣпостныхъ. Авдѣй Никитичъ только чуть помнилъ это славное время процвѣтанія своей фамиліи, а самому ему уже пришлось пробивать дорогу собственнымъ лбомъ и не по заводской части. Полученное имъ университетское образованіе, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ послѣ отца, дало ему полную возможность не только фигурировать съ приличнымъ шикомъ въ качествѣ предсѣдателя ельникоской земской управы, но еще загибать углы такой крупной силѣ, какъ Кукарское заводоуправленіе. Въ послѣднемъ случаѣ одною изъ побудительныхъ причинъ, поддававшей Авдѣю Никитичу неизсякаемый приливъ энергіи, служило самое простое обстоятельство: онъ не могъ никакъ примазаться къ заводамъ, куда его неудержимо тянуло въ силу семейныхъ традицій, и теперь, въ качествѣ земскаго дѣятеля, солилъ заводоуправленію въ его настоящемъ составѣ.

— А я вотъ „Лоэнгрина“ здѣсь штудирую...—объяснялъ Тетюевъ, усаживая гостя на диванъ.—Чертовски-трудная эта вагнеровская музыка.

— Ага!

— Знаете, такія оригинальныя музыкальныя фразы попадаются, что бьешься-бьешься надъ ними...

— Ага!.. Ага, ворона!

— Да вотъ я вамъ лучше сыграю, сами увидите!

Тетюевъ подбѣжалъ къ щегольскому роялю и бойко заигралъ какую-то сцену изъ второго акта „Лоэнгрина“. Помѣстившись на диванѣ, Прозоровъ старался вслушаться въ шумные аккорды музыки будущаго; музыкальная тема была слишкомъ растянута и расплывалась въ неясныхъ деталяхъ. Старикъ предпочиталъ музыку прошедшаго, гдѣ все было ясно и просто: хоры такъ хоры, мелодія такъ мелодія, а то извольте-ка выдержать всю пьесу до конца. Игралъ Тетюевъ порядочно и страстно любилъ музыку, которой отдавалъ все свое свободное время. Въ немъ была артистическая жилка, которая теперь сближала этихъ антиподовъ. Въ сущности, Прозоровъ не понималъ Тетюева: и умный онъ былъ человѣкъ, этотъ Авдѣй Никитичъ, и образованіе приличное получилъ, и хорошія слова умѣлъ говорить, и благородной энергіей постоянно задыхался, а все-таки, если его разобрать, такъ чортъ его знаетъ, что̀ это былъ за человѣкъ... Собственно, Прозорова отталкивала та мужицкая закваска, какая порой сказывалась въ Тетюевѣ: неискренность, хитрость, неуловимое себѣ на умѣ, которое вырабатывалось подъ давленіемъ крѣпостного режима цѣлымъ рядомъ поколѣній. Прозорову хотѣлось вѣрить въ Тетюева, но эту вѣру постоянно подмывала какая-то холодная и фальшивая нотка.

Обстановка большого предсѣдательскаго дома отличалась пестрой смѣсью старой крѣпостной роскоши съ требованіями новаго времени. Почернѣвшія кресла изъ краснаго дерева съ тонкими ножками и выгнутыми спинками простояли въ этомъ домѣ цѣлыхъ полвѣка и теперь старчески-непріязненно смотрѣли на новую вѣнскую мебель, на пестрые бархатные ковры и на щегольской рояль. Старикъ Тетюевъ былъ крѣпкій человѣкъ и не допустилъ бы къ себѣ въ домъ ничего легковѣснаго: каждая вещь должна была отслужить ми-

нимумъ сто лѣтъ, чтобы добиться отставки. Но старика Тетюева не стало, и въ его домъ, вмѣстѣ съ новыми легковѣсными людьми, ворвался цѣлый потокъ разной дребедени. Звуки вагнеровской оперы дополняли картину, наполняя стѣны, выстроенныя крѣпостнымъ трудомъ, мелодіями музыки будущаго. Прозоровъ слушалъ „Лоэнгрина“ и незамѣтно позабылся, погрузившись въ воспоминанія своего тревожнаго прошлаго, гдѣ вставало столько дорогихъ сердцу лицъ и событій.

— Ну-съ, какъ вы находите?—спрашивалъ хозяинъ, поднимаясь изъ-за рояля.

— А... Что̀?

Тетюевъ немного обидѣлся. Невниманіе къ его игрѣ задѣло его за живое, какъ артиста.

— Вотъ что̀,—прибавилъ онъ.—Соловья музыкой будущаго не кормятъ... Такъ? Адмиральскій часъ на дворѣ, и пора закусить.

Отъ закуски Прозоровъ не отказался, тѣмъ болѣе, что Тетюевъ любилъ самъ хорошо закусить и выпить, съ тѣми спеціально-барскими пріемами, какіе усвоиваются на офиціальныхъ обѣдахъ и парадныхъ завтракахъ. За бутылкой рейнвейна Прозоровъ разболтался, и Тетюевъ много и долго говорилъ о процвѣтаніи ельниковскаго земства, о народномъ образованіи, а особенно о томъ, что Кукарскіе заводы въ стройномъ земскомъ концертѣ являются страшнымъ диссонансомъ, который необходимо перевести въ гармоническія комбинаціи. Развивая свою мысль, онъ доказывалъ, какъ дважды-два—четыре, что заводы должны быть обложены вчетверо больше, чѣмъ теперь, что должны быть обезпечены на счетъ заводовладѣльца всѣ искалѣченные на заводской работѣ, изработавшіеся и сироты, что онъ притянетъ заводовладѣльца по поводу профессіональнаго образованія и т. д. Прозоровъ, слушая все это внимательно, пилъ и не возражалъ, улыбаясь блаженной улыбкой довольнаго пьяницы. Въ заключеніе Тетюевъ не безъ ловкости принялся разспрашивать Прозорова о генералѣ Блиновѣ, причемъ Прозоровъ не заставилъ просить себя лишній разъ и охотно повторилъ то же самое, что̀ утромъ ужъ разсказывалъ Раисѣ Павловнѣ.

— Такъ, такъ...—мягкимъ груднымъ баритономъ поддакивалъ Тетюевъ, разсматривая охмелѣвшаго Прозорова черезъ очки.—А я, знаете, нѣсколько иначе думалъ объ этомъ генералѣ Блиновѣ...

— Да что̀ вамъ дался этотъ генералъ Блиновъ?—закончилъ Прозоровъ уже пьянымъ языкомъ.—Блиновъ... хе-хе!.. это великій человѣкъ на малыя дѣла... Да!.. Это... Да ну, чортъ съ нимъ совсѣмъ! А все-таки какое странное совпаденіе обстоятельствъ: и женщина въ голубыхъ одеждахъ приходила утру глубоку... Да!.. Чор-ртъ побери... Знаетъ кошка, чье мясо съѣла. А мнѣ плевать.

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ,—

декламировалъ старикъ, склоняясь на подушку дивана.

— Отдохните здѣсь, Виталій Кузьмичъ.

— И то добре... „Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ“... Недурно сказано... Чисто-восточная форма сравненія, а въ этомъ анаѳемскомъ „сіяютъ“—настоящая музыка! Хе-хе!.. Когда-то и у царицы Раисы сіяли звѣзды, а теперь фюить...

И погибнетъ священная Троя
И градъ копьеносца Пріама священный...

V.

Отдыхать у Тетюева Прозоровъ однако не остался, а побрелъ домой „подъ свою смоковницу“, какъ онъ объяснилъ своимъ заплетавшимся языкомъ.

— Блиновъ ѣдетъ... Великій человѣкъ ѣдетъ!.. Ха-ха...—думалъ вслухъ Прозоровъ, нетвердой походкой приближаясь къ своему жилищу.—Свѣтило науки, финансистъ... Х-ха!.. Лукреція?

— Опять нализался?..—сердито встрѣтила отца Луша, помогая ему добраться до своего кабинета.

— М-мы завтракали, Лукреція... Авдѣй Никитичъ хорошій челаэкъ... Онъ... онъ задастъ перцеазра съ горошкомъ царицѣ Раисѣ. Х-ха... А Майзель дуракъ... солдафонъ!

Пошатываясь на мѣстѣ, Прозоровъ изобразилъ дочери надутую фигуру русскаго нѣмца. Въ слѣдующій моментъ онъ представилъ вытянутую и сутуловатую „натуру“ доктора и засмѣялся своимъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— А что̀, Лукреція, Яшка Кормилицынъ все еще ухаживаетъ за тобой? Ахъ, бісовъ сынъ! Ну, да ничего, дѣло житейское, а онъ парень хорошій—какъ разъ подъ дамское сѣдло годится. А все-таки врагъ горами качаетъ:

Мой совѣтъ: до̆о-обрученья
Две-ерь не отворя-ай!
Две-ерь не от-воо-ря-аай...

хрипло пропѣлъ Прозоровъ арію Мефистофеля.

— Ты слышалъ, папа, что сюда ѣдетъ Лаптевъ?—перебила Луша пьяную болтовню старика.

— Слышалъ... Его тащитъ сюда на буксирѣ генералъ Блиновъ... Царица Раиса нарочно прибѣгала ко мнѣ утромъ вывѣдать кое-что о Блиновѣ. Ужъ я ей вралъ-вралъ... Потомъ Тетюевъ тоже стороной выпытывалъ, и тому вралъ сторицей. Вотъ, Лукреція, поучайся житейской философіи: когда-то Блиновъ... Ну, да что̀ объ этомъ говорить: плевать!.. Наше время другое было: идеалисты были, эстетики... На хорошихъ словахъ помѣшались... Вамъ это даже слушать скучно, а мы обливались кровью надъ разными красивыми благоглупостями. Посвящали себя служенію истинѣ, добру и красотѣ, а вмѣсто того вышло—распивочно и на выносъ... Ха-а!.. Лукреція:

На щечкахъ, какъ жаркое лѣто,
Румянецъ, пылая, горитъ...
А сердце морозомъ одѣто,
И зимній тамъ холодъ стоитъ.

— Будетъ, папа, ложись и выспись спачала. Твои стихи давно и всѣмъ надоѣли...

— Нѣтъ, постой, это Гейне стихи. Шалишь... Ты слушай...

Вѣрь, милая! Время настанетъ,
Время придетъ,
И солнце въ сердечко заглянетъ,
И щечки морозомъ зальетъ!..

— Гейне... О! это была такая шельма, Лукреція... это... это... ну, въ ваше архиреальное время никто не напишетъ такихъ стиховъ!—болталъ старикъ, обращаясь въ пространство.

Дѣвушка прошла въ свою комнату, которая выходила въ садъ, сѣла къ окну и заплакала. Болтовня пьянаго отца переполнила чашу. Разговоры Раисы Павловны привели Лушу въ самое возбужденное состояніе, и она ушла изъ господскаго дома въ какомъ-то туманѣ, унося въ душѣ жгучую жажду иной жизни, о какой могла только мечтать. Дѣйствительность слишкомъ мало отвѣчала этимъ мечтамъ; напротивъ, она шла въ разрѣзъ съ тѣми идеальными постройками, какія сложились въ головѣ семнадцатилѣтней дѣвушки. Жажда богатства, наслажденій, веселья—вотъ что̀ теперь сладко кружило голову Луши, а тутъ полугнилой флигель, нищенская обстановка, позорная бѣдность въ каждомъ углу, полусумасшедшій пьяница-отецъ и какой-то идіотъ-поклонникъ, въ лицѣ доктора Кормилицына. Тутъ было отъ чего заплакать... Луша теперь ненавидѣла даже воздухъ, которымъ дышала: онъ, казалось ей, тоже былъ насыщенъ той бѣдностью, какая обошла флигелекъ Прозорова со всѣхъ сторонъ, пряталась въ каждой складкѣ болѣе чѣмъ скромныхъ платьевъ Луши, вмѣстѣ съ пылью покрывала полинялые цвѣты ея лѣтней соломенной шляпы, выглядывала въ отверстія проносившихся прюнелевыхъ ботинокъ и сквозила въ каждую щель, въ каждое отверстіе.

Стоило ли жить такъ, какъ она жила?—думала дѣвушка. Это какое-то прозябаніе, хуже—медленное разложеніе, какъ гніетъ гдѣ-нибудь въ сыромъ углу плѣсень. И въ то же время Раиса Павловна наслаждается всѣми благами жизни, царствуетъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Кораллы, которые Раиса Павловна утромъ предлагала Лушѣ, еще разъ подняли въ ней всю желчь; молодая гордость заколотила у нея въ душѣ. Развѣ она нищая, чтобы принимать подарки отъ Раисы Павловны? Развѣ ей нужны эти бездѣлушки? Нѣтъ, она задыхалась подъ наплывомъ не такихъ желаній: ужъ если роскошь—такъ настоящая роскошь, а не эти лохмотья роскоши, которые хуже ея бѣдноты. Въ Лушѣ теперь съ страшной силой заговорилъ тотъ разлагающій элементъ, который шагъ за шагомъ незамѣтно привила къ ней Раиса Павловна.

„А тутъ еще Яшка Кормилицынъ... — со злостью думала дѣвушка, начиная торопливо ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ.—Вотъ это было бы мило: madame Кормилицына, Гликерія Виталіевна Кормилицына... Прелестно! Мужъ, который не умѣетъ ни встать ни сѣсть... Нужно быть идіоткой, чтобы слушать этого долговолосаго дурня...“

Подойдя къ зеркалу, Луша невольно разсмѣялась своей патетической репликѣ. На нее изъ зеркала съ сдвинутыми бровями гнѣвно смотрѣло такое красивое свѣжее лицо, отъ недавнихъ слезъ сдѣлавшееся еще краше, какъ трава послѣ весенняго дождя. Луша улыбнулась себѣ въ зеркало и капризно топнула ногой въ дырявой ботинкѣ: такая рѣдкая типичная красота требовала слишкомъ изящной и дорогой оправы.

Чтобы понять странныя мысли Луши, мы должны обратиться къ самому Прозорову.

Это былъ замѣчательный человѣкъ въ томъ отношеніи, что принадлежалъ къ совершенно особенному типу, который, вѣроятно, встрѣчается только на Руси: Прозорова заѣло красное словцо... Съ блестящими способностями, со счастливой наружностью въ молодые годы, съ университетскимъ образованіемъ, онъ кончилъ тѣмъ, что доживалъ свои дни въ страшной глуши, на копеечномъ жалованьи. Изъ богатой, но разорившейся помѣщичьей семьи по происхожденію, Прозоровъ унаслѣдовалъ привычки и замашки широкой русской натуры. Еще ребенкомъ онъ поражалъ учителей своимъ свѣтлымъ, бойкимъ умомъ; въ университетѣ около него группировался цѣлый кружокъ молодежи; первые житейскіе дебюты обѣщали ему блестящую будущность.

„Прозоровъ далеко пойдетъ“—было общимъ мнѣніемъ учителей и товарищей. Вниманіе женщинъ сопровождало каждый шагъ молодого счастливца, который былъ такъ уменъ, находчивъ, остеръ и съ такимъ рѣдкимъ талантомъ читалъ лучшихъ поэтовъ. Прозоровъ готовился къ университетской каѳедрѣ, гдѣ ему пророчили судьбу второго Грановскаго. Только одинъ старичокъ-профессоръ, къ которому молодой магистрантъ иногда обращался за разными совѣтами по поводу своей магистерской диссертаціи, въ минуту откровенности прямо высказалъ Прозорову: „Эхъ, Виталій Кузьмичъ, Виталій Кузьмичъ... Хорошій вы человѣкъ, и мнѣ васъ жаль!“—„Что̀ такъ?“—„Да такъ... Ничего изъ васъ не выйдетъ, Виталій Кузьмичъ“. Этотъ профессоръ принадлежалъ къ университетскимъ замухрыжкамъ, которые всю жизнь тянутъ самую неблагодарную лямку: работаютъ за десятерыхъ, не пользуются благами жизни и кончаютъ тѣмъ, что оставляютъ послѣ себя нѣсколько томовъ изслѣдованія о какомъ-нибудь греческомъ придыханіи и голодную семью. Товарищи-профессора относятся къ такимъ замухрыжкамъ съ сдержаннымъ чувствомъ ученаго презрѣнія, студенты свысока—и вдругъ именно такой замухрыжка дѣлаетъ Виталію Прозорову, будущему Грановскому, такое обидное предсказаніе. Въ первый моментъ вся кровь бросилась въ голову Прозорову, но онъ сдержалъ себя и съ принужденной улыбкой спросилъ: „На какомъ же основаніи вы заживо меня хороните, N. N.?“—„Да какъ вамъ сказать... Однимъ словомъ, вы принадлежите къ людямъ, про которыхъ говорятъ, что въ нихъ бочка меду да ложка дегтя“.

Вся дальнѣйшая карьера Прозорова служила точно оправданіемъ этого глупаго пророчества. Началось съ того, что Прозоровъ для перваго раза „разошелся“ съ университетскимъ начальствомъ изъ-за самаго ничтожнаго повода: онъ за-глаза сострилъ надъ профессоромъ, подъ руководствомъ котораго работалъ. Профессоръ смолчалъ, но вступились товарищи и провалили магистерскую диссертацію будущаго Грановскаго по всѣмъ правиламъ искусства. Отъ такой неожиданности Прозоровъ сначала опѣшилъ, а потомъ рѣшился итти напроломъ, т.-е. взять магистра съ собою, по рецепту Тамерлана, который учился своимъ военнымъ успѣхамъ у „мравія“, сорокъ разъ втаскивавшаго зерно въ гору и сорокъ разъ свалившагося съ нимъ, но все-таки втащившаго его въ сорокъ первый. Но, какъ на грѣхъ, въ это время ему подвернулась одна дѣвушка изъ хорошаго семейства, которая отнеслась съ большимъ сочувствіемъ къ его ученому горю. Въ отношеніяхъ съ женщинами Прозоровъ держалъ себя очень свободно, а тутъ его точно врагъ попуталъ: въ одно прекрасное утро онъ женился на сочувствовавшей ему дѣвушкѣ, точно для того только, чтобы черезъ нѣсколько дней сдѣлать очень непріятное открытіе, именно, что онъ сдѣлалъ величайшую и безповоротную глупость... Онъ даже не любилъ своей жены, какъ припомнилъ послѣ, а просто женился на ней отъ неожиданнаго огорченія.

Къ счастію Прозорова, жена ему попалась умная и съ твердымъ характеромъ. Она очень много поддерживала мужа, но все-таки не могла его дотянуть до профессорской каѳедры. Какъ всѣ безхарактерные люди, Прозоровъ во всѣхъ своихъ неудачахъ сталъ обвинять жену, которая мѣшала ему работать и постепенно низвела его съ его ученой высоты до собственнаго средняго уровня. Въ теченіе десяти лѣтъ Прозорову привелось перемѣнить больше десятка служебныхъ мѣстъ. Сначала онъ обыкновенно легко освоивался со своимъ новымъ положеніемъ и новыми товарищами, а потомъ неожиданно возникало какое-нибудь препятствіе, и Прозоровъ, въ счастливомъ случаѣ, когда его не выгоняли со службы, самъ убирался по-добру по-здорову. Такимъ

образомъ Прозоровъ успѣлъ послужить учителемъ въ трехъ мужскихъ гимназіяхъ и въ двухъ женскихъ, потомъ былъ чиновникомъ министерства финансовъ, изъ министерства финансовъ попалъ въ одинъ изъ женскихъ институтовъ и т. д. И вездѣ Прозоровъ былъ прежде всего самъ виноватъ, т.-е. непремѣнно что-нибудь сболтнетъ лишнее, посмѣется надъ начальствомъ, устроитъ каверзу. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ, что служить на коронной службѣ не стóитъ, и, не долго думая, перешелъ на частную. Тутъ ужъ ему пришлось совсѣмъ плохо, тѣмъ болѣе, что никакой подходящей профессіи онъ не могъ себѣ подыскать и безтолково толкался между крупными промышленниками. Въ это тяжелое время онъ получилъ свою дурную привычку утѣшаться въ холостой компаніи, гдѣ сначала пили шампанское, а потомъ спускались до сивухи.

Жена Прозорова скоро разглядѣла своего мужа и мирилась со своей мудреной долей только ради дѣтей. Мужа она уважала, какъ пассивно-честнаго человѣка, но въ его умѣ разочаровалась окончательно. Такъ они жили годъ за годомъ со скрытымъ недовольствомъ другъ противъ друга, связанные привычкой и дѣтьми. Вѣроятно, они такъ дотянули бы до естественной развязки, какая необходимо наступаетъ для всякаго, но, къ несчастію ихъ обоихъ, выпалъ новый случай, который перевернулъ все вверхъ дномъ.

Въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ своего мудренаго существованія, когда Прозоровъ цѣлыхъ полгода оставался безъ всякихъ средствъ и чуть не сморилъ семью голодомъ, ему предложили урокъ въ очень фешенебельномъ аристократическомъ семействѣ, именно предложили преподавать русскую словесность скучавшей малокровной барышнѣ, типичной представительницѣ вырождавшейся аристократической семьи. Здѣсь Прозоровъ развернулся и, по обыкновенію, показалъ товаръ лицомъ: его приличныя манеры, остроты, находчивость и декламація открыли ему мѣсто своего человѣка и почти друга дома. Аристократическая обстановка богатаго барскаго дома совсѣмъ опьянила увлекающуюся натуру Прозорова, тѣмъ болѣе, что для сравненія съ ней вставало собственное полунищенское существованіе. Сдѣлавшись почти своимъ человѣкомъ въ домѣ, гдѣ онъ былъ совсѣмъ на особыхъ правахъ, Прозоровъ позабылъ, что онъ семейный человѣкъ, и не въ шутку увлекся одной барышней, которая жила у его патроновъ воспитанницей. Это и была Раиса Павловна, или, какъ ее тамъ называли, Раечка. Стихи и самая непринужденная французская болтовня настолько сблизили молодыхъ людей, что бѣлокурая Раечка первая открыла чувства, какія питала къ Прозорову, и не остановилась передъ ихъ реальнымъ осуществленіемъ даже тогда, когда узнала, что Прозоровъ не свободный человѣкъ. Умная, пылкая, съ пикантнымъ оттѣнкомъ гривуазности, она, очертя голову, отдалась Прозорову и быстро забрала его въ свои бархатныя руки. Эти интимныя отношенія, конечно, открылись; Раечку кое-какъ пристроили за инженера Горемыкина, а Прозорову пришлось вернуться къ своимъ пенатамъ

Какъ это нерѣдко случается, жена Прозорова узнала послѣдняя о разыгравшемся романѣ. Эта женщина слишкомъ много перенесла въ жизни, чтобы простить мужу ничѣмъ не заслуженное оскорбленіе, и разошлась съ нимъ. Прозоровъ и здѣсь сыгралъ самую жалкую, безхарактерную роль: валялся въ ногахъ, плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, вымаливая прощеніе, и, вѣроятно, добился бы обиднаго для всякаго другого мужчины снисхожденія, если бы Раиса Павловна забыла его. Но эта женщина хорошо помнила свою первую любовь и не выпускала Прозорова изъ вида. Явившись къ Прозоровой, она сама объяснила ей все и устроила окончательный разрывъ между супругами. Раз-

ставшись съ мужемъ, жена Прозорова нѣсколько лѣтъ перебивалась въ столицѣ уроками и кончила свою незадавшуюся жизнь скоротечной чахоткой. Прозоровъ страшно горевалъ о женѣ, рвалъ на себѣ волосы и неистовствовалъ, клялся для успокоенія ея памяти исправиться, но не могъ никакъ освободиться отъ вліянія Раисы Павловны, которая не выпускала его изъ своихъ рукъ. Это были самыя странныя отношенія, какія только можно себѣ представить: Раиса Павловна ненавидѣла Прозорова и всюду тащила его за собой, заставляя опускаться все ниже и ниже. Неудачный декламаторъ очутился въ положеніи самаго тяжелаго рабства, которое онъ не въ силахъ былъ разорвать и которое онъ всюду таскалъ за собой, какъ каторжникъ таскаетъ прикованное къ ногѣ ядро. Когда Горемыкины поѣхали на Уралъ, Прозорову было приказано ѣхать туда же, гдѣ для него спеціально было создано мѣсто инспектора заводскихъ школъ. Раиса Павловна не умѣла прощать и заживо похоронила свою первую любовь въ гниломъ флигелькѣ кукарскаго господскаго дома.

У Прозорова послѣ жены осталась маленькая дочь, Луша, которая вмѣстѣ съ отцомъ переживала всѣ невзгоды его цыганскаго существованія. Это былъ воспріимчивый, впечатлительный ребенокъ, къ своему несчастью унаслѣдовавшій отъ отца его счастливую наружность и извѣстную дозу того дегтя, какимъ былъ испорченъ отцовскій медъ. Прозоровъ, несмотря на всѣ свои недостатки, отлично понималъ сложный характеръ подраставшей дѣвочки и рѣшился переломить природу воспитаніемъ. Свою педагогическую дѣятельность онъ началъ съ того, что переодѣлъ дѣвочку мальчикомъ, точно въ женскомъ костюмѣ таились всѣ напасти и злобы, какими была отравлена жизнь Прозорова. Затѣмъ, съ четырехъ лѣтъ онъ принялся продѣлывать на Лушѣ всѣ входившія въ моду педагогическія новинки: читать Луша училась по звуковому методу, играла по Фребелю, развивала свои умственныя и нравственныя силы по Песталоцци и т. д. Недостатокъ прозоровскаго воспитанія заключался въ томъ, что онъ не могъ выдержать характера въ своихъ занятіяхъ: то надсаживался и лѣзъ изъ кожи, то забывалъ о дочери на цѣлый мѣсяцъ. Дѣвочка, пока была маленькой, мирилась со своимъ мужскимъ костюмомъ, но съ Фребелемъ и Песталоцци повела самую упорную, партизанскую войну, какую умѣютъ вести только дѣти. А когда она подросла, Прозоровъ, къ своему ужасу, убѣдился въ той печальной истинѣ, что его Лукреція увлекалась бантиками и ленточками гораздо больше тѣхъ дѣвочекъ, которыя всегда ходили въ женскихъ платьяхъ.

Интересно прослѣдить взаимныя отношенія между Лушей и Раисой Павловной. Въ первый моментъ, когда Раиса Павловна увидала маленькую дѣвочку-сиротку, она почувствовала къ ней почти органическую ненависть. Ребенокъ искалъ матери и съ дѣтской наивностью нѣсколько разъ ласкался къ единственной женщинѣ, которая напоминала ему мать. Но Раиса Павловна грубо и почти цинически отталкивала отъ себя эти довѣрчиво тянувшіяся къ ней дѣтскія руки; она ненавидѣла эту дѣвочку, которая для нея являлась всегда живымъ укоромъ. Луша, какъ многія другія заброшенныя дѣти, росла и развивалась наперекоръ всякимъ невзгодамъ своего дѣтскаго существованія и къ десяти годамъ совсѣмъ выровнялась, превратившись въ красиваго и цвѣтущаго ребенка. Самая красота подраставшей Луши бѣсила Раису Павловну, и она съ удовольствіемъ по цѣлымъ часамъ дразнила и мучила беззащитную дѣвочку, которая слишкомъ рано для своего возраста привыкла скрывать всѣ свои душевныя движенія.

— Какая ты, Лукерка, упрямая,—удивлялась иногда Раиса Павловна.— Настоящая дикарка!

Дѣвочка отмалчивалась въ счастливомъ случаѣ или убѣгала отъ своей мучительницы со слезами на глазахъ. Именно эти слезы и нужны были Раисѣ Павловнѣ: онѣ точно успокоивали въ ней того бѣса, который мучилъ ее. Каждая ленточка, каждый бантикъ, каждое грязное пятно, не говоря уже о мужскомъ костюмѣ Луши,—все это доставляло Раисѣ Павловнѣ обильный матеріалъ для самыхъ тонкихъ насмѣшекъ и сарказмовъ. Прозоровъ часто бывалъ свидѣтелемъ этой травли и относился къ ней со своей обычной пассивностью.

Лушѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда въ ея жизни произошелъ крупный переворотъ: раньше она бѣжала отъ преслѣдованій Раисы Павловны, теперь должна была бѣжать отъ ея ласкъ. Это случилось какъ-то вдругъ. Разъ лѣтомъ, когда Раиса Павловна дѣлала свой обычный предобѣденный моціонъ по саду, она случайно забрела въ самый глухой конецъ сада, куда рѣдко заходила. На поворотѣ одной аллеи она услышала чей-то шопотъ и сдержанный смѣхъ. Это, конечно, ее заинтересовало, а въ слѣдующій моментъ Раиса Павловна уже подкрадывалась къ тому таинственному зеленому уголку, гдѣ ожидала вспугнуть влюбленную парочку. Дѣйствительно, разговаривали два голоса: одинъ дѣтскій, другой — женскій. Раздвинувъ осторожно послѣдній кустъ смородины, Раиса Павловна увидѣла такую картину: въ самомъ углу сада, у каменной небѣленой стѣны, прямо на землѣ сидѣла Луша въ своемъ запачканномъ ситцевомъ платьицѣ и стоптанныхъ башмакахъ; передъ ней, на разложенныхъ въ рядъ кирпичахъ, сидѣло нѣсколько скверныхъ куколъ. Дѣвочка разговаривала за всѣхъ разомъ, подавала реплики и впересыпку вставляла свои собственныя замѣчанія. Она ухитрилась даже сохранять интонацію всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. На сценѣ фигурировало четверо: папа, мама, Раиса Павловна и сама Луша.

— Я не люблю папу, потому что онъ боится Раисы Павловны,—говорила кукла-Луша.—Когда я вырасту большая, я откушу вамъ носъ, Раиса Павловна! У меня будутъ хорошія платья, много-много лентъ и такой же браслетъ, какъ у Раисы Павловны. Какая она злая... папа зоветъ ее старой крымзой... Ххи-ххи-и!.. Ну, старая крымза, сиди смирно, пока я тебѣ не откусила носъ. И коса у тебя фальшивая, и зубы фальшивые, и глаза подведены. Ахъ! какъ я тебя не люблю! А когда вырасту большая, поѣду къ мамѣ... Мама вѣдь добрая, не такая, какъ папа. Мамочка, я пріѣду къ тебѣ въ гости... Ты обрадуешься мнѣ... да?.. Не будешь смѣяться надо мной, какъ Раиса Павловна? Славная ты, моя голубушка... Мы тогда прогонимъ Раису Павловну и будемъ жить вмѣстѣ. Я выйду замужъ за офицера съ черными усами.

Вся эта дѣтская беззаботная болтовня, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалась въ одномъ магическомъ словѣ: мама... Отъ него уже лучами расходились во всѣ стороны дѣтскія грёзы, воспоминанія, радости и огорченія. Въ этомъ лепетѣ звучало столько любви, чистой и безкорыстной, какая можетъ жить только въ чистомъ дѣтскомъ сердцѣ, еще не омраченномъ ни однимъ дурнымъ желаніемъ большихъ людей. Такъ блеститъ алмазной яркой искрой капля ночной росы гдѣ-нибудь въ густой травѣ, пока не сольется съ другими такими же каплями и не попадетъ въ ближайшій мутный ручеекъ...

Раиса Павловна не помнила, сколько прошло времени, пока она слушала маленькую глупую дѣвочку. Отъ этого дѣтскаго лепета у ней точно что оборвалось и растаяло въ груди. Домой она вернулась блѣдная и взволнованная, съ красными глазами. Цѣлую ночь затѣмъ ей снился тотъ зеленый уголокъ, въ которомъ притаился цѣлый дѣтскій міръ со своей великой любовью. „Злая... вѣдьма...“—стояли у ней въ ушахъ роковыя слова, и во снѣ она чувствовала,

какъ все лицо у ней горѣло огнемъ и въ глазахъ накипали слезы. Она хотѣла обнять эту маленькую дѣвочку, но та ловко скрывалась и убѣгала. Этотъ сонъ повторился, и Раиса Павловна не могла избавиться отъ него наяву. Что-то такое новое, хорошее, еще неиспытанное проснулось у ней въ груди, не въ душѣ, а именно въ груди, гдѣ теперь вставала съ страшной силой жгучая потребность не того, что̀ зовутъ любовью, а болѣе сильное и могучее чувство... Оно подавляло ее своей необъятностью, все остальное казалось такимъ жалкимъ и ничтожнымъ. Подъ наплывомъ этихъ ощущеній Раиса Павловна сдѣлала первый шагъ къ сближенію съ Лушей и сразу получила молчаливый, но глухой отпоръ. Луша съ свѣтлымъ инстинктомъ дѣтства отстаивала неприкосновенность своего крошечнаго мірка, можетъ-быть, слишкомъ рано выкроившагося изъ пестрой смѣси самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Эта маленькая дѣвочка какимъ-то чутьемъ разгадала истинныя отношенія своего отца къ Раисѣ Павловнѣ и почувствовала въ ней неопреодолимое отвращеніе, хотя въ то же время, по странному психологическому процессу, въ присутствіи этой женщины каждый разъ испытывала какое-то болѣзненное влеченіе къ ней.

Если бы маленькая дѣвочка съ перваго раза сдалась на ласки Раисы Павловны, тогда, по всей вѣроятности, это увлеченіе такъ же скоро прошло бы, какъ оно родилось. Но упорство Луши и ея недовѣрчивость только сильнѣе разжигали Раису Павловну: она, передъ которой ползали и заискивали сотни людей, она безсильна передъ какой-нибудь дѣвчонкой... Самолюбивая до крайности, она готова была возненавидѣть свою фаворитку, если бы это было въ ея волѣ: Раиса Павловна, не обманывая себя, со страхомъ видѣла, какъ она въ Лушѣ жаждетъ долюбить то, что̀ потеряла когда-то въ ея отцѣ, какъ переживаетъ съ ней свою вторую весну. Это чувство являлось результатомъ очень сложной душевной комбинаціи, составныя нити которой проходили черезъ цѣлую жизнь.

Вотъ молодость Раисы Павловны, молодость въ чужомъ богатомъ домѣ, гдѣ она испытала всѣ прелести существованія изъ милости. А между тѣмъ она была молода, хороша собой, умна, энергична. Случай съ Прозоровымъ выкинулъ ее прямо на улицу, если бы не подвернулся Горемыкинъ, за котораго она вышла замужъ. Мужа она никогда не любила, а смотрѣла на него только какъ на мужа, т.-е. какъ на печальную необходимость, безъ которой, къ сожалѣнію, обойтись было нельзя. Платонъ Васильичъ былъ честный и хорошій человѣкъ, но онъ слишкомъ былъ занятъ своей спеціальностью, которой посвящалъ почти все свое свободное время. По всей вѣроятности, ему, какъ многимъ другимъ труженикамъ, никогда не привелось бы играть никакой выдающейся роли. Такихъ „чернодѣловъ“ много во всякихъ спеціальностяхъ. Но Раиса Павловна не могла помириться съ такой скромной долей и собственными силами потащила мужа въ гору. Это была трудная работа, сопровождавшаяся неудачами и разочарованіями на каждомъ шагу. Стараясь при помощи разныхъ протекцій и спеціально-женскихъ интригъ составить карьеру мужу, Раиса Павловна случайно познакомилась съ Прейномъ, который сразу увлекся бѣлокурой красавицей, обладавшей тѣмъ счастливымъ „колоритнымъ темпераментомъ“, какой такъ цѣнится всѣми пресыщенными людьми. О любви тутъ, конечно, не могло быть рѣчи, но Раиса Павловна была молода, полна силъ и переживала опасный душевный моментъ, когда настоящее было неизвѣстно, а будущее темно. Что̀ происходило и произошло ли что-нибудь серьезное между ними—сказать трудно, но это знакомство совпало какъ разъ съ эмансипаціей, и Горемыкинъ получилъ мѣсто главнаго управляющаго Ку-

карскихъ заводовъ. Много прошло времени съ тѣхъ поръ. Раиса Павловна успѣла утратить одно за другимъ всѣ свои женскія достоинства, оставшись при одномъ колоритномъ темпераментѣ и безпокойномъ, озлобленномъ умѣ, который вѣчно чего-то искалъ и не находилъ удовлетворенія. Полнота окончательно погубила и то послѣднее, что сохраняется красивыми женщинами отъ счастливой молодой поры. Но Прейнъ, несмотря на самыя очевидныя доказательства этихъ геологическихъ переворотовъ, продолжалъ сохранять прежнія дружескія отношенія къ Раисѣ Павловнѣ, хотя успѣлъ за этотъ длинный періодъ времени подарить своими симпатіями десятки другихъ красивыхъ женщинъ.

— Всѣ эти мужчины, всѣ до одного, подлецы!—таковъ былъ общій знаменатель, къ которому пришла Раиса Павловна.

Въ Лушѣ, такимъ образомъ, для Раисы Павловны сосредоточивались и подавленная жажда неудовлетвореннаго чувства, и чисто-материнскія отношенія, какихъ она совсѣмъ не испытала, потому что не имѣла дѣтей. Когда прямая атака не удалась, Раиса Павловна пошла къ своей цѣли обходнымъ движеніемъ: она принялась исподволь воспитывать эту дѣвочку, платившую ей самой черной неблагодарностью за всѣ хлопоты. Капля за каплей она прививала дѣвочкѣ свой мизантропическій взглядъ на жизнь и людей, стараясь этимъ путемъ застраховать ее отъ всякихъ опасностей; въ каждомъ дѣлѣ она старалась показать прежде всего его черную сторону, а въ людяхъ—ихъ недостатки и пороки. Такая политика, конечно, принесла самые быстрые плоды: Луша безсознательно копировала во всемъ свою воспитательницу и удивляла отца своими рѣзкими выходками и недѣвичьей проницательностью. Только въ одномъ ученица и воспитательница расходились діаметрально: это было непреодолимое тяготѣніе Луши къ богатству. Но и этотъ недостатокъ въ глазахъ Раисы Павловны вполнѣ выкупался тѣмъ, что дѣвушка была далека отъ сорочьей жадности обыкновенныхъ людишекъ. Ее трудно было купить тѣми блестящими бездѣлушками, за которыя продаются женщины. Сама Раиса Павловна любила не богатство, а власть.

VI.

Все время, пока Родіонъ Антонычъ возвращался въ своей зеленой телѣжкѣ изъ господскаго дома домой, онъ вздыхалъ, дѣлалъ кислыя гримасы и морщился. Онъ былъ такъ удрученъ волновавшими его мыслями, что даже не замѣчалъ попадавшихся навстрѣчу знакомыхъ служащихъ и снимавшихъ шляпы рабочихъ. Въ такомъ прескверномъ настроеніи Родіонъ Антонычъ миновалъ главную заводскую площадь, на которую выходило своимъ фасадомъ „Главное Кукарское Заводоуправленіе“, спустился подъ гору, гдѣ весело бурлила бойкая рѣка Кукарка, и затѣмъ, обогнувъ красную кирпичную стѣну заводскихъ фабрикъ, повернулъ къ пруду въ широкую зеленую улицу.

„Ужъ Прохоръ Созонычъ недаромъ помянулъ про меня въ письмѣ къ Раисѣ Павловнѣ,—съ горечью думалъ Родіонъ Антонычъ, когда телѣжка мягко подкатилась къ большому двухъэтажному каменному дому, упиравшемуся тѣнистымъ садомъ прямо въ прудъ.—Охъ, не даромъ... „Она настроена въ особенности противъ Сахарова“,—повторилъ про себя Родіонъ Антонычъ слова письма.—Вотъ не было печали, а тутъ, на, расхлебывай... И чего ей понадобилось отъ меня? Ох-хо-хо!.. Да и какая тамъ особа... Шлюха какая-нибудь примазалась къ этому генералу Блинову и теперь всѣмъ и вертитъ. Ох-хо-хо!.. Горе душамъ нашимъ...“

Старичокъ-дворникъ торопливо распахнулъ передъ зеленой телѣжкой

крѣпкія ворота, и она мирно подкатилась къ раскрашенному деревянному подъѣзду, откуда, какъ угорѣлый, выскочилъ великолѣпный бѣлый сетеръ съ желтыми подпалинами. Собака съ радостнымъ визгомъ металась около хозяина и успѣла выбить у него изо рта сигару, пока онъ грузно вылѣзалъ изъ своей телѣжки.

— Охъ, не до тебя, Зарѣзъ... отстань! — стоналъ Родіонъ Антонычъ, хозяйскимъ всевидящимъ окомъ оглядывая усыпанный желтымъ песочкомъ и чисто подметенный широкій дворъ, конюшни, гдѣ торчала лошадиная голова, и рядъ хозяйственныхъ пристроекъ.

— Архипушка, ты бы замѣсилъ жеребеночку мѣшанинки,—проговорилъ онъ, обращаясь къ дворнику.—Да телѣжку-то смазать надо, а то заднее лѣвое колесо все поскрипываетъ... Охъ, ничего вы не смотрите, погляжу я, все скажи да все укажи!.. Курочкамъ-то, курочкамъ-то задали ли корму даве, какъ я уѣхалъ?

— Обыкновенно, Родіонъ Антонычъ, все какъ слѣдуетъ, — какимъ-то убитымъ голосомъ отвѣтилъ Архипушка, жмурясь и моргая.—Курочки любятъ овесъ-отъ...

— Любятъ, любятъ... И ты вотъ тоже любишь его, Архипушка. Любишь вѣдь? Половину курочкамъ, а половину себѣ... Охъ, за всѣми за вами глазъ да глазъ нуженъ!

Архипушка только переминался на одномъ мѣстѣ и почесывалъ въ затылкѣ, пока Родіонъ Антонычъ не прикрикнулъ на него:

— Ну, чего ты статуемъ-то торчишь передо мною? Вонъ и кучеръ, глядя на тебя, тоже вытаращилъ глаза. Откладывайте лошадку да къ столбу и привяжите. Пусть выстоится!

Послѣ этого нравоученія Родіонъ Антонычъ поднялся къ себѣ наверхъ, въ кабинетъ, бережно снялъ камлотовую крылатку, повѣсилъ ее въ уголъ на гвоздикъ и посмотрѣлъ кругомъ взглядомъ человѣка, который что-то потерялъ и даже не можетъ припомнить хорошенько, что̀ именно. „Ахъ, да... ѣдетъ Лаптевъ на заводы“,—мелькнуло въ головѣ Родіона Антоновича, когда онъ принялся раскуривать потухшую сигару. Эта мысль завертѣлась опять въ его головѣ, какъ жестяное колесо въ вентиляторѣ. Собственно Лаптева Родіонъ Антонычъ нисколько не боялся и даже былъ радъ его видѣть, а вотъ эта особа, которая ѣдетъ съ генераломъ Блиновымъ... О, чтобы пусто было всѣмъ этимъ бабамъ!.. Родіонъ Антонычъ съ тоской посмотрѣлъ на расписной потолокъ своего кабинета, на расписанныя трафаретомъ стѣны, на шелковыя оконныя драпировки, на картину заводскаго пруда и облѣпившихъ его домиковъ, которая точно была нарочно вставлена въ раму окна, и у него еще тяжелѣе засосало подъ ложечкой. На стѣнѣ, у которой стояла удобная кушетка, было развѣшано нѣсколько хорошихъ охотничьихъ ружей: пара бельгійскихъ двустволокъ, шведскій штуцеръ, тульская дробовка и даже „американка“, т.-е. американскій штуцеръ Пибоди и Мартини. Этотъ арсеналъ былъ красиво гарнированъ различной охотничьей сбруей—ягдташами, патронницами, пороховницами, кожаными мѣшками съ дробью, сумками и сумочками, вообще всякой охотничьей дрянью, назначеніе которой извѣстно только записнымъ охотникамъ.

„А я еще обѣщалъ на недѣлѣ ѣхать съ Ильей Сергѣичемъ за дупелями,—думалъ Родіонъ Антонычъ, взглянувъ на свои ружья: — вотъ тебѣ и дупеля... Охъ-хо-хо!..“

По обстановкѣ кабинета трудно было опредѣлить профессію его хозяина. О его секретарской дѣятельности говорилъ только стеклянный шкапъ, плотно

набитый какими-то канцелярскими дѣлами; да нѣсколько томиковъ разныхъ законовъ, сложенныхъ на письменномъ столѣ въ пирамиду. Стеклянная старинная чернильница съ гусиными перьями—Родіонъ Антонычъ не признавалъ стальныхъ—говорила о той патріархальности, когда добрые люди всякой писаной бумаги, если только она не относилась къ чему-нибудь божественному, боялись, какъ огня, и боялись не безъ основанія, потому что изъ такихъ чернильницъ много вылилось всякихъ золъ и напастей. Чернильница Родіона Антоныча тоже могла бы много-много разсказать о своей дѣятельности. Сначала она стояла въ заводской конторѣ, куда попалъ Родіонъ Антонычъ крѣпостнымъ писцомъ на три съ полтиной жалованья; потомъ Родіонъ Антонычъ присвоилъ ее себѣ и перенесъ на край завода, въ бѣдную каморку, сырую и вонючую. Дальше эта чернильница видѣла цѣлый рядъ метаморфозъ, пока не попала окончательно въ расписной кабинетъ, гдѣ все дышало настоящимъ тугимъ довольствомъ, какъ умѣютъ жить только крѣпкіе русскіе люди. Въ крѣпостное время изъ этой чернильницы выходило много головомоекъ управителямъ и служащимъ, но тогда она не имѣла самостоятельнаго значенія, а только служила орудіемъ неистовавшаго старика Тетюева. Настоящее дѣло для нея наступило съ эпохой освобожденія, когда на мѣстѣ Тетюева водворилась Раиса Павловна, и Родіонъ Антонычъ обязанъ былъ представить массу докладныхъ записокъ, отдѣльныхъ мнѣній, проектовъ, соображеній и плановъ.

Вотъ изъ этой же чернильницы велись подкопы подъ Тетюева-сына, когда онъ, въ пику кукарскому заводоуправителю, занялъ постъ предсѣдателя земской управы, чтобы донимать заводы разными новыми статьями земскихъ налоговъ. Да, эта чернильница много испортила крови Авдѣю Никитичу, а теперь Авдѣй Никитичъ всѣмъ животы подвелъ: выписалъ какого-то генерала Блинова да еще и съ „особой“...

„И вѣдь прямо, бестія этакая, на меня указалъ,—раздумывалъ Родіонъ Антонычъ.—А то откуда этой шлюхѣ знать о какомъ-то Сахаровѣ... Конечно, это Авдѣй Никитичъ всю механику подвелъ. Его работа...“

„И вѣдь какъ все вдругъ случилось: трахъ—и всему конецъ. Ужъ, кажется, Раиса ли Павловна не крѣпко сидитъ на своемъ мѣстѣ, и вотъ нашлась же и на нее гроза“.

Сахаровъ крѣпко задумался. Цѣлую жизнь онъ прожилъ въ качествѣ маленькаго человѣка за чужой спиной и вдругъ почувствовалъ, какъ стѣна, на которую онъ опирался столько лѣтъ, начинаетъ пошатываться и, того гляди, рухнетъ да еще и его задавитъ. А чѣмъ онъ виноватъ? Онъ маленькій человѣкъ и цѣлую жизнь только и зналъ, что творилъ волю пославшаго. Конечно, крѣпко солилъ Тетюеву и не разъ ему подставлялъ ножку, но вѣдь это онъ дѣлалъ не для собственнаго удовольствія, а потому, что такъ хотѣла Раиса Павловна. Вѣдь Тетюевъ...

— Зарѣжетъ васъ съ Раисой Павловной этотъ Тетюевъ!—шепталъ какой-то предательскій голосъ.

Какъ для всѣхъ слишкомъ практическихъ людей, для Сахарова его настоящее неопредѣленное положеніе было хуже всего: ужъ лучше бы знать, что все пропало, чѣмъ эта проклятая неизвѣстность. Ну, Тетюевъ, такъ Тетюевъ... Чѣмъ онъ хуже Раисы Павловны? Нужно же и ему пожить, не вѣкъ мыкаться предсѣдателемъ управы. И Тетюевъ не пропадетъ и Раиса Павловна тоже, а вотъ онъ, Родіонъ Антонычъ, чѣмъ виноватъ, что имъ стало тѣсно жить на бѣломъ свѣтѣ! Припоминая свои подходы подъ Тетюева, Родіонъ Антонычъ теперь отъ чистаго сердца скорбѣлъ о томъ, что не принялъ

заблаговременно во вниманіе перемѣнчивости человѣческаго счастья... И какъ было не подумать: вчера Раиса Павловна, сегодня Раиса Павловна, все это хорошо!—вдругъ послѣзавтра — Авдѣй Никитичъ Тетюевъ.

„Охъ не ладно! — застоналъ про себя Родіонъ Антонычъ. — Сморитъ онъ, если крылья отрастутъ. Въ батюшку, видно, пошелъ, хотя и не съ этого конца. А кто бы могъ подумать? И Раиса Павловна тоже говорила: „Тетюевъ—болтунъ, Тетюевъ—недоносокъ...“ Охъ, Раиса Павловна, Раиса Павловна!“

Цѣлый день Родіона Антоныча былъ испорченъ: вездѣ и все было неладно, все не такъ, какъ раньше. Кофе былъ пережаренъ, сливки пригорѣли; за обѣдомъ говядину подали пересушенную, даже сигара и та сегодня какъ-то немного воняла, хотя Родіонъ Антонычъ постоянно курилъ сигары по шести рублей сотня.

— Да что̀ ты на всѣхъ сегодня кидаешься, точно угорѣлъ!—замѣтила наконецъ Родіону Антонычу жена, когда онъ своему любимцу Зарѣзу далъ здороваго пинка.

— Я-то не угорѣлъ... гм...—опомнился Родіонъ Антонычъ, начиная гладить напрасно обиженную собаку.—Вотъ какъ бы мы всѣ не угорѣли, матушка. Тетюевъ-то...

— Что̀ Тетюевъ?

— Ахъ, отстань. Не твоего бабьяго ума дѣло...

Мысль о Тетюевѣ и генералѣ Блиновѣ просто давила Родіона Антоныча, и онъ напрасно бѣгалъ отъ нея по своему расписанному дому. Вездѣ было хорошо, уютно, свѣтло, но отъ этого Родіону Антонычу дѣлалось еще тяжелѣе, точно предъ нимъ живьемъ вставала та темнота, изъ которой возникло настоящее великолѣпіе и довольство. Да и было отъ чего застонать: мѣсто подъ домъ Родіону Антонычу подарилъ одинъ подрядчикъ, которому онъ устроилъ дѣловое свиданіе съ Раисой Павловной. Давно приглядывался къ этому мѣстечку Родіонъ Антонычъ,—ахъ, хорошее было мѣстечко: съ садомъ у самаго пруда! — а тутъ самъ Богъ и принесъ подрядчика; камень и кирпичъ поставилъ при случаѣ другой подрядчикъ, когда пристроивали флигель къ господскому дому. И подрядчикъ не въ накладѣ остался, да и Родіонъ Антонычъ даромъ получилъ матеріалъ; желѣзо на крышу, скобки да гвоздики были припасены еще заранѣе, когда Родіонъ Антонычъ былъ еще только магазинеромъ,—изъ остатковъ и разной заводской „ветхости“; лѣсъ на службы и всякое прочее обзаведеніе привезли сами лѣсообъѣздчики тоже ни за грошъ, потому что Родіонъ Антонычъ, несмотря на свою офиціальную слѣпоту, постоянно ѣздилъ съ Майзелемъ за дупелями. Домъ клали изъ даровыхъ кирпичей, штукатурили, крыли крышей, красили, украшали—все это дѣлалось при случаѣ, разными нужными людьми, которые сами послѣ приходили благодарить Родіона Антоныча и величали его въ глаза и за глаза благодѣтелемъ. А развѣ кого Родіонъ Антонычъ притѣснилъ, обидѣлъ? Все сами дѣлали... Еще Родіонъ Антонычъ не успѣлъ подумать, а нужный человѣкъ ужъ говоритъ: „Родіонъ Антонычъ, вамъ бы крышку-то малахитцемъ покрасить... Оно бы въ лучшемъ видѣ, потому какъ тамъ течь и всякое прочее!“ Глядишь, крыша и выкрашена даромъ, да еще нужный же человѣкъ и благодаритъ, что ему позволили испытать такое удовольствіе. Все дѣлалось какъ-то само собой — каждый гвоздь самъ собой лѣзъ въ стѣну, песочекъ, глинка, известочка и прочая строительная благодать тоже сама собой тащилась съ разныхъ сторонъ къ дому — и вдругъ все это начнетъ расползаться въ разныя стороны — тоже само собой. Родіонъ Антонычъ живо видѣлъ всѣ каверзы и продѣлки, при

которыхъ созидалъ свое настоящее; онъ считалъ ихъ давно похороненными и забытыми, и вдругъ какая-нибудь пройдоха примется раскапывать всю подноготную! При одной мысли о такой возможности Родіона Антоныча прошибалъ холодный потъ, хотя въ душѣ онъ считалъ себя безсребренникомъ, что̀ выводилось, впрочемъ, сравнительно: другіе-то развѣ такъ рвали, да сходило съ рукъ! Хотя бывали примѣры и другого рода. Не далеко ходить, взять хоть того же старика Тетюева: ужъ у него-то былъ не домъ — чаша полная, а что̀ осталось?—такъ, пустяки разные: стѣны да мебелишка сборная. Развѣ Авдѣй Никитичъ поправитъ... Охъ, этотъ Авдѣй Никитичъ! Изъ каждой щели теперь смотрѣлъ на Родіона Антоныча этотъ страшный призракъ, заставляя его вздрагивать.

— Что̀ же я, ограбилъ кого? укралъ?—спрашивалъ онъ самаго себя и нигдѣ не находилъ обвиняющихъ отвѣтовъ. — Если бы украсть — развѣ я сталъ бы руки марать о такіе пустяки?.. Ужъ украсть, такъ украсть, а то... Ахъ, ты, Господи, Господи!.. По̀томъ да кровью все наживалъ, а теперь вотъ подъ грозу попалъ.

Что̀ ни дѣлалъ Родіонъ Антонычъ, онъ никакъ не могъ успокоиться. Даже въ курятникѣ, куда онъ зашелъ по привычкѣ, все было не по-старому: всѣ эти кохинхинки, куропаточныя, „галанки“, бойцовыя сегодня точно сговорились вывести его изъ терпѣнія. Драка, безпорядокъ, отчаянное кудахтанье. Въ этомъ птичьемъ гамѣ Родіону Антонычу все слышались роковые звуки: „Тетюевъ — Тетюевъ — Тетюевъ — Тетюевъ... Блиновъ — Блиновъ — Блиновъ — Блиновъ...“ Точно въ самое ухо забрался какой-то безголовый дьячокъ и долбитъ поминанье за поминаньемъ, какъ въ родительскую субботу. Великолѣпный брахмапутровый пѣтухъ, гордость и сладость Родіона Антоныча, выглядѣлъ сегодня совсѣмъ плохо и только глупо моргалъ глазами, точно его оглушили.

„Ужъ не окормилъ ли его кто-нибудь солью?“ — подумалъ Родіонъ Антонычъ, но сейчасъ же спохватился и, махнувъ рукой, фатально проговорилъ:

— Все къ одному пошло...

Даже ночью, когда Родіонъ Антонычъ лежалъ на одной постели со своей женой, онъ едва забылся тревожнымъ тяжелымъ сномъ, какъ сейчасъ же увидалъ самый глупѣйшій сонъ, какой только можетъ присниться человѣку. Именно видитъ Родіонъ Антонычъ, что онъ не Родіонъ Антонычъ, а просто... дупель. Какъ есть настоящій дупель: носъ вытянулся, ноги голенастыя, все тѣло обросло перышками пестренькими. Видитъ Родіонъ Антонычъ, что ходитъ онъ по болоту и копаетъ носомъ вязкую тепловатую тину, и такъ ему хорошо: въ воздухѣ паритъ, надъ нимъ густая осока колышется, всякая болотная мошка гудитъ-гудитъ... И вдругъ его собственный Зарѣзъ шасть въ это самое болото и давай нюхать. Да вѣдь какъ взялся-то, разбойникъ! Картину съ него пиши! Вотъ ближе, ближе... На слѣдъ напалъ, вотъ ужъ слышно, какъ онъ обнюхиваетъ кочки и бултыхаетъ лапами по водѣ. Дупель припалъ за кочку и даже закрылъ глаза отъ страху... Ближе, ближе... Собака остановилась надъ нимъ и сдѣлала молодецкую стойку! Родіонъ Антонычъ хочетъ взлетѣть, но никакъ не можетъ подняться, открываетъ со страху глаза и вскрикиваетъ: вмѣсто Зарѣза надъ нимъ стоитъ та особа, о которой писалъ Загнеткинъ, а въ сторонкѣ покатывается со смѣху Тетюевъ.

Родіонъ Антонычъ нѣсколько разъ просыпался въ холодномъ поту, судорожно крестилъ свое толстое заплывшее лицо, охалъ и долго ворочался съ боку на бокъ.

VII.

Округъ Кукарскихъ заводовъ занималъ собой территорію въ пятьсотъ тысячъ десятинъ, что̀ равнялось цѣлому германскому княжеству или даже маленькому европейскому королевству. На этомъ громадномъ пространствѣ было разбросано семь заводовъ: Логовой, Истокъ, Заозерный, Мельковскій, Баламутскій, Куржакъ и Кукарскій. Центръ заводской тяжести распредѣлялся по заводамъ, конечно, не одинаково. Главнымъ заводомъ, въ административномъ отношеніи, считался Кукарскій, разъ, потому, что это былъ самый старый и самый большой заводъ, во-вторыхъ, потому, что онъ занималъ центральное положеніе относительно другихъ заводовъ. За нимъ, вторымъ по важности, слѣдовалъ Баламутскій заводъ. Онъ занималъ лѣсной, богатый топливомъ районъ и поэтому съ каждымъ годомъ все шире и шире развивалъ свои операціи. Остальные заводы служили дополненіями этихъ двухъ, передѣлывая черное желѣзо съ Баламутскаго завода въ сортовое. Заозерный существовалъ только благодаря богатому запасу воды, которая служила неистощимой двигающей силой, а Куржакъ выросъ около богатаго желѣзнаго рудника.

Кукарскій заводъ являлся, такимъ образомъ, во главѣ всѣхъ другихъ заводовъ, ихъ душой и административнымъ сердцемъ, отъ котораго радіусами разбѣгались по другимъ заводамъ всѣ предписанія, ордеры, рапорты и рапортички. Служить на Кукарскомъ заводѣ, на виду у начальства, считалось завидной честью, о которой мелкая служительская сошка съ другихъ заводовъ иногда напрасно мечтала цѣлую жизнь. Насколько громадное значеніе имѣлъ Кукарскій заводъ, достаточно сказать только то, что во всѣхъ заводахъ, вмѣстѣ съ селами, деревнями и „половинками“, считалось до пятидесяти тысячъ рабочаго населенія. Въ крѣпостное время изъ Кукарскаго завода особенно много налетало напастей по окрестностямъ: главный управляющій тогда пользовался неограниченной властью и гнулъ въ бараній ротъ десятки тысячъ безотвѣтныхъ людей. Кукарскаго завода боялись и сами приказчики мелкихъ заводовъ, потому что это былъ крѣпостной, подневольный народъ. Случалось нерѣдко такъ, что приказчики попадали „въ гору“, т.-е. въ мѣдный рудникъ, что тогда считалось равносильнымъ каторгѣ. Какой-нибудь Тетюевъ пользовался княжескими почестями, а насколько сильна была эта выдержка на всѣхъ уральскихъ заводахъ, доказываетъ одно то, что и теперь при встрѣчѣ съ каждымъ, одѣтымъ „по-городски“, старики-рабочіе почтительно ломаютъ шапки. Только людямъ „оборотистымъ“, какимъ былъ, напримѣръ, Родіонъ Антонычъ, Кукарскій заводъ былъ настоящей обѣтованной землей, гдѣ можно было добиться всего.

Сынъ какого-то лѣсообъѣздчика, Родіонъ Антонычъ первоначальное свое бытіе получилъ въ Кукарской заводской конторѣ въ качествѣ крѣпостного писца, которому выдавалось жалованья три съ полтиной на ассигнаціи въ мѣсяцъ, т.-е. на нашъ счетъ — всего одинъ рубль. Счастье для Сахарова заключалось въ томъ, что онъ служилъ въ Кукарскомъ заводѣ и поймалъ случай попасть на глаза къ самому старику Тетюеву. Въ свое время Тетюевъ былъ гроза и всѣ заводы держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Подъ его желѣзной лапой задохлось много даровитыхъ и умныхъ людей, которые не умѣли подслуживаться и подличать. А для покладистаго Родіона Антоныча такой человѣкъ былъ истиннымъ кладомъ. Точкой сближенія послужило пустое обстоятельство, которое, впрочемъ, въ доброе старое время многихъ вывело въ люди: это обстоятельство—красивый почеркъ. Нынче уже мало такъ пишутъ, что̀ зависитъ, можетъ-быть, отъ того, что стальнымъ перомъ нельзя достичь та-

кого каллиграфическаго искусства, какъ гусинымъ, а можетъ-быть, и отъ того, что нынче меньше стали цѣнить одинъ красивый почеркъ. Однимъ словомъ, какъ-никакъ, а Сахарова замѣтили — этого уже было достаточно, чтобы сразу выдѣлиться изъ приниженной, обезличенной массы крѣпостныхъ заводскихъ служащихъ, и Сахаровъ быстро пошелъ въ гору, т.-е. изъ писцовъ попалъ прямо въ поденные записчики работъ, постъ въ заводской іерархіи довольно видный, особенно для молодого человѣка.

Но здѣсь же Сахаровъ получилъ и первый жестокій урокъ за свое излишнее усердіе: чтобы выслужиться, онъ принялся нажимать рабочихъ и довелъ ихъ до того, что въ одну темную осеннюю ночь его такъ поучили, что онъ пролежалъ въ больницѣ цѣлый мѣсяцъ.

— Эхъ, братецъ, ты не тово...—весело замѣтилъ старикъ Тетюевъ, когда выздоровѣвшій Сахаровъ пришелъ къ нему за приказаніями. — Не вездѣ нужно съ маху брать, а ты потихоньку да исподволь тяни...

— Я, Никита Ефремычъ, всегда буду исподволь и потихоньку...

— Ну, вотъ такъ-то лучше: всѣ люди — всѣ человѣки. Мало ли я что вижу, а другой разъ и смолчу. Такъ-то...

Этотъ урокъ глубоко запалъ въ душу Родіона Антоныча, такъ что онъ къ концу крѣпостного права, по рецепту Тетюева, добился совершенно самостоятельнаго поста при отправкѣ металловъ по рѣкѣ Межевой. Это было тепленькое мѣстечко, гдѣ рвали крупные куши, но Сахаровъ не зарывался, а тянулъ свою линію годъ за годомъ, помаленьку обгоняя всѣхъ своихъ товарищей и сверстниковъ.

— Хочешь, я тебя приказчикомъ сдѣлаю въ Мельковскомъ заводѣ?— говорилъ ему въ веселую минуту старикъ Тетюевъ.—Главное, ты, хоть и воруешь, да потихоньку. Не такъ, какъ другіе: назначишь его приказчикомъ, а онъ и давай надуваться, какъ мыльный пузырь. Дуется-дуется, глядишь, и лопнулъ...

Сахаровъ отказался отъ такой чести, разъ, потому, что караванное дѣло по части безгрѣшныхъ доходовъ было выгоднѣе, а второе, потому, что не хотѣлъ хоронить себя гдѣ-нибудь въ Мельковскомъ заводѣ.

— Ну, тебѣ лучше знать...—согласился нравный старикъ, благодушествовавшій послѣ горячей бани. — Ты и такъ не пропадешь.

— Я по письменной части больше, Никита Ефремычъ...

— Вотъ и вышелъ дуракъ: хочешь околѣть съ голоду со своей письменной частью?.. Убирайся съ глазъ долой!..

Когда Родіонъ Антонычъ считалъ себя совсѣмъ на линіи, освобожденіе крестьянъ чуть не размыло его благополучія вплоть до самаго основанія.

Погромъ пошелъ съ верху до низу. Крѣпостные порядки кончились, и на ихъ мѣсто пошли новые. Даровой крѣпостной трудъ нужно было замѣнить трудомъ наемнымъ, оставляя цифру владѣльческихъ доходовъ нетронутой. Старикъ Тетюевъ былъ совсѣмъ негоденъ для выполненія такой сложной задачи и прочилъ передать свое мѣсто сыну Авдѣю. Но случилось не такъ: самъ Тетюевъ неожиданно получилъ чистую отставку, хотя и съ приличнымъ пенсіономъ, а на его мѣсто, по протекціи всесильнаго Прейна, былъ назначенъ Горемыкинъ. Разсказывали интересный анекдотъ о томъ, какъ выжили Тетюева съ мѣста. Отказать заслуженному старику прямо не рѣшались, нужно было подыскать предлогъ. Спеціально за этимъ на заводы выѣхалъ Прейнъ и прожилъ цѣлое лѣто, напрасно выжидая, что старый Тетюевъ догадается и самъ подастъ въ отставку. Можетъ-быть, Прейнъ такъ и уѣхалъ бы въ Петербургъ съ пустыми руками, а Тетюевъ остался бы опять царствовать на

заводахъ, но нашелся маленькій служащій, который научилъ, что̀ нужно было сдѣлать. Именно, Прейнъ назначилъ внезапную ревизію заводоуправленія и послалъ за Тетюевымъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда старикъ только-что сѣлъ обѣдать — самое священное время тетюевскаго дня. Тетюева взорвало, онъ наотрѣзъ отказался итти въ контору и тутъ же, не выходя изъ-за стола, подалъ въ отставку. Гордый старикъ не перенесъ такого удара и прожилъ въ отставкѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ: его хватилъ кондрашка. За Тетюевымъ полетѣли со своихъ мѣстъ всѣ другіе приказчики, за исключеніемъ двухъ-трехъ, которые удержались на своихъ мѣстахъ какимъ-то чудомъ. Родіонъ Антонычъ тоже потерялъ свое мѣсто и нѣкоторое время находился совсѣмъ не у дѣлъ. Реформы, какъ всѣ реформы, начались съ сокращеній и урѣзокъ: сократили количество служащихъ, урѣзали всѣмъ жалованье, прибавили работы и т. д. Впрочемъ, самъ Горемыкинъ въ этомъ случаѣ не былъ виноватъ ни душой ни тѣломъ: всѣмъ дѣломъ верховодила Раиса Павловна, предоставившая мужу спеціально-заводскую часть. Вмѣсто старыхъ крѣпостныхъ приказчиковъ, вездѣ были понасажены управителями люди, получившіе спеціальное образованіе, потому что Горемыкинъ хотѣлъ пополнить всѣ ущербы, понесенные отмѣной крѣпостного права, расширеніемъ заводской производительности. Какъ спеціалистъ-техникъ и честный человѣкъ, онъ былъ незамѣнимъ. Но въ практическомъ отношеніи ему недоставало многихъ качествъ. Такъ, онъ не умѣлъ выбирать людей и часто попадалъ подъ вліяніе очень сомнительныхъ личностей.

— Что̀ же, это очень естественно, что я въ каждомъ прежде всего стараюсь видѣть честнаго человѣка,—оправдывался иногда Горемыкинъ.

— Очень убѣдительно для всѣхъ, кто привыкъ, чтобы его вездѣ водили за носъ,—замѣчала Раиса Павловна, съ своей стороны.

Чтобы пробить себѣ дорогу при новомъ порядкѣ вещей, Сахаровъ поступилъ сначала въ счетное отдѣленіе, которое славилось тѣмъ, что здѣсь служащіе, заваленные письменной работой, гибли, какъ мухи. Конечно, Сахаров мечталъ не о такой письменной части и очень скоро попалъ на настоящую дорогу. Нужно было составлять уставную грамоту, которая для заводовъ являлась вопросомъ самой капитальной важности. Въ это смутное время еще не выяснилось хорошенько, гдѣ будутъ самыя больныя мѣста совершавшагося акта. Неразрывные до тѣхъ поръ интересы заводовладѣльца и мастеровыхъ теперь раскалывались на двѣ неравныхъ части, причемъ нужно было впередъ угадать, какъ и гдѣ встрѣтятся взаимные интересы, что̀ необходимо обезпечить за собой и чѣмъ, ничего не теряя, поступиться въ пользу мастеровыхъ. Для рѣшенія массы возникшихъ недоразумѣній и вопросовъ были устроены еженедѣльные съѣзды новыхъ управителей, которые и выработали послѣ усиленныхъ хлопотъ проектъ уставной грамоты. Вотъ этотъ-то проектъ и далъ случай Родіону Антонычу послѣ разгрома крѣпостного права не только вынырнуть изъ неизвѣстности, но стать на такую высоту, съ которой его уже трудно было столкнуть. Прочитавъ проектъ уставной грамоты, выработанный управительскими съѣздами, онъ по поводу его составилъ собственную докладную записку, въ которой очень подробно и основательно разобралъ всѣ недостатки выработаннаго проекта. Къ докладной запискѣ былъ приложенъ собственный проектъ Родіона Антоныча. Вся эта „исторія“, при помощи хорошаго человѣка, была партикулярнымъ путемъ передана въ руки самой Раисы Павловны.

Когда эта умная женщина, достаточно умудренная въ изворотахъ и петляхъ внутренней политики, прочла докладную записку Родіона Антоныча, то

пришла положительно въ восторженное состояніе, хотя такія душевныя движенія совсѣмъ были не въ ея натурѣ.

— Это Мазарини... Нѣтъ, Ришелье!..—воскликнула она нѣсколько разъ, перечитывая записку Родіона Антоныча. — Такъ все предусмотрѣть и предугадать, нѣтъ, это положительно Ришелье... И какая дьявольски-тонкая работа, какая проницательность!..

Первымъ дѣломъ Раисы Павловны было, конечно, сейчасъ же увидать заводскаго Ришелье, о которомъ, какъ о большинствѣ мелкихъ служащихъ, она до сихъ поръ ничего не знала. Непрезентабельный видъ Родіона Антоныча и особенно его рабья манера держать себя нѣсколько поохладили восторги Раисы Павловны. Ея аристократическую выдержку сильно шокировали стоны и вздохи вновь явленнаго Ришелье, который морщился и стоналъ, какъ раздавленный. Жирная физіономія и заискивающе-покорные взгляды Родіона Антоныча тоже были не въ его пользу, но Раиса Павловна была, какъ многія умныя женщины, немного упряма и не желала разочароваться въ своей находкѣ. Она взяла Ришелье такимъ, какимъ онъ явился къ ней на выручку въ критическій моментъ. Въ этомъ случаѣ она поддалась чисто-женской слабости, хотя сама же первая смѣялась надъ ней въ другихъ людяхъ.

— Какъ это вы до сихъ поръ пропадали въ неизвѣстности съ такой головой?—откровенно удивлялась Раиса Павловна прямо въ глаза Родіону Антонычу.

— Темное время было, сударыня-съ...

— Зачѣмъ вы говорите: „сударыня-съ“... Зовите меня по имени.

— Буду стараться, Раиса Павловна-съ.

Это „съ“ немного покоробило Раису Павловну, но съ такой маленькой частичкой можно было и помириться.

— При Никитѣ Ефремычѣ трудно было, суд... Раиса Павловна, особенно, ежели кто былъ расположенъ къ письменной части. Они самую эту письменную часть, можно сказать, совсѣмъ ни во что̀ ставили...

— Да... Но теперь другое время... Извините, все забываю, какъ васъ зовутъ?

— Родіонъ Антоновъ.

— Ахъ, да, Родіонъ Антонычъ... Что̀ я хотѣла сказать? Да, да... Теперь другое время, и вы пригодитесь заводамъ. У васъ есть эта, какъ вамъ сказать, ну, общая идея тамъ, что ли... Дѣло не въ названіи. Вы взглянули на дѣло широко, а это-то намъ и дорого: и практика и теорія смотрятъ на вещи слишкомъ узко, а у васъ счастливая голова...

Умиленный этими похвалами, Родіонъ Антонычъ даже пощупалъ свою „счастливую“ голову, которая до сихъ поръ шла за самую обыкновенную.

— А такъ какъ вы питаете такое пристрастіе къ письменной части, то вамъ и книги въ руки: мужу необходимъ домашній секретарь—вотъ вамъ, на первый разъ, самое подходящее мѣсто. А впередъ увидимъ...

Составленный Родіономъ Антонычемъ проектъ уставной грамоты дѣйствительно былъ chef-d'oeuvre'омъ въ своемъ родѣ. Онъ обезпечилъ за Кукарскими заводами такія преимущества, которыя головой выдавали десятки тысячъ заводскаго населенія въ руки заводовладѣльца. Даже сомнительныя статьи, которыя, кажется, трудно было обойти, были такъ неясно редактированы и опутаны такими хитросплетенными условіями, что можно было только удивляться великой творческой силѣ приказнаго крючкотворства. Во-первыхъ, по этой уставной грамотѣ совсѣмъ не было указано сельскихъ работниковъ, которымъ землевладѣлецъ обязанъ былъ выдѣлить крестьянскій надѣлъ, такъ

что въ мастеровые попали всѣ крестьяне тѣхъ деревень, какія находились въ округѣ Кукарскихъ заводовъ. Затѣмъ, всѣ мастеровые, по новой грамотѣ, пользовались выгономъ, покосами, росчистями и лѣсомъ „на прежнихъ основаніяхъ“, пока заводовладѣлецъ не измѣнитъ ихъ по собственному усмотрѣнію и пока мастеровые работаютъ на его заводахъ. Въ видѣ особенной милости заводовладѣльца, мастеровые получили отъ него *въ даръ* свои дома и усадьбы. Оговорено было даже то, что содержаніе церквей, школъ и больницъ остается на томъ же усмотрѣніи заводовладѣльца, который воленъ все это въ одно прекрасное утро „прекратить“, т.-е. лишить матеріальнаго обезпеченія. Но центръ тяжести всей уставной грамоты заключался въ томъ, что уставная грамота касалась только мастеровыхъ и давала имъ извѣстныя условныя гарантіи только на томъ условіи, если они будутъ работать на заводахъ. Все остальное населеніе, которое не принимало непосредственнаго участія въ заводской работѣ, совсѣмъ не шло въ счетъ. Такъ что въ результатѣ на сторонѣ заводовладѣльца оставались всѣ выгоды, даже былъ оговоренъ оброкъ за пользованіе покосами и выгонами съ тѣхъ мастеровыхъ, которые почему-либо не находятся на заводской работѣ. Помѣщикамъ, наградившимъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ кошачьими даровыми надѣлами, во снѣ никогда не снилось ничего подобнаго, особенно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что Лаптевъ былъ даже не заводовладѣлецъ въ юридическомъ смыслѣ, а только „пользовался“ своими полумилліонами десятинъ богатѣйшей въ свѣтѣ земли на поссессіонномъ правѣ. Благодаря проекту Родіона Антоныча, Кукарское заводоуправленіе брало не только со всѣхъ постороннихъ, но даже со своихъ собственныхъ мастеровыхъ за пользованіе *казенной* землей въ свою выгоду очень почтенный оброкъ—50 копеекъ и дороже за каждую десятину. Спорный юридическій вопросъ о правахъ поссессіонныхъ владѣльцевъ *на нѣдра земли*, въ случаѣ нахожденія въ нихъ минеральныхъ сокровищъ, тоже былъ выговоренъ уставной грамотой въ пользу заводовладѣльца, такъ что мастеровые не могли быть увѣрены, что у нихъ не отберутъ для заводскихъ цѣлей даже тѣ усадебные клочки, которые имъ принадлежали по закону, но которы по проекту уставной грамоты Родіона Антоныча великодушно были подарен имъ заводовладѣльцемъ. Словомъ, въ юридическомъ отношеніи проектъ Родіона Антоныча составлялъ выдающееся явленіе.

Раиса Павловна, съ своей стороны, осыпала всевозможными милостями своего любимца, который сдѣлался ея всегдашнимъ совѣтникомъ и самымъ вѣрнымъ рабомъ. Она всегда гордилась имъ, какъ своимъ произведеніемъ; ея самолюбію льстила мысль, что именно она создала этотъ самородокъ и вывела его на свѣтъ изъ тьмы неизвѣстности. Въ этомъ случаѣ Раиса Павловна обольщала себя аналогіей съ другими великими людьми, прославившимися умѣньемъ угадывать талантливыхъ исполнителей своихъ плановъ.

Родіонъ Антонычъ, конечно, быстро освоился въ своей новой обстановкѣ и быстро забралъ въ свои руки все кругомъ. Погромъ, произведенный 19 февраля, оставилъ въ его душѣ неизгладимый горькій слѣдъ, который заставлялъ его постоянно морщиться и стонать. Онъ такъ сросся душой и тѣломъ съ крѣпостными порядками, что не могъ помириться ни съ чѣмъ новымъ даже ради той сторицы, какую теперь получилъ. Его постоянно сосалъ какой-то червь, который не давалъ покоя. Неисправимый крѣпостникъ въ душѣ, Родіонъ Антонычъ давилъ и гнулъ всѣ новые порядки и всѣхъ новыхъ людей, насколько хватало силъ. Это былъ своего рода крѣпостной фанатизмъ, и въ этомъ отношеніи у Родіона Антоныча была родственная черта съ замашками великихъ французскихъ кардиналовъ, хотя, конечно, это были величины

несоизмѣримыя. Достаточно сказать, что ни одно дѣло по заводамъ не миновало рукъ Родіона Антоныча, и всѣ обращались къ нему, какъ къ сказочному волшебнику. Его вліяніе отражалось на всѣхъ сферахъ заводской жизни и дѣятельности.

Но интереснѣе всего было то, какъ расправлялся Родіонъ Антонычъ съ тѣми, кто ему не поддавался. Первымъ такимъ дѣломъ было то, что нѣсколько обществъ, въ томъ числѣ и Кукарское, не захотѣли принять составленной имъ уставной грамоты, несмотря ни на какія увѣщанія, внушенія и даже угрозы. Глупые мужики уперлись и стояли на своемъ. Отыскались неизвѣстные законники, которые сумѣли растолковать имъ, какой паутиной опутывала ихъ уставная грамота. Мировой посредникъ, становые, исправникъ выбивались изъ силъ, стараясь привести стороны къ соглашенію: мужичье стояло на своемъ. Тогда взялся за эту распрю Родіонъ Антонычъ и покончилъ ее въ нѣсколько дней: подыскалъ нѣсколько подходящихъ старичковъ, усовѣстилъ ихъ, наобѣщалъ золотыя горы, и тѣ подмахнули за все общество. Этого было достаточно на первый разъ, а тамъ пусть дѣло гуляетъ по судамъ да палатамъ. Какъ упрямые мужики ни артачились, какъ ни хлопотали, дѣло оставалось въ томъ положеніи, въ какое его поставилъ Родіонъ Антонычъ, а сельскія общества только несли убытки отъ своихъ хлопотъ да терпѣли всяческое утѣсненіе на заводской работѣ

— Еще бабушка-то надвое сказала, — говорилъ Родіонъ Антонычъ жалившимся общественникамъ.—Вы бы миркомъ да ладкомъ лучше старались...

Въ этомъ случаѣ онъ хотѣлъ показать заводскому населенію, обрадовавшемуся „волѣ“, что крѣпостное право для него еще не миновало. Ему доставляло громадное наслажденіе давить этихъ свободныхъ мастеровыхъ на всѣхъ пунктахъ, особенно тамъ, гдѣ спеціально-заводскіе интересы соприкасались съ интересами населенія.

Другимъ подвигомъ, прославившимъ имя Родіона Антоныча, была его упорная борьба съ ельниковскимъ земствомъ, другими словами, съ Авдѣемъ Никитичемъ Тетюевымъ. Но здѣсь Родіону Антонычу пришлось нѣкоторымъ образомъ итти даже противъ самого себя, потому что передъ самой фамиліей Тетюевыхъ, по старой привычкѣ, онъ чувствовалъ благоговѣйный ужасъ и даже полагалъ нѣкоторое время, что Авдѣй Никитичъ, въ качествѣ новаго человѣка, непремѣнно займетъ батюшкино мѣстечко. Но вышло не такъ—одолѣла Раиса Павловна, и ему пришлось итти противъ завѣтнаго имени. Но въ этомъ случаѣ Родіонъ Антонычъ утѣшалъ себя тѣмъ, что началъ походъ противъ Тетюева не по собственной иниціативѣ, а только творилъ волю пославшаго. Борьба между земствомъ, съ одной стороны, и заводоуправленіемъ, съ другой, велась не на животъ, а на смерть. Оно и понятно... Какъ! когда заводы на Уралѣ въ теченіе двухъ вѣковъ пользовались неизмѣннымъ покровительствомъ государства, которое поддерживало ихъ постоянными субсидіями, гарантіями и высокими тарифами; когда заводчикамъ задаромъ были отданы милліоны десятинъ на Уралѣ, съ лѣсами, водами и всякими минеральными сокровищами, только насаждай отечественную горную промышленность; когда на Уралѣ во имя тѣхъ же интересовъ горныхъ заводовъ не могли существовать никакія огнедѣйствующія заведенія и уральское желѣзо должно совершать прогулку во внутреннюю Россію, чтобы оттуда вернуться опять на Уралъ въ видѣ павловскихъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, и хромистый желѣзнякъ, чтобы превратиться въ краску, отправлялся въ Англію: когда все это творилось, конечно, притязанія какого-то паршиваго земства, которое ни съ того ни съ сего принялось обкладывать заводы налогами, эти притязанія просто

были смѣшны. Но Тетюевъ не дремалъ, и въ первый же годъ существованія земства Кукарскіе заводы были обложены пятьюдесятью тысячами налога.

— Родіонъ Антонычъ, я ничего не пожалѣю, чтобы сломить Тетюева!— заявила Раиса Павловна. — Это безсовѣстно: пятьдесятъ тысячъ... Раньше заводы не несли никакихъ налоговъ и пользовались даровымъ трудомъ крѣпостныхъ, а теперь и то и другое.

— Можно будетъ постараться, Раиса Павловна. Только мы будемъ подводить свою линію подъ Авдѣя Никитича исподволь да потихоньку... Дѣло-то вѣрнѣе будетъ!..

— Какъ хотите, такъ и дѣлайте... Если хлопоты будутъ стоить столько же, сколько теперь приходится налоговъ, то заводамъ лучше же платить за хлопоты, чѣмъ этому земству! Вы понимаете меня?

Политика Родіона Антоныча приводилась въ дѣйствіе, и результаты не замедлили себя показать: сначала были изъяты изъ обложенія земскими налогами золотые промысла, потомъ желѣзный рудникъ, фабрики и т. д. Ходатайства, докладныя записки и прошенія дождемъ сыпались въ Петербургъ, гдѣ разные нужные человѣчки умѣли во-время ихъ представить, куда слѣдуетъ. Каша заварилась въ крутую, и политика Родіона Антоныча много испортила крови Тетюеву. Напримѣръ, гора Куржакъ, цѣликомъ состоявшая изъ магнитнаго желѣзняка и по приблизительнымъ вычисленіямъ заключавшая въ себѣ до тридцати милліардовъ богатѣйшей въ свѣтѣ желѣзной руды, приносила земству всего-навсего 2 рубля 17 копеекъ дохода, какъ любая усадьба какого-нибудь мастерового. Тетюевъ рвалъ на себѣ волосы, когда заходила рѣчь о Куржакѣ, но подѣлать съ послѣдовательной политикой Родіона Антоныча ничего не могъ. Когда всѣ законные способы ограниченія земской дерзости были исчерпаны, Родіонъ Антонычъ, вкупѣ съ Раисой Павловной, рѣшились нанести этому ненавистному учрежденію самый роковой ударъ его же собственнымъ оружіемъ: неисповѣдимыми путями въ ельниковское земское собраніе большинство гласныхъ были избраны заводскіе приспѣшники и клевреты управителя, повѣренные, разная мелкая служащая сошка и наконецъ самъ Родіонъ Антонычъ, который сразу организовалъ большинство голосовъ въ свою пользу. Самъ губернаторъ былъ на сторонѣ Родіона Антоныча и назначалъ предсѣдателями земскихъ собраній тѣхъ лицъ, на которыхъ указывало Кукарское заводоуправленіе. Такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ возрастала земская сумма налоговъ, Кукарскіе заводы платили меньше и меньше, слагая свою долю на крестьянское населеніе. Тетюевъ былъ совсѣмъ прижатъ къ стѣнѣ, и, казалось, ему ничего не оставалось, какъ только покориться и перейти на сторону заводовъ, но онъ воспользовался политикой своихъ противниковъ и перешелъ изъ осаднаго положенія въ наступающее. Поѣздка Лаптева въ сопровожденіи генерала Блинова служила самымъ блестящимъ отвѣтомъ съ его стороны Родіону Антонычу и Раисѣ Павловнѣ за всю ихъ политику противъ него. Стороны теперь стали окончательно лицомъ къ лицу, чтобы нанести другъ другу послѣдній и самый рѣшительный ударъ.

Осложняющимъ обстоятельствомъ въ этой крупной игрѣ являлись интриги и происки Майзеля съ другими управителями, которые, какъ это свойственно человѣческой природѣ, желали сами занять мѣсто повыше. Но Родіонъ Антонычъ относился къ этимъ случайнымъ людямъ съ достойнымъ презрѣніемъ. Что они такое были сами по себѣ? Мыльные пузыри, не больше. Всплыветъ, покружится, поиграетъ и разсыплется радужной пылью... Этимъ людямъ вездѣ скатертью дорога; гдѣ больше дадутъ—тамъ они и покорные

слуги. Это ужъ совсѣмъ не то, что̀ Раиса Павловна, Авдѣй Никитичъ или самъ Родіонъ Антонычъ. Для нихъ троихъ заводы составляли все, они къ нимъ приросли, внѣ ихъ ничего не желали знать. Тотъ же Авдѣй Никитичъ, легко сказать, тянетъ второе трехлѣтіе предсѣдателемъ управы и глазомъ не моргнетъ. Все крѣпкій, ухватистый народъ, хотя и не безъ недостатковъ. Родіонъ Антонычъ, напримѣръ, когда строилъ свой домъ, то, прежде чѣмъ перейти въ него, съѣздилъ за 300 верстъ за двумя черными тараканами, безъ которыхъ, какъ извѣстно, богатство въ домѣ не будетъ держаться. Онъ же лѣчился хрусталемъ, когда у него болѣли глаза. Докторъ Кормилицынъ пришелъ въ ужасъ, когда узналъ рецептъ этого хрустальнаго лѣченія. Именно: Родіонъ Антонычъ взялъ толстый хрустальный стаканъ, истолокъ его въ порошокъ и это толченое стекло выпилъ преблагополучнымъ образомъ. Раиса Павловна вѣрила въ сны и разныя другія примѣты, а Тетюевъ занимался спиритизмомъ.

VIII.

Мы уже видѣли, какъ Родіонъ Антонычъ принялъ извѣстіе о пріѣздѣ Лаптева на заводы. Онъ былъ трусъ по натурѣ и, какъ всякій трусъ, послѣ перваго припадка отчаянія дѣятельно принялся отыскивать путь къ спасенію. Прежде всего, въ немъ поколебалась вѣра въ Раису Павловну, которая несегодня-завтра слетитъ съ своей высоты. Раиса Павловна, съ свойственной ей проницательностью, давно изучила заячью душу своего Ришелье и сейчасъ же угадала истинный ходъ его мыслей. Это обстоятельство ее не особенно огорчило, потому что она бывала и не въ такихъ передѣлкахъ и выходила суха изъ воды. Какъ всѣ великіе психологи-практики, она умѣла больше всего [illegible]ользоваться дурными сторонами и слабостями другихъ людей въ [illegible] Такъ и теперь она рѣшилась воспользоваться страхомъ Родіона А[illegible]редъ Тетюевымъ.

[illegible]дскомъ домѣ шелъ ужаснѣйшій переполохъ по случаю пріѣзда [illegible]й не бывалъ на заводахъ съ ранняго дѣтства. Для его пріема готовили главный корпусъ господскаго дома, гдѣ на скорую руку переклеивали обои, обивали мебель, лощили полы, подкрашивали и замазывали каждую щель. Прейнъ былъ не особенно прихотливый человѣкъ и довольствовался всего двумя комнатами, которыя сообщались съ половиной Раисы Павловны и съ кабинетомъ самого владѣльца. Для такого важнаго гостя, какъ самъ заводовладѣлецъ, нужно было устроить княжескій пріемъ. Не хватало тысячи самыхъ необходимыхъ вещей, которыхъ въ Кукарскомъ заводѣ и въ уѣздномъ городишкѣ Ельниковѣ не достанешь ни за какую цѣну, а выписывать изъ столицы было некогда.

— Какъ же мы будемъ?—спрашивалъ Родіонъ Антонычъ.

— А Прейнъ?—отвѣчала удивленная Раиса Павловна.—Ахъ, какъ вы просты, чтобы не сказать больше... Неужели вы думаете, что Прейнъ привезетъ Лаптева въ пустыя комнаты? Будьте увѣрены, что все предусмотрѣно и устроено, а намъ нужно позаботиться только о томъ, что̀ будетъ зависѣть отъ насъ. Во-первыхъ, скажите Майзелю относительно охоты... Это главное. Думаете, Лаптевъ будетъ заниматься здѣсь нашими дѣлами? Ха-ха... Да онъ умретъ со скуки на третьи сутки.

— А Блиновъ?

— Ну, это еще бабушка надвое сказала: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Тетюевъ, кажется, слишкомъ много надѣется на этого генерала Блинова, а вотъ посмотрите... Ну, да сами увидите, что̀ будетъ.

— Увидимъ-съ, увидимъ,—уныло соглашался Родіонъ Антонычъ, терявшій послѣдніе признаки своей бодрости при одномъ имени барина.

— Да вы не трусьте; посмотрите на меня, вѣдь я же не трушу, хотя могла бы трусить больше вашего, потому что, во-первыхъ, главнымъ образомъ все направлено противъ меня, а во-вторыхъ, въ худомъ случаѣ я потеряю больше вашего.

Родіонъ Антонычъ щупалъ свою голову, вздыхалъ и даже трясъ ушами, какъ понюхавшая дыму собака.

— Я давно хочу вамъ сказать, Раиса Павловна, одну вещь...—нерѣшительно заговорилъ Сахаровъ.—Нельзя ли будетъ войти въ какое-нибудь соглашеніе съ...

— Съ Тетюевымъ? Никогда!.. Слышите, никогда!.. Да и поздно немного... Мы ему слишкомъ много насолили, чтобы теперь входить въ соглашенія. Да и я не желаю ничего подобнаго: пусть будетъ, что̀ будетъ.

Стороны взаимно наблюдали другъ друга, и Родіона Антоныча повергло въ немалое смущеніе то обстоятельство, что Раиса Павловна, даже въ виду такихъ критическихъ обстоятельствъ, рѣшительно ничего не дѣлаетъ, а проводитъ все время съ Лушей, которую баловала и за которой ухаживала съ необыкновеннымъ приливомъ нѣжности. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, черные тараканы поползли изъ дома Родіона Антоныча, точно эта тварь предчувствовала надвигавшуюся грозу.

Дѣйствительно, Раиса Павловна, кажется, совсѣмъ не желала видѣть, что̀ дѣлается кругомъ, какъ торопливо бѣлили заводскія зданія, поправляли заборы, исправляли улицы, отовсюду убирали щепы и мусоръ. Особенное вниманіе было обращено на фабрики, гдѣ внутренній дворъ теперь былъ усыпанъ пескомъ и каждая машина, при помощи песку и разныхъ порошковъ, чистилась и охорашивалась, точно невѣста подъ вѣнецъ. Облупившаяся штукатурка, отставшія доски, проржавѣвшее желѣзо—все одинаково подвергалось поправкамъ. Заводскій надзиратель, плотинный, уставщики—всѣ лѣзли изъ кожи, чтобы привести фабрику въ настоящій форменный видъ. Доменныя печи были выкрашены заново розовой краской, механическій корпусъ — блѣдно-сиреневой, катальная фабрика — желтой и т. д. Пробоины въ крышахъ и стѣнахъ задѣлывались, выбитыя стекла вставлялись, покосившіяся двери навѣшивались прямо, даже пудлинговыя, отражательныя, сварочныя и многія иныя печи не избѣгли общей участи и были густо намазаны какимъ-то чернымъ блестящимъ составомъ.

Платонъ Васильичъ почти не выходилъ изъ фабрики, гдѣ ставилось громадное маховое колесо для сортовой катальной. Раньше въ Кукарскомъ заводѣ приготовляли только болванку, которая передѣлывалась въ мелкое сортовое желѣзо уже на другихъ заводахъ. Мельковскій славился своимъ листокатальнымъ производствомъ, Заозерный—полосовымъ и проволокой, Баламутскій—рельсами и т. д. Горемыкинъ задался цѣлью расширить производительность заводовъ въ качественномъ отношеніи, чтобы не тратить напрасно денегъ на перевозку металловъ съ завода на заводъ. Другая стальная болванка, изъ какихъ дѣлаются рельсы, прогуливалась изъ Кукарскаго завода въ Баламутскій и обратно разъ до шести, что̀ напрасно только увеличивало стоимость готовыхъ рельсовъ и набивало карманы разныхъ подрядчиковъ, удѣлявшихъ, конечно, малую толику кое-кому изъ вліятельныхъ служащихъ. Разные безгрѣшные доходы процвѣтали въ полной силѣ, и къ нимъ всѣ такъ привыкли, что общимъ правиломъ было то, чтобы всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ и чтобы сору изъ избы не выносилъ. Горемыкинъ, несмотря на свои физи-

ческія немощи и плохое зрѣніе, всегда самъ наблюдалъ за производившимися работами, а теперь въ особенности, потому что дѣло было спѣшное. Онъ ходилъ домой только ѣсть, а все остальное время проводилъ на фабрикѣ. Въ этомъ царствѣ огня и желѣза Горемыкинъ чувствовалъ себя больше дома, чѣмъ въ своей квартирѣ въ господскомъ домѣ. Для него было наслажденіемъ по цѣлымъ часамъ наблюдать торопливую фабричную работу, которая кипѣла кругомъ. Это была настоящая работа гномовъ, гдѣ покрытыя сажей человѣческія фигуры вырывались изъ темноты, при неровно вспыхивавшемъ пламени въ горнахъ печей, какъ привидѣнія, и сейчасъ же исчезали въ темнотѣ, которая послѣ каждой волны свѣта казалась чернѣе предыдущей, пока глазъ не освоивался съ нею. Старикъ на время забывалъ о своихъ недостаткахъ: при ослѣпительномъ блескѣ добѣла раскаленнаго желѣза онъ отчетливо различалъ подробности совершавшейся работы и лица всѣхъ рабочихъ; при грохотѣ вертѣвшихся колесъ и стучавшихъ чугунныхъ валовъ говорить можно было только напрягая всѣ свои голосовыя средства, и Горемыкинъ слышалъ каждое слово. Когда онъ выходилъ изъ фабрики на свѣжій воздухъ, предметы опять сливались въ его глазахъ, принимая туманныя, расплывавшіяся очертанія—обыкновенный дневной свѣтъ былъ слабъ для его глазъ. Точно также и ухо не могло уловить обыкновеннаго разговора, и онъ дѣлалъ какое-то сосредоточенно-глупое лицо, стараясь не выдавать своей глухоты. Вообще, Горемыкинъ жилъ полной, осмысленной жизнью только на фабрикѣ, гдѣ чувствовалъ себя, какъ и всѣ другіе люди, но за стѣнами этой фабрики онъ сейчасъ же превращался въ слѣпого и глухого старика, который самъ тяготился своимъ существованіемъ. За минуту одушевленное лицо, точно омытое волной свѣжихъ впечатлѣній, быстро теряло свой жизненный колоритъ и получало вопросительно-недоумѣвающее выраженіе.

Кромѣ своего заводскаго дѣла, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Горемыкинъ былъ чистѣйшимъ ребенкомъ. Его душа слишкомъ крѣпко срослась съ этими колесами, валами, эксцентриками и шестернями, которые совершали работу нашего желѣзнаго вѣка; изъ-за нихъ онъ не замѣчалъ живыхъ людей, вѣрнѣе, эти живые люди являлись въ его глазахъ только печальной необходимостью, безъ которой, къ сожалѣнію, самыя лучшія машины не могутъ обойтись. Старикъ мечталъ о томъ, какъ шагъ за шагомъ, вмѣстѣ съ расширеніемъ производства, живая человѣческая сила мало-по-малу замѣнится мертвой машинной работой и тѣмъ самымъ устранятся тысячи тѣхъ жгучихъ вопросовъ, какіе создаются развивающейся крупной промышленностью. Съ этой именно точки зрѣнія онъ и смотрѣлъ на всѣ тѣ общественные и экономическіе вопросы, которые создавались жизнью спеціально-заводскаго населенія. Въ нихъ онъ видѣлъ только механическое препятствіе въ родѣ того, какое происходитъ отъ тренія колеса о собственную ось. Въ будущемъ, вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности и усовершенствованіемъ техники, они падутъ до своего естественнаго минимума. Это была слишкомъ своеобразная логика, но Горемыкинъ вполнѣ довольствовался ею и смотрѣлъ на работу Родіона Антоныча глазами посторонняго человѣка: его дѣло—на фабрикѣ; больше этого онъ ничего не хотѣлъ знать. Машины, машины и машины,—чѣмъ больше машинъ, тѣмъ меньше живыхъ рабочихъ, которые только тормозятъ величественное движеніе промышленности. Горемыкинъ проводилъ у семейнаго очага очень немного времени, но и оно не было свободно отъ заводскихъ заботъ, онъ точно уносилъ въ своей головѣ частицу этого двигавшагося, вертѣвшагося, пилившаго и визжавшаго желѣза, которое разрасталось въ громадное грохотавшее чудовище новаго времени. Передъ этимъ чудовищемъ все отсту-

пало на задній планъ, дѣйствительность представлялась въ самомъ миніатюрномъ масштабѣ, а дѣйствующія лица походили на пигмеевъ. Желѣзный братецъ Антей каждымъ своимъ движеніемъ давилъ кого-нибудь изъ пигмеевъ и даже не былъ виноватъ, потому что пигмеи сами лѣзли ему подъ ноги на каждомъ шагу.

— Я увѣренъ,—говорилъ Горемыкинъ женѣ,—что Евгенію Константинычу стоитъ только взглянуть на наши заводы, и всѣ Тетюевы будутъ безсильны.

— Ты думаешь? Ха-ха... Да Евгеній Константинычъ и не заглянетъ къ вамъ на фабрики. Очень ему нужно глотать заводскую пыль...

— А вотъ увидишь.

Раисѣ Павловнѣ ничего не оставалось, какъ только презрительно пожать своими полными плечами и еще разъ пожалѣть о томъ обстоятельствѣ, что роковая судьба связала ея жизнь съ жизнью этого идіота. Что такое этотъ Платонъ Васильичъ, если его разобрать? Сумасбродъ, ничтожность. Своимъ настоящимъ выдающимся положеніемъ онъ обязанъ ей—и только ей одной. Она создала его точно такъ же, какъ создала Родіона Антоныча и какъ теперь создавала Лушу. И ей же приходится испить всю чашу предстоящихъ испытаній исключительно изъ-за мужа... Ну какъ она покажетъ его Евгенію Константинычу, съ его глухотой и слѣпыми глазами? Предстоявшій позоръ впередъ заливалъ краской ея обрюзгшія полныя щеки. Мерзавецъ Тетюевъ хорошо разсчиталъ ударъ: если онъ ничего и не выиграетъ, то чего будетъ стоить Раисѣ Павловнѣ эта новая побѣда надъ Тетюевымъ. У ней просто начинала кружиться голова отъ одолѣвавшихъ ее плановъ, и она невольно припоминала ту лису, которая со своей тысячью думушекъ попала къ старухѣ на воротникъ.

Первыя непріятности уже дали себя почувствовать Раисѣ Павловнѣ.

Въ господскомъ домѣ были заведены Раисой Павловной офиціальные завтраки по воскресеньямъ. На этихъ завтракахъ фигурировалъ прежде всего заводскій beau monde, который Раиса Павловна держала въ ежовыхъ рукавицахъ, а затѣмъ разный заѣзжій праздношатающійся людъ—горные инженеры, техники, пріѣзжавшіе на сессію члены судебнаго вѣдомства, свѣтила юридическаго міра, занесенные неблагопріятной фортуной артисты, случайные корреспонденты и т. д. Здѣсь Раиса Павловна являлась настоящей царицей; недаромъ Тетюевъ называлъ господскій домъ „малымъ дворомъ", въ отличіе отъ большого двора, группировавшагося около самого Лаптева. Люди солидные расточали любезности ея увядшимъ прелестямъ, люди среднихъ лѣтъ удивлялись уму и великосвѣтскимъ непринужденнымъ манерамъ, молодежь—ея ласковому пріему, отдававшему веселой пикантной ноткой. Вообще, всѣ пріѣзжіе оставались необыкновенно довольны этими завтраками и слѣдовавшими за ними обѣдами, слава о которыхъ попадала даже въ столичную прессу, благодаря услужливости разныхъ литературныхъ прощелыгъ. Раиса Павловна умѣла принять и важное сановное лицо, проѣзжавшее куда-нибудь въ Сибирь, и какого-нибудь члена Археологическаго общества, отыскивавшаго по Уралу слѣды пещернаго человѣка, и всплывшаго на поверхность милліонера, обнюхивавшаго подходящее мѣстечко на Уралѣ, и какое-нибудь сильное чиновное лицо, выкинутое на поверхность безличнаго чиновнаго моря одной изъ тѣхъ таинственныхъ пертурбацій, какія время отъ времени потрясаютъ мирный сонъ разныхъ казенныхъ сферъ,—никто, однимъ словомъ, не миновалъ ловкихъ рукъ Раисы Павловны, и всякій уѣзжалъ изъ господскаго дома съ неизмѣнной мыслью въ головѣ, что эта Раиса Павловна удивительно

умная женщина. Старичокъ-сановникъ, сладко закрывая глаза, нѣсколько разъ разсказывалъ себѣ пикантный анекдотъ, которымъ его угостила Раиса Павловна, археологъ бережно завертывалъ въ бумагу каменный топоръ, который Раиса Павловна пожертвовала ему изъ своей коллекціи; милліонеръ испытывалъ зудъ во всемъ тѣлѣ отъ комплиментовъ Раисы Павловны, сильное чиновное лицо долго нюхало воздухъ, насквозь прокуренный Раисой Павловной самымъ великосвѣтскимъ ѳиміамомъ. Когда никого не было изъ чужихъ, воскресные завтраки принимали болѣе интимный характеръ, и Раиса Павловна держала себя, какъ мать большой семьи. Весь зависѣвшій отъ главнаго управляющаго людъ съѣзжался на эти завтраки съ благоговѣйнымъ трепетомъ: здѣсь постоянно разыгрывались тѣ безкровныя драмы, какими полна жизнь, и кипѣли вѣчныя интриги. Раиса Павловна любила развлекаться этой бурей въ стаканѣ воды, гдѣ всѣ подкапывались другъ подъ друга, злословили и даже нерѣдко доходили въ азартѣ до рукопашной.

Чтобы дополнить картину этихъ семейныхъ завтраковъ, намъ остается сказать два слова о demoiselles de compagnie, которыя вѣчно ютились подъ гостепріимной кровлей кукарскаго господскаго дома. Раиса Павловна, какъ многія другія женщины, совсѣмъ не создана была для семейной жизни, но она все-таки была женщина и въ качествѣ таковой питала непреодолимую слабость окружать себя какими-нибудь компаньонками, недостатка въ которыхъ никогда не было. Эти компаньонки, набранныя со всѣхъ четырехъ сторонъ, въ глухіе сезоны развлекали свою патронессу взаимными ссорами, сплетнями и болтовней, во время пріѣздовъ служили танцовальнымъ матеріаломъ и составляли partie de plaisir для молодыхъ людей и молодившихся старичковъ; но главная ихъ служба заключалась въ томъ, чтобы своимъ присутствіемъ оживлять воскресные завтраки, занимать гостей. Въ настоящее время штатъ этихъ приживалокъ состоялъ всего изъ трехъ экземпляровъ: институтка Эмма, лимфатическая полная особа нѣмецкаго происхожденія, какая-то безыменная дворяночка Анненька, веселое и безпечное созданіе, и истерическая некрасивая дѣвица Прасковья Семеновна. Штатъ этихъ приживалокъ очень часто обновлялся. Раньше жила француженка m-lle Louise, до нея—красавица Лукина. Судьба этихъ приживалокъ была самая странная: онѣ исчезали неизвѣстно куда, какъ и появлялись. Никто не замѣчалъ такихъ исчезновеній, а сама Раиса Павловна не любила объ этомъ разсказывать. Злые языки говорили, что такія обновленія состава приживалокъ совпадали съ пріѣздами Прейна, который, какъ всѣ старые холостяки, очень любилъ женское общество.

Изъ настоящаго состава приживалокъ всего интереснѣе была судьба Прасковьи Семеновны. Она принадлежала къ числу „заграничныхъ", какіе еще встрѣчаются кое-гдѣ на заводахъ. Происхожденіе этого названія относится къ первой четверти настоящаго столѣтія, когда уральскими заводчиками овладѣла манія посылать молодыхъ людей изъ своихъ крѣпостныхъ за границу для полученія спеціальнаго образованія по горной части. Изъ Кукарскихъ заводовъ было послано двѣнадцать человѣкъ, выбранныхъ изъ самыхъ способныхъ школьниковъ при заводскихъ училищахъ. Эти школьники прожили за границей лѣтъ десять, получая большое содержаніе. Они совсѣмъ освоились на новой почвѣ и почти всѣ переженились на иностранкахъ. Вдругъ ихъ всѣхъ требуютъ въ Россію, на заводы. Молодыя парочки ѣдутъ на Уралъ, гдѣ и узнаютъ сначала, что они крѣпостные Лаптева, слѣдовательно попали въ крѣпостныя и ихъ жены, всѣ эти нѣмки и француженки, а затѣмъ они изъ-подъ европейскихъ порядковъ перешли прямо въ желѣзныя лапы Никиты

Тетюева, который возненавидѣлъ ихъ за все: за европейскій костюмъ, за приличныя манеры, а больше всего за полученное ими европейское образованіе. Положеніе „заграничныхъ“ въ Кукарскихъ заводахъ было самое трагическое, тѣмъ болѣе, что переходъ отъ европейскихъ свободныхъ порядковъ къ родному крѣпостному режиму ничѣмъ не былъ сглаженъ. Тетюевъ, со своей стороны, особенно налегъ на молодыхъ людей, чтобы сразу выбить изъ нихъ всю европейскую и ученую дурь. Загнанные и забитые, „заграничные“ были разсованы по самымъ ничтожнымъ должностямъ, на копеечное жалованье, безъ всякаго выхода впереди. Чтобы усугубить кару, Тетюевъ устроилъ такъ, что механики получили мѣста писарей, чертежники—машинистовъ, минералоги—въ лѣсномъ отдѣленіи, металлурги — при заводскихъ конюшняхъ. Понятное дѣло, что такая политика вызвала протесты со стороны „заграничныхъ“, и Тетюевъ разсчитывался съ протестантами по-своему: однихъ разжаловалъ въ простыхъ рабочихъ, другихъ, послѣ наказанія розгами, записывалъ въ куренную работу, гдѣ приходилось рубить дрова и жечь уголья, и т. д. Самымъ любимымъ наказаніемъ, которое особенно часто практиковалъ крутой старикъ, служила „гора“, т.-е. опальныхъ отправляли въ мѣдный рудникъ, въ шахты, гдѣ они, совсѣмъ голые, на глубинѣ восьмидесяти саженъ должны были копать мѣдную руду. Эту каторжную работу не могли выносить самые привычные и сильные рабочіе, а заграничные въ своихъ европейскихъ обноскахъ были просто жалки, и ихъ спускали въ гору на вѣрную смерть. Но Тетюевъ былъ неумолимъ. Вся эта чудовищная исторія закончилась тѣмъ, что изъ двѣнадцати заграничныхъ въ три года четверо кончили чахоткой, трое спились, а остальные посходили съ ума. Положеніе заграничныхъ женщинъ было еще ужаснѣе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ какимъ-то чудомъ вынесли свою каторжную судьбу и остались живы съ дѣтьми на рукахъ. Участь этихъ женщинъ, даже не умѣвшихъ говорить по-русски, не привлекла къ себѣ участія заводскихъ палачей, и онѣ мало-по-малу дошли до послѣдней степени униженія, до какого въ состояніи только пасть голодная несчастная женщина, принужденная еще воспитывать голодныхъ дѣтей. Въ чужомъ краю, среди общихъ насмѣшекъ и презрѣнія, эти женщины являлись какимъ-то ужаснымъ призракомъ крѣпостного насилія. Но и въ самые черные дни своего существованія онѣ не могли разстаться со своимъ европейскимъ костюмомъ, съ тѣми модами, какія существовали въ дни ихъ юности... Трагедія переходила въ комедію. Эта страшная кара перешла и на дѣтей заграничныхъ, которыя явились на свѣтъ съ тяжелыми хроническими болѣзнями и медленно вымирали отъ разныхъ нервныхъ страданій, запоя и чахотки. Прасковья Семеновна, дочь кассельской нѣмки, съ ранняго дѣтства осталась круглой сиротой и была счастлива, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что не видала позора матери. Она съ пяти лѣтъ страдала истерическими припадками и въ качествѣ блаженненькой проживала по богатымъ купеческимъ домамъ. Въ разгарѣ своей борьбы съ Тетюевымъ Раиса Павловна обратила на нее свое вниманіе, взяла ее къ себѣ въ домъ и принялась воспитывать. Это доброе дѣло нехорошо было только тѣмъ, что оно дѣлалось со спеціальной цѣлью насолить Тетюеву: пусть онъ, проповѣдникъ гуманныхъ началъ и земскаго обновленія, полюбуется, въ лицѣ Прасковьи Семеновны, тятенькиными поступками... Прасковья Семеновна съ годами пріобрѣтала разныя смѣшныя странности, которыя вели ее къ тихому помѣшательству; въ господскомъ домѣ она служила общимъ посмѣшищемъ и проводила все свое время въ томъ, что по цѣлымъ днямъ смотрѣла въ окно, точно поджидая возвращенія дорогихъ, давно погибшихъ людей.

Итакъ, въ господскомъ домѣ совершался семейный завтракъ. Постороннихъ никого не случилось, а сидѣлъ все свой народъ: Прозоровъ, докторъ Кормилицынъ, жена Майзеля, разбитная нѣмка aus Riga, Амалія Карловна, управитель Баламутскаго завода Демидъ Львовичъ Вершининъ, Мельковскаго—отставной артиллерійскій офицеръ Сарматовъ, Куржака — чахоточный хохолъ Буйко, Заозернаго—вѣчно общипывавшійся и охорашивавшійся полячокъ Дымцевичъ. Въ общей трапезѣ принимали участіе старичокъ-механикъ Шубинъ и молодой человѣкъ, служившій по лѣсной части, Иванъ Иванычъ Половинкинъ, или просто m-r Половинкинъ. Эта компанія въ своемъ составѣ представляла очень пеструю картину. Сарматовъ славился, какъ отчаянный враль и самый безсовѣстный интриганъ, Буйко—своей безцвѣтностью, Дымцевичъ—глупостью. Самымъ виднымъ липомъ являлся Вершининъ, всегда спокойный и неизмѣнно остроумный, незамѣнимый собесѣдникъ за столомъ и величайшій въ свѣтѣ артистъ устраивать офиціальные и полуофиціальные обѣды. На этомъ послѣднемъ поприщѣ Вершининъ былъ въ своемъ родѣ единственный человѣкъ: никто лучше его не могъ поддержать бѣглаго, остроумнаго разговора въ самомъ смѣшанномъ обществѣ, у него всегда наготовѣ имѣлся свѣженькій анекдотъ, ядовитая шуточка, остроумный каламбуръ. Сказать спичъ, отдѣлать тутъ же за столомъ своего ближняго на всѣ корки, посмѣяться между строкъ надъ кѣмъ-нибудь—на все это Вершининъ былъ великій мастеръ, такъ что сама Раиса Павловна считала его очень умнымъ человѣкомъ и сильно побаивалась его остраго языка. Въ трудныхъ случаяхъ, когда нужно было принять какую-нибудь важную особу, въ родѣ губернатора или даже министра, Вершининъ являлся для Раисы Павловны кладомъ, хотя она не вѣрила ему ни въ одномъ словѣ. Среди этой заводской аристократіи и козырныхъ тузовъ m-r Половинкинъ являлся въ роли parvenu, которому Раиса Павловна очень покровительствовала, задавшись цѣлью женить его на Анненькѣ. Такія двусмысленныя личности встрѣчаются въ каждомъ обществѣ, и имъ достается самая жалкая роль. Злые языки въ m-r Половинкинѣ видѣли просто фаворита Раисы Павловны, которой нравилось его румяное лицо съ глупыми черными глазами, но мы такую догадку оставимъ на ихъ совѣсти, потому что на завтракахъ въ господскомъ домѣ всегда фигурировалъ какой-нибудь молодой человѣкъ въ роли parvenu. Покровительствовать молодымъ людямъ, подающимъ надежды, было слабостью Раисы Павловны, которая вообще любила устраивать чужое счастіе. Механикъ Шубинъ замѣчателенъ былъ тѣмъ, что про него рѣшительно ничего нельзя было сказать—ни худого ни добраго, а такъ, чортъ его разберетъ, что̀ за человѣкъ. Такіе люди иногда встрѣчаются: живутъ, служатъ, работаютъ, женятся, умираютъ, и отъ ихъ присутствія остается такое же смутное впечатлѣніе, какъ отъ пробѣжавшей мимо собаки.

Приживалки, конечно, были всѣ налицо. Прасковья Семеновна смотрѣла въ окно, Анненька шепталась и хихикала съ m-r Половинкинымъ, который глупо и самодовольно улыбался, покручивая выхоленные усики. M-lle Эмма стоически выдерживала атаку съ двухъ сторонъ: слѣва сидѣлъ около нея слегка подвыпившій Прозоровъ, который подъ столомъ напрасно старался прижать своей тощей ногой жирное колѣно m-lle Эммы, справа—Сарматовъ, который сегодня вралъ съ особеннымъ усердіемъ. Въ теченіе десяти минутъ онъ успѣлъ разсказать, прищуривая одинъ косой глазъ, что на послѣдней охотѣ однимъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ щуку, зайца и утку, потомъ, что когда былъ въ Петербургѣ, то открылъ совершенно случайно еще неизвѣстную астрономамъ планету, но не могъ воспользоваться своимъ открытіемъ, которое у него укралъ и опубликовалъ какой-то пройдоха, американскій уче-

ный, и наконецъ, что когда онъ служилъ въ артиллеріи, то на одномъ смотру, на Марсовомъ полѣ, черезъ него переѣхало восьмифунтовое орудіе, и онъ остался цѣлъ и невредимъ.

— Ахъ, виноватъ,—поправился Сарматовъ, придавая своей щетинистой, изборожденной морщинами рожѣ серьёзное выраженіе:—у меня тогда оторвало пуговицу у мундира, и я чуть не попалъ за это на гауптвахту. Увѣряю васъ... Такой странный случай: такъ прямо черезъ меня и переѣхали. Представьте себѣ, четверка лошадей, двѣнадцать человѣкъ прислуги, наконецъ орудіе съ лафетомъ.

— Я слышалъ, что однимъ колесомъ вамъ придавило голову?—спокойно замѣтилъ Вершининъ, улыбаясь въ свою подстриженную густую бороду. — А планету вы уже открыли послѣ этого случая... Я даже увѣренъ, что между этимъ случаемъ и открытой вами планетой существовала органическая связь.

— Отстаньте, пожалуйста, Демидъ Львовичъ! Вы все шутите... А я вамъ разскажу другой случай: у меня была невѣста — необыкновенное созданіе! Представьте себѣ, совершенно прозрачная женщина... И какъ случайно я узналъ объ этомъ! Нужно сказать, что я съ дѣтства страдалъ лунатизмомъ и могъ видѣть съ закрытыми глазами. Однажды...

Такіе разговоры повторялись слишкомъ часто, чтобы обращать на нихъ вниманіе. M-lle Эмма слушала весь этотъ вздоръ со своей обычной апатіей, не обращая вниманія на Прозорова, который, послѣ неудачной атаки подъ столомъ, принялся ей отчитывать самыя страстныя строфы изъ Гейне и даже Саади. Раиса Павловна, конечно, все это видѣла, но не придавала такимъ глупостямъ никакого значенія, потому что сама въ веселую минуту иногда давала подколѣнника какому-нибудь кавалеру-новичку, въ видѣ особенной ласки называла дамъ свиньями и употребляла по-французски и даже по-русски такія словечки, отъ которыхъ краснѣла даже m-lle Эмма. Но теперь ей было не до того: ее безпокоило поведеніе Вершинина и m-me Майзель, которые нѣсколько разъ обмѣнялись многозначительными взглядами, когда разговоръ зашелъ на тему объ ожидаемомъ пріѣздѣ Лаптева на заводы. Очевидно, это былъ открытый заговоръ противъ нея, и гдѣ же?—въ ея собственномъ домѣ... Это было уже слишкомъ! Сарматовъ и Дымцевичъ тоже какъ будто переглядываются между собой... О! Безъ сомнѣнія, всѣ они переметнулись на сторону Тетюева, и каждый дуракъ ждетъ, что именно его сдѣлаютъ главнымъ управляющимъ. Въ Раисѣ Павловнѣ забунтовала каждая жилка отъ непреодолимаго желанія отдѣлать на всѣ корки это собраніе Іудъ, а всѣхъ прежде — Амалію Карловну.

— M-r Половинкинъ,—обратилась m-me Майзель къ parvenu: — будьте настолько добры, сходите за моей рабочей корзинкой. Я ее оставила дома...

M-r Половинкинъ съежился, не зная, какъ выпутаться изъ своего неловкаго положенія: отъ господскаго дома до квартиры Майзеля было битыхъ полторы версты. Если не пойти—старикъ Майзель, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, сживетъ со свѣту, если итти—Раиса Павловна разсердится. Послѣднее онъ хорошо замѣтилъ по лицу своей патронши.

— Ваша лошадь, кажется, у подъѣзда, Амалія Карловна...—пробормоталъ наконецъ m-r Половинкинъ.—Я съ удовольствіемъ, если позволите... оно скорѣе...

— Ахъ, нѣтъ...—съ кислой улыбкой протестовала Амалія Карловна. — Лошадь устала, а вамъ пройтись немного, право, очень полезно... Увѣряю васъ!.. Вѣдь это всего въ двухъ шагахъ—рукой подать.

— Я полагаю Амалія Карловна, — отчетливо и тихо заговорила Раиса

Павловна, переставляя чашку съ недопитымъ кофе: — полагаю, что m-r Половинкину лучше знать, что̀ ему полезно и что̀ нѣтъ. А затѣмъ, вмѣстѣ со своей рабочей корзинкой, вы, кажется, забыли, что у m-r Половинкина, какъ у всѣхъ, присутствующихъ здѣсь, есть имя и отчество...

— Виновата, — жеманно отвѣтила m-me Майзель, прищуривая свои ястребиные глаза:—если не ошибаюсь—Семенъ Семенычъ...

— Нѣтъ, Иванъ Иванычъ...

— Еще разъ виновата, Иванъ Иванычъ...—съ разстановкой заговорила взбѣшенная Амалія Карловна, раскланиваясь съ m-r Половинкинымъ:—я ужъ лучше попрошу m-lle Эмму сходить за моей корзинкой. Вѣдь это недалеко: всего въ двухъ шагахъ.

— Вамъ, Амалія Карловна, лучше всего обратиться къ кому-нибудь изъ прислуги съ вашей просьбой или къ Демиду Львовичу...—отрѣзала m-lle Эмма, обладавшая большой находчивостью.

Эта глупая сцена сама по себѣ, конечно, не имѣла никакого значенія, но въ данномъ случаѣ она служила вызовомъ, который Амалія Карловна бросила прямо въ лицо Раисѣ Павловнѣ. Приживалки притихли, ожидая бури; Вершининъ съ улыбкой гладилъ жирнаго мопса Нерона, который слезившимися, вылупленными глазами глупо смотрѣлъ ему въ ротъ. Прозоровъ улыбался растерянной, пьяной улыбкой. Кормилицынъ препарировалъ ножку цыпленка; остальные напрасно старались изобразить изъ себя слушающую публику, которая была занята разсказомъ Сарматова, какъ онъ однажды въ Бессарабіи давалъ настоящій концертъ на фарфоровой гитарѣ. Буря пронеслась, и всѣ понемногу успокоились, даже m-r Половинкинъ, который теперь съ самымъ развязнымъ видомъ старался разсмѣшить Анненьку. Сама Амалія Карловна, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала доѣдать порцію холоднаго рябчика и аппетитно вытирала толстыя губы салфеткой. Съ острымъ носомъ, съ узкими черными глазками и съ рѣдкими, точно что-то хватавшими движеніями, она всегда походила на птицу; это сходство увеличивалось еще пестрымъ барежевымъ платьемъ и кружевной наколкой на головѣ. Теперь Амалія Карловна, набивая ротъ рябчикомъ, разсказывала о необыкновенно красивой шляпкѣ, которую m-me Тетюева на-дняхъ получила изъ Петербурга. Упоминать фамилію Тетюевыхъ въ присутствіи Раисы Павловны было вообще дерзостью, но Амалія Карловна съ самой ехидной искренностью, на какую только способны великосвѣтскія дамы, еще прибавила, обращаясь къ Раисѣ Павловнѣ:

— А вы ничего не ждете себѣ изъ Петербурга? Я хочу сказать, не выписали ли вы себѣ какую-нибудь новинку... на голову?

— Амалія Карловна, вы слишкомъ много себѣ позволяете!.. — вскипѣла наконецъ Раиса Павловна, бросая на тарелку вилку.

— Я?.. Я, кажется, ничего не сказала такого... — чистосердечно удивилась Амалія Карловна, обводя присутствующихъ удивленнымъ взоромъ.

— Нѣтъ, вы отлично понимаете, что̀ хотѣли сказать. Я только могу удивляться вашей дерзости: явиться въ мой домъ... и...

— Послѣ этого моя нога никогда не будетъ въ вашемъ домѣ!..— величественно произнесла Амалія Карловна, торопливо проглатывая послѣдній кусокъ рябчика.

— Мы не много отъ этого потеряемъ...

— Вы меня оскорбляете, Раиса Павловна!.. Николай Карлычъ вызоветъ Платона Васильича на дуэль, если вы не извинитесь сейчасъ же...

— Дуэль? Ха-ха... Зачѣмъ дуэль, идите лучше и поцѣлуйтесь съ вашимъ Тетюевымъ!..

Амалія Карловна ждала поддержки со стороны присутствовавшихъ единомышленниковъ, но тѣ предпочитали соблюдать полнѣйшій нейтралитетъ, какъ это и приличествуетъ постороннимъ людямъ. Этого было достаточно, чтобы Амалія Карловна съ быстротой пушечнаго ядра вылетѣла въ переднюю, откуда доносились только ея отчаянные вопли:

— Я знаю все... все!.. Васъ всѣхъ отсюда метлой выгонятъ... всѣхъ!..

— Неронъ, кусь!.. — уськнула вдогонку m-lle Эмма, и собака съ громкимъ лаемъ понеслась въ переднюю.

Лицо Раисы Павловны горѣло огнемъ, глаза метали молніи, и въ уютной столовой съ дубовой мебелью и суровыми драпировками долго царило самое принужденное молчаніе. Докторъ ковырялъ какую-то копченую рыбешку, Вершининъ съ разстановкой смаковалъ чайный ликеръ изъ крошечной рюмочки на тонкой высокой ножкѣ, Дымцевичъ покручивалъ усики, толкая локтемъ Буйко. Прозоровъ и Сарматовъ разговаривали вполголоса, Анненька кормила хлѣбными шариками вернувшагося изъ погони Нерона. Послѣ приживалокъ Неронъ пользовался у Раисы Павловны особенными привилегіями. Онъ могъ дѣлать рѣшительно все, что̀ ему вздумается, и Раиса Павловна отъ души хохотала надъ его остроумными собачьими проказами, когда онъ, напримѣръ, съ ловкостью записного эквилибриста бросался къ лакею, разносившему кушанье, и выхватывалъ съ блюда лучшій кусокъ, или во время завтрака взбирался на обѣденный столъ и начиналъ обнюхивать тарелки и чашки завтракавшихъ. Собачья фантазія была неистощима, и Неронъ, по какому-то инстинкту, особенно надоѣдалъ тѣмъ, кого Раиса Павловна почему-либо недолюбливала. Всѣ, кто хотѣлъ угодить Раисѣ Павловнѣ, прежде всего былъ долженъ заслужить расположеніе Нерона. Въ этихъ видахъ, Родіонъ Антонычъ, m-r Половинкинъ и другіе приспѣшники всегда носили въ карманѣ что-нибудь съѣстное, и даже самъ Вершининъ гладилъ и ласкалъ злую и ожирѣвшую собачонку.

— А я на вашемъ мѣстѣ просто дала бы ей въ шею...—лѣниво замѣтила m-lle Эмма, нарушая общее молчаніе.

Всѣ засмѣялись. Раиса Павловна тоже улыбнулась. Эта m-lle Эмма молчитъ-молчитъ, а потомъ и скажетъ всегда что-нибудь такое смѣшное. Высказавъ свое мнѣніе, дѣвушка съ забавной серьезностью вытянула губы и посмотрѣла вызывающе на Вершинина. Положительно, эта нѣмочка была интересна, если бы окончательно не „потеряла фигуру“, благодаря своей увеличивавшейся полнотѣ. Раиса Павловна съ ужасомъ смотрѣла на ея расплывавшійся бюстъ, точно подъ корсетомъ у m-lle Эммы была налита вода. Да и одѣться къ лицу она никогда не умѣла: нѣмка, такъ нѣмка и есть, все на ней кошелемъ. То ли дѣло Анненька—и лицомъ хуже m-lle Эммы, а фигурка у нея точно на заказъ выточена, стройная да гибкая.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Раиса Павловна, я на вашемъ мѣстѣ лихо смазала бы эту Амальку, — повторила m-lle Эмма, поощренная общимъ смѣхомъ.

— Ахъ, душечка, меня, вѣроятно, самоё скоро въ шею смажутъ въ собственномъ домѣ, — отвѣтила Раиса Павловна. — Если бы Амалька вцѣпилась мнѣ въ физіономію, я увѣрена, что ни одинъ изъ присутствующихъ здѣсь не вступился бы за меня... Взять хоть Демида Львовича для примѣра.

— Я сначала подождалъ бы, Раиса Павловна, на чьей сторонѣ останется побѣда,—груднымъ тенoромъ отвѣтилъ Вершининъ, прищуривая глаза.— А потомъ ужъ присталъ бы, конечно, не къ побѣжденной сторонѣ...

IX.

Отъ Загнеткина было получено уже нѣсколько писемъ. Онъ подробно описывалъ все, что̀ успѣвалъ разузнать о предстоявшей поѣздкѣ Лаптева на заводы. Каждое письмо Раиса Павловна подвергала самому тщательному анализу и все-таки оставалась въ концѣ концовъ неудовлетворенной: въ затѣянной Тетюевымъ игрѣ ей оставалось много неяснаго. Что̀ такое этотъ генералъ Блиновъ—прежде всего? Получалось самое смутное, расплывавшееся въ подробностяхъ представленіе: если онъ „ученый профессоръ“ по преимуществу, то какимъ образомъ примазался къ нему Тетюевъ со своими интригами? Если, затѣмъ, генераломъ такъ вертитъ эта таинственная особа, то что̀ же смотритъ Прейнъ? Если, наконецъ, генералъ задался непремѣнной цѣлью произвести на заводахъ необходимыя финансовыя реформы, то отчего до сихъ поръ ни въ заводоуправленіи ни Платону Васильичу не было рѣшительно ничего извѣстно? Получалась кружившая голову путаница, въ которой невозможно было разобраться. Ясно было только то, что сама Раиса Павловна самымъ глупымъ образомъ попала между двумя сходившимися стѣнами: съ одной стороны былъ Тетюевъ, завербовавшій себѣ сильную партію Майзеля, Вершинина и другихъ, съ другой генералъ Блиновъ. Стоило только имъ сойтись вмѣстѣ, и Раиса Павловна неизбѣжно будетъ похоронена подъ развалинами недавняго своего величія. Главное, теперь рѣшительно ничего нельзя было предпринять для разсѣянія сгущавшейся мглы, а нужно было ждать, ждать и ждать... Изъ тумана выступали пока совсѣмъ неопредѣленныя фигуры генерала Блинова съ его особой и какой-то балерины Братковской, изъ-за которой Лаптевъ откладываетъ свою поѣздку на Уралъ день за днемъ. Самъ хитроумный и на все оборотистый Родіонъ Антонычъ рѣшительно ничѣмъ не могъ помочь Раисѣ Павловнѣ и только нагонялъ на нее тоску своими безконечными охами и вздохами.

— Ужъ вы лучше бы мнѣ на глаза не показывались!—откровенно высказывалась ему Раиса Павловна.

Приживалки, которыхъ Прозоровъ называлъ галками, безцѣльно слонялись по всему дому, какъ осеннія мухи по стеклу, или меланхолически гуляли по саду. Дѣлать имъ было рѣшительно нечего, и единственнымъ развлеченіемъ являлся только m-r Половинкинъ, который держалъ себя съ галками настоящимъ денди.

— Душечка, ты постарайся меньше кушать,—уговаривала Раиса Павловна m-lle Эмму:—а то вѣдь ты начинаешь совсѣмъ походить на индюшку... У тебя даже изъ-подъ пазухъ жиръ такъ и лѣзетъ складками!

Мадмуазель дѣлала сердитое лицо и ничего не отвѣчала.

— Необходимо принять мѣры, голубчикъ, — продолжала Раиса Павловна.— Наконецъ посовѣтуйся съ докторомъ: есть такія средства, отъ которыхъ такія толстушки дѣлаются интересными дѣвицами. Что̀ же дѣлать, если природа иногда несправедлива къ намъ...

Когда не было Раисы Павловны, дѣвушки осторожно шушукались между собой, критикуя каждый шагъ своей патронши.

— Я рѣшительно не понимаю,—говорила m-lle Эмма, — что̀ *она* находитъ интереснаго въ этой вертушкѣ Лукерьѣ? Прейнъ и не взглянетъ на нее. Очень ему нужно смотрѣть на всякую дрянь!

— У Луши носикъ хорошенькій, съ горбикомъ.

— Только и есть, что одинъ носикъ, Анненька. Ну, да Прейну сойдетъ... для счета.

— Ты ужъ не ревнуешь ли ее къ нему?

— Я?.. Очень мнѣ нужно. Этотъ Прейнъ такой отвратительный, если бы ты знала. Онъ такъ умѣетъ надоѣсть...

— Однако когда-то ты имъ была, кажется, очень заинтересована.

— Не больше, чѣмъ ты своимъ Иванъ Иванычемъ... Вотъ погоди, и ты не уйдешь отъ Прейна, Анненька. Ему была бы только юбка... Я была тогда глупа, когда онъ ухаживалъ за мной, и не умѣла забрать его въ руки. Если онъ начнетъ продѣлывать съ тобой такую же исторію, я тебя научу, что̀ нужно дѣлать. Слѣдовало бы его проучить... А все эта наша Раиса Павловна! Я была еще совсѣмъ дѣвчонкой, когда Прейнъ пріѣхалъ сюда въ первый разъ. Ну, конечно, принялся ходить за мной, а Раиса Павловна сейчасъ со своими шуточками да анекдотами—проходу не даетъ. А потомъ... Помнишь изъ „Belle Hélène“:

...Но вѣдь бываютъ столкновенья,
Когда мы нехотя грѣшимъ!..

— Что̀ же, онъ скоро тебя бросилъ?—допытывалась Анненька.

— Да, у него все это скоро дѣлается: черезъ недѣлю, кажется... мерзавецъ вообще, какихъ мало. А теперь Раиса Павловна будетъ ловить Прейна на Лукерью, только она не продастъ ее дешево. Будь увѣрена. Недаромъ она такъ ухаживаетъ за этой дѣвчонкой...

— А знаешь, что̀ я думаю,—говорила Анненька.—Не думаетъ ли Раиса Павловна прельстить Лушей самого Лаптева?

— Ну, ужъ ты очень далеко хватила: Лаптева!.. Дай Богъ Прейна облюбовать съ грѣхомъ пополамъ, а Лаптевъ уже занятъ и, кажется, занятъ серьезно. Слыхали про Братковскую? Говорятъ, красавица: высокаго роста, съ большими голубыми глазами, съ золотистыми волосами... А сложена, какъ богиня. Первая красавица въ Петербургѣ. А тутъ какая-нибудь чумичка Луша... фи!..

— Я не понимаю только одного, вѣдь Луша выходитъ за Яшу Кормилицына, давно всѣмъ извѣстно, и сама же Раиса Павловна объ этомъ такъ хлопотала.

— Тогда хлопотала, а теперь оставитъ Яшеньку съ носомъ и только,— засмѣялась m-lle Эмма.—Не дорого дано... Да я на мѣстѣ Луши ни за что не пошла бы за эту деревянную лѣстницу... Очень пріятно!.. А ты слышала, какой подарокъ сдѣлалъ докторъ Лушѣ, когда она изъявила желаніе выйти за него замужъ?

— Нѣтъ.

— Это потѣха: какую-то глисту въ спиртѣ... Честное слово. Мнѣ Вершининъ подъ секретомъ разсказывалъ, и она его съ этой глистой въ три шеи.

— Значитъ, у нихъ все дѣло разсохлось?

— А чортъ ихъ разберетъ... Развѣ нашу Раису Павловну узнаешь, что̀ она думаетъ. Комаръ носу не подточитъ.

— Однако она сильно измѣнилась въ послѣднее время,—задумчиво говорила Анненька:—лицо осунулось, подъ глазами синіе круги... Я вчера прихожу и разсказываю ей, что мы съ тобой видѣли Амальку, какъ она ѣхала по улицѣ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Тетюевой, такъ Раиса Павловна даже побѣлѣла вся. А вѣдь скверная штука выйдетъ, если Тетюевъ дѣйствительно смажетъ нашу Раису Павловну. Куда мы тогда съ тобой дѣнемся, Эмма?

— Вздоръ!.. Наша Раиса всѣхъ въ одинъ узелъ завяжетъ—вотъ увидите!—увѣренно отвѣчала m-lle Эмма, дѣлая энергичный жестъ рукой.—Да

если бы и смазали ее, не велика бѣда: не пропадемъ. Махнемъ въ столицу и прямо объявленіе въ газетахъ: „Молодая особа и т. д.“ Вотъ и вся не долга. По крайней мѣрѣ, можно пожить въ свое удовольствіе.

Эти разсудительныя барышни очень обстоятельно разсудили все, что̀ должно произойти по случаю пріѣзда Лаптева. Конечно, будетъ нѣсколько баловъ, потомъ разныя поѣздки въ горы, пикники и просто parties de plaisir. Майзель будетъ устраивать охоты съ интересными превращеніями, Вершининъ—обѣды, Сарматовъ—спектакли и т. д. Интересно будетъ посмотрѣть, какъ Раиса Павловна будетъ мириться съ Амалькой. Впрочемъ, это не первый случай между ними. Гораздо серьезнѣе будетъ встрѣча Раисы Павловны съ той особой, которая ѣдетъ съ генераломъ Блиновымъ. Вотъ будетъ потѣха, когда эти старыя бабы встрѣтятся и зафукаютъ, какъ старыя кошки!

Прасковья Семеновна въ этихъ разговорахъ почти не принимала никакого участія, хотя въ послѣднее время она чувствовала себя особенно хорошо: всеобщая суматоха и перестройка совпадали съ ея душевнымъ настроеніемъ, и она ходила изъ комнаты въ комнату съ самымъ довольнымъ лицомъ. Дѣвушка совершенно разумно разсуждала съ рабочими, которые не выходили изъ господскаго дома. Она внимательно слѣдила за каждымъ шагомъ впередъ: гдѣ выкрасили, гдѣ переклеили новые обои, гдѣ покрыли лакомъ—все это, вмѣстѣ взятое, служило самымъ вѣрнымъ доказательствомъ приближающихся событій. Когда работы были кончены, Прасковья Семеновна заняла наблюдательную позицію въ томъ окнѣ, изъ котораго виднѣлась трактовая дорога. Именно по этой дорогѣ Лаптевъ и долженъ былъ пріѣхать, и Прасковья Семеновна терпѣливо ждала его по цѣлымъ днямъ. Однажды она вбѣжала въ комнату Анненьки и проговорила задыхающимся голосомъ:

— Ѣдутъ!

— Кто?

— Всѣ ѣдутъ.

Анненька и m-lle Эмма бросились къ окнамъ и должны были убѣдиться въ справедливости этого извѣстія.

Дѣйствительно, черезъ площадь, мимо зданія заводоуправленія, быстро катился громадный дорожный дормезъ, запряженный четверней. За нимъ, заливаясь почтовыми колокольчиками, летѣли пять троекъ, поднимая за собой тучу пыли. Миновавъ заводоуправленіе, экипажи съ грохотомъ въѣхали на мощеный дворъ господскаго дома.

— Это Евгеній Константинычъ!—вскрикнула Анненька, бросаясь предупредить Раису Павловну.

— Вздоръ, Анненька!—рѣшила разсудительная нѣмка.—Лаптевъ такъ никогда не поѣдетъ. Это, вѣроятно, прислуга.

Любопытныя барышни прильнули къ окну и имѣли удовольствіе наблюдать, какъ изъ дормеза, у котораго фордекъ былъ поднятъ и закрытъ наглухо, показался высокій молодой человѣкъ въ ботфортахъ и въ соломенной шляпѣ. Онъ осторожно заперъ за собой дверь экипажа и остановился у подъѣзда, поджидая, пока изъ другихъ экипажей выскакивали какіе-то странные субъекты въ охотничьихъ и шведскихъ курткахъ, въ макинтошахъ и просто въ блузахъ.

— Музыканты...—шептала Анненька, прижимаясь плечомъ къ своей флегматической подругѣ, которая все время не сводила глазъ съ запертаго дормеза.

— Что̀ бы тамъ такое было?—подумала вслухъ m-lle Эмма, не обращаясь ни къ кому.—Ужъ не та ли особа, которая ѣдетъ съ Блиновымъ?

— Какой красивый... восторгъ!..—восхищалась откровенная Анненька, любуясь молодымъ человѣкомъ изъ дормеза, около котораго теперь собрались всѣ остальные.

На подъѣздъ растерянно выскочилъ безъ фуражки швейцаръ Григорій и, вытянувшись по-солдатски, не сводилъ глазъ съ молодого человѣка въ соломенной шляпѣ. Слышался смѣшанный говоръ съ польскимъ акцентомъ. Давно небритый сѣдой старикъ, съ крючковатымъ польскимъ носомъ, пообѣщалъ кому-то тысячу „дьябловъ". Къ галдѣвшей кучкѣ, запыхавшись, подбѣгалъ трусцой Родіонъ Антонычъ, вытирая на ходу батистовымъ платкомъ свое жирное, красное лицо.

— Гдѣ намъ остановиться?—обратился къ нему молодой человѣкъ въ ботфортахъ.—Я домашній секретарь генерала Блинова, а это вѣнскій оркестръ.

— Отлично, отлично...—торопливо отвѣчалъ Родіонъ Антонычъ. — Для генерала Блинова приготовлено особенное помѣщеніе... Вы съ нимъ остановитесь?

— О, это все равно...—съ улыбкой проговорилъ молодой человѣкъ, глядя на кисло сморщившуюся физіономію Родіона Антоновича своими ясными голубыми славянскими глазами.—Мнѣ крошечную комнатку—и только.

— Найдется и комнатка... все найдется. А относительно оркестра... Позвольте... Да пожалуйте, сначала васъ нужно помѣстить, а потомъ и господамъ музыкантамъ мѣсто найдемъ. Извините, не знаю вашего имени и отчества...

— Гуго Альбертовичъ Могула-Братковскій, къ вашимъ услугамъ... А позвольте узнать...

— Меня, Гугу...

— Гуго...

— Да, да... меня, Гуго Альбертовичъ, зовутъ просто Родіонъ Антонычемъ. Тоже домашній секретарь при главномъ управляющемъ всѣми Кукарскими заводами, Платонѣ Васильевичѣ Горемыкинѣ.

— Очень пріятно,—баритономъ протянулъ красавецъ-полякъ, заглядывая, между прочимъ, въ окна, гдѣ виднѣлись лица Анненьки и m-lle Эммы.

— Такъ ужъ я сначала вамъ отведу квартиру, Гуго Альбертовичъ... Эй, кучеръ, за мной!..

Полякъ взъерошилъ свою красивую русую бородку, передернулъ широкими плечами и красиво зашагалъ по двору за торопливо сѣменившимъ Родіономъ Антонычемъ. Дормезъ покатился за ними, давя хрустѣвшій подъ колесами рѣчной хрящъ, которымъ былъ усыпанъ весь дворъ, и остановился въ слѣдующемъ, гдѣ въ сиреняхъ и акаціяхъ кокетливо прятался только-что выбѣленный флигелекъ въ три окна.

— Вотъ здѣсь...—проговорилъ Родіонъ Антонычъ съ подавленнымъ вздохомъ.—Григорій, ты вынесешь вещи, — обратился онъ къ слѣдующему въ почтительномъ отдаленіи швейцару.—Или лучше я самъ вытащу чемоданы...

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ самому,—съ утонченной вѣжливостью отказался Братковскій.—У меня тамъ очень капризные пассажиры сидятъ.

Молодой человѣкъ подошелъ къ экипажу, отворилъ дверцу и на тонкой стальной цѣпочкѣ вывелъ оттуда двухъ порядочныхъ обезьянъ, изъ которыхъ одна сейчасъ же оскалила свои большіе бѣлые зубы на онѣмѣвшаго отъ изумленія Родіона Антоныча.

— Это... это что же такое, Гуго Альбертовичъ?—проговорилъ онъ, машинальнымъ движеніемъ снимая предъ обезьянами свою соломенную шляпу.

— Обезьяны Нины Леонтьевны...

— Гм...—промычалъ Родіонъ Антонычъ.

„У Раисы Павловны Неронъ, а у Нины Леонтьевны обезьяны... Такъ-съ. Охъ, ужъ эти дамы, дамы!.. А имя, должно-быть, заграничное! Нина... Должно-быть, какая-нибудь черкешенка, чортъ ее возьми совсѣмъ. Злющія, каналы, говорятъ, эти черкешенки!“

— Я теперь обойдусь безъ вашей помощи, Родіонъ Антонычъ,—предупредилъ Братковскій, когда свелъ обезьянъ въ комнату.

— Отлично, отлично... Я вамъ пошлю человѣка: платье вычистить съ дороги, сапожки.

— Пожалуй, пошлите,—лѣниво согласился молодой человѣкъ, исчезая въ дормезѣ, откуда выглядывали углы чемодановъ и какихъ-то поставцовъ.

— Сейчасъ же...

Родіонъ Антонычъ раскланялся съ дормезомъ, въ которомъ сидѣлъ Братковскій, и уныло побрелъ къ господамъ музыкантамъ, размышляя дорогой, куда онъ дѣнетъ эту безшабашную ораву. Пожалуй, еще стянутъ что-нибудь... Все это выдумки Прейна: нагналъ орду дармоѣдовъ, а теперь изволь съ ними возиться, когда работы безъ того по горло.

Появленіе гостей подняло весь господскій домъ на ноги. Горничныя шныряли изъ комнаты въ комнату съ разсказомъ объ обезьянахъ, какъ мыши, побывавшія въ мукѣ. Родіонъ Антонычъ, конечно, разсказалъ все Раисѣ Павловнѣ съ неизмѣнными охами и вздохами, причемъ догадкамъ и предположеніямъ не было конца. Первой догадалась, что сдѣлать, Анненька: она торопливо надѣла шляпу и отправилась въ садъ, въ ту аллею, которая проходила какъ разъ подъ окнами занятаго Братковскимъ флигелька. Эта стратегика удалась ей—въ окнѣ сидѣлъ таинственный секретарь и курилъ сигару. Замѣтивъ проходившую дѣвушку, онъ вѣжливо поклонился ей.

— Красавецъ...—разсказывала Анненька, рдѣя румянцемъ.—Какъ сложенъ: кровь съ молокомъ! А какіе глаза, Эммочка—чудо! голубые, большіе... Просто расцѣловала бы разбойника!..

Раиса Павловна тоже успѣла изъ-за гардины разглядѣть таинственнаго молодого человѣка, котораго сейчасъ и опредѣлила, помѣстивъ его въ разрядъ крупныхъ молодыхъ людей. Это былъ не какой-нибудь выродокъ, какъ большинство нынѣшней молодежи, а настоящій молодой человѣкъ, сильный, здоровый, непремѣнно веселый. Такіе субъекты попадаются только въ средѣ кавалеристовъ и обыкновенно сводятъ съ ума вдовушекъ съ богатырской комплекціей. Когда въ дни своей молодости Раиса Павловна жила въ аристократическомъ семействѣ, гдѣ познакомилась съ Прозоровымъ, тамъ часто бывали именно такіе молодые люди. Все это былъ крайне развязный и остроумный народъ, обращавшійся съ женщинами съ той особенной милой простотой, какая пріобрѣтается раннимъ знакомствомъ съ закулисной жизнью маленькихъ театровъ, загородныхъ гуляній и цирковъ. Отъ этихъ откровенныхъ молодыхъ людей всегда пахло лошадьми и конюшней, а въ ихъ преждевременной напускной серьезности слишкомъ рано сказывались безсонныя ночи и дорогіе кутежи въ обществѣ продажныхъ красавицъ. По человѣческой логикѣ казалось бы, что такіе слишкомъ опытные молодые люди не должны бы были пользоваться особенными симпатіями тепличныхъ институтскихъ созданій, но выходитъ какъ разъ наоборотъ: именно на сторонѣ этой золотой молодежи и сосредоточивались всѣ симпатіи восторженной и невинной юности, для которой запретный плодъ имѣлъ неотразимо-притягательную силу. Раиса Павловна все это испытала на себѣ самой, и у ней невольно екнуло въ груди ея сорокалѣтнее сердце при видѣ этого поляка-красавца, въ которомъ все выдавало его кровное аристократическое происхожденіе.

— Да вѣдь это братъ той балерины Братковской, о которой писалъ намъ Загнеткинъ?!—первая опомнилась Раиса Павловна. — Конечно, братъ...

Родіонъ Антонычъ въ ужасѣ развелъ руками и даже растворилъ ротъ: какъ это онъ самъ не могъ догадаться, когда молодой человѣкъ отрекомендовался ему! Вотъ тебѣ и началось: сестрица вертитъ Лаптевымъ, братецъ секретаремъ у генерала Блинова—нечего сказать, хорошенькая парочка. Значитъ, что̀ захочетъ Нина Леонтьевна, ей сто̀итъ только передать Братковскому, тотъ своей сестрѣ, а эта все и перевернетъ въ баринѣ вверхъ дномъ. Тонко придумано... Ай-да Тетюевъ! Вотъ гдѣ зацѣпилъ ловко!.. И гдѣ же съ такимъ человѣкомъ тягаться, когда онъ, Родіонъ Антонычъ, даже забылъ спросить Братковскаго, когда пріѣдетъ генералъ Блиновъ? Пробовалъ онъ навести справки черезъ господъ музыкантовъ, но тѣ про генерала ничего не знали и только на четырехъ языкахъ просили водки.

— Ужо я какъ-нибудь заверну къ нему, Раиса Павловна,—предлагалъ Родіонъ Антонычъ.—А тамъ подъ рукой и разспрошу о генералѣ, можетъ, и о сестричкѣ что̀ скажетъ...

— Нѣтъ, пожалуйста, этого не дѣлайте: неделикатно надоѣдать незнакомому человѣку, который, можетъ-быть, совсѣмъ и не желаетъ видѣть насъ съ вами.

Раиса Павловна говорила это, конечно, не спроста: она ждала визита отъ Братковскаго. Дѣйствительно, онъ заявился къ ней на другой же день и оказался именно тѣмъ, чѣмъ она представляла его себѣ. Это былъ премилый человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и сразу очаровалъ дамское общество, точно онъ былъ знакомъ сто лѣтъ.

„Вишь, какая приворотная гривенка,—думалъ про себя Родіонъ Антонычъ, наблюдая все время интереснаго молодого человѣка. — Небось, о генералѣ да о своей сестричкѣ ни гугу... Мастеръ, видно, бобы разводить съ бабами! Охъ-хо-хо, прости, Господи, наши прогрѣшенія!“

М-г Половинкинъ совсѣмъ потерялся въ обществѣ блестящаго молодого человѣка и только жалко хлопалъ глазами, когда тотъ заставлялъ Анненьку хохотать до слезъ. Въ своей черной парѣ и бѣломъ галстукѣ Братковскій былъ необыкновенно хорошъ: все на немъ точно было вылитое и могучія формы обрисовывало особенно эффектно. Когда онъ смѣялся, Анненькѣ очень хотѣлось влѣпить ему самую отчаянную институтскую безешку. Эта беззаботная дѣвушка въ присутствіи Братковскаго испытывала необыкновенно пріятное волненіе, обдававшее ее щекотавшимъ тепломъ, а когда онъ на прощанье особенно внимательно пожалъ ей руку, она вся вспыхнула горячимъ молодымъ румянцемъ и опустила глаза.

— Что̀ это съ тобой, Анненька?—спрашивала m-lle Эмма, когда онѣ ложились вечеромъ спать.—Ты какая-то странная сегодня, точно угорѣлая бродишь...

— Ахъ, не то, не то совсѣмъ, Эммочка... милая!..—вскрикнула Анненька, начиная цѣловать подругу самыми отчаянными поцѣлуями: на глазахъ у ней были слезы.—Я такъ... мнѣ хорошо.

М-lle Эмма сразу поняла, что̀ творилось съ Анненькой, и только покачала головой. Развѣ для такой „галки“, какъ Анненька, первая любовь могла принести что-нибудь, кромѣ несчастія? Да еще любовь къ какому-то лупоглазому прощелыгѣ, который, можетъ-быть, ужъ женатъ. М-lle Эмма была очень разсудительная особа и всего больше на свѣтѣ дорожила собственнымъ покоемъ. И къ чему, подумаешь, эти дурацкіе восторги: увидала красиваго парня и распустила слюни.

— Глупости, Анненька... вздоръ!—сердито проговорила m-lle Эмма, снимая со своихъ круглыхъ ногъ чулки.

Бѣдная галка ничего не отвѣчала; уткнувшись головой въ подушку, она тихо рыдала. M-lle Эмма даже плюнула при видѣ такихъ телячьихъ нѣжностей и пообѣщала Анненькѣ нѣмецкаго чорта.

Братковскій бывалъ въ господскомъ домѣ и попрежнему былъ хорошъ, но о генералѣ Блиновѣ, о Нинѣ Леонтьевнѣ и своей сестрѣ видимо избѣгалъ говорить. Сарматовъ и Прозоровъ были въ восторгѣ отъ тѣхъ анекдотовъ, которые Братковскій разсказывалъ для однихъ мужчинъ; Дымшевичъ, въ качествѣ компатріота, ходилъ во флигель къ Братковскому запросто и познакомился съ обѣими обезьянами Нины Леонтьевны. Одинъ Вершининъ замѣтно косился на молодого человѣка, потому что вообще не выносилъ соперниковъ по части застольныхъ анекд

— А когда же вашъ патронъ пріѣдетъ?—по сту разъ на день спрашивали домашняго секретаря генерала Блинова.

— Ничего неизвѣстно, господа... Рѣшительно ничего!—уклончиво отвѣчалъ осторожный молодой человѣкъ.

Родіонъ Антонычъ въ сообществѣ съ Сарматовымъ надѣялся споить крѣпкаго полячка, авось пьяный развяжетъ языкъ, но Братковскій пилъ крайне умѣренно и совсѣмъ не думалъ пьянѣть.

Пока „малый дворъ“ исключительно былъ занятъ секретаремъ генерала Блинова, ежедневно прибывали новые гости: подкатилъ цѣлый обозъ съ кухней и поварами, потомъ пріѣхало нѣсколько подводъ спеціально съ гардеробомъ, затѣмъ конюшня и экипажи, наконецъ привалила охота. Вся эта орда большею частью была „устроена“ на нижнемъ дворѣ, гдѣ въ тетюевскія времена помѣщалась господская дворня. Егеря въ голубыхъ кунтушахъ, цѣлый штабъ изъ камердинеровъ, наѣздники, кучера, музыканты—все это смѣшалось въ невообразимо пеструю кучу, точно на нижнемъ дворѣ остановился для нѣсколькихъ представленій какой-нибудь громадный странствующій циркъ.

— Вѣдь всѣ они до послѣдняго ѣсть каждый день хотятъ!..—воскликнулъ Родіонъ Антонычъ, ломая въ отчаяніи руки.—А тутъ еще нужно кормить двадцать пять лошадей и цѣлую свору собакъ... Извольте радоваться! Охъ-хо-хо!..

X.

Прошелъ май, а баринъ все не ѣхалъ.

Въ господскомъ домѣ стояла страшная и томительная скука, какая овладѣваетъ человѣкомъ передъ грозой. Даже самые трусливые, въ томъ числѣ Родіонъ Антонычъ, настолько были утомлены этимъ тянувшимъ душу чувствомъ, что, кажется, уже ничего не боялись и желали только одного, чтобы все это поскорѣе разрѣшилось въ ту или другую сторону. Братковскій держался попрежнему и чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ; музыканты, егеря, кухня и наѣздники пьянствовали напропалую, не обращая никакого вниманія на кислыя гримасы Родіона Антоновича, оплакивавшаго каждую бутылку водки.

Когда всѣ, такимъ образомъ, привыкли къ своему положенію и даже начали говорить, что все равно, двухъ смертей не бывать, а одной не миновать, изъ Петербурга отъ Прохора Созоныча прилетѣла наконецъ давно ожидаемая телеграмма, гласившая: „Сегодня Лаптевъ выѣзжаетъ съ Прейномъ и Блиновымъ. Заводныхъ приготовьте пятнадцать троекъ“.

— Ну, началось!—простоналъ Родіонъ Антонычъ, чувствуя, какъ у него подгибаются колѣни со страху.

— Пятнадцать троекъ!—думала вслухъ Раиса Павловна, перечитывая телеграмму.—Это цѣлая орда сюда валитъ. Отъ Петербурга до Москвы сутки, отъ Москвы до Нижняго сутки, отъ Нижняго до Казани—двое, отъ Казани по Волгѣ, потомъ по Камѣ и по Бѣлой—трое сутокъ... Итого недѣля ровно. Да отъ Бѣлой до Кукарскаго завода двѣсти тридцать верстъ—тоже сутки. Черезъ восемь дней, слѣдовательно, всѣ будутъ здѣсь. Слышите, Родіонъ Антонычъ?

— Охъ, слышу, все слышу...

— У васъ все будетъ готово?

— Все, все... Не знаю, какъ на другихъ заводахъ, а у насъ все...

— Да намъ до другихъ заводовъ дѣла нѣтъ: тамъ свои управители есть, и пусть отдуваются. Да Лаптевъ едва ли и поѣдетъ отъ насъ... Намъ придется за всѣхъ здѣсь муку принимать.

— Точно такъ-съ. Майзель ужъ собралъ лѣсообъѣздчиковъ со всѣхъ сторонъ и мундиры имъ заказалъ... Около Куржака медвѣжью берлогу отыскали, матерая медвѣдица съ двумя медвѣжатами ходитъ. Подъ Заозернымъ оленей сказываютъ.

— Значитъ, отлично на первый разъ. А какъ театръ?

— Это ужъ Сарматовъ орудуетъ...

— Главное: костюмы... понимаете? У Наташи Шестеркиной плечи хорошія, ну, ее декольтируемъ, а Канунникову въ русскомъ сарафанѣ покажемъ. Я за этимъ сама наблюду.

— Вотъ я хотѣлъ вамъ сказать, Раиса Павловна, насчетъ Лукерьи Витальевны... Барышня совсѣмъ заневѣстилась и по всѣмъ статьямъ вышла. Вотъ бы показать на сценѣ-то.

— Молода еще она для сцены, сробѣетъ...—уклончиво отвѣтила Раиса Павловна, что-то обдумывая про себя.

— И даже нисколько не сробѣютъ... Я ихъ какъ-то видѣлъ: такъ и наливаются, въ родѣ какъ малина! Ей-Богу!

— Ну, это ужъ мое дѣло. Пусть ее наливается, а для сцены она не годится: совсѣмъ еще дѣвчонка дѣвчонкой... Плечи узенькія, тутъ (Раиса Павловна сдѣлала выразительный жестъ рукой) ничего нѣтъ.

— Ватки бы подложить да пажикомъ бы и показать. Хе-хе. Онѣ точно что изъ себя субтильныя, а можетъ, это и нужно будетъ. Господская душа потемки, сударыня. Ахъ, все я вамъ забываю доложить,—понизивъ тонъ, продолжалъ Родіонъ Антонычъ:—родитель-то Гликерін Витальевны...

— Запилъ?

— Даже весьма. Точно на зло: всѣ стараются, всякій по своей части изъ кожи лѣзетъ, а онъ мертвую закладываетъ. Приступа даже нѣтъ... А вдругъ Евгеній Константинычъ захотятъ заводскія школы осмотрѣть? „Гдѣ инспекторъ?“ А у нихъ даже костюма подходящаго нѣтъ...

— Костюмъ нужно сшить, да приставьте къ нему садовника Абрана, чтобы день и ночь караулилъ. Да еще не забудьте сказать доктору, чтобы прописалъ чего-нибудь: хлорала или нашатырнаго спирта.

— Слушаю-съ.

Родіонъ Антонычъ хотѣлъ уходить, но вернулся и конфиденціально сообщилъ:

— А Вершининъ-то, Раиса Павловна, съ Тетюевымъ да съ Майзелемъ хотятъ контру устроить Платону Васильичу... И Сарматовъ съ Дымгевичемъ туда же.

— Подлецы! Ахъ, да всѣ они на одну колодку выкроены. Тетюева видѣли? Доволенъ?..

— Издальки видѣлъ... Веселый такой ѣдетъ на новой лошади. Сѣрая въ яблокахъ...

— Ну, и пусть его повеселится, а вы тоже не печальтесь.

— Я, Раиса Павловна, не печалюсь: двухъ смертей не бывать...

— То-то и есть. Гусей по осени считаютъ, и хорошо только то, что̀ хорошо кончается... Такъ?

Восемь дней, оставшіеся до пріѣзда Лаптева, промелькнули незамѣтно въ общей, теперь уже безцѣльной суматохѣ, какая овладѣваетъ людьми въ такихъ исключительныхъ случаяхъ. Наконецъ наступилъ и роковой восьмой день. Съ ранняго утра весь заводъ былъ на ногахъ. По улицамъ бродили праздныя кучки любопытныхъ, а на площади, передъ зданіемъ заводоуправленія и особенно около господскаго дома народъ стоялъ стѣна стѣной, несмотря на отчаянныя усилія станового и нѣсколькихъ полицейскихъ водворить порядокъ въ этомъ галдѣвшемъ живомъ морѣ. Мастеровые въ новыхъ зипунахъ и армякахъ, старики съ палками, бабы въ пестрыхъ платкахъ, босоногіе ребятишки—все слилось въ одну массу, которая приготовилась простоять здѣсь до самаго вечера, чтобы хотя однимъ глазкомъ взглянуть на барина. Загорѣлыя, обожженныя въ огненной работѣ лица заводскихъ рабочихъ выглядѣли сегодня празднично, съ тѣмъ довольнымъ выраженіемъ, съ какимъ смотритъ отдыхающій человѣкъ. Бабы трещали, какъ сороки, пощелкивая кедровые орѣхи; ребятишки совались межъ ногъ, толкали всѣхъ и, какъ воробьи, разсыпа̀лись въ мгновеніе ока при первомъ грозномъ словѣ какого-нибудь сердитаго старика, съ благоговѣніемъ глядѣвшаго въ окна барскаго дома. Общее настроеніе толпы было самое торжественное. Вѣдь баринъ являлся чѣмъ-то въ родѣ стихійной силы, которая слѣпо осыпаетъ своими милостями и невзгодами; баринъ служилъ олицетвореніемъ возможнаго на землѣ могущества. Мужицкая фантазія терялась въ перечисленіи всѣхъ необходимыхъ атрибутовъ такого барина, какимъ былъ Лаптевъ. Онъ все можетъ сдѣлать, что̀ захочетъ; казнѣ нѣтъ счету, земли—конца-краю, и т. д.

Для человѣка новаго эта пятитысячная толпа представлялась такой же однообразной массой, какъ трава въ лѣсу, но опытный взглядъ сразу опредѣлялъ видовыя группы, на какія она распадалась естественнымъ образомъ.

Основаніе составляли собственно фабричные рабочіе, которыхъ легко было отличить отъ другихъ по запеченнымъ неестественно-краснымъ лицамъ, вытянутымъ, сутуловатымъ фигурамъ и той заводской сажѣ, которой вся кожа пропитывается, кажется, навѣки. Тутъ были простые поденщики, чернодѣлы и рабочая аристократія. Всѣ эти люди, изо дня въ день тянувшіе каторжную заводскую работу, которую бойкій заводскій человѣкъ недаромъ окрестилъ огненной, теперь слились въ одно общее желаніе взглянуть на барина, для котораго они жарились у горновъ, ворочали клещами раскаленныя двѣнадцатипудовыя крицы, вымогались надъ такой работой, отъ которой нестрядевыя рубахи, послѣ двухъ смѣнъ, вставали отъ потовой соли коробомъ. Фабрика рядомъ поколѣній выработала совершенно особенный типъ заводскаго фабричнаго, который въ состояніи вынести нечеловѣческій трудъ. Эти жилистыя, могучія руки, эти красные затылки, согнутыя спины и крѣпкая, увѣренная поступь были точно созданы для заводской работы. Каждая фигура была сколочена изъ однихъ костей и мускуловъ и дышала чисто-заводской силой. На первый разъ могло поразить то, что самые здоровые субъекты отличались худобой, но это и есть признакъ мускульной, ни-

чѣмъ несокрушимой силы. Какъ рядовой солдатикъ-пѣхотинецъ, такъ и заводскій мастеровой страдаютъ жировымъ перерожденіемъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Красныя рубахи, накинутые на плечи чекмени и лихо надвинутыя на одно ухо войлочныя шляпы придавали фабричнымъ рабочимъ видъ записныхъ щеголей, которые умѣютъ поставить послѣднюю копейку ребромъ.

Полнымъ контрастомъ съ заводскими мастеровыми являлись желтые рудниковые рабочіе, которые „робили въ горѣ". Изнуренныя лица, вялыя движенія и общій убитый видъ сразу выдѣлялъ ихъ изъ общей массы, точно они сейчасъ только были откопаны откуда-то изъ-подъ земли и не успѣли еще отмыть прильнувшей къ тѣлу и платью желтой, вязкой глины. Работа „въ горѣ", на глубинѣ восьмидесяти саженъ, по всей справедливости, можетъ назваться каторжной, чѣмъ она и была въ крѣпостное время, превратившись послѣ эмансипаціи въ „вольный крестьянскій трудъ". Конечно, „въ гору" толкала этихъ желтыхъ выцвѣтшихъ людей самая горькая нужда, потому что тамъ платили дороже, чѣмъ на другихъ работахъ. Стоило только разъ попасть рабочему въ мѣдный рудникъ, чтобы на вѣки вѣчные обречь слѣдующія поколѣнія на эту же работу. Это объясняется очень просто: молодыхъ здоровыхъ рабочихъ толкаетъ „въ гору" возможность большихъ заработковъ, но самый сильный человѣкъ „израбливается" подъ землей въ десять-двѣнадцать лѣтъ, такъ что поступаетъ на содержаніе къ своимъ дѣтямъ въ 35 лѣтъ. Такимъ образомъ, дѣтямъ рудниковыхъ рабочихъ приходится слишкомъ рано содержать не только самихъ себя и свои семьи, но и семью отца, а такой заработокъ можетъ дать только одна „гора". Получается роковой кругъ, изъ котораго вырваться могутъ только счастливцы: рудниковый рабочій органически связанъ со своей „горой", какъ устрица со своей раковиной. Вообще, трудно сказать, что̀ труднѣе—работать въ „горѣ" или въ огненной работѣ, но и тѣ и другіе рабочіе являются настоящими гномами нашего „вѣка огня и желѣза".

Между этими основными группами толкались черномазые углежоги, пріѣхавшіе поглядѣть барина изъ дальнихъ лѣсныхъ деревень, „транспортные", прозванные за свою отчаянность „соловьями", и всякій другой рабочій людъ, не имѣвшій опредѣленной спеціальности или мѣнявшій ее съ каждымъ годомъ. Сюда же прибрели самые древніе старики, вытянувшіеся еще на крѣпостномъ правѣ. Достаточно было взглянуть на эти согнутыя въ дугу спины, подгибавшіяся колѣни и дрожавшія корявыя руки, чтобы сразу узнать бывшихъ огненныхъ и рудниковыхъ рабочихъ. Они чинно держались въ сторонѣ отъ молодыхъ рабочихъ, большинство было съ длинными черемуховыми палками. Около нихъ вертѣлись босоногіе ребятишки, особенно тѣ, которые еще не успѣли отвѣдать заводской работы. И слабыя дѣтскія руки тоже принимали участіе въ гигантской заводской работѣ, съ десяти лѣтъ помогая семьямъ своимъ гривенникомъ поденщины.

— Одначе долго-таки баринъ не ѣдетъ!—говорилъ какой-то сѣдой старикъ, поглядывая въ окна господскаго дома.—Пора бы! Съ котораго времени дожидаемъ...

— Уѣхали, слышь, встрѣчать на Половинку: Платонъ Васильичъ съ управителями, Родивонъ Антонычъ, Николай Карлычъ... На пяти тройкахъ угнали, а лѣсообъѣздчики на вершныхъ. Такъ запалили, что страсть...

Когда вдали, по Студеной улицѣ, по которой долженъ былъ проѣхать баринъ, показывалась какая-нибудь черная точка, толпа глухо начинала волноваться, и вездѣ слышались возгласы: „Баринъ ѣдетъ! Баринъ ѣдетъ... Вонъ

онъ!..“ Бывалые старики, которые еще помнили, какъ наѣзжалъ старый баринъ, только посмѣивались въ сѣдыя бороды и приговаривали:

— Онъ и есть, баринъ! Какъ есть дураки! Разѣ баринъ такъ тебѣ и поѣхалъ! Перво-наперво пригонятъ загонщики, потомъ въ колокола ударятъ по церквамъ, а ужъ потомъ и баринъ, съ фалетуромъ, на пятеркѣ. А то: баринъ! Только вотъ Тетюева не стало, некому принять барина по-настоящему. Нынче ужъ что̀! Только будто названіе, что главный управляющій!

— Нонѣ народъ вольный, дѣдушка,—замѣтилъ кто-то изъ толпы мастеровыхъ.—Это допрежь того боялись барина пуще огня, а нонѣ что̀ намъ баринъ: поглядимъ—и вся тутъ. Управитель да надзиратель нашему брату куда хуже барина!

— Сровнялъ... Эхъ, вы-ы!.. Мало васъ драли, вотъ и брешете. Кабы живъ былъ старикъ Тетюевъ, да...

— Это ты вѣрно говоришь, дѣдушка,—вступился какой-то прасолъ.—Всѣ бариномъ кормимся, всѣ у него за спиной сидимъ, какъ тараканы за печкой. Сто̀итъ ему сказать единое слово—и кончено: всѣ по міру пойдемъ... Ужъ это вѣрно! Вотъ взять хошь насъ! Живемъ своей торговой частью, баринъ для насъ тьфу, кажется, а разобрать, такъ... одно слово: баринъ!.. И пословица такая говорится: изъ барина пухъ—изъ мужика духъ.

— Ужъ это что̀ говорить, знамо дѣло, что всѣ бариномъ дышимъ!—согласился за всѣхъ кто-то въ толпѣ.

Во дворъ господскаго дома пускались только избранные: депутаціи отъ всѣхъ волостей, заслуженные мастеровые въ даренныхъ господскихъ кафтанахъ, обшитыхъ позументомъ, служащіе, рыженькій священникъ съ причтомъ и т. д. Въ передней съ ранняго утра топталась степенная группа стариковъ. Это были коноводы той партіи общественниковъ, которые тягались съ Родіономъ Антонычемъ изъ-за уставной грамоты. Теперь они пришли въ господскій домъ съ новой надеждой, что съ пріѣздомъ барина наконецъ уладится и ихъ дѣло. Въ увѣренномъ выраженіи этихъ серьезныхъ лицъ сказывалась непоколебимая вѣра въ правоту своего дѣла и твердое желаніе послужить міру до послѣдняго. Вѣдь баринъ сейчасъ пріѣдетъ, все увидитъ, все разберетъ и все устроитъ.

— Что̀, старички? жалобу принесли барину?—спрашивала Раиса Павловна, проходя по передней.

— А ужъ что̀ Богъ дастъ, Раиса Павловна. Мы вѣдь изъ вашей господской воли не выходимъ, только наше бы добыть.

— Напрасно вы со своими пустяками Евгенія Константиныча хотите безпокоить, старички!

— Ужъ это какъ Господь ему на душу положитъ.

Въ пріемныхъ комнатахъ господскаго дома въ выжидательномъ молчаніи сидѣли старшіе служащіе. Въ громадной залѣ былъ сервированъ столъ для обѣда, а на хорахъ гудѣла разноязычная толпа пріѣзжихъ музыкантовъ, приготовившихся встрѣтить гостей торжественнымъ тушемъ.

Среди общаго молчанія раздавались только шаги Анненьки и m-lle Эммы: дѣвицы, обнявшись, уныло бродили изъ комнаты въ комнату, нервно оправляя на своихъ парадныхъ шелковыхъ платьяхъ бантики и ленточки. Раиса Павловна сама устраивала имъ костюмы и, какъ всегда, осталась очень недовольна m-lle Эммой; Анненька была хороша и своей стройной фигуркой, и интересной блѣдностью, и лихорадочно горѣвшими глазами, и чайной розой, небрежно заколотой въ темныхъ, гладко зачесанныхъ волосахъ.

XI.

На фабрикѣ часы пробили двѣнадцать, часъ, два, а баринъ все не ѣхалъ. Толпы все прибывали, заполонивъ моремъ головъ всю площадь передъ зданіемъ заводоуправленія и вытянувшись въ длинный шевелившійся хвостъ мимо господскаго дома вдоль всей Студеной улицы. Чтобы какъ-нибудь не прозѣвать барина, большинство поступилось даже обѣдомъ. Въ господскомъ домѣ выжидательное настроеніе давно уже отразилось въ усталомъ выраженіи всѣхъ глазъ, въ поблѣднѣвшихъ лицахъ и въ томъ особенномъ нервномъ состояніи, отъ котораго у всѣхъ пересохло во рту. Раиса Павловна не знала, какъ ей убить мучительно тянувшееся время. Она нервно переходила изъ одной комнаты въ другую, осматривала въ сотый разъ, все ли готово, и съ тупымъ выраженіемъ лица останавливалась у окна, стараясь не глядѣть въ дальній конецъ Студеной улицы.

— Этотъ Платонъ Васильичъ больше, чѣмъ идіотъ,—говорила она Анненькѣ.—Ну что̀ ему стоило послать изъ Половинки какого-нибудь лѣсообъѣздчика?.. Наконецъ Родіонъ Антонычъ чего смотритъ?.. Это можно съ ума сойти!

— Раиса Павловна! — перебила эту горячую реплику появившаяся въ дверяхъ m-lle Эмма:—тамъ... пришелъ Виталій Кузьмичъ...

— Охъ, Боже мой! Этого только еще недоставало! И, конечно, пьянъ?

— Да... сильно пошатывается.

— Что̀ ему нужно? Скажи кому-нибудь, чтобы его прибрали подальше отъ глазъ...

Въ этотъ моментъ толпа на улицѣ глухо загудѣла, точно по живой человѣческой нивѣ гулкой волной прокатилась волна. „Ѣдетъ!.. Ѣдетъ!..“—поднялось въ воздухѣ, и Студеная улица зашевелилась отъ начала до конца, пропуская двухъ верховыхъ, скакавшихъ къ господскому дому на взмыленныхъ лошадяхъ во весь опоръ. Это и были давно ожидаемые всѣми загонщики, молодые крестьянскіе парни въ красныхъ кумачныхъ рубахахъ.

— Сейчасъ выѣзжаетъ съ Половинки...—кричали они, спѣшиваясь у крыльца господскаго дома.

Не успѣли загонщики „отлепортовать“ по порядку слушавшему ихъ служащему, какъ дальній конецъ Студеной улицы точно дрогнулъ, и въ воздухѣ разсѣянной звуковой волной поднялось тысячеголосое ура. Но это былъ еще не баринъ, а только вихремъ катилась кибитка Родіона Антоныча, который, безъ шляпы, потный и покрытый пылью, отчаянно махалъ обѣими руками, выкрикивая охрипшимъ голосомъ:

— Тише!.. Ахъ, Ббожже мой! Чертоломы вы этакіе! чего напрасно глотку дерете! Чему обрадовались!

— Ну?—спрашивала Раиса Павловна, выбѣгая навстрѣчу къ Сахарову.

— Охъ, бѣда! Сорокъ лошадей загнали на восьми станціяхъ... Семнадцать троекъ бѣжитъ... Видѣлъ самого и къ ручкѣ приложился!—высыпалъ Родіонъ Антонычъ привезенныя новости.

— Да что̀ вы такъ долго тамъ, на Половинкѣ сидѣли?

— Чай пили...

— Отчего же вы меня не извѣстили? Мы тутъ голову совсѣмъ потеряли, а они тамъ чай распиваютъ.

— Не мы, а *самъ* чай пилъ.

— Такъ бы и послали сказать. А *ту* видѣли?

Родіонъ Антонычъ только махнулъ рукой и побѣжалъ въ переднюю, гдѣ сейчасъ же накинулся на депутацію съ хлѣбомъ-солью:

— Въ церковь ступайте... всѣ въ церковь!.. Да чтобы звонили, во вся звонили, какъ только покажется пыль на дорогѣ.

Точно въ отвѣтъ на эти слова, на пяти заводскихъ церквахъ загудѣли всѣ колокола, и Родіонъ Антонычъ торопливо началъ креститься. Черезъ минуту онъ уже подымался на паперть главной церкви, которая стояла посреди базарной площади. Тамъ уже ждало духовенство во всемъ облаченіи, и народъ набожно снялъ шапки. Выстроивъ депутацію съ хлѣбомъ-солью у паперти, Родіонъ Антонычъ, заслонивъ рукой глаза отъ солнца, впился въ дальній конецъ Студеной улицы, по которой теперь, заливаясь колокольчиками, вихремъ мчалась исправничья тройка съ двумя казаками назади. За ней во весь карьеръ летѣлъ открытый дорожный дормезъ, заложенный пятеркой. Въ воздухѣ катилась цѣлая буря отчаянныхъ звуковъ, нараставшихъ и увеличивавшихся съ каждымъ шагомъ впередъ, какъ катившійся подъ гору снѣжный комъ. Когда дормезъ подъѣзжалъ къ церкви, вся Студеная улица и площадь представляли собой настоящее море, которое кипѣло и бурлило каждымъ своимъ атомомъ. Гулъ колоколовъ и дружный крикъ тысячъ людей слились въ одинъ протяжный стонъ. Общее вниманіе было приковано къ катившемуся дормезу, въ которомъ сидѣли трое въ бѣлыхъ лѣтнихъ костюмахъ. Одинъ изъ нихъ время отъ времени снималъ какую-то пеструю шапочку безъ козырька и раскланивался на обѣ стороны.

— Вотанъ, баринъ-отъ... Уррра-а-а-а!..—неистово оралъ какой-то мастеровой, въ порывѣ энтузіазма хватаясь за колесо останавливавшагося экипажа.

— Голубчикъ ты нашъ! родименькій!—подвывали въ толпѣ бабы, вытягиваясь на носочки.

Дормезъ остановился передъ церковью, и къ нему торопливо подбѣжалъ молодцеватый становой съ нѣсколькими казаками, въ тылу усердія дѣлая подъ козырекъ. Съ задняго сидѣнья нерѣшительно поднялся полный, средняго роста молодой человѣкъ въ пестромъ шотландскомъ костюмѣ. На видъ ему было лѣтъ тридцать; большіе сѣрые глаза, съ полузакрытыми вѣками, смотрѣли усталымъ, неподвижнымъ взглядомъ. Его правильное лицо съ орлинымъ носомъ и бѣлокурыми кудрявыми волосами много теряло отъ какой-то обрюзгшей полноты.

— И къ чему вся эта дурацкая церемонія, генералъ?—лѣниво по-французски протянулъ молодой человѣкъ, оглядываясь съ подножки экипажа на сѣдого старика со строгимъ лицомъ.

— Нельзя, Евгеній Константинычъ, такой обычай!—по-французски отвѣтилъ старикъ, поднимаясь съ мѣста.

Шотландскій костюмъ барина сначала немного смутилъ восторженную публику, но потомъ всѣ рѣшили, что, вѣроятно, такъ нужно, потому баринъ—значитъ, законъ ему не писанъ. Бабъ ужасно заинтересовала клѣтчатая пестрая юбочка, а мужиковъ—отсутствіе штановъ. Пестрый пледъ, пестрая шапочка съ длинными лентами на затылкѣ и чулки на ногахъ тоже были, конечно, подвергнуты самой строгой критикѣ и тоже получили свое объясненіе: баринъ. Только голыя колѣни барина немного смутили самыхъ смѣлыхъ, потому что рѣшительно не находилось для нихъ никакого подходящаго извиняющаго мотива. Зато генералъ, своей внушительной высокой фигурой и сердитыми сѣдыми усами, произвелъ на окружающихъ самое хорошее впечатлѣніе: настоящій генералъ, хотя и штатскій. Его длинное лицо, съ рѣзкими, точно обрубленными линіями, отдавало солдатской выправкой; только небольшіе темные глаза смотрѣли добрымъ и открытымъ взглядомъ. Дорожный простой

костюмъ старика и мягкая пуховая шляпа представляли, рядомъ съ пестротой шотландскаго костюма, пріятный контрастъ.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?—съ капризными нотками въ голосѣ спрашивалъ Лаптевъ, когда генералъ вышелъ изъ экипажа.

— Ничего больше, какъ только подняться на колокольню и оттуда раскланяться съ народомъ,—отозвался изъ экипажа сухенькій подвижной господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ.

— Ахъ, мнѣ не до шутокъ, Прейнъ!—усталымъ голосомъ проговорилъ Лаптевъ.

Сухощавое лицо Прейна, съ щурившимися безцвѣтными глазами и тонкими морщинами около породистаго горбатаго носа, улыбнулось безпечной и вмѣстѣ увѣренной улыбкой. Небольшого роста, съ сильной грудью и тоненькими ножками, Прейнъ походилъ на жокея въ отставкѣ или наѣздника изъ цирка. Слишкомъ первная натура сказывалась въ каждомъ движеніи, особенно въ игрѣ личныхъ мускуловъ и улыбающемся, пристальномъ взглядѣ. И одѣтъ Прейнъ былъ какъ жокей: коротенькая синяя куртка, лакированные сапоги, бѣлые штаны, шляпа-котелокъ на головѣ. Его маленькая тощая фигурка рядомъ съ массивной, представительной фигурой генерала казалась особенно жалкой. Этотъ подвижной юркій человѣкъ обладалъ неистощимымъ запасомъ какого-то безшабашнаго веселья и такъ же весело и беззаботно острилъ, когда отправлялся на дуэль, какъ и сидя за стаканомъ вина.

Когда Лаптевъ, въ сопровожденіи Блинова и Прейна, поднимался на церковную паперть, къ церкви успѣли подъѣхать три слѣдующихъ экипажа, изъ которыхъ торопливо повыскакивали Горемыкинъ, Майзель, Вершининъ и двое еще неизвѣстныхъ лицъ. Они рысцой вбѣжали на паперть, гдѣ теперь Лаптевъ, снявъ свою шотландскую шапочку, прикладывался къ кресту. Сахаровъ первымъ успѣлъ просунуть свою коротко остриженную голову и торопливо приложился къ барской ручкѣ, подавая примѣръ стоявшимъ съ хлѣбомъ-солью депутатамъ, мастеровымъ въ дареныхъ синихъ кафтанахъ и старымъ служащимъ еще крѣпостной выправки. Осанистый старикъ-священникъ, съ складистой сѣдой бородой, досталъ изъ-подъ ризы бумажку и хотѣлъ по ней прочесть привѣтственное пастырское слово, но голосъ у него дрогнулъ на первыхъ строкахъ, и онъ только безсвязно пробормоталъ какой-то текстъ изъ Священнаго Писанія.

— Пожалуйста, увезите меня отсюда скорѣе!—взмолился Лаптевъ, когда на него со всѣхъ сторонъ посыпались рабьи поцѣлуи; кто-то въ пылу энтузіазма цѣловалъ даже его голое колѣно.—Это какіе-то сумасшедшіе!

Выбраться изъ толпы, которая была слишкомъ наэлектризована этой торжественной минутой, было не такъ-то легко, и только при помощи казаковъ и личномъ усердіи станового и исправника Лаптева наконецъ освободили отъ сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ знаковъ участія. Пришлось пробираться до экипажа черезъ живую стѣну.

— Евгеній Константинычъ, куда же это вы?—кричалъ по-французски Блиновъ, стараясь пробиться черезъ толпу, которая отдѣляла его отъ Лаптева.—Сейчасъ будетъ молебенъ, Евгеній Константинычъ...

— Оставьте его!—отвѣтилъ Прейнъ изъ экипажа, въ который онъ залѣзъ черезъ облучокъ.—Послѣ отслужимъ... Валяйте, генералъ, по моему примѣру, черезъ облучокъ: всѣ дороги ведутъ въ Римъ.

У коляски Лаптева ожидало новое испытаніе. По мановенію руки Родіона Антоныча, десятка два катальныхъ и доменныхъ рабочихъ живо отпрягли лошадей и потащили тяжелый дорожный экипажъ на себѣ. Толпа неистово

ревѣла, сотни рукъ тянулись къ экипажу, мелькали вспотѣвшія красныя лица, раскрытые рты и осовѣвшіе отъ умиленія глаза.

— Что̀ же это такое наконецъ?—уже сердито обратился Лаптевъ къ Прейну.

Прейнъ только пожалъ плечами и сквозь зубы проговорилъ:

— Пусть ихъ везутъ, если имъ это доставляетъ удовольствіе.

— Да я этого не хочу!.. Я лучше пойду пѣшкомъ.

— Сейчасъ доѣдемъ, Евгеній Константинычъ,—успокаивалъ генералъ.— Вонъ, кажется, и господскій домъ, если не ошибаюсь...

— Да, да...—подтверждалъ Прейнъ.—Всего нѣсколько шаговъ...

— Мнѣ остается только поблагодарить васъ, генералъ, за этотъ даровой спектакль,—съ ироніей замѣтилъ Лаптевъ.

— Что̀ дѣлать! нужно потерпѣть, Евгеній Константинычъ! Имѣйте терпѣніе.

— Стоитъ для этого тащиться изъ Петербурга въ такую даль!

Когда торжественная процессія приблизилась къ господскому дому, окна котораго и балконъ были драпированы коврами и краснымъ сукномъ, навстрѣчу показалась депутація съ хлѣбомъ-солью отъ всѣхъ заводовъ. Старикъ, съ пожелтѣвшей отъ старости бородой, поднесъ большой коровай на серебряномъ блюдѣ.

— Примите блюдо и поблагодарите,—шепнулъ Блиновъ смутившемуся заводовладѣльцу.

— Благодарю, господа... Я... очень доволенъ, хотя, право, это совсѣмъ лишнее,—развязно заговорилъ Лаптевъ, принимая блюдо отъ старика.

Чтобы предупредить давешнюю сцену народнаго энтузіазма, проходъ отъ экипажа до подъѣзда былъ оцѣпленъ стѣной изъ казаковъ и лѣсообъѣздчиковъ, такъ что вся компанія благополучно добралась до залы, гдѣ была встрѣчена служащими и громкимъ тушемъ. Лаптевъ разсѣянно поклонился служащимъ, которые встрѣтили его также хлѣбомъ-солью и рѣчью, и спросилъ, обратившись къ Прейну:

— Вы замѣтили второе окно направо?

— О, да... премилое личико! Вѣроятно, какая-нибудь интересная провинціалочка. Вамъ не мѣшаетъ переодѣться послѣ дороги...

Прейнъ провелъ Лаптева въ его уборную, гдѣ уже ждалъ англичанинъ-камердинеръ, m-r Чарльзъ. Лаптевъ точно обрадовался и даже освѣдомился, благополучно ли m-r Чарльзъ сдѣлалъ послѣднюю станцію, причемъ дѣтски-капризнымъ голосомъ началъ жаловаться на страшную усталость и на тѣ церемоніи, какими его сейчасъ только угостили. M-r Чарльзъ выслушалъ своего повелителя съ почтительнымъ достоинствомъ, какъ и слѣдуетъ слугѣ высшей школы. Его упитанная, выхоленная фигура, красивое, безстрастное лицо, безукоризненныя манеры, костюмъ, прическа, произношеніе, ногти на рукахъ—все было проникнуто однимъ сплошнымъ достоинствомъ, которому не было границъ. Когда M-r Чарльзъ гулялъ для моціона предъ обѣдомъ, его можно было принять за министра въ отставкѣ. Недаромъ одинъ острякъ сказалъ про Лаптева, что онъ уважаетъ въ свѣтѣ только одного человѣка— m-r Чарльза. Этотъ отзывъ былъ близокъ къ истинѣ.

— Не угодно ли вамъ выбрать костюмъ для завтрака?—проговорилъ m-r Чарльзъ, предлагая вниманію своего повелителя двѣ дюжины панталонъ, таковое же количество жилетовъ, визитокъ, галстуковъ и сорочекъ.

Лаптевъ ежедневно переодѣвался минимумъ четыре раза и теперь перемѣнилъ свой шотландскій костюмъ на свѣтло-сѣрую лѣтнюю пару изъ какой-то

мудреной индѣйской матеріи. М-г Чарльзъ, конечно, не надѣлъ бы такого костюма для параднаго завтрака, но величественно и съ достоинствомъ промолчалъ.

XII.

Пока совершался торжественный проѣздъ Лаптева отъ церкви до господскаго дома, въ этомъ послѣднемъ нервное напряженіе достигло до послѣдней степени. Раиса Павловна чувствовала, какъ у ней похолодѣли пальцы, а въ вискахъ стучала кровь. Въ своемъ шелковомъ кофейномъ платьѣ, съ высоко взбитыми волосами на головѣ, она походила на театральную королеву, которая готовится изъ-за кулисъ выйти на сцену съ заученнымъ монологомъ на губахъ. Анненька, m-lle Эмма и Прасковья Семеновна выглядывали на улицу изъ-за оконныхъ драпировокъ, а Раиса Павловна стояла у окна вмѣстѣ съ Лушей, одѣтой въ свое единственное нарядное платье изъ чесучи. „Галки“ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ переживали всѣ перипетіи развертывавшейся предъ ихъ глазами комедіи. Анненька во всей этой суматохѣ видѣла только одного человѣка, и этотъ человѣкъ былъ, конечно, Гуго Братковскій; m-lle Эмма волновалась по другой причинѣ—она съ сердитымъ лицомъ ждала того человѣка, котораго ненавидѣла и презирала. Прасковья Семеновна смотрѣла вдоль Студеной улицы со слезами на глазахъ, точно сегодняшній день долженъ былъ окончательно разрѣшить ея долголѣтнія ожиданія. Теперь ужъ ждала не одна она, а всѣ ждали—и Раиса Павловна, и m-lle Эмма, и Анненька. Раиса Павловна внимательно наблюдала Лушу и любовалась ею. Развѣ эта дѣвушка нуждалась въ бархатѣ, кружевахъ и остальной мишурѣ, когда природа надѣлила ее съ такой несправедливой щедростью? Въ порывѣ чувства, Раиса Павловна тихонько поцѣловала Лушу въ шею и сама покраснѣла за свою институтскую нѣжность, чувствуя, что Лушѣ совсѣмъ не нравятся проявленія чувства въ такой формѣ.

Волна оглушительныхъ криковъ, когда поѣздъ съ бариномъ двинулся отъ церкви, захлеснула и во второй этажъ господскаго дома, гдѣ все встрепенулось, точно по Студеной улицѣ ползло тысячеголовое чудовище. Луша смотрѣла на двигавшуюся по улицѣ процессію съ потемнѣвшими глазами; на нее напало какое-то оцѣпенѣлое состояніе, такъ что она не могла двинуть ни рукой ни ногой. Вотъ и дормезъ, который катился по улицѣ точно самъ собой... Мелькнула шапочка Лаптева, его волнистые бѣлокурые волосы; Прейнъ весело раскланялся съ Раисой Павловной и, прищурившись, пристально взглянулъ на Лушу. Лушѣ показалось, что и Лаптевъ тоже смотритъ на нее, и она инстинктивно отскочила отъ окна въ глубину комнаты.

— Пріѣхалъ! Пріѣхалъ!—восторженно шептала Прасковья Семеновна, не утирая слезъ, катившихся у ней по щекамъ.

Пока Лаптевъ принималъ хлѣбъ-соль, къ господскому дому подъѣзжала одна тройка за другой. Изъ экипажей выходилъ всевозможный человѣческій сбродъ, ютившійся вокругъ Лаптева: два собственныхъ секретаря Евгенія Константиновича, молодые люди, очень смахивавшіе на сетеровъ; корреспондентъ Перекрестовъ, попавшій въ свиту Лаптева въ качествѣ представителя русской прессы, какой-то прогорѣвшій сановникъ Летучій, фигурировавшій въ роли застольнаго забавника и складочнаго мѣста скабрезныхъ анекдотовъ, и т. д. Большинство составляли какія-то темныя, потертыя личности въ отличныхъ дорожныхъ костюмахъ; кто они и что—вѣроятно, не открыть никакимъ химическимъ анализомъ, никакимъ самымъ тщательнымъ микроскопическимъ изслѣдованіемъ. Эти господа смотрѣли свысока на всѣхъ, презрительно пожи-

мали плечами и лѣниво перебрасывались шаблонными французскими фразами. Раиса Павловна достаточно насмотрѣлась на своемъ вѣку на эту человѣческую мякину, которая обрастаетъ всякое извѣстное имя, особенно богатое русское барское имя, и поэтому пропускала этихъ безцвѣтныхъ людей безъ вниманія; она что-то отыскивала глазами и наконецъ, толкнувъ Лушу подъ руку, прошептала:

— Вотъ *она*, Луша...

— Кто?

— Да та капалья, которая ѣдетъ съ генераломъ въ качествѣ его... ну, его метрессы.

Раиса Павловна въ бинокль пристально разсматривала толстую, безобразную, небольшого роста даму, которая сидѣла въ дорожной коляскѣ генерала.

— Это какой-то орангъ-утангъ!—пропищала Анненька, сдержанно хихикая.—Эммочка, голубчикъ! Посмотри... Настоящая обезьяна въ мѣшкѣ!

— Жеваная котлетка... — коротко проговорила m-lle Эмма, лорнируя незнакомку.—Точно сейчасъ вынутый изъ банки со спиртомъ уродъ!

— Удивляюсь!—медленно протянула Раиса Павловна, поднимая кверху свои жирныя плечи.

„Галки“ тоже подняли свои плечи и удивились неприхотливому вкусу генерала Блинова. Судъ былъ коротокъ, и едва ли какой другой человѣческій судъ вынесъ бы такой строгій вердиктъ, какъ судъ этихъ женщинъ.

Коляска генерала прослѣдовала къ генеральскому флигельку, гдѣ Нину Леонтьевну встрѣтилъ панъ Братковскій, улыбавшійся и державшій почтительно свою соломенную шляпу въ рукахъ.

— Настоящая чугунная болванка!—проговорила m-lle Эмма, когда Нина Леонтьевна вкатилась своей почти квадратной тушей въ нѣдра генеральскаго флигелька.

— Удивляюсь! — еще разъ протянула Раиса Павловна и улыбнулась уничтожающей улыбкой, какая убиваетъ репутацію человѣка, какъ ударъ гильотиннаго ножа.

— Видѣли? — сдержаннымъ шопотомъ спрашивалъ Родіонъ Антонычъ, точно вынырнувшій около Раисы Павловны изъ-подъ земли.

— Да, да... поздравляю съ находкой!.. Это какое-то гороховое чучело... монстръ! Удивляюсь!.. А что̀ Евгеній Константинычъ?

— Изволятъ одѣваться, Раиса Павловна. Просто чистая бѣда... Отецъ Аристархъ давеча хотѣлъ сказать привѣтственное слово и со страху только бородкой трясетъ... Ей-Богу!.. А народъ что̀ дѣлаетъ! Видѣли, какъ лѣсообъѣздчики катили дормезъ-то! Какъ быки, такъ и прутъ!

— Что̀ вы тутъ толчетесь?—оборвала его болтовню Раиса Павловна.—Посмотрите, все ли готово въ столовой.

— Смотрѣлъ, все смотрѣлъ. Готово все-съ. Только Евгеній Константинычъ выйдутъ изъ уборной, сейчасъ я вамъ прибѣгу сказать.

— Хорошо, хорошо... M-lle Эмма, у васъ пуговка у лифа разстегнулась. Анненька, поправьте галстучекъ... А ты куда, Луша?

— Я домой, Раиса Павловна.

Раиса Павловна торопливо поцѣловала свою фаворитку и отпустила ее во-свояси. Луша, пошатываясь, вышла изъ комнаты, прошла черезъ веранду и въ какомъ-то туманѣ побрела къ своему нищенскому углу. Глаза у ней горѣли, грудь тяжело поднималась, въ горлѣ стояли слезы. Никогда еще дѣвушка не чувствовала себя такой жалкой и ничтожной, какъ въ этотъ мо-

ментъ, и отъ безсильной злобы въ клочки рвала какую-то несчастную оборку на своемъ платьѣ. А іюньское солнце свѣтило такимъ благодатнымъ свѣтомъ, обливая дрожащимъ и переливавшимся золотомъ деревья, траву, цвѣты и ряды волнъ, плескавшихся о каменистый берегъ. Ничего этого не видала Луша, придавленная и уничтоженная своей нищетой.

Раиса Павловна тревожно поглядывала на часы, считая минуты, когда ей будетъ нужно итти въ столовую въ качествѣ хозяйки и вывести за собой „галокъ", какъ необходимый элементъ, въ видахъ оживленія предстоявшей трапезы. Прасковья Семеновна въ счетъ не шла.

— Раиса Павловна!—прошептала Анненька, показывая глазами на то окно, изъ котораго можно было видѣть генеральскій флигелекъ.

Изумленнымъ глазамъ Раисы Павловны представилась такая картина: Гуго Братковскій велъ Нину Леонтьевну подъ руку прямо къ парадному крыльцу.

„Это еще что̀ за комедія?"—тревожно подумала Раиса Павловна, едва успѣвъ замѣтить, что чугунная болванка была одѣта съ восточной пестротой.

— Прошли въ господскій домъ...—какъ эхо, повторила Анненька мысли своей патронши.—Вѣроятно, это чучело ошиблось подъѣздомъ.

Когда, черезъ пять минутъ, въ комнату вбѣжалъ встревоженный и блѣдный Родіонъ Антонычъ, дѣло разъяснилось вполнѣ съ самой безпощадной ясностью для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

— Раиса Павловна! Раиса Павловна! — задыхаясь, шепталъ вѣрный слуга.—*Она... та*, которая пріѣхала съ генераломъ, теперь въ столовой и... и... всѣмъ распоряжается. Да, своими глазами видѣлъ!..

— Не можетъ быть, вы ошиблись?—замѣтила Раиса Павловна, выпрямляясь во весь ростъ.

— Нѣтъ, Раиса Павловна... Я слышалъ, какъ *она* сказала генералу, что желаетъ быть здѣсь полной хозяйкой и никому не позволитъ угощать Евгенія Константиныча обѣдомъ. Генералъ ее началъ-было усовѣщевать, что настоящая хозяйка здѣсь вы, а она такъ посмотрѣла на генерала, что тотъ только махнулъ рукой.

Въ головѣ у Раисы Павловны отъ этихъ словъ все пошло кругомъ; она безсильно опустилась на ближайшее кресло и только проговорила одно слово: „Воды!". Ударъ былъ нанесенъ такъ вѣрно и такъ неожиданно, что на нѣсколько мгновеній эта рѣшительная и энергичная женщина совсѣмъ потерялась. Когда послѣ нѣсколькихъ глотковъ воды она немного пришла въ себя, то едва могла сказать Родіону Антонычу:

— Передайте Прейну и Платону Васильичу, что я извиняюсь предъ Евгеніемъ Константинычемъ, что не могу сегодня, по болѣзни, занять за столомъ свое мѣсто хозяйки дома...

„Галки" окружили Раису Павловну, какъ умирающую. Анненька натирала ей виски одеколономъ, m-lle Эмма въ одной рукѣ держала стаканъ съ водой, а другой тыкала ей прямо въ носъ какимъ-то флакономъ. У Родіона Антоныча захолонуло на душѣ отъ этой сцены; схватившись за голову, онъ выбѣжалъ изъ комнаты и рысцой отправился отыскивать Прейна и Платона Васильевича, чтобы въ точности передать имъ послѣдній завѣтъ Раисы Павловны, которая теперь въ его глазахъ являлась чѣмъ-то въ родѣ разбитой фарфоровой чашки.

Въ столовой, гдѣ былъ сервированъ обѣдъ, Родіонъ Антонычъ увидѣлъ Нину Леонтьевну, окруженную обществомъ милыхъ безцвѣтныхъ людей, ходившихъ за ней хвостомъ. Тутъ же толклись корреспондентъ Перекрестовъ и

прогорѣвшій сановникъ Летучій, ходившіе по столовой подъ ручку и уже давно нюхавшіе воздухъ.

— Когда я былъ въ Сингапурѣ, насъ капитанъ угостилъ однажды китайской рыбой...—повѣствовалъ Перекрестовъ, жидкій и вихлястый молодой человѣкъ, съ изношенной, нахальной физіономіей, мочальной бороденкой и гнусавымъ, какъ у кастрата, голосомъ.

Летучій былъ не лучше, хотя и въ другомъ родѣ. Это былъ сѣдой приличный субъектъ, съ слезившимися голыми глазами стараго развратника и плотоядной улыбкой на сморщенныхъ, точно выжатыхъ губахъ; вездѣ, гдѣ только можно, у него блестѣло массивное золото безъ пробы и фальшивая брильянтовая булавка въ галстукѣ. Говорилъ онъ хриповатымъ баскомъ и постоянно потиралъ свои большія руки, затянутыя въ безукоризненно-свѣжія лайковыя перчатки. Когда-то Летучій былъ сановникомъ, попеченіямъ котораго былъ ввѣренъ цѣлый край, но колесо фортуны повернулось, и онъ очутился въ приживалкахъ у Лаптева, котораго утѣшалъ своими анекдотами „изъ дѣтской жизни". Перекрестовъ, рядомъ съ этимъ вымирающимъ типомъ помпадурства, являлся настоящимъ homo novus; въ качествѣ представителя русской прессы, онъ не только изъ конца въ конецъ обрыскалъ свое отечество, но исколесилъ Европу и даже сдѣлалъ нѣсколько кругосвѣтныхъ путешествій. Его геній не зналъ мѣры и границъ: въ Америкѣ на всемірной выставкѣ онъ защищалъ интересы русской промышленности, въ послѣднюю испанскую войну ѣздилъ къ Донъ-Карлосу съ какими-то дипломатическими представленіями, въ Англіи „поднималъ русскій рубль", въ Черногоріи являлся борцомъ за славянское дѣло, въ Китаѣ защищалъ русскіе интересы и т. д. Единственнымъ плодомъ отъ этой кипучей дѣятельности остались только захватывающія воспоминанія о томъ, что и какъ онъ, Перекрестовъ, ѣлъ въ Яффѣ, въ Санъ-Франциско, въ Шанхаѣ, въ Кадискѣ, въ Бостонѣ, въ Каирѣ, Біаррицѣ, Ментонѣ, на островѣ Уайтѣ и т. д. На Уралъ Перекрестовъ явился почти делегатомъ отъ горнопромышленныхъ и биржевыхъ тузовъ, чтобы „нащупать почву" и въ теченіе двухъ недѣль „изучить русское горное дѣло", о которомъ онъ будетъ реферировать въ разныхъ ученыхъ обществахъ, печатать трескучіе фельетоны и входить съ докладными записками въ каждую офиціальную щель и въ каждую промышленную дыру.

Среди этого сомнительнаго общества сомнительныхъ людей Нина Леонтьевна являлась настоящимъ перломъ. Небольшого роста, съ расплывшимся бюстомъ, съ короткими жирными руками и мясистымъ круглымъ лицомъ, она была безобразна, какъ вѣдьма, но въ этомъ лицѣ сохранились два голубыхъ крошечныхъ глаза, смотрѣвшихъ насквозь умнымъ, веселымъ взглядомъ, и характерная саркастическая улыбка, открывавшая два ряда фальшивыхъ зубовъ. Въ какомъ-то невозможномъ голубомъ платьѣ, съ огненными и оранжевыми бантами, она походила на аляповатую дѣтскую игрушку, которой только для проформы проковыряли иголкой глаза и ротъ, а руки и все остальное набили паклей.

— Послушай, Нина, сейчасъ Прейнъ передалъ мнѣ, что Раиса Павловна хочетъ сказаться больной,—говорилъ нерѣшительно генералъ, покручивая усы.— Это выйдетъ очень неловко... Горемыкина—хозяйка въ этомъ домѣ, и не пригласить ее просто неделикатно.

— Ты ошибаешься,—съ тонкой улыбкой отвѣтила Нина Леонтьевна.— Предоставь это, пожалуйста, мнѣ... Необходимо сразу показать ей, гдѣ ея настоящее мѣсто. Къ чему разводить эти никому ненужныя нѣжности? Я какая же хозяйка здѣсь, и ты можешь выбирать между мной и ей...

— Ты забываешь, Нина, какъ къ этому отнесется Прейнъ.

— О, это не ваша забота, Миронъ Геннадьичъ... Не лучше ли вамъ позаботиться о томъ, что Евгенію Константиновичу пора показаться къ народу, который просто неистовствуетъ на улицѣ.

Дѣйствительно, подъ окнами господскаго дома время отъ времени точно закипала волна буруна, и въ воздухѣ дыбомъ поднимался тысячеголосый крикъ. Генералъ только пожалъ плечами и направился въ уборную. Теперь въ пріемныхъ комнатахъ оставалась только пріѣхавшая съ Лаптевымъ челядь да избранники, въ лицѣ заводскихъ управителей. Вершининъ, Майзель, Вуйко, Дымцевичъ, Сарматовъ, докторъ Кормилицынъ, Платонъ Васильевичъ и еще нѣсколько человѣкъ заслуженныхъ стариковъ сбились въ одну плотную кучу и терпѣливо выжидали, когда наконецъ покажется Евгеній Константинычъ. „Малый дворъ“ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо предъ лицомъ „большого двора“, хотя Прейнъ успѣлъ со всѣми поздороваться и всякому сказать бойкое привѣтливое слово. Генералъ пока познакомился только съ Платономъ Васильичемъ и Майзелемъ, онъ не обладалъ счастливымъ даромъ скоро сходиться съ людьми.

Отыскавъ Платона Васильевича и отведя его въ сторону, онъ вполголоса разспрашивалъ о Прозоровѣ и время отъ времени сосредоточенно покачивалъ своей большой головой, остриженной подъ гребенку. Горемыкинъ былъ во фракѣ и постоянно поправлялъ свой бѣлый галстукъ, который все сбивался у него на сторону.

— Жаль, очень жаль...—говорилъ генералъ, посматривая на двери уборной.—А какой былъ талантливый человѣкъ! Вы думаете, что его уже невозможно спасти?

— Трудно, ваше превосходительство...

— Такъ, такъ... Необходимо будетъ увезти его отсюда,—вслухъ думалъ генералъ.—У него, кажется, была дочь, если не ошибаюсь?

— Да, теперь совсѣмъ взрослая дѣвушка... и очень красивая. Виталій Кузьмичъ вообще ведетъ странный образъ жизни и едва ли удержится на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ.

Родіонъ Антонычъ, не теряя изъ виду управительскаго кружка, зорко слѣдилъ за всѣми, особенно за Братковскимъ, который все время сидѣлъ въ комнатѣ, гдѣ была Нина Леонтьевна, и только иногда показывался въ залѣ, чтобы быть на виду у генерала на всякій случай.

„Тонкая бестія, эта шляхта, — думалъ про себя Родіонъ Антонычъ, утирая вспотѣвшее лицо платкомъ и со страхомъ поглядывая на сердитаго генерала.—Охъ, всѣхъ подтянетъ, всѣхъ... Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!..“

Когда генералъ поворачивался въ сторону Родіона Антоныча, онъ слегка наклонялся впередъ и начиналъ улыбаться блудливой, жалкой улыбкой. Но главное вниманіе Родіона Антоныча было занято улицей, гдѣ гудѣла десятитысячная толпа и время отъ времени нестройными вспышками поднималось „ура“; онъ постоянно подбѣгалъ къ окошку и зорко вглядывался въ море головъ, отыскивая кого-то глазами. Швейцару и лѣсообъѣздчикамъ строго-настрого было наказано не пускать близко къ подъѣзду всякихъ „сумнительныхъ“ мужиковъ, которые могли принести за пазухой какую-нибудь „бумагу къ барину“, но все-таки осторожность не была лишней. Рабье сердце Родіона Антоныча было теперь преисполнено блаженнымъ трепетомъ: баринъ былъ въ двухъ шагахъ—онъ сейчасъ выйдетъ. У вѣрнаго слуги даже щипало въ горлѣ отъ неиспытаннаго счастья лицезрѣть барина, который въ теченіе двадцати лѣтъ являлся какимъ-то полумиѳическимъ существомъ.

Ожиданіе продолжалось уже цѣлый часъ, а баринъ все не показывался. Прейнъ нѣсколько разъ навѣдывался въ его комнату и успѣлъ уже переодѣться два раза. Генералу тоже надоѣло ждать, и онъ тоже отправился въ уборную, гдѣ и засталъ такую картину. Чарльзъ, вытянутый и важный, почтительно стоялъ у дверей, а самъ Лаптевъ заставлялъ великолѣпнаго бланжеваго понтера, Брунгильду, подавать поноску. Умная собака, стоившая нѣсколько тысячъ, сходила за брошеннымъ платкомъ разъ десять, а затѣмъ, видимо, смутилась и, помахивая тонкимъ хвостомъ, вопросительнымъ умнымъ взглядомъ смотрѣла на m-r Чарльза.

— Господи, что же это такое?—взмолился генералъ, останавливаясь передъ Лаптевымъ:—Евгеній Константинычъ! Васъ ждутъ цѣлый часъ тысячи людей, а вы возитесь здѣсь съ собакой! Это... это... Однимъ словомъ, я рѣшительно не понимаю васъ.

— Посмотрите, генералъ, какая упрямая эта Брунгильда,—весело отвѣтилъ Лаптевъ:—а я еще упрямѣе и непремѣнно заставлю ее сдѣлать по-своему. Вы сами увидите... Brunehaut, apporte!..

XIII.

Когда Родіонъ Антонычъ сообщилъ о болѣзни Раисы Павловны, Прейнъ только поднялъ высоко брови и равнодушно проговорилъ:

— Ага!

— Она извиняется, что не можетъ выйти къ обѣду,—продолжалъ Родіонъ Антонычъ, склоняя голову на одинъ бокъ.

— Ага!

— Раиса Павловна просила передать свои извиненія Евгенію Константинычу.

— Ага!

У бѣднаго Ришелье защемило на душѣ отъ этого „ага", которое, чортъ его знаетъ, что значило.

За обѣдомъ о Раисѣ Павловнѣ тоже не было сказано ни одного слова, хотя за столомъ сидѣли битыхъ два часа, вплоть до самаго вечера. Это былъ своего рода первый застольный турниръ между малымъ и большимъ дворомъ, на которомъ противники могли помѣряться силами. Большой дворъ, конечно, подавлялъ малый своими исключительными преимуществами, хотя всѣ по возможности старались держать себя на равной ногѣ. Евгеній Константинычъ говорилъ мало и преимущественно обращался къ Нинѣ Леонтьевнѣ, которая видимо пользовалась его особеннымъ вниманіемъ. Кромѣ другихъ лакеевъ, за столомъ прислуживалъ и m-r Чарльзъ, который подавалъ кушанье только своему патрону, Прейну, генералу, Нинѣ Леонтьевнѣ и Платону Васильевичу. Послѣдній все время сидѣлъ, какъ на иголкахъ; у бѣднаго ходили круги въ глазахъ при одной мысли о томъ, что его ждетъ вечеромъ у семейнаго очага. Нина Леонтьевна, въ качествѣ хозяйки, старалась поддержать самый непринужденный разговоръ, что ей было не особенно трудно сдѣлать при трогательныхъ усиліяхъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Перекрестовъ разсказывалъ о всевозможной ѣдѣ, какую онъ испробовалъ во всевозможныхъ широтахъ и долготахъ при самомъ разнообразномъ барометрическомъ давленіи и всевозможныхъ уклоненіяхъ магнитной стрѣлки. Сарматовъ, конечно, воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ и довольно развязно присоединилъ къ этому повѣствованію свой скромный голосъ.

— Когда я служилъ съ артиллерійскимъ паркомъ на Кавказѣ,—разсказывалъ онъ, стараясь закрыть свою лысину протянутымъ изъ-за уха локономъ,—

вотъ гдѣ было раздолье... Представьте себѣ: фазаны! Настоящіе золотые фазаны, все равно какъ у насъ курицы. Только тамъ ихъ ѣдятъ не такъ, какъ у насъ. Вообще записной охотникъ не дотронется до свѣжей дичи, а мы убитыхъ фазановъ оставляли на цѣлую недѣлю на воздухѣ, а потомъ ужъ готовили... Получался необыкновенный букетъ!

— Ага!—протянулъ Прейнъ.

— Не много ли будетъ недѣля?—замѣтилъ Вершининъ.—Температура на Кавказѣ высокая, и въ недѣлю изъ вашихъ фазановъ останутся одни перья.

— Ахъ, Демидъ Львовичъ... Въ этомъ-то и шикъ! Мясо совсѣмъ черное дѣлается и такой букетъ... Точно такъ же съ кабанами. Убьешь кабана, не тащить же его съ собой: вырѣжешь языкъ, а остальное бросишь. Зато какой языкъ... Мнѣ случалось въ день убивать по дюжинѣ кабановъ. Меня даже тамъ прозвали „грозой кабановъ". Спросите у кого угодно изъ старыхъ кавказцевъ. Разъ на охотѣ съ графомъ Воронцовымъ я однимъ выстрѣломъ положилъ двухъ матерыхъ кабановъ, которыми цѣлую роту солдатъ кормили двѣ недѣли.

Безстрастное неподвижное лицо Лаптева обратилось къ разсказчику, и на немъ мелькнула едва замѣтная улыбка. Наклонившись къ Прейну, онъ тихо спросилъ:

— Это кто?

— Штабсъ-капитанъ Сарматовъ, управитель Мельниковскаго завода.

Этого было достаточно, чтобы до десятка лицъ съ скрытой завистью посмотрѣли на Сарматова, который былъ замѣченъ Евгеніемъ Константиновичемъ. Это была цѣлая карьера для „грозы кабановъ". Летучій и Перекрестовъ переглянулись и блудливо заерзали на своихъ мѣстахъ: неожиданный успѣхъ Сарматова задѣлъ ихъ за живое. Безцвѣтные люди навели свои лорнеты и пенснэ на „грозу кабановъ". Прейнъ еще разъ сказалъ свое „ага". Нина Леонтьевна потихоньку наблюдала представителей малаго двора и особенно осталась довольна Вершининымъ и Майзелемъ, которые держали себя съ достоинствомъ и отвѣчали очень находчиво. Вершининъ настолько освоился съ большимъ дворомъ, что раза два очень ядовито оборвалъ завравшагося Перекрестова, котораго не взлюбилъ съ перваго раза, какъ соперника по застольному краснобайству. Между строкъ скоро выработалось то молчаливое соглашеніе, при помощи котораго опредѣляются взаимныя отношенія людей, видѣвшихъ другъ друга въ первый разъ. Генералъ пытался-было поднять серьезный разговоръ на тему о причинахъ общаго упадка заводскаго дѣла въ Россіи, и Платонъ Васильевичъ навострилъ уже уши, чтобы не пропустить ни одного слова, но эта тема осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и незамѣтно перешла къ болѣе игривымъ сюжетамъ, находившимся въ спеціальномъ завѣдываніи Летучаго. Нина Леонтьевна нимало не смутилась такимъ оборотомъ разговора и громко смѣялась надъ остроумными анекдотами прогорѣвшаго помпадура. Одинъ m-r Чарльзъ оставался въ этой компаніи невозмутимо-спокойнымъ и неподвижнымъ, точно замороженный. Онъ смотрѣлъ на обѣдающихъ свысока, какъ сфинксъ, котораго никто не можетъ разгадать. По всей вѣроятности, если бы m-r Чарльзъ имѣлъ право и возможность, онъ всей собравшейся здѣсь компаніи молча и замороженно показалъ бы на дверь.

Послѣ обѣда, когда вся компанія сидѣла за стаканами вина, разговоръ принялъ настолько непринужденный характеръ, что даже Нина Леонтьевна сочла за лучшее удалиться во-свояси. Лаптевъ пилъ много, но не пьянѣлъ, а только поправлялъ свои волнистые бѣлокурые волосы. Когда Сарматовъ со-

вралъ какой-то очень пикантный и невозможный анекдотъ изъ бессарабской жизни, Лаптевъ опять спросилъ у Прейна, что это за человѣкъ.

— Ага! Это штабсъ-капитанъ Сарматовъ, или „гроза кабановъ",—отвѣтилъ Прейнъ, щуря свои безцвѣтные глаза.

Безцвѣтные молодые люди смѣялись, когда смѣялся Лаптевъ, смотрѣли въ ту сторону, куда онъ смотрѣлъ, пили, когда онъ пилъ, и вообще служили громаднымъ зеркаломъ, въ которомъ отражалось малѣйшее движеніе ихъ патрона.

Изъ-за обѣда вся компанія поднялась вмѣстѣ съ сумерками, когда въ открытыя окна со стороны сада потянуло свѣжей пахучей струей. Господскій домъ, зданіе заводоуправленія, фабрика и садъ были роскошно иллюминованы, а на пруду, на громадномъ плотѣ изъ бревенъ, затрещалъ и заклопалъ фейерверкъ. Для гудѣвшаго на улицѣ народа на балконѣ господскаго дома играла музыка, и ночной воздухъ при каждомъ хлопкѣ взвивавшихся кверху огненными дугами ракетъ потрясался взрывами народнаго восторга. Появились пьяные и особенно усердно орали барину хриплую пьяную „ура". Евгеній Константиновичъ выходилъ на балконъ, и каждый разъ его встрѣчали оглушительными залпами самыхъ восторженныхъ криковъ. Генералъ задумчиво смотрѣлъ на волновавшуюся тысячеголовую толпу, которая въ его глазахъ являлась собраніемъ тѣхъ пудо-футовъ, которые служили матеріаломъ для его экономическихъ выкладокъ и соображеній.

Все это трескучее торжество отзывалось на половинѣ Раисы Павловны похоронными звуками. Сама она, одѣтая въ бѣлый пеньюаръ съ безчисленными прошивками, лежала на кушеткѣ съ такимъ истомленнымъ видомъ, точно только сейчасъ перенесла самую жестокую операцію и еще не успѣла хорошенько проснуться послѣ хлороформированія. „Галки" сидѣли тутъ же и тревожно прислушивались къ доносившимся съ улицы крикамъ, звукамъ музыки и треску ракетъ.

Платонъ Васильичъ нѣсколько разъ пробовалъ-было просунуть голову въ растворенныя половинки дверей, но каждый разъ уходилъ обратно: его точно отбрасывало электрическимъ токомъ, когда Раиса Павловна поднимала на него глаза. Эта нѣмая сцена была краснорѣчивѣе словъ, и Платонъ Васильичъ уснулъ въ своемъ кабинетѣ, чтобы утромъ вести Евгенія Константиныча по фабрикамъ, на мѣдный рудникъ и по всѣмъ другимъ заводскимъ мытарствамъ.

Лѣтняя короткая ночь любовно окутала мягкимъ сумракомъ далекія горы, лѣсъ, прудъ и ряды заводскихъ домиковъ. По голубому сѣверному небу, точно затканному искрившимся серебромъ, медленно ползла громадная развѣтвленная туча, какъ будто изъ-за горизонта протягивалась гигантская рука, гасившая звѣзды и вотъ-вотъ готовая схватить самую землю. Домики Кукарскаго завода на этой рукѣ сдѣлались бы не больше тѣхъ пылинокъ, которыя остаются у насъ на пальцахъ отъ крыльевъ моли, а вмѣстѣ съ ними погибли бы и обитатели этихъ жалкихъ лачугъ, удрученные непосильной ношей своихъ подлостей, интригъ, глупости и чисто-животнаго эгоизма.

Посмотрите, какъ крестится и шепчетъ торопливо молитву на сонъ грядущій Родіонъ Антонычъ; въ головѣ кукарскаго Ришелье работаетъ тысяча валовъ, колесъ и шестеренъ, перемалывая перепутавшіяся впечатлѣнія тревожнаго дня. У Родіона Антоныча тяжело на душѣ, а въ ушахъ все еще отдается „ага" Прейна. Первый блинъ вышелъ комомъ, и старикъ напрасно ощупываетъ свою голову, точно подыскивая какое-то забытое средствіе или ту крошечную надежду, за которую могъ бы ухватиться придавленный неудачей мозгъ. Онъ теперь переживаетъ въ сотый разъ нанесенное оскорбленіе Раисѣ

Павловнѣ и не видитъ выхода. Стòитъ ему сомкнуть глаза, какъ встаетъ цѣлый рядъ обидныхъ картинъ: вотъ торжествуетъ Майзель со своей птицей Амалькой, вотъ улыбается въ бороду Вершининъ, вотъ ликуетъ Тетюевъ...

Въ генеральскомъ флигелькѣ наступившая ночь не принесла съ собой покоя, потому что Нина Леонтьевна недовольна поведеніемъ генерала, который, если бы не она, навѣрно позволилъ бы Раисѣ Павловнѣ разыгрывать совсѣмъ неподходящую ей роль. Въ своей ночной кофточкѣ чугунная болванка убійственно походитъ на затасканную замшевую куклу, но генералъ боится этой куклы и боится сказать, о чемъ онъ теперь думаетъ. А думаетъ онъ о своемъ погибающемъ другѣ Прозоровѣ, котораго любилъ по студенческимъ воспоминаніямъ.

— Посмотримъ, какъ вы будете себя держать дальше...—грозно шипитъ чугунная болванка.—Съ своей стороны, могу сказать только то, что при первой вашей уступкѣ *этой* женщинѣ я сейчасъ же уѣзжаю въ Петербургъ.

Генералъ увѣряетъ, что никакихъ уступокъ не послѣдуетъ съ его стороны, и что онъ долженъ честно выполнить взятую на себя задачу.

Въ убогомъ флигелькѣ Прозорова мигаетъ слабый свѣтъ, который смотрится въ густой тѣни тополей и черемухъ яркой точкой. Самъ Прозоровъ лежитъ на прорванномъ диванѣ съ папироской въ зубахъ. Около него на стулѣ недопитая бутылка съ водкой, пепельница съ окурками, рюмка съ обломаннымъ донышкомъ и огрызки соленаго огурца.

— Набабъ пріѣхалъ... Ха-ха!—смѣется онъ своимъ нехорошимъ смѣхомъ, откидывая волосы.—Народный восторгъ и общее виляніе хвостовъ. О, почтеннѣйшіе подлецы, съ Мирономъ Блиновымъ во главѣ! Неужели еще не выросла та осина, на которой всѣхъ васъ слѣдуетъ перевѣшать?.. Комедія изъ комедій и всероссійское позорище. Доколѣ, о, Господи, Ты будешь терпѣть сихъ подлецовъ?.. А царица Раиса здорово струхнула, даже до седьмого пота. Ха-ха!

Луша слышитъ эту болтовню, и ей дѣлается страшно въ своей комнатѣ, гдѣ она напрасно старается углубиться въ чтеніе романа, который ей принесъ на-дняхъ Яшка Кормилицынъ. Ей душно и тяжело. Эти стѣны ее давятъ. Хочется воли, простора, воздуха, чтобы хоть разъ вздохнуть полной грудью, вздохнуть и... а тамъ будетъ, что̀ будетъ! Она унесла въ своей головкѣ частичку той суеты, свидѣтельницей которой была давеча. У ней еще стоятъ въ ушахъ крики тысячной толпы, волны музыки, и она все еще видитъ этотъ разноцвѣтный дождь, который разсыпался надъ ней во время фейерверка. Она видитъ обрюзглаго молодого человѣка, который смотрѣлъ на нее давеча изъ коляски, видитъ его бѣлокурые волосы и переживаетъ тяжелое, томительное чувство странной зависти за свое существованіе. Отчего она не была на этомъ обѣдѣ, гдѣ весело играла музыка, слышался смѣхъ и лилось дорогое вино? Воображеніе рисовало ей заманчивую картину: какъ она является царицей такихъ обѣдовъ, какъ всѣ удивляются ея красотѣ и какъ всѣ преклоняются предъ ней, даже этотъ бѣлокурый молодой человѣкъ съ усталыми глазами. Сегодня подушка ей кажется особенно тяжелой, а романъ Яшки Кормилицына скучнѣе его самого. Воздуха! воздуха!

А въ спальнѣ Лаптева происходитъ въ это время такая сцена. Евгеній Константинычъ сидитъ съ папиросой въ зубахъ и задумчиво смотритъ въ пространство.

— Альфредъ! ты видѣлъ этого молодого человѣка?..—говоритъ онъ, обращаясь къ Прейну, который маленькими шажками бойко бѣгалъ по кабинету.

— Секретаря генерала... Братковскаго? Да. Онъ обѣдалъ съ нами.

— Я и говорю объ этомъ. Такіе же глаза, такіе же волосы и такая же цвѣтущая, сильная фигура... Онъ очень походитъ на свою сестру... Какъ ты находишь, Альфредъ?

— Ага...—неопредѣленне мычитъ Прейнъ, вскидывая глазами на своего друга-повелителя.—Кажется... Гортензія Братковская... красавица?

— А что̀ она теперь дѣлаетъ, по-твоему?

— Вѣроятно, гдѣ-нибудь на водахъ. Она собиралась ѣхать... Да, очень красивая и еще болѣе упрямая дѣвчонка. Знаете, что̀ она имѣла въ виду?

— ?

— Она мечтала быть m-me Лаптевой.

Лаптевъ издаетъ неопредѣленный носовой звукъ и улыбается. Прейнъ смотритъ на него, прищуривъ глаза, и тоже улыбается. Его худощавое лицо принадлежало къ типу тѣхъ рѣдкихъ лицъ, которыя отлично запоминаются, но которыя трудно опредѣлить, потому что они постоянно мѣняются. Безцвѣтные глаза подъ стать лицу. Маленькая эспаньолка, точно приклеенная подъ тонкой нижней губой, имѣетъ претензію на моложавость. Лицо кажется зеленоватымъ, изможденнымъ, но крѣпкій красный затылокъ свидѣтельствуетъ о большомъ запасѣ физической силы.

— Что̀ мы будемъ здѣсь дѣлать?—спрашивалъ Лаптевъ лѣниво.

— А генералъ?

— Да-а...

— Потомъ необходимо съѣздить на другіе заводы, побываемъ въ горахъ, устроимъ охоту... Будетъ любительскій спектакль и балъ. Кстати, завтра будемъ осматривать заводъ, т.-е. собственно фабрику и рудникъ.

— А безъ этого нельзя обойтись, Альфредъ?

— Нѣтъ.

— А „гроза кабановъ“ будетъ завтра? Онъ смѣшно вретъ...

Лаптевъ лѣниво смѣется, и, если бы безцвѣтные „почти молодые люди“ видѣли эту улыбку, они мучительно перевернулись бы въ своихъ постеляхъ, а Перекрестовъ написалъ бы цѣлый фельетонъ на тему о значеніи случайныхъ фаворитовъ въ развитіи горнаго дѣла.

Черезъ полчаса, при помощи m-r Чарльза, Евгеній Константинычъ отходитъ ко сну, напрасно стараясь рѣшить, что̀ теперь дѣлаетъ Гортензія Братковская. Ночь покрываетъ и этого магната-заводчика, для котораго существуетъ пятьдесятъ тысячъ населенія, полмилліона десятинъ богатѣйшей въ свѣтѣ земли, цѣлый заводскій округъ, покровительственная система, генералъ Блиновъ, во снѣ грезящій политико-экономическими теоріями, корреспондентъ Перекрестовъ, имѣющій изучить въ двѣ недѣли русское горное дѣло, и десятокъ тѣхъ цѣпкихъ рукъ, которыя готовы вырвать живымъ мясомъ изъ магната Лаптева свою долю. Да, хорошо спится людямъ со спокойной совѣстью и полнымъ желудкомъ, которыхъ не тревожатъ тяжелыя грезы и которые просыпаются съ мыслью о новыхъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ!

XIV.

На другой день по пріѣздѣ Лаптева, по составленному генераломъ маршруту, долженъ былъ послѣдовать генеральный осмотръ всего заводскаго дѣйствія.

Евгеній Константинычъ проснулся довольно поздно, когда на фабрикѣ отдали свистокъ къ послѣобѣденнымъ работамъ. Въ пріемныхъ комнатахъ господскаго дома уже толклись съ десяти часовъ утра всѣ главныя дѣйствующія лица.

Платонъ Васильичъ съ пяти часовъ утра не выходилъ съ фабрики, гдѣ ждалъ „великаго пришествія языковъ", какъ выразился Сарматовъ. Прейнъ сидѣлъ въ спальнѣ Раисы Павловны, которая, на правахъ больной, приняла его, не вставая съ постели.

— Мнѣ остается только поблагодарить васъ за вниманіе...—говорила Раиса Павловна, запуская своему другу шпильку.

— Что же мнѣ было дѣлать, когда эта свинья сама залѣзла за столъ!—оправдывался Прейнъ.—Не тащить же было ее за хвостъ... Вы, вѣроятно, слышали, какимъ вліяніемъ теперь пользуется генералъ на Евгенія Константиныча.

— Но вѣдь тутъ маленькая разница: генералъ или его метресса...

Прейнъ только поднялъ брови и развелъ руками.

— Что она такое, если разобрать?..—продолжала Раиса Павловна, волнуясь.—Даже если мы закроемъ глаза на ея отношенія къ генералу, что она такое сама по себѣ?

— Это чортъ, а не женщина—вотъ она что такое!—проговорилъ Прейнъ.—Представьте себѣ, она *нравится* Евгенію Константинычу. Понятно, нравится не какъ женщина, а какъ остроумный и ядовитый человѣкъ.

— Я это знала раньше васъ и могла только удивляться, какъ вы могли допустить подобную вещь...

— Какъ Пилатъ, я могу умыть руки въ этомъ дѣлѣ съ чистой совѣстью.

Раиса Павловна горько усмѣхнулась и съ презрѣніемъ посмотрѣла на Пилата.

— А въ сущности, все это пустяки, моя дорогая,—заговорилъ торопливо Прейнъ, посматривая на часы.—Могу васъ увѣрить, что вся эта исторія кончится ничѣмъ. Увлеченіе генераломъ соскочитъ съ Евгенія Константиныча такъ же скоро, какъ наскочило, а вмѣстѣ съ нимъ улетитъ и эта свинушка...

Надеждамъ и обѣщаніямъ Прейна Раиса Павловна давно знала настоящую цѣну и поэтому не обратила на его послѣднія слова никакого вниманія. Она была увѣрена, что если слетитъ со своего мѣста по милости Тетюева, то и тогда Прейнъ только умоетъ руки во всей этой исторіи.

— Вы напейтесь кофе у меня,—предлагала Раиса Павловна, дергая сонетку.

— Мнѣ, собственно, некогда...—завертѣлся Прейнъ, вынимая часы.—Евгеній Константинычъ проснулся и сейчасъ отправляется осматривать фабрику.

— Ничего, пусть подождетъ. У меня есть кое-что передать вамъ...

Пока Прейнъ пилъ чашку кофе съ поджаренными сухариками, Раиса Павловна разсказала ему о происках Тетюева и компаніи, причемъ сдѣлала предположеніе, что и поѣздка Лаптева на заводы, по всей вѣроятности, дѣло тетюевскихъ рукъ. Прейнъ слушалъ ее внимательно, какъ докторъ слушаетъ разсказъ паціента, и, прихлебывая изъ чашки кофе, послѣ каждой паузы повторялъ свое неизмѣнное „ага". Когда этотъ длинный разсказъ былъ конченъ, Прейнъ на минуту задумался, и, повертѣвъ пальцемъ около лба, проговорилъ:

— Это для меня новость, хотя, собственно говоря, я и подозрѣвалъ кое-что. Если это устроилъ Тетюевъ, то онъ замѣчательно ловкій человѣкъ, и, чтобы разбить его, мы воспользуемся имъ же самимъ... Ха-ха!.. Это будетъ отлично... У меня есть свой планъ. Вотъ увидите.

— А я не могу узнать вашъ планъ?

— Отчего же, съ большимъ удовольствіемъ! Планъ самый простой: я

постараюсь дать полный ходъ всѣмъ замысламъ Тетюева, буду ему помогать во всемъ—вотъ и только.

Раиса Павловна онѣмѣла отъ изумленія, а Прейнъ засмѣялся своимъ неопредѣленнымъ смѣхомъ.

— Я рѣшительно ничего не понимаю...—проговорила она, стараясь угадать, не шутитъ ли Прейнъ.—Вы говорите серьезно?

— О, совершенно серьезно. Это будетъ замѣчательная комедія...

— Комедія, въ которой дурой останусь я одна?

— Да нѣтъ же, говорятъ вамъ... Право, это отличный планъ. Теперь для меня все ясно, какъ день, и вы можете быть спокойны. Надѣюсь, что я немножко знаю Евгенія Константиныча, и если обѣщаю вамъ, то сдержу свое слово... Вотъ вамъ моя рука.

— Честное слово?

— Самое честное слово!.. Честное слово стараго друга... Однако мнѣ пора итти, меня ждутъ.

Поцѣловавъ руку Раисы Павловны, Прейнъ быстро направился къ двери, но вернулся съ дороги и съ улыбкой проговорилъ:

— А какъ насчетъ живности, моя дорогая? Вѣдь это одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, а то мы можемъ соскучиться....

— Какія вы глупости говорите, Прейнъ!—улыбнулась Раиса Павловна уже съ сознаніемъ своей силы.— М-Ле Эмма, которую вы, кажется, немного знаете, потомъ Анненька... и будетъ! У меня не воспитательный домъ.

— Это какая Анненька? Не та ли самая, которая стояла съ вами въ окнѣ, когда мы въѣзжали на ослахъ?

Раиса Павловна ничего не отвѣтила, а только загадочно улыбнулась неисправимому старому грѣшнику.

Въ это время прибѣжалъ лакей, разыскивавшій Прейна по всему дому, и интересный разговоръ остался недоконченнымъ. Евгеній Константиныч кушали свой утренній кофе и ужъ два раза спрашивали Альфреда Осипыча. Прейнъ нашелъ своего повелителя въ столовой, гдѣ онъ за стаканомъ кофе слушалъ бесѣду генерала на тему о причинахъ упадка русскаго горнаго дѣла.

— Насколько я успѣлъ познакомиться съ горнозаводской промышленностью въ Швеціи...—перебивалъ нѣсколько разъ Перекрестовъ, сѣдлая свой носъ пенснэ, но генералъ не обращалъ на него вниманія.

Летучій сидѣлъ уже съ осовѣлыми, слипавшимися глазами и смотрѣлъ кругомъ съ философскимъ спокойствіемъ, потому что его роль была за обѣденнымъ столомъ, а не за кофе. Почти молодые приличные люди сдѣлали серьезныя лица и упорно смотрѣли прямо въ ротъ генералу и, повидимому, вполнѣ раздѣляли его взгляды на причины упадка русскаго горнаго дѣла.

— Гдѣ это ты пропадалъ?—спросилъ лѣниво Лантевъ, когда Прейнъ занялъ свое мѣсто за столомъ.

— Дѣлалъ маленькій моціонъ по саду,—соврал Прейнъ, не моргнувъ глазомъ.—Мы сейчасъ отправляемся въ заводъ, генералъ?

— Да,—коротко отвѣчалъ генералъ.

Вершининъ и Майзель сидѣли съ самыми благочестивыми лицами, какъ тѣ праведники, для которыхъ разгнѣванный Богъ могъ пощадить цѣлый городъ грѣшниковъ. Они тоже намѣрены были сопровождать своего повелителя по тернистому пути. Сарматовъ вполголоса разсказывалъ Летучему какой-то, вѣроятно, очень скромный анекдотъ, потому что сановникъ морщилъ свой тонкій орлиный носъ и улыбался плотоядной улыбкой, открывавшей гнилые зубы.

До фабрики отъ господскаго дома было рукой подать, и Прейнъ предложилъ итти пѣшкомъ, тѣмъ болѣе, что день былъ великолѣпный, хотя немного и жаркій. Когда вся компанія вышла къ подъѣзду, къ ней присоединился Родіонъ Антонычъ, стерегшій здѣсь свою позицію, чтобы кто не угостилъ барина проклятой „бумагой". Но ходоки отъ сельскаго общества были прогнаны казаками, и вся компанія благополучно прослѣдовала до воротъ фабрики, гдѣ ужъ ждалъ Платонъ Васильичъ, взволнованный и блѣдный, съ крупными каплями пота на лицѣ. Фабричные корпуса и всевозможныя печи выглядѣли сегодня по-праздничному, какъ и попадавшіеся рабочіе и мелкіе служащіе. Все было на своемъ мѣстѣ и при своемъ дѣлѣ. Уставщики и надзиратели вытягивались въ струнку, рабочіе встрѣчали барина безъ шапокъ. Даже вычищенныя и смазанныя машины, кажется, были готовы привѣтливо улыбнуться, если бы въ нихъ было устроено подходящее для такой цѣли колесо или валъ.

— Вотъ мы и посмотримъ все у васъ, Платонъ Васильичъ,—тараторилъ Прейнъ, забѣгая впередъ и весело здороваясь съ рабочими.—Тутъ у меня много старыхъ знакомыхъ... Кумъ Елизарычъ, Вавила да Гаврила, Спиридонъ...

Кумъ Елизарычъ, осанистый, сѣдой, плотный, съ окладистой бородой старикъ, скоро былъ представленъ вниманію Евгенія Константиныча, который сказалъ ему нѣсколько милостивыхъ словъ и спросилъ, сколько ему лѣтъ.

— Семьдесятъ, Евгеній Константинычъ, — отвѣтилъ добрый старикъ, перекладывая свое правило изъ руки въ руку.

— А сколько лѣтъ служишь въ заводѣ, кумъ Елизарычъ?—допрашивалъ Прейнъ, похлопывая старика по плечу.

— Лѣтъ съ шестьдесятъ наберется, Альфредъ Осипычъ.

Кумъ Елизарычъ былъ отчаянный плутъ и обдиралъ рабочихъ на каждомъ шагу, но, глядя на это старческое, открытое и убѣленное благообразной сѣдиной лицо, можно было умилиться. У Родіона Антоныча съ кумомъ Елизарычемъ были вѣчныя дѣла, и они не оставались въ накладѣ отъ взаимныхъ услугъ. Вавила и Гаврила были знаменитые катальные мастера, бросавшіе двѣнадцатипудовую рельсовую болванку на катальной машинѣ съ вала на валъ, какъ игрушку; Спиридонъ, первый силачъ, работалъ у обжимочнаго молота. Рабочіе любили Прейна, который умѣлъ обращаться съ ними. Въ свои побывки на заводы онъ часто приглашалъ лучшихъ мастеровъ къ себѣ и пилъ съ ними чай, не отказывался крестить у нихъ ребятъ и задавалъ широкіе праздники, на которыхъ самъ пилъ водку и любилъ слушать мужицкія пѣсни. Конечно, это было немного, но этого немногаго было совершенно достаточно, чтобы Прейна, никогда не сдѣлавшаго никакого добра рабочимъ, всѣ любили, а молчаливаго и безцвѣтнаго Платона Васильича, по-своему хорошо относившагося къ рабочимъ и дѣлавшаго для нихъ все, что отъ него зависѣло, не только не уважали, но готовы были ему устроить всякую пакость.

— Ведите насъ въ катальную фабрику,—предложилъ Прейнъ затруднившемуся, съ чего начать, Платону Васильичу; онъ замѣтилъ уже, что Евгеній Константинычъ морщится и бредетъ по заводу только изъ приличія.

Собственно заводъ занималъ широкую квадратную площадь, ограниченную съ одной стороны плотиной, а съ трехъ остальныхъ—длинными зданіями фабричной конторы, механической, амбарами и высокой каменной стѣной. По самой срединѣ пробѣгала пѣнившаяся Кукарка. На площади тамъ и сямъ валялись кучки песку, свѣжаго доменнаго шлака, громадные горновые камни и полузаросшія свѣжей зеленой травкой сломанныя чугунныя шестерни и катальные валы, походившіе издали на крѣпостныя пушки. Въ дальнемъ углу виднѣлось нѣсколько дровосушныхъ печей, около которыхъ, среди безпоря-

дочно наваленныхъ дровяныхъ кучъ, пестрѣла голосистая толпа поденщицъ-дровосушекъ; эта чумазая и покрытая сажей толпа съ жаднымъ любопытствомъ провожала глазами барина, который прошелъ прямо въ катальную. Визгъ и звонкій дѣвичій смѣхъ какъ-то не вязался съ этой суровой обстановкой дымившихъ доменныхъ печей и подавленнаго грохота катальныхъ машинъ, являясь какимъ-то диссонансомъ въ этомъ царствѣ огня и желѣза. На дорогѣ попалось нѣсколько рабочихъ, очевидно, только-что кончившихъ свою смѣну. Разстегнутые вороты пестрядевыхъ рубахъ, сожженныя, покрытыя потомъ лица, безсильно опущенныя съ напружившимися жилами руки, усталая походка—все говорило о томъ, что они сейчасъ только вышли изъ огненной работы. У входа въ катальную ихъ встрѣтилъ рабочій съ зажженнымъ пукомъ березовой лучины. На первый разъ трудно было что-нибудь разглядѣть въ окружавшей темнотѣ, изъ которой постепенно выдѣлялись остовы катальныхъ машинъ, обжимочный молотъ въ одномъ углу, темныя стѣны и высокая желѣзная крыша съ просвѣчивавшими отверстіями, въ которыя весело глядѣло лѣтнее голубое небо и косыми, пыльными полосами врывались солнечные лучи. Въ глубинѣ корпуса около низкихъ печей, испускавшихъ сквозь маленькія окошечки ослѣпительный свѣтъ, какимъ свѣтитъ только добѣла накаленное желѣзо, быстро двигались и мелькали фигуры рабочихъ; на всѣхъ были надѣты кожаные передники—„защитки“, на головахъ войлочныя шляпы, а на ногахъ мягкіе пеньковые пряденики. Со стороны водяного ларя тянула холодная струя сквозного воздуха; гдѣ-то глухо капала вода, и съ подавленнымъ визгомъ вертѣлось колесо, заставляя вздрагивать даже чугунныя плиты, которыми была вымощена вся фабрика.

— Сейчасъ будутъ прокатывать рельсъ,—проговорилъ Платонъ Васильичъ, когда по фабрикѣ пронесся пронзительный свистъ.

Старикъ-уставщикъ, снявъ шапку, ждалъ у катальной машины.

— Пустите машину!—приказалъ Горемыкинъ.

Гдѣ-то глухо загудѣла вода, и за стѣной грузно повернулось водяное колесо. Вся фабрика вздрогнула, и стальные валы катальной машины завертѣлись съ непріятнымъ лязгомъ и взвизгиваніемъ. Сначала еще можно было различить ихъ движенія, а потомъ все слилось въ одну мутную полосу, вертѣвшуюся съ поразительной быстротой и тѣмъ особеннымъ напряженнымъ постукиваніемъ, которое невольно заставляло думать, что вотъ-вотъ еще нѣсколько поворотовъ водяного колеса—и вся эта масса вертящагося чугуна, желѣза и стали разлетится въ дребезги. Въ глубинѣ корпуса показался яркій свѣтъ, который разомъ залилъ всю фабрику. Лаптевъ закрылъ даже глаза въ первую минуту. Двое рабочихъ, нагнувшись, бойко катили высокую желѣзную телѣжку, на которой лежала рельсовая болванка, имѣвшая форму длиннаго вяземскаго пряника. Вавила и Гаврила стали по обѣ стороны машины, телѣжка подкатилась, и вяземскій пряникъ, точно самъ собой, нырнулъ въ ближайшее, самое большое отверстіе, обсыпавъ всѣхъ бѣлыми и синими искрами. Лаптевъ не успѣлъ мигнуть, какъ вяземскій пряникъ мягкимъ движеніемъ, какъ восковой, вылѣзъ изъ-подъ вала длинной красной полосой, гнувшейся подъ собственной тяжестью; Гаврила, какъ игрушку, подхватилъ эту полосу своими клещами, и она покорно поползла черезъ валы обратно. Не хотѣлось вѣрить, что эта игрушка вѣсила двѣнадцать пудовъ и что въ десяти шагахъ невыносимо жгло и палило лицо. Нельзя было не залюбоваться артистической работой знаменитыхъ мастеровъ, которые точно играли въ мячикъ около катальной машины. Оба высокіе, жилистые, съ могучими затылками и невѣроятной величины ручищами, они смахивали на ученыхъ медвѣдей. Въ этомъ

царствѣ огня и желѣза Вавила и Гаврила казались какими-то желѣзными людьми, у которыхъ кожа и мускулы были допущены только изъ снисхожденія къ человѣческой слабости.

Перекрестовъ вытащилъ изъ бокового кармана записную книжечку и что-то царапалъ въ ней, по временамъ вскидывая глазами на Вавилу и Гаврилу.

— Этакіе медвѣди!—восхищался кто-то.

Послѣ катальной посмотрѣли на Спиридона, который у обжимочнаго молота побрасывалъ сырую крицу, сыпавшую дождемъ горѣвшихъ искръ, какъ бабы катаютъ хлѣбы. Тоже настоящій медвѣдь, и длинныя руки походили на желѣзныя клещи, такъ что трудно было разобрать, гдѣ въ Спиридонѣ кончался человѣкъ и начиналось желѣзо.

— Молодецъ!—похвалилъ Прейнъ своего фаворита.

— Теперь пойдемте смотрѣть новый маховикъ,—предложилъ Горемыкинъ, когда совсѣмъ готовый рельсъ былъ сброшенъ съ машины на полъ.

Маховикъ помѣщался въ новомъ деревянномъ корпусѣ. Молодой машинистъ въ запачканной блузѣ, нагнувшись черезъ перила, наливалъ изъ жестяной лейки масло въ мѣдную подушку маховика, который еще продолжалъ двигаться, поднимая вѣтеръ. Уставщикъ распорядился пустить воду, чтобы показать во всей красотѣ работу этого чудовища въ тысячу пудовъ. Эффектъ вышелъ, дѣйствительно, поразительный, и Горемыкинъ смотрѣлъ на это чугунное дѣтище глазами счастливаго отца. Лаптевъ не могъ раздѣлять этого чувства и наблюдалъ вертѣвшееся колесо своими усталыми глазами съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Послѣ рельсовой фабрики были осмотрѣны кирпичные горны и молоты, пудлинговыя печи, печи Мартена, или Мартына, какъ ихъ окрестили рабочіе; затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ еще новыхъ печей: сберегающая топливо регенеративная печь Сименса, сварочныя, литейныя отражательныя, калильныя и т. д. Осмотрѣны были водяныя тюрбины, которыя приводили въ движеніе воздуходувные мѣха, пять паровыхъ машинъ, механическій корпусъ, гдѣ работали вертикальные и горизонтальные токарные станки, строившійся паровой молотъ и даже склады чугуна въ штыкахъ и припасахъ, желѣзо во всевозможныхъ видахъ: широкополосное, брусковое, шинное, листовое и т. д. Не Лаптева ничто не могло расшевелить, и онъ совершенно равнодушно проходилъ мимо кипѣвшей на его глазахъ работы, создавшей ему милліоны. Только подъ доменной печью, гдѣ нарочно для него былъ сдѣланъ выпускъ, онъ долго и внимательно слѣдилъ за выплывавшей, изъ отверстія печи, огненной массой расплавленнаго чугуна, которая красными ручейками расходилась по чугуннымъ и вырытымъ въ пескѣ формамъ, время отъ времени, когда на пути попадалось сырое мѣсто или какая-нибудь щепочка, вскидывая кверху снопъ ослѣпительно яркихъ искръ.

— Да, красиво...—проговорилъ онъ точно про себя, тыкая горячій шлакъ тросточкой.—Теперь, кажется, все?—обратился онъ къ Платону Васильевичу, и, когда тотъ отвѣтилъ утвердительно, онъ точно обрадовался и даже пожалъ руку своему главному управляющему.

— Нѣтъ, еще не все,—отозвался Прейнъ.—Мы сейчасъ ѣдемъ на Мѣдный рудникъ и спустимся въ шахту.

Генералъ былъ того же мнѣнія, но Лаптевъ протестовалъ противъ такого рѣшенія и повернулъ къ выходу, а за нимъ повернули всѣ остальные соглядатаи и приспѣшники. Они все время лѣзли изъ кожи, чтобы выказать свое вниманіе къ русскому горному дѣлу: таращили глаза на машины, ощупывали руками колеса, лазили съ опасностью жизни вездѣ, гдѣ только мо-

жетъ пролѣзть человѣкъ, и даже нюхали ворвань, которою были смазаны машины. Генералъ ничего не понималъ въ заводскомъ дѣлѣ и разсматривалъ все кругомъ молча, съ тѣмъ удивленіемъ, съ какимъ смотритъ неграмотный человѣкъ на развернутую книгу.

— Домой!—проговорилъ Лаптевъ, торопливо направляясь къ выходу.

— Ага!—отвѣтилъ Прейнъ.

Сотни любопытныхъ глазъ слѣдили все время, какъ баринъ осматривалъ фабрики, и можно было подумать, что всѣ стѣны и щели имѣли глаза.

XV.

Баринъ пріѣхалъ. Что̀ это былъ за человѣкъ — едва ли кто на Кукарскихъ заводахъ зналъ хорошенько, хотя барину было уже за тридцать лѣтъ. На своихъ заводахъ Лаптевъ всего былъ разъ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Россію изъ-за границы, гдѣ родился, получилъ воспитаніе и жилъ до послѣдняго времени. Впрочемъ, вся восходящая линія Лаптевыхъ вела точно такой же образъ жизни, появляясь въ Россіи наѣздомъ. Исключеніе представляли только первые представители этой семьи, которые основывали заводы и жили въ нихъ безвыѣздно. Это была крѣпкая мужицкая семья настоящихъ „расейскихъ“ лапотниковъ: первымъ въ родословномъ деревѣ заводовладѣльцевъ считался Гордѣй, по прозванію Лапоть.

Просматривая семейную хронику Лаптевыхъ, можно удивляться, какими быстрыми шагами совершалось полное вырожденіе ея членовъ подъ натискомъ чужеземной цивилизаціи и собственныхъ богатствъ. Хорошо сохранили основной промышленный типъ собственно только два поколѣнія — самъ Гордѣй и его сыновья; дальше начинался цѣлый рядъ тѣхъ „русскихъ принцевъ“, которые удивляли всю Европу и, въ частности, облюбованный ими Парижъ тысячными безобразіями и чисто-русскимъ самодурствомъ. Въ Парижѣ, Вѣнѣ, Италіи были понастроены Лаптевыми княжескіе дворцы и виллы, гдѣ они и коротали свой вѣкъ въ самомъ разлюбезномъ обществѣ всевозможнаго отребья столицъ и европейскихъ подонковъ. Здѣсь они родились, получали воспитаніе и женились на аристократическихъ выродкахъ или знаменитостяхъ сцены и demi-monde'a, пускали сѣмя и, въ крайнемъ случаѣ, возвращались на родину только умереть. Нѣкоторые изъ представителей этой фамиліи не только не бывали въ Россіи ни разу, но даже не умѣли говорить по-русски; единственнымъ основаніемъ фигурировать въ качествѣ „русскихъ принцевъ“ были тѣ крѣпостные рубли, которые текли съ Урала на веселую далекую заграницу неизсякаемой широкой волной. Эти мужицкіе выродки представляли собой замѣчательную галлерею психически-больныхъ людей, падавшихъ жертвой наслѣдственныхъ пороковъ и развращающаго вліянія колоссальныхъ богатствъ. Были тутъ жуиры и прожигатели жизни pur sang, были меломаны, были чудаки по профессіи, были меценатствующіе „вельможи“, антикваріи, библіоманы и просто шалопаи. Единственная вещь, которую можно было бы поставить имъ въ заслугу, если бы она зависѣла отъ ихъ воли, было то, что всѣ они догадывались скоро „раскланиваться съ здѣшнимъ миромъ“,—какъ говорятъ китайцы о смерти. За послѣднія полтораста лѣтъ средняя цифра жизни этихъ магнатовъ не превышала сорока лѣтъ. Но и этого періода было совершенно достаточно, чтобы около каждаго изъ Лаптевыхъ выросла своя собственная баснословная легенда, гдѣ безсмысленная роскошь азіатскаго пошиба рука объ руку шла съ грандіознымъ россійскимъ самодурствомъ, которое съ легкимъ сердцемъ перешагивало черезъ сотни тысячъ и милліоны рублей, добытые гдѣ-то тамъ, на какомъ-то Уралѣ десяткомъ тысячъ крѣпостныхъ рукъ...

Едва ли въ европейской хроникѣ, богатой проходимцами и набабами всякихъ національностей, найдется такой другой примѣръ, какъ подвиги фамиліи Лаптевыхъ, которые заняли почетное мѣсто въ скорбномъ листѣ европейскихъ и всесвѣтскихъ безобразниковъ.

Послѣдній изъ Лаптевыхъ—Евгеній Константиновичъ—былъ замѣчателенъ тѣмъ, что къ нему никакъ нельзя было примѣниться. Даже такіе люди, какъ Прейнъ, у котораго на рукахъ выросъ маленькій „русскій принцъ"—и тотъ не зналъ хорошенько, что это былъ за человѣкъ. Вѣроятно, въ часы раздумья, если они только находили на него, Евгеній Константиновичъ самъ удивлялся самому себѣ, такъ все въ его жизни было перепутано, непонятно и непредвидимо. Когда еще онъ былъ бойкимъ красивымъ мальчикомъ, приспѣшники и приживальцы возлагали на него большія надежды, какъ на талантливаго и способнаго ребенка; воспитаніе онъ, конечно, получилъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ разныхъ свѣтилъ педагогическаго міра, отъ которыхъ, впрочемъ, не получилъ ничего, кромѣ органическаго отвращенія ко всякому труду и въ особенности къ труду умственному. Юношей онъ прошелъ школу всѣхъ молодыхъ набабовъ и въ двадцать лѣтъ выглядѣлъ усталымъ, пресыщеннымъ человѣкомъ, который собственнымъ опытомъ убѣдился въ „суетѣ суетъ и всяческой суетѣ" нашей общей юдоли плача. Но вѣдь каждый человѣкъ вноситъ съ собой хоть какую-нибудь микроскопическую особенность, по которой его можно было бы отличить отъ другихъ людей. Такой особенностью Евгенія Константиныча служила уже упомянутая нами взбалмошность: никто не могъ поручиться за его завтрашній день. По природѣ онъ не былъ ни золъ ни глупъ, но отчасти воспитаніе, отчасти обстановка, отчасти грѣхи предковъ сдѣлали изъ него капризнаго ребенка съ отшибленной волей. Единственное, что еще онъ любилъ и могъ любить—это была ѣда и, между прочимъ, женщины, какъ острая приправа къ другимъ мудренымъ кушаньямъ.

Поѣздка и даже окончательное переселеніе въ Россію у Евгенія Константиныча случилось какъ-то вдругъ, почти само собой, когда его обругала какая-то бульварная парижская газетка. Дворцы и палаццо, разсованные по разнымъ укромнымъ уголкамъ Европы, пошли съ молотка, вмѣстѣ съ фамильными рѣдкостями, изъ которыхъ можно было бы составить великолѣпный музей для назиданія благодарнаго потомства. Въ числѣ распроданныхъ рѣдкостей, попавшихъ въ руки барышниковъ и ростовщиковъ, находились такія замысловатыя вещицы, какъ сахарница въ пятнадцать тысячъ франковъ, охотничья лядунка въ двадцать тысячъ, экранъ къ камину въ сорокъ и т. д.

Поселившись въ Россіи, которая для Лаптева заключалась въ Петербургѣ, онъ неожиданно для всѣхъ задумалъ поѣздку на Уралъ.

„Большой дворъ", группировавшійся около заводовладѣльца, во главѣ имѣлъ всесильнаго Прейна, который изъ всѣхъ другихъ достоинствъ обладалъ ничѣмъ незамѣнимымъ качествомъ—никогда не быть скучнымъ. Кто онъ такой былъ самъ по себѣ—трудно сказать, если только Прейнъ самъ зналъ свою родословную. Впрочемъ, онъ никогда не чувствовалъ особеннаго пристрастія къ историческимъ и генеалогическимъ изысканіямъ, вполнѣ удовлетворяясь настоящимъ. Достаточно сказать, что у Лаптевыхъ онъ былъ съ дѣтства своимъ человѣкомъ и забралъ великую силу, когда бразды правленія перешли въ собственныя руки Евгенія Константиныча, который боялся всякихъ занятій, какъ огня, и все передалъ Прейну, не спрашивая никакихъ отчетовъ. Такимъ образомъ въ рукахъ Прейна сосредоточивались за послѣднія двадцать лѣтъ всѣ нити и пружины сложнаго заводскаго хозяйства, хотя онъ тоже не любилъ себя обременять усиленными занятіями. Въ качествѣ главно-

уполномоченнаго отъ заводовладѣльца, Прейнъ года черезъ три пріѣзжалъ на заводы, проводилъ здѣсь лѣто и уѣзжалъ за границу. Онъ пользовался хорошей репутаціей у служащихъ и у рабочихъ, хотя ни тѣ ни другіе не видѣли отъ него большой пользы. Секретъ заключался въ томъ, что Прейнъ умѣлъ всѣхъ хорошо и ласково принять и наобѣщать гору. Заводскіе остряки по этому поводу говорили, что Прейна можно даже послать въ лавочку за папиросами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, податливый на обѣщанія, Прейнъ съ дьявольской ловкостью умѣлъ отвернуться отъ ихъ исполненія, и поймать его въ этомъ случаѣ было крайне трудно. Какимъ былъ Прейнъ при крѣпостномъ правѣ, такимъ остался и послѣ воли. Враги называли его глупымъ, друзья считали умнымъ. Во всякомъ случаѣ, положительнаго зла онъ не дѣлалъ никому, хотя смотрѣлъ сквозь пальцы на многое, что̀ могъ замѣтить, но „не замѣтилъ онъ". Время на заводахъ Прейнъ обыкновенно проводилъ на охотѣ. Вообще, люди, близко знавшіе Прейна, могли про него сказать очень немного, какъ о человѣкѣ, который не любилъ скучать, могъ наобѣщать сдѣлать васъ завтра бухарскимъ эмиромъ, любилъ съ чаемъ ѣсть поджаренные въ маслѣ сухарики, всему на свѣтѣ предпочиталъ дамское общество... и только. Ко всевозможнымъ перемѣнамъ и пертурбаціямъ въ составѣ большого и малаго дворовъ Прейнъ относился почти индифферентно, и его жизнь катилась вольно и широко, какъ плохая сама по себѣ, но дружно разыгранная на сценѣ пьеса.

Само собой разумѣется, что въ жизни большого двора Прейну принадлежала выдающаяся роль, хотя онъ и держался по возможности всегда въ сторонѣ отъ всякихъ происковъ и интригъ. Послѣ него въ составъ большого двора входили служащіе главной петербургской конторы, какъ стоявшіе ближе другихъ къ особѣ заводовладѣльца, этому источнику заводскаго свѣта: управляющій конторой, завѣдующій счетной частью и т. д. Далѣе, въ составъ большого двора, въ качествѣ „случайныхъ", попадали всевозможные люди, удовлетворявшіе минутнымъ прихотямъ Лаптева и умѣвшіе угодить его капризамъ. Это былъ странный сбродъ, въ родѣ сановника не у дѣлъ Летучаго, корреспондента Перекрестова и т. д. Подъ эту же рубрику подходили разныя женщины, умѣвшія на время удержаться на покатой плоскости прихотливой барской натуры, какъ танцовщица Братковская и другія дамы и полудѣвицы этого разбора. Такіе дѣльцы, какъ Раиса Павловна или Нина Леонтьевна, въ силу своихъ физическихъ особенностей, уже не могли имѣть прямого значенія, а должны были довольствоваться тѣмъ, что̀ выпадало на ихъ долю изъ-за чужой спины.

Неожиданно для всѣхъ возсіявшая звѣзда генерала Блинова представляла собой въ жизни большого и малаго двора такое исключеніе, которое составляло неразрѣшимую задачу для большинства. Подозрѣвали, что генералъ былъ *созданъ* совмѣстными усиліями Тетюева и Нины Леонтьевны, жаждавшими вкусить отъ заводскаго пирога и спровадить Раису Павловну. Вообще, вся интрига была задумана и приведена въ исполненіе съ дьявольской ловкостью. Самъ генералъ, во всякомъ случаѣ, не былъ виноватъ ни душой ни тѣломъ въ той роли, какую ему пришлось разыгрывать. Между тѣмъ все дѣло, какъ и многое другое на свѣтѣ, объяснялось очень просто: Тетюевъ воспользовался тѣми недоразумѣніями, которыя возникли между заводоуправленіемъ и мастеровыми по поводу уставной грамоты, тиснулъ нѣсколько горячихъ статеекъ въ газетахъ по этому поводу противъ заводовъ и, когда Лаптевъ долженъ былъ узнать наконецъ объ этомъ дѣлѣ, онъ ловко подсунулъ ему генерала Блинова, какъ ученаго экономиста и финансовую голову, который можетъ все устроить. Лаптевъ схватился за брошенную ему приманку и сейчасъ

же рѣшилъ ѣхать на Уралъ съ генераломъ самъ. Истинныя свои цѣли Тетюевъ, конечно, скрылъ отъ довѣрчиваго генерала съ большимъ искусствомъ, надѣясь постепенно воспользоваться имъ. Генералъ, съ своей стороны, очень горячо и добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ и еще въ Петербургѣ постарался изучить все дѣло, чтобы оправдать возложенныя на него полномочія, хотя не могъ понять очень многаго, что надѣялся пополнить уже на самомъ мѣстѣ дѣйствія.

На третій день своего пріѣзда въ Кукарскій заводъ, генералъ черезъ своего секретаря пригласилъ къ себѣ Прозорова, который и заявился къ однокашнику въ томъ видѣ, въ какомъ былъ, т.-е. сильно навеселѣ.

— Давненько мы съ тобой не видались, Виталій Кузьмичъ...—говорилъ генералъ, обнимая Прозорова.

— Да... давненько, ваше превосходительство...—ядовито отвѣчалъ Прозоровъ, оглядывая сановитую, представительную фигуру бывшаго однокашника.

— Ты остался такой же запозой, какимъ былъ раньше, — отвѣтилъ генералъ на эту колкость.—Я надѣюсь, что мое превосходительство нисколько не касается именно тебя: мы старые друзья и можемъ обойтись безъ чиновъ...

— Прикажете называть Мирономъ Геннадьичемъ?

— Я вообще не люблю приказывать кому-нибудь, а тебѣ въ особенности... Перестань разыгрывать комедію, душа моя. Этакая у тебя дьявольская привычка!..

— Полюбите насъ черненькими, Миронъ Геннадьичъ...

Генералъ пожалъ плечами и зашагалъ по кабинету. Онъ любилъ Прозорова, но теперь передъ нимъ была только тѣнь прежняго товарища. Обоимъ было одинаково тяжело. Генералъ хотѣлъ выйти изъ затруднительнаго положенія старымъ дружескимъ тономъ, Прозоровъ—дерзостями.

— А я такъ радъ былъ видѣть тебя,—заговорилъ генералъ послѣ длинной паузы.—Кромѣ того, я надѣялся кое-что разузнать отъ тебя о томъ дѣлѣ, по которому пріѣхалъ сюда, т.-е. не хочу во имя нашей дружбы сдѣлать изъ тебя шпіона, а просто... ну, однимъ словомъ, будемъ вмѣстѣ работать. Я взялся за дѣло и долженъ выполнить его добросовѣстно. Если хочешь, я продался Лаптеву, какъ рабочій, но не продавалъ ему своихъ убѣжденій.

Въ короткихъ словахъ генералъ передалъ Прозорову значеніе своей миссіи и тѣ цѣли, которыхъ желательно было достигнуть, причемъ онъ не скрылъ, что его смущаетъ и въ чемъ онъ нуждается.

— Ты, кажется, ужъ давненько живешь на заводахъ и можешь въ этомъ случаѣ сослужить службу не мнѣ, конечно, а нашему общему дѣлу,—продолжалъ свою мысль генералъ.—Я не желаю мирволить ни владѣльцу ни рабочимъ и представить только все дѣло въ его настоящемъ видѣ. Тамъ пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ. Изъ своей роли не выходить—это мое правило. Теорія—одно, практика—другое.

Прозоровъ все время осматривалъ кабинетъ генерала, напрасно отыскивая въ немъ что-то, что ему было нужно, и наконецъ проговорилъ:

— Вотъ что, Миронъ Геннадьичъ, прикажите-ка подать водочки... Тогда поговоримъ о разныхъ разностяхъ.

Генералъ поморщился, но позвонилъ и велѣлъ лакею подать водки. Эта неделикатная выходка Прозорова задѣла его за живое, но онъ еще разъ сдержалъ себя и заговорилъ размѣренно-спокойнымъ тономъ, какъ говорилъ на каѳедрѣ:

— Я—поклонникъ Кэри и отчасти Мальтуса... Не будемъ говорить о тѣхъ абсурдахъ, которые стараются вывести изъ ихъ системъ, но возьмемъ

только самую сущность. Нашъ приходится имѣть дѣло именно съ ними, когда вопросъ зайдетъ, съ одной стороны, о покровительственной системѣ, и второе—когда мы коснемся рабочаго вопроса. Да... важно имѣть опредѣленную, строго выработанную систему, отъ этого зависитъ все. По моему мнѣнію, даже извѣстныя ошибки, какъ необходимая дань всякаго практическаго примѣненія теорій, могутъ имѣть оправданіе только въ томъ единственномъ случаѣ, если онѣ явились, какъ результатъ строго проведенной общей идеи.

Послѣ этого вступленія генералъ очень подробно развилъ основанія своей собственной системы. „Кульминаціонный пунктъ, основная точка, операціонный базисъ" этой системы заключался въ видѣ капиталистическаго производства, которая должна строго преслѣдоваться какъ во внутреннемъ строѣ, такъ и во внѣшней обстановкѣ. Конечно, утопистамъ и мечтателямъ въ принципѣ капитализма грезится призракъ всепоглощающей привилегіи, которая изъ трудящихся классовъ создаетъ самый безвыходный пролетаріатъ, но это несправедливо, если на дѣло взглянуть безпристрастно. Именно, одинъ и тотъ же капиталъ, если онъ раздѣленъ между нѣсколькими тысячами людей, почти не существуетъ, какъ экономическая сила, тогда какъ сосредоточенный въ однѣхъ рукахъ онъ представляетъ громадную величину, которою слѣдуетъ только воспользоваться надлежащимъ образомъ. Въ данномъ случаѣ, именно по отношенію къ заводовладѣльцу, было бы смѣшно остановиться на томъ выводѣ, что онъ воспользуется своей силой во вредъ своимъ рабочимъ. Наоборотъ, по коренному свойству человѣческой природы, можно предположить, что, по мѣрѣ увеличенія силы заводовладѣльца, будетъ возрастать благосостояніе его рабочихъ, потому что именно здѣсь ихъ интересы совпадаютъ. Логика самая простая: лучше заводамъ—лучше заводовладѣльцу и рабочимъ, тѣмъ болѣе, что съ расширеніемъ производства будетъ прогрессировать запросъ на рабочія руки. Кажется, ясно? Это—относительно, такъ сказать, внутренней политики; что же касается до внѣшнихъ отношеній, то здѣсь вопросъ осложняется тѣмъ, что нужно говорить не объ одномъ заводѣ, даже не о заводскомъ округѣ, даже не объ Уралѣ, а вообще о всей нашей промышленной политикѣ, которая постоянно колебалась и колеблется между полной свободой внѣшняго рынка и покровительственной системой въ строгомъ смыслѣ слова. Можно сказать вполнѣ утвердительно, что эти колебанія во взглядахъ правительства до сихъ поръ самымъ пагубнымъ образомъ отражались на всей русской промышленности, а на горной въ особенности. Строго проведенная покровительственная система является въ промышленной жизни страны тѣмъ же, чѣмъ служитъ школа для каждаго человѣка въ отдѣльности: пока человѣкъ не окрѣпъ и учится, ясное дѣло, что онъ еще не можетъ конкурировать со взрослыми людьми; но дайте ему возможность вырасти и выучиться, тогда онъ смѣло выступитъ конкурентомъ на всемірный рынокъ труда. Вотъ именно такой школы до сихъ поръ и недоставало русской промышленности, и наша задача ее создать. Въ этомъ случаѣ нельзя не соглашаться съ выводами Кэри, который отстаиваетъ покровительственную систему.

— Да, а рабочимъ, по Мальтусу, будете рекомендовать нравственное воздержаніе?—спросилъ Прозоровъ, прищурившись.

— До этого пока еще не дошло, но и это имѣть въ виду не мѣшаетъ. Отчего мы можемъ воздерживаться отъ брака до того времени, пока не составимъ себѣ опредѣленнаго общественнаго положенія, а рабочій будетъ плодить дѣтей съ шестнадцати лѣтъ?

— По-моему, это проповѣдывать открытый развратъ, хотя и теперь

нравственность заводскаго населенія стоитъ не особенно высоко. Я выпью еще, Миронъ Геннадьичъ?..

— Выпей. Только о Мальтусѣ я упомянулъ, Виталій Кузьмичъ, между прочимъ, собственно для выясненія своихъ взглядовъ—это еще вопросъ далекаго будущаго, а теперь прежде всего необходимо самое существенное: развязаться съ этой уставной грамотой, а потомъ освободить заводы отъ долговъ. Вѣдь у насъ всѣ металлы заложены въ Государственный банкъ...

— Знаю, слышалъ... Только я хотѣлъ бы сказать тебѣ слова два о твоей системѣ.

Прожевывая ломтикъ балыка, Прозоровъ забѣгалъ по кабинету со своими обычными жестами. Генералъ смотрѣлъ на него съ тѣмъ оттѣнкомъ снисхожденія, съ какимъ умѣютъ смотрѣть добрые русскіе генералы.

— Ты ужъ меня извини за откровенность, Миронъ,—предупреждалъ Прозоровъ.—Я, конечно, пьяница и потерянный человѣкъ...

— Это, право, не относится къ дѣлу.

— Ну, хорошо, допустимъ, что не относится. А я тебѣ прямо скажу, что вся твоя система выѣденнаго яйца не стоитъ. Да... И замѣчательное дѣло: по душѣ ты не злой человѣкъ, а разсуждаешь, какъ людоѣдъ.

— Именно?

— Очень просто: ты продалъ душу чорту, то-есть капиталистамъ, а теперь утѣшаешься разными софизмами. Вѣдь и самъ чувствуешь, что совсѣмъ не то говоришь...

— Нѣтъ, я этого не чувствую.

— Тѣмъ хуже для тебя! Если я погибаю, то погибаю только одной своей особой, отъ чего никому ни тепло ни холодно, а ты хочешь затянуть мертвой петлей десятки тысячъ людей во имя своихъ экономическихъ фантазій. Иначе я не могу назвать твоей системы... Что это такое, вся эта ученая галиматья, если ее разобрать хорошенько? Самая некрасивая подтасовка научныхъ выводовъ, чтобы угодить золотому тельцу.

Генералъ поморщился, но продолжалъ слушать это немножко откровенное возраженіе. Упомянувъ о значеніи капитализма, какъ общественно-прогрессивнаго дѣятеля, поскольку онъ, при крупной организаціи промышленнаго производства, возвышаетъ производительность труда, и далѣе, поскольку онъ расчищаетъ почву для принципа коллективизма, Прозоровъ указалъ на то, что развитіе нашего отечественнаго капитализма настойчиво обходитъ именно эту свою прямую задачу и, разрушивъ старыя крѣпостныя формы промышленности, теперь развивается только на счетъ техническихъ улучшеній, почти не увеличивая числа рабочихъ даже на самый ничтожный процентъ, не уменьшая рабочаго дня и не возвышая заработной платы. Ясное дѣло, что, когда все кругомъ дорожаетъ, и кромѣ того нашъ курсъ все падаетъ, фабричному рабочему приходится выводить на фабрику свою жену и дѣтей. Если продолжать въ этомъ же направленіи, впереди выростутъ страшные промышленные кризисы съ одной стороны, а съ другой—создастся русскій пауперизмъ.

— Вотъ вамъ результаты прославленнаго наукой раціональнаго раздѣленія труда,—уже кричалъ Прозоровъ, страшно размахивая руками.—Вы забываете о рабочемъ и о его будущности, а только думаете о томъ, чтобы при помощи всемірнаго рынка реализировать въ пользу кучки крупныхъ промышленниковъ ту прибавочную стоимость, которая вамъ останется отъ труда сотенъ тысячъ рабочихъ... Притомъ вы, во имя развитія отечественной промышленности, стараетесь непремѣнно занять привилегированное положеніе,

что опять-таки всей своей тяжестью ложится все на того же рабочаго: каждый нажитый вами этимъ путемъ рубль является дефицитомъ въ народномъ хозяйствѣ, потому что рабочему онъ стоитъ десять рублей. Нѣтъ, батенька, все это гниль и чепуха...

Прозоровъ продолжалъ въ томъ же родѣ; генералъ слушалъ его внимательно, стараясь провѣрить самого себя.

— А впрочемъ, ну васъ къ чорту совсѣмъ, со всей вашей ученой ерундой!—неожиданно закончилъ Прозоровъ, наливая себѣ рюмку водки.

— Разскажи что-нибудь о себѣ, Виталій Кузьмичъ!—проговорилъ генералъ, опять разсматривая своего собесѣдника.—Ну, какъ ты живешь тутъ, что дѣлаешь?..

— Что разсказывать: весь налицо... Хорошъ, нечего сказать. Ха-ха!.. Ну, да я не завидую твоему превосходительству, повѣрь мнѣ. Такъ свиньей и останусь до конца дней...

— У тебя, кажется, дочь была?

— Да, была... И теперь оная имѣется въ наличности. Такъ, пустельга... Впрочемъ, вѣдь на такихъ людей и существуетъ постоянный спросъ. Я пробовалъ учить ее, тоже воспитывалъ, да ничего не вышло. Въ папеньку однимъ концомъ пошла, видно...

Съ каждой новой рюмкой Прозоровъ хмелѣлъ все сильнѣе и сильнѣе, пока совсѣмъ не свалился на диванъ, гдѣ и заснулъ...

„Дѣйствительно, настоящая свинья...“ — съ горечью подумалъ генералъ.

XVI.

У Майзеля на другой день пріѣзда Лаптева на заводы былъ маленькій дѣловой вечеръ съ закуской. Жилъ Майзель, какъ всѣ нѣмцы, очень плотно. На подъѣздѣ картинно лежали два датскихъ дога; на звонокъ изъ передней, какъ вспугнутый вальдшнепъ, оторопѣло выбѣгалъ въ сѣрой офиціальной курткѣ дежурный лѣсообъѣздчикъ; на лѣстницѣ тянулся мягкій коверъ; кабинетъ хозяина былъ убранъ на охотничій манеръ, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія, съ лосиными и оленьими рогами, съ чучелами соколовъ и громадной медвѣжьей шкурой на полу. Вездѣ мягкіе ковры, бронза, мягкая дорогая мебель, шредеровскій рояль въ залѣ, горка съ минералогической коллекціей, горка съ серебромъ, горка съ фарфоромъ, нѣсколько порядочныхъ картинъ масляными красками и т. д. Воздухъ былъ всегда прокуренъ дымомъ дорогихъ сигаръ, и вообще вездѣ пахло тугимъ, чисто-нѣмецкимъ довольствомъ. Дѣтей у Майзеля не было, поэтому царилъ во всемъ самый педантичный порядокъ, какъ въ хорошемъ музеѣ, гдѣ строго преслѣдуютъ каждую пылинку. На половинѣ Амаліи Карловны нѣмецкая чистота достигала своего апогея, такъ что сама хозяйка походила на кошку, которая цѣлые дни моется лапкой. Даже Родіонъ Антонычъ въ своей раскрашенной хоромина никогда не могъ достигнуть до этого идеала теплаго уютнаго житья, потому что жена у него была русская, и по всему дому вѣчно валялись какія-то грязныя тряпицы, а пыль сметалась лѣнивой прислугой по угламъ. Поэтому Родіонъ Антонычъ имѣлъ полное основаніе завидовать Майзелю и даже иногда жалѣлъ, зачѣмъ онъ, Родіонъ Антонычъ, не русскій нѣмецъ.

Сегодня у Майзеля былъ все свой народъ: Вершининъ, Дымцевичъ, Буйко, Сарматовъ и докторъ Кормилицынъ. Ждали Тетюева, который обѣщалъ завернуть вечеркомъ.

— Это какой-то идіотъ...—рѣзко отчеканивая слова, говорилъ самъ Май-

зель, когда рѣчь зашла о Прейнѣ.—И для чего онъ тащитъ на Уралъ всякую сволочь, въ родѣ Летучаго и этого прощелыги Перекрестова!

— Вы напрасно такъ думаете, Николай Карлычъ,—мягко возразилъ Вершининъ, разваливаясь въ креслѣ.—Прейнъ очень хорошо изучилъ привычки Евгенія Константиныча и, вѣроятно, не ошибется въ расчетахъ.

— Да и расчетовъ никакихъ нѣтъ, Демидъ Львовичъ, а просто одна сплошная глупость... За кого онъ насъ принимаетъ, что намъ приходится брататься со всякой швалью?

— Нѣтъ, а мнѣ каково достается!—перебилъ Сарматовъ, хлопая себя по лысинѣ.—Извольте-ка составить любительскій спектакль буквально изъ ничего... Раиса Павловна помѣщалась на плечахъ Наташи Шестеркиной, а много ли сдѣлаешь изъ однихъ плечъ, когда она вся точно деревянная—ступить по-человѣчески не умѣетъ.

— А Канунникова?

— Канунникова... Не спорю, господа, у Канунниковой и бюстъ, и талія, и прочее въ надлежащемъ видѣ, но ее погубятъ ноги!—представьте себѣ настоящія гусиныя лапы... Я даже сомнѣваюсь, нѣтъ ли у ней перепонокъ между пальцами.

— Чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ пріятнѣе побѣда,—замѣтилъ Вершининъ.—Вамъ, Сарматовъ, какъ человѣку, знакомому съ небесными свѣтилами, не трудно уже примѣниться къ земнымъ планетамъ, около которыхъ приходится теперь вамъ вращаться, наперекоръ законамъ небесной механики.

— Тѣмъ болѣе неприлично упывать артиллеристу, черезъ котораго переѣхало цѣлое орудіе...—прибавилъ Майзель.

— Нѣтъ, вы, господа, слишкомъ легко относитесь къ такому важному предмету,—защищался Сарматовъ.—Тѣмъ болѣе, что намъ приходится вращаться около планетъ. Вотъ спросите хоть у доктора, онъ отлично знаетъ, что анатомія всему голова... Кажется, пустяки плечи какія-нибудь или гусиная нога, а на дѣлѣ далеко не пустяки. Не такъ ли, докторъ?

— Я васъ не понимаю, Сарматовъ,—отозвался докторъ.

— Не понимаете? Пустяки, батенька, нечего прикидываться... Если бы я былъ на мѣстѣ Прозорова, я прописалъ бы вамъ такую анатомію съ физіологіей вмѣстѣ, что небо въ овчинку бы показалось. Кто Лушѣ подарилъ маринованную глисту?

— Совсѣмъ не маринованную... Зачѣмъ вы врете, Сарматовъ? Гликерія Виталіевна интересовалась тогда сравнительной анатоміей—ну, я ей и преподнесъ великолѣпный экземпляръ taenia solium. Анатомическіе препараты никогда не сохраняются въ уксусѣ, а только въ спиртѣ.

— Виноватъ, а я думалъ—въ уксусѣ. Что же вамъ сказала тогда Гликерія Виталіевна, когда вы разодолжили ее своей глистой?

— Ахъ, отстаньте, пожалуйста!.. Прогнала, и только...

Всѣ засмѣялись. Чудакъ-докторъ тоже смѣялся вмѣстѣ съ другими своимъ жиденькимъ, дребезжавшимъ смѣшкомъ, точно въ немъ порвалась какая-то струна.

„Идіотъ!—со злобой думалъ Майзель, закручивая усъ.—Пожалуй, еще все разболтаетъ...“

Онъ пожалѣлъ, что пригласилъ сегодня доктора на общій совѣтъ.

— Отчего вы, Сарматовъ, не пригласили Лушу къ себѣ въ труппу?—спрашивалъ Вершининъ.—Дѣвочка ничего себѣ...

— Не приказано... Высшее начальство не согласно. Да и чортъ съ ней совсѣмъ, собственно говоря. Раиса Павловна надула въ уши дѣвчонкѣ, что

она красавица, ну, натурально, та и уши развѣсила. Я лучше Анненьку заставлю въ дивертисментѣ или въ водевилѣ русскія пѣсни пѣть. Лихо отколетъ!..

— А m-lle Эмма будетъ у васъ участвовать?

У Сарматова вертѣлось на кончикѣ языка ядовитое словечко относительно m-lle Эммы, но онъ удержался, изъ уваженія къ русско-нѣмецкому происхожденію хозяина.

— А Раиса Павловна что-нибудь устроитъ,—говорилъ кто-то.—Дайте срокъ, только бы ей увидаться съ Прейномъ.

— Ну, это еще Андроны ѣдутъ,—сомнѣвался Майзель.—Для перваго раза Нина Леонтьевна ее порядочно смазала... А та разсчитывала разыграть роль хозяйки! Ха-ха...

Вершининъ засмѣялся дѣланымъ смѣхомъ изъ уваженія къ хозяину, какъ и другіе. Онъ, на мѣстѣ Нины Леонтьевны, не сдѣлалъ бы такъ, потому что еще кто знаетъ, что впереди; для чего было бравировать съ перваго шага. Въ каждомъ дѣлѣ Вершининъ прежде всего помнилъ золотую пословицу, что своя рубашка къ тѣлу ближе, а здѣсь тѣмъ болѣе: звѣрь былъ раненъ, но онъ могъ еще подняться на ноги. Въ жизни случаются превращенія, какихъ не въ состояніи предвидѣть ни одна теорія вѣроятностей. Старикъ Майзель, какъ разсерженный боровъ, теперь готовъ былъ лѣзть на стѣну, потому что Раиса Павловна смазала его несравненную Амальхенъ; но это еще плохое доказательство для того, чтобы другимъ надѣвать петлю на шею. Въ сущности, собравшаяся сегодня компанія, за исключеніемъ доктора и Сарматова, представляла собой сборище людей, глубоко ненавидѣвшихъ другъ друга; всѣ потихоньку тяготѣли къ тому жирному куску, который могъ сдѣлаться свободнымъ каждую минуту, въ видѣ пятнадцати тысячъ жалованья главнаго управляющаго, не считая квартиры, готоваго содержанія, безгрѣшныхъ доходовъ и выдающагося почетнаго положенія. Безъ сомнѣнія, Горемыкинъ висѣлъ на волоскѣ, и предоставлялось каждому рѣшить мудреный вопросъ, кто займетъ его мѣсто. Вершининъ и Майзель получали офиціальныхъ пять тысячъ, остальные по три — это было очень немного въ сравненіи съ пятнадцатью тысячами жалованья главнаго управляющаго. Собственно, возможными кандидатами представлялись Вершининъ и Майзель, а затѣмъ Тетюевъ. Но это не мѣшало и остальнымъ думать про себя: чѣмъ онъ хуже другихъ. Дымцевичъ, Буйко и даже Сарматовъ ничего не имѣли противъ пятнадцати тысячъ. Вершининъ славился, какъ административная голова и какъ самый ловкій интриганъ, Тетюевъ—какъ юристъ и дѣлецъ, а Майзель—какъ крѣпкая солдатская рука въ ежовой рукавицѣ. Всѣ эти особенности давали ихъ владѣльцамъ нѣкоторыя надежды и вмѣстѣ поднимали между ними ту черную кошку, изъ-за которой люди дѣлаются тайными врагами не на животъ, а на смерть. И вмѣстѣ съ тѣмъ они чувствовали себя безсильными по одиночкѣ и должны были соединиться, чтобы добиться цѣли. Кто же изъ нихъ будетъ тѣмъ счастливцемъ, на котораго милостиво взглянетъ капризная фортуна?

Майзель поджидалъ Тетюева съ особымъ нетерпѣніемъ и начиналъ сердиться, что тотъ заставлялъ себя ждать. Но Тетюевъ, какъ на зло, все не ѣхалъ, и Майзель, взорванный такой невнимательностью, рѣшился безъ него приступить къ дѣлу.

— Господа, я надѣюсь, что здѣсь собрался все свой народъ и никто не выноситъ сору изъ избы,—началъ онъ, отчеканивая слова.—Я пригласилъ васъ затѣмъ, чтобы вмѣстѣ обсудить, какъ намъ поступить. Я увѣренъ, что всѣмъ намъ одинаково надоѣло плясать подъ дудку старой бабы. По крайней мѣрѣ,

для себя лично я считаю это позоромъ. Противъ Платона Васильича, конечно, трудно что-нибудь сказать, какъ противъ человѣка, который заслуживаетъ только нашего сожалѣнія. Да и что можно требовать отъ калѣки, который ничего не видитъ и не слышитъ?

— Да, онъ совсѣмъ глухъ и слѣпъ,—провозгласилъ Сарматовъ.

— Господа, кто-то, кажется, подъѣхалъ?—замѣтилъ Дымцевичъ, все время оцинывавшійся и охорашивавшійся, какъ курица передъ дождемъ.—Это, навѣрно, Тетюевъ...

— Конечно, онъ...

Въ кабинетъ, дѣйствительно, вошелъ самъ Тетюевъ, облаченый въ темную синюю пару, сѣрыя перчатки и золотое пенснэ. Онъ съ дѣловой, сосредоточенной улыбкой пожалъ всѣмъ руки, извинился, что заставилъ себя ждать, и проговорилъ, сосредоточенно роняя слова, какъ докторъ отсчитываетъ капли лѣкарства:

— Дѣла по горло, на части такъ и рвутъ. Едва успѣлъ вырваться изъ управы.

— Врешь, врешь и врешь!—перебилъ Сарматовъ.—Навѣрно, наигрывалъ на какой-нибудь дудкѣ... Знаемъ твои дѣла!.. А мы безъ тебя тутъ чуть не составили цѣлый заговоръ.

Майзель поморщился и сердито хрустнулъ пальцами; онъ еще разъ пожалѣлъ, что пригласилъ на совѣщаніе доктора и Сарматова, хотя безъ нихъ счетъ былъ бы не полонъ.

— Я догадываюсь, господа, о чемъ шла рѣчь,—подхватилъ Тетюевъ брошенную реплику.—Да, намъ необходимо соединиться во имя общей цѣли, хотя мое дѣло, собственно говоря, сторона.

— Ну, ну, Авдѣй Никитичъ, полноте притворяться,—заговорилъ Вершининъ.—Кто заварилъ кашу, тому и красная ложка...

— Я, ей-Богу, ничего... Я въ первый разъ слышу. Какая каша? Обо мнѣ, право, много лишняго говорятъ.

— Однако будетъ, господа, толковать о пустякахъ,—остановилъ эти препирательства Майзель.—Приступимте къ дѣлу; Авдѣй Никитичъ, за вами первое слово. Вы ужъ высказали мысль о необходимости дѣйствовать вмѣстѣ, и теперь остается только выработать самую форму нашего протеста, чтобы этимъ дать дѣлу сразу надлежащій ходъ. Какъ вы полагаете, господа?

— Подадимте петицію на имя Евгенія Константиныча,—предложилъ Сарматовъ.—Выскажемся въ ней прямо, что такъ и такъ, уважая Платона Васильича и прочее, мы не можемъ больше оставаться подъ его руководствомъ. Тутъ можно наплести и о преуспѣяніи заводскаго дѣла, и о нравственномъ авторитетѣ, и о нашихъ благихъ намѣреніяхъ. Я даже, съ своей стороны, предложилъ бы формулировать эту петицію въ видѣ ультиматума...

— Я первый на это никогда не соглашусь,—заявилъ Вершининъ,—потому что это, по меньшей мѣрѣ, глупо... Съ какой стати ради Платона Васильича я буду рисковать своимъ мѣстомъ?

— Я тоже,—говорилъ Майзель.—Мы люди семейные... Какъ вы думаете, господа?

Дымцевичъ и Буйко были, конечно, согласны съ нимъ, потому что, хотя были бы не прочь получать пятнадцать тысячъ годовыхъ, но лишаться своихъ трехъ тысячъ тоже не желали. Докторъ протестовалъ противъ такого рѣшенія, потому что ужъ если начинать дѣло, такъ нужно вести открытую игру.

— Что же намъ прятаться, если наше дѣло справедливо?—своимъ жиденькимъ тенорокомъ вытягивалъ докторъ.—Насъ много, а Платонъ Васильичъ одинъ.

— Хорошо вамъ толковать, Яковъ Яковлевичъ,—вступился Вершининъ,— когда у васъ ни кола ни двора. Отказали отъ мѣста, поступилъ на другое— и вся недолга. На докторовъ теперь вездѣ спросъ, а нашему брату получить мѣсто—задача не маленькая.

— Но вѣдь это наконецъ не честно,—горячился докторъ.—Изъ-за своихъ личныхъ, можно сказать, семейныхъ расчетовъ вилять хвостомъ передъ заводовладѣльцемъ...

— Ничего вы не понимаете!—оборвалъ Майзель.—Вы, Яковъ Яковличъ, штановъ-то не умѣете застегнуть хорошенько, а еще толкуете о честности...

Яша Кормилицынъ позеленѣлъ отъ злости и, кажется, даже готовъ былъ вцѣпиться въ солдатскую физіономію Майзеля, но это неожиданное и непріятное недоразумѣніе было сейчасъ же устранено вмѣшательствомъ Тетюева, который нѣсколькими фразами потушилъ занявшійся пожаръ.

— Онъ меня оскорбилъ!—тонкимъ голоскомъ жаловался Кормилицынъ, размахивая руками, какъ манекенъ.

— Ну что жъ изъ этого?—удивлялся Тетюевъ. — Николай Карлычъ почтенный и заслуженный старикъ, которому многое можно извинить, а вы еще молодой человѣкъ... Да и мы собрались сюда, право, не затѣмъ, чтобы быть свидѣтелями такой непріятной сцены.

— Завтра дуэль учинимъ, Яша!—кричалъ Сарматовъ доктору.—На тридцати шагахъ стрѣлять, постепенно подходя къ барьеру, пока одинъ изъ васъ не покончитъ земное странствіе...

Послѣ этого маленькаго эпизода приступили къ обсужденію имѣющей быть кампаніи. Выпито было двѣ бутылки шартреза, лица у всѣхъ раскраснѣлись, голоса охрипли. Наконецъ порѣшили представить Евгенію Константинычу свои мотивы и соображенія на словахъ, по той программѣ, которую разработаетъ особая комиссія.

— А кто же возьметъ на себя роль оратора, господа?—спрашивалъ Тетюевъ.

— Какъ кто? А вы-то на что? Да мы на васъ, Авдѣй Никитичъ, надѣемся, какъ на каменную стѣну...

— Помилуйте, господа, я-то тутъ при чемъ?—удивлялся Тетюевъ. — Я, конечно, сочувствую вамъ и готовъ помочь вамъ всѣми силами, потому что настоящій цезаризмъ касается и меня, какъ представителя земства. Я долженъ внести свою лепту въ общее дѣло, но вѣдь теперь вы являетесь въ качествѣ заводскихъ служащихъ, какъ же я къ вамъ пристану?

— Дѣйствительно, это не совсѣмъ удобно,—согласился Вершининъ.

— Я могу представить проектъ отъ лица земства — это другое дѣло,— продолжалъ Тетюевъ.—Но, въ такомъ случаѣ, мнѣ лучше явиться на аудіенцію къ Евгенію Константинычу одному.

Еще немножко поспорили и согласились съ доводами Тетюева.

— Это еще будетъ лучше,—соображалъ Сарматовъ:—мы откроемъ дѣйствія съ двухъ сторонъ разомъ. А все-таки, господа, кто изъ насъ будетъ ораторомъ? Я подаю голосъ за доктора...

— И я тоже,—отозвался Вершининъ.

— И я тоже...—заразъ посыпались голоса.

— Право, ужъ не знаю, какъ быть...—сомнѣвался Яша Кормилицынъ, вытягивая шею и поправляя свою гриву.—Ораторъ-то я плохой; пожалуй, еще перевру что-нибудь.

— Ничего, мы вамъ напишемъ всю рѣчь, а вы ее выучите наизусть,— успокаивалъ Тетюевъ.

— Пустяки! Пропустить двѣ рюмки коньяку передъ тѣмъ, какъ итти къ Евгенію Константинычу—и вся недолга.

— Что жъ, я, пожалуй, согласенъ!—вяло уступилъ докторъ.

— Вотъ и отлично, Яша!—говорилъ Сарматовъ, хлопая доктора по плечу.— Послужи міру, голубчикъ... А намъ какъ-то неловко; пожалуй, Евгеній Константинычъ еще подумаетъ про всякаго, что онъ именно и желаетъ занять мѣсто Платона Васильича. Вѣдь такъ, Яшенька?

Послѣ этого соглашенія приступили къ разработкѣ программы будущихъ дѣйствій и Яшиной рѣчи въ частности. Тетюевъ стоялъ за то, чтобы не торопиться, а дать время хорошенько выясниться обстоятельствамъ.

— А если мы будемъ тянуть да и пропустимъ Евгенія Константиныча,— сомнѣвались Буйко и Дымцевичъ.—Что ему стоитъ сѣсть да и уѣхать?

— Не упустимъ,—увѣренно говорилъ Тетюевъ, потирая руки.—Извините, господа, мнѣ сегодня некогда... Дѣло есть. Въ другой разъ какъ-нибудь потолкуемъ...

Взглянувъ на свой полухронометръ, Тетюевъ съ прежней улыбкой началъ прощаться. Заговорщики выпили послѣ него еще бутылку какого-то вина и тоже начали прощаться.

— До завтра...—коротко говорилъ Майзель, протягивая руку друзьямъ.— Завтра надѣюсь опять видѣть васъ у себя. Для друзей у меня всегда найдется бутылочка порядочнаго вина и горячій бифштексъ.

Когда всѣ убрались, Майзель медленно сдѣлалъ налѣво кругомъ, какъ будто поворачивалъ цѣлую роту, и тяжело, какъ матерой сѣдой медвѣдь, побрелъ на половину Амаліи Карловны, которая встрѣтила его въ дверяхъ спальни въ одной кофточкѣ, совсѣмъ готовая отойти ко сну.

— Ну что?—спросила она, вытягивая свое птичье лицо.

— Ничего... дураки!

Майзель коротко засмѣялся, награждая свою Амальхенъ русско-нѣмецкимъ „кюссхенъ“.

— Кто дураки?

— Да всѣ, Амальхенъ... И вдобавокъ еще настоящія русскія свиньи! Представь себѣ, Вершининъ и Тетюевъ мечтаютъ занять мѣсто Горемыкина... Ха-ха-ха!..

Амальхенъ тоже засмѣялась, презрительно сморщивъ свой длинный носъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли разсчитывать на мѣсто главнаго управляющаго всѣмъ этимъ свиньямъ, когда оно должно принадлежать именно Николаю Карлычу! Она съ любовью посмотрѣла на статную, плечистую фигуру мужа и кстати припомнила, что еще въ прошломъ году онъ убилъ собственноручно медвѣдя. У такого человѣка развѣ могли быть соперники?

— Свиньи всѣ...—еще разъ проговорилъ Майзель, облекаясь въ расшитый шелками шлафрокъ.—Я имъ покажу всѣмъ, гдѣ раки зимуютъ, только бы...

Еще одинъ кюссхенъ, и плотная чета предалась крѣпкому, счастливому сну.

XVII.

У Тетюева дѣйствительно было серьезное дѣло. Прямо отъ Майзеля онъ отправился въ господскій домъ, вѣрнѣе къ господскому саду, гдѣ у калитки его уже поджидала горничная Нины Леонтьевны. Подъ предводительствомъ этой особы Тетюевъ благополучно достигъ до генеральскаго флигелька, въ которомъ ему сегодня была назначена первая аудіенція.

— Пожалуйте сюда...—шопотомъ пригласила его горничная въ полусвѣщенную маленькую гостиную, окна которой были завѣшаны драпировками.

Оставшись въ комнатѣ одинъ, Тетюевъ почувствовалъ невольное смущеніе. Его шокировало это обходное движеніе черезъ господскій садъ и вообще вся таинственная обстановка, при которой приходилось вести дѣло. Но отступать было поздно. Отъ-нечего-дѣлать онъ принялся разсматривать тропическія растенія, которыя топоршились изъ угловъ гостиной зелеными лапами. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ пудры и еще какими-то сильными духами, какіе любятъ женщины зрѣлыхъ лѣтъ. Но вотъ въ сосѣдней комнатѣ зашуршало по полу шелковое тяжелое платье, и на порогѣ появилась квадратная, заплывшая жиромъ фигура Нины Леонтьевны. Она, по обыкновенію, была расцвѣчена самыми пестрыми бантами, кольцами и перьями; на головѣ изъ кружевъ и лентъ образовалось что-то въ родѣ радужнаго гребня. Первое впечатлѣніе, которое Нина Леонтьевна произвела на Тетюева, можно было сравнить только съ тѣмъ, если бы въ дверяхъ показалась цвѣточная копна.

Дѣльцы окинули другъ друга съ ногъ до головы проницательными взглядами, какъ люди, которые видятся въ первый разъ и немного не довѣряютъ другъ другу. Нина Леонтьевна держала въ рукахъ серебряную цѣпочку, на которой прыгала обезьяна Коко, ея любимецъ.

— Вы опоздали на полчаса...—хрипло проговорила наконецъ Нина Леонтьевна, взглянувъ на свои золотые часы, болтавшіеся у ней на груди на брильянтовомъ аграфѣ.

— Виноватъ, меня задержали...—смущенно пробормоталъ Тетюевъ, совсѣмъ не ожидавшій такого пріема.—Я сейчасъ отъ Майзеля.

— Знаю.

— Тамъ было маленькое совѣщаніе по нашему дѣлу.

— Знаю.

„Это чортъ, а не баба",—подумалъ Тетюевъ, опять разсматривая свою собесѣдницу.

— Генералъ весь вечеръ пробудетъ у Евгенія Константиновича, и мы съ вами можемъ потолковать на досугѣ,—заговорила Нина Леонтьевна, раскуривая сигару.—Надѣюсь, что мы не будемъ играть въ темную... Не такъ ли? Я, по крайней мѣрѣ, смотрю на дѣло прямо! Я сдѣлаю для васъ все, что обѣщала, а вы должны обезпечить меня нѣкоторымъ авансомъ... Ну, пустяки какіе-нибудь, тысячъ двадцать пока.

Тетюевъ даже съежился отъ такой цифры и только промычалъ въ отвѣтъ какую-то безсвязную фразу. Онъ теперь уже окончательно убѣдился, что дѣйствительно имѣетъ дѣло съ чортомъ, и потому рѣшилъ, что нечего церемониться съ этой цвѣточной копной.

— Видите ли, Нина Леонтьевна,—заговорилъ Тетюевъ съ дѣловой вкрадчивостью:—вѣдь дѣло еще совсѣмъ невѣрное, и кто знаетъ, чѣмъ оно можетъ кончиться.

— Та-акъ... А для кого же я везла сюда Евгенія Константиныча, по-вашему?

— Такъ какъ вы высказали сейчасъ желаніе говорить откровенно, то я вамъ отвѣчу вопросомъ: развѣ вы что-нибудь проиграли отъ такой поѣздки?

— Это ужъ мое дѣло, милостивый государь.

— Вотъ именно это-то и хорошо, что вы ѣхали для своего дѣла, другими словами, для себя, а мое положеніе совсѣмъ неопредѣленное и почти безнадежное: я хлопочу, работаю, а плодами моихъ трудовъ могутъ пользоваться другіе...

— Что вы хотите сказать этимъ?

— А то, что даже въ счастливомъ случаѣ, когда намъ удастся столкнуть Горемыкиныхъ, кандидатами на ихъ мѣсто являются Вершининъ и Майзель...

Извините, но за такое удовольствіе платить двадцать тысячъ, по меньшей мѣрѣ, глупо.

— Но вѣдь безъ меня вамъ не добиться аудіенціи у Евгенія Константиновича? И кромѣ того, его нужно очень и очень подготовить къ такой аудіенціи.

— Все это такъ, но все это можетъ кончиться въ результатѣ пулемъ. Я полагалъ, Нина Леонтьевна, что найду въ васъ сотрудника по общему дѣлу, а вы ставите вопросъ совершенно на другую почву.

— Благодарю за вниманіе... Но вы, какъ видите, ошиблись въ своихъ расчетахъ, поэтому намъ лучше разстаться сейчасъ же.

Въ первую минуту Тетюевъ онѣмѣлъ, но Нина Леонтьевна поднялась съ вызывающимъ видомъ: значитъ, или двадцать тысячъ, или уходи. На нѣсколько мгновеній Тетюевъ остановился, но потомъ сдѣлалъ дѣловой поклонъ и молча направился къ двери. Когда онъ надѣвалъ въ передней свое пальто, Нина Леонтьевна окликнула его.

— Авдѣй Никитичъ, вернитесь!..

— Не зачѣмъ, Нина Леонтьевна,—отвѣтилъ Тетюевъ.—Я не могу дать вамъ и двадцати копеекъ... впередъ.

— Ха-ха-ха!..—залилась квадратная женщина.—Да вернитесь, говорятъ вамъ. Очень мнѣ нужны ваши двадцать копеекъ... Я просто хотѣла испытать васъ для перваго раза. Поняли? Идите и поговоримте серьезно. Мнѣ нужно было только убѣдиться, что вы въ состояніи выдержать характеръ.

Въ уютной гостиной генеральскаго флигелька завязался настоящій дѣловой разговоръ. Нина Леонтьевна подробно и съ обычнымъ злымъ остроуміемъ разсказала всю исторію, какъ она подготовляла настоящую поѣздку Лаптева на Уралъ, чего это ей стоило и какъ, въ самый рѣшительный моментъ, когда Лаптевъ долженъ былъ отправиться, вся эта сложная комбинація чуть не разлетѣлась въ дребезги отъ самаго пустого каприза балерины Братковской. Ей самой приходилось ѣздить къ этой сумасшедшей, чтобы Лаптевъ не остался въ Петербургѣ.

Потомъ Нина Леонтьевна очень картинно описала пріѣздъ Лаптева въ Кукарскій заводъ, сдѣланную ему торжественную встрѣчу и тѣ впечатлѣнія, какія вынесъ изъ нея главный виновникъ всего торжества. Въ короткихъ чертахъ были сдѣланы мѣткія характеристики всѣхъ дѣйствующихъ лицъ „малаго двора“. Тетюеву оставалось только удивляться проницательности Нины Леонтьевны, которая, по первому взгляду, необыкновенно мѣтко очертила Вершинина, Майзеля и всѣхъ остальныхъ, причемъ пересыпала свою рѣчь самой крупной солью.

— Откуда все это вы могли узнать?—удивлялся Тетюевъ.

— Мало ли я что̀ знаю, Авдѣй Никитичъ... Знаю, напримѣръ, о сегодняшнемъ вашемъ совѣщаніи, знаю о томъ, что Раиса Павловна приготовила для Лаптева лакомую приманку, и т. д. Все это слишкомъ по-дѣтски, чтобы не сказать больше... То-есть я говорю о планахъ Раисы Павловны.

Этотъ разговоръ съ умной женщиной наполнилъ плутоватую душу Тетюева настоящимъ восторгомъ, такъ что онъ даже не допытывался, откуда Нина Леонтьевна могла все знать. Для него ясно было, что теперь онъ совершаетъ настоящаго дѣльца, дѣльца высшей пробы, дѣльца изъ той заманчивой сферы, гдѣ счеты идутъ на сотни тысячъ и милліоны. Эта сфера всегда неудержимо тянула къ себѣ Тетюева, и онъ въ минуты откровенности съ самимъ собою иногда думалъ, что именно созданъ для нея, а совсѣмъ ужъ не затѣмъ, чтобы пропадать гдѣ-то въ медвѣжьей глуши. Предъ Ниной Леонтьевной онъ почувствовалъ себя такимъ маленькимъ и ничтожнымъ, какъ

новичокъ, котораго только-что привели въ классъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могло быть печальнѣе предсѣдателя уѣздной земской управы, получающаго годовыхъ двѣ съ половиной тысячи, когда другіе рвали десятки и сотни тысячъ? Вотъ хоть эта самая Нина Леонтьевна, безобразная и старая баба—и больше ничего, а вѣдь умѣла же поставить себя, да еще какъ поставить! Ему, Тетюеву, нужно трубить въ своемъ земствѣ десять лѣтъ, чтобы получить столько, сколько получитъ Нина Леонтьевна, если подготовитъ всего одно дѣло. А между тѣмъ развѣ онъ, Тетюевъ, хуже другихъ, если бы ему попалъ въ руки хорошій случай?

— А какъ вы думаете, Нина Леонтьевна, долго Евгеній Константинычъ пробудетъ у насъ?—спрашивалъ Тетюевъ послѣ наступившей тяжелой паузы.

— Это неизвѣстно, Авдѣй Никитичъ, никому неизвѣстно. Все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, какъ они сложатся... Во всякомъ случаѣ, я убѣждена, что Евгеній Константинычъ не заживется здѣсь, и поэтому не слѣдуетъ даромъ терять времени...

Въ теченіе двухъ часовъ, которые пробылъ Тетюевъ въ генеральскомъ флигелькѣ, было переговорено подробно обо всемъ, начиная съ обсужденія общаго плана дѣйствій и кончая тѣмъ проектомъ о преобразованіяхъ въ заводскомъ хозяйствѣ, который Тетюевъ долженъ будетъ представить самому Евгенію Константинычу, когда Нина Леонтьевна подготовитъ ему аудіенцію.

Возвращаясь изъ генеральскаго флигелька опять по саду, Тетюевъ уносилъ въ душѣ частичку того самаго блаженнаго чувства, которое предвкусилъ въ обществѣ Нины Леонтьевны, точно онъ поднимался невѣдомой силой кверху, въ область широкихъ начинаній, проектовъ, плановъ и соображеній. На половинѣ Раисы Павловны въ двухъ окнахъ виднѣлся слабый огонекъ. Взглянувъ на него, Тетюевъ сладко улыбнулся про себя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ странно и нелѣпо устроенъ свѣтъ: даже если онъ, Тетюевъ, и не займетъ мѣсто Горемыкина, все-таки, благодаря борьбѣ съ Раисой Павловной, онъ выдвинется наконецъ на настоящую дорогу. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что завтра будетъ день...

Въ спальнѣ Раисы Павловны, дѣйствительно, горѣлъ огонь въ мраморномъ каминѣ, а сама Раиса Павловна лежала на кушеткѣ противъ огня, наслаждаясь переливами и вздрагиваніями широкихъ огненныхъ языковъ, лизавшихъ закопченныя стѣнки камина. Около Раисы Павловны сидѣла въ креслѣ Луша. На полу валялась разогнутая французская книга, которую онѣ только-что читали. Раиса Павловна задумчиво смотрѣла на огонь, испытывая закачивавшее чувство дремы, уносившее ее въ далекій міръ воспоминаній; Луша ничего не испытывала, кромѣ своей обыкновенной тоски.

— Луша, ты видѣла *ихъ*? — спрашивала Раиса Павловна, просыпаясь отъ своего забытья.

— Кого ихъ?

— Ну, Евгенія Константиныча, Прейна и К°.

— Да, мелькомъ.

Раиса Павловна опять задумчиво смотрѣла на огонь и какъ-то мягко, точно въ полупросонье, заговорила:

— Голубчикъ, *это* все не то... Да. Я считала ихъ гораздо выше, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Во всей этой компаніи, включая сюда и Евгенія Константиныча съ Прейномъ, есть только одинъ порядочный человѣкъ въ смыслѣ типичности—это лакей Евгенія Константиныча, m-r Чарльзъ.

Луша не понимала, зачѣмъ Раиса Павловна говоритъ все это, но сдѣлала внимательное лицо и приготовилась слушать.

— М-г Чарльзъ — цѣльная, выдержанная натура,—продолжала Раиса Павловна, полузакрывая глаза.—Это порядочный человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, хотя и лакей... Я увѣрена, что Евгеній Константинычъ и уважаетъ его одного, потому что m-r Чарльзъ единственный gentleman во всей компаніи. Даже самъ Евгеній Константинычъ не доросъ до такого gentleman'a, хотя и корчитъ изъ себя ультрафешенебельнаго дэнди во вкусѣ young Albion. Это просто, какъ и Прейнъ, то, что вѣнцы и берлинцы называютъ Lebemann'омъ, то-есть человѣкомъ, живущимъ во всю ширь У него недостаетъ характера, выдержки... Вѣрнѣе назвать его просто русскимъ набабомъ, да и то съ оговоркой. Вообще, я думала о немъ лучше.

— А другіе?—спрашивала Луша, глядя на перебѣгавшее въ каминѣ пламя и синіе струйки газа.

— Другіе? Другіе, выражаясь по-русски, просто сволочь... Извини, я сегодня выражаюсь немного рѣзко. Но какъ иначе назвать этотъ невозможный сбродъ, прильнувшій къ Евгенію Константинычу совершенно случайно? Ему просто лѣнь прогнать всѣхъ этихъ прихлебателей... Вообще, свита Евгенія Константиныча представляетъ какой-то подвижной кабакъ изъ отборнѣйшихъ тунеядцевъ. Видѣла Летучаго? Да всѣ они одного поля ягоды. И я удивляюсь только одному, чего смотритъ Прейнъ? Тащитъ на Уралъ эту орду, и, спрашивается, зачѣмъ?

Раиса Павловна послѣ этого немного патетическаго вступленія перешла къ jeunesse dorée вообще и русской въ частности. Такая молодежь въ ея глазахъ являлась всегдашнимъ идеаломъ, послѣднимъ словомъ той жизни, для которой стоило существовать на свѣтѣ порядочной женщинѣ, въ особенности женщинѣ красивой и умной. Она съ увлеченіемъ разсказывала о блестящей европейской кликѣ, къ которой русская jeunesse dorée присосалась только однимъ бокомъ, никогда не достигая чистокровнаго дендизма. Изъ русской золотой молодежи Раиса Павловна отдавала предпочтеніе дипломатической и министерской фракціямъ, а всего выше ставила гвардейскую золотую молодежь. Получалась необыкновенно эффектная комбинація изъ дрессированныхъ лошадей, модныхъ кабаковъ, ужиновъ, устрицъ, пикниковъ, aves de ces dames, шампанскаго, векселей и самыхъ высокихъ понятій о чести мундира и т. д.

— Да, это совершенно особенный міръ,—захлебываясь, говорила Раиса Павловна.—Нигдѣ не цѣнится женщина, какъ въ этомъ мірѣ, нигдѣ она не цѣнится больше, какъ женщина. Женщинѣ здѣсь поклоняются, ей приносятъ въ жертву все, даже жизнь, она является царицей, связующей нитью, всесильнымъ центромъ.

XVIII.

Съ самаго перваго дня появленія Лаптева въ Кукарскомъ заводѣ, господскій домъ попалъ въ настоящее осадное положеніе. Чего Родіонъ Антонычъ боялся, какъ огня, то и случилось: мужичье взбѣленилось и не хотѣло отходить отъ господскаго дома, несмотря на самыя трогательныя увѣщанія не безпокоить барина.

— Ужъ ты, Родивонъ Антонычъ, оставъ насъ, пожалуйста, оставь!—упирались мужики.—Не къ тебѣ пришли...

— А-ахъ, Б-боже м-мой!..—отмахивался Родіонъ Антонычъ руками и ногами.—Развѣ я держу васъ... а? А вы тѣ разсудите: усталъ баринъ съ дороги или нѣтъ?

Ходоки переминались съ ноги на ногу, пыхтѣли, переглядывались, чесали въ затылкахъ и кончали тѣмъ, что опять начинали старую пѣсню:

— Ужъ ты, Родивонъ Антонычъ, не препятствуй... Дѣльце у насъ до барина есть.

Какими-то невѣдомыми путями по заводу облетѣла вѣсть, что генералъ будетъ разбирать дѣло крестьянъ насчетъ уставной грамоты и что генералъ строгій, но справедливый. Къ этому было прибавлено много постороннихъ соображеній и своихъ собственныхъ фантазій, такъ что около слова „генералъ" выросла настоящая легенда. Баринъ молодъ, не надѣется на себя, а другіе-то его обманываютъ, вотъ онъ и привезъ съ собой генерала, чтобы все, значитъ, сдѣлать на совѣсть, по-божескому, чтобы мужичковъ не изводить напрасно, и т. д. Ходоки особенно надѣялись на генерала и, желая послужить міру, пробивались къ барину во что бы то ни стало. У нихъ были уже заготовлены на всякій случай двѣ бумаги: одна барину, другая генералу. Родіонъ Антонычъ, конечно, все это зналъ и удвоилъ усилія, чтобы не пропускать мужиковъ. Разставлены были сотскіе и десятники, чтобы отгонять подозрительный народъ отъ господскаго дома; даже приглашена была полиція на всякій случай, если бы мужичье вздумало бунтовать.

Изъ числа ходоковъ особенно выдѣлялись два старика-раскольника, которые добивались своей цѣли особенно настойчиво. Одинъ, съ косматой сѣдой бородой и большимъ лысымъ лбомъ, походилъ на одного изъ тѣхъ патріарховъ, какихъ изображаютъ деревенскіе богомазы; складки широкаго армяка живописно драпировали его высокую, сгорбленную ширококостную фигуру. Другой, толстый и слащавый, съ сладкой заговаривающей рѣчью, принадлежалъ къ типу мужицкихъ „говорковъ", какихъ можно встрѣтить на каждомъ сельскомъ сходѣ; раскольничья выдержка и скрытность придавали ему видъ настоящаго коновода. Перваго звали Ермилой Кожинымъ, второго просто Семенычемъ. Выдавался еще третій говорокъ, испитой, чахоточный мужикъ съ широкимъ горломъ, по фамиліи Вачегинъ. Люди этого типа составляютъ истинное несчастье на всѣхъ сельскихъ сходахъ, гдѣ горланятъ и кричатъ за четверыхъ. Въ сущности, Вачегинъ былъ глупый и несуразный мужикъ, но его общество выбрало въ придачу Кожину и Семенычу на томъ основаніи, что Вачегинъ ужъ постоитъ на своемъ, благо Господь пастью его наградилъ. Другіе ходоки были набраны больше для „числа", чтобы придать вѣсъ „бумагѣ", которая должна была быть подана барину. Большинство принадлежало къ тѣмъ волостнымъ „старичкамъ", которые особенно падки на даровое мірское винцо. Толку отъ нихъ, конечно, было мало, но все-таки главнымъ говоркамъ какъ-то было веселѣе выступить подъ этимъ прикрытіемъ. Оно такъ, какъ-никакъ, а все-таки страшно итти къ барину, и только кровные мірскіе интересы заставляли забывать страхъ.

Нужно сказать, что все время, какъ пріѣхалъ баринъ, отъ господскаго дома не отходила густая толпа, запрудившая всю улицу. Одни уходили и сейчасъ же замѣнялись другими. Къ вечеру эта толпа увеличивалась и начинала походить на громадное шевелившееся животное. Вмѣстѣ съ темнотой увеличивалась и смѣлость. Поднимался крикъ и гвалтъ. Всѣ желали непремѣнно видѣть барина и ни за что не хотѣли уходить отъ господскаго дома. Чтобы разогнать толпу, генералъ уговаривалъ Евгенія Константиныча выйти на балконъ, но и эта крайняя мѣра не приносила результатовъ: когда баринъ показывался, подымалось тысячеголосое „ура", летѣли шапки въ воздухъ, а народъ все-таки не расходился по домамъ. Родіонъ Антонычъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ изъ моря головъ поднимались чьи-то руки съ колыхавшимися

листами писаной бумаги, и сейчасъ же посылалъ казаковъ разыскивать буяновъ. Руки съ бумагой, на время исчезали. Только разъ чуть-чуть не перехитрили Родіона Антоныча, именно, листъ такой бумаги подняли на длинной палкѣ къ самому балкону, и, по всей вѣроятности, Лаптевъ принялъ бы это прошеніе, если бы лихой оренбургскій казакъ во-время не окрестилъ нагайкой рукъ, которые держали шестъ съ прошеніемъ. Опасность счастливо миновала, но виновный, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, не былъ отысканъ.

Бунтовщики не удовольствовались этимъ, а какими-то неисповѣдимыми путями, черезъ десятки услужливыхъ рукъ, добрались наконецъ до неприступнаго и величественнаго m-r Чарльза и на колѣняхъ умоляли его замолвить за нихъ словечко барину. Въ пылу усердія они даже пообѣщали ему подарить „четвертной билетъ", но m-r Чарльзъ съ величественнымъ презрѣніемъ отказался какъ отъ четвертного билета, такъ и отъ ходатайства передъ бариномъ.

— Я хорошо знаю свои обязанности и никогда не мѣшаюсь въ дѣла Евгенія Константиныча,—сухо отвѣтилъ gentleman, полируя свои ногти какимъ-то розовымъ порошкомъ.—Это мое правило...

Когда мужики начали кланяться этому замороженному холопу въ ноги, m-r Чарльзъ величественно пожалъ плечами и съ презрѣніемъ улыбнулся надъ унижавшейся передъ нимъ безхарактерной „русской скотиной".

Эта игра кончилась наконецъ тѣмъ, что ходоки какъ-то пробрались во дворъ господскаго дома какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Евгеній Константинычъ, въ сопровожденіи своей свиты, отправлялся сдѣлать предобѣденный променадъ. Въ суматохѣ, происходившей по такому исключительному случаю, Родіонъ Антонычъ прозѣвалъ своихъ враговъ и спохватился уже тогда, когда они загородили дорогу барину. Картина получилась довольно трогательная: человѣкъ пятнадцать мужиковъ стояли безъ шапокъ на колѣняхъ, а говорки въ это время подавали свою бумагу.

— Что вамъ нужно?—спросилъ Лаптевъ, поморщившись.

Онъ надѣвалъ перчатки и уже занесъ-было ногу на подножку экипажа. Эта маленькая остановка непріятно подѣйствовала на его нервы.

— Мы къ тебѣ, батюшка баринъ!—голосили старички, кланяясь въ землю.—Вотъ прими отъ насъ бумагу, тамъ все прописано.

— Насчетъ надѣлу, батюшка баринъ,—прибавилъ голосъ одного изъ ходоковъ.—Обезживотили насъ безъ тебя-то... На тебя вся надёжа!

— Хорошо, хорошо... Въ чемъ дѣло?—проговорилъ лѣниво Лаптевъ, принимая измятую „бумагу".

Мелькомъ взглянувъ на заголовокъ прошенія, онъ опять поморщился и передалъ „бумагу" генералу.

— Это, кажется, по вашей части...—прибавилъ онъ.

— Да, мы разсмотримъ послѣ,—проговорилъ генералъ, обращаясь къ стоявшимъ на колѣняхъ просителямъ.—Встаньте... Приходите ко мнѣ послѣзавтра, тогда разберемъ ваше прошеніе, а теперь, какъ сами видите, барину некогда.

„Бумага" отъ генерала перешла въ руки его секретаря, у котораго и исчезла въ изящномъ портфелѣ. Экипажъ быстро унесъ барина съ его свитой, а старички остались на колѣняхъ.

— Ахъ, вы, ироды, ироды!..—ругался Родіонъ Антонычъ, наступая на ходоковъ по-пѣтушиному.—Не нашли другого времени... а? Ужъ я говорилъ-говорилъ вамъ, а вотъ теперь и пеняйте на себя. Лѣзутъ съ бумагой къ барину, когда тому некогда...

— Родивонъ Антонычъ, ужъ ты, право... Ахъ, какой ты! Мы тебѣ добромъ говорили: пусти... а?

Толпа старичковъ уныло побрела съ господскаго двора. Десятокъ корявыхъ рукъ чесался въ мужицкомъ затылкѣ, выскребая оттуда какія-то мудреныя соображенія. Кожинъ шагалъ, сосредоточенно опустивъ голову; онъ позабылъ надѣть шапку и бережно несъ ее въ той рукѣ, которая еще такъ недавно держала бумагу. У Семеныча заскребло на душѣ, когда генералъ передалъ бумагу какому-то стрикулисту, а тотъ ее спряталъ. Дойдетъ или не дойдетъ бумага до барина?—вотъ роковой вопросъ, который клиномъ засѣлъ въ крѣпкой мужицкой головѣ. А если бы дошла бумага, баринъ своими глазами увидѣлъ бы, что ихъ дѣло совсѣмъ правое... Вѣдь Родивонъ Антонычъ прижимку ихъ сдѣлалъ въ уставной грамотѣ, а барину зачѣмъ прижимать! Баринъ все разберетъ, потому ему—своя часть, намъ—своя. Семенычъ думалъ то же самое, что̀ думалъ Кожинъ и что̀ думали другіе, съ той разницей, что его начинало разбирать то чувство неувѣренности, въ какомъ онъ боялся сознаться самому себѣ.

„А-ахъ, неладно маненько вышла наша бумага!“ — думалъ Семенычъ, дергая плечомъ.

— А вѣдь онъ тово...—проговорилъ наконецъ Семенычъ, нарушая общее молчаніе.

— Чего: тово?

— Да нашъ Родивонъ-то Антонычъ...

— Ну?

— Просолимъ, пожалуй, нашу бумагу. Кабы неустойка не вышла...

— А генералъ?

— Генералъ оно, конечно... Ужъ тутъ что̀ говорить: генералъ заправскій. Да ужъ оно обнаковенно...

Кожинъ сердито посмотрѣлъ на Семеныча и даже плюнулъ. Это были два совершенно противоположные характера. Они мало въ чемъ сходились между собой, но не могли обойтись одинъ безъ другого, когда дѣло заходило о томъ, чтобы послужить міру. Кожинъ слишкомъ былъ тяжелъ и по уму и по характеру, но это былъ желѣзный человѣкъ, когда добивался своей цѣли; Семенычъ былъ мягче, податливѣе и часто мучился „сумлѣніями“ и любилъ обходные пути, когда не находилъ прямой дороги. Въ трудную минуту Семенычъ умѣлъ разогнать тоску своимъ балагурствомъ и шуточками, и теперь, послѣ налетѣвшаго сумлѣнія, онъ добродушно проговорилъ:

— А я, братцы, такъ полагаю, что мы подведемъ животы Родькѣ нашей бумагой... Недаромъ онъ бѣгаетъ, какъ очумѣлый. Ужъ вѣрно... Загнули ему таку загадку, что не скоро, братъ, раскусишь. А бумагу генералъ обѣщалъ разобрать послѣзавтра... Значитъ, все ему обскажемъ, какъ насъ Родька облапошивалъ, и всякое прочее. Тоже и на нихъ своя гроза есть. Вонъ онъ какой, генералъ-отъ: строгій...

Родіонъ Антонычъ дѣйствительно почувствовалъ себя крайне плохо, когда роковая бумага наконецъ попала въ руки къ генералу, который сейчасъ же назначилъ мужичью и время для объясненій. Это проклятое „послѣзавтра“ теперь было точно приколочено къ мудрой головѣ Родіона Антоныча двухвершковымъ гвоздемъ, и онъ со страхомъ думалъ: „вотъ когда началось-то...“. Теперь онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, котораго спускаютъ въ глубокій колодецъ. Что-то будетъ, и удастся ли ему еще разъ вынырнуть изъ медленно поглощавшей его бездны?.. Охъ, недаромъ онъ видѣлъ себя во снѣ дупелемъ! Сонъ вышелъ въ руку. Въ довершеніе всѣхъ

бѣдъ, Раиса Павловна приняла извѣстіе о поданной мужиками бумагѣ съ самымъ обиднымъ равнодушіемъ, точно это дѣло нисколько ея не касалось. На повѣрку выходило такъ, что Родіонъ Антонычъ долженъ былъ выпутываться за всѣхъ одной своей головой. И зачѣмъ было этой Раисѣ Павловнѣ тягаться съ Тетюевымъ, точно мѣста для двоихъ не хватило бы! А теперь вотъ и расхлебывай кашу за всѣхъ, да еще не смѣй пикнуть ни о чемъ, что̀ могло бы бросить тѣнь на Раису Павловну. Родіонъ Антонычъ чувствовалъ себя тѣмъ клопомъ, который съ неуклюжей торопливостью бѣжитъ по стѣнѣ отъ занесеннаго надъ его головой пальца—вотъ-вотъ раздавятъ, и поминай какъ звали маленькаго человѣка, который цѣлую жизнь старался для другихъ.

— Что̀ за бѣда, если вамъ придется объясниться съ генераломъ!—говорила Раиса Павловна.—Ну, возьмемъ крайній случай, что онъ покричитъ на васъ, даже если выгонитъ... Мнѣ тоже не сладко достается!

— Я готовъ претерпѣть за правду, Раиса Павловна.

— Тѣмъ лучше. Я могу увѣрить васъ только въ томъ, что наше дѣло еще не проиграно. Генералъ, конечно, пользуется громаднымъ авторитетомъ въ глазахъ Евгенія Константиныча, но и Альфредъ Осипычъ...

— Охъ, Альфредъ Осипычъ... Альфредъ Осипычъ!—стоналъ Родіонъ Антонычъ, хватаясь за голову.

— Главное, не забывайте, что наше дѣло совсѣмъ правое: мы отстаиваемъ заводскіе интересы, а Тетюевъ разводитъ фантазіи.

Настало и роковое „послѣзавтра". Партія старичковъ съ ранняго утра расположилась на крыльцѣ генеральскаго флигелька, въ ожиданіи, когда генералъ проснется. Ермила Кожинъ былъ настроенъ особенно угрюмо, Семенычъ испытывалъ нѣкоторое сумлѣніе, а Полуехтъ Вачегинъ находился, какъ всегда, въ неопредѣленномъ настроеніи духа. Другіе старички вздыхали, чесали поясницы и торопливо вскакивали, когда изъ флигелька выходилъ кто-нибудь. Братковскій прошелъ мимо нихъ уже нѣсколько разъ, но генералъ все еще спалъ. Іюньское горячее солнце было уже высоко и начинало порядкомъ допекать ходоковъ, но они не чувствовали жара въ ожиданіи предстоящаго объясненія съ генераломъ. Этимъ скоробленнымъ, зачерствѣвшимъ на господской работѣ людямъ мерещились тѣ покосы, выгоны и лѣса, которые у нихъ оттягалъ Родька Сахаровъ и которые они должны получить, потому что барину стоитъ сказать слово... Вотъ ужо генералъ все разберетъ!..

Наконецъ генералъ проснулся. Лакей провелъ ходоковъ прямо въ кабинетъ, гдѣ генералъ сидѣлъ у письменнаго стола съ трубкой въ рукахъ. Предъ нимъ стоялъ стаканъ крѣпкаго чая. Старички осторожно вошли въ кабинетъ и выстроились у стѣны въ смѣшанную кучу, какъ свидѣтели на допросѣ у слѣдователя.

— Читалъ я ваше прошеніе, мужички,—заговорилъ генералъ, пуская клубы дыма.—Да вы садитесь.

Генералъ указалъ на кушетку и нѣсколько вѣнскихъ стульевъ, но мужички отказались наотрѣзъ: „свои ноги есть, постоимъ, ваше высокопревосходительство...". Ходокамъ нравилось солдатское лицо генерала, потому строгій генералъ, справедливый, выходитъ. Громкій голосъ и увѣренныя манеры тоже говорили въ его пользу.

— На тебя вся надежда...—заговорили ходоки, бухая въ ноги.

— Встаньте, встаньте! Я не Богъ, чтобы мнѣ кланяться въ землю.

— На тебя вся надежда!—галдѣли мужики, подымаясь съ полу.

— Я постараюсь сдѣлать для васъ все, что̀ отъ меня зависитъ. Но я

долженъ предупредить васъ, что для меня одинаково дороги какъ ваши интересы, такъ и интересы заводовладѣльца...

— Ужъ это извѣстно... на совѣсть...

Генералъ заговорилъ объ уставной грамотѣ и о тѣхъ недоразумѣніяхъ, какія возникли по поводу ея между заводскимъ населеніемъ и заводоуправленіемъ. По мнѣнію генерала, обѣ стороны, по-своему, были правы и не правы. Чтобы выяснить свою мысль, онъ началъ объясненія съ того, что̀ такое заводы, заводовладѣлецъ и заводскій рабочій. Заводы не походятъ на другія частныя предпріятія и ремесла, въ которыхъ большею частью связаны интересы очень ограниченнаго числа лицъ. На заводахъ же переплелись въ крѣпкій узелъ интересы тысячъ людей, поэтому говорить о моемъ и твоемъ здѣсь нужно особенно осторожно. Если польза заводовладѣльца тѣсно связана съ благосостояніемъ десятковъ тысячъ, то его убытки еще тѣснѣе связаны съ ихъ судьбой, поэтому нужно быть справедливымъ одинаково къ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ. Что̀ такое заводовладѣлецъ по существу? Это человѣкъ, который на свой страхъ ведетъ милліонное предпріятіе, которое не только должно давать работу десяткамъ тысячъ рабочихъ и доходъ ему лично, но еще должно приносить пользу всему государству. Это разъ. Что̀ такое заводскій рабочій? Человѣкъ, который трудомъ своихъ рукъ снискиваетъ себѣ пропитаніе на заводской работѣ. Отсюда: отъ благосостоянія заводовъ одинаково зависитъ и участь заводовладѣльца и участь рабочихъ. Заводское дѣло— живое дѣло, въ которомъ рука руку моетъ, а заводы являются живымъ связующимъ звеномъ между фамиліей заводовладѣльца и цѣлымъ рядомъ поколѣній рабочихъ. Отсюда понятно, что заводы одинаково дороги всѣмъ, и въ общей громадной работѣ не пропадаетъ безслѣдно ни одна крупица труда.

— Я самъ работаю теперь для заводовъ,—продолжалъ генералъ, отхлебывая чай изъ стакана.—И я горжусь своей работой, потому что въ виду имѣется польза десятковъ тысячъ рабочихъ. Но мнѣ кажется, что между рабочими и заводоуправленіемъ по поводу уставной грамоты возникло просто недоразумѣніе, стороны не выяснили своихъ взаимныхъ отношеній. Вы добиваетесь расширенія своихъ земельныхъ надѣловъ, забывая, что главная задача заводскаго рабочаго—работа на заводской фабрикѣ, въ рудникѣ или куренѣ. Такъ ли я говорю?.. Чтобы выяснить, что̀ вы можете требовать, я сейчасъ опредѣлилъ вамъ понятія завода, заводовладѣльца и заводскаго рабочаго.

Отъ этихъ общихъ понятій и опредѣленій генералъ перешелъ къ частностямъ, т.-е. принялся разбирать пунктъ за пунктомъ всѣ спорные вопросы уставной грамоты и тѣ требованія, какія были изложены въ „бумагѣ“. Пока рѣчь генерала вертѣлась на общей почвѣ, мужички кряхтѣли, вздыхали и потѣли, не понимая десятаго слова изъ этой лекціи, но, когда онъ заговорилъ о кровныхъ мужицкихъ интересахъ, ходоки навострили уши и отлично поняли все, что̀ имъ было нужно. Генералъ пока ничего еще опредѣленнаго не высказалъ, но, видимо, онъ былъ уже противъ нѣкоторыхъ требованій, такъ какъ они шли въ разрѣзъ съ интересами заводовъ.

— Нѣтъ, это ты, ваше превосходительство, неправильно говоришь,— отрѣзалъ Ермила Кожинъ, когда генералъ кончилъ.—Конечно, мы люди темные, не ученые, а ты — неправильно. И насчетъ покосу неправильно, потому мужику лошадь съ коровою первое дѣло... А десятинки двѣ ежели у мужика есть, такъ онъ отъ свободности и пашенку распашетъ—не все же на фабрикѣ да по куренямъ болтаться. Тоже вотъ насчетъ выгону... Наша заводская лошадь зиму-то зимскую за двоихъ робитъ, а лѣтомъ ей и отдохнуть надо.

— Да вѣдь это все оговорено въ уставной грамотѣ?

— Оно оговорено... это точно, что оговорено, ваше высокопревосходительство,—заговорилъ Семенычъ, давая Кожину передохнуть:—только намъ тошнехонько отъ этой грамоты. Вѣдь ее писалъ Родивонъ Антонычъ.

— Какой Родіонъ Антонычъ?

— Ну, секлетарь у Платона Васильича выходитъ... Онъ все и наладилъ. Такую сухоту напустилъ намъ всѣмъ... Потому, какъ онъ самъ заводскій и все знаетъ; знаетъ, гдѣ и мужика прижать... Развѣ мы отъ работы заводской отпираемся,—никогда!.. А ты намъ дай угодье—мужикъ будетъ справный, вдвое сробитъ барину-то. А теперь, баютъ, все отъ конторы пойдетъ по уставной-то грамотѣ: захочетъ контора—дастъ тебѣ покосъ, не захочетъ—шабашъ. Ужъ это не порядокъ, ваше высокопревосходительство... Когда мы господскіе-то были, такъ барину не рука была насъ обижать, а теперь мы отрѣзанный ломоть. Сами должны промышлять о своей головѣ.

Генералу хотѣлось узнать изъ первыхъ рукъ, чего добиваются рабочіе, чтобы оцѣнить по достоинству ихъ требованія. Но пока онъ убѣдился только въ томъ, что, несмотря на все усердіе ходоковъ, понять ихъ было очень трудно. Они путались, перебивали другъ друга и совсѣмъ не могли связно и послѣдовательно развивать отдѣльныя мысли. Необходимо было сначала привыкнуть къ мужицкой терминологіи, а потомъ уже толковать съ ними. Первое впечатлѣніе изъ двухчасовой бесѣды какъ-то двоилось: съ одной стороны—мужики какъ будто были и правы, а съ другой—какъ будто неправы. Очевидно было только то, что свои интересы они будутъ отстаивать изъ послѣдняго, слѣдовательно необходимо вести дѣло крайне осторожно, чтобы не подавать повода къ лишнимъ надеждамъ и новымъ недоразумѣніямъ.

— Теперь я слышалъ отъ васъ самъ, что вы желаете,—говорилъ генералъ,—читалъ ваше прошеніе. Мнѣ нужно еще недѣли двѣ, чтобы хорошенько разобрать ваше дѣло, а тамъ опять побесѣдуемъ... Могу пока сказать только одно: что баринъ васъ не обидитъ.

Мужички опять всей гурьбой повалились въ ноги и заговорили:

— На тебя вся надёжа, ваше высокоблагородіе... Не оставь насъ своей милостью, ослобони отъ прижимки.

— Хорошо, хорошо... Только я не люблю, когда въ землю кланяются: я не Богъ.

— А ты, ваше высокоблагородіе, не слушай Родивона-то Антоныча—отъ него вся прижимка вышла... Ужъ онъ намъ такого сахару насыпалъ!

Генералъ, чтобы успокоить мужичковъ, записалъ въ памятную книжку фамилію секретаря Платона Васильича и еще разъ пообѣщалъ разобрать дѣло по-божески, а потомъ представить его на усмотрѣніе самому барину, который не обидитъ мужичковъ, и т. д.

Вечеромъ этого же дня генералъ послалъ за Родіономъ Антонычемъ, который и явился въ генеральскій флигель съ замирающимъ сердцемъ. Генералъ принялъ его сухо, даже строго. Наружность Родіона Антоныча произвела на него отталкивающее впечатлѣніе, хотя онъ старался подавить въ себѣ это невольное чувство, желая отнестись къ секретарю Горемыкина вполнѣ безпристрастно.

— Не желаете ли вы дать нѣкоторыя объясненія по составленію уставной грамоты,—приступилъ генералъ прямо къ дѣлу.—Я уже говорилъ съ мужиками.

„Началось",—подумалъ Родіонъ Антонычъ, дѣлая кислую гримасу.

— Я долженъ вамъ объяснить, что недоразумѣнія, вызванныя уставной грамотой, вызвали и настоящую поѣздку Евгенія Константиныча на заводы.

Онъ требуетъ, чтобы это дѣло было покончено разъ навсегда, и чтобы на его имени не было ни одного пятна... Я долженъ предупредить васъ, что вообще все это дѣло объ уставной грамотѣ мнѣ крайне не нравится. Чтобы не быть голословнымъ, я объясню, почему. Во-первыхъ, оно всегда могло быть кончено путемъ взаимныхъ уступокъ, миролюбиво; затѣмъ, поведеніе Кукарскаго заводоуправленія вызвало недовѣріе и враждебное къ себѣ отношеніе рабочихъ; наконецъ, вся эта исторія слишкомъ дорого стоитъ какъ рабочимъ, такъ и заводовладѣльцу. Надѣюсь, что я выражаюсь достаточно ясно... А главное, чего я никакъ не могу себѣ объяснить—Кукарское заводоуправленіе точно поставило себѣ задачей постоянно раздражать рабочихъ и этимъ подготовляло тѣ взаимныя недоразумѣнія, какія на офиціальномъ языкѣ носятъ названіе бунтовъ. Съ своей стороны, я глубоко убѣжденъ, что ни вы ни кто другой изъ участниковъ въ редакціи уставной грамоты не давалъ себѣ отчета въ той громадной отвѣтственности, какую вы такъ самоувѣренно—чтобы не сказать больше—возлагали на себя... Вѣроятно, вы слыхали, чѣмъ кончаются такіе бунты? Нѣсколько погубленныхъ жизней, громадные матеріальные убытки для обѣхъ сторонъ—и никому пользы... Это самый ложный и глубоко несправедливый путь, и я могу сказать вамъ отъ имени Евгенія Константиныча, что онъ никогда и ничего подобнаго не желалъ, не желаетъ и не можетъ желать. Въ настоящемъ случаѣ я буду дѣйствовать отъ его имени со всѣми полномочіями.

Такое грозное вступленіе не обѣщало ничего добраго, и Родіонъ Антонычъ совсѣмъ съежился, какъ человѣкъ, поставленный на барьеръ, прямо подъ дуло пистолета своего противника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него мелькало сознаніе того, что онъ является козломъ отпущенія не за одни свои грѣхи. Послѣднее придавало ему силы и слабую надежду на возможность спасенія.

— Ваше превосходительство! я, конечно, маленькій человѣкъ... даже очень маленькій,—заговорилъ дрогнувшимъ голосомъ Родіонъ Антонычъ,—и могъ бы сложить съ себя всякую отвѣтственность по составленію уставной грамоты, такъ какъ она редактировалась вполнѣ отвѣтственными по своимъ полномочіямъ лицами, но я не хочу такъ дѣлать, потому что, если что̀ и дѣлалъ, такъ всегда старался о пользѣ заводовъ... Въ этомъ вся моя вина, ваше высокопревосходительство. И я могу желать только одного: чтобы вы отнеслись вполнѣ безпристрастно къ дѣлу. Вы желаете пользы заводамъ и должны убѣдиться, что рабочіе ошибаются, предъявляя ни съ чѣмъ несообразныя требованія.

Генералъ внимательно слушалъ эту не совсѣмъ правильную рѣчь и про себя удивился уму Родіона Антоныча, относительно котораго онъ уже былъ предупрежденъ Ниной Леонтьевной, а также и относительно той роли, какую онъ игралъ у Раисы Павловны. Этотъ кукарскій Ришелье начиналъ его интересовать, хотя генералъ не могъ преодолѣть невольнаго предубѣжденія противъ него.

Игра въ темную началась. Каждая сторона старалась сохранить за собой всѣ выгодныя стороны своей позиціи, и генералъ скоро почувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ очень опытнымъ и сильнымъ противникомъ, тѣмъ болѣе, что за нимъ стояла Раиса Павловна и отчасти Прейнъ. Изъ объясненій Родіона Антоныча онъ вынесъ на первый разъ очень немного, потому что дѣло требовало разсмотрѣнія массы документовъ, статистическаго матеріала и разныхъ спеціальныхъ свѣдѣній.

— Если позволите, я вамъ представлю по этому дѣлу подробную докладную записку, ваше высокопревосходительство,—говорилъ Родіонъ Антонычъ.

— А это не затянетъ нашихъ занятій?—спросилъ генералъ, пытливо глядя на своего противника.

— Никакъ нѣтъ-съ...—отвѣтилъ Родіонъ Антонычъ, вынимая изъ бокового кармана своего сюртука довольно объемистую рукопись.—Я заранѣе приготовилъ ее, ваше превосходительство...

Перекинувъ нѣсколько листовъ четко переписанной докладной записки, генералъ сухо проговорилъ:

— Хорошо, мы еще увидимся съ вами.

XIX.

По изстари заведенному порядку, заводовладѣлецъ давалъ офиціальный балъ, на которомъ онъ обыкновенно знакомился со всѣмъ заводскимъ обществомъ. Всѣ приготовленія къ балу были кончены еще до пріѣзда Лаптева; поэтому оставалось только назначить день, который и былъ выбранъ. Собственно такіе балы для слабой половины человѣческаго рода были единственнымъ случаемъ, когда она имѣла возможность показать себя. Понятное дѣло, что главными дѣйствующими лицами здѣсь явились не жены и дочери мелкихъ служащихъ, а представительницы заводскаго beau monde'a, болѣе строгаго и исключительнаго, чѣмъ всякій другой beau monde, что̀ служитъ характеристической чертой провинціальныхъ нравовъ вообще. Въ столичныхъ центрахъ городская жизнь кипитъ ключомъ, разница общественнаго положенія сглаживается, по крайней мѣрѣ, въ проявленіяхъ чисто-общественной жизни, а въ провинціи такихъ нивеллирующихъ обстоятельствъ не полагается, и перегородки между общественными группами почти непроницаемы, что̀ особенно чувствуется женщинами, живущими слишкомъ замкнутой жизнью, подобно тому, какъ размѣщаются въ музеяхъ и звѣринцахъ животныя разныхъ классовъ и порядковъ.

Понятное дѣло, что такое выдающееся событіе, какъ балъ, подняло страшный переполохъ въ женскимъ заводскомъ міркѣ, причемъ мы должны исключительно говорить только о представительницахъ beau monde'a, великодушно предоставившихъ всѣмъ другимъ женщинамъ изображать народъ, другими словами, только декорировать собой главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Если представители мужского beau monde'a по дѣловымъ своимъ сношеніямъ, по необходимости, становятся въ близкія отношенія къ рядовымъ заводскимъ служащимъ, не отмѣченнымъ перстомъ Провидѣнія, и принимаютъ ихъ у себя дома, какъ своихъ людей, то этого нельзя сказать относительно женщинъ. Здѣсь малѣйшее преимущество, каждый лишній рубль въ жалованьи мужа создаетъ непроходимыя преграды. Если, напримѣръ, Родіонъ Антонычъ и другіе заслуженные дѣльцы являлись своими въ управительскомъ кружкѣ и появлялись даже на завтракахъ Раисы Павловны, то женѣ Родіона Антоныча, какъ существу низшаго порядка, нельзя было и думать о возможности раздѣлять общественное положеніе мужа.

Балъ вызвалъ на сцену, кромѣ ужъ извѣстныхъ намъ дамъ и дѣвицъ, цѣлую плеяду женскихъ именъ: m-me Вершинина, тонкая и чахоточная дама, пропитанная бонтонностью; m-me Сарматова съ двумя дочерьми, очень бойкая особа изъ отряда полковыхъ дамъ; m-me Буйко, лѣнивая и хитрая хохлушка, блиставшая необыкновенной полнотой плечъ и черными глазами; m-me Дымцевичъ, изъ польскихъ графинь, особа съ гоноромъ; m-me Кашина съ дочерью, представлявшая собой исключеніе въ этой типичной группѣ, какъ завзятая раскольница, находившаяся въ періодѣ перерожденія на дворянскую ногу управительскаго мірка, и т. д. Весь этотъ рой женщинъ, существованіе

котораго было совсѣмъ незамѣтно въ мирное время, теперь выступилъ во всеоружіи своихъ женскихъ желаній, надеждъ и домогательствъ. Онѣ тоже имѣли право на самостоятельное существованіе и теперь заявляли это право въ самой рельефной формѣ, т.-е. подъ видомъ новыхъ платьевъ, дорогихъ кружевъ, бантовъ и тѣхъ дорогихъ бездѣлушекъ, которыя такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о неизлѣчимомъ рабствѣ всѣхъ женщинъ вообще. Нужно ли говорить о томъ, какая борьба закипѣла на этомъ ограниченномъ полѣ сраженія. M-me Дымцевичъ выписала себѣ спеціально платье для этого бала изъ Варшавы, m-me Буйко и m-me Тетюева ограничились Петербургомъ, m-me Вершинина—Москвою, и т. д. Едва ли генералу Блинову были извѣстны тѣ сравнительные методы изслѣдованія, какіе проявили кукарскія дамы на изученіе, распланировку и примѣненіе своихъ бальныхъ костюмовъ. Никакой химикъ не достигъ, вѣроятно, такой точности въ своей работѣ, и величайшіе математики позавидовали бы смѣлому полету воображенія. Для философа оставался неразрѣшимымъ вопросъ о томъ, для какой цѣли затрачивался такой громадный запасъ энергіи, если въ міровой системѣ не пропадаетъ даромъ ни одинъ атомъ матеріи, ни одинъ штрихъ проявившейся тѣмъ или другимъ путемъ міровой силы... Зачѣмъ? куда? для чего? И все это съ единственной цѣлью покружиться нѣсколько часовъ и унести съ собой свои тряпицы, какъ уноситъ бабочка помятыя крылья.

Между тѣмъ виновникъ этой суеты-суетъ проводилъ время въ обществѣ клевретовъ и приспѣшниковъ самымъ загадочнымъ образомъ, точно онъ серьезно подготовлялся къ чему-нибудь рѣшительному, набирая силы. Дѣло въ томъ, что Прейнъ серьезно взялся за дѣло и повелъ его опытной рукой. У генерала было нѣсколько серьезныхъ разговоровъ съ Евгеніемъ Константинычемъ, причемъ подробно обсуждались разныя дѣла, а главнымъ образомъ вопросъ объ уставной грамотѣ. Прейнъ принималъ иногда участіе въ этихъ бесѣдахъ и осторожно выводилъ линію Тетюева, т.-е. въ этомъ случаѣ соглашался съ генераломъ, который, конечно, какъ и многіе другіе ученые мужи, совсѣмъ не подозрѣвалъ, въ какую игру онъ играетъ.

— Меня это дѣло начинаетъ занимать,—говорилъ Лаптевъ.—И, какъ мнѣ кажется, настоящій составъ заводоуправленія не вполнѣ удовлетворяетъ необходимымъ требованіямъ... Какъ вы думаете, генералъ?

— Я полагаю, что вамъ лучше всего будетъ выслушать мастеровыхъ лично,—отвѣчалъ генералъ:—это будетъ спокойнѣе и для нихъ.

— И кромѣ того можно выслушать мнѣніе другихъ лицъ, компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ,—прибавилъ Прейнъ.—По моему мнѣнію, Евгеній Константинычъ, слѣдуетъ составить маленькую консультацію, съ участіемъ людей постороннихъ, близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, но не заинтересованныхъ въ немъ.

Лаптевъ съ удивленіемъ слушалъ Прейна, который, противъ своего обыкновенія, сегодня говорилъ серьезно, что съ нимъ случалось крайне рѣдко, такъ что его повелитель имѣлъ полное право удивляться. Генералъ тоже имѣлъ свои основанія не понимать Прейна, хотя и зналъ его сравнительно еще очень недавно. Но, вѣроятно, всѣхъ больше удивился бы и даже пришелъ бы въ священный ужасъ нашъ уважаемый Родіонъ Антонычъ, если бы имѣлъ удовольствіе слышать настоящій разговоръ, когда Прейнъ выдавалъ Раису Павловну вмѣстѣ съ ея Ришелье прямо на растерзаніе „компетентныхъ, но не заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ“.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Лаптевъ Прейна, обращаясь съ нимъ на вы, что можно было объяснить только его безграничнымъ удивленіемъ.

— Я уже сказалъ, что, по моему мнѣнію, не дурно бы составить маленькую консультацію изъ спеціалистовъ,—повторилъ Прейнъ.—А на помощь къ нимъ можно будетъ пригласить, въ качествѣ нейтральнаго элемента, предсѣдателя здѣшней земской управы, господина Тетюева... Онъ, кстати, кажется, теперь живетъ на заводахъ.

— Что-то знакомая фамилія?—спрашивалъ Лаптевъ.—Я точно гдѣ-то ее слышалъ...

— О, конечно, слышали сотни разъ! Отецъ настоящаго Тетюева былъ нашимъ главнымъ управляющимъ до Горемыкина.

— Да, да... Горемыкинъ мнѣ нравится,—въ раздумьѣ проговорилъ Лаптевъ.—Конечно, онъ почти слѣпъ и плохо слышитъ, но онъ, кажется, честный человѣкъ... Какъ вы полагаете, генералъ?

— Относительно Платона Васильича или господина Тетюева?

— Относительно обоихъ.

— О господинѣ Тетюевѣ ничего не могу вамъ сказать, кромѣ того, что могу положиться на рекомендацію Альфреда Осипыча, который болѣе меня знакомъ съ заводами. А что̀ касается Платона Васильича, я не отрицаю, что это безусловно честный человѣкъ, но въ такомъ громадномъ предпріятіи, какъ заводское дѣло, кромѣ честности, нужно много кое-чего другого, чего, какъ я начинаю думать, Платону Васильичу недостаетъ... Я скажу прямо, Евгеній Константинычъ: Платонъ Васильичъ, какъ всѣ добрые люди, позволяетъ себя водить за носъ разнымъ прюйдохамъ и доморощеннымъ дѣльцамъ и смотритъ на дѣло изъ вторыхъ рукъ. Такъ что мы отчасти обязаны ему затрудненіями и хлопотами по составленію уставной грамоты.

— Я тоже согласенъ съ мнѣніемъ генерала,—присоединилъ свой голосъ Прейнъ.—Если бы замѣнить Платона Васильича кѣмъ-нибудь другимъ, заводы много выиграли бы отъ этого, въ чемъ я окончательно начинаю убѣждаться.

Преслѣдуя свою цѣль, Прейнъ забѣжалъ впередъ генерала и предупредилъ то, что̀ тотъ хотѣлъ высказать только послѣ извѣстной подготовки.

Этотъ серьезный разговоръ какъ разъ происходилъ передъ самымъ баломъ, когда Евгеній Константинычъ, одѣтый, завитой и надушенный, былъ уже совсѣмъ готовъ показаться въ пріемныхъ залахъ господскаго дома, гдѣ съ подавленнымъ шорохомъ гудѣла и переливалась цвѣточная живая человѣческая масса. Передъ самымъ выходомъ къ гостямъ, генералъ конфиденціально сообщилъ Прейну, что Нинѣ Леонтьевнѣ что-то сегодня нездоровится.

— Ага!—проговорилъ Прейнъ, дѣлая нетерпѣливый жестъ плечами.

— Она едва ли покажется вечеромъ и просила меня извиниться за нее.

Прейнъ улыбнулся про себя. Нина Леонтьевна больна, значитъ, Раиса Павловна будетъ на балу... „О, женщины, женщины!..“ Извѣстіе о болѣзни Нины Леонтьевны не особенно огорчило Евгенія Константиныча, который желалъ теперь познакомиться съ провинціальными красавицами.

Появленіе Лаптева на балу, гдѣ собралось публики до двухсотъ человѣкъ, вызвало подавленную тишину, которая охватила всѣ залы разомъ. Едва успѣлъ Евгеній Константинычъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ его засыпали рекомендаціями. Мужья церемоніальнымъ шагомъ подводили своихъ женъ, рекомендовали ихъ, улыбались со смущеннымъ достоинствомъ и ретировались, уступая мѣсто другимъ парамъ, жаждавшимъ чести представиться самому „подателю свѣтовъ“. Такимъ образомъ продефилировали четы Майзелей, Вершининыхъ, Дымцевичъ, Буйко и т. д. Евгеній Константинычъ съ утонченной вѣжливостью подавалъ свою руку дамамъ и по-французски повторялъ стерео-

типныя привѣтственныя фразы, удивляясь ихъ свѣжести, красотѣ, молодости и другимъ достоинствамъ. Сиреневое платье m-me Дымцевичъ, гранатное m-me Вершининой, небесно-голубое шелковое m-me Майзель, цвѣта свѣжескошеннаго сѣна m-me Буйко и какого-то необыкновеннаго канареечнаго цвѣта m-me Сарматовой произвели свой эффектъ, переливаясь въ глазахъ Евгенія Константиныча всѣми цвѣтами солнечнаго спектра. Дѣвицы явились въ самыхъ блѣдныхъ тонахъ, какъ слабое отраженіе своихъ maman, или совсѣмъ въ бѣлыхъ платьяхъ. Чадолюбивыя мамаши, конечно, постарались обнажить все, что̀ допускали общественныя приличія, но Евгеній Константинычъ на своемъ вѣку видѣлъ столько голыхъ плечъ и рукъ, что его трудно было удивить. Прейнъ улыбался, сыпалъ любезностями и все что-то отыскивалъ глазами въ переливавшейся кругомъ толпѣ.

— Моя жена, Раиса Павловна...—послышался голосъ Платона Васильича, который долженъ былъ представиться первымъ, но, по своей разсѣянности, попалъ въ послѣдніе.

— Очень радъ, очень радъ...—бормоталъ Евгеній Константинычъ, любезно подавая руку Раисѣ Павловнѣ, которая остроумно и непринужденно извинилась за свою болѣзнь.

Прейнъ критически оглядѣлъ Раису Павловну и остался ею доволенъ. Вечеромъ въ своемъ платьѣ „цвѣта медвѣжьяго уха“ она была тѣмъ, чѣмъ только можетъ быть въ счастливомъ случаѣ женщина ея лѣтъ, т.-е. эффектна и прилична, даже чуть-чуть болѣе. При вечернемъ освѣщеніи она много выигрывала своей статной фигурой и смѣлымъ типичнымъ лицомъ со взбитыми бѣлокурыми волосами.

— Могу пригласить васъ на вальсъ?—говорилъ Евгеній Константинычъ, обязанный открыть танцы.

Полилась съ хоръ музыка, и пары полетѣли одна за другой, смѣшавшись въ цвѣточный вихрь, гдѣ людей изъ-за волновавшейся разноцвѣтной матеріи трудно было различить. Приличные „почти молодые люди“ отличались особеннымъ усердіемъ, работая ногами съ изумительнымъ искусствомъ. Прейнъ отыскалъ m-lle Эмму и кружился съ ней, нашептывая что-то ей на ухо. Анненька танцовала съ Братковскимъ, совсѣмъ распустившись у него на рукахъ, „какъ подкошенный цвѣтокъ“. Она не танцовала, а летала по воздуху, окрыленная чувствомъ, и смотрѣла на своего улыбавшагося увѣренной улыбкой кавалера глазами, полными нѣги.

— Теперь я могу васъ познакомить съ нашими красавицами,—говорила Раиса Павловна, когда Евгеній Константиновичъ выводилъ ее изъ кружившейся толпы.

Раиса Павловна подвела своего кавалера къ Наташѣ Шестеркиной и m-lle Канунниковой. Потомъ той же участи подверглись Анненька и m-lle Эмма. По лицу Евгенія Константиныча Раиса Павловна сразу замѣтила, что ея придворныя красавицы не произвели на него никакого впечатлѣнія, хотя открытыя плечи Наташи Шестеркиной могли выдержать самую строгую критику.

— Ахъ, чуть не забыла! Я представлю вамъ еще одну молоденькую барышню,—спохватилась Раиса Павловна, проталкиваясь со своимъ кавалеромъ въ слѣдующую комнату, гдѣ на голубомъ шелковомъ диванчикѣ сидѣла Луша въ обществѣ Кормилицына.

— Вотъ, Гликерія Виталіевна...—равнодушно проговорила Раиса Павловна, чувствуя, что у ней за плечами улыбается довольной улыбкой Прейнъ.

Луша поднялась со своего диванчика и неловко подала руку Евгенію Константинычу, который неподвижно, съ застывшей улыбкой на губахъ, смот-

рѣлъ на ея бѣлое кисейное платье, на скромно открытыя плечи, на несложившіяся руки съ розовыми локтями, на маленькую розу, заколотую въ темной волнѣ русыхъ волосъ. Дѣвушка была хороша, она сознавала и чувствовала это и спокойно перенесла безцеремонный, усталый взглядъ. Ея молодое лицо было серьезно и тихо освѣщалось увѣреннымъ взглядомъ ея прекрасныхъ карихъ глазъ. Прейнъ, прищурившись, тоже смотрѣлъ на нее, какъ смотрѣли другіе, и подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ удивленныхъ взглядовъ она оставалась такой же спокойной и увѣренной въ себѣ, какъ въ первый моментъ. Раиса Павловна задыхалась отъ волненія, чувствуя, какъ вся кровь хлынула ей въ голову: этотъ моментъ была самымъ рѣшительнымъ, и она ненавидѣла теперь Прейна за его нахальную улыбку, за прищуренные глаза, за гнилые зубы.

Евгеній Константиновичъ пригласилъ Лушу на первую кадриль и, поставивъ стулъ, помѣстился около голубого диванчика. Сотни любопытныхъ глазъ слѣдили за этой маленькой сценой, и въ сотнѣ женскихъ сердецъ закипала та зависть, которая не знаетъ пощады. Мимо прошла m-me Майзель подъ руку съ Летучимъ, потомъ величественно проплыла m-me Дымцевичъ въ своемъ варшавскомъ платьѣ. Дамы окидывали Лушу полупрезрительнымъ взглядомъ и отпускали относительно Раисы Павловны тѣ спеціальныя фразы, которыя жалятъ, какъ уколъ отравленной стрѣлы.

— Ничего, вы хорошо ведете свои дѣла!—говорилъ Прейнъ, когда Раиса Павловна шла съ нимъ подъ руку.

— Не понимаю.

— А я отлично понимаю! Чертовски-красивая дѣвочка, и я только могу удивляться, гдѣ вы могли отыскать такую.

— Еще разъ не понимаю васъ,—сухо отвѣтила Раиса Павловна по-французски.—Чему вы улыбаетесь?

Прейнъ ничего не отвѣтилъ, а только чмокнулъ губами. Раиса Павловна окончательно возненавидѣла этого человѣка, который совсѣмъ не хотѣлъ и не могъ ее понять.

— А мы васъ сегодня рѣшили смѣнить,—съ улыбкой замѣтилъ Прейнъ.—Только еще не рѣшили, кого выбрать на мѣсто Платона Васильича. Генералъ уважаетъ его, какъ честнаго человѣка, но что-то имѣетъ противъ него...

— Это старая новость.

— Да? Я съ своей стороны предложилъ пригласить Тетрева въ качествѣ консультанта.

— Въ съ ума сошли, Прейнъ?!

— О, совсѣмъ напротивъ... Я иду прямо къ цѣли. Ага! посмотрите, какъ Евгеній Константиновичъ идетъ на вашу удочку!

Въ это время мимо нихъ прошелъ Лаптевъ: онъ велъ Лушу, отыскивая мѣсто для кадрили. Дѣвушка шла сквозь строй косыхъ и завистливыхъ взглядовъ съ гордой улыбкой на губахъ. Раиса Павловна опять испытывала странное волненіе и боялась взглянуть на свою любимицу: по восклицаніямъ Прейна она еще разъ убѣдилась въ начинавшемся торжествѣ Луши.

— Что съ вами?—удивился Прейнъ, взглянувъ на поблѣднѣвшее лицо своей дамы.

— Такъ... пройдетъ. Вы не поймете меня...

— Тайна?—насмѣшливо спросилъ Прейнъ.

— Да... для васъ.

Раиса Павловна издали все время старалась наблюдать за Лушей, пока

шла первая кадриль. Танцовала Луша безукоризненно, съ какой-то строгой граціей.

— На слѣдующую кадриль я могу васъ пригласить?—спрашивалъ Евгеній Константинычъ свою даму.

— Нѣтъ... Я танцую съ докторомъ.

— А слѣдующую за этой слѣдующей?

— Хорошо.

Лаптевъ передалъ Лушу на руки Раисы Павловны, и они втроемъ болтали съ полчаса на томъ же голубомъ диванчикѣ, гдѣ Луша сидѣла съ докторомъ. Лаптевъ замѣтно оживился, и на его дряблыхъ щекахъ показался слабый румянецъ; онъ говорилъ комплименты, острилъ и постоянно обращался къ Раисѣ Павловнѣ, какъ къ третейскому судьѣ. Раиса Павловна пустила въ ходъ всѣ свои знанія свѣтской жизни, чтобы сдѣлать незамѣтнымъ то разстояніе, которое раздѣляло Лушу отъ подержанаго молодого магната. При ея помощи Луша могла показаться со своей лучшей стороны и отвѣчала на любезности своего кавалера съ остроумной находчивостью.

— Знаете, Гликерія Витальевна, что я подумалъ, когда въ первый разъ увидѣлъ васъ?—говорилъ Лаптевъ дружескимъ тономъ.—Угадайте!

— Очень просто. Вы думали: какія эти провинціальныя дѣвицы скучныя, не отличишь одну отъ другой.

— Ахъ, нѣтъ... Я подумалъ, что можно ли быть красивой такъ... такъ безсовѣстно!.. Вѣдь это несправедливо со стороны природы—надѣлить одну всѣми дарами въ ущербъ остальнымъ...

— Вы не обидитесь, Евгеній Константинычъ, если я вамъ скажу одну маленькую правду?—съ лукавой улыбкой спросила Луша.

— Нѣтъ... Я никогда не могъ бы разсердиться на васъ.

— Зачѣмъ вы говорите со мной въ такомъ тонѣ, какъ говорятъ пѣхотные офицеры, когда хотятъ разсмѣшить провинціальную барышню?..

— О, вотъ вы какая злая!..—засмѣялся Лаптевъ.

Раиса Павловна незамѣтно удалилась, предоставивъ молодыхъ людей самимъ себѣ. Теперь она была увѣрена за Лушу. А Луша въ это время съ оживленіемъ разсказывала, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ждали пріѣзда заводовладѣльца, и представила въ самомъ комическомъ свѣтѣ его въѣздъ въ господскій домъ.

— Вы не знаете, кто стоялъ тогда во второмъ этажѣ господскаго дома, второе окно слѣва?—спрашивалъ Лаптевъ.—О, я тогда же замѣтилъ васъ... Вѣдь это были вы? Да?

Луша засмѣялась и замолчала. Лаптевъ заложилъ ногу за ногу, началъ жаловаться на одолѣвавшую его скуку, на глупыя дѣла, съ которыми къ нему пристаетъ генералъ каждый день, и кончилъ увѣреніемъ, что непремѣнно уѣхалъ бы завтра же въ Петербургъ, если бы не сегодняшняя встрѣча.

— Я опять начинаю говорить, какъ пѣхотный офицеръ,—смѣялся Лаптевъ.—Но меня дѣлаетъ глупымъ неожиданное счастье.

— Слишкомъ большое счастье вообще опасно; поэтому мнѣ ничего не остается, какъ только оставить васъ, Евгеній Константинычъ. Вонъ мой кавалеръ меня отыскиваетъ.

— Докторъ?

— Да.

— Вы позволите мнѣ ему позавидовать? Онъ, кажется, пользуется особенными преимуществами...

— Да. Докторъ мой женихъ.

Лаптевъ съ лѣнивой улыбкой посмотрѣлъ на подходившаго Яшу Кормилицына и долго провожалъ Лушу глазами, пока она не скрылась въ толпѣ, опираясь на руку своего кавалера.

— Каковъ бѣсенокъ? — спрашивалъ по-англійски точно вынырнувшій изъ-подъ земли Прейнъ.

— Странно, что она совсѣмъ не походитъ на другихъ,—замѣтилъ Лаптевъ, зѣвая.

— Это воспитанница Раисы Павловны,—объяснилъ Прейнъ, засовывая руки въ карманы.

— А вы не знаете, кто эта дѣвушка?

— Гликерія Витальевна?

— Да. Дьявольски-мудреное имя, нужно языкъ переломить пополамъ, чтобы выговорить его. Кто она такая?

— Дочь инспектора школъ... Товарищъ генерала по университету, по фамиліи Прозоровъ.

— Ага!

Раиса Павловна не упускала Лаптева изъ вида все время, пока онъ разговаривалъ съ Прейномъ. Она замѣтила, какъ m-me Дымцевичъ нѣсколько разъ прошла мимо нихъ, волоча свой шелковый тренъ; потомъ то же самое продѣлали m-me Майзель и m-me Вершинина. Ясное дѣло, что онѣ добивались приглашенія Евгенія Константиныча и не получили его. „Этакія дурищи!“—со злостью думала Раиса Павловна, мѣряя своихъ враговъ съ ногъ до головы. Она торжествовала, упоенная успѣхомъ своей Луши, и не замѣчала, какъ Анненька совсѣмъ прильнула къ Братковскому, а m-lle Эмма слишкомъ долго разговаривала въ темномъ уголкѣ съ Перекрестовымъ.

Балъ кипѣлъ. Въ комнатахъ подальше толпились мелкіе служащіе, наблюдавшіе Лаптева только издали. Нѣкоторые для смѣлости успѣли подвыпить, и женамъ стоило большого труда удержать ихъ на мѣстѣ, подальше отъ управителей. Мимо Раисы Павловны прошли Майзель и Вершининъ и злобно посмотрѣли на нее, потомъ торопливо пробѣжалъ Родіонъ Антонычъ, походившій въ своей черной парѣ на хомяка. Онъ издали раскланялся съ Раисой Павловной и молча указалъ глазами на Лаптева, который отыскивалъ Лушу. Да, это была крупная побѣда, и Раиса Павловна не могла удержаться, чтобы не подумать: „А, господа, что̀ взяли!..“

— Царица Раиса... несравненная изъ несравненныхъ! — послышался около нея разбитый голосъ Прозорова, заставившій ее вздрогнуть.

— А вы какъ сюда попали?—сухо спросила его Раиса Павловна, не подавая руки.—И ужъ, кажется, готовъ... Господи! какъ отъ васъ водкой разитъ!

— Это только одна внѣшность, царица Раиса!—бормоталъ Прозоровъ заплетавшимся языкомъ.—А душа у меня чище въ милліонъ разъ, чѣмъ... Видѣли генерала Мирона? Ха-ха... Мы съ нимъ того... побесѣдовали... Да-а!.. А гдѣ Луша?

— Она съ докторомъ танцуетъ.

— Ну, пусть ее срываетъ цвѣты удовольствія въ свою долю... Яшка славный парень... Царица Раиса! А мы съ вами не пустимся въ кадриль?

— Нѣтъ, благодарю васъ... Наша кадриль давно протанцована. Ахъ, уйдите, пожалуйста! Сюда идетъ Евгеній Константинычъ...

Родіонъ Антонычъ замѣтилъ осадное положеніе Раисы Павловны и поспѣшилъ къ ней на выручку. Онъ подхватилъ Прозорова подъ руку и потащилъ его въ буфетъ.

— Родька, вѣдь ты настоящій Іуда Искаріотскій!—бормоталъ Прозоровъ.—И, навѣрно, тридцать сребренниковъ въ карманѣ у тебя шевелятся... Вѣдь шевелятся? Постой, это съ кѣмъ Лаптевъ идетъ?.. Вѣдь это моя Лукреція!.. Постой, Іуда, я ее уведу домой... Раиса Павловна сказала, что она танцуетъ съ Яшкой.

Родіонъ Антонычъ загородилъ дорогу порывавшемуся впередъ Прозорову и, мягко обхвативъ его въ свои объятія, увлекъ къ буфету. Прозоровъ не сопротивлялся и только махнулъ рукой. Въ буфетѣ теперь были налицо почти всѣ заговорщики, за исключеніемъ доктора и Тетюева. Майзель, выпячивая грудь и внимательно разсматривая рюмку съ какимъ-то мудренымъ ликеромъ, нѣсколько разъ встряхивалъ своей коротко остриженной сѣдой головой.

— Я говорилъ, что нужно дѣйствовать быстро и рѣшительно,—говорилъ Майзелю подвыпившій Сарматовъ.—Вотъ теперь и пеняйте на себя, что тогда меня не послушались...

— Ничего вы не говорили, — обрѣзалъ его сердито Вершининъ.—Это у васъ воображеніе разыгралось. Дѣйствительно, намъ слѣдовало предупредить Раису Павловну, но она оказалась значительно насъ всѣхъ умнѣе...

— Погодите еще, гусей по осени считаютъ!—прошѣдилъ Майзель.

— Если насъ принять за гусей, то можно сосчитать и теперь, — говорилъ Сарматовъ.—Я говорилъ, не хотѣли меня слушать.

Появившійся Прозоровъ нарушилъ эту интимную бесѣду. На него покосились, а Сарматовъ, схвативъ за руку, началъ поздравлять съ „милостью“.

— Что-то плохо понимаю,—бормоталъ озабоченный Прозоровъ, но потомъ спохватился и поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Лукерья Витальевна протанцовала уже двѣ кадрили съ Евгеніемъ Константинычемъ,—пояснилъ Сарматовъ, подмигивая Вершинину, и многозначительно прибавилъ:—а знаете, чѣмъ дѣло пахнетъ, когда сразу протанцуютъ три кадрили?

Прозоровъ взглянулъ на Сарматова какими-то мутными, осоловѣлыми глазами и даже открылъ искривившійся ротъ, чтобы что-то отвѣтить, но въ это время благодѣтельная рука Родіона Антоныча увлекла его къ столику, гдѣ уже стоялъ графинъ съ водкой. Искушеніе было слишкомъ сильно, и Прозоровъ, махнувъ рукой въ сторону Сарматова, помѣстился за столомъ, рядомъ съ Іудой.

— Ну, іудейская закваска, наливай!—ласково шепталъ Прозоровъ, улыбаясь блаженной улыбкой.—Вотъ у меня какой характеръ: знаю, что ты изъ подлецовъ подлецъ, а не могу тебѣ отказать...

— Ахъ, какія вы слова говорите!—съ ужасомъ шепталъ Родіонъ Антонычъ, оглядываясь по сторонамъ на разговаривавшія кучки служащихъ.

— Слова... Да, слова говорю...—въ раздумьѣ говорилъ Прозоровъ, хлопая двѣ рюмки водки. — Тебя царица Раиса приставила ко мнѣ? Ну, не отпирайся... Она боится меня! Тебѣ, Іуда, никогда этого не понять...

— А я вамъ скажу одно, Виталій Кузьмичъ,—вкрадчиво шепталъ Сахаровъ, тоже вкушая единую отъ трудовъ праведныхъ: — какая голова у васъ, Виталій Кузьмичъ! Ахъ, какая голова!.. Если бы къ этой головѣ да другой языкъ—цѣны бы вамъ не было...

— Такъ, змій-искуситель, такъ! Языкъ мой—врагъ мой. Постой, что̀ я тебѣ скажу... Ахъ, да... три кадрили...

Выпивъ рюмку, Прозоровъ впалъ въ ожесточенное настроеніе, поправилъ лихорадочно свои волосы и опять направился-было къ разговаривавшимъ управителямъ.

— Виталій Кузьмичъ! Виталій Кузьмичъ!..—шепталъ Сахаровъ, удерживая Прозорова за рукавъ.—Это дѣло нужно оставить... Ей-Богу, такъ: оставить. Выпьемъ лучше по рюмочкѣ...

— Нѣтъ, я имъ покажу третью кадрилы!—горячился Прозоровъ, пошатываясь на мѣстѣ.—Эта артиллерійская лошадь добивается хлыста...

— Охота вамъ руки марать о такихъ людей, Виталій Кузьмичъ!

Эта выходка разсмѣшила Прозорова, и онъ нѣсколько мгновеній пытливо смотрѣлъ на своего дальку.

— Я такъ полагаю, что умный человѣкъ прежде всего долженъ уважать себя,—продолжалъ Сахаровъ.—Особенно человѣкъ съ высшимъ образованіемъ... Я вамъ по совѣсти говорю!

— А вѣдь у тебя ума палата, Родька! Право... Разбирая строго-логически, это не умъ, а хитрость, но если хитрость дѣлается дьявольской, тогда ее можно назвать даже умомъ.

— Какой ужъ у насъ умъ, Виталій Кузьмичъ! Такъ, бродимъ въ потемкахъ—вотъ и весь нашъ умъ. Если бы вотъ высшее образованіе, тогда другое дѣло...

Генералъ Блиновъ присутствовалъ на балѣ, хотя и не принималъ никакого участія въ общемъ весельѣ, потому что былъ слишкомъ занятъ своими собственными мыслями, которыя были взбудоражены мужицкой бумагой. Онъ все время разговаривалъ съ Платономъ Васильичемъ, который среди этой кружившейся легкомысленной толпы чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ человѣкомъ. Помѣстившись въ уголкѣ, эти люди не отъ міра сего толковали о самыхъ скучнѣйшихъ матеріяхъ для непосвященнаго: о пошлинахъ на привозный изъ-за границы чугунъ, о конкуренціи заграничныхъ машинныхъ фабрикантовъ, о той всесильной партіи великихъ въ заводскомъ мірѣ фирмъ съ иностранными фамиліями, которыя образовали государство въ государствѣ и въ силу привилегій, стоявшихъ на сторонѣ иностранныхъ капиталовъ, давили желѣзной рукой хромавшую на обѣ ноги русскую промышленность. Платонъ Васильичъ понималъ все это дѣло, и генералъ съ удовольствіемъ слушалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ его взгляды, хотя не могъ помириться съ Горемыкинымъ, какъ съ главнымъ управляющимъ Кукарскихъ заводовъ.

— Наша задача—выбить эти фирмы изъ ихъ позиціи,—глубокомысленно говорилъ генералъ.—Мы устроимъ рядъ спеціальныхъ съѣздовъ въ обѣихъ столицахъ, гдѣ представители русской промышленности могутъ обсудить свои интересы и выработать программу совмѣстнаго дѣйствія. Нужно будетъ произвести извѣстное давленіе на министерство и повести отчаянную борьбу за свое существованіе.

Къ нимъ подсѣлъ Перекрестовъ и, вслушавшись въ разговоръ, поспѣшилъ, конечно, выразить свое полное сочувствіе этимъ планамъ и даже предложилъ свою посильную помощь, насколько онъ могъ быть полезенъ въ качествѣ представителя русской прессы, задачи которой и т. д. Генералъ заговорилъ о нашихъ техническихъ выставкахъ, которыя служили яркой иллюстраціей того печальнаго положенія русскихъ заводовъ, которое создалось подъ вліяніемъ сильной иностранной конкуренціи. Необходимы были крутыя мѣры и энергичный отпоръ со стороны сплоченной массы русскихъ заводчиковъ, чтобы вырвать зло съ корнемъ. Всѣ эти машиностроительные заводы изъ иностраннаго чугуна, всѣ фабрики иностранныхъ фирмъ и ихъ склады должны исчезнуть сами собой, вмѣстѣ съ тѣми субсидіями и гарантіями, какими въ настоящую минуту они пользуются отъ русскаго правительства.

— Я далекъ отъ мысли осуждать промышленную политику правительства

вообще,—говорилъ генералъ, разглаживая усы.—Вообще, я другъ порядка и крѣпкой власти. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересы русской промышленности, загнанные иностранными капиталами въ дальній уголъ, заставляютъ насъ принять свои мѣры. Кэри говоритъ прямо...

Перекрестовъ соглашался, кивалъ головой и даже вытащилъ изъ кармана написанную корреспонденцію съ Урала, въ которой онъ вполнѣ раздѣлялъ взгляды генерала. Русская пресса слишкомъ цѣнитъ интересы русскаго горнаго дѣла, чтобы не поднять своего голоса въ ихъ защиту. Генералъ считалъ Перекрестова пустымъ малымъ вообще, но въ этомъ случаѣ вполнѣ одобрялъ его, потому что, какъ хотите, а даже и русская пресса—сила. Онъ даже пообѣщалъ Перекрестову посвятить его въ свои планы самымъ подробнымъ образомъ, документально, какъ выразился генералъ; Платонъ Васильичъ тоже обѣщалъ содѣйствовать представителю русской прессы.

— Мы должны высоко держать знамя русскихъ интересовъ!—патетически восклицалъ Перекрестовъ своимъ гнусавымъ голосомъ.

Можно было бы представить себѣ изумленіе этихъ двухъ простецовъ, если бы они знали, что Перекрестовъ—замаскированный агентъ тѣхъ иностранныхъ фирмъ, въ походъ противъ которыхъ собирался генералъ Блиновъ вмѣстѣ со своимъ излюбленнымъ Кэри. Иностранное золото гоняло продажнаго корреспондента по всему свѣту, а теперь его миссія заключалась въ томъ, чтобы проникнуть въ планы генерала Блинова, поѣздка котораго на Уралъ серьезно безпокоила нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ коммерсантовъ, снабжавшихъ Россію желѣзными издѣліями. Теперь Перекрестовъ съ удовольствіемъ потиралъ руки, обдумывая трескучій фельетонъ въ духѣ генерала, и въ то же время онъ продавалъ этого генерала своимъ патронамъ. Обыкновенно думаютъ, что безпардонные люди, въ родѣ Перекрестова, только смѣшны—не больше, но это одно изъ общихъ печальныхъ заблужденій: изъ такихъ маленькихъ пакостей складывается иногда громадное зло. Кромѣ развѣдки по части плановъ генерала Блинова, Перекрестовъ еще имѣлъ спеціальное порученіе объѣхать весь Уралъ, чтобы навести справки о проектируемой здѣсь сѣти желѣзныхъ дорогъ, чтобы впередъ обезпечить сбытъ вагоновъ, локомотивовъ и рельсовъ иностраннаго дѣла. Собранный этимъ путемъ матеріалъ потомъ пройдетъ черезъ горнило переднихъ, черныхъ ходовъ и тѣхъ „узкихъ вратъ", которыми входятъ въ царство гешефтовъ князья и короли русской промышленности.

Раиса Павловна, можетъ-быть, одна изъ всѣхъ нѣсколько понимала предательскую натуру Перекрестова и подозрительно слѣдила за нимъ все время. Ея женскій инстинктъ досказалъ то, чего не могъ проникнуть генералъ со своими широкими финансовыми планами и всей эрудиціей. Она пыталась подслушать этотъ интимный разговоръ, но Перекрестовъ уже замѣтилъ ее и не поддавался въ ловушку. Онъ хорошо зналъ, что значатъ нѣкоторыя дамы въ дѣловыхъ сферахъ, и поэтому побаивался Раисы Павловны, о которой собралъ необходимыя свѣдѣнія еще въ Петербургѣ.

А музыка лилась; „почти молодые люди" продолжали работать ногами съ полнымъ самоотверженіемъ; чтобы оживить балъ, Раиса Павловна въ сопровожденіи Прейна переходила отъ группы къ группѣ, поощряла молодыхъ людей, шутила со своей обычной откровенностью съ молодыми дѣвушками; въ одномъ мѣстѣ она попала въ самую веселую компанію, гдѣ всѣ чувствовали себя необыкновенно весело—это были двѣ беззаботно болтавшія парочки: Анненька съ Братковскимъ и Летучій съ m-lle Эммой. Послѣдній былъ сегодня особенно въ ударѣ и выгружалъ неистощимый запасъ самыхъ пикантныхъ

анекдотовъ, заставлявшихъ „галокъ“ хихикать, краснѣть и даже закрываться. Это было „немного слишкомъ“, но Раиса Павловна смотрѣла сегодня на все сквозь пальцы, наблюдая только одну Лушу. Она гордилась своимъ созданіемъ и вынашивала теперь въ своей душѣ самый отчаянный и несбыточный планъ, который испугалъ бы даже Прейна, если бы онъ могъ подслушать истинный ходъ мыслей своей дамы.

— Балъ удался...—подчеркивая слова, говорилъ Прейнъ.—Вы не можете на него пожаловаться, Раиса Павловна.

— Увидимъ.

— Посмотрите, какой фуроръ производитъ ваша Прозорова... Если бы я былъ моложе на десять лѣтъ, я не поручился бы за себя.

Раиса Павловна начала разспрашивать его о Гортензіи Братковской, но Прейнъ такъ неловко принялся лгать, что дальнѣйшій разговоръ продолжать въ томъ же тонѣ было совершенно излишне.

Балъ кончился только къ четыремъ часамъ утра, когда было уже совсѣмъ свѣтло и во всѣ окна радостно смотрѣло поднимавшееся іюньское солнце. Измученная публика потянулась къ выходу, унося въ душѣ смутное впечатлѣніе недавней суеты. Свѣчи догорали въ люстрахъ и канделябрахъ, на полу валялись смятыя бумажки отъ конфетъ и апельсинныя корки, музыканты нагружались въ буфетѣ, братаясь съ запоздалыми подкутившими субъектами, ни за что не хотѣвшими уходить домой. Изъ всей публики осталось только избранное общество, которое получило приглашеніе къ ужину. Дамы были блѣдны и смотрѣли усталыми, покраснѣвшими глазами; смятыя платья и разбившіяся прически дополняли картину. Женщины походили на толпу мухъ, побывавшихъ въ меду и запачкавшихъ крылья. Легкомысленная молодость еще продолжала улыбаться, не отдавая себѣ отчета въ происходившемъ кругомъ и жалѣя только о томъ, что балы не продолжаются вѣчно. Зато чадолюбивыя мамаши сейчасъ же подвели итоги всему: „галки“ остались незамѣченными, Капунникова и Шестеркина тоже, Луша вела себя непозволительно и безсовѣстно вѣшалась сама на шею Евгенію Константиновичу, который танцовалъ, кромѣ нея, только съ m-me Дымцевичъ и m-me Сарматовой. Когда у Луши въ рукахъ появился букетъ изъ чайныхъ розъ, негодованіе дамъ перешло всѣ границы, и онѣ прямо поворачивались къ ней спинами. Раиса Павловна торжествовала, переживая лихорадочное состояніе. Она ходила теперь по заламъ подъ руку съ Лушей, поправляла ей волосы и платье и потихоньку нѣсколько разъ поцѣловала ее. Сама Луша выглядѣла усталой, щеки у ней поблѣднѣли, но прекрасные глаза смотрѣли мягкимъ, удовлетвореннымъ взглядомъ. Раиса Павловна крѣпко прижимала ея маленькую руку къ себѣ, чувствуя, какъ изъ вчерашней дѣвочки возрождается чарующая красавица.

Ужинъ прошелъ весело. Сарматовъ и Летучій наперерывъ разсказывали самыя смѣшныя исторіи. Евгеній Константиновичъ улыбался и самъ разсказалъ два анекдота; онъ не спускалъ глазъ съ Луши, которая нѣсколько разъ загоралась горячимъ румянцемъ подъ этимъ пристальнымъ взглядомъ. М-г Чарльзъ прислуживалъ дамамъ съ неизмѣримымъ достоинствомъ, какъ умѣютъ служить только слуги хорошей англійской школы. Передъ дамами стояли на столѣ свѣжіе букеты.

Раиса Павловна была сегодня хозяйкой и вела себя съ тактомъ великосвѣтской женщины; она умѣла поддержать разговоръ и нѣсколько разъ очень ядовито прошлась насчетъ „почти молодыхъ людей“.

— Ну что, мой ангелъ?—спрашивала Раиса Павловна свою любимицу, когда ужинъ кончился.—Весело тебѣ было, моя крошка?

— Сначала было весело...—уклончиво отвѣтила Луша, лѣниво потягиваясь.

Этотъ отвѣтъ заставилъ улыбнуться опытную Раису Павловну: „мой ангелъ“ хотѣлъ быть счастливымъ одинъ... Желаніе настолько законное, противъ котораго трудно было что-нибудь возразить.

XX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бала Евгеній Константинычъ сдѣлалъ визитъ Раисѣ Павловнѣ и Майзелю. Это было выдающееся событіе, которое толковалось умудренными во внутренней политикѣ людьми различно. Партія Четюева была крайне недовольна сближеніемъ Евгенія Константиныча съ Раисой Павловной: отъ такого знакомства можно было ожидать всего, тѣмъ болѣе, что тутъ замѣшалась Луша. Въ дѣйствительности, визитъ Лаптева къ Раисѣ Павловнѣ былъ самаго невиннаго свойства, и она приняла его даже нѣсколько холодно.

— А гдѣ эта... эта ваша родственница?—спрашивалъ Лаптевъ, когда по правиламъ вѣжливости ему оставалось только уйти.

— Какая родственница?—удивилась Раиса Павловна.—Анненька?

— Нѣтъ, не то... Еще такое длинное имя.

— М-lle Эмма?

— Ахъ, не то.

— Наташа Шестеркина? Капунникова?

— Нѣтъ.

Прейнъ улыбнулся про себя, но предоставилъ своего высокаго покровителя въ жертву своему коварному другу.

— Ахъ, да...—равнодушно припоминала Раиса Павловна.—Вы хотите сказать о Гликеріи Виталевнѣ?

— Да, да. Именно про нее: Гликерія... Гликерія...

— Она немножко больна, Евгеній Константинычъ. Балъ разстроилъ ея нервы... Вѣдь она еще совсѣмъ дѣвочка, недавно ходила въ коротенькихъ платьицахъ.

— Отецъ у ней, кажется, служитъ на заводахъ?

— Да. Онъ тоже не совсѣмъ здоровъ...

Этимъ разговоръ и кончился. Послѣ Лаптева на Раису Павловну посыпались визиты остальныхъ приспѣшниковъ: явились Перекрестовъ съ Летучимъ, за ними самъ генералъ Блиновъ. Со всѣми Раиса Павловна обошлась очень любезно, памятуя турецкую пословицу, что одинъ врагъ сдѣлаетъ больше зла, чѣмъ сто друзей добра.

Послѣ Раисы Павловны и Майзеля, Евгеній Константинычъ отправился въ генеральскій флигелекъ, навѣстить больную Нину Леонтьевну. Эта послѣдняя приняла его очень радушно и засыпала остроумнымъ разговоромъ, причемъ успѣла очень ядовито пройтись относительно всего кукарскаго общества. Евгеній Константинычъ слушалъ ее съ лѣнивой улыбкой и находилъ, что болѣзнь не отразилась на ея умственныхъ способностяхъ въ дурную сторону, а даже, напротивъ, какъ будто еще обострила этотъ злой мозгъ.

— Я убѣжденъ,—говорилъ Прейнъ, когда они возвращались изъ флигелька:—я убѣжденъ, что у этой бабы, какъ у змѣи, непремѣнно есть гдѣ-нибудь ядовитая железка. И если бы у ней не были вставные зубы, я голову готовъ прозакладывать, что она въ состояніи кусаться, какъ змѣя.

— Но змѣя очень остроумная,—прибавилъ Евгеній Константинычъ, припоминая выходки остроумнаго урода.

— Да, да...

Сарматовъ лѣзъ изъ кожи, чтобы угостить набаба любительскими спектаклями, и дѣлалъ по двѣ репетиціи въ день. Съ артистами онъ обращался какъ съ преступниками, но претензій на директора театра не полагалось, потому что народъ былъ все подневольный, больше изъ мелкихъ служащихъ, а женскій персоналъ готовъ былъ перенести даже побои, чтобы только быть отмѣченнымъ изъ среды другихъ женщинъ въ глазахъ всесильнаго набаба. Особенно доставалось Наташѣ Шестеркиной съ ея наливными плечами; Сарматовъ обращался съ ней, какъ съ пожарной лошадью, такъ что это наивное созданіе даже плакало за кулисами.

— Пожалуйста, уберите колѣнки, Наталья Ефимовна!—кричалъ Сарматовъ на весь театръ, представлявшій собой большую казарму, въ которой раньше держали пожарныя машины.—Можно подумать, что у васъ подъ юбками дрова, а не ноги...

Эта Наташа Шестеркина была очень симпатичная и миловидная дѣвушка, хотя немножко и простоватая. Свѣжее лицо съ завиднымъ румянцемъ и ласковыми сѣрыми глазами манило своей дѣвичьей красой; тяжелая русая коса и точно вылѣпленныя изъ алебастра плечи могли нагнать тоску на любого молодца, конечно, не изъ разряда „почти молодыхъ людей", предпочитающихъ немного тронувшійся товаръ. Капунникова тоже была красивая дѣвушка, только въ другомъ родѣ. Такіе типы встрѣчаются въ старыхъ раскольничьихъ семьяхъ. Высокая, съ могучей грудью и серьезнымъ лицомъ, она въ русскомъ сарафанѣ была замѣчательно эффектна, хотя густыя соболиныя брови и строго сложенныя полныя губы придавали ей немного сердитый видъ. Какая сила выдвинула этихъ русскихъ красавицъ на грязныя театральныя подмостки, гдѣ надъ ними ломался какой-нибудь прощелыга Сарматовъ? Имя этой силѣ—тщеславіе... Раиса Павловна отлично умѣла пользоваться этой человѣческой слабостью въ своихъ цѣляхъ и теперь со свойственнымъ ей безсердечіемъ подвергла двухъ юницъ тяжелому испытанію.

Послѣ кровавой битвы съ артистами и репертуаромъ, Сарматовъ наконецъ поставилъ „Свадьбу Кречинскаго". Въ этой пьесѣ онъ самъ игралъ Расплюева и, нужно отдать ему справедливость, игралъ хорошо, а роль Кречинскаго обязательно взялъ на себя Перекрестовъ. Вмѣсто водевиля шла „Русская свадьба". Въ день спектакля зала театра, конечно, была биткомъ набита. Набабъ заставилъ себя подождать, и скептики уже начинали увѣрять, что онъ уѣхалъ на охоту, но были опровергнуты появленіемъ Евгенія Константиныча во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Во время спектакля онъ внимательно осматривалъ зрителей, отыскивая кого-то глазами.

— Раисы Павловны, кажется, нѣтъ? — спросилъ онъ наконецъ Прейна.

— Нѣтъ... Она немного больна,—отвѣтилъ Прейнъ. — Нина Леонтьевна здѣсь.

Лантевъ не досидѣлъ до конца спектакля и, пославъ Наташѣ Шестеркиной за ея плечи букетъ, уѣхалъ домой.

На слѣдующій спектакль, когда шла „Бѣдность не порокъ", Раиса Павловна присутствовала, а Нина Леонтьевна была больна. Даже Евгеній Константиныч не могъ не замѣтить такого страннаго совпаденія и спросилъ Раису Павловну:

— Меня нѣсколько удивляетъ ваше здоровье, Раиса Павловна. Не отражается ли его состояніе на другихъ особахъ?

— Что вы хотите этимъ сказать, Евгеній Константинычъ?—вспыхнула Раиса Павловна, не понимая вопроса.

— О, успокойтесь... Я не имѣлъ въ виду тѣхъ особъ, которыя поправляются, а тѣхъ, которыя постоянно больны.

— Трудно-больные, вѣроятно, найдутъ себѣ помощь въ докторскихъ совѣтахъ... Я тутъ рѣшительно ни при чемъ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ Прейна улыбнуться.

— Вы очень зло отвѣчаете,—проговорилъ Лаптевъ послѣ короткой паузы.— Я всегда уважаю докторовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они выходятъ изъ предѣловъ своей спеціальности. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ докторскіе совѣты должны принести двойную пользу, и мнѣ остается только пожалѣть, что я совершенный профанъ въ медицинѣ.

Разговоръ шелъ по-французски, и любопытныя уши m-me Майзель не могли уловить его, тѣмъ болѣе, что эта почтенная матрона на русско-нѣмецкой подкладкѣ говорила сама по-французски такъ же плохо, какъ неподкованная лошадь ходитъ по льду. Но имя доктора она успѣла поймать и отыскала глазами Яшу Кормилицына, который сидѣлъ въ шестомъ ряду; этотъ простецъ теперь растворялся въ морѣ блаженства, какъ соль растворяется въ водѣ, потому что Луша, которая еще такъ недавно его гнала, особенно послѣ несчастнаго эпизода съ „маринованной глистой", теперь относилась къ нему съ особеннымъ вниманіемъ. Докторъ каждый день бывалъ въ прозоровскомъ флигелькѣ и проводилъ тамъ по нѣскольку часовъ. Онъ натащилъ туда своихъ любимыхъ книжекъ и читалъ Лушѣ тонкимъ тенорикомъ. Луша обыкновенно слушала его очень внимательно и только разъ прервала эти занятія вопросомъ:

— А вы не знаете англійскаго языка, Яковъ Яковличъ?

Яковъ Яковличъ съ грѣхомъ пополамъ читалъ англійскія книжки, но не владѣлъ секретомъ англійскаго произношенія. Онъ только могъ удивляться, зачѣмъ Лушѣ понадобился англійскій языкъ. На душѣ у доктора лежало камнемъ одно обстоятельство, которое являлось тучкой на его небѣ,—это проклятый заговоръ, въ которомъ онъ участвовалъ. По всей вѣроятности, онъ откровенно исповѣдался бы во всемъ Лушѣ, но его удерживало то, что тутъ была замѣшана Раиса Павловна, которая распоряжалась Лушей, какъ завоеванной провинціей. Нѣсколько разъ докторъ думалъ совсѣмъ отказаться отъ взятой на себя роли, тѣмъ болѣе, что во всемъ этомъ дѣлѣ ему было въ чужомъ пиру похмелье; онъ даже раза два заходилъ къ Майзелю съ цѣлью покончить все однимъ ударомъ, но, какъ всѣ безхарактерные люди, терялся и откладывалъ тяжелое объясненіе до слѣдующаго дня. Заговорщики, по настоянію Майзеля, должны были спѣшить протестомъ, но любительскіе спектакли мѣшали выбрать подходящій моментъ. Крайній срокъ былъ назначенъ послѣ второго спектакля, и теперь Яша Кормилицынъ, сидя въ шестомъ ряду, испытывалъ непріятныя мученія совѣсти, особенно когда въ антрактахъ встрѣчался съ Раисой Павловной. Онъ въ сотый разъ начиналъ разсуждать на тему, зачѣмъ онъ согласился произнести протестъ передъ Лаптевымъ, и въ сотый разъ находилъ, что поступилъ очень глупо.

На другой день послѣ второго спектакля рано утромъ докторъ получилъ записку отъ Майзеля съ приглашеніемъ явиться къ нему въ домъ; въ post-scriptum'ѣ стояла знаменательная фраза: „по очень важному дѣлу". Бѣдный Яша Кормилицынъ думалъ сказаться больнымъ или убѣжать куда-нибудь, но какъ нарочно не было подъ руками даже ни одного трудно-больного. Скрѣпя сердце и натянувъ залежавшійся фрачишко, докторъ отправился къ Майзелю. Заговорщики были въ сборѣ, кромѣ Тетюева.

— Господа, я, право, не знаю, сумѣю ли я...—началъ-было докторъ, но его протестъ былъ заглушенъ взрывомъ общаго негодованія.

— По-ря-доч-ные ллюди такъ не ппо-сту-па-ютъ... — цѣдилъ Майзель, подступая къ самому носу доктора. — Вы хо-ти-те продать насъ или уже про-да-ли?..

— Я знаю причину, почему докторъ измѣняетъ намъ,—заявилъ Сарматовъ, находившійся въ самомъ игривомъ настроеніи духа.—Выражаясь фигурально, на его уста положила печать молчанія маленькая ручка прекрасной юной волшебницы.

Это фигуральное выраженіе довело общее негодованіе до послѣднихъ границъ, и доктору ничего не оставалось, какъ только покрыть свой грѣхъ самымъ строгимъ исполненіемъ долга.

Въ часъ дня, когда просыпался Евгеній Константинычъ, заговорщики уже были въ пріемныхъ комнатахъ господскаго дома, во фракахъ, съ вытянутыми лицами и меланхолически-задумчивымъ выраженіемъ въ глазахъ. Особенно хорошъ былъ Майзель. Раздувая грудь, какъ турманъ, онъ въ послѣдній разъ дѣлалъ внушенія доктору, который теперь долженъ дѣйствовать во имя заводовъ и пятидесятитысячнаго заводскаго населенія. Вершининъ и Сарматовъ принужденно улыбались, глядя на вялую, точно выжатую фигуру доктора, который глупо хлопалъ глазами. Дымцевичъ, какъ всегда, ощипывался, какъ воробей передъ дождемъ, а Буйко глухо кашлялъ. Когда лакей заявилъ, что Евгеній Константинычъ встали и принимаютъ, Яша Кормилицынъ сдѣлалъ инстинктивное движеніе къ выходнымъ дверямъ, но его схватила желѣзная рука Майзеля и втолкнула въ кабинетъ набаба. Общее изумленіе на мгновеніе всѣхъ заставило оцѣпенѣть, когда въ кабинетѣ Евгенія Константиныча, кромѣ самого хозяина и Прейна, заговорщики увидали... Прозорова. Да, это былъ самъ Виталій Кузьмичъ, успѣвшій какимъ-то чудомъ протрезвиться и теперь весело разсказывавшій набабу что-то, вѣроятно, очень остроумное, потому что Евгеній Константинычъ улыбался. Какъ попалъ Прозоровъ въ кабинетъ набаба и, вдобавокъ, попалъ въ такое время дня, когда къ Евгенію Константинычу имѣли доступъ только самые близкіе люди или люди по особенно важнымъ дѣламъ—все это являлось загадкой. Въ глубинѣ кабинета стоялъ m-r Чарльзъ, неумолимый и недоступный, какъ сама судьба; изъ-подъ письменнаго стола выставилась атласная голова Bruneĥaut, которая слегка заворчала на заговорщиковъ и даже оскалила свои ослѣпительно-бѣлые зубы.

Кабинетъ Евгенія Константиныча былъ меблированъ почти бѣдно: письменный столъ чернаго дерева, такой же диванъ, два кресла, кушетка, шкапъ съ бумагами и нѣсколько стульевъ стоили всего пятьдесятъ тысячъ. Прибавьте къ этому маккартовскую голую красавицу на стѣнѣ, великолѣпную шкуру бѣлаго медвѣдя на полу и нѣсколько бездѣлушекъ на письменномъ столѣ—вотъ и все. Это была временная обстановка, потому что набабъ жилъ, по выраженію Прейна, на бивакахъ. Для человѣка, имѣвшаго пятьсотъ тысячъ годового дохода, такой кабинетъ граничилъ съ приличной бѣдностью.

— Чѣмъ обязанъ вашему посѣщенію, господа?—спрашивалъ Лаптевъ, поднимаясь навстрѣчу гостямъ.

Прейнъ, заложивъ руки въ карманы, едва замѣтно улыбался, покуривая короткую вѣнскую трубочку. Онъ зналъ о заговорѣ черезъ Майзеля и самъ назначилъ день, когда сдѣлать нападеніе на набаба.

Докторъ, подтолкнутый Майзелемъ, началъ свою выученную заранѣе рѣчь, стараясь не смотрѣть въ сторону Прозорова. Въ маленькомъ вступленіи онъ упомянулъ о тѣхъ хорошихъ чувствахъ, которыя послужили мотивомъ настоящаго визита, а затѣмъ перешелъ къ самой сущности дѣла, т.-е. къ коллективному протесту противъ диктатуры Горемыкина, который губитъ за-

водское дѣло, и т. д. Евгеній Константинычъ слушалъ эту длинную рѣчь очень разсѣянно и все время занимался разсматриваніемъ тощей фигуры доктора, его сѣро-зеленаго лица и длинныхъ, точно перевязанныхъ узлами рукъ. Прозоровъ нѣсколько разъ улыбнулся и взъерошилъ себѣ волосы, а когда докторъ кончилъ, онъ подумалъ про себя: „Чистый ты дуракъ, Яшка!“.

— Какъ мнѣ понять ваше заявленіе?—спрашивалъ Евгеній Константинычъ, обращаясь къ оратору.—Какъ ваше личное мнѣніе, или какъ мнѣніе большинства?

— Это нашъ общій протестъ, — разомъ заявили Майзель и Сарматовъ.

— Хорошо. Я на-дняхъ буду имѣть объясненіе съ делегатами отъ заводскихъ мастеровыхъ, тогда приму во вниманіе и вашъ протестъ. Пока могу сказать только то, что изложенныя вами чувства и доводы совпадаютъ съ моими мыслями. Нужно сказать, что я недоволенъ настоящими заводскими порядками, и генералъ тоже, кажется, раздѣляетъ это недовольство. Господа, что̀ же это вы стоите? Садитесь...

Но господа наотрѣзъ отказались отъ такой чести и гурьбой пятились къ двери.

— Ахъ, я чуть не забылъ...—спохватился Лаптевъ, дѣлая порывистое движеніе рукой.—Вотъ, по мысли Прейна, мы думаемъ составить маленькую консультацію, куда рѣшились пригласить кого-нибудь изъ... изъ знающихъ дѣло по постороннимъ заводамъ. Такъ я говорю, Прейнъ?

— О, совершенно такъ... Пока выборъ палъ на Авдѣя Никитича Тетюева. Вы, господа, можете заявить сейчасъ же Евгенію Константинычу, если что-нибудь имѣете противъ этого выбора.

— Нѣтъ, мы ничего не имѣемъ...

— Авдѣй Никитичъ совершенно постороннее лицо въ этомъ дѣлѣ,—процѣдилъ съ своей стороны Майзель.—И мы довѣряемъ ему, какъ не заинтересованному въ нашемъ общемъ дѣлѣ.

— А вы, докторъ, ничего не имѣете противъ Тетюева?—спросилъ Евгеній Константинычъ.

— Нѣтъ... мнѣ все равно,—протянулъ теноркомъ докторъ.

— Такъ какъ вы явились во главѣ депутаціи,—продолжалъ серьезно Евгеній Константинычъ,—то не могу ли я попросить васъ остаться для нѣкоторыхъ переговоровъ?

Толпа заговорщиковъ переглянулась. Никто не ожидалъ такого оборота дѣла, но приходилось помириться съ желаніемъ набаба.

— Я также попросилъ бы остаться и господина Сарматова,—прибавилъ Евгеній Константинычъ.—А затѣмъ не смѣю васъ больше задерживать, господа.

Заговорщики удалились, а докторъ и Сарматовъ остались.

— Садитесь, господа,—пригласилъ Евгеній Константинычъ, съ серьезнымъ видомъ раскуривая сигару.

Въ кабинетѣ наступила тяжелая пауза. Даже Прейнъ не зналъ, что̀ за фантазія явилась въ головѣ владыки, и украдкой недовѣрчиво посмотрѣлъ на его безстрастное лицо съ полузакрытыми глазами.

— Докторъ, мнѣ нужно собственно поговорить съ вами,—серьезно продолжалъ Лаптевъ.—Меня удивляетъ ваше поведеніе... Буду говорить прямо, безъ церемоній. Я понимаю, зачѣмъ приходили другіе, но вѣдь вы, въ качествѣ доктора, нисколько не заинтересованы въ нашихъ заводскихъ дѣлахъ. Затѣмъ, вы поднимаете руку... на кого же? Если Раиса Павловна узнаетъ о вашемъ поведеніи, васъ ожидаетъ самая печальная участь. Кстати, и папаша Гликеріи Витальевны налицо, и мы можемъ семейнымъ образомъ обсудить вашъ образъ дѣйствій... Не правда ли, „гроза кабановъ“?

— Со мной былъ точно такой же случай, Евгеній Константинычъ,—заговорилъ Сарматовъ, угадавшій теперь, зачѣмъ набабъ оставилъ ихъ.—У меня была невѣста, Евгеній Константинычъ... Совершенно прозрачное существо и притомъ лунатикъ. Разъ я сдѣлалъ доносъ на одного товарища, и она меня прогнала съ глазъ долой.

Всѣ засмѣялись, а вмѣстѣ съ другими засмѣялся и докторъ, немного опѣшившій въ первую минуту.

— Прежде, чѣмъ мы будемъ окончательно рѣшать вашу участь, докторъ, мы подкрѣпимъ свои силы,—заговорилъ Лаптевъ, довольный своей выходкой.—Чарльзъ, мы здѣсь будемъ пить кофе.

Кофе былъ поданъ въ кабинетъ, и Лаптевъ все время дурачился, какъ школьникъ; онъ даже скопировалъ генерала, а между прочимъ досталось и Нинѣ Леонтьевнѣ съ Раисой Павловной. Мужчины теперь говорили о дамахъ съ той непринужденностью, какой вознаграждаютъ себя всѣ мужчины за офиціальныя любезности и вѣжливость съ женщинами въ обществѣ. Особенно отличился Прозоровъ, перещеголявшій даже Сарматова своимъ ядовитымъ остроуміемъ.

— Итакъ, мы хутимъ у васъ на свадьбѣ, докторъ?—говорилъ Лаптевъ, когда тема о женщинахъ вообще была исчерпана.

— Я, право, еще не знаю...—смущенно бормоталъ докторъ.

— Ахъ, какъ онъ умѣетъ притворяться!—удивлялся Прейнъ, хлопая доктора по плечу.—Гликерія Витальевна гораздо откровеннѣе васъ... Она сама говорила Евгенію Константинычу, что вы помолвлены. Да?

— Ну, Яша, признавайся!—поощрялъ Прозоровъ.

Прозорова вытрезвилъ и приташилъ къ Лаптеву не кто другой, какъ Прейнъ. Для чего онъ это дѣлалъ — было извѣстно ему одному. Прозоровъ держалъ себя джентльменомъ, точно онъ родился и выросъ въ обществѣ Прейна и Лаптева.

XXI.

По вечерамъ въ господскомъ саду игралъ оркестръ пріѣзжихъ музыкантовъ и по аллеямъ гуляла пестрая толпа заводской публики. Съ наступленіемъ сумерекъ зажигались фонари и шкалики. На такихъ гуляньяхъ присутствовала вся свита Евгенія Константиныча, а самъ онъ показывался только въ обществѣ Прейна, безъ котораго рѣдко куда-нибудь выходилъ. Само собой разумѣется, что если гуляла Раиса Павловна, то Нина Леонтьевна дѣлалась больна, и наоборотъ. Провинціальная публика, какъ и всякая другая публика, падкая до всевозможныхъ эффектовъ, напрасно ожидала встрѣчи этихъ двухъ ненавидѣвшихъ другъ друга женщинъ.

Пріѣзжій элементъ незамѣтно вошелъ въ составъ собственно заводскаго общества, причемъ связующимъ звеномъ явились, конечно, женщины: онѣ докончили то, что однимъ мужчинамъ никогда бы не придумать. Все общество распалось на свои естественныя группы, подгруппы, виды и разновидности. Около m-me Майзель вертѣлись Перекрестовъ и Летучій, два секретаря Евгенія Константиныча, которымъ рѣшительно нечего было дѣлать, ухаживали за Наташей Шестеркиной и Капуникиовой, панъ Братковскій бродилъ „съ галками", „почти молодые люди"—за дочерями Сарматова, Прейнъ любилъ говорить съ m-me Дымшевичъ и т. д. Самъ набабъ проводилъ свое время на гуляньяхъ въ обществѣ Раисы Павловны или Нины Леонтьевны, причемъ замѣтно скучалъ и часто грызъ слоновый набалдачникъ своей палки. Когда устраивались танцы на маленькой садовой эстрадѣ, онъ подолгу наблюдалъ

танцующія пары, лѣниво отыскивая кого-то глазами. Всѣ, особенно женщины, давно замѣтили, что набабъ скучаетъ, и по-своему объясняли истинныя причины этой скуки.

Евгеній Константинычъ дѣйствительно скучалъ, и его больше не забавляли анекдоты Летучаго и вранье Сарматова; звѣзда послѣдняго такъ же быстро закатилась, какъ и поднялась. Теперь новинкой въ обществѣ набаба являлся Прозоровъ, который, конечно, умѣлъ показать товаръ лицомъ и всѣхъ подавлялъ своимъ остроуміемъ. Всего интереснѣе были тѣ моменты, когда Прозоровъ встрѣчался съ Ниной Леонтьевной, этой неуязвимой женщиной въ области краснорѣчія. Происходили самыя забавныя схватки изъ-за пальмы первенства, и скоро всѣмъ сдѣлалась очевидной та печальная истина, что Нина Леонтьевна начинала быстро терять въ глазахъ набаба присвоенное ей право на остроуміе. Пьяница Прозоровъ оказался умнѣе и находчивѣе въ словесныхъ турнирахъ и стычкахъ, что, конечно, не могло не огорчать Нины Леонтьевны, которая поэтому отъ души возненавидѣла своего счастливаго противника. Даже приспѣшники и прихлебатели стали сейчасъ же на сторону Прозорова, поддерживая его своимъ смѣхомъ; всѣ знали, что Прозоровъ потерянный человѣкъ, и потому его возвышеніе никому не было особенно опасно. Если могли ревновать къ Сарматову, то за участь Прозорова были всѣ совершенно спокойны: все его величіе могло разрушиться, какъ карточный домикъ, отъ одной лишней рюмки водки. Даже Летучій и Перекрестовъ относились къ Прозорову снисходительно, переваривая его неистощимое краснобайство. Злые языки, впрочемъ, сейчасъ же объяснили положеніе Прозорова самымъ нехорошимъ образомъ, прозрачно намекая на Лушу, которая послѣ бала какъ въ воду канула и нигдѣ не показывалась. Нашлись люди, которые увѣряли, что видѣли своими глазами, какъ Лаптевъ рано утромъ возвращался изъ прозоровскаго флигелька.

— Послушайте, Прозоровъ, гдѣ же ваша дочь, въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ однажды Лаптевъ, когда они сидѣли послѣ обѣда съ сигарами въ зубахъ.

— Сидитъ дома...

— Ага! А докторъ часто бываетъ у васъ?

Прозоровъ засмѣялся и только махнулъ рукой.

Странное поведеніе Луши заинтересовало капризнаго набаба, за которымъ ухаживали первыя красавицы всѣхъ націй. Какъ! эта упрямая дѣвчонка смѣетъ его игнорировать, когда онъ во время бала оказалъ ей такія ясныя доказательства своего вниманія. Задѣтое самолюбіе досказало набабу остальное, хотя онъ старался не выдать себя даже передъ Прейномъ. Это новое, почти незнакомое чувство заинтересовало пресыщеннаго молодого человѣка, и онъ самъ удивлялся, что не можетъ отвязаться отъ мысли о капризной, взбалмошной дѣвчонкѣ. Чтобы утѣшить самого себя, онъ старался раскритиковать ее въ своемъ воображеніи, сравнивая ея достоинства по отдѣльнымъ статьямъ съ достоинствами цѣлаго легіона „этихъ дамъ“ всѣхъ націй и даже съ несравненной Гортензіей Братковской. По необъяснимому психологическому процессу, результаты такой критики получались какъ разъ обратные: набабъ могъ назвать сотни именъ блестящихъ красавицъ, которыя затмевали сіяніемъ своей красоты Прозорову, но всѣ эти красавицы теряли въ глазахъ набаба всякую цѣну, потому что всѣхъ ихъ можно было купить, даже такую упрямую красавицу, какъ Братковская, которая своимъ упрямствомъ просто поднимала себѣ цѣну—и только. Въ нежеланіи Луши показываться Лаптевъ видѣлъ пассивное сопротивленіе своимъ чувствамъ, которое

нужно было сломить во что бы то ни стало. Иногда набабъ старался себя утѣшить тѣмъ, что Луша слишкомъ занята своимъ докторомъ и поэтому нигдѣ не показывается,—это было плохое утѣшеніе, но все-таки на минуту давало почву мысли; затѣмъ иногда ему казалось, что Луша избѣгаетъ его просто потому, что боится показаться при дневномъ свѣтѣ—этомъ безпощадномъ врагѣ многихъ красавицъ, блестящихъ, какъ драгоцѣнные камни, только при искусственномъ освѣщеніи. Но всѣ эти логическія построенія разлетались прахомъ, когда передъ глазами Лаптева, какъ сонъ, вставала стройная гордая дѣвушка съ типичнымъ лицомъ и тѣмъ неуловимымъ шикомъ, какой вкладываетъ въ своихъ избранниковъ одна тароватая на выдумки природа. Собственно говоря, набабъ даже не желалъ овладѣть Лушей, какъ владѣлъ другими женщинами; онъ только хотѣлъ ее видѣть, говорить съ ней—и только. Все ему нравилось въ ней: и застѣнчивая грація просыпавшейся женщины, и несложившаяся окончательно фигура съ прорывавшимися дѣтскими движеніями, и полный внутренняго огня взглядъ карихъ глазъ, и душистая волна волосъ, и то свѣжее, полное чувство, которое онъ испытывалъ въ ея присутствіи.

Въ душѣ набаба являлась слабая надежда, что онъ встрѣтитъ Лушу гдѣ-нибудь въ театрѣ, на гуляньи вечеромъ или наконецъ у Раисы Павловны. Но время бѣжало, а Луша продолжала упорно выдерживать свой характеръ и не хотѣла показываться рѣшительно нигдѣ. Прейнъ и Раиса Павловна дѣлали такой видъ, что ничего не понимаютъ и не видятъ. То, чего добивался Лаптевъ, случилось такъ неожиданно и просто, какъ онъ совсѣмъ не предполагалъ. Разъ утромъ онъ возвращался по саду изъ купальни и на одномъ поворотѣ лицомъ къ лицу столкнулся съ Лушей, которая, очевидно, безцѣльно бродила по саду, какъ это иногда любила дѣлать, когда въ саду никого нельзя было встрѣтить. Молодые люди остановились и посмотрѣли другъ на друга одинаково смущеннымъ и нерѣшительнымъ взглядомъ. Луша была въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ и даже безъ шляпы; голова была повязана пестрымъ бумажнымъ платкомъ, глубоко надвинутымъ на глаза.

— Здравствуйте!—нерѣшительно протягивая руку, проговорилъ набабъ.

— Здравствуйте!

Дѣвушка сдѣлала движеніе, чтобы продолжать свою прогулку, но набабъ загородилъ ей дорогу и какъ-то залпомъ проговорилъ:

— Послушайте, Гликерія Виталіевна, зачѣмъ вы прячетесь отъ меня?

— Я и не думала ни отъ кого прятаться, это вамъ показалось...

— Пусть будетъ такъ... Какая же причина заставляла васъ все время сидѣть дома?

— Самая простая: не хотѣлось никуда выходить.

— Только?

Лаптевъ недовѣрчиво оглянулся, точно ожидая встрѣтить, если не самого доктора налицо, то, по крайней мѣрѣ, его тѣнь.

— Да, только,—спокойно подтвердила Луша. — Кажется, достаточно; всякій человѣкъ имѣетъ право на такое простое желаніе, какъ сидѣть дома...

— Вы не искренни со мной...

Дѣвушка улыбнулась. Они молча пошли по аллеѣ, обратно къ пруду. Набабъ испытывалъ какое-то странное чувство смущенія, хотя потихоньку и разсматривалъ свою даму. При яркомъ дневномъ свѣтѣ она ничего не проиграла, а только казалась проще и свѣжѣе, какъ картина, только-что вышедшая изъ мастерской художника.

— Что̀ вамъ отъ меня нужно?—спросила Луша, когда они подходили уже къ самому пруду.

— Ничего... мнѣ просто хорошо въ вашемъ присутствіи — и только. Въ дѣтствѣ бонна-итальянка часто разсказывала мнѣ про одну маленькую фею, которая дѣлала всѣхъ счастливыми однимъ своимъ присутствіемъ; вотъ вы именно такая волшебница, съ той разницей, что вы не хотите дѣлать людей счастливыми.

— Какъ красиво сказано!—смѣялась Луша.—Только интересно знать, которымъ изданіемъ выпущена ваша „маленькая фея“?

— Клянусь вамъ, Гликерія Виталіевна, что это самое первое...

— Сегодня.

— Съ вами невозможно говорить серьезно, потому что вы непремѣнно хотите видѣть вездѣ одну смѣшную сторону... Это несправедливо. А нынче даже воюющія стороны уважаютъ взаимныя права.

— Обыкновенная жизнь самая жестокая война, Евгеній Константиновичъ, потому что она не знаетъ даже короткихъ перемирій, а побѣжденный не можетъ разсчитывать на снисхожденіе великодушнаго побѣдителя. Трудно требовать отъ такой войны уваженія взаимныхъ правъ и, особенно, искренности.

— Что̀ вы хотите сказать этимъ?

Луша быстрымъ взглядомъ окинула своего кавалера и проговорила съ порывистымъ жестомъ:

— Вы давеча упрекнули меня въ неискренности... Вы хотите знать, почему я все время никуда не показывалась,—извольте! Увеличивать своей особой сотни пресмыкающихся предъ однимъ человѣкомъ, по моему мнѣнію, совершенно лишнее. Къ чему вся эта комедія, когда можно остаться въ сторонѣ? До вашего пріѣзда я, по свойственной всѣмъ людямъ слабости, завидовала тому, что̀ дается богатствомъ, но теперь я перемѣнила свой взглядъ и вдвое счастливѣе въ своемъ уголкѣ.

— Слѣдовательно вы должны быть благодарны мнѣ за этотъ урокъ?

— Нисколько!

Эта болтовня незамѣтно продолжалась въ томъ же тонѣ, причемъ Луша оставалась одинаково сдержанной и остроумной, такъ что набабъ еще разъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ этой странной, капризной дѣвчонкой.

— Надѣюсь, что мы будемъ друзьями?—говорилъ Лаптевъ, когда дѣвушка начала прощаться.

Луша съ улыбающимся взглядомъ покачала своей красивой головкой.

— По крайней мѣрѣ, вы не будете прятаться?—продолжалъ набабъ, дѣлая нетерпѣливое движеніе.—Я раньше думалъ, что вы такъ поступали по чужой инструкціи...

— Именно?

— А Раиса Павловна?

— Я уважаю Раису Павловну, но это не мѣшаетъ мнѣ имѣть свои собственные взгляды.

— Въ этомъ я убѣдился... Итакъ, мы еще увидимся?

— Не знаю...

Эта нечаянная встрѣча подлила масла въ огонь, который вспыхнулъ въ уставшей душѣ набаба. Дѣвушка начинала не въ шутку его интересовать, потому что совсѣмъ не походила на другихъ женщинъ. Именно вотъ это новое и неизвѣстное и манило его къ себѣ съ неотразимой силой. Изъ Луши

могла выработаться настоящая женщина—это вѣрно: стоило только отшлифовать этотъ дорогой камень и вставить въ надлежащую оправу.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этой встрѣчи было то, что въ комнатѣ Луши каждый день появлялся новый роскошный букетъ живыхъ цвѣтовъ, а затѣмъ та же невидимая рука приносила богатыя бонбоньерки съ конфетами. Только разъ когда Луша открыла одну изъ такихъ бонбоньерокъ и среди конфетъ нашла обсахаренную сапфировую брошь, она немедленно послала за Чарльзомъ и возвратила ему и бонбоньерку и запретный плодъ съ приличной нотаціей. Оставшись одна, она даже расплакалась и вышвырнула за окно послѣдній букетъ. Эта армейская любезность возмутила ее до глубины души, хотя она никому ни слова о ней не сказала. Развѣ она какая-нибудь „галка", чтобы дѣлать ей такіе глупые подарки? Если она позволяла дарить себѣ цвѣты и конфеты, то потому только, что они ничего не стоили.

Не успѣло еще улечься впечатлѣніе этого неудачнаго эпизода, какъ въ одно прекрасное утро во флигелекъ Прозорова набабъ сдѣлалъ визитъ, конечно, въ сопровожденіи Прейна. Виталій Кузьмичъ былъ дома и принялъ гостей съ распростертыми объятіями, но Луша отнеслась къ нимъ довольно сухо. Разговоръ вертѣлся на ожидаемыхъ удовольствіяхъ. Предполагалась поѣздка въ горы и нѣсколько охотничьихъ экскурсій.

— Вы любите ѣздить верхомъ?—спрашивалъ набабъ хозяйку.

— Да, очень люблю.

Прейнъ дурачился, какъ школьникъ, копируя генерала и Майзеля; Прозоровъ иронизировалъ относительно кукарскихъ дамъ, заставляя Лаптева громко смѣяться.

— Что же вы насъ не пригласите напиться чаю?—напрашивался Прейнъ со своей веселой безсовѣстностью.

Дѣвушка на мгновеніе смутилась, вспомнивъ свою разрозненную посуду, но потомъ успокоилась. Былъ поданъ самоваръ, и Евгеній Константинычъ нашелъ, что никогда не пилъ такого вкуснаго чаю. Онъ вообще старался держать себя съ непринужденностью настоящаго денди, но пересаливалъ и смущался. Луша держала себя просто и сдержанно, какъ всегда, оставаясь загадкой для этихъ бонвивановъ, которые привыкли обращаться съ женщинами, какъ съ лошадьми.

— А гдѣ нашъ общій другъ?—спрашивалъ Прейнъ, выставляя свои гнилые зубы.

— Какой другъ?—удивилась Луша.

— А докторъ? Это милый молодой человѣкъ, котораго я полюбилъ отъ души...

— И я тоже,—прибавилъ Лаптевъ, дѣлая серьезное лицо.—Мнѣ остается только пожалѣть, что въ медицинѣ я совсѣмъ профанъ.

Прозоровъ не упустилъ, конечно, случая и прошелся довольно ядовито насчетъ хорошаго парня Яшки. Эта сцена не понравилась Лушѣ, и она замолчала. Поболтавъ съ полчаса, гости ушли; въ прозоровскомъ флигелькѣ наступила тяжелая и фальшивая пауза. Прозоровъ чувствовалъ, что кругомъ него творится что-то не такъ, какъ слѣдуетъ, но у него не хватило силы воли покончить разомъ эту глупую комедію, потому что ему нравилась занятая имъ роль bel-esprit и тѣ побѣды, которыя онъ одержалъ надъ Ниной Леонтьевной. Конечно, Лаптевъ ухаживаетъ за Лушей и ухаживаетъ слишкомъ ясно, но вѣдь это избалованный дуракъ, а Луша умна; притомъ вся эта орда скоро уѣдетъ съ заводовъ. На этихъ соображеніяхъ Прозоровъ совершенно успокоился, предоставивъ Лушу самой себѣ.

Въ тотъ же день къ прозоровскому флигелю была приведена великолѣпная англійская верховая лошадь подъ дамскимъ сѣдломъ, но она подверглась той же участи, какъ и сапфировая брошь.

Знали ли Раиса Павловна, что̀ продѣлывалъ набабъ и отчасти Прейнъ? Луша бывала у ней попрежнему и была увѣрена, что Раиса Павловна все знаетъ, и поэтому не считала нужнымъ распространяться на эту тему. По удвоенной нѣжности Раисы Павловны она чувствовала на себѣ то, что̀ переживала эта странная женщина, и начала ее ненавидѣть скрытой и злой ненавистью.

— А ты, право, напрасно *это*...—нерѣшительно проговорила Раиса Павловна послѣ эпизода съ лошадью.

— Что̀ „это“?

Раиса Павловна только посмотрѣла на свою любимицу улыбающимся, торжествующимъ взглядомъ, и та поняла ее безъ словъ.

— Впрочемъ, тебѣ лучше знать,—продолжала Раиса Павловна, какъ о вещи извѣстной.

„Да, я знаю, что ты меня хочешь повыгоднѣе продать,—думала въ свою очередь Луша:—только еще пока не знаешь кому: Евгенію Константинычу или Прейну?..“

Раиса Павловна поняла мысли Луши по ея сдвинувшимся бровямъ и горько улыбнулась: Луша была несправедлива къ ней. Въ послѣднее время между этими женщинами установилось то взаимное пониманіе между строкъ, которое можетъ существовать только между женщинами: онѣ могли читать другъ у друга въ душѣ по взгляду, по выраженію лица, по малѣйшему жесту. Иногда это было тяжело, но въ большинствѣ случаевъ избавляло отъ напрасныхъ объясненій. Въ открытыхъ нотахъ Раисы Павловны проходила темой одна фраза: „я тебя люблю, люблю, люблю...“, а въ партіи Луши холодно отзывалось: „а я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу“... Когда стороны начинали увлекаться, ноты разыгрываемой мелодіи сливались, и ихъ смыслъ терялся; такія недоразумѣнія распутывались въ болѣе спокойныя минуты.

— Знаешь, Луша, что̀ сказалъ Прейнъ третьяго-дня?—задумчиво говорила Раиса Павловна послѣ длинной паузы.—Онъ намекнулъ, что Евгеній Константинычъ далъ бы тебѣ солидную стипендію, если бы ты вздумала получить высшее образованіе гдѣ-нибудь въ столицѣ... Конечно, отецъ поѣхалъ бы съ тобой, и даже доктору Прейнъ обѣщалъ свои рекомендаціи.

Луша только улыбнулась, и въ ея глазахъ засвѣтилась мысль: „Раиса Павловна, какъ вамъ не совѣстно повторять такія глупости, которымъ вы и сами не вѣрите? Вѣдь это та же засахаренная брошь“... Раиса Павловна въ отвѣтъ на это звонко поцѣловала Лушу, что̀ въ переводѣ значило: „Умница ты моя!“

XXII.

На заводѣ шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящей поѣздкѣ набаба по всему округу, о чемъ было уже извѣстно всѣмъ, а въ особенности тѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежало. Управители оставили Кукарскій заводъ и разъѣхались по своимъ гнѣздамъ: Сарматовъ — въ Мельковскій заводъ, Буйко—въ Куржакъ, Дымцевичъ — въ Заозерный и т. д. Главная остановка по маршруту предполагалась въ Баламутскомъ заводѣ, гдѣ царствовалъ Вершининъ, а затѣмъ въ Заозерномъ и Куржакѣ, гдѣ предполагалась охота.

Въ этотъ короткій промежутокъ времени Родіонъ Антонычъ успѣлъ уже два раза объѣхать всѣ заводы; онъ лѣзъ изъ кожи, чтобы все и вездѣ было

форменно, въ лучшемъ видѣ, главнымъ образомъ, конечно, съ внѣшней стороны. Главной цѣлью этихъ поѣздокъ было кое-что подготовить генералу Блинову, который будетъ собирать свѣдѣнія отъ заводскихъ конторъ по разнымъ статьямъ. Необходимо было предупредить генерала и напустить ему такого тумана, что самъ чортъ ногу переломитъ. По пути Родіонъ Антонычъ собралъ свѣдѣнія относительно замысловъ Вершинина и Майзеля: первый готовилъ рядъ обѣдовъ и завтраковъ, а второй — охоту. Мимоходомъ Родіонъ Антонычъ завернулъ на пріиски, гдѣ дѣлались приготовленія къ оленьей охотѣ, и даже забрался на Разсыпной Камень, самую высокую гору въ округѣ Кукарскихъ заводовъ, на вершинѣ которой устраивалась главная стоянка. Рубили двѣ избы и чистили дорогу на самую вершину горы.

— А... предтеча!—смѣялся Вершининъ, когда встрѣтилъ Родіона Антоныча на своемъ заводѣ,—Какъ здоровье Раисы Павловны?

— Ничего, слава Богу...

— А я слышалъ, что у ней сильный насморкъ.

Эти шуточки не особенно безпокоили Родіона Антоныча, потому что у Вершинина ужъ такъ была устроена голова; ихъ смыслъ онъ понялъ только вечеромъ, когда къ нему прискакалъ особый нарочный съ письмомъ отъ Раисы Павловны, которая извѣщала своего Ришелье объ аудіенціи заговорщиковъ у набаба.

„Меня нисколько не удивляетъ ихъ поведеніе,—писала она подъ первымъ впечатлѣніемъ:—но представьте себѣ, что во главѣ депутаціи явился... кто бы вы думали?—Яшка Кормилицынъ!.. Скажите мнѣ, ради Бога, что̀ этому младенцу нужно? Пишу вамъ все, что̀ узнала отъ Прейна, который присутствовалъ на аудіенціи; не вѣрьте тѣмъ слухамъ, которые распускаютъ наши враги. Меня всѣ оставили... Если вы находите наше дѣло проиграннымъ, я не удерживаю васъ; можетъ-быть, и вы хотите примкнуть къ партіи Тетюева, изъ принципа, что всякому своя рубашка къ тѣлу ближе. Но я повторяю вамъ одно, что именно теперь, когда все и всѣ противъ меня, я глубоко убѣждена, что вся эта кутерьма окончится въ нашу пользу“.

Дальше слѣдовало подробное описаніе аудіенціи заговорщиковъ и рядъ дѣловыхъ соображеній, совѣтовъ и наставленій, пересыпанныхъ крупной солью.

Родіонъ Антонычъ слишкомъ далеко зашелъ, чтобы теперь думать о своей рубашкѣ, и, махнувъ рукой, рѣшилъ лечь костьми за Раису Павловну: онъ еще вѣровалъ въ нее, потому что за нее былъ всесильный Прейнъ.

Положеніе управителей на отведенныхъ имъ заводахъ больше всего походило на положеніе удѣльныхъ князьковъ древней Руси: здѣсь кипѣла вѣчная война изъ-за выгодныхъ столовъ, составлялись остроумныя комбинаціи и дѣлались цѣлые походы, въ родѣ того, который теперь устроенъ былъ противъ Раисы Павловны. Въ мирное время управители-князьки были заняты мелкими междоусобіями, личными счетами и копеечными интригами: подкопаться подъ врага, подставить ножку при удобномъ случаѣ своему пріятелю, запустить шпильку, отплатить за старую обиду, — изъ этихъ мелочей составлялся почти безвыходный кругъ, въ которомъ особенно дѣятельное участіе принимали женщины. Главнымъ воротилой въ этомъ исключительномъ міркѣ былъ Вершининъ; онъ задавалъ тонъ и твердой рукой велъ свою линію; другіе управители плясали уже по его дудкѣ, а въ случаѣ проявленія самостоятельности подвергались соотвѣтствующей карѣ. На парадныхъ завтракахъ Раисы Павловны, въ обществѣ, въ спеціально-заводскихъ дѣлахъ — нигдѣ не было спасенія, и недругу Вершинина ничего не оставалось, какъ только искать спасенія въ бѣгствѣ. Заслужить нерасположеніе Вершинина равнялось

чуть не смертному приговору. Бывали, впрочемъ, моменты, когда противъ него составлялась партія изъ мелкихъ управителей. Было даже раза два такъ, что Вершининъ самъ висѣлъ на волоскѣ, но всю эту путаницу онъ всегда умѣлъ распутать съ дьявольской хитростью и всегда выходилъ сухъ изъ воды. Настоящій составъ управителей мирился съ этимъ генеральствомъ Вершинина, за исключеніемъ Майзеля; Сарматовъ, Дымцевичъ, Буйко и другіе были слишкомъ мелки, чтобы открыто тягаться съ Вершининымъ, и предпочитали скрывать свои настоящія чувства. Пріѣздъ Лаптева и борьба съ Раисой Павловной слили воедино всѣхъ и на время заставили забыть личныя дрязги, счеты и непріятности. Расчетъ былъ простой: если на мѣсто Горемыкина назначатъ Вершинина или Майзеля, тогда произойдетъ соотвѣтствующее повышеніе всѣхъ остальныхъ; если будетъ Тетюевъ, тогда увеличатъ жалованье или что-нибудь въ этомъ родѣ. Во всякомъ случаѣ, никто не желалъ проигрывать, а разсчитывалъ на вѣрный выигрышъ. Несомнѣнный успѣхъ первой аудіенціи служилъ ручательствомъ за успѣхъ всего дѣла; теперь оставалось только устроить счастливую поѣздку набаба по заводамъ—и дѣло въ шляпѣ. Въ послѣднемъ случаѣ задача нѣсколько двоилась: нужно было показать плоды и успѣхи своихъ трудовъ и въ то же время недостатки и упущенія горемыкинской администраціи. Это былъ очень скользкій путь, тѣмъ болѣе, что мелкіе служащіе были за Горемыкина. Словомъ, работы всѣмъ было по горло: все чистилось, прибиралось и принимало праздничный видъ. Управители бѣсились, ругались, топали ногами и были глубоко убѣждены, что въ этомъ именно и состоитъ настоящее заводское дѣло.

Маршрутъ, составленный Прейномъ, имѣлъ въ длину около трехсотъ верстъ, захватывая всѣ заводы. Изъ Кукарскаго завода сначала должны были проѣхать въ Истокъ и Мельковскій—въ послѣднемъ рюмка водки и легкій завтракъ; затѣмъ слѣдовалъ Баламутскій заводъ — обѣдъ и, можетъ-быть, ужинъ, смотря по обстоятельствамъ. Изъ Баламутскаго завода въ Заозерный, а изъ послѣдняго по озеру на Разсыпной Камень—ночевка и кормежка. Послѣдними въ маршрутѣ стояли заводы Луговой и Куржакъ. Раиса Павловна просмотрѣла этотъ маршрутъ вмѣстѣ съ Прейномъ и вполнѣ одобрила его, за исключеніемъ ужина въ Баламутскомъ заводѣ.

— Везите его прямо на охоту,—совѣтовала Раиса Павловна.

— Да вѣдь другой дороги нѣтъ къ Разсыпному Камню? Наконецъ нельзя же миновать нашъ главный заводъ... Если бы не генералъ, тогда, конечно, мы прокатили бы Евгенія Константиныча проселкомъ—и дѣлу конецъ. Но генералъ—вотъ гдѣ загвоздка. Да ничего не выйдетъ изъ этого, если и заночуемъ у Вершинина.

Для поѣздки по заводамъ былъ снаряженъ громадный поѣздъ изъ тридцати троекъ. Охота и кухня были отправлены впередъ другимъ обозомъ. Было извѣстно, что поѣдетъ Нина Леонтьевна, значитъ, Раиса Павловна останется дома. Майзель съ Перекрестовымъ уѣхали впередъ, чтобы приготовить приличную встрѣчу набабу въ горахъ; впрочемъ, представитель русской прессы измѣнилъ Майзелю на третьей же станціи: смущенный кулинарными приготовленіями Вершинина, онъ остался въ Баламутскомъ заводѣ. Участіе въ поѣздкѣ Нины Леонтьевны рѣшило капитальный вопросъ о томъ, что въ предполагаемой охотѣ могутъ принять участіе и дамы; конечно, такой оборотъ взволновалъ прекрасную половину и прежде всего поднялъ вопросъ о костюмахъ. Послѣднее особенно безпокоило дамъ. Охота—не балъ, приходилось самимъ „сочинять костюмы“, слѣдовательно единственнымъ основаніемъ являлся только свой вкусъ; соперничество и желаніе блеснуть окончательно усложнили

все дѣло. Модные журналы какъ-то упустили изъ виду возможность такого случая: самыя смѣлыя дамы, какъ m-me Сарматова, нѣкоторое время колебались даже предъ мужскимъ костюмомъ, но когда узнали, что въ такомъ костюмѣ ѣдетъ на охоту Прозорова, то возстали противъ нея съ презрѣніемъ.

Луша, дѣйствительно, готовилась ѣхать въ горы и теперь, подъ руководствомъ Прейна, училась стрѣлять въ цѣль изъ монтекристо. Эти уроки шли, кажется, успѣшно. Веселый учитель, съ французской складкой въ характерѣ, нравился Лушѣ, потому что никогда не надоѣдалъ и во-время умѣлъ приходить и уходить. Между ними установились тѣ дружескія отношенія, которыя незамѣтно сближаютъ людей; Прейнъ вообще понималъ хорошо женщинъ и безъ словъ умѣлъ читать у нихъ въ душѣ, а Лушѣ эта тонкость пониманія особенно и нравилась въ немъ. Прибавьте къ этому рыцарскую вѣжливость и умѣнье всегда принести жертву женскому тщеславію. Шуточки и остроты Прейна смѣшили Лушу до слезъ, и она шутя называла его дѣдушкой. Въ отвѣтъ на это званіе, Прейнъ цѣловалъ у Луши руки и беззаботно говорилъ:

— Учитесь у дѣдушки великой философіи жизни, которая заключается всего въ одномъ словѣ: никогда не скучать.

— Хорошо вамъ такъ разсуждать,—смѣялась Луша,—а зашить бы васъ въ нашу дѣвичью кожу, тогда вы запѣли бы другую пѣсню со своей великой философіей... Мужчинамъ все возможно, все позволительно и все доступно, а женщина можетъ только смотрѣть, какъ другіе живутъ.

— Совершенно справедливо, хотя и не безъ исключеній. Умная и красивая женщина всегда сумѣетъ поставить себя выше общественныхъ условій... Но для этого она должна разстаться съ нѣкоторыми предразсудками...

— Вы смотрите на женщинъ хуже, чѣмъ на своихъ лошадей...

— О, нѣтъ, вы ошибаетесь... Умная женщина можетъ сдѣлать изъ насъ все,—это страшная сила.

Лаптевъ попрежнему ухаживалъ за Лушей, посылалъ букеты и говорилъ свои армейскіе комплименты; но этотъ избалованный набабъ не умѣлъ попасть въ тонъ, и Луша всегда скучала въ его обществѣ. Эта неподвижная, апатичная натура съ чисто-животными инстинктами отталкивала ее, особенно по сравненію съ Прейномъ, у котораго умъ вѣчно игралъ и искрился. Постепенно, шагъ за шагомъ, этотъ великій мудрецъ незамѣтно успѣлъ овладѣть Лушей, такъ что она во всемъ слушалась одного его слова, тѣмъ болѣе, что Прейнъ умѣлъ сдѣлать эту маленькую диктатуру совершенно незамѣтной и всегда зналъ ту границу, дальше которой не слѣдовало переходить. Чувство мѣры въ немъ было особенно развито, и онъ умѣлъ подладиться къ невозможнымъ обстоятельствамъ, отъ которыхъ даже у самаго терпѣливаго осла давно лопнуло бы терпѣніе. Такъ Прейнъ добился того, что Луша перестала дичиться и даже начала брать подъ его руководствомъ уроки стрѣльбы и верховой ѣзды. Ѣздилъ Прейнъ, какъ жокей, и быстро посвятилъ Лушу во всѣ тайны этого великаго искусства. Это сближеніе однакожъ безпокоило Раису Павловну, которая собственно и сама не могла дать отчета въ своихъ чувствахъ: съ одной стороны, она готовила Лушу не для Прейна, а съ другой—въ ней отзывалось старое чувство ревности, въ чемъ она сама не хотѣла сознаться себѣ. Луша съ эгоизмомъ всѣхъ довольныхъ людей дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— Тебѣ необходимо ѣхать въ горы,—совѣтовала Раиса Павловна, когда Луша раздумывала, принять ли эту поѣздку.—Во-первыхъ, повеселишься, во-вто-

рыхъ... ты поѣдешь вмѣстѣ съ отцомъ, слѣдовательно вполнѣ будешь защищена отъ всякихъ глупыхъ разговоровъ; а на нашихъ заводскихъ бабъ не обращай никакого вниманія. Намъ съ ними не дѣтей крестить.

— Мнѣ все равно, Раиса Павловна, что̀ будутъ говорить про меня.

— Есть одно обстоятельство... собственно, пустяки, но я дала бы тебѣ, Луша, маленькій совѣтъ.

— Именно?

— Будь осторожнѣе съ Прейномъ...

Послѣднія слова Раиса Павловна произнесла съ опущенными глазами и легкой краской на лицѣ: она боялась выдать себя, стыдилась, что въ этомъ ребенкѣ видитъ свою соперницу. Она любила Лушу, и ей тяжело было бы перенести слишкомъ тѣсное сближеніе ея съ Прейномъ, съ которымъ собственно всѣ счеты были давно кончены... но, увы, любовь въ сердцѣ женщины никогда не умираетъ, особенно старая любовь.

Давно ожидаемая поѣздка наконецъ совершилась въ свѣтлый іюньскій день, когда четырехмѣстная коляска Лаптева стрѣлой полетѣла по дорогѣ въ Истокскій заводъ; въ коляскѣ съ набабомъ сидѣлъ одинъ Прейнъ, а въ ногахъ у нихъ лежала ласково взвизгивавшая Bruneĥauĉ. Генералъ ѣхалъ въ слѣдующемъ экипажѣ вмѣстѣ съ Ниной Леонтьевной; за нимъ летѣла тройка, имѣвшая счастье везти самого m-r Чарльза, который теперь ѣхалъ въ сопровожденіи собственнаго лакея. За m-r Чарльзомъ ѣхали собственные секретари Евгенія Константиныча, потомъ Братковскій съ Летучимъ, а прочіе экипажи были заняты остальной свитой. Тройки летѣли съ бѣшеной быстротой восемнадцати верстъ въ часъ; на половинѣ станціи были выставлены заводныя лошади; но это не помогало, и непривычныя къ такой гоньбѣ тройки задыхались отъ жара. На первомъ же полустанкѣ оказалось четыре загнанныхъ тройки; покрытыя пѣной, лошади тяжело вздрагивали, точно дышали всѣмъ тѣломъ, опускали головы и падали въ конвульсіяхъ.

Набабъ лѣниво смотрѣлъ по сторонамъ, гдѣ мелькалъ тощій лѣсъ, вырубленный на заводскія надобности; попадались болота, небольшія горки, прятавшаяся въ тальникѣ и лопушникѣ рѣчка. Подорожная трава была теперь покрыта густымъ слоемъ пыли, которую оставляли за собой транспорты желѣза и чугуна. Дождя не было цѣлую недѣлю, и зелень сильно „притомилась“, какъ говорятъ мужики. Трава просила дождика. Даже березы и рябины стояли сонныя въ окружавшей ихъ знойной истомѣ. Изъ хвойнаго лѣса несло тяжелымъ смолистымъ запахомъ, круживщимъ голову. Небо было чисто, и только на западѣ, надъ кривой линіей горъ, ярко блистала гряда пушистыхъ облаковъ, точно сводъ небесный былъ обложенъ волнами бѣлоснѣжнаго дорогого мѣха.

— Дѣло кончится тѣмъ, что я схвачу чахотку,—капризно говорилъ набабъ, чихая отъ пыли.

— Что̀ же, за отечество и умереть пріятно, сказалъ какой-то мудрецъ...

Покуривая сигару, Прейнъ все время думалъ о той тройкѣ, которая спеціально была заказана для Прозорова; онъ уступилъ свою дорожную коляску, въ которой должны были пріѣхать Прозоровъ съ дочерью и докторъ.

Дорога вилась пыльной лентой по холмистой мѣстности, огибая гряду лѣсистыхъ горокъ, которыя тянулись къ востоку, гдѣ неправильной глыбой синѣлъ Разсыпной Камень. Черезъ два часа ѣзды выглянулъ своими крайними домиками Истокскій заводъ; онъ залегъ на днѣ глубокой горной долины, гдѣ была запружена бойкая горная рѣчонка. Нѣсколько широкихъ улицъ вы-

тянулись по берегамъ заводскаго пруда; на площади, заваленной дровами, бѣлѣла церковь. Фабрика слабо дымилась у самой плотины. На небольшихъ заводахъ лѣтомъ работы пріостанавливаются, потому что все населеніе страдуетъ, заготовляя сѣно; только такіе громадные заводы, какъ Кукарскій и Баламутскій, работали насквозь цѣлый годъ, потому что располагали десятками тысячъ рабочихъ рукъ.

Въ Истокѣ только перемѣнили лошадей, и набабъ даже не вышелъ изъ экипажа, хотя былъ встрѣченъ колокольнымъ звономъ и хлѣбомъ-солью. Густая толпа народа не успѣла мигнуть, какъ баринъ уже былъ на дорогѣ въ Мельковскій заводъ, гдѣ готовилась ему торжественная встрѣча. Характеръ мѣстности быстро измѣнялся, и дорога начала забирать въ гору; широкія лѣсныя просѣки, глубокіе лога съ перекинутымъ черезъ рѣчку мостикомъ, покосы, съ сочной густой травой, пестрѣвшей блѣдными цвѣточками,—все кругомъ было хорошо своеобразной красотой скромнаго сѣвернаго пейзажа. Мельковскій заводъ былъ похожъ на Истокъ, какъ двѣ капли воды, только чуть-чуть побольше, да церковь была выкрашена желтой охрой. Тотъ же колокольный звонъ, тѣ же толпы народа и та же хлѣбъ-соль. Въ квартирѣ Сарматова былъ сервированъ легкій завтракъ, на который ѣхавшая за набабомъ челядь накинулась съ той жадностью, съ какой бросается публика на желѣзныхъ дорогахъ къ буфету.

— Ну, какъ вы себя чувствуете, Сарматовъ?—говорилъ Лаптевъ, торопливо прожевывая кусокъ холодной телятины.

— А ничего... Живемъ, пока мыши головы не отъѣли.

— Какъ?

— Пока мыши головы не отъѣли.

— Ага! Вы, конечно, съ нами поѣдете на охоту? Жаль, что на Уралѣ нѣтъ кабановъ.

Когда генералъ предложилъ осмотрѣть фабрику, набабъ отрицательно покачалъ головой и замѣтилъ, что фабрику можно будетъ осмотрѣть на обратномъ пути.

Въ Баламутскій заводъ пріѣхали къ самому обѣду. До него отъ Кукарскаго завода считалось девяносто верстъ; дорога дѣлала большой выгибъ, направляясь къ сѣверу, гдѣ синѣлъ Разсыпной Камень. Встрѣча барина въ Баламутскомъ заводѣ очень походила на такую же встрѣчу въ Кукарскомъ, только въ меньшихъ размѣрахъ. Пятитысячная толпа запрудила всѣ улицы и провожала коляску барина несмолкаемымъ „ура“. Разсыпавъ свои бревенчатыя избы по каменистымъ уступамъ глубокой горной котловины, Баламутскій заводъ былъ очень красивъ, особенно издали. Громадный узкій прудъ былъ сдавленъ въ живописныхъ крутыхъ берегахъ; надъ плотиной курилось до десятка большихъ трубъ и двѣ доменныхъ печи; на берегу пруда тянулась заповѣдная кедровая роща, примыкавшая къ большому господскому дому, походившему на дворецъ. Этотъ домъ выстроилъ еще старикъ Тетюевъ, любившій Баламутскій заводъ больше всѣхъ другихъ. Двѣ богатыя церкви дополняли картину завода.

XXIII.

Въ жизни Евгенія Константиновича растительные процессы занимали первое мѣсто: поэтому понятно то нетерпѣніе, съ которымъ вся свита ожидала обѣда въ Баламутскомъ заводѣ. Чѣмъ-то угоститъ Вершининъ набаба? Конечно, у Вершинина былъ отличный поваръ, котораго онъ нарочно посылалъ учиться въ петербургскій Англійскій клубъ, но все-таки... Первыя два

блюда прошли почти незамѣтно, но, когда подали уху изъ живыхъ харюзовъ *), набабъ просвѣтлѣлъ; послѣ двухъ тарелокъ этой ухи всѣмъ было ясно, что Вершининъ одержалъ побѣду, и Перекрестовъ поспѣшилъ сказать спичъ въ честь знаменитой рыбы сѣверныхъ рѣкъ. Этими двумя тарелками все разъяснилось: набабъ былъ доволенъ, слѣдовательно и Вершининъ могъ быть спокоенъ за свое будущее. Въ случаѣ какого-нибудь затрудненія стоило только сказать: „Евгеній Константинычъ, это тотъ самый Вершининъ, у котораго вы ѣли уху изъ харюзовъ“... Набабъ вообще не отличался особенно твердой памятью и скоро забывалъ даже самые остроумные анекдоты, но относительно ѣды обладалъ счастливой способностью никогда не забывать разъ понравившагося кушанья. Это была, если позволено такъ выразиться, гастрономическая память, потому что сосредоточивалась главнымъ образомъ не въ головѣ, а въ желудкѣ.

— А какъ харюзъ называется по-вашему, по-ученому? — спрашивалъ Евгеній Константинычъ вечеромъ генерала.

— Salmo thymalis...

— Ага! Вершининъ очень умный человѣкъ! Какъ вы находите, генералъ?

— Да... кажется...

Эта salmo thymalis испортила цѣлую ночь старику Майзелю, который отъ души проклиналъ всѣ горныя рѣчки, гдѣ водилась эта проклятая рыбешка. И нужно же было Вершинину подсунуть эту несчастную уху, когда ему, Майзелю, завтра придется угощать набаба охотничьимъ завтракомъ. Русскій нѣмецъ имѣлъ несчастье считать себя великимъ гастрономомъ и вынашивалъ цѣлыхъ двѣ недѣли великолѣпный гастрономическій планъ, отъ котораго могла зависѣть участь всей поѣздки набаба на Уралъ, и вдругъ сунуло этого Вершинина съ его ухой... Извольте-ка теперь удивить набаба? Майзель тревожно проворочался цѣлую ночь и чѣмъ свѣтъ уѣхалъ изъ Баламутскаго завода къ Разсыпному Камню, чтобы тамъ встрѣтить набаба во главѣ привезенной изъ Петербурга охоты и цѣлой роты собственныхъ лѣсообъѣздчиковъ.

— Вы сдѣлали отличный ходъ, Демидъ Львовичъ,—поздравлялъ Перекрестовъ утромъ Вершинина.—Вѣдь двѣ тарелки сряду... Да!.. Вотъ я два раза вокругъ свѣта объѣхалъ, ѣлъ, можно сказать, рѣшительно все на свѣтѣ, даже телячьи глаза въ Пекинѣ, а что̀ осталось отъ всего? Рѣшительно ничего... А вы своей ухой всѣхъ зарѣзали!

Прейнъ уѣхалъ изъ Баламутскаго завода впередъ: онъ торопился въ Заозерный заводъ, куда его вызывалъ черезъ нарочнаго нашъ старый знакомецъ, Родіонъ Антонычъ. Заозерный заводъ въ маршрутѣ служилъ послѣдней станціей, дальше путь къ Разсыпному Камню лежалъ по озеру — на заводскомъ пароходѣ. Такимъ образомъ Заозерный являлся сборнымъ пунктомъ, гдѣ около набаба должно было сгруппироваться все общество. Посланная Сахаровымъ эстафета лаконически гласила: „Всѣ здѣсь; ждемъ васъ“. На этого вѣрнаго слугу было возложено довольно щекотливое порученіе конвоировать до Заозернаго завода „галокъ“ Раисы Павловны, потому что онѣ, среди остального дамскаго общества, безъ своей патронессы, являлись пятымъ колесомъ, несмотря на всесильное покровительство Прейна; другимъ не менѣе важнымъ порученіемъ было встрѣтить и устроить Прозоровыхъ, потому что m-me Дымцевичъ, царившая въ Заозерномъ, на правахъ управительши, питала къ Лушѣ вмѣстѣ съ другими дамами органическое отвращеніе. Чтобы

*) Кто-то и почему-то окрестилъ эту рыбу ученымъ именемъ — *харіузъ*; на Уралѣ ее называютъ просто—*харюзъ*, и послѣднее названіе, по нашему мнѣнію, больше отвѣчаетъ складу русской рѣчи. *Авторъ.*

не вышло какого-нибудь недоразумѣнія между дамами, Прейнъ полетѣлъ самъ на выручку.

Заозерный заводъ, раскидавшій свои домики по берегу озера, былъ самымъ красивымъ въ Кукарскомъ округѣ. Ряды крѣпкихъ избъ облѣпили низкій берегъ въ нѣсколько рядовъ; крайнія стояли совсѣмъ въ лѣсу. Выдавшійся въ срединѣ озера крутой и лѣсистый мысъ образовалъ широкій заливъ; въ глубинѣ озера зелеными пятнами выдѣлялись три острова. Обступившія кругомъ лѣсистыя горы образовали рельефную зеленую раму. Разсыпной Камень лежалъ массивной синевато-зеленой глыбой на противоположномъ берегу, какъ отдыхавшій великанъ.

— Хорошо ли вамъ здѣсь?—спрашивалъ Прейнъ, пожимая руку Лушѣ.— Какъ доѣхали? Благополучно? Ага... А вы, докторъ?

Извѣстіе объ ухѣ изъ харюзовъ опередило Прейна, и Родіонъ Антонычъ глядѣлъ съ печальной задумчивостью, какъ наблудившій котъ. Недаромъ Раиса Павловна такъ безпокоилась за Баламутскій заводъ: оно все такъ и вышло, какъ по-писанному. Теперь, черезъ этихъ харюзовъ, и Тетюевъ вылѣзетъ... Умудренный въ изворотахъ, меляхъ и подводныхъ камняхъ внутренней политики, Родіонъ Антонычъ, какъ никто другой, понималъ всю важность совершавшихся событій и немедленно послалъ эстафету Раисѣ Павловнѣ съ нарочнымъ: „Вершининъ угостилъ ухой изъ харюзовъ; Евгеній Константинычъ скушали двѣ тарелки. Извѣстите съ симъ же нарочнымъ, что̀ дѣлать“.

Луша была недовольна поѣздкой и капризничала; Прейну стоило большого труда успокоить ее.

— Очень мнѣ интересно смотрѣть на этихъ надутыхъ дамъ,—говорила она.—И къ чему вы навезли сюда этихъ „галокъ“?

— Все будетъ хорошо,—тараторилъ Прейнъ:—чѣмъ больше дамъ, тѣмъ лучше. Кашу масломъ не испортишь... Меня Раиса Павловна просила о „галкахъ“, не могъ же я отказать ей!

Въ душѣ Прейнъ былъ очень доволенъ, что Луша начинала ревновать его къ m-lle Эммѣ; старый грѣшникъ слишкомъ хорошо зналъ всѣ ходы и выходы женскаго сердца, чтобы ошибаться. Онъ не любилъ добычи, которая доставалась даромъ.

„Галки“ тоже скучали и отъ-нечего-дѣлать одолѣвали почтеннаго Родіона Антоныча самыми невозможными просьбами и птичьими капризами: этотъ мученикъ за идею напрасно дѣлалъ кислыя гримасы и вздыхалъ, какъ загнанная лошадь,—ничто не помогало. Храбрыя дѣвицы позволяли такія шуточки и остроты даже относительно самой наружности своего тѣлохранителя, что Родіонъ Антонычъ принужденъ былъ отплевываться съ выраженіемъ благочестиваго ужаса на лицѣ.

— Ваша прямая обязанность, Родіонъ Антонычъ, сейчасъ же съѣздить за Братковскимъ,—серьезно говорила m-lle Эмма, — а то посмотрите, на что похожа сдѣлалась Анненька? Если ваша жена узнаетъ...

— О, Господи, за что Ты меня наказываешь?—стоналъ мученикъ-доброволецъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я очень люблю всѣхъ домашнихъ секретарей,— смѣялась беззаботная Анненька, — и дорогой чуть не поцѣловала васъ, Родіонъ Антонычъ, потому что вы вѣдь тоже секретарь...

— Ѳедотъ, да не тотъ,—прибавила m-lle Эмма, хлопая Родіона Антоныча по плечу своей мягкой рукой.

Съ появленіемъ Прейна шуткамъ надъ Родіономъ Антонычемъ не было конца, пока этотъ искусъ не закончился появленіемъ въ Заозерномъ загон-

щиковъ, возвѣстившихъ о благополучномъ отбытіи набаба изъ Баламутскаго завода.

Небольшой плоскодонный пароходъ, таскавшій на буксирѣ въ обыкновенное время барки съ дровами, былъ вычищенъ и перекрашенъ заново, а на носу и въ кормѣ были устроены даже каюты изъ полотняныхъ драпировокъ. Обитыя краснымъ сукномъ скамьи и ковры добавляли картину. Въ носовой части были помѣщены музыканты, а въ кормовой остальная публика. До Разсыпного Камня по озеру считалось всего верстъ девятнадцать, но пароходъ нагружался съ ранняго утра всевозможной „яствой и питвой", точно онъ готовился въ кругосвѣтную экспедицію.

Набабъ изъ экипажа прямо перешелъ на пароходъ, а за нимъ хлынула толпа дамъ; всѣ старались занять мѣсто получше, т.-е. поближе къ набабу. Собравшіяся прежде всего, конечно, сдѣлали самый строгій осмотръ другъ другу, какъ слетѣвшіяся пчелы. Присутствіе „галокъ" и Луши заставило ихъ цѣломудренно сбиться въ отдѣльную кучку, а маменьки даже прикрывали своихъ дочерей носовыми платками, точно въ самомъ воздухѣ носилась какая-то зараза. Нина Леонтьевна презрительно разсматривала „галокъ" въ лорнетъ, не переставая улыбаться двусмысленной улыбкой; остальныя дамы поддерживали ее взглядами и принужденнымъ молчаніемъ. Отъ взглядовъ и улыбокъ Нина Леонтьевна, по всей вѣроятности, перешла бы къ болѣе активнымъ проявленіямъ своего возмущеннаго чувства, но ее останавливало присутствіе Прозорова, который все время наблюдалъ за ней улыбающимися глазами. Костюмы дамъ носили меланхолическій характеръ сѣрыхъ тоновъ; только одна m-me Сарматова явилась въ платьѣ „цвѣта свѣжепросольнаго огурца", какъ говорилъ Прозоровъ, что̀, по ея мнѣнію, имѣло какое-то соотношеніе съ предполагаемой охотой. Набабъ лѣниво окинулъ эту толпу дамъ и едва замѣтно улыбнулся, замѣтивъ около Прозорова съежившуюся Лушу, которая сегодня казалась совсѣмъ маленькой дѣвочкой, точно вся она сжалась и ушла въ себя. Она была одѣта въ простенькое камлотовое платье съ пелериной; дамы подозрительно осматривали этотъ скромный костюмъ, стараясь подъ нимъ отыскать мужское платье, о которомъ онѣ слышали.

Пароходъ отвалилъ. Тихими аккордами полился какой-то торжественный старинный маршъ. На берегу живой стѣной стоялъ провожавшій барина народъ; кто-то крикнулъ вдогонку „ура!", но оно замерло въ шумѣ падавшей съ пароходныхъ колесъ воды. Неуклюжее судно точно задыхалось и съ какимъ-то хрипѣньемъ разгребало воду. Вода въ озерѣ чуть-чуть рябила; небо было чисто. Въ воздухѣ чувствовался наливавшійся лѣтній зной... Луша еще въ первый разъ ѣдетъ на пароходѣ и поддается убаюкивающему чувству легкой качки; ей кажется, что она никогда больше не вернется назадъ, въ свой гнилой уголъ, и вѣчно будетъ плыть впередъ подъ колыхающіеся звуки музыки. Впередъ, впередъ! Новое, такое хорошее и доброе чувство подхватываетъ ее, и она забываетъ о той ненависти, которая сосредоточивается на ней. Вѣдь здѣсь всѣ ей враги, за исключеніемъ, можетъ-быть, Прейна... Она желала бы теперь остаться совсѣмъ одна. Пусть шумитъ вода, пусть плывутъ мимо лѣсистые, затянутые синеватой пленкой берега, пусть съ неба льются волны теплаго свѣта. Почему-то Луша думаетъ о смерти. Въ самомъ дѣлѣ, почему? Хорошо умереть молодой и красивой, въ цвѣтѣ силъ, умереть, какъ засыпаетъ ребенокъ на рукахъ матери. Что̀ бы тогда сказали о ней всѣ эти дамы и мужчины? Луша ненавидитъ ихъ всѣхъ одинаково, ненавидитъ той ненавистью, которая, какъ полированная поверхность блестящаго металла, отражаетъ падающій на нее лучъ. Вонъ Евгеній Константиновичъ разговари-

ваетъ о чемъ-то съ Ниной Леонтьевной, вонъ Братковскій улыбается черезъ плечо счастливой Анненькѣ, вонъ два зоркихъ глаза наблюдаютъ [illegible] глаза стараго Прейна, который любитъ ее и котораго она тоже начин[illegible] любить... нѣтъ, не любить, а ей весело съ нимъ, онъ такой славный!

— Разъ со мной какой случай былъ,—разсказывалъ Сарматовъ, обращаясь къ кружку мужчинъ.—Mesdames! вы ужъ извините меня, если я немного...

— Ахъ, Сарматовъ, вы вѣчно приметесь разсказывать что-нибудь такое...— жеманно протестуютъ дамы, отсаживаясь подальше отъ разсказчика.

— Разъ нашъ полкъ стоялъ въ Саратовской губерніи,—разсказывалъ Сарматовъ, складывая ногу на ногу:—дѣло было лѣтнее, скучища смертная, хоть петлю на шею... Хорошо, у меня ружьишко: дай, думаю, хоть за утками схожу. Выбралъ денекъ поведренѣе и раннимъ утромъ махнулъ къ первому озеру. Походилъ-походилъ около воды, убилъ пару утокъ, а достать изъ воды не умѣю... Какъ быть? Отыскалъ шалашикъ, гдѣ рыбаки жили, и нанялъ лодочку съ двумя гребцами. Поѣхали. Ну-съ, убилъ я этакъ штукъ пятнадцать— не помню хорошенько, захотѣлось отдохнуть. Привалили къ берегу, развели огонекъ, пару утокъ въ золу—все по порядку... Усталъ я, а тутъ, какъ выпилъ и закусилъ, сонъ меня такъ и клонитъ. Мои гребцы видятъ, что я спать располагаюсь, и просятъ меня: „Ваше высокородіе, позволь намъ насчетъ утокъ, пока почивать будешь“. Думаю, отчего не позволить—ступайте на всѣ четыре стороны. „Мы, говорятъ, ваше высокородіе, тутъ неподалече въ камышахъ пострѣляемъ“... Хорошо. Ружье съ ними, обыкновенно, мужицкое: ложа расщеплена, замокъ привязанъ веревкой, все въ этомъ родѣ. Остался я около огонька и смотрю, что будетъ. Вотъ одинъ и говоритъ: „Ты, Бряковъ, ступай на ту сторону въ камыши и загоняй утокъ, а я буду ждать на этомъ берегу въ камышахъ. Какъ я тебѣ крикну: „мыряй!“—ты въ воду, а стрѣлять буду я“... Мудрено что-то, думаю. Заинтересовало меня, какъ это Бряковъ мырять будетъ. Хорошо-съ. Вотъ охотникъ съ ружьемъ засѣлъ въ кусты и ждетъ, а Бряковъ съ другой стороны палочкой гонитъ цѣлый выводокъ— утокъ тамъ видимо-невидимо. Прямо на охотника такъ и гонитъ, тотъ сидитъ въ камышахъ и молчитъ. Бряковъ вышелъ изъ камышей и по колѣно въ водѣ бредетъ. Осталось всего этакъ шаговъ тридцать, слышу: „Мыряй!“. Мой Бряковъ въ воду, внизъ головой... Только не разсчиталъ, бѣдняга, что мѣсто мелкое, да и ружье у пріятеля съ запаломъ: пшш... Выстрѣлъ... Бряковъ: ай, ай... Выскочилъ изъ воды, какъ ошпаренный, и по берегу запластываетъ ко мнѣ, а самъ реветъ благимъ матомъ и обѣими руками держится... какъ бы это повѣжливѣе выразиться?..

— Это то самое мѣсто,—объяснилъ Прозоровъ,—въ которое, по словамъ Гейне, маршалъ Даву ударилъ ногой одного нѣмца, чѣмъ и сдѣлалъ его знаменитостью на всю остальную жизнь...

Мужская компанія громко хохочетъ. За этимъ анекдотомъ посыпался рядъ другихъ. Тема оказалась безконечной. А впереди, уже выше и выше, встаетъ Разсыпной Камень, можно разсмотрѣть утесистую вершину-шиханъ и отдѣльныя розсыпи изъ камней, которыя тянутся по бокамъ правильными полосами. На берегу устроена временная пристань и ждутъ верховыя лошади. Нѣсколько экипажей для дамъ стоятъ въ тѣни мелкаго березняка, гдѣ курится огонекъ. Майзель издали машетъ сѣрой охотничьей шляпой. Отъ пристани въ гору тянется свѣжая просѣка, которая нарочно устроена для этого случая.

Мужская компанія беретъ верховыхъ лошадей, а дамы садятся въ экипажи. Исключеніе представляютъ m-me Сарматова въ своемъ зелено-желтомъ

[illegible]; для нихъ приготовлены лошади подъ дамскимъ сѣдломъ. [illegible] помогаетъ имъ сѣсть въ сѣдло; Лаптевъ издали, разговаривая съ [illegible], слѣдитъ за Лушей, которая, туго натягивая поводья, заставляетъ свою лошадь танцовать. Отъ волненія все лицо у ней залито яркимъ румянцемъ, а глаза блестятъ лихорадочнымъ влажнымъ взглядомъ. Вотъ шагомъ потянулись въ гору экипажи съ дамами, тяжело переваливаясь съ кочки на кочку и оставляя на травѣ измятый свѣтло-зеленый слѣдъ; подъ ногами лошадей хлюпаетъ и шипитъ вода. Мѣсто низкое, и кое-гдѣ лошади проваливаются.

— Посмотрите, какъ везутъ кислую капусту!—вполголоса шепчетъ Прейнъ Лушѣ, указывая головой на экипажи съ дамами.

— Я не зналъ, что вы такая наѣздница,—раздается за спиной Луши голосъ Лаптева.

Дѣвушка краснѣетъ отъ этой похвалы и мѣшаетъ поводья. Длинная кавалькада вытягивается въ гору. Озеро остается далеко внизу и точно отступаетъ отъ берега. Съ каждымъ шагомъ впередъ горизонтъ раздается шире и шире; изъ-за узорчатой прорѣзи еловаго лѣса выступаютъ гряды синихъ горъ, которыя тянутся къ сѣверу тяжелыми валами, точно складки обросшей зеленой щетиной кожи какого-то чудовища. Небо уходитъ вверхъ бездоннымъ куполомъ, гдѣ-то далеко-далеко сверкаетъ затерявшаяся въ глубокомъ логу горная рѣчонка. А тамъ, кучкой поломанныхъ дѣтскихъ игрушекъ, разсыпанныхъ безъ всякаго плана и порядка, выдѣляется какая-то лѣсная деревенька.

Вершина Разсыпного Камня представляла собой слегка округленную плоскость съ тремя скалистыми гребнями. Самый высокій изъ нихъ выходилъ къ озеру; подъ нимъ гора крутымъ выгибомъ спускалась внизъ, къ водѣ. Около этого шихана и была выбрана охотничья стоянка, представлявшая самый живописный уголокъ по своей дикой красотѣ. Подъ скалами росъ частый ельникъ. На маленькой площадкѣ были поставлены двѣ широкія избы. Съ площадки, кромѣ лѣсу и скалъ, ничего нельзя было разсмотрѣть; но стоило подняться на шиханъ, всего какихъ-нибудь десять саженъ, и предъ глазами открывалась широкая горная панорама, верстъ съ сотню въ поперечникѣ. Подъ ногами разстилалось длинное озеро съ зелеными островами и Заозернымъ заводомъ въ дальнемъ концѣ; направо, верстахъ въ двадцати, какъ шапка со свалившимся на бокъ зеленымъ верхомъ, поднималась знаменитая гора Куржакъ, почти сплошь состоявшая изъ желѣзной руды. У ея подножія пестрѣли заводскіе домики и едва дымилась фабрика. Баламутскій заводъ былъ прикрытъ широкой горой; на горизонтѣ расплывшимся пятномъ чуть виднѣлся Кукарскій заводъ. Къ сѣверу разстилалась настоящая зеленая пустыня; на ней едва можно было разобрать нѣсколько пріисковъ, прятавшихся по глубокимъ логамъ. Лѣсъ покрывалъ все кругомъ сплошнымъ зеленымъ ковромъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ точно былъ починенъ новыми квадратными заплатами болѣе свѣтлыхъ тоновъ. Это были куреня, гдѣ жгли уголь и заготовляли дрова. Картина лѣса вблизи совсѣмъ являлась не тѣмъ, чѣмъ казалась сверху: настоящаго лѣса, годнаго для заводовъ, оставалось очень немного, потому что столѣтнія лѣсныя дебри сводились самымъ хищническимъ образомъ. Майзель умѣлъ хозяйничать такъ, что оставались нетронутыми только болота и поросли. Если бы вести правильно лѣсное хозяйство, то трехсотъ тысячъ десятинъ, находившихся подъ лѣсомъ, достало бы заводамъ на вѣки вѣчные; но расчеты крупныхъ подрядчиковъ не совпадали съ требованіями лѣсного хозяйства: вырывались самые лучшіе куски безъ всякаго плана и порядка.

Общество, собравшееся на шиханѣ, куда былъ поданъ завтракъ и чай,

менѣе всего интересовалось вопросами лѣсной техники и натянуто восхищалось далекой воздушной перспективой, игрой свѣта и тѣней, зеленью лѣса, сливавшагося на горизонтѣ съ синевой голубого сѣвернаго неба. Здѣсь дышалось такъ привольно и легко, въ этой небогатой красками и линіями природѣ, полной своеобразной сѣверной поэзіи. Набабъ мелькомъ взглянулъ кругомъ и невольно сравнилъ этотъ родной видъ со смѣлыми картинами заграничной природы. Его не расшевелили скромныя красоты родины, которая теперь, лѣтомъ, стояла предъ нимъ, какъ бѣдная невѣста, украсившая себя полинявшими цвѣточками и выцвѣтшими лежалыми лентами. Не душѣ русскаго набаба понимать ту поэзію, которая вѣяла съ этихъ придавленныхъ низкихъ горъ, глухихъ хвойныхъ лѣсовъ и блѣднаго неба.

XXIV.

Рано утромъ на другой день назначена была охота на оленя. Звѣрь былъ высмотрѣнъ лѣсообъѣздчиками верстахъ въ десяти отъ Разсыпного Камня, куда охотники должны были явиться верхомъ. Стоявшія жары загоняли оленей въ лѣсную чащу, гдѣ они спасались отъ одолѣвавшаго ихъ овода. Обыкновенно охотникъ выслѣживаетъ звѣря по сакмѣ *) и ночлегамъ, а потомъ выжидаетъ, когда онъ съ наступленіемъ жаркаго часа вернется въ облюбованное имъ прохладное мѣстечко.

Мужчины переодѣлись въ охотничьи костюмы: сѣрыя куртки съ зелеными отворотами и длинные сапоги. Оставались съ дамами только Прозоровъ, Платонъ Васильичъ и домашніе секретари. За охотниками двинулась орава лѣсообъѣздчиковъ и егеря. Собаки оставались на мѣстѣ ночлега. Майзель съ молодецкой посадкой ѣхалъ рядомъ съ набабомъ, объясняя правила охоты, привычки звѣря и разные охотничьи секреты. Евгеній Константинычъ лѣниво позѣвывалъ, раскачиваясь въ сѣдлѣ; онъ былъ немножко не въ духѣ, потому что не доспалъ. Лѣтнее утро было хорошо, какъ оно бываетъ хорошо только на Уралѣ; волнистая даль была еще застлана туманомъ; на деревьяхъ и на травѣ дрожали капли росы; прохваченный ночной свѣжестью, холодный воздухъ заставлялъ вздрагивать; кругомъ царило благодатное, полудремотное состояніе, которое овладѣваетъ передъ пробужденіемъ отъ сна. Только поднимавшееся солнце да голоса распѣвавшихъ птицъ нарушали картину общаго торжественнаго покоя. Лѣсная узкая тропинка повела охотниковъ подъ гору, минуя каменистыя розсыпи. Кое-гдѣ попадались кедры; сплошными массами лѣсныя породы залегли только по низкимъ мѣстамъ, а на горѣ росъ смѣшанный лѣсъ. Если смотрѣть на Разсыпной Камень снизу, такъ и кажется, что по откосамъ горы ели, пихты и сосны поднимаются отдѣльными ротами и батальонами, стараясь обогнать другъ друга. Отъ нихъ сторонится лепечущая нарядная толпа березъ, липъ и осинъ, точно безконечный дѣвичій хороводъ. Нехорошо только одно, что вся картина точно застыла, охваченная заколдованнымъ сномъ въ самый горячій моментъ. Каждымъ поколѣніемъ дѣлается только одинъ шагъ, которымъ растеніе навсегда привязывается къ почвѣ.

Набабъ ѣхалъ молча, припоминая про себя подробности вчерашняго дня. Днемъ онъ не имѣлъ возможности поговорить съ Лушей, за исключеніемъ двухъ-трехъ случайно брошенныхъ фразъ; дѣвушка точно съ намѣреніемъ избѣгала его общества и подъ разными предлогами ловко увертывалась отъ него. Только вечеромъ, когда подъ шиханомъ горѣли громадные костры и вся публика образовала около нихъ живописныя группы, онъ замѣтилъ наверху

*) Сакма—свѣжій слѣдъ звѣря на травѣ.

[illegible] подвижную тонкую фигуру. Издали ее совсѣмъ трудно было отличить отъ [illegible]дочно нагроможденныхъ камней, но инстинктъ подсказалъ набабу, что [illegible] неясный силуэтъ принадлежалъ не камню, а живому существу, которое [illegible]ло его къ себѣ съ неудержимой силой. Удалившись незамѣтно от [illegible]ой компаніи, набабъ осторожно началъ взбираться на шиханъ съ его [illegible]ренной стороны, рискуя на каждомъ шагу сломать себѣ шею. Но эта опасность придавала ему силы, и онъ видѣлъ только этотъ профиль женской фигуры, теперь ясно вырѣзывавшійся для него на освѣщенномъ фонѣ костровъ. Конечно, это была она, Луша. Набабъ чувствовалъ, какъ кровь приливала въ его головѣ и стучала въ вискахъ тонкими молоточками, а въ глазахъ все застилало кружившимъ голову туманомъ. Чтобы не испугать любительницу уединенія, набабу нужно было подвигаться впередъ крайне осторожно, чтобы не стукнулъ подъ ногой ни одинъ камень, иначе это воздушное счастіе улетитъ, какъ тѣнь, какъ тѣ летучія мыши, которыя съ быстротой молніи пропадаютъ въ ночной мглѣ. Переползая съ камня на камень, набабъ оборвалъ и исцарапалъ руки и больно ушибъ лѣвое колѣно, такъ что даже стиснулъ зубы отъ боли, но цѣль была близка, а время дорого. Онъ чувствовалъ, что не перенесетъ, если она сейчасъ встанетъ и начнетъ спускаться со скалы. Вотъ уже нѣсколько шаговъ... Набаба охватывала мягкая ночная сырость; изъ расщелинъ скалы тянуло гнилымъ, острымъ запахомъ лишайника и разноцвѣтнаго горнаго мха; съ противоположной стороны шихана обдавало ѣдкой струей дыма, щекотавшей въ носу и щипавшей глаза.

— Это вы, Прейнъ?—тихо спросила Луша, замѣтивъ выплывавшую изъ ночной мглы человѣческую фигуру.

Этотъ вопросъ успокоилъ набаба. Онъ боялся, что дѣвушка ждала своего несчастнаго доктора.

— Нѣтъ, это я...—тихо отвѣтилъ онъ сдержаннымъ шопотомъ, чувствуя, какъ у него все пересохло во рту, а глаза налились кровью.

— Кто?—еще тише спросила Луша, инстинктивнымъ движеніемъ собирая около ногъ свои юбки и напрасно вглядываясь въ подползавшую фигуру.

— Я... Человѣкъ, котораго вы не ждете, но который, изъ-за удовольствія видѣть васъ, десять разъ могъ сломать себѣ шею.

Луша не вскрикнула, не испугалась, но сдѣлала движеніе подняться съ мѣста.

— Ради Бога, не поднимайтесь! — умолялъ набабъ. — Одно слово—и я уйду.

Набабъ подползъ такъ, что его нельзя было замѣтить со стороны огней, и, скорчившись, сѣлъ у ногъ Луши, какъ самый покорный рабъ. Это смиреніе тронуло сердце Луши, и она молча ожидала перваго вопроса.

— Вы ждали Прейна?

— Нѣтъ.

— Почему вы подумали, что это онъ, а не кто-нибудь другой?

— Потому что... потому что считала его одного способнымъ на такую дикую выходку. Вѣдь онъ ловокъ, какъ кошка.

— Зачѣмъ вы ушли сюда?

— Мнѣ было скучно внизу, а здѣсь такъ хорошо. Я иногда люблю подурачиться, особенно ночью... Посмотрите, какъ хорошо кругомъ.

На горахъ лежала непроницаемая мгла, изъ которой смутно выплывали неясные силуэты самыхъ высокихъ горъ, да кое-гдѣ бѣлѣлъ туманъ, точно всѣ низменности были налиты бѣлой, тихо шевелившейся массой, въ родѣ мыльной пѣны. Набабъ не находилъ въ этой картинѣ ничего красиваго, если

бы не это звѣздное глубокое небо, наклонившееся надъ землей съ страстнымъ шопотомъ. Въ лихорадочномъ блескѣ миріадъ искрившихся звѣздъ чувствовалось что-то неудовлетворенное, какая-то недосказанная тайна, которая одинаково тяготитъ несмываемымъ гнетомъ какъ надъ послѣднимъ лишаемъ, жадно втягивающимъ въ себя гдѣ-нибудь въ разсѣлинѣ голаго камня ночную сырость, такъ и надъ вѣнцомъ творенія, который вынашиваетъ въ своей груди неизмѣримо бо̀льшій міръ, чѣмъ вся эта переливающаяся въ фосфорическомъ мерцаніи бездна.

— Луша... вы позволите мнѣ такъ называть васъ?

Молчаніе.

— Луша! Зачѣмъ вы такъ упорно продолжаете избѣгать меня? Что̀ я вамъ сдѣлалъ? Что̀ мнѣ нужно сдѣлать, чтобы заслужить ваше... ваше довѣріе?

— Очень немного: уйти отсюда съ такою же ловкостью, съ какой вы явились. Что̀ вамъ нужно отъ меня? Что̀ общаго можетъ быть между нами?

Благодаря исключительнымъ условіямъ этой сцены, разговоръ происходилъ отрывистыми фразами; сторонамъ предоставлялось самимъ перекидывать между ними тѣ умственные мостики, которые дѣлали бы связь между отдѣльными мыслями вполнѣ ясной.

— Вы—странная дѣвушка.

— Это очень скучная тема, и, чтобы не повторять одно и то же десять разъ, скажу вамъ, что я такая же обыкновенная дѣвушка, какъ и тысячи другихъ, которымъ вы повторяли сейчасъ сказанную вами фразу.

— Но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать то, что̀ я говорю, чувствовать съ того момента, когда я въ первый разъ увидалъ васъ. Я боюсь назвать то чувство, которое...

— Я понимаю это чувство: имя ему—жажда разнообразія...

Луша тихо засмѣялась, скрестивъ пальцы.

— А если я имѣю такія доказательства, которыя должны убѣдить васъ?

Пауза. Гдѣ-то шарахнулась ночная птица и пропала съ мягкимъ трепетомъ крыльевъ въ ночной мглѣ. Набабъ невольно вздрогнулъ; онъ только теперь почувствовалъ, что изъ его исцарапанныхъ рукъ сочится кровь.

— Вотъ вамъ доказательство,—проговорилъ онъ, протягивая руку впередъ.—Пощупайте, она въ крови, которую я проливаю изъ-за васъ...

— Очень трогательно... Позвольте, я оботру ее вамъ. Это все, что̀ я могу сдѣлать.

Дѣвушка торопливо вытерла своимъ платкомъ протянутую мясистую ладонь, которая могла ее поднять на воздухъ, какъ перышко. Она слышала, какъ тяжело дышалъ ея собесѣдникъ, и опять собрала около ногъ распустившіяся складки платья, точно защищаясь этимъ жестомъ отъ протянутой къ ней сильной руки. Въ это мгновеніе она какъ-то сама собой очутилась въ желѣзныхъ объятіяхъ набаба, который задыхавшимся шопотомъ повторялъ ей:

— Ты будешь моя!.. Ты будешь моя!

— Никогда!.. Пустите... Иначе мы вмѣстѣ полетимъ внизъ.

Наверху скалы завязалась безмолвная борьба. Луша чувствовала, какъ къ ней ближе и ближе тянулось потное, разгоряченное лицо; она напрягла послѣднія силы, чтобы оторваться отъ мѣста, и всей тяжестью тѣла тянулась внизъ, но въ этотъ моментъ желѣзныя руки распались сами собой. Набабъ, схватившись за голову, съ прежнимъ смиреніемъ занялъ свою старую позицію и глухо забормоталъ прерывавшимся шопотомъ:

— Я васъ убью... Простите меня... но я не могу... я...

Онъ сорвалъ съ шеи галстукъ и замолчалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Уходите, уходите!—гнѣвно шептала дѣвушка, закрывая лицо своими руками.—Я лучше умру сто разъ, чѣмъ одинъ разъ отдамся вамъ. Я сдѣлаю то, о чемъ васъ предупреждала.

Она угрожающе поднялась съ мѣста, но ее остановилъ отчаянный жестъ молившій о пощадѣ.

— Хочешь быть моей женой, Луша?—шепталъ потерявшій голову набабъ.— Я все тебѣ отдамъ... Вотъ все, что̀ отсюда можно видѣть днемъ. Это все будетъ твое... за одно твое ласковое слово.

Луша отрицательно покачала головой и засмѣялась.

— Я не требую теперь вашего отвѣта... сейчасъ... Обдумайте, я умѣю ждать...

— Напрасный трудъ, Евгеній Константинычъ! Ради Бога, уходите... Васъ ищутъ тамъ. Слышите голосъ Прейна?

— Не уйду, пока вы не дадите мнѣ руки... Это будетъ доказательство, что вы меня простили, и... и подумайте о моемъ предложеніи.

Дѣвушка торопливо протянула свою руку и почувствовала съ страннымъ трепетомъ въ душѣ, какъ къ ея тонкимъ розовымъ пальцамъ прильнуло горячее лицо набаба и его бѣлокурые волосы обвили ее шелковой волной. Ее на мгновеніе охватило торжествующее чувство удовлетворенной гордости: набабъ пресмыкался у ея ногъ точно такъ же, какъ пресмыкались предъ нимъ сотни другихъ, такихъ же жалкихъ людей.

Когда Евгеній Константинычъ вернулся къ пылавшимъ огнямъ, онъ, къ своему удивленію, увидалъ Лушу, которая, сидя на бухарскомъ коврѣ, весело болтала о чемъ-то въ обществѣ доктора, Прейна и Прозорова. Чтобы не выдать своего похожденія, набабъ натянулъ замшевыя перчатки. Луша замѣтила этотъ маскарадъ и улыбнулась.

— Гдѣ это вы пропадали?—спрашивалъ Прейнъ, пытливо глядя на своего повелителя.

— Представьте себѣ, я чуть не заблудился...—весело отвѣтилъ набабъ, припоминая, какъ Луша вытирала его руки платкомъ.—Еще четверть часа— и я, кажется, погибъ бы въ этой трущобѣ.

Послышались вопросы и знаки участія; особенно взволновались дамы, которыя въ своей птичьей беззаботности и не подозрѣвали, что погибель была такъ близка. Лаптевъ, въ тонъ общему настроенію, разсказалъ самую фантастическую исторію своего путешествія въ какихъ-то камняхъ, а потомъ въ густомъ лѣсу. Въ заключеніе онъ взглянулъ на Лушу. Ихъ глаза встрѣтились. Набабу показалось, что онъ теперь понялъ эту странную дѣвушку, точно между нимъ и ей исчезла какая-то завѣса, раздѣлявшая ихъ до сихъ поръ. Она смотрѣла на него съ тѣмъ гордымъ чувствомъ собственности, какъ смотрятъ любящія женщины. Онъ показалъ ей глазами на свои перчатки; она отвернулась, чтобы скрыть освѣтившую лицо улыбку.

Теперь, спускаясь съ горы, набабъ съ удовольствіемъ перебиралъ въ своемъ умѣ подробности вчерашнихъ похожденій. Онъ переживалъ ту полноту и пріятную напряженность чувства, какихъ не даютъ продажныя женщины. Прейнъ ѣхалъ за нимъ и сосредоточенно насвистывалъ какую-то бравурную опереточную арію, что̀ въ переводѣ означало, что онъ о чемъ-то думаетъ самымъ серьезнымъ образомъ. Отъ его зоркаго взгляда не ускользнуло, что между Лушей и набабомъ произошло что-то очень важное: оба держали себя какъ-то неестественно, и Луша нѣсколько разъ задумчиво улыбнулась безъ всякой видимой причины. Старый грѣшникъ чувствовалъ себя непогрѣшимымъ въ извѣстнаго сорта дѣлахъ. Рано утромъ, когда набабъ еще спалъ, Прейнъ

замѣтилъ слѣды крови на снятыхъ перчаткахъ; это обстоятельство навело его еще на бо̀льшія сомнѣнія.

Планъ охоты на оленя заключался въ томъ, чтобы егерямъ и лѣсообъѣздчикамъ сначала окружить звѣря живой цѣпью, а потомъ выгнать его прямо на набаба. Кругъ изъ загонщиковъ растягивался верстъ на пять. Посланные впередъ развѣдчики донесли Майзелю, что звѣрь всталъ отъ оводовъ въ густую еловую заросль, которая тянулась сплошной гривой по одному изъ уваловъ Разсыпного Камня. За послѣднюю недѣлю былъ выслѣженъ, съ математической точностью, каждый шагъ обреченнаго на погибель звѣря. Это былъ великолѣпный десятирогій „быкъ", т.-е. самецъ, отдыхавшій послѣ весеннихъ удовольствій любви. Можно было пожалѣть только о томъ, что онъ за послѣднюю недѣлю, преслѣдуемый оводомъ, замѣтно спалъ съ тѣла.

Пока загонщики дѣлали свое дѣло, устроенъ былъ легкій привалъ у безыменнаго горнаго ключика, сочившагося ледяной струей изъ крутого отвала горы. Чтобы прежде времени не встревожить звѣря, было строго запрещено курить и разговаривать. Набабъ, вытянувшись на травѣ во весь ростъ, безмолвно смотрѣлъ въ голубое небо, гдѣ серебряными кружевами плыли туманные штрихи. Въ одномъ мѣстѣ круглилось и надувалось бѣлое грозовое облачко. Смѣшанный лѣсъ изъ сосенъ и березъ то начиналъ шумѣть ласковымъ шопотомъ, то сдержанно стихалъ. Солнце подобрало росу, и теперь въ сочной зеленой травѣ накоплялся дневной зной, копошились букашки и беззаботно кружились пестрые мотыльки; желтые, розовые и синеватые цвѣты пестрили живой коверъ травы, точно разсыпанные самоцвѣтные камни. Кусты жимолости и вереска выбирали самыя солнечныя мѣста, гдѣ почва накаливалась отъ зноя. Въ числѣ охотниковъ былъ и Родіонъ Антонычъ, тоже облекшійся въ охотничью куртку и высокіе сапоги; выбравъ мѣстечко на глазахъ набаба, онъ почтительно сидѣлъ на травѣ, не спуская глазъ со своего владыки, какъ вымуштрованный охотничій песъ.

— Готово...—шопотомъ проговорилъ Майзель, когда на опушкѣ ближайшаго лѣса показался приземистый бородатый лѣсообъѣздчикъ, первый плутъ и лучшій охотникъ.

Всѣ поднялись и осторожно пошли черезъ логъ пѣшкомъ. Лошади были оставлены. Евгеній Константинычъ несъ въ рукахъ короткій англійскій штуцеръ, заряженный самимъ Майзелемъ. Когда охотники были разставлены по мѣстамъ, мертвая тишина охватила все кругомъ. Набабъ стоялъ подъ прикрытіемъ развѣсистаго куста рябины; передъ нимъ легла глубокая поляна, по которой долженъ былъ пробѣжать вспугнутый звѣрь. Время тянулось съ ужасной медленностью. Гдѣ-то сухо треснулъ подъ ногой сучокъ. Комары лѣзли набабу въ носъ, въ ротъ, даже въ уши; онъ сначала отмахивался отъ нихъ рукой, а потомъ покорился своей участи и только въ крайнемъ случаѣ судорожно моталъ головой, какъ привязанная къ столбу лошадь. Майзель стоялъ отъ него шагахъ въ пятидесяти и чуткимъ, привычнымъ ухомъ ловилъ малѣйшій шорохъ. Сначала ничего нельзя было разобрать, но потомъ онъ убѣдился, что звѣрь поднятъ: олень почуялъ опасность и осторожнымъ шагомъ, нюхая воздухъ и настороживъ уши, шелъ вдоль лѣсистой гривки. Въ одномъ мѣстѣ „счакали" рога о дерево. Майзель, притаивъ дыханіе, впился глазами въ лѣсную чащу: звѣрь шелъ прямо на набаба и долженъ былъ пересѣчь лѣсную прогалину, которая была открыта для выстрѣла.

Красавецъ-олень дѣйствительно шелъ по направленію къ этой прогалинѣ, дѣлая легкіе прыжки черезъ поваленные стволы деревьевъ. Онъ чутко поводилъ ушами, откидывая рога на спину. Подозрительный шорохъ заста-

[illegible] здрагивать; горячіе большіе глаза смотрѣли тревожно. Звѣрь почуялъ [illegible] страшнаго врага—человѣка и теперь старался выбраться изъ засады. Опасность грозила изъ каждаго угла, олень чувствовалъ окружившихъ его людей съ такой же отчетливостью, какъ мы можемъ только видѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что единственное его спасеніе—это итти вдоль гривы. Но блеснувшая между деревьями прогалина заставила его остановиться на опушкѣ: онъ почуялъ, что врагъ совсѣмъ близко, и хотѣлъ вернуться, но въ это мгновеніе раздался сухой трескъ выстрѣла, и благородное животное, сдѣлавъ отчаянный прыжокъ впередъ, пало головой прямо въ траву. Изъ-за рябины, гдѣ стоялъ набабъ, взмыло кверху бѣлое облачко дыма.

— Молодецкій выстрѣлъ!—кричалъ Майзель, первымъ подбѣгая къ трепетавшему въ агоніи оленю. — Поздравляю, Евгеній Константинычъ... Могу сказать, что это выстрѣлъ!—двѣсти шаговъ... Да, молодецкій выстрѣлъ!

Около убитой жертвы сошлись всѣ охотники, торопливо дѣлая оцѣнку выстрѣлу.

— Теперь на коня!—скомандовалъ Майзель.—Господа, мы будемъ поздравлять Евгенія Константиныча на привалѣ...

Лѣсообъѣздчики явились съ лошадьми; оленя взялся доставить Родіонъ Антонычъ, не знавшій, чѣмъ выразить ему свое удивленіе предъ искусствомъ набаба.

— Что же ты меня не поздравляешь, Альфредъ?—обратился набабъ къ Прейну, который разсѣянно смотрѣлъ на пеструю толпу сбѣжавшихся егерей и лѣсообъѣздчиковъ.

— Ага... ничего!—отвѣтилъ Прейнъ.—Счастливый выстрѣлъ...

Майзель торжествовалъ и гордо закручивалъ свой сѣдой усъ; самое горячее его желаніе исполнилось: набабъ былъ доволенъ. Обратно охотники поѣхали другой дорогой и у подножія Разсыпного Камня, на одномъ поворотѣ лѣсной тропы, неожиданно увидали передъ собой громадный шатеръ, огни и все общество. Этотъ сюрпризъ былъ задуманъ тоже Майзелемъ, чтобы устроить чисто-охотничій привалъ. Дамы наперерывъ спѣшили поздравлять счастливаго охотника и даже поднесли ему букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. Въ общемъ взрывѣ радостнаго восторга не принимала участія только Луша.

— А вы, кажется, не раздѣляете общихъ чувствъ?—спрашивалъ ее набабъ, улучивъ свободную минуту.

— Прикажете тоже поздравлять? Это очень забавно! убить оленя, котораго лѣсообъѣздчики чуть не привязали за рога къ дереву... Удивительный подвигъ!..

— Я не видалъ васъ со вчерашняго дня...—понизивъ голосъ, проговорилъ набабъ.

— Немного отъ этого потеряли. Идите, пожалуйста, къ дамамъ, а то онѣ меня разорвутъ...

Привезенный олень явился апогеемъ торжества. Его освѣжевали, а мясо отдали поварамъ. Пиръ затѣвался на славу, а пока устроена была легкая закуска. Майзель съ замираніемъ сердца ждалъ этого торжественнаго момента и тономъ церемоніймейстера провозгласилъ:

— Господа, прошу отвѣдать хлѣба-соли!

Набабъ первымъ вошелъ въ палатку, гдѣ на столѣ изъ свѣжерасколотыхъ елей красовалась „маленькая“ охотничья закуска, т.-е. цѣлая батарея всевозможныхъ бутылокъ и затѣмъ ряды тарелокъ, тарелочекъ и закрытыхъ блюдъ съ какимъ-то очень таинственнымъ содержимымъ.

— Вотъ, могу вамъ рекомендовать, Евгеній Константинычъ,—съ скром-

нымъ достоинствомъ проговорилъ Майзель, собственноручно подавая набабу лежавшій на серебряномъ блюдѣ предметъ странной формы, что-то въ родѣ передней половины разношенной калоши:—самое охотничье кушанье...

— Что это такое?—удивился набабъ, осторожно пробуя вилкой темную губчатую массу.

— А вы попробуйте...

Отрѣзанный ломтикъ оказался необыкновенно тонкаго вкуса. Удивленный этимъ сюрпризомъ, набабъ съѣлъ второй ломтикъ и потомъ съ отчаяніемъ въ голосѣ проговорилъ:

— Хоть убейте, не могу опредѣлить, что это за штука... А чертовски-вкусная закуска! Прейнъ, попробуй!

— Это, Евгеній Константинычъ, позволю себѣ такъ выразиться, классическая охотничья закуска,—объяснилъ Майзель, даже покраснѣвшій отъ щедрой похвалы:—маринованная верхняя губа сохатаго...

— Благодарю и благодарю!—растроганно заявилъ набабъ и торжественно облобызалъ стараго охотника.—Разъ—благодарю за отличную охоту, а второе—за эту закуску...

Нужно ли говорить, что торжество Майзеля отразилось острой болью на душѣ у всѣхъ остальныхъ, особенно у Вершинина, который имѣлъ несчастіе думать въ теченіе цѣлыхъ двухъ сутокъ, что никто не можетъ придумать ничего лучше его ухи изъ живыхъ харюзовъ. Вотъ тебѣ и харюзы! Даже Сарматовъ, и тотъ, обнюхивая микроскопическій кусочекъ доставшейся на его долю классической охотничьей закуски и глубокомысленно вытаращивъ глаза, громко заявилъ, что, дѣйствительно, когда онъ былъ командированъ въ Архангельскую губернію, то въ теченіе трехъ лѣтъ питался одной маринованной губой сохатаго. Родіонъ Антонычъ торжествовалъ: союзники теперь побивали другъ друга... Отлично! Майзель никогда не проститъ Вершинину ухи изъ харюзовъ, а Вершининъ никогда не проститъ Майзелю маринованной губы.

„Отлично!—думалъ Родіонъ Антонычъ, потирая руки.—Вотъ такъ удружили... Ха-ха! Ахъ! нужно сейчасъ же послать Рансѣ Павловнѣ эстафету“.

Въ душѣ Ришелье затеплилась сладкая надежда, что все зданіе, съ такой дьявольской хитростью воздвигнутое руками Тетюева, разлетится прахомъ отъ такой простой вещи, какъ встрѣча ухи съ губой...

Послѣ трехъ рюмокъ водки, у Майзеля совсѣмъ сдѣлалось легко на душѣ, и онъ презрительно оглядывалъ всю остальную публику. Сарматовъ, прожевывая ломтикъ колбасы, разсказывалъ набабу самые удивительные случаи о своихъ охотничьихъ похожденіяхъ, а въ томъ числѣ и о собакахъ.

— Представьте себѣ, Евгеній Константинычъ,—ораторствовалъ онъ:—у меня была одна собака... Кстати, я знаю отличное средство, если кто боится собакъ: ни одна не укуситъ... Если вы идете, напримѣръ, по улицѣ, вдругъ навстрѣчу псина, четвертей шести, и прямо на васъ, а съ вами даже палки нѣтъ—положеніе самое некрасивое даже для мужчины; а между тѣмъ стоитъ только схватить себя за голову и сдѣлать такой видъ, что вы хотите ею, т.-е. своей головой бросить въ собаку—ни одна собака не выдержитъ. Честное слово... Я даже производилъ опыты съ однимъ тигромъ въ звѣринцѣ.

Сарматовъ показалъ примѣръ, какъ нужно трясти головой, но мнѣнія общества относительно заявленнаго средства раздѣлились.

— Вздоръ!—рѣшительно заявилъ Майзель.

— Честное и благородное слово, Николай Карлычъ! Хотите пари?

— Извольте, но съ условіемъ: я положу свое пальто, на пальто положу свою собаку—если вы возьмете изъ-подъ собаки пальто, вы выиграли.

— Идетъ!

Майзель торжественно разостлалъ на травѣ макинтошъ и положилъ на немъ свою громадную датскую собаку. Публика окружила мѣсто дѣйствія, а Сарматовъ для храбрости выпилъ рюмку водки. Дамы со страху попрятались за спины мужчинъ, но это было совершено напрасно: особенно страшнаго ничего не случилось. Какъ Сарматовъ ни трясъ своей головой, собака не думала бѣжать, а только скалила свои вершковые зубы, когда онъ дѣлалъ видъ, что хочетъ взять макинтошъ. Публика хохотала, и начались безконечныя шутки надъ трусившимъ Сарматовымъ.

— Это дрессированная собака, — оправдывался Сарматовъ, нимало не конфузясь.—Она только и умѣетъ, что лежать на вашемъ пальто...

— Дорого бы я далъ тому, кто подалъ бы мнѣ мой макинтошъ! — хвастался Майзель, упоенный своими побѣдами.—Господа, попробуйте!

Въ этотъ моментъ изъ толпы выдѣлился Родіонъ Антонычъ, подошелъ къ лежавшей собакѣ и прыснулъ на нее набранной въ ротъ водой. Захваленный песъ вскочилъ, поджалъ хвостъ и скрылся.

— Вотъ вашъ макинтошъ, Николай Карлычъ!—почтительно проговорилъ Родіонъ Антонычъ, подавая пальто Майзелю.

Старый охотникъ совсѣмъ опѣшилъ и не зналъ, что̀ ему отвѣтить. Публика тоже была очень смущена, но, когда набабъ засмѣялся, взрывъ дружнаго хохота былъ наградой находчивости Родіона Антоныча, который съ застѣнчивой улыбкой вытиралъ себѣ лицо платкомъ.

— Это нечестно! — отрубилъ наконецъ взбѣшенный общимъ хохотомъ Майзель.

— Успокойтесь, Майзель!—уговаривалъ расходившагося старика набабъ.— Этотъ господинъ поступилъ очень находчиво—и только... А Сарматовъ жестоко проврался! Я думалъ, что онъ совсѣмъ оторветъ себѣ голову... А какъ фамилія этого господина, который прогналъ вашу собаку?

— Сахаровъ,—сердито отвѣтилъ Майзель.

— Ага! Да, очень находчиво.

Поданный обѣдъ сгладилъ непріятныя послѣдствія этого маленькаго эпизода. На столѣ въ разныхъ видахъ фигурировалъ только-что убитый олень. Всѣ участвующіе, конечно, наперерывъ старались увѣрить другъ друга, что въ жизнь свою никогда и ничего вкуснѣе не ѣдали, что оленина въ жареномъ видѣ самое ароматное и тонкое блюдо, которое въ состояніи оцѣнить только люди „съ гастрономической жилкой“, что, вообще, испытываемое ими въ настоящую минуту наслажденіе ни съ чѣмъ не можетъ быть сравниваемо и т. д. Выпитое за охотничьей закуской вино замѣтно оживило все общество, и даже генералъ, видавшій лѣсъ и охотниковъ только на картинахъ, громко увѣрялъ Перекрестова, что и лѣсъ и охота отличныя вещи сами по себѣ. Секретари, занимавшіе постъ около „галокъ“, совершенно были согласны съ генераломъ; пьяный Летучій, особенно близко познакомившійся въ эту поѣздку съ Прозоровымъ, подтвердилъ слова генерала неожиданно вырвавшейся икотой. Вообще, всѣ имѣли особенное расположеніе къ веселящимъ напиткамъ. Прейнъ пилъ вмѣстѣ со всѣми, но не пьянѣлъ, а только замѣтно дѣлался глупѣе, что̀ ему и доказала самымъ очевиднымъ образомъ Нина Леонтьевна, запустивъ ему шпильку. Впрочемъ, Прейнъ не очень огорчился выходкой Нины Леонтьевны,—это была та необходимая доза житейской горечи, которая дѣлаетъ наше счастье настоящимъ счастьемъ. Онъ видѣлъ два чудные глаза, которые смотрѣли на него такимъ понимающимъ, почти говорящимъ взглядомъ и смотрѣли только на него одного, потому что всѣ остальные люди для этой пары глазъ были только необходимымъ балластомъ.

XXV.

— Я уѣзжаю!—объявила Нина Леонтьевна генералу самымъ рѣшительнымъ тономъ сейчасъ же послѣ охотничьяго завтрака.

Такой оборотъ дѣла поставилъ генерала въ совершенный тупикъ: ему тоже слѣдовало ѣхать за Ниной Леонтьевной, но Лаптевъ еще оставался въ горахъ. Бросить набаба въ такую минуту, когда предстоялъ осмотръ заводовъ, значило свести все дѣло на нѣтъ. Но никакія просьбы, никакія увѣщанія не привели ни къ чему, кромѣ самыхъ ѣдкихъ замѣчаній и оскорбленій.

— Неужели, Нина, стòитъ обращать вниманіе на глупую болтовню такого человѣка, какъ Прозоровъ?—говорилъ генералъ.—Обижаться его выходками—значитъ слишкомъ мало уважать себя...

— Оставимте этотъ разговоръ,—коротко высказала свою волю Нина Леонтьевна:—я теперь убѣдилась окончательно, насколько вы меня цѣните...

— Нина, ради Бога, въ какое ты ставишь меня положеніе?

— Вы сами себя ставите, а не я...—зашипѣла болванка. — Прозоровъ вашъ университетскій товарищъ, и вы такъ поставили себя съ нимъ, что онъ совершенно безнаказанно можетъ дѣлать, чтò хочетъ.

Съ логикой кровно обиженной женщины, Нина Леонтьевна обрушилась всей силой своего негодованія не на Прозорова, а на генерала, поставивъ ему въ вину рѣшительно все, чтò только можетъ придумать самая пылкая фантазія, такъ что въ концѣ концовъ генералъ почувствовалъ себя глубоко виновнымъ и даже не рѣшался просить прощенія. Притомъ всѣ дамы были за Нину Леонтьевну и тоже изъявили желаніе вернуться къ покинутымъ домашнимъ очагамъ, причемъ даже не трудились подыскать мало-мальски подходящихъ предлоговъ для такого коллективнаго протеста. M-me Дымцевичъ была величественна и неумолима, какъ фатумъ; m-me Сарматова держала своихъ юницъ за руки съ такимъ видомъ, точно ихъ невинности грозилъ самый воздухъ.

— Мы васъ, во всякомъ случаѣ, оставляемъ въ такомъ пріятномъ обществѣ,—говорила Нина Леонтьевна генералу уже отъ лица всѣхъ дамъ,—что вы, вѣроятно, не особенно огорчитесь нашимъ отъѣздомъ... Здѣсь останутся три особы, которыя имѣютъ всѣ данныя, чтобы утѣшить васъ всѣхъ...

— Нина, чтò ты говоришь?—взмолился генералъ.—Опомнись... Бросать грязью въ этихъ дѣвушекъ просто несправедливо!

— Mesdames, вы слышали?—обратилась Нина Леонтьевна къ своимъ сторонницамъ.—Я это знала впередъ!

Моментъ получился критическій, и интересы русскаго горнаго дѣла висѣли на волоскѣ. Генералъ колебался, оставаться ему здѣсь или послѣдовать за Ниной Леонтьевной. То и другое рѣшеніе могло имѣть неисчислимыя послѣдствія. Но Нина Леонтьевна пересолила, и генералъ, какъ это дѣлаютъ всѣ безхарактерные люди, махнулъ на все рукой. Будь чтò будетъ, а онъ останется въ горахъ, чтобы провезти Лаптева на обратномъ пути по всѣмъ заводамъ. Отъ такого варварскаго рѣшенія съ Ниной Леонтьевной сдѣлалось дурно, хотя въ душѣ она желала, чтобы генералъ остался въ горахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желала сорвать на немъ расходившуюся желчь.

— Чтò тутъ такое: революція?—вмѣшался Прейнъ, появляясь точно изъ-подъ земли.

— Да, мы хотимъ огорчить васъ и... уѣзжаемъ,—съ дѣланымъ смѣхомъ отвѣтила Нина Леонтьевна.—Не правда ли, это убьетъ васъ наповалъ? Ха-ха... Бѣдняжки!.. Оставляю генерала на ваше попеченіе, Прейнъ, а то, пожалуй,

съ горя онъ надѣлаетъ Богъ знаетъ что. Впрочемъ, виновата: генералъ высказывалъ здѣсь такія рыцарскія чувства, которыя не должны остаться безъ награды...

Прейнъ отлично понялъ, что хотѣла сказать Нина Леонтьевна, но, прищуривъ свои безцвѣтные глаза, только развелъ руками.

— Вы намъ испортите всю поѣздку, Нина Леонтьевна,—серьезно проговорилъ онъ, бросая окурокъ сигары въ траву.—Что-нибудь случилось?

— Ничего особеннаго... кромѣ того, что мы не желаемъ быть здѣсь лишними. Притомъ вамъ предстоитъ съ генераломъ еще столько серьезныхъ занятій... ха-ха! Нѣтъ, довольно, Прейнъ! я не желаю васъ мистифицировать: мы ѣдемъ просто потому, что въ горахъ слишкомъ холодно.

— Я передамъ Евгенію Константинычу, а съ своей стороны могу сказать только, что пароходъ сейчасъ ушелъ...

— Какъ ушелъ?

— Я уже сказалъ, что у васъ происходитъ какая-то революція: половина общества ужъ уѣхала, а теперь вы покидаете насъ...

Нина Леонтьевна побѣлѣла даже черезъ слой румянъ и бѣлилъ: Прейнъ предупредилъ и отправилъ дѣвицъ впередъ. Онъ сейчасъ послѣ завтрака передалъ m-lle Эммѣ, что имъ пора убираться во-свояси; m-lle Эмма сама думала объ этомъ и потащила за собой Анненьку. Перекрестовъ и Братковскій вызвались ихъ сопровождать. Къ этому веселому обществу присоединились Прозоровы и докторъ.

Положеніе дамъ получилось довольно некрасивое, но имъ больше ничего не оставалось, какъ только выдержать характеръ до конца. Пароходъ вернулся черезъ три часа, и всѣ дамы, простившись съ Евгеніемъ Константинычемъ, отправились къ пристани.

— Вы войдите въ мое положеніе,—говорилъ дамамъ на прощанье Евгеній Константинычъ, желавшій остаться любезнымъ до конца.—Вѣдь съ вашимъ отъѣздомъ я превращаюсь въ какую-то жертву въ рукахъ генерала, который хочетъ протащить меня по всѣмъ заводамъ...

Въ видѣ почетной стражи къ удалившимся дамамъ были приставлены „почти молодые люди“ и Летучій, который все время своего пребыванія въ горахъ проспалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Генералъ проводилъ дамъ до пристани, гдѣ еще получилъ въ видѣ задатка нѣсколько колкостей, какъ главный виновникъ всего случившагося.

— Слава Богу, однимъ грѣхомъ меньше,—шепнулъ Прейнъ набабу, когда генералъ вернулся на главную стоянку на Разсыпномъ Камнѣ.

— Что такое случилось, — я рѣшительно недоумѣваю!—не понималъ Лаптевъ.

— Самая обыкновенная исторія; по русской пословицѣ: семь топоровъ лежатъ вмѣстѣ, а два веретена врозь.

— Ага... Очень хорошая пословица. Семь топоровъ лежатъ врозь...

— Нѣтъ: вмѣстѣ.

— Да, да... Семь топоровъ вмѣстѣ... Очень остроумно сказано!..

Оставшись одни, всѣ почувствовали себя свободными, особенно мужья. Присутствіе женщинъ связывало общество, потому что самые лучшіе анекдоты приходилось разсказывать вполголоса и, главное, постоянно быть настороже, чтобы не сболтнуть чего-нибудь лишняго, а теперь всѣ сняли съ себя верхнее платье и остались въ однѣхъ рубашкахъ. Это было очень оригинально и приближало къ простотѣ окружавшей природы; притомъ и пить приходилось очень много, потому что какое значеніе можетъ имѣть природа для цивили-

зованнаго человѣка, если она не вспрыснута дорогимъ виномъ. Даже генералъ, и тотъ пилъ вмѣстѣ съ другими, чтобы разогнать тяжелое чувство ожидаемаго возмездія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поглядывая на Евгенія Константиныча, генералъ соображалъ, какъ онъ потащитъ на буксирѣ этого барчука высшей школы по всѣмъ заводамъ, а главное, въ Куржакъ, на знаменитый желѣзный рудникъ. Майзель, Вершининъ, Дымцевичъ и Сарматовъ замѣтно оживились и наперерывъ старались блистать самымъ непринужденнымъ остроуміемъ. Подъ шиханомъ лѣсообъѣздчиками была устроена на высокихъ козлахъ трапеція, и на ней „господа" показывали свою ловкость: Прейнъ вертѣлся, какъ клоунъ, и поражалъ всѣхъ живостью и силой своего сколоченнаго жилистаго тѣла. Остальные припоминали тоже кое-что изъ старины, и всякій въ свою долю старался влѣзть, по крайней мѣрѣ, на шестъ, чтобы не отстать отъ другихъ. Набабъ лежалъ на травѣ въ одной рубашкѣ и поощрялъ кувыркавшихся и потѣвшихъ добровольцевъ, потому что любилъ упражненія этого рода. И самъ онъ въ былыя времена тоже умѣлъ продѣлывать кое-что по части эквилибристики, но теперь зажирѣлъ и вообще сдѣлался тяжелъ на подъемъ.

— А вы, Родіонъ Антонычъ, что̀ не попробуете?—предлагалъ Прейнъ, когда всѣ успѣли продѣлать свои номера.

— Я-съ? Нѣтъ ужъ, Альфредъ Осипычъ, увольте...—взмолился Родіонъ Антонычъ, отмахиваясь обѣими руками.—Помилуйте, я ужъ старикъ, притомъ совсѣмъ почти слѣпой. Съ печи на полати едва перелѣзаю...

— Вретъ, все вретъ,—послышались голоса.—Какой онъ слѣпой! птицу въ летъ бьетъ! Нѣтъ, Родіонъ Антонычъ, пожалуйте!..

Въ общемъ хорѣ особенно энергично настаивалъ Майзель, который не могъ простить Родіону Антонычу его выходки съ собакой. Набабъ смѣялся надъ смутившимся Ришелье и тоже упрашивалъ его попытать счастья на трапеціи.

— Не могу-съ, Евгеній Константинычъ, вотъ какъ передъ Богомъ, не могу!—упирался Родіонъ Антонычъ, умиленно прижимая обѣ руки къ сердцу.

— Да вы попробуйте. Вѣдь прогнали же собаку Майзеля,—поощрялъ Лаптевъ, продолжая милостиво улыбаться.—На людяхъ и смерть красна... Притомъ мы здѣсь совершенно одни, дамъ нѣтъ.

Стоявшіе почтительно въ сторонкѣ лѣсообъѣздчики начали пересмѣиваться: дескать, влопался нашъ Родька, какъ онъ полѣзетъ на петлю. Общее вниманіе и градомъ сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ просьбы повергли Ришелье въ окончательное смущеніе, такъ что онъ готовъ былъ замолчать самымъ глупымъ образомъ и изъ-за какой-нибудь дурацкой гимнастики разомъ потерять все вниманіе, какое успѣлъ заслужить въ глазахъ набаба. Оставалось только лѣзть на трапецію, чтобы сверзиться оттуда мѣшкомъ для общей потѣхи; но въ это мгновеніе Родіона Антоныча осѣнила счастливая мысль, и онъ проговорилъ:

— Ей-Богу, Евгеній Константинычъ, не могу насчетъ трапеціи! А ежели вотъ на палкѣ тянуться или по-татарски бороться...

— Какъ это по-татарски?

— А такъ-съ, лежа, нога за ногу, а потомъ кто кого на голову поставитъ...

Эта идея очень понравилась набабу, и Прейнъ первый рѣшился вступить съ Ришелье въ оригинальное ратоборство. Они легли рядомъ на траву ногами къ головѣ и потомъ зацѣпили другъ друга ногой въ ногу; секретъ борьбы заключался въ томъ, чтобы давить скрюченной ногой ногу противника до тѣхъ поръ, пока тотъ не станетъ на голову. Получалась очень комичная

сцена, и набабъ хохоталъ отъ души, когда Прейнъ и Родіонъ Антонычъ надувались и краснѣли, стараясь осилить другъ друга. Наконецъ, къ общему удовольствію, Прейнъ кубаремъ полетѣлъ черезъ голову, и ловкость Родіона Антоныча покрылась общими аплодисментами. Лѣсообъѣздчики рты разинули отъ удивленія, какъ ловко Родька обтяпалъ барина. Ай-да Родивонъ Антонычъ, придумалъ штуку, почище господской петли.

— Это очень интересно!—восклицалъ Евгеній Константинычъ, крайне довольный новой забавой.—Ну-ка, Родіонъ Антонычъ, со мной...

Это предложеніе заставило Родіона Антоныча въ первое мгновеніе оторопѣть. Онъ даже потеръ себѣ глаза: но нѣтъ, это была не галлюцинація, а Лаптевъ уже растянулся на травѣ и поднялъ ногу.

— Евгеній Константинычъ... ей-Богу, не могу-съ! не смѣю!..—залепеталъ Родіонъ Антонычъ.

— Ничего, вздоръ!—рѣшилъ Прейнъ, прихрамывая и щупая затылокъ.— Прямо меня на голову поставилъ...

Родіона Антоныча насильно уложили рядомъ съ Лаптевымъ и заставили зацѣпить ногой барскую ногу. Бѣдный Ришелье только сотворилъ про себя молитву и даже закрылъ глаза со страху. Лаптевъ былъ сильнѣе въ ногахъ Прейна, но, какъ ни старался и ни надувался—въ концѣ концовъ оказался побѣжденнымъ, хотя Родіонъ Антонычъ и не поставилъ его на голову.

— Молодецъ!..—хвалилъ Евгеній Константинычъ, поднимаясь съ земли.— Право, я не подозрѣвалъ, что такъ можно бороться. Какъ жаль, что здѣсь нѣтъ Летучаго, а то его слѣдовало бы поставить на голову разъ пять... Ха-ха! Вы, Родіонъ Антонычъ, можетъ-быть, еще что-нибудь умѣете?

— Нѣтъ-съ, Евгеній Константинычъ, больше ничего не умѣю... Развѣ вотъ на палкѣ тянуться, а то вѣдь я все по письменной части.

Новый успѣхъ Родіона Антоныча покоробилъ Майзеля, и онъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Дурацкая штука... глупость!..

Генералъ тоже былъ недоволенъ дѣтскимъ легкомысліемъ набаба и только пожималъ плечами. Что̀ это такое въ самомъ дѣлѣ? Владѣлецъ заводовъ— и подобныя сцены... Нужно быть безнадежнымъ идіотомъ, чтобы находить удовольствіе въ этомъ дурацкомъ катаньи по травѣ. Между тѣмъ время летитъ, дорогое время, каждый часъ котораго является прорѣхой въ интересахъ русскаго горнаго дѣла. Завтра нужно ѣхать на заводы, а эти господа утѣшаются Богъ знаетъ чѣмъ!

— Генералъ, вы что̀ такъ насупились?—спрашивалъ Лаптевъ, замѣтивъ недовольную мину.—Не сердитесь, голубчикъ... Завтра раннимъ утромъ отправляемся въ Куржакъ, и тамъ можете дѣлать со мной, что̀ хотите. Не правда ли, Прейнъ?

Погода была великолѣпная, точно сама природа благопріятствовала успѣхамъ прогрессировавшаго русскаго горнаго дѣла. Вотъ уже третью ночь все общество проводило въ горахъ, и какую ночь—хоть картину пиши! Вечеромъ солнце сѣло по всѣмъ правиламъ искусства: оно точно утонуло золотымъ шаромъ въ пылавшемъ морѣ крови, разливая по небу столбы колебавшихся розовыхъ тѣней. Опять звѣздная бездна надъ головой, опять душистая прохлада сѣверной ночи; кругомъ опять призраки и узорчатыя тѣни по горамъ, а въ самой выси, гдѣ небо раздавалось и круглилось куполомъ, легли широкія воздушныя полосы набѣжавшихъ откуда-то облачковъ, точно кто мазнулъ по небу исполинской кистью. Эти облачка сильно безпокоили Майзеля. Еще предстояло взять дупелиное болото, потомъ провѣдать медвѣдя—и вдругъ дождь,

самый обыкновенный, глупѣйшій дождь, который можетъ зарядить дня на два! Что̀ можетъ быть обиднѣе? Родіонъ Антонычъ думалъ то же, расположившись на ночь около огонька. Онъ пережилъ столько въ послѣднія сутки, что долго не могъ успокоиться и все щупалъ свою ногу, которая удостоилась прикасаться къ ногѣ Евгенія Константиныча... Вѣдь вотъ, поди жъ ты, кто бы, кажется, могъ придумать такую штуку!.. Да, боролся съ самимъ Евгеніемъ Константинычемъ и былъ замѣченъ, на зло всѣмъ окружавшимъ Родіона Антоныча врагамъ. Если разобрать, что̀ онъ такое въ этой компаніи: червь, моль, былинка, колеблемая вѣтромъ! Онъ не умѣлъ разсказывать пикантныхъ анекдотовъ, не умѣлъ придумывать новыхъ кушаній—и вдругъ собака Майзеля и татарская борьба сразу подняли его на небывалую высоту! Зато теперь всѣ грызутъ на него зубы—и Вершининъ, и Дымцевичъ, и Майзель, и Сарматовъ. Особенно Майзель, который съ чисто-нѣмецкой аккуратностью не умѣлъ прощать обидъ. Но что̀ они всѣ значили, даже взятые вмѣстѣ, передъ вниманіемъ Евгенія Константиныча, который изволилъ собственной ногой зацѣпить его рабью лапу? Вотъ-то обрадуется Раиса Павловна, когда узна̀етъ! А Прейнъ, шельма этакая, только улыбается, а того не подумаетъ, каково было ему, Родіону Антонычу, единоборствовать съ Евгеніемъ Константинычемъ. И во снѣ Ришелье нѣсколько разъ осторожно и съ благоговѣніемъ приподнималъ осчастливленную ногу, точно эта нога составляла уже не часть его тѣла, а самъ онъ составлялъ всѣмъ своимъ существомъ только ничтожный придатокъ къ этой ногѣ.

Къ утру вспрыснулъ легкій дождь, напугавъ всѣхъ, но этотъ страхъ былъ совершенно напрасенъ. Дождь только освѣжилъ траву и лѣсъ, и солнце взошло съ небывалой пышностью. Предразсвѣтная туманная полоса, пеленавшая востокъ, точно дала широкую трещину, отъ которой все небо раскололось на миріады сквозившихъ розовымъ золотомъ щелей. Неудержимый потокъ свѣта залилъ все небо, заставивъ спавшую землю встрепенуться малѣйшей фиброй, точно кругомъ завертѣлись миріады невидимыхъ колесъ, валовъ и шестерней, заставлявшихъ подниматься кверху ночной туманъ, сушившихъ росу на травѣ и передававшихъ рядомъ таинственныхъ процессовъ свое движеніе всему, что̀ кругомъ зеленѣло, пищало и стрекотало въ травѣ и разливалось въ лѣсу тысячами музыкальныхъ мелодій. Нужно было такому чуду свершаться исправно каждый день, чтобы люди смотрѣли на него, ковыряя пальцемъ въ носу, какъ смотрѣлъ набабъ и его приспѣшники, которымъ утро напоминало только о новой ѣдѣ и новомъ питьѣ.

Для охотничьяго утра набабъ проснулся очень поздно, потому что вчера цѣлый день слишкомъ много пилъ и ѣлъ; Прейну стоило большого труда растолкать его, причемъ оба ругались на трехъ языкахъ. М-ръ Чарльзъ ожидалъ пробужденія своего повелителя съ цѣлымъ арсеналомъ принадлежностей туалета и холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ смотрѣлъ на суетившуюся толпу управителей. Осѣдланныя лошади нетерпѣливо грызли удила, фыркали и взрывали землю копытами. Генералъ съ сигарой въ зубахъ шагалъ по росистой травѣ, заложивъ руки за спину; онъ тоже поднялся не въ духѣ, потому что въ его профессорскомъ тѣлѣ сказалась чисто-профессорская болѣзнь. Въ сторонкѣ отъ главной стоянки распоряжался Майзель, отдавая приказанія лѣсообъѣздчикамъ; онъ былъ великолѣпенъ всей своей пѣтушиной, надутой фигурой, заученными солдатскими жестами и вообще всей той выправкой, какая бросается въ глаза на плохихъ гравюрахъ изъ военной жизни. Изъ лѣсообъѣздчиковъ Майзель хотѣлъ выбить какой-то эскадронъ, точно готовился сейчасъ летѣть въ атаку.

— Генералъ сердится...—объяснилъ Прейнъ, когда набабъ снова безсильно опустилъ поднятую голову на подушку.—Наконецъ будетъ жарко, и охота пропадетъ. Теперь самый разъ отправляться...

— Я сейчасъ...—бормоталъ набабъ, натягивая на себя одѣяло.—А на генерала мнѣ наплевать... Вотъ еще мило: каторжный какой дался вамъ!

Прошелъ еще часъ, пока Евгеній Константинычъ, при помощи Чарльза, пришелъ въ надлежащій порядокъ и показался изъ своей избушки въ охотничьей курткѣ, въ сѣрой шляпѣ съ ястребинымъ перомъ и въ лакированныхъ ботфортахъ. Генералъ поздоровался съ нимъ очень сухо и только показалъ глазами на стоявшее высоко солнце; Майзель тоже морщился и передергивалъ плечами, какъ человѣкъ, привыкшій больше говорить и даже думать одними жестами.

— Извините, господа,—говорилъ Евгеній Константинычъ, усаживаясь за завтракъ изъ холодной дичи.—Мы еще успѣемъ... А гдѣ у меня Brunehaut?

Собаку-фаворитку привезли только наканунѣ, и она съ радостнымъ визгомъ принялась прыгать около хозяина, вертѣла хвостомъ и умильно заглядывала набабу прямо въ ротъ. Другія собаки взвизгивали на сворахъ у егерей, подтянутыхъ и вычищенныхъ, какъ картинки. Сегодня была приготовлена настоящая парадная охота, и серебряный охотничій рогъ уже трубилъ два раза сборъ.

— Замѣчательная собака!—говорилъ Лаптевъ, лаская своего понтера.—Какую стойку дѣлаетъ! Разъ выдержала дупеля часъ съ четвертью. Такихъ собакъ только двѣ по всей Россіи: у меня и у барона N.

— А сколько она стоитъ?—любопытствовалъ кто-то.

— Вздоръ... Тысячи двѣ, кажется.

— Ровно двѣ тысячи,—подтвердилъ Прейнъ.

Наконецъ и завтракъ былъ конченъ. Серебряный рогъ протрубилъ сборъ въ третій разъ, и Майзель скомандовалъ на коня. До Куржака было верстъ двадцать, но приходилось ѣхать верхомъ. Генералъ тоже взмостился въ сѣдло и неловко держалъ поводья обѣими руками, точно посаженная на лошадь монахиня; Родіонъ Антонычъ оказался верхомъ на мохноногомъ горбоносомъ киргизѣ. Около него вертѣлся и прыгалъ его сетеръ „Зарѣзъ", который до настоящей минуты находился на строгомъ попеченіи лѣсообъѣздчиковъ. Вся охотничья кавалькада длиннымъ хвостомъ потянулась по западному склону горы, спускаясь по извилистой горной тропинкѣ.

Когда съѣхали съ Разсыпного Камня, тропинка расширилась, такъ что можно было ѣхать двоимъ въ рядъ. Генералъ воспользовался этимъ случаемъ и, выровнявъ своего скакуна съ англійской охотничьей лошадью набаба, принялся отчитывать ему по части тѣхъ проклятыхъ экономическихъ вопросовъ, которые никогда не выходили изъ генеральской головы. Набабъ слушалъ молча и наблюдалъ за движеніемъ ушей своей лошади, которая чутко прислушивалась къ каждому шороху, вздрагивала и напряженно взмахивала своимъ куцымъ англизированнымъ хвостомъ. Увлекшись своей рѣчью, генералъ не хотѣлъ замѣчать, что Евгеній Константинычъ думаетъ совсѣмъ о другомъ и только дѣлаетъ видъ, что внимательно слушаетъ его.

— Теперь важно на самомъ дѣлѣ провѣрить наши теоретическія построенія,—ораторствовалъ генералъ, неловко повторяя своимъ тѣломъ тяжелый прыжокъ лошади черезъ ямы.—Увидѣвъ заводы, фабрики и фабричныхъ рабочихъ, я многое уяснилъ себѣ, что раньше являлось только отвлеченнымъ понятіемъ, логической выкладкой... На заводы нужно смотрѣть, какъ на одну громадную машину, гдѣ главной двигающей силой, къ сожалѣнію, остаются

рабочія руки. Это варварство съ одной стороны, а съ другой—слабое мѣсто всякой промышленности. Именно эта живая сила составляетъ основаніе всѣхъ недоразумѣній, а потому задача всѣхъ крупныхъ предпринимателей—какъ возможно шире примѣнять механическіе двигатели: воду, паръ, электричество наконецъ. Я не хочу этимъ сказать, что нужно сокращать количество рабочихъ: нѣтъ, до этого мы не доживемъ, слава Богу, потому что наша фабричная промышленность собственно еще въ зародышѣ. Но важно предупредить печальное недоразумѣніе, т.-е. перевѣсъ предложенія рабочихъ рукъ надъ спросомъ. Россія въ этомъ случаѣ стоитъ, по сравненію съ Западной Европой, въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ, и для нея рабочій вопросъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, только вопросъ отдаленнаго будущаго. Печальный примѣръ болѣе цивилизованныхъ государствъ долженъ намъ служить указаніемъ не повторять чужихъ заблужденій, хотя Наполеонъ I и сказалъ, что чужія ошибки не дѣлаютъ насъ умнѣе.

— Да, да...—соглашался машинально набабъ, думая совсѣмъ о другомъ.

Онъ почему-то теперь вспомнилъ о Лушѣ и разсердился на Прейна, который не умѣлъ удержать дамъ въ горахъ. Что онѣ ссорятся и интригуютъ между собой, такъ это слишкомъ старая исторія, чтобы обращать на нее вниманіе или не умѣть помирить враждующія стороны. Собственно, набабъ даже не зналъ, въ чемъ дѣло, и не интересовался знать, но сердился на Прейна, который обязанъ былъ предвидѣть и предупредить отъѣздъ Луши. Пикантная это дѣвочка, и что-то въ ней есть такое, чего нѣтъ въ другихъ. Трудно сказать что̀, но именно вотъ этого теперь и недостаетъ Евгенію Константинычу. Притомъ, что̀ этотъ генералъ пристаетъ къ нему съ разсужденіями, точно впереди мало времени... Воображеніе набаба рисовало смѣлый и типичный образъ дѣвушки, которая не выходила у него изъ головы и точно дразнила его своей улыбкой.

— Евгеній Константинычъ, сейчасъ будетъ болото,—отрапортовалъ Майзель, подъѣзжая на рыжемъ иноходцѣ.

— Ага!

— Нужно спѣшиться, Евгеній Константинычъ, а то мы распугаемъ птицу.

Егеря и лѣсообъѣздчики уже спѣшились и, выстроившись въ двѣ шеренги, съ вытянутыми лицами ожидали дальнѣйшихъ приказаній. Лошади фыркали и отмахивались хвостами отъ овода, собаки обнюхивали траву и сильно натягивали своры. Устроился импровизированный охотничій привалъ, хотя огня не раскладывали изъ опасенія испугать дичь.

Передавъ лошадей егерямъ, охотники, подъ предводительствомъ Майзеля, побрели по болоту, которое свѣтилось черезъ жидкій перелѣсокъ. Подъ ногами сосала и чмокала вода; болотныя кочки торчали травянистыми вихрами. Рѣдкій болотистый ельникъ скоро разступился и открылъ довольно широкое болото, очевидно, образовавшееся изъ лѣсного озера; почва зыбко качалась подъ тяжестью проходившихъ людей, а самая средина была затянута высокой желтоватой травой, надъ которой пискливо звенѣли комары. У опушки лѣса всѣ остановились и осмотрѣли ружья. Евгеній Константинычъ былъ съ легкой бельгійской двустволкой, которая блестѣла на солнцѣ своими полированными стволами съ насѣчкой. Brunehaut, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и виляя хвостомъ, ожидала приказанія.

— Cherche!—тихо послалъ собаку набабъ и самъ пошелъ за ней въ болото.

Уткнувъ носъ въ землю и вытянувъ хвостъ палкой, красавица Brunehaut шла впереди съ той граціей, съ какой ходятъ только кровные понтеры;

она едва касалась земли своими тонкими и сильными ногами, вынюхивая каждую кочку. Только истинные охотники поймутъ торжественность наступившаго момента, и даже набабъ испытывалъ пріятное волненіе, наблюдая каждое движеніе искавшей собаки. Вотъ она припала носомъ къ одному мѣсту и слабо вильнула хвостомъ—значитъ, напала на слѣдъ дупеля; вотъ сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, приподняла переднюю ногу, вытянулась и точно застыла въ живописной позѣ. Раздалось: пиль! Дупель мягко вспорхнулъ изъ-подъ самаго носа собаки и, жалко кувырнувшись въ воздухѣ, такъ же мягко упалъ въ траву. Дымъ и громъ выстрѣла вспугнули еще двухъ дупелей, которые перелетѣли въ другой конецъ болота. Охота началась счастливымъ выстрѣломъ, и набабъ положилъ въ свой ягдташъ теплую птицу, пестренькія красивыя перышки которой были запачканы розовыми пятнами свѣжей крови.

Скоро лѣсъ огласился громкимъ хлопаньемъ выстрѣловъ: дупеля оторопѣли, перепархивали съ мѣста на мѣсто, собаки дѣлали стойку, и скоро у всѣхъ участниковъ охоты ягдташи наполнились дичью. Родіонъ Антонычъ тоже стрѣлялъ, и его Зарѣзъ работалъ на славу; въ результатѣ оказалось, что онъ убилъ больше всѣхъ, потому что стрѣлялъ въ летъ безъ промаха.

— Ого, да вы настоящій охотникъ!—похвалилъ его Прейнъ, усаживаясь на кочку.

— Какой ужъ я охотникъ!—скромничалъ Ришелье, польщенный этой похвалой.—Вотъ Евгеній Константинычъ ужъ точно: дохнуть не дадутъ.

Послѣ часовой охоты, всѣ присѣли отдохнуть. Началась провѣрка добычи и оцѣнка достоинствъ стрѣлковъ. Сарматовъ убилъ меньше всѣхъ, но божился, что въ молодости убивалъ въ летъ ласточекъ пулей. Майзель расхвалилъ Brunehaut, которая такъ и просилась снова въ болото; генералъ разсматривалъ съ сожалѣніемъ убитыхъ красивыхъ птичекъ и удивлялся про себя, что̀ люди могутъ находить пріятнаго въ этомъ избіеніи беззащитной и жалкой въ своемъ безсиліи пернатой твари.

— У меня была собака,—разсказывалъ Сарматовъ, размахивая руками,—понтеръ розовой масти... Увѣряю васъ: настоящей розовой. Это крайне рѣдкій случай. И что̀ же: эта собака разъ выдержала трехчасовую стойку... Нынче ужъ такихъ собакъ нѣтъ.

— Моя Brunehaut выдержитъ часъ,—замѣтилъ Лаптевъ, лаская собаку.

— Нѣтъ, не выдержитъ!—посомнѣвался кто-то.—Она теперь устала и разгорячилась.

— Выдержитъ.

Набабъ поднялся и послалъ собаку снова въ болото; черезъ нѣсколько минутъ Brunehaut сдѣлала стойку. Майзель досталъ часы и замѣтилъ время. Воцарилась напряженная тишина, которая нарушалась только сдержаннымъ шопотомъ. Оставивъ собаку, Евгеній Константинычъ развалился на травѣ съ самоувѣренной улыбкой. Но не прошло двадцати минутъ, какъ Brunehaut не выдержала и спугнула дупеля. Раздался смѣхъ, и взбѣшенный набабъ пустилъ вдогонку сконфуженной Brunehaut зарядъ бекасинника, который заставилъ ее дико взвыть и кубаремъ покатиться по травѣ. Ошеломленная болью, собака визжала самымъ неистовымъ образомъ и отчаянно трясла своими шелковыми ушами, въ которыя впился бекасинникъ.

— Послушайте, Евгеній Константинычъ, это наконецъ варварство!—вспылилъ генералъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.—Можно дѣлать, что̀ угодно, но этому... этому я не приберу даже подходящаго названія!

Взбѣшенный набабъ тоже поблѣднѣлъ и, взглянувъ на генерала удивлен-

ными, широко-раскрытыми глазами, что-то коротко сказалъ Прейну по-англійски; но генералъ не слышалъ его словъ, потому что прямо черезъ болото отправился на дымокъ привала. Brunehaut продолжала оглашать воздухъ отчаянными воплями.

— Это невозможно!—по-англійски же отвѣтилъ Прейнъ набабу, укоризненно качая головой.

— А если я не желаю ѣхать дальше? Могу же я позволить себѣ хоть одно желаніе.

— Да, въ другое время, а не теперь,—настаивалъ Прейнъ.—Вы разстроите своимъ капризомъ весь планъ нашей поѣздки.

— Ни шагу дальше, и сейчасъ же домой! — капризно повторилъ набабъ.—Вы съ генераломъ дѣлаете изъ меня какого-то несчастнаго дупеля...

— Да вѣдь это ребячество! Продержать генерала въ горахъ трое сутокъ, обѣщать ѣхать по всѣмъ заводамъ и вернуться ни съ чѣмъ... Вы не правы уже потому, что откладываете поѣзду изъ-за пустяковъ. Погорячились, изуродовали собаку, а потомъ капризничаете, что генералъ сказалъ вамъ правду въ глаза.

— Я уже слишкомъ много правды слышалъ отъ генерала. Но что̀ вы хотите наконецъ отъ меня? Собственно, онъ меня оскорбилъ, а не я его... Я, впрочемъ, могу извиниться передъ генераломъ, но дальше не поѣду, хоть зарѣжьте.

Какъ ни уговаривалъ Прейнъ, какъ ни убѣждалъ, какъ ни настаивалъ, какъ ни ругался—все было напрасно, и набабъ съ упрямствомъ балованнаго ребенка стоялъ на своемъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ, какіе перешли къ Евгенію Константиновичу по наслѣдству отъ его ближайшихъ предковъ, отличавшихся большой эксцентричностью. Разсерженный и покраснѣвшій Прейнъ нѣсколько мгновеній пристально смотрѣлъ на обрюзгшее, апатичное лицо набаба, уже погрузившагося въ обычное полусонное состояніе, и только сердито плюнулъ въ сторону.

XXVI.

Поѣздка въ горы перепутала окончательно всѣ ходы, такъ что друзья и противники перестали понимать другъ друга. Сначала, безъ сомнѣнія, все было на сторонѣ партіи Тетюева: во-первыхъ, Раиса Павловна оставалась дома, потомъ рядъ блестящихъ гастрономическихъ побѣдъ, удачная охота на оленя... Но въ моментъ, когда „мой Майзель“ былъ на верху торжества, все зданіе, возведенное съ такимъ трудомъ, пошатнулось въ самомъ основаніи: сначала подвелъ Родіонъ Антонычъ съ собакой, потомъ Прозоровъ угостилъ Нину Леонтьевну, далѣе татарская борьба того же Родіона Антоныча и наконецъ зарядъ бекасинника по Brunehaut, произведшій рѣзкую размолвку между генераломъ и набабомъ. Обиднѣе всего было то, что безголовый Прейнъ разсказалъ набабу эпизодъ съ Прозоровымъ, и набабъ хохоталъ надъ Ниной Леонтьевной. Такимъ образомъ надежды и упованія партіи Тетюева значительно поблѣднѣли и потеряли прежнее обаяніе, а извѣстно, какъ много значитъ въ каждомъ дѣлѣ вѣра въ собственныя силы. Если генералъ не удержится на прежней высотѣ, тогда трудно было предвидѣть будущее.

Генералъ вернулся изъ-подъ Разсыпного Камня одинъ, а за нимъ слѣдомъ пріѣхалъ и Евгеній Константинычъ въ сопровожденіи всей свиты. Заводы остались неосмотрѣнными, да объ этомъ теперь никто и не заботился, даже самъ генералъ, который, кажется, махнулъ на все рукой. Добитая лѣсообъѣздчиками Brunehaut явилась камнемъ преткновенія, черезъ которое рус-

ское горное дѣло никакъ не могло переползти. Однако Прейнъ не дремалъ. Этотъ человѣкъ не переносилъ скандаловъ и рѣзкихъ выходокъ и поэтому скоро довелъ набаба до того, что тотъ высказалъ желаніе не только примириться съ генераломъ, но и извиниться. Съ другой стороны, генералъ, обсудивъ хладнокровно свою выходку, совершенно безупречную въ нравственномъ смыслѣ, нашелъ, что рѣзкій тонъ этой выходки былъ подготовленъ въ немъ непріятнымъ отъѣздомъ Нины Леонтьевны, слѣдовательно онъ былъ несправедливъ къ набабу, который поступилъ такъ же, какъ дѣлаютъ другіе охотники. Губить горное русское дѣло изъ-за такихъ пустяковъ, во всякомъ случаѣ, не стоило, тѣмъ болѣе, что столько уже было сдѣлано, и оставалось только подвести итоги.

— Извините, генералъ...—добродушно проговорилъ набабъ, являясь въ генеральскій флигель въ сопровожденіи Прейна.—Мнѣ самому жаль бѣдной Brunehaut. Погорячился.

Эта искренность растрогала генерала, и онъ съ чувствомъ пожалъ протянутую руку набаба.

— Оставимте это, Евгеній Константинычъ, — отвѣтилъ онъ. — Говоря откровенно, и я не совсѣмъ былъ правъ, хотя и не виноватъ... Однимъ словомъ, пустяки и вздоръ, о которомъ не хочется вспоминать; а чтобъ загладить непріятное впечатлѣніе этихъ пустяковъ, займемтесь дѣломъ серьезно. Времени уже много потеряно...

— О, да, да! Непремѣнно займемтесь!—съ живостью подтвердилъ Евгеній Константинычъ.—Я буду радъ... Главное, все разомъ покончить, не откладывая въ долгій ящикъ.

— Постараемся покончить,—соглашался генералъ.

Примиреніе набаба съ генераломъ разрѣшило всѣ сомнѣнія и опять придало храбрости унывавшимъ „тетюевцамъ“, какъ ихъ называлъ Прозоровъ. Но это была только одна сторона медали. За визитомъ къ генералу послѣдовалъ визитъ набаба къ Раисѣ Павловнѣ. Конечно, всѣ отлично понимали, зачѣмъ Евгеній Константинычъ сдѣлалъ этотъ второй визитъ,—ужъ, конечно, не для самой Раисы Павловны, а для Луши. Эта игра была слишкомъ очевидна даже для непосвященныхъ; поэтому ей и не придали особенно важнаго значенія. Дѣйствительно, набабъ встрѣтилъ у Раисы Павловны Лушу и замѣтно обрадовался этой встрѣчѣ.

— Какъ ваше здоровье, Раиса Павловна?—освѣдомлялся Евгеній Константинычъ съ небывалой вѣжливостью.—Право, оно меня начинаетъ сильно безпокоить...

— Ахъ, отстаньте, пожалуйста! Охота вамъ обращать вниманіе на насъ, старухъ,—довольно фамильярно отвѣтила Раиса Павловна, насквозь видѣвшая набаба.—Старыя бабы, какъ худые горшки, вѣчно дребезжатъ. Вы лучше разскажите о своей поѣздкѣ. Я такъ жалѣю, такъ жалѣю, что не могла принять въ ней участіе. Всѣ говорятъ, какъ вы отлично стрѣляли...

Луша сидѣла на стулѣ рядомъ съ Раисой Павловной и при послѣднихъ словахъ едва замѣтно улыбнулась. Она точно выросла и возмужала за послѣднее время и держалась съ самой непринужденной простотой, какая дается другимъ только путемъ мучительной дрессировки. Набабъ замѣтилъ улыбку Луши и тоже улыбнулся: они понимали другъ друга безъ словъ.

— Эта поѣздка для меня лично явилась рядомъ неудачъ,—отвѣтилъ набабъ, бросая въ глазъ, неизвѣстно зачѣмъ, монокль.—Единственнымъ объясненіемъ этихъ неудачъ является, Раиса Павловна, только ваше отсутствіе.

— Ахъ! какъ это трогательно, Евгеній Константинычъ.

— Увѣряю васъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что мы чуть не разодрались съ генераломъ, вѣрнѣе, чуть онъ меня не поколотилъ...

— И слѣдовало бы поколотить: зачѣмъ стрѣляли въ собаку,—замѣтила Луша съ серьезнымъ видомъ.—Вотъ чего никогда, никогда не пойму... Убить беззащитное животное—что̀ можетъ быть хуже этого?..

Поднявъ плечи, Луша вызывающе посмотрѣла на набаба злыми глазами. Эта смѣлость испугала Раису Павловну, но набабъ только улыбнулся и съ лѣнивой улыбкой, играя своимъ стеклышкомъ, проговорилъ:

— Скажите, вы не будете на меня въ претензіи, если я васъ буду называть такъ же, какъ Раиса Павловна? А то ваше имя такое длинное и мудреное, что языкъ вывихнешь... Вы позволяете, Раиса Павловна? Я хотѣлъ сказать, что вы, m-lle Луша, были причиной смерти бѣдной Brunehaut. Если бы вы такъ внезапно не уѣхали, собака была бы жива... Представьте себѣ, Раиса Павловна, наше положеніе: вдругъ всѣ дамы бросаютъ насъ въ лѣсу на произволъ судьбы. Съ горя мы пили цѣлую ночь, потомъ дурачились, а конецъ вамъ извѣстенъ. Говоря по справедливости, насъ и обвинять нельзя, а меня въ особенности. Я слишкомъ былъ огорченъ, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ собственныхъ поступкахъ.

Набабъ былъ любезенъ, какъ никогда, шутилъ, смѣялся, говорилъ комплименты и вообще держалъ себя совсѣмъ своимъ человѣкомъ, такъ что отъ такого счастія у Раисы Павловны закружилась голова. Даже эта опытная и испытанная женщина немного чувствовала себя не въ своей тарелкѣ съ глазу на глазъ съ набабомъ и могла только удивляться самообладанію Луши, которая положительно превосходила всѣ ея самыя смѣлыя ожиданія: эта дѣвчонка положительно забрала въ руки набаба.

Они сидѣли въ небольшой голубой гостиной, изъ которой стеклянная дверь вела на садовую веранду. Обитая голубымъ атласомъ съ желтыми шнурами мягкая мебель, маленькій диванъ со стеганой спинкой, въ родѣ раковины, шелковыя тяжелыя драпировки, нѣсколько экзотическихъ растеній по угламъ, мраморныя группы у одной стѣны—все это такъ пріятно гармонировало съ лѣтнимъ задумчивымъ вечеромъ, который вносилъ въ открытую дверь пахучую струю садовыхъ цвѣтовъ. Сильно пахло левкоями, которые Раиса Павловна особенно любила. Лучи закатывавшагося солнца лѣниво бродили по паркетному полу разсѣянной золотой пылью, которая ярко вспыхивала на бронзовыхъ бра, на ручкахъ дверей и тонкихъ золотыхъ багетахъ. Набабъ сидѣлъ на стулѣ, заложивъ нога за ногу, и легонько раскачивался, когда начиналъ смѣяться; лѣтняя пара изъ шелковой матеріи, цвѣта смуглой южной кожи, обрисовывала его сильное, но уже начавшее брюзгнуть тѣло. Изъ-подъ раструба панталонъ выставлялись шелковые пестрые чулки, потому что набабъ дома всегда носилъ мягкіе башмаки. Луша была въ своемъ единственномъ нарядномъ платьѣ изъ чесучи; сначала она сидѣла рядомъ съ Раисой Павловной, а потомъ перешла на диванъ.

Раиса Павловна съ материнской нѣжностью слѣдила за всѣми перипетіями развертывавшейся на ея глазахъ исторіи и совершенно незамѣтно оставила молодыхъ людей однихъ, предоставляя руководить ими лучшаго изъ учителей—природу. Когда платье Раисы Павловны, цвѣта античной бронзы, скрылось въ дверяхъ, набабъ, откинувъ нетерпѣливо свои бѣлокурые волнистые волосы назадъ, придвинулъ свой стулъ ближе къ дивану и проговорилъ:

— M-lle Луша, а вы мнѣ еще не дали отвѣта на тотъ вопросъ, который я предложилъ вамъ тамъ... въ горахъ?

— Ахъ, да... Но вѣдь это былъ такой серьезный вопросъ, что я до сихъ

поръ не рѣшалась даже приступить къ его обсужденію,—отшучивалась Луша, улыбаясь своими потемнѣвшими отъ удовольствія глазами.—Притомъ я думала, что вы уже успѣли забыть...

— Это несправедливо!..

— Пожалуй... Но вы забываете, что я уже дала слово доктору?

— Что̀ же мнѣ дѣлать? Вызвать доктора на дуэль?

— Я думаю, что это будетъ самое лучшее... Вы отлично стрѣляете бекасинникомъ.

— Злая!

Въ полузакрытыхъ глазахъ набаба вспыхнулъ чувственный огонекъ, и онъ посмотрѣлъ долгимъ и пристальнымъ взглядомъ на свою собесѣдницу, точно стараясь припомнить что-то. Эта дѣвчонка положительно раздражала его своимъ самоувѣреннымъ тономъ, который дѣлалъ ее такой пикантной, какъ тѣ рѣдкія растенія, которыя являются какимъ-то исключеніемъ въ средѣ прочей зеленой братіи.

— Скажите откровенно, зачѣмъ вы такъ неожиданно уѣхали съ горы?—спрашивалъ Евгеній Константинычъ, припоминая непріятное чувство, когда онъ ѣхалъ на дупелиную охоту по дорогѣ въ Куржакъ.

— Вы не поймете,—отвѣтила Луша спокойно.

— Позвольте! Въ такомъ случаѣ, значитъ, вы меня считаете просто за осла. Я могу обидѣться наконецъ!

— Можете, но и я могу желать не отвѣчать вамъ... Впрочемъ, вамъ лучше спросить объясненія у Прейна.

Луша такъ и сказала совсѣмъ фамильярно: „у Прейна", и даже не думая поправиться, что̀ опять задѣло набаба за живое. Онъ подумалъ сначала, что m-lle Луша не умѣетъ себя держать и сама не понимаетъ, что̀ сказала, но, взглянувъ на ея лицо, убѣдился, что, если кто не понимаетъ ничего, такъ это онъ.

Раиса Павловна осталась очень довольна поѣздкой набаба въ горы, разъ потому, что Прозоровъ ловко смазалъ болванку, а затѣмъ потому, что отношенія между Лушей и набабомъ пережили самый двусмысленный и нерѣшительный періодъ. Съ Лушей у Раисы Павловны по этому поводу не было никакихъ интимныхъ объясненій, но, по сосредоточенному, немножко усталому взгляду карихъ глазъ своей любимицы, опытная женщина заключила вполнѣ основательно, что случилось именно то, чего она желала: набабъ объяснился съ Лушей. Поведеніе набаба доказывало это неопровержимѣйшимъ образомъ, потому что онъ держалъ себя съ Лушей съ утонченной вѣжливостью и, кажется, не зналъ, чѣмъ угодить этой взбалмошной дѣвчонкѣ, которая ничего не хотѣла замѣчать. Въ головѣ Раисы Павловны бродили тысячи думъ, плановъ и соображеній, такъ что она даже забывала о самой себѣ. Очевидно, набабъ высказываетъ самыя серьезныя намѣренія относительно Луши, и теперь дѣло за согласіемъ Луши... Конечно, это будетъ неравный бракъ, но развѣ мало такихъ mésalliance устраиваютъ русскіе набабы. Пока Раиса Павловна ничего не говорила Лушѣ о своей мечтѣ, предоставляя все дѣло его естественному теченію. Ее теперь больше всего безпокоило то, какъ взглянетъ на mésalliance Прейнъ: этотъ старый грѣшникъ больше всего, кажется, заботится о себѣ и дѣлаетъ видъ, что ничего не видитъ и не замѣчаетъ. Отъ зоркаго глаза Раисы Павловны не ускользнуло то вліяніе, какимъ пользовался Прейнъ надъ Лушей, но, какъ многія умныя женщины, она была убѣждена, что ей только сто̀итъ объяснить Лушѣ, что̀ за птица Прейнъ—и умная дѣвочка пойметъ все. Слишкомъ занятая интимными отношеніями, Раиса Павловна съ замираніемъ

сердца слѣдила, какъ раскрывалась страница любви въ жизни ея фаворитки, забывая о своихъ собственныхъ дѣлахъ.

А между тѣмъ дѣло принимало такой серьезный оборотъ, что это понялъ наконецъ и самъ Платонъ Васильичъ. Этотъ странный человѣкъ сопровождалъ набаба въ горы, принималъ участіе въ обѣдахъ и завтракахъ, говорилъ, когда его спрашивали, но безъ Раисы Павловны всегда оставался совершенно незамѣтнымъ, такъ что о немъ, при всемъ желаніи, трудно было сказать что-нибудь. Бываютъ такіе люди, и Господь ихъ знаетъ, какъ они живутъ, если не попадутъ въ руки какой-нибудь умной и энергичной женщины. Платонъ Васильичъ вѣчно былъ занятъ своей фабрикой и машинами и только о нихъ и могъ постоянно думать—все остальное для него проходило точно въ туманѣ, а особенно такимъ туманомъ былъ покрытъ пріѣздъ набаба. Какъ это ни странно сказать, но главный управляющій Кукарскими заводами зналъ меньше всѣхъ, что̀ дѣлалось кругомъ. Самый маленькій заводскій служащій, который бѣгалъ съ перомъ за ухомъ, и тотъ зналъ малѣйшія подробности пріѣзда набаба, отношенія враждовавшихъ партій и всѣ эпизоды поѣздки въ горы. Платонъ Васильичъ ѣлъ и вершининскую уху и маринованную губу, а о столкновеніи Нины Леонтьевны съ Прозоровымъ узналъ уже по возвращеніи въ Кукарскій заводъ, гдѣ служащіе разсказали ему и о ссорѣ генерала съ набабомъ.

— Но я вѣдь самъ былъ на дупелиной охотѣ,—задумчиво говорилъ Платонъ Васильичъ.—Видѣлъ, какъ убили собаку, а потомъ всѣ поѣхали обратно. Кажется, больше ничего особеннаго не случилось...

Раиса Павловна просто потѣшалась надъ этой наивностью мужа и нарочно морочила его разными небылицами, а когда онъ надоѣдалъ ей своими глупыми вопросами—выгоняла изъ своей комнаты. Уйти на фабрику для Платона Васильевича было единственнымъ спасеніемъ; другимъ спасеніемъ являлись разговоры съ генераломъ о нуждахъ русскаго горнаго дѣла.

Разъ довольно рано утромъ, когда Платонъ Васильичъ вышелъ пройтись по саду, на одномъ поворотѣ аллеи онъ встрѣтился съ Прейномъ и Лушей, которые шли рядомъ. Замѣтивъ его, Прейнъ отодвинулся отъ своей спутницы и выругался по-англійски, назвавъ Горемыкина филиномъ.

— Ахъ, это ты, Луша!—удивился Платонъ Васильичъ, здороваясь съ Прейномъ.

— Да, а это—вы...—грубо отвѣтила дѣвушка.—Вы ничего не потеряли здѣсь?

— Нѣтъ, кажется, ничего. А что̀?

— Да у васъ такой видъ, точно вы что-нибудь ищете.

— Да, да... Ты шутишь?—догадался наконецъ Горемыкинъ и потомъ съ самымъ глупымъ видомъ прибавилъ, обращаясь къ Прейну:—Не правда ли, какая сегодня отличная погода?

— Да, ничего... скверная,—отвѣчалъ Прейнъ, стараясь попасть въ тонъ Луши.—Скажите, пожалуйста, мнѣ показалось давеча, что я встрѣтилъ васъ въ обществѣ m-lle Эммы, вонъ въ той аллеѣ, направо, и мнѣ показалось, что вы гуляли съ ней подъ руку и разговаривали о чемъ-то очень тихо. Конечно, это не мое дѣло, но мнѣ показалось немного подозрительно: и время такое раннее для уединенныхъ прогулокъ, и говорили вы тихо, и m-lle Эмма все оглядывалась по сторонамъ...

— Что̀ вы хотите сказать этимъ?—недоумѣвалъ Платонъ Васильичъ.—Я иногда гуляю въ саду, но только одинъ... Не понимаю, какъ вы могли меня видѣть съ m-lle Эммой.

— Въ такомъ случаѣ, нужно будетъ спросить у Раисы Павловны, что̀ значатъ такія раннія tête-à-tête,—смѣялся Прейнъ.—Вамъ направо?

— Нѣтъ, налѣво.

— Ну, такъ намъ съ вами не по пути... До свиданія.

Платонъ Васильичъ въ раздумьѣ нѣсколько минутъ постоялъ на мѣстѣ, посмотрѣлъ вслѣдъ быстро удалявшейся парочкѣ и пошелъ своей дорогой.

„Не понимаю! ничего не понимаю!..“

А утро было славное, хотя и холодное послѣ вчерашняго дождя. Песокъ кое-гдѣ былъ смытъ съ утоптанныхъ дорожекъ, въ ямахъ стояли лужи мутной воды, слѣды ногъ ясно̀ отпечатывались на мокромъ грунтѣ; дувшій съ пруда вѣтерокъ колебалъ верхушки березъ и тополей, блестѣвшихъ теперь самой яркой зеленью. Около купальни и набережной съ шумомъ разбивались пѣнившіяся волны. По небу ползли разорванными клочьями остатки разсѣявшихся тучъ, точно грязные лоскутья сѣрыхъ лохмотьевъ, сквозь которые ярко сквозило чистое голубое небо и вырывались снопы солнечныхъ лучей. Садовникъ съ ножницами ходилъ около помятыхъ вчерашнимъ вѣтромъ кустовъ сирени и отрѣзывалъ сломанныя вѣтки; около куртинъ, ползая по мокрой травѣ, копались два мальчика въ ситцевыхъ рубашкахъ, подвязывавшіе подмятые цвѣты къ новымъ палочкамъ. На пескѣ виднѣлся отпечатокъ двухколесной телѣжки, прокатившейся здѣсь раннимъ утромъ съ разнымъ мусоромъ; тутъ же тянулись слѣды босыхъ ногъ съ рѣзкимъ отпечаткомъ пальцевъ.

— Зачѣмъ ты смѣялась надъ этимъ филиномъ?—говорилъ Прейнъ, предлагая Лушѣ руку.

— А ты зачѣмъ дѣлалъ то же?

— Я смѣялся, глядя на тебя...

— А я смѣялась потому, что эта глупая рожа мнѣ надоѣла. Скажите на милость, что̀ этому Платону Васильичу понадобилось въ саду въ такое время? Еще разболтаетъ чего-нибудь сглупа. Мнѣ все равно, а все-таки меньше разговоровъ—лучше... Скоро ли вы прогоните этого дурака, Прейнъ?

— Скоро, гораздо скорѣе, чѣмъ ты думаешь...

— Обманываешь?

— На-дняхъ комиссія начнетъ свои работы, и тогда конецъ Горемыкину.

— Ахъ, какъ я желала бы, чтобы эта накрахмаленная и намазанная Раиса Павловна полетѣла къ чорту вмѣстѣ со своимъ глухонѣмымъ мужемъ! Нельзя ли начать какой нибудь-процессъ противъ Раисы Павловны, чтобы разорить ее совсѣмъ, до послѣдней нитки?.. Пусть пойдетъ по міру и испытаетъ, каково жить въ бѣдности.

— Нѣтъ, это невозможно.

— Ахъ, какъ я ненавижу эту Раису Павловну, если бы ты зналъ! Вѣдь она теперь мечтаетъ... ха-ха!.. ни больше ни меньше, какъ о томъ, чтобы выдать меня за Лаптева, а я разыгрываю передъ нимъ наивную провинціалочку. Глупо, досадно и опять глупо...

— Погоди, мы все устроимъ,—ласковымъ шопотомъ проговорилъ Прейнъ, осторожно привлекая къ себѣ дѣвушку за талію.—У насъ все будетъ, мы поживемъ въ свою долю...

— Да, все это такъ... я не сомнѣваюсь. Но чѣмъ ты мнѣ заплатишь вотъ за эту гнилую жизнь, какой я жила въ этой ямѣ до сихъ поръ? Меня всегда будутъ мучить эти позорнѣйшія воспоминанія о пережитыхъ униженіяхъ и нашей бѣдности. Ахъ, если бы ты только могъ приблизительно представить себѣ, что̀ я чувствую! Ничего нѣтъ и не можетъ быть хуже бѣдности,

которая сама есть величайшій порокъ и источникъ всѣхъ другихъ пороковъ. И этой бѣдностью я обязана была Раисѣ Павловнѣ! Пусть же она хоть разъ въ жизни испытаетъ прелести нищеты!

Прейнъ былъ почти у цѣли. Есть люди, которые родятся въ сорочкѣ, и къ такимъ людямъ, конечно, принадлежалъ этотъ философъ-бонвиванъ. Сердце Луши принадлежало ему безраздѣльно, и онъ распоряжался въ немъ, какъ неограниченный монархъ, хотя этому владычеству и были приданы неуловимыя формы. Прейнъ дѣйствовалъ съ той ласковой настойчивостью и мягкой самоувѣренностью, какія неотразимо дѣйствуютъ на женщинъ. Луша повѣряла ему свои задушевныя мысли и чувства, какъ лучшему другу, и сама удивлялась, что̀ могла снизойти до такихъ нѣжностей. Въ ея глазахъ старый грѣшникъ являлся совершенствомъ человѣческой природы, какимъ-то чародѣемъ, который читалъ у ней въ душѣ и который пересоздалъ ее въ нѣсколько дней, открывъ передъ ея глазами новый волшебный міръ. Что̀ такъ старательно развивалось и подготовлялось Раисой Павловной въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Прейномъ было кончено разомъ: однимъ ударомъ Луша потеряла чувство дѣйствительности и жила въ какомъ-то сказочномъ мірѣ, къ которому обыденныя понятія и мѣрки были совершенно неприложимы, а прошлое являлось какимъ-то жалкимъ нищенскимъ отребьемъ, которое Луша смѣняла на новое роскошное платье. Все будетъ новое; по одному мановенію руки Прейна вырастутъ изъ земли всевозможныя чудеса, которыя онъ положитъ къ ея ногамъ. У Луши кружилась голова, и она ходила, какъ въ туманѣ. Все то, что̀ слышала она отъ отца и доктора о какой-то честной жизни, о новыхъ людяхъ, о завѣтныхъ идеалахъ—все это не пустой ли бредъ, который на каждомъ шагу разбивается дѣйствительностью? Взять хоть того же отца, Раису Павловну, другихъ—всѣ говорятъ одно, а дѣлаютъ другое, обманываютъ сами себя и въ концѣ концовъ портятъ себѣ жизнь. Прейнъ, по крайней мѣрѣ, не притворяется, называетъ вещи ихъ настоящими именами и обѣщаетъ только то, что̀ дѣйствительно въ состояніи исполнить. Подъ вліяніемъ Прейна Луша переродилась съ такой же быстротой, съ какой сѣверные цвѣты въ двѣ-три недѣли изъ зеленой почки развертываются всѣми своими красками въ пышное растеніе.

— Какъ все это случилось—я сама не могу дать себѣ отчета,—говорила иногда въ минуту раздумья Луша, ласкаясь къ Прейну.—Вѣдь ты—старый, выдохшійся жуиръ, я тебя ненавидѣла и боялась сначала и теперь иногда ненавижу... Но меня что-то тянетъ къ тебѣ, мнѣ хорошо и легко въ твоемъ присутствіи, а когда ты уходишь, меня гложетъ тоска. Зачѣмъ? Почему? Ничего не знаю и ничего знать не хочу... Мнѣ просто хорошо; хорошо теперь, вотъ сейчасъ, когда я смотрю на тебя и когда не думаю о будущемъ. Я недавно читала исторію Мазепы. Этого старика тоже любила одна молоденькая хохлушечка, Матрена Кочубей. По-русски „Матрена“ нехорошо звучитъ, а по-хохлацки русская Матрена превращается въ Мо̀треньку... Мазепа былъ старше тебя, но гораздо лучше. Какія письма писалъ онъ своей Мо̀тренькѣ! Ахъ, Прейнъ, я никогда сама не знаю, что̀ говорю и что̀ дѣлаю. То мнѣ хочется пѣть и танцовать, иногда плакать, иногда убѣжать, иногда умереть...

Луша хваталась за голову и начинала истерически хохотать. Самъ все испытавшій Прейнъ пугался такого разлива страсти, но его неудержимо тянули къ Лушѣ даже дикія вспышки гнѣва и нелѣпые капризы, разрѣшавшіеся припадками ревности или самымъ нѣжнымъ настроеніемъ. Вдвоемъ они вволю смѣялись надъ набабомъ, надъ генераломъ съ его болванкой, надо всѣми остальными; но, когда рѣчь заходила о Раисѣ Павловнѣ, Луша блѣднѣла и точно

вся уходила въ себя: она ревновала Прейна со всѣмъ неистовствомъ первой любви.

— Ты ее любилъ... да?—спрашивала Луша тысячу разъ.—Не отпирайся, я знаю...

— О, нѣтъ же, тысячу разъ нѣтъ!—со спокойной улыбкой отвѣчалъ каждый разъ Прейнъ.—Я знаю, что всѣ такъ думаютъ и говорятъ, но всѣ жестоко ошибаются. Дѣло въ томъ, что люди не могутъ себѣ представить близкихъ отношеній между мужчиной и женщиной иначе, какъ только въ одной формѣ, а между тѣмъ я дѣйствительно и теперь люблю Раису Павловну, какъ замѣчательно умную женщину съ совершенно особеннымъ темпераментомъ. Мы съ ней были даже на ты, но между нами ничего не могло быть такого, въ чемъ бы я могъ упрекнуть себя...

— Ахъ, вѣрю... и все-таки не могу повѣрить: это выше моихъ силъ. Въ сущности, я не особенно забочусь о будущемъ, потому что знаю только одно, что я хочу быть всегда свободной... всегда!.. Даже тогда, когда ты обманешь меня. Вѣдь ты цѣлую жизнь обманывалъ женщинъ, и одной больше, одной меньше для тебя ничего не значитъ. Къ чему все это говорю я тебѣ?.. Да... Какая я была глупая раньше, еще такъ недавно!.. Мечтала, что буду богатой-богатой, у меня будетъ своя коляска, брильянты, поклонники, ложа въ театрѣ. А теперь... Мнѣ все это надоѣло, прежде чѣмъ я испытала удовольствіе обладанія настоящимъ богатствомъ. Вѣдь тебѣ ничего не стоитъ выбросить пятьдесятъ тысячъ, чтобы устроить мнѣ настоящее гнѣздышко... да? Конечно, я никогда не унижу себя... Ахъ, я такъ хорошо представляю себѣ свое будущее! Пройдетъ полгода, потомъ тебѣ надоѣстъ, и ты со своей обычной ловкостью постараешься сбыть меня какому-нибудь другому жуиру, чтобы сейчасъ же перейти къ новому счастью.

— Луша! ты забываешь золотое правило: всякій человѣкъ имѣетъ право быть глупымъ, но не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ правомъ...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, Альфредъ Іосифовичъ... Я всегда жила больше въ области фантазіи, а теперь въ особенности. Благодаря Раисѣ Павловнѣ, я знаю слишкомъ много для моего возраста и поэтому не обманываю себя относительно будущаго, а хочу только все видѣть, все испытать, все пережить, но въ большомъ размѣрѣ, а не на гроши и копейки. Развѣ стоитъ жить такъ, какъ живутъ всѣ другіе?

Оставаться въ своемъ флигелькѣ для Луши теперь составляло адскую муку, которая увеличилась еще тѣмъ, что Виталій Кузьмичъ жестоко разрѣшилъ послѣ поѣздки въ горы и теперь почти не выходилъ изъ своей комнаты, гдѣ постоянно разговаривалъ вслухъ, кричалъ, хохоталъ и плакалъ. Лушѣ дѣлалось просто страшно, когда она оставалась одна съ отцомъ; его постоянный крикъ и смѣхъ болѣзненно раздражали ея напряженные нервы, и она по цѣлымъ часамъ противъ воли прислушивалась къ безсвязной болтовнѣ отца, которая вертѣлась главнымъ образомъ около текущихъ событій. Это была самая безпощадная философія отчаянія въ лицахъ, пересыпанная мѣткими сравненіями, остроумными замѣчаніями и просто красными словечками. Конечнымъ выводомъ этой философіи получалось заключеніе, что всѣ люди поголовно мерзавцы, только въ разной степени, а такъ называемые порядочные и честные люди—или идіоты, или жертвы извѣстныхъ общественныхъ законовъ. Вездѣ зло, мелкіе животные инстинкты и всеобщее непониманіе; истинные союзники враждуютъ, враги идутъ подъ ручку, противоположности сходятся. Получается болѣзненно-яркая путаница всякихъ понятій объ „истинѣ, добрѣ и красотѣ“. Свои взгляды и убѣжденія Прозоровъ иллюстрировалъ, причемъ доставалось всѣмъ—и набабу, и Прейну, и генералу, и Тетюеву.

Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, подъ предлогомъ помощи Прозорову, въ гнилой флигелекъ повадился ходить Яша Кормилицынъ, который испытывалъ мучительную жажду видѣть Лушу хотя издали, что вполнѣ объяснялось психологическими, антропологическими и соціальными причинами.

Все въ природѣ строго законно, и не пропадаетъ напрасно самое малѣйшее движеніе, слѣдовательно и посѣщеніе Яшей Кормилицынымъ прозоровскаго флигелька въ общей экономіи природы и въ ряду соціальныхъ явленій должно было имѣть высшее научное объясненіе.

— Яшка!—кричалъ Прозоровъ, размахивая руками.—Зачѣмъ ты меня обманываешь? Но ты напрасно являешься волкомъ въ овечьей шкурѣ... Все, братъ, потеряно для тебя, т.-е. потеряно въ данномъ случаѣ. Ха-ха! Но ты, братику, не унывай, поелику вся сія капитель есть только иллюзія! Мы, какъ дѣти, утѣшаемся карточными домиками, а природа насъ хлопъ да хлопъ по носу.

Докторъ садился въ уголокъ, на груду пыльныхъ книгъ, и, схвативъ обѣими руками свою нечесаную лохматую голову, просиживалъ въ такомъ положеніи цѣлые часы, пока Прозоровъ выкрикивалъ надъ нимъ свои сумасшедшія тирады, хохоталъ и бѣгалъ по комнатѣ совсѣмъ сумасшедшимъ шагомъ.

XXVII.

Нина Леонтьевна поклялась, что столкновеніе ея съ Прозоровымъ дорого обойдется Раисѣ Павловнѣ. Офиціально она оставалась попрежнему больна, но это не мѣшало ей заправлять и руководить всѣмъ заговоромъ,

Первой заботой ея было доставить обѣщанную аудіенцію у набаба Тетюеву, и такая аудіенція наконецъ состоялась. Часа въ два пополудни, когда набабъ отдыхалъ въ своемъ кабинетѣ послѣ кофе, Прейнъ ввелъ туда Тетюева. Земскій боенъ былъ во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, какъ концертный пѣвецъ, подъ мышкой онъ держалъ портфель, какъ маленькій министръ.

— Очень радъ... Много слышалъ о васъ,—встрѣтилъ Тетюева набабъ, пережевывая эти стереотипныя фразы.—Не угодно ли вамъ садиться?.. Вѣроятно, Прейнъ передалъ вамъ о предполагаемой консультаціи?

— Да, да... Мнѣ это тѣмъ болѣе пріятно, что я буду имѣть возможность ясно и категорически высказать тѣ интересы ельниковскаго земства, которые довѣрены мнѣ его представителями,—отцѣдилъ Тетюевъ, закладывая свободную руку за бортъ сюртука.—Лично противъ заводовъ, а тѣмъ болѣе противъ васъ, Евгеній Константинычъ, я ничего не имѣлъ и не имѣю, но я умру у своего знамени, какъ рядовой солдатъ.

— Садитесь, пожалуйста!—предложилъ еще разъ Лаптевъ, разсматривая коренастую фигуру человѣка, приготовившагося умирать у знамени.—Ваши слова могутъ сдѣлать большую честь каждому общественному дѣятелю...

Поклонившись въ отвѣтъ на комплиментъ набаба, Тетюевъ съ напускной развязностью занялъ стулъ около письменнаго стола: Прейнъ, закуривъ сигару, слѣдилъ за этой сценой своими безцвѣтными глазами и думалъ о томъ, какъ ему утишить ненависть Луши къ Раисѣ Павловнѣ.

— Я полагаю, Евгеній Константинычъ, что Кукарское заводоуправленіе въ своихъ отношеніяхъ къ ельниковскому земству дѣйствовало на свой страхъ,—продолжалъ Тетюевъ, выцѣживая свое profession de foi съ прежнимъ апломбомъ.—Я хочу этимъ сказать, что слишкомъ высоко цѣню лично ваши просвѣщенные и высокогуманные взгляды на идею земства и льщу себя

надеждой, что именно ваше содѣйствіе устранитъ всѣ недоумѣнія. Напримѣръ, гора Куржакъ приноситъ земству всего 2 рубля 17 копеекъ дохода!

— Скажите... цѣлая гора!

— Да, гора Куржакъ, которая заключаетъ въ себѣ тридцать милліардовъ лучшей въ свѣтѣ желѣзной руды.

Для набаба оба извѣстія были настоящимъ открытіемъ, и онъ даже посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Прейна, который равнодушно пускалъ въ пространство синіе круги дыма. Польщенный вниманіемъ и изумленіемъ набаба, Тетюевъ обрушился на его голову цѣлымъ потокомъ статистическихъ данныхъ и даже вытащилъ изъ портфеля объемистую тетрадь, испещренную столбцами совсѣмъ безконечныхъ цифръ. Но эта тетрадь была совсѣмъ лишнею: Евгеній Константинычъ уже истощилъ весь запасъ своего удивленія и посмотрѣлъ на Прейна безпокойнымъ взглядомъ, точно искалъ у него защиты. Однако Тетюевъ, увлекшись, ничего не хотѣлъ замѣчать и осыпалъ набаба такой массой новыхъ открытій, что тотъ окончательно потерялся и даже зѣвнулъ въ руку. Кстати, въ этотъ критическій моментъ Евгеній Константинычъ вспомнилъ о генералѣ, который долженъ все это знать и все устроить.

— Хорошо, хорошо... Мы постараемся все это устроить общими силами,— заговорилъ Лантевъ, поднимаясь съ мѣста и протягивая руку Тетюеву.

— Я...

— Вы подробно изложите свои взгляды на консультаціи...

— Я, Евгеній Константинычъ...

— А занятія консультаціи должны быть кончены въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Я, Евгеній Константинычъ, буду всегда высоко держать знамя земскаго обновленія,—торжественно провозгласилъ Тетюевъ, откланиваясь.

Въ консультацію, кромѣ генерала, Прейна и Тетюева, вошли Верхнипинъ и „мой Майзель“. Платонъ Васильичъ тоже долженъ быть занять мѣсто въ этомъ совѣтѣ безсмертныхъ, но захворалъ, и на его мѣсто былъ назначенъ представителемъ Родіонъ Антонычъ. Конечно, такое назначеніе клеврета Раисы Павловны было встрѣчено партіей Тетюева со скрежетомъ зубовнымъ, но, очевидно, Родіону Антонычу покровительствовалъ самъ Прейнъ, а съ этимъ приходилось мириться поневолѣ. Ришелье заявился въ собраніе „князей и владыкъ міра сего“ съ самымъ смиреннымъ видомъ; онъ всѣмъ кланялся, улыбался заискивающей улыбкой; но всѣ отлично знали пущенную въ курятникъ лису и держали ухо востро. Тетюевъ морщился и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ своего заклятаго врага; Майзель не отвѣчалъ на поклоны Родіона Антоныча и даже нѣсколько разъ толкнулъ его локтемъ въ бокъ, конечно, не намѣренно. Въ виду такого враждебнаго настроенія Родіонъ Антонычъ сначала испытывалъ большое „угнетеніе чувствъ“, но, какъ человѣкъ, попавшій изъ темноты прямо на большой свѣтъ и ослѣпленный имъ, мало-по-малу оглядѣлся и самымъ благочестивымъ образомъ занялъ свое мѣсто.

— Смотрите, Родіонъ Антонычъ, я вамъ все довѣрила,—говорила Раиса Павловна, когда отправляла своего Ришелье на консультацію:—я увѣрена, что мы выиграемъ и что вы постоите за себя, но только не трусьте. Вѣдь они умные только за обѣдами да за завтраками, а тутъ нужно будетъ дѣло дѣлать. Тетюевъ болтунъ, и на него не обращайте вниманія. Генералъ... Ахъ, Родіонъ Антонычъ, Родіонъ Антонычъ! Это—самый жалкій и безсильный человѣкъ, какихъ только я видала: изъ него можно все сдѣлать, поэтому вы не бойтесь его ни на волосъ... Есть одна пьеса „Свадьба Фигаро“, такъ тамъ горничная говоритъ: „Ахъ, какъ умные люди иногда бываютъ глупы!..“ Вотъ именно такой человѣкъ генералъ.

— А Нина Леонтьевна?—спрашивалъ смущенный Ришелье.

— Нина Леонтьевна... да отъ нея и сыръ-боръ загорѣлся; въ ней, конечно, вся сила, но вѣдь она не будетъ принимать участія въ консультаціи, слѣдовательно о ней и говорить нечего.

Но, какъ ни уговаривала Раиса Павловна своего Ришелье, какъ ни старалась поднять въ немъ упавшій духъ мужества, онъ все-таки трусилъ генерала и крѣпко трусилъ. Даже сердце у него екнуло, когда онъ опять увидалъ этого генерала съ дѣловой нахмуренной физіономіей. Вѣдь настоящій генералъ, ученая голова, профессоръ, что̀ тамъ Раиса Павловна ни говори...

Засѣданія консультаціи происходили въ длинной комнатѣ, гдѣ помѣщалась богатая старинная библіотека, собранная Лаптевыми въ ихъ путешествіяхъ по Европѣ. Большинство книгъ было на иностранныхъ языкахъ. Библіотекой, кромѣ Прозорова, никто не пользовался, и всѣ эти дорогія изданія въ роскошныхъ переплетахъ стояли въ шкапахъ безъ всякой пользы. Теперь посрединѣ комнаты былъ поставленъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; кругомъ стола были разставлены мягкія кресла, и только одному Родіону Антонычу былъ предложенъ простой деревянный стулъ. Противъ каждаго сидѣнья была положена пачка чистой бумаги и карандашъ; центръ стола занимали двѣ стопки разныхъ юридическихъ книгъ, нужныхъ для справокъ: горный уставъ, сборникъ узаконеній о крестьянахъ, земское положеніе и т. д. Вообще вся эта торжественная обстановка придавала консультаціи такой видъ, точно въ библіотекѣ готовились засѣданія какого-нибудь европейскаго конгресса. Генералъ занялъ предсѣдательское кресло, около него помѣстились Тетюевъ и Майзель; Вершининъ и Родіонъ Антонычъ сидѣли дальше, черезъ столъ. На открытіе перваго засѣданія явился и самъ Евгеній Константинычъ въ сопровожденіи Прейна и Перекрестова; генералъ хотѣлъ уступить свое мѣсто набабу, но тотъ великодушно отказался отъ этой чести. Перекрестовъ съ нахальной улыбкой окинулъ глазами шкапы книгъ, зеленый столъ, сидѣвшихъ консультантовъ и, вытащивъ свою записную книжечку, помѣстился съ ней въ дальнемъ концѣ стола, гдѣ въ столичныхъ ученыхъ обществахъ сидятъ „представители прессы“.

— Господа!—заговорилъ генералъ офиціальнымъ сухимъ тономъ, поднимаясь съ мѣста.—Мы собрались здѣсь для очень важнаго дѣла, и я считаю своей обязанностью выяснить главныя цѣли нашей консультаціи. Русская промышленность прогрессируетъ съ каждымъ годомъ, и съ каждымъ годомъ ея интересы захватываютъ все бо̀льшую и бо̀льшую область, соприкасаясь съ областями другихъ отраслей производительной дѣятельности нашей страны. Понятно, что при такомъ близкомъ соприкосновеніи разныхъ заинтересованныхъ учрежденій, отраслей и лицъ, происходятъ неизбѣжныя недоразумѣнія, препирательства и крупныя столкновенія. Намъ приходится имѣть дѣло въ настоящемъ случаѣ съ интересами и задачами собственно уральской горной промышленности, въ частности—съ спеціально-заводскими интересами Кукарскаго заводскаго округа, поскольку они связаны съ интересами заводскаго населенія, земства и внутренней администраціи. Я обращаю особенное ваше вниманіе, господа, на приведенныя сейчасъ рубрики; мы начнемъ именно съ нихъ, чтобы разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ расчистить почву для болѣе широкихъ начинаній уже въ области русской промышленности вообще, гдѣ предъ вами встанутъ другіе вопросы и другія задачи. Въ настоящемъ случаѣ важно то, что мы будемъ обсуждать поставленные вопросы съ разныхъ точекъ зрѣнія, для чего въ составъ консультаціи вошли лица различныхъ профессій и различныхъ сферъ дѣятельности. По-моему, именно отъ такого разнообразнаго

состава зависитъ вполнѣ безпристрастное рѣшеніе нашей задачи, и я надѣюсь, что всякій изъ насъ внесетъ свою лепту въ общій трудъ, чтобы сказать вмѣстѣ съ баснописцемъ:

И моего тутъ капля меду есть...

Генералъ перевелъ духъ, посмотрѣлъ черезъ очки на слушателей и, облокотившись рукой на кучку лежавшихъ предъ нимъ дѣловыхъ бумагъ, обратился къ набабу.

— Евгеній Константинычъ! Скажу еще нѣсколько словъ собственно вамъ. Помните, Евгеній Константинычъ, евангельскую притчу о рабѣ, который получилъ десять талантовъ, пріумножилъ ихъ новыми десятью талантами и возвратилъ своему господину уже не десять талантовъ, а вдвое больше. Вы именно такъ поступаете, какъ этотъ евангельскій рабъ, собравъ насъ сюда для работы, которая можетъ имѣть значеніе государственной важности. Время безучастнаго отношенія заводовладѣльцевъ къ своему спеціальному дѣлу давно миновало: кому дано много, съ того и взыщется много. Вы хорошо поняли это и теперь принимаете участіе въ нашемъ общемъ трудѣ, какъ нашъ собратъ. Эта готовность послужить общему благу является лучшимъ залогомъ успѣха. Говорю это, какъ человѣкъ науки, который можетъ только пожелать, чтобы и другіе заводовладѣльцы отнеслись къ своему дѣлу съ такой же энергіей и, что̀ особенно важно, съ такой же теплотой и искреннимъ участіемъ.

Набабъ поклонился и сказалъ на это привѣтствіе нѣсколько казенныхъ фразъ, какія говорятся въ такихъ торжественныхъ случаяхъ. Родіонъ Антонычъ сидѣлъ все время, какъ на угольяхъ, и чувствовалъ себя такимъ маленькимъ, точно генералъ ему хотѣлъ сказать: „А ты зачѣмъ сюда, братецъ, затесался?“. Майзель, Вершининъ и Тетюевъ держали себя съ достоинствомъ, какъ люди бывалые, хотя немного и косились на записную книжку Перекрестова.

— Чтобы не терять напрасно времени, мы прямо приступимъ къ тому вопросу, который отчасти и вызвалъ поѣздку Евгенія Константиновича на заводы,—вновь началъ генералъ, перебирая бумаги около себя.—Я хочу сказать о недоразумѣніяхъ, которыя возникли между Кукарскимъ заводоуправленіемъ, съ одной стороны, и крестьянскимъ обществомъ, съ другой. Кстати, мнѣ пришлось хорошо познакомиться съ этимъ вопросомъ изъ первыхъ рукъ: я имѣлъ случай нѣсколько разъ говорить съ представителями крестьянскаго общества, а кромѣ того я получилъ довольно обстоятельный докладъ собственно отъ Кукарскаго заводоуправленія спеціально по этому дѣлу.

„Вотъ оно когда началось-то...“—подумалъ Родіонъ Антонычъ, чувствуя, какъ его впередъ прошибло холоднымъ потомъ.

А генералъ уже досталъ изъ портфеля объемистую тетрадку и положилъ ее передъ собой; въ этой тетрадкѣ Родіонъ Антонычъ узналъ свою докладную записку, отмѣченную на поляхъ краснымъ карандашомъ генерала—и вздохнулъ свободнѣе. Рядомъ съ этой рукописью легла мужицкая бумага, тоже размѣченная и подчеркнутая. Началось длинное чтеніе, которое въ первыя же десять минутъ нагнало тоску на Евгенія Константиныча, такъ что ему стоило большого труда, чтобы удержаться и не заскуть. Прейнъ поймалъ эту мальчишескую выходку и едва замѣтно покачалъ головой. Чтеніе докладной записки и мужицкой бумаги продолжалось битый часъ, а за чтеніемъ генералъ сказалъ свое короткое резюме и открылъ пренія. Майзель и

Тетюевъ нападали на несправедливость дѣйствій Кукарскаго заводоуправленія по отношенію къ крестьянскому обществу въ томъ смыслѣ, что заводоуправленіе то допускало напрасныя послабленія, то устраивало безполезныя прижимки; Вершининъ отмалчивался, ожидая, что̀ скажетъ самъ генералъ.

— Я рѣшительно и во всемъ обвиняю заводоуправленіе,—рѣзалъ Майзель, обрадовавшись случаю сорвать злость.—Отсутствіе выдержки, неумѣнье поставить себя авторитетно, наконецъ профанація власти—все это взятое вмѣстѣ и создало упомянутыя недоразумѣнія.

— Не угодно ли будетъ вамъ, господинъ Сахаровъ, высказаться по этому вопросу?—предложилъ генералъ, когда стороны были выслушаны.

Родіонъ Антонычъ не смутился и пунктъ за пунктомъ принялся разбивать обвиненія своихъ противниковъ, причемъ воодушевился настолько, что удивилъ всѣхъ своей смѣлостью и отчетливымъ знаніемъ дѣла.

— Да это—тотъ самый, который, помнишь, прогналъ собаку Майзеля, а потомъ боролся со мной по-татарски?—спрашивалъ набабъ Прейна.

— Да, секретарь Горемыкина. Дѣлецъ...—коротко аттестовалъ Прейнъ, съ удовольствіемъ слушая ораторствовавшаго Родіона Антоныча.

Завязались пренія, причемъ Родіону Антонычу приходилось отбиваться разомъ отъ троихъ. Особенно доставалось бѣдному Ришелье отъ Вершинина, который умѣлъ диспутировать съ апломбомъ и находчивостью. Эта неравная борьба продолжалась битыхъ часа полтора, пока стороны не пришли въ окончательный азартъ и открыли уже настоящую перепалку.

— Господа, я полагаю, лучше будетъ выслушать самихъ крестьянъ, а потомъ уже продолжать дебаты,—предложилъ Прейнъ, желая спасти Родіона Антоныча отъ разгромленія.

Всѣ шумно поднялись со своихъ мѣстъ и продолжали спорить уже стоя, наступая все ближе и ближе на Родіона Антоныча, который, весь красный и потный, только отмахивался обѣими руками.

„А Прейнъ еще предлагаетъ привести сюда мужиковъ...“—думалъ съ тоской бѣдный Ришелье, чувствуя, какъ почва начинаетъ колебаться у него подъ ногами.

— До завтра, господа!—кричалъ генералъ, стараясь заглушить спорившихъ.—А завтра мы выслушаемъ крестьянскихъ ходоковъ... Это будетъ лучше.

Прямо съ консультаціи Тетюевъ, Майзель и Вершининъ отправились въ генеральскій флигелекъ, къ Нинѣ Леонтьевнѣ, а Родіонъ Антонычъ побрелъ къ Раисѣ Павловнѣ, гдѣ и встрѣтилъ Прейна, хохотавшаго, какъ сумасшедшій. Раиса Павловна тоже смѣялась и встрѣтила своего Ришелье съ необыкновенной любезностью.

— Устали вы, Родіонъ Антонычъ?—спрашивала она, усаживая его въ кресло.—Кофе подать вамъ или закусить? Слышала, все слышала.. Настоящую вамъ баню задали—ну, что̀ дѣлать, нужно потерпѣть!

— Ужъ потерпимъ, пока терпится,—согласился уныло Родіонъ Антонычъ, вытирая платкомъ лицо и шею.

— Все отлично идетъ!—хвалилъ Прейнъ, потирая руки.—Какъ на заказъ!

— А съ мужиками вы зачѣмъ назвались, Альфредъ Осипычъ?—корилъ Родіонъ Антонычъ.—Нечего сказать, отлично... Да они всю душу вымотаютъ, а толку все равно не будетъ никакого.

— Съ мужиками еще лучше будетъ,—весело отвѣчалъ Прейнъ.—А вы держите свою линію и только. Имъ ничего не взять... Вотъ увидите.

— Генералъ-то молчитъ что-то.

— И пусть молчитъ... А Евгенію Константинычу очень понравился вашъ докладъ. Онъ узналъ васъ.

Конечно, все это было пріятно и утѣшительно, но перспектива новыхъ битвъ пугала Родіона Антоныча, потому что одинъ въ полѣ не воинъ. Охъ, грѣхи, грѣхи!

На слѣдующій день, дѣйствительно, были приглашены на консультацію волостные старички съ Кожинымъ, Семенычемъ и Вагеинымъ во главѣ. Повторилась приблизительно та же сцена: ходоки заговаривались, не понимали и часто падали въ ноги присутствовавшему въ засѣданіи барину. Эта сцена произвела непріятное впечатлѣніе на Евгенія Константиныча, и онъ скоро ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы отдохнуть.

— Чего они хотятъ отъ меня?—спрашивалъ онъ у Прейна —Удивляюсь... И къ чему это униженіе, эти поклоны! Вѣдь теперь не крѣпостное право, всѣ одинаково свободные люди.

— Это вѣрно, но и къ свободѣ нужно привыкнуть,—объяснялъ Прейнъ.— Эти земные поклоны еще остатки крѣпостного права, когда заводскихъ мастеровыхъ держали въ ежовыхъ рукавицахъ.

— Зачѣмъ же эти униженныя просьбы,—я все-таки не пойму. Если дѣло мастеровыхъ правое, тогда они стали бы требовать, а не просить... Развѣ мой Чарльзъ будетъ кланяться кому-нибудь въ ноги?..

Родіонъ Антонычъ не ошибся въ своихъ расчетахъ: присутствіе мужиковъ окончательно перепутало весь ходъ работъ консультаціи. Эти живые документы разныхъ заводскихъ неправдъ, фабрикованныхъ ловкими руками Родіона Антоныча, производили извѣстное впечатлѣніе на генерала, не привыкшаго обращаться съ живыми людьми.

„Какіе разговоры съ мужичьемъ,—думалъ Родіонъ Антонычъ про себя:— въ шею ихъ подлецовъ. Нѣтъ, въ три шеи, да еще отвороть на прибавку, чтобы пустяками не занимались. Охъ, времена!“

Но главнымъ неудобствомъ въ положеніи Родіона Антоныча была его совершенно фальшивая роль въ этомъ дѣлѣ: онъ насквозь видѣлъ всѣхъ, видѣлъ всѣ ходы и выходы, и долженъ былъ отмалчиваться. Тотъ же Тетюевъ и Майзель толкуютъ за мужиковъ, а сами изъ-за мужицкой спины добиваютъ Раису Павловну. Дай-ка имъ въ руки этихъ мужиковъ, да они бы изъ нихъ лучины нащепали! А генералъ всякому яхнему слову вѣритъ, потому что они по-образованному умѣютъ говорить, ученыя слова разговариваютъ. Тоже, если взять и заводское дѣло: плетутъ изъ пятаго въ десятое, а настоящей сути все-таки нѣтъ. Развѣ такіе порядки должны быть? Вонъ Прейнъ, даромъ что нѣмецъ, а всѣхъ видитъ... Охъ, тонкій, оборотистый человѣкъ, только не провелъ бы онъ насъ съ Раисой Павловной. Даже крестьянскіе ходоки и тѣ перестали ломать шапку предъ Родіономъ Антонычемъ, а краснобай Семенычъ, встрѣтивъ его на улицѣ, съ необыкновенной развязностью спросилъ:

— А что, Родивонъ Антонычъ, баютъ, у тебя супротивъ енерала-то неустойка выходитъ? Ты вотъ намъ прижимку сдѣлалъ, а енералъ по душѣ все хочетъ разобрать...

Это ужъ было слишкомъ. Все кругомъ рушилось, и дни Раисы Павловны были сочтены. Тетюевъ одолѣвалъ генерала съ земствомъ, а въ сущности Раису Павловну подсиживалъ. И уменъ только, песъ, уродился, такіе углы загибаетъ генералу, что успѣвай слушать! Дальше Вершининъ началъ сильно гадить—тоже мужикъ не въ уголъ рожей, пожалуй, еще почище будетъ Авдѣя Никитича. Однимъ словомъ, чѣмъ дольше шли работы консультаціи, тѣмъ поло-

женіе Ришелье дѣлалось невыносимѣе, и онъ уже потерялъ всякую вѣру даже въ Прейна, у котораго вѣчно семь пятницъ на недѣлѣ. Къ Раисѣ Павловнѣ Сахаровъ рѣдко заглядывалъ, ссылаясь на работу. Въ виду всѣхъ этихъ грозныхъ признаковъ, омрачавшихъ горизонтъ, бѣдный кукарскій Ришелье находилъ единственное утѣшеніе въ своемъ курятникѣ, гдѣ и отдыхалъ душой въ свободные часы. Извѣстно, что всѣ великіе историческіе люди питали маленькія слабости къ разнымъ животнымъ, можетъ-быть, выплачивая этимъ необходимую дань природѣ, потратившей на нихъ слишкомъ много ума.

А партія Тетюева торжествовала совсѣмъ открыто, собираясь у Нины Леонтьевны, гдѣ объ изгнаніи Раисы Павловны всѣ говорили, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Параллельно съ этимъ торжествомъ начинались новые происки и интриги, причемъ недавніе союзники начинали играть уже „всякъ въ свои козыри“, потому что каждому хотѣлось занять мѣсто Горемыкина. Конечно, это мѣсто всего легче было добыть черезъ посредство Нины Леонтьевны, курсы которой поднялись необыкновенно высоко. И въ самомъ дѣлѣ, она не только привезла набаба на Уралъ, но и руководила каждымъ шагомъ генерала. Кромѣ общихъ совѣщаній, каждый изъ тетюевцевъ старался выслужиться передъ Ниной Леонтьевной частными визитами, причемъ происходили забавныя встрѣчи, неожиданности и недоразумѣнія. Тетюевъ подозрѣвалъ Вершинина, Майзель—Тетюева, Вершининъ — Тетюева и Майзеля; однимъ словомъ, заварилась настоящая дипломатическая каша, въ которой больше всѣхъ выигрывала Нина Леонтьевна.

Перекрестовъ, бывшій всегда тамъ, гдѣ везло счастіе, находился въ числѣ непремѣнныхъ гостей Нины Леонтьевны и расточалъ передъ ней самыя лестныя рѣчи.

— Безъ васъ, Нина Леонтьевна, никому и ничего и не сдѣлать бы,— говорилъ представитель русской прессы, пріятно осклабляясь. — Хотите, я напишу о васъ цѣлый фельетонъ?

Вперемежку съ этой неисчерпаемой ложью, Перекрестовъ искалъ блохъ у Коко или сплетничалъ про все и про вся. Нина Леонтьевна очень цѣнила этого литературнаго человѣка и въ отвѣтъ на его любезности предложила ему небольшую работу.

— Знаете что̀,—сообщила она:—я говорила о васъ съ Мироном, и мы рѣшили передать вамъ одинъ заказъ... Именно, вы будете писать исторію фамиліи заводовладѣльцевъ Лаптевыхъ.

— Я съ удовольствіемъ...—соглашался Перекрестовъ, цѣлуя у Нины Леонтьевны ручку.

— Условія работы такія: пока будете работать—три тысячи въ годъ, за работу пять тысячъ, а если ваша работа понравится Евгенію Константинычу, тогда онъ, безъ сомнѣнія, наградитъ васъ по-царски.

— Благодарю, благодарю васъ, Нина Леонтьевна. Чѣмъ я могу заплатить вамъ за вниманіе къ моимъ слабымъ силамъ?

— Угадайте, чѣмъ можете заплатить? Ха-ха... Какъ это наивно, чтобы не сказать больше! Вы можете сослужить большую службу русскому горному дѣлу своимъ перомъ... Догадались?

— Помилуйте, Нина Леонтьевна, да зачѣмъ же я сюда и ѣхалъ?.. О, я всей душой и всегда былъ преданъ интересамъ горной русской промышленности, о которой думалъ въ степяхъ Сѣверной Америки, въ Индѣйскомъ океанѣ, на Нилѣ: это моя idée fixe. Вѣдь мы живемъ съ вами въ желѣзный вѣкъ; желѣзо—это душа нашего времени, мы чуть не дышимъ желѣзомъ...

— Я понимаю васъ, Перекрестовъ,—сентиментально проговорила Нина Леонтьевна, тронутая этимъ патетическимъ монологомъ.

— И я отлично васъ понимаю, Нина Леонтьевна!—воскликнулъ Перекрестовъ.—Мнѣ было достаточно увидать васъ... И ужъ никогда я не сравню васъ съ другими женщинами! Знаете, Нина Леонтьевна, Раиса Павловна считаетъ себя самой умной женщиной и не подозрѣваетъ, какъ вы ей салазки смажете... Ха-ха! Вы сослужите русскому горному дѣлу золотую службу, Нина Леонтьевна!

Заручившись симпатіями Нины Леонтьевны, а также выгодной работой по части жизнеописанія Лаптевыхъ, Перекрестовъ тоже возмечталъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мыкался-мыкался онъ по всѣмъ континентамъ, продавалъ все и всѣхъ, заискивалъ, льстилъ, унижался и все-таки голъ, какъ соколъ! Надо же когда-нибудь и остепениться! Въ безшабашной головѣ Перекрестова мелькнула счастливая мысль: а что̀, если бы ему, Перекрестову, занять мѣсто Горемыкина... а?.. На эту интересную тему Перекрестовъ продумалъ цѣлую ночь, набросалъ даже въ своей книжечкѣ на всякій случай планъ реформъ, какія онъ произведетъ въ Кукарскихъ заводахъ, и весь слѣдующій день ходилъ съ самымъ таинственнымъ видомъ, точно какой-нибудь заговорщикъ.

— Что̀ это съ тобой сдѣлалось?—съ участіемъ спрашивалъ его Летучій.—Ужъ не болитъ ли у тебя животъ?

XXVIII.

Пока шла ожесточенная борьба партій, беззаботная половина человѣческаго рода веселилась напропалую, изобрѣтая каждый день новое удовольствіе. Подъ предлогомъ развлеченія Евгенія Константиныча устраивались гулянья въ саду, семейные вечера, катанья по пруду на лодкахъ, пикники и т. д. Молодежь находила тысячи средствъ веселиться, пока люди зрѣлаго возраста рыли другъ другу волчьи ямы, злословили и преисполнялись самыми ожесточенными мыслями и чувствами. Анненька и m-lle Эмма проводили время въ обществѣ Братковскаго, Перекрестова и Летучаго самымъ веселымъ образомъ и находили, что лучшаго ничего и желать невозможно. Особенно такъ думала Анненька, формально объяснившаяся Братковскому въ любви.

— Я тоже васъ люблю...—лѣниво отвѣтилъ полякъ.—Только обѣщать вамъ ничего не могу, потому что...

— Ахъ, Боже мой! Да развѣ я что-нибудь требую отъ васъ?—задыхающимся шопотомъ говорила Анненька, блестя своими темными глазками.—Вѣдь вы скоро уѣдете... времени остается такъ мало.

Въ отвѣтъ на это Братковскій цѣловалъ Анненьку и шопотомъ говорилъ тотъ любовный вздоръ, который непереводимъ ни на какой языкъ, хотя отлично понимается всѣми, какъ музыка безъ словъ. Какъ всѣ влюбленныя дѣвушки, Анненька таскала за собой Братковскаго по разнымъ тѣнистымъ уголкамъ въ саду, одолѣвала его массой записочекъ и ревновала даже къ Нинѣ Леонтьевнѣ. Конечно, каждый вечеръ m-lle Эмма должна была выслушать безконечную болтовню Анненьки, которая изнывала отъ душившей ее потребности разсказать кому-нибудь о своемъ счастьѣ. M-lle Эмма любила, раздѣвшись и улегшись въ постель, долго жевать что-нибудь сладкое: сосала леденцы, грызла орѣхи, доѣдала припасенное заранѣе мороженое и конфеты, причемъ погружалась въ сладкое созерцательное настроеніе, какъ жующая жвачку овечка. Анненька пользовалась этимъ моментомъ душевнаго разслабленія своей подруги, забиралась къ ней съ ногами на кровать и принималась безъ конца разсказывать о своей любви, какъ тѣ глупыя птички, которыя щебечутъ въ саду на зарѣ отъ избытка преисполняющей ихъ жизни. Такимъ образомъ m-lle Эмма имѣла удовольствіе узнать всѣ достоинства пана Братковскаго,

который былъ совершенствомъ человѣческой природы и, навѣрно, происходилъ изъ какой-нибудь старинной королевской фамиліи.

— Отлично, все отлично,—лѣниво соглашалась m-lle Эмма, разсматривая свои упругія круглыя руки:—а этотъ переодѣтый принцъ не разсказывалъ тебѣ, сколько онъ такихъ дуръ, какъ ты, надулъ на своемъ вѣку? Спроси какъ-нибудь.

— Да мнѣ-то какое дѣло? Конечно, надувалъ и еще сто дуръ надуетъ, а все-таки я его люблю. Если бы ты, Эминька, знала, какъ я этого красиваго мерзавца люблю! Право, я съѣла бы его или задушила бы, если бы могла... Глаза у него какіе, Эминька!

— Дурища ты безголовая, Анька, вотъ что̀ я тебѣ скажу!—полушутя, полунаставительно говорила m-lle Эмма.

— Что̀ же, Эминька, развѣ я не знаю, что я глупенькая... Галка, какъ Прозоровъ говоритъ. Все равно пропадать, такъ хоть мѣсяцъ проживу въ свое удовольствіе!

Въ припадкѣ нѣжности и отчаянія, Анненька и плакала, и хохотала, и сто разъ принималась цѣловать m-lle Эмму—въ лицо, шею, даже ея голыя точеныя руки.

— Ты смотри, какъ Лушка устроилась,—говорила m-lle Эмма, напрасно стараясь отбиться отъ поцѣлуевъ Анненьки. — Небось, не по-нашему съ тобой... Мнѣ, ей-Богу, она начинаетъ нравиться: умная! Вонъ какъ Прейна забрала, а ужъ, кажется, онъ весь свѣтъ оплететъ. И сама себя бережетъ, лишняго ничего не позволитъ. Такъ и слѣдуетъ поступать умной дѣвушкѣ, а то поцѣловалась два раза—и кончено! Точно разварная рыба, хоть ты ее съ хрѣномъ ѣшь, хоть съ горчицей. Лушка и Раису Павловну проведетъ... Та ее за Лаптева прочитъ... Ха-ха! Ей-Богу, я начинаю любить эту Лушку!

Въ минуту отдыха, раздѣвшись и прикрывъ свое круглое бѣлое тѣло одѣяломъ, m-lle Эмма любила пофилософствовать на разныя житейскія темы, причемъ все у ней выходило какъ-то необыкновенно спокойно и чуть-чуть было приправлено тонкой и умной насмѣшкой. Въ этомъ сколоченномъ на заказъ организмѣ, работавшемъ, какъ машина, для философіи отчаянія не оставалось ни одного свободнаго уголка, потому что m-lle Эмма служила живымъ воплощеніемъ самаго завиднаго душевнаго равновѣсія. Даже такія критическія обстоятельства, которыя теперь заставляли весь кукарскій господскій домъ, со всѣми флигелями и пристройками, переживать самыя тревожныя минуты, не безпокоили особенно m-lle Эмму, хотя она, послѣ паденія Раисы Павловны, буквально должна была итти на улицу, не имѣя куда приклонить голову. Сама Раиса Павловна, въ минуты отчаянія, посылала за m-lle Эммой, и одно присутствіе этой жирной, какъ семга, нѣмки успокаивало ея расходившіеся нервы. Къ передрягамъ и интригамъ большого и малаго двора m-lle Эмма относилась совсѣмъ индифферентно, какъ къ дѣлу для нея постороннему, а пока съ удовольствіемъ танцовала, ѣла за четверыхъ и не безъ удовольствія слушала болтовню Перекрестова, который имѣлъ на нее свои виды, потому что вообще питалъ большую слабость къ женщинамъ здоровой комплекціи, съ круглыми руками и ногами.

Слушая болтовню Анненьки, m-lle Эмма припоминала свой послѣдній разговоръ съ Перекрестовымъ, который сдѣлалъ ей довольно откровенное предложеніе, имѣя въ виду открывшуюся вакансію главнаго управляющаго кукарскими заводами.

— Мы люди умные и отлично поймемъ другъ друга,—говорилъ гнусавымъ голосомъ Перекрестовъ, дергая себя за бороденку.—Я надѣюсь, что

разные охи и вздохи для насъ совсѣмъ лишнія церемоніи, и мы могли бы приступить къ дѣлу прямо, безъ предисловій. Нынче и книги безъ предисловій печатаются: открывай первую страницу и читай.

— Что вы хотите сказать этимъ? — сердито спрашивала m-lle Эмма, чувствовавшая, что тутъ дѣло идетъ совсѣмъ не объ ея умѣ.

— Вы меня отлично понимаете, m-lle Эмма: къ чему притворяться? Мы устроились бы въ Петербургѣ отлично. У меня есть работа, извѣстное обезпеченіе; наконецъ очень солидные виды на будущее, которымъ вы остались бы довольны...

Безсовѣстно льстя уму и прочимъ добродѣтелямъ m-lle Эммы, Перекрестовъ высказалъ самое откровенное желаніе поближе познакомиться съ ея круглой таліей, но получилъ въ отвѣтъ такой здоровый ударъ кулакомъ въ бокъ, что даже смутился. Смутился Перекрестовъ, продѣлывавшій то же самое во всѣхъ широтахъ и долготахъ—это что-нибудь значило! Но m-lle Эмма не думала разыгрывать изъ себя угнетенную невинность и оскорбляться, а проговорила совершенно спокойно:

— Нѣтъ, батенька, это дѣло нужно оставить: у васъ ничего нѣтъ и у меня ничего нѣтъ,—толку выйдетъ мало. Я давно знаю эти умные разговоры, а также и то, къ чему они ведутъ... Однимъ словомъ, поищите дуры попроще, а я еще хочу пожить въ свою долю. Надѣюсь, что мы отлично поняли другъ друга.

Въ послѣднее время Братковскій имѣлъ меньше времени для свиданій съ Анненькой, потому что, въ качествѣ секретаря генерала, долженъ былъ присутствовать на консультаціи, гдѣ велъ журналъ засѣданій и докладывалъ протоколы генерала, а потомъ получилъ роль въ новой пьесѣ, которую Сарматовъ ставилъ на домашней сценѣ. Съ секретарскими работами Анненька мирилась, но чтобы ея „предметъ", въ качествѣ jeune premier, при всѣхъ на сценѣ цѣловалъ Наташу Шестеркину—это было выше ея силъ.

— Я этой Наташкѣ всѣ глаза выцарапаю,—увѣряла Анненька въ порывѣ справедливаго негодованія.—Вотъ увидишь, Эминька, какъ кошка, такъ и вцѣплюсь. Пусть тогда Братковскій цѣлуется съ ней.

— Нашла кого ревновать,—презрительно замѣчала m-lle Эмма.—Да я на такого прощелыгу и смотрѣть-то не стала бы... Терпѣть не могу мужчинъ, которые заняты собой и воображаютъ Богъ знаетъ что. „Красавецъ!", „Восторгъ!", „Очаровалъ!" Тьфу! А Братковскій гаращитъ глаза и важничаетъ. Ему и шевелиться-то лѣнь, лупоглазому. Теленокъ теленкомъ... Вотъ ужъ на твоемъ мѣстѣ никогда и не взглянула бы!

Анненька зажимала ротъ m-lle Эммѣ рукой и продолжала свое, какъ ее ни уговаривала разсудительная подруга, не любившая въ жизни никакой суеты, даже въ любви. Но уговорить Анненьку было не такъ-то легко: она скрежетала зубами, рвала на себѣ волосы и вообще страшно неистовствовала. Иногда она старалась не думать о готовившемся спектаклѣ, но ее точно подталкивалъ какой-то бѣсъ и шепталъ на ухо: „Вотъ теперь Братковскій идетъ на репетицію... вотъ онъ въ уборной у Наташи и помогаетъ ей гримироваться... вотъ онъ улыбается и смотритъ такъ ласково своими голубыми глазами". Бѣдная „галка" ходила, какъ помѣшанная, и, не имѣя силъ преодолѣть чувства ревности, рѣшилась накрыть Братковскаго на самомъ мѣстѣ преступленія, то-есть подкараулить на одной изъ репетицій.

Сарматовъ, такъ милостиво отмѣченный набабомъ, хотѣлъ удивить міръ злодѣйствомъ, какъ самъ характеризовалъ свою театральную затѣю. Онъ не щадилъ ни себя ни другихъ, чтобы удивить набаба блестящей постановкой

пьесы. Нужно было выбрать такую пьесу, гдѣ можно было бы показать всѣхъ кукарскихъ красавицъ разомъ. Послѣ долгихъ колебаній Сарматовъ остановился на одной изъ комедій Потѣхина. Въ число исполнителей были завербованы всѣ наличныя силы и, между прочимъ, Луша Прозорова. Послѣднимъ Сарматовъ подкупилъ всесильнаго Прейна, который молча и многознаменательно пожалъ руку театральному директору.

— Старый артиллеристъ все видитъ и умѣетъ молчать, какъ рыба, Альфредъ Осипычъ,—отвѣтилъ на это пожатіе Сарматовъ.

— Благодарю, благодарю... А какой костюмъ нужно будетъ сдѣлать для Прозоровой?

— Костюмъ? Можно бѣлый, какъ эмблему невинности, но, по-моему, лучше розовый. Да, розовый—цвѣтъ любви, цвѣтъ молодости, цвѣтъ радостей жизни!..—говорилъ старый интриганъ, слѣдя за выраженіемъ лица Прейна.— А впрочемъ, лучше всего будетъ спросить у самой Гликеріи Виталіевны... У этой дѣвушки бездна вкуса!

Прейнъ улыбнулся и фамильярно потрепалъ стараго солдата по плечу.

Луша съ удовольствіемъ согласилась принять участіе въ спектаклѣ, потому что сидѣть въ своемъ флигелькѣ и слушать пьяный бредъ отца ей было хуже смерти. Она еще никогда не играла на сценѣ и съ любопытствомъ новичка увлекалась даже неприглядной изнанкой театра. Ей нравилась эта длинная, мрачная казарма, служившая временнымъ помѣщеніемъ для театра. Сколоченные на живую руку подмостки едва освѣщались двумя-тремя дрянными лампами, и эта убогая любительская сцена, загроможденная кулисами и декораціями, терялась въ окружавшемъ мракѣ громаднаго зданія мутнымъ пятномъ. Подойдя къ рампѣ, Луша подолгу всматривалась въ черную глубину партера, съ едва обрисовывавшимися рядами креселъ и стульевъ, населяя это пространство сотнями живыхъ лицъ, которыя будутъ, какъ одинъ человѣкъ, смотрѣть на нее, ловить каждое ея слово, малѣйшее движеніе. Перспектива сценической дѣятельности какъ-то вдругъ досказала Лушѣ то, чего ей недоставало: вотъ гдѣ ея мѣсто... Дѣвушкѣ нравилось здѣсь все—и затхлый, застоявшійся воздухъ, пропитанный запахомъ свѣжей краски отъ декорацій, керосиномъ и еще какой-то гнилой дрянью, и безпорядочность закулисной обстановки, и общая безтолковая суматоха, точно она попала въ трюмъ какого-то громаднаго корабля, который уносилъ ее въ счастливую даль. Что-то фантастическое чувствовалось кругомъ, точно какая дѣтская сказка безъ начала и конца... А главное, вся эта театральная обстановка какъ нельзя больше отвѣчала душевному настроенію Луши. Вѣдь вся эта нескладная театральная суматоха и всеобщая путаница являлась только живымъ сколкомъ и продолженіемъ того, что считалось за дѣйствительность въ господскомъ домѣ: тѣ же декораціи и кулисы, тотъ же оптическій обманъ на каждомъ шагу и только меньше фальши и лжи, хотя актеры и актрисы должны были изображать совсѣмъ другихъ людей.

Даже неистовство Сарматова нравилось Лушѣ, потому что онъ неистовствовалъ отъ чистаго сердца, не скрывая своего желанія выслужиться. Въ пылу усердія онъ кричалъ на всѣхъ какимъ-то неестественно-тонкимъ голосомъ, какъ поютъ молодые пѣтухи, ходилъ по сценѣ театрально-непринужденнымъ шагомъ, говорилъ всѣмъ дерзости и тысячью другихъ пріемовъ старался вдохнуть въ своихъ сотрудниковъ по сценѣ одолѣвавшій его артистическій жаръ. Особенно доставалось Наташѣ Шестеркиной и Канунниковой, которыя не разъ плакали отъ выходокъ Сарматова и все-таки продолжали приносить посильныя жертвы на алтарь искусства.

— Наталья Ефимовна! Актриса должна себя держать совсѣмъ непринужденно на сценѣ!..—кричалъ Сарматовъ на конфузившуюся Шестеркину.— А вы не знаете, куда дѣваться съ руками... Наталья Ефимовна! ради всего святого, уберите ваши колѣнки! Ахъ, Боже мой! Извините! Колѣнки вы убрали, а зачѣмъ, съ позволенія сказать, начинаете выпячивать животъ и переваливаетесь, какъ гусыня? А вы, m-lle Канунникова, вы держите голову съ такимъ трудомъ, точно она набита у васъ свинцовой дробью. Держитесь свободно, не стѣсняйтесь! Вонъ посмотрите на Братковскаго: этотъ гусь точно родился на сценѣ, а между тѣмъ я чувствую, что онъ-то и провалитъ меня, безъ ножа зарѣжетъ... Признайтесь, Гуго Альбертовичъ, вѣдь вы до сихъ поръ своей роли ни въ зубъ толкнуть и будете удить рыбу изъ суфлерской будки?..

Братковскій только улыбался и даже не давалъ себѣ труда отшучиваться.

На репетиціяхъ, кромѣ офиціально назначенныхъ актеровъ, толпились, въ качествѣ добровольцевъ, Перекрестовъ съ Летучимъ. Эти „почти молодые люди“ постоянно заглядывали въ дамскую уборную и старались заслужить вниманіе любительницъ разными мелкими услугами: переставляли стулья, носили переписанныя роли и даже пришивали пуговицы, когда это требовалось. Перекрестовъ толкался на сценѣ изъ любви къ искусству и отчасти движимый желаніемъ поволочиться за хорошенькими женщинами при иной, сближающей обстановкѣ, какую создаютъ любительскіе спектакли. Что̀ касается Летучаго, то этотъ прогорѣвшій сановникъ, выдохшійся даже по части анекдотовъ изъ „дѣтской жизни“, спился окончательно и приходилъ въ театръ съ бутылкой водки въ карманѣ, выпивалъ ее черезъ горлышко гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ, а потомъ забирался въ самый дальній конецъ партера, ложился между стульями и мирно почивалъ.

— Театръ—это цивилизующая сила, ораторствовалъ Перекрестовъ, забравшись въ дамскую уборную.—Она вноситъ въ темную массу несравненно больше, чѣмъ всѣ наши университеты и школы. Притомъ сцена именно есть та сфера, гдѣ женщина можетъ показать всѣ силы своей души: это ея стихія, какъ представительницы чувства по преимуществу.

Театральная суматоха была нарушена трагикомическимъ эпизодомъ, который направленъ былъ рукой какого-то шутника противъ Сарматова. Именно, во время одной репетиціи, когда всѣ актеры были въ сборѣ, на сценѣ неожиданно появилась Прасковья Семеновна, украшенная розовыми бантиками.

— Мнѣ нужно видѣть директора театра,—спрашивала она совершенно серьезнымъ тономъ, отыскивая глазами Сарматова.

— Къ вашимъ услугамъ, сударыня,—съ комической вѣжливостью расшаркивался Сарматовъ, напрасно придумывая какую-нибудь остроумную шуточку надъ полусумасшедшей дѣвушкой.—Чѣмъ могу служить вамъ?

— Я получила приглашеніе отъ васъ играть роль первой любовницы,— съ прежнимъ спокойствіемъ проговорила Прасковья Семеновна, не замѣчая насмѣшливыхъ улыбокъ.—Вотъ я и пришла...

— Это недоразумѣніе, Прасковья Семеновна...—смутился Сарматовъ отъ такой неожиданности.—У насъ уже есть первая любовница.

Этотъ отвѣтъ исказилъ добродушно-сосредоточенное лицо Прасковьи Семеновны; глаза у ней сверкнули чисто-сумасшедшимъ гнѣвомъ, и она обрушилась на директора театра цѣлымъ граломъ упрековъ и ругательствъ, а потомъ бросилась на него прямо съ кулаками. Ее схватили и пытались успокоить, но все было напрасно: Прасковья Семеновна отбивалась и долго оглашала театръ своимъ крикомъ, пока пароксизмъ бѣшенства не разрѣшился слезами.

— Меня всѣ обманываютъ,—шептала несчастная дѣвушка, глотая слезы.— И теперь мое мѣсто занято, какъ всегда. Директоръ лжетъ, онъ самъ приглашалъ меня... Я буду жаловаться!.. О, я все знаю, рѣшительно все! Но меня не провести! Да, еще немножко подождите... Вѣдь ужъ онъ пріѣхалъ и все знаетъ.

Нашлись такіе любители скандаловъ, которые хотѣли потѣшиться надъ заговаривавшейся дѣвушкой, но какая-то добрая рука увела ее со сцены подъ однимъ изъ тѣхъ предлоговъ, при помощи которыхъ заставляютъ уходить изъ комнаты дѣтей. На Лушу этотъ маленькій эпизодъ подѣйствовалъ крайне тяжело, и она просидѣла все время въ уборной, пока Прасковья Семеновна кричала и плакала на сценѣ. Но послѣ репетиціи, когда Луша проходила по узкому коридорчику между кулисами, кто-то въ темнотѣ схватилъ ее за руку точно желѣзными клещами, такъ что она даже вскрикнула отъ испуга и боли.

— А, попалась... Ха-ха!..—кричалъ хриплый голосъ, по которому Луша едва узнала Прасковью Семеновну.—Ты отбила мое мѣсто, но я тебѣ устрою штуку. Ты будешь меня помнить... Ха-ха!..

Луша чувствовала на себѣ пристальный взглядъ сумасшедшей и не смѣла шевельнуться; къ ея лицу наклонялось страшное и искаженное злобой лицо; она чувствовала прерывистое тяжелое дыханіе своего врага, чувствовала, какъ ей передается нервная дрожь чужого бѣшенства. Подоспѣвшій на выручку Братковскій помогъ Лушѣ освободиться отъ этого объясненія, и она едва добрела до уборной, гдѣ и упала въ обморокъ. Поднялась новая суматоха, послали за докторомъ, но Луша пришла въ себя сейчасъ же, какъ ее спрыснули холодной водой. Она долго сидѣла на грязномъ диванчикѣ въ уборной, плохо понимая, что дѣлается кругомъ, точно все это былъ какой-то сонъ, тяжелый и мучительный. Только когда въ дверяхъ уборной показалась длинная фигура доктора Кормилицына, Луша точно проснулась.

— Не нужно, ничего не нужно... — проговорила она, жестомъ прося доктора не входить.—Мнѣ лучше... Это пустяки. Не говорите ничего отцу.

— Что такое случилось? Что съ вами, мой ангелъ? — кричалъ Прейнъ, врываясь въ уборную: его тоже успѣлъ кто-то предупредить. — Ахъ, какъ я испугался...

— Напрасно... Можетъ-быть, лучше было бы умереть,—проговорила Луша, начиная сердиться.—Уходите, пожалуйста... „мой ангелъ“!

Въ послѣднее время всѣ стали замѣчать, что Прасковья Семеновна сильно измѣнилась, начала рядиться въ какіе-то бантики, пряталась отъ всѣхъ, писала какія-то таинственныя записочки и вообще держала себя самымъ страннымъ образомъ. Раиса Павловна давно замѣтила эту перемѣну въ сумасшедшей и боялась, какъ бы она не выкинула какой-нибудь дикой штуки въ присутствіи набаба; но выселить ее изъ господскаго дома не рѣшалась.

Анненька, желая накрыть Братковскаго на самомъ мѣстѣ преступленія, нѣсколько разъ совершенно незамѣтно пробиралась на сцену и, спрятавшись гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ или за кулисами, по цѣлымъ часамъ караулила свой „предметъ“. Эта засада однако не приводила ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, потому что Братковскій держалъ себя, какъ и всѣ другіе мужчины. Впрочемъ, съ прозорливостью влюбленной, Анненька поймала нѣсколько такихъ взглядовъ Наташи Шестеркиной на „предметъ“, что сомнѣнія не оставалось. Наташа любила его. Сдѣланное открытіе стоило Анненькѣ большихъ слезъ и еще большей злобы противъ счастливой соперницы; оставалось только выслѣдить ихъ вдвоемъ и накрыть.

Всѣмъ влюбленнымъ случай, какъ извѣстно, является покорнѣйшимъ

слугою; онъ же помогъ и Анненькѣ довершить предпринятый подвигъ. Репетиція была назначена вечеромъ; Анненька съ утра притворилась больной, а когда m-lle Эмма ушла къ Раисѣ Павловнѣ, она, какъ ящерица, улизнула въ театръ и пробралась на свой наблюдательный постъ. На этотъ разъ Братковскій нетерпѣливо шагалъ по сценѣ, заложивъ руки за спину. Не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ ждалъ ее. Было еще рано, и актеры только-что начинали собираться и шушукались отдѣльными кучками. Братковскій нѣсколько разъ посмотрѣлъ на часы и все поправлялъ свои русые волосы нетерпѣливымъ жестомъ. Но вотъ мимо Анненьки скользнула знакомая женская фигура, закутанная въ большой платокъ: это была Наташа Шестеркина. Она прошла къ тому углу сцены, гдѣ были свалены старыя декораціи, и сдѣлала знакъ Братковскому, чтобы онъ шелъ за ней. Анненька должна была придерживать грудь рукой, чтобы сдержать колотившееся сердце, а потомъ она, какъ кошка, начала подкрадываться къ уединившейся парочкѣ. Ей пришлось сдѣлать порядочный крюкъ, чтобы подойти къ вороху кулисъ совершенно незамѣченной. Вотъ ужъ близко, всего нѣсколько шаговъ... Можно разсмотрѣть, какъ Братковскій крѣпко обнялъ Наташу одной рукой и, наклонивъ голову, что-то внимательно слушалъ. Потомъ до ушей Анненьки донесся сдержанный, счастливый смѣхъ ея разлучницы. Вся кровь прилила къ головѣ Анненьки, сердце замерло, въ глазахъ пошли красные круги; еще нѣсколько шаговъ—и она у цѣли. Счастливая парочка такъ близко отъ нея, что можно доскочить однимъ прыжкомъ, и Анненька почти чувствуетъ подъ своими ногтями бѣлую кожу Наташи Шестеркиной. Но нужно немного перевести духъ...

— Что же она?—спрашивалъ Братковскій.

— Она?.. Ха-ха... Анненька такая глупая, что ее обмануть ничего не стоитъ. Вѣдь она караулила тебя здѣсь все время, а ты и не подозрѣвалъ?

— Этого еще недоставало!.. Ничего нѣтъ скучнѣе этихъ кисейныхъ барышень, которыя ничего не понимаютъ... Вѣдь сама видитъ, что надоѣла, а уйти толку не достаетъ.

— А тебѣ неужели не жаль Анненьки?

— Я могу женщину любить только до тѣхъ поръ, пока она не потеряла ума, а какъ только начались охи да вздохи, да еще слезы...

Братковскій сдѣлалъ выразительный жестъ рукой, а Шестеркина засмѣялась. Анненька слишкомъ хорошо изучила ея манеру говорить и смѣяться и вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Послышался долгій поцѣлуй.

— А все-таки необходимо поскорѣе отдѣлаться отъ этой дуры,—заговорила опять Шестеркина, прижимаясь къ своему кавалеру: — а то она еще, пожалуй, устроитъ такой скандалъ, что и не расхлебаешь.

— Вздоръ!..

— Нѣтъ, я ее отлично знаю...

Анненька не могла больше выносить и, какъ тигренокъ, бросилась на свою жертву, стараясь впѣпиться ей прямо въ лицо. Неожиданность нападенія совсѣмъ обезкуражила Братковскаго, онъ стоялъ неподвижно и глупо смотрѣлъ на двухъ отчаянно боровшихся женщинъ, которыя скоро упали на полъ и здѣсь уже продолжали свою борьбу.

— Анька... дура! Да ты, кажется, совсѣмъ съ ума сошла?—послышался голосъ защищавшейся.

У Анненьки упали руки при звукахъ этого знакомаго голоса—это была не Наташа Шестеркина, а m-lle Эмма, которая смѣшно барахталась своими круглыми руками и ногами, напрасно стараясь оттолкнуть нападавшую Анненьку.

— Право, настоящая дура!—уже сердито проговорила m-lle Эмма, поднимаясь съ пола.—Ну. къ чему было лицо ногтями царапать?..

Бѣдная, уничтоженная Анненька сидѣла на полу въ самомъ отчаянномъ видѣ и рѣшительно не могла понять, во снѣ она или наяву.

XXIX.

Занятія консультаціи были въ полномъ разгарѣ, хотя самъ Евгеній Константинычъ теперь рѣдко посѣщалъ ея засѣданія. Дѣло Родіона Антоныча было совсѣмъ дрянь, и онъ, махнувъ на все рукой, плылъ туда, куда его уносилъ стремительный потокъ событій. Да и что̀ онъ могъ сдѣлать одинъ противъ четверыхъ? Выходила полная неустойка, какъ говорилъ Семенычъ. Тетюевцы разнесли по щепамъ всю внутреннюю политику Раисы Павловны, и безпристрастный генералъ, находившійся подъ сильнымъ давленіемъ Нины Леонтьевны, замѣтно началъ склоняться на сторону тетюевцевъ. Въ чашѣ испытаній, какую приходилось испить Родіону Антонычу, мужицкіе ходоки являлись послѣдней каплей, потому что генералъ, хотя и былъ поклонникомъ капитализма и смотрѣлъ на рабочихъ, какъ на олицетвореніе пудофутовъ, но склонялся незамѣтно на сторону мужиковъ, потому что его подкупалъ тонъ убѣжденной мужицкой рѣчи.

— Твое желаніе исполнилось,—говорилъ Прейнъ, отыскавъ Лушу въ театрѣ:—Платона Васильевича мы покончили совсѣмъ...

— А ты не обманываешь меня?

— Если не вѣришь мнѣ, такъ завтра сама можешь узнать отъ Раисы Павловны,—отвѣтилъ Прейнъ обиженнымъ тономъ порядочнаго человѣка.

Луша торжествовала: ея завѣтное желаніе исполнилось. Сегодня итти къ Раисѣ Павловнѣ было поздно, но зато завтра она воочію убѣдится въ случившемся. Ей страстно хотѣлось видѣть, какъ Раиса Павловна приметъ извѣстіе о своемъ пораженіи и какъ она отнесется къ Прейну, на котораго надѣялась, какъ на каменную стѣну. Вотъ будетъ комедія!..

Луша долго не могла заснуть въ эту ночь. Вслѣдъ за картиной пораженія Раисы Павловны, предъ ней встала другая, болѣе широкая — это торжество партіи Тетюева съ Ниной Леонтьевной во главѣ. Вотъ самодовольная надутая фигура „моего Майзеля“, вотъ хитро улыбающееся бородатое лицо Вершинина, вотъ дѣлецъ Тетюевъ со своимъ „я“, вотъ сама чугунная болванка, расплывшаяся и безобразная... Луша одинаково ненавидѣла эту торжествующую шайку дѣльцовъ, ненавидѣла той отраженной ненавистью, какая созрѣла въ ней въ послѣднюю поѣздку въ горы, когда всѣ начинали смотрѣть на нее, какъ на кандидатку въ куртизанки. Особенно ненавидѣла Луша заводскихъ аристократовъ, которые такъ жалко пресмыкались предъ Ниной Леонтьевной... Чѣмъ Раиса Павловна хуже безобразной болванки? Дальше Луша думала о томъ, кто займетъ мѣсто Горемыкина, и старалась представить себѣ картину разрушенія стараго режима, сложившагося около Раисы Павловны. Кто потеряетъ и кто выиграетъ въ этой новой суматохѣ? Прейнъ нѣсколько разъ говорилъ, что больше всего шансовъ на сторонѣ Тетюева... Итакъ, вмѣсто Раисы Павловны будетъ царить Авдѣй Никитичъ Тетюевъ. Глупо! Когда ненавистная Раиса Павловна, была побѣждена, и въ душѣ Луши проснулось къ этой женщинѣ какое-то неясное, но теплое чувство. Вѣдь если разобрать справедливо, такъ Раиса Павловна ничѣмъ не хуже другихъ, а только умнѣе во сто разъ. И Лушу она любила по-своему, особенно въ послѣднее время. Да, любила; любила немного по-кошачьи, но все-таки любила.

Передъ Лушей протянулся длинный рядъ воспоминаній, какъ Раиса Павловна готовила ее къ балу, какъ съ замиравшимъ сердцемъ слѣдила за ея первыми успѣхами, какъ старалась выдвинуть ее на первый планъ съ тактикой настоящей великосвѣтской женщины и какъ наконецъ создала то, чѣмъ теперь Луша пользуется. Одной красоты и молодости мало для женщинъ, а нужна еще выдержка, тактъ, извѣстная оригинальная складка, что̀ и было разработано въ Лушѣ той же Раисой Павловной.

„Но вѣдь Раиса Павловна погубила отца...—думала Луша, движимая старымъ наболѣвшимъ чувствомъ. — Она и меня преслѣдовала, когда я была маленькой замарашкой".

Раньше Луша относилась къ отцу почти индифферентно или съ сдержаннымъ чувствомъ холоднаго презрѣнія, а теперь начинала бояться его. Что̀ онъ скажетъ, когда узнаетъ все? Никакая тайна не останется тайной. Этотъ погибшій человѣкъ отвернется отъ нея, какъ отъ содержанки Прейна. Онъ броситъ въ нее первый камень. Жалкій отецъ только одинъ и вставалъ между ней и Прейномъ. Луша видѣла его презрительную улыбку и чувствовала всѣмъ тѣломъ его злой, насмѣшливый взглядъ. Но изъ-за страха передъ отцомъ въ душѣ Луши выступило болѣе сильное чувство: она жалѣла этого жалкаго, потеряннаго человѣка и только теперь поняла, какъ его всегда любила. Вѣдь это была недюжинная голова, человѣкъ съ искрой въ душѣ, который при другихъ обстоятельствахъ могъ быть университетской знаменитостью или выдающимся представителемъ въ области литературы. Мысли объ отцѣ были единственной тайной Луши отъ Прейна, и она берегла эту послѣднюю святыню, какъ берегутъ иногда дѣтскія игрушки, которыя напоминаютъ о счастливомъ и невинномъ дѣтствѣ. И все-таки отца погубила окончательно Раиса Павловна... Это рѣшеніе созрѣло въ головѣ Луши еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и въ такомъ видѣ сберегалось до послѣдняго времени, какъ не требующая доказательствъ аксіома. Но первое проснувшееся чувство расширило душевный горизонтъ Луши, и она теперь старалась провѣрить дѣтскую аксіому, принимая мѣркой свой личный опытъ. Кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ: Раиса Павловна или отецъ?.. Въ сущности, она судила только по догадкамъ и только отчасти по двумъ-тремъ письмамъ, доставшимся ей послѣ матери. Исторія была самая темная. Да и какъ ей судить ихъ? Просвѣтленная собственнымъ чувствомъ, Луша долго думала о самой себѣ и своихъ отношеніяхъ къ Прейну. Эта неожиданная встрѣча тоже носила въ себѣ что-то роковое, какъ и встрѣча отца съ Раисой Павловной. Луша дѣйствительно любила Прейна, любила человѣка умнаго и сильнаго—всего вѣрнѣе послѣднее. Именно сила Прейна производила на нее обаятельное дѣйствіе: это былъ всемогущій человѣкъ, создавшій свое положеніе однимъ своимъ умомъ. Конечно, онъ старъ и некрасивъ, но все-таки во сто разъ лучше тѣхъ молодыхъ и красивыхъ, которыхъ встрѣчала Луша до настоящаго времени, не говоря уже объ Яшкѣ Кормилицынѣ. Дѣвушка поклонялась силѣ, потому что въ самой себѣ чувствовала эту силу, а жить, какъ живутъ всѣ другіе люди—день за днемъ—не стоило труда.

Долго не спала Луша въ эту ночь, ворочаясь на своей постели. Ночь была темная и дождливая; деревья въ саду шумѣли, точно говоръ далекой толпы, волновавшейся, какъ море. Крупныя капли дождя хлестали въ стекла съ сухимъ трескомъ, какъ горохъ, а рамы вздрагивали и тихо дребезжали подъ напоромъ метавшагося вѣтра. Гдѣ-то выла собака, сильно сконфуженная происходившими въ природѣ безпорядками. А потомъ глухо гукнулъ отдаленный раскатъ грома, точно вѣстовая пушка. Шумъ началъ стихать, и дождь

хлынулъ ровной полосой, какъ изъ открытаго душа, но потомъ все стихло, и рѣдкія капли дождя падали на мокрую листву деревьевъ, на размягчій песокъ дорожекъ и на осклизнувшую крышу съ такимъ звукомъ, точно кто бросалъ дробь въ воду горстями. Но это было временное затишье, какъ бываетъ предъ надвигающейся грозой. Вотъ рѣжущимъ блескомъ вспыхнула первая молнія и рѣзкимъ грохотомъ разсыпался первый ударъ, точно съ неба обрушилась на землю цѣлая гора, раскатившаяся по каменьку. Опять затишье и новая молнія, и вслѣдъ за ней уже безъ всякаго перерыва покатились страшные громовые раскаты, точно какая-то сильная рука въ клочья рвала все небо съ оглушающимъ трескомъ. Луша не боялась грозы и съ замирающимъ сердцемъ любовалась вспыхивавшей ночной темью, пока громовые раскаты стали дѣлаться слабѣе и рѣже, постепенно превращаясь въ отдаленный глухой рокотъ, точно по какой-то необыкновенной мостовой катился необыкновенно громадный экипажъ.

Поздно утромъ, когда Луша проснулась, около ея кровати сидѣла Раиса Павловна. По блесткамъ дождевыхъ капель въ волосахъ и по темнымъ пятнамъ отъ такихъ же капель на платьѣ и на большой темной шали, въ которую она куталась до самаго подбородка, было видно, что Раиса Павловна только-что пришла. Она сидѣла съ опущенной головой, въ задумчивой позѣ, и не замѣчала, что Луша давно уже смотрѣла на нее. Блѣдное, обрюзгшее лицо было бы совсѣмъ безобразно, если бы не освѣщалось какой-то глубокой думой, которая заставляла Раису Павловну забывать и промокшія насквозь прюнелевые башмаки, и недоконченный туалетъ, и мѣсто, гдѣ она сидѣла.

— Ахъ, ты ужъ проснулась?—проговорила Раиса Павловна, выведенная изъ своего забытья движеніемъ Лушиной головы.

— Да... Что случилось, Раиса Павловна?—сухо спросила дѣвушка, напрасно стараясь замаскировать овладѣвшее ею чувство радости при видѣ разбитаго врага.

— Ничего особеннаго...

Раиса Павловна нервно улыбнулась и опустила глаза; ее душило, и слезы стояли въ горлѣ.

— Я пришла проститься съ тобой, Луша,—заговорила Раиса Павловна душевнымъ, простымъ тономъ, съ нечеловѣческими усиліями подавляя бушевавшія въ ней горькія мысли.

— Что такое? Какъ проститься?—отвѣтила Луша, не давая себѣ труда даже притвориться хорошенько.—Я, кажется, еще никуда не уѣзжаю, Раиса Павловна.

— Зачѣмъ ты обманываешь меня, голубчикъ? Я не за этимъ пришла... Мнѣ хочется на прощанье много тебѣ высказать, потому что... вѣроятно, больше намъ уже не придется встрѣтиться, хотя и я,—какъ ты, конечно, знаешь,—тоже уѣзжаю.

„Скатертью дорога",—про себя подумала Луша, пока Раиса Павловна съ трудомъ переводила духъ.

— Я знаю твой выборъ,—тихо проговорила Раиса Павловна, глядя прямо въ лицо Луши.—И знала его гораздо раньше, чѣмъ ты думаешь. Но дѣло не въ этомъ. Я пришла поговорить съ тобой... ну, какъ это тебѣ сказать?—поговорить, какъ мать съ дочерью.

— Раиса Павловна, пожалуйста, оставьте это святое слово въ покоѣ... Какъ-то вамъ нейдетъ говорить: мать!

При видѣ смиренія Раисы Павловны въ Лушѣ поднялась вся старая накипѣвшая злость, и она совсѣмъ позабыла о томъ, что думала еще вече-

ромъ о той же Раисѣ Павловнѣ. Духа примиренія не осталось и слѣда, а его смѣнило желаніе наплевать въ размалеванное лицо этой старухѣ, которая пришла сюда съ новой ложью въ головѣ и на языкѣ. Луша не вѣрила ни одному слову Раисы Павловны, потому что мозгъ этой старой интриганки былъ насквозь пропитанъ той ложью, которая начинаетъ вѣрить сама себѣ. Что̀ ей нужно? зачѣмъ она пришла сюда?

— Ты права, Луша...—отвѣтила Раиса Павловна, блѣднѣя:—я беру свое слово назадъ. Но ты все-таки позволишь мнѣ высказать тебѣ все, что̀ у меня лежитъ на душѣ?

— Говорите... если вамъ это доставляетъ удовольствіе,—съ прежнимъ безсердечіемъ замѣтила Луша, пожимая плечами.—Только я думаю, что между нами всякіе разговоры—совершенно излишняя роскошь. Надѣюсь, что мы и безъ словъ понимаемъ другъ друга.

Луша сухо засмѣялась, хрустнувъ пальцами. Въ запыленныя, давно непротертыя окна пробивался въ комнату тотъ особенно яркій свѣтъ, какой льется съ неба по утрамъ только послѣ грозы—все кругомъ точно умылось и блеститъ дѣтской улыбающейся свѣжестью. Мохнатыя лапки отцвѣтшихъ акацій едва замѣтно вздрагивали подъ легкой волной набѣгавшаго вѣтерка и точно сознательно стряхивали съ себя послѣднія капли ночного дождя; нѣсколько такихъ вѣточекъ съ любопытствомъ заглядывали въ самыя окна.

— Можно открыть окно?—спросила Раиса Павловна, задыхаясь отъ бросившейся въ голову крови.

— Будьте такъ любезны... А вы мнѣ позволите одѣться сначала?

— Позволяю...

Черезъ четверть часа Луша была готова, и Раиса Павловна распахнула окно, въ которое широкой волной хлынула еще не успѣвшая улетучиться ночная свѣжесть. Пахнуло цвѣточнымъ ароматомъ, и вмѣстѣ съ струей свѣжаго воздуха ворвался въ комнату неясный гулъ работавшей фабрики. Что-то бодрое и сильное ликовало тамъ, сейчасъ за предѣлами прозоровскаго флигелька, гдѣ зелеными кружевами поднимались шпалеры акацій и сиреней, круглились зелеными шапками липы и сквозили на солнцѣ прорѣзными вершинами мохнатыя стройныя ели. Сколько покоя, сколько мира чувствовалось подъ этимъ открытымъ голубымъ небомъ, того мира, котораго недостаетъ безсильному, слабому человѣку, придавленному къ землѣ своей безконечной злобой. Въ ожиданіи разговора, Луша сѣла на свой прорванный диванчикъ, а Раиса Павловна тяжело ходила по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Въ послѣднее время, Луша, я не спала нѣсколько ночей, думая о тебѣ,—заговорила Раиса Павловна, съ трудомъ переводя духъ.—Ты сдѣлала рискованный шагъ, слишкомъ смѣлый для твоего возраста и неопытности. Съ этой дороги возврата нѣтъ. Но я пришла не для того, чтобы читать тебѣ наставленія, а просто хочется поговорить по душѣ. Ты только начинаешь свою жизнь, а я ее кончаю; поэтому не лишнее будетъ замѣтить тебѣ кое-что изъ моего житейскаго опыта. Сначала я испугалась ожидающей тебя участи, но потомъ передумала: порядочной честной женщиной, какъ это принято понимать, не сто̀итъ жить, потому что все противъ насъ... Если мужчина, на сторонѣ котораго всѣ права и преимущества, можетъ эксплоатировать женщинъ въ свою пользу, не заслуживая ничьего порицанія, то почему же женщина не можетъ распорядиться точно такъ же единственнымъ своимъ преимуществомъ? Посмотри на меня: что̀ я такое? Жалкая старуха—и больше ничего. Въ настоящую минуту у меня ничего нѣтъ: ни общественнаго положенія, ни молодости, ни друзей, даже нѣтъ того, что̀ остается послѣ всѣхъ

крушеній и неудачъ—сознанія, что я, дѣйствительно, сдѣлала все, что̀ могла. Нѣтъ, мнѣ не осталось даже и этого утѣшенія, хотя я была когда-то красива, не глупа и цѣлую жизнь работала—конечно, работала по-своему... Вотъ въ этой-то работѣ ты и можешь видѣть то проклятіе, которое тяготѣетъ надъ женщиной. Мы всегда остаемся въ жизни какимъ-то придаткомъ мужчины, и возможная для насъ дѣятельность совершается только изъ-за его спины. Самой умной женщинѣ пробить себѣ дорогу только одной своей головой—дѣло почти невозможное; она всегда остается на полудѣтскомъ положеніи, и ея трудъ цѣнится наравнѣ съ дѣтскимъ. Получается самое проклятое положеніе, тѣмъ болѣе, что требуютъ отъ женщины неизмѣримо больше, чѣмъ отъ мужчины. Малѣйшая ошибка, малѣйшій невѣрный шагъ—всѣ противъ нея и больше всѣхъ сами же женщины. Про свою жизнь не буду тебѣ разсказывать—слишкомъ много глупостей, или, вѣрнѣе, одна сплошная глупость, хотя я всегда слыла за особу, которая умѣетъ обдѣлывать свои дѣла и ни передъ чѣмъ не остановится.

Луша слушала эту плохо вязавшуюся тираду съ скучающимъ видомъ человѣка, который знаетъ впередъ все отъ слова до слова. Нѣсколько разъ она нетерпѣливо откидывала свою красивую голову на спинку дивана и поправляла волосы, собранные на затылкѣ широкимъ узломъ; дешевенькое ситцевое платье красивыми складками ложилось около ногъ, открывая широкимъ вырѣзомъ бѣлую шею съ круглой ямочкой въ томъ мѣстѣ, гдѣ срастались ключицы.

— Мнѣ цѣлую жизнь приходилось барахтаться въ самой некрасивой обстановкѣ,—продолжала Раиса Павловна:—интриговать, обманывать, лгать на каждомъ шагу и вѣчно дѣйствовать черезъ третьи руки. Единственнымъ утѣшеніемъ оставалось сознаніе, что окружавшіе меня люди, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, ничѣмъ не лучше, за исключеніемъ развѣ того, что они въ большинствѣ случаевъ были непроходимо-глупы. И что̀ же? Конецъ ты сама знаешь... Но, уже когда жизнь прошла, я пришла къ тому убѣжденію, что нужно было жить совсѣмъ иначе. Видишь, въ чемъ дѣло. Я подраздѣляю людей на двѣ категоріи: на человѣческое мясо, которое мясомъ родится, мясомъ живетъ и мясомъ умираетъ, и на собственно людей—настоящую человѣческую аристократію, выдвинувшуюся изъ остальной безличной массы или умомъ, или характеромъ, или красотой, или талантомъ. Я говорю объ этой второй категоріи и, собственно, объ ея женскомъ отдѣлѣ. Такимъ женщинамъ нужна широкая дѣятельность, не обставленная выдохшимися привычками, обычаями и правилами, и такая дѣятельность доступна только вполнѣ свободной женщинѣ. Послѣднее время открыло нѣсколько такихъ профессій и полуобщественныхъ положеній, гдѣ женщина можетъ найти приложеніе своимъ силамъ и взять отъ жизни все, что̀ та можетъ дать. Конечно, общественные предразсудки высказываются противъ такой дѣятельности, пробивающей брешь въ старыхъ порядкахъ; но что̀ же дѣлать, если намъ не остается прямого выхода, нѣтъ дороги...

— Я это уже слыхала, Раиса Павловна, и не могу понять, при чемъ я-то тутъ?—спрашивала Луша.

— Вотъ о тебѣ и рѣчь, Луша... Ты молода, красива, по-своему умна и обладаешь счастливымъ характеромъ. Словомъ, въ твоихъ рукахъ всѣ данныя, чтобы устроить свою жизнь настоящимъ образомъ. Я буду счастлива уже тѣмъ, если когда-нибудь услышу, что ты хорошо устроилась, въ чемъ я не сомнѣваюсь. Ты начинаешь съ того, съ чего когда-то слѣдовало начать и мнѣ но я пропустила лѣтъ тридцать, а родиться во второй разъ для повто-

ренія опыта не приведется. Прейнъ изъ мужчинъ его круга недурной человѣкъ и сумѣетъ обставить тебя совершенно независимо; только нужно помнить одно, что въ твоемъ новомъ положеніи будетъ граница, черезъ которую никогда не слѣдуетъ переступать, именно, не нужно... какъ бы это сказать... не нужно становиться на одну доску съ продажными женщинами.

— Вы ошибаетесь, Раиса Павловна, принимая меня за одну изъ такихъ тварей...

— Нѣтъ, совсѣмъ не то; я хочу только сказать тебѣ, что нужно беречь себя и серьезно работать. У тебя будетъ въ рукахъ масса дѣла и людей, и ты можешь ими пользоваться по своему усмотрѣнію. А главное...

Раиса Павловна на мгновеніе остановилась и закрыла даже глаза, точно собираясь съ силами произнести роковое слово.

— Что „главное“? —спросила Луша, довольная этимъ патетическимъ движеніемъ, которому не вѣрила.

— Главное, Луша...—глухо отвѣтила Раиса Павловна, опуская глаза:— главное, никогда не повторяй той ошибки, которая погубила меня и твоего отца... Насъ трудно судить, да и невозможно. Имѣй въ виду этотъ примѣръ, Луша... всегда имѣй, потому что женщину губитъ одинъ такой шагъ, губитъ для самой себя. Бѣги, какъ огня, тѣхъ людей, то-есть мужчинъ, которые тебѣ нравятся только какъ мужчины.

— Благодарю за хорошій совѣтъ; но опять прошу васъ, Раиса Павловна, не повторять имени отца; иначе я попрошу васъ удалиться отсюда.

— Ты меня гонишь? Ахъ, да, вѣдь не ты одна—всѣ меня гонятъ... Но ты забываешь только одно, что я тебѣ желаю добра и даже забываю, что ты ненавидишь меня.

— Это ужъ мое дѣло, Раиса Павловна... Надѣюсь, вы кончили?

— Да, почти. Все равно, я сейчасъ ухожу.

Раиса Павловна накинула на голову шаль, но медлила уходить, точно ожидая, что Луша ее остановитъ. Она, кажется, никогда еще не любила такъ эту дѣвочку, какъ въ эту минуту, когда она отвертывалась отъ нея совсѣмъ открыто, не давая себѣ труда хотя сколько-нибудь замаскировать свою ненависть.

— Прощай, Луша! — проговорила съ трудомъ Раиса Павловна, не рѣшаясь подойти къ нетрогавшейся съ мѣста дѣвушкѣ.—Мнѣ хотѣлось тебя поцѣловать въ послѣдній разъ, но вѣдь ты не любишь нѣжностей...

Луша молчала; ей тоже хотѣлось протянуть руку Раисѣ Павловнѣ, но отъ этого движенія ее удерживала какая-то непреодолимая сила, точно ей приходилось коснуться холодной гадины. А Раиса Павловна все стояла посрединѣ комнаты и ждала отвѣта. Потомъ вдругъ, точно ужаленная, выбѣжала въ переднюю, чтобы скрыть хлынувшія изъ глазъ слезы. Луша быстро поднялась въ дивана и сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы вернуть Раису Павловну и хоть пожать ей руку на прощанье, но ее опять удержала прежняя сила.

— Къ чему? — проговорила она вслухъ, прислушиваясь къ звукамъ собственнаго голоса.—Зачѣмъ она приходила? Ахъ, да... Все это одна сплошная ложь, послѣдняя ложь!

Луша даже засмѣялась, хотя на душѣ у ней было тяжело, точно тамъ лежалъ какой камень. Итакъ, Раиса Павловна уничтожена. Она сама сейчасъ говорила это вотъ здѣсь. Куда она теперь дѣнется со своимъ Платономъ Васильичемъ, который глупъ, какъ семьдесятъ барановъ? Тетюевъ торжествуетъ— и пусть торжествуетъ: его счастіе. То-то теперь всѣ переполошились и начнутъ наперерывъ заискивать передъ новымъ временщикомъ, чтобы удержать за

собой насиженныя мѣстечки, а можетъ-быть, и получить новое получше. И Нина Леонтьевна тоже торжествуетъ и будетъ увѣрена, что это она столкнула Раису Павловну. Вотъ и еще размалеванная дура!

„А между тѣмъ мнѣ стоитъ сказать одно слово,—и все торжество этихъ мерзавцевъ разлетится прахомъ“,—думала Луша съ удовольствіемъ, взвѣшивая свое вліяніе на Прейна.

Ее подмывало дѣтское желаніе разрушить всю городьбу Нины Леонтьевны и Тетюева, но она удержалась. Пускай событія идутъ своимъ естественнымъ путемъ, какъ имъ слѣдуетъ итти. Ея личные счеты съ Раисой Павловной кончены навсегда, а мертвыхъ съ кладбища не носятъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, когда все улеглось въ господскомъ домѣ на покой, Евгеній Константинычъ раньше обыкновеннаго простился съ Прейномъ, ссылаясь на усталость. Когда шаги Прейна затихли, набабъ торопливо накинулъ на себя пледъ, надѣлъ шотландскую шапочку и осторожно вышелъ изъ комнаты; онъ миновалъ парадную пріемную, потомъ столовую и очутился на садовой террасѣ. Ночь была мягкая, хотя и сырая послѣ вечерняго дождя; только-что родившійся молодой мѣсяцъ причудливо освѣщалъ колебавшіяся широкими полосами купы деревьевъ, зеленыя стѣны акацій и разбитыя вѣеромъ цвѣточныя клумбы. Берегъ былъ окутанъ клубами тихо шевелившагося тумана; выметывавшееся изъ доменныхъ печей пламя отражалось легкими вспышками, а отъ фабрики тянулся неясный сдержанный гулъ, точно какое громадное животное ворчало во снѣ. Спустившись съ террасы, набабъ пошелъ налѣво, въ дальній уголъ сада; его охватила ночная сырость, которая заставляла непріятно вздрагивать. Вотъ и туманная полоса берега, вотъ тѣ двѣ ели и маленькая зеленая скамейка подъ ними.

„Здѣсь...“ — подумалъ набабъ, еще разъ прочитывая въ умѣ полученную вечеромъ записку.

Эта записка была отъ женщины, и набабъ испытывалъ то пріятное волненіе, какое овладѣваетъ человѣкомъ въ неизвѣстномъ ожиданіи. Кто писалъ эту записку?—набабъ терялся въ догадкахъ, хотя желалъ думать, что она была написана Лушей. Сколько сотенъ такихъ записокъ получалъ Евгеній Константинычъ на своемъ вѣку, какъ всѣ онѣ были похожи одна на другую, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждая имѣла свою особенность. Были записки серьезныя, умоляющія, сердитыя, нѣжныя, угрожающія, были записки съ упреками и оскорбленіями, съ чувствомъ собственнаго достоинства или уязвленнаго самолюбія, остроумныя, милыя и граціозныя, какъ улыбка просыпающагося ребенка, и просто взбалмошныя, капризныя, шаловливыя, съ неуловимой игрой словъ и смысломъ между строкъ,—это было цѣлое море любви, въ которомъ набабъ не утонулъ только потому, что всегда плылъ по теченію, куда его несла волна. Маленькіе атласные конверты служили гнѣздышкомъ раздушеннымъ розовымъ листочкамъ, точно это были лепестки какой-то необыкновенной розы. Но полученная набабомъ записка сегодня была таинственная, какъ сфинксъ, и онъ долго ломалъ надъ ней голову.

„Приходи на берегъ пруда, гдѣ стоятъ двѣ ели,— гласила записка: — тамъ узнаешь одну страшную тайну, которую ношу въ своемъ сердцѣ многомного дней... Люди безсильны помѣшать нашему счастью... Твой добрый геній“.

Закутавшись въ пледъ, набабъ терпѣливо шагалъ по мокрому песку, ожидая появленія таинственной незнакомки. Минуты шли за минутами, но „добрый геній“ не показывался. „Ужъ не подшутилъ ли кто надо мной?“— подумалъ набабъ и сдѣлалъ два шага назадъ, но въ это время издали замѣ-

тилъ закутанную женскую фигуру и пошелъ къ ней навстрѣчу. По фигурѣ это была Луша, и сердце набаба дрогнуло.

— Ты не узналъ меня?—спросилъ его „добрый геній", когда они пошли по песчаной дорожкѣ рядомъ.

— Нѣтъ... не догадываюсь.

Незнакомка сильно куталась въ большой платокъ, такъ что ея лица нельзя было разсмотрѣть; но голосъ былъ измѣненъ; очевидно, „добрый геній" хотѣлъ поинтриговать предварительно.

— Я знаю, что ты меня любишь,—продолжалъ геній прежнимъ измѣненнымъ голосомъ,—но злые люди насъ постоянно раздѣляли. Вездѣ интриги и коварство. Но я тебя тоже люблю и вотъ пришла сюда сама сказать это...

— Открой лицо,—просилъ набабъ, начиная сомнѣваться въ подлинности „генія".

— Поклянись, что ты меня всегда будешь любить?

— Я уже клялся тебѣ разъ... тамъ, въ горахъ.

— О, нѣтъ... Это былъ обманъ.

Чтобы покончить эту комедію, набабъ, подъ предлогомъ раскурить сигару, зажегъ восковую спичку, и самъ открылъ платокъ генія. И попятился даже назадъ отъ охватившаго его чувства ужаса: предъ нимъ стояла Прасковья Семеновна и смотрѣла на него своимъ сумасшедшимъ взглядомъ.

— Узналъ?..—шептала она, протягивая къ нему руки съ улыбкой.

Но набабъ уже не слыхалъ этого шопота, потому что обратился въ самое постыдное бѣгство, точно за нимъ по пятамъ гнался цѣлый адъ; Прасковья Семеновна стояла на прежнемъ мѣстѣ и грозила кулакомъ ему вслѣдъ, а потомъ дико захохотала на весь садъ.

Пробѣжавъ нѣсколько аллей, набабъ едва не задохся и долженъ былъ остановиться, чтобы перевести духъ. Онъ былъ взбѣшенъ, хотя не на комъ было сорвать своей злости. Хорошо еще, что Прейнъ не видалъ ничего, а то проходу бы не далъ своими остротами. Набабъ еще разъ ошибся: Прейнъ и не думалъ спать, а сейчасъ же за набабомъ тоже отправился въ садъ, гдѣ его ждала Луша. Эта счастливая парочка сдѣлалась невольной свидѣтельницей позорнаго бѣгства набаба, притаившись въ одной изъ нишъ.

— Это цѣлая оперетка!— заливался Прейнъ, когда Прасковья Семеновна прошагала мимо нихъ:—Луша! что же ты молчишь?.. Ха-ха...

Но Луша была задумчива, почти грустна и не отвѣчала на шумную радость Прейна той же монетой. Она только-что разсказала передъ этимъ объ утреннемъ визитѣ Раисы Павловны и напрасно старалась разгадать впечатлѣніе, произведенное ея разсказомъ.

— Что же, тебѣ нисколько не жаль Раисы Павловны?— спросила она наконецъ.

— Что же я могу сдѣлать для нея?—отвѣтилъ Прейнъ тоже вопросомъ.

— Какъ что?.. Ты можешь все... если захочешь.

— Ну, теперь ужъ поздно: все кончено.

Равнодушный тонъ Прейна обидѣлъ Лушу, и ей сдѣлалось вдругъ жаль Раисы Павловны, на счетъ которой теперь ликовала вся партія Тетюева.

— Послушай, а если я хочу, чтобы Раиса Павловна осталась,—капризно проговорила дѣвушка, ежась отъ холода.

— Слишкомъ поздно... Что хочешь проси, только не это:

На волнахъ морскихъ построю замокъ
И зубами съ неба пригащу луну...

по спасти Раису Павловну я не въ силахъ. Еще разъ повторяю: все кончено...

— Въ такомъ случаѣ, я требую, чтобы Раиса Павловна осталась! Понимаешь: требую! А иначе не кажись мнѣ на глаза.

Произошла очень горячая сцена, и стороны разошлись самымъ непріятнымъ образомъ, обвиняя другъ друга.

XXX.

Прейнъ опять торжествовалъ. Благодаря своей политикѣ, онъ сумѣлъ заставить Лушу просить его о томъ, чего хотѣлъ самъ и что̀ подготовлялъ въ теченіе мѣсяца въ интересахъ Раисы Павловны. Это была двойная побѣда. Онъ былъ увѣренъ именно въ такомъ оборотѣ дѣла и соглашался съ требованіями Луши, чтобы этимъ путемъ добиться своей цѣли. Это была единственная система, при помощи которой онъ могъ вполнѣ управлять капризной и взбалмошной дѣвчонкой, хотѣвшей испытать на немъ силу своего вліянія.

— Отлично и еще разъ отлично!—повторилъ онъ нѣсколько разъ, потирая руки отъ удовольствія.

Разрушить всю городьбу, которую въ теченіе мѣсяца съ такимъ усердіемъ городили Тетюевъ съ Ниной Леонтьевной, Прейну ничего не стоило, какъ онъ увѣрялъ съ самаго начала Раису Павловну. Дѣло было настолько подготовлено, что оставалось только нанести послѣдній ударъ. Удаленіе Горемыкина въ принципѣ было рѣшено, и набабъ вполнѣ былъ согласенъ съ такимъ рѣшеніемъ. Работы консультаціи вывели на свѣжую воду многое, что̀ не должно было видѣть свѣта. Недостатки торемыкинскаго режима сдѣлались ясны, какъ день, даже для непосвященныхъ, а генералъ положительно былъ возмущенъ, что̀ и высказывалъ Прейну нѣсколько разъ со своей обычной откровенностью.

— Теперь нужно доставить Тетюеву вторую аудіенцію,—предлагалъ Прейнъ генералу:—до настоящаго времени вся ваша работа носила только отрицательный характеръ; пусть Тетюевъ представитъ Евгенію Константинычу положительную программу, въ духѣ которой онъ могъ бы дѣйствовать, если бы, напримѣръ, Евгеній Константинычъ предложилъ ему занять мѣсто Горемыкина... Конечно, я говорю только къ примѣру, генералъ.

— Понимаю,—соглашался генералъ.—А отчего же и въ самомъ дѣлѣ не предложить бы Тетюеву этого мѣста? Это такой развитой, интеллигентный человѣкъ—настоящая находка для заводовъ! Тѣмъ болѣе, что отецъ Авдѣя Никитича столько лѣтъ занималъ постъ главнаго управляющаго.

— Я не могу обѣщать вамъ рѣшительно, генералъ, но употреблю съ своей стороны все, что̀ будетъ зависѣть отъ меня, а за остальное не ручаюсь... Хотя, кажется, можно утвердительно сказать, что всѣ шансы теперь на сторонѣ Тетюева.

— И Нина Леонтьевна говоритъ то же самое относительно Тетюева; такъ что мы всѣ трое думаемъ одинаково.

— Да, да... Очень пріятно, очень пріятно! А вы предупредите Тетюева, чтобы онъ основательно подготовился къ пріему и изложилъ предъ Евгеніемъ Константинычемъ свое profession de foi. А прежде всего, я думаю, вамъ нужно представить Евгенію Константинычу подробный докладъ занятій нашей консультаціи, чѣмъ вы, такъ сказать, расчистите почву Тетюеву. Положительныя данныя будутъ виднѣе на отрицательномъ фонѣ... Горемыкина намъ щадить нечего, потому что онъ намъ и безъ того стоитъ столькихъ хлопотъ.

— Да, если бы не эта консультація, мы могли бы много сдѣлать для заводовъ въ эту поѣздку!—согласился генералъ.

Послѣ своего неудачнаго свиданія съ „добрымъ геніемъ“ набабъ чувствовалъ себя очень скверно. Онъ никому не говорилъ ни слова, но каждую минуту боялся, что вотъ-вотъ эта сумасшедшая разболтаетъ всѣмъ о своемъ подвигѣ, и тогда все пропало. Показаться смѣшнымъ для набаба было величайшимъ наказаніемъ. Вотъ въ это тяжелое время генералъ и принялся расчищать почву для Тетюева, явившись къ набабу со своимъ объемистымъ докладомъ.

— А не лучше ли было бы разсмотрѣть этотъ докладъ послѣ, въ Петербургѣ?—протестовалъ Евгеній Константинычъ при видѣ цѣлой дести исписанной бумаги.—Мы на досугѣ отлично разобрали бы все дѣло...

Но генералъ былъ неумолимъ и на этотъ разъ поставилъ на своемъ, заставивъ набаба проглотить докладъ цѣликомъ. Чтеніе продолжалось съ небольшими перерывами битыхъ часовъ пять. Конечно, Евгеній Константинычъ не дослушалъ и первой части этого феноменальнаго труда съ надлежащимъ вниманіемъ, а все остальное время сумрачно шагалъ по кабинету, заложивъ руки за спину, какъ приговоренный къ смерти. Генералъ слишкомъ увлекся своей ролью, чтобы замѣчать истинный ходъ мыслей и чувствъ своей жертвы.

— Благодарю васъ, генералъ, отъ души благодарю!—съ облегченнымъ сердцемъ говорилъ набабъ, когда чтеніе кончилось.—Я во всемъ согласенъ съ вами и очень радъ, что нашелъ наконецъ человѣка, которому могу вполнѣ довѣриться. Вотъ и Прейнъ то же говоритъ...

Но этимъ испытаніе не кончилось. Вслѣдъ за генераломъ съ его безконечнымъ докладомъ въ кабинетъ явился Прейнъ и объявилъ, что необходимо дать Тетюеву вторую аудіенцію.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ!—горячо возразилъ Евгеній Константинычъ, дѣлая сердитое лицо.—Вы всѣ, кажется, сговорились довести меня этими проклятыми дѣлами до чахотки.

— Нельзя, Евгеній Константинычъ! — мягко настаивалъ Прейнъ.— Если бы была какая-нибудь возможность обойтись безъ васъ, тогда другое дѣло... Тетюевъ для насъ чистый кладъ!

— Убирайтесь къ чорту съ вашимъ кладомъ!

— Я вамъ говорю, что нельзя. Вы заводовладѣлецъ, и въ такомъ важномъ дѣлѣ необходимо ваше личное вмѣшательство. Наша роль съ генераломъ кончилась.

Набабъ задумался и, поддаваясь настояніямъ Прейна, изъявилъ наконецъ согласіе выслушать Тетюева.

— Только въ послѣдній разъ!—капризно говорилъ набабъ.

— Въ самый послѣдній... Неужели у васъ не найдется свободныхъ пяти часовъ для такого важнаго дѣла?

— Пять часовъ!.. Да ты, Прейнъ, съ ума, кажется, сошелъ...

— Нисколько... Если вы хотите показаться смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ служащихъ, тогда не слушайте меня и дѣлайте по-своему. Что же мнѣ-то за интересъ надоѣдать вамъ?..

Набабъ замолчалъ.

— Ваше послѣднее слово, Евгеній Константинычъ?—продолжалъ настаивать Прейнъ.

— Хорошо, я согласенъ.

— Отлично. Я передамъ это генералу.

Прежде чѣмъ явиться къ набабу, Тетюевъ получилъ подробныя инструкціи отъ самой Нины Леонтьевны, которая впередъ поздравляла его съ полнымъ успѣхомъ. Со стороны можно было подумать, что Тетюева аккредитовали посломъ къ самому Бисмарку, или, по меньшей мѣрѣ, поручали министерскій портфель. Вѣроятно, настоящіе министерскіе кризисы происходятъ при менѣе торжественной обстановкѣ. Майзель, Вершининъ и другіе тетюевцы тоже переживали самыя тревожныя минуты въ ожиданіи рѣшительнаго момента, причемъ повторялась извѣстная психологическая истина, что общее волненіе возрастало вмѣстѣ съ увѣренностью въ успѣхѣ.

Наконецъ Тетюевъ былъ совсѣмъ готовъ и въ назначенный день и часъ явился во фракѣ и бѣломъ галстукѣ со своимъ портфелемъ въ пріемную господскаго дома. Было какъ разъ одиннадцать часовъ утра. Изъ внутреннихъ комнатъ выглянулъ m-r Чарльзъ и величественно скрылся, не удостоивъ своимъ вниманіемъ вопросительный жестъ ожидавшаго въ пріемной Тетюева. Поймавъ какого-то лакея, Тетюевъ просилъ его доложить о себѣ.

— Баринъ еще почиваютъ,—отвѣчалъ лакей.

— Не можетъ быть! Онъ назначилъ мнѣ пріемъ именно въ одиннадцать часовъ.

— Не могу знать-съ.

— Ну, такъ доложи Альфреду Осипычу. Онъ, навѣрно, уже всталъ.

Лакей сонно взглянулъ заспанными глазами на Тетюева и нехотя понесъ его карточку на половину Прейна.

Вмѣсто ожидаемаго лакея, выбѣжалъ самъ Прейнъ. Онъ былъ въ туфляхъ и въ шелковой фуфайкѣ, въ чемъ и поспѣшилъ извиниться съ истинно-французской вѣжливостью.

— Извините, Авлѣй Никитичъ. Вамъ придется подождать нѣсколько минутъ,—говорилъ Прейнъ, подхватывая министра подъ руку.—Пойдемте пока въ мою комнату.

Комната Прейна, служившая ему и кабинетомъ и спальней, отличалась отчаяннымъ безпорядкомъ неисправимаго холостяка. Усадивъ гостя въ кресло къ письменному столу, на которомъ ничто не напоминало о письменныхъ занятіяхъ, Прейнъ скрылся за маленькую ширмочку доканчивать свой утренній туалетъ.

— Отодвиньте ящикъ въ правой тумбочкѣ, тамъ есть красный альбомъ,—предлагалъ Прейнъ, выдѣлывая за ширмой какія-то странныя антраша на одной ногѣ, точно онъ садился на лошадь.—Тутъ есть кое-что интересное изъ дѣтской жизни, какъ говоритъ Летучій... А другой, синій альбомъ, собственно, память сердца. Впрочемъ, и его можете смотрѣть: свои люди.

Красный альбомъ не представлялъ ничего особеннаго, потому что состоялъ изъ самыхъ обыкновенныхъ фотографій во вкусѣ старыхъ холостяковъ: женское тѣло фигурировало здѣсь въ самой откровенной формѣ. Въ синемъ альбомѣ были помѣщены карточки всевозможныхъ женщинъ, собранныхъ сюда со всего свѣта.

— Вы слыхали о галлереѣ польскаго короля Станислава-Августа, которая хранится теперь въ Дрезденѣ?—спрашивалъ Прейнъ, выставляя голову изъ-за ширмы.

— Право, не помню что-то, Альфредъ Осипычъ...

— Гм... Ну, однимъ словомъ, этотъ синій альбомъ замѣняетъ мнѣ королевскую галлерею.

Прейнъ объяснилъ болѣе откровеннымъ образомъ значеніе синяго альбома, и Тетюевъ погрузился въ разсматриваніе длиннаго ряда красивыхъ

женскихъ лицъ, принадлежавшихъ всѣмъ національностямъ. Кого-кого только тутъ не было, начиная съ гризетокъ Латинскаго квартала, царицъ Мабиля и кафе-шантановъ, представительницъ demi-monde'a самыхъ модныхъ курортовъ и первыхъ звѣздъ европейскихъ цирковъ и балетовъ, и кончая тѣми метеорами, которыхъ выдвинула изъ общей массы шальная мода, ослѣпительная красота или просто дикая прихоть пресыщенной кучки набабовъ всего свѣта. На страницахъ альбома, который перелистывалъ Тетюевъ, нашли себѣ, можетъ-быть, послѣдній пріютъ самыя блестящія полуимена, какія создавали за послѣднія двадцать пять лѣтъ такіе центры европейской цивилизаціи, какъ Парижъ, Вѣна, Берлинъ, Лондонъ и Петербургъ. Это была интимная исторія въ лицахъ той жизни, которая доступна только избранникамъ и баловнямъ слѣпой фортуны. Если бы перевести на „языкъ простыхъ копеекъ", чего стоили эти красавицы Европѣ, то въ результатѣ получилась бы сумма, далеко превышающая стоимость громадной войны какихъ-нибудь очень цивилизованныхъ державъ. Эти красивыя лица были живой иллюстраціей капитальныхъ политическихъ переворотовъ, страшныхъ экономическихъ кризисовъ, банковыхъ краховъ, милліонныхъ хищеній и просто воровства, воровства безъ числа и мѣры. Обыкновенныя разоренія, самоубійства, убійства и разныя другія causes célèbres не должны итти въ счетъ, какъ слишкомъ нормальныя явленія. Тетюевъ слыхалъ объ этомъ исключительномъ интернаціональномъ міркѣ изъ пятаго въ десятое, поэтому перелистывалъ альбомъ безъ особеннаго вниманія, какъ человѣкъ непосвященный, и только замѣтилъ послѣднюю страницу, гдѣ было оставлено свободное мѣсто для новой карточки: это мѣсто было назначено Лушѣ Прозоровой.

— Однако Евгеній Константинычъ заставляетъ насъ ждать!—проговорилъ Прейнъ, появляясь наконецъ изъ-за ширмы.—Двѣнадцать часовъ скоро...

Онъ позвонилъ и велѣлъ явившемуся на звонокъ лакею узнать, можетъ ли принять Евгеній Константинычъ. Лакей черезъ пять минутъ явился съ длиннымъ конвертомъ на серебряномъ подносѣ. Прейнъ разорвалъ конвертъ и нѣсколько разъ торопливо перечиталъ маленькій листокъ англійской почтовой бумаги, цвѣта морской воды.

— Не понимаю...—проговорилъ онъ наконецъ, вопросительно глядя на Тетюева и проводя рукой по лбу.—Вѣроятно, какая-нибудь ошибка. Извините, Авдѣй Никитичъ, я васъ оставлю всего на одну минуту... Не понимаю, рѣшительно не понимаю!—повторилъ онъ нѣсколько разъ, выбѣгая изъ комнаты.

Лакей остался въ дверяхъ и сонно смотрѣлъ на Тетюева съ тупымъ нахальствомъ настоящаго лакея, что̀ опять покоробило будущаго министра. Чортъ знаетъ, что̀ такое получается. Ужъ не хочетъ ли Прейнъ разстроить аудіенцію разными махинаціями?—мелькнуло въ головѣ Тетюева, но въ этотъ моментъ появился Прейнъ. Ударивъ себя по лбу кулакомъ, онъ проговорилъ:

— Рѣшительно ничего не понимаю, Авдѣй Никитичъ. Вотъ не угодно ли вамъ прочесть самимъ это письмо.

Прейнъ передалъ полученное письмо Тетюеву, и тотъ прочиталъ:

„Дорогой Прейнъ! Одно очень серьезное дѣло заставило меня уѣхать, не простившись ни съ кѣмъ... Передай генералу, что я во всемъ полагаюсь на него и на тебя и впередъ изъявляю свое полное согласіе на все, что̀ вы сдѣлаете для заводовъ. Твой Евгеній Лаптевъ".

— Не понимаю, не понимаю, не понимаю!—кричалъ Прейнъ, схватившись за голову.—Какое дѣло? Куда уѣхалъ?..

— Я тоже, кажется, ничего не понимаю...—въ раздумьѣ проговорилъ

опѣшившій Тетюевъ.—По моему мнѣнію... я... Въ самомъ дѣлѣ, Альфредъ Осипычъ, какъ же я-то: былъ назначенъ пріемъ, я готовился, и вдругъ...

Неожиданный отъѣздъ набаба походилъ скорѣе на бѣгство. Онъ укатилъ въ своей коляскѣ только съ однимъ m-r Чарльзомъ, величественно сидѣвшимъ рядомъ съ кучеромъ. Вся свита, въ лицѣ Прейна, генерала, Нины Леонтьевны, Перекрестова съ Летучимъ и прочихъ, осталась въ Кукарскомъ заводѣ, вмѣстѣ съ лаптевской конюшней, охотой, гардеробомъ и цѣлымъ обозомъ. Извѣстіе о сбѣжавшемъ набабѣ еще разъ переполошило весь Кукарскій заводъ, причемъ всѣ накинулись на Прейна, какъ сумасшедшіе. Произошелъ цѣлый рядъ непріятныхъ сценъ и недоразумѣній; все рушилось кругомъ, точно случилось, по меньшей мѣрѣ, смѣшеніе языковъ. Въ общей суматохѣ первымъ опомнился шустрый предводитель русской прессы Перекрестовъ: онъ въ то же утро, въ сопровожденіи Летучаго, бросился нагонять набаба какимъ-то проселкомъ, чтобы перехватить его, по крайней мѣрѣ, на пароходѣ. Въ пустой головѣ Перекрестова все еще болталась мысль о мѣстѣ главнаго уррaвляющаго, хотя онъ и потерпѣлъ полное фіаско у круглыхъ ногъ m-lle Эммы.

Общему изумленію не было границъ и мѣры: все было устроено, приготовлено, даже сдѣлано наполовину, и вдругъ...

— Какъ же это такъ вдругъ?..—спрашивали всѣ другъ у друга.

Бѣдный Сарматовъ ворвался въ кабинетъ Прейна блѣдный, какъ полотно, и едва могъ выговорить:

— Альфредъ Осипычъ! а какъ же спектакль? Вѣдь ужъ все было приготовлено, я изъ кожи лѣзъ, и вдругъ... Наташѣ Шестеркиной нарочно такой костюмъ заказали, что плечи были, какъ на ладони. Ей-Богу!.. Да что же это такое, въ самомъ дѣлѣ?..

Вслѣдъ за Сарматовымъ явился „мой Майзель“ и со своей обычной важностью отцѣдилъ:

— Куда же я съ медвѣдемъ, котораго приготовилъ подъ Куржакомъ для Евгенія Константиныча?

— Я ужъ, право, не знаю, господа, какъ быть съ вами,—вертѣлся Прейнъ, какъ береста на огнѣ.—Пожалуй, медвѣдя мы можемъ убить и безъ Евгенія Константиныча... Да... А вы, Сарматовъ, не унывайте: спектакль все-таки не пропадетъ. Всѣ, вѣроятно, съ удовольствіемъ посмотрятъ на ваши успѣхи...

— Ну, ужъ слуга покорный!—огрызнулся Сарматовъ.—И медвѣдя и спектакль—жирно будетъ.

— Вы начинаете говорить дерзости, Сарматовъ!

— Виноватъ... простите! Но, ради всего святого, войдите въ мое положеніе, Альфредъ Осипычъ!

— И въ мое тоже, — прибавилъ Майзель, точно бросилъ пудовую гирю.

— А кто же въ мое положеніе войдетъ, господа?—спрашивалъ Прейнъ, дѣлая трагическій жестъ.

— Дѣйствительно, замысловатая вышла штука,—проговорилъ Сарматовъ, приходя немного въ себя.—Это выходитъ совсѣмъ новая пьеса, въ которой всѣ остались съ носомъ... ха-ха!.. А жаль, признаться сказать, я разсчитывалъ на кое-что, потому что, согласитесь сами, вѣдь плечи у этой бестіи Шестеркиной мраморъ—нѣтъ, слоновая кость... Право, всѣмъ намъ теперь остается только таракановъ морозить!

Въ кабинетѣ Прейна собрались почти всѣ дѣйствующія лица разстроенной пьесы, даже приплелся, неизвѣстно зачѣмъ, Яша Кормилицынъ. Генералъ

былъ возмущенъ и сконфуженъ и тоже изъявилъ непремѣнное желаніе сейчасъ же уѣхать изъ Кукарскаго завода.

— Нѣтъ, это невозможно, генералъ,—доказывалъ Прейнъ:—теперь вся отвѣтственность ложится на насъ съ вами, и мы не имѣемъ права бѣжать съ нашего поста. Чужія глупости еще не даютъ намъ права дѣлать своихъ. Притомъ намъ остается только увѣнчать уже возведенное зданіе.

— Вы правы, Прейнъ,—согласился прямодушный генералъ.—Я погорячился. А все-таки жаль, что Тетюевъ лишился возможности высказать Евгенію Константинычу свою программу. Это замѣчательная административная и финансовая голова.

На половину Раисы Павловны, гдѣ уже начинала воцаряться библейская мерзость запустѣнія, пикантную новость принесъ воспрянувшій духомъ Родіонъ Антонычъ. Даже изощренная во всевозможныхъ внутреннихъ переворотахъ Раиса Павловна не хотѣла вѣрить всему случившемуся. Такую штуку, конечно, могъ устроить только одинъ Прейнъ, этотъ геніальнѣйшій изъ рожденныхъ женами.

— Ну, то-есть такъ они ловко укололи эту самую штуку, такъ ловко!—умиленно шепталъ Родіонъ Антонычъ, качая своей жирной головой.—Вѣдь ужъ все дѣло было на мази, а тутъ вдругъ... Ужъ истинно сказать, что изъ огня выхватилъ насъ Альфредъ-то Осипычъ.

Вечеромъ, отдѣлавшись отъ своихъ взволнованныхъ гостей, Прейнъ сидѣлъ въ будуарѣ Раисы Павловны, которая опять угощала его кофе изъ собственныхъ рукъ. Собесѣдники болтали самымъ беззаботнымъ образомъ, и Раиса Павловна опять блестѣла пикантнымъ остроуміемъ, а Прейнъ, какъ школьникъ, болталъ ногами и хохоталъ, какъ сумасшедшій. Между прочимъ, онъ разсказалъ объ эпизодѣ съ „добрымъ геніемъ", причемъ хохотала уже Раиса Павловна.

— Что̀ же мы теперь будемъ дѣлать?—спрашивала Раиса Павловна, успокоившись послѣ первыхъ восторговъ.—Какой-то умный человѣкъ сказалъ, что не такъ трудно выиграть сраженіе, какъ разумно воспользоваться его плодами.

— Да, да... Но теперь уже все отъ васъ зависитъ: я свое дѣло сдѣлалъ.

— Постойте, зачѣмъ же вы изъ меня душу-то тянули столько времени, безсовѣстный человѣкъ?

— Я?.. Нѣтъ, я съ самаго начала объявилъ вамъ, что̀ буду дѣлать.

— А потомъ?.. Что̀ стоило вамъ предупредить меня... а я тутъ Богъ знаетъ что̀ передумала и даже нѣсколько разъ проклинала васъ, какъ измѣнника. Вы мнѣ много крови испортили...

— Напротивъ, я хотѣлъ подарить вамъ маленькій сюрпризъ, а что̀ касается до вашихъ сомнѣній, то въ нихъ, во-первыхъ, больше всего виноваты вы же сами, а во-вторыхъ, чѣмъ была бы наша жизнь безъ маленькихъ волненій!

— Да, да, хорошо вамъ разводить философію, а каково было мнѣ...

Растроганная и умиленная неожиданнымъ успѣхомъ Раиса Павловна на мгновеніе даже сдѣлалась красивой женщиной, всего на одно мгновеніе: лицо покрылось румянцемъ, глаза блестѣли, въ движеніяхъ сказалось кокетство женщины, привыкшей быть красивой. Но эта красота была похожа на тотъ солнечный лучъ, который въ сѣрый осенній день на мгновеніе прокрадывается изъ-за безконечныхъ тучъ, чтобы въ послѣдній разъ поцѣловать холодѣющую землю.

— Мы еще поживемъ!—проговорилъ Прейнъ, весело цѣлуя руку Раисы Павловны.—Не правда ли?

— Да, вы еще поживете,—печально согласились Раиса Павловна, чувствуя, какъ румянецъ сбѣгаетъ у ней съ лица и глаза холодѣютъ.—Извините, Прейнъ, я не желала васъ обидѣть, но такъ какъ-то само сказалось...

На другой день утромъ, когда Раиса Павловна едва еще успѣла проснуться, Родіонъ Антонычъ уже ожидалъ ее. Такой ранній визитъ, конечно, былъ не спроста, и Раиса Павловна поторопилась выйти къ своему Ришелье.

— Что новенькаго, Родіонъ Антонычъ?—спрашивала она, еще позѣвывая послѣ сна.

— Да новенькаго-то ничего нѣтъ, а я пришелъ такъ...—началъ Родіонъ Антонычъ по своему обыкновенію издалека.—Вотъ у васъ былъ вчера Альфредъ Осипычъ, такъ, можетъ, у васъ что-нибудь есть новенькое?

— Ахъ, да... Ну, новаго ничего особеннаго нѣтъ, а старое вы сами знаете.

— Такъ-съ... Очень хорошо.

По лицу Ришелье Раиса Павловна видѣла, что онъ что-то хочетъ сказать и не рѣшается.

— Да не тяните вы изъ меня жилы! говорите прямо, зачѣмъ пришли?—договорила Раиса Павловна, усаживаясь въ кресло. — Ну?.. Ахъ, какой человѣкъ!

— Ей-Богу, ничего, Раиса Павловна... Я такъ зашелъ. Былъ въ управленіи, а потомъ и думаю: дай, думаю, зайду провѣдать Раису Павловну. Только и всего.

— Ну, теперь видѣли, что Раиса Павловна въ добромъ здоровьѣ, и убирайтесь, а мнѣ нужно еще одѣваться да притираться. Чего стоите?..

— Вотъ что, Раиса Павловна, — заговорилъ нерѣшительно Родіонъ Антонычъ, дѣлая самую благочестивую рожу.—Какъ вы насчетъ Авдѣя Никитича?

— То-есть какъ это „насчетъ"? Просто, всѣхъ ихъ къ чорту— и конецъ дѣлу! А Тетюева въ особенности...

Родіонъ Антонычъ тяжело вздохнулъ, сморщился и не уходилъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— А я вамъ, Раиса Павловна, прямо скажу,—заговорилъ онъ послѣ длинной паузы:—напрасно вы, даже весьма напрасно, то-есть относительно Авдѣя Никитича...

— Что же мнѣ дѣлать съ вашимъ Авдѣемъ Никитичемъ?.. Расцѣловать его, что ли?.. Предоставляю это Нинѣ Леонтьевнѣ и другимъ дамамъ...

— Все-таки напрасно, Раиса Павловна... Конечно, теперь вы можете сдѣлать большую непріятность Тетюеву, но вѣдь онъ отдохнетъ да опять за старое. Вотъ какую оперу устроилъ!.. Вѣдь меня-то заклевали на консультаціи и совсѣмъ бы съѣли, ежели бы не Альфредъ Осипычъ. Ну, нынче хорошо, а часъ на часъ не приходитъ... Тетюевъ непремѣнно опять будетъ насъ подсиживать и ужъ свое возьметъ. Большія непріятности можетъ сдѣлать... А между тѣмъ все просто, проще пареной рѣпы. Разсудите такъ: неужели теперь у Евгенія Константиныча для Тетюева мѣста не найдется въ Петербургѣ, когда онъ такую ораву совсѣмъ несообразныхъ людей кормитъ и поитъ? Да ежели бы Авдѣю-то Никитичу пять тысячъ дать въ Петербургѣ, мѣстечко этакое особенное устроить ему, да вѣдь онъ... Ахъ, Господи... Какъ это вы, Раиса Павловна, Авдѣя Никитича понимать не хотите, вѣдь живой онъ человѣкъ, жить хочетъ! А кабы его въ Петербургѣ къ Евгенію Константинычу пристроить, да еще онъ почувствовалъ бы, что не черезъ Нину Леонтьевну свое счастіе получилъ, а черезъ васъ, да тогда вы тутъ катай-

тесь, какъ сыръ въ маслѣ! Ей-Богу, вѣдь голова-то какая: все можетъ на свѣтѣ оборудовать. А у насъ бы въ Питерѣ-то рука была не чета Прохору Совонычу Загнеткину. Право, Раиса Павловна, даже очень вы напрасно такъ Антѣя Никитича трактуете. Теперь самый случай его на точку поставить, а онъ ужъ за добро наше заплатитъ. Вѣдь человѣкъ-то вонъ какой!

Это предложеніе сначала озадачило Раису Павловну; потомъ она усомнилась въ искренности Родіона Антоныча, который могъ ее продать тому же Тетюеву, и наконецъ проговорила:

— Хорошо, я подумаю, хотя опредѣленнаго ничего не могу обѣщать.

— Подумайте, Раиса Павловна... Вѣдь человѣкъ-то... Ахъ, Боже мой!

XXXI.

Кукарскій заводъ походилъ теперь на улей, изъ котораго улетѣла матка и всѣ пчелы бродятъ, какъ потерянныя. Болѣе подходящимъ сравненіемъ, пожалуй, будетъ картина игроковъ, которые чинно усѣлись за зеленый столъ, роздали карты, произвели рядъ выкладокъ карточной математики, сдѣлали первые ходы, обозначавшіе масть и намѣренія партнеровъ—и вдругъ какая-то шальная рука перемѣшала всѣ карты... Прибавьте къ этому, что на карту были поставлены самые жгучіе интересы, связывавшіе главарей съ десятками другихъ, второстепенныхъ игроковъ, которые должны были ограничиваться только наблюденіемъ за ходомъ всей игры. Отъѣздъ набаба довелъ расходившіяся страсти до послѣдней степени напряженія, и двѣ женщины, стоявшія во главѣ партій, питали другъ къ другу то же ожесточеніе, какъ двѣ матки въ одномъ ульѣ. Собственно, за игорнымъ столомъ сидѣли теперь Раиса Павловна, Нина Леонтьевна, Тетюевъ и Прейнъ. Чтобы общее недоразумѣніе не перешло въ рукопашную, нужно было придумать какой-нибудь такой компромиссъ, который примирилъ бы интересы всѣхъ. Такимъ компромиссомъ и являлась придуманная Родіономъ Антонычемъ комбинація, заставившая Раису Павловну сильно задуматься, прежде чѣмъ она рѣшилась передать свой разговоръ Прейну.

— Что же! Отличная это штука, Раиса Павловна!—обрадовался никогда не унывающій Прейнъ.—Мы такъ и сдѣлаемъ... Тетюевъ, дѣйствительно, неглупый человѣкъ и можетъ быть намъ очень полезенъ.

По сдержанному выраженію лица Раисы Павловны Прейнъ понялъ, со своей обычной проницательностью, что ее смущаетъ: ей хотѣлось окончательно уничтожить Нину Леонтьевну, а назначеніе Тетюева въ Петербургъ будетъ принято болванкой за дѣло ея рукъ.

— Послушайте, Раиса Павловна, я устрою такъ, что Тетюевъ самъ придетъ къ вамъ съ повинной!—объявилъ Прейнъ, радуясь новой выдумкѣ.—Честное слово! Только мнѣ нужно предварительно войти въ соглашеніе съ генераломъ: пожалуй, еще заартачится. Пусть Нина Леонтьевна полюбуется на своего протеже. Право, отличная мысль пришла въ голову этому Родіону Антонычу!.. Поистинѣ, и волки будутъ сыты и овцы цѣлы...

Какъ Раиса Павловна ни презирала Тетюева, но все-таки сомнѣвалась, что онъ пойдетъ на такую сдѣлку, что и высказала Прейну, который только захохоталъ въ отвѣтъ.

Прейнъ на этотъ разъ не отложилъ дѣла въ долгій ящикъ, а сейчасъ же пригласилъ генерала къ себѣ для необходимыхъ совѣщаній. Прежде всего, ему нужно было уломать генерала, а Тетюевъ пусть себѣ ѣдетъ въ Петербургъ—тамъ видно будетъ, что съ нимъ дѣлать: дать ему ходъ или затереть на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ.

— Генералъ, намъ необходимо кончить это дѣло какъ можно скорѣе,— говорилъ Прейнъ, встрѣчая генерала въ дверяхъ.

— Я ничего не имѣю противъ этого...

— Отлично... Садитесь, пожалуйста, и поговоримъ откровенно. Тетюева я давно зналъ, какъ умнаго человѣка, но познакомиться съ нимъ ближе мнѣ какъ-то не удавалось до сихъ поръ. Для насъ такой человѣкъ находка. Да?.. Хорошо. Но согласитесь, что Россія вообще страдаетъ недостаткомъ въ умныхъ и талантливыхъ людяхъ, и похоронить такого человѣка на заводахъ было бы просто грѣшно. Вѣдь заводское дѣло въ своей сущности крайне просто, то-есть я говорю объ административной его части, какая находится въ вѣдѣніи главнаго управляющаго. Даже тѣ недостатки управленія Горемыкина, которые такъ блистательно раскрыты работами нашей консультаціи, обязаны своимъ происхожденіемъ переходному времени. Не будь уставной грамоты—все дѣло шло бы отлично. Замѣтьте, что Платонъ Васильичъ замѣчательно честный человѣкъ, и не мнѣ объяснять вамъ, какое это неоцѣненное достоинство въ наше время краховъ, растратъ и хищеній. Но все это къ слову; главное, я противъ того, чтобы Тетюева оставлять на заводахъ: такую голову мы возьмемъ поближе къ себѣ.

— Что̀ вы хотите сказать этимъ?—спрашивалъ недоумѣвающій генералъ.

Прейнъ началъ издалека. Сначала онъ подробно изложилъ намѣреніе генерала и его idée fixe о созданіи въ Россіи капиталистическаго производства подъ крылышкомъ покровительственной системы, благодаря чему русскіе промышленники постепенно дорастутъ до конкуренціи съ заграничными производителями и даже, можетъ-быть, въ недалекомъ будущемъ займутъ на всемірномъ рынкѣ главенствующую роль.

— Это наша общая цѣль, генералъ, и мы будемъ работать въ этомъ направленіи,—ораторствовалъ Прейнъ, шагая по кабинету съ заложенными за спину руками.—Намъ нужно дорожить каждымъ хорошимъ человѣкомъ въ такомъ громадномъ дѣлѣ, и я беру на себя смѣлость обратить ваше особенное вниманіе, что намъ прежде всего важно привлечь къ этой работѣ освѣжающіе элементы.

— Да, да.

— Всѣ столичные дѣльцы на одну колодку, генералъ, они слишкомъ шаблонны, слишкомъ обезличены окружающей обстановкой, а провинція всегда вливаетъ новыя силы.

— Да, да... это подтверждается всей исторіей: Греція, Римъ, современный Парижъ...

— Мы отлично понимаемъ другъ друга, и я предложилъ бы перевести Тетюева въ Петербургъ на службу къ Евгенію Константинычу. Мѣста, конечно, всѣ заняты, но можно создать для него что-нибудь новое... Ну, пусть будетъ юрисконсультомъ, тѣмъ болѣе, что Тетюевъ получилъ солидное юридическое образованіе.

— Что̀ жъ! это будетъ отлично!—соглашался генералъ.—Теперь именно нужно дѣйствовать исключительно на юридическихъ основаніяхъ, какъ, напримѣръ, создала свое промышленное благосостояніе Англія...

— Именно, именно, я только-что хотѣлъ сказать то же самое. Вѣдь намъ приходится воспитывать конкурентовъ англійскимъ промышленникамъ, и мы будемъ разбивать ихъ на ихъ же почвѣ и ихъ же оружіемъ.

Генералъ былъ въ восторгѣ отъ этого разговора и только, вспомнивъ про Горемыкина, сморщился и проговорилъ:

— Да, все это хорошо, а какъ мы съ Горемыкинымъ сдѣлаемся?

— Съ Горемыкинымъ?.. Ничего нѣтъ легче, генералъ. Пусть онъ пока останется на томъ же мѣстѣ, а мы тѣмъ временемъ успѣемъ пріискать подходящаго преемника.

— Да, но вѣдь это выйдетъ неловко, Альфредъ Осипычъ,—замѣтилъ генералъ, отлично представляя себѣ неистовую ярость Нины Леонтьевны.—Все было противъ него, и вдругъ онъ останется! Это просто дискредитируетъ въ глазахъ общества всякое вліяніе нашей консультаціи, которая, какъ синица, нахвастала, а моря не зажгла...

— Да вѣдь я сказалъ, генералъ, что мы оставимъ Горемыкина только пока... Замѣтьте: *пока*. А тамъ, безъ сомнѣнія, устранимъ его...

Это „пока" совсѣмъ успокоило генерала, который не подозрѣвалъ, что это маленькое словечко въ русской жизни имѣетъ всеобъемлющее значеніе, и что Прейнъ постоянно имъ пользовался въ критическихъ случаяхъ. Наука, съ которой имѣлъ дѣло генералъ, всѣ явленія подводитъ подъ извѣстные законы и не хочетъ знать никакихъ „пока". Между тѣмъ это „пока" имѣетъ самое широкое примѣненіе, особенно въ мелочахъ повседневной жизни. Извѣстно, что битая посуда два вѣка живетъ, и постройки, воздвигаемыя на время, въ ожиданіи капитальныхъ сооруженій, пользуются особенной долговѣчностью. Всѣ архитекторы и подрядчики отлично знаютъ, что стоитъ только поставить на время какую-нибудь деревянную рѣшетку, вмѣсто желѣзной, или дощатую переборку, вмѣсто капитальной стѣны,—и деревянная рѣшетка и дощатая переборка переживутъ и хозяина и даже самый домъ. Прейнъ давно практиковалъ въ этомъ направленіи и теперь пустилъ въ ходъ завѣтное словечко, которое сразу обезоружило генерала.

Покончивъ съ генераломъ, Прейнъ пригласилъ къ себѣ Тетюева и съ шутливой откровенностью высказалъ ему свои намѣренія.

— Надѣюсь, что мы сойдемся съ вами, Авдѣй Никитичъ,—закончилъ свои переговоры Прейнъ,—хотя, конечно, за будущее трудно ручаться... Вы будете нашимъ юрисконсультомъ и поработаете на пользу русской промышленности, поскольку она соприкасается съ юридическими вопросами. Ну, взять хоть эту же уставную грамоту, отношенія къ земству, тарифные вопросы и т. д.

— Я, Альфредъ Осипычъ, буду всегда...—смущенно бормоталъ Тетюевъ, растроганный свалившимся съ неба на его голову счастьемъ.—Однимъ словомъ, вы не раскаетесь въ сдѣланномъ выборѣ, если мнѣ не измѣнятъ мои слабыя силы...

— Отлично, очень хорошо... Но это все еще въ будущемъ, а теперь поговоримъ о настоящемъ: у меня на первый разъ есть для васъ маленькая дипломатическая миссія. Такъ, пустяки... Кстати, я говорилъ уже о васъ генералу, и онъ согласенъ. Да... Такъ вотъ какое дѣло, Авдѣй Никитичъ... Собственно, это пустяки, но изъ пустяковъ складывается цѣлая жизнь. Я буду съ вами откровененъ... Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ?

— Помилуйте, я для васъ готовъ въ огонь и въ воду, только скажите!

— Я уже сказалъ, что пустяки: нужно помирить Рансу Павловну съ Ниной Леонтьевной. Вѣдь, собственно говоря, батенька, вы и кашу-то всю заварили, такъ вамъ ее и расхлебывать.

Какъ ни велика была готовность Тетюева итти за Альфреда Осипыча въ огонь и въ воду, но эта „маленькая дипломатическая миссія" повергла его сразу въ уныніе, потому что онъ отлично понималъ невозможность примиренія двухъ враждовавшихъ женщинъ. Въ отвѣтъ на предложеніе Прейна Тетюевъ только пробормоталъ что-то совсѣмъ безсвязное.

— Да вы не смущайтесь, Авдѣй Никитичъ,—успокоивалъ Прейнъ.—Въ такихъ дѣлахъ помните разъ и навсегда, что женщины всегда и вездѣ женщины: для нихъ своя собственная логика и свои законы... Другими словами, изъ нихъ можно все сдѣлать, только умѣючи.

— Но вѣдь здѣсь съ одной стороны—Раиса Павловна, а съ другой—Нина Леонтьевна...—съ унынiемъ повторялъ Тетюевъ.—Нѣтъ, это невозможно! Что̀ хотите, но только не это, Альфредъ Осипычъ!

— Э, пустяки! Я васъ научу батенька... Вы будировали противъ Раисы Павловны много лѣтъ. Да? И всю эту поѣздку устроили тоже сюрпризомъ для нея... такъ? Потомъ съ Ниной Леонтьевной работали все лѣто противъ Раисы Павловны... такъ? А теперь вамъ нужно сдѣлать слѣдующее: отправляйтесь сегодня же съ визитомъ къ Раисѣ Павловнѣ и держите себя такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось... Вѣдь этакiя вещи приходится продѣлывать постоянно.

— А если меня Раиса Павловна не приметъ?

— Нѣтъ, за это я вамъ поручусь... Позвольте еще одну маленькую откровенность: пожалуйста, когда будете у Раисы Павловны и у Нины Леонтьевны, держите себя такъ, какъ бы вы попали къ самымъ молоденькимъ и красивымъ женщинамъ... Да, это первое условiе, а то всю свою миссiю погубите. Вѣдь женщина всегда останется женщиной!

— А какъ же Нина Леонтьевна? Вѣдь она все узна̀етъ, и тогда... нелѣпая исторiя можетъ произойти.

— Ахъ, да... Мнѣ слѣдовало предупредить васъ съ самаго начала. Позволю еще маленькую откровенность. Вѣдь вы, Авдѣй Никитичъ, въ душѣ увѣрены, что обязаны своимъ юрисконсультствомъ Нинѣ Леонтьевнѣ? Да?

— Да, я считаю себя много обязаннымъ Нинѣ Леонтьевнѣ...

— Хорошо. Такъ и запишемъ... Вы считаете себя много обязаннымъ Нинѣ Леонтьевнѣ, а между тѣмъ вы обязаны всѣмъ исключительно одной Раисѣ Павловнѣ, которая просила меня за васъ чуть не на колѣняхъ. Да... Даю вамъ честное слово порядочнаго человѣка, что это такъ. Если бы не Раиса Павловна, вамъ не видать бы юрисконсультства, какъ своихъ ушей. Это собственно ея идея...

Это извѣстiе окончательно ошеломило Тетюева, точно онъ слушалъ какую-нибудь сказку: Раиса Павловна хлопотала за него, когда все было для него съ отъѣздомъ Лаптева проиграно! Нѣтъ, это что-то совсѣмъ непонятное и хоть кого сведетъ съ ума.

— А когда вы сдѣлаете визитъ Раисѣ Павловнѣ,—продолжалъ Прейнъ,—мы сейчасъ же устроимъ обѣдъ и на обѣдѣ сведемъ Раису Павловну съ Ниной Леонтьевной... Да! Тутъ ужъ имъ не примириться невозможно.

Выполняя маленькую дипломатическую миссiю, Тетюевъ немедленно отправился съ визитомъ къ Раисѣ Павловнѣ, которая встрѣтила его съ той непроницаемой великосвѣтской любезностью, которая такъ ловко заравниваетъ всѣ житейскiя шероховатости, колдобины и цѣлыя пропасти.

— Очень рада поближе познакомиться съ вами, Авдѣй Никитичъ,—говорила Раиса Павловна.—Мы, кажется, встрѣчались съ вами иногда... на улицѣ?

— Да.

Въ гостиной Раисы Павловны, къ своему изумленiю, Тетюевъ встрѣтилъ Амалiю Карловну и m-me Дымцевичъ. Эти милыя дамы болтали самымъ непринужденнымъ образомъ, хотя въ душѣ страшно ненавидѣли другъ друга: Амалiя Карловна была увѣрена, что она первая сдѣлаетъ визитъ Раисѣ Пав-

ловнѣ и предупредить другихъ, и m-me Дымцевичъ думала то же самое, но эти проницательныя дамы встрѣтились носомъ къ носу на подъѣздѣ квартиры главнаго управляющаго и должны были войти въ гостиную Раисы Павловны чуть не подъ ручку. Появленіе Тетюева усилило эффектъ до послѣдней степени: Амалія Карловна презирала ренегатство и подлое заискиваніе m-me Дымцевичъ и Тетюева, m-me Дымцевичъ то же самое презирала въ Амаліи Карловнѣ и Тетюевѣ, а Тетюевъ презиралъ обѣихъ дамъ по тому же адресу. Моралистъ въ этой глупой комбинаціи нашелъ бы новое доказательство человѣческой испорченности, но погодите бросать камнемъ въ это почтенное тріо, ибо невозможно обвинять перелетную птицу за то только, что она летитъ туда, гдѣ теплѣе. И для человѣческой глупости есть свои законы, хотя они еще не раскрыты наукой съ той отчетливостью и непреложностью, какъ какое-нибудь ученіе объ отрицательныхъ величинахъ или теоріи вѣроятностей. Отрицательныя величины въ мірѣ умственныхъ и нравственныхъ явленій имѣютъ такое же законное право на существованіе, какъ и въ области математики.

Раиса Павловна держала себя, какъ всѣ женщины высшей школы, торжествуя свою побѣду между строкъ и заставляя улыбаться побѣжденныхъ. Нужно ли добавлять, что въ гостиной Раисы Павловны скоро появились Майзель, Вершининъ, Сарматовъ—однимъ словомъ, всѣ заговорщики, кромѣ Яши Кормилицына, который, въ качествѣ блаженненькаго, не могъ осилить того, что̀ на его мѣстѣ сдѣлалъ бы всякій другой порядочный человѣкъ.

— Я такъ рада васъ видѣть у себя, господа, — повторяла нѣсколько разъ Раиса Павловна, занимая милыхъ гостей.

Повторились сцены, разговоры и пикировки парадныхъ завтраковъ, за исключеніемъ того, что всѣ „галки“ отсутствовали, ибо — увы!—онѣ были за произведенную въ театрѣ драчишку навсегда изгнаны изъ рая, уготованнаго избраннымъ. Чтобы довершить эффектъ, Раиса Павловна послала доктору записку:

„Яша, я должна была бы выцарапать тебѣ глаза за твое коварство, но я тебѣ прощаю... Пріѣзжай сейчасъ же, если желаешь застать меня въ живыхъ... Горемыкина“.

Когда въ гостиной появился докторъ и съ дѣтскимъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на всѣхъ, какъ оглушенный теленокъ, всѣ сдержанно замолчали и даже сдѣлали видъ, что не замѣчаютъ его.

— Ага, вотъ и самъ Мазепа явился!—замѣтилъ вполголоса Сарматовъ, глядя на доктора прищуренными глазами. — Ну, Яшенька, сознавайся: кто заварилъ кашу? — спросилъ онъ уже громко. — Раиса Павловна, рекомендую вашему вниманію этого молодого человѣка. Не правда ли, хорошъ?

Но Раиса Павловна встрѣтила и Яшу Кормилицына съ той же любезностью и даже поцѣловала его въ порывѣ чувства, проговоривъ вполголоса:

— Ну, Яшенька, какъ видишь, я совсѣмъ здорова: чѣмъ ушибся—тѣмъ и лѣчись... Чего тебѣ: чаю или кофе? Эй, Аѳанасья, кофе доктору, да покрѣпче, чтобы привести его въ чувство... Ха-ха!..

Мы избавимъ читателя отъ описанія того, какъ заблудшія, но возвращенныя овцы ѣли, пили, льстили Раисѣ Павловнѣ и на перебой разсказывали самые смѣшные анекдоты про пабаба и генерала съ его болванкой и про его свиту. Продѣлывалось то же самое, что̀ продѣлывается всѣми и, къ сожалѣнію, слишкомъ часто.

— Я, Раиса Павловна, могу про себя сказать только одно,—откровенничалъ Сарматовъ, цѣлуя руку у Раисы Павловны,—именно, что одинъ рас-

каявшійся грѣшникъ пріятнѣе десяти никогда не согрѣшившихъ праведниковъ...

— Совершенно вѣрно, — соглашалась Раиса Павловна. — А что̀ вашъ спектакль?..

— Гм!.. Спектакль. А вы про который изволите спрашивать?..

— Конечно, про настоящій...

— Ну, я теперь сижу, какъ Сципіонъ Африканскій на развалинахъ Трои!..

— Да вѣдь Сципіонъ Африканскій никогда не сидѣлъ на развалинахъ Трои!

— Это все равно, Раиса Павловна.

Въ этомъ общемъ торжествѣ не принималъ участія только одинъ Платонъ Васильичъ, который еще не выходилъ изъ своего кабинета. Онъ лежалъ на широкой кушеткѣ и бредилъ безъ конца новыми машинами, которыя стучали и вертѣлись у него въ головѣ всѣми своими колесами, валами и шестернями. Докторъ часто навѣщалъ его, но до сихъ поръ никакъ не могъ опредѣлить болѣзни: и хворалъ Платонъ Васильичъ такъ же безцвѣтно и неколоритно, какъ жилъ. Вообще, странный былъ человѣкъ, ставившій втупикъ даже Яшу Кормилицына, который выбивался изъ силъ, измѣряя температуру, считая пульсъ и напрасно перебирая въ умѣ всѣ болѣзни, какія зналъ, и всѣ системы лѣченія, какія извѣстны въ наукѣ. Платонъ Васильичъ оставался какой-то патологической загадкой, которая неожиданно разрѣшилась сама собой, т.-е. Платонъ Васильичъ открылъ глаза и почувствовалъ себя на положеніи выздоравливающаго человѣка.

Генералъ, покончивъ всѣ дѣла въ Кукарскомъ заводѣ, давалъ прощальный обѣдъ, на которомъ, по плану Прейна, должно было состояться примиреніе враждовавшихъ сторонъ въ окончательной формѣ. Но какъ заманить на этотъ обѣдъ и Нину Леонтьевну и Раису Павловну, притомъ заманить такъ, чтобы это было незамѣтно обѣимъ, и чтобы онѣ встрѣтились поневолѣ? Выполненіемъ этого плана занялись всѣ. Прейнъ, съ своей стороны, обѣщалъ за Раису Павловну, но никто не бралъ на себя отвѣтственности за Нину Леонтьевну, которая теперь, въ качествѣ потерпѣвшей, могла надѣлать непріятностей всѣмъ. О визитѣ Тетюева и другихъ единомышленниковъ она, конечно, знала и пылала справедливымъ негодованіемъ къ этой общей измѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько она хлопотала, старалась, интриговала—и вотъ награда! Бѣдный генералъ переживалъ самую критическую минуту.

— Благодаря вашему ротозѣйству, вы и Евгенія Константиныча прозѣвали,—корила его Нина Леонтьевна.—Я ужъ не говорю о себѣ... А теперь вы затѣваете парадный обѣдъ, чтобы устроить мнѣ публичный скандалъ.

— Нина, пойми же, ради Бога, что я дѣлаю обѣдъ не для собственнаго удовольствія,—пробовалъ уговаривать генералъ.—Вѣдь это офиціальный прощальный обѣдъ, который я обязанъ дать заводскому обществу...

— Ну, и прекрасно: давайте вашъ обѣдъ, а я уѣду одна.

Послѣ долгихъ и напрасныхъ просьбъ и увѣщеваній, Нина Леонтьевна предложила генералу компромиссъ: она будетъ на обѣдѣ, но за это генералъ долженъ такъ замарать формулярный списокъ Прозорова, чтобы ему никуда носу нельзя было показать. Условіе было слишкомъ жестокое, но Нина Леонтьевна была неумолима, какъ судьба, и обѣщала совсѣмъ бросить генерала, если онъ не исполнитъ ея требованія. Все это было высказано настолько категорически, что добрый генералъ въ концѣ концовъ не устоялъ и, желая спасти самого себя, погубилъ своего университетскаго товарища... Въ формулярномъ спискѣ Прозорова собственной рукой генерала было прописано нѣ-

сколько такихъ замѣчаній, которыми дальнѣйшая карьера Виталія Кузьмича въ какомъ бы то ни было вѣдомствѣ сдѣлалась невозможной.

— Это будетъ всегда на моей совѣсти...—проговорилъ генералъ, бросая перо.—Нина, что̀ ты надѣлала?

— Ничего, самая простая вещь: око за око—не больше того. А что̀ касается твоей совѣсти, такъ можешь быть совершенно спокоенъ: на твоемъ мѣстѣ всякій порядочный человѣкъ поступилъ бы точно такъ же...

Все это было устроено совершенно келейно, такъ что на этотъ разъ Нина Леонтьевна перехитрила рѣшительно всѣхъ.

Обѣдъ имѣлъ быть устроенъ въ парадной половинѣ господскаго дома, въ которой останавливался Евгеній Константинычъ. Кухня набаба оставалась еще въ Кукарскомъ заводѣ, и поэтому обѣдъ предполагался на славу. Тетюевъ нѣсколько разъ съѣздилъ къ Нинѣ Леонтьевнѣ съ повинной, но она сдѣлала видъ, что не только не огорчена его поведеніемъ, но вполнѣ его одобряетъ, потому что интересы русской горной промышленности должны стоять выше всякихъ личныхъ счетовъ.

Идея примиренія двухъ враждовавшихъ женщинъ сдѣлалась настоящей злобой кукарскаго дня, причемъ предположеніямъ, надеждамъ и сомнѣніямъ не было конца. Женщины, кровно заинтересованныя въ этомъ чисто-женскомъ дѣлѣ, ходили какъ въ туманѣ, внося въ общую сумятицу новыя усложняющія соображенія. Когда всѣ собрались въ обѣденную залу, въ которой принималъ гостей генералъ, общее напряженіе достигло послѣднихъ границъ. Въ числѣ гостей были приглашены и дамы. Въ комнатахъ господскаго дома гудѣла и переливалась пестрая и говорливая волна кружевъ, улыбокъ, цвѣтовъ, восторженныхъ взглядовъ, блондъ и самыхъ безсодержательныхъ фразъ; болѣе положительная и тяжеловѣсная половина человѣческаго рода глупо хлопала глазами и напрасно старалась попасть въ тонъ салоннаго женскаго разговора. Да мужчинамъ было, собственно говоря, и не до дамъ, потому что всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ близившейся развязки. Вѣдь этотъ послѣдній обѣдъ, на которомъ собрался весь малый дворъ и обломки большого, имѣлъ рѣшающее значеніе, потому что имъ должно было увѣнчаться все зданіе. Всѣ недоразумѣнія, пререканія, сомнѣнія—все должно было исчезнуть, и даже навсегда готовилась быть засыпанной та пропасть, которая до сихъ поръ раздѣляла малый и большой дворы.

Публикѣ было извѣстно, что Нина Леонтьевна явится въ сопровожденіи Тетюева и Братковскаго, а Раиса Павловна въ сопровожденіи Прейна и Родіона Антоныча. Двѣ женщины превращались въ миртовыя вѣтки, дѣлаясь символомъ общаго мира. Прошло полчаса общаго томительнаго ожиданія, а главныя дѣйствующія лица все не появлялись на горизонтѣ. Генералъ нѣсколько разъ тревожно посмотрѣлъ на часы и поморщилъ лобъ. Но вотъ растворились двери, и въ нихъ вошли Прейнъ и Тетюевъ одни, а за ними плелись Братковскій съ Родіономъ Антонычемъ. По толпѣ гостей пробѣжалъ трепетъ, какъ порывъ вѣтра, который передъ грозой шелеститъ въ травѣ.

— Нина Леонтьевна больна...—объявилъ Тетюевъ, принимая министерскую позу.

— Раиса Павловна тоже больна...—отозвался Прейнъ.

Наступило гробовое молчаніе, точно въ ожиданіи вердикта присяжныхъ. Приходилось садиться обѣдать однимъ, причемъ генералъ испытывалъ крайне угнетенное состояніе духа. Прейнъ тоже ругался на пяти языкахъ, хотя по его беззаботному виду и невозможно было разгадать эту лингвистическую внутреннюю бурю.

Такимъ образомъ торжественный обѣдъ начался при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ, хотя всѣ записные спеціалисты по части офиціальныхъ обѣдовъ лѣзли изъ кожи, чтобы оживить это мертворожденное дитя. Въ надлежащемъ мѣстѣ обѣда сказано было нѣсколько спичей, сначала Вершинишымъ и Тетюевымъ, причемъ они, подогрѣтые невольнымъ соперничествомъ, превзошли самихъ себя. Когда было подано шампанское, генералъ поднялъ бокалъ и заговорилъ:

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Мнѣ приходится начать свое дѣло съ одной старой басни, которую двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ разсказывалъ своимъ согражданамъ старикъ Мененій Агриппа. Всякій изъ насъ еще въ дѣтствѣ, конечно, слыхалъ эту басню, но есть много такихъ старыхъ истинъ, которыя вѣчно останутся новыми. Итакъ, Мененій Агриппа разсказывалъ, что однажды всѣ члены человѣческаго тѣла возстали противъ желудка...

— Отлично, генералъ!..—раздалось среди общей тишины.

Въ дверяхъ стоялъ пьяный Прозоровъ и, пошатываясь, слезившимися глазами нахально смотрѣлъ на обѣдавшихъ...

— Отлично... ха-ха!.. Мененій Агриппа... прекрррасно!..—продолжалъ онъ, поправляя волосы невѣрнымъ жестомъ.—А Мененій Агриппа не разсказалъ вамъ, Миронъ Геннадьичъ, о будущей Ирландіи, которую вы насаждаете на Уралѣ съ самымъ похвальнымъ усердіемъ? Мененій Агриппа!.. О, великіе ловцы предъ Господомъ, вы дѣйствительно являетесь великимъ россійскимъ желудкомъ... Ха-ха!.. А я вамъ прочитаю лучше вотъ что̀, господа:

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда-плута—урожай сторицей;
Прежніе парнишки ходятъ бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужъ не бредитъ...
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ...

— Ради Бога, уведите его!—шепталъ генералъ, причемъ нижняя губа тряслась у него отъ бѣшенства.

— Мененій Агриппа и Тетюевъ... ха-ха!—хохоталъ Прозоровъ, когда его выводили въ переднюю два лакея, а Родіонъ Антонычъ осторожно подталкивалъ сзади.—Іуда, и ты здѣсь? Ну, намъ съ тобой и Богъ велѣлъ быть подлецами! Видѣлъ Тетюева, будущаго юрисконсульта? Ха-ха! Продалъ Тетюевъ за чечевичную похлебку свое земское первородство и посему далеко пойдетъ: нынче крупнымъ подлецамъ вездѣ скатертью дорога... Родька! наплюй за меня въ рожу Тетюеву, онъ самъ меня просилъ объ этомъ! Мененій Агриппа—и Миронъ Геннадьичъ Блиновъ! Поистинѣ отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ. Насаждаемъ россійскій капитализмъ и вступаемъ въ конкуренцію съ Западными Европами чисто-желудочными средствами... Ха-ха! Тетюевъ и генералъ, генералъ и Тетюевъ!—чортъ съ младенцемъ и дважды-два—стеариновая свѣчка!

— Виталій Кузьмичъ, ради истиннаго Христа, удержите вы свой языкъ!—умолялъ Родіонъ Антонычъ, помогая Прозорову найти дверь въ передней.

— А... это ты, Іуда!—бормоталъ Прозоровъ, выдѣлывая вензеля ногами.—Знаешь, что̀ я тебѣ скажу: я тебя люблю... да, люблю за чистоту типа, какъ самородокъ подлости. Ха-ха!

Парадный обѣдъ, задуманный на такихъ широкихъ основаніяхъ, закончился, благодаря Прозорову, полнѣйшимъ фіаско.

Вечеромъ этого многознаменательнаго дня Прозоровъ сидѣлъ въ будуарѣ Раисы Павловны, которая сама пригласила его къ себѣ. Дѣло шло о погибшемъ формулярѣ, о чемъ Раиса Павловна только-что успѣла узнать отъ своего Ришелье.

— Куда вы теперь, Виталій Кузьмичъ?—спрашивала Раиса Павловна своего друга.

— А самъ не знаю, царица Раиса... Нужно будетъ пріискивать родъ занятій: можетъ, волостнымъ писаремъ пристроюсь гдѣ-нибудь.

Подумавъ немного, Прозоровъ улыбнулся пьяной улыбкой и прибавилъ:

— Давеча, царица Раиса, генералъ Миронъ разсказывалъ басню Менелія Агриппы... Я часто думаю о ней и все не нахожу себѣ мѣста въ числѣ членовъ человѣческаго тѣла, а теперь нашелъ... Ха-ха!..

— Именно?

— То-есть, собственно, это не часть тѣла, а только одна изъ его необходимыхъ принадлежностей: я—больной зубъ, царица Раиса! Собственно и не зубъ, а гнилой корень, который ноетъ, а вытащить нечего.

— Если дѣло пошло на сравненія, такъ вы можете сравнить себя вѣрнѣе съ чирьемъ... Ну, да дѣло не въ сравненіяхъ, а я пригласила васъ по серьезному дѣлу. Именно, поговорить о судьбѣ Луши, которая дальше не можетъ оставаться при васъ, какъ это, вѣроятно, вы и сами понимаете...

— О, понимаю, царица Раиса, слишкомъ хорошо понимаю!.. Только позвольте мнѣ еще одно сказать: на генерала Мирона я не сержусь—видитъ Богъ, не сержусь!

— И прекрасно... Ваше положеніе теперь совсѣмъ неопредѣленное, и необходимо серьезно подумать о Лушѣ... Если вы не будете ничего имѣть противъ, я возьму Лушу на свое попеченіе, то-есть помогу ей уѣхать въ Петербургъ, гдѣ она, надѣюсь, скорѣе устроится, чѣмъ здѣсь. Не пропадать же ей за какимъ-нибудь Яшкой Кормилицынымъ...

— Да, да... Лукреція уже, кажется, и безъ того на хорошей дорогѣ! Впрочемъ, я это говорю такъ... Нынче выгоднѣе жить ногами, чѣмъ головой, Раиса Павловна.

Раису Павловну удивило безучастное отношеніе Прозорова къ дочери, хотя онъ, повидимому, и подозрѣвалъ печальную истину.

— Послушайте, царица Раиса, я пьяница, а кое-что еще въ состояніи понимать,—бормоталъ Прозоровъ, моргая глазами.—Вездѣ жертвы... да! Это то же самое, что̀ побочные продукты въ промышленности. Лукреція совершеннолѣтняя и сама понимаетъ, что̀ дѣлаетъ, а я молчу... Не мнѣ и не вамъ ее учить... Оставимте ее въ покоѣ!.. Боже, Боже мой!

Прозоровъ вдругъ заплакалъ, закрывъ лицо руками.

— Перестаньте, что̀ вы, Виталій Кузьмичъ!—проговорила Раиса Павловна, трогая своего друга за плечи.

— Вы думаете, царица Раиса, я плачу о томъ, что Лукреція будетъ фигурировать въ роли еще одной жертвы русскаго горнаго дѣла?—о, нѣтъ! Это въ воздухѣ; понимаете, мы дышимъ этимъ... Проституціей заражена наука, проституція въ искусствѣ, въ нарядахъ, въ мысли, а что̀ же можно сказать противъ одного факта, который является ничтожной составной частью общаго „прогресса“. Не объ этомъ плачу, царица Раиса, а о томъ, что Виталій Прозоровъ, пьяница и потерянный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, является единственнымъ честнымъ человѣкомъ, послѣднимъ римляниномъ... ха-ха!.. Вотъ она гдѣ настоящая-то античная трагедія, царица Раиса! Господи, какое время, какіе люди, какая глупость и какая безграничная подлость! Тетюевъ съ

Родькой теперь совсѣмъ подтянутъ мужиковъ, а генералъ будетъ конопатить ихъ подлости своей проституированной ученостью... Я вчера шелъ по мосту: тамъ сидитъ здоровенный мужикъ съ выжженными глазами... Ему на заводской работѣ въ горѣ порохомъ выжгло глаза, и онъ сидитъ пятнадцатый годъ нищимъ на глазахъ у всѣхъ, и Кукарское заводоуправленіе пальца не разогнетъ для него. Да это что! Ничтожная пылинка, одна капля въ морѣ... Это только иллюстрація тому, что мы должны были сдѣлать и не сдѣлали. Въ Кукарскихъ заводахъ нѣтъ даже богадѣльни для престарѣлыхъ, нѣтъ пенсій изработавшимся и увѣчнымъ, нѣтъ пріюта для сиротъ... Конечно, все это филантропія, но и филантропія лучше той мутной воды, какую разводитъ генералъ Миронъ! Посмотрите, какой развратъ царитъ на заводахъ, какая масса совершенно специфическихъ преступленій, созданныхъ спеціально-заводской жизнью, а мы... Наука, святая наука—и та пошла въ кабалу къ золотому тельцу! И вашему царству, царица Раиса, не будетъ конца... Будьте спокойны за свое будущее—оно ваше. Вашъ день и ваша пѣсня...

Подождите! Прогрессъ подвигается,
И движенью не видно конца:
Что постыднымъ сегодня считается,
Удостоится завтра вѣнца...

Царица Раиса, дайте мнѣ вашу ручку!—лепеталъ Прозоровъ, падая на колѣни.—И слабая женщина нашла наконецъ свое мѣсто на пиру жизни... Да. Теперь честной женщинѣ нечего дѣлать. Я понимаю васъ. А вотъ мы, пьяненькіе да несчастненькіе, будемъ стоять у кабацкой стоечки и любоваться вами... ха-ха!..

На другой день послѣ параднаго обѣда генералъ Блиновъ уѣхалъ изъ Кукарскаго завода, а за нимъ потянулась длиннымъ хвостомъ пахлынувшая съ Лаптевымъ на Уралъ челядь. Такъ послѣ веселаго ужина или бала прислуга выметаетъ разный соръ изъ комнаты. Этотъ человѣческій хламъ выметалъ самъ себя изъ залы недавняго пиршества.

Прейнъ уѣхалъ послѣднимъ. Луша отправилась въ Петербургъ вмѣстѣ съ Раисой Павловной, которая чувствовала потребность немного освѣжиться.

Результаты пріѣзда барина на заводы обнаружились скоро: вопросъ объ уставной грамотѣ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что заводскимъ мастеровымъ земельный надѣлъ совсѣмъ не нуженъ, даже вреденъ; благодаря трудамъ генерала Блинова, была возсоздана цѣлая система сокращеній и сбереженій на урѣзкахъ заработной рабочей платы, на жалованьи мелкимъ служащимъ и на тѣхъ крохахъ благотворительности, которыя признаны наукой вредными палліативами; управители, повѣренные и довѣренные получили соотвѣтствующія увеличенія своихъ окладовъ.

Тетюевъ занялъ свой новый постъ юрисконсульта, а Родіонъ Антонычъ единогласно былъ избранъ предсѣдателемъ ельниковской земской управы, причемъ въ первый же годъ своей земской дѣятельности поставилъ дѣло такъ, что знаменитая гора Куржакъ, обложенная 2 рублями 17 копейками земскихъ налоговъ, была освобождена отъ этой непосильной тяготы, какъ освобождены на Уралѣ отъ земскаго обложенія всѣ золотые пріиски.

1881.

РАННІЕ ВСХОДЫ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Когда на правой сторонѣ дороги показались высокія фабричныя трубы, Машу Честюнину охватило какое-то еще неиспытанное жуткое чувство. Эти трубы говорили о близости Петербурга, того Петербурга, гдѣ она уже не будетъ по-провинціальному „Машей", а превратится въ офиціальную „Марью Честюнину". Ей казалось теперь, что не она мчится на поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги въ завѣтную для всей учащейся молодежи столицу, а что Петербургъ летитъ навстрѣчу къ ней. Страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ вызывалъ неопредѣленную тоску по томъ, что̀ осталось тамъ, далеко-далеко. Теперь она рѣшительно всѣмъ чужая, никто ея больше не знаетъ, никому до нея нѣтъ никакого дѣла, и жуткое чувство молодого одиночества все сильнѣе и сильнѣе охватывало ее. Она боялась расплакаться и отвернулась къ окну, чтобы никто не видѣлъ ея лица. Въ моменты нервнаго настроенія на нее нападала какая-то чисто-бабья плаксивость, за что она ненавидѣла себя отъ чистаго сердца, а сейчасъ въ особенности. Ея волненіе усиливалось еще больше отъ молодого задорнаго хохота, доносившагося съ сосѣдней скамьи, гдѣ сидѣлъ бѣлокурый студентъ съ узенькими сѣрыми глазками и дѣвушка-студентка. Молодые люди, видимо, чувствовали себя прекрасно, болтали всю дорогу и смѣялись, потому что были молоды. Честюниной казалось, что студентъ хохочетъ какъ-то неестественно и только притворяется, что ему весело, и она почувствовала къ нему завистливую антипатію. Вѣроятно, онъ очень глупый, потому что серьезные люди не будутъ такъ смѣяться. И остальная публика третьяго класса, кажется, раздѣляла это мнѣніе, потому что всѣ оглядывались на хохотавшаго студента и смотрѣли на него злыми глазами.

— Экъ его разбираетъ!..—ворчалъ сѣденькій благообразный старичокъ, сидѣвшій напротивъ Честюниной.—Даже противно слушать...

Этотъ старичокъ тоже не нравился Честюниной, потому что цѣлую ночь мѣшалъ ей спать своимъ храпѣніемъ, охами и шопотомъ какихъ-то молитвъ. Ей почему-то казалось, что онъ не добрый, хотя старичокъ нѣсколько разъ пробовалъ съ ней заговаривать.

— Сударыня, вы откуда изволите ѣхать?

— Изъ Сузумья...

— Извините, пожалуйста: что̀ же это такое будетъ, то-есть это самое Сузумье?

— Уѣздный городъ...

— Такъ-съ... А позвольте узнать, какой губерніи?

Честюнина назвала одну изъ далекихъ восточныхъ губерній, и старичокъ съ сожалѣніемъ покачалъ головой, точно она уѣхала, по меньшей мѣрѣ, съ того свѣта.

— Такъ-съ... Значитъ, въ Питеръ? Очень хорошо... А позвольте узнать, по какимъ такимъ дѣламъ?

— Учиться.

— Такъ-съ... Въ гимназію, значитъ?

— Нѣтъ, я гимназію кончила, я ѣду поступить на медицинскіе курсы.

Старичокъ посмотрѣлъ на нее какими-то оторопѣлыми глазами и съ раздраженіемъ спросилъ:

— Значитъ, мертвецовъ будете рѣзать?

— Да...

Отвѣтъ, видимо, не удовлетворилъ любопытнаго старца. Онъ что-то пошепталъ про себя, угнетенно вздохнулъ и спросилъ уже другимъ тономъ:

— Позвольте спросить, сударыня, а какъ же, напримѣръ, родители? Я говорю къ тому, что ежели бы моя собственная дочь... Да ни въ жисть!.. Помилуйте, молодая дѣвушка, которая и понимать-то ничего не должна, и вдругъ этакая мерзость... тьфу!

Старичокъ даже зашипѣлъ отъ злости и благочестиво плюнулъ по адресу волновавшей его мерзости.

— Такъ какъ же, напримѣрно, родители?—приставалъ онъ.—Этакую даль отпущаютъ одну-одинешеньку...

— Что̀ же тутъ страннаго? Какъ видите, никто до сихъ поръ не съѣлъ меня.

— Нѣтъ, я такъ полагаю, что ваши родители померли...

— Отецъ, дѣйствительно, умеръ, а мать жива...

— Изъ чиновниковъ?

— Да...

— И состояніе оставилъ родитель?

— Мама получаетъ пенсію...

— Братья есть?

— Одинъ братъ въ Москвѣ въ университетѣ, а другой въ гимназіи.

Этотъ допросъ начиналъ раздражать Честюнину, и дѣвушка начала придумывать, какъ бы оборвать нахальнаго старика. Но ему, видимо, пришла какая-то новая мысль, и онъ спросилъ прежнимъ заискивающимъ тономъ:

— А можетъ-быть, у васъ есть въ Питерѣ богатые родственники?..

— Есть дядя. Онъ служитъ въ министерствѣ...

— Генералъ?

— Право, не знаю... кажется, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Богатый?

— И этого не знаю... Я его никогда не видала и ѣду въ Петербургъ въ первый разъ.

— Такъ-съ... Ну, это совсѣмъ другое дѣло, ежели есть дядя и притомъ въ чинѣ штатскаго генерала. Вы, значитъ, прямо къ нему?

— Не знаю, право. Очень можетъ быть...

— Конечно, къ нему, хотя и говорится пословица, что деревенская родня, какъ зубная боль. Вы ужъ извините меня, сударыня, а надо пряменько говорить... Совсѣмъ вы молоды, и можно сказать такъ, что какъ есть ничего не понимаете, а дядя-то ужъ все понимаетъ. У меня три такихъ знакомыхъ

штатскихъ генерала есть... Аккуратно живутъ и держатъ себя весьма сосредоточенно.

Навязчивый старичокъ совершенно успокоился и сосредоточилъ все свое вниманіе на хохотавшемъ студентѣ, но потомъ неожиданно обернулся къ Честюниной и проговорилъ:

— А по-нашему, по-необразованному, лучше бы было, ежели бы вы, сударыня, остались въ своемъ Сузумьѣ да, напримѣръ, замужъ дѣвичьимъ дѣломъ. Куда аккуратнѣе бы вышло, и маменькѣ спокойнѣе бы невпримѣръ, а то теперь вотъ какъ, поди, старушка-то думаетъ... Можетъ, у старушки-то и женишокъ былъ свой на примѣтѣ? Что же, дѣло житейское...

Послѣднее замѣчаніе вдругъ сконфузило дѣвушку, такъ что она даже покраснѣла. Любопытный старецъ смотрѣлъ на нее улыбавшимися глазами и покачивалъ головой. Впрочемъ, поѣздъ уже подходилъ къ Петербургу, и разговоръ прекратился самъ собой.

— Эти вонъ трубы-то—это все фабрики на Невѣ,—объяснялъ старичокъ, связывая подушку въ узелъ.—И столько этихъ фабрикъ... А вонъ дымитъ Обуховскій заводъ. Пушки льютъ...

Дѣвушка молчала, охваченная опять волненіемъ. Она вся точно сжалась и чувствовала себя такой маленькой-маленькой. Весь вагонъ поднялся на ноги, и всѣ торопливо собирали свои пожитки, до веселаго студента включительно. Честюнина наблюдала за всѣми и думала, что вотъ этихъ всѣхъ кто-нибудь ждетъ, кто-нибудь будетъ ихъ встрѣчать и радоваться этой встрѣчѣ, и только она одна составляетъ печальное исключеніе. Вопросъ о томъ, остановиться у дяди или нѣтъ, все еще оставался нерѣшеннымъ.

— Слава тебѣ, Господи,—вслухъ молился старичокъ, крестясь на купола Александро-Невской лавры.—Вотъ мы и дома, сударыня... Счастливо оставаться.

Поѣздъ уже замедлялъ ходъ. По сторонамъ мелькали пустые вагоны, а потомъ точно выплыла станціонная платформа, на которой стояли кучки ожидавшей публики и бѣгали въ синихъ блузахъ и бѣлыхъ передникахъ носильщики. Кто-то махалъ на платформѣ шапкой, слышались радостные восклицанія, и поднималась суматоха разъѣзда. Честюнина дождалась, пока выйдутъ другіе,—вѣдь ей некуда было торопиться,—и вышла почти послѣдней. Платформа быстро очищалась отъ публики, и оставалось всего нѣсколько человѣкъ, очевидно, никого не дождавшихся. Они пытливо оглядывали каждаго запоздавшаго пассажира, который выходилъ изъ вагона, и провожали его глазами. Когда Честюнина тащила свой саквояжъ и разные дорожные узелки, къ ней подошелъ красивый молодой человѣкъ и проговорилъ:

— Простите, вы не мадемуазель Честюнина?

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ дѣвушку, и она вся вспыхнула.

— Да, я...

— Имѣю честь отрекомендоваться: вашъ двоюродный братъ Евгеній Васильевичъ Апохинъ.

— Ахъ, очень, очень рада... Какъ это вы узнали меня?

— Очень просто: по вашимъ узелкамъ. Сейчасъ видно провинціалку. Я такъ и мутерхенъ сказалъ... У насъ комната приготовлена для васъ. Да... Папа вчера получилъ письмо отъ вашей maman, а я сегодня и поѣхалъ встрѣчать.

— Вотъ какая мама... А я еще просила ее ничего не писать обо мнѣ. Во всякомъ случаѣ, очень благодарна вамъ за вниманіе... мнѣ совѣстно...

— Помилуйте, Марья Гавриловна. Позвольте мнѣ ваши узелки... Эй, человѣкъ!..

Анохинъ имѣлъ совсѣмъ петербургскій видъ, какъ опредѣлила его Честюнина про себя. Какой-то весь приглаженный и вылощенный, точно сейчасъ сорвался съ модной картинки. И говорилъ онъ чуть въ носъ, смѣшно растягивая слова. Молодое красивое лицо съ темными усиками и темными глазами было самоувѣренно, съ легкимъ оттѣнкомъ вѣжливаго нахальства. Рядомъ съ нимъ дѣвушка почувствовала себя самой непростительной провинціалкой, начиная съ помятой дорогой касторовой шляпы и кончая несчастными провинціальными узелками. Она еще разъ смутилась, чувствуя на себѣ экзаменовавшій ее съ ногъ до головы взглядъ петербургскаго брата. Онъ, дѣйствительно, осматривалъ ее довольно безцеремонно. Одѣта совсѣмъ по-провинціальному, какъ не одѣвается даже горничная Даша, а личико, съ большими наивными голубыми глазами, мягкимъ дѣтскимъ носомъ и свѣжимъ ртомъ, ничего себѣ, хоть куда.

„Дѣвица съ ноготкомъ,—опредѣлилъ братецъ провинціальную сестрицу.— Вотъ этакія бѣлокурыя барышни склонны въ особенности къ трагедіи... „Я твоя навѣки, а впрочемъ, въ смерти моей прошу никого не обвинять“. Очень понимаемъ... Папахенъ, кажется, ошибся“.

Пока артельщикъ получалъ багажъ, Анохинъ болталъ самымъ непринужденнымъ образомъ и нѣсколько разъ очень мило сострилъ, такъ что Честюнина не могла не улыбнуться. Анохинъ замѣтилъ, что она очень мило улыбалась, какъ всѣ люди, которые смѣются рѣдко.

— А знаете, Марья Гавриловна, я долженъ васъ предупредить относительно одной тайны... Да, да, настоящая тайна! Вчера получено было письмо отъ вашей mamaн, а сегодня утромъ другое... гм... И знаете, адресъ написанъ мужской рукой, немного канцелярскимъ почеркомъ. Моя мутерхенъ великій знатокъ по этой части и сразу надулась... Вы не смущайтесь и дѣлайте видъ, что ничего не замѣчаете. Я всегда такъ дѣлаю... На всякій случай счелъ своимъ долгомъ предупредить васъ.

Дѣвушка однако смутилась еще разъ и даже опустила глаза, какъ горничная.

— Вѣроятно, отъ брата изъ Москвы...—точно оправдывалась она.

— Конечно, отъ брата. И я такъ же объяснилъ мутерхенъ... О, мутерхенъ величайшій изъ дипломатовъ, и у насъ происходятъ постоянныя стычки на этой почвѣ. У меня масса непріятностей именно изъ-за писемъ...

Когда артельщикъ принесъ чемоданчикъ и простой мѣшокъ, сконфузился уже молодой человѣкъ. Во-первыхъ, онъ пріѣхалъ на собственномъ извозчикѣ, а во-вторыхъ, швейцаръ Григорій сдѣлаетъ такую презрительную рожу... Только мужики на заработки идутъ съ такими мѣшками. Впрочемъ, нужно быть немножко демократомъ, когда имѣешь провинціальную сестрицу. Ахъ, эти провинціалы, ничего-то они не понимаютъ: какой-нибудь дурацкій дорожный мѣшокъ, и все погибло. Можно себѣ представить положеніе папахена, который выдавалъ племянницу чуть ли не за милліонершу. Молодой человѣкъ понялъ, что папахенъ этимъ маневромъ хотѣлъ подкупить мамахенъ, сдѣлавшую кислое лицо при первомъ извѣстіи о ѣдущей провинціалкѣ-племянницѣ, и по пути ввелъ въ заблужденіе родного сына. Развѣ бы онъ поѣхалъ встрѣчать на вокзалъ, если бы по молодости лѣтъ не увлекся мыслью о родственныхъ богатствахъ? Впрочемъ, все равно...

— Ефимъ изъ пятой линіи!—громко выкрикивалъ на подъѣздѣ артельщикъ.

Подалъ извозчикъ-лихачъ, замѣтно покосившійся на проклятый мѣшокъ, сунутый ему въ ноги. Накрапывалъ назойливый осенній дождь, и всѣ зданія казались особенно мрачными.

— Я забылъ извиниться передъ вами за нашу милую петербургскую осень,—весело шутилъ Анохинъ, когда лихачъ выѣхалъ на Знаменскую площадь.—Ефимъ, по Невскому! Я хочу васъ поразить лучшей петербургской улицей, Марья Гавриловна... Только вотъ дождь портитъ впечатлѣніе.

На площади они встрѣтили того старичка, который донималъ Честюнину своей пытливостью. Онъ несъ на спинѣ какой-то тюкъ и раскланялся съ „барышней". Анохинъ черезъ плечо посмотрѣлъ на нее и только приподнялъ плечи въ знакъ удивленія. Она замѣтила это движеніе и улыбнулась.

II.

Невскій проспектъ не произвелъ на Честюнину впечатлѣнія, больше того—онъ совсѣмъ не оправдалъ того представленія, которое сложилось по описаніямъ въ книгахъ. Улица какъ улица. Большіе дома, большіе магазины, большое движеніе, а „блестящаго" и поражающаго какъ есть ничего. Вотъ Исаакіевскій соборъ другое дѣло. Поразила дѣвушку только одна красавица Нева, точно налитая въ гранитныхъ берегахъ. Васильевскій островъ уже напоминалъ провинціальный городъ.

Швейцаръ Григорій встрѣтилъ гостью съ изысканной любезностью настоящаго столичнаго хама. Въ Сузумьѣ былъ единственный швейцаръ въ женской гимназіи, и Честюнина смотрѣла съ дѣтскимъ любопытствомъ на эту новую для нея породу людей.

— Вы пройдете въ свою комнату,—диктовалъ Анохинъ, когда они поднимались по лѣстницѣ въ третій этажъ.—Горничная Даша подастъ вамъ умыться... Вы съ ней построже, Марья Гавриловна.

— Я не умѣю...

— Учитесь. А мутерхенъ выйдетъ къ завтраку...

Горничная Даша, красивая, но съ какимъ-то преждевременно увядшимъ лицомъ, встрѣтила гостью съ величайшимъ презрѣніемъ, особенно, когда на сцену появился знаменитый мѣшокъ и провинціальные узелки. Квартира была большая, и парадныя комнаты поражали Честюнину своей показной роскошью. Отведенная ей комната, впрочемъ, отличалась спартанской простотой, и это даже обрадовало гостью, напомнивъ оставленную дома приличную нищету. Вездѣ было тихо, точно весь домъ вымеръ. Даша тоже величественно молчала и демонстративно положила мѣшокъ на письменный столъ. Честюнина ничего ей не сказала и сама перенесла его въ уголъ.

— Не прикажете ли чего-нибудь, барышня?—спросила Даша, улыбающимися глазами глядя на мужскіе дешевенькіе серебряные часы, которые гостья положила на письменный столъ: такихъ часовъ даже швейцаръ Григорій не будетъ носить.

— Рѣшительно ничего не нужно... Я привыкла все дѣлать сама.

— Какъ вамъ будетъ угодно... Барыня Елена Ѳедоровна выйдутъ къ завтраку ровно въ двѣнадцать часовъ. У насъ ужъ такъ заведено.

Оставшись одна, Честюнина подошла къ окну и долго смотрѣла на столичный дворъ, походившій на пропасть. Со дна этой пропасти поднимался какой-то особенно тяжелый воздухъ. Впрочемъ, она еще на улицѣ почувствовала его—отдавало помойной ямой и какой-то подвальной гнилью. Умывшись безъ помощи Даши, она съ особенной тщательностью занялась своимъ туалетомъ, а прибирая волосы, нѣсколько разъ улыбнулась. Навѣрно, петербургскій братецъ теперь волнуется за нее, потому что мутерхенъ произведетъ ей настоящій экзаменъ. Къ сожалѣнію, самое нарядное черное шерстяное платье

изъ дешевенькаго кашемира оказалось смятымъ, носки ботинокъ порыжѣли, а волосы походили на солому.

Когда она была готова, въ дверяхъ послышался осторожный стукъ.

— Войдите...

Вошелъ Анохинъ, быстро оглядѣлъ ее и остался, кажется, доволенъ. Онъ подалъ ей письмо и, глядя на свои золотые часы, предупредилъ:

— Остается ровно полчаса до завтрака... У насъ это въ родѣ священнодѣйствія.

Онъ уже хотѣлъ уходить, какъ замѣтилъ лежавшіе на столѣ часы.

— Марья Гавриловна, ради Бога, не надѣвайте этихъ несчастныхъ часовъ, а то мутерхенъ увидитъ, и крышка.

— Это часы моего папы, и я ими очень дорожу...

— Я понимаю ваши чувства, но вы не знаете мутерхенъ...

Когда молодой человѣкъ вышелъ, Честюнина поняла, что ей здѣсь не жить. Ее начинали давить самыя стѣны. Хороша, должно-быть, эта мутерхенъ, предъ которой трепещетъ цѣлый домъ. Да и всѣ хороши. Впрочемъ, петербургскій братецъ, должно-быть, очень добрый человѣкъ и хлопочетъ отъ чистаго сердца. О папахенъ никто ничего не говоритъ—значитъ, онъ въ полномъ загонѣ.

Письма она не стала читать, а только мелькомъ взглянула на адресъ. Ей почему-то показалось обиднымъ опредѣленіе этого крупнаго и твердаго мужского почерка „канцелярскимъ", хотя петербургская мутерхенъ и угадала. Рѣшивъ не оставаться здѣсь, дѣвушка успокоилась. Что̀ ей за дѣло до этой мутерхенъ... По пути она вспомнила веселаго бѣлокураго студента, который, навѣрно, ужъ не испытываетъ подобныхъ глупыхъ волненій. Боже мой, какое счастье имѣть свой уголокъ, самый крошечный уголокъ, гдѣ можно было бы чувствовать себя самой собой, и только. Неужели въ такомъ громадномъ городѣ не найдется такого уголка? Вѣдь наконецъ живутъ же крысы и мыши...

Наступили роковые двѣнадцать часовъ. Даша уже ждала гостью въ полутемномъ коридорѣ и молча повела ее черезъ залу въ столовую, обставленную съ какой-то трактирной роскошью. Честюнина больше не смущалась и довольно свободно отрекомендовалась „мутерхенъ", которая снизошла до того, что поцѣловала ее въ лобъ. Анохинъ наблюдалъ эту сцену представленія и остался доволенъ провинціалкой. Ничего, для перваго раза не вредно... Мутерхенъ была среднихъ лѣтъ женщина, недавно еще очень красивая, но состарившаяся раньше времени благодаря сидячей жизни и привычкѣ плотно покушать. Оставались красивыми черные злые глаза и маленькія холеныя ручки.

— Базиль будетъ такъ радъ...—повторяла Елена Ѳедоровна.—У него, вообще, родственныя чувства развиты. Да...

— Мутерхенъ, я, кажется, вполнѣ наслѣдовалъ эту родственную шишку,— попробовалъ сострить Анохинъ.

— Фи, какъ ты вульгарно выражаешься, Эженъ!..

— Я, мутерхенъ, говорю по френологіи. Есть такая наука...

Елена Ѳедоровна не удостоила отвѣта это оправданіе и вообще больше не считала нужнымъ обращать вниманіе на сына. Честюнину удивило больше всего то, что она завтракала отдѣльно. Даша подала ей куриную котлетку, потомъ какой-то бульонъ, сметану, яйца и какао. Гостья только потомъ узнала, что мутерхенъ находится на положеніи вѣчной больной и ѣстъ отдѣльно. Собственно завтракъ былъ очень простъ, и дѣвушка съ большимъ удовольствіемъ съѣла два ломтя говядины изъ вчерашняго супа и цѣлую порцію горячаго картофеля въ мундирѣ.

— Вамъ придется, Мари,—позвольте мнѣ васъ такъ называть?—да, придется измѣнить нѣкоторыя провинціальныя привычки,—тянула Елена Ѳедоровна.—Это уже общая судьба всѣхъ провинціаловъ... Но вы не стѣсняйтесь: въ свое время все будетъ.

— Мутерхенъ, я по этой части могу быть профессоромъ...

— Тѣмъ болѣе, что нынѣшняя молодожь, какъ курсистки, бравируютъ пренебреженіемъ къ условнымъ мелочамъ,—тянула мутерхенъ:—да, бравируютъ, забывая, что онѣ прежде всего и послѣ всего женщины... Я, конечно, понимаю, что это просто молодой бунтъ, и что со временемъ все пройдетъ. Повѣрьте, Мари, что изъ настоящихъ буянокъ выйдутъ, можетъ-быть, еще болѣе чопорныя дамы, чѣмъ тѣ, надъ которыми онѣ сейчасъ смѣются. Говорю все это впередъ, искренно желая вамъ добра... Напримѣръ, Базиль совсѣмъ этого не понимаетъ, онъ даже сочувствуетъ, но вы этимъ не увлекайтесь, потому что онъ все-таки мужчина и ничего не понимаетъ.

Этими наставленіями завтракъ былъ отравленъ, и Честюнина едва дождалась, когда онъ кончится. Но обѣдъ превзошелъ и завтракъ. Къ шести часамъ явился самъ домовладыка. Это былъ высокій, полный господинъ за пятьдесятъ лѣтъ съ какимъ-то необыкновенно чисто выбритымъ лицомъ, точно его крахмалили и гладили утюгомъ. Сѣдыя баки котлетами придавали офиціально-строгій видъ. Старикъ очень обрадовался племянницѣ, обнялъ ее и расцѣловалъ прямо въ губы.

— Вылитая сестра Анна Васильевна!—повторялъ онъ.—Вотъ именно такой она была, когда выходила замужъ... Боже мой, сколько прошло времени!..

Расчувствовавшись, старикъ еще разъ обнялъ дѣвушку и опять поцѣловалъ. Онъ только потомъ спохватился и сразу какъ-то растерялся.

„Папахену влетитъ“,—весело думалъ Эженъ.

За обѣдомъ старикъ проявлялъ усиленные признаки полной независимости, но у него это какъ-то не выходило. Чувствовалась дѣланность тона и какая-то фальшь. Честюниной сдѣлалось жаль выбивавшагося изъ силъ старика, хотя она и не могла понять, въ чемъ дѣло. Мутерхенъ зловѣще промолчала все время и не сводила съ мужа глазъ, точно очковая змѣя.

— Ну, какъ мать?—въ десятый разъ спрашивалъ старикъ.—Вотъ такая же была снѣгурочка... Мы съ ней ужасно бѣдствовали въ юности и жили душа въ душу. И все-таки хорошее было время. Маша... Говорятъ, что старикамъ свойственно смотрѣть въ розовомъ свѣтѣ на свою юность, но, право, я дорого заплатилъ бы... да, заплатилъ бы...

— Чтобы вернуться къ дѣтству?—подхватила мутерхенъ.—Но, кажется, за это особенно дорого не придется платить... Только необходимо отличать дѣтство отъ ребячества.

Обѣдъ закончился новой исторіей. Въ столовую вошла молоденькая дѣвушка, некрасивая, но съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ.

— Рекомендую,—обратилась мутерхенъ къ гостьѣ:—моя дочь, Екатерина Васильевна, которая до сихъ поръ еще не знаетъ, что мы обѣдаемъ ровно въ шесть часовъ, и что заставлять себя ждать, по меньшей мѣрѣ, невѣжество...

— Мама, да я совсѣмъ не хочу ѣсть,—оправдывалась дѣвушка, здороваясь съ гостьей.—Я только-что отъ подруги, гдѣ былъ кофе и чудные пирожки, а я отъ всего на свѣтѣ готова отказаться, кромѣ пирожковъ. Вѣдь знаю, что ты будешь меня бранить, мама, знаю и все-таки ѣмъ...

— И все-таки нехорошо, Катя,—съ дѣланной строгостью замѣтилъ отецъ.—Порядокъ въ жизни прежде всего...

Эта Катя сразу понравилась Честюниной. Какъ-то она рѣшительно ни на кого не походила, и вмѣстѣ съ тѣмъ было пріятно чувствовать, что она въ одной комнатѣ съ вами. Что-то такое жизнерадостное смотрѣло этими умными темными глазами, простое и чуть-чуть властное. Она подсѣла къ гостьѣ, оправила по пути ей воротничокъ, съѣхавшій немного на сторону, и заговорила такимъ тономъ, точно онѣ вчера разстались:

— Васъ зовутъ Машей? Вотъ и отлично... Я люблю это имя и съ удовольствіемъ промѣняла бы на свое. Вы на курсы? Еще лучше... Моя мечта поступить на курсы, но мама почему-то не хочетъ. А я все-таки поступлю...

— Это будетъ тогда, когда я умру,—добавила мутерхенъ.—Кажется, вамъ, Катерина Васильевна, не придется долго ждать...

— У насъ мысль о смерти царитъ надо всѣмъ,—объяснила гостьѣ Катя.—Право... Можно подумать, что мы живемъ на кладбищѣ. Милая мама, вы только напрасно себя разстраиваете... Всѣ будемъ жить, пока не умремъ. Это здѣсь такъ принято...

Обѣдъ наконецъ кончился, и Катя увела гостью къ себѣ въ комнату, обставленную очень нарядно, но съ ясными слѣдами безпорядочнаго характера хозяйки. Катя долго держала гостью за обѣ руки, что-то соображая про себя, а потомъ проговорила серьезно:

— Мы будемъ на ты... да? И смѣшно было бы сестрамъ церемониться... Давай поцѣлуемся!.. Только я тебя должна предупредить, что я рѣшительно никого не люблю, потому что, если бы отъ меня зависѣло, я бы себя устроила нѣсколько иначе... Во-первыхъ, женщина, по-моему, должна быть бѣлокурой. Вотъ такая, какъ ты, съ такой же чудной косой и дѣтскими глазами.

Дѣвушка не переставала болтать и въ то же время разсматривала сестру, какъ невиданнаго звѣря. Честюнина почувствовала себя вдругъ такъ просто и легко, точно цѣлый вѣкъ была знакома съ этой милой Катей. А Катя болтала и болтала безъ умолку. Папа хорошій и добрый, но совершенно безхарактерный, и Женька, къ несчастью, весь въ него. Мама кажется строгой и придирчивой, но это только такъ, для папы. Она немного помѣшана на томъ, чтобы все было „какъ въ лучшихъ домахъ", а это оттого, что мама изъ богатой, хотя и разорившейся семьи. Женька самый отчаянный шелопай, хотя мама въ немъ души не чаетъ и готова для него на все. Вообще, скучно... Послѣднее заключеніе вышло немного неожиданно и очень смѣшно.

— Меня мама никогда не любила, и я очень ей благодарна за это,—докончила Катя свою семейную хронику.—Когда я была маленькой, то очень обижалась и даже плакала, а теперь благодарю. Никого не нужно любить, потому что отъ этого всѣ несчастья... Поэтому я рѣшила, что никогда не пойду замужъ.

Потомъ Катя потащила гостью осматривать всю квартиру, комментируя каждую вещь.

— Такъ, кисленькая чиновничья роскошь, Маша... Ну, для чего всѣ эти драпировки, поддѣланныя подъ настоящія дорогія матеріи? Для чего эта мебель, которая точно притворяется въ какомъ-то неизвѣстномъ стилѣ? Единственная вещь, которую я люблю—это рояль...

Катя сѣла за рояль и съ шикомъ сыграла какой-то блестящій вѣнскій вальсъ. Она училась въ консерваторіи, но дальше вальсовъ дѣло не шло. Оборвавъ какой-то самый модный вальсъ на половинѣ, Катя потащила гостью въ кабинетъ къ отцу.

— Старикъ тебя очень ждалъ... Онъ у насъ самый чувствительный человѣкъ въ домѣ.

Распахнувъ портьеру, Катя остановилась. Въ кабинетѣ, видимо, разыгрывалась тяжелая семейная сцена. Старикъ ходилъ по комнатѣ съ краснымъ отъ волненія лицомъ, а мутерхенъ сидѣла на диванѣ въ вызывающей позѣ.

— Господи, что̀ же я такого сдѣлалъ?!.—спрашивалъ старикъ, дѣлая трагическій жестъ.—Вѣдь она мнѣ не чужая...

Катя спустила портьеру и шепнула:

— Пусть старики поссорятся...

Честюнина поняла только одно, что старики ссорятся именно изъ-за нея, и ей опять сдѣлалось грустно и тяжело.

III.

Вмѣстѣ съ провинціальной гостьей въ чопорную чиновничью квартиру дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анохина ворвались совсѣмъ новыя мысли и чувства. Генеральша сейчасъ же послѣ обѣда устроила мужу жестокую семейную сцену,—сцену по всѣмъ правиламъ искусства.

— Какъ это мило: облапить и цѣловаться прямо въ губы!—старалась говорить она вполголоса.—Можетъ-быть, у васъ тамъ въ деревнѣ нѣсколько сотъ такихъ племянницъ, и вы всѣхъ ихъ будете цѣловать? Это можетъ сдѣлать нашъ швейцаръ Григорій, дворникъ, кухонный мужикъ... Наконецъ вы забываете, что у васъ есть взрослая дочь.

Генералъ не возражалъ, не оправдывался, а только вздыхалъ и умоляюще смотрѣлъ на разгнѣванное домашнее божество. Онъ былъ полонъ такихъ хорошихъ мыслей и чувствъ, а тутъ какая-то глупая сцена. Много такихъ сценъ онъ перенесъ на своемъ вѣку, но именно эта ему показалась особенно обидной,—онъ почувствовалъ себя чужимъ въ собственномъ домѣ. Всѣ чужіе—и жена, и сынъ, и даже дочь, которую онъ любилъ больше всѣхъ. Еще разъ онъ пережилъ то неравенство, которое внесла въ домъ его собственная жена. Она считала себя главной виновницей всей его карьеры и настоящаго чиновничьяго благополучія, потому что онъ, человѣкъ безъ связей и протекцій, затерялся бы въ толпѣ другихъ министерскихъ чиновниковъ, и только она, настоящая генеральская дочь, вывела его на настоящую дорогу. Его провинціальное прошлое тщательно скрывалось и было всегда для Елены Ѳедоровны самымъ больнымъ мѣстомъ, какъ какой-то первородный грѣхъ. Никто не зналъ, чего стоило Анохину его превосходительство. Да, ему завидовали всѣ сослуживцы, а онъ все чаще и чаще начиналъ думать, что все это чиновничье величіе было лично для него величайшей ошибкой.

Елена Ѳедоровна, конечно, уже знала все черезъ горничную Дашу, т.-е. знала и о мѣшкѣ и объ узелкахъ провинціальной родственницы, и на этомъ построила цѣлый обвинительный актъ.

— Это какая-то богомолка...—язвила она.—Мнѣ совѣстно передъ швейцаромъ. А глупый Эженъ имѣлъ еще неосторожность ѣхать встрѣчать ее на вокзалѣ. Конечно, онъ добрый мальчикъ, но дѣлать подобныя глупости все-таки нехорошо. Вѣдь вы выдавали свою сестру за милліонершу...

— Я дѣйствительно говорилъ, что у нея есть свои средства...

— Какая-то несчастная пенсія!..

— У нея собственный домъ въ Сузумьѣ, потомъ послѣ мужа остались средства, что̀ мнѣ хорошо извѣстно.

— Все это одна комедія!.. Вы вводите въ нашу семью какихъ-то салопницъ...

— Не салопницъ, а порядочныхъ людей... Да...

Василій Васильевичъ вдругъ разгорячился и наговорилъ женѣ дерзостей,

чего еще никогда съ нимъ не случалось. Онъ покраснѣлъ и сильно размахивалъ руками.

— По-вашему, Елена Ѳедоровна, Маша—салопница, а по-моему—это хорошая дѣвушка-труженица. Да, именно труженица... Я былъ бы счастливъ, если бы у меня была такая дочь.

— Значитъ, и Катя нехороша?

— А что такое Катя, по-вашему? Петербургская барышня, и больше ничего. У нея въ головѣ концерты, да оперы, да первыя представленія, да пикники—развѣ я не понимаю, что она такое? А твой Эженъ, говоря откровенно, просто шелопай... Да, да, шелопай! Еще одинъ шагъ, и готовъ червонный валетъ. Конечно, имъ дико видѣть настоящую серьезную дѣвушку... Посмотри, какое у нея чудное лицо — простое, какое-то чистое, красивое внутренней красотой.

— Боже мой, до чего я дожила!—стонала генеральша.

Увлекшись, генералъ наговорилъ много лишняго, и когда спохватился—было уже поздно. Генеральша приняла угнетенный видъ и молча вышла изъ кабинета. Это была еще первая сцена, закончившаяся полнымъ разрывомъ. Обыкновенно генералъ вымаливалъ себѣ прощеніе, унижался и покупалъ примиреніе самой дорогой цѣной.

Цѣлый день былъ испорченъ. Елена Ѳедоровна заперлась въ своей спальнѣ, какъ въ неприступной крѣпости, и не вышла къ вечернему чаю. Генералъ съѣздилъ въ какую-то комиссію, вернулся поздно и узналъ отъ Даши, что генеральша больна и не желаетъ никого видѣть.

— Э, все равно!—рѣшилъ про себя Василій Васильевичъ.

Онъ тоже заперся въ своемъ кабинетѣ и тоже не желалъ никого видѣть. Господи, вѣдь можно же хоть разъ въ жизни быть самимъ собой и только самимъ собой! Въ минуты маленькихъ домашнихъ революцій онъ спалъ у себя въ кабинетѣ, а сейчасъ былъ даже радъ этому. Въ послѣднее время у него все чаще и чаще появлялась нервная безсонница, и онъ впередъ зналъ, что сегодня не уснетъ до самаго утра. Была приготовлена домашняя работа, но она не шла на умъ. Оставалось ходить по кабинету до головокруженія.

— Что же, я сказалъ правду,—думалъ онъ вслухъ.—И пора сказать... Развѣ я не вижу и не понимаю, что дѣлается кругомъ? Семья дармоѣдовъ—и больше ничего... Другіе, которые не могутъ жить дармоѣдами, завидуютъ намъ. Чего же больше? Ха-ха... Миленькая семейка...

Старикъ шагалъ по своему кабинету, какъ часовой у гауптвахты, и съ тоской думалъ, что неужели это воинствующее настроеніе покинетъ его и онъ опять будетъ унижаться, чтобы вымолить у жены позорное примиреніе. Онъ впередъ презиралъ себя...

Появленіе племянницы подняло въ душѣ петербургскаго статскаго генерала далекое прошлое.

Родился и выросъ онъ въ Сузумьѣ, въ бѣдной чиновничьей семьѣ. Онъ теперь видѣлъ эту семью черезъ десятки лѣтъ... Видѣлъ труженика-отца, вѣчно занятаго службой, суроваго и болѣзненнаго, видѣлъ вѣчно озабоченную домашними дѣлами мать, женщину простую, но съ здоровымъ природнымъ умомъ. Чего стоило старикамъ выучить его въ гимназіи, а потомъ отправить въ университетъ. У него была всего одна сестра Анюта, которую онъ очень любилъ. Дѣвочка получила самое скромное домашнее образованіе, потому что тогда женскихъ гимназій еще не было, и только дочери дворянъ могли учиться въ институтахъ. Боже мой, какъ все это было давно и вмѣстѣ точно вчера... Уѣзжая въ Петербургъ поступать въ университетъ, Анохинъ меньше всего

думалъ о томъ, что видитъ отца въ послѣдній разъ. Молодость думаетъ только о себѣ... Ему больше всего жаль было сестру, которая такъ горько плакала при разставаньи. Онъ былъ уже на третьемъ курсѣ, когда отецъ умеръ. Но родное Сузумье было за тридевять земель, такъ что онъ не могъ даже пріѣхать на похороны. Пришлось самому зарабатывать хлѣбъ и тянуть тяжелую лямку. Съ матерью онъ увидался только по окончаніи курса. Въ это лѣто вышла и Анюта замужъ за маленькаго чиновника канцеляріи губернатора, перешедшаго впослѣдствіи на земскую службу. Умерла и мать, и Анохинъ ни разу не былъ въ родномъ гнѣздѣ, откладывая поѣздку туда годъ за годомъ, а потомъ затянула служба, явилась своя семья и свои заботы. Съ Сузумьемъ отношенія поддерживались только рѣдкими письмами сестры. У нея были уже свои дѣти, потомъ эти дѣти учились въ гимназіяхъ, но онъ никого не видалъ. Племянница Маша явилась живымъ эхомъ далекаго прошлаго, и генералъ въ послѣдній разъ переживалъ его и провѣрялъ имъ свою настоящую жизнь. И ему начинало казаться, что въ его чиновничьемъ благополучіи было что-то неладное, что онъ прожилъ всю жизнь въ какомъ-то пустомъ мѣстѣ и что, главное, не умѣлъ дать дѣтямъ настоящаго воспитанія. Для чего онъ вообще жилъ, работалъ, хлопоталъ, и чѣмъ потомъ дѣти помянутъ его, когда его не будетъ на свѣтѣ? А вотъ племянница Маша — другое дѣло... Она съ собой принесла въ столицу такую хорошую молодую заботу, жажду знанія и способность трудиться. Да, эта будетъ работать, а его дѣти шелопайничать... Старику страстно хотѣлось обнять вотъ эту хорошую Машу и разсказать ей все, всю свою жизнь, и научить ее, чтобы она такъ никогда не жила.

Честюнина тоже не спала, хотя и устала съ дороги страшно. Ее взволновало полученное письмо. Какъ хорошо она знала этотъ „канцелярскій почеркъ“... Письмо было распечатано только вечеромъ, когда дѣвушка ложилась спать. Это была ея первая ночь въ столицѣ, начало новой жизни. Прежде всего она поняла, что сдѣлала громадную ошибку, остановившись у дяди, хотя въ этомъ и не была виновата. Впрочемъ, непріятное впечатлѣніе, произведенное генеральшей, нѣсколько сгладилось благодаря Катѣ. Она такъ мило болтала и была такая добрая.

— Ты не оставайся у насъ жить,—откровенно совѣтовала Катя, забравшись вечеромъ въ комнату гостьи. — Папа добрый, и къ мамѣ можно привыкнуть, а только у насъ ужасно скучно. Всѣ мрутъ отъ скуки... То ли дѣло, если ты устроишься по-студенчески, Маша.

— Я тоже думаю, что будетъ лучше.

— Откровенно говоря, я завидую тебѣ. А совѣтую переѣзжать потому, что тогда буду бывать у тебя. Будетъ молодежь, разговоры, шумъ... Я ужасно люблю спорить. Со всѣми готова спорить... Видишь, я хлопочу, главнымъ образомъ, о себѣ и не скрываю этого. По праздникамъ ты будешь пріѣзжать къ намъ... Поѣдемъ какъ-нибудь въ оперу.

Оставшись одна, Честюнина наконецъ распечатала письмо и прочла его нѣсколько разъ, причемъ на лицѣ у нея отъ волненія появился румянецъ.

„Милая Маруся,—писалъ „канцелярскій почеркъ“.—Адресую тебѣ письмо на твоего дядю... Можетъ-быть, это не совсѣмъ тактично, но, каюсь, не могъ выдержать. Когда ты уѣхала, меня охватила такая страшная тоска и такое малодушіе, точно я похоронилъ тебя. Сознаю, что все это глупо и съ извѣстной точки зрѣнія даже смѣшно, но не могу удержаться. Каяться, такъ каяться: когда шелъ на свою службу въ земскую управу, нарочно сдѣлалъ крюкъ и прошелъ мимо твоей школы... На твое мѣсто поступила уже другая учительница, Наташа Горкина, которая раньше служила помощницей въ чет-

вертой школѣ. Славная дѣвушка, а мнѣ обидно, что она заняла твое мѣсто. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы оно оставалось незанятымъ, что̀ уже совсѣмъ глупо. Однимъ словомъ, разыгрался самый непростительный эгоизмъ. На службѣ я почти ничего не дѣлалъ, такъ что нашъ членъ управленія, Ефимовъ, только покосился на меня,—ты знаешь, онъ вообще не благоволитъ ко мнѣ и радъ всякому случаю придраться. Впрочемъ, теперь для тебя все это не интересно и слишкомъ далеко. Не буду... Вечеромъ не утерпѣлъ и завернулъ къ Аннѣ Васильевнѣ подъ предлогомъ взять книгу. Старушка очень обрадовалась мнѣ—она, кажется, догадывается... Мы сидѣли въ угловой комнатѣ и пили чай. Все до послѣдней мелочи напоминало тебя, и мнѣ хотѣлось плакать, какъ мальчишкѣ. Дверь въ твою комнату была закрыта, и мнѣ все время казалось, что вотъ-вотъ ты выйдешь. Я даже раза два оглянулся, что̀ не ускользнуло отъ вниманія Анны Васильевны. Мнѣ было жаль и себя и ея, и казалось, что мы сдѣлали какую-то ошибку. Я убѣжденъ, что и она думала то же самое, хотя прямо этого, конечно, и не высказывала. Для нея я все-таки только хорошій знакомый, а въ сущности чужой... Да, тяжело и грустно, и я отвожу душу за этимъ письмомъ. Гдѣ-то ты теперь? среди какихъ людей? какія твои первыя впечатлѣнія? думаешь ли ты о насъ?—боюсь напомнить о собственной особѣ. Съ другой стороны, не могу скрыть нѣкоторой зависти... Кажется, взялъ бы да и полетѣлъ на крыльяхъ въ Петербургъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на тебя... Кстати, ты забыла оставить мнѣ свой петербургскій адресъ, т.-е. адресъ твоего дяди, и я его добывалъ отъ Анны Васильевны обманнымъ способомъ. Совралъ, грѣшный человѣкъ, что ты просила выслать какую-то книгу... Старушка, кажется, опять догадалась, хотя и сдѣлала видъ, что забывать книги людямъ свойственно. Я уже сказалъ, что... Нѣтъ, я долженъ высказаться прямо, и ты можешь меня презирать за мой неисчерпаемый эгоизмъ. Да, я раскаиваюсь, что отпустилъ тебя... Вижу твое негодующее лицо, чувствую, что ты презираешь меня, но вѣдь геройство не обязательно даже по уложенію о наказаніяхъ. Да, я тебя впередъ ревную ко всему и ко всѣмъ—къ тѣмъ людямъ, съ которыми ты будешь встрѣчаться, къ той комнатѣ, въ которой ты будешь жить, къ тому воздуху, которымъ ты будешь дышать. Я желалъ бы быть и этими новыми людьми, и этой новой комнатой, и этимъ новымъ воздухомъ, даже мостовой, по которой ты будешь ходить... Подумай хорошенько, отнесись безпристрастно, и ты поймешь, что я правъ. Вѣдь ждать цѣлыхъ пять лѣтъ... Мало ли что̀ можетъ случиться? Впереди цѣлая вѣчность... Одинъ день—и то вѣчность, не то, что пять лѣтъ. Моя ариѳметика отказывается служить, и знаю только одно, что я несчастный, несчастный, несчастный

„твой навсегда Андрей Нестеровъ“.

Честюнина нѣсколько разъ перечитала это посланіе, поцѣловала его и спрятала въ дорожную сумочку.

— Милый... хорошій...—шептала она.—Какой онъ хорошій, Андрюша... Если бы онъ зналъ, какъ мнѣ-то скучно!

Дѣвушка, несмотря на усталость, долго не могла заснуть. Прошлое мѣшалось съ настоящимъ, а съ завтрашняго дня начнется будущее. Да, будущее... Она закрыла глаза и старалась представить себѣ тѣхъ людей, съ которыми придется имѣть дѣло. Вотъ теперь она никого не знаетъ и ея никто не знаетъ, а потомъ, день за днемъ, возникнутъ и новыя знакомства, и дружба, и ненависть. Гдѣ-то уже есть и эти будущіе враги и будущіе друзья... Еще утромъ сегодня семья дяди не существовала для нея, а сейчасъ она уже всѣхъ знаетъ и со всѣми опредѣлились извѣстныя отношенія. Дядя ее любитъ, т.-е.,

вѣрнѣе, любитъ въ ней свою сестру, тетка ненавидитъ, какъ всѣ жены ненавидятъ мужнину родню, шелопай Эженъ—ни то ни сё, для Кати она любопытная новинка, и т. д. Ахъ, какой смѣшной этотъ Андрюша! Оставалось только накапать на письмо слезъ, какъ дѣлаютъ институтки. Какъ онъ смѣшно пишетъ... Мама, конечно, догадается, если онъ будетъ повторять вѣчную исторію о забытой книгѣ. Право, смѣшной... А если бы можно было устроить его гдѣ-нибудь на службу въ Петербургѣ? Вѣдь дядя могъ бы это сдѣлать, если бы захотѣлъ... Впрочемъ, Андрюша самъ не пойдетъ: онъ помѣшанъ на своемъ земствѣ.

Она заснула, почему-то думая о давешнемъ пытливомъ старичкѣ, который постепенно превратился въ веселаго студента и принялся хохотать тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

IV.

Утромъ генеральша пила свой какао въ постели, поэтому за утреннимъ чаемъ собралась въ столовой только молодежь, а потомъ пришелъ Василій Васильевичъ. Онъ былъ блѣденъ, и въ глазахъ чувствовалась тревога.

— Сегодня на службу, Маша?—спрашивалъ онъ, цѣлуя племянницу въ лобъ.—Хорошее дѣло, голубчикъ... Отъ души тебѣ завидую.

— Папа, зачѣмъ ты ее зовешь Машей?—замѣтила Катя.—Это что-то вульгарное... Машами зовутъ горничныхъ да кошекъ. Я буду называть ее Марусей...

— Нѣтъ, лучше называй Машей,—отвѣтила Честюнина, чувствуя, какъ начинаетъ краснѣть. Марусей ее называлъ только Андрей.—Дома меня всегда называли Машей, и я привыкла къ этому имени...

Катя сузила глаза и засмѣялась. Она поняла, въ чемъ дѣло. Дядя молча пилъ чай, сравнивая дочь и племянницу. Сегодня дочь уже не казалась ему такой дурной. Дѣвушка какъ дѣвушка, а выйдетъ замужъ—будетъ доброй и хорошей женой. Старикъ который разъ тревожно поглядывалъ на входившую Дашу, ожидая приглашенія въ спальню, но Даша молчала, и онъ чувствовалъ себя виноватымъ все больше и больше.

— Мари, я васъ провожу въ медицинскую академію, — предлагалъ Эженъ, закручивая свои усики.—Вы позволите мнѣ быть вашимъ Вергиліемъ?

— Пожалуйста, не безпокойтесь,—остановила его Катя.—Я сама поѣду провожать Маню... У меня даже есть знакомый въ академіи. Кажется, онъ профессоръ или что-то въ этомъ родѣ... Однимъ словомъ, устроимся и безъ васъ, тѣмъ болѣе, что женщина должна быть вполнѣ самостоятельна, а двѣ женщины въ особенности.

— Не смѣю утруждать своимъ вниманіемъ, mesdames... Одинъ маленькій совѣтъ: когда поѣдете, возьмите моего Ефима. Онъ стоитъ на углу. Впрочемъ, виноватъ, можетъ-быть, изъ принципа вы желаете ѣхать на скверномъ извозчикѣ?..

— Пожалуйста, побереги свое остроуміе, потому что оно сегодня еще можетъ тебѣ пригодиться.

Когда дѣвушки собрались ѣхать, Василій Васильевичъ обнялъ Машу и перекрестилъ ее по-отечески.

— Съ Богомъ, моя хорошая...

Когда дѣвушки вышли на подъѣздъ, Катя заявила швейцару:

— Найди намъ самаго скверпаго извозчика... Понимаешь? И чтобъ экипажъ непремѣнно дребезжалъ... Я сегодня желаю быть демократкой.

Когда швейцаръ ушелъ, Катя весело захохотала и проговорила:

— А какъ я тебя подвела давеча за чаемъ, Маша? Это онъ тебя называетъ Марусей? Да?.. Вѣдь и письмо было тоже отъ него? Пожалуйста, не отпирайся... Это даже въ порядкѣ вещей: если Маргарита ѣдетъ на медицинскіе курсы, то Фаусту остается только писать письма. Я вотъ никакъ не могу влюбиться, а у васъ, провинціалокъ, это даже очень просто... Каждая гимназистка шестого класса уже непремѣнно влюблена... Это просто отъ скуки, Маша... Впрочемъ, я не прочь испытать нѣжныя чувства, но какъ-то ничего не выходитъ. Прошлую зиму за мной ухаживалъ одинъ офицеръ-гвардеецъ и немножко мнѣ нравился, но очень ужъ занятъ собственнымъ величіемъ, и дѣло разошлось. Я какъ-то не понимаю великихъ людей, потому что они мнѣ напоминаютъ бронзовые памятники... На вещи, голубушка, нужно смотрѣть прямо.

Дряпной извозчикъ былъ найденъ, и Катя торжествовала. Она вообще умѣла быть заразительно-веселой. Всю дорогу, пока ѣхали черезъ Васильевскій островъ, а потомъ черезъ Тучковъ мостъ, она болтала безъ умолку. Петербургская Сторона еще больше напомнила Честюниной родную провинцію, и она страшно обрадовалась, когда увидѣла первый маленькій деревянный домикъ, точно встрѣтила хорошаго стараго знакомаго. Въ семидесятыхъ годахъ, когда происходитъ дѣйствіе нашего разсказа, Петербургская Сторона только еще начинала застраиваться многоэтажными домами, было много пустырей и еще больше скверныхъ деревянныхъ домишекъ, кое-какъ закрашенныхъ снаружи. Второе, что̀ обрадовало Честюнину, это Александровскій паркъ, мимо котораго повезъ ихъ извозчикъ. Ей почему-то представилось, что въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ деревьевъ, а тутъ почти цѣлый лѣсъ. Въ Сузумьѣ не было такого парка. По дорожкамъ бѣгали дѣти, на зеленыхъ скамейкахъ отдыхали пѣшеходы, гулялъ какой-то старичокъ, таскавшій одну ногу—однимъ словомъ, жить еще можно. День былъ свѣтлый, хотя съ моря и поддувало свѣжимъ вѣтеркомъ.

— Послушай, Маша, мы сегодня же будемъ и квартиру искать,—предложила Катя.—Найдемъ крошечную-крошечную конурку, чтобы было слышно все, что̀ дѣлается въ сосѣдней комнатѣ, чтобы хозяйка квартиры была грязная и чтобы непремѣнно воняло изъ кухни капустой... Я ненавижу капусту, какъ сорокъ тысячъ братьевъ не могли никогда любить.

По Сампсоніевскому мосту переѣхали на Выборгскую Сторону. Массивныя зданія клиники Вилліе произвели на Катю дурное впечатлѣніе, и она сразу присмирѣла.

— Знаешь, мнѣ кажется, что меня непремѣнно привезутъ когда-нибудь вотъ въ эти клиники и непремѣнно зарѣжутъ,—сообщила она упавшимъ голосомъ.—Я не выношу никакой физической боли, а тутъ царство всевозможныхъ ужасовъ. Ванька, дребезжи поскорѣе...

Ванька, дѣйствительно, могъ удовлетворить по части дребезжанья и тащился съ убійственной медленностью. Прошелъ чуть не часъ, пока онъ остановился у подъѣзда низенькаго каменнаго флигеля, гдѣ былъ входъ въ правленіе. По тротуарамъ быстро шли группы студентокъ, и Катя занималась тѣмъ, что старалась угадать новичковъ.

— Вонъ это навѣрно поповна,—говорила она.—Посмотри, какъ она колѣнками работаетъ... А это наша петербургская барынька, цирлихъ-манирлихъ и не тронь меня.

Въ правленіе нужно было пройти по длинному каменному коридору, по которому шагали группы студентовъ. Первымъ встрѣтился вчерашній веселый сосѣдъ, и Честюнина невольно улыбнулась. Катя нечаянно задѣла его локтемъ, и студентъ замѣтилъ довольно грубо:

— Барышня, извините, что вы меня толкнули...

— Ахъ, виновата, что недостаточно сильно... Кстати, какъ намъ пройти къ ученому секретарю?

Студентъ молча ткнулъ пальцемъ впередъ.

— Вотъ еще невѣжа...—ворчала Катя, оглядываясь.—Мнѣ такъ и хотѣлось спросить, въ какой конюшнѣ воспитывался.

— Пожалуйста, Катя, тише...—упрашивала Честюнина.

— Э, пустяки... Я сегодня хочу быть равноправной. Какъ онъ смѣлъ называть меня барышней? Хочешь, я сейчасъ вернусь и наговорю ему дерзостей...

— Катя, пожалуйста!..

— Хорошо. Обрати вниманіе: только для тебя дарую жизнь этому невѣжливому мужчинѣ. Такъ и быть, пусть существуетъ на благо отечества...

У входа въ кабинетъ ученаго секретаря дѣвушкамъ пришлось подождать. Честюнина начала волноваться. Вѣдь это былъ рѣшительный шагъ, о которомъ она мечтала столько лѣтъ. Ея торжественному настроенію мѣшала только безпокойная Катя, сейчасъ же завязавшая споръ съ какой-то курсисткой мрачнаго вида.

Почему-то Честюнина очень волновалась, входя въ пріемную ученаго секретаря, точно отъ этого господина зависѣла вся ея судьба. Но дѣло обошлось такъ быстро и такъ просто, что она даже осталась недовольна. Онъ принялъ молча ея прошеніе, осмотрѣлъ бумаги и сказалъ всего одну фразу:

— Хорошо. Потомъ объявятъ, кто принятъ...

Онъ даже не взглянулъ на новую курсистку, точно вошла и вышла кошка.

Катя ходила по коридору съ самымъ вызывающимъ видомъ и тоже удивилась, что Честюнина такъ скоро вернулась.

— Подождемъ немного...—шепнула она.—Ужасно интересно посмотрѣть, а тебѣ даже поучительно.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ студенты-медики ходили безъ формы. Многіе щеголяли въ излюбленныхъ студенческихъ высокихъ сапогахъ и расшитыхъ малороссійскихъ сорочкахъ. Вообще преобладали довольно фантастическіе костюмы. Студентки одѣвались однообразнѣе. Темныя платья придавали немного больничный видъ этимъ молодымъ дѣвичьимъ лицамъ. Честюниной понравились эти дѣвушки, собравшіяся сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Красивыхъ лицъ было немного, но этотъ недостатокъ выкупался серьезнымъ выраженіемъ. Большинство составляли труженицы, пріѣхавшія сюда на послѣдніе гроши. Это была одна семья, спаянная однимъ общимъ чувствомъ, и Честюнина почувствовала себя дома. Вонъ эта худенькая дѣвушка въ очкахъ, навѣрно, хорошая, и вотъ та—да всѣ хорошія, если разобрать.

Катя вдругъ притихла и больше не бунтовала. Она даже потихоньку отцѣпила какой-то яркій бантъ и спрятала его въ карманъ. Бѣлокурый студентъ продолжалъ шагать по коридору и поглядывалъ на Катю злыми глазами.

— Вотъ человѣкъ, которому, кажется, нечего дѣлать,—проговорила Катя довольно громко, такъ что студентъ не могъ не слышать.

Онъ остановился, хотѣлъ что-то сказать, но только презрительно пожалъ плечами. Честюнина разсказала, что онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ ней и что это очень веселый молодой человѣкъ. Этого было достаточно, чтобы Катя остановила его.

— Милостивый государь, не знаете ли вы гдѣ-нибудь маленькой ком-

катки? Я подозрѣваю, что вы уже второй годъ на томъ же курсѣ и должны знать...

Студентъ добродушно засмѣялся.

— Вы почти правы, милостивая государыня... У меня переэкзаменовка по гистологіи. А что̀ касается комнаты, то могу рекомендовать. По Сампсоніевскому проспекту... Да вотъ я напишу вамъ адресъ.

— Покорно благодаримъ...

— Во дворѣ, вторая лѣстница направо, четвертый этажъ. Тамъ есть свободная комната для одной...

Дѣвушки поблагодарили и отправились разыскивать квартиру по этому адресу. Сампсоніевскій проспектъ былъ въ двухъ шагахъ, и онѣ пошли пѣшкомъ. Катя храбро шагала черезъ грязную мостовую и сейчасъ же запачкала себѣ подолъ платья—она не привыкла ходить пѣшкомъ.

— А студентикъ славный,—болтала Катя.—Я съ удовольствіемъ поспорила бы съ нимъ... Онъ ужасно походитъ на молоденькаго пѣтушка.

V.

— Ахъ, какая прелесть!—крикнула Катя, взбѣгая по темной и грязной лѣстницѣ.—Восторгъ...

Подымавшаяся за ней Честюнина никакъ не могла понять,—напротивъ, эта петербургская лѣстница произвела самое непріятное впечатлѣніе.

— Маша, я счастлива, совершенно счастлива!—кричала Катя откуда-то сверху.—Что̀ же ты молчишь?

— Я рѣшительно не понимаю ничего, Катя...

— А ты понюхай, какой здѣсь воздухъ?

— Кошками пахнетъ...

— Вотъ-вотъ, именно въ этомъ и прелесть. Мнѣ такъ надоѣли эти антре, парадныя лѣстницы, швейцары, а тутъ просто духъ захватываетъ отъ всякихъ запаховъ... ха-ха-ха!. Прелесть, восторгъ... ура!..

— Пожалуйста, тише, сумасшедшая...

Потомъ все стихло. Когда Честюнина поднялась въ пятый этажъ, ей представилась такая живая картина: въ отворенныхъ дверяхъ стояла полная женщина въ дымчатыхъ очкахъ, стриженая и съ папиросой, а передъ ней стояла Катя, улыбающаяся, свѣжая, задорная.

— Вы это чему смѣетесь?—угрожающимъ тономъ спрашивала дама съ папиросой.

— А развѣ здѣсь запрещено смѣяться?

— Не запрещено, но вы, во-первыхъ, чуть не оборвали звонка, а потомъ, когда я открыла дверь, захохотали мнѣ прямо въ лицо.,. Это доказываетъ, что вы дурно воспитаны.

— Я?! Нѣтъ ужъ, извините, сударыня...—бойко отвѣтила Катя.—Во-первыхъ, я кончила институтъ, во-вторыхъ, мой папаша дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ-третьихъ, у насъ на подъѣздѣ стоитъ швейцаръ Григорій, который въ теченіе своей жизни не пропустилъ на лѣстницу ни одной кошки, въ-четвертыхъ...

— У васъ отдается комната?—перебила Честюнина.

Дама съ папиросой строго оглядѣла ее съ ногъ до головы и, загораживая дверь, грубо спросила:

— А вы почему думаете, что я должна сдавать комнату?

— Намъ указалъ вашъ адресъ студентъ... такой бѣлокурый... по фамиліи Крюковъ.

— А, это совсѣмъ другое дѣло..,

Дама величественно отступила. Она теперь сосредоточила все свое вниманіе на Катѣ.

— Да вы намъ комнату свою покажите...—приставала Катя, заглядывая въ дверь направо.

— Сюда нельзя, во-первыхъ,—остановила ее дама.—А затѣмъ, кому изъ васъ нужна комната?

— Мнѣ...—успокоила ее Честюнина.

— Ну, это другое дѣло.

Когда сердитая дама съ папироской повела дѣвушекъ по длинному коридору, въ который выходили двери отдѣльныхъ комнатъ, Катя успѣла шепнуть:

— Какая милашка... Я въ нее влюблена. Понимаешь? Ахъ, прелесть...

Свободная комната оказалась рядомъ съ кухней, что̀ еще разъ привело Катю въ восторгъ. Помилуйте, пахнетъ не то лукомъ, не то кофе—прелесть... Однимъ словомъ обстановка идеальная. Отдававшаяся внаймы комната единственнымъ окномъ выходила въ брандмауэръ сосѣдняго дома. Изъ мебели полагался полный репертуаръ: столъ, просиженный диванъ, желѣзная кровать, два стула и комодъ.

— Собственно говоря, я отдаю комнаты только знакомымъ,—не безъ достоинства объясняла дама съ папироской.—И жильцы у меня постоянные, изъ года въ годъ. Вы, вѣроятно, провинціалка?

— Да, я издалека... Можетъ-быть, вы слыхали, есть такой городъ Сузумье?

— Сузумье?!. Боже мой, что̀ же это вы мнѣ раньше не сказали, милая... Я вѣдь тоже изъ тѣхъ краевъ. Конечно, вы слыхали про профессора Приростова. Это мой родной братъ...

При послѣднихъ словахъ она вызывающе посмотрѣла на Катю, точно хотѣла сказать: „Вотъ тебѣ, выскочка, за твоего папеньку дѣйствительнаго статскаго совѣтника... Да-съ, родная сестра и все тутъ“.

— Меня зовутъ Парасковьей Игнатьевной,—уже милостивѣе сообщила она.—А васъ? Марья Гавриловна—хорошее имя. Меня мои жильцы прозвали, знаете какъ? Парасковеей Пятницей... Это упражняется вашъ знакомый Крюковъ. Впрочемъ, я до него еще доберусь...

Катя больше не могла выдержать и прыснула. Это былъ неудержимый молодой смѣхъ, заразившій даже сестру извѣстнаго профессора. Она смотрѣла на хохотавшую Катю и сама смѣялась.

— А знаете... знаете...—говорила Катя сквозь слезы.—Знаете, у васъ, дѣйствительно, есть что-то такое... Парасковея Пятница, именно! Боже мой, да что̀ же это такое?..

Въ слѣдующій моментъ Катя бросилась на шею къ Парасковеѣ Пятницѣ и расцѣловала ее.

— Нѣтъ, я не могу! Вѣдь это разъ въ жизни встрѣчается... Какъ я васъ люблю, милая Парасковея Пятница!

Эта нѣжная сцена была прервана аплодисментами,—въ дверяхъ стоялъ давешній бѣлокурый студентъ.

— Браво!.. Какія милыя телячьи нѣжности... Я, грѣшный человѣкъ, думалъ, что вы подеретесь для перваго раза, и торопился занять роль благороднаго свидѣтеля.

— Пожалуйста, не трудитесь острить,—вступилась Катя.—Вы—запоздалый и никогда не поймете всей красоты каждаго движенія женской души. А въ частности, что̀ вамъ угодно?

— Что̀, влетѣло? — шутила Приростова.—Ахъ, молодежь, молодежь... Вотъ посмотришь на васъ, и какъ-то легче на душѣ сдѣлается. Когда я была молода, у насъ въ Казани...

— Ну, теперь началась сказка про бѣлаго бычка: „у насъ въ Казани“,— замѣтилъ студентъ.—Когда вы доѣдете, Парасковья Игнатьевна, до своего знаменитаго брата, постучите мнѣ въ стѣну... Я буду тутъ рядомъ. Я даже начну за васъ... „Когда я была молода, у насъ въ Казани...“

Когда веселый студентъ ушелъ въ комнату рядомъ, Приростова вздохнула и проговорила:

— Вѣроятно, подъ старость всѣ люди дѣлаются немного смѣшными, особенно когда вспоминаютъ далекую молодость... Можетъ-быть, Крюковъ и правъ, когда вышучиваетъ меня. А только онъ добрый, хотя и болтунъ... Вотъ что̀, дѣвицы, хотите кофе?

— Съ удовольствіемъ перехватимъ кофеевъ,—отвѣтила Катя, стараясь выражаться въ стилѣ студенческой комнаты.

Когда Приростова ушла въ кухню. Честюнина проговорила, дѣлая строгое лицо:

— Знаешь, Катя, ты держишь себя непозволительно... Я тебѣ серьезно говорю. Парасковья Игнатьевна почтенная женщина, я это чувствую, и нехорошо ее вышучивать... Вообще, нужно быть поскромнѣе.

— Я больше не буду, милая, строгая сестрица... Но я не виновата, что она говоритъ: молодежь. И потомъ, ты забываешь, что если бы не я, такъ тебѣ не видать бы Парасковеи Пятницы, какъ своихъ ушей. Чувствую, что ты устроишься здѣсь.

— И мнѣ тоже кажется...

Приростова повела „дѣвицъ“ къ себѣ въ комнату, устроенную на студенческую руку Такая же кровать, простенькій диванъ, комодъ, два стула и двѣ этажерки для книгъ. Честюнина обратила вниманіе прежде всего на эти этажерки, гдѣ были собраны изданія: Молешоттъ, К. Фогтъ, Бокль и т. д. Очевидно, это были все авторы, дорогіе по воспоминаніямъ юности. На стѣнѣ у письменнаго стола были прибиты прямо гвоздями порыжѣвшія и засиженныя мухами фотографіи разныхъ знаменитостей, а затѣмъ цѣлый рядъ портретовъ. Эти послѣдніе, вѣроятно, представляли память сердца. Приростова показала на молодого мужчину съ самыми длинными волосами и таинственно объяснила:

— Мой мужъ, Иванъ Михайловичъ...

Пока „дѣвицы“ пили кофе, Приростова успѣла сообщить всю свою біографію. Да, она родилась въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ, въ помѣщичьей семьѣ, отдана была потомъ въ институтъ, а потомъ очутилась въ Казани.

— Ахъ, какое это было время, дѣвицы! Вы ужъ не испытаете ничего подобнаго, да... Развѣ нынче есть такіе люди?.. Да, было удивительное время, и мнѣ просто жаль Крюкова, когда онъ смѣется надо мной! Онъ не понимаетъ, бѣдняжка, что и самъ тоже состарится, и вы, дѣвицы, тоже состаритесь, а на ваше мѣсто придетъ молодежь ужъ другая...

Честюнина переѣхала на новую квартиру въ тотъ же день и была совершенно счастлива. Вышло только одно неудобное обстоятельство — она уѣхала, не простившись съ дядей. Онъ засѣдалъ въ какой-то комиссіи. Тетка приняла видъ жертвы, покорившейся своей судьбѣ, и съ особенной ядовитостью соглашалась со всѣмъ.

— Комната въ восемь рублей? Прекрасно... Рядомъ живетъ студентъ—

отлично. Дядя будетъ очень радъ. Онъ всегда стоитъ за женскую равноправность... Впрочемъ, это въ воздухѣ, и я кажусь тебѣ смѣшной.

— Что̀ вы, тетя...—попробовала оправдываться Честюнина.—Я не рѣшаюсь приглашать васъ къ себѣ, но вы убѣдились бы своими глазами, что ничего страшнаго нѣтъ.

Много напортила своими комическими восторгами Катя, но она такъ смѣшно разсказывала и такъ заразительно хохотала, что сердиться на нее было немыслимо. Впрочемъ, когда Честюнина уходила совсѣмъ, она догнала ее въ передней и принялась цѣловать со слезами на глазахъ.

— Что̀ ты, Катя?—удивилась та.—Ты плачешь?

— Да, да... Это глава изъ романа петербургской кисейной барышни. Я презираю себя и завидую тебѣ... Кланяйся Парасковеѣ Пятницѣ. Она хорошая.

Честюнина вздохнула свободнѣе, когда очутилась наконецъ на улицѣ. Ее точно давили самыя стѣны дядюшкиной квартиры, а швейцара Григорія и горничной Даши она просто начинала бояться. Сейчасъ ее не смущалъ даже роковой мѣшокъ, который производилъ все время такую сенсацію. Тамъ, на Выборгской Сторонѣ, такіе пустяки не будутъ имѣть никакого смысла...

Приростова встрѣтила новую квартирантку по-родственному и сейчасъ же спросила про Катю.

— Мнѣ кажется, что она на дурной дорогѣ, — замѣтила она. — Я хочу сказать, что эта дѣвушка живетъ изо дня въ день барышней, безъ всякой цѣли впереди. А это грустно...

Какъ была рада Честюнина, когда наконецъ очутилась въ собственномъ углу. Вѣдь нѣтъ больше счастья, какъ чувствовать себя независимой. Вотъ это мой уголъ, и никто, рѣшительно никто не имѣетъ права вторгаться въ него. Дѣвушка полюбила эти голыя стѣны, каждую мелочь убогой обстановки и впередъ рисовала себѣ картины трудовой жизни, о которой столько мечтала раньше. Да, сонъ свершился наяву...

Первой вещью, которую пришлось пріобрѣсти, была дешевенькая лампочка. Когда загорѣлъ первый огонекъ, дѣвушка сѣла къ письменному столу, чтобы написать письма матери и „къ нему“. Письмо матери удалось. Она описывала дорогу, семью дяди, свое поступленіе на курсы, новую квартиру, — впечатлѣнія были самыя пестрыя. Но второе письмо совершенно не удалось. Честюнина написала цѣлыхъ пять писемъ, и всѣ пришлось разорвать. Все это было не то, чего она желала. А какъ много хотѣлось написать... Что-то мѣшало, точно вырастала невидимая стѣна, заслонявшая прошлое, и въ результатѣ получался фальшивый тонъ. Она перечитала письмо „отъ него“ разъ десять и поняла только одно, что ей не отвѣтить въ этомъ простомъ и задушевномъ тонѣ.

— Какой онъ хорошій... — шептала она, испытывая почти отчаяніе.

VI.

Первая лекція... Это было что-то необыкновенное, какъ молодой сонъ. Въ громадной аудиторіи, устроенной амфитеатромъ, собралось до полутораста новенькихъ курсистокъ. Кого-кого тутъ не было: сильныя брюнетки съ далекаго юга, бѣлокурыя нѣмки, русоволосыя дѣвушки средней Россіи, сибирячки съ типомъ инородокъ. За вычетомъ племенныхъ особенностей, оставался одинъ общій типъ — преобладала сѣрая дѣвушка, та безвѣстная труженица, которая несла сюда все, что̀ было дорогого. Красивыхъ лицъ было очень немного, хотя это и не было замѣтно. Всѣ переживали возбужденное настроеніе и по-

этому говорили громче обыкновеннаго, смѣялись какъ-то принужденно и вообще держались неестественно. На нѣкоторыхъ скамьяхъ образовались самыя оживленныя группы. Очевидно, сошлись землячки, и Честюнина невольно позавидовала, потому что изъ Сузумья она была одна, и опять переживала тяжелое чувство одиночества. Впрочемъ, были и другія дѣвушки, которыя тоже держались особнячкомъ, какъ и она. Одна такая дѣвушка, сухая и сгорбленная, съ зеленоватымъ лицомъ и какими-то странными темными глазами, которые имѣли такой видъ, точно были наклеены — сѣла на скамью рядомъ съ ней.

— У васъ, кажется, нѣтъ никого знакомыхъ? — заговорила она дѣловымъ тономъ, поправляя большія очки въ черепаховой оправѣ.

— Да...

— И у меня тоже.

— Вы издалека?

— О, очень издалека... съ юга.

Она назвала маленькій южный городокъ и засмѣялась, — этотъ городъ существовалъ только на картѣ, а въ дѣйствительности былъ деревней.

Потомъ она прибавила совершенно другимъ тономъ:

— А вы видите, вонъ тамъ, на третьей скамейкѣ сидитъ бѣлокурая барышня?..

— Да, вижу...

— Вы ея не знаете? Она меня очень интересуетъ... Вотъ сейчасъ она повернулась въ вашу сторону... Знаете, я ее ненавижу. Вѣдь вижу въ первый разъ и ненавижу... Вы когда-нибудь испытали что-нибудь подобное? А со мной бываетъ... Я даже ненавижу иногда людей, которыхъ никогда не видала.

Аудиторія вдругъ притихла, и Честюнина только сейчасъ замѣтила, что вошелъ профессоръ. Это былъ полный мужчина среднихъ лѣтъ, въ военно-медицинскомъ мундирѣ. Несмотря на свою нѣмецкую фамилію — Шмадтофъ, онъ имѣлъ наружность добродушнаго русскаго мужичка. Окладистая борода съ просѣдью, каріе глаза, мягкій носъ, крупныя губы, походка съ развальцемъ — во всемъ чувствовалось какое-то особенное добродушіе. Онъ „читалъ“ общую анатомію и демонстрировалъ свое чтеніе рисунками цвѣтнымъ карандашомъ по матовому стеклу. Выходило очень красиво, и вся аудиторія ловила каждое слово опытнаго лектора. Честюнина забыла все, превратившись въ одинъ слухъ. Вѣдь это была уже настоящая наука, святая наука, и читалъ лекцію настоящій профессоръ, имя котораго встрѣчалось въ ученой литературѣ. Встрѣчавшіеся въ лекціи научные термины тоже говорили о совершенно новой области знанія, и всѣ записывали ихъ въ особыя тетрадки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ особъ, не считавшихъ это нужнымъ.

Послѣ лекціи курсистки обступили профессора. Онъ рекомендовалъ разныя сочиненія по анатоміи, пособія и атласы.

— Посмотрите, какъ та юлитъ около профессора, — шептала Честюниной новая знакомая, указывая глазами на бѣлокурую курсистку. — Я тоже хотѣла подойти, а теперь не подойду. Противно смотрѣть...

Вторая лекція была по химіи, въ другой аудиторіи, гдѣ были устроены приспособленія для химическихъ опытовъ. Профессоръ славился больше своей музыкой, чѣмъ учеными трудами. Онъ имѣлъ смѣшную привычку приговаривать въ затруднительныхъ случаяхъ слово „исторія“. „А вотъ мы подогрѣемъ эту исторію... кхе! кхе... да. А изъ этой исторіи получится у насъ формула...“ Честюнину поражало больше всего то, что новенькія курсистки знали уже впередъ каждаго профессора. Кто-то уже составилъ опредѣленныя характеристики о каждомъ, и онѣ передавались изъ одного курса въ другой. Были

свои любимые профессора и были нелюбимые. О каждомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переходили стереотипные анекдоты. Каждая курсистка являлась на лекцію уже съ предвзятымъ мнѣніемъ и молодой непогрѣшимостью. Честюниной не нравилась именно эта черта. Развѣ не могло быть почему-нибудь ошибки? Да кто судьи?.. Потомъ, развѣ онѣ явились сюда для какого-то суда надъ профессорами? По этому поводу у ней вышелъ горячій споръ съ давешней курсисткой въ черепаховыхъ очкахъ, которая сообщала ей профессорскія характеристики.

— Знаете, это совсѣмъ не интересно... — замѣтила Честюнина. — Сначала мнѣ было больно слышать, а теперь не интересно. Вѣдь это не относится къ наукѣ, а мы пришли сюда учиться. Потомъ, это отдаетъ немного провинціальной сплетней... А главное, кому это нужно? Неужели вамъ легче, если вы впередъ, не зная человѣка, рѣшаете по чужимъ отзывамъ, что онъ дуракъ? Въ этомъ случаѣ я никому бы не повѣрила... Конечно, есть разница, но отъ генія до дурака слишкомъ еще много мѣста...

— Однимъ словомъ, вы желаете быть милой золотой серединой? Могу поздравить впередъ съ полнымъ успѣхомъ...

— Кажется, вы желаете меня ненавидѣть?

— Это уже дѣло мое...

Произошла непріятная размолвка, и Честюнина почувствовала, что нажила себѣ врага. Темные глаза изъ-подъ черепаховыхъ очковъ смотрѣли на нее съ такой ненавистью. Было и непріятно и неловко. Съ этимъ непріятнымъ чувствомъ она вернулась и домой и только дома вспомнила, что еще не обѣдала.

— И я тоже не обѣдала, — успокоила ее Приростова. — Знаете, дома заводить кухню не стоитъ. И хлопотъ бабьихъ много, и просто невыгодно. Потомъ, полная зависимость отъ какой-нибудь кухарки, кухонныя дрязги... Я предпочитаю брать обѣдъ изъ кухмистерскихъ, какъ сейчасъ берутъ булки изъ булочной.

На первый разъ кухмистерская произвела на Честюнину довольно благопріятное впечатлѣніе. Чего же можно было требовать за двадцать пять копеекъ? Это и дома не приготовить. Дома она иногда помогала матери по хозяйству и знала цѣны на разную провизію, такъ что могла сдѣлать сравненіе съ петербургскими цѣнами на все. Впрочемъ, все это были такіе пустяки, о которыхъ не стоило даже говорить. Все заключалось тамъ, въ академіи, которая произвела на нее впечатлѣніе именно храма науки. За этими стѣнами накопленъ научный матеріалъ вѣками, и сюда, какъ въ сокровищницу, несли свои вклады ученые подвижники всѣхъ временъ и народовъ. И какое же значеніе могло имѣть такое ничтожное обстоятельство, какъ питаніе? Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ.

Вечеромъ Честюнина писала письмо Нестерову.

„Дорогой Андрей, пишу тебѣ счетомъ шестое письмо — пишу и рву, потому что все какъ-то выходитъ не то, что хотѣлось бы написать. А тутъ еще твое письмо, такое задушевное, простое и любящее... Но мнѣ въ немъ — говорю откровенно — не понравилось одно, именно, что всѣ твои мысли и чувства сводятся исключительно на личную почву. Ты знаешь, какъ я отношусь къ тебѣ, но личная жизнь какъ-то отходитъ въ сторону, когда встрѣчаешься съ общечеловѣческими явленіями. Думаю, что въ этомъ ни для кого обиднаго ничего нѣтъ. Да, есть вещи, которыя стоятъ неизмѣримо выше и нашихъ маленькихъ радостей и нашихъ маленькихъ горестей... Признаюсь откровенно, что я сегодня много разъ вспоминала о тебѣ. И когда? На первыхъ

лекціяхъ. Профессоръ читаетъ, а мнѣ обидно, что вотъ ты не слышишь этого и что нельзя подѣлиться съ тобой первыми впечатлѣніями. Мнѣ даже казалось, что я какъ будто измѣняю тебѣ... Самое обидное чувство. А сейчасъ сижу, и мнѣ дѣлается совѣстно... Вѣдь я самая счастливая дѣвушка въ Россіи, гораздо больше счастливая, чѣмъ если бы выиграла двѣсти тысячъ. Ты подумай, сколько тысячъ въ Россіи дѣвушекъ, которыя мечтаютъ о высшемъ образованіи и никогда его не получатъ. Вѣдь женщинѣ такъ трудно вырваться изъ своей семейной скорлупы, и нужно слѣпое счастье, чтобы попасть въ число избранныхъ. Именно это думала я сегодня на первыхъ лекціяхъ, когда въ аудиторіи собрались со всѣхъ концовъ Россіи сотни дѣвушекъ...“

Это письмо было прервано легкимъ стукомъ въ дверь.

— Войдите...

Вошелъ дядя, и Честюнина бросилась къ нему на шею.

— Милый дядя, какъ я рада тебя видѣть... Какъ это мило съ твоей стороны пріѣхать ко мнѣ.

— Да? И я радъ, что ты рада, Маша...

Дядя сѣлъ, оглядѣлъ комнату и проговорилъ, продолжая какую-то тайную мысль:

— Только, голубчикъ, это между нами... Дома я сказалъ, что ѣду въ комиссію. Понимаешь?

Старикъ смутился и вопросительно посмотрѣлъ на племянницу.

— Это я говорю на случай, если заѣдетъ къ тебѣ шелопай Женька. Онъ все передаетъ матери... Да, такъ ты совсѣмъ устроилась, Маша?

— Да, совсѣмъ... И лучшаго ничего не желаю.

— Вотъ и отлично... А главное, ты знаешь только себя одну и нѣтъ никого, кто имѣлъ бы право быть недовольнымъ тобой. Это самая великая вещь—чувствовать себя самимъ собой.

Старикъ прошелся по комнатѣ, потомъ сѣлъ къ письменному столу и машинально взялъ начатое письмо.

— Дядя, нельзя... Это маленькій секретъ.

— Ахъ, виноватъ... Я такъ, безъ всякаго намѣренія.

Пока Честюнина прятала начатое письмо, онъ смотрѣлъ на нее улыбающимися глазами и качалъ головой.

— Вотъ и попалась... — пошутилъ онъ. — Впередъ будь осторожнѣе.

— Тебѣ я все могу сказать, дядя... Дурного ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, не нужно, Маша. Твои личныя дѣла должны оставаться при тебѣ... Потомъ можешь пожалѣть за излишнюю откровенность, а я этого совсѣмъ не хочу. Лучше разскажи, какъ ты устроилась, какое впечатлѣніе на тебя произвели первыя лекціи и Петербургъ вообще. Для меня это особенно интересно.

Дѣвушка съ увлеченіемъ принялась разсказывать объ академіи, профессорахъ и первыхъ лекціяхъ. Она даже раскраснѣлась, и глаза заблестѣли. Анохинъ смотрѣлъ на нее и любовался. Ахъ, если бы у него была такая дочь...

— Да, да, хорошо, Маша, — повторялъ онъ. — Очень хорошо...

Старику все нравилось — и эта бѣдная комната, и поданный самоваръ съ зелеными полосами, и кухарка чухонка. Да, вотъ и онъ когда-то жилъ такъ же и такъ же былъ счастливъ. Даже вкусъ дрянного чая изъ мелочной лавочки остался такимъ же.

— Знаешь, Маша, — заговорилъ Анохинъ: — мы какъ-нибудь махнемъ съ тобой въ Сузумье... Этимъ лѣтомъ возьму я отпускъ на мѣсяцъ и поѣду вмѣстѣ съ тобой. Хочется еще разъ взглянуть на родныя мѣста и на новыхъ людей, которые тамъ сейчасъ живутъ. Вѣдь все новое, голубушка...

— Не собраться тебѣ, дядя...

— А вотъ и соберусь!.. Ты думаешь, что я жены испугаюсь? А возьму отпускъ и поѣду... Что̀, въ самомъ дѣлѣ, ждать! Могу я наконецъ хоть одинъ мѣсяцъ по-человѣчески прожить... Кое-кто еще изъ друзей дѣтства найдется, съ которыми когда-то въ школѣ учился. Это школьное родство вѣдь остается на всю жизнь... Вотъ и ты такъ же будешь потомъ вспоминать свою академію. Главное, тутъ ужъ нѣтъ никакихъ житейскихъ расчетовъ и эгоизма, а самыя святыя чувства... Только хорошіе товарищи могутъ быть хорошими людьми — это мое мнѣніе.

Старикъ засидѣлся чуть не до полуночи, отдаваясь своимъ далекимъ воспоминаніямъ о Сузумьѣ. Перебирая старыхъ знакомыхъ, онъ, между прочимъ, упомянулъ и фамилію Нестерова.

— А какъ его звали, дядя?

— Илья Ильичъ... да. Мы съ нимъ на одной партѣ сидѣли. Такъ онъ умеръ?

— Да, лѣтъ уже десять, какъ умеръ. Я знаю его сына Андрея. Онъ часто бывалъ у насъ...

— Служитъ?

— Да, въ земствѣ.

— Хорошее дѣло.

Въ головѣ дѣвушки мелькнула счастливая мысль о возможности черезъ дядю пристроить Андрея куда-нибудь на службу въ Петербургъ. Если бы старикъ выдержалъ характеръ и поѣхалъ лѣтомъ въ Сузумье, все могло бы устроиться само собой.

Когда дядя ушелъ, на дѣвушку напало тяжелое раздумье. Ей сдѣлалось какъ-то особенно жаль хорошаго старика, а потомъ явилась грустная мысль о томъ, что, вѣроятно, каждый подъ старость кончаетъ такъ же, т.-е. умираетъ глубоко неудовлетвореннымъ.

VII.

Первый мѣсяцъ въ академіи имѣлъ опредѣляющее значеніе. Занятія шли своимъ чередомъ, и своимъ чередомъ складывались понемногу новыя знакомства. Приростова полюбила скромную жиличку и по-своему старалась, чтобы ей не было скучно.

— Только у меня нынче интересныхъ жильцовъ нѣтъ, Марья Гавриловна, — съ грустью говорила она. — Ничего, хорошіе ребята, а особеннаго ничего нѣтъ... Вонъ хоть взять Жиличко — хорошій малый, а пороху не выдумаетъ. Большой пріятель Крюкова... Они изъ одной гимназіи. Крюковъ — тотъ егоза, всѣхъ на свѣтѣ знаетъ...

Крюковъ завертывалъ къ пріятелю почти каждый день, хотя трудно было подыскать двухъ такихъ непохожихъ людей. Жиличко, смуглый, сгорбленный, съ цѣлой копной черныхъ кудрей на головѣ, отличался большой нелюдимостью и крайней застѣнчивостью. Онъ, въ сущности, даже не жилъ, какъ другіе, а вѣчно отъ кого-то прятался. Потомъ онъ постоянно занимался, и въ его комнатѣ горѣлъ огонь далеко за полночь, — Приростова ставила послѣднее въ особенную заслугу, а Крюковъ утверждалъ, что изъ Жиличко выйдетъ замѣчательный человѣкъ, хотя онъ пока еще и не опредѣлился.

Съ Крюковымъ Честюнина встрѣчалась обыкновенно въ комнатѣ Приростовой. Онъ заходилъ туда, кажется, съ единственной цѣлью подразнить Парасковею Пятницу.

— Вотъ что̀, Честюнина,—заявилъ онъ разъ.—Что̀ вы сидите, какъ

мышь въ своей норѣ?.. Я васъ познакомлю съ нашей компаніей... Насъ немного, но мы проводимъ время иногда недурно.

— Въ самомъ дѣлѣ, познакомь ее,—просила Приростова.—Вы тамъ что-то такое читаете и прочее.

— Однимъ словомъ, я зайду какъ-нибудь за вами и тому дѣлу конецъ,—рѣшилъ Крюковъ.—Хотите въ среду нынче?

— Что̀ же, я съ удовольствіемъ,—согласилась Честюнина.

Въ среду вечеромъ Крюковъ явился за ней. Онъ имѣлъ сегодня какой-то забавно-дѣловой видъ. Пока они шли на Петербургскую Сторону, Честюнина переживала жуткое чувство робости. Ей казалось, что она дѣлаетъ какой-то особенно рѣшительный шагъ. Вѣдь такими знакомствами опредѣлялось до нѣкоторой степени будущее. Потомъ ей опять начинало казаться, что она такая глупая провинціалка и что всѣ будутъ смѣяться надъ ней.

— Вотъ здѣсь,—сурово проговорилъ Крюковъ, останавливаясь въ глубинѣ какого-то переулка передъ двухъэтажнымъ домикомъ.—Сегодня будетъ читать Бурмистровъ... О, это замѣчательная голова!.. Онъ университетскій...

Они поднялись во второй этажъ. Въ передней уже слышался гулъ спорившихъ голосовъ. Большая комната была затянута табачнымъ дымомъ. Крюковъ громко отрекомендовалъ гостью и предоставилъ ее своей судьбѣ. Она съ кѣмъ-то здоровалась, слышала фамиліи и все перепутала. Сначала ей показалось, что въ комнатѣ собралось человѣкъ двадцать, но было всего одиннадцать, когда подсчитала потомъ—семь студентовъ и четыре курсистки. Въ одной она узнала ту дѣвушку, съ которой ѣхалъ Крюковъ по Николаевской дорогѣ. Ея появленіе, очевидно, прервало какой-то разговоръ.

— Господа, будемте продолжать,—заявляла съ протестующимъ видомъ низенькая курсистка.—Бурмистровъ, мы ждемъ вашей программы...

Въ уголкѣ сидѣлъ длинный худой студентъ, теребившій козлиную рыжеватую бородку. Онъ какъ-то весь съежился и заговорилъ надтреснутымъ голосомъ, быстро роняя слова:

— Да, безъ программы нельзя... Это главное. Видите ли, дѣло въ томъ, что мы всѣ слишкомъ рано спеціализируемся и упускаемъ изъ виду болѣе серьезное, а можетъ-быть, и болѣе важное общее образованіе. Вы—медикъ, онъ—механикъ, тамъ—горный инженеръ, но этого мало... Есть общее, что̀ должно соединить и медика, и механика, и горнаго инженера, что̀ создаетъ солидарность интересовъ и безъ чего, собственно говоря, жить даже не сто̀итъ.

Честюниной очень понравилась рѣчь этого студента, потому что про себя она сама часто думала то же самое. Вопросъ шелъ о той границѣ, которая должна отдѣлять спеціальность отъ общаго образованія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но эта простая мысль вызвала массу споровъ.

— Общее образованіе уже заключается въ каждой спеціальности!—выкрикивалъ какой-то широкоплечій студентъ съ окладистой бородой.—Да и какъ проводить эти границы?.. Это одинъ формализмъ. Прежде всего спеціальность, а потомъ жизнь уже сама натолкнетъ на общіе вопросы. Да, я повторяю,—это послѣднее не дѣло школы, а дѣло жизни. Еще проще: гдѣ у васъ время для этого общаго образованія? Въ вашемъ распоряженіи всего какихъ-нибудь пять лѣтъ, чтобы изучить всю медицину съ громаднымъ кругомъ соприкасающихся съ ней наукъ, и вы едва успѣете только оріентироваться въ этой области, и въ концѣ концовъ выйдете изъ академіи, строго говоря, все-таки недоучкой. Наконецъ есть извѣстная добросовѣстность: какъ я буду лѣчить, не чувствуя себя въ курсѣ дѣла? Паціентъ мнѣ довѣряетъ свою жизнь, и ему нѣтъ дѣла до моего общаго развитія...

— Но исключительная спеціализація создаетъ односторонних людей,— сказала низенькая курсистка.—Наконецъ каждый имѣетъ право на извѣстный отдыхъ, а перемѣна занятій въ этомъ случаѣ лучше всего достигаетъ цѣли. Вашъ паціентъ не проиграетъ отъ того, что будетъ имѣть дѣло съ разносторонне образованнымъ человѣкомъ, у котораго неизмѣримо шире умственный горизонтъ, развитѣе способность къ анализу и обобщеніямъ...

Честюнина слушала всѣ рѣчи съ самымъ пристальнымъ вниманіемъ и приходила про себя къ печальному заключенію, что она согласна какъ-то со всѣми, что̀ ее глубоко огорчало, какъ ясное доказательство ея полной несостоятельности въ подобнаго рода вопросахъ. Впрочемъ, было два такихъ случая, когда ей хотѣлось возразить, но она не рѣшилась. Вотъ другое дѣло низенькая курсистка—та такъ и рѣжетъ. Какъ хорошо умѣть говорить и имѣть для этого смѣлость.

— Кто это такая?—спросила Честюнина курсистку, ѣхавшую съ Крюковымъ.

— Это? А Морозова... Васъ удивляетъ, что она постоянно споритъ— это ея главное занятіе.

— Но вѣдь она говоритъ правду...

— У кого-нибудь слышала, ну, и повторяетъ... Завтра будетъ повторять все, что̀ говорилъ Бурмистровъ. Вамъ понравился онъ?

— Да... Хотя особеннаго я ничего не нахожу въ немъ.

— Не находите?—переспросила дѣвушка съ удивленіемъ, глядя на Честюнину, какъ на сумасшедшую.—Впрочемъ, вы еще новичокъ и не знаете... *Это геніальный человѣкъ.* Да... И вдругъ Морозова лѣзетъ съ нимъ спорить... Да и Крюковъ, кажется, туда же порывается. Нужно его остановить...

Честюниной еще въ первый разъ пришлось видѣть кружковаго божка, и она дальше слушала только одного Бурмистрова и тоже удивлялась и негодовала, что другіе рѣшаются съ нимъ спорить. Ей казалось необыкновенно умнымъ рѣшительно все, что̀ онъ говорилъ. Въ чемъ заключалась геніальность Бурмистрова, она такъ и не узнала, да, говоря правду, даже и не интересовалась этимъ—просто геніальный, чего же еще нужно... Вѣдь всѣ это знаютъ, и она была счастлива, что сидитъ съ нимъ въ одной комнатѣ, слушаетъ его и можетъ смотрѣть на него сколько угодно.

Съ этого перваго сборища Честюнина возвращалась домой въ какомъ-то туманѣ. Ее провожалъ Жиличко. Онъ просидѣлъ весь вечеръ, сохраняя трогательное безмолвіе, и теперь сопровождалъ свою даму, какъ тѣнь. Дѣвушкѣ хотѣлось и смѣяться, и плакать, и говорить, и слушать, какъ говорятъ другіе, а онъ молча шагалъ рядомъ, какъ манекенъ изъ папье-маше.

— Послушайте, Жиличко, вы живы?

— Я?.. Да... А что̀?

— Говорите же что-нибудь, если вы живы...

Онъ что-то пробормоталъ, засунулъ глубже руки въ карманы и опять шагалъ своимъ мертвымъ шагомъ. Честюнина и не подозрѣвала, какъ этому неловкому молодому человѣку хотѣлось быть и находчивымъ, и остроумнымъ, и веселымъ, и какъ онъ былъ счастливъ, что она идетъ рядомъ съ нимъ, такая жизнерадостная, вся охваченная такимъ хорошимъ молодымъ волненіемъ. Онъ такъ и промолчалъ до самой квартиры, молча пожалъ дамѣ руку и, какъ тѣнь, исчезъ въ своемъ добровольномъ казематѣ.

Укладываясь спать, Честюнина вдругъ почувствовала какое-то неопредѣленно тяжелое настроеніе, точно она сдѣлала что-то нехорошее. Ахъ, да, она опять измѣнила Андрею... А развѣ могутъ быть, развѣ смѣютъ быть умнѣе его, лучше вообще?..

— Нѣтъ, ты одинъ хорошій!..—повторяла она про себя, засыпая и напрасно стараясь отогнать соперничавшую тѣнь геніальнаго человѣка Бурмистрова.

На другой день на лекціи къ ней подсѣла курсистка, ѣхавшая съ Крюковымъ, и проговорила:

— Давайте познакомимтесь... Моя фамилія Лукина. Мы вчера были представлены, но не разговорились, да и трудно было это сдѣлать, когда говорилъ Бурмистровъ. Ахъ, кстати, вы вчера ушли раньше, а мы еще оставались, и онъ спрашивалъ о васъ... да. Вы должны быть счастливы, потому что за нимъ всѣ ухаживаютъ.

Честюнина густо покраснѣла отъ этого комплимента и поняла только одно, что обязана настоящимъ знакомствомъ только случайному вниманію геніальнаго человѣка. Лукиной просто хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить о немъ, и она воспользовалась первымъ попавшимся подъ руку предлогомъ.

— Вѣдь онъ произвелъ на васъ впечатлѣніе?—приставала Лукина.

— Да, и притомъ очень хорошее, но мнѣ не нравится только одно... Вотъ вы сказали, что за Бурмистровымъ ухаживаютъ всѣ, а это напоминаетъ дѣтство, когда гимназистки обожаютъ какого-нибудь учителя.

— Ахъ, это совсѣмъ не то!.. Учителей тысячи, а Бурмистровъ одинъ. Да, одинъ... Я, правда, знаю нѣсколько другихъ кружковъ, гдѣ есть свои пророки—Горючевъ, Луценко, Щучка, но имъ до Бурмистрова какъ до звѣзды небесной далеко. Рѣшительно отказываюсь понимать, что̀ можетъ въ нихъ нравиться... А Бурмистровъ совсѣмъ другое.

Это былъ бредъ безнадежно влюбленной дѣвушки, и Честюнина посмотрѣла на нее съ невольнымъ сожалѣніемъ. Что̀ бы сказала вотъ эта Лукина, если бы увидѣла Андрея? Но въ глубинѣ души у Честюниной оставалось пріятное чувство, что Бурмистровъ спросилъ о ней. Значитъ, онъ замѣтилъ ее... Она даже улыбнулась про себя. Что̀ же, въ гимназіи ее находили хорошенькой—не красавицей, а хорошенькой, хотя въ послѣднее время она совершенно забыла объ этомъ обстоятельствѣ, увлеченная совсѣмъ другими мыслями. И все-таки пріятно быть хорошенькой, хотя для того только, чтобы обращать на себя вниманіе геніальныхъ людей. Вотъ Лукина, бѣдняжка, совсѣмъ ужъ не блещетъ красотой и, по всей вѣроятности, завидуетъ ей... Однимъ словомъ, цѣлый потокъ самыхъ непозволительныхъ глупостей, и Честюнина опять покраснѣла, точно кто-нибудь могъ подслушать ихъ.

VIII.

Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ Честюнина успѣла совершенно освоиться со своимъ новымъ положеніемъ, и ей начинало казаться страннымъ, что она когда-то могла жить иначе. Утромъ лекціи, три раза въ недѣлю вечернія занятія гистологіей и анатоміей, а потомъ домашнія занятія. Остававшееся свободнымъ время уходило на сонъ, и дѣвушка жалѣла, что въ суткахъ только двадцать четыре часа.

Да, время летѣло быстро, Честюнина не успѣла оглянуться, какъ уже наступило Рождество, принесшее съ собой воспоминанія о далекой родинѣ, о счастливомъ дѣтствѣ, о старушкѣ-матери. Хотѣлось взглянуть, какъ они всѣ тамъ живутъ. Святки—время веселое, а здѣсь придется просидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Къ дядѣ Честюнина ходила иногда по воскресеньямъ, чтобы не обидѣть старика, и убѣдилась только въ одномъ, что вся семья страшно скучала. Катя нѣсколько разъ приставала къ ней:

— Маня, а какъ ты будешь проводить Святки?

— Да никакъ... Буду отсыпаться, а потомъ читать. Рабсты по горло...

— Послушай, ты превратишься въ синій чулокъ, и я буду тебя бояться.

— Что же, очень естественно, если и сдѣлаюсь синимъ чулкомъ. Ничего страннаго въ этомъ не вижу... Напримѣръ, тебѣ я нисколько не завидую.

— Я особь статья... Мнѣ все мало, чего на дай. Вѣрнѣе, мнѣ нравится только то, что недоступно, а только попало въ руки, и конецъ...

— Избалованная салонная барышня...

— Подожди, эта салонная барышня еще удивитъ міръ... Кромѣ шутокъ. Вотъ увидишь сама, а пока страшный секретъ. Никто, никто не знаетъ...

Катя нѣсколько разъ пріѣзжала навѣстить Честюнину и держала себя крайне странно. Посидитъ хмурая и сейчасъ же начинаетъ пропадаться, а то заберется въ комнату хозяйки и примется ее дразнить. Вообще съ ней что-то дѣлалось непонятное. Разъ на прощаніе она шепнула Честюниной:

— Прощай, милая... Можетъ-быть, больше не увидимся.

— Это еще что за глупости?

— Да такъ... Все надоѣло до смерти. Сегодня у насъ вторникъ, а въ пятницу ты прочтешь въ газетахъ: „Трагическое происшествіе на Васильевскомъ островѣ. Молодая дѣвушка А—а, дочь д. с. совѣтника, отравилась морфіемъ. Невозможно описать все отчаяніе престарѣлыхъ родителей“. Вотъ и ты меня тогда пожалѣешь...

— Нисколько.

Когда Катя ушла, Честюнина пожалѣла, что отнеслась къ ней слишкомъ сурово. Эта взбалмошная дѣвушка способна была на все. Честюнина даже хотѣла въ пятницу съѣздить на Васильевскій островъ навѣстить ее, но Катя предупредила. Она явилась разодѣтая въ пухъ и прахъ, веселая, задорно-свѣжая, и заявила:

— Я за тобой, несчастный синій чулокъ... Будетъ тебѣ киснуть. Такъ и состаришься за своими книжками, а у меня есть билетъ въ оперу. Понимаешь: цѣлая ложа. Охъ, чего только мнѣ стоила эта ложа, если бы ты знала... Папа согласился дать денегъ съ перваго раза, а мама подняла цѣлый скандалъ. Но я добилась своего...

— Для чего же тебѣ ложу? Можно было взять кресло...

— Ничего ты не понимаешь... Я дѣвушка изъ общества, и мнѣ неприлично одной ѣхать въ кресла. Кстати, вѣдь ты никогда не бывала въ оперѣ и должна меня благодарить...

— Что же, я дѣйствительно съ удовольствіемъ...

— Фу! какимъ тономъ говоришь, точно я тебя запрягаю, чтобы везти на тебѣ воду. Ну, одѣвайся... Гдѣ твоя роскошь?..

Самый парадный костюмъ Маши привелъ Катю въ отчаяніе. Вѣдь невозможно же показываться въ такихъ тряпкахъ передъ публикой... Но потомъ она сообразила, что въ театрѣ будутъ и другія же курсистки, такъ что съ этимъ можно помириться.

У воротъ ихъ ждалъ лихачъ Ефимъ. Катя всю дорогу болтала, какъ вырвавшаяся изъ клѣтки птица.

— Знаешь, чѣмъ я извожу маму? Ха-ха... Самое простое средство. Возьму и замолчу. Нарочно верчусь у ней на глазахъ и молчу. Она можетъ вынести эту пытку только одинъ день, а на другой начинаетъ волноваться и на третій сдается на капитуляцію. Такъ было и съ ложей... Представь себѣ, какую физіономію сдѣлаетъ мама, когда ей придется еще платить Ефиму.

— А какая сегодня опера?

— Кажется, „Жизнь за царя“... Нѣтъ, виновата: „Фаустъ“. Ты любишь „Фауста“?.. А будетъ пѣть Раабъ, Палечекъ, Крутикова... Вотъ увидишь.

Честюнина давно мечтала попасть въ оперу и была рада, что увидитъ именно „Фауста“. Уже на подъѣздѣ ее охватило лихорадочное настроеніе. Такая масса экипажей, яркое освѣщеніе, масса публики. Катя была здѣсь, повидимому, своимъ человѣкомъ. Ее встрѣтилъ знакомый капельдинеръ, принимавшій платье, и другой капельдинеръ торопливо бросился отпирать ложу бель-этажа. Катя съ небрежно-строгимъ видомъ заняла мѣсто у барьера и еще болѣе небрежно принялась разсматривать публику въ лорнетъ. Честюнина вся замерла въ ожиданіи чего-то волшебнаго.

— Неужели мы будемъ сидѣть въ ложѣ однѣ?—спросила она.

— Нѣтъ, это неприлично... Съ нами будетъ сидѣть Эженъ... Эта каналья уже взялъ съ меня взятку...

Эженъ, дѣйствительно, явился, надушенный, завитой, вылощенный... Онъ только-что былъ въ ложѣ напротивъ, гдѣ сидѣли двѣ балетныхъ звѣздочки.

— Что̀ за комиссія, Создатель, быть братомъ двухъ взрослыхъ сестеръ,— острилъ онъ.

— Комиссія эта тебѣ стоитъ ровно десять рублей, которые ты уже получилъ,—рѣзко оборвала его Катя.

— Судьба ко мнѣ несправедлива: она дала мнѣ сестру Екатерину и постоянно лишаетъ кредитнаго билета съ портретомъ Екатерины. Поневолѣ приходится довольствоваться несчастными десятью рублями...

Оркестръ заигралъ увертюру, и Честюнина больше ничего не слышала. Первое дѣйствіе просто ее ошеломило. Вѣдь это просто несправедливо давать столько поэзіи... Какая музыка, какое пѣніе, сколько чего-то захватывавшаго и уносившаго въ счастливую радужную даль. Для такихъ минутъ стоило жить... Да, хорошо жить и стоитъ жить. Ей было и хорошо, и жутко, и она боялась расплакаться глупыми бабьими слезами.

Послѣ одного дѣйствія, когда публика съ какимъ-то ожесточеніемъ вызывала Раабъ десятки разъ, Катя обернулась къ Честюниной, посмотрѣла на нее какими-то сумасшедшими глазами и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Вотъ меня будутъ такъ же вызывать, Маня...

— Тебя? Но у тебя нѣтъ голоса.

— Я буду великой драматической артисткой... да... Иначе не стоитъ жить... Только, ради Бога, это между нами. Я уже готовлюсь...

Честюнина теперь понимала взбалмошную сестру, крѣпко сжала ея руку и отвѣтила:

— Я тебѣ предсказываю успѣхъ... У тебя есть главное: темпераментъ...

Онѣ возвращались изъ театра черезъ Васильевскій островъ. Честюнина сидѣла молча, подавленная массой новыхъ впечатлѣній, а Катя опять болтала.

— Я тебѣ съ удовольствіемъ уступаю науку, Маня... Да, бери всю науку, а мнѣ оставь искусство. О, святое искусство, полное такихъ счастливыхъ грезъ, поэтическихъ предчувствій и тайнъ сердца! Наука еще когда доползетъ до того, что̀ всѣмъ нужно и дорого, а искусство уже даетъ то, чего не выразишь никакими словами и формулами. Вѣдь каждая линія живетъ, каждая краска, жестъ, поза, малѣйшая модуляція голоса, и на все это сейчасъ же получается живой отвѣтъ... Боже, помоги мнѣ!.. Я буду великой артисткой!..

Домой Честюнина возвращалась въ томъ же чаду, съ какимъ выходила изъ театра. Дѣйствительность точно переставала существовать, а въ ушахъ еще раздавались безумныя слова Кати, счастливой своей молодой дерзостью.

Опомнилась она только у себя въ комнатѣ, гдѣ на столѣ ее ждало

письмо Андрея. Увы! Сегодня въ теченіе всего вечера она ни разу не вспомнила о немъ, и это письмо точно служило отвѣтомъ на ея новую измѣну.

„Милая Маруся, сижу одинъ и жду Новаго года... Гдѣ-то ты теперь?.. У меня въ душѣ шевелятся нехорошія мысли... Знаешь, я внимательно перечиталъ сегодня всѣ твои письма и пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ: твой хохочущій студентъ Крюковъ просто идіотъ, а пророкъ Бурмистровъ противенъ. Меня удивляетъ, какъ это ты такъ легкомысленно заводишь новыя знакомства...“

Честюнина не дочитала письма, оставивъ эту прозу до завтра.

IX.

„Милый Андрей, я даже не прошу у тебя прощенія за свое молчаніе, а еще больше за свои глупыя письма къ тебѣ, которыя, говоря откровенно, хуже даже молчанія, потому что не выражаютъ и тысячной доли того, о чемъ хотѣлось бы написать. Послѣднее меня просто мучитъ... Нужно такъ много написать, высказать, просто выговориться, какъ любитъ выражаться милая Парасковея Пятница. Я начинала писать десять писемъ и рвала ихъ, потому что все выходило какъ-то ужасно глупо. Наконецъ я нашла объясненіе, Андрей: да, я слишкомъ счастлива, а всѣ счастливые люди невольно дѣлаются эгоистами. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое счастье? Это простая случайность. И вотъ тебѣ примѣръ. Я поступила въ академію безъ экзамена, потому что эта льгота была сдѣлана для кончившихъ гимназію съ золотой медалью, и, какъ говорятъ, на другой годъ эта льгота уже не повторится. Вотъ тебѣ и счастье... Въ одномъ кружкѣ я встрѣчаю двухъ дѣвушекъ, которыя пріѣхали изъ Восточной Сибири и провалились на пріемномъ экзаменѣ. Вѣдь это обидно до слезъ—ѣхать такую даль, чтобы провалиться. Такъ и во всемъ, Андрей. Однимъ счастье, а другимъ неудачи, и этихъ другихъ милліоны. Мнѣ просто совѣстно дѣлается за свое собственное счастье. Именно такое чувство я испытывала недавно, когда попала на балъ, ежегодно устраиваемый въ пользу недостаточныхъ студентовъ-медиковъ. Кстати, эти господа студенты называютъ насъ „бабами“. „У бабъ читаютъ гистологію“, „бабъ экзаменуютъ по анатоміи“, „бабы занимаются химіей“!.. Конечно, это пустяки, глупое слово, но меня сначала немножко коробило. Я до сихъ поръ не считала себя бабой, и настоящая баба мнѣ представлялась почти низшимъ существомъ. Ты, конечно, догадываешься, что бабами насъ повеличиваетъ ненавистный тебѣ Крюковъ. На этотъ разъ ты правъ. Я съ нимъ даже поссорилась изъ-за этого слова. Да, тонъ былъ бабъ... Представь себѣ двѣ тысячи студентовъ и курсистокъ—это въ своемъ родѣ единственное зрѣлище. Точно какая-то морская волна движется изъ одной залы въ другую, и все молодыя, такія хорошія лица. Кого-кого тутъ не было... Буквально со всѣхъ концовъ Россіи, и подавляющее большинство провинціалы, которыхъ сразу можно отличить: кавказцы, сибиряки, хохлы, поляки, русскіе, нѣмцы, и такъ безъ конца. Вѣдь это трогательно, когда представишь себѣ это тяготѣніе къ знанію, къ труду, къ будущей дѣятельности на пользу своей далекой родины, которое привело сюда эти тысячи молодежи. Когда и насъ не будетъ, явятся новыя поколѣнія на нашу смѣну, и такъ безъ конца, точно движется несмѣтное войско. Когда я слушала студенческій хоръ и думала объ этомъ, меня душили слезы—ты знаешь, я немного плакса. Право, эти мысли страшно волнуютъ и поднимаютъ куда-то вверхъ. Да, я на этомъ пиру только гостья, и мое мѣсто сейчасъ же будетъ занято другой дѣвушкой, которая, въ свою очередь, тоже будетъ гостьей. Я ужасно люблю свою академію, люблю, какъ отца или мать, и я испытываю

это любовное настроеніе каждое утро, когда иду на лекціи. Да, это мой домъ, моя вторая духовная родина, моя alma mater... Кто знаетъ, что будетъ впереди, но это чувство останется навсегда, и мнѣ жаль тѣхъ, которые его не испытывали никогда. Безъ него жизнь не полна.

„Вотъ видишь, какъ я сбиваюсь все на отвлеченныя темы и общія разсужденія, а тебя интересуетъ настоящее, то новое, что окружаетъ меня. Но этого новаго такъ много, что нужно написать цѣлую книгу, чтобы изобразить всего одинъ день. Моихъ новыхъ знакомыхъ ты отчасти знаешь... Кстати, мнѣ совсѣмъ не нравится то раздраженіе, съ которымъ ты пишешь о Крюковѣ и „бабьихъ пророкахъ". Говоря откровенно, я просто тебя не узнаю. А еще сколько мы съ тобой недавно говорили о терпимости, объ уваженіи къ чужимъ убѣжденіямъ, о широкомъ взглядѣ на жизнь и людей. И вдругъ въ твоихъ письмахъ какое-то злопыхательство, какъ говоритъ Щедринъ. Прежде всего, и студенты и курсистки люди, а всѣ люди имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Молодые люди имѣютъ, можетъ-быть, меньше недостатковъ, но это не мѣшаетъ имъ пріобрѣсти ихъ впослѣдствіи. Зачѣмъ же сейчасъ отравлять себѣ настоящее этими мрачными мыслями. Пока хорошо, и будемъ этимъ довольны. Но это такъ, между прочимъ. Я не могу сердиться на тебя и думаю, что въ тебѣ говоритъ зависть... Прости меня, но это такъ. Недостаетъ только лишнаго свиданія, чтобы вышла настоящая семейная сцена, какія устраиваетъ ежедневно моя милая тетушка доброму дядюшкѣ. Право, хорошо, что мы еще не мужъ и жена и обходимся безъ тѣхъ правъ другъ на друга, которыя проявляются часто совсѣмъ некрасиво. Я повторяю это слово: „некрасиво", потому что есть великая душевная красота, гораздо бо́льшая, чѣмъ красота физическая. Изъ всѣхъ предметовъ, которые намъ сейчасъ читаютъ, меня больше всего поражаетъ анатомія и, представь себѣ, поражаетъ именно красотой... Говоря откровенно, я относилась раньше къ этой наукѣ своей нѣсколько брезгливо: кости, мясо, внутренности—однимъ словомъ, разная гадость. Мнѣ это и купенъ на желѣзной дорогѣ говорилъ, когда поѣздъ подходилъ къ самому Петербургу. Обстановка анатомическаго музея и особенно препаровочная тоже говорятъ не въ пользу красоты, но это только чисто-внѣшнее впечатлѣніе. Анатомія открываетъ такой неизмѣримый міръ красоты, что невольно становишься втупикъ. Понимаешь, каждый человѣкъ—это, дѣйствительно, вѣнецъ творенія, послѣднее слово возможной на землѣ красоты. Нѣтъ такой ничтожной мелочи, которая не представлялась бы верхомъ совершенства. Каждая косточка, каждый мускулъ, каждый хрящикъ, сухожиліе, сосудъ, связка—все устроено идеально хорошо. Мнѣ кажется, что природа, создавшая человѣческое тѣло, именно женщина, потому что только заботливая и любящая женская рука могла такъ заботливо и любовно распредѣлить весь матеріалъ. Ты не можешь себѣ представить, какое чудо представляетъ собою каждая кость; всѣ чудеса нашей техники, которыми мы такъ гордимся, дѣтская игрушка передъ внутренней структурой такой кости, въ которой разрѣшается вопросъ—съ наименьшей затратой матеріала получить наибольшую устойчивость. А какъ мило связаны эти кости между собой, какъ чудно прикрѣплены къ нимъ мускулы, какъ устроена система питанія, и какъ все въ общемъ гармонично, просто и красиво безъ конца, какъ всякое идеальное произведеніе. У меня нѣтъ такихъ словъ, чтобы вполнѣ выразить то, что я чувствую. Мнѣ кажется,—нужно музыку, чтобы договорить то, на что не хватаетъ словъ, или, по меньшей мѣрѣ, стихи. Ты не смѣйся—это не увлеченіе неофитки, а святая истина. Я подхожу прямо къ вопросу о томъ, что будто бы естествознаніе убиваетъ женщину, чувство красоты,—нѣтъ, неправда и тысячу

разъ неправда. А ботаника? Милый Андрей, если бы мы могли заниматься вмѣстѣ этой чудной наукой... Я часто думаю объ этомъ, и мнѣ дѣлается обидно, что моихъ восторговъ некому раздѣлить, а я привыкла думать вмѣстѣ съ тобой, больше—ты для меня являешься мѣрой всѣхъ вещей, и я мысленно каждый разъ прикидываю тобой, какъ купецъ аршиномъ. Вѣдь безъ тебя для меня ничего не существуетъ. Впрочемъ, довольно. О себѣ опять ничего не сказала. Ну, до другого раза. Твоя Маруся".

Это посланіе было написано поздно ночью, и благодаря этому обстоятельству Честюнина проспала дольше обыкновеннаго. Утромъ она едва успѣла напиться чаю и улетѣла на лекцію, забывъ о письмѣ. Парасковея Пятница сама убирала по утрамъ комнаты жильцовъ. Возьметъ щетку, крыло, тряпку, закуритъ папиросу и начинаетъ водворять порядокъ. Такъ было и сейчасъ. Вытирая пыль на столѣ у Честюниной, Парасковея Пятница невольно прочла первыя слова письма: „Милый Андрей...".

— Ага, вотъ оно въ чемъ дѣло...—подумала она вслухъ, улыбаясь и дымя папиросой.—Такъ... А еще какой тихоней прикидывается. То-то каждый вторникъ письма получаются отъ какого-то брата... Вотъ тебѣ и братъ. Ахъ, молодость, молодость...

Парасковея Пятница умиленно вздохнула, закрыла глаза и присѣла на стулъ. Должно-быть, всѣ дѣвушки на свѣтѣ одинаковы. Сколько писемъ она написала Ивану Михайлычу... И всѣ письма начинались вотъ такъ же: „Милый Иванъ".

Въ слѣдующій моментъ у Парасковеи Пятницы явилось неудержимое женское любопытство прочесть, что̀ она пишетъ ему. Господи, какъ интересно... Цѣлыхъ восемь страницъ исписано, и, навѣрно, всю душу излила. Ахъ, какъ интересно!.. Вѣдь этотъ первый лепетъ любви все равно, что ароматъ распускающагося перваго весенняго цвѣтка... Конечно, читать чужія письма подлость, тѣмъ болѣе любовныя письма, а съ другой—ничего съ другой стороны нѣтъ, кромѣ той же подлости. Парасковея Пятница взяла исписанные листы почтовой бумаги, взвѣсила ихъ на рукѣ, улыбнулась и положила обратно на столъ, счастливая этимъ актомъ самопожертвованія. Но у ней вдругъ явилась новая мысль. Она вспомнила, что Иванъ Михайлычъ читалъ ея письма всѣмъ товарищамъ и, когда она узнала объ этомъ и, конечно, страшно разсердилась, отвѣтилъ ей словами великаго сердцевѣда Шекспира:

— „Если ты не помнишь и малѣйшей глупости, до которой когда-либо доводила тебя любовь твоя—не любилъ ты... Если ты не говорилъ, утомляя слушателя восхваленіями своей возлюбленной—не любилъ ты..."

Развѣ это не правда? О, Иванъ Михайлычъ умѣлъ любить и не скрывалъ этого изъ принципа позитивизма, формула котораго у него была написана на стѣнѣ надъ письменнымъ столомъ. Парасковея Пятница присѣла къ столу и въ концѣ письма сдѣлала postscriptum: „Во имя человѣчества—любовь нашъ принципъ, порядокъ—основаніе, а прогрессъ—цѣль нашей дѣятельности. Жить для другихъ. Парасковея Пятница".

Оправдавъ себя впередъ этими неопровержимыми истинами, Парасковея Пятница присѣла къ столу, заложила нога за ногу, закурила новую папиросу и принялась за письмо. По мѣрѣ чтенія лицо у нея все больше и больше распускалось въ самую блаженную улыбку. Господи, какъ это мило... Тотъ тамъ горячку поретъ, а она ему анатомію преподноситъ. Вотъ это называется любовное письмо... Потомъ Парасковея Пятница принялась хохотать до слезъ и даже упала на кровать. Что̀ же это такое?

— Тотъ-то, тотъ-то, милый-то Андрей, какую физіономію сдѣлаетъ, когда

получитъ эту анатомію? О, ха-ха-ха... Вѣдь это называется у добрыхъ людей: крышка. Ну, и дѣвица...

Она перечитала письмо разъ пять, выкурила цѣлый десятокъ папиросъ и продолжала хохотать, какъ сумасшедшая.

— Ахъ, милая! Какая она милая, эта дѣвица Маруся...—шептала она, цѣлуя письмо.

Именно въ этотъ моментъ въ комнату вошла Честюнина. Одна лекція оказалась пустой, и она вернулась домой за забытымъ письмомъ Увидавъ его въ рукахъ Парасковеи Пятницы, дѣвушка покраснѣла и проговорила рѣшительно:

— Парасковея Игнатьевна, я не думала, что вы способны на что-нибудь подобное... и я считаю излишнимъ объяснить вамъ, какъ это называется. Да...

— Милая, да вы не сердитесь, а прочитайте, что̀ я добавила къ вашему письму отъ себя...

— Послушайте, это... это уже верхъ... да верхъ нах...

Парасковея Пятница не дала выговорить рокового слова и поцѣлуемъ закрыла сердитый ротъ. Честюнина прочла приписку и хотѣла разорвать письмо, но Парасковея Пятница не позволила.

— Милочка, ради Бога, не дѣлайте этого... Вѣдь другого такого чуднаго письма не напишете ни за какія деньги. Вы лучше разсердитесь на меня, презирайте... Какая вы милая, чудная дѣвушка!.. И отчего вы раньше мнѣ ничего не сказали о своемъ романѣ? Какъ вамъ не стыдно? А вотъ я ужъ люблю этого милаго Андрея... Право, люблю! Онъ тоже хорошій, милый, чудный... Боже, какъ я люблю васъ обоихъ, если бы вы знали, моя хорошая! А онъ сердится? Съ мужчинами это бываетъ, крошка, потому что они все-таки эгоисты, и даже Иванъ Михайлычъ иногда бывалъ эгоистомъ. Самъ потомъ признавался мнѣ... да... А тутъ у меня до васъ жила одна курсистка, и ней тоже былъ романъ. Она сначала все скрывалась, вотъ какъ вы, ну, а потомъ, конечно, все и раскрылось. Онъ—офицеръ, кончилъ свою академію и ужасно пылкій южанинъ... Они постоянно ссорились, и мнѣ приходилось постоянно ихъ мирить. Ахъ, сколько мнѣ хлопотъ и непріятностей было съ ними, а потомъ... Представьте себѣ, что̀ вышло-то: она не кончила курса и вышла замужъ, только не за офицера, а за какого-то несчастнаго филолога. Боже мой, что̀ только было! Офицеръ хотѣлъ меня шашкой изрубить...

Развѣ можно было сердиться на Парасковею Пятницу? Честюнина вложила письмо въ конвертъ и наклеила марку.

— Я его сама сейчасъ же снесу,—предлагала Парасковея Пятница, отнимая конвертъ.—Вы еще потеряете...

X.

То было раннею весной... Парасковея Пятница ужасно волновалась. Положимъ, она всю жизнь волновалась, но сейчасъ волновалась спеціально. Когда раздавался звонокъ, и въ передней и въ коридорѣ слышались шмыгающіе тяжелые шаги, точно кто тащилъ собственныя ноги, она даже отплевывалась съ благочестивымъ негодованіемъ.

— Литва проклятая!— ругалась Парасковея Пятница.—Тоже найдутъ кушанье... Развѣ это мужчина? Развѣ такіе мужчины бываютъ? Если бы мнѣ было двадцать лѣтъ, да я и не взглянула бы на такого мозгляка... Тьфу! Собственно, и человѣка нѣтъ, а одни волосы.

Предметомъ этого негодованія являлся Жиличко, который въ теченіе

этой зимы имѣлъ какой-то странный и необъяснимый успѣхъ среди курсистокъ. Онъ былъ медикомъ послѣдняго курса и зналъ только свою академію. Изрѣдка Крюковъ затаскивалъ его куда-нибудь, а то Жиличко вѣчно торчалъ у себя дома. Или читаетъ, или шагаетъ изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ. И некрасивъ, и нерѣчистъ, и вообще ничего привлекательнаго, а между тѣмъ его сейчасъ брали нарасхватъ. Къ нему приходили по вечерамъ и Морозова, и Лукина, и даже Борзенко, о чемъ-то спорили и ревновали другъ друга. Ну, эти бойкія дѣвицы и вездѣ бываютъ, а вотъ зачѣмъ Честюнина за нимъ же увязалась? Послѣднее возмущало Парасковею Пятницу до глубины души. Такая скромная и серьезная дѣвушка и вдругъ туда же. То онъ у нея въ комнатѣ чаи распиваетъ, то она у него. Сначала немного стѣснялись, а потомъ ни въ одномъ глазу. Заберется къ нему въ комнату и сидитъ. Положимъ, дурного въ этомъ ничего нѣтъ, и никто не смѣетъ этого подумать, а все-таки нехорошо. Разъ Парасковея Пятница не выдержала и, подавая въ одинъ изъ вторниковъ письмо отъ Андрея, спросила довольно сурово:

— Марья Гавриловна, а какъ адресъ Андрея Ильича?

— А вамъ для чего это знать?—довольно рѣзко отвѣтила Честюнина.

— Да такъ... Дѣльце есть маленькое.

И, пока Честюнина набросала карандашомъ адресъ, она спокойно замѣтила:

— Это ужъ мое дѣло...

— Вы противорѣчите себѣ... А позитивный принципъ?...

Парасковея Пятница демонстративно повернулась и вышла. Она отъ души жалѣла Честюнину, у которой даже характеръ измѣнился. Раньше была тише воды, ниже травы, а теперь просто не подступайся. Какъ коза, такъ и бодается... Ахъ, молодость, молодость! Видно, всѣ женщины одинаковы. А дѣвушки такъ неопытны,—долго ли ошибиться. Во всякомъ случаѣ, Парасковея Пятница сочла своимъ прямымъ долгомъ принять самыя рѣшительныя мѣры, чтобы во-время предупредить грозившую опасность. Она затворилась въ своей комнатѣ на крючокъ, сѣла къ столу, вооружилась перомъ и размашистымъ, не женскимъ почеркомъ начала: „Милостивый государь Андрей Ильичъ. Васъ, вѣроятно, удивитъ мое письмо, какъ человѣка совершенно посторонняго, но могу сказать въ свое оправданіе одно—мной руководятъ самыя чистыя побужденія“... Чѣмъ дальше она писала, тѣмъ быстрѣе двигалось перо. Конечно, дѣло не обошлось безъ цитатъ изъ разныхъ геніальныхъ произведеній и закончилось ссылкой на примѣръ Ивана Михайловича, находившагося разъ точно въ такомъ же положеніи. „Я не скрываю этого обстоятельства,—закончила свое письмо Парасковея Пятница,—дѣло прошлое, и я въ свое время тоже увлекалась, какъ всѣ дѣвушки. Но Иванъ Михайлычъ былъ рѣшительный человѣкъ и поступилъ со мной довольно круто. Я сначала негодовала, возмущалась и только потомъ поняла, что онъ былъ совершенно правъ“.

Отправить сейчасъ же это роковое письмо Парасковея Пятница не рѣшалась. Она смутно чего-то ждала, какой-то внѣшней помощи, которая и явилась въ лицѣ Кати Анохиной. Дѣвушка пріѣхала навѣстить сестру и не застала ее дома: Честюнина ушла на практическія занятія гистологіей. Этимъ Парасковея Пятница и воспользовалась. Она пригласила гостью къ себѣ и предупредила какимъ-то зловѣщимъ голосомъ:

— У меня къ вамъ есть серьезное дѣло, сударыня. Я даже хотѣла сама ѣхать къ вамъ, только не знала адреса. Да, очень серьезное.

Предварительно она, конечно, прочитала маленькую лекцію о соціаль-

номъ положеніи женщины, о будущемъ женскаго вопроса, и только потомъ перешла къ сути дѣла. Послѣднее было изложено съ точностью и подробностями, какъ протоколъ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ. Катя слушала ее съ широко раскрытыми глазами и нѣсколько разъ прерывала восклицаніемъ:

— Ахъ, какъ это интересно!.. Маня влюблена?..

— Позвольте, сударыня,—строго оборвала ее Парасковея Пятница.— Вы выслушайте до конца... Вамъ извѣстно, что у Марьи Гавриловны есть женихъ?

— Да, что-то такое вообще... Но вѣдь это неизбѣжно, какъ дѣтскія болѣзни, и пройдетъ само собой. У нихъ тамъ въ провинціи все это устраивается какъ-то необыкновенно легко... Вообще, я не придавала этому никакого серьезнаго значенія. Совершенно дѣтское увлеченіе.

— Не говорите, сударыня... Главное, нельзя обманывать хорошаго человѣка. И вы поговорите съ ней серьезно... Да, вы... Это ваша прямая обязанность, какъ сестры. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Катя повела дѣло съ присущимъ ей тактомъ. Она не дождалась Честюниной, а заѣхала къ ней въ другой разъ.

— Ѣдемъ кататься на острова,—рѣшительно заявила она.—Это буржуазно, но я такъ люблю острова именно ранней весной. Ты мнѣ можешь прочитать дорогой цѣлую лекцію о преступной роскоши, о легкомысленномъ образѣ жизни.

Честюнина, противъ ожиданія, согласилась молча. Она надѣла свою темную шляпу, которая приводила Катю въ отчаяніе, осеннее пальто и отправилась съ такимъ видомъ, какъ будто ѣхала куда-нибудь на поминки. Оглядѣвъ ее съ ногъ до головы, Катя осталась довольна. Право, все очень мило, по крайней мѣрѣ—оригинально. Молодое дѣвичье лицо въ этомъ монашескомъ костюмѣ положительно выигрывало, и Катѣ ученая сестра показалась красавицей, красавицей новаго типа. Она не могла удержаться и проговорила, когда онѣ садились въ щегольскую лихачью пролетку неизмѣннаго Ефима:

— Если бы я была мужчиной, Маня, я влюбилась бы въ тебя... Ахъ, какъ мнѣ хочется жить! Ефимъ, поѣзжай хорошенько, чтобы духъ замиралъ...

Ефимъ любилъ возить бойкую барышню и поддержалъ репутацію лихача. Они понеслись на Каменноостровскій проспектъ, гдѣ сплошной лентой двигалась масса экипажей. Ранней весной этотъ проспектъ является главной петербургской артеріей, и Честюнина невольно заразилась общимъ настроеніемъ. Конечно, лихачи преступная роскошь, но какъ хорошо мчаться вихремъ... Въ воздухѣ чувствовалась какая-то поджигающая весенняя бодрость, хотя деревья только еще начинали распускаться. Съ моря дулъ легкій вѣтерокъ. Нева, какъ всегда, была такая полная, точно налитая.

— Ахъ, какъ хорошо!—шептала Катя.—Ефимъ, на Елагинъ...

Дачи уже были готовы къ лѣту, шоссе исправлено, дорожки посыпаны свѣжимъ пескомъ—однимъ словомъ, все было готово въ ожиданіи быстро наступавшей весны. По дорогѣ обогнало нѣсколько кавалькадъ. Катя провожала ихъ глазами съ тайной завистью.

— Маня, ты любишь ѣздить верхомъ?

— Не умѣю сказать, потому что никогда не испытала этого удовольствія.

Потомъ Катя толкнула локтемъ и шепнула:

— Смотри, насъ сейчасъ обгонитъ бѣлокурый офицеръ...

Офицеръ, дѣйствительно, обогналъ и раскланялся съ Катей самымъ галантнымъ образомъ.

— Онъ за мной немножко ухаживалъ зимой,—откровенничала Катя.— Онъ изъ остзейскихъ бароновъ, которые ищутъ богатыхъ невѣстъ. Надъ бѣдняжкой кто-то очень зло подшутилъ, выдавъ меня за богатую невѣсту. Ну, потомъ горькая истина открылась, и баронъ крайне деликатно отъѣхалъ... Мнѣ онъ очень нравится. Вѣдь недурно быть баронессой...

— Какія ты нелѣпости говоришь, Катя...

— У всякаго своя логика. Милому барону недостаетъ только денегъ, чтобы быть вполнѣ порядочнымъ. А я могла бы быть съ нимъ счастлива... Даже смѣшно, что отъ такихъ пустяковъ иногда зависитъ счастье всей жизни!.. Ну, для чего деньги вонъ тому толстому купцу, котораго доктора посылаютъ на острова подышать воздухомъ? Это соціальная несправедливость, Маня...

— Помолчи, неудавшаяся баронесса... Скучно.

На Елагиномъ онѣ вышли и пошли пѣшкомъ. Катя сейчасъ любовалась красивыми яхточками, бороздившими рѣку, спортсменскими гичками и, по обыкновенію, завидовала богатымъ людямъ, которымъ доступны всевозможныя удовольствія.

— Ахъ, какъ мнѣ хочется жить, Маня...—повторяла она.—Я, кажется, готова украсть весь міръ.

Онѣ обошли pointe, гдѣ было много публики и экипажи двигались непрерывной лентой, а потомъ Катя отдала Ефиму приказаніе подождать и повела Честюнину въ боковую аллею.

— Мнѣ съ тобой нужно поговорить серьезно, Маня,—предупреждала она.

— Ты будешь говорить серьезно?

— Да, и даже очень серьезно. Знаешь, со мной вышла пренепріятная исторія, и я хотѣла посовѣтоваться съ тобой... У меня было одно увлеченіе. Онъ молодой и хорошій человѣкъ, но бѣденъ и долженъ быть взятъ мѣсто секретаря въ одномъ изъ уѣздныхъ земствъ. Ты понимаешь? Мы вели переписку... у насъ все было уговорено... да. Я вѣдь только кажусь легкомысленной. И представь себѣ... Нынѣшней зимой встрѣчаю одного доктора. Онъ некрасивый, но такой симпатичный. Сначала я на него не обращала вниманія, а потомъ... Однимъ словомъ, я измѣнила первому, а онъ продолжаетъ меня любить, и я не знаю, что мнѣ дѣлать. Какъ ты думаешь, хорошо я дѣлаю?

— Объясниться откровенно, конечно...

— А если у меня рука не поднимается разбить жизнь первому? Много разъ собиралась объясниться и не могу. Ты скажи, хорошо я поступаю или нѣтъ?

Честюнина не знала, что отвѣтить.

— А я тебѣ скажу прямо: нехорошо и гадко. Да... Есть извѣстныя границы для всего, и нельзя играть чужимъ счастьемъ.

Онѣ присѣли на первую скамейку, и Честюнина только теперь догадалась, въ чемъ дѣло. Она страшно поблѣднѣла, но, собравъ всѣ силы, спросила спокойно.

— Это я обязана Парасковеѣ Пятницѣ твоей мистификаціей?

— При чемъ тутъ Парасковея Пятница? Всякій отвѣчаетъ самъ за себя. Если ты догадываешься, въ чемъ дѣло, значитъ—правда.

Честюнина тихо засмѣялась.

— Какая ты смѣшная, Катя... И, главное, откуда такой строгій тонъ взялся? Ну что же: влюблена въ другого, и только. Теперь довольна? И своей Парасковеѣ то же скажи... Развѣ это зависитъ отъ человѣка? Наконецъ я просто сама еще не знаю пока, что со мной дѣлается...

— Вотъ вы всѣ такія тихони. Что же, было у васъ объясненіе?

— Никакого...

— Послушай, ты не лги. Я все равно узнаю...

Катя совершенно вошла въ свою роль и допытывала сестру тономъ великаго инквизитора. Это было бы даже забавно, если бы Честюнина могла перемѣнить настроеніе.

— Вотъ я иногда болтаю Богъ знаетъ что,—продолжала Катя,—но у меня все словомъ и кончается. До сихъ поръ я еще никого не обманула... Самый страшный грѣхъ—это обманъ.

— Люди больше всего обманываютъ, Катя, только самихъ себя, и я, право, еще сама ничего не знаю...

— Вотъ это мило!.. Зато другіе прекрасно все видятъ и все знаютъ... Наконецъ это возмутительно... Ты только подумай, что ты дѣлаешь? Наконецъ какимъ тономъ ты разговариваешь со мной?.. Положительно, я не узнаю тебя, Маня... Ты съ ума сходишь.

— Вотъ это правда... Опять-таки *это* зависитъ не отъ насъ и открывается только тогда, когда человѣкъ уже сошелъ съ ума. Вообще, я ничего не знаю и даже не желаю знать. Такъ и своей Парасковеѣ скажи...

— Несчастная!.. Мнѣ было бы жаль тебя, если бы я еще не уважала тебя. Да, да, да... Это гадко, Маня! Я поѣду и сегодня же объяснюсь съ нимъ...

— Онъ и безъ тебя все знаетъ.

— Тѣмъ хуже для него. И для чего ты только ѣхала сюда—удивляюсь. Выходила бы у себя тамъ замужъ, жила бы себѣ тихо, мирно, счастливо, и все было бы хорошо. Вѣдь ты *тому* еще не написала ничего?

— Нѣтъ...

— Такъ я ему напишу сама...

— Не смѣешь. Да онъ и не повѣритъ никому, даже мнѣ... Вообще, Катя, меня удивляетъ твое вмѣшательство въ это несчастное дѣло. Если Парасковеѣ угодно дѣлать глупости, такъ не брать же примѣръ съ нея... Я тебя тоже не узнаю.

Катя была неумолима, и дѣвушки простились довольно сухо.

— Я къ тебѣ заѣду еще на-дняхъ, и тогда договоримъ,—говорила Катя на прощаніе.

— Можешь не утруждать себя...

XI.

Это вмѣшательство Парасковеи Пятницы и Кати сдѣлало то, что для Честюниной сдѣлалось яснымъ ея собственное положеніе. Да, онѣ обѣ были правы...

Вернувшись домой, дѣвушка произвела самый строгій экзаменъ самой себѣ и, признавая фактъ, не могла опредѣлить, какъ и когда все это могло случиться. Если что было возмутительно, такъ это то, что со времени отъѣзда изъ Сузумья не прошло еще и года. Въ буквальномъ смыслѣ она „башмаковъ еще не износила“, тѣхъ башмаковъ, въ которыхъ ходила на свиданія съ Андреемъ. Сейчасъ онъ ей казался такимъ далекимъ-далекимъ, такимъ маленькимъ-маленькимъ и совершенно чужимъ, и ей дѣлалось досадно, что она должна отвѣчать на его письма, что-то такое объяснять и чуть не оправдываться. А онъ точно предчувствовалъ стряслуюся бѣду и настойчиво повторялъ въ каждомъ письмѣ, что если лѣтомъ она не пріѣдетъ сама въ Сузумье, то пріѣдетъ онъ въ Петербургъ. Послѣднее пугало Честюнину до того, что у нея начинали трястись руки.

Сближеніе съ Жиличко произошло съ поразительной быстротой. Сначала онъ казался Честюниной просто жалкимъ. У него все выходило такъ неловко, робко, почти глупо. Именно такіе мужчины никогда не могутъ нравиться женщинамъ. Но, къ ея удивленію, у себя дома Жиличко былъ совсѣмъ другимъ. Онъ былъ и находчивъ, и остроуменъ, и какъ-то особенно простъ. Въ первый разъ, когда Честюнина зашла къ нему въ комнату, ее охватила давно уже не испытанная, какая-то домашняя теплота. А онъ ничего не дѣлалъ, чтобы казаться тѣмъ или другимъ, а былъ только самимъ собой. Честюнину поразило больше всего то, что онъ думалъ совершенно то же, что̀ и она. Онъ даже говорилъ ея словами.

— Мнѣ кажется, что мы съ вами давно-давно знакомы,—говорила Честюнина.—Точно встрѣтились послѣ долгой разлуки...

— Представьте, и мнѣ то же самое кажется...

— Не правда ли, какъ это странно?

— Да нисколько... Въ природѣ есть масса необъяснимыхъ явленій, которыя намъ кажутся странными именно только поэтому. А затѣмъ, много ли вы видѣли людей вообще, Марья Гавриловна? Нѣсколько человѣкъ родныхъ, учителей, десятокъ знакомыхъ... Тутъ даже и выбора свободнаго не могло быть. Впрочемъ, эта исторія повторяется со всѣми дѣвушками, и онѣ впослѣдствіи платятъ за нее слишкомъ дорогой цѣной. Вы, конечно, понимаете, что̀ я хочу сказать...

— О, даже слишкомъ хорошо понимаю, къ сожалѣнію...

Большею частью они говорили на общія темы. Честюнина только могла завидовать Жиличко, для котораго такъ все было ясно и просто, т.-е. то, къ чему онъ шелъ.

— Людей можно раздѣлить на героевъ и простыхъ смертныхъ,—говорилъ онъ.—Героевъ немного и геройство не обязательно, да и смѣшно немного, если кто-нибудь считаетъ себя таковымъ. Значитъ, прежде всего нужно быть самымъ простымъ смертнымъ и добросовѣстно дѣлать свое дѣло. У насъ вездѣ порывъ, увлеченіе, скачки, а кто же будетъ дѣлать черную работу? Я такъ и смотрю на жизнь... Мы будемъ дѣлать свое маленькое дѣло, а герои въ свое время найдутся. Имъ и книги въ руки... Это немножко скучно и прозаично, но такъ уже складывается наша жизнь.

Съ этими прозаическими размышленіями были не согласны и Лукина, и Морозова, и Борзенко, которыя называли Жиличко „постепеновцемъ“ и спорили съ нимъ до хрипоты. Соглашалась съ нимъ только одна Честюнина, и даже не соглашалась, а для нея его разговоры имѣли свой спеціальный смыслъ. Однажды она сказала Борзенко:

— Помните, есть недоконченный романъ Помяловскаго „Братъ и сестра“. Тамъ одинъ герой говоритъ, что нужно украсть, а другой отрицаетъ такой способъ пріобрѣтенія, и дѣло кончается тѣмъ, что первый остается честнымъ человѣкомъ, второй же крадетъ. Такъ и тутъ... Жиличко просто бравируетъ своимъ практическимъ реализмомъ.

Борзенко только посмотрѣла на Честюнину своими наклеенными глазами и ничего не отвѣтила.

Да, эти другія лишены были способности читать между строкъ, и только одна она, Честюнина, понимала Жиличко. Напримѣръ, онъ просиживалъ дни и ночи надъ своей медициной и въ то же время не признавалъ ее даже наукой.

— Для чего же тогда вы такъ убиваете себя надъ работой?—спрашивала она.

— Да такъ, дѣло, во всякомъ случаѣ, хорошее и полезное. Кое-что извѣстно, и можно этимъ извѣстнымъ пользоваться, а остальное—чистѣйшее знахарство. Возьмите вы всѣхъ нашихъ знаменитостей медицины—будь медицина дѣйствительно наукой, тогда всякій могъ бы быть знаменитостью, или, вѣрнѣе, тогда совсѣмъ не было бы знаменитостей. Просто, морочатъ довѣрчивую публику, которая требуетъ, чтобы ее обманывали. Мы только еще идемъ къ наукѣ, когда для этого будетъ доставленъ естествознаніемъ достаточный матеріалъ. А сейчасъ еще періодъ знахарей-знаменитостей, которые разыгрываютъ геніальныхъ людей за два съ полтиной. Вѣдь это тоже, въ своемъ родѣ, герои...

О, онъ былъ уменъ и оригинально уменъ. Потомъ, онъ постоянно читалъ и зналъ, кажется, все на свѣтѣ. О чемъ только они ни переговорили въ теченіе какого-нибудь одного мѣсяца. Онъ поражалъ ее своей эрудиціей и особенно общимъ образованіемъ, а потомъ необыкновеннымъ умѣніемъ передавать свои знанія. По каждому вопросу онъ наизусть перечислялъ цѣлую литературу всевозможныхъ источниковъ. Въ его присутствіи Честюнина чувствовала себя такой маленькой-маленькой, какъ ребенокъ, заглядывающій на дно глубокаго колодца.

Увлеченіе налетѣло съ необыкновенной быстротой, и она замѣтила его только тогда, когда стала скучать безъ Жиличко. Да, она ждала его, какъ комнатная собачка ждетъ хозяина, и вся розовѣла, когда онъ, шаркая ногами, входилъ къ ней въ комнату. Съ нимъ вмѣстѣ входило столько хорошаго, умнаго, оригинальнаго, что она готова была просидѣть цѣлую жизнь, слушая его нескладную, угловатую рѣчь. Когда онъ уходилъ, ей хотѣлось его удержать, что-то такое спросить, о чемъ-то посовѣтоваться, просто еще хотя немного чувствовать его присутствіе.

Объясненій между ними не было, но все было ясно безъ словъ, да и слова только мѣшали бы тому хорошему, что нарастало и захватывало обоихъ.

Разъ Борзенко довольно ядовито спросила на лекціи Честюнину:

— А Крюковъ у васъ часто бываетъ?

— У меня онъ совсѣмъ не бываетъ...

— Да? А между тѣмъ это самый близкій другъ Жиличко...

— И этого я не знаю. Они просто учились въ одной гимназіи.

— Все-таки: скажи мнѣ, кто твои друзья, и такъ далѣе.

Эта Борзенко всегда умѣла сказать что-нибудь непріятное, а тутъ самое простое дѣло: левъ полюбилъ маленькую собачку и забавляется ею. У большихъ людей бываютъ маленькія слабости.

Честюнина теперь, кромѣ лекцій, нигдѣ не бывала. Ее больше не интересовали общія бесѣды, молодые споры и студенческія сходки. Она чувствовала тамъ себя чужой. Разъ Борзенко устроила цѣлый спектакль, стравивъ двухъ „бабьихъ пророковъ", но и это ее не интересовало. Дѣвушка совершенно была счастлива въ своей маленькой каморкѣ и больше этого счастья ничего не желала. Жизнь и безъ того была полна. А тутъ еще подошли экзамены, и приходилось заниматься по ночамъ. И какъ разъ именно въ это время она получила предлинное письмо отъ Андрея. Вотъ человѣкъ, который не хотѣлъ понять такой простой вещи, что она занята по горло и что ей не до длинныхъ писемъ. Она не могла прочитать его въ день полученія, а только черезъ два дня. Между прочимъ, Андрей писалъ слѣдующее:

„Мнѣ очень понравилось твое длинное письмо, Маруся, гдѣ ты такъ хорошо говоришь о наукѣ. Да, наука—святое дѣло, но я думаю, что она хороша только тогда, когда освѣщена дѣятельной любовью къ людямъ. Лично

я, напримѣръ, никогда не удовлетворился бы одной чистой наукой. Мнѣ нужно живыхъ людей, живое дѣло въ смыслѣ его реализаціи, и я думаю, что нужно имѣть совершенно особенный душевный складъ, чтобы навсегда уйти отъ настоящаго. Меня даже огорчаетъ эта двойственность. Представь себѣ такую комбинацію. У меня на глазахъ мретъ съ голоду осиротѣвшая семья, и въ то же время у меня есть свободныхъ сто рублей, которые я могу отдать этой семьѣ. Конечно, это палліативная помощь и я только временно могу покормить голодающую семью, а потомъ она опять будетъ голодать. А если я положу эти же сто рублей въ банкъ, то черезъ тринадцать лѣтъ они удвоятся, еще черезъ тринадцать лѣтъ учетверятся и такъ далѣе, такъ что черезъ сто лѣтъ въ результатѣ получится уже цѣлый капиталъ, который можетъ обезпечить нѣсколько бѣдныхъ семей. Какъ тутъ поступить? Я отдалъ бы свои сто рублей сейчасъ же, потому что есть вещи, которыя не ждутъ. Такъ и съ чистой наукой, Маруся... Ты понимаешь, что̀ я хочу сказать. Все зависитъ отъ склада характера. Я, напримѣръ, свое маленькое земское дѣло не промѣняю ни на что, потому что оно удовлетворяетъ мою потребность живой реальной дѣятельности. Въ частности, медицина, конечно, прекрасная наука, заслуживающая всевозможнаго поощренія, почтенія и уваженія, но есть и другая сторона: послѣднія слова отъ этого дорогого хлѣба науки достаются только богатымъ, а бѣдные живутъ безъ всякой медицины. Есть жестокая практика жизни, которая говоритъ о сегодня и больше ничего не хочетъ знать. Я хочу жить вотъ этимъ сегодня и хочу дѣлать то дѣло, которое довлѣетъ этому сегодня. Видишь, какой я практическій человѣкъ... Говорю это потому, что провинція отдаетъ столько молодежи въ столицы, и лучшая часть этой молодежи только и мечтаетъ о томъ, чтобы остаться въ столицѣ навсегда. По-моему, это несправедливо. Не въ столицахъ, а въ провинціи нужны болѣе всего интеллигентные честные дѣятели. И въ этомъ заключается вся суть. А молодежь не желаетъ знать именно этого, т.-е. извѣстная часть молодежи, которая слишкомъ увлекается благами спеціально-столичной цивилизаціи. Наши столицы слишкомъ далеко стоятъ отъ провинціи и отгораживаютъ себя все больше и больше. Это письмо я могъ бы назвать: гласъ вопіющаго маленькаго земца. Видишь, и я тоже увлекаюсь отвлеченными темами, что̀, впрочемъ, и понятно, такъ какъ лично интереснаго въ моей жизни слишкомъ мало. Все время уходитъ на земскую работу, и домой приходишь только отдохнуть".

„Какой онъ хорошій, этотъ Андрей...—невольно подумала Честюнина, прочитавъ письмо до конца.—И, можетъ-быть, онъ правъ".

Дѣвушкѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно, точно она прочла свой собственный обвинительный приговоръ. Да и письмо какъ разъ совпало съ моментомъ ея собственнаго увлеченія. Она проплакала всю ночь, перечитывая это письмо, которое такъ серьезно и просто звало ее назадъ, а она на всѣхъ парахъ летѣла впередъ, въ невѣдомую даль. Даже выбора не могло быть... А сердце уже говорило другое.

— Боже мой, что̀ я за несчастная уродилась? — жаловалась дѣвушка, ломая руки.—Чѣмъ я виновата, что Андрей такой хорошій и что я больше его не люблю...

Она рѣшила написать ему вполнѣ откровенное письмо, но изъ этого рѣшенія ничего не вышло. Что̀ было писать? Я нехорошая, легкомысленная, дрянная... Онъ не повѣритъ и прилетитъ въ Петербургъ, а изъ этого уже Богъ знаетъ что̀ можетъ выйти. Лучше оставить пока вопросъ открытымъ. Пусть само все устраивается.

На другой день Честюнина однако не утерпѣла и показала письмо

Андрея прямо Жиличко. Тотъ прочелъ его съ большимъ вниманіемъ, поднялъ брови и спокойно замѣтилъ:

— Это вѣчная исторія курицы, которая высидѣла утенка... Какъ мнѣ кажется, этотъ Андрей человѣкъ серьезный, но, къ сожалѣнію, слишкомъ односторонній. Сейчасъ видно, что человѣкъ засидѣлся въ провинціи и все на свѣтѣ мѣряетъ своимъ провинціальнымъ аршиномъ. Онъ въ какомъ университетѣ кончилъ курсъ?

— Онъ изъ шестого класса гимназіи...—отвѣтила Честюнина и сейчасъ же покраснѣла.

— Ага... да...—промычалъ Жиличко, возвращая письмо.—Да, это вполнѣ понятно...

Письмо Андрея, какъ это иногда случается, достигло какъ разъ противоположной цѣли. Именно благодаря ему произошло между ней и Жиличко окончательное сближеніе, то, о чемъ раньше даже не говорилось. Все случилось какъ-то само собой, и дѣвушка отдалась теченію, уносившему ее куда-то далеко-далеко отъ всего, что̀ еще такъ недавно было и близко и дорого.

XII.

Сейчасъ послѣ окончанія экзаменовъ Честюнина получила письмо отъ дядя, который приглашалъ ее къ себѣ самымъ настойчивымъ образомъ: „Я пріѣхалъ бы самъ къ тебѣ,—писалъ старикъ,—но арестованъ докторомъ на нѣсколько дней“. Въ особой припискѣ было сказано, что тетка съ Эженомъ уѣхали за границу. Честюнина отправилась на Васильевскій островъ и, дѣйствительно, нашла дядю больнымъ. Старикъ встрѣтилъ ее довольно сухо.

— Что̀ же это, Маша, ты совсѣмъ забыла насъ?

— Были экзамены, дядя...

Онъ какъ-то сбоку посмотрѣлъ на нее и нахмурился.

— Отчего ты не спросишь, Маша, чѣмъ я боленъ? Тебя это не интересуетъ... Да, боленъ... Что-то такое неопредѣленное, вообще—первая повѣстка старости. Что̀ же, въ порядкѣ вещей. А вотъ докторъ взялъ и арестовалъ меня... Какъ ты думаешь, имѣлъ онъ право лишать меня свободы?

— Странный вопросъ, дядя... Если это нужно, то, конечно, имѣлъ право, даже былъ обязанъ это̀ сдѣлать.

— Вотъ и отлично. Представь себѣ, что я докторъ, а ты больная, и я тоже арестую тебя, потому что обязанъ это сдѣлать.

— Я рѣшительно ничего но понимаю, дядя...

— Очень просто: я тебя не выпущу изъ своей квартиры. Катя уже уѣхала за твоими вещами...

Честюнина отвернулась къ окну, закрыла лицо руками и заплакала.

— Плачь, Маша—это помогаетъ... А что̀ касается того господина, то я могу къ нему самъ съѣздить и объясниться, или ты сама ему напишешь, что твой дядя самодуръ, извергъ и палачъ вообще. Если есть женская равноправность, то должна быть и равноправность стараго дяди. Понимаешь: я этого хочу! Да, да и еще разъ да... А впрочемъ, мы съ тобой поговоримъ подробно потомъ, когда успокоишься.

Дѣвушка продолжала стоять у окна.

— Маша, ты обидѣлась на меня?

— Да...

— А развѣ можетъ обидѣть человѣкъ, который любитъ? А я тебя люблю, какъ родную дочь... Потомъ, у тебя нѣтъ отца, мать далеко—некому о тебѣ позаботиться. Немножко и я виноватъ, что какъ-то упустилъ тебя изъ виду...

А теперь я въ тебя вцѣпилось, какъ коршунъ. У меня, братъ, все вотъ какъ обдумано... Комаръ носу не подточитъ.

— И я все-таки не останусь, дядя...

— А развѣ я тебя спрашиваю объ этомъ?

— Я выхожу замужъ...

— Замужъ? Что-то какъ будто я такой науки не слыхалъ... Да и не стоило за этимъ ѣздить въ Петербургъ. Однимъ словомъ, объ этомъ еще поговоримъ, когда перестанешь плакать и сердиться. Вѣдь ты сердишься на меня? Да и какъ же не сердиться, когда старикъ-дядя окончательно взбѣсился...

Катя, дѣйствительно, привезла вещи Честюниной и сейчасъ же устроила ее въ комнатѣ Эжена.

— Это я тебя предала,—коротко объяснила она арестованной гостьѣ.— Парасковея Пятница клапяется... Я ей что-то врала, но она догадалась, въ чемъ дѣло.

— Я васъ всѣхъ ненавижу,—отвѣтила Честюнина.—А съ тобой и разговаривать не желаю...

— А все-таки я ловко придумала!.. Тогда я на островахъ уговаривала тебя добромъ, а ты нуль вниманія... Вотъ я и устроила штуку. Маму съ Эженомъ мы проводили на все лѣто, а сами будемъ жить въ Павловскѣ. И ты съ нами... Къ осени, надѣюсь, ты выздоровѣешь. Не правда ли? Въ Павловскъ мы переѣзжаемъ на-дняхъ... Какая тамъ музыка, сколько публики!.. Я ужасно люблю Павловскъ...

Честюнина забилась въ свою комнату и пролежала на постели весь день. Она больше не плакала, а перемучивалась молча. Ее до глубины души возмущала продѣланная съ ней комедія. Конечно, она могла вернуться къ себѣ, но ей не хотѣлось обидѣть дядю. Отчего онъ не поговорилъ съ ней просто, какъ говорятъ съ взрослымъ разумнымъ человѣкомъ? Она начинала себя чувствовать нашалившей дѣвочкой, которую поставили въ уголъ.

Вечеромъ, когда Катя куда-то уѣхала, она отправилась въ кабинетъ къ дядѣ и высказала откровенно ему все. Старикъ выслушалъ ее до конца терпѣливо, не моргнувъ глазомъ, и только спросилъ:

— Ты все сказала, Маша? Отлично... Я согласенъ, что можно было все устроить иначе, но вѣдь здѣсь только вопросъ формы. Есть такія вещи, гдѣ приходится дѣйствовать рѣшительно. Да... У тебя свои взгляды, значитъ, и у меня могутъ быть свои. Представь себѣ, что я не согласенъ съ твоимъ поведеніемъ, и очень можетъ быть, что черезъ нѣкоторое время ты сама же будешь меня благодарить. Въ послѣднемъ я глубоко убѣжденъ, а передъ тобой цѣлое лѣто для того, чтобы одуматься. Я мечталъ лѣтомъ ѣхать съ тобой въ Сузумье, но пришлось отложить эту поѣздку, и мы недурно проведемъ лѣто въ Павловскѣ. Тамъ и погулять есть гдѣ, заниматься можешь, сколько душѣ угодно... Осенью я тебя отпущу съ миромъ, и дѣлай сама, какъ знаешь. Ты согласна?

— Дядя, одна только просьба: можно мнѣ съѣздить туда... проститься?

— Вотъ этого-то и нельзя, милая. Конечно, ты можешь это сдѣлать безъ моего согласія, но этого ты и не сдѣлаешь. Выдержи характеръ... Потомъ, что за прощанія—вѣдь это предразсудокъ старыхъ людей. Впрочемъ, какъ знаешь.

Черезъ три дня Анохины переѣхали въ Павловскъ. Честюнина такъ и не видала Жиличко, а написала ему письмо, въ которомъ говорила о непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, о болѣзни дяди, о томъ, что это даже хорошо, чтобы имѣть время одуматься и провѣрить себя. Письмо вышло неестественное и какое-то глупое, но другого она не могла написать.

Въ Павловскѣ первое, что поразило Честюнину, это чудный Павловскій паркъ. Ничего подобнаго она не видала и не могла даже приблизительно представить себѣ такой безумной роскоши. Катя въ первый же день выводила ее по всѣмъ главнымъ аллеямъ, показала всѣ красивые уголки, но Честюниной понравилась больше дальняя часть парка, гдѣ разбѣгались почти деревенскія дорожки. Это напоминало уже далекую родину, родной лѣсъ... Вотъ куда можно будетъ уходить на цѣлые дни, пока кончится назначенный дядей періодъ испытанія. Ни въ себѣ ни въ Жиличко она, конечно, не сомнѣвалась, и ее теперь даже забавляла выдумка старика, взявшаго на себя неблагодарную роль няньки. Пройдя по парку, Честюнина опять чувствовала себя дѣвочкой, а деревья казались ей старыми хорошими знакомыми. А тутъ и зеленая трава-мурава, и лѣсные дикіе цвѣточки, и синее небо надъ головой... Дышится такъ легко, и хочется жить.

Старикъ-дядя былъ какъ-то особенно ласковъ съ племянницей, какъ бываютъ ласковы съ больными дѣтьми. Онъ любилъ гулять съ ней по парку и каждый вечеръ тащилъ на музыку. Сначала дѣвушка чувствовала себя неловко въ этой разодѣтой и шумливой толпѣ, а потомъ быстро привыкла. Дядя ужасно любилъ музыку и высиживалъ терпѣливо всѣ отдѣленія.

— Это у меня что-то въ родѣ службы искусству, — шутилъ онъ надъ самимъ собой.

Однажды, это было недѣли черезъ двѣ, когда Честюнина возвращалась вечеромъ съ вокзала домой вдвоемъ съ дядей, она тихо проговорила:

— Дядя, знаешь... кажется, я начинаю просыпаться...

Онъ молча поцѣловалъ ее въ лобъ и ничего не сказалъ.

XIII.

Поведеніе Кати приняло очень подозрительный характеръ, что очень безпокоило Честюнину. Катя уже давно пользовалась дома полной свободой и теперь часто исчезала на цѣлые дни. Она ограничивалась тѣмъ, что предупреждала отца въ очень категорической формѣ:

— Папа, я сегодня уѣзжаю въ Озерки и, вѣроятно, останусь тамъ ночевать.

Василій Васильичъ сначала не обращалъ вниманія на такія отлучки, потому что въ Озеркахъ жила тетка, родная сестра Елены Ѳедоровны. Между семьями давно установились какія-то нелѣпыя, натянутыя отношенія, и Елена Ѳедоровна не желала видѣть сестру, которая, по ея мнѣнію, сдѣлала непростительную глупость, потому что противъ ея желанія вышла замужъ за очень небогатаго офицера. Такъ сестры и не встрѣчались, но это не мѣшало дѣтямъ бывать другъ у друга. Честюнина по лицу Кати давно замѣтила, что та что-то скрываетъ, но молчала. Ей было только жаль стараго дядю, который волновался молча и тяжело вздыхалъ, когда они вдвоемъ садились обѣдать. Пустой стулъ, на которомъ обыкновенно сидѣла Катя, являлся нѣмымъ свидѣтелемъ этого отцовскаго безпокойства. Василій Васильичъ требовалъ, чтобы приборъ Кати ставился всегда. хотя бы ея и не было дома.

Переговорить съ Катей откровенно съ глазу на глазъ Честюнина тоже не рѣшалась. Каля не выносила разспросовъ и считала всякое вторженіе въ ея дѣла за личное оскорбленіе. Это было ея самымъ больнымъ мѣстомъ, и она ревниво берегла свою дѣвичью волю.

— Помилуйте, вѣдь намъ рѣшительно все запрещено,—роптала она.— И то нельзя, и это невозможно. и третье не принято... Позвольте же мнѣ быть человѣкомъ хотя съ глазу на глазъ съ самой собой. Вѣдь это ужасно,

когда меня будутъ пытать, что я думаю. Я хочу имѣть въ душѣ у себя такой уголокъ, куда никто не смѣетъ проникнуть.

— Кажется, никто не выражаетъ желанія проникнуть въ твою душу,— иронически замѣчалъ отецъ.

— Если бы это было такъ... Меня всю коробитъ, папа, когда я возвращаюсь откуда-нибудь и читаю на твоемъ лицѣ нѣмой вопросъ: гдѣ была?

— Мнѣ кажется, что вопросъ самый естественный...

— Отчего же ты не спрашиваешь Эжена, гдѣ онъ пропадаетъ?

— Во-первыхъ, я это отлично знаю, потому что мнѣ же приходится уплачивать по его счетамъ, а потомъ онъ мужчина...

— Нѣтъ, онъ человѣкъ, папа, а я несчастное существо, которое называется барышней...

Таинственныя исчезновенія Кати продолжались почти цѣлый мѣсяцъ, а потомъ она не выдержала и сдѣлала „исповѣдишку" Честюниной, взявъ съ нея слово, что это останется между ними...

— Поклянись мнѣ, Маня...

— Послушай, Катя, это смѣшно.

— Ну, дай честное слово.

— А если я и безъ твоей исповѣдишки догадываюсь, въ чемъ дѣло?

Катя чуть-чуть не обидѣлась, но сдержала себя, потому что уже давно томилась жаждой подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своей тайной. Она потащила Честюнину въ паркъ, въ самую глухую аллею, и тамъ, не безъ торжества, показала ей афишу лѣтняго театра въ Озеркахъ.

— Я такъ и знала...—говорила Честюнина, просматривая дѣйствующихъ лицъ.—Ты, конечно, выступила подъ псевдонимомъ?

— Конечно... Тебѣ нравится фамилія: Терекова? Самыя поэтическія фамиліи дѣлались по названію рѣкъ: Онѣгинъ, Печоринъ... А теперь будетъ Терекова. Я сама догадалась придумать это. Мнѣ хотѣлось что-нибудь такое бурное, дикое... „Браво, Терекова!.. Бисъ, Терекова! Ура, Терекова!.." Мнѣ ужъ завидуютъ... Ну, посмотри, какія тутъ фамиліи: Смирнова, Травина, Мосягина... Развѣ можно съ такими фамиліями имѣть хоть какой-нибудь успѣхъ?

Въ увлеченіи своимъ псевдонимомъ, Катя даже поцѣловала афишу.

— Для начала совсѣмъ не дурно, Манюрочка... Я ужъ познакомилась съ двумя газетными рецензентами. Обѣщали написать обо мнѣ, какъ только я выступлю въ подходящей роли.

— А сейчасъ?

— Сейчасъ я только въ приготовительномъ классѣ... на выходныхъ роляхъ. Представь себѣ, режиссеръ говоритъ, что я еще не умѣю ходить по сценѣ и руки не знаю куда дѣвать. Это я-то?!.. Онъ такой смѣшной и ко всѣмъ придирается... Въ сущности, противъ меня интригуетъ примадонна. Важнюшка и ломушка ужасная... Пàузитъ, пропускаетъ реплики, забываетъ мѣста...

Катя уже говорила закулиснымъ жаргономъ и была счастлива до того, что теряла всякое чувство дѣйствительности. Всѣ люди казались такими маленькими, ничтожными и вообще несчастненькими. Она жила въ радужномъ туманѣ своихъ сновъ наяву.

— Мы съ тобой вмѣстѣ поѣдемъ въ Озерки, — упрашивала Катя. — Будто къ тетушкѣ... Понимаешь? Я хочу тебѣ показать все... Ахъ, какъ интересно, если бы ты только знала!.. Если стóитъ жить на свѣтѣ, такъ только для этого...

— Нельзя же быть всѣмъ актрисами, Катя.

— А это называется счастьемъ, Маня... Счастье—даръ боговъ. Право, поѣдемъ въ слѣдующее же воскресенье... А какой у насъ комикъ Рюшкинъ—онъ смѣшитъ меня до слезъ. И самъ вѣдь не смѣется... Знаешь, что̀ онъ сказалъ, когда увидѣлъ меня въ первый разъ: „Это что̀ за чортова кукла?..“ Ха-ха!.. Я даже хотѣла обидѣться, какъ всѣ новички, но выдержала характеръ...

— Кто же тебѣ изъ актеровъ нравится?

— Ишь, какая хитрушка... Такъ вотъ и сказала. Будешь все знать—скоро состаришься.

— Значитъ, есть такой?

— Пока я еще и сама не знаю... Кажется, что въ этомъ родѣ что-то такое вообще... Однимъ словомъ, ничего не знаю. У насъ первый любовникъ Бурцевъ... Ужасно важничаетъ. Я его ненавижу... Рюшкинъ говоритъ, что у него ужасно умное выраженіе въ ногахъ.

Честюнину очень заинтересовалъ этотъ случай побывать за кулисами. Она вообще мало бывала въ театрѣ, а тутъ можно было видѣть рѣшительно все.

— Знаешь, я тебя рекомендую, какъ переписчицу моихъ ролей,—предлагала Катя.—Ты даже можешь взять тамъ работу... Я поговорю съ режиссеромъ или съ Рюшкинымъ.

— Для чего же еще эта комедія?

— Да такъ просто. Вѣдь ты хотѣла искать работы... Вотъ тебѣ прекрасный случай заработать рублей пять.

Дядя очень обрадовался, когда Честюнина сказала ему, что ѣдетъ въ Озерки вмѣстѣ съ Катей. Прямо онъ ничего не высказалъ, а только крѣпко пожалъ ей руку. Можетъ-быть, съ намѣреніемъ, а можетъ-быть, и случайно, провожая дѣвушекъ на вокзалъ, онъ добродушно проговорилъ:

— Не поѣхать ли и мнѣ съ вами?

Катя даже измѣнилась въ лицѣ, но отецъ прибавилъ самъ:

— Впрочемъ, по пословицѣ, въ церковь ходятъ по звону, а въ гости по зову.

Эта ничтожная сценка непріятно подѣйствовала на Честюнину, которая почувствовала себя невольной сообщницей взбалмошной сестры.

— Катя, ты не любишь отца, а онъ такой хорошій!.. Отчего ты ему не разскажешь всего откровенно?

— Потому, сударыня, что очень его люблю и не желаю тревожить старичка напрасно... Зачѣмъ ему безпокоиться прежде времени?.. Потомъ, я горда. А вотъ когда я прославлюсь, тогда другое дѣло. У стариковъ есть свои предубѣжденія, черезъ которыя не перелѣзешь. Ты обратила вниманіе, какими высокими заборами огорожены старые дома?.. Такъ и тутъ...

Катя ужасно волновалась до самаго Финляндскаго вокзала. Она боялась опоздать на репетицію. Но все сошло благополучно. На вокзалѣ пришлось еще ждать цѣлыхъ полчаса, такъ что Катя забралась въ дамскую уборную и успѣла „пройти“ свою роль нѣсколько разъ. Роль была маленькая, но старавшаяся дѣвушка путала реплики, сбивалась и приходила въ отчаяніе. Это было наконецъ смѣшно, и Честюнина всю дорогу шутила надъ ней, чтобы этимъ путемъ придать бодрости.

— Погибаю въ цвѣтѣ лѣтъ...—уныло повторяла Катя, когда поѣздъ подходилъ наконецъ къ Озеркамъ. — А сердце такъ и замираетъ, точно я что-нибудь украла и меня ловятъ. Вся надежда на капельдинера, который, кажется, сочувствуетъ моему критическому положенію.

Впрочемъ, волненіе подруги передалось и Честюниной, когда онѣ вошли въ самый театръ. Громадная зала тонула въ таинств ной полутьмѣ, звонко раздавались шаги, а тамъ въ глубинѣ, на сценѣ, дв лись какія-то черныя тѣни, напоминавшія тѣхъ человѣчковъ изъ черной бумаги, которыхъ вырѣзываютъ дѣти.

— Садись вотъ сюда въ ложу и жди меня,—шепнула Катя, толкая Честюнину въ одну изъ ложъ правой стороны, мимо которыхъ шелъ проходъ за кулисы.—А вотъ и мой добрый геній!..

Къ Катѣ трусцой бѣжалъ бритый капельдинеръ и съ предупреждающей улыбкой слуги старой школы говорилъ:

— Васъ, mademoisselle Терекова, спрашивалъ режиссеръ...

— Сейчасъ, сейчасъ... Манюрочка, молись за мою грѣшную душу! Она такъ много любила и такъ мало жила...

Честюнину охватило такое жуткое чувство, когда она осталась одна. Нѣчто подобное она испытывала въ раннемъ дѣтствѣ, когда изъ шалости забѣгала въ темную комнату. Теперь она искренно жалѣла эту милую Катю, точно ей грозила какая-то неотвратимая опасность. Вотъ она скрылась въ дверяхъ, на которыхъ былъ вывѣшенъ аншлагъ: „Входъ постороннимъ лицамъ воспрещается“, вотъ ея граціозная фигурка показалась уже на сценѣ, вотъ къ ней подошелъ какой-то господинъ въ черной шапочкѣ, сдвинутой на затылокъ... Гдѣ-то раздался монотонный речитативъ, точно жужжала муха—это въ одинъ тонъ говорилъ свою роль молодой человѣкъ въ цилиндрѣ. Онъ, видимо, сердился, когда режиссеръ, сидѣвшій за отдѣльнымъ столикомъ, останавливалъ его и наставлялъ. Потомъ показалась высокая дама въ ротондѣ и громадной модной шляпѣ. Она знала лучше свою роль, чѣмъ молодой человѣкъ въ цилиндрѣ, и читала роль съ выраженіемъ Честюнина вслушалась и вся застыла. Вѣдь это говорила она, Марья Честюнина... Да, это были ея мысли и ея чувства.

Честюнина совсѣмъ забыла названіе пьесы и имя неизвѣстнаго автора, но это не мѣшало ей чувствовать каждое слово монолога. Ей даже сдѣлалось страшно, точно чья-то посторонняя рука раскрыла ея собственную душу, и всѣ, цѣлый театръ, видѣли, что это ея душа. Примадонна разсказывала о любви къ двоимъ, о неудовлетворенномъ женскомъ чувствѣ, о неизбѣжныхъ симпатіяхъ предъ рѣшительнымъ шагомъ, о томъ, что какъ женщина, такъ и мужчина въ любимомъ существѣ любятъ созданіе собственнаго воображенія, лучшую часть самого себя, то, что остается никогда недостижимымъ и что служитъ неизсякаемымъ источникомъ страданій. И какъ хорошо, тепло и умно все это было высказано. Что же это такое наконецъ? Честюнина даже закрыла глаза, какъ человѣкъ, который ожидаетъ смертнаго удара.

— Съ насъ слишкомъ много требуютъ и слишкомъ мало любятъ...—неслось со сцены...—Мы пріучаемся страдать молча, пріучаемся скрывать наши женскія чувства, чтобы не показаться смѣшными, и въ концѣ концовъ отдаемся призыву чувства...

Честюнину немного кольнуло только одно, именно, что всѣ эти хорошія слова относятся къ молодому человѣку въ цилиндрѣ, котораго она почему-то не взлюбила съ перваго раза. Стоило тратить хорошія слова для такого хлыща... Дѣвушка смѣшивала дѣйствующихъ лицъ съ актерами. Но, съ другой стороны, при чемъ тутъ, въ этой вѣчной драмѣ женской жизни, какой-нибудь Иванъ Петровичъ или Петръ Иванычъ?.. Получалось что-то вульгарное и обидное. А молодой человѣкъ въ цилиндрѣ положительно напоминалъ Эжена,—такъ же цѣдилъ слова сквозь зубы, такъ же раскачивался на ногахъ, такъ же „пàузилъ“.

Катя появилась въ роли бѣдной молоденькой дѣвушки, и Честюнина не узнала ея голоса. Она страшно волновалась, глотала слова и не давала договаривать реплик. Режиссеръ останавливалъ ее нѣсколько разъ, заставлялъ повторять, хваталъ за руку и ставилъ на то мѣсто, гдѣ она должна была говорить. Роль была самая незначительная и совсѣмъ не соотвѣтствовала бурному темпераменту артистки Терековой. Въ результатѣ этой пытки будущая знаменитость заговорила такимъ тономъ, какимъ отвѣчаетъ гимназистка на экзаменахъ самому строгому учителю.

Дальше пьеса была испорчена авторомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и всѣ дѣйствующія лица начали дѣлать и говорить самыя невозможныя глупости. Вѣроятно, и въ жизни бываетъ то же самое... Одно умное мѣсто выкупается тысячью искупительныхъ глупостей.

— Идемъ на сцену,—проговорила неожиданно появившаяся Катя.— Я тебя познакомлю съ нашими...

— А если я не желаю?

— Ты? не желаешь?

— Очень просто... Я не желаю терять иллюзіи.

— Даже съ Рюшкинымъ не хочешь познакомиться?

Катя вдругъ обидѣлась за всю труппу. Помилуйте, какая-нибудь несчастная курсистка и вдругъ: не желаю.

XIV.

Честюниной не понравилось въ Озеркахъ. Она осталась на спектакль, но теперь пьеса на нее уже не произвела того впечатлѣнія, какъ при читкѣ на репетиціи. Катя провела свою роль совсѣмъ плохо, какъ играютъ любители, и никакъ не могла попасть въ тонъ.

— Мы ѣдемъ, конечно, домой?—спрашивала Честюнина, когда Катя въ третій антрактъ вышла въ садъ.

— Нѣтъ... Послѣ спектакля у насъ будетъ маленькій ужинъ. Будутъ только свои, и я не могу отказаться.

— Ахъ, Катя, Катя... Тебя больше всего интересуютъ репетиціи и эти маленькіе ужины, а не искусство.

— Ты находишь, что я скверно провела свою роль?

— Никуда не годится...

— Я не виновата, что мнѣ даютъ такія скверныя роли. Я, дѣйствительно, терялась... Все дѣло, видишь ли, въ томъ, что противъ меня интригуютъ, какъ я уже говорила тебѣ. Ну, да это пустяки... Она ужъ стара, какъ пожарная лошадь, и не выноситъ молоденькаго личика... Рюшкинъ говоритъ, что ея ненависть самая лучшая рекомендація для начинающей артистки, а она меня возненавидѣла съ перваго раза. Теперь поняла? Я на зло ей и ужинать осталась. Меня пригласилъ Рюшкинъ... Ты все-таки ѣдешь?

— Все-таки ѣду...

Катя задумалась и прибавила другимъ тономъ:

— Знаешь, мнѣ жаль папу... Онъ такой добрый. Но что же мнѣ дѣлать, когда

Не рыбачій парусъ бѣлый—
Корабли мнѣ снятся.

Въ Павловскъ Честюнина возвращалась одна. Ей опять сдѣлалось жаль Кати, а по пути она раздумалась и о себѣ, чего въ послѣднее время избѣгала самымъ старательнымъ образомъ. На эти „собственныя“ мысли ее навело

случайное обстоятельство. Съ Финляндскаго вокзала она проѣзжала мимо медицинской академіи, и мысль невольно вернулась къ недавнему прошлому. Боже мой, какъ все было недавно и вмѣстѣ давно. Гдѣ теперь Жиличко? Онъ на ея письмо не отвѣтилъ. Что подѣлываетъ Парасковея Пятница? Честюнинной страстно захотѣлось побывать на Самсоніевскомъ проспектѣ, взглянуть на свою комнату, въ которой столько было пережито, поговорить съ милѣйшей Парасковеей Пятницей. Но было поздно, и нужно было поспѣвать на Царскосельскій вокзалъ. Будь это день, она, быть-можетъ, и не удержалась бы. Боже мой, отъ какихъ пустяковъ зависитъ все въ жизни... Если бы не вмѣшательство дяди, исторія съ Жиличко могла разыграться самымъ серьезнымъ образомъ, а между тѣмъ она его не любила, въ чемъ убѣждалась все больше и больше. Это была какая-то сумасшедшая вспышка, что-то въ родѣ тѣхъ дѣтскихъ болѣзней, которыя налетаютъ вихремъ и вихремъ улетаютъ. Да и онъ, навѣрно, уже успѣлъ ее забыть... Въ душѣ Честюнинной невольно шевельнулось ревнивое чувство, и она почему-то припомнила одну курсистку, съ которой Жиличко ходилъ въ театръ. По ассоціаціи идей она припомнила послѣднее письмо Нестерова. Гдѣ-то онъ, этотъ земскій человѣкъ? Тоже, вѣроятно, успѣлъ ее забыть... Почему-то ей казалось, что Нестеровъ такой маленькій-маленькій, какими люди кажутся на далекомъ разстояніи. И всѣ эти мысли и воспоминанія прикрывались сейчасъ страстнымъ шопотомъ озерковской примадонны, а изъ-за него поднималось что-то новое, та сладкая и манящая тоска, которую она испытывала въ дѣтствѣ, когда провожала кого-нибудь на пароходную пристань.

Жизнь въ Павловскѣ сильно повліяла на Честюнину, точно она пришла въ себя послѣ какого-то сна. Это было странное ощущеніе человѣка, который постепенно находилъ самого себя. Да, именно находилъ, потому что самихъ себя мы меньше всего знаемъ. Она теперь цѣлые дни проводила въ паркѣ, который полюбила, какъ что-то родное. Эти громадныя деревья точно слушали ее и только изрѣдка по-стариковски начинали ворчать любовно и тихо, какъ ворчатъ на маленькихъ дѣтей. Ей хотѣлось иногда разсказать имъ все, чѣмъ была полна душа. Но это почти молитвенное настроеніе постоянно нарушалось гулявшей въ паркѣ публикой. Честюнина никакъ не могла привыкнуть именно къ этой дачной, разодѣтой по-праздничному публикѣ и забиралась въ самыя далекія аллеи, гдѣ уже никого нельзя было встрѣтить. Прежде всего, она чувствовала себя совершенно чужой въ этомъ избранномъ обществѣ, и дядя постоянно подшучивалъ надъ ней на эту тему.

— Такіе же люди, какъ и мы съ тобой, Маша... Собственно коренныхъ петербуржцевъ совсѣмъ мало, а больше всего провинціалы. Наживутъ денегъ въ провинціи правдами и неправдами и ѣдутъ проживать ихъ въ Петербургъ.

Старикъ зналъ почти всѣхъ, особенно тѣхъ ветхихъ старичковъ, которые по докторскому приказанію въ солнечные дни выползали въ паркъ, опираясь на палки и тяжело шаркая ногами. Въ свое время эти старцы дѣлали большія дѣла, а теперь тихо догнивали по роскошнымъ дачамъ, великодушно уступая свое мѣсто молодому поколѣнію. Дѣльцы-хищники, умѣвшіе воспользоваться какимъ-нибудь случаемъ, и люди совершенно неизвѣстныхъ профессій, умѣвшіе, повидимому, только проживать деньги.

— Да, нужно было много и долго грабить всю Россію, чтобы вотъ эти старички могли разогрѣвать на солнцѣ въ Павловскомъ паркѣ свои застарѣлые ревматизмы и параличи,—объяснялъ Анохинъ.

— Какъ же ты, дядя, говоришь, что они такіе же, какъ мы съ тобой?

— Я хочу этимъ сказать, что не слѣдуетъ стѣсняться этой показной роскошью. Ты скучаешь о своемъ Сузумьѣ?

— Говоря откровенно, нѣтъ... Меня даже огорчаетъ это. Собственно я очень соскучилась о матери и братьяхъ, но ѣхать сейчасъ домой не желала бы. Мнѣ здѣсь такъ хорошо и спокойно... Я люблю думать, какъ, по окончаніи курса, поѣду въ свою провинцію женщиной-врачомъ. Это золотая мечта...

Она не договаривала главнаго, почему не желала сейчасъ ѣхать домой, именно, изъ страха встрѣтиться съ Нестеровымъ. Да, это уже былъ страхъ, и она ловила себя на этомъ. Въ сущности, вѣдь она ничего дурного не сдѣлала, а все-таки было бы тяжело увидѣть его, объясняться и говорить жалкія слова. Это былъ даже не страхъ, а простое малодушіе. Честюниной нравилось сейчасъ больше всего то, что ее здѣсь не знаетъ рѣшительно ни одна живая душа и никому до нея никакого нѣтъ дѣла. Что̀ можетъ быть лучше? И это одиночество даетъ только одинъ Петербургъ. А давно ли она ѣхала сюда такой наивной, съ самыми фантастическими представленіями о столицѣ, своихъ курсахъ и всемъ обиходѣ новой жизни? Главной, захватывавшей ее новостью оставалась попрежнему одна святая наука, и Честюнина делала самый строгій подсчетъ каждому прожитому дню. Ей было ужасно совѣстно, что она пропустила безъ занятій недѣли двѣ, и теперь старалась наверстать потерянное время. Ахъ, какъ было нужно сдѣлать много и какъ быстро лѣтѣло неумолимое время!.. Впрочемъ, Честюнина была довольна своими успѣхами въ новыхъ языкахъ, особенно въ нѣмецкомъ, что̀ для занятій медициной являлось краеугольнымъ камнемъ. За что ни возьмись, на каждый вопросъ въ нѣмецкой наукѣ существуетъ уже цѣлая литература. Русскіе ученые самымъ скромнымъ образомъ компилировали уже готовые матеріалы, а въ лучшемъ случаѣ что-нибудь дополняли къ нимъ.

При всемъ нежеланіи съ кѣмъ-нибудь знакомиться, Честюнина все-таки познакомилась съ одной оригинальной парой. Это были молодые люди. Онъ сильно прихрамывалъ и ходилъ, опираясь на палку. Она, совсѣмъ молодая и красивая какой-то особенной холодной красотой, постоянно сопровождала его. Сначала Честюнина приняла ихъ за влюбленную парочку, нарушавшую ея одиночество въ разныхъ глухихъ уголкахъ довольно безсовѣстнымъ образомъ. Выходило что-то въ родѣ преслѣдованія. Она ихъ встрѣчала каждый день и напрасно разыскивала новые уголки. Таинственная парочка появлялась какъ на зло. Это наконецъ выходило смѣшно. Разъ при такой встрѣчѣ онъ вѣжливо раскланялся и проговорилъ:

— Простите, пожалуйста, что мы преслѣдуемъ васъ по пятамъ. Это какое-то роковое совпаденіе, и намъ лучше уговориться, чтобы не встрѣчаться. Раздѣлимте паркъ на двѣ половины...

— Зачѣмъ дѣлить? — смутилась Честюнина. — Вы мнѣ нисколько не мѣшаете.

Она просто и внимательно посмотрѣла на Честюнину и проговорила:

— Если не ошибаюсь, вы курсистка?

— Да...

— Вотъ видишь, Сергѣй,—обратилась она къ нему.—А ты еще спорилъ со мной...

— Да, да... Но я уже привыкъ постоянно ошибаться,—добродушно согласился онъ и, протягивая руку, прибавилъ.—Давайте лучше познакомимтесь, барышня. Приватъ-доцентъ Брусницынъ, а это моя родная сестра, Елена Петровна... Вы ничего не имѣете противъ этого?

Честюнина замѣтила, что онъ необыкновенно хорошо улыбался и что

вообще его лицо было такое простое и умное, хотя и болѣзненное. Онъ носилъ сильно увеличивавшія очки и длинные волосы.

— Насъ почти всѣ принимаютъ за мужа и жену,—объяснила Елена Петровна съ немного больной улыбкой.

Этимъ первая встрѣча и ограничилась. Затѣмъ они стали раскланиваться издали, какъ знакомые. А кончилось это случайное знакомство тѣмъ, что Елена Петровна первая остановила Честюнину и проговорила своимъ серьезнымъ тономъ:

— Мы опять спорили о васъ съ братомъ... да. Вопросъ шелъ о томъ, почему вы всегда одна и почему скрываетесь отъ всѣхъ. Братъ объяснялъ это особеннымъ складомъ характера, а я увѣрена, что здѣсь дѣло совсѣмъ не въ характерѣ.

— Правы и вы и вашъ братъ...

Дѣвушки незамѣтно шли по аллеѣ все дальше и дальше. Елена Петровна почему-то волновалась и заговорила о братѣ. Его спеціальность—ботаника, и онъ скоро займетъ каѳедру въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ, а сейчасъ усиленно готовится къ защитѣ своей докторской диссертаціи.

— О, это совсѣмъ особенный человѣкъ,—повторяла она съ какой-то материнской гордостью.—Его нельзя не любить... И потомъ у него такое горе.

Изъ этого объясненія Честюнина поняла только одно, именно, что эта странная дѣвушка влюблена въ своего особеннаго брата, какъ только можетъ любить сестра. Это ей очень понравилось.

— Ахъ, я заболталась съ вами,—спохватилась Елена Петровна.— Сергѣй сидитъ одинъ, а его нельзя оставлять одного... Вѣдь онъ совершенный ребенокъ и будетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ цѣлый день, пока я не вернусь.

XV.

Эта странная чета произвела на Честюнину громадное впечатлѣніе, причины котораго въ полномъ объемѣ она даже не могла объяснить,—она только чувствовала, что это, дѣйствительно, совсѣмъ особенные люди, и что въ нихъ лично для нея есть что-то безконечно близкое. Брусницыны занимали въ Павловскѣ двѣ комнаты. Сергѣй Петровичъ не могъ жить безъ природы, которая олицетворялась сейчасъ Павловскимъ паркомъ, а Елена Петровна любила музыку. Жили они очень скромно и рѣшительно ничего себѣ не позволяли какъ по части комфорта, такъ и по части удовольствій. Братъ былъ поглощенъ своей ботаникой, а сестра была поглощена братомъ. Она ходила за нимъ, какъ тѣнь, и, кажется, окончательно отрѣшилась отъ всякихъ личныхъ интересовъ. Это была дѣвушка-нѣступъ.

— Какъ же онъ можетъ жить безъ меня?—обиженно удивлялась Елена Петровна на какое-то неловкое замѣчаніе Честюниной.

Рядомъ съ этимъ чисто-женскимъ героизмомъ уживались совершенно непонятныя для Честюниной мысли. Елена Петровна стерегла въ братѣ не только брата, а и послѣдняго представителя вымиравшаго дворянскаго рода Брусницыныхъ. И тутъ же какъ-то связывались научныя занятія, какъ единственный почетный трудъ. Сергѣй Петровичъ совершенно не заботился о своей генеалогіи и цѣлыхъ десять лѣтъ занимался изученіемъ какихъ-то болотныхъ растеній.

— Почему вы выбрали своей темой именно болотныя растенія?—удивлялась Честюнина.

— По многимъ причинамъ, Марья Гавриловна,—спокойно объяснялъ

Брусницынъ.—Одна изъ главныхъ та, что, по моему мнѣнію, первые зачатки органической жизни проявились именно въ водяныхъ растеніяхъ, и въ нихъ еще посейчасъ сохраняются самыя архаическія формы. Это разъ. А второе то, что болотныя растенія занимаютъ переходную ступень между чисто-водяными и чисто-сухопутными. Это очень важно, потому что именно по такимъ переходнымъ формамъ легче всего прослѣдить нараставшій органическій прогрессъ. Это научная сторона дѣла, а есть и практическая. До сихъ поръ культурными растеніями служили, главнымъ образомъ, сухопутные злаки, а болотныя и водяныя растенія совершенно пропадали. Между тѣмъ, обратите вниманіе, самая богатая растительность сосредоточивается именно въ сырыхъ болотистыхъ мѣстахъ, и если бы удалось культивировать пять-шесть растеній, годныхъ для пищи человѣка или домашнихъ животныхъ, или какъ сырой матеріалъ для техническихъ цѣлей, то изъ этого получились бы неисчислимые результаты, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ болота занимаютъ чуть не четвертую часть территоріи. Въ переводѣ это составитъ милліарды рублей и постоянный заработокъ для десятковъ тысячъ рукъ...

Брусницынъ умѣлъ говорить о самыхъ трудныхъ вещахъ съ необыкновенной простотой, и Честюнина слушала его съ увлеченіемъ. Это былъ не бабій пророкъ, а человѣкъ настоящей науки. Елена Петровна просто упивалась его разсужденіями и молча требовала восторговъ отъ другихъ. Она потихоньку отъ брата показала Честюниной его комнату, заваленную книгами, и благоговѣйнымъ шопотомъ сообщила:

— Онъ здѣсь работаетъ...

Честюнина, конечно, разсказала Катѣ о своихъ новыхъ знакомыхъ, и будущая драматическая знаменитость заинтересовалась будущимъ знаменитымъ ботаникомъ. Когда она увидѣла Брусницына на прогулкѣ въ паркѣ, то сразу разочаровалась и совершенно равнодушно проговорила:

— Я думала, дѣйствительно что-нибудь интересное, а это просто какая-то ученая обезьяна... Ты не обижайся, Маня, но, къ сожалѣнію, я на этотъ разъ права, у меня глазъ вѣрный...

— А я съ тобой не желаю разговаривать,—обидѣлась Честюнина.

Катя прищурила глаза и засмѣялась.

— Опять тоска, опять любовь, Манюрочка?..

Честюнина только пожала плечами и покраснѣла. Самое слово „любовь“ ей теперь казалось такимъ вульгарнымъ и пошлымъ. Если кто умѣлъ и могъ любить, такъ это одна Елена Петровна, и она одна имѣла право на такое слово.

Разъ Брусницыны и Честюнина сидѣли въ паркѣ. День былъ жаркій, и все кругомъ точно застыло отъ истомы. На Сергѣя Петровича жаръ дѣйствовалъ, наоборотъ, возбуждающимъ образомъ, и онъ сегодня былъ особенно въ ударѣ. Елена Петровна уже нѣсколько разъ предупредительно толкала Честюнину локтемъ, что въ переводѣ значило: „Слушайте! ради Бога, слушайте, какъ онъ говоритъ“. Брусницынъ былъ доволенъ своей рабской аудиторіей и не говорилъ, а думалъ вслухъ.

— По моему мнѣнію, въ девятнадцатомъ вѣкѣ наука захватила даже область настоящей поэзіи. Да... Истинными поэтами являются только одни ученые, окрыленные величайшей фантазіей, чуткіе, полные какого-то почти религіознаго предвидѣнія. Сердце міра билось именно въ ученыхъ кабинетахъ и лабораторіяхъ... По сравненію съ этой могучей ученой поэзіей такъ называемое искусство покажется жалкой игрушкой. Всѣ стихи, картины, статуи, музыкальныя произведенія, появившіеся за этотъ срокъ, ничего не стоятъ... Выдающагося ничего нѣтъ, потому что вся сила великаго вѣка

сконцентрировалась, какъ въ фокусѣ, въ одной наукѣ. Искусство девятнадцатаго вѣка будетъ забыто, какъ забываются дѣтскія игрушки, а наука остается вѣчно. Даже истинное геройство перешло въ нее же. Припомните смѣлыхъ изслѣдователей полярныхъ странъ, отважныхъ аэронавтовъ, людей, которые работаютъ надъ страшными взрывчатыми соединеніями или смѣло жертвуютъ собой въ борьбѣ съ ужасными заразными и эпидемическими болѣзнями...

Елена Петровна со страхомъ замѣтила, какъ шелъ по аллеѣ какой-то господинъ. Онъ шелъ прямо на нихъ и, конечно, помѣшаетъ *ему* продолжать. Дѣвушка съ тревогой смотрѣла на приближавшагося и впередъ его ненавидѣла. Развѣ не стало другихъ аллей для такихъ дурацкихъ прогулокъ? Кажется, ясно. А господинъ подходилъ все ближе и ближе и еще имѣетъ нахальство разсматривать ихъ. Его дерзость дошла до того, что, не доходя нѣсколькихъ шаговъ, онъ остановился, перевелъ духъ и проговорилъ:

— Марья Гавриловна...

Честюнина вздрогнула при одномъ звукѣ знакомаго голоса. Это былъ онъ, Андрей... Она переконфузилась, покраснѣла, растерянно простилась съ друзьями и пошла къ нему. Елена Петровна проводила ее злыми глазами, какъ существо низшаго зоологическаго порядка.

„О, несчастная...“—подумала она и сразу поняла, почему эта курсистка скрывалась по глухимъ аллеямъ.

Первое ощущеніе, которое вернуло Честюнину къ чувству дѣйствительности—были его холодныя руки. Она слышала, какъ онъ тяжело дышалъ.

— Давно ли вы здѣсь?—спросила она, не узнавая собственнаго голоса.

— Давно... то-есть я пріѣхалъ вчера...—отвѣчалъ онъ тоже не своимъ голосомъ.

— Какъ вы попали сюда? Зачѣмъ вы желали видѣть?

Вмѣсто отвѣта, Андрей оглянулся назадъ и со злобой посмотрѣлъ на геніальнаго ботаника. Такъ вотъ *онъ* какой... Зачѣмъ же Парасковея Пятница обманывала, увѣряя, что Жиличко уѣхалъ на лѣто домой? Въ слѣдующій моментъ онъ овладѣлъ собой и какъ-то громко проговорилъ:

— Я хотѣлъ видѣть васъ... Только видѣть, и ничего больше. Не бойтесь, объясненій не будетъ и жалкихъ словъ тоже. Но я не могъ васъ не видѣть... Это сильнѣе меня...

Онъ сильно измѣнился за этотъ годъ, похудѣлъ и казался выше. Въ выраженіи блѣднаго лица, обрамленнаго пушистой русой бородкой, сказывалось что-то больное. Раньше Честюнина боялась этой встрѣчи, а теперь ей вдругъ сдѣлалось его жаль. Онъ такой большой и такой безпомощный... Ей хотѣлось сказать ему что-нибудь хорошее и доброе, но не было такихъ словъ. Она шла рядомъ съ нимъ въ своемъ темномъ платьѣ, какъ тѣнь, и ненавидѣла себя. Насталъ день расплаты...

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Марья Гавриловна,—заговорилъ онъ, сдерживая волненіе.—Мама вамъ кланяется... Я былъ у нея передъ самымъ отъѣздомъ. Всѣ здоровы...

— На будущее лѣто я пріѣду въ Сузумье, а нынче я... то-есть я... Мы пріѣдемъ вмѣстѣ съ дядей.

Дальше имъ нечего было говорить, и оба напрасно подбирали про себя слова. Потомъ онъ вдругъ остановился и проговорилъ какъ-то залпомъ:

— Вѣдь вы потому не пріѣхали нынче въ Сузумье, Марья Гавриловна, что не хотѣли встрѣчаться со мной? Да?

— Не будемъ говорить объ этомъ...

Онъ помолчалъ и неожиданно прибавилъ:

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ...

— Именно?

— Вы сидѣли въ обществѣ людей, которые для васъ дороги...

— О, да... Это мои новые знакомые по Павловску.

Она даже улыбнулась. Онъ ревновалъ ее къ Брусницыну, котораго принялъ за Жиличко. Наболтала все Парасковея Пятница—это вѣрно. Она чувствовала, что онъ ей не вѣритъ, и объяснила фальшивымъ тономъ, какимъ лгутъ неопытные люди:

— Это приватъ-доцентъ Брусницынъ, а дама—его сестра. Очень интересные люди...

Безъ жалкихъ словъ все-таки не обошлось. Они вырвались сами собой и полились бурнымъ потокомъ.

— Маруся, что съ вами случилось? Развѣ вы были такой, когда уѣзжали сюда? Вы забыли свои обѣщанія, все то, что писали въ первыхъ письмахъ...

— Я уже просила васъ не подымать такихъ вопросовъ. Есть вещи непоправимыя...

Онъ отшатнулся отъ нея, какъ отъ зачумленной, и посмотрѣлъ такими дикими глазами.

— Значитъ, вы, Маруся... вы принадлежите другому?

Онъ едва выговорилъ послѣднюю фразу, точно она приросла къ языку.

— Вы угадали, Андрей...—спокойно отвѣтила она.—Я принадлежу другому, и этотъ другой я сама.

Онъ облегченно вздохнулъ, но не повѣрилъ. Развѣ можно кому-нибудь и чему-нибудь вѣрить послѣ всего того, что случилось... Ему казалось, что даже воздухъ вотъ этого парка насыщенъ ложью.

— Благодарю васъ, Маруся... Да, благодарю васъ. Я ѣхалъ въ Петербургъ съ самымъ гадкимъ чувствомъ и радъ, что ошибся. О, какое счастье иногда ошибаться... Я теперь опять могу думать о васъ, какъ раньше, то-есть не совсѣмъ такъ, но у меня остается что-то въ родѣ надежды... Нѣтъ, я говорю не то. Не дай Богъ дожить вамъ когда-нибудь до ревности... И какъ я радъ видѣть васъ свободной, такой же, какой я васъ зналъ, то-есть совсѣмъ не такой... Ахъ, я опять говорю не то!.. Мнѣ было больно думать, что другой около васъ, что этотъ другой смотритъ на васъ, слушаетъ вашъ голосъ... И я заживо хоронилъ себя. Да, мнѣ было жаль себя, свое чувство... Виноватъ, не буду ничего говорить о своихъ чувствахъ. Мнѣ хотѣлось хоть издали увидать васъ, услышать вашъ голосъ... Знаете, когда близкій человѣкъ около васъ, вы его все-таки мало замѣчаете, а когда онъ умираетъ... Боже мой, чего бы ни далъ, чтобы этотъ дорогой покойникъ прошелъ хоть издали!..

— Это вы меня въ покойники записали?

— Да...—съ твердостью отвѣтилъ онъ.—Вѣдь я понимаю, что вы умерли для меня. И все-таки ѣду сюда, чтобы своими глазами убѣдиться въ этой печальной истинѣ, нѣтъ, я лгу—я обманываю себя несбыточными надеждами и вижу васъ сейчасъ, какъ во снѣ.

Потомъ онъ плакалъ, о чемъ-то умолялъ и въ то же время клялся, что ему ничего не нужно, потомъ въ чемъ-то укорялъ, кому-то грозилъ, кому-то не вѣрилъ и опять плакалъ. Это была самая жалкая сцена, какой Честюнина даже не могла себѣ представить. Ей уже не было его жаль. Она выслушала все до конца, не проронивъ ни одного слова.

— Что же вы молчите, Маруся? Вы меня презираете?..

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Мнѣ интересно знать одно, когда вы думаете

уѣхать домой? Вы не обижайтесь, что я такъ прямо ставлю вопросъ, но я говорю въ вашихъ же интересахъ...

— Въ моихъ интересахъ?!.. Нѣтъ, я останусь здѣсь. Я найду себѣ мѣсто въ Петербургѣ и буду для васъ вѣчнымъ живымъ упрекомъ... У меня больше ничего нѣтъ, я весь здѣсь.

— Это угроза?

— Развѣ я могу угрожать?!.. Боже, Боже!..

— Послушайте, не будьте ребенкомъ, Андрей Ильичъ... Я ужъ сказала вамъ, что есть вещи непоправимыя, и зачѣмъ вы поднимаете покойниковъ изъ могилъ? Пользуюсь вашимъ сравненіемъ...

— Но вѣдь у большинства покойниковъ остается надежда на вѣчную жизнь...

— Я не могу говорить съ вами. Да вы сейчасъ и не поймете меня... Къ чему всѣ эти объясненія вообще?

У него въ глазахъ являлось что-то сумасшедшее, и она начала его бояться. Развѣ нормальные люди такъ говорятъ?

— Я больше не могу...—рѣшительно заявила она.—Мы договоримъ въ другой разъ. Для нынѣшняго дня достаточно...

Она подала ему руку и быстро пошла по аллеѣ, залитой яркимъ солнцемъ. Онъ снялъ шляпу и стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ ошеломленный. А она уходила все дальше и дальше и ни разу не оглянулась. Гдѣ-то весело чиликала птичка, кто-то проходилъ мимо него по аллеѣ, а онъ все стоялъ, пошатываясь, какъ пьяный.

— Такъ вотъ какъ...—думалъ онъ вслухъ, повертывая шляпу въ рукахъ.— Хорошо. Не вѣрю... Слышишь: не вѣрю!.. Ни одному слову не вѣрю... О, я покажу, что̀ значитъ обманывать, и убью вотъ перваго этого проклятаго ботаника.

Онъ повернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тому направленію, гдѣ долженъ былъ сидѣть проклятый ботаникъ, но потомъ остановился, что-то сообразилъ и быстро зашагалъ къ вокзалу. До поѣзда оставалось всего десять минутъ, и онъ боялся опоздать, хотя торопиться ему рѣшительно не было никакого основанія, да и ѣхать было некуда.

А солнце свѣтило такъ любовно, кругомъ было такъ много зелени, по аллеямъ мелькали счастливыя парочки... Сколько хорошаго онъ привезъ сюда съ собой и не сказалъ ничего именно изъ этого хорошаго, а все время держалъ себя, какъ сумасшедшій. Онъ даже пощупалъ свою голову, точно этимъ можно было убѣдиться въ своемъ здравомысліи.

XVI.

Для Честюниной наступило ужасное время, ужасное въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Каждое утро, когда она вставала съ постели, ее охватывалъ страхъ. Да, она теперь боялась подойти къ своему окну и поднять штору, потому что каждое утро повторялась одна и та же картина: напротивъ по аллеѣ шагалъ, какъ часовой, мужчина въ черной шляпѣ... Потомъ онъ садился на скамейку, закуривалъ папиросу и такъ ждалъ неизвѣстно чего цѣлые часы. Она начинала ненавидѣть этого сумасшедшаго, который давно обратилъ на себя вниманіе дачныхъ дворниковъ и каждую минуту могъ ее скомпрометировать. Получалось уже формальное преслѣдованіе. Несомнѣнно, этотъ человѣкъ былъ сумасшедшій, и Честюнина не рѣшалась выйти даже въ паркъ, чтобы не встрѣтиться съ нимъ. Теперь она больше уже не могла его видѣть и при встрѣчѣ убѣжала бы, какъ курица. Она презирала себя за это преступное малодушіе и все-таки продолжала бояться.

Такая пытка продолжалась почти цѣлую недѣлю. Какъ на зло, Катя совсѣмъ пропала, а сейчасъ Честюнина нуждалась именно въ ея помощи. Когда Катя наконецъ явилась, она ее почти не узнала,—это была какая-то виноватая, жалкая, несчастная. Анохинъ первые дни спрашивалъ про нее, а потомъ велѣлъ убрать со стола ея приборъ.

— Катя, что̀ ты дѣлаешь? Гдѣ ты пропадала столько времени?

Катя безсильно опустилась на стулъ и заплакала.

— Катя, что̀ съ тобой?..

— Маня, милая... Что̀ отецъ?

— Наивный вопросъ... Я замучилась съ нимъ. Самое нехорошее то, что онъ ни слова не говоритъ о тебѣ въ послѣдніе дни и даже велѣлъ убрать со стола твой приборъ.

Катя неожиданно бросилась передъ ней на колѣни и трагическимъ тономъ проговорила:

— Маня, милая, родная, спаси меня!.. Ты одна только можешь меня спасти... Умоляю всѣмъ святымъ для тебя. Я тебя спасала, и ты меня спаси... Я пришла въ этотъ домъ въ послѣдній разъ, и мнѣ тяжело уйти изъ него выгнанной навсегда.

— Что̀ же я могу сдѣлать?

— Иди сейчасъ къ отцу и скажи ему, что я выхожу замужъ... Да... Сейчасъ же. Впрочемъ, нѣтъ, необходимо подготовить старика. Онъ на службу поѣдетъ только въ двѣнадцать, а сейчасъ десять—значитъ, въ нашемъ распоряженіи цѣлыхъ два часа, а это больше вѣчности. Да? Ты сдѣлаешь это? Ахъ, какъ мнѣ страшно....

Катя опять зарыдала, закрывъ лицо руками.

— Я не могу...—нерѣшительно проговорила Честюнина. — Это убьетъ дядю... Я подозрѣваю, что ты выходишь замужъ за актера.

— Не за актера, а за артиста. Помнишь, молодой человѣкъ въ цилиндрѣ?

— Бурцевъ?

— Ахъ, совсѣмъ не Бурцевъ... У него три фамиліи: на сценѣ онъ Романовъ, по отцу Зазеръ, а по матери Брылкинъ.

— Которая же настоящая фамилія?

— Всѣ настоящія... Впрочемъ, это все равно. Двойная фамилія теперь въ модѣ, и я буду madame Романова-Зазеръ. А Брылкиной не хочу быть... Брылкины торгуютъ въ табачныхъ лавочкахъ, служатъ кондукторами въ конкѣ... Свадьба у насъ черезъ недѣлю. Будутъ все свои. Посажёной матерью я уже пригласила Парасковею Пятницу. Мы у ней уже наняли себѣ комнату, знаешь, ту самую, въ которой жилъ тотъ... ну, лохматый твой... да. А какая это чудная женщина, Маня... Она сама предлагала мнѣ съѣздить въ Павловскъ и объясниться съ отцомъ. Она одна только въ цѣломъ свѣтѣ понимаетъ меня... А главное, Манюрочка, нужно все устроить до возвращенія мамы. Она все можетъ разстроить... будетъ проклинать... падать въ обмороки. Если бы еще былъ Эженъ, я подкупила бы его. Помнишь, у меня есть браслетъ съ сапфиромъ—я его заложила бы и всѣ деньги отдала бы Эжену. Онъ безпутный, но, въ сущности, добрый мальчикъ и вполнѣ бы понялъ меня... Знаешь, кого я встрѣтила сейчасъ на вокзалѣ? Ну, этотъ твой ботаникъ... Настоящее чучело въ очкахъ и чучелка при немъ. Табло... Зачѣмъ только такіе люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ!.. Послушай, ты, можетъ-быть, обижаешься, что я не пригласила тебя въ посажёныя матери?..

Что̀ было тутъ говорить? Одинъ сумасшедшій ходилъ по аллеѣ, а другой здѣсь, рядомъ. Честюнина взяла Катю за руку, подвела къ окну и сказала:

— Видишь вонъ того господина, который вышагиваетъ по аллеѣ? Онъ также неизлѣчимо поврежденный, какъ и ты... Я думаю, что вы лучше всего сговоритесь и поймете другъ друга. Помнишь письмо съ канцелярскимъ почеркомъ? Такъ вотъ это и есть его таинственный авторъ... Поняла? Онъ меня уже цѣлую недѣлю выдерживаетъ въ осадномъ положеніи. Такъ пойдешь и скажешь ему, что это нехорошо, и что я рѣшительно не желаю его видѣть. Поняла?

— Значитъ, развязка романа съ канцелярскимъ почеркомъ?

— Полная...

— О, я съ удовольствіемъ его раздѣлаю... Не безпокойся, въ другой разъ не придетъ. Наши дворники Богъ знаетъ что̀ могутъ подумать. Нѣтъ, это нахальство... Итакъ, я его спроважу, а ты переговори съ отцомъ. Я тебя буду ждать здѣсь... Вотъ лягу на кровать, закрою голову подушкой и буду ждать своего смертнаго приговора. Ахъ, какъ страшно... Зачѣмъ я родилась на свѣтъ? Зачѣмъ не умерла въ раннемъ дѣтствѣ?

Василій Васильичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и что-то писалъ. Около него на стулѣ лежалъ портфель, туго набитый дѣловыми бумагами. Честюнина вошла, поздоровалась и проговорила:

— Пріѣхала Катя...

— А...

Онъ съ тревогой посмотрѣлъ на нее и по ея лицу угадалъ все. Она видѣла, какъ у старика тряслись руки и какъ онъ машинально засовывалъ расходную книгу въ свой портфель.

— Ты меня пришла подготовить?.. Да?.. О, не нужно, ничего не нужно— я давно уже подготовился ко всему.

Честюнина, сбиваясь и подбирая слова, объяснила, въ чемъ дѣло. Василій Васильевичъ выслушалъ ее молча, застегнулъ свой лѣтній пиджакъ и проговорилъ:

— Что̀ же, отлично... Я знаю ея характеръ. Можетъ-быть, она думаетъ, что я сдѣлаюсь антрепренеромъ?

Старикъ захохоталъ, поднялся и схватилъ себя за голову.

— Я этого ожидалъ... Ради Бога, не называй его имени. Я не хочу слышать, какъ фамилія моего позора, моего несчастья, моего отцовскаго горя...

— Если бы вы сами переговорили съ ней, дядя...

— Не могу!.. Маша, вѣдь я не понимаю, что̀ такое ты говорила сейчасъ... Нѣтъ, не понимаю...

— Она ждетъ отвѣта.

— Отвѣта?.. Скажи ей, какъ говоритъ Маргарита Готье: отвѣта не будетъ. Черезъ недѣлю свадьба? И я отдамъ свою родную дочь на позоръ гаерамъ, клоунамъ, балаганщикамъ?!. Ха-ха... Отвѣта не будетъ, Маша. Такъ и скажи этой сумасшедшей.

Катя выслушала свой смертный приговоръ съ побѣлѣвшимъ лицомъ и осталась имъ недовольна. Она ожидала протеста въ совершенно другой формѣ.

— Я его заставлю дать отвѣтъ...—проговорила она рѣшительно.—Да, заставлю, такъ и передай ему. Онъ меня самъ заставляетъ это сдѣлать...

У нея тряслись губы отъ волненія. Потомъ она подошла къ Честюниной, наклонила голову и серьезно проговорила:

— Перекрести меня, Маня...

Честюнина крѣпко ее расцѣловала и расплакалась. Въ этой Катѣ всегда

было что-то трагическое, несмотря на всѣ ея буффонады и заразительное веселье. Она сейчасъ не пробовала ее даже уговаривать, потому что это было совершенно безполезно. Развѣ можно уговорить сумасшедшаго человѣка?.. Катя простилась самымъ трогательнымъ образомъ и быстро вышла. Въ ея манерахъ уже появилось что-то театральное, что̀ никакъ не вязалось съ серьезностью переживаемаго момента.

Катя вышла на улицу съ рѣшительнымъ видомъ, потомъ быстро пошла къ вокзалу, но по дорогѣ вспомнила о порученіи сестры и вернулась въ аллею. Она подошла къ нему и проговорила:

— Андрей Ильичъ Нестеровъ?.. Очень рада познакомиться... Намъ по пути на вокзалъ, и вы будете любезны, проводите меня. Я—сестра Мани...

Честюнина видѣла изъ своего окна, какъ онъ покорно шелъ за Катей. Потомъ она остановилась и заставила его предложить руку. Никто бы не подумалъ, что эта улыбавшаяся красивая дѣвушка навсегда оставляла родное гнѣздо и свою рѣшимость скрывала подъ самой безпечной болтовней, какъ птичка прячетъ свои яйца въ соломѣ.

— Вамъ необходимо перемѣнить климатъ, господинъ Нестеровъ,—болтала Катя, распуская зонтъ.—Я думаю сдѣлать то же самое...

Черезъ день Честюнина получила письмо отъ Андрея. Онъ писалъ, что уѣзжаетъ домой и что сейчасъ плохо отдастъ себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ мысляхъ... „Простите безумца,—писалъ онъ.—Каждый сходитъ съ ума по-своему... Вы были со мной болѣе чѣмъ жестоки, и я ненавижу себя за то, что не могу даже разсердиться на васъ. Уношу съ собой вѣчную память о милой дѣвушкѣ, которой желаю счастья, много счастья... Я держалъ себя позорно — сознаюсь, но нельзя требовать отъ человѣка хорошихъ манеръ, когда его жгутъ на медленномъ огнѣ. Кстати, какая милая дѣвушка ваша сестра... Передайте ей мой сердечный привѣтъ и скажите, что, если она когда-нибудь будетъ нуждаться въ братской рукѣ—я къ ея услугамъ. Это немножко высокопарно, но въ моемъ положеніи извинительно. Пишу и не могу кончить письма, потому что въ концѣ концовъ я все-таки долженъ понимать, что люблю васъ и всегда буду любить... Я даже не претендую на простую дружбу, а умоляю оставить мнѣ самую маленькую надежду—нѣтъ, не надежду, а право думать о васъ, хорошо думать... Преданный вамъ Андрей Нестеровъ“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Крюковъ, это подло!—высокой нотой выкрикивала Парасковея Пятница, вся красная отъ волненія.—Да, подло, гадко, отвратительно, гнусно...

— Вы въ этомъ убѣждены, Парасковья Игнатьевна?—спокойно спрашивалъ Крюковъ, ероша начинавшуюся бѣлокурую бородку.

— И вы еще спрашиваете?.. Гдѣ я?..

Парасковея Пятница сдѣлала трагическій жестъ и вызывающе посмотрѣла на стѣну съ фотографіями, точно призывала ихъ быть нѣмыми свидѣтелями совершаемой Крюковымъ подлости.

— Человѣкъ, который поступаетъ подло, называется подлецомъ,—разсуждалъ Крюковъ невозмутимо.—А такъ какъ вы прибавили еще слово: „гнусно“, и такъ какъ, насколько я понялъ, все это относится къ моей особѣ, то въ результатѣ выходитъ, что я гнусный подлецъ... Такъ?

— Я этого не говорила. Это вы сами придумываете...

— Нѣтъ, позвольте, Парасковья Игнатьевна. Будемте немного послѣдовательными и допустимъ, что это дѣйствительно такъ. Какъ видите, я даже не обижаюсь. Но меня удивляетъ слѣдующее: какъ вы рѣшаетесь имѣть дѣло съ подобными людьми? Прибавьте, что всѣ негодяи убѣждены, что они порядочные люди, и это происходитъ по той простой причинѣ, что они лишены возможности взглянуть на самихъ себя со стороны. Это даже извиняетъ ихъ до нѣкоторой степени. Но совсѣмъ другое дѣло, когда порядочный человѣкъ связывается съ завѣдомымъ негодяемъ и дѣлается даже хуже его, потому что не можетъ оправдываться даже спасительнымъ невѣдѣніемъ. Повторяю: мнѣ отъ души васъ жаль, Парасковья Игнатьевна.

— Съ вами совершенно нельзя говорить серьезно, Крюковъ. Вы вѣчно балаганите, и изъ васъ никогда-никогда не выработается мыслящій реалистъ. У насъ въ Казани былъ точно такой случай, и тогда Иванъ Михайлычъ, мой мужъ, сказалъ прямо: „Полина, я это устрою...". Онъ не любилъ имя Прасковья и называлъ меня Полиной. И дѣйствительно устроилъ... Дѣло едва не дошло до дуэли.

— Согласитесь, что я не виноватъ, что не живу въ Казани и не достигъ совершенствъ вашего мужа...

Разговоръ происходилъ осенью, на другой день, какъ только Крюковъ вернулся съ лѣтнихъ каникулъ. Онъ загорѣлъ и замѣтно возмужалъ благодаря пробивавшейся бородкѣ и усикамъ. Парасковея Пятница нашла его красавцемъ, зазвала его въ свою комнату пить кофе и неожиданно поставила въ самое неловкое положеніе. Крюковъ отшучивался, пока могъ, а потомъ проговорилъ умоляющимъ тономъ:

— Вѣдь, въ сущности, я, ей-Богу, даже не знаю, чего вы отъ меня хотите, Парасковья Игнатьевна...

— Не притворяйтесь, пожалуйста. Онъ не понимаетъ?.. Скажите, какая угнетенная невинность или поросенокъ въ мѣшкѣ... Вѣдь вы хорошо знали Катю Анохину? Двоюродная сестра Честюнипой... Забыли?

— Нѣтъ, помню хорошо. Такая бойкая особа...

— Да, да... Такъ вотъ она вышла замужъ—понимаете?

— Охотно допускаю...

— Родители ни за что не хотѣли этого брака, но она дѣвушка энергичная и поступила, какъ полноправная дѣвушка. Свадьба была недѣлю назадъ, и пока молодые скрылись у меня... Ахъ, какъ трогательно смотрѣть на нихъ! Оба ничего не понимаютъ и только смотрятъ другъ другу въ глаза... Я даже вскликнула: точь въ точь какъ покойный Иванъ Михайлычъ...

— И это допускаю...

— Но, представьте себѣ, Крюковъ, отецъ Кати оказался страшнѣйшимъ деспотомъ, даже извергомъ... Такъ какъ Катя вышла замужъ и вышла изъ-подъ его деспотизма, то онъ заявилъ, что убьетъ ея мужа. Понимаете?.. Это совершенный дикарь... Хуже людоѣда. Да... Потомъ: онъ разузналъ какимъ-то низкимъ способомъ адресъ Кати и сегодня пріѣдетъ сюда убивать зятя. Поняли? Какъ на грѣхъ, у меня сейчасъ никого жильцовъ мужчинъ нѣтъ, кромѣ васъ... Да. Однимъ словомъ, вы должны объясниться съ этимъ пещернымъ человѣкомъ.

— Я?!..

— Да, вы... Васъ это удивляетъ?.. Вы струсили впередъ?

— Нѣтъ, позвольте: Катя вышла замужъ, ergo я имѣю основаніе подозрѣвать, что у нея есть мужъ, а отсюда логическимъ путемъ вытекаетъ, что этотъ подозрѣваемый мною мужъ какъ-нибудь защититъ жену...

— Ахъ, какой вы непонятный... Да я же сказала вамъ, что этотъ троглодитъ убьетъ мужа Кати?.. Я была у нихъ посажёной матерью и совсѣмъ не желаю, чтобы Катя овдовѣла, не переживъ даже своего медоваго мѣсяца...

— Все-таки ничего не понимаю... Налетитъ сюда взбѣсившійся человѣкъ, я выйду къ нему—что же я ему скажу?

— Вы не знаете, что сказать?.. Ахъ, если бы я была мужчиной... Да я и сейчасъ все бы ему сказала, но онъ и меня тоже хочетъ убить, потому что какъ я смѣла быть посажёной матерью? Вы ему скажите прямо, что, во-первыхъ, всякая женщина имѣетъ такія же права, какъ и мужчина, слѣдовательно вполнѣ можетъ располагать собой, а во-вторыхъ, что звѣрскіе инстинкты мыслящими людьми не признаются, и что наконецъ скандалить нехорошо. У насъ въ Казани...

— Знаете, Парасковья Игнатьевна, я очень васъ уважаю, но еще никогда не бывалъ въ такомъ дурацкомъ положеніи. Ну какое мнѣ дѣло до вашей Кати Анохиной, до ея мужа, до этого взбѣшеннаго отца?

— Какое дѣло?.. А какъ же Иванъ Михайлычъ хотѣлъ стрѣляться на дуэли точно по такому же случаю? Берите съ него примѣръ, Крюковъ, и будьте немножко мужчиной...

— Хорошо, я подумаю... Позвольте одинъ вопросъ: гдѣ теперь эта самая Катя Анохина?

— Господи, да у меня же...

Понизивъ голосъ, она сообщила:

— Рядомъ въ комнатѣ со своимъ мужемъ прячется... Заперлись на крючокъ и сидятъ вотъ уже второй день. Я ее вполнѣ понимаю... Молодая женщина только-что добилась свободы, и вдругъ... Ахъ, какіе они смѣшные оба!.. Ничего-ничего не понимаютъ... И представьте себѣ, совершенно счастливы. Даже завидно со стороны на нихъ смотрѣть... Знаете, въ жизни каждаго индивидуума есть моментъ поэзіи...

— Да, поэзія миленькая...

Крюковъ ушелъ къ себѣ въ комнату, оставивъ всѣхъ „бабъ“ въ сильномъ подозрѣніи по части логики вообще и простого здраваго смысла въ частности. Позвольте, ему-то, Крюкову, какое дѣло до всѣхъ Кать на свѣтѣ? Ну, выходите замужъ, реализируйте свою равноправность, сходите съ ума, если можете позволить себѣ такую безумную роскошь,—сдѣлайте милость. Но зачѣмъ впутывать сюда его, Крюкова?.. По пути Крюковъ обругалъ самого себя,—дернуло же его остановиться у Парасковеи Пятницы! Здѣсь вѣчно какіе-нибудь романы разыгрываются... А вотъ теперь и расхлебывай чужую кашу. Этотъ взбѣсившійся отецъ Кати еще убьетъ какъ разъ.

Впрочемъ, студенту Крюкову не пришлось долго раздумывать. Старикъ Анохинъ явился въ тотъ же день вечеромъ, явился совершенно неожиданно, хотя всѣ и ожидали его. Дверь створить по привычкѣ вышла сама Парасковея Пятница и попятилась въ ужасѣ, когда Василій Васильичъ проговорилъ съ разсѣяннымъ видомъ:

— Мнѣ нужно видѣть хозяйку этой квартиры...

Онъ не узналъ ея, принявъ за прислугу. Въ другое время она даже обидѣлась бы, а тутъ была счастлива, какъ вырвавшаяся изъ мышеловки мышь. Она съ несвойственной своему почтенному возрасту и комплекціи живостью кинулась прямо въ комнату къ Крюкову.

— Голубчикъ, спасите... Чуть не убилъ!.. Ради Бога... Выйдите къ нему и говорите, что хотите.

— Благодарю васъ...

Однако, нечего дѣлать, пришлось выходить. Анохинъ ждалъ, расхаживая нетерпѣливо по коридору. Крюковъ прямо подошелъ къ нему и спросилъ съ самымъ непринужденнымъ видомъ:

— Вамъ нужно Парасковью Игнатьевну?

— Мнѣ нужно видѣть госпожу Приростову...—твердо отвѣтилъ старикъ, подозрительно оглядывая Крюкова съ ногъ до головы.—Да, Приростову.

— Она сейчасъ выйдетъ... Вы ее подождите. Вотъ здѣсь...

Крюковъ, не сообразивъ, провелъ Анохина прямо въ комнату Парасковеи Пятницы. Старикъ подозрительно оглядѣлъ на дорогѣ каждую дверь, съ такимъ же подозрѣніемъ отнесся къ комнатѣ, куда его привели, и еще разъ съ головы до ногъ смѣрилъ Крюкова.

— Садитесь, пожалуйста...

— Скажите, пожалуйста, вы не артистъ?

— Нѣтъ, я студентъ...

— А фамилія?

— Крюковъ...

Старикъ точно обрадовался, протянулъ руку и отрекомендовался:

— Чиновникъ Анохинъ... Очень радъ. Здѣсь жила въ прошломъ году моя племянница, Честюнина...

— Курсистка? Я ее встрѣчалъ... да. Я даже знакомилъ ее съ другими...

— Ахъ, да, Маша мнѣ разсказывала.

Василій Васильичъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на дверь, въ которую должна была войти Парасковея Пятница, и нѣсколько разъ приподнимался съ кресла, точно приготовляясь къ чему-то. Онъ нѣсколько разъ по пути застегнулъ и разстегнулъ свой сюртукъ. Крюковъ присѣлъ на стулъ и рѣшительно не зналъ, что̀ ему говорить съ гостемъ. Онъ позабылъ всѣ слова и чувствовалъ, что начинаетъ краснѣть.

— Послушайте, молодой человѣкъ, гдѣ же эта особа?—уже сурово спросилъ Василій Васильичъ.—Мнѣ необходимо серьезно поговорить съ ней... Да, очень серьезно.

— Она... видите ли... да... Я ошибся, она, кажется, къ вечернѣ ушла.

— Къ вечернѣ?!.. Послушайте, да вы, можетъ-быть, совсѣмъ и не студентъ, а какой-нибудь великій артистъ?

— Подождите, я сейчасъ схожу и узнаю...

Это было самое позорное бѣгство, какому только предавалось когда-нибудь малодушное человѣчество. Парасковея Пятница встрѣтила его какимъ-то змѣинымъ шипѣньемъ.

— Зачѣмъ вы его ко мнѣ въ комнату затащили, несчастный?!.. Не стало вамъ другихъ комнатъ?!.. Цѣлыхъ три пустыхъ комнаты стоятъ...

— Да вѣдь онъ васъ спрашивалъ? Впрочемъ, я свое дѣло сдѣлалъ... Теперь ужъ вы сами, какъ знаете...

— Что̀ же я могу знать, когда вы меня продали съ перваго слова!.. О, несчастный человѣкъ... Зачѣмъ вы сказали, что я дома?.. Своими ушами слышала...

— Сначала я, дѣйствительно, сказалъ, Парасковья Игнатьевна... растерялся немного... А потомъ я поправился и сказалъ, что вы, кажется, ушли къ вечернѣ...

Недавній страхъ предъ деспотомъ какъ рукой сняло. Парасковея Пятница гордо выпрямилась, окинула своего неудачнаго помощника презрительнымъ взглядомъ и величественно вышла изъ комнаты.

Парасковея Пятница совершенно свободно вошла въ свою комнату и вызывающе проговорила поднявшемуся навстрѣчу гостю:

— Вы желали видѣть меня, милостивый государь? Я къ вашимъ услугамъ...

Василій Васильичъ поклонился, но руки не подалъ. Кто же подастъ руку разнымъ салопницамъ, которыя шляются къ вечернѣ?

— Ни къ какой вечернѣ я не ходила, господинъ Анохинъ,—гнѣвно оправдывалась Парасковья Пятница.—Собственно говоря, Крюковъ добрый малый и я его очень люблю, но у него, знаете, иногда зайцы въ головѣ прыгаютъ. Вы ужъ извините его...

II.

Этотъ потокъ ненужныхъ женскихъ словъ немного ошеломилъ Василія Васильича. Какая вечерня? Онъ посмотрѣлъ на Парасковею Пятницу какими-то умоляющими глазами и проговорилъ:

— Вы знаете, конечно, госпожа Приростова, зачѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ...

Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Гдѣ моя дочь? Отдайте мнѣ мою дочь... Я пріѣхалъ за ней.

— Я не знаю, гдѣ она...

— Вы не знаете? Нѣтъ, вы лжете... да, да, да! Я это вижу по вашему лицу... Вы лжете, мадамъ Приростова! Отдайте мнѣ мою дочь...

— Милостивый государь, вы забываетесь... Я не позволю себя оскорблять.

— Ахъ, Боже мой!—застоналъ онъ, хватаясь за голову.—Развѣ я за этимъ пріѣхалъ, чтобы оскорблять васъ... Какое мнѣ дѣло до васъ!

— Ея нѣтъ...

— Если ея нѣтъ здѣсь,—вы, все равно, знаете, гдѣ она. Да, да, да... Боже мой, что я говорю! Кому я говорю? Развѣ это люди...

Его голосъ вдругъ упалъ. Онъ безнадежно посмотрѣлъ кругомъ, глотая слезы.

— Госпожа Приростова, вы были ребенкомъ... у васъ была мать, которую вы любили... да... именемъ этой матери умоляю васъ, не скрывайте отъ меня, гдѣ она, моя дочь!.. Вы видите, я пришелъ къ вамъ жалкимъ, разбитымъ старикомъ... у меня отняли все...

Деспота душили слезы, и онъ быстро отвернулся. Именно этого Парасковея Пятница уже никакъ не ожидала... Иванъ Михайлычъ никогда не плакалъ. Въ добромъ сердцѣ Парасковеи Пятницы шевельнулось предательское чувство жалости, которое столько разъ ее губило. Плачущій деспотъ—это чего-нибудь стоило...

— Вы не знаете, госпожа Приростова, гдѣ моя дочь? Нѣтъ? О, Боже мой... Вы хотите, чтобы я на колѣняхъ умолялъ васъ объ этомъ? Вы хотите позора несчастнаго отца?.. Да, я испиваю чашу до дна... Больше, я дѣлаюсь смѣшнымъ. Когда я уйду отсюда, вотъ этотъ бѣлокурый студентъ первый посмѣется надо мной. Не правда ли, вѣдь это очень смѣшно? Я ее ростилъ, любилъ, воспитывалъ и вдругъ...

— Васъ зовутъ Василіемъ Васильичемъ? Садитесь вотъ сюда въ кресло и успокойтесь... Я вамъ принесу воды...

Онъ повиновался, какъ ребенокъ, и ему казалось, что онъ когда-то, давно-давно былъ уже въ этой комнатѣ, давно-давно знаетъ Парасковею Пят-

ницу и что онъ здѣсь свой человѣкъ. Любезная вдова сходила въ кухню за водой и вообще приняла свой обычный видъ.

— Видите ли, Василій Васильичъ...—заговорила она, подбирая слова.— Можетъ-быть, вы сердитесь на меня... даже подозрѣваете, что я была косвенной причиной вашего горя... Клянусь вамъ, что вы ошибаетесь.

Онъ ничего не понималъ и, схвативъ ее за руку, спрашивалъ:

— Вы ее видѣли? Можетъ-быть, вчера? Она жива? Да? Она не спрашивала ничего обо мнѣ? Бѣдная дѣвочка... Знаете, кто виноватъ во всемъ? Я виноватъ... Да, я одинъ и больше никто. Я ее погубилъ своей отцовской любовью, неумѣньемъ выдержать ея характеръ, преступной слабостью... Вѣдь это такая чистая натура, вся чистая, чистая въ каждомъ движеніи. Боже мой, если бы я могъ ее видѣть хотя издали... Видите, я и тутъ не выдержалъ характера и пришелъ первымъ... Я больше не стыжусь своего позора.

— Знаете, Василій Васильичъ, я представляла васъ себѣ совсѣмъ другимъ...

— Представьте, и я тоже!.. Мы меньше всего въ концѣ концовъ знаемъ самихъ себя...

— О, да... Извините одинъ нескромный вопросъ: если бы вы встрѣтились... конечно, случайно... ну, съ мужемъ вашей дочери—вы не стали бы въ него стрѣлять?

— Я? Стрѣлять? Мужъ моей дочери? Ахъ, да, вы говорите о человѣкѣ съ тремя фамиліями...

Онъ больно схватилъ ее за руку и прошепталъ:

— Онъ здѣсь? Ради Бога, говорите правду...

— Вѣдь вы знаете сами, что здѣсь...

Деспотъ вскочилъ и провелъ по лицу рукой, какъ человѣкъ, просыпающійся отъ тяжелаго сна.

— Здѣсь...—повторилъ онъ, что-то соображая.—Да, здѣсь... И онъ тоже будетъ смѣяться надъ моимъ отцовскимъ горемъ... Знаете что̀—покажите мнѣ его, этого человѣка съ тремя фамиліями. Я теперь похожу на лунатика, который крадется по карнизу... Меня тянетъ взглянуть на собственную погибель, какъ человѣка, который наклонился надъ бездонной пропастью, тянетъ наклониться еще ниже...

— Право, я не знаю, что̀ вамъ отвѣтить. Можетъ-быть, онъ не захочетъ...

— Скажите ему, чтобы онъ не боялся меня... Я ничего ему не сдѣлаю и только хочу видѣть. Понимаете вы меня?

— Вы даете честное слово?

— Цѣлыхъ три... по числу фамилій.

Парасковея Пятница отправилась парламентеромъ, причемъ ей ничего даже и объяснять не пришлось—благодаря дощатымъ перегородкамъ, раздѣлявшимъ номера, тайнъ не могло быть. „Человѣкъ съ тремя фамиліями“ встрѣтилъ ее въ дверяхъ. Катя повисла у него на рукѣ и умоляла шопотомъ:

— Валерій, я тебя не отпущу!.. Милый, милый...

— Я долженъ его видѣть, Китти, и увѣренъ, что мы поймемъ другъ друга. Прежде всего, я буду имѣть дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ...

— Катя, я вамъ ручаюсь своей головой,—успокаивала Парасковея Пятница.

— Благодарю...—озлилась Катя.—Я-то что̀ буду дѣлать съ вашей головой? Валерій, ради Бога... Послушай меня единственный разъ въ жизни.

„Человѣкъ съ тремя фамиліями“ принялъ трагическую позу и объяснилъ съ трагическимъ жестомъ:

— Я, Китти, не знаю ни одной пьесы, гдѣ бы благородный отецъ убивалъ перваго любовника, виноватъ, то-есть мужа своей дочери. Это разъ. А второе, Китти... я не могу позволить, чтобы онъ заподозрѣлъ меня въ трусости. Ты этого не поймешь, Китти...

На эти переговоры изъ сосѣднихъ дверей показалась голова Крюкова. Этотъ веселый молодой человѣкъ, сдѣлавшійся косвеннымъ участникомъ происходившей въ коридорѣ драмы, показалъ Парасковеѣ Пятницѣ языкъ, а потомъ проговорилъ:

— Битва русскихъ съ кабардинцами или клятва на гробѣ прекрасной магометанки...

„Человѣкъ съ тремя фамиліями“ воспользовался моментомъ, вырвался изъ рукъ „первой любовницы“ и театральнымъ шагомъ пошелъ къ двери въ комнату хозяйки. На ходу онъ оправилъ манжеты, булавку въ галстукѣ и выбралъ выраженіе, которое приличнѣе всего было сейчасъ придать лицу. Нужно отдать полную справедливость, онъ дѣйствительно ничего не боялся.

Василій Васильичъ не могъ не слышать происходившаго въ коридорѣ и вздрогнулъ, когда ему показалось, что говоритъ Катя. Но это, очевидно, была ошибка: развѣ Катя могла бы говорить теноромъ въ такую минуту? Развѣ Катя, его Катя, не бросилась бы къ нему на шею, какъ только узнала, что отецъ пріѣхалъ за ней? Бѣдный старикъ, какъ всѣ отцы, не желалъ понимать одного—дочь уже не принадлежала больше ему...

— Можно войти?—послышался въ двери мужской голосъ.

— Войдите...

Эффектъ появленія „человѣка съ тремя фамиліями“ былъ испорченъ Парасковеей Пятницей, которая протиснулась въ самыхъ дверяхъ впередъ. Въ какой пьесѣ вы видѣли, господа, чтобы какой-нибудь авторъ такъ испортилъ первый выходъ на сцену перваго любовника? Василій Васильичъ такъ и впился глазами въ вошедшаго. Это былъ почти молодой человѣкъ съ какимъ-то подержанымъ лицомъ, волосами, причесанными à la Capoul, и начинавшейся лысиной. Всего характернѣе были глаза—такіе спокойно-безсовѣстные, увѣренные, дерзкіе и безсмысленные. „Человѣкъ съ тремя фамиліями“ что-то такое говорилъ, дѣлая граціозный поклонъ, но деспотъ ничего не слыхалъ. Потомъ деспотъ обратился къ Парасковеѣ Пятницѣ и, указывая рукой на почти молодого человѣка, тихо спросилъ:

— Это... это тотъ?

— Да...

Деспотъ отыскалъ свою шляпу, надѣлъ ее на голову и, не прощаясь ни съ кѣмъ, вышелъ изъ комнаты. Онъ шелъ по коридору, пошатываясь, какъ пьяный, и, какъ потомъ увѣрялъ Крюковъ, даже улыбался.

Инцидентъ кончился.

Всѣ дѣйствующія лица собрались въ комнатѣ Парасковеи Пятницы. „Человѣкъ съ тремя фамиліями“ еще хранилъ на лицѣ слѣды изумленнаго негодованія. Развѣ такъ порядочные люди поступаютъ? Катя съ тревогой смотрѣла на него, какъ на оскорбленное божество. Появившійся въ дверяхъ Крюковъ переполнилъ чашу терпѣнія.

— Кстати, я былъ вполнѣ корректенъ?—обратился „человѣкъ съ тремя фамиліями“ къ благосклонной публикѣ.—Я вошелъ, поклонился и отрекомендовался, а онъ...

— Папа былъ взволнованъ...—оправдывала Катя отца.

— О, онъ совсѣмъ даже не деспотъ!..—заявляла Парасковея Пятница.—Я въ этомъ убѣдилась собственными глазами...

— Однако, господа, вы всѣ порядочно струсили,—говорилъ Крюковъ.

Всѣ разомъ накинулись на него. Да, онъ держалъ себя какъ мальчишка, все напуталъ и при этомъ школьничалъ. Особенно свирѣпо отнеслась къ Крюкову взбѣшенная Катя.

— Послушайте, господа, да я-то при чемъ тутъ?—оправдывался Крюковъ.— Вотъ это мило... Вы всѣ струсили, я нѣкоторымъ образомъ спасалъ васъ, и вотъ благодарность...

— Вы не умѣете себя держать!—приставала Катя.—Что вы сказали про Парасковью Игнатьевну?

— Да, да...—вступилась Парасковея Пятница.—Онъ меня зарѣзалъ безъ ножа... Ну, Богъ съ нимъ. Я не злопамятна...

Катя усиленно ухаживала за мужемъ и теперь со страхомъ видѣла по его лицу, что онъ недоволенъ. Это приводило ее въ отчаяніе. Объ отцѣ она даже забыла, поглощенная мыслью объ оскорбленномъ напрасно мужѣ. Вѣдь онъ держалъ себя джентльменомъ, и вдругъ...

Одна недѣля семейной жизни сдѣлала изъ Кати совершенно другую женщину. Она съ женскимъ инстинктомъ приспособленія точно вся пропиталась интересами, привычками и даже недостатками мужа, великодушно забывая о самой себѣ. Вѣдь это было совершенство, недосягаемый идеалъ. Давно ли еще она смѣялась надъ подругами, боготворившими своихъ мужей, а теперь сама дѣлала то же. А совершенство въ лицѣ „человѣка съ тремя фамиліями“ принимало это поклоненіе, какъ должную дань. Одной изъ приманокъ служила, между прочимъ, таинственность, окружавшая его происхожденіе.

— Это тайна, которой я не имѣю пока права никому открыть,—объяснялъ артистъ.—Да... Меня, вообще, преслѣдуютъ. Гдѣ-нибудь въ несчастныхъ „Озеркахъ“ и тамъ предпочли мнѣ какого-то Бурцева. Бурцевъ первый любовникъ... ха-ха!.. Впрочемъ, не стоитъ объ этомъ говорить.

— Валерій, тебя еще оцѣнятъ. Помнишь, какая рецензія была напечатана о тебѣ въ „Пчелѣ“? Положимъ, это не изъ первыхъ газетъ, но...

— Китти, ты говоришь о томъ, чего не знаешь... Антрепренеры всѣ поголовно свиньи, актеры—бездарность, а рецензенты сплошь подкуплены. О, я это давно знаю...

Великому артисту, вообще, приходилось преодолѣвать всевозможныя препятствія, и онъ настолько привыкъ къ неудачамъ, что относился къ нимъ свысока. Вѣдь все это въ порядкѣ вещей. Напримѣръ, онъ цѣлыхъ пять лѣтъ добивается дебюта на императорской сценѣ и знаетъ отлично впередъ, что ему тамъ предпочтутъ какую-нибудь бездарность. Но его не удивятъ этимъ—онъ готовъ заранѣе ко всему. Дома разговоры велись только о театрѣ, и Катя въ теченіе недѣли разучила весь репертуаръ, повторяющійся изо дня въ день, и была счастлива своими успѣхами.

Къ „молодымъ“ постоянно приходили гости и тоже всѣ говорили о театрѣ. Это были все свои театральные люди, начиная съ комика Рюшкина и кончая самымъ маленькимъ помощникомъ режиссера. Всѣ они злословили другъ про друга, ругали антрепренеровъ, льстили въ глаза и пили водку, потому что тоже были не оцѣнены по достоинству. Была еще одна черта: всѣ страшно нуждались въ деньгахъ и всѣ находились наканунѣ обогащенія. Сколько у каждаго пропало за одними антрепренерами, если бы только могъ высчитать какой-нибудь статистикъ. Но все это пока, а главное дождаться только зимняго сезона,—тамъ уже сразу все пойдетъ, какъ по маслу. Антрепренеры исправятся, долги будутъ уплачены, рецензенты преисполнятся справедливостью, публика оцѣнитъ каждаго по достоинству. Катя слушала и всему вѣ-

рила, потому что это все было неразрывно связано съ судьбой собственнаго великаго человѣка. Ее нѣсколько смущалъ все настойчивѣе и настойчивѣе сказывавшійся question d'argent. Она съ этой стороной жизни еще не была знакома и съ легкимъ сердцемъ закладывала захваченныя съ собой золотыя бездѣлушки. Онъ такъ любилъ страсбургскіе пироги и красное вино—развѣ можно было отказывать себѣ даже въ такихъ пустякахъ? Тѣмъ болѣе, что впереди зимній сезонъ, а затѣмъ два антрепренера обѣщали уплатить старые долги.

Студентъ Крюковъ очень внимательно присматривался къ этой счастливой парочкѣ и наконецъ резюмировалъ свои наблюденія:

— Онъ—телячья головка тортю, она—бефъ а-ля-модъ...

III.

Въ самый трагическій моментъ, когда участіе Честюниной было необходимо, она расхворалась самымъ глупымъ образомъ. У нея развился серьезный бронхитъ. Съ дачи изъ Павловска она переѣхала пока къ дядѣ, который страшно тосковалъ по дочери и не отпускалъ ее отъ себя. Замужество Кати было для старика ударомъ грома, и онъ нѣсколько дней ни за что не хотѣлъ этому вѣрить.

— Это она меня испытываетъ,—увѣрялъ онъ Честюнину.—О, я хорошо знаю ея характеръ... Вѣдь этого не можетъ быть, Маша? Да? Что̀ же ты молчишь, Маша?

— Я ничего не знаю, дядя...

Потомъ на старика находило страшное отчаяніе. Онъ рвалъ на себѣ волосы, плакалъ и вообще неистовствовалъ. Честюниной приходилось отваживаться съ нимъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ. Она уговаривала его подождать, пока она поправится и сама съѣздитъ на Выборгскую Сторону. Въ послѣдніе дни онъ успокоился, и Честюнина поняла, что старикъ что-то замышляетъ, и предупредила Парасковею Пятницу письмомъ. Василій Васильичъ въ роковое утро казался такимъ спокойнымъ и сдѣлалъ видъ, что отправляется на службу. Домой онъ вернулся въ самомъ ужасномъ видѣ, точно его били.

— Дядя, вы нездоровы?—спрашивала Честюнина.

— Я? Нѣтъ, то-есть да...

Онъ сѣлъ на ближайшій стулъ и безпомощно смотрѣлъ на нее.

— Дядя, вы были *тамъ*?

— Нѣтъ, то-есть да... Я не могъ дождаться, когда ты поправишься, и... я все видѣлъ... да. Теперь все кончено...

Честюнина не стала его разспрашивать ни о чемъ, чтобы не тревожить свѣжую рану, и старалась отвлечь его вниманіе. Хорошо было только одно, что Елена Ѳедоровна еще не вернулась изъ-за границы и катастрофа разыгралась безъ нея. Это было большимъ облегченіемъ. Честюнина написала Эжену, чтобы онъ подготовилъ мать къ печальному извѣстію. Елена Ѳедоровна, собственно говоря, не любила дочери, но, конечно, не упуститъ случая разыграть домашнюю трагедію по всей формѣ. Въ ней тоже былъ скрытъ серьезный драматическій талантъ.

— Что̀ же мы будемъ дѣлать съ тобой, Маша?—какъ-то по-дѣтски спрашивалъ Василій Васильичъ за обѣдомъ.—У меня теперь такое чувство, какъ будто я вернулся съ кладбища въ пустой домъ... Ахъ, Маша, Маша! За что?.. Вѣдь у другихъ отцовъ есть дочери, а у меня... Мнѣ сейчасъ Катя представляется маленькой, когда я носилъ ее еще на рукахъ. „Катя, покажи,

какъ любишь папу?“ Бывало, вцѣпится ручонками, прильнетъ, какъ молоденькая травка, защебечетъ... Потомъ она была серьезно больна въ дѣтствѣ... Такая маленькая лежитъ въ кроваткѣ, беззащитная... Какъ я тогда молился Богу, какъ плакалъ...

Старикъ снова переживалъ улетѣвшее счастье.

— Дядя, не нужно себя растравлять... Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ. Прошлаго не вернешь... Приходится мириться.

— Мириться?.. Никогда... Если бы она вышла замужъ за нашего швейцара Григорія или за старшаго дворника—это было бы лучше. За кого угодно, а только не за этого... Нѣтъ, это невозможно!.. Я начинаю сомнѣваться въ собственныхъ глазахъ... Было что-то такое невозможное... Они теперь, навѣрно, смѣются надо мной... А Катя... неужели она была тоже тамъ?

Это отцовское горе выражалось въ такихъ трогательныхъ формахъ, что Честюнина какъ-то особенно полюбила старика-дядю. Для нея съ какой-то болью открывался цѣлый новый міръ, новая цѣнность жизни. На этомъ фонѣ легкомысліе Кати выступало съ особенной рельефностью. Если бы она видѣла это горе отца, его отчаяніе—неужели она не сумѣла бы подавить своего увлеченія?.. Впрочемъ, не всѣ отцы похожи на Василія Васильича и не всѣ умѣютъ такъ чисто и беззавѣтно любить своихъ дѣтей... Честюнина просто любовалась старикомъ, въ горѣ котораго раскрывалась глубокая правда жизни. Всякая любовь построена на эгоизмѣ, а родительская въ особенности, и нужно большое сердце, чтобы во-время примирить этотъ эгоизмъ съ нарастающимъ эгоизмомъ дѣтей, которыя уплатятъ проценты по затраченной на нихъ любви уже своимъ дѣтямъ и той же монетой. Есть безпощадная логика жизни, которая ломаетъ и крушитъ всѣ наши расчеты и соображенія, какъ бы они хороши ни были сами по себѣ.

Старикъ особенно горевалъ по вечерамъ, когда спускались гнилыя петербургскія сумерки. Дневная бодрость смѣнялась какимъ-то старческимъ уныніемъ.

— Гдѣ-то теперь Катя?.. Что она дѣлаетъ? — повторялъ Василій Васильичъ, шагая по кабинету.—Боже мой, думалъ ли я когда-нибудь дожить до такой минуты? Мнѣ кажется, что въ цѣломъ мірѣ она не могла сдѣлать худшаго выбора... Жена актера—это бродячая собака. А тутъ еще могутъ быть дѣти... О, она еще придетъ ко мнѣ, придетъ жалкая, несчастная, виноватая, и я еще долженъ буду пережить свой позоръ.

— Дядя, вѣдь мы его не знаемъ... Очень можетъ быть, что онъ и хорошій человѣкъ. Хорошіе люди есть вездѣ. Профессія тутъ ни при чемъ...

— Я его видѣлъ... Мнѣ достаточно было взглянуть на него одинъ разъ.

На душѣ у Честюниной тоже было не весело. На нее по временамъ нападало тяжелое раздумье. А тутъ еще постоянныя письма отъ Андрея... Этотъ сумасшедшій человѣкъ, кажется, и не думалъ успокоиваться, а, напротивъ, превращался въ какого-то маніака. Онъ писалъ съ аккуратностью сумасшедшаго. Черезъ каждые три дня его письмо уже лежало на столѣ въ комнатѣ Честюниной,—она сейчасъ занимала комнату Кати, какъ потребовалъ дядя, не могшій видѣть эту дорогую для него комнату пустой. Онъ писалъ обо всемъ, а главнымъ образомъ о своихъ страданіяхъ и переживаемыхъ мукахъ. Это было нѣчто ужасное, отравлявшее жизнь Честюниной по каплямъ. Ее убивало сознаніе, что достаточно было ея одного слова, и этотъ несчастный Андрей ожилъ бы. Какое она имѣла право нравственно убивать человѣка?.. А это было настоящее убійство, хотя и безкровное... Съ другой стороны, она не могла ничего сдѣлать, потому что не находила

въ своей душѣ отклика на этотъ странный призывъ. Не могла же она обманывать и себя и другихъ. Съ нея достаточно было уже пройденнаго опыта. Ей страстно хотѣлось отдохнуть и забыться, а главное, уйти съ головой въ святую науку. Лекціи въ академіи уже начались, а она сидѣла дома со своимъ бронхитомъ и мучилась вдвойнѣ. Какъ ни трогательно было горе дяди, но оно повторялось изо дня въ день, и свѣжесть впечатлѣнія уже терялась. Время безжалостно, и Честюнина ловила себя въ безчувственности. Она была такая же, какъ всѣ люди... Вѣдь и хирургъ привыкаетъ къ своимъ операціямъ—это было еще ужаснѣе. Въ самой нервной системѣ положена какая-то тайная граница, за которой всѣ впечатлѣнія утрачиваютъ свою свѣжесть и человѣкъ превращается въ машину, главнымъ двигателемъ которой является простая привычка.

Потомъ Честюнину удивляло то, что она относилась къ Катѣ почти холодно. А вѣдь она ее очень любила... Можетъ-быть, сказывалась даже тайная зависть къ ея счастью,—что̀ еще тамъ будетъ впереди, а сейчасъ Катя все-таки счастлива. Эта мысль заслоняла все остальное. Можетъ-быть, и она, Честюнина, была бы счастлива съ Андреемъ, а не сидѣла бы теперь одинокой въ ожиданіи чего-то неизвѣстнаго. Даже и этого не было, а такъ одинъ день шелъ за другимъ... Вѣроятно, въ концѣ концовъ всякая женщина приходитъ къ заключенію, что сдѣлала ошибку своимъ замужествомъ. Много ли видитъ дѣвушка мужчинъ и великъ ли ея выборъ—все дѣло чистой случайности. Вѣдь жили же раньше люди, когда жениховъ выбирали родители, и даже были счастливы. Но всѣ эти размышленія не покрывали одиночества, которое осенью чувствовалось какъ-то особенно ярко.

Честюнина была рада, когда къ ней неожиданно заявилась Брусницына. Она думала, что это дачное знакомство такъ и кончится Павловскомъ и что они обмѣнялись адресами только изъ вѣжливости, какъ это принято дѣлать. Елена Петровна пришла озабоченная, какъ всегда, и послѣ нѣкоторыхъ подготовительныхъ разговоровъ съ гордостью заявила:

— Завтра Сергѣй дѣлаетъ свой докладъ въ отдѣленіи ботаники при Обществѣ естествоиспытателей. Это въ университетѣ...

— Да? О болотныхъ растеніяхъ?

— Онъ взялъ темой отдѣлъ ароидныхъ—aroideae... Будетъ очень интересно. Если хотите, я за вами завтра заѣду. Мы живемъ тутъ совсѣмъ недалеко...

— Я съ удовольствіемъ, хотя еще и не выходила. У меня бронхитъ...

— О, это совершенные пустяки... У кого нѣтъ теперь бронхита? Это необходимое слѣдствіе нашей гнилой петербургской осени...

Что̀ значилъ какой-то бронхитъ, когда Сергѣй дѣлаетъ докладъ объ aroideae? Честюнина это отлично понимала и была тронута трогательной заботливостью сестры знаменитаго ботаника собрать публику въ ученое засѣданіе. Она именно сейчасъ была особенно въ настроеніи раздѣлять эти восторги. Брусницыны ей очень нравились, и она была рада возобновить это знакомство.

Въ назначенный часъ на слѣдующій день Елена Петровна заѣхала—она отличалась точностью дорогого хронометра. Дорогой она успѣла ее посвятить въ тайны доклада, который представлялъ собой только ничтожную часть обширнаго труда, всего одну главу. Честюнина уже сама должна была изумляться обширности матеріаловъ, какими владѣлъ Сергѣй.

Въ ученыхъ засѣданіяхъ Честюнина еще не бывала и входила во флигель на безконечномъ университетскомъ дворѣ съ нѣкоторымъ трепетомъ.

Ей даже было немного совѣстно, что она вторгается въ это святилище въ качествѣ профана. Впрочемъ, она успокоилась, когда въ свѣтлой и уютной комнатѣ, уставленной разными приборами и коллекціями, увидѣла нѣсколько дамъ.

— Это все свои...—объяснила по ихъ адресу Елена Петровна.—Жены, дочери и родственницы ботаниковъ.

Подошелъ Сергѣй Петровичъ, улыбающійся и довольный, и крѣпко пожалъ руку Честюниной. Онъ только-что разговаривалъ съ извѣстнымъ профессоромъ и такъ же просто, какъ съ ней, и Честюнина прониклась къ нему особеннымъ уваженіемъ. Въ этомъ святилищѣ науки Брусницынъ былъ своимъ человѣкомъ.

— Отчего вы къ намъ не зайдете, Марья Гавриловна?—спрашивалъ Брусницынъ, продолжая улыбаться. — Это нехорошо такъ скоро забывать своихъ знакомыхъ...

Это засѣданіе произвело на Честюнину глубокое впечатлѣніе. Дорогой хлѣбъ науки фигурировалъ въ лицахъ. Каждый человѣкъ представлялъ собой опредѣленную научную величину. Имена были ей извѣстны еще въ гимназіи, и теперь она смотрѣла на ихъ живыхъ носителей затаивъ дыханіе. Скромная обстановка всего засѣданія тоже гармонировала съ важностью его цѣли. Наука не нуждается въ обстановкѣ, какъ честная женщина. Елена Петровна называла каждаго, кто входилъ, и немного поморщилась, когда шмыгающей походкой прошелъ мимо нихъ молодой человѣкъ съ богатой шевелюрой.

— Это Ивановъ...—шепнула она.—Онъ сегодня тоже дѣлаетъ докладъ.

Честюнина скоро поняла, въ чемъ заключалась причина этого недовольства. Ивановъ являлся сильнымъ соперникомъ. У него былъ интересный докладъ по вопросу о дыханіи растеній, причемъ докладчикъ очень эффектно иллюстрировалъ нѣкоторые опыты. Его наградили аплодисментами. Слѣдующимъ номеромъ выступилъ Брусницынъ. Онъ читалъ довольно плохо, но докладъ былъ интересенъ и вызвалъ ученыя пренія Ученые люди такъ мило спорили о самыхъ мудреныхъ вещахъ, какъ просто банковскіе кассиры считаютъ сотни тысячъ и милліоны. За каждымъ приводимымъ фактомъ стоялъ многолѣтній упорный трудъ, за каждой счастливой мыслью цѣлая исторія, за ученой проблемой преемственность идей. Честюниной казалось, что она попала въ какой-то иной міръ, такой свѣтлый и такой далекій отъ мелочей и тины настоящей жизни. Ее серьезно огорчило, когда засѣданіе кончилось и ученые мужи превратились въ обыкновенныхъ людей. Что-то точно закрылось, и Честюнина опять почувствовала себя на землѣ.

Домой Брусницыны и Честюнина отправились пѣшкомъ. Послѣдняя шла молча, переживая полученныя впечатлѣнія. Она почему-то думала теперь о сестрѣ Катѣ, которая была лишена способности наслаждаться такими вещами, какъ сегодняшнее засѣданіе. Ясно, что люди устроены не одинаково и уже въ характерѣ ихъ вкусовъ сказывается ихъ будущее. Одни живутъ, а другіе только наблюдаютъ жизнь. Вотъ всѣ эти ученые люди именно отдали себя послѣднему.

— Марья Гавриловна, вы довольны сегодняшнимъ засѣданіемъ?—спрашивалъ Брусницынъ, предлагая руку.

— О, да... Я очень, очень вамъ благодарна за приглашеніе. Я еще не могу хорошенько очнуться... Знаете, я сидѣла и завидовала вамъ.

— Но вѣдь и вы можете итти по той же дорогѣ... Все дѣло только въ желаніи, а дорога открыта.

— Одного желанія еще недостаточно. Признаться сказать, я сильно

сомнѣваюсь, чтобы женщина могла въ этомъ случаѣ итти наравнѣ съ мужчиной. Исключенія въ счетъ не могутъ итти...

— Ну, это наслѣдственный женскій страхъ, который пройдетъ самъ собой.

Когда Честюнина хотѣла повернуть къ себѣ, Брусницынъ проговорилъ:

— Идемте къ намъ чай пить... Всего еще одиннадцать часовъ. Поболтаемъ... Это совсѣмъ близко...

— Что же, я съ удовольствіемъ.

IV.

Брусницины жили въ меблированныхъ комнатахъ. У него была большая и свѣтлая комната, а она занимала какую-то маленькую конурку. Въ его комнатѣ уже ждалъ накрытый для вечерняго чая столъ. Обстановка состояла изъ шкаповъ съ книгами, письменнаго стола и кровати. Третій стулъ пришлось принести изъ комнаты Елены Петровны. Отъ всей обстановки такъ и пахнуло ученымъ подвижничествомъ и интеллигентнымъ монашествомъ. Даже любящая женская рука, присутствіе которой чувствовалось въ каждой мелочи, не нарушала этого подвижнически-монашескаго стиля—это была рука сестры. Исключеніе представлялъ только женскій портретъ, стоявшій на письменномъ столѣ.

— У насъ еще есть свободная комната — переѣзжайте, — предлагала Елена Петровна, заваривая чай.—Главное достоинство нашихъ номеровъ— абсолютная тишина. Вамъ у дяди, Марья Гавриловна, не думаю, чтобы было удобно...

— Я тамъ на время... Такой особенный случай вышелъ... Я очень люблю старика, а у него большое горе.

— Горе?—переспросилъ Брусницынъ, прихлебывая чай изъ стакана.

— Да... Разыгрался довольно грустный романъ. Вы, можетъ-быть, помните дѣвушку, которая гуляла со мной въ Павловскомъ паркѣ? Очень бойкая и веселая особа и такая милая...

Честюнина почувствовала себя точно дома и разсказала романъ Кати. Вѣдь эти люди были почти родные, и она выдала чужую семейную тайну. Но она не успѣла даже раскаяться въ послѣднемъ, потому что Брусницынъ пошелъ къ столу, принесъ портретъ и, подавая его гостьѣ, проговорилъ:

— Моя жена... актриса. Тоже былъ романъ... да. Но, къ счастью или несчастью, онъ скоро кончился... Всѣ почему-то считаютъ меня неспособнымъ къ нѣжнымъ чувствамъ, а вотъ вамъ цѣлый романъ... И еще какой: хотѣлъ отравляться.

Честюнина только теперь припомнила, какъ Елена Петровна намекала ей о какомъ-то горѣ брата—оно было налицо. Сейчасъ Елена Петровна наклонила голову надъ своей чашкой и методически размѣшивала таявшій сахаръ съ такимъ видомъ, точно производила какой-нибудь химическій опытъ. Искренній тонъ Честюниной подѣйствовалъ на Брусницына заразительно, и онъ разсказалъ свой романъ просто и спокойно, какъ говорятъ о близкихъ людяхъ.

— Меня поразило совпаденіе,—объяснялъ онъ.—Тамъ—актеръ, здѣсь— актриса... Ахъ, какъ мнѣ это знакомо и близко!.. И я думаю, что романъ вашей сестры закончится такъ же скоро, какъ и мой. Желаю ей, конечно, счастья, но не вѣрю въ него, потому что тамъ, на сценѣ, такая разрушающая обстановка, свои традиціи, привычки—однимъ словомъ, специфическая атмосфера.

Романъ Брусницына былъ очень несложенъ. Онъ встрѣтилъ сестру одного университетскаго пріятеля, красивую и бойкую дѣвушку, которая училась на какихъ-то театральныхъ курсахъ. На послѣднее онъ, конечно, не обратилъ вниманія, увлекся и женился.

— Что̀ это только было!—удивлялся Брусницынъ самому себѣ.—Представьте вы себѣ меня, съ моей фигурой, отыскивающаго въ гостиномъ дворѣ искусственные цвѣты, завивающаго въ парикмахерской дамскіе парики... А сколько я переносилъ за кулисы картонокъ съ разными тряпками, какъ я ухаживалъ за господами театральными рецензентами, какъ я дежурилъ на репетиціяхъ... Да, да, все это было, и я даже какъ-то сейчасъ не вѣрю самому себѣ, что это было. А ревность?.. О, я прошелъ хорошую школу... Нѣтъ, это такое ужасное и несправедливое чувство... Представьте себѣ меня, подкарауливающаго жену на улицѣ, меня, перехватывающаго ея письма... Удивительно, что человѣкъ въ самый главный моментъ своей жизни дѣлается сумасшедшимъ. Развѣ это былъ я?.. Теперь я говорю объ этомъ спокойно, потому что сдѣлался опять самимъ собой... И вѣдь я считалъ ее умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ, честнѣе, лучше. Изъ-за нея разссорился съ сестрой, чуть не бросилъ своей науки и даже хотѣлъ поступить на сцену...

Онъ разсказывалъ о себѣ съ юморомъ, такъ что даже Елена Петровна раза два улыбнулась. Такъ разсказываютъ путешественники о своихъ смѣлыхъ и комическихъ приключеніяхъ, когда вернутся домой, подъ родную кровлю. Свое незнаніе жизни и людей, довѣрчивость и увлеченіе Брусницынъ передавалъ съ безпристрастіемъ лѣтописца.

— И вдругъ ничего нѣтъ...—съ грустью закончилъ онъ.—Виноватъ: остались болотныя растенія, которыя не умѣютъ измѣнять, но ревность возбуждать могутъ. Сегодня, напримѣръ, Елена Петровна сильно ревновала Иванова, какъ бы онъ не заѣхалъ въ мое болото... Но онъ точно предчувствовалъ и скромно ограничился сушей. Въ наукѣ, Марья Гавриловна, есть свои увлеченія, страсти и даже несправедливость...

Домой Честюнина возвращалась уже въ первомъ часу, унося съ собой такое хорошее настроеніе. Какіе милые люди эти Брусницыны, особенно онъ, соединявшій въ себѣ громадную наблюдательность и еще болѣе громадную наивность, какъ всѣ чистые люди. Какъ легко дышится въ этихъ монашескихъ кельяхъ и какъ далеко отъ нихъ все остальное, что̀ волнуетъ и губитъ людей. Честюнина чувствовала себя самоё лучше и чище, потому что встрѣтила именно то родное, къ чему всегда рвалась всей душой.

Подъ этимъ настроеніемъ Честюнина вернулась и домой. Отворявшій ей подъѣздъ швейцаръ Григорій осклабился и проговорилъ всего одно слово:

— Пріѣхадчи...

— Кто?

— Сами-съ, генеральша...

Елену Ѳедоровну ждали только черезъ двѣ недѣли, и Честюнина была не особенно пріятно поражена этимъ извѣстіемъ. Ее безпокоила участь бѣднаго дяди. Она быстро поднялась по лѣстницѣ и въ передней уже встрѣтила слѣды заграничнаго нашествія. Стояли дорожные сундуки, картонки, саквояжи—Елена Ѳедоровна иначе не могла ѣздить.

Въ гостиной расхаживалъ Эженъ, разодѣтый, какъ попугай—какая-то невообразимо пестрая пара, красный галстукъ, красные башмаки, въ зубахъ какая-то длинная соломина. Онъ издали сдѣлалъ предупредительный жестъ.

— Предки бунтуютъ...—объяснилъ онъ шопотомъ, указывая на кабинетъ.

— Ты получилъ мое письмо?

— Даже очень... И благодаря ему мы вылетѣли изъ-за границы двумя недѣлями раньше. А все ты виновата, Marie... Ахъ, ужъ эти проклятыя письма—они мнѣ отравляютъ всю жизнь.

— Но вѣдь я тебя просила только подготовить Елену Ѳедоровну?

— Я и хотѣлъ и даже повелъ дѣло, какъ Бисмаркъ, но мутерхенъ, по своей привычкѣ, сдѣлала у меня обыскъ и... и вотъ мы вылетѣли бомбой. Я, конечно, уважаю предковъ, но въ большомъ количествѣ они иногда надоѣдаютъ... Я вполнѣ понимаю, почему сбѣжала Катя. И я бы съ удовольствіемъ сбѣжалъ, если бы нашлась какая-нибудь сумасшедшая, хорошенькая и молоденькая актрисочка, которая выкрала бы меня отъ предковъ...

На этотъ разговоръ вполголоса въ дверяхъ кабинета показалась сама Елена Ѳедоровна. Когда Честюнина подошла поздороваться, она не подала руки, а показала свои часы.

— Скоро часъ... Гдѣ вы изволили пропадать, сударыня?

— Я... я была въ ученомъ засѣданіи.

— До часу?.. Ха-ха... Такъ можетъ лгать моя горничная, сударыня, а вамъ стыдно. Я еще не совсѣмъ сошла съ ума... Впрочемъ, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Она пропустила Честюнину въ кабинетъ и плотно приперла за собой дверь. Эженъ оставался посреди гостиной и улыбался. Онъ отлично зналъ, что значитъ разговоръ милыхъ предковъ... Задастъ жару и пару мутерхенъ. Кстати, Эженъ пожалѣлъ, что не успѣлъ перехватить деньжонокъ у Marie, а то теперь самая бы пора махнуть на острова и отдохнуть душой.

Пропустивъ племянницу впередъ, Елена Ѳедоровна съ какимъ-то шипѣньемъ накинулась на мужа.

— Вотъ полюбуйтесь на плоды вашего воспитанія, Василій Васильичъ... Родная дочь сбѣжала, а племянница возвращается домой въ часъ ночи. Очень мило...

Василій Васильичъ стоялъ у окна и молчалъ.

— Стоило мнѣ уѣхать на три мѣсяца, какъ вы здѣсь всѣ посходили съ ума. Развѣ Катя посмѣла бы при мнѣ надѣлать такихъ глупостей... Впрочемъ, о ней потомъ. Она еще ребенокъ и находилась подъ дурнымъ вліяніемъ. Mademoiselle Честюнина, какъ вы полагаете относительно этого вопроса?

— При чемъ же тутъ Маша?—вступился Василій Васильичъ, набираясь храбрости. — Я полагаю, что каждый отвѣчаетъ за себя, и Катя не маленькая...

— Однако достаточно было переѣхать mademoiselle Честюниной къ намъ на дачу, какъ бѣдная Катя совсѣмъ потеряла голову... О, я отлично понимаю, какъ происходило все дѣло. Ядъ разврата былъ занесенъ, и этого было достаточно. Помилуйте, женскій вопросъ, равноправность—и вотъ вамъ результатъ. Да... Боже мой, до чего я дожила?! Мы васъ приняли, mademoiselle Честюнина, къ себѣ въ домъ изъ милости, то-есть Василій Васильичъ. Я не буду скрывать, что была противъ этого, и была права... Результаты, къ сожалѣнію, налицо. Вы внесли заразу въ нашъ домъ...

— Елена Ѳедоровна, позвольте мнѣ уйти...—спокойно отвѣтила Честюнина. — Я не считаю нужнымъ оправдываться въ чемъ-нибудь. Вы меня оскорбляете совершенно незаслуженно...

Дѣвушка повернулась и вышла. Елена Ѳедоровна широко раскрытыми глазами посмотрѣла ей вслѣдъ, потомъ посмотрѣла на мужа и проговорила съ зловѣщимъ спокойствіемъ:

— О, я только теперь поняла все...

V.

Почему ничтожныя по существу обстоятельства иногда имѣютъ такое рѣшающее значеніе? Почему случайность играетъ такую обидную роль въ нашей жизни? Почему мы не можемъ предусмотрѣть и предугадать этихъ случайностей и рѣшающихъ пустяковъ, несмотря ни на какую проницательность? Мы говоримъ о законахъ, по которымъ выстраивается вся органическая жизнь, мы предсказываемъ за десятки лѣтъ затменія солнца или появленіе кометы, мы предчувствуемъ стоящія на очереди великія открытія — и мы же не видимъ дальше своего носа, когда дѣло касается такихъ вещей, которыя неизмѣримо дороже для каждаго и солнечнаго затменія, и новой кометы, и новыхъ законовъ въ природѣ, и всякихъ открытій — это вѣчный вопросъ о личномъ счастьѣ. Всѣ къ нему стремятся самымъ упорнымъ образомъ и не могутъ предсказать завтрашній день. Есть что-то обидное въ самой природѣ вещей, что̀ заставляетъ насъ постоянно чувствовать и признавать собственное ничтожество.

Эти мысли о ничтожествѣ собственнаго существованія приходили въ голову Честюниной все чаще и чаще, можетъ-быть, потому, что она чувствовала себя счастливой, счастливой до глупости. Вѣдь совершенная случайность ея знакомство въ Павловскѣ съ Брусницыными, совершенная случайность замужество Кати, совершенная случайность, что тетка Елена Ѳедоровна обвинила ее во всемъ, а благодаря этимъ случайностямъ она теперь живетъ въ комнатѣ рядомъ съ Брусницыными, каждый день встрѣчается съ ними и чувствуетъ, что въ ея жизнь ворвалось какое-то новое теченіе и что оно окончательно ее захватываетъ. До сихъ поръ она, собственно, только стремилась къ работѣ, но по-настоящему работать не умѣла... Да и гдѣ было научиться этому искусству, которое дается каждому только длиннымъ рядомъ ошибокъ. Она много читала — это правда, но въ чтеніи не было строгой системы, не было выдержки. То же самое и въ занятіяхъ по академіи... Вѣдь всѣ науки хороши, каждая по-своему, и трудно было остановиться на какой-нибудь одной, а между тѣмъ приходилось дѣлать выборъ, потому что безъ спеціализированія нельзя было итти дальше необходимаго общаго образованія. Честюнина не могла не завидовать Брусницыну, который остановился на своихъ болотныхъ растеніяхъ и больше ничего не хотѣлъ знать. На эту тему у нихъ теперь часто велись разговоры.

— Меня это пугаетъ, Сергѣй Петровичъ, — говорила Честюнина. — Всякая спеціализація дѣлаетъ человѣка односторонним поневолѣ...

— Объять необъятное невозможно, Марья Гавриловна. Необходимо остановиться на чемъ-нибудь одномъ... Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я выбралъ бы своей спеціальностью дѣтскія болѣзни и упорно шелъ бы къ этой цѣли. Говорю такъ потому, что не могу слышать равнодушно, когда плачетъ ребенокъ. Мнѣ кажется каждый разъ, что именно я въ чемъ-то виноватъ и что онъ, этотъ ребенокъ, плачетъ именно отъ меня. Это мой больной пунктикъ...

— А вы думали о томъ, что дѣтскому врачу еще труднѣе, чѣмъ врачу для взрослыхъ? Взрослый можетъ, по крайней мѣрѣ, объяснить, что̀ у него болитъ и какъ болитъ, а ребенокъ только плачетъ...

— Всякій работаетъ въ предѣлахъ возможнаго... Затѣмъ, медицина въ собственномъ смыслѣ пока еще не наука, а искусство. Все дѣло въ талантѣ... Талантливый врачъ такъ же чувствуетъ болѣзнь, какъ охотничья собака чуетъ дичь.

— Кто же возьметъ на себя смѣлость сказать, что именно онъ такой талантъ и есть?..

— Это дѣлается само собой... Какъ талантъ, геройство и другія почтенныя качества меньше всего сознаются и чувствуются именно носителями этихъ качествъ. Вѣдь здоровый человѣкъ не замѣчаетъ собственнаго здоровья...

Такіе разговоры происходили обыкновенно за вечернимъ чаемъ, когда всѣ чувствовали себя въ правѣ немного отдохнуть. Елена Петровна большею частью молчала и слушала только брата. Ее удивляла смѣлость Честюниной, рѣшавшейся спорить съ нимъ. Да, спорить съ нимъ, который даже не сознавалъ своей силы. Молчаливое присутствіе Елены Петровны иногда смущало Честюнину, точно съ ними за однимъ столомъ сидѣла какая-то тѣнь не изъ здѣшняго міра. Это чувство постепенно увеличивалось и смущало ее, особенно, когда Елена Петровна наблюдала ее. Разъ Честюнина не утерпѣла и спросила откровенно:

— Почему вы, Елена Петровна, такъ пристально смотрите на меня?

— Я?!.. Вѣроятно, вамъ это показалось...

— Нѣтъ, я это чувствую... И странно, что я начинаю чувствовать себя въ эти моменты виноватой неизвѣстно въ чемъ.

Елена Петровна улыбнулась и ничего не отвѣтила. Ей нравилось, что она можетъ заставить себя чувствовать. Къ Честюниной она, дѣйствительно, присматривалась все время съ особеннымъ вниманіемъ и все еще не могла рѣшить про себя, что̀ за человѣкъ эта немного странная дѣвушка. Главный вопросъ шелъ объ искренности, потому что Елена Петровна не выносила фальши ни въ чемъ. Она дѣлалась ригористкой и нетерпимой, и все это падало главнымъ образомъ на знаменитаго брата. Честюнина знала даже моменты, когда этотъ знаменитый братъ начиналъ бунтовать, напрасно стараясь свергнуть добровольное иго. Со стороны все это было смѣшно, а въ дѣйствительности разыгрывалось что-то въ родѣ семейныхъ сценъ. Сергѣй Петровичъ кричалъ тонкимъ голосомъ, разбрасывалъ по полу свои книги, грозилъ, что убѣжитъ изъ Петербурга куда глаза глядятъ, и кончалъ тѣмъ, что, послѣ длинной, драматической паузы, начиналъ просить у сестры прощенія и мирился съ ней на условіяхъ, еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ до бунта. Она распредѣляла его время, она выбирала знакомыхъ, она накладывала свою руку на все, и Сергѣй Петровичъ могъ только про себя размышлять о своемъ позорномъ рабствѣ. Разъ, взбѣшенный до послѣдней степени, онъ ворвался въ комнату Честюниной и, размахивая руками и драматически заикаясь, долго не могъ успокоиться.

— Это какой-то просвѣщенный деспотизмъ... это... это... это наконецъ самое позорное рабство, когда у человѣка стоятъ надъ душой и не даютъ дохнуть. Остается связать мнѣ руки и вывести на продажу, какъ настоящаго раба...

Увлекшись собственнымъ негодованіемъ, Сергѣй Петровичъ только теперь замѣтилъ, что на диванѣ сидитъ какой-то молодой человѣкъ и слушаетъ его съ почтительной улыбкой.

— Это мой двоюродный братъ Эженъ,—отрекомендовала его Честюнина.— Евгеній Васильевичъ Анохинъ, другими словами...

— Очень радъ... очень... — бормоталъ Брусницынъ, разглядывая своими близорукими глазами Эжена.—Это еще хорошо, что вы только двоюродный, а если бы имѣли несчастье быть роднымъ братомъ...

— У меня есть сестра Катя...

— Катя? Позвольте, это та самая Катя, которая называетъ меня чучеломъ, а мою сестру чучелкой? Она теперь актриса? О, очень радъ познакомиться... Могу вамъ только позавидовать, молодой человѣкъ.

Присутствіе Эжена какъ-то сразу успокоило Сергѣя Петровича, и онъ остался даже пить чай, чего никогда раньше не дѣлалъ. Когда въ коридорѣ слышались шаги, онъ улыбался и говорилъ Честюниной вполголоса:

— Я увѣренъ, что это она... да. Она и вамъ устроитъ сцену, вотъ увидите...

— Нѣтъ, ужъ благодарю васъ. Я сейчасъ пойду и приглашу Елену Петровну пить чай вмѣстѣ съ нами.

— Не пойдетъ!..

Елена Петровна, дѣйствительно, не пошла. Она сердито шагала по коридору и сказала Честюниной нѣсколько колкостей.

— Послушайте, Елена Петровна, вѣдь я не виновата, что вы ссоритесь съ братомъ. Поставьте себя на мое мѣсто и подумайте, что̀ вы говорите... Потомъ, развѣ можно сердиться на Сергѣя Петровича? Это совершенный ребенокъ...

— Вы думаете? Ха-ха... Этотъ ребенокъ очень дурно себя ведетъ...

Честюниной приходилось теперь играть роль посредника, когда братъ и сестра ссорились. Сначала это ее забавляло, а потомъ начало надоѣдать, какъ надоѣдаетъ повтореніе одного и того же мотива. Впрочемъ, къ ней на выручку явился совершенно неожиданно Эженъ, котораго Сергѣй Петровичъ полюбилъ съ перваго раза. Трудно было себѣ представить двухъ человѣкъ болѣе противоположнаго характера, а между тѣмъ они отлично дополняли другъ друга. Всего удивительнѣе было то, что Эженъ не скучалъ въ обществѣ ботаника и черезъ недѣлю самымъ серьезнымъ образомъ заявилъ Честюниной:

— Маріэтта, я погибаю...

— Именно?

— Маріэтта, я влюбленъ въ Елену Петровну!..

— Поздравляю...

— Ты не смѣйся: я говорю серьезно. Мнѣ надоѣло вести разсѣянную жизнь, а это святая дѣвушка... Понимаешь: sainte, въ своемъ родѣ Жанна д'Аркъ.

— Что̀ же, можешь сдѣлать предложеніе...

— А если я боюсь?.. Я могу любить только строгую женщину, которой буду бояться... А въ Еленѣ Петровнѣ именно есть то, что̀ на меня производитъ впечатлѣніе. Ты, пожалуйста, не смѣйся... Притомъ ты рѣшительно ничего не понимаешь въ подобныхъ дѣлахъ, хотя и продѣлала нѣкоторые научные опыты. При случаѣ скажи Еленѣ Петровнѣ, что я гого... то-есть ты объясни все въ шутливомъ тонѣ...

— Перестань говорить глупости... Можно подумать, что ты собираешься занять денегъ у Елены Петровны.

Взглянувъ въ лицо Эжену, Честюнина только всплеснула руками: она увидѣла, что онъ уже успѣлъ это устроить.

— Успокойся, пожалуйста, не у нея занялъ... — объяснялъ Эженъ съ виноватой улыбкой.—А у него, у чучела, какъ говоритъ Катя. Ну, скажи на милость, для чего ему деньги, чучелу? Совершенно излишній балластъ, притомъ я выбралъ такой моментъ, когда чучелки не было дома.

— Ахъ, Эженъ, Эженъ!..

— Подожди, я еще буду впослѣдствіи министромъ финансовъ. Вотъ увидишь... Я по натурѣ финансистъ. Кстати, Маріэтта...

— Ты, кажется, хочешь посвятить меня въ какую-то финансовую тайну?

— Неужели у тебя не найдется несчастныхъ трехъ рублей? У предковъ мнѣ кредитъ закрытъ окончательно, что̀ я считаю прямо противоестественнымъ...

Эженъ обладалъ способностью приставать до того, что отъ него приходилось откупаться, и Честюнина часто отдавала ему послѣдніе гроши, не разсчитывая, конечно, на возвратъ, какъ было и сейчасъ. Развѣ можно было обижаться на Эжена?

— Это петербургское болотное растеніе,—охарактеризовалъ его Сергѣй Петровичъ.

Дядю Честюнина видѣла только разъ и то мелькомъ. Старикъ сильно опустился и казался такимъ жалкимъ. У Честюниной не повернулся языкъ спросить его о домашнихъ дѣлахъ. Они постояли на тротуарѣ нѣсколько минутъ, поговорили о чемъ-то постороннемъ и разошлись. О Катѣ извѣстія получались только черезъ Эжена, который навѣщалъ сестру.

— Она теперь вся поглощена семейнымъ счастьемъ,—коротко объяснялъ Эженъ. — Да... А мужъ прекрасный человѣкъ, и я рѣшительно не понимаю, что предки имѣютъ противъ него. Восхитительный мужчина... Мы съ нимъ какъ-то вмѣстѣ ѣздили закладывать Катинъ браслетъ—помнишь, съ сапфиромъ? Ну, я ему помогъ а потомъ мы завернули къ Кюба...

— Что же Катя?

— Катя, братъ, настоящая женщина: каждый шагъ мужа для нея священенъ... Она была даже рада, что могла доставить мужу случай немного развлечься.

VI.

У Брусницыныхъ по вечерамъ иногда собирались „свои", т.-е. университетскіе. Большинство—готовившіеся къ магистерскому экзамену, или работавшіе надъ диссертаціей, или доценты. Это былъ особый міръ, поглощенный своими университетскими интересами. Честюнину особенно интересовали эти будущіе ученые, профессора и подвижники науки, представлявшіе собой вторую стадію студенчества. Она мысленно сравнивала этихъ университетскихъ людей со студенческимъ міромъ, и сравненіе было не въ пользу первыхъ. Здѣсь чувствовалось уже какое-то охлажденіе, интересы суживались, и на первый планъ выдвигалось свое я. Карьеристами назвать ихъ было нельзя, но было что-то въ этомъ родѣ, хотя и прикрытое хорошими словами. Тамъ, въ студенческихъ кружкахъ охватывала молодая теплота, а здѣсь уже начиналась разсудочность. При случаѣ „свои" не щадили другъ друга и открывали карты: одинъ имѣлъ сильную поддержку въ знаменитомъ профессорѣ, другой прокладывалъ дорогу докладами и сообщеніями по ученымъ обществамъ, третій разсчитывалъ на выдающуюся работу—у каждаго былъ свой методъ борьбы за ученое существованіе. Глядя на нихъ, Честюниной какъ-то не вѣрилось, что вотъ эти корректные, выдержанные молодые люди еще недавно были студентами, шумѣли по аудиторіямъ, спорили и горячились въ своемъ студенческомъ кружкѣ и вообще увлекались.

— Вы не видали, Марья Гавриловна, какъ объѣзжаютъ молодыхъ лошадей?—объяснялъ Брусницынъ.—То же самое... Сначала молодая лошадка брыкается, бунтуетъ, а потомъ успокоится и привыкаетъ къ своимъ оглоблямъ. У каждаго изъ насъ есть такія оглобли... Вѣроятно, теперь вы иногда критикуете и даже осуждаете насъ, университетскихъ, а придетъ время—и сами будете такой же.

— Нѣтъ, такой не буду, Сергѣй Петровичъ. Это не значитъ, что я считаю себя какимъ-то счастливымъ исключеніемъ.—просто, я не могу быть именно такой.

— Вы соскучились о своихъ студенческихъ кружкахъ?

— Да...

Брусницынъ подумалъ и добродушно прибавилъ:

— Вы правы, Марья Гавриловна, съ той поправкой, что молодость не повторяется, а съ ней и молодая искренность, и порывы, и счастливая самоувѣренность, и все то, чѣмъ красна каждая весна.

Послѣднее Честюнина уже могла провѣрить собственнымъ опытомъ. Бывая въ академіи на лекціяхъ, она уже не испытывала того волненія, какъ въ прошломъ году. Да и другія слушательницы тоже. Это было не разочарованіе и не усталость, а что-то другое, чему нельзя было подобрать опредѣленнаго названія.

— А вѣдь мы уже старенькія, Честюнина,—говорила разъ Морозова, когда онѣ вмѣстѣ гуляли по коридору.—Вотъ посмотрите на новенькихъ первокурсницъ... Какъ онѣ торопятся, суетятся, какой дѣловой видъ у каждой—вѣдь и мы были такими же.

Морозова разсказывала послѣднія кружковыя новости—въ собственномъ смыслѣ новаго ничего не было, а только повторялось старое. Кстати, неизвѣстно, куда исчезъ Крюковъ. Говорятъ, что онъ совсѣмъ бросилъ академію. Впрочемъ, онъ всегда отличался легкомысліемъ, и наука не много потеряла въ немъ. Геніи и бабьи пророки въ томъ же положеніи,—Морозова не могла обойтись безъ ядовитаго словца. Ея слова попадали въ цѣль, потому что Честюнина уже начинала чувствовать себя немного чужой среди увлекавшейся зеленой молодежи, принесшей въ столицу такой запасъ нетронутыхъ молодыхъ силъ. Это чувство особенно усилилось, когда она случайно попала въ кружокъ Бурмистрова. Тамъ было все по-старому, тѣ же разговоры и тѣ же поклонницы геніальнаго человѣка. Да, все было то же, а Честюнина слушала молодыхъ ораторовъ и думала про себя, что̀ изъ нихъ выйдетъ лѣтъ черезъ десять. Это старческое настроеніе огорчало ее, но она не могла отъ него отдѣлаться. Неужели въ этомъ и заключается тотъ опытъ жизни, которымъ грозятъ юности всѣ старики? И онъ будетъ расти съ каждымъ годомъ, пока человѣкъ не достигнетъ той степени мудрости, когда отъ него останется одна труха. А главное, не было уже того настроенія, которое ее охватывало еще въ прошломъ году. Послѣ этого печальнаго опыта Честюнина вернулась домой въ самомъ грустномъ настроеніи и обвинила себя въ томъ старчествѣ, о которомъ говорила Морозова. Не старилась и оставалась вѣчно-молодой одна наука, и Честюнина съ какимъ-то особеннымъ азартомъ накидывалась на занятія. Это былъ ея домъ, гдѣ чувствовалось такъ легко и бодро.

Судьба Кати безпокоила Честюнину, но дѣвушка не рѣшалась отправиться на квартиру Парасковеи Пятницы, гдѣ для нея оставались еще тяжелыя воспоминанія. Сама Катя не подавала о себѣ никакихъ извѣстій, кромѣ поклоновъ, которые привозилъ Эженъ. Но незадолго до Рождества Честюнина неожиданно встрѣтила ее на улицѣ. Катя ѣхала на извозчикѣ, выскочила изъ саней и бросилась ее обнимать.

— Нехорошая, нехорошая...—повторяла она.—Развѣ можно такъ забывать сестру? Я думала, что ты умерла, вывихнула ногу или вышла замужъ за это чучело ботаника...

— Перваго и второго нѣтъ, а третьяго не будетъ...

— Ну, это твое дѣло. Мнѣ что-то разсказывалъ Эженъ... Ахъ, виновата, это онъ влюбленъ въ эту чучелку. Ха-ха... А знаешь, я собралась къ тебѣ, Манюрочка. У меня есть очень и очень серьезное дѣло... да. Знаешь, откуда я теперь ѣду?

— Съ репетиціи, конечно...

— А вотъ и не угадала... Ѣду сейчасъ изъ редакціи одной газеты, въ которой разнесли мужа. Ѣздила объясняться, но опять не застала редактора. Подозрѣваю, что онъ просто прячется. А ужъ я бы его такъ отчитала, такъ отчитала! Представь себѣ, они не признаютъ никакого таланта у Валерія... Ни-ка-ко-го!.. Какъ тебѣ это нравится?.. У Валерія нѣтъ таланта?!

— Мнѣ кажется, Катя, что лучше было бы твоему мужу самому объясниться съ редакторомъ...

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, Манюрочка... Во-первыхъ, всякій артистъ самолюбивъ, а во-вторыхъ, онъ и не подозрѣваетъ о моихъ хлопотахъ. Валерій ни за что на свѣтѣ не позволилъ бы такія объясненія—онъ слишкомъ гордъ для этого. Есть, Манюрочка, благородная гордость артиста... Да. Я этого раньше совсѣмъ не понимала...

Катя ужасно торопилась, нѣсколько разъ начинала прощаться и кончила тѣмъ, что отпустила своего извозчика и поѣхала къ Честюниной. Ей нужно было выговориться и излить свою душу. Честюнина была очень рада ее видѣть и разсматривала такими глазами, точно Катя вернулась изъ какого-то далекаго путешествія. Катя болтала всю дорогу, смѣялась, бранила какого-то антрепренера и непремѣнно хотѣла ѣхать опять въ редакцію.

Когда онѣ подъѣхали уже къ самой квартирѣ, Катя заявила:

— Манюрка, знаешь, что̀ я тебѣ скажу?..

— Я слушаю...

— Я давно не видала тебя, а сегодня смотрю и... Вѣдь ты красавица, глупая моя Манюрочка! И настоящая красавица, строгая славянка... Черты лица не совсѣмъ правильны, но это придаетъ только пикантность. Поверни немного голову... вотъ такъ... Прелесть! Чему ты смѣешься, дурочка? Вотъ спросимъ извозчика... Извозчикъ, которая барышня красивѣе?

Извозчикъ повернулъ улыбавшееся лицо, почесалъ въ затылкѣ и проговорилъ:

— Которая красивѣе? А обѣ никуда не годитесь...

— Вотъ тебѣ разъ!.. Почему же не годимся?

— Какая же красота, ежели вдвоемъ-то фунта не подымете? Главная причина, что господская кость жидкая...

Катя расхохоталась до слезъ.

— Вотъ это такъ анатомія: жидкая кость. А впрочемъ, почему бы истинѣ не изрекаться устами петербургскаго Ваньки... Вотъ тебѣ, Ванька, гривенникъ на чай.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Катя продолжала болтать.

— Знаешь, Манюра, если бъ я была мужчиной, я влюбилась бы въ тебя... И никому бы не отдала. Какіе глупые эти мужчины вообще, и чего смотритъ твой чучелистый ботаникъ. Нужно быть окончательно слѣпымъ, чтобы упустить такую женщину... Настоящія красавицы не тѣ, у которыхъ академически-правильныя лица, а тѣ, у которыхъ есть внутренняя красота. Богъ справедливъ и далъ женщинѣ красоту, чтобы пополнить кое-какіе недостатки.

Когда онѣ вошли въ комнату, этотъ гимнъ красотѣ неожиданно превратился въ довольно непріятное объясненіе, какъ это могло быть только у Кати.

— Знаешь, Манюрочка, у меня мелькнула счастливая мысль,—заявила она восторженно.—Поѣзжай ты въ редакцію и объяснись.

— Я?!.

— Да, да, именно ты... Представь себѣ положеніе редактора, когда войдетъ такая дѣвушка, какъ ты, и объяснитъ ему всю его подлость. Я увѣрена, что онъ просто не понимаетъ, что̀ дѣлаетъ, а ты ему и объяснишь все.

У тебя, знаешь, такой внушительный видъ весталки съ Выборгской Стороны... Ты ему скажи, что Зазеръ-Романовъ выдающійся талантъ, что онъ скоро прогремитъ на всю Россію, что ему нужно сдѣлать только первый шагъ къ славѣ... Однимъ словомъ, ты это сумѣешь сдѣлать.

— Ты это, конечно, не серьезно?

— Совершенно серьезно...

— Не могу, къ сожалѣнію...

— Ты не можешь?.. А если я буду просить тебя на колѣняхъ?.. Если я не уйду отсюда?.. Я тебя сама завезу въ редакцію и подожду на тротуарѣ...

— Катя, ты сошла съ ума...

— А если отъ этого зависитъ вся моя жизнь?..

— Еще разъ: не могу.

— Нѣтъ, ты не хочешь!.. Ты—эгоистка, ты—безчувственная, ты... ты... Однимъ словомъ, я тебя не хочу больше знать и отрекаюсь отъ тебя навсегда. Вотъ до чего ты меня довела, несчастная...

Катя наговорила еще какихъ-то дерзостей, повернулась и, не прощаясь, вышла изъ комнаты. Но изъ коридора она вернулась, вспомнивъ, что позабыла хлопнуть дверью. Пріотворивъ дверь, она просунула голову и заявила:

— Если бы былъ Крюковъ, онъ бы все это сдѣлалъ. Вотъ тебѣ...

Ударъ двери былъ настолько силенъ, что изъ сосѣдняго номера показалась голова Брусницына. Онъ посмотрѣлъ на Катю удивленными глазами и спросилъ:

— Это вы?

— Да, я... то-есть не я, а дверь.

— Но вѣдь такъ можно ее и сломать...

— А вамъ ее жаль, то-есть дверь?.. Какой вы добрый... Вотъ дверь жалѣете, а когда человѣка преслѣдуютъ и губятъ—вамъ все равно. Вы всѣ безчувственные... Ну что ей стоитъ заѣхать въ редакцію? Я подождала бы ее на тротуарѣ... Понимаете: всего нѣсколько словъ. Но это какое-то чудовище, дѣвица безъ сердца, медицинскій препаратъ, сѣверный полюсъ въ юбкѣ, синій чулокъ... Еще никогда и никто въ жизни такъ меня не оскорблялъ! Понимаете?

Ботаникъ смотрѣлъ на разгорячившуюся даму и ничего не могъ понять, что ее еще болѣе разозлило.

— Позвольте, мнѣ кажется, что я васъ гдѣ-то встрѣчалъ,—неожиданно заявилъ онъ и улыбнулся уже совсѣмъ не къ мѣсту.

— Очень даже просто: я сестра вашей Марьи Гавриловны...

— Ахъ, да... Это вы меня называете чучеломъ, а сестру чучелкой? Да, припомнилъ... Но, позвольте, почему же вы называете Марью Гавриловну нашей?

— Какъ я это объясню вамъ, когда вы все равно ничего не поймете...

— Вы думаете, что не пойму?

— Я убѣждена... Идите и скажите вашей Марьѣ Гавриловнѣ, что она просто дрянь и больше ничего. Идите сейчасъ... Что же вы стоите?

— Позвольте... Я все-таки ничего не понимаю, сударыня.

Въ отвѣтъ послышался истерическій плачъ. Брусницынъ взялъ Катю за руку и повелъ къ себѣ въ комнату.

— Вы успокойтесь, ради Бога,—уговаривалъ онъ.—Выпейте воды... Если Марья Гавриловна не могла вамъ помочь, такъ, можетъ-быть, это могу сдѣлать я. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ падать духомъ...

Катя сидѣла на „ученомъ креслѣ“ у письменнаго стола, пила воду, пла-

кала и довольно безсвязно передала, въ чемъ дѣло. Брусницынъ слушалъ ее, поднявъ брови, и никакъ не могъ припомнить, что нужно сдѣлать еще, когда дама плачетъ.

— Послушайте, сударыня, отчего вы мнѣ не объяснили всего сразу? Да я самъ съѣзжу въ редакцію и переговорю... Знаете, мнѣ не разъ случалось имѣть такія объясненія... гм... да... Да поѣдемте хоть сейчасъ. Впрочемъ, нѣтъ, у васъ лицо заплаканное.

— Вы—благородный человѣкъ, единственный благородный человѣкъ...

Эта трогательная сцена была нарушена появленіемъ „чучелки". Елена Петровна очень строго посмотрѣла на Катю, а когда братъ заявилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ редакцію—только пожала плечами.

— Вы меня презираете?—какъ-то по-дѣтски спрашивала ее Катя.

— Я? Я васъ вижу во второй разъ и совсѣмъ не знаю,—съ ледяящей холодностью отвѣтила Елена Петровна.

VII.

Это было довольно курьезное путешествіе. Катя страшно торопилась и попеременно называла Брусницына то Сергѣемъ Петровичемъ, то Петромъ Сергѣичемъ. Она раза два успѣла разсказать о неблагородномъ поступкѣ Честюниной, обругала того же неизвѣстнаго антрепренера и кончила тѣмъ, что, когда они подъѣзжали къ редакціи, изъявила скромное желаніе съѣсть порцію мороженаго.

— Нѣтъ, мы сначала кончимъ дѣло,—протестовалъ Брусницынъ.

Редакція газеты „Уголекъ" помѣщалась недалеко отъ Невскаго, и Катя осталась дожидаться на извозчикѣ. Ей показалось, что прошла цѣлая вѣчность, пока чучело велъ переговоры. Когда онъ вышелъ на подъѣздъ, она заявила:

— Ѣдемте къ Филиппову пить кофе... У меня вся душа замерзла. Вы все устроили?

— Да... то-есть переговорилъ. Редакторъ былъ очень любезенъ и далъ объясненіе по существу. Представьте себѣ, онъ прежде всего спросилъ меня, видѣлъ ли я вашего мужа на сценѣ, и я очутился въ самомъ неловкомъ положеніи...

— И вы не нашлись что-нибудь солгать? Ахъ, Боже мой...

— Но вѣдь я не знаю даже его амплуа?

— Гамлетъ, Карлъ Мооръ, „Бѣдность не порокъ", „Двѣ сиротки"...

— А потомъ редакторъ объяснилъ мнѣ, что... извините... что у вашего мужа никакого таланта нѣтъ, а только однѣ претензіи.

— Это онъ изъ зависти... Противъ мужа ведутъ интригу, и всѣ газеты подкуплены. Я такъ и знала... да. Но это все равно, Петръ Сергѣичъ... Вы вѣдь тоже хотите кофе?..

Мысль о кофе теперь заслоняла рѣшительно всѣ остальныя благородныя побужденія, и Катя даже не могла разсердиться по-настоящему на жестокаго редактора. Выпивъ кофе, она пришла въ свое обычное благодушное настроеніе и весело проговорила:

— Сергѣй Петровичъ, вы, вѣроятно, считаете меня сумасшедшей...

Онъ добродушно улыбнулся, и Катѣ сдѣлалось совсѣмъ весело. А вѣдь онъ славный, чучело... Брусницынъ приходилъ къ тому же заключенію, любуясь своей красивой дамой. Какъ она была хороша сейчасъ, эта милая взбалмошная Катя. Сколько подзадоривающей наивности, веселья, непосредственности—она не жила, а горѣла. Брусницыну хотѣлось ей еще помочь въ

чемъ-нибудь, утѣшить, защитить и опять любоваться этимъ чуднымъ женскимъ лицомъ съ дѣтскими глазами. Ему доставляло наслажденіе смотрѣть, какъ она ѣла пирожное, какъ брала свою чашку кофе, какъ поправляла выбивавшіеся изъ-подъ шапочки волосы и смѣялась отъ каждаго движенія, точно вся состояла изъ одного веселья.

— Я была такъ голодна, что готова была съѣсть Исаакіевскій соборъ,— смѣялась Катя, кончая кофе.—А вотъ съѣла три пирожка и больше не могу... Не правда ли, какъ странно устроенъ человѣкъ?

— О, да... очень странно.

— Вы меня проводите немного, Петръ Сергѣичъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Катя смотрѣла на него улыбавшимися глазами и наслаждалась своей силой. Да, она уже чувствовала его въ своей власти, и ей еще хотѣлось заставить его что-нибудь сдѣлать такое, чего онъ никогда не дѣлалъ. Они вышли изъ булочной подъ руку, какъ хорошіе старые знакомые, и чучело былъ счастливъ, чувствуя, какъ она крѣпко опирается на его руку.

Они шли по Невскому, и Катя останавливалась передъ каждымъ магазинемъ. По пути она успѣла разсказать, какъ случайно познакомилась со своимъ мужемъ, чего ей стоило уйти изъ отцовскаго дома, какъ ее любитъ мужъ, какъ онъ будетъ любить ее еще больше, когда она сдѣлается знаменитой артисткой, и т. д. и т. д.

— Ахъ, цвѣты!.. Боже мой, сколько цвѣтовъ, Сергѣй Петровичъ... Если бы вы знали, какъ я люблю цвѣты. Они вѣдь походятъ на женщинъ и такъ же скоро вянутъ. Если бы они могли говорить... Мнѣ кажется, что въ каждомъ цвѣточкѣ скрыто что-то таинственное, какая-то быстро проходящая тайна, и мнѣ хочется сказать за него: „Любуйтесь мной—я скоро умру“... Потомъ мнѣ хочется иногда плакать, когда я держу цвѣты въ рукахъ. Вы не знаете, почему?

Онъ не зналъ, и ея рука сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Какъ же вы не знаете, когда это уже ваша область, то-есть ботаника? Чему же вы учитесь?

Онъ повелъ ее въ магазинъ, выбралъ букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ и молча поднесъ ей. Катя покраснѣла отъ восторга и спрятала свое счастливое лицо въ цвѣтахъ. Когда они выходили изъ магазина, она проговорила съ грустью:

— Почему вы выбрали бѣлые цвѣты? Они напоминаютъ о смерти...

— Можно перемѣнить... Вернемтесь.

— О, нѣтъ... Это судьба, и противъ судьбы нельзя итти.

Усаживая Катю на извозчика, Брусницынъ сказалъ какимъ-то виноватымъ голосомъ:

— Если вамъ, Екатерина Васильевна, что-нибудь будетъ нужно,—я всегда къ вашимъ услугамъ...

— Вы это серьезно? да?—печально отвѣтила она.—Вѣроятно, у меня такой видъ, какъ у человѣка, который будетъ нуждаться въ чужой помощи?..

Когда Катя скрылась въ живомъ потокѣ двигавшихся по Невскому экипажей, Брусницынъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ стоялъ и улыбался, еще полный полученными впечатлѣніями. Странно, что онъ старался представить ея лицо и не могъ—оно точно испарилось. Но ея голосъ и смѣхъ еще стояли въ его ушахъ, точно далекое эхо, и онъ даже прислушивался къ нему. Куда мчатся эти экипажи? Куда бѣжитъ по панели публика? Почему началъ падать легкій снѣжокъ? Онъ стоялъ и боялся шевельнуться, чтобы не потерять что-то такое хорошее и молодое, что его наполняло сейчасъ. А тутъ еще

мысль о Васильевскомъ островѣ, гдѣ сестра ждетъ его обѣдать. Это уже была проза.

— Извозчикъ...

— Куда прикажете, господинъ?

— На Выборгскую...

Брусницынъ опомнился, только когда они выѣхали на Неву. Извозчикъ, кажется, сошелъ съ ума...

— Вѣдь я тебя на Васильевскій рядилъ?

— Никакъ нѣтъ... На Выборгскую, господинъ.

— Ты ошибаешься... Поворачивай на Васильевскій.

Всю дорогу Брусницынъ думалъ о Катѣ и улыбался. Какая милая послѣдовательность: мороженое, кофе, пирожки, цвѣты... А какъ она хорошо говорила о цвѣтахъ! Не правда ли? И потомъ эта мысль о смерти... Ему вдругъ сдѣлалось ее жаль, жаль именно такой, какой она сегодня была—вѣдь она тоже цвѣтокъ. „Любуйтесь мной—я скоро умру“... А всего удивительнѣе то, что, скажи то же самое, что̀ говорила она—скажи другой, вышло бы и нелѣпо, и глупо, и смѣшно.

„Не правда ли, какъ странно устроенъ человѣкъ?“—подумалъ онъ ея фразой.

Черезъ три дня Брусницынъ получилъ удивительнѣйшее письмо, какое только доставлялъ когда-нибудь петербургскій почтамтъ:

„Возлюбленный (такъ называли другъ друга первые христіане, и если вамъ будетъ угодно когда-нибудь писать мнѣ, то пишите: „возлюбленная“, но только не сестра—у васъ есть сестра, и я не желаю повторяться), бѣлые цвѣты завяли... Я сегодня плакала надъ ними (причины неизвѣстны). Потомъ мнѣ захотѣлось написать вамъ, но я рѣшительно не знаю, о чемъ писать. Еще потомъ: я эти дни много думала о васъ. Ахъ, какъ хорошо думала... Есть такія хорошія-хорошія мысли, которыя трудно назвать словами. Какъ вы опишете розовый или синій цвѣтъ слѣпому? Собственно, это были не мысли, а настроеніе... я чувствую себя добрѣе, лучше и чище, когда такое настроеніе овладѣваетъ мной. Есть высшій обиходъ мыслей и чувствъ, доступный только избранникамъ, есть высшія отношенія, предъ которыми все остальное блекнетъ, какъ ваши бѣлые цвѣты. А я такъ ими любовалась и думала о томъ, какъ хорошо вы тогда меня жалѣли, то-есть когда я уѣхала. Отчего я знаю послѣднее? Я въ высшей степени суевѣрна, и у меня есть постоянно какое-нибудь роковое предчувствіе—это уже область мистической мнительности. Жму вашу руку, возлюбленный. Ядовитый болотный цвѣточекъ Катя“.

Въ припискѣ стояло: „Знаете, цвѣты счастливѣе насъ, потому что не знаютъ самаго ужаснаго чувства—скуки... Конечно, это кто-то сказалъ до меня, но, право, я сама это придумала“.

Брусницынъ перечиталъ это сумасшедшее письмо десятки разъ и находилъ въ немъ все новый смыслъ. Потомъ, онъ ни слова не сказалъ о немъ сестрѣ—это, кажется, былъ еще первый примѣръ его братской неискренности. Что-то мѣшало быть ему откровеннымъ даже съ ней, съ этимъ добрымъ геніемъ, а затѣмъ у него явилось желаніе остаться одному, съ глазу на глазъ только съ самимъ собою. Брусницынъ носилъ письмо постоянно съ собою, какъ талисманъ, и потихоньку перечитывалъ его среди своихъ занятій. Ему тоже хотѣлось написать Катѣ, и онъ тоже не зналъ, что̀ ей писать. Немалымъ препятствіемъ для осуществленія этого намѣренія служило и то, что письмо могло попасть въ руки погибавшаго великаго артиста. Оставалось

думать о Катѣ и смутно чего-то ожидать. Послѣднее было безуміемъ, и Брусницынъ начиналъ провѣрять состояніе своихъ умственныхъ способностей.

Настроеніе получалось, во всякомъ случаѣ, мучительное по своей полной безвыходности. Но изъ него вывело неожиданно новое письмо Кати, полученное ровно черезъ недѣлю.

„Пользуюсь правомъ, которое вы мнѣ дали,—писала она,—и обращаюсь къ вамъ, возлюбленный, съ требованіемъ, чтобы вы были сегодня вечеромъ въ той самой булочной Филиппова, гдѣ мы пили тогда кофе. Я пріѣду ровно въ восемь часовъ вечера".

Брусницынъ, конечно, былъ тамъ, и, конечно, Елена Петровна ничего не знала объ этомъ нарушеніи добрыхъ нравовъ—больше, онъ почему-то счелъ нужнымъ прямо обмануть ее, сказавъ, что отправляется въ какое-то ученое засѣданіе. Для чего онъ сдѣлалъ послѣднее—меньше всего могъ объяснить онъ самъ. Катя заставила подождать себя цѣлыхъ полчаса.

— Какъ вы добры, Сергѣй Петровичъ,—говорила она, крѣпко пожимая его руку.

Она была блѣдна и чѣмъ-то встревожена. Присѣвъ къ столику и не снимая перчатокъ, она проговорила безъ всякихъ предисловій:

— Что̀ бы вы сказали, если бы вмѣсто сегодняшняго письма къ вамъ явилась я сама... и со всѣмъ багажомъ?

— Что̀ такое случилось?

— Меня удержалъ только страхъ предъ вашей милой чучелкой, которая выгнала бы меня въ шею... Я ушла отъ мужа, и мнѣ некуда дѣваться. Рѣшительно некуда... Къ отцу я не могу вернуться, Манюрку ненавижу, близкихъ знакомыхъ нѣтъ...

— Я позволю нескромный вопросъ...

— Почему я ушла отъ мужа? Отвѣтъ не новъ и кратокъ: негодяй... Чтобы убѣдиться въ этомъ маленькомъ словѣ, мнѣ нужно было полгода.

— Послушайте, Екатерина Васильевна, вы человѣкъ увлекающійся и, вѣроятно, преувеличиваете... Да, это бываетъ.

— Нѣтъ, все кончено!..

— Выслушайте меня... Вы раздражены, волнуетесь, преувеличиваете и дѣлаетесь несправедливыми...

— Очень благодарна...

— Вотъ видите: вы даже на меня сердитесь, хотя я желаю вамъ только добра. Хотите, я самъ съѣзжу къ вашему мужу и переговорю съ нимъ?..

— Онъ васъ убьетъ... Вы его не знаете: онъ всѣхъ убьетъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, Катя согласилась, чтобы Брусницынъ съѣздилъ къ мужу. Какъ оказалось, все дѣло вышло изъ-за ревности. Великій артистъ поцѣловалъ за кулисами какую-то хористку, и Катя это видѣла собственными глазами. Положимъ, что за кулисами многое позволяется, и мужъ объяснялъ, что это простой братскій поцѣлуй, но Катя предвидѣла въ будущемъ повтореніе такихъ братскихъ чувствъ.

Они сговорились встрѣтиться черезъ полтора часа здѣсь же, и Брусницынъ поѣхалъ на Выборгскую Сторону. Его встрѣтила Парасковея Пятница.

— Мнѣ бы нужно видѣть господина Зазеръ-Романова,—заявилъ Брусницынъ.

— А для чего его вамъ нужно?

— Позвольте мнѣ не отвѣчать на такой вопросъ...

Парасковея Пятница обидѣлась и молча указала на дверь.

Любопытство было однимъ изъ недостатковъ Парасковеи Пятницы, и

поэтому она осталась въ коридорѣ. Она, какъ охотничья собака, чутьемъ слышала, что гость явился не спроста, и почему-то его появленіе связала сейчасъ же съ исчезновеніемъ Кати. У женщинъ своя логика. И, дѣйствительно, скоро послышался крупный разговоръ, при чемъ упоминалось имя Кати.

— Я удивляюсь одному, почему именно вы явились посредникомъ?—съ гордостью спрашивалъ артистъ.—Кто далъ вамъ такое право?

— Я самъ предложилъ Екатеринѣ Васильевнѣ... Но я тутъ ни при чемъ, и дѣло совсѣмъ не во мнѣ.

— Позвольте, я могу только удивляться вашей смѣлости... Вы, кажется, считаете меня за дурака, милостивый государь? Какое вамъ дѣло до того, цѣловалъ я или не цѣловалъ кого-нибудь за кулисами, и почему именно я долженъ давать объясненія именно вамъ?

Объясненіе было бурное, то-есть горячился артистъ, а гость оставался спокойнымъ, какъ рыба. Потомъ послѣдовало какое-то соглашеніе, и они вышли вмѣстѣ, такъ что Парасковея Пятница имѣла полное основаніе удивляться и приняла гостя за режиссера.

— Въ сущности, конечно, всегда нужно уступать женщинѣ...—говорилъ артистъ, когда они садились на извозчика.

— Непремѣнно...—подтверждалъ Брусницынъ.—Она ждетъ насъ въ булочной, и вы извинитесь. Развѣ это трудно сдѣлать?

— Гм... Что же, я, собственно говоря, всегда готовъ... да...

VIII.

Зима пролетѣла совершенно незамѣтно. Честюнина усиленно готовилась къ экзамену за первые два курса и невольно подводила итоги своимъ знаніямъ, что приводило ее въ отчаяніе. Въ сущности, она, какъ и другія, хорошенько ничего не знала, а только нахватала вершковъ. Особенно огорчали ее практическія занятія анатоміей, химіей и гистологіей,—не хватало времени, а каждая наука была интересна сама по себѣ. Ей особенно нравился профессоръ гистологіи Бобровъ, энергичный, умный и суровый человѣкъ—послѣднее, впрочемъ, относилось къ ихъ женскимъ курсамъ, а студенты на него не жаловались. А какъ онъ увлекательно читалъ свои лекціи... Одна такая лекція, въ которой онъ говорилъ о знаменитомъ французскомъ ученомъ Бишà, навсегда осталась у нея въ памяти. Недоразумѣнія происходили главнымъ образомъ на практическихъ занятіяхъ, когда Бобровъ дѣлался особенно требовательнымъ и даже разносилъ курсистокъ за небрежную работу съ микроскопомъ. Когда онъ появлялся, многія бросали свои препараты. Другая лекція, которая произвела на Честюнину еще болѣе сильное впечатлѣніе, была по химіи, и случайно читалъ ее академикъ Зиминъ. Рѣчь шла о водородѣ, какъ о металлѣ въ газообразномъ состояніи. Старикъ-ученый говорилъ о водородѣ съ такимъ увлеченіемъ, больше—съ какой-то страстной любовью, говорилъ просто и вмѣстѣ картинно. Одна такая лекція стоила цѣлаго курса, потому что давала методъ. Одно—быть ученымъ, а другое—умѣть передать свои знанія слушателямъ. Эти двѣ лекціи произвели глубокое впечатлѣніе на Честюнину и послужили поворотнымъ пунктомъ въ ея жизни. Онѣ являлись для нея чѣмъ-то въ родѣ приговора. Да, ея жизнь была здѣсь и нигдѣ больше, и она чувствовала себя глубоко счастливой, а главное—спокойной, какъ человѣкъ, застраховавшій свою жизнь.

Черезъ Брусницыныхъ Честюнина, какъ мы уже говорили, познакомилась съ университетскими начинающими учеными, къ которымъ первое время относилась немного скептически. Недавнее студенчество въ нихъ быстро

выдѣтривалось, замѣняясь новыми стремленіями, интересами и задачами. Тутъ уже не было молодыхъ увлеченій, охватывавшихъ цѣлый міръ, горизонтъ суживался и цѣли были яснѣе, ближе и понятнѣе. Каждый работалъ въ своемъ маленькомъ уголкѣ, и эта работа постепенно заслоняла все остальное. Это былъ своего рода ученый искусъ, черная работа, а горизонты только предчувствовались еще впереди. Типичнѣйшимъ представителемъ этой молодой науки оставался все-таки Бруснициынъ. Онъ долженъ былъ кончить свою работу къ веснѣ, но почему-то не кончилъ, что волновало и мучило Елену Петровну.

— Я просто не узнаю брата,—жаловалась она Честюниной.—Какой-то онъ странный... Вообще, не понимаю.

Въ первое время Елена Петровна относилась къ Честюниной какъ-то недоверительно, по крайней мѣрѣ, такъ ей казалось, но это чувство изгладилось и замѣнилось другимъ. Честюнина, въ свою очередь, очень полюбила эту выдержанную строгую дѣвушку, въ которой каждое чувство, каждая мысль и каждое движеніе отличались необыкновенной цѣльностью. Елена Петровна не выносила никакой фальши и только страдала, когда слышала что-нибудь въ этомъ родѣ. У нея постепенно развивался спеціально-женскій пессимизмъ и терялась живая вѣра въ людей. Міръ представлялся ей въ какомъ-то туманѣ, точно окутанный флеромъ. Зачѣмъ люди злы, несправедливы, порочны? И какъ все просто, если бы люди не лгали, не обманывали другъ друга и не дѣлали зла. Вѣдь это совсѣмъ не такъ трудно, потому что требуются только отрицательныя достоинства.

Интереснѣе всего были моменты, когда Елена Петровна обрушивала все свое негодованіе на Эжена, какъ живое олицетвореніе всевозможнаго зла. Происходили удивительныя сцены, которыя смѣшили Честюнину до слезъ. Эженъ выслушивалъ все съ джентльменскимъ терпѣніемъ и возражалъ съ самой изысканнѣйшей вѣжливостью, то-есть даже не возражалъ, а позволялъ себѣ говорить „послѣднее слово подсудимаго".

— Мужчина самое грубое существо, вѣрнѣе—замаскированный звѣрь,—обличала Елена Петровна съ методичностью и хладнокровіемъ опытнаго прокурора.—Въ душѣ всѣ мужчины относятся къ намъ съ глубокимъ презрѣніемъ, а ихъ увлеченія—только вспышки самаго грубаго эгоизма. Начать съ того, что они не признаютъ въ насъ человѣка, а только милую, болѣе или менѣе забавную игрушку. Женщина имѣетъ цѣну, только пока она молода и красива... Будь она мегіемъ, и на нее никто не взглянетъ, если она не красива.

— А женщины?

— Женщины неизмѣримо выше... Онѣ цѣнятъ больше всего умъ, талантъ, энергію, убѣжденія—вообще проявленіе генія въ той или другой формѣ.

— Елена Петровна, если бы женщинѣ представилось выбрать между двумя мужчинами, приблизительно равнодушными по нравственнымъ достоинствамъ, но отличавшимися физическими качествами—полагаю, что преимущество было бы на сторонѣ болѣе красиваго и молодого...

— Само собой разумѣется...

— Ergo?..

— Ergo, всякое безобразіе и даже старость есть результатъ тѣхъ пороковъ, какимъ мужчины предаются съ момента своей мнимой самостоятельности. Мнѣ даже дѣлается страшно, когда я начинаю думать на эту тему... Начинаешь не вѣрить даже самой себѣ.

— Значитъ, вы отрицаете возможность исправленія?

— Совершенно... Всякое исправленіе предполагаетъ собственное желаніе

исправиться, а именно этого и недостаетъ вамъ всѣмъ, Эженъ. Вы когда-нибудь, напримѣръ, задумывались, что вы такое?

— То-есть какъ задумываться? Гм... Конечно, каждый человѣкъ думаетъ о себѣ...

— Я хочу сказать о вашихъ недостаткахъ.

— Ахъ, да... Но это старая исторія, какъ міръ. Къ сожалѣнію, Елена Петровна, я не могу вамъ представить нѣкоторыхъ соображеній по психологіи порока. Вѣдь по своему существу порокъ совсѣмъ ужъ не такъ дуренъ...

— Замолчите, несчастный!..

— Вотъ видите, съ вами нельзя говорить серьезно.

Елена Петровна говорила Эжену очень рѣзкія вещи и удивлялась, что какъ-то не можетъ разсердиться на него по-настоящему. Это уже былъ несомнѣнный признакъ слабости, и, оставшись одна, она дѣлала строгій выговоръ самой себѣ. Въ сущности, этого испорченнаго мальчишку не слѣдуетъ пускать въ комнату, не то что разговаривать съ нимъ, а тѣмъ болѣе—спорить. А съ другой стороны, въ немъ была какая-то такая безобидная наивность, которая совершенно обезоруживала. Если бы онъ получилъ другое воспитаніе и не вращался въ испорченной средѣ разныхъ шелопаевъ, право, изъ него могъ бы выйти совсѣмъ недурной человѣкъ. Отсюда уже логически самъ собой вытекалъ вопросъ объ исправленіи Эжена, и Елена Петровна иногда думала объ этомъ.

Разъ, во время одного спора съ Эженомъ, Елена Петровна почувствовала на себѣ пристальный, наблюдающій взглядъ Честюниной и смутилась до того, что даже покраснѣла. Потомъ ей начало казаться, что Честюнина какъ-то особенно къ ней ласкова и что она что-то такое знаетъ, чего не рѣшается высказать прямо. Послѣдняго она и желала и боялась. Послѣднее случилось неожиданно, когда онѣ ѣхали куда-то на извозчикѣ.

— Елена Петровна, вы никогда не любили?—спросила Честюнина, продолжая какую-то свою мысль.

Елена Петровна вздрогнула и даже отодвинулась отъ нея, а потомъ отвѣтила рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ... И не потому, что это не стоитъ, а такъ какъ-то, линія не выходила, просто было некогда...

Честюнина подумала и продолжала:

— По-моему, нѣтъ ничего печальнѣе на свѣтѣ, какъ эта хваленая любовь... Обиднѣе всего то, что это все-таки самый рѣшительный моментъ въ жизни каждаго, и именно въ такой рѣшительный моментъ человѣкъ теряетъ и душевное настроеніе и самообладаніе и вообще дѣлается невмѣняемымъ. Когда я встрѣчаю влюбленную парочку, мнѣ дѣлается впередъ больно...

IX.

Настоящее веселье приходитъ тогда, когда его совсѣмъ не ждутъ. Честюнина совершенно не думала о томъ, какъ проведетъ лѣто—приходилось сдавать трудные экзамены за два курса и было не до размышленій о будущемъ. Правда, когда пахнуло больной петербургской весной, явилось смутное желаніе какой-то воли, простора и свѣжаго воздуха. Кругомъ всѣ говорили о переѣздѣ на дачу, о счастливыхъ лѣтнихъ уголкахъ, „о блаженной жизни первыхъ человѣковъ“ вообще, какъ выражался Эженъ. Только у Брусницыныхъ не было ничего подобнаго. Увы!—диссертація не была кончена, и Елена Петровна глухо молчала, когда слышались лѣтніе разговоры. Честюнина

понимала, что Сергѣю Петровичу предстояло провести цѣлое лѣто въ Петербургѣ—это было наказаніе за легкомысленное поведеніе зимой.

— Мнѣ Елена Петровна пропишетъ эпитимію... — сообщилъ Сергѣй Петровичъ по секрету Честюниной. — Буду искушать свою грѣшную душу лѣтней пылью, жаромъ и духотой въ предѣлахъ Васильевскаго острова. Ce que femme veut—Dieu le veut.

— И вы впередъ покорились своей судьбѣ?

— А что̀ сдѣлаешь съ женщиной?.. Мнѣ-то все равно, пожалуй, гдѣ ни сидѣть, а жаль ее... Она-то изъ-за чего будетъ чахнуть все лѣто?.. А вы куда?

— Никуда...

Когда экзамены кончились, Честюниной очень хотѣлось увидать дядю. Ей было жаль старика, который не смѣлъ къ ней показаться. Еленѣ Ѳедоровнѣ угодно было ревновать его къ родной племянницѣ... Эженъ бывалъ въ послѣднее время очень рѣдко—у него тоже были экзамены.

— Предки собираются за границу, — объяснилъ онъ какъ-то. — Меня мутерхенъ тоже хочетъ тащить съ собой, а я...

— Ты влюбленъ въ Елену Петровну?..

— Да... Я уже объяснялъ тебѣ, Маріэтта, что именно такого сорта женщины мнѣ и нравятся: строгая, неподступная, карающая, неумолимая и жестокая. Я жажду сладкаго рабства... Впрочемъ, у меня это въ крови отъ предковъ: папахенъ несетъ иго всю жизнь. Собственно говоря, я не завидую старику и предчувствую, что устроюсь еще похуже. Представь себѣ меня мужемъ Елены Петровны... Если она такъ скрутила любезнаго братца, то что̀ она сдѣлаетъ изъ мужа—страшно подумать! И все-таки я ее люблю, и меня такъ и тянетъ къ ней, какъ робкаго путешественника тянетъ заглянуть на дно пропасти.

— Эженъ, устрой мнѣ свиданіе съ предкомъ... Мнѣ его хочется видѣть передъ отъѣздомъ. Я хотѣла ему написать, но...

— Боже тебя сохрани! Мутерхенъ всѣ письма ревизуетъ... Я много страдалъ изъ-за этого скромнаго занятія. Да, такъ я устрою тебѣ свиданіе, а ты... услуга за услугу... гм...

— Именно?

— Видишь ли, самъ я не рѣшаюсь, а ты, какъ будто шутя, переговори съ Еленой Петровной... Понимаешь? Что̀ бы она сказала, если бы я... гм...

Честюнина смѣялась до слезъ, слушая это робкое признаніе неопытнаго юноши. Эженъ даже обидѣлся.

— Чему же ты смѣешься, Маріэтта? Нисколько не смѣшно... Я говорю совершенно серьезно. Знаешь, я и имя придумалъ: Эллисъ... Вѣдь красиво? Вотъ ты ничего не замѣчаешь, а когда мы пьемъ вмѣстѣ чай, я смотрю на нее и повторяю: „Эллисъ... милая Эллисъ... сердится Эллисъ... дорогая, чудная, божественная Эллисъ!..“ Если бы она только подозрѣвала, какъ я ее называю... ха-ха!.. А потомъ какой я сонъ на-дняхъ видѣлъ...

— Чего же тебѣ еще нужно?.. Кажется, ты достигъ уже вершины возможнаго на землѣ счастья...

— Маріэтта, ты смѣешься надъ самымъ святымъ чувствомъ... Я буду умолять тебя на колѣняхъ: переговори съ ней... То-есть не говори прямо—это глупо называть вещи своими именами, а такъ, попытай... Она говоритъ обо мнѣ?

— Да, и очень часто... Удивляется, что ты такой шелопай.

— Боже мой, какъ я счастливъ!.. Вниманіе погубило первую женщину.

Свиданіе состоялось вечеромъ въ Румянцевскомъ скверѣ, куда Анохинъ явился съ портфелемъ. Дома онъ сказалъ, что ѣдетъ въ какую-то комиссію. Старикъ сильно измѣнился и смущенно проговорилъ:

— Маша, ты, конечно, догадываешься, почему я не бываю у тебя... Глупѣе положенія трудно придумать. Помнишь, какъ въ прошломъ году мы мечтали это лѣто провести въ Сузумьѣ? А я долженъ тащиться за границу, въ какой-то дурацкій Франценсбадъ... Еще разъ глупо и нелѣпо. Ты, конечно, ѣдешь на лѣто домой?

— Мнѣ очень бы хотѣлось, дядя, но...

— Гм... да... понимаю. Катя мнѣ разсказывала... Да, пожалуй, дѣйствительно, не совсѣмъ удобно. Эти романы между друзьями дѣтства всегда такъ кончаются... А если онъ хорошій человѣкъ, Маша?

— Я его не люблю, дядя... и никого не люблю. Да, кажется, и не въ состояніи кого-нибудь любить...

— Ну, это, положимъ, пустяки...

— Нѣтъ, совершенно серьезно. И я такъ счастлива быть только самой собой... Что хочу, то и дѣлаю, и никому не даю ни въ чемъ отчета. Худо—мое, хорошо—мое...

— Но вѣдь это скучно, Маша?..

Старикъ подумалъ, взялъ ее за руку и проговорилъ:

— И не выходи замужъ... да. Самое благоразумное... У тебя есть святое дѣло, которое наполнитъ всю жизнь. Я понимаю...

— Дѣло дѣломъ, дядя, но я убѣдилась въ томъ, что нужно имѣть особую натуру для такъ называемаго семейнаго счастья. А у меня именно этого и недостаетъ... Вѣдь это величайшее счастье быть одинокимъ!..

Анохинъ посмотрѣлъ на племянницу невѣрящими глазами и тяжело вздохнулъ. Господи, если бы ему отъѣтила этими словами его собственная дочь!.. Чего бы онъ не далъ!.. Старая отцовская рана раскрылась, все то, что молчалось и только думалось.

— Маша, гдѣ Катя?—тихо спросилъ старикъ какимъ-то не своимъ голосомъ.—Она мнѣ зимой послала записку съ Эженомъ... Мнѣ кажется, что она ненормальна. Ты ее давно видѣла?

— Не особенно давно... Если въ ней есть что ненормальное, такъ это то, что она теперь замужняя женщина.

Старикъ схватился за голову и глухо застоналъ.

— Замужняя женщина?.. О, Господи...

Въ слѣдующую минуту онъ схватилъ Честюнину за руку и тихо проговорилъ:

— Я все пережилъ, Маша... Для меня сейчасъ Катя какъ покойница... да, живая покойница. Я знаю ея характеръ и знаю, что ко мнѣ она не обратится никогда, что бы съ ней ни было. Она придетъ къ тебѣ въ минуту горя... Маша, заклинаю тебя всѣмъ святымъ, не оставляй ея!.. Что нужно—я все сдѣлаю для нея, но только, чтобы объ этомъ никто не зналъ, а всѣхъ меньше сама Катя... Вотъ я сейчасъ сказалъ, что она умерла для меня, и соврал: для отца съ матерью дѣти не умираютъ. И мнѣ все кажется, что она придетъ ко мнѣ—нѣтъ, не придетъ, а вспомнитъ. Я даже во снѣ слышу ея голосъ... Она мнѣ все кажется маленькой, безпомощной, и я все ее защищаю отъ чего-то...

— Что же я должна дѣлать, дядя?

— Все, что нужно... А главное, не оставляй ея. Ты мнѣ дашь честное слово, Маша... Я тебѣ только одной вѣрю, какъ простой и хорошей русской дѣвушкѣ.

— Я и безъ твоей просьбы, дядя, все сдѣлала бы... Ты меня наконецъ обижаешь. .

— Нѣтъ, мнѣ нужно слышать отъ тебя честное слово... Да?

— Честное слово, дядя... Я люблю Катю, какъ родную сестру. Она хорошая...

— Хорошая? Вотъ въ этомъ и вся ея бѣда... Вся хорошая... Какъ отецъ я могу ошибаться, быть пристрастнымъ, но—Боже!—какъ я ее люблю... Я постоянно думаю о ней, вижу ее... Да нѣтъ, что̀ тутъ говорить... Такихъ и словъ нѣтъ, Маша.

Они разстались очень грустно. Анохинъ начиналъ нѣсколько разъ прощаться и что-то припоминалъ еще.

— Она любитъ конфеты, Маша... ты какъ будто отъ себя приноси ей...

— Хорошо.

— Потомъ... да... Ахъ, да, она любитъ разныя тряпки... Роскоши я не выношу, но... Если ей что-нибудь нужно... да... Однимъ словомъ, сдѣлай все, Маша.

Старикъ ушелъ изъ сквера, пошатываясь, какъ пьяный. Честюнина проводила его со слезами. Какой чудный, хорошій, простой старикъ... Вѣдь такой любви нѣтъ цѣны, и если бы Катя могла когда-нибудь понять ее. У Честюниной оставалось какое-то недовѣріе къ Катѣ... Слишкомъ было много въ ней совсѣмъ неудобныхъ порывовъ, подкупавшихъ яркостью красокъ, но все это были минутныя вспышки, и нельзя было поручиться за слѣдующій день.

Вопросъ о лѣтѣ разрѣшился совершенно неожиданно. Во-первыхъ, явился Крюковъ, блѣдный, больной, несчастный. Онъ разыскалъ Честюнину, чтобы передать ей работу у профессора Трегубова.

— Мнѣ ее давно обѣщали, теперь получилъ и не могу...—объяснилъ онъ съ грустной улыбкой.—Вотъ и пришелъ предложить вамъ. Вѣдь вы съ грѣхомъ пополамъ можете мараковать и по-французски и по-нѣмецки?

— Попробую...

— Работа не трудная, но требуетъ большой аккуратности. Долженъ васъ предупредить, Марья Гавриловна, что Трегубовъ человѣкъ очень требовательный, хуже всякаго нѣмца... Вообще жила. Да... Я у него работалъ и не обращалъ вниманія. Пусть его ворчитъ и ругается... Говорятъ, у него печень вся въ дырьяхъ—вотъ онъ и злится.

Честюнина была рада этой работѣ, но маленькое затрудненіе получалось только въ томъ, что Трегубовъ жилъ на дачѣ въ Озеркахъ.

— Что̀ же, и вы наймите себѣ тамъ же комнатку,—совѣтовалъ Крюковъ.—Мѣсто очень хорошее...

— Я знаю... Но вѣдь нужны деньги для дачи, а ихъ у меня нѣтъ.

Крюковъ подумалъ и совершенно серьезно проговорилъ:

— У кого же нынче есть деньги?.. Вотъ и у меня нѣтъ... Долженъ оставаться на лѣто въ Петербургѣ, а доктора совѣтуютъ ѣхать въ Крымъ или въ Ментону. Дураки...

Дамы отнеслись съ большимъ участіемъ къ положенію больного Крюкова, особенно Елена Петровна. Онѣ придумывали всевозможныя средства, какъ бы его устроить на лѣто. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что деньгъ онъ не возьметъ, а подъ видомъ работы помощи тоже не приметъ. Судили-рядили и въ концѣ концовъ обрушились на Сергѣя Петровича.

— Ты—мужчина и долженъ его устроить,—рѣшительно заявила Елена Петровна.—Бѣгать по редакціямъ съ рекламами умѣешь, мирить женъ съ мужьями тоже.

— Что же я?.. Я, конечно, съ большимъ удовольствіемъ... Однако, Леля, при чемъ тутъ я? Должна быть наконецъ равноправность...

— Презрѣнный и ничтожный человѣкъ!.. Эгоистъ... Если бы дѣло шло о какой-нибудь юбкѣ... Мнѣ совѣстно говорить!..

Сергѣй Петровичъ малодушно спасался за свой письменный столъ и даже баррикадировалъ свою особу разными фоліантами. Мало ли бѣдныхъ студентовъ и больныхъ людей—что же онъ можетъ сдѣлать? Это только женскій мозгъ могъ придумать, что именно онъ долженъ благотворить студенту, который вдобавокъ еще обругаетъ его за непрошенное вмѣшательство. Даже Честюнина, всегда спокойная и выдержанная, замѣтила ему:

— Сергѣй Петровичъ, вы, конечно, придумаете что-нибудь... Мы съ Еленой Петровной рѣшительно ничего не могли изобрѣсти.

— Марья Гавриловна, и вы?!. Что же, по-вашему, у меня двѣ головы, десять, сто? А меня вы, вѣроятно, принимаете за Наполеона, волшебника, Чингизхана?

X.

Выходъ нашелся самъ собой. Честюниной приходилось ѣхать на дачу къ Трегубову съ Крюковымъ. Елена Петровна нашла, что Сергѣю Петровичу можно позволить подышать свѣжимъ воздухомъ одинъ вечерокъ, и она внушительно посовѣтовала ему ѣхать съ молодыми людьми.

— Я вполнѣ довѣряю тебя Марьѣ Гавриловнѣ...

— Какъ довѣряютъ разстроенное фортепіано настройщику?

Честюнина была тронута такимъ довѣріемъ и потащила за собой Елену Петровну.

— Поѣдемте всѣ вмѣстѣ, Елена Петровна... Вѣдь можно же себѣ позволить всего одинъ вечерокъ? Ну, сдѣлайте это для меня...

Елена Петровна нѣсколько времени колебалась, точно ее уговаривали поджечь домъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, и только по зрѣломъ размышленіи согласилась. Дѣло въ томъ, что, пока Честюнина и Крюковъ будутъ вести переговоры съ Трегубовымъ, Сергѣй Петровичъ останется одинъ. Да, совершенно одинъ... Развѣ за такого человѣка можно поручиться? Просто, пойдетъ въ паркъ и заблудится.

— Такъ и быть...—согласилась наконецъ Елена Петровна.

День былъ солнечный, теплый, хорошій. Всѣ четверо замѣтно оживились, потому что Крюкову пришла счастливая мысль ѣхать отъ самаго Васильевскаго острова до Выборгской Стороны на яликѣ. Это простое обстоятельство всѣхъ развеселило, и Сергѣй Петровичъ даже вспомнилъ съ радости, что вѣдь онъ хорошо знакомъ съ этимъ Трегубовымъ и постоянно встрѣчается.

— Что же ты молчалъ до сихъ поръ?—разсердилась Елена Петровна, то-есть, вѣрнѣе сказать, хотѣла разсердиться, но Нева такъ красиво переливалась на солнцѣ, мимо бѣжали такъ весело финляндскіе пароходики, яличникъ смотрѣлъ на господъ и такъ весело-глупо улыбался, что сердиться было невозможно.

Это хорошее настроеніе не оставляло всю компанію вплоть до Озерковъ, и, выходя изъ вагона, Сергѣй Петровичъ проговорилъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ:

— Отчего мнѣ сегодня всѣ женщины кажутся хорошенькими?

Всѣмъ сдѣлалось окончательно весело, и даже смѣялась Елена Петровна. Ей дорогой пришла счастливая мысль, которую она сейчасъ же и сообщила

Честюниной, именно, отчего не пристроить Крюкова къ Сергѣю Петровичу—стоитъ сказать только, что онъ запоздалъ съ диссертаціей и страшно спѣшитъ. А подъ видомъ работы можно и помочь ему совершенно незамѣтно. Честюнина одобрила этотъ планъ и прибавила, что можно даже такъ устроить, какъ будто Крюковъ дѣлаетъ одолженіе. Онъ будетъ и завтракать и обѣдать у Брусницыныхъ—однимъ словомъ, отлично.

— Пока вы будете у Трегубова, я это все устрою съ братомъ,—шепнула Елена Петровна.—Онъ страшный эгоистъ, какъ всѣ мужчины...

Озерки только еще начинали застраиваться новенькими дачками, и молодая компанія восхищалась каждой постройкой. Боже мой, есть же счастливцы, которые будутъ жить все лѣто въ сосновомъ лѣсу, будутъ купаться, будутъ кататься на лодкахъ, будутъ дышать свѣжимъ воздухомъ и т. д. Имъ должно быть даже совѣстно немного, потому что другіе лишены всего этого. Они раза два останавливались передъ дачами и вслухъ мечтали. Кто будетъ жить на такой дачѣ?—Онъ, вѣроятно, чиновникъ, а она хорошенькая глупенькая блондинка—въ послѣднемъ всѣ были увѣрены. По утрамъ въ дачномъ садикѣ будетъ гулять кормилица съ ребенкомъ, а по вечерамъ на террасѣ будутъ винтить. Въ скверные дни она будетъ капризничать, жаловаться на судьбу, находить себя самой несчастной женщиной (потому что у сосѣдей дачи лучше) и устраивать жестокія сцены своему чиновнику.

— Я почти вижу все это...—увѣрялъ Крюковъ.—Потомъ у нихъ не будетъ денегъ на переѣздъ въ городъ, и она будетъ ворчать...

Особенно понравилась одна небольшая двухъэтажная дачка, имѣвшая самый любезный, „приглашающій“ видъ, какъ выразился Крюковъ.

— Господа, зайдемте и посмотримъ,—предложилъ онъ, начиная уже школьничать.—Другіе могутъ же смотрѣть дачи, отчего же и намъ не позволить такой роскоши... Будто мы одна семья: два брата и двѣ сестры.

— Нѣтъ, будто двѣ счастливыхъ парочки,—поправилъ Сергѣй Петровичъ.—Mesdames, ваши руки... Пожалуйста, примите нѣжное выраженіе...

Даже Елена Петровна не протестовала, подавая руку Крюкову. Когда явился дворникъ, всѣмъ хотѣлось расхохотаться. Сергѣй Петровичъ говорилъ неестественно громко, ковырялъ пальцемъ не высохшую хорошенько краску и задавалъ дворнику самые смѣшные вопросы, въ родѣ того, откуда дуетъ въ Озеркахъ вѣтеръ, нѣтъ ли бѣшеныхъ собакъ, не играютъ ли сосѣди на флейтѣ, не пьетъ ли запоемъ хозяинъ и т. д. Дворникъ понялъ, что господа шутятъ, надѣлъ фуражку и никакъ не могъ отвѣтить что-нибудь остроумное. Честюнина смѣялась до слезъ и говорила Сергѣю Петровичу „ты“.

— Шутки вы шутите, господа хорошіе,—проговорилъ наконецъ дворникъ.—А я человѣкъ обвязанный, напримѣръ, предъ своимъ хозяиномъ... значитъ, воопче...

— Ты это намекаешь о своемъ желаніи получить на чаекъ?—сурово спросилъ Сергѣй Петровичъ.—Нехорошо, мой другъ... Мы не желаемъ портить твоего характера.

Когда они уходили, у Честюниной мелькнула счастливая мысль превратить шутку въ дѣйствительность.

— А что, Сергѣй Петровичъ, если мы возьмемъ да и наймемъ эту дачу? Въ самомъ дѣлѣ... Мы бы съ Еленой Петровной поселились наверху, а вы съ Крюковымъ внизу. Право, комбинація вышла бы не дурная.

— C'est le mot...

Составился экстренный военный совѣтъ. Дача стоила сто рублей, что

на четверыхъ составляло по 25 рублей. За цѣлое лѣто совсѣмъ не дорого. Елена Петровна была совсѣмъ согласна и противорѣчила только изъ принципа.

— Вы не забудьте, что отъ этого можетъ зависѣть судьба Крюкова,— шепнула Честюнина.

— Я согласна...—рѣшила Елена Петровна.

Брусницынъ сейчасъ же выдалъ дворнику задатокъ, и дѣло было кончено въ какихъ-нибудь полчаса.

— Хорошія дѣла всегда дѣлаются вдругъ,—философствовалъ Сергѣй Петровичъ.—Кстати, въ моемъ банкѣ остается всего три рубля, господа, и, какъ на зло, мнѣ хочется закусить, какъ и вамъ всѣмъ. Что̀ мы будемъ дѣлать?

Всѣ были въ возбужденномъ состояніи, и всѣмъ казалось ужасно смѣшнымъ, что у Сергѣя Петровича всего три рубля. Столько же нашлось у Честюниной, а у Крюкова и Елены Петровны вмѣстѣ—рубль.

— Господа, да вѣдь это цѣлый англійскій банкъ!.. Ура!.. Мы даже можемъ позволить себѣ бутылку вина... Однимъ словомъ, получается звѣрство.

Пока Честюнина и Крюковъ ходили къ профессору, Елена Петровна занялась осуществленіемъ своего плана.

— Я рада, что все такъ случилось,—говорила она.—Крюковъ будетъ тебѣ помогать...

— Совсѣмъ мнѣ не надо никакого Крюкова...—протестовалъ Брусницынъ.

— Я сказала, что нужно... да... Тебѣ будетъ совѣстно ничего не дѣлать, когда подъ носомъ будетъ помощникъ. Затѣмъ, я не знаю естественныхъ наукъ, а онъ кое-что знаетъ, потому что уже на третьемъ курсѣ...

Брусницыну ничего не оставалось, какъ только согласиться. Если Елена Петровна хочетъ, то что̀ же подѣлаешь?..

Крюковъ и Честюнина вернулись довольно скоро. Все дѣло съ профессоромъ было покончено въ нѣсколько минутъ. Теперь можно было ѣхать домой. Но всѣмъ хотѣлось остаться еще въ Озеркахъ.

— Если бы гдѣ-нибудь пообѣдать...—соображалъ Сергѣй Петровичъ.— Но здѣсь нѣтъ ресторана....

— Нѣтъ, есть...—вспомнила Честюнина.—Пойдемте въ театръ. Я тамъ бывала прошлымъ лѣтомъ съ Катей... Тамъ все найдемъ.

Всѣ обрадовались еще разъ. Начиналъ уже мучить голодъ. Конечно, было бы лучше закусить гдѣ-нибудь прямо на травкѣ или въ сосновомъ лѣсу, но никому не пришло въ голову запастись въ городѣ всѣмъ необходимымъ для этого. Елена Петровна немного нахмурилась, но не спорила. До театра было вдобавокъ недалеко, и это служило до нѣкоторой степени смягчающимъ обстоятельствомъ.

— Теперь тамъ никого нѣтъ,—замѣтила Честюнина, точно желая оправдаться въ невольной винѣ.

Но ей пришлось сейчасъ же раскаяться. Когда вся компанія вышла на террасу, гдѣ стояли ресторанные столики, первое, что̀ бросилось въ глаза— былъ Эженъ... Да, онъ сидѣлъ съ какой-то дамой въ самой невѣроятной шляпѣ и мужчиной въ цилиндрѣ. Эженъ сразу узналъ всю компанію и смѣло подошелъ прямо къ Еленѣ Петровнѣ.

— Вотъ удивительный случай, Елена Петровна...—бормоталъ онъ.— Вы не откажетесь присѣсть за нашъ столикъ? Все свои: сестра и зять. У нихъ сегодня была репетиція, а потомъ мы устроились тутъ провести время до спектакля... Здравствуйте, Маріэтта!.. Сергѣй Петровичъ, какъ поживаете?..

Господа, милости просимъ... Я кончилъ экзамены и теперь похожу на верблюда, нагруженнаго золотомъ. Мутерхенъ по предварительному соглашенію выдала мнѣ цѣлыхъ три красныхъ билета...

Компанія немного смутилась, но отступать было неудобно. Сергѣй Петровичъ уже здоровался съ Катей, Честюнина тоже подошла къ ней. Катя подошла къ Еленѣ Петровнѣ, стоявшей въ нерѣшительности, и проговорила:

— Елена Петровна, вы хотя и не особенно пріятно удивлены этой встрѣчей, но, надѣюсь, не откажетесь посидѣть съ нами...

— Мнѣ рѣшительно все равно...—довольно сухо отвѣтила Елена Петровна, разсматривая стоявшій на ихъ столикѣ ананасъ и морозившуюся въ мельхіоровомъ ведрѣ бутылку шампанскаго.

— Вотъ и отлично... Я вамъ представлю сейчасъ своего мужа.

Артистъ подошелъ своимъ журавлинымъ театральнымъ шагомъ и отрекомендовался. Елена Петровна отвѣтила ему не безъ ядовитости:

— Да, я много слышала о васъ... какъ объ артистѣ.

Эженъ трепеталъ за эту сцену и умоляюще смотрѣлъ на Честюнину, которая весело улыбалась.

Первая неловкость этой неожиданной встрѣчи скоро исчезла. Сергѣй Петровичъ все время разговаривалъ съ Катей, Эженъ занималъ Елену Петровну, Честюнина досталась великому артисту и Крюкову. Послѣдній впалъ сразу въ дурное настроеніе и съ скрытымъ озлобленіемъ посматривалъ на Эжена.

— Несчастный вертихвостъ...—ворчалъ онъ.

Катя смотрѣла съ кошачьей ласковостью на Сергѣя Петровича и шептала вопреки всѣмъ свѣтскимъ приличіямъ:

— Возлюбленный, вы меня забыли совсѣмъ. А я опять думала о васъ...

— Я тоже, Екатерина Васильевна.

— Мужъ знаетъ, что я васъ называю возлюбленнымъ, и я сказала бы это громко, если бы не боялась вашей чучелки... Это ужасная женщина.

— Не ужаснѣе другихъ...

— Возлюбленный хочетъ быть злымъ... Посмотрите на Эжена. Ха-ха... Онъ безъ ума влюбленъ въ чучелку... А вы не замѣчали?.. Братья въ этомъ случаѣ раздѣляютъ участь обманутыхъ мужей и узнаютъ горькую истину послѣдними...

Импровизированный на скорую руку обѣдъ прошелъ почти весело, если бы это веселье не отравлялось присутствіемъ Крюкова. Онъ молчалъ и смотрѣлъ на всѣхъ съ уничтожающимъ презрѣніемъ, какъ огорченный въ лучшихъ чувствахъ философъ.

Честюнина съ тревогой посматривала на Крюкова и начинала опасаться, какъ бы не вышло какого-нибудь непріятнаго инцидента.

— Что̀ вы сидите букой?—шепнула она ему.

— Чему же мнѣ радоваться?

— Будьте, какъ всѣ другіе...

— Благодарю васъ... И безъ меня достаточно *кавалеровъ*, какъ вашъ двоюродный братецъ. Обезьяна какая-то...

— Не злитесь... Онъ немного шелопай, но не такой злой, какъ вы.

Въ этотъ моментъ случилось нѣчто такое, что̀ всѣхъ повергло въ изумленіе. Эженъ истощилъ всѣ усилія, угощая свою даму — шампанскаго она не пила, къ ананасу отнеслась довольно равнодушно. И вдругъ послѣ обѣда Эженъ предложилъ ей руку, и они отправились вдвоемъ въ садъ. Сергѣй Петровичъ изумленно посмотрѣлъ на Честюнину, а Катя сдѣлала видъ, что

аплодируетъ. Возмущенный Крюковъ демонстративно поднялся, чтобы уйти, но его удержала Катя.

— Злючка, куда?.. Возлюбленный, — я теперь могу васъ называть такъ громко,—объясните этому господину, что все можно извинить, кромѣ безтактности. Манюрочка, возьми его за ухо... Крюковъ, будемте пить шампанское, а Эженъ, все равно, не заплатитъ.

Всѣ улыбающимися глазами слѣдили за гулявшей вдали оригинальной парочкой, и только одинъ Сергѣй Петровичъ понималъ, что сестра устроила демонстрацію лично ему. Кажется, и Честюнина начинала объ этомъ догадываться...

XI.

Въ Петербургъ компанія возвращалась уже впятеромъ: присоединился на станціи Эженъ, преподнесшій Еленѣ Петровнѣ чудный букетъ. Это вниманіе сконфузило дѣвушку, не привыкшую къ такимъ любезностямъ. Случилось какъ-то такъ, что еще въ вагонѣ вся компанія разбилась—первымъ ушелъ въ уголокъ Сергѣй Петровичъ, чтобы помечтать о Катѣ съ закрытыми глазами (онъ повторялъ про себя: „возлюбленный", и улыбался), Крюковъ утащилъ Честюнину въ другое отдѣленіе, чтобы не видѣть Эжена, и Елена Петровна незамѣтно осталась съ глазу на глазъ со своимъ кавалеромъ. Но послѣднее ее не смущало больше. Ей было какъ-то и хорошо и немножко стыдно.

— Говорите мнѣ что-нибудь смѣшное, Эженъ... Нѣтъ, придумайте самую большую глупость, какую вы только знаете.

— Очень просто, Елена Петровна: взгляните на меня... Глупѣе ничего нельзя придумать. Если бы вы знали, какъ я все время стараюсь придумать что-нибудь умное и—увы!—напрасно...

— А вамъ хочется быть умнымъ?

— Сейчасъ—да...

— Это, кажется, комплиментъ, если не ошибаюсь? Нѣтъ, это напрасно... Вы что-нибудь въ другомъ родѣ. У меня явилась какая-то жажда слушать глупости...

— И вы находите, что я могу быть въ этомъ отношеніи на высотѣ положенія?

— Да вѣдь говорите же вы глупости другимъ женщинамъ, ну, и представьте себѣ, что я тоже другая женщина.

— Не могу...

— Вы хотите играть въ милаго мальчика?

Елена Петровна почувствовала вдругъ, что у нея горитъ лицо и что ей нечѣмъ дышать. Она высунулась въ окно и подставила лицо навстрѣчу вѣтру... Какъ хорошо летѣть съ такой быстротой, когда охватываетъ еще неиспытанная теплота. Елена Петровна совершенно не знала, что̀ такое жить для себя, и съ удивленіемъ смотрѣла на Эжена. Потомъ у нея осталось въ памяти, что букетъ дурманилъ ей голову своимъ ароматомъ, — Эженъ понималъ ботанику только въ такой формѣ.

— Зачѣмъ цвѣты такъ безсовѣстно красивы? — тихо говорила Елена Петровна, пряча лицо въ букетѣ.

— Это ихъ профессія...

— Зачѣмъ они такъ быстро вянутъ?

— Это ихъ судьба...

— Нѣтъ, это просто глупо... И какъ все быстро... Нѣтъ, я хотѣла сказать совсѣмъ не то.

То, что̀ ей хотѣлось высказать, такъ и осталось невысказаннымъ. Она только посмотрѣла изъ-за цвѣтовъ на Эжена и подумала, что вѣдь этотъ шелопай Эженъ совсѣмъ красивый. Правда, во взглядѣ есть что-то нечистое, потомъ привычка улыбаться самоувѣренно,—за этимъ стоялъ цѣлый рой легкихъ побѣдъ и тѣхъ милыхъ шалостей, которыя такъ легко прощаются мужчинѣ. Елену Петровну точно что̀ кольнуло... Предъ ней пронесся цѣлый рой красивыхъ молодыхъ женщинъ, которыя цѣловали вотъ эту безпутную голову и были счастливы минутой обладанія. Да, ихъ было много... Въ слѣдующую минуту ей показалось, что ея букетъ составленъ не изъ цвѣтовъ, а изъ такихъ головокъ, и она швырнула его въ окно. Эженъ былъ огорченъ, точно Елена Петровна вмѣстѣ съ букетомъ выбросила и его за окно. Ея лицо сдѣлалось опять серьезнымъ и строгимъ, а онъ опять изнемогалъ, напрасно стараясь придумать что-нибудь умное. Впрочемъ, поѣздъ подходилъ уже къ станціи. По сторонамъ мелькали огороды съ капустой, какіе-то дурацкіе сараи, будки и семафоры.

На станціи всѣ сошлись вмѣстѣ. Эженъ почувствовалъ, что Елена Петровна взглянула на него вопросительно, и сразу понялъ, въ чемъ заключается этотъ нѣмой вопросъ. Во-первыхъ, онъ не предложилъ руки своей дамѣ, а во-вторыхъ, когда они подошли къ пристани финляндскаго пароходства, Эженъ проговорилъ:

— До свиданья, господа...

— Да вѣдь тебѣ съ нами по пути?—удивилась Честюнина.

— Нѣтъ, мнѣ еще нужно проститься съ однимъ товарищемъ, который завтра уѣзжаетъ...

Елена Петровна отвернулась и съ улыбкой смотрѣла прищуренными глазами на рябившую въ глазахъ зыбь Невы. Нѣтъ, этотъ Эженъ, положительно, умный шелопай... Онъ понялъ ея нѣмой взглядъ и жертвовалъ собой.

— Я тоже остаюсь...—заявлялъ Крюковъ сурово.—Меня ждетъ Парасковея Пятница. Она, вообще, бдитъ...

Пароходъ отчалилъ, оставляя за собой двоившійся слѣдъ, точно посеребренный луннымъ свѣтомъ. Было уже около десяти часовъ, и на Петропавловской крѣпости уныло звонили куранты. Эженъ стоялъ, провожая глазами быстро удалявшійся пароходъ. Крюковъ тоже стоялъ, мрачно выжидая, когда уйдетъ эта проклятая обезьяна.

— Вамъ въ которую сторону? — съ изысканной вѣжливостью освѣдомился Эженъ.

— А вамъ въ которую?—грубо отвѣтилъ Крюковъ.

— Мнѣ какъ разъ напротивъ...

Эженъ поклонился и зашагалъ по набережной къ клиникамъ, соображая дорогой, куда бы ему, въ самомъ дѣлѣ, провалиться на этотъ вечеръ. Пройдя нѣсколько саженъ, онъ оглянулся—Крюковъ все еще стоялъ у пристани и смотрѣлъ вслѣдъ пароходу, который превращался въ одну черную точку съ яркой звѣздой...

— Эге, братику...—бормоталъ Эженъ.—И всѣ, братику, мы, мужчины, круглые дураки. Хха... Ты вотъ стоишь и мечтаешь о голубыхъ глазахъ Маріэтты, а она ни о чемъ не думаетъ. Впрочемъ, все это вздоръ... Милая, дорогая Эллисъ!..

Остановившись, Эженъ послалъ воздушный поцѣлуй всему „легкому финляндскому пароходству“, которое уносило теперь и его счастье и все его будущее.

Крюковъ выждалъ, когда Эженъ совершенно скрылся изъ виду, и мед-

ленно побрелъ къ себѣ на Сампсоніевскій проспектъ. Онъ, дѣйствительно, думалъ о Честюнинской, думалъ и сердился. Да, зачѣмъ она знается со всѣми этими шелопаями, до Сергѣя Петровича включительно? Серьезную дѣвушку такіе люди не должны интересовать... Всю дорогу, пока Крюковъ шелъ до своей квартиры, у него не выходилъ изъ головы Эженъ, какъ иногда не выходитъ изъ памяти какой-нибудь дурацкій мотивъ или еще болѣе дурацкая фраза.

— Тьфу! Чортъ...—ругался Крюковъ, отплевываясь.

Брусницыны и Честюнина возвращались молча, занятые каждый своими мыслями. Елена Петровна смотрѣла на рѣку, плотно сжавъ губы. У нея на лицѣ явилось обычное сдержанно-недовольное выраженіе, которое такъ было знакомо Сергѣю Петровичу. Онъ какъ-то начиналъ чувствовать себя виноватымъ, когда Елена Петровна такъ задумывалась. Но сейчасъ онъ ошибался относительно причины недовольства и былъ бы очень удивленъ, если бы могъ видѣть ходъ ея мыслей. Елена Петровна была недовольна собой, переживая мучительное чувство какой-то особенной пустоты. Ее раздражало присутствіе брата и Честюниной, а съ другой стороны — она совсѣмъ не желала оставаться одной именно сейчасъ.

— Я хочу чаю...—заявилъ Сергѣй Петровичъ, когда они поднимались по лѣстницѣ въ свою квартиру.

— Чаю?—машинально повторила Елена Петровна, точно просыпаясь.— Мы всегда въ это время пьемъ чай... Вотъ и Марья Гавриловна не откажется.

— Я съ удовольствіемъ, господа...

За чаемъ говорили объ Озеркахъ и о нанятой дачѣ. Относительно послѣдней теперь всѣ считали долгомъ удивляться. Вѣдь поѣхали совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы искать дачу, а тутъ вдругъ точно всѣхъ охватило какое-то дачное безуміе.

— Тебѣ, можетъ-быть, не нравится, Леля, что Катя съ мужемъ тоже будутъ жить лѣто въ Озеркахъ?—спрашивалъ Сергѣй Петровичъ.

— Ахъ, мнѣ рѣшительно все равно... Да и какое мнѣ дѣло до нихъ? Пусть живутъ, гдѣ имъ нравится. Я буду рада, если тебѣ будетъ весело... Кстати, я давеча наблюдала эту Катю и, право, отказываюсь понять, что тебѣ можетъ въ ней нравиться. Прежде всего, она какая-то вся неестественная... Даже больше—каждый взглядъ лжетъ, каждая улыбка тоже.

— Ты ошибаешься, Леля...—смущенно объяснялъ Сергѣй Петровичъ.— Въ ней именно есть непосредственность, жизнь и правда, а эти качества дѣйствуютъ неотразимо.

Елена Петровна чувствовала себя немного усталой и ушла спать раньше обыкновеннаго. Ей почему-то своя комната показалась меньше, чѣмъ была раньше, и она съ удивленіемъ посмотрѣла кругомъ. Обстановки, въ собственномъ смыслѣ, не было, какъ въ монашеской кельѣ,—ее замѣняла дорогая простота въ англійскомъ стилѣ.

Улегшись въ постель, дѣвушка долго не могла заснуть. Въ головѣ безъ конца тянулись самыя разнообразныя мысли, и дѣвушка опять вспомнила Эжена, который по одному ея взгляду понялъ, что она не желаетъ, чтобы онъ ее провожалъ. Вдругъ ей пришла одна мысль, которая заставила ее сѣсть на кровати.

— Да вѣдь онъ хорошій... совсѣмъ хорошій...

Дѣвушка чувствовала, что она даже въ темнотѣ краснѣетъ, что ей опять дѣлается душно, что на глазахъ слезы, что что-то неиспытанное и громадное охватываетъ ее, и что она всѣхъ любитъ, даже эту неестественную Катю.

— Боже мой, что это дѣлается со мной? Я схожу съ ума...

Она бросилась въ подушку головой и глухо зарыдала, счастливая собственными слезами.

XII.

Профессоръ Трегубовъ называлъ себя корректнымъ человѣкомъ. Онъ былъ еще молодъ, но устроилъ у себя самый строгій режимъ. Его жена ходила на цыпочкахъ, когда онъ работалъ. Это была не работа, а священнодѣйствіе. Профессорскій день былъ размѣренъ съ такой точностью, какъ послѣднія минуты умирающаго. Онъ вставалъ ни раньше ни позже, какъ ровно въ шесть часовъ тридцать минутъ. На ванну и туалетъ полагалось ровно двадцать четыре минуты, на то, чтобы выпить два стакана молока съ эмской водой (непремѣнно маленькими глотками, какъ говоритъ послѣднее слово науки), ровно шесть минутъ, на прогулку въ садикѣ ровно пятнадцать минутъ, а затѣмъ ровно въ семь часовъ пятнадцать минутъ профессоръ садился за работу, и весь домъ замиралъ до завтрака, когда онъ позволялъ себѣ посвятить двѣнадцать минутъ дѣтямъ.

— Въ мѣсяцъ это составитъ триста шестьдесятъ минутъ, — высчитывалъ онъ.—То-есть, другими словами, шесть часовъ, а въ годъ получится семьдесятъ два часа или трое сутокъ... Кажется, достаточно?

И т. д., и т. д., и т. д. Но, несмотря на всѣ эти злоухищренія, профессоръ Трегубовъ постоянно былъ недоволенъ собой. Во-первыхъ, ему вѣчно казалось, что другіе работаютъ больше его, а во-вторыхъ, что онъ неизлѣчимо чѣмъ-то боленъ. Всѣ знаменитости осматривали его, выслушивали, взвѣшивали, примѣняли всѣ послѣдніе пріемы самаго точнаго діагноза и ничего не находили, а онъ только вздыхалъ, дѣлалъ грустное лицо и говорилъ:

— О, наука еще такъ несовершенна...

Честюнина должна была приходить на работу ровно въ девять часовъ и получала отпускъ ровно въ часъ. Разъ она опоздала на цѣлыхъ семь минутъ, и профессоръ показалъ ей свои часы.

— Вы взяли у меня ровно семь минутъ моего рабочаго времени,—объяснилъ онъ съ зловѣщимъ спокойствіемъ.—Если это будетъ повторяться каждый день, то въ мѣсяцъ составитъ ровно двѣсти десять минутъ, а въ годъ... Впрочемъ, можетъ-быть, вы были больны?

— Нѣтъ, профессоръ, я просто проспала...

Онъ смѣрилъ ее съ ногъ до головы съ молчаливымъ презрѣніемъ, какъ существо низшей породы, и только пожалъ плечами. Если каждый будетъ просыпать семь минутъ его рабочаго времени, это составитъ въ день, мѣсяцъ, годъ и т. д.

Занятія у профессора были несложныя и сами по себѣ не составляли особеннаго труда. Честюниной приходилось дѣлать переводы изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ, переписывать, писать подъ диктовку (послѣднее полагалось въ самомъ концѣ, когда профессорскій мозгъ переполнялся отработанной кровью)—вообще, особенно труднаго ничего, но она уходила каждый разъ страшно утомленная. Это утомленіе начиналось уже съ перваго момента, когда она переступала порогъ профессорскаго кабинета. Она какъ-то не могла дышать свободно въ присутствіи великаго подвижника науки и чувствовала себя точно связанной по рукамъ и ногамъ. Ей казалось, что она вступаетъ въ какую-то ученую тюрьму, и радовалась, какъ ребенокъ, когда оставляла ее. Господи, вѣдь есть еще и зелень, и голубое небо, и разносчикъ, который оретъ благимъ матомъ, и стаи воробьевъ, и все то, что составляетъ жизнь.

Домой приходила Честюнина вся разбитая, озлобленная и несчастная. Елена Петровна встрѣчала ее съ особеннымъ участіемъ, какъ больную.

— Это какой-то великій инквизиторъ,—жаловалась Честюнина.

— Что же онъ такое дѣлаетъ?

— Ничего дурного. Но я его боюсь... Это нельзя объяснить, а нужно испытать. Настоящая пытка.

Но зато какъ хорошо было у себя дома, въ своемъ маленькомъ углу. Жизнь на дачѣ въ Озеркахъ устроилась какъ-то особенно хорошо, а главное—весело. Никто не заботился объ этомъ весельѣ, и все-таки было весело. Елена Петровна помирилась даже съ Катей, которая тоже поселилась въ Озеркахъ. Потомъ бывалъ постоянно Эженъ и разные артисты. Крюковъ долго не могъ „переваривать“ Эжена, но потомъ смирился, какъ мирятся съ любимой мозолью. Днемъ всѣ работали, а вечеръ полагался на отдыхъ. Интереснѣе всего было то, какъ Крюковъ помогалъ Сергѣю Петровичу. Рѣдкій день обходился безъ горячаго ученаго спора. Оба горячились, начинали кричать и говорили другъ другу иногда очень непріятныя вещи, требовавшія дипломатическаго вмѣшательства „третьей державы“ въ лицѣ Елены Петровны. Она выслушивала подробное изложеніе ученаго состязанія и говорила:

— Вы, господа, оба неправы, къ сожалѣнію... Я могу вамъ посовѣтовать стаканъ холодной воды.

Обѣ стороны, конечно, обижались на „третью державу“ и переносили неудовольствіе уже на нее. Впрочемъ, до открытаго бунта дѣло еще не доходило, и стороны ограничивались тѣмъ, что потихоньку другъ отъ друга жаловались Честюниной.

Въ качествѣ больного, Крюковъ находился на особыхъ условіяхъ и страшно этимъ возмущался.

— Вы, кажется, хотите сдѣлать изъ меня богадѣльщика?!—дерзилъ онъ ухаживавшимъ за нимъ дамамъ.—Представьте себѣ, что я нисколько не нуждаюсь въ вашихъ вниманіяхъ...

Дамы выслушивали всѣ эти дерзости, но продолжали себя вести самымъ непростительнымъ образомъ. За обѣдомъ лучшіе куски оказывались на тарелкѣ Крюкова, утромъ невидимая рука ставила на окно его комнаты кувшинъ молока, за завтракомъ появлялись его любимыя ягоды съ густыми сливками.

Вообще, въ Озеркахъ водворилась какая-то атмосфера любви, не захватывавшая только одну Честюнину. Послѣдней, наоборотъ, было даже непріятно, что Крюковъ время отъ времени оказывалъ ей нѣкоторые знаки вниманія. Она не желала никакихъ волненій и была счастлива собственнымъ одиночествомъ. Особенно она боялась далекихъ прогулокъ, какія любила устраивать Катя. Отправлялись обыкновенно вшестеромъ: Катя съ Сергѣемъ Петровичемъ, Елена Петровна съ Эженомъ, а на ея долю доставался Крюковъ. Они бродили по сосновому лѣсу, катались на лодкахъ, устраивали на травѣ завтраки и, вообще, веселились. Въ одну изъ такихъ прогулокъ Крюковъ былъ особенно мраченъ и старался не смотрѣть на свою даму.

— Вы, кажется, изволите на меня сердиться? — замѣтила наконецъ Честюнина.—Позвольте узнать, по крайней мѣрѣ, чѣмъ я могла огорчить васъ?

— Вы? Вы слишкомъ много о себѣ думаете... У меня могутъ быть свои личныя причины...

— Именно?

— Если хотите непремѣнно знать... да... У меня есть страшный врагъ, который отравляетъ мнѣ жизнь, и этотъ врагъ я самъ. Теперь вы довольны?

— Ну, это пустяки... Простая мнительность, которую каждый изъ насъ испыталъ въ той или другой формѣ.

— Очень хорошо. Охотно допускаю, что каждый по отношенію къ самому себѣ можетъ быть очень пристрастнымъ судьей. Да... Но вотъ, напримѣръ, какъ вы смотрите на меня?

— Во-первыхъ, въ такой формѣ нельзя предлагать вопросовъ... Въ положительномъ смыслѣ отвѣтъ будетъ лестью, въ отрицательномъ—оскорбленіе, и въ томъ и другомъ случаѣ не достигаетъ своей цѣли.

— Нѣтъ, это увертка, Марья Гавриловна... Мнѣ необходимо знать ваше мнѣніе.

— Хорошо, я вамъ его сообщу... послѣзавтра.

— Я буду ждать... Во всякомъ случаѣ, я не шучу.

То, чего боялась Честюнина, начиналось. Она знала, къ чему ведутъ подобныя сцены, и старалась избѣгать Крюкова, что̀, живя на одной дачѣ, было сдѣлать довольно трудно. Наступилъ и роковой день. Честюнина хотѣла даже сказаться больной и просидѣть цѣлый день въ своей комнатѣ, но потомъ устыдилась такого малодушія и сама предложила Крюкову кататься вдвоемъ на лодкѣ. Онъ видимо волновался и старался не смотрѣть на нее. Ей сдѣлалось даже жаль его. Оба молчали, пока лодка не достигла середины озера. Крюковъ бросилъ весла и вопросительно посмотрѣлъ на свою даму.

— Вы, кажется, хотите непремѣнно слышать мое мнѣніе?

— О, да, непремѣнно...

— Одно условіе: не обижаться.

— Я слушаю...

— Смотрите, не сердиться... Итакъ, я считаю васъ очень хорошимъ... мальчикомъ, которому еще нужно много-много учиться. Мужчина опредѣляется гораздо позднѣе женщины, и изъ хорошаго мальчика можетъ выйти очень неудачный мужчина. Я смотрю на жизнь очень требовательно и считаю величайшимъ достоинствомъ умѣнье владѣть самимъ собой. Никто, конечно, не застрахованъ отъ ошибокъ и увлеченій, особенно въ извѣстномъ возрастѣ, но это еще не значитъ, что ихъ необходимо повторять цѣлую жизнь. Да... Я говорю банальныя вещи, и вамъ скучно меня слушать, но, къ сожалѣнію, я права. Выводъ слѣдующій: по моему мнѣнію, вы еще только на дорогѣ къ необходимому совершенству...

— И только?

— Кажется, достаточно?

— Да, совершенно...

Онъ взялся за весла. Она видѣла, какъ у него затряслись губы, и онъ напрасно старался подавить охватившее его волненіе. Ей сдѣлалось его жаль. Бѣдный, хорошій мальчикъ...

— А что̀ вы думаете о самой себѣ?—спрашивалъ Крюковъ, когда они возвращались домой.—Себя-то вы, вѣроятно, считаете вполнѣ опредѣлившейся?

— Да... къ сожалѣнію. Я себя считаю неудачницей... Почему и какъ это случается, но такихъ людей всѣ мы видали. Я говорю спеціально о личной жизни... Но я думаю, что, кромѣ личной жизни, есть еще и другая, и думаю, что можно совершенно обойтись безъ такъ называемаго личнаго счастья. Богъ съ нимъ совсѣмъ... Вотъ сейчасъ, напримѣръ, вѣдь я совершенно счастлива и ничего лучшаго не желаю. А это, знаете, какъ называется? *Сво-бо-дой*... Свободой отъ самого себя.

Черезъ день Честюнина получила самое удивительное письмо, которое начиналось такъ: „Никто и никогда меня еще такъ не обидѣлъ, какъ вы,

Марья Гавриловна... Вы знаете, о чемъ я говорю. Да, я въ вашихъ глазахъ мальчишка, и мнѣ тѣмъ тяжелѣе страдать, какъ могутъ страдать только опредѣлившіеся настоящіе мужчины. Моя жизнь разбита и разбита той рукой, которую я боготворилъ. Вы посмѣетесь надъ этими строками и будете еще разъ правы, потому что любовь не знаетъ пощады, у нея нѣтъ забвенія"... И т. д.

„И даже недостаетъ смысла...—невольно подумала Честюнина.—Ахъ, бѣдный мальчикъ!"

Все это выходило очень глупо, совершенно нарушая установившійся порядокъ жизни. Честюниной тяжело и неловко было встрѣчаться съ Крюковымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла уѣхать изъ Озерковъ, потому что была привязана работой. Въ минуту какого-то отчаянія она призналась Катѣ во всемъ, не называя Крюкова по имени.

— И не называй: я знаю его...—отвѣтила Катя.—Я могу тебя удивить еще больше... Эженъ сдѣлалъ чучелкѣ формальное предложеніе, и оно благосклонно принято. Но пока это величайшій секретъ... Представь себѣ эту счастливую парочку: Эженъ и чучелка. Я чуть не умерла отъ смѣха...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Нѣтъ ничего печальнѣе, когда жилой домъ пустѣетъ, когда молодыя силы отливаютъ изъ него и остаются одни старики. Но еще печальнѣе, когда старики не умѣютъ жить именно стариками, что̀ чаще всего встрѣчается въ Петербургѣ. Въ столицахъ возрасты какъ-то сглаживаются, и самая старость дѣлается понятіемъ относительнымъ, тѣмъ болѣе, что столичная молодежь носитъ въ себѣ печать преждевременной старости. Въ собственномъ смыслѣ слова столицы не знаютъ тѣхъ годовыхъ праздниковъ, которые такъ лихорадочно переживаетъ провинція, и точно такъ же не знаютъ счастливой и беззаботной юности, какъ не знаютъ уравновѣшенной и спокойной старости. Послѣдняя здѣсь сказывается какимъ-то озлобленіемъ, гнетущимъ уныніемъ и общимъ разложеніемъ. Именно такую пору переживали теперь „предки", когда навсегда ушла Катя и Эженъ женился. Елена Ѳедоровна перенесла еще бѣгство Кати, потому что не любила дочь, но Эжену она не могла простить его женитьбы на Брусницыной. Послѣднюю она иначе не называла, какъ „старой кожей", потому что Елена Петровна была старше Эжена года на два, что̀, съ точки зрѣнія Елены Ѳедоровны, было непростительно. Для нея было ясно одно, что эта коварная „старая кожа" навсегда погубила блестящаго юношу, который имѣлъ всѣ данныя для карьеры невпримѣръ прочимъ.

— Для полноты картины остается только умереть мнѣ,—повторяла Елена Ѳедоровна мужу.—Вѣдь я понимаю, что всѣхъ связываю... Родная дочь убѣжала изъ дому, сынъ погубилъ себя, наконецъ я мѣшаю тебѣ. Пожалуйста, не спорь... Нынче вѣдь это принято, что молодые люди женятся на старухахъ, а старики на подросткахъ. И ты женишься на какой-нибудь стриженой курсисткѣ...

— Елена, что̀ ты говоришь?—возмущался Василій Васильичъ.

— Говорю только то, что̀ есть. Ты видишь, я нисколько не волнуюсь. На вещи нужно смотрѣть трезво, и я себя не обманываю. Да... Ты думаешь, такая стриженая не понимаетъ, что въ двадцать лѣтъ пріятно быть гене-

ральшей? Даже очень хорошо понимаетъ... Я-то ужъ давно сыта своимъ генеральствомъ, а стриженой любопытно. Извини, что о такомъ деликатномъ предметѣ выражаюсь немного вульгарно. Я совсѣмъ не желаю тебя оскорблять...

Что было говорить на это? Елена Ѳедоровна демонстрировала свои мрачныя мысли какими-то таинственными сборами, какъ собираются въ дальнюю дорогу, что-то такое записывала, высчитывала, прибирала и вообще приводила въ самый строгій порядокъ. Въ переводѣ это означало: когда „стриженая" займетъ мое мѣсто, она увидитъ, какъ нужно жить порядочной женщинѣ, которая для мужа является вѣрнымъ другомъ и настоящей помощницей. Всѣ эти приготовленія дѣлались съ самымъ зловѣще-спокойнымъ видомъ, и Елена Ѳедоровна разнообразила ихъ такими сценами.

— Базиль, вотъ въ этомъ отдѣленіи буфета лежитъ столовое серебро... Пожалуйста, не забудь. Столовое бѣлье уложено въ маленькомъ комодикѣ... Мои вещи отдѣльно: я не желаю, чтобы стриженая носила мое бѣлье и мои платья. Извини за откровенность, но лучше сказать впередъ, чтобы потомъ не было недоразумѣній...

Какъ ни привыкъ Василій Васильичъ къ разнымъ выходкамъ жены, но въ послѣднее время ихъ совмѣстная жизнь сдѣлалась невозможной. Онъ терялъ голову и не зналъ, кто сходитъ съ ума—жена или онъ самъ. Сначала онъ объяснялъ все неудачными семейными комбинаціями, потомъ вѣчными женскими нервами, и наконецъ всякій источникъ объясненія исчерпался. Что можно было тутъ сказать? Онъ чувствовалъ себя самимъ собой только вечеромъ, когда дневная пытка кончалась и онъ могъ уйти къ себѣ въ кабинетъ. Ему дѣлалось совѣстно, что онъ съ радостью уходилъ на свою службу и могъ тамъ оставаться до обѣда, а затѣмъ по вечерамъ куда-нибудь въ комиссію. Но все-таки оставалось цѣлыхъ три свободныхъ часа. Это было самое проклятое время. Елена Ѳедоровна въ теченіе утра успѣвала придумать ему какой-нибудь новый сюрпризъ и потомъ тянула жилы съ искусствомъ великаго инквизитора. Но нѣтъ такого положенія, въ которомъ не было бы своего утѣшенія. Такъ и тутъ. Василій Васильичъ припомнилъ, что и у другихъ жены не лучше, значитъ, на людяхъ и смерть красна. Это было очень постыдное утѣшеніе, но другого выхода не предвидѣлось.

Какъ старикъ себя ни сдерживалъ, но разъ не вытерпѣлъ и вспылилъ.

— Елена, это не жизнь, а пытка... Ты только поставь себя на мое мѣсто и подумай, что дѣлаешь. Право, я ничѣмъ не заслужилъ такого отношенія къ себѣ... Я домой являюсь въ роли какого-то преступника, осужденнаго на безсрочную каторгу.

— Вотъ видишь, какъ я права, — отвѣтила Елена Ѳедоровна. — Когда изъ дома дѣлается каторга, тогда... Однимъ словомъ, другая женщина могла бы сдѣлать тебя счастливымъ.

— При чемъ тутъ другая? Достаточно одной... О, Господи! Какая это мука такъ жить, какъ живемъ мы...

— О чемъ же я говорю, Базиль? Вѣдь я понимаю отлично, что лишняя въ этомъ домѣ... Напрасно ты горячишься. Будемъ называть вещи ихъ настоящими именами...

— Знаешь, Елена, все это отчего происходитъ? Причина самая простая... Тебѣ просто нечего дѣлать, вотъ ты и придумываешь разныя глупости. Извини, я тоже говорю правду, если на то пошло.

Елена Ѳедоровна выслушала все это съ ангельской кротостью и только замѣтила:

— Ты правъ, Базиль. Совершенно правъ... Но тебѣ слѣдовало жениться

не на дѣвушкѣ изъ общества, а на кухаркѣ. Кажется, ужъ достаточно занята работой, чтобы безпокоить другихъ. Вотъ стриженыя все хлопочутъ о трудѣ, о работѣ—каждая кухарка давно разрѣшила этотъ сложный вопросъ. Однимъ словомъ, мы отлично понимаомъ другъ друга...

— Совсѣмъ не то, Елена... Впрочемъ, что же я говорю съ тобой—развѣ ты можешь понять самую простую мысль?

— Вы слишкомъ вѣжливы и даже великодушно лишаете меня пониманія.

Конечно, Василій Васильичъ очень скоро раскаялся въ своей вспыльчивости, и Елена Ѳедоровна уже по праву приняла видъ жертвы въ окончательной формѣ. Она теперь ходила какимъ-то разслабленнымъ шагомъ, говорила монашескимъ полушопотомъ, страдальчески опускала глаза и начала читать какія-то душеспасительныя книги. Но все, что относилось къ нему лично, не удивляло Василія Васильича, а его огорчали отношенія жены къ дѣтямъ. Если бы не она, онъ давно бы простилъ все Катѣ, не говоря уже объ Эженѣ, котораго не считалъ совсѣмъ виноватымъ. Елена Ѳедоровна потребовала отъ мужа категорическаго обѣщанія, что онъ не будетъ имѣть ни явныхъ ни тайныхъ свиданій съ дѣтьми.

— А если я ихъ встрѣчу гдѣ-нибудь случайно?—спрашивалъ Василій Васильичъ.

— Такія случайныя встрѣчи бываютъ только у тѣхъ, кто ихъ желаетъ. Считаю долгомъ предупредить тебя объ этомъ...

Это было самое тяжелое условіе, тѣмъ болѣе, что Елена Петровна очень нравилась Анохину. Именно такую жену и нужно было Эжену. О сынѣ и дочери Василій Васильичъ узнавалъ только случайно, когда время отъ времени встрѣчалъ на улицѣ Честюнину. Впрочемъ, онъ скоро догадался, что она нарочно его поджидаетъ, чтобы разсказать что-нибудь новое о Катѣ или Эженѣ.

— Вы теперь Эжена и не узнаете,—разсказывала она.—Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сдѣлался...

— Надолго, Маша?—сомнѣвался старикъ.

— Я думаю, что навсегда... Недаромъ есть поговорка, что женится—перемѣнится.

Василій Васильичъ только вздыхалъ. Онъ какъ-то боялся вѣрить теперь чему-нибудь хорошему, если дѣло касалось его семьи. Вѣдь это только другіе умѣютъ жить по-человѣчески, а не Анохины. Онъ даже не разспрашивалъ Честюнину о дѣтяхъ, точно боялся услышать что-нибудь дурное. Эта убитость дѣлала старика такимъ жалкимъ и безпомощнымъ. Разъ—это было уже въ концѣ зимы—Честюнина встрѣтила дядю съ такимъ лицомъ, что онъ невольно ее спросилъ:

— Что-нибудь случилось, Маша?

— Да... Но не бойтесь, дядя, я ждала васъ съ хорошими вѣстями: готовьтесь скоро быть дѣдушкой.

Въ первую минуту Анохинъ даже не понялъ, что ему говорила Честюнина, а потомъ точно испугался.

— Неужели Катя?..—прошепталъ онъ.

— Нѣтъ, Елена Петровна... Она это скрывала до послѣдней возможности. И представьте себѣ, она ужасно боится Елены Ѳедоровны...

— Да, да, понимаю...

— Все-таки слѣдуетъ предупредить будущую бабушку. Эженъ приходилъ ко мнѣ уже нѣсколько разъ и умолялъ повести переговоры съ „предками“...

— Ахъ, не нужно, не нужно... Я это, Маша, какъ-нибудь самъ устрою. Вѣдь не съѣстъ же она меня... Ну, а что Эженъ?

— Радъ, конечно... Ногъ подъ собой не слышитъ и тоже все о „предкахъ“ говоритъ. Вы его теперь не узнаете, дядя... Такъ смѣшно смотрѣть на нихъ. Оба ничего не знаютъ, волнуются, и оба счастливы до глупости. Все отравляетъ только мысль о „предкахъ“... Въ виду такого экстреннаго обстоятельства, я готова отправиться къ Еленѣ Ѳедоровнѣ въ качествѣ парламентера.

— О, нѣтъ, нѣтъ... Она въ такомъ состояніи, въ такомъ... Однимъ словомъ, я боюсь, что она сошла съ ума. Ахъ, Боже мой, Боже мой, вотъ положеніе... Маша, кланяйся Еленѣ Петровнѣ и скажи... нѣтъ, ничего не говори. Нѣтъ, скажи, что видѣла меня и что я ее благословляю...

Эта новость какъ-то совершенно измѣнила Василія Васильича. Онъ никакъ не ожидалъ, что она произведетъ на него такое захватывающее и подавляющее впечатлѣніе. Боже мой, что̀ значатъ его личныя огорченія, семейныя сцены и всяческія непріятности, когда готовится величайшее событіе: вѣдь съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная, какъ сказалъ Гейне. Онъ теперь посмотрѣлъ на себя и на жену совершенно другими глазами. Ему сдѣлалось даже ее жаль. Вѣдь она мучится сама... Жизнь—величайшая тайна, зачѣмъ же ея отравлять по каплямъ? Каждый день—величайшее чудо, зачѣмъ же его затемнять? Василій Васильичъ думалъ безъ конца и улыбался. Боже мой, вотъ явится на свѣтъ маленькое существо, и всѣмъ сдѣлается легко, потому что все хотя на одно мгновеніе очнется отъ давящей житейской суеты, и хоть на одно мгновеніе всѣ будутъ охвачены сознаніемъ величія жизни. Больше онъ не боялся жены. Для него было теперь все ясно.

Это было за обѣдомъ, когда Василій Васильичъ объявилъ Еленѣ Ѳедоровнѣ рѣшающую новость. Онъ проговорилъ спокойно и твердо:

— Нашъ Эженъ скоро будетъ отцомъ. Поздравляю тебя...

Елена Ѳедоровна только подняла брови. Ее поразилъ тонъ, какимъ заговорилъ съ ней мужъ. А онъ смотрѣлъ на нее и улыбался.

— Да-съ, я буду скоро дѣдушкой...

Она демонстративно поднялась изъ-за стола и ушла къ себѣ въ комнату, а онъ провожалъ ее улыбавшимися глазами.

„Сердись, сердись, матушка,—думалъ Анохинъ.—*Онъ*-то вѣдь не спроситъ тебя ни о чемъ... Хе-хе!.. Это надо мной легко тебѣ ломаться, а ему все равно. Да...“

Анохинъ былъ убѣжденъ, что явится именно *онъ*, а не она, и опять улыбался, счастливый собственной увѣренностью. Ему теперь было все равно, что̀ бы ни говорила и что̀ бы ни дѣлала жена. Потомъ онъ удивлялся самому себѣ, что еще вчера не находилъ мѣста въ собственномъ домѣ, подавленный настроеніемъ жены. Какъ все это глупо и нелѣпо... Если бы онъ не обращалъ вниманія на ея выходки, то вѣдь ничего бы и не было, а онъ волновался, выходилъ изъ себя и даже устраивалъ сцены. И представьте себѣ, что никому, рѣшительно никому этого не нужно... Жизнь такъ проста, и можно прожить, право, недурно. Ему вдругъ захотѣлось утѣшить, успокоить жену, сказать ей что-то такое хорошее, теплое, любящее, чтобы и она прониклась тѣмъ же настроеніемъ, какимъ сейчасъ былъ полонъ онъ.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ, мой милый,—сухо замѣтила Елена Ѳедоровна, когда мужъ въ ея присутствіи предался самой шумной радости.— Тебѣ нужно посовѣтоваться съ психіатромъ...

— Съ кѣмъ угодно... Я даже готовъ расцѣловать всю коллегію психіатровъ, всю медицинскую академію... Я даже посмотрѣлъ давеча на себя въ

зеркало и, знаешь, замѣтилъ, что у меня въ лицѣ явилось что-то такое... вообще солидное. И вдругъ: дѣдушка! Ты только представь себѣ эту фигуру... ха-ха!.. „Дѣдушка! Дѣдушка!..“ Есть. Понимаешь?..

II.

Утромъ на другой день Анохинъ проснулся въ такомъ радостномъ настроеніи, что рѣшилъ первымъ дѣломъ не итти на службу. Это случилось съ нимъ еще въ первый разъ, что безъ всякой „уважительной причины“ онъ не пошелъ на службу.

— Да, здоровъ и не пойду...—думалъ онъ вслухъ, точно съ кѣмъ спорилъ.—Возьму и не пойду. Ха-ха... Что̀ вы съ меня возьмете? Его превосходительство господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не желаетъ итти на службу... Вы думаете, онъ боленъ—ошибаетесь, милостивые государи.

Къ чаю Елена Ѳедоровна обыкновенно не выходила, а тутъ вышла, кислая, усталая, озлобленная. Василій Васильичъ поцѣловалъ у нея руку и посмотрѣлъ улыбающимися глазами.

— Вамъ весело?—кисло спросила она.—О, я вполнѣ понимаю вашу радость, которую вы столько времени и такъ искусно скрывали... Когда я умру, тогда вы...

— Никто не умретъ, Елена... Мы съ тобой будемъ безсмертны, потому что у насъ будетъ внукъ. Назовемъ его Ванькой... Иванъ Евгеньичъ Анохинъ... Нынче все Вадимы, да Евгеніи, да Борисы, а я хочу, чтобы былъ Ванька. Понимаете, сударыня, что̀ сіе значитъ? А я сегодня на службу не пойду... Не хочу, и конецъ дѣлу. Его превосходительство загулялъ...

Елена Ѳедоровна слушала мужа и не вѣрила собственнымъ глазамъ. Базиль, дѣйствительно, помѣшался. И на чемъ можетъ человѣкъ свихнуться—удивительно! Это уже настоящій „пунктикъ“, какъ говорятъ модные дамскіе доктора. Она осторожно сдѣлала мужу небольшой экзаменъ и убѣдилась, что во всемъ остальномъ онъ нормаленъ, за исключеніемъ своего пунктика.

— Знаешь, что̀ я сдѣлаю, старуха?—говорилъ Василій Васильичъ, кончивъ свой чай.—Ни за что не угадаешь... да. Возьму и пойду гулять. Хорошо?

— Какъ гулять?

— Да такъ... Надѣну шубу, калоши, шапку и пойду гулять, чортъ возьми. Вѣдь другіе гуляютъ, и я хочу гулять... Отчего, въ самомъ дѣлѣ, я не могу гулять?

„Онъ совсѣмъ готовъ...“—съ ужасомъ думала Елена Ѳедоровна.

У нея сейчасъ же составился планъ, какъ она устроитъ консиліумъ психіатровъ, и по пути придумала уже себѣ соотвѣтствующій костюмъ, костюмъ женщины, подавленной семейнымъ несчастьемъ.

— Ты не замѣчаешь во мнѣ ничего особеннаго?—спрашивалъ Василій Васильичъ горничную Дашу, когда она въ передней подавала ему шубу.

— Никакъ нѣтъ-съ, баринъ...

Тотъ же вопросъ былъ предложенъ швейцару Григорію, который оказался находчивѣе Даши и сдѣлалъ видъ „человѣка“, увѣреннаго, что ему дадутъ на чай. Баринъ отвалилъ ему цѣлую рублевку и почему-то сказалъ:

— А ты, братецъ, старайся...

— Вотъ какъ стараемся, ваше высокопревосходительство. Значитъ, завсегда готовы...

„А вѣдь этотъ Григорій хорошій человѣкъ,—подумалъ Анохинъ.—Развѣ швейцаръ не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ? Даже очень просто... И

горничная Даша тоже хорошая. Нужно ей дать на булавки, а то узнаетъ, что швейцару „дадено“, и будетъ дуться на барина“.

„Василій Васильичъ вообще не выносилъ недовольныхъ лицъ.

На улицѣ Анохинъ встрѣтилъ лихача Ефима,—онъ тоже оказался хорошимъ человѣкомъ, хотя ему и приходилось платить за Эжена и за Катю.

— Ну что̀, Ефимъ? Какъ поживаешь?

— Покорнююще благодаримъ, ваше превосходительство...

Анохинъ пошелъ пѣшкомъ прямо къ Николаевскому мосту, и Ефимъ удивлялся, что хорошій баринъ взялъ не ту „линію“. Зимнее утро было такое хорошее, бодрое, съ легкимъ снѣжкомъ. По тротуарамъ сновала разная утренняя публика, оживленная морозцемъ. Анохинъ вглядывался въ лица и удивлялся, что попадаются все такіе хорошіе люди. Особенно много такихъ хорошихъ людей было на Николаевскомъ мосту. Ученики академіи художествъ, швейка, самые простые мужики въ полушубкахъ—всѣ были хорошіе. Василій Васильичъ даже удивился, что раньше совсѣмъ не замѣчалъ, какъ много хорошихъ людей въ Петербургѣ, а на Васильевскомъ островѣ въ особенности. Онъ даже остановился, закурилъ папиросу (это было ему воспрещено докторами, но сегодня докторовъ не существовало) и глазѣлъ кругомъ, какъ убѣжавшій изъ школы школьникъ. Ничего подобнаго онъ давно не испытывалъ, точно помолодѣлъ на тридцать лѣтъ.

„Что̀ же, и буду стоять вотъ тутъ,—думалъ онъ съ упрямствомъ самостоятельнаго человѣка.—Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, и ничѣмъ инымъ быть не желаю. Отлично...“

Его нѣсколько смутило, когда мимо прошелъ знакомый курьеръ и сдѣлалъ подъ козырекъ. Ему вспомнилась своя служба, чиновники, отбываніе служебныхъ часовъ, но это былъ всего одинъ моментъ. Этого больше не существовало, то-есть на сегодняшній день.

Легкій зимній морозецъ еще увеличилъ радостное настроеніе Анохина. Вѣдь, право, можно еще жить на свѣтѣ и даже очень недурно жить, если смотрѣть на вещи прямо и просто. Ему вдругъ захотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться этимъ открытіемъ. Да, именно, жить просто... Онъ нѣсколько разъ повторялъ про себя эту фразу, точно хотѣлъ ее выучить. Мимо него двигалась живая толпа пѣшеходовъ, напоминавшая издали вереницу муравьевъ. На всѣхъ лицахъ была написана дѣловитая озабоченность, какая охватываетъ петербуржцевъ по утрамъ. У каждаго была своя забота, свои расчеты и соображенія—каждый разрѣшалъ задачу сегодняшняго дня. Анохину хотѣлось остановить кого-нибудь, и онъ выбиралъ глазами подходящее лицо. Потомъ ему сдѣлалось смѣшно надъ самимъ собой за подобную наивность. Получалось что-то въ родѣ легонькаго помѣшательства.

— Что̀ же я тутъ торчу!—спохватился старикъ.—Нужно итти...

Послѣдняя мысль сама собой разрѣшила вопросъ. Да, именно итти... Онъ вернулся на академическую набережную, полюбовался сфинксами, а потомъ круто повернулъ къ Румянцевскому скверу. На Петропавловской крѣпости часы пробили одиннадцать. Однако какъ быстро летитъ время... По второй линіи Анохинъ вышелъ на Средній проспектъ, потомъ повернулъ налѣво, дѣлая кругъ. Здѣсь „хорошихъ людей“ было уже значительно меньше, сравнительно съ Николаевскимъ мостомъ, но все-таки попадались. На углу одной линіи Анохинъ остановился и подумалъ вслухъ:

— А вотъ возьму и пойду... да. Домъ номеръ сто двѣнадцать, квартира шестьдесятъ три... Вѣроятно, она дома и очень удивится. Я ей все, все скажу... Она будетъ очень рада.

Черезъ пять минутъ Анохинъ уже сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ и смотрѣлъ улыбавшимися глазами на Честюнину.

— Маша, ты думаешь, что я пришелъ къ тебѣ потихоньку отъ жены? Представь себѣ, что нѣтъ... Положимъ, она не знаетъ, куда я пошелъ, но я ей разскажу, что былъ у тебя. Мало этого: я непремѣнно желаю видѣть Елену Петровну.

— Дядя, тебѣ достанется...

— А вотъ и нѣтъ. Ничего знать не хочу... Идемъ сейчасъ къ ней. Вѣдь это, кажется, недалеко отсюда?

— Съ удовольствіемъ, дядя... Всего два шага.

Дорогой Анохинъ объяснилъ племянницѣ главную мысль, которая занимала его все утро. Да, нужно жить просто, по-хорошему, на совѣсть, какъ говоритъ швейцаръ Григорій, когда впадаетъ въ философское настроеніе. Честюнина узнала дальше, что этотъ Григорій очень почтенный и вообще хорошій человѣкъ, и что званіе швейцара еще не обязываетъ быть только „человѣкомъ", который смотритъ на весь міръ съ точки зрѣнія полученія на чаекъ.

Анохины-потомки занимали двѣ крошечныхъ комнаты, а рядомъ занималъ комнату Сергѣй Петровичъ, не ускользнувшій отъ опеки сестры даже по выходѣ ея замужъ. Елена Петровна встрѣтила гостя съ большимъ изумленіемъ и въ первыя минуты свиданія не знала, что ей говорить и что дѣлать.

— Я давно собирался къ вамъ...—сообщилъ Василій Васильичъ.—Но этого не хотѣла жена. Знаете, въ характерѣ каждой женщины есть извѣстный деспотизмъ, и мы, въ качествѣ сильнаго пола, должны съ этимъ мириться поневолѣ, хотя и не всегда. Я этимъ совсѣмъ не хочу сказать, что и въ васъ подозрѣваю тоже деспота...

Это было уже совсѣмъ смѣшно, и Честюнина замѣтила:

— Дядя, я тебя совсѣмъ не узнаю сегодня...

— Отъ радости, голубчикъ... Вотъ Елена Петровна виновата...

Послѣдняя фраза заставила Елену Петровну вспыхнуть. Она, вообще, замѣтно помолодѣла и сдѣлалась красивѣе, что ее даже конфузило. Анохинъ опять почувствовалъ, что сказалъ лишнее, и молча поцѣловалъ руку у „потомки". Въ этотъ моментъ вошелъ Сергѣй Петровичъ. Онъ всегда приходилъ „на голоса", какъ другіе ходятъ „на огонекъ".

— Ахъ, это вы...—здоровался онъ съ Анохинымъ.—Вотъ кого не ожидалъ встрѣтить. Впрочемъ, все бываетъ на свѣтѣ...

— Да, и даже очень бываетъ...—разсѣянно отвѣчалъ Василій Васильичъ, любуясь снохой—она была такъ мила въ своемъ смущеніи.—Я, знаете, того... Однимъ словомъ, не пошелъ на службу.

— Скоро долженъ прійти Евгеній Васильичъ,—замѣтила Елена Петровна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Какой Евгеній Васильичъ?—спросилъ Анохинъ.

— Эжена больше нѣтъ,—объяснила Честюнина.

— А... Что же, совершенно правильно. Пора быть Евгеніемъ Васильичемъ... Мнѣ, вообще, не нравятся эти клички вмѣсто настоящихъ именъ. Нужно жить просто...

Василій Васильичъ принялся очень краснорѣчиво развивать свою теорію, повторяя то же самое, что говорилъ дорогой Честюниной. Сергѣй Петровичъ соглашался въ принципѣ, но требовалъ болѣе точной формулировки вопроса.

— Вотъ и всегда такъ,—возмущался Анохинъ.—Вся голова уставлена полочками, и на каждой полочкѣ формулировочка, то-есть мертвая фраза. Развѣ можно формулировать жизнь?

— Однако вы же сами первый ее формулируете...

Завязался жаркій споръ, причемъ противныя стороны самымъ добросовѣстнымъ образомъ старались не понимать другъ друга. Елена Петровна безуспѣшно дѣлала брату нѣкоторые предупредительные знаки.

— Позвольте, я вамъ объясню примѣромъ, — заявлялъ Василій Васильичъ, изнемогая отъ понесенныхъ затратъ энергіи.—Зачѣмъ я пришелъ сюда? Что̀ я сегодня думалъ цѣлую ночь? Отчего я не пошелъ сегодня на службу? Очень просто... Я думалъ о будущемъ человѣкѣ, и мнѣ сдѣлалось страшно за него, особенно когда я припомнилъ собственное дѣтство. Да... Я видѣлъ маленькій домикъ особнячкомъ, съ мезониномъ, съ палисадникомъ, со своимъ огородикомъ, своей курочкой, коровкой и такъ далѣе. Развѣ я могъ доставить это своимъ дѣтямъ? Я платилъ полторы тысячи за квартиру, пятьсотъ рублей за дачу, имѣлъ абонементъ въ оперѣ, посѣщалъ первыя представленія—и не имѣлъ самаго необходимаго. Кому нужны всѣ эти глупости? А ребенку нуженъ свѣжій воздухъ, трудовая обстановка, отсутствіе всякой роскоши, а главное, нужно, чтобы онъ видѣлъ настоящую жизнь. Мы сами убѣждаемъ себя, что живемъ, а въ сущности только притворяемся, да и притворяемся очень неискусно. Да что̀ тутъ говорить, господа... Вотъ Елена Петровна отлично понимаетъ меня.

— Да, я понимаю...—отвѣтила Елена Петровна убѣжденно.—И совершенно согласна съ вами.

— Вотъ видите? — обратился Василій Васильичъ къ „публикѣ“.—Она меня понимаетъ, потому что она теперь живетъ будущимъ... И я думалъ объ этомъ будущемъ. Да... Я хорошо думалъ и поэтому пришелъ вотъ сюда, чтобы высказать все.

— А вы знаете, Василій Васильичъ, что эта теорія собственнаго садика, собственной лошадки и собственнаго молочка ведетъ прямо къ добрымъ порядкамъ доброй буржуазіи? — заспорилъ Сергѣй Петровичъ. — По-моему, такое собственное маленькое довольство дѣлаетъ человѣка меньше, связываетъ его нитками и лишаетъ главнаго—совѣсти. Лучше ужъ самое нахальное богатство, какъ живой контрастъ вопіющей бѣдности, а тутъ успокаивающее ничтожество.

За Василія Васильича горячо вступились дамы. Вѣдь сытый человѣкъ тоже доволенъ—значитъ, не нужно ѣсть? Потомъ, это только выгодная для всякой работы обстановка, которая ни у кого и ничего не отнимаетъ и никого не заставляетъ завидовать. Есть наконецъ старики и дѣти, которымъ необходимъ здоровый скромный покой и о которыхъ приходится заботиться, а еще лучше, если первые сами позаботятся въ свое время о собственномъ скромномъ обезпеченіи. Занятые этимъ споромъ, никто не замѣтилъ, какъ вошелъ Эженъ и слушалъ, стоя у дверей. Онъ былъ сегодня особенно блѣденъ и вызвалъ Честюнину, когда та оглянулась.

— Что̀ такое случилось, Эженъ?

Да... случилось... Катя застрѣлилась... сейчасъ ее отправили въ клинику... Пока, ради Бога, ничего не говори отцу.

III.

Катя, дѣйствительно, лежала въ клиникѣ Вилліе, куда ее перенесли изъ квартиры. Честюнина отправилась туда одна,—Эженъ не хотѣлъ испугать жену и остался дома. Разыскать больную ей не составляло особеннаго труда, потому что въ этихъ клиникахъ она до нѣкоторой степени была уже своимъ человѣкомъ. Катя только-что была принесена изъ операціонной комнаты и

еще не успѣла хорошенько очнуться отъ хлороформа. Когда Честюнина спросила одними глазами ординатора, онъ только покачалъ молча головой. Бѣдняжкѣ выпалъ плохой номеръ... Когда она пришла въ себя, то съ удивленіемъ оглянулась кругомъ и спросила:

— Гдѣ я?

— Въ клиникѣ...—отвѣтила Честюнина.—Ничего, рана не опасна.

— Ахъ, это ты...—обрадовалась Катя, закрывая глаза отъ слабости

— Да, я... Я буду дежурить около тебя.

Катя выпростала руку изъ-подъ одѣяла и молча пожала руку Честюниной.

— Операція кончилась?—спросила она, не открывая глазъ.

— Да... Не будемъ сейчасъ говорить объ этомъ. Тебѣ вредно волноваться. Не бойся, все пройдетъ.

Катя посмотрѣла на нее и слабо улыбнулась.

— Мнѣ? Бояться?.. А я такъ жаждала смерти... и даже умереть не умѣла... Боже мой, Боже мой... Я тебѣ потомъ все разскажу.

— Да, да, потомъ, а сейчасъ нужно лежать спокойно.

Катя посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, но ничего не сказала, а только поморщилась.

Потомъ больная забылась тревожнымъ и тяжелымъ сномъ. Честюнина отправилась въ дежурную и узнала, что больная въ безнадежномъ положеніи.

— Конечно, бываютъ случаи, что мертвые оживаютъ,—замѣтилъ дежурный врачъ, точно желая ее утѣшить.—Виноватъ, можетъ-быть, она ваша родственница?

— Да, двоюродная сестра...

— Такъ... гм... Бываютъ удивительные случаи. Организмъ замѣчательно здоровый, но пуля прошла около сердца и засѣла въ позвоночникѣ... Все дѣло въ томъ, задѣта или нѣтъ сердечная сумка. Хотя бываютъ, конечно, самые удивительные случаи... Если не ошибаюсь, вы на четвертомъ курсѣ? Да? Вотъ вамъ рѣдкій случай для практики... Очень интересный случай.

— А сколько дней можетъ протянуться болѣзнь?

— Въ счастливомъ случаѣ дней пять... Все дѣло въ томъ, что больная очень нервный субъектъ. Вѣроятно, она падала въ обморокъ отъ булавочнаго укола, а тутъ могла перенести операцію даже безъ хлороформа. То-есть извлеченіе пули при настоящемъ положеніи невозможно, и пришлось только опредѣлить ея положеніе зондомъ, промыть рану и положить перевязку.

Этотъ дежурный врачъ произвелъ своимъ равнодушіемъ на Честюнину самое тяжелое впечатлѣніе, хотя она и понимала, что отъ человѣка, у котораго на рукахъ въ теченіе года перебываютъ тысячи такихъ интересныхъ случаевъ, нельзя требовать родственнаго участія къ каждому больному. Есть вещи неумолимыя, какъ сонъ или какъ профессіональная привычка нервовъ.

— Васъ спрашиваетъ какой-то господинъ,—вызвала Честюнину изъ дежурной сидѣлка.—Онъ тамъ въ пріемной...

Это былъ Эженъ. Онъ сидѣлъ у стола, схвативъ голову руками. Честюнина увидѣла заплаканное лицо и умоляющіе безмолвно глаза и сама очутилась въ положеніи дежурнаго доктора.

— Она умерла?!..—шепталъ Эженъ, не скрывая слезъ.

— Нѣтъ...

— Она умретъ?!..

— Сейчасъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное... Все будетъ зависѣть отъ температуры.

— Боже мой, Боже мой...—зарыдалъ Эженъ, опять хватаясь за голову.— Если бы я только могъ предвидѣть... Все равно, я убью этого мерзавца съ тремя фамиліями. Боже мой, Боже мой...

Честюнина видѣла, какъ у него дрожали руки и какъ тряслись побѣлѣвшія губы.

— Эженъ, нужно быть мужчиной... Ты знаешь, какъ я ее любила, и все-таки не плачу.

— Ахъ, не то, совсѣмъ не то... Мы ее всѣ мало любили! Голубка моя, бѣдная моя... Ахъ, Маша, Маша... Что̀ будетъ съ отцомъ? Я женѣ пока ничего не сказалъ... Что-то такое навралъ имъ, чтобы уѣхать сюда. А мнѣ можно будетъ ее видѣть?

— Лучше подождать... Ты ее только напрасно встревожишь.

— Да, да, ты всегда права, Маша...

Онъ схватилъ ея руки и принялся ихъ цѣловать. Горячія слезы такъ и сыпались къ ней на руки. Честюнина обняла его и поцѣловала въ голову. Какой былъ хорошій этотъ Эженъ, весь хорошій... Вѣдь люди узнаются только въ несчастьѣ. Бурное горе Эжена передалось и Честюниной, и она должна была закусить губы, чтобы не разрыдаться. Они присѣли на клеенчатый диванчикъ, и Эженъ съ большимъ трудомъ разсказалъ, что̀ зналъ о случившемся несчастьѣ.

— Вся драма разыгралась у Парасковеи Пятницы, гдѣ Катя жила съ мужемъ... Они послѣднее время очень бѣдствовали... Этотъ геройскій мерзавецъ остался на зимній сезонъ безъ ангажемента, и Катя пропитывала его какими-то переводами и грошовыми уроками. Работу ей доставала Парасковея Пятница... Это изумительно хорошая женщина. Потомъ что-то такое у Кати вышло съ Сергѣемъ Петровичемъ... Онъ вѣдь ее очень любилъ... по-своему... А тотъ дуракъ ревновалъ... Происходили самыя бурныя сцены... Катя все собиралась уходить, а Сергѣй Петровичъ ихъ мирилъ. Что̀ же я тебѣ разсказываю — ты все это и сама знаешь. Да, такъ въ это утро... Нѣтъ, я не могу разсказать... Онъ... онъ ее ударилъ... да. Парасковея Пятница это видѣла своими глазами... Ты знаешь характеръ Кати... Она крикнула: „Женщина, которая довела себя до того, что ее могъ ударить такой мерзавецъ, должна умереть“... У Кати была привычка всегда носить револьверъ съ собой... Одинъ моментъ, и она выстрѣлила въ себя. Парасковея Пятница свезла ее въ клинику, а потомъ пріѣхала въ университетъ предупредить меня. Вотъ и все, Маша... Боже мой, какъ все это глупо... О, я его убью!..

— Послушай, Эженъ... Ты забываешь одно, что самъ скоро будешь отцомъ и не имѣешь права распоряжаться своей жизнью. Мы объ этомъ еще поговоримъ... А сейчасъ отправляйся и подготовь Елену Петровну. Все равно ей придется узнать... А дядю извѣщу уже я...

— Нѣтъ, Маша, это сдѣлаетъ Елена, а ты не оставляй Катю... Да, ради Бога, не оставляй. А Елена сумѣетъ подготовить старика.

На тротуарѣ Эжена дожидалась Парасковея Пятница.

— Ну что̀, какъ?—шопотомъ спрашивала она, точно боялась кого-то разбудить.

— Очень скверно... Отчего вы не зайдете туда?

— Я боюсь Марьи Гавриловны... Я видѣла давеча, какъ она подъѣзжала къ клиникѣ, и убѣжала на другую сторону дороги.

— Чего же вамъ-то бояться?

— Да вѣдь меня всѣ обвинятъ... Помните, какъ выходила Катя за-

нужъ, а потомъ, когда пріѣзжалъ Василій Васильичъ—я еще такъ приняла его... Ну, теперь всѣ и обвинятъ меня... Но это пустяки: пусть винятъ—я сама обвинила себя. Вѣдь я могла разстроить этотъ несчастный бракъ... могла отговорить Катю.

— Нѣтъ, это вы ужъ напрасно... Я знаю хорошо Катю, и никто бы не отговорилъ ее. Повѣрьте мнѣ...

— Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы походить за ней... Когда Марья Гавриловна устанетъ, пусть пошлетъ за мной. Такъ и скажите...

Эженъ торопливо простился, и Парасковея Пятница опять осталась одна на улицѣ. Уже спускались быстрыя зимнія сумерки. Снѣгъ усилился. Съ Невы дулъ сильный вѣтеръ. Жалкіе керосиновые фонари придавали всему фантастическое освѣщеніе. Парасковея Пятница продолжала стоять на тротуарѣ и смотрѣла на освѣщенныя окна клиники, стараясь угадать, гдѣ палата, въ которой лежитъ Катя. Да, тамъ, вотъ за каменной стѣной, быстро и несправедливо догораетъ молодая жизнь, а она, старая и никому ненужная, не можетъ износить своего дурацкаго здоровья. Ей вдругъ захотѣлось передать это здоровье Катѣ, а самой умереть вмѣсто нея. Съ какой бы радостью въ этой формѣ она принесла себя въ жертву за человѣчество...

— Катя, родная, это я во всемъ виновата,—шептала она, не чувствуя, какъ по ея лицу катятся ненужныя никому слезы.

Въ положеніи Кати до поздняго вечера не произошло никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ. Она лежала спокойно, и Честюниной казалось, что она теперь даже тяготится ея присутствіемъ. Но Катю раздражало не это, а освѣщеніе комнаты, которое напомнило почему-то дѣтство. Она внимательно осматривала свою отдѣльную комнату, высокую, съ большимъ окномъ, и невольно сравнивала ее съ дѣтской. Да, и тамъ были такія же высокія стѣны и такое же окно, а по вечерамъ такой же унылый свѣтъ. Боже мой, какъ все это было давно и осталось безконечно далеко.

— Маша, это пріѣзжалъ Эженъ?—неожиданно спросила она съ прозорливостью больного человѣка.—Отчего ты не пустила его ко мнѣ?

— Онъ пріѣдетъ завтра...

— Значитъ, я еще проживу цѣлую ночь... Какъ это долго, Маша. А отецъ ничего не знаетъ? Вы скажите ему, что я уѣхала далеко-далеко... да... и что, можетъ-быть, не вернусь... Вѣдь отъ такого взбалмошнаго человѣка всего можно было ожидать.

— А ты кого бы желала видѣть изъ родныхъ?

Катя подумала, улыбнулась и отвѣтила:

— Сергѣя Петровича... Это былъ единственный человѣкъ, который меня, дѣйствительно, любилъ, любилъ мою душу. И я его любила... Нашему счастью помѣшала женитьба Эжена... Мы хотѣли хлопотать о разводѣ, и тогда я могла бы выйти замужъ за Сергѣя Петровича... Мнѣ его жаль... Я желала бы сказать ему, что я его люблю... Онъ этого не зналъ и считалъ меня легкомысленной...

— Катя, ты много говоришь...

— Все равно, мнѣ нужно выговориться... Ты думаешь, я боюсь смерти—нисколько. Вы всѣ считали меня дурочкой, а я очень серьезная... Ты думаешь, я рѣшилась на самоубійство въ порывѣ отчаянія? Нѣтъ, у меня это уже было давно рѣшено... Моя смерть заключалась въ томъ, что я уже не вѣрила въ себя. Это ужасное чувство... У меня не было ни одного таланта, даже красоты, а я могла бы жить только окруженная общимъ поклоненіемъ. Мнѣ нужно было такое поклоненіе толпы, какъ рыбѣ вода, какъ птицѣ воздухъ...

— Катя, довольно... Ради Бога, перестань. Я даже не имѣю права тебя слушать, какъ медицинскій человѣкъ.

— Пустяки... Перестань малодушествовать. А я еще завидовала тебѣ... Давеча, когда меня принесли въ клинику, я очнулась только на операціонномъ столѣ и только тутъ окончательно убѣдилась, что я была совершенно права... Меня окружила цѣлая толпа студентовъ... Все такія молодыя, хорошія лица... Вотъ кому нужно жить, потому что они нужны... Нужны ихъ знанія, трудъ, руки... Я чувствовала себя жалкой поденкой, которую унесъ въ море первый легкій вѣтерокъ... Для другихъ онъ составляетъ счастье, даетъ жизнь, а я, безсильная и ничтожная, была снесена въ воду и должна утонуть. Это и хорошо, потому что я раньше приговорила себя къ смерти... Живите всѣ вы, потому что вы нужны.

Такіе монологи не прошли даромъ. Катя сдѣлала неосторожное движеніе и сдвинула повязку. Первая капля крови, которую она увидала на бинтѣ, привела ее въ ужасъ. На лбу появились капли холоднаго пота, глаза округлились, губы побѣлѣли... При накладываніи новой перевязки съ ней сдѣлался легкій обморокъ. Честюнина въ первый разъ увидѣла нанесенную пулей рану, которая по наружному виду рѣшительно ничего страшнаго не имѣла. Небольшая ранка, изъ которой сочилась струйка алой артеріальной крови—и только, а между тѣмъ съ каждой каплей этой крови вытекала молодая жизнь.

Очнувшись, Катя начала жаловаться на острую боль въ спинѣ и заплакала. Это были ея первыя слезы.

— Маша, я все лгала, что не боюсь смерти...—шептала Катя, хватаясь за руку Честюниной, точно хотѣла удержаться на землѣ. — Который часъ? Десять... Боже мой, этой ночи не будетъ конца. Маша, моя послѣдняя просьба: поѣзжай сейчасъ къ отцу и привези его сюда... Да, непремѣнно. Я знаю, что это жестоко, но только святая любовь отцовъ и матерей прощаетъ все... Я буду паинькой, пока ты ѣздишь. Ахъ, какъ мнѣ хочется его видѣть... Нужно сказать такъ много-много...

— Хорошо, я ѣду...

IV.

Была уже ночь, когда Честюнина отправилась на Васильевскій островъ. На Выборгской Сторонѣ царила какая-то угнетающая тишина, и едва мигавшіе уличные фонари казались совершенно лишними. Извозчикъ едва тащился,—по крайней мѣрѣ такъ казалось Честюниной. Васильевскій островъ тоже не отличался оживленіемъ. Честюнина сначала заѣхала къ Эжену. Онъ выскочилъ къ ней въ коридоръ, блѣдный и разстроенный.

— Съ Лёлей нехорошо...—шопотомъ предупредилъ онъ.—Былъ маленькій обморокъ... Что Катя?

— Послала меня за отцомъ... Вы его не предупредили?

— Ахъ, нѣтъ... Лёля страшно взволновалась, когда я разсказалъ ей все. Я потерялъ голову...

— Хорошо, такъ я сама поѣду къ дядѣ.

— Сдѣлай такъ, Маша: вызови Григорія, а онъ вызоветъ Дашу... да. Не говори прямо старику ничего... Впрочемъ, ты лучше меня знаешь.

Честюнина даже не простилась съ Эженомъ, о чемъ вспомнила уже дорогой. Швейцаръ Григорій принялъ ее съ приличнымъ изумленіемъ, но сейчасъ же сообразилъ, что случилось что-то особенное, и отправился чернымъ ходомъ будить Дашу. Честюнина сидѣла въ швейцарской, и ей казалось, что прошла цѣлая вѣчность. Но вотъ послышались торопливые шаги, и въ две-

ряхъ появился Василій Васильичъ, одѣтый въ шубу. Онъ только мелькомъ взглянулъ на племянницу и все понялъ.

— На Выборгскую...—сказалъ онъ самъ извозчику.

Они ѣхали нѣсколько времени молча. Старикъ нѣсколько разъ собирался съ силами, чтобы задать роковой вопросъ, и наконецъ спросилъ:

— Она жива?

— Да...

— Я не знаю, что̀ случилось...—спокойно произнесъ онъ.—Но я этого ждалъ, Маша.

— Пока еще нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

— О, я знаю... Ты хочешь меня подготовлять? Напрасный трудъ... Я давно приготовился и ко всему... У меня даже былъ сегодня такой сонъ, и я почему-то ждалъ тебя... Да, не смѣйся, Маша... Къ сожалѣнію, дурные сны слишкомъ часто сбываются.

Они доѣхали молча, и Василій Васильичъ только перекрестился, когда извозчикъ остановился у клиники. Честюнина припомнила случайный разговоръ съ Катей, когда онѣ вмѣстѣ ѣхали въ академію мимо вотъ этой клиники. Катя еще тогда высказывала, какъ она боится смерти, точно у нея было роковое предчувствіе, что она должна умереть именно здѣсь.

Оставшись одна, больная страшно затосковала. Ей казалось, что она не дождется отца... Боже мой, какъ мучительно-долго тянется время въ клиникѣ. Больная считала минуты и все смотрѣла на дверь.

— Скоро, барышня...—повторяла сидѣлка.—Вы читайте „Богородицу", время-то и пройдетъ незамѣтно.

Катя съ удивленіемъ принималась разсматривать эту сидѣлку. Ей казалось, что она ее такъ давно знаетъ,—и это некрасивое женское лицо, полное покорной сдержанности, и грустные глаза, и слабый голосъ, каждое движеніе—все было ей знакомо. Потомъ Катѣ сдѣлалось совѣстно, что она заставляетъ эту труженицу проводить у своей кровати безсонную ночь.

— Вамъ скучно со мной, сестра?—спрашивала Катя.

— Мы привычны, барышня...

Молчаніе. Время опять останавливается, и Катя напрасно прислушивается къ каждому шороху. Ахъ, какая эта Честюнина — она всегда и все дѣлала медленно.

— Сестра, вы—дѣвушка?

— Да...

— И отлично... Никогда не выходите замужъ. Видите, до чего это доводитъ...

— Не первыя вы у насъ въ клиникѣ, барышня, такая-то...

— Какая?

— Всякая по-своему... Больше травятся... Вотъ какъ потомъ мучаются—страсть смотрѣть.

Катя морщится. Боже мой, даже въ несчастьяхъ есть своя конкуренція, даже здѣсь она не умѣла быть оригинальной... Ахъ, какъ все пошло, гадко, отвратительно!..

Въ коридорѣ нѣсколько разъ слышались чьи-то шаги и затихали. Когда Катя потеряла уже всякое терпѣніе, около ея кровати появилась Честюнина.

— Онъ... здѣсь?.. Папа?..

— Пожалуйста, не волнуйся...

Честюнина ужасно боялась за первый моментъ этого рокового свиданія, но Анохинъ вошелъ со спокойнымъ видомъ человѣка, приготовившагося къ

самому худшему. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ все время крестился, точно шелъ на смертную казнь, а сейчасъ казался такимъ спокойнымъ.

— Папа... милый...

— Я знаю все, голубчикъ, — спокойно отвѣтилъ онъ, цѣлуя дочь въ лобъ.—Обо всемъ еще успѣемъ поговорить потомъ...

— А мама?

— Она пока ничего не знаетъ... Нужно будетъ ее подготовить. Ты знаешь, какъ она всегда волнуется...

Спокойный видъ отца и его спокойный голосъ произвели на больную самое успокаивающее впечатлѣніе, и она проговорила:

— Я скоро поправлюсь, папа... да. Мнѣ это самъ профессоръ сказалъ... когда дѣлалъ операцію...

— Да, да, моя хорошая... Я знаю. А теперь какъ ты себя чувствуешь?

— Не знаю... Пока мнѣ ужасно скучно здѣсь лежать... Если бы...

Онъ догадался, что̀ она хочетъ сказать.

— Тебѣ хочется домой, моя радость?..

— Да, папа...

— Хорошо, увидимъ. Что̀ еще скажетъ твой профессоръ...

Апохинъ не видалъ дочери больше года, и она показалась ему такой маленькой, какой была еще дѣвочкой-подросткомъ. Потомъ это блѣдное молодое лицо, глядѣвшее на него уже не дѣтскими глазами, было такъ красиво, какъ никогда раньше. Въ немъ было столько чарующей женственности, какой-то затаенной ласки и дѣтской простоты. Да, она была хороша, и отцовское серце мучительно стыло и цѣпенѣло отъ подавленныхъ страданій. Онъ собралъ всѣ силы, чтобы казаться спокойнымъ, — вѣдь сейчасъ спокойствіе все... Больная тоже крѣпилась и только молча и крѣпко держала отца за руку.

— Я скоро поправлюсь, папа... — точно оправдывалась она, вопросительно глядя на отца.

— Да, да... Конечно, поправишься, крошка.

— А когда я поправлюсь, мы опять будемъ жить вмѣстѣ, папа... Я хочу жить съ тобой... Весной куда-нибудь уѣдемъ изъ Петербурга...

— Да, да, непремѣнно уѣдемъ...

— Мнѣ все равно—куда, но только какъ можно дальше, папа... Далеко-далеко, гдѣ живутъ другіе люди.

— Именно, далеко... Знаешь что̀, мы уѣдемъ въ Сузунье, къ теткѣ. Я уже давно собираюсь туда, посмотрѣть на родину. Вотъ тамъ, Катя, совсѣмъ другіе люди...

— Ахъ, какъ хорошо будетъ, папа... Я ихъ впередъ всѣхъ люблю. И Маша съ нами поѣдетъ...

— И Маша поѣдетъ... Ей тоже не лишнее отдохнуть, пока совсѣмъ не передѣлалась въ безнадежно-столичнаго человѣка.

Катя что-то хотѣла еще сказать, но только пожевала губами и закрыла глаза. Честюнина сдѣлала дядѣ знакъ глазами, что больная хочетъ спать и что ее нужно оставить. Когда они уходили, Катя попросила Честюнину остаться на минутку и спросила:

— А Сергѣй Петровичъ знаетъ?..

— Вѣроятно...

— Какъ мнѣ хотѣлось бы его видѣть. Онъ такой хорошій.

— Завтра я могу его вызвать...

— Нѣтъ, этого не нужно. Если онъ самъ пріѣдетъ... Тебя удивляетъ

мое легкомысліе? Боже мой, вѣдь это же единственный человѣкъ, который могъ сдѣлать меня счастливой... Женщины вѣдь не умѣютъ быть счастливыми самостоятельно. Ты не обижайся—я говорю о себѣ одной...

Анохинъ прошелъ въ пріемную, гдѣ встрѣтилъ Парасковею Пятницу, которую совсѣмъ не узналъ. Она страшно смутилась и даже хотѣла убѣжать. Но ее выручила Честюнина.

— Марья Гавриловна, голубчикъ, не гоните меня..—шопотомъ умоляла она. — Вы устанете — я посижу около нея... Все-таки не чужой человѣкъ...

— Хорошо. Увидимъ, какъ дѣло пойдетъ...

— Я ужъ говорила съ докторомъ и сказала, что родственница. А потомъ... Я боюсь старика... Тогда онъ такъ разсердился на меня...

— Ну, это пустяки... Онъ давно все забылъ... Да и не до того теперь.

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна... Мнѣ вѣдь только походить за ней, голубкой...

Парасковея Пятница отвернулась, чтобы скрыть слезы. Покойный Иванъ Михайлычъ не выносилъ бабьихъ слезъ и всегда страшно сердился, когда она начинала плакать. Это обстоятельство служило предметомъ частыхъ семейныхъ размолвокъ, потому что Парасковея Пятница не прочь была всплакнуть по-бабьи.

— Знаете, голубчикъ, вы все-таки меня какъ-нибудь отрекомендуйте,— просила Парасковея Пятница. — Скажите, что я что-нибудь этакое те[illegible]ное... Ну, комическая старуха, что ли...

— Нѣтъ, это неудобно, Прасковья Игнатьевна... Я васъ отреком[illegible] тѣмъ, что̀ вы есть на самомъ дѣлѣ. Повѣрьте, ничего дурного не будет...

Когда состоялось это представленіе, Анохинъ закрылъ лицо руками и неудержимо разрыдался. Онъ до мельчайшихъ подробностей припомнилъ свой визитъ въ квартиру Парасковеи Пятницы... Да, тогда Катя была здорова, и только отцовское сердце чуяло, чѣмъ все это кончится.

— *Она* все время жила у васъ? — спрашивалъ старикъ, не вытирая катившихся по лицу слезъ. — Да?.. Вы ее любили? О, Боже мой, развѣ можно было ее не любить?

Онъ крѣпко пожалъ ей руку.

— Она часто плакала, и вы ее утѣшали?..—продолжалъ онъ, не выпуская ея руки. — Она была горда и не умѣла жаловаться? Она вспоминала старика отца? Да?.. Дѣвочка моя, родная... А отецъ былъ далеко, отецъ отказался отъ нея...

Онъ неожиданно поцѣловалъ ея руку и прибавилъ:

— За все, за все благодарю васъ... Я не умѣю высказать всего, что̀ сейчасъ чувствую.

Честюнина вышла, чтобы провѣдать больную, и старики остались одни. Парасковея Пятница совершенно растерялась и рѣшительно не знала, что̀ ей говорить. Этотъ „деспотъ“ оказался совсѣмъ-совсѣмъ не деспотомъ, а совершенно наоборотъ... Да, теперь ей приходилось ухаживать за нимъ, какъ за ребенкомъ.

— Василій Васильичъ, какой удивительный случай былъ у насъ въ Казани...

— Развѣ вы изъ Казани? — удивлялся Анохинъ.

— А то какъ же? — удивлялась, въ свою очередь, Парасковея Пятница, точно каждый долженъ быть „изъ Казани“. — Тогда еще былъ живъ Иванъ Михайлычъ... да... Такъ тамъ жилъ одинъ дьяконъ... Ну, кажется, кто бы могъ подумать на него, и Иванъ Михайлычъ говорилъ прямо...

Анохинъ съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ про удивительный случай въ Казани и нашелъ, что, дѣйствительно, на бѣломъ свѣтѣ бываютъ странныя вещи. Слова разсказчицы стучали у него въ головѣ, какъ стучатъ капли дождя по желѣзной крышѣ, не проникая внутрь. Честюнина входила нѣсколько разъ и была довольна, что старикъ занялся съ Парасковеей Пятницей.

– Дядя, теперь уже поздно, — заявила она наконецъ. — Поѣзжайте сейчасъ домой, а завтра утромъ пріѣдете. Она спитъ...

Онъ повиновался и только въ дверяхъ спросилъ:

– А что̀ же я скажу женѣ?

— Ее нужно подготовить...

— Ахъ, да... Что̀ же я спрашиваю? Да, да, я понимаю...

V.

Цѣлыхъ пять дней, мучительныхъ пять дней... Какъ мы живемъ цѣлые годы, не замѣчая времени, а тутъ вдругъ является какая-то роковая грань, которая останавливаетъ все, даже самое время. Въ послѣднемъ больше другихъ могла убѣдиться Честюнина. Ей казалось, что прошло нѣсколько лѣтъ, и событія такъ отдѣлялись одно отъ другого, что трудно было возстановить хронологическую послѣдовательность. Напримѣръ, какъ случилось, что Елену Петровну привезъ въ клинику Брусницынъ? Какъ оказалось впослѣдствіи, на его долю выпало передать матери роковое извѣстіе. Василій Васильичъ не могъ сдѣлать этого и въ отчаяніи явился къ Эжену.

— Я это могу устроить...— вызвался самъ Сергѣй Петровичъ, для котораго не существовало трудныхъ положеній.

Дѣйствительно, онъ поѣхалъ и устроилъ все такъ, что съ Еленой Ѳедоровной даже не было обморока. Онъ же привезъ ее и въ клинику. Свиданіе съ больной обошлось, благодаря его содѣйствію, тоже благополучно. Елена Ѳедоровна сдержала себя и ничѣмъ не нарушала установленнаго около больной порядка.

— Мама, ты на меня не сердишься? — спрашивала Катя.

— Я? Ну, объ этомъ мы поговоримъ послѣ...

Этотъ уклончивый отвѣтъ подѣйствовалъ на больную успокаивающимъ образомъ, потому что въ немъ слышалась увѣренность за будущее.

Всѣ драматическіе моменты сосредоточивались въ пріемной, гдѣ періодически появлялись всѣ дѣйствующія лица, за исключеніемъ одной Елены Петровны, которая лежала больная дома.

Всѣхъ труднѣе доставалось Честюниной, которой приходилось хлопотать за всѣхъ. Собственно говоря, больная доставляла безпокойства меньше другихъ. Только однажды она особенно взволновалась, именно, когда въ первый разъ вошелъ Брусницынъ. Честюнина видѣла это по ея лицу.

— Возлюбленный... — шептала Катя, закрывая глаза. — О, какъ я его люблю... Если бъ онъ зналъ...

Брусницынъ тоже волновался, хотя и напрягалъ всѣ силы, чтобы не выдать себя. Въ послѣднихъ видахъ онъ усиленно ухаживалъ за Еленой Ѳедоровной и быстро вошелъ къ ней въ милость.

Въ концѣ концовъ получилось то, что всѣ эти близкіе люди ужасно мѣшали больной, и Честюнина удалила ихъ подъ разными предлогами.

— Пріѣзжайте одни...—шепнула она одному дядѣ. — Другіе только напрасно ее волнуютъ.

Какъ показалось Честюниной, всѣ были даже рады уѣхать домой. Кли-

ническая обстановка давила каждаго, а дома были свои дѣла. Эженъ пріѣзжалъ на минуту, чтобы сообщить Честюниной:

— Кажется, у насъ начинается... Ахъ, Маріэтта, если бы ты была свободна!.. Леля все тебя вспоминаетъ... Ну, что̀ Катя?

— Пока ничего особеннаго... Температура, кажется, начинаетъ подниматься. Впрочемъ, мнѣ это могло показаться... Разница пока всего въ одной десятой.

Эженъ такъ былъ поглощенъ своими дѣлами, что, какъ показалось Честюниной, слушалъ ее совершенно машинально и едва ли понималъ, что̀ она ему говорила.

Катя съ проницательностью больного человѣка по выраженію лица Честюниной угадывала, кто былъ въ пріемной. Она волновалась молча, на что обратилъ вниманіе докторъ.

— Спокойствіе—пока единственное ваше лѣкарство,—говорилъ онъ съ строгой ласковостью опытнаго врача.—А вы, mademoiselle Честюнина, прямо виноваты, что позволяли родственникамъ являться сюда.

— Да, да, я, дѣйствительно, виновата,—поспѣшила согласиться съ нимъ Честюнина.

Когда докторъ ушелъ, больная замѣтила:

— О чемъ онъ хлопочетъ? Удивляюсь... Мнѣ ужасно хотѣлось съ нимъ поспорить, Маша. Ахъ, скорѣе бы мнѣ выздоровѣть, тогда бы я ему показала... Вообще, я его ненавижу...

— Хорошо, хорошо...

— Послушай, Маша, и ты принимаешь со мной тонъ классной дамы... Это совсѣмъ къ тебѣ нейдетъ.

— Пожалуйста, нельзя ли безъ разсужденій, а то я уйду!

Больная инстинктивно покорялась каждому властному слову и дѣлалась такой жалкой, какъ маленькій безпомощный ребенокъ. Покорность къ ней не шла, какъ строгость къ Честюниной.

Навѣщавшіе больную, кажется, не особенно огорчились отказомъ принимать ихъ, за исключеніемъ старика Анохина. Онъ пріѣзжалъ попрежнему и высиживалъ долгіе и томительные часы въ дежурной, гдѣ попеременно его занимали Честюнина или Парасковея Пятница. Послѣдняя страдала неизлѣчимымъ недугомъ старческой болтливости, и запрещеніе говорить съ больной приводило ее въ отчаяніе. Зато она отводила душу въ дежурной, и Василій Васильичъ скоро выучилъ наизусть рѣшительно все, что̀ происходило „во время оно, какъ говорилъ Крюковъ, у насъ въ Казани". Въ свою очередь, Парасковея Пятница узнала много интересныхъ вещей о томъ, что̀ такое Сузумье и какъ хорошо тамъ живутъ простые люди.

Придвинувшись къ своей слушательницѣ поближе, Анохинъ нѣсколько разъ повторялъ, показывая глазами на потолокъ:

— Развѣ тамъ возможенъ былъ бы такой случай?.. Да никогда... Тамъ еще нѣтъ мерзавцевъ съ тремя фамиліями. Да... Я теперь часто думаю, что, если бы я жилъ тамъ самымъ простымъ человѣкомъ, если бы моя жена была самая простая провинціальная дѣвушка, если бы моя дочь... Однимъ словомъ, не сидѣли бы вотъ здѣсь и не считали часы.

— Однако, Василій Васильичъ, теперь и провинція ужъ не та,—спорила Парасковея Пятница.—Я недавно читала въ нашей казанской газетѣ... точно такой же случай, и даже отца звали тоже Василіемъ. Нынче самыя простыя дѣвушки и тѣ, чуть что̀, сейчасъ револьверъ, спички, какую-нибудь кислоту... Охъ, это вездѣ одинаково, Василій Васильичъ.

Старики начинали спорить, забывая о больной и торжественности переживаемаго момента. Парасковея Пятница совсѣмъ уже не боялась „деспота“ и въ рѣшительныхъ пунктахъ ссылалась на авторитетъ покойнаго Ивана Михайлыча, который говорилъ всегда такъ, а дѣлалъ вотъ этакъ. Оказывалось, что Иванъ Михайлычъ предвидѣлъ возможность даже такихъ случаевъ, какъ настоящій. О, онъ все зналъ, Иванъ Михайлычъ, и все умѣлъ объяснить.

Когда дежурила у больной Парасковея Пятница, Василій Васильичъ любилъ говорить съ Честюниной о Сузумьѣ.

— Маша, а ты вѣдь совсѣмъ забыла свою провинцію,—упрекалъ онъ ее съ отцовской ласковостью. — Нехорошо это, голубчикъ... Послѣ сама пожалѣешь. Вѣдь нынѣшнимъ лѣтомъ могла ѣхать?

— Могла...

— Отчего же не поѣхала?

— Да такъ... Разныя дѣла. Вотъ кончу курсъ, тогда и уѣду.

— Все у васъ дѣла, а всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. Это все отговорки. Я давеча сижу и смотрю на тебя, Маша... да... Вѣдь совсѣмъ ты не такая пріѣхала въ Петербургъ, еще немного, такъ, пожалуй, родная мать не признаетъ.

Сидя около больной, Честюнина точно подводила итогъ своей молодой жизни и приходила сама къ тому же заключенію, какъ и Василій Васильичъ. Да, она стала совсѣмъ другая и не къ лучшему... Не было уже прежней молодой вѣры въ жизнь, въ людей и въ недавнія мечты. Многое отошло назадъ, другое исчезло, какъ сонъ, а кругомъ нарастала какая-то мучительная пустота. А главное, все чаще и чаще являлось глухое недовольство собой, какъ предвѣстникъ какой-то хронической болѣзни. Теперь Честюнина завидовала другимъ курсисткамъ, сохранившимъ способность увлекаться всѣмъ, точно онѣ вчера пріѣхали въ Петербургъ. Она уже не могла попасть имъ въ тонъ и, вообще, какъ-то ушла отъ молодости. Въ концѣ концовъ оставались четыре стѣны своей студенческой кельи и занятія. Да, есть святая работа, и Честюнина уходила въ нее все глубже. Она уже испытывала окрыляющій жаръ этой келейной работы и входила во вкусъ своего женскаго одиночества. Всѣ эти мысли являлись невольно, вызванныя присутствіемъ больной. Вѣдь эта Катя была полной противоположностью, и Честюниной начинало казаться, что вмѣстѣ съ ней умираетъ и она, то-есть умираетъ въ ней та женщина, которая могла быть счастлива только личной жизнью. Конечно, являлись мысли о чемъ-то неизвѣданномъ, неопредѣленная тоска, смутное желаніе какой-то перемѣны и сознаніе неудовлетворенности, но это были только отдѣльные моменты, а не вся жизнь.

— Я знаю, о чемъ ты думаешь...—замѣтила разъ Катя, наблюдавшая задумавшуюся сидѣлку.

— Именно?

— Тебѣ жаль самой себя... Но все это напрасно, голубчикъ. Мы, женщины, бываемъ счастливы, какъ дѣти, когда они ломаютъ свои любимыя игрушки, чтобы посмотрѣть, что̀ тамъ внутри. Счастья нѣтъ...

Отъ волненія и безсонныхъ ночей у Честюниной какъ-то все перемѣшалось въ головѣ, и она даже не удивилась, когда Парасковея Пятница принесла въ пріемную термометръ, показывавшій роковое повышеніе температуры. Это былъ смертный приговоръ...

— Это очень нехорошо?—освѣдомился Василій Васильичъ.

— Да...

— Она умретъ?..

Честюнина только пожала плечами и быстро вышла изъ комнаты. Дѣлая послѣднюю перевязку, докторъ замѣтилъ:

— Мы ведемъ себя не дурно... Еще денька два и будемъ совсѣмъ умными.

Неожиданно поднявшаяся температура сразу разрушила всѣ надежды. Больная сама страшно перепугалась и молча смотрѣла на Честюнину умоляющими глазами. Боже мой, неужели это и есть смерть?!.. У нея стучали зубы отъ лихорадки, а въ глазахъ явилось ощущеніе холода.

Болѣзнь полетѣла впередъ съ ужасающей быстротой. За лихорадкой явился бредъ. Больная металась на своей кровати и плохо узнавала присутствовавшихъ. Въ моменты сознанія она хватала Честюнину и повторяла задыхавшимся голосомъ:

— Спасите меня... спасите... ахъ, какъ я хочу жить!.. Боже мой, какъ страшно... Маша, вѣдь я еще такая молодая... Всѣ другіе будутъ жить, а я... Нѣтъ, я не хочу умирать... Слышишь?.. Держи меня за руку... вотъ такъ... крѣпче...

Честюнина вся точно застыла. Теперь уже не было спасенія, и лучшія слова святой науки были безсильны. Оставалось только ждать развязки.

Мучительная агонія продолжалась цѣлыхъ два дня, и черезъ пять дней, какъ предсказалъ докторъ, Катя умерла. Въ комнатѣ еще стоялъ запахъ лѣкарствъ, на столикѣ у кровати стояли аптечные пузырьки съ разнымъ снадобьемъ, и все это напоминало только о безсиліи науки и бренности человѣческаго существованія. Да, все было кончено... Молодая жизнь погасла, какъ блуждающій огонекъ.

Хоронили Катю въ снѣжный и холодный зимній день. Все кругомъ казалось такимъ хмурымъ. За гробомъ тянулась небольшая кучка близкихъ людей. Честюнина шла съ Брусницынымъ, и ей казалось, что она тоже умерла вмѣстѣ съ Катей. Это чувство положительно ее преслѣдовало, какъ кошмаръ. Василій Васильичъ шелъ за гробомъ со спокойнымъ лицомъ. У него уже не было слезъ... Все было пережито раньше.

— Бѣдная моя дѣвочка...—повторялъ про себя убитый горемъ старикъ.— Бѣдная... бѣдная... бѣдная...

Похоронили Катю въ Александро-Невской лаврѣ, о чемъ она просила сама. Изъ родныхъ не было только Эжена, который пріѣхалъ къ самому отпѣванію. Онъ отвелъ Честюнину въ сторону и шепнулъ:

— Маріэтта, у меня родился сынъ...

ЭПИЛОГЪ.

Прошло пятнадцать лѣтъ.

Стоялъ свѣтлый осенній день. Въ скверахъ вездѣ уже мелькали тронутые первымъ холодкомъ листья. Въ такіе дни Петербургъ получаетъ какой-то особенный бодрый видъ, а всѣ улицы переполнены оживленной публикой. Вернувшійся съ дачи петербуржецъ точно старается наверстать потерянное лѣтомъ время. Самые дома, ремонтированные и подкрашенные, выглядятъ веселѣе. Оживленіе захватываетъ даже самыя далекія городскія окраины, какъ Выборгская Сторона или Васильевскій островъ.

Именно въ такой ласковый по-осеннему день по Сампсоніевскому проспекту шли среднихъ лѣтъ дама и пожилой мужчина, въ которыхъ сразу

можно было узнать провинціаловъ и по костюму и по неумѣнью торопиться. Они шли по тротуару и читали вслухъ номера домовъ.

— Здѣсь...—проговорила наконецъ дама, останавливаясь передъ громаднымъ четырехъэтажнымъ домомъ.—Да, да... Тотъ самый домъ.

Мужчина молча соглашался, съ такимъ видомъ, когда человѣкъ не желаетъ противорѣчить. Плотный, коренастый, съ окладистой бородой, онъ производилъ впечатлѣніе уравновѣшеннаго человѣка, который не умѣетъ волноваться даже въ серьезныхъ случаяхъ. Они вошли во дворъ и начали подниматься по темной каменной лѣстницѣ.

— Та самая лѣстница,—говорила дама, останавливаясь на площадкѣ перевести духъ.—Сколько тысячъ разъ я прошла по ней.

Они поднялись въ четвертый этажъ и позвонили у двери безъ визитной карточки. Отворила толстая сѣдая старушка въ бѣломъ чепцѣ.

— Прасковья Игнатьевна, не узнаёте?—весело проговорила дама.

— Нѣтъ, не узнаю...

— А Честюнину помните?

— Честюнину? Много вѣдь у меня жило курсистокъ, гдѣ ихъ всѣхъ запомнишь...

— А Катю тоже не помните? Которая еще застрѣлилась?

— Эту отлично помню... Такъ вы ея сестра двоюродная? Теперь все припомнила... Милости просимъ.

Старушка всполошилась и повела гостей въ свою каморку, гдѣ все оставалось попрежнему.

— А я—Андрей Иванычъ Нестеровъ,—рекомендовался мужчина.—Вы еще какъ-то письмо мнѣ писали...

— Не помню письма... — добродушно недоумѣвала Парасковея Пятница.—А можетъ-быть, и писала...

Парасковея Пятница сильно состарилась, и Честюнина смотрѣла на нее съ сожалѣніемъ. Была такая бодрая и здоровая женщина, а теперь получилась какая-то развалина. Старушка непремѣнно захотѣла угостить кофе и поминутно убѣгала въ кухню. Она замѣтно оживилась и кое-что успѣла припомнить.

— Да, да... Теперь помню,—повторяла она.—Какъ же... И Катю помню. Такая была веселая... Василій-то Васильичъ захаживалъ ко мнѣ. Придетъ и плачетъ... Сильно убивался онъ о дочери. Передъ самой смертью былъ у меня недѣли за двѣ. Рядомъ его и похоронили съ дочерью... А вы замужемъ давно?

— Нѣтъ, я попрежнему остаюсь дѣвушкой...

— Какъ же это такъ?

— Да какъ-то такъ ужъ вышло... Все некогда, Прасковья Игнатьевна. А тутъ и молодость прошла, поздно выходить замужъ...

— Скучно подъ старость будетъ, милая...

— Ничего, какъ-нибудь проживемъ. Не всѣмъ замужъ выходить...

— Это, конечно, бываетъ, а все-таки...

— И я вотъ тоже не женился,—отвѣчалъ Нестеровъ на нѣмой вопросъ любопытной старушки.—Счастье не вышло...

— Тоже нехорошо.

— Что подѣлаешь!

— А гдѣ же вы живете теперь?

— Въ провинціи... Я въ земствѣ служу, и Марья Гавриловна тоже въ земствѣ. Вмѣстѣ работаемъ, а потомъ взяли да и поѣхали вмѣстѣ въ Петербургъ.

— Такъ, такъ...—соглашалась старушка.—Совсѣмъ другой нынче народъ пошелъ. Слушаешь, слушаешь и какъ будто ничего понять не можешь. Стара стала, умирать пора...

За кофе всѣ разговорились, припоминая старину. Парасковея Пятница даже всплакнула, когда зашла рѣчь о Катѣ. Въ ея репертуарѣ это было самое трогательное воспоминаніе, и она нѣсколько разъ возвращалась къ нему. Да, хорошая была дѣвушка, веселая и такая ласковая, точно котенокъ.

Гости посидѣли и начали прощаться.

— Спасибо, что не забыли старуху,—говорила Парасковея Пятница, провожая ихъ на лѣстницу.—Не поминайте лихомъ.

Съ Выборгской они проѣхали въ Александро-Невскую лавру, гдѣ съ большимъ трудомъ разыскали могилу Кати. Честюнина долго стояла передъ ней и не замѣчала, какъ по ея лицу катились слезы. Это были слезы о несбывшихся надеждахъ, разбитыхъ иллюзіяхъ далекой юности и о чемъ-то такомъ, что̀ осталось невыполненнымъ.

— Марья Гавриловна, я васъ не узнаю...—проговорилъ Нестеровъ.

Она улыбнулась сквозь слезы и, указывая на могилу Кати, отвѣтила:

— Я здѣсь похоронила себя, Андрей Иванычъ...

1896.

МИЛЛІОНЪ.

Это роковое слово въ первый разъ Маркъ Скоробогатовъ услышалъ отъ горнаго инженера Чикмалдина, котораго зимой везли съ промысловъ, разбитаго параличомъ. Скоробогатовъ и раньше слыхалъ это слово, но не придавалъ ему особеннаго значенія, потому что совершенно не понималъ его. Максимальная величина, укладывавшаяся до сихъ поръ въ его мѣщанскомъ мозгу, выражалась магическимъ словомъ „тыща". Дальше счетъ не шелъ: одна тыща, двѣ тыщи и т. д. Основаніемъ служила все-таки „тыща". Скоробогатовъ зналъ слишкомъ много людей, у которыхъ были такія „тыщи", и онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на избранниковъ, отмѣченныхъ перстомъ судьбы. А тутъ вдругъ: милліонъ.

— А что̀ же это такое, Палъ Митричъ, меллеонъ? — робко спросилъ Скоробогатовъ.

— Не „меллеонъ", а милліонъ, — поправилъ Чикмалдинъ, съ трудомъ выговаривая слова. — Такой счетъ есть.

— Такъ-съ... Оно конечно,— бормоталъ Скоробогатовъ, встряхивая подстриженными въ скобку волосами.

— Понялъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Палъ Митричъ.

— Ахъ, какой ты... Рубль знаешь? Въ рублѣ сто копеекъ. Такъ? А сколько копеекъ въ десяти рубляхъ?

Скоробогатовъ прищурилъ лѣвый глазъ, прикинулъ въ умѣ, прикинулъ по пальцамъ, замѣнявшимъ ему счеты, и проговорилъ увѣренно:

— Тыща, Палъ Митричъ.

— Ну, и милліонъ тоже „тыща". Только тыща не копеекъ, а тыща тыщъ... Понялъ?

Вмѣсто отвѣта Скоробогатовъ закрылъ ротъ своей заскорузлой ладонью, чтобы не расхохотаться. Чикмалдинъ, очевидно, хотѣлъ, посмѣяться надъ нимъ... Баринъ веселый, хоть и не можетъ шевелиться. А баринъ посмотрѣлъ на него съ какой-то злобой и крикнулъ:

— Дуракъ ты, и больше ничего.

— Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно, Палъ Митричъ... Мы, значитъ, народъ отъ пня и не можемъ соотвѣтствовать вполнѣ...

— Убирайся вонъ, дуракъ!

Въ дверяхъ Чикмалдинъ остановилъ обруганнаго и проговорилъ уже другимъ тономъ:

— Ну, иди сюда, березовый пень.

Этотъ интересный разговоръ происходилъ на полустанкѣ глухой промысловой дороги. Тучный и рослый горный инженеръ Чикмалдинъ лежалъ у окна на двухъ составленныхъ деревянныхъ лавкахъ. Его опухшее отъ долголѣтняго пьянства лицо было перекошено, сѣрые близорукіе глаза вытаращены, лѣвая рука висѣла безъ движенія, какъ плеть. Пьяный параличъ разбилъ Чикмалдина еще на промыслахъ, гдѣ онъ лежалъ больше мѣсяца безъ языка, а теперь его везли въ городъ на излѣченіе. Скоробогатовъ, худенькій, сгорбленный, черноволосый мужичонка, съ глубоко посаженными черными, упрямыми глазками, напоминавшими запеченныя въ хлѣбъ изюмины, являлся его противоположностью. Онъ встрѣтилъ Чикмалдина случайно на дорогѣ, помогъ ему устроиться и кончилъ тѣмъ, что, улучивъ минуту, принесъ таинственный узелокъ со „знаками" мѣдной руды.

— Руду обыскалъ, Палъ Митричъ... Ужъ вы извините, что безпокою васъ по своей глупости и темнотѣ.

Чикмалдинъ гдѣ-то встрѣчалъ Скоробогатова на промыслахъ и узналъ. Даже припомнилъ промысловую кличку: Жукъ.

— Онъ самый, Палъ Митричъ, — признавался Скоробогатовъ, улыбаясь больной улыбкой. — У Ивана Тимоѳеича на Дарье-Митрофановскомъ пріискѣ встрѣчались.

Чикмалдинъ пользовался въ горномъ мірѣ репутаціей свѣтлой головы, и Скоробогатовъ слѣдилъ за нимъ, какъ онъ разсматривалъ куски мѣдной руды, взвѣшивая ихъ на здоровой правой рукѣ, съ замираніемъ сердца, точно больной, который ждетъ послѣдняго слова какого-нибудь знаменитаго доктора. Разсматривая эти „знаки", Чикмалдинъ нѣсколько разъ быстро взглядывалъ на Жука, точно чему-то не довѣряя.

— Гм... дда... — мычалъ онъ. — И много такой руды?

— Сколько угодно, Палъ Митричъ. И на казенной землѣ, значитъ, никакого препятствія... Жила мѣдная такъ и идетъ внизъ труба трубой, а кругомъ опять другіе знаки.

— Можетъ, далеко очень, ни проходу ни проѣзду?

— Оно не близко, это самое дѣло, значитъ, Палъ Митричъ, а только тутъ тебѣ сейчасъ и лѣсъ и сплавная рѣка. Очень даже способно...

— Такъ... Ни съ кѣмъ не говорилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Палъ Митричъ... Боже сохрани, чтобы зря болтать. Вотъ только вамъ хотѣлъ показать, потому какъ вы можете всякую пленорцію понять.

Чикмалдинъ только поморщился. Всѣ „пленорціи" теперь сводились для него къ параличу...

— Я, значитъ, Палъ Митричъ, хотѣлъ васъ въ кампанію пригласить. Гдѣ же мнѣ одному! Пряменько сказать: отымутъ, ежели узнаютъ. Извѣстно, какой народъ по нашему горному вѣдомству... Всякій норовитъ живымъ мясомъ урвать.

— Хорошо, я подумаю, — заявилъ Чикмалдинъ. — Какъ-нибудь навѣдайся въ городѣ... Мѣсяца черезъ два меня, можетъ-быть, и на ноги поставятъ.

— Слушаю-съ, Палъ Митричъ... Буду стараться.

— Опять-дуракъ!.. Надо не стараться, а ждать. Понимаешь: ждать. Это, братъ, гораздо потруднѣе, чѣмъ найти милліонъ. Вотъ только бы намъ пристроить твою руду въ хорошія руки, милліонъ точеный положимъ въ карманъ. Понимаешь?

— Точно такъ, Палъ Митричъ.

Чикмалдина увезли, а Скоробогатовъ остался, точно прибитый гвоздемъ

къ стѣнѣ роковымъ словомъ: милліонъ. Онъ повторялъ его про себя, почесывалъ въ затылкѣ, вздыхалъ и что-то подолгу высчитывалъ по пальцамъ. Это роковое слово онъ принесъ съ собой и въ родную трущобу, гдѣ мыкался цѣлую жизнь.

Городъ Заболотье былъ закинутъ на далекій сѣверъ Урала. Дальше уже и ѣхать было некуда, а шли однѣ охотничьи тропы. Городскіе обыватели существовали неизвѣстно какъ и чѣмъ, какъ существуютъ только въ глухихъ провинціальныхъ городишкахъ. Кто приторговывалъ, кто занимался какимъ-нибудь нехитрымъ домашнимъ ремесломъ, а большинство обывателей просто жило. Для изслѣдователя такая жизнь представила бы неразрѣшимую загадку, особенно жизнь главной мѣщанской массы, которая переколачивалась изо дня въ день и никогда не знала, чѣмъ будетъ сыта дальше. Къ числу такихъ оголтѣлыхъ мѣщанъ принадлежалъ и Скоробогатовъ, избушка котораго стояла на городской окраинѣ, недалеко отъ острога. Городъ имѣлъ два полюса,— съ одного конца острогъ, а съ другого Новодѣвичій монастырь. Слободка у острога называлась Скоробогатской, а подъ монастыремъ — Аѳонина Лужа.

Заболотье славилось бѣдностью, хотя кругомъ были разсыпаны щедрой рукой всевозможныя богатства,—и лѣсъ, и сплавныя рѣки, и руды, и заливные луга, и соляныя варницы. Но всѣ эти богатства оставались втунѣ, и заболотскія руки до нихъ не доходили. Большинство мѣщанскаго населенія жило отхожей работой: кто работалъ на золотыхъ промыслахъ, кто на солеваряхъ, кто на желѣзныхъ заводахъ, кто на сплавѣ, въ извозѣ. Народъ былъ непосидячій, вѣчно мечтавшій о легкой наживѣ. Выдающимся событіемъ за послѣднія десять лѣтъ былъ выигрышъ купцомъ Лебедкинымъ двухсотъ тысячъ. Получивши деньги, Лебедкинъ выкрасилъ свой домъ въ зеленую краску, выписалъ говорящаго зеленаго попугая, перекрылъ заново желѣзную крышу на соборѣ, которую выкрасилъ тоже въ свой любимый зеленый цвѣтъ, и купилъ небольшой пароходъ, названный въ честь жены „Брунеткой“. Подвиги этого счастливца занимали вниманіе всего Заболотья въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Когда Скоробогатовъ подходилъ пѣшкомъ къ родному Заболотью, то точно охмелѣлъ отъ осѣнившей его мысли.

— Вѣдь милліонъ-то это пять разъ сложить вмѣстѣ нашего Лебедкина... Хе-хе-хе!.. Ай-да и Палъ Митричъ, ушибъ онъ меня однимъ словомъ.

II.

Подходя къ своей избушкѣ, Скоробогатовъ остановился и прикинулъ въ умѣ, что̀ будетъ стоить ему передѣлка постройки новаго дома на этомъ мѣстѣ. Онъ не желалъ покидать стараго дѣдовскаго пепелища.

— Что̀ же, на пять тыщъ вонъ какую можно махинищу выстроить, — думалъ онъ вслухъ.— Полукаменный домъ съ мензелиномъ, галдареей и палисадничкомъ, а снаружи мы его въ голубую краску произведемъ... У Лебедкина зеленая, а у насъ голубая. Много попревосходнѣе будетъ...

Избушка была неказистая и осѣла на одинъ бокъ, ворота тоже покосились, домашняя стройка никуда не годилась, заборъ требовалъ поправки, крыша деревянная обросла мохомъ,— однимъ словомъ, куда ни глянь, вездѣ прорѣхи да дыры. Дома Скоробогатовъ бывалъ только находомъ, а жили въ избушкѣ его двѣ сестры, Марья да Дарья, старыя дѣвицы. Марья не вышла замужъ, потому что была крива, а Дарья и вышла бы, да случился съ ней „бабій грѣхъ“. Сестры жили бобылками. Всѣмъ руководствовала Марья, которая въ обжорномъ ряду имѣла свой ларекъ и бойко торговала печенымъ хлѣбомъ, квасомъ, сусломъ, печенкой и разной горячей ѣдой, особенно по зи-

мамъ,—пельмени, разварныя головы бычачьи, пироги съ осердьемъ. А Дарья, за свою дѣвичью провинность, находилась у сестры въ загонѣ и больше управлялась дома, работая съ ранняго утра до поздней ночи. Братъ тоже не могъ простить ея ошибки и, бывая дома, не замѣчалъ ея присутствія, а разговаривалъ только съ Марьей.

Какъ всегда, Дарья была дома и, какъ всегда, испугалась, когда „братецъ“ неожиданно вошелъ въ избу. Ей было уже за тридцать, но она боялась братца, какъ огня, памятуя его жестокую расправу съ ней за дѣвичій грѣхъ. Скоробогатовъ помолился въ передній уголъ и сказалъ почти ласково:

— Ну, здравствуй, Дарья...

— Здравствуйте, родимый братецъ, — испуганно отвѣтила Дарья.

— Ну, какъ вы тутъ живете?

— Ничего, братецъ. Сестрица Марья все въ обжорномъ ряду торгуетъ... Больно хорошо ноньче у насъ пельмени идутъ. Напастись не можемъ... Который народъ на промысла идетъ, которые съ промысловъ. Тоже вотъ ямщики, деревенскіе мужики.

У себя дома Скоробогатовъ считался кормильцемъ, хотя рѣшительно ничѣмъ не помогалъ сестрамъ. Онъ оставлялъ за собой почетное имя хозяина, и сестры гордились, что у нихъ есть братецъ-кормилецъ. Скоробогатовъ скитался съ раннихъ лѣтъ, разыскивая средство разбогатѣть, такъ что остался старымъ холостякомъ. Случилось это просто по недостатку времени, а сестры приписывали тому, что онъ пожалѣлъ ихъ, сиротъ. Женись-ка Маркъ Авдѣичъ, такъ жена-то живой бы рукой выгнала ихъ изъ избушки. Когда Скоробогатовъ сердился на сестеръ, то повторялъ одну фразу:

— Вотъ ужо женюсь, такъ тогда узнаете, какъ лягушки скачутъ. Самый короткій разговоръ...

Сестры знали, что братецъ не женится,—какой же женихъ въ сорокъ лѣтъ?—и все-таки трусили и даже плакали. Мало ли что бываетъ: возьметъ да и спятитъ съ ума. Конечно, молодая дѣвица за него не пойдетъ, а холостому взять замужъ вдову какъ будто бы и обидно, а все-таки неровенъ часъ. Вонъ сосѣдъ, солдатъ Парамонъ, у котораго мелочная лавка, тоже женился, да еще на молоденькой, хотя и не безъ грѣха было дѣло. Ссорятся теперь,—онъ ее бьетъ, а она грозитъ отравить.

Скоробогатовъ напился чаю, закусилъ свѣжимъ калачомъ и потомъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ постоялъ у печи, наблюдая, какъ ловко Дарья управляется съ хлѣбомъ, и проговорилъ:

— Ну, управляйся, сестренка.

Затѣмъ онъ точно испугался собственной ласковости, взялъ шапку и вышелъ изъ избы.

Стоялъ мартъ, но Заболотье еще тонуло въ глубокомъ снѣгу. Около домовъ наметены были цѣлые сугробы, такъ что съ дороги отъ острога виднѣлись однѣ крыши. Скоробогатовъ постоялъ у воротъ и пошелъ къ сосѣду солдату. Парамонъ, по обыкновенію, былъ дома и встрѣтилъ его довольно сурово, какъ встрѣчалъ всѣхъ покупателей, съ которыми спорилъ, ругался и даже выгонялъ изъ своего магазина.

— Здравствуй, Парамонъ.

— И ты здравствуй. Откуда принесла тебя нелегкая? А я, грѣшный человѣкъ, думалъ, что ты гдѣ-нибудь въ ширпу утонулъ...

— Перестань молоть, Парамоша.

— Чего молоть-то. Всѣ вы одинаковы. Однимъ словомъ, кормильцы. Шляетесь-шляетесь, а воротились домой,—опять нѣтъ ничего. Шатуны проклятые!

Скоробогатовъ чуть-чуть не разсердился, но удержался и только засмѣялся. У него такъ было хорошо и полно на душѣ.

— Ахъ, Парамошка, Парамошка, мало тебя, видно, жена бьетъ... У тебя не торговля, а страженье въ магазинѣ.

— Покупатели хороши. Вотъ въ родѣ какъ ты.

— А ты узналъ, что̀ у меня на умѣ?

— И знать нечего. Весь тутъ.

Сдѣлавъ свою находку, Скоробогатовъ рѣшилъ, что никому не скажетъ о ней до поры до времени ни одного слова, кромѣ инженера Чикмалдина. Онъ молчалъ мѣсяца три, хотя ложился и вставалъ съ мыслью о найденной мѣдной рудѣ. Меньше всего онъ желалъ разболтать что-нибудь дома, но насмѣшка солдата задѣла его за живое; онъ досталъ изъ кармана кусокъ руды, поднесъ его къ самому носу солдата и проговорилъ:

— А это видалъ, крупа несчастная?

Солдатъ прищурилъ одинъ глазъ, взвѣсилъ кусокъ руды на рукѣ, присмотрѣлъ его на свѣту и захохоталъ.

— Ахъ, прокуратъ, прокуратъ!—заливался солдатъ.—Да я тебѣ такого добра цѣлую гору могу предоставить.

— Не подавись, хваставши.

— Вѣрно тебѣ говорю.

Это было уже совсѣмъ обидно. Скоробогатовъ вырвалъ свою руду изъ рукъ хохотавшаго солдата, спряталъ ее въ карманъ и проговорилъ:

— Вотъ за такой кусокъ всю вашу Скоробогатку могу купить и со всѣми потрохами. Даже очень просто. А между прочимъ, посылай Матрену за полштофомъ.

Солдатъ сразу опѣшилъ. Такая небывалая щедрость служила лучшимъ доказательствомъ, что Скоробогатовъ наконецъ нашелъ свое счастье. Онъ былъ изъ пеньющихъ, а тутъ сразу раскошелился.

— Ну, значитъ, моя закуска, — рѣшилъ солдатъ, крякая отъ удовольствія. — А въ кабакъ я самъ сбѣгаю... Живой рукой все оберну. А у меня какая есть печорская селедка...

Забравъ мѣдяки, солдатъ безъ шапки убѣжалъ изъ лавки, а Скоробогатовъ сидѣлъ и улыбался. Вотъ такъ-то всѣ забѣгаютъ, когда онъ объявится вполнѣ. Не Лебедкину чета... Было похожено да голодомъ наслужено, пора и честь знать.

Когда Марья вернулась изъ своего ряда домой, она нашла брата въ лавочкѣ. За ней нарочно прибѣжала солдатка Матрена и взмолилась со слезами:

— Уйми ты своего Марка Авдѣича. Третій полуштофъ допиваютъ, а мой Парамошка грозится убить меня. И что̀ это попритчилось Марку Авдѣичу? Никогда его такимъ не видала.

Отъ сестры Марья уже слышала о странномъ поведеніи брата и пошла поскорѣе въ лавочку, чтобы увести его домой. И солдатъ и Скоробогатовъ были пьяны.

— А, сестрица... — заплетавшимся языкомъ заговорилъ Скоробогатовъ, не имѣя силы подняться съ лавочки. — Милая... Ахъ, Боже мой!.. Милая... Будетъ горевать, будемъ пиръ пировать. Такъ я говорю, Парамошка?

— Вѣрно, Маркъ Авдѣичъ!.. Мы имъ покажемъ, бабамъ...

Скоробогатовъ что-то хотѣлъ сказать еще, но только махнулъ рукой и заплакалъ.

— Это вино въ тебѣ, проклятое, плачетъ,—ворчала Марья, уводя брата изъ лавочки.—И что̀ это мужикамъ за скусъ въ винѣ.

Марья была высокая, здоровая баба, съ суровымъ лицомъ и рѣшительными движеніями. Она шутить не любила, и пьяный Скоробогатовъ повиновался ей безъ словъ.

— Марьюшка... всѣхъ произведу... — бормоталъ онъ, едва шевеля языкомъ.—Будетъ намъ бѣдовать.

— Ладно, ладно, проспись сперва. Чему обрадовался-то? Вонъ сколько винища вытрескали...

Братецъ проснулся только на другой день съ страшной головной болью. Солдатъ прибѣгалъ уже раза три провѣдать его, но былъ съ позоромъ прогнанъ Дарьей.

— Уходи, несытые твои глаза!—ругалась она.—И не смѣй приходить...

Прочухавшись, Скоробогатовъ съ трудомъ припомнилъ, что̀ было вчера, и пришелъ въ ужасъ. Съ пьяныхъ глазъ онъ разболталъ солдату все начистоту...

„Шепнула свинья борову, а боровъ всему городу, — думалъ Скоробогатовъ, испытывая муки совѣсти.—Вотъ такъ ухранилъ секретъ, а еще захвалился Палъ Митричу“.

III.

Случайно раскрытая тайна Скоробогатова съ быстротой молніи облетѣла весь городъ. О счастливцѣ говорили вездѣ, причемъ не стѣснялись по части украшеній и разныхъ добавленій. Главнымъ источникомъ всѣхъ этихъ слуховъ являлся, конечно, солдатъ Парамонъ, который ходилъ къ купцамъ и разсказывалъ про находку Скоробогатова невозможныя чудеса, причемъ однимъ говорилъ, что своими глазами видѣлъ въ рукахъ у Скоробогатова золотой самородокъ, съ полфунта вѣсомъ.

— Ну, ужъ ты и врешь любую половину, Парамошка, — старались не вѣрить купцы.

— Вотъ сейчасъ провалиться, ежели вру!..—клялся солдатъ.—На свои-то глаза не свидѣтелей нанимать...

— Да вѣдь ты говорилъ сначала, что Маркушка Жукъ показывалъ мѣдную руду.

— Ну, сначала мѣдную и показывалъ. А потомъ дѣло дошло и до золота.

Солдата поили водкой и заставляли повторять въ сотый разъ одно и то же.

Молва росла и, между прочимъ, залетѣла въ обжорный рядъ, гдѣ бойкія торговки сразу накинулись на Марью, какъ осы.

— Эй, ты, меллеонщица, разсказывай, какъ у васъ съ братцемъ все дѣло было.

— Ничего я не знаю,—отозвалась Марья.

— А какъ же Парамошка звонитъ по всему городу?

— Мало ли что̀ онъ наплететъ съ пьяныхъ глазъ. Одинъ дуракъ болтаетъ, а сто умныхъ слушаютъ.

Обжорный рядъ въ Заболотьѣ являлся самымъ бойкимъ мѣстомъ, куда, какъ въ помойную яму, стекались всѣ городскія новости. Торговки обжорнаго ряда пользовались незавидной репутаціей отчаянныхъ сплетницъ, а между собой онѣ постоянно враждовали изъ-за каждыхъ пустяковъ. Получалась въ результатѣ самая жестокая конкуренція. Въ другое время кривая Марья не осталась бы въ долгу, но тутъ глумились открыто надъ ея братомъ, Маркомъ Авдѣичемъ, и она не могла даже отругиваться. Дома она тоже крѣпилась нѣсколько дней, а потомъ не вытерпѣла и накинулась на брата.

— Что̀ же это такое, братецъ, житья мнѣ не стало на базарѣ изъ-за васъ? Поѣдомъ съѣли торговки...

Братецъ ужасно сконфузился и началъ ругать проклятаго болтуна солдата.

— Это все онъ!—оправдывался Скоробогатовъ. — Моей тутъ причины никакой нѣтъ... Оба пьяные были, извѣстно.

— Сказываютъ, что ты на Ельничной какую-то руду нашелъ... Тыщъ десять, сказываютъ.

— Ахъ, проклятый солдатъ! Да я ему голову оторву...

— Онъ вотъ тебѣ, дѣйствительно, оторвалъ голову, вмѣстѣ съ волосами.

Обозленный Скоробогатовъ разсказалъ сестрѣ все дѣло, какъ оно было, а умная Марья только покачивала головой. Да не варнакъ ли солдатъ, что такую тайную вещь разбалтываетъ по всему городу?

— Что̀ же вы теперь думаете дѣлать, братецъ, съ своимъ богатствомъ?— спросила подъ конецъ Марья.

— А буду ждать. Палъ Митричъ вѣсточку обѣщалъ послать. Только бы ножка у него поправилась.

И началъ Маркъ Скоробогатовъ ждать. Сидитъ себѣ въ избушкѣ, ѣстъ и пьетъ у сестрицъ, а самъ все считаетъ. И такъ считаетъ и этакъ считаетъ. Даже по ночамъ не спитъ. Марья даже испугалась, ужъ не испортилъ ли кто братца Марка Авдѣича.

— Погоди, любезная сестрица Марья Авдѣевна, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ,—успокаивалъ онъ сестру.—Вотъ только самую малость потерпѣть...

— И то ужъ, кажется, братецъ, Маркъ Авдѣичъ, терпимъ, всю жисть терпимъ...

— Теперь немного осталось... Какъ только ножки у Палъ Митрича выправятся, сейчасъ и оправдаемъ себя, можно сказать, вполнѣ.

Скоробогатовъ и по ночамъ продолжалъ открывать свою мѣдную руду, повторяя тысячу разъ одно и то же. Открытіе было совершенно случайное, какъ и всѣ открытія подобнаго рода. Скоробогатовъ былъ, что̀ называется, тертый колачъ и отвѣдалъ на своемъ вѣку всякой работы. Онъ и на сплаву на Камѣ работалъ, и на Печору ходилъ за рыбой, и на солеварняхъ въ Усольѣ поработалъ, и на горныхъ заводахъ пожилъ одинъ годъ, и у купцовъ служилъ, а въ послѣднее время присталъ къ пріисковому дѣлу и года два бродилъ по сѣверному Уралу съ поисковыми партіями, дѣлавшими развѣдки золотыхъ розсыпей. Вотъ здѣсь онъ и натолкнулся на свою находку. Дѣло было уже глубокой осенью, когда развѣдочная партія должна была вернуться домой. Вотъ тутъ Скоробогатовъ и сдѣлалъ свое открытіе на берегу глухой таежной рѣчонки. Били шурфы на золотоносный пластъ, а „вышли“ на залежь мѣдной руды. Это былъ только хвостъ мощной рудной жилы, уходившей подъ угломъ въ неизвѣстную глубину. Скоробогатовъ видалъ на заводахъ и желѣзные рудники и мѣдные, и сразу оцѣнилъ опытнымъ глазомъ свою находку. Въ партіи онъ, конечно, о ней никому и ничего не сказалъ, а только захватилъ съ собой знаки.

Чикмалдинъ, какъ опытный горнякъ, сразу оцѣнилъ достоинство этихъ знаковъ, и теперь оставалось только ихъ реализировать, а для этого нужны были деньги, деньги и деньги. Сначала нужно было сдѣлать заявку, потомъ отводъ, потомъ составить межевой планъ и т. д. Конечно, у Чикмалдина „была рука“ въ горномъ правленіи въ Екатеринбургѣ, а все-таки безъ ты-

сячи или двухъ не обойтись. Послѣдняя мысль убивала Скоробогатова, и онъ только угнетенно вздыхалъ. Мало ли богатыхъ людей на бѣломъ свѣтѣ, а никто такихъ денегъ не повѣритъ несчастному заболотскому мѣщанину, на котораго всякій будетъ смотрѣть, какъ на сумасшедшаго. Скоробогатовъ впредь переживалъ всѣ непріятности и опять вздыхалъ.

— Чикмалдину за хлопоты часть,—соображалъ онъ.—А денегъ нѣтъ... Значитъ, надо итти къ богатымъ—вторая часть.

Изъ богатства двухъ частей какъ не бывало, и оставалась только на его долю третья, что̀ составляло по расчету около трехсотъ тысячъ.

— И то деньги,—утѣшалъ себя Скоробогатовъ.

У себя въ избушкѣ Скоробогатовъ просидѣлъ цѣлую недѣлю, не рѣшаясь показываться на улицу. Ему казалось, что всѣ будутъ указывать на него пальцами. Но мысль о деньгахъ просто заѣла его, и онъ рѣшилъ выйти.

— Ну что̀ же, положимъ, солдатъ наслушалъ *), — успокаивалъ онъ самого себя.—А шила въ мѣшкѣ не утаишь. Обманывать никого не желаемъ. Вотъ только про Ельничную напрасно Парамошка обмолвился.

Перебирая богатыхъ людей въ Заболотьѣ, Скоробогатовъ приходилъ въ отчаяніе. Никто не дастъ денегъ. Да и какіе богатеи могутъ быть въ Заболотьѣ. Лебедкинъ не дастъ, братья Сусловы, которые скупаютъ бѣлку и рябчиковъ—тоже, сплавщикъ Корневъ—тоже, бакалейщикъ Мутныхъ — не приступись, кабатчикъ Горюновъ—ни-ни! Вотъ и всѣ. А остальные все мелкота. Перебирая въ умѣ богачей, Скоробогатовъ вспомнилъ про своего острожнаго попа о. Панфила, у котораго, по слухамъ, лежало въ банкѣ больше тридцати тысячъ. Старъ былъ о. Панфилъ, жилъ одинъ и насъ деньги неизвѣстно для кого.

— Вотъ къ нему и надо толкнуться первымъ дѣломъ,—рѣшилъ Скоробогатовъ.

Острожный попъ жилъ въ своемъ маленькомъ, деревянномъ домикѣ совсѣмъ близко. Скоробогатовъ пришелъ къ нему рано утромъ, чтобы застать дома. О. Панфилъ взглянулъ въ форточку и только замахалъ рукой.

— Знаю, знаю, Жукъ, зачѣмъ пришелъ. Слышалъ... Никакихъ у меня денегъ нѣтъ. Наврали тебѣ все... Ступай къ Лебедкину или къ Сусловымъ...

— Да я, батюшка, просто для разговору словъ... Значитъ, посовѣтовать, какъ и что̀.

— И говорить не хочу. Все равно, будешь просить денегъ, а я все равно не дамъ, т.-е. нѣтъ у меня денегъ.

Первый блинъ вышелъ комомъ, и огорченный Скоробогатовъ вернулся домой, ругая себя, что обратился къ первому попу. Вотъ онъ теперь и закроетъ вездѣ дорогу. Поѣдетъ по купцамъ и разславитъ, что Скоробогатовъ приходилъ просить денегъ и что онъ едва отъ него отвязался.

Побывалъ Скоробогатовъ и у богатыхъ купцовъ, которые уже знали все дѣло и только качали головами, какъ идолы.

— Что̀ же, дай Богъ,—говорилъ Лебедкинъ. — И даже весьма хорошо. Прямо сказать, счастье.

Кабатчикъ Горюновъ даже пожалѣлъ счастливца.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой, какая музыка-то выходитъ... Деньги греби, можно сказать, лопатой, а приступиться къ нимъ нечѣмъ. Что̀ подѣлаешь, безъ снасти и клопа не убьешь.

Остальные не вѣрили Скоробогатову и смѣялись въ глаза, какъ смѣются надъ завравшимся человѣкомъ.

*) Наслушать—распустить слухъ.

Походивъ по богачамъ недѣли двѣ, Скоробогатовъ плюнулъ и рѣшилъ, что съ заболотскими толстосумами ничего не подѣлаешь. Надо было искать денегъ на сторонѣ.

IV.

Единственной надеждой Скоробогатова оставался теперь Екатеринбургъ, гдѣ кстати жилъ и Чикмалдинъ.

— Тамъ богатыхъ мужиковъ, какъ у насъ дровъ,—утѣшалъ себя Скоробогатовъ, собираясь въ дальній путь. — А наши толстосумы своей пользы не понимаютъ. Третью часть даже не хотятъ получить! А екатеринбургскіе охулки на руку не положатъ. Они, братъ, отлично понимаютъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ. А при всемъ томъ Палъ Митричъ обмозгуетъ все дѣльце въ лучшемъ видѣ... Потомъ пусть наши заболотскіе толстосумы плачутся. Кажется, ужъ я ли не старался, какъ слѣпыхъ щенковъ, прямо въ молоко рыломъ тыкалъ.

На прощанье Скоробогатовъ взялъ у сестры Маръи десять рублей и сказалъ:

— Ты ужъ здѣсь старайся, сестрица... Я, значитъ, свою линію поведу, а ты свою.

— И то стараюсь, Маркъ Авдѣичъ. Ежели что̀, такъ вы пришлите записочку,—я какъ-нибудь перевернусь и пошлю малость.

— Ну, мнѣ это только на дорогу, а тамъ и самъ не пропаду.

Марья увѣровала въ милліонъ братца и готова была снять съ себя кожу, чтобы его поддержать. Отданные десять рублей были спрятаны на смертный часъ, а ушли вонъ куда. Чтобы заработать такую сумму въ обжорномъ ряду на колачахъ, нужно биться чуть не полгода. Каждая копеечка и каждый грошикъ считанные да пересчитанные, но Марьѣ ничего не было жаль, только бы ублаготворить братца.

До Екатеринбурга было верстъ четыреста. Стояла весенняя распутица, и Скоробогатовъ едва добрался въ двѣ недѣли. И пѣшкомъ шелъ, и съ обратными ямщиками ѣхалъ, и съ обозами — кое-какъ добрался. Чикмалдинъ ужъ ходилъ на костыляхъ и встрѣтилъ его словами:

— Тебя-то и нужно, Жукъ.

— Могу вполнѣ соотвѣтствовать, Палъ Митричъ.

— Надо заявку сдѣлать. Понимаешь?

— Даже весьма.

— Да... заявку... А заявка требуетъ денегъ. Такъ? Гм...

Скоробогатовъ только переминался съ ноги на ногу и вертѣлъ въ рукахъ шапку.

— Да, деньги...—думалъ вслухъ Чикмалдинъ, дѣлая такой жестъ рукой, точно ловилъ муху.—Я пробовалъ говорить кое съ кѣмъ, только все дураки и ничего не хотятъ понимать. А вотъ пріѣдетъ Титъ Созонычъ, тогда и деньги будутъ. Со дня на день его ждемъ.

— Да ужъ ежели бы Титъ Созонычъ, да на что бы ужъ лучше. Денегъ у нихъ уйма и притомъ больше всего свой характеръ уважаютъ.

— Вотъ намъ это и нужно. А ты его подкарауливай и сейчасъ же мнѣ скажи... Понялъ?

— Помилуйте, Палъ Митричъ... Я его у самой заставы выжду. Но обидно такого человѣка и подождать. Даже очень просто.

Титъ Созонычъ Гуринъ былъ въ промысловомъ мірѣ знаменитостью. Онъ разбогатѣлъ изъ ничего, благодаря „легкой рукѣ“ на золото, чему вѣ-

рили даже образованные горняки. Выбившись изъ простыхъ мужиковъ, Гуринъ далъ полную волю своему самодурству и сорилъ деньгами, не считая. Въ своемъ золотопромышленномъ дѣлѣ его преслѣдовало какое-то дикое счастье. Гдѣ другіе разорялись—Гуринъ находилъ богатое золото. По Уралу онъ разъѣзжалъ на нѣсколькихъ тройкахъ, сопровождаемый своими прихлебателями, и вездѣ былъ дорогимъ и желаннымъ гостемъ. Всѣ знали, что Титъ Созонычъ не злой человѣкъ и готовъ помочь каждому, но лиха бѣда заключалась въ томъ, какъ до него добраться черезъ живую стѣну оберегавшихъ его для себя прихлебателей, а затѣмъ—въ какой часъ къ нему попасть.

Скоробогатовъ дежурилъ на городскомъ выѣздѣ по верхотурскому тракту дней пять и наконецъ дождался, когда мимо него промчались пять тарантасовъ, нагруженныхъ полупьяными сѣдоками. Онъ помчался сейчасъ же къ Чикмалдину, который далъ такую инструкцію:

— Теперь жди у меня. Такъ и дежурь, какъ часовой... Надо подождать, когда Гуринъ самъ пріѣдетъ ко мнѣ и и пошлетъ за мной. Понимаешь?

— Помилуйте, кто не знаетъ характера Тита Созопыча. Неукротимый, можно сказать, человѣкъ.

Началось самое мучительное дежурство. Скоробогатовъ по нѣскольку разъ ходилъ въ гостиницу „Перепутье", гдѣ остановился Гуринъ. Гостиница находилась въ настоящемъ осадномъ положеніи. Просители сидѣли даже на тротуарныхъ тумбахъ, выжидая счастливаго момента поймать Гурина хоть на улицѣ. Про его щедрость разсказывали чудеса, и онъ не разъ швырялъ неизвѣстному просителю сторублевую ассигнацію, приговаривая:

— За здравіе грѣшнаго раба Тита.

У Гурина были старыя дѣла съ Чикмалдинымъ, и онъ послалъ узнать объ его здоровьѣ. Чикмалдинъ взялъ съ собой провожатымъ Скоробогатова и отправился въ „Перепутье".

— Ну, каково прыгаешь, отецъ?—встрѣтилъ его Гуринъ, грузный, жирный старикъ, съ широкимъ бородатымъ лицомъ.

— Какъ видишь, не бойко.

— Эхъ, отецъ, мало, видно, мы съ тобой водки пили—ха-ха!.. Надо, отецъ, поправляться...

Одѣвался Гуринъ по-русски—рубаха,-косоворотка, поддевка и сапоги бутылкой. Трезвымъ онъ бывалъ только на работѣ, а въ остальное время находился въ пьяной дремотѣ. Въ номерѣ Гурина всегда стоялъ громадный столъ, заставленный винами и закусками. Когда Чикмалдинъ наотрѣзъ отказался пить, Гуринъ сначала обидѣлся, а потомъ нашелъ выходъ:

— Ну, сдѣлаемъ такъ: ты чокайся со мной, а пить за тебя будетъ твой поводырь. Эй, ты, Личарда, можешь?

— Могу-съ...—храбро заявилъ Скоробогатовъ.

— Смотри, держись крѣпче за землю,—смѣялся Гуринъ.

Для Скоробогатова скоро все покрылось какимъ-то туманомъ. Онъ не привыкъ пить и быстро захмелѣлъ. Въ номеръ набралось много разнаго народа, были какія-то женщины, всѣ говорили громко, еще громче смѣялись, а Гуринъ сидѣлъ на диванѣ, рядомъ съ Чикмалдинымъ, и слушалъ, что̀ тотъ ему говорилъ вполголоса. Эта бесѣда закончилась тѣмъ, что Гуринъ и Чикмалдинъ ударили по рукамъ, какъ лошадиные барышники.

— Этотъ и есть звѣрь?—спрашивалъ Гуринъ, кивая головой на Скоробогатова.

— Онъ.

— Нечего сказать, хорошъ гусь.

Дорогой Чикмалдинъ объяснилъ Скоробогатову, клевавшему носомъ, что все дѣло кончено. Гуринъ вступаетъ въ компанію, и можно хоть сейчасъ приступить къ заявкѣ.

— Ахъ, Палъ Митричъ, благодѣтель...—бормоталъ Скоробогатовъ, блаженно улыбаясь.—Ежели такой человѣкъ вступится въ компанію, такъ это... это... Господи, что̀ же это такое будетъ?

— Ну, гусей по осени считаютъ, Жукъ. А впрочемъ, увидимъ...

Чикмалдину было запрещено пить, и онъ находился въ довольно мрачномъ настроеніи, что̀ очень безпокоило Скоробогатова. Именно сейчасъ-то и нуженъ былъ самый легкій разговоръ, особенно съ Титомъ Созонычемъ, а Чикмалдинъ всѣ веселыя, господскія слова точно перезабылъ. Сидитъ да только глазами мигаетъ, какъ оглушенная рыба. Поправленіе Чикмалдина подвигалось впередъ очень медленно, такъ что раньше осени нечего было и думать о заявкѣ.

— Вотъ тебѣ и деньги есть, и все готово,—уныло размышлялъ Скоробогатовъ.—А тутъ точно чортъ за ногу держитъ... Эхъ, жисть проклятая!..

А тутъ еще своя нужда: деньги, взятыя у Марьи, давно были издержаны, и будущій милліонеръ питался кое-какъ на кухнѣ у Чикмалдина. Положимъ, баринъ самъ велѣлъ его кормить, но прислуга городская бойкая и нахальная.

— Вотъ дармоѣда Богъ послалъ, — ворчала кухарка, подавая людямъ обѣдъ.—Конечно, баринъ у насъ добрый и всякаго готовъ кормить и поить. Мало ли у насъ шалыгановъ наберется...

Скоробогатовъ отплевывался и уходилъ. Чужой кусокъ хлѣба доставался горько. Онъ завелъ близкое знакомство съ чикмалдинскимъ кучеромъ и перебивался въ кучерской.

— Ахъ, ты, горе луковое, ты бы хоть какую-нибудь себѣ обязанность нашелъ пока что̀,—совѣтовалъ кучеръ Тарасъ.

— И нашелъ бы, сколько угодно... Слава Богу, добрые люди не забыли. На промыслы хоть сейчасъ... А бѣда, что нельзя мнѣ удалиться ни на одинъ секундъ. Вдругъ Палъ Митричъ меня хватится, а меня и нѣтъ?

— Это ужъ конечно. Дѣло, значитъ, такое, что надо тебѣ ждать да подождать. Ну, по пословицѣ—часъ терпѣть, вѣкъ жить.

Слоняться по городу безъ всякаго дѣла Скоробогатову надоѣло до смерти, а ничего не подѣлаешь. Онъ цѣлые дни просиживалъ у приворотной лавочки, а дорогое время летѣло да летѣло. Вѣдь каждый день былъ прямой убытокъ...

V.

Что̀ можетъ быть томительнѣе и мучительнѣе ожиданія, и Скоробогатовъ испилъ чашу терпѣнія до дна. Онъ все лѣто провелъ въ Екатеринбургѣ безъ всякаго дѣла, и только осенью Чикмалдинъ настолько поправился, что могъ выѣхать на заявку.

Добраться до Ельничной было не легко, особенно больному Чикмалдину, который не могъ ѣхать верхомъ. Пришлось тащить его на такъ называемой волокушѣ, устроенной самымъ первобытнымъ образомъ. Берутся двѣ длинныя гибкія жерди, въ серединѣ устраивается сидѣнье—вотъ и весь экипажъ. Лошадь впрягается къ передамъ, и волокуша тащится по землѣ двумя свободными концами. Путешествіе самое утомительное, хотя на волокушѣ пришлось сдѣлать всего восемнадцать верстъ.

Мѣстность, гдѣ природа спрятала будущій милліонъ, была глухая и непривѣтливая. Рѣка Ельничная пробиралась между лѣсистыми увалами, точно

крадучись. Рѣчная долина была не велика и болотиста. Сдѣланные прошлой осенью шурфы стояли залитые водой. Для развѣдки была взята артель рабочихъ въ двадцать пять человѣкъ. Пришлось устроить настоящій станъ, потому что предполагалось основательно познакомиться съ новымъ мѣсторожденіемъ. Когда вода изъ шурфовъ была отлита, борта освѣжены и Чикмалдинъ собственными глазами убѣдился въ богатствѣ руднаго мѣсторожденія, онъ проговорилъ:

— Да, это настоящій милліонъ, Жукъ... Ахъ, если бы мнѣ ноги! Ну, да не стòитъ объ этомъ говорить.

— Богъ милостивъ, Палъ Митричъ,—утѣшалъ Скоробогатовъ.

Чикмалдинъ былъ и умный, и знающій, и талантливый, и любящій свое дѣло человѣкъ, но его загубила промысловая среда среди богатыхъ людей, дикой наживы и дикихъ нравовъ. Онъ могъ гордиться только тѣмъ, что никогда не былъ взяточникомъ и что поэтому не имѣлъ ни гроша за душой. Жизнь прошла какъ-то межъ пальцевъ, и сейчасъ онъ, больной и разбитый, видѣлъ впереди громадное, дѣйствительно милліонное дѣло. Какъ оживутъ вотъ эти пустынныя горы, мертвыя долины Ельничной и всѣ окрестности. Чикмалдинъ уже видѣлъ громадный заводъ, тысячи обывательскихъ домиковъ, десятки тысячъ рабочихъ, и все это вотъ около мѣдной руды.

„Нѣтъ, не достать, — съ тоской думалъ онъ, наблюдая работы.— Кто-нибудь другой воспользуется. Если бы раньше... Э, все равно, и раньше ничего бы не вышло“.

Вмѣсто двухъ недѣль, какъ предполагалъ Чикмалдинъ, пришлось остаться на заявкѣ до самыхъ заморозковъ. Работа увлекала даже рабочихъ. Всѣ чувствовали страшное богатство, которое было подъ ногами, и работа спорилась сама собой. Скоробогатовъ не спалъ ночей, похудѣлъ, почернѣлъ и превратился, дѣйствительно, въ настоящаго жука.

— Отводъ и межевые планы раньше весны не сдѣлать,—говорилъ ему Чикмалдинъ.—Придется подождать...

Скоробогатовъ только чесалъ въ затылкѣ. Ну, что̀ стòитъ Палъ Митричу замолвить словечко въ горномъ правленіи—сейчасъ бы межевщики выѣхали и все дѣло оборудовали живой рукой.

Когда къ заморозкамъ возвращались съ заявки и Скоробогатовъ шагалъ около волокуши, на которой лежалъ Чикмалдинъ, послѣдній проговорилъ:

— Эхъ, Жукъ, плохо дѣло... Милліонъ-то вѣрный и больше даже милліона, а вотъ я помру,—тебя и заклюютъ.

— Ужъ это правильно, Палъ Митричъ: заклюютъ. Слава Богу, тоже достаточно насмотрѣлись на другихъ протчихъ народовъ... Тутъ ужъ сразу крышка.

Наступившая зима была еще томительнѣе лѣта. Скоробогатовъ опять перебивался на кухнѣ у Чикмалдина и ждалъ весны, когда мѣдный рудникъ будетъ размежеванъ и получится настоящій планъ.

— Только бы дожить до весны...—мечталъ Скоробогатовъ.

Весной, благодаря связямъ Чикмалдина, произведено было межеваніе новаго мѣднаго рудника, составленъ планъ и сдѣланъ отводъ. Однимъ словомъ, все вышло форменно, и Скоробогатовъ торжествовалъ за годъ своего терпѣнія.

— Слава Тебѣ, Господи! — повторилъ онъ со слезами на глазахъ, не вѣря своему счастью.—Сподобился за свою простоту... Теперь ужъ кончено! Нѣтъ, братъ, шалишь... У волка въ зубы—Егорій далъ. Слава Тебѣ, Господи...

По такому радостному случаю онъ вспомнилъ о сестрахъ и даже про-

слезился. Что же, въ самомъ дѣлѣ, не вѣкъ же имъ въ обжорномъ ряду околачиваться. Да, пора и отдохнуть. Скоробогатовъ опять видѣлъ на мѣстѣ своей избушки новый полукаменный домъ, выкрашенный въ голубой цвѣтъ, и т. д. Сколько было такихъ минутъ, когда онъ самъ переставалъ вѣрить въ свой милліонъ. Какъ-то даже въ головѣ все начинало мѣшаться.

— Ну, теперь я только съѣзжу на воды, за границу,—говорилъ Чикмалдинъ, когда все было кончено,—а потомъ и за работу. Черезъ годъ, думаю, мы начнемъ.

Компанія была составлена по всѣмъ правиламъ искусства. Были три пайщика: Скоробогатовъ, Чикмалдинъ и Гуринъ. Паи дѣлились поровну. Скоробогатову принадлежало открытіе, Гуринъ давалъ деньги, а Чикмалдинъ стоялъ во главѣ всего предпріятія, какъ руководитель. Лучшаго ничего нельзя было и придумать. Что могъ бы подѣлать неизвѣстный никому Скоробогатовъ, а тутъ были такія имена, какъ Гуринъ и Чикмалдинъ. Ихъ-то ужъ всѣ знали. Гуринъ, при заключеніи контракта, выдалъ Скоробогатову сто рублей и, по обычаю, проговорилъ:

— Поминай за здравіе грѣшнаго раба Божія Тита...

Эта ничтожная сумма для такого предпріятія сейчасъ являлась Скоробогатову помощью свыше. Онъ и обносился, и отощалъ, и обнищалъ, а тутъ цѣлыхъ сто рублей. Но Чикмалдинъ обидѣлся за него и даже обругалъ.

— Ахъ, Жукъ, какой ты дуракъ... Надо было брать тысячу, а ты сотней чуть не подавился.

— Палъ Митричъ, бѣднота осилила...

— Терпи. Чтобы быть богатымъ—нужно терпѣть.

— Ужъ, кажется, терпимъ вотъ какъ, Палъ Митричъ. Жилочки нетянутой не осталось...

— И еще потерпи. Главное сдѣлано, а остальное все пустяки...

Весной Чикмалдинъ уѣхалъ за границу и Скоробогатову ничего не оставалось, какъ вернуться въ свое Заболотье. Изъ полученныхъ ста рублей онъ экипировался, купилъ новые сапоги, суконный картузъ и, какъ роскошь, подержанный зонтикъ. Уральская желѣзная дорога еще не была выстроена, и ему пришлось сдѣлать длинный путь наполовину пѣшкомъ, а наполовину съ обозами.

Дома въ Заболотьѣ ничего новаго не было, точно онъ вышелъ оттуда вчера. Сестра Дарья такъ же управлялась со своими колачами дома, а сестра Марья орудовала въ обжорномъ ряду. Не видались больше года, а встрѣтились, и сказать нечего. Самъ братецъ о своихъ дѣлахъ ничего не говорилъ, а сестры не рѣшались спрашивать, — не говоритъ, значитъ, не хочетъ говорить.

—Вотъ спрячь пока, Марья,— сказалъ однажды Скоробогатовъ, подавая сестрѣ пятьдесятъ рублей. — Да не болтай.

Это былъ только предлогъ показать, что онъ не будетъ даромъ объѣдать и опивать сестеръ, какъ въ тотъ разъ. Марья страшно обрадовалась этимъ деньгамъ. У нея сразу еще никогда не бывало такой суммы на рукахъ.

— Пошли, Господи, братцу Марку Авдѣичу,— молилась она про себя, пряча деньги въ потаенномъ углу чулана.

Ей казалось, что золотой лучъ богатства уже заглянулъ въ ихъ избушку. Недаромъ братецъ считался кормильцемъ... На пятьдесятъ-то рубликовъ, легко сказать, можно было и купить и продать весь обжорный рядъ со всѣми потрохами. У Марьи просто закружилась голова отъ непривычныхъ ариѳметическихъ выкладокъ.

Слухъ о заявкѣ на Ельничной предупредилъ появленіе Скоробогатова въ Заболотьѣ. Мѣстные толстосумы продолжали сомнѣваться и только качали головами.

— Какой-нибудь мѣщанинъ, а какъ ловко обошелъ, да еще какихъ человѣковъ,— удивлялись купцы.— Не иначе, что онъ такое слово знаетъ.

— Съ мѣщанами это случается. Колотится человѣкъ и придумаетъ невѣсть что̀.

Все-таки Скоробогатовъ сдѣлался извѣстнымъ лицомъ въ городѣ. О немъ говорили и спорили. Притомъ онъ ни съ кѣмъ не желалъ водить знакомство и точно прятался. Съ утра заберется съ удочкой на рѣку, да и сидитъ тамъ цѣлый день.

— Кто его знаетъ, что̀ у него на умѣ, — судачили старожилы. — Не спроста это. Человѣкъ былъ обстоятельный, кажется, непьющій...

Никто не хотѣлъ понять одного, именно, что прежняго Скоробогатова уже не было, а вмѣсто него получился обреченный человѣкъ, захваченный одной роковой мыслью. Понималъ эту психологію, можетъ-быть, только одинъ солдатъ Парамошка.

— Богатый сталъ, вотъ и не хочетъ ни съ кѣмъ знаться, — объяснялъ онъ. — Богъ счастье человѣку послалъ...

VI.

Единственнымъ развлеченіемъ Скоробогатова была пароходная пристань, гдѣ два раза въ недѣлю приходилъ и уходилъ пароходъ „Брунетка“. Впрочемъ, къ приходу парохода набиралось всегда много публики, просто такъ, потолкаться между людьми, какъ говорили въ Заболотьѣ. Разъ, дѣло было уже въ августѣ, Скоробогатовъ стоялъ на пристани и ждалъ парохода, который по обыкновенію запоздалъ.

— Не жди напрасно, Жукъ, — сказалъ кто-то у него за спиной. — Кончено, братъ...

Это былъ кабатчикъ Горюновъ. Онъ хлопнулъ Скоробогатова по плечу и съ улыбкой прибавилъ:

— Плакали твои денежки, Жукъ: Павелъ-то Митричъ приказалъ долго жить.

Скоробогатовъ даже оторопѣлъ и не зналъ, что̀ ему отвѣтить улыбавшемуся кабатчику.

— Шутишь, Яковъ Захарычъ...— пробормоталъ онъ уже потомъ.—Палъ Митричъ уѣхали на теплыя воды выправляться.

— Ну вотъ, толкуй слѣпой съ глухимъ. Сказано: померъ.

Къ несчастью Скоробогатова, это извѣстіе было горькой правдой. Когда онъ возвращался домой, у него кружилась голова отъ волненія. Вотъ тебѣ и милліонъ... Куда же дѣнется онъ безъ Палъ Митрича съ своей рудой? Конечно, Гуринъ оставался, только на него надежда была плоха.

— Эхъ, Палъ Митричъ, Палъ Митричъ...—укоризненно повторялъ Скоробогатовъ.— И угораздило тебя! Ахъ, ты, грѣхъ-то какой... Всего-то бы пожить еще годикъ или два. Ахъ, Палъ Митричъ...

Скоробогатовъ сейчасъ же отправился въ Екатеринбургъ. Что̀ его больше всего безпокоило, такъ это то, что всѣ документы по заявкѣ и межевые планы находились у Чикмалдина и могли потеряться. На его счастье, Гуринъ былъ въ Екатеринбургѣ и успокоилъ.

— Все будетъ цѣло, не сумлѣвайся. Сказываютъ, долговъ послѣ Павла Митрича осталось тысячъ на тридцать, и все имущество опечатано приставомъ. Тутъ ужъ ничего не пропадетъ...

— Какъ же мы теперь, Титъ Созонычъ?

— Придется подождать. Торопятся только блохъ ловить...

— Вамъ-то ждать съ полугоря, Титъ Созонычъ, а я то-ужъ, можно сказать, изо всѣхъ силъ вытянулся, ждамши. Вотъ ужъ цѣлыхъ два года только и дѣлаю, что жду.

Гуринъ досталъ изъ бумажника трехрублевую ассигнацію и сунулъ ему.

— Вотъ тебѣ на зубокъ. Сегодня у меня характеръ только на три рубля. Приходи, когда буду добрѣе.

Скоробогатова охватило отчаяніе, когда онъ вышелъ изъ „Перепутья" на улицу. Что же теперь ждать и что вообще будетъ? Съ горя онъ зашелъ въ дешевенькій трактирчикъ у Гостинаго двора, гдѣ собирались уличные адвокаты, составлявшіе прошеніе каждому желающему. Одинъ изъ такихъ ходатаевъ за бутылкой водки объяснилъ Скоробогатову все, чего онъ не понималъ.

— Перво дѣло, послѣ Чикмалдина остались наслѣдники, а потомъ кредиторы. Ну, значитъ, будетъ опека, а можетъ-быть, конкурсъ...

— Значитъ, опять ждать?

— Придется... Прямо сказать, мертвымъ узломъ тебя завязали.

Положеніе получалось, дѣйствительно, безвыходное. Третья часть будущаго рудника уже была обречена на покрытіе долговъ Чикмалдина, а главное, будущее всего предпріятія было связано по рукамъ и по ногамъ. Скоробогатовъ сначала впалъ въ бурное отчаяніе и даже напился пьянъ. Въ такомъ видѣ онъ явился къ Гурину и поднялъ настоящій скандалъ, чѣмъ Гуринъ нисколько не обидѣлся и даже похвалилъ бунтовавшаго милліонера.

— Да ты молодецъ, кошка тебя залягай! — хвалилъ онъ Скоробогатова.— Ну, еще прибавь... Ха-ха! Кредиторы Павла Митрича скажутъ тебѣ спасибо... А вотъ возьму да я еще околѣю. Тогда, братъ, совсѣмъ тебѣ крышка... Ахъ, ты, горюнъ!

Посмѣявшись надъ взбѣсившимся компаньономъ, Гуринъ все-таки выдалъ ему „на поминъ души" Павла Митрича сто рублей.

— Хорошій былъ человѣкъ, не тѣмъ будь помянутъ,—вспомнилъ Гуринъ.— Что мы съ нимъ одного коньяка выпили... Бери лодку и плавай.

Заручившись деньгами, Скоробогатовъ занялся хожденіемъ по настоящимъ адвокатамъ, но отвѣтъ получался одинъ, да еще требовали денегъ впередъ да еще пай въ придачу.

— Это, значитъ, изъ моей-то третьей части?—изумлялся Скоробогатовъ.— А мнѣ же мнѣ-то останется? Однѣ кошачьи слезы...

Въ концѣ концовъ Скоробогатовъ остановился на роковой мысли найти такого человѣка, который долженъ былъ выручить изъ бѣды. Вѣдь если есть плуты, такъ должны быть и хорошіе люди. Онъ обошелъ въ Екатеринбургѣ всѣхъ хорошихъ людей, объясняя свое положеніе. Екатеринбургскіе хорошіе люди качали головами, жалѣли, говорили жалкія слова и ничѣмъ не могли помочь.

— Какъ же ты, братецъ, теперь будешь дѣлаться? — повторяли всѣ. — Не сладкое твое дѣло, какъ ни поверни. Завязалъ тебя Чикмалдинъ.

— Вотъ какъ завязалъ... Кажется, самый злой татаринъ не сдѣлалъ бы этого. Прямо: зарѣзъ.

Результатомъ этого хожденія по хорошимъ людямъ было убѣжденіе, что Чикмалдинъ все подвелъ съ злымъ умысломъ и даже умеръ на зло ему, Скоробогатову. Конечно, легко обидѣть бѣднаго человѣка, и даже очень просто:

взялъ да и умеръ, а ты возжайся съ кредиторами да плати чужіе долги. Скоробогатовъ началъ относиться къ покойному Чикмалдину со злобой, обвиняя его во всемъ. Со стороны слушавшіе его только качали головами, начиная принимать его за тронутаго человѣка, у котораго „не всѣ дома“.

Находившись досыта по Екатеринбургу, Скоробогатовъ махнулъ рукой на все и рѣшилъ отправиться въ Москву.

— Слава Богу, свѣтъ не клиномъ сошелся,—разсуждалъ онъ, набираясь храбрости.—И мы найдемъ управу. Позвольте, такъ нельзя обирать бѣднаго человѣка. Я прямо въ департаментъ. Такъ и такъ, отдайте мое. И дѣлу конецъ... Да! Найдемъ правду... Палъ Митричъ, конечно померли, а вѣдь правда-то осталась. Въ департаментѣ все разберутъ. И очень просто... Съ какой, напримѣръ, стати я буду платить долги Палъ Митрича? Вѣдь не я ихъ дѣлалъ. Позвольте-съ, гдѣ истинная правда? Я не согласенъ никого обижать, и мнѣ чужого не нужно... Ни-ни... А все дѣло теперь въ департаментѣ.

Сумасшедшій милліонеръ, слѣпо вѣрившій, что правда скрыта въ департаментѣ, исчезъ съ Урала на нѣсколько лѣтъ. Сестры получили отъ него коротенькую записочку съ извѣщеніемъ, что онъ ѣдетъ въ Москву, а можетъ-быть, и въ Петербургъ, хлопотать по дѣлу.

Въ Заболотье онъ вернулся только лѣтъ черезъ пять, худой, строгій, съ лихорадочно горѣвшими глазами.

— Ну, Марья, молись Богу,—заявилъ онъ сестрѣ. — Мнѣ обѣщали въ департаментѣ все устроить.

Марья набожно перекрестилась. Она считала братца уже погибшимъ и сдерживала слезы радости.

— Теперь уже не долго осталось терпѣть,—увѣренно говорилъ Скоробогатовъ, вытаскивая изъ бокового кармана толстый бумажникъ, набитый копіями, справками и разными другими документами.—Вотъ здѣсь все обозначено, какъ на ладони. Раньше-то я дуракомъ былъ, ну, и выучили, какъ на бѣломъ свѣтѣ жить.

— Слава Богу, братецъ Маркъ Авдѣичъ,—вторила сестра.—Господь не безъ милости.

— Подвелъ меня подъ самый корень покойничекъ Палъ Митричъ, ну, да Богъ съ нимъ. Проживемъ. Зато я и въ Питерѣ побывалъ и всякихъ народовъ насмотрѣлся. Слава Богу, сподобился...

Вернувшись изъ Петербурга, Скоробогатовъ началъ держать себя „вполнѣ сосредоточенно“, какъ выражался солдатъ Парамошка, т.-е. не хотѣлъ ни съ кѣмъ знаться и проводилъ время въ гордомъ одиночествѣ. Онъ или сидѣлъ дома, или уходилъ на рѣку ловить рыбу, какъ было раньше.

Опять потянулось время, день за днемъ, недѣля за недѣлею. Скоробогатовъ теперь приходилъ каждый день на почту и справлялся, нѣтъ ли ему письма изъ департамента. Почтовые чиновники скоро привыкли къ нему и, когда онъ входилъ въ контору, не дожидаясь вопроса, говорили:

— Еще пишутъ, Маркъ Авдѣичъ. Надо подождать.

У Скоробогатова явилось сомнѣніе,—не скрываютъ ли отъ него почтовые чиновники департаментской правды. Прямо онъ этого не высказалъ, но далъ понять, что его не проведутъ.

Здѣсь, на почтѣ, онъ встрѣтился съ кабатчикомъ Горюновымъ, который сообщилъ ему опять непріятную новость.

— Гуринъ-то, Титъ Созонычъ, приказалъ долго жить. Ихъ, значитъ, кондрашка расшибъ.

Скоробогатовъ, противъ ожиданія, отнесся къ этому извѣстію совершенно равнодушно и отвѣтилъ:

— Это все единственно, Яковъ Захарычъ.

— Да вѣдь каппаньонъ, малиновая голова!

— У насъ найдутся другіе... Слава Богу, свѣтъ не клиномъ сошелся. Вотъ только бы получить письмо.

Горюновъ махнулъ рукой. Очевидно, Скоробогатовъ окончательно рехнулся съ своимъ департаментомъ.

— Вотъ что̀, другъ милый, ты бы хоть къ фельдшеру обратился,—посовѣтовалъ онъ ему.—Понимаешь?

Повертѣвъ пальцемъ около лба, Горюновъ ушелъ.

VII.

Мѣдная руда была открыта Скоробогатовымъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Но прошли семидесятые годы и половина восьмидесятыхъ, а дѣло все не двигалось впередъ. Вѣрнѣе сказать, оно запутывалось съ каждымъ годомъ. Кромѣ опеки и кредиторовъ Чикмалдина, заинтересованной стороной являлись какіе-то сомнительные наслѣдники Гурина, судившіеся изъ-за оставшагося послѣ него наслѣдства цѣлыхъ десять лѣтъ.

За этотъ длинный срокъ картина Урала сильно измѣнилась, особенно благодаря проведенной Уральской желѣзной дорогѣ. Были введены и земство и новый судъ, однимъ словомъ, все перестраивалось по-новому. Въ прежнемъ положеніи оставалось одно только дѣло Скоробогатова. Онъ то жилъ у сестеръ въ Заболотьѣ, отдыхая отъ хлопотъ, то исчезалъ надолго. Возвращаясь домой, онъ повторялъ неизмѣнно одну и ту же фразу:

— Теперь ужъ скоро... Всего двѣ недѣли подождать.

— Слава Тебѣ, Господи!—крестилась Марья.

Въ доказательство Скоробогатовъ доставалъ изъ кармана толстый бумажникъ, набитый всевозможными документами. Это былъ подвижной архивъ, который предъявлялся съ необходимыми комментаріями каждому желающему. Скоробогатовъ такъ привыкъ повторять тысячи разъ одни и тѣ же объясненія, что начиналъ говорить речитативомъ раешника.

— Это вотъ чикмалдинская опека, а это наслѣдники Гурина. Главное дѣло, очень кусаются чикмалдинскіе кредиторы. Такъ и вцѣпились зубами. Знаютъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ.

Даже солдатъ Парамошка и тотъ выучилъ наизусть всѣ эти документы. Ему приходилось прослушать ихъ чтеніе не одну сотню разъ.

— Дѣло самое вѣрное, — повторялъ онъ сочувственно.—Вотъ только жданьемъ измываютъ они тебя, Маркъ Авдѣичъ.

— Ничего, подождемъ. Много ждали, а немного-то подождемъ.

— Конечно, не вдругъ и Москва строилась.

Иногда,—большею частью это случалось ночью, — Скоробогатову приходила въ голову мысль, что недостаетъ какого-нибудь документа. Онъ соскакивалъ, зажигалъ огонь, перебиралъ свой архивъ и холодѣлъ отъ ужаса. Ему казалось, что именно отсутствуетъ самый главный документъ, отъ котораго зависѣло все. На другой же день онъ уѣзжалъ въ Екатеринбургъ и начинялъ хожденіе по разнымъ учрежденіямъ и лицамъ.

Для такого образа жизни, конечно, нужны были деньги, а работать, какъ прежде, Скоробогатовъ не могъ. Онъ просто отвыкъ отъ работы, какъ говорится. Къ счастью или несчастью, онъ въ своихъ странствованіяхъ познакомился гдѣ-то на пароходѣ съ богатой старухой-раскольницей, которая увѣро-

вала въ его мѣдную руду и время отъ времени ссужала небольшія суммы подъ двойные векселя.

— Ужъ такъ, миленькій, только жалѣючи тебя, — говорила она, пряча векселя въ окованную желѣзомъ шкатулку.—Некому тебя и пожалѣть-то, горемычнаго...

— Точно такъ-съ, Анѳиса Даниловна. А дѣльце вѣрное...

— Вотъ-вотъ. На что вѣрнѣе... Который годъ съ голоду мрешь?

— Да ужъ давненько...

— Надо терпѣть, миленькій!

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Екатеринбургѣ была устроена сибирско-уральская выставка, и Скоробогатовъ явился экспонентомъ въ горнозаводскомъ отдѣлѣ. У него была своя витрина, и онъ былъ совершенно счастливъ, давая публикѣ объясненія.

— Милліонъ,—повторялъ онъ въ заключеніе.—Настоящій, правильный милліонъ.

— Что̀ же вы не разрабатываете своего рудника? — спрашивали любопытные, очевидно, незнакомые съ тайнами русской предпріимчивости.

— Не хватаетъ достатку-съ... Дѣло вѣрное, а вотъ только денегъ не хватаетъ. Черезъ двѣ недѣли все вырѣшится... Есть тутъ одинъ человѣкъ...

Этотъ „одинъ человѣкъ“ былъ неизбѣжный для каждой русской выставки воздухоплаватель. Онъ тоже былъ изъ мѣщанъ и сошелся съ Скоробогатовымъ при первомъ же знакомствѣ, точно они вѣкъ прожили вмѣстѣ. Интересно было послушать, какъ они разговаривали, когда оставались съ глазу на глазъ. Собственно, каждый говорилъ свое, не слушая другого.

— Этакой-то руды еще не видано въ свѣтѣ,—говорилъ Скоробогатовъ съ увѣренностью.—Кладъ, а не руда.

— Ежели бы меня не надулъ мастеръ, который дѣлалъ крылья къ моей машинѣ...—отвѣчалъ воздухоплаватель.

— Проклятые кредиторы Палъ Митрича ужъ очень насѣли. Нѣтъ мнѣ отъ нихъ ходу... Въ департаментѣ мнѣ прямо объяснили... Такъ, молъ, и такъ, вся неустойка отъ нихъ...

— Мнѣ всего-то осталось у машины два винта придѣлать, ну, а тутъ теща помираетъ. Ну, деньги и ушли на похороны...

— А меня подвелъ Палъ Митричъ... Возьми и умри въ самый то-есть разъ. Малость бы обождалъ.

Собственно говоря, и Скоробогатовъ и мѣщанинъ-воздухоплаватель были типичные, трагическіе русскіе люди. И такихъ людей на Руси непочатый уголъ, какъ много людей лишнихъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно войти въ психологію человѣка, который у горы хлѣба умираетъ съ голоду. Кто не видалъ такихъ людей, и каждый уходилъ съ тяжелымъ сознаніемъ, что тутъ ничего не подѣлаешь.

Въ данномъ случаѣ трагичность положенія Скоробогатова усугублялась тѣмъ, что его открытіе признавалось самыми компетентными спеціалистами, которые любовались его „знаками“ и подтверждали, что это, дѣйствительно, милліонное дѣло. Но, какъ оказывалось, никому эти милліоны не были нужны. Мало ли на Руси пропадаетъ всевозможныхъ богатствъ, а около нихъ пропадаютъ роковые трагическіе люди, какъ Скоробогатовъ. Къ витринѣ Скоробогатова подходили инженеры, горняки, капиталисты, крупные промышленники, и всѣ любовались „знаками“.

— Да, вотъ это дѣло, господа. Тутъ ошибки не можетъ быть. И развѣдки были сдѣланы Чикмалдинымъ. Однимъ словомъ, богатство.

И богатство лежало въ витринѣ, какъ раньше лежало въ землѣ. О немъ теперь хлопотали больше всего кредиторы Чикмалдина, какъ заинтересованная сторона. Они приводили какихъ-то агентовъ, не говорившихъ по-русски, и краснорѣчиво объясняли всю непреложность лежавшаго въ витринѣ милліона, а Скоробогатовъ смотрѣлъ на нихъ, какъ свидѣтель, по ошибкѣ вызванный въ судъ не по тому дѣлу.

Когда въ числѣ другихъ любопытныхъ появился одинъ изъ мѣстныхъ адвокатовъ, сердце Скоробогатова почуяло приближеніе развязки. Очевидно, адвокатъ былъ подосланъ для переговоровъ.

— Ну, что̀, братецъ, давненько ты стоишь тутъ со своимъ милліономъ?— участливо спросилъ адвокатъ.

— Давненько, ваше благородіе. Можно сказать, сколько однихъ сапогъ износилъ.

— Такъ, такъ, братецъ. А какъ твоя цѣна будетъ, то-есть если бы нашелся покупатель на рудникъ?

— Палъ Митричъ обозначили милліонъ.

— Цифра недурна. Только вся бѣда, что Палъ Митричъ умеръ, а милліонъ надо умѣючи взять.

— Можно и уступочку сдѣлать.

— Именно?

— Да какъ вамъ сказать... вообче... У меня, значитъ, третья часть, ну, и считайте, сколько падетъ на нее.

— Триста тридцать три тысячи триста тридцать три рубля тридцать три копейки съ третью.

— Точно такъ, вашескородіе. Правильно.

— Очень ужъ большія деньги, братецъ. Если бы еще тысчонки три, ну, тогда можно бы и подумать.

— Помилуйте, вашескородіе,—взмолился Скоробогатовъ.—Да я всю жисть сюда положилъ!.. Пятнадцать лѣтъ бился, какъ рыба объ ледъ, а вы: три тыщи.

— И три тыщи деньги.

— Оно конечно, и безъ копейки рубля не бываетъ.

Эти переговоры повторялись, причемъ адвокатъ велъ дѣло въ веселомъ, шутливомъ тонѣ, точно дѣло шло о самыхъ ничтожныхъ пустякахъ. Только разъ онъ серьезно сказалъ:

— Знаешь, братецъ, просидѣлъ ты съ своимъ милліономъ пятнадцать лѣтъ и еще просидишь столько же, а толку не будетъ. Надо брать то, что̀ даютъ.

— Вашескородіе, да вѣдь вся тутъ моя жисть загублена,—сказалъ Скоробогатовъ со слезами въ голосѣ. — Ежели бы вы говорили настоящее, а то шутки шутите надъ бѣднымъ человѣкомъ. А мое дѣло правильное, какъ облупленное яичко. Только въ ротъ его положить...

— Ну, тутъ, братецъ, нуженъ не ротъ, а цѣлая волчья пасть. Можно и подавиться.

VIII.

Въ Заболотье Скоробогатовъ вернулся только къ Рождеству, вернулся мрачный и молчаливый. Ни Марья ни Дарья не смѣли его спросить ни о чемъ и ходили въ своей избѣ на цыпочкахъ, точно боялись разбудить братца-кормильца. Впрочемъ, сестра Марья поняла какимъ-то чутьемъ, что братецъ наконецъ кончилъ свое дѣло и вернулся домой съ деньгами.

— Слава Тебѣ, Господи,—молилась она про себя.—Хоть живъ-то ушелъ отъ своего меллеона. Тоже живая душа. Долго ли и повихнуться.

Поведеніе Скоробогатова отличалось и раньше нѣкоторыми странностями, а тутъ онъ совсѣмъ сдѣлался нелюдимъ. Никуда изъ дому, и дѣлу конецъ. Лежитъ на лавкѣ, молчитъ и только вздыхаетъ.

— Попритчилось что-то братцу Марку Авдѣичу, — шопотомъ сообщала сестра Дарья.—Ужъ не испортили ли его, Марьюшка? Можетъ, кто позавидовалъ да и напустилъ порчу.

Марья отмалчивалась. У нея были такія же подозрѣнія, но она не отличалась болтливостью.

Наступили праздники, а Скоробогатовъ оставался все въ томъ же положеніи. Сестры замѣтили, что онъ точно боится всего. Даже по ночамъ вскакиваетъ, подойдетъ къ окошку и слушаетъ, точно травленый заяцъ. Все дѣло разъяснилъ солдатъ Парамошка.

— Рудникъ-то—ау!—коротко объяснилъ онъ сестрамъ.—Продалъ его Маркъ Авдѣичъ и, сказываютъ, тридцать тыщъ получилъ за труды. Вотъ и молчитъ... Хоть кому дай такія деньги, такъ замолчитъ. Закололи они рудникъ какому-то французу ни за грошъ ни за копеечку...

Дѣло кончилось тѣмъ, что Скоробогатовъ окончательно слегъ. У него оказалось тихое помѣшательство. Онъ день и ночь все искалъ что-то у себя подъ подушкой, а потомъ притворялся спящимъ, если кто-нибудь смотрѣлъ на него. Явились на сцену знахари и знахарки, шептали надъ водой, протаскивали больного сквозь хомутъ, вспрыскивали съ уголька и т. д. Главнымъ лѣкарствомъ, конечно, оставалась баня, куда больного таскали чуть не каждый день. Въ банѣ Скоробогатовъ и умеръ, можетъ-быть, отъ угара, можетъ-быть, отъ лѣченія.

— А гдѣ деньги?—шопотомъ спрашивалъ всѣхъ солдатъ Парамошка.— Тридцать тыщъ—не баранъ чихалъ. Навѣрно, это его сестрица Марьюшка уходила. Отъ нея станется. Вызнала, что у брата деньги, ну, и того,— карачунъ.

Подозрѣнія Парамошки не оправдались. Послѣ смерти брата, Марья заявила въ полиціи, что у него остался капиталъ, который и представила полностью. Въ старомъ бумажномъ платкѣ оказалось, дѣйствительно, тридцать тысячъ. Покойный, какъ оказалось, истратилъ на себя всего одну „красную бумажку“.

— Эхъ, дуракъ, дуракъ! — жалѣлъ солдатъ Парамошка, почесывая въ затылкѣ.—Хоть бы напился разъ хорошенько и сусѣдей угостилъ на радостяхъ.

Всѣ сосѣди были того же мнѣнія и даже утѣшали огорченнаго Парамошку.

— Да, вышла ошибочка,—повторяли всѣ.

Сестры кончили очень печально, хотя и получили наслѣдство послѣ братца полной суммой: каждой досталось что-то около пятнадцати тысячъ. Марья, на старости лѣтъ, начала потихоньку отъ всѣхъ попивать какую-то сладкую наливку и кончила жестокимъ запоемъ, отъ котораго и умерла года черезъ два. Дарья при сестрѣ кое-какъ держалась, а послѣ ея смерти тоже свихнулась и, какъ говорили въ Заболотьѣ, закурила. Солдатъ Парамошка состоялъ при ней неотлучно, бросивъ и свою лавчонку и жену.

Мѣдный рудникъ на Ельничной купленъ былъ какой-то анонимной французской компаніей, и сейчасъ тамъ уже громадный заводъ. Мечты несчастнаго Марка Скоробогатова такимъ образомъ осуществились, хотя и не въ его пользу.

1898.

КИСЕЙНАЯ БАРЫШНЯ.

Повѣсть.

I.

Лучшая средняя ложа бельэтажа, какъ всегда, была занята Ромодиными, и, какъ, всегда на самомъ видномъ мѣстѣ у барьера сидѣла Зиночка. Это была премилая молодая дѣвушка съ немного утомленнымъ лицомъ и щурившимися близорукими глазами; золотисто-бѣлокурые волосы падали на бѣлый лобъ шелковистой бахромой и красивыми завитками прятались за маленькимъ розовымъ ушкомъ. Въ каждомъ движеніи Зиночки чувствовалась та клубная опытная барышня, которая умѣетъ держать себя и вообще привыкла быть на глазахъ у публики. Слишкомъ пестрый нарядъ и перчатки на шесть пуговицъ говорили о неумѣньи одѣваться: такой костюмъ приличенъ для молодой дамы,—какъ увѣряла сидѣвшая въ ложѣ гувернантка, m-lle Бюшъ,—но Зиночка слишкомъ была избалована, чтобы слушать хорошіе совѣты и наставленія.

— Хочется вамъ, m-lle, терять время на разговоры съ ней?..—равнодушно отвѣчала мать Зиночки, Елизавета Петровна, когда гувернантка начинала приставать къ ней съ жалобами.—Развѣ ее въ чемъ-нибудь убѣдишь?..

Поблекшая раньше своихъ лѣтъ, m-lle Бюшъ складывала сухія губы оборочкой, вытягивалась въ струнку и безучастно начинала смотрѣть своими печальными глазами на сцену,—въ театрѣ она сидѣла по обязанности и думала совсѣмъ о другомъ. Рядомъ съ ней вертѣлась на стулѣ пухлая дѣвочка-подростокъ, Милочка, за которой нужно было смотрѣть въ четыре глаза—шалунья начинала сейчасъ же горбиться, разставляла руки и даже клала ногу на ногу, какъ это дѣлалъ какой-нибудь Сенечка Татауровъ. Тотъ запасъ энергіи, который по контракту m-lle Бюшъ должна была распредѣлять поровну между Зиночкой и Милочкой, теперь всей своей тяжестью обрушивался на одну Милочку.

— Какія глупыя оперетки нынче пишутъ...—возмущался самъ Ромодинъ, большой любитель сцены.—Это наконецъ невозможно!

Красивый и представительный, Ромодинъ для своихъ пятидесяти лѣтъ былъ настоящимъ молодцомъ; только легкая лысина на головѣ и пробивавшаяся сѣдина въ бородѣ говорили о всесокрушающемъ вліяніи времени. Одѣтый безукоризненно, съ выхоленными руками и привычками записного щеголя, онъ былъ, что̀ называется, виднымъ мужчиной. Въ большихъ сѣрыхъ глазахъ сказывалась та же усталость, какъ и у Зиночки. Ромодинъ часто наблюдалъ дочь и улыбался ея улыбкой,—онъ такъ ее всегда любилъ. Въ свою очередь и Зиночка постоянно повертывала свою хорошенькую головку къ

отцу и нѣмымъ взглядомъ дѣлилась съ нимъ впечатлѣніями. Сегодня Ромодинъ былъ недоволенъ, слѣдовательно и Зиночка тоже. Она предоставляла смотрѣть на сцену m-lle Бюшъ, а сама наблюдала партеръ, гдѣ мелькали знакомыя лица: вонъ сидитъ Сенечка Татауровъ, рядомъ съ нимъ инженеръ Бржозовскій и англичанинъ Рей. По окончаніи дѣйствія всѣ трое пройдутъ въ фойэ, а оттуда одинъ по одному заберутся къ нимъ въ ложу. Зиночкѣ было весело, несмотря на плохую пьесу.

Театръ въ Косогорьѣ былъ маленькій и очень неудобный, но публики въ немъ всегда было много, особенно когда шли оперетки. Плохенькая труппа съ грѣхомъ пополамъ гналась за вкусами публики и не скупилась на опереточныя вольности, выкупая ими другіе недочеты и провинности. Впрочемъ, косогорская публика была самая невзыскательная—золотопромышленники, игроки, дѣльцы и просто темныя личности безъ всякой опредѣленной профессіи, а уже къ нимъ на придачу шли чиновники, инженеры и представители мѣстной адвокатуры. Въ общемъ получалось что-то ужъ очень сборное и мало интеллигентное. Театръ являлся единственнымъ мѣстомъ развлеченія, и всѣ ложи были заняты семьями, невзирая на характеръ представленій. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ никто не находилъ ничего предосудительнаго, потому что дѣтей защищала отъ опереточной грязи ихъ невинность, а косогорскія дѣвицы настолько были благовоспитанны, что, гдѣ нужно, и не видѣли и не слышали...

„Кто первый придетъ къ намъ въ ложу: Бржозовскій или Сенечка Татауровъ?“—думала Зиночка во все первое дѣйствіе.

Бржозовскій сильно ухаживалъ за ней, а Татауровъ бывалъ, какъ бывалъ вездѣ,—нужно же было куда-нибудь дѣваться. Легкомысліе Зиночки было извѣстно всѣмъ, и Бржозовскій въ глаза называлъ ее „кисейной барышней“.

— Вы наконецъ выпадете изъ ложи, если будете такъ наклоняться...—по-французски предупреждала Зиночку сердившаяся m-lle Бюшъ.

Какъ смѣшно сердилась эта гувернантка! Зиночка весело посмотрѣла на отца, который всегда подшучивалъ надъ чопорной дѣвушкой. Но Ромодинъ не отвѣтилъ своей любимицѣ обычной улыбкой, а даже отвернулся—это ужъ совсѣмъ не походило на него. Что̀ бы это значило? Опустившійся занавѣсъ прервалъ догадки Зиночки.

— У меня голова болитъ...—заявила Елизавета Петровна, кутаясь въ новый теплый платокъ.—Я думаю ѣхать домой.

— Какъ знаешь...—соглашался Ромодинъ и тревожно посмотрѣлъ на жену.—Я тоже съ удовольствіемъ уѣду.

— Нѣтъ, не безпокойся, пожалуйста... — остановила его жена.—Меня проводитъ Бржозовскій, а ты останься съ дѣтьми.

Послѣднія слова сказаны были такимъ тономъ, что всякія возраженія становились излишними. Въ свои тридцать пять лѣтъ Елизавета Петровна была тѣмъ, что̀ называютъ belle femme. Высокаго роста, съ прекрасно сохранившейся фигурой, со свѣжимъ лицомъ и моложавыми движеніями, она годилась Зиночкѣ въ старшія сестры. Въ манерѣ себя держать у нея сохранились институтскія привычки: Елизавета Петровна закатывала глаза, улыбалась заученной улыбкой, всегда сидѣла и ходила „стрѣлочкой“, прижавъ локти къ таліи, и при случаѣ говорила удивительныя „наивности“. Характеръ у нея былъ тоже какой-то институтски-взбалмошный, и спорить съ ней не приходилось. Такъ было и теперь: она одѣлась и пошла одна. Бржозовскій уже ждалъ ее въ коридорѣ, франтовски накинувъ свою шинель на плечи.

— Вотъ это мило...—вслухъ думала Зиночка, когда ни Бржозовскій ни Татауровъ не показались въ ихъ ложу.

Вмѣсто нихъ пришелъ рыжій Рей. Онъ молча сунулъ всѣмъ свою холодную руку, молча сѣлъ въ уголъ и въ теченіе всего антракта не проронилъ ни одного слова, кромѣ шипѣвшаго „yes".

— Я ждала Бржозовскаго или Татаурова, а вдругъ входите вы...— дразнила его Зиночка, стараясь вывести изъ себя.

Ромодинъ вышелъ изъ ложи, m-lle Бюшъ начала „дѣлать глаза" расшалившейся Зиночкѣ, а та на зло отвѣчала ей по-французски:

— Что же мнѣ дѣлать, если этотъ болванъ всегда молчитъ...

— Неприлично говорить на языкѣ, котораго другіе не могутъ понимать,— по-русски отвѣчала m-lle Бюшъ.

— Хотите, я скажу то же и по-русски!..—отвѣтила Зиночка.

— L'enfant terrible...—простонала m-lle Бюшъ и даже закрыла глаза отъ ужаса.

Милочка поняла наполовину содержаніе происходившаго разговора и смѣялась, по-дѣтски глядя прямо въ глаза Рею.—„Пусть его молчитъ, чортъ съ нимъ..."—рѣшила про себя Зиночка, отвернулась и опять стала смотрѣть въ партеръ и на ряды ложъ. Вонъ Сенечка Татауровъ торчитъ въ ложѣ у Грибушиныхъ. Какъ это мило: всѣ три дѣвицы одѣты въ одинаковыя платья и даже одинаково причесаны. „Настоящія три граціи, оцѣненныя въ сложности въ полтораста тысячъ",—сказалъ про нихъ Бржозовскій, который надо всѣмъ смѣется. Зиночка навела бинокль и наблюдала, какъ Сенечка говорилъ что-то смѣшное младшей граціи и какъ та хихикала, закрывая лицо вышитымъ батистовымъ платочкомъ. „Настоящія куклы..."—подумала Зиночка, выпрямляясь. Въ антрактахъ ее, Зиночку, разсматривали въ бинокли изо всѣхъ ложъ, и это льстило ея самолюбію. Она принимала равнодушный видъ и съ дѣланой улыбкой начинала разговаривать съ m-lle Бюшъ или Милочкой.

— А папа вонъ гдѣ...—указывала Милочка на литерную ложу бенуара.

— Развѣ можно пальцами указывать?—останавливала ее гувернантка.

Наскучивъ играть роль благовоспитанной барышни, Зиночка опять начала разсматривать публику въ бинокль. Ее сердило, что въ ихъ ложѣ не было никого изъ кавалеровъ. Тотъ же Сенечка забрался къ Грибушинымъ и болтаетъ тамъ цѣлый антрактъ. Нужно будетъ его проучить хорошенько... А папа что-то очень долго остается въ ложѣ Черняковыхъ и о чемъ-то споритъ со старшимъ братомъ. Папа не любитъ этихъ Черняковыхъ, хотя у него и есть какія-то дѣла съ ними по пріискамъ. Старшій Черняковъ—совсѣмъ лысый, а у младшаго голова квадратная и борода точно изъ пакли. Въ городѣ ихъ недаромъ зовутъ братьями-разбойниками.

Ромодинъ такъ и не вернулся въ ложу, что замѣтно встревожило m-lle Бюшъ. Оставаясь одна съ дѣтьми, она всегда принимала такой смѣшной воинственный видъ, точно ее кто-то хотѣлъ укусить. По выступавшимъ на лицѣ ея пятнамъ Зиночка видѣла, что m-lle Бюшъ волнуется, и это ее забавляло. Еще не успѣлъ упасть занавѣсъ, какъ гувернантка принялась торопить Зиночку одѣваться. Къ довершенію несчастья, Милочка заснула въ уголкѣ ложи и долго не могла понять, гдѣ она, когда ее разбудили.

— Это наказаніе...—шептала гувернантка, закутывая Милочку въ свой пуховый платокъ.

На театральномъ подъѣздѣ, когда жандармъ выкрикивалъ лошадей Ромодина, къ Зиночкѣ подошелъ Сенечка Татауровъ. Отъ него пахло водкой, и онъ улыбался, какъ идіотъ.

— Здравствуйте, барышня!..—фамильярно здоровался онъ.

Этого только недоставало... М-lle Бюшъ съ ужасомъ посмотрѣла на круглое красное лицо Сенечки и даже прикрыла Милочку полой своей ротонды, какъ птица крыломъ. Ее выручилъ кучеръ Потапъ, лихо подкатившій къ подъѣзду. Пара застоявшихся дышловыхъ лошадей такъ и шарахнулась къ каменнымъ ступенькамъ.

II.

Лошади у Ромодиныхъ были однѣ изъ лучшихъ во всемъ Косогорьѣ, особенно дышловая сѣрая пара. Кучеръ Потапъ хоть и „не вышелъ“ настоящей кучерской бородой, но правилъ отлично, когда не былъ пьянъ. Четырехмѣстная зимняя коляска летѣла стрѣлой, минуя главную Соборную улицу—домъ Ромодиныхъ стоялъ на окраинѣ, у самаго выѣзда, гдѣ двумя кирпичными неуклюжими столбами открывался московскій трактъ. Милочка дорогой опять заснула, уткнувшись головой въ тибетскій мѣхъ гувернанткиной ротонды; Зиночка распахнула свою соболью шубку и жадно вдыхала морозный зимній воздухъ—она такъ любила быструю ѣзду, когда вѣтромъ и снѣжной пылью бьетъ въ лицо. Встревоженная m-lle Бюшъ не замѣчала распахнутой шубки, и Зиночкѣ опять сдѣлалось весело.

— Скорѣе, Потапъ...—понукала она кучера.

Промелькнулъ двухъэтажный ярко освѣщенный домъ, въ которомъ помѣщалась „Аркадія“, гостиница съ арфистками, потомъ мрачное зданіе „Обь-Енисейскаго банка“, недостроенный громадный домъ Черняковыхъ, каѳедральный соборъ, выкрашенный въ желтую краску, старое зданіе женской гимназіи, и коляска съ шикомъ подкатила къ подъѣзду одноэтажнаго длиннаго дома. М-lle Бюшъ съ особенной осторожностью разбудила Милочку и, какъ больную, повела ее подъ руку на подъѣздъ. Зиночка успѣла въ это время приласкать свою любимую лошадь Рогнѣду и первая подскочила къ звонку. Но дверь подъѣзда была, къ удивленію, не заперта—этого раньше не случалось.

— Дарья потеряла всякій умъ...—ворчала m-lle Бюшъ, гремя ключомъ въ наружной двери.—Въ передней шубы... Какъ еще не украли ничего!..

Не снимая своей шубки, отдѣланной сѣдымъ соболемъ, Зиночка прямо влетѣла въ гостиную, гдѣ слышались громкіе голоса. На порогѣ Зиночка остановилась, какъ вкопанная, и даже попятилась назадъ, наступивъ на ноги m-lle Бюшъ. Въ залѣ происходила горячая сцена. Елизавета Петровна, съ заплаканнымъ, распухшимъ отъ слезъ лицомъ и распустившейся на затылкѣ прической, выкрикивала охрипшимъ голосомъ:

— Заводить развратъ въ домѣ... держать любовницъ на глазахъ у взрослыхъ дочерей—это подлость!.. Я сейчасъ же уѣзжаю... слышите, Игнатій Павловичъ?..

— Лиза, Лиза... успокойся...—бормоталъ Ромодинъ, напрасно стараясь поймать поднятую кверху руку жены.—Ты сначала выслушай меня...

— Если бы вы не были отцомъ этихъ несчастныхъ дѣтей... Мерзавецъ, мерзавецъ!..

На роялѣ стояла небольшая лампа и слабо освѣщала большую комнату. Елизавета Петровна въ изнеможеніи хваталась одной рукой за крышку рояля, а другой потрясала въ воздухѣ. Между роялемъ и этажеркой съ нотами, лицомъ къ стѣнѣ, стояла горничная Дарья, и по вздрагивавшимъ плечамъ видно было, какъ она рыдала.

— Вотъ жертва вашего разврата!..—кричала Елизавета Петровна, ука-

зывая на Дарью.—Вы ее погубили, Игнатій Павловичъ... А что будетъ съ несчастнымъ ребенкомъ? Ни одной минуты не остаюсь здѣсь!

Заслышавъ крикъ, m-lle Бюшъ выскочила впередъ и заслонила собою дѣвушекъ, а затѣмъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, быстро схватила ихъ за руки и потащила въ задній конецъ залы, въ столовую. Ромодинъ оглянулся на легкій шумъ быстрыхъ шаговъ и безсильно опустилъ руки.

— Теперь вы довольны?..—уже хрипѣла Елизавета Петровна, подступая къ самому лицу мужа.—Довольны?..

— Чѣмъ же виноваты дѣвочки, Лиза?..

— Я не желаю скрывать своего позора... пусть всѣ видятъ!.. О, Боже мой, Боже мой!..

Въ это время m-lle Бюшъ успѣла дотащить дѣвочекъ до ихъ комнаты, толкнула ихъ туда и плотно притворила за собой дверь. Не проснувшаяся еще хорошенько Милочка сдѣлала уже гримасу, дожидаясь перваго повода, чтобы расплакаться, а Зиночка стояла посреди комнаты въ своей шубкѣ и широко раскрытыми глазами смотрѣла на гувернантку.

— Ложитесь, дѣти, сейчасъ же спать...—торопливо повторяла m-lle Бюшъ, зажигая свѣчу на своемъ ночномъ столикѣ.

— Зачѣмъ они такъ кричатъ?—капризно спрашивала Милочка.

— Это не наше дѣло, голубчикъ...—успокаивала гувернантка, быстро раздѣвая ее.—У мамы опять нервы...

Но Милочка уже не слушала, поддаваясь знакомой ласковой рукѣ, которая знала каждую пуговку и каждый крючокъ на ея платьѣ. Дѣвочка даже улыбнулась, когда, разстегивая воротничокъ, гувернантка невольно пощекотала ея полный, дѣтски-пухлый подбородокъ. Черезъ пять минутъ Милочка была уже въ своей кроваткѣ, подъ мягкимъ шелковымъ одѣяломъ, подъ которымъ потягивалась и ежилась теперь съ особеннымъ удовольствіемъ. Мягкіе, какъ шелкъ, каштановые кудри красиво разсыпались по бѣлой подушкѣ съ дорогими кружевными прошивками. Когда m-lle Бюшъ, по обыкновенію, наклонилась надъ ней, чтобы поцѣловать, Милочка полуоткрыла слипавшіеся глаза и сонным голосомъ серьезно спросила:

— А зачѣмъ Дарья плачетъ, m-lle?..

— Это тебѣ показалось... Она вытирала пыль съ этажерки.

Такая слишкомъ явная несообразность заставила Милочку широко открыть глаза: какая можетъ быть пыль въ двѣнадцать часовъ? Но она сейчасъ же закрыла ихъ, повернулась къ стѣнѣ лицомъ и моментально заснула, какъ умѣютъ засыпать здоровыя дѣти. M-lle Бюшъ перекрестила заснувшую дѣвочку, облегченно вздохнула и только теперь замѣтила, что Зиночка стоитъ посреди комнаты, какъ была, въ шубкѣ и не сводитъ съ нея остановившихся глазъ.

— Что же вы стоите?—строго проговорила гувернантка, но сейчасъ же спохватилась, ласково взяла Зиночку за талію и поцѣловала въ лобъ съ необычайнымъ приливомъ нѣжности.—Нужно итти, голубчикъ, въ свою комнату...

Зиночка не шевелилась. Разгорѣвшееся на морозѣ лицо было блѣдно, и бахромки бѣлокурыхъ волосъ, выбившись изъ-подъ зимней собольей шапочки, падали на глаза. M-lle Бюшъ на цыпочкахъ подошла къ двери и прислушалась—въ залѣ все было тихо, какъ въ могилѣ.

— Я здѣсь останусь...—проговорила наконецъ Зиночка, моментально снимая свою щегольскую шубку.

— Хорошо, дѣточка... Я улягусь тогда на полу,—согласилась гувернантка и пошла за ширму, гдѣ стояла ея кровать.

Это великодушіе тронуло Зиночку, она повернулась и пошла—ея комната была рядомъ. Милочка только спала и занималась въ комнатѣ гувернантки, а день перебивалась, гдѣ придется. Все это дѣлалось для того, чтобы у Зиночки была своя отдѣльная комната. Благодаря присутствію Милочки, комната гувернантки походила на кладовую—здѣсь стоялъ лишній гардеробъ, кровать помѣщалась у письменнаго стола, а на стѣнахъ были развѣшаны Милочкины платья. Зато у Зиночки было совсѣмъ просторно, и низенькая спальная кроватка такъ кокетливо пряталась за настоящей японской ширмочкой, которую ей подарилъ отецъ въ день рожденія. Войдя въ свою комнату, Зиночка опять остановилась и все прислушивалась, не донесется ли какой звукъ изъ залы. M-lle Бюшъ застала ее именно въ этой позѣ и начала раздѣвать, какъ маленькую. Это движеніе заставило Зиночку проснуться отъ своего столбняка—ей вдругъ сдѣлалось совѣстно, что гувернантка взяла на себя роль горничной.

— Нѣтъ, я сама...—проговорила дѣвушка, освобождаясь отъ скользившихъ по ней маленькихъ рукъ гувернантки.—Да, я сама...

M-lle Бюшъ не стала спорить, а только притворила плотнѣе дверь и ушла за ширму приготовлять постель, какъ это дѣлала каждый вечеръ Дарья. Когда Зиночка, совсѣмъ раздѣтая, въ одной кофточкѣ, сидѣла на своей кровати, гувернантка крѣпко ее обняла и еще разъ поцѣловала. На глазахъ у молодой дѣвушки были слезы, а грудь такъ и ходила отъ сдерживаемаго волненія. Онѣ не сказали другъ другу ни одного слова, но Зиночка все поняла, поняла сразу—и зачѣмъ мама такъ ужасно кричала, и зачѣмъ папа былъ такой жалкій, и зачѣмъ Дарья плакала, и зачѣмъ m-lle Бюшъ по-матерински крестила и цѣловала ее. Въ дѣвушкѣ проснулась женщина... Когда гувернантка на цыпочкахъ вышла изъ комнаты, Зиночка заплакала. Ей вдругъ сдѣлалось и больно и обидно вотъ именно за эти ласки посторонней женщины, которая пожалѣла ее и сестру. Да, она добрая, эта m-lle Бюшъ, а Зиночка постоянно дѣлала ей непріятности и даже иногда доводила до слезъ своимъ упрямствомъ. О томъ, что̀ происходило въ залѣ, у фортепіано, она старалась не думать: это было что-то такое ужасное и неприличное, что̀ заставляло ее краснѣть въ темнотѣ... А она такъ любила отца, который баловалъ ее и не отказывалъ ни въ одной прихоти. Одинъ шагъ—и этого отца не стало. Былъ другой человѣкъ—жалкій, несчастный гадкій, Зиночка со здоровымъ инстинктомъ созрѣвшей дѣвушки сразу стала на сторону матери и понимала ея горе. Эта мысль вызывала у нея новыя слезы, и она отчетливо видѣла нѣжную сцену: ей хотѣлось убѣжать къ матери и заплакать на ея груди. Воображеніе рисовало ей эту сцену со всѣми подробностями... „Бѣдная мама, бѣдная мама!“—шептала Зиночка, пряча голову въ подушки.

Ахъ, какая это была ужасная ночь!.. Весь домъ замеръ, и мертвая тишина нарушалась только колотушкой караульщика подъ окномъ. Итти сейчасъ къ матери Зиночка побоялась, хотя уже встала съ постели и подошла къ двери—въ залѣ теперь темно, а тамъ еще нужно пройти гостиную и столовую. Да и что̀ она могла сдѣлать?.. Мать и безъ того встревожена и будетъ совсѣмъ убита, если узнаетъ, что она, Зиночка, все видѣла... Малодушный страхъ передъ темнотой непріятно подѣйствовалъ на дѣвушку, и она назвала себя словами Бржозовскаго: „кисейная барышня“. Еще въ первый разъ она поняла обидный смыслъ, скрытый въ этой кличкѣ: кисейная барышня боится всего и не умѣетъ ничего дѣлать... Въ первый разъ Зиночка взглянула на себя со стороны, выдѣлившись изъ всей остальной обстановки, и горькое, нехорошее чувство шевельнулось у нея въ душѣ.

Да, кисейная барышня!.. А въ ушахъ еще стоитъ шальной опереточный мотивъ и гулъ расходившейся изъ театра толпы, и пьяное лицо Татаурова лѣзетъ въ глаза. „Здравствуйте, барышня“... Не слѣдовало ему подавать руки. Зиночка по пути припоминала, какъ Татауровъ, бывая у нихъ, гадко щурилъ глаза, когда Дарья подавала ему кофе, и шепталъ что-то Бржозовскому, вѣроятно, что-нибудь пошлое, потому что тотъ всегда сомнительно улыбался. Какъ все это гадко... Зиночка теперь ненавидѣла Дарью, изъ-за которой все въ домѣ перевернулось вверхъ дномъ, и она, Зиночка, почувствовала себя одинокой. Да, она одна, совершенно одна и никому не можетъ сказать всего, что̀ сейчасъ думала, не можетъ сказать, что понимаетъ все.

Ночь была безъ конца, зимняя длинная ночь. Зиночка все ворочалась на своей постели и не могла заснуть. Если мама уѣдетъ завтра,—и она съ ней... Эти стѣны давили ее.

III.

Утромъ на другой день, когда Зиночка проснулась, въ домѣ стояла мертвая тишина, и первая мысль, которая пришла ей въ голову, была та, что всѣ еще спятъ, и она первая выйдетъ къ чаю въ столовую. Папа такъ любитъ, когда она ему сама наливаетъ чай,—онъ въ это время просматриваетъ газеты. Радостная и веселая, Зиночка уже спускала ноги съ кровати, какъ вдругъ что-то кольнуло ее въ самое сердце и она вспомнила про вчерашнее—не было больше ни прежняго папы ни прежней Зиночки... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, при дневномъ свѣтѣ Зиночка уже не чувствовала вчерашняго безсильнаго страха и принялась быстро одѣваться, одѣваться сама, безъ помощи Дарьи. Она выбрала самое простенькое платье, зачесала волосы гладко-гладко и вышла въ столовую. Въ концѣ большого стола сидѣли одни мальчики и пили чай подъ строгимъ надзоромъ няни Ермиловны.

— Зиночка, мама больна.

— Зиночка, папа уѣхалъ...

— Тише вы, пострѣлы!—крикнула на нихъ Ермиловна.

Дѣти весело переглянулись и сдержанно хихикнули; ихъ занимала теперь ворчливая строгость няньки и вообще новость положенія. Старшему мальчику, Сашѣ, было семь лѣтъ, а младшему, Колѣ, всего четыре года,—„совсѣмъ еще несмысленочки“,—говорила о нихъ въ припадкѣ нѣжности Ермиловна. Зиночка любила больше Сашу, который напоминалъ отца и лицомъ и складомъ своей маленькой фигурки. Наскоро выпивъ свою чашку чая, Зиночка думала о томъ, что̀ ей дѣлать. А дѣлать что-нибудь нужно: отецъ уѣхалъ, мать больна; слѣдовательно старшей въ домѣ осталась она одна. Да, что̀ же дѣлать?

— Саша, ты приготовилъ уроки?—неожиданно для самой себя спросила Зиночка.

Мальчикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ сначала на нее, потомъ на Ермиловку, и нехотя отвѣтилъ:

— При-го-то-вилъ...

Тонъ этого отвѣта обидѣлъ Зиночку, но она сдержалась и съ серьезнымъ лицомъ начала разспрашивать, что̀ задано, когда, къ какому сроку. Саша удивлялся все больше и, отвѣчая, толкалъ братишку въ бокъ, пока тотъ не расхохотался неудержимымъ звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Это что̀ такое?—вскипѣла гнѣвомъ Зиночка.

Саша дерзко посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и спокойно отвѣтилъ:

— Ки-сей-ная ба-рыш-ня... вотъ что̀!..

Первымъ движеніемъ Зиночки было схватить грубіяна за ухо, но Ермиловна загородила его. Трудно сказать, чѣмъ окончилась бы эта горячая сцена, если бы въ дверяхъ столовой не показалась m-lle Бюшъ. Одно ея появленіе сразу утишило всю бурю, и грубіянъ Саша не зналъ куда дѣвать глаза. Ермиловна тоже вся съежилась, когда „губернантка“ посмотрѣла на нее.

— Саша, ты сейчасъ попросишь извиненія у Зинаиды Игнатьевны,— просто проговорила гувернантка.—Скажи: „я дерзкій и нехорошій мальчикъ“...

Саша надулся, покраснѣлъ и, стиснувъ зубы, упорно молчалъ.

— Оставьте его, m-lle,—вступилась уже сама Зиночка, но встрѣтила такой краснорѣчивый взглядъ, что замолчала на полусловѣ.

— „Я дерзкій и нехорошій мальчикъ“...—повторяла m-lle Бюшъ, пристально глядя на Сашу.

Мальчикъ по слогамъ долженъ былъ повторить продиктованное извиненіе, и потомъ уже его отпустили съ миромъ въ дѣтскую. M-lle ласково посмотрѣла ему вслѣдъ и замѣтила просто, какъ всегда:

— Никогда не слѣдуетъ спускать подобныхъ шалостей, потому что изъ мелочей, какъ изъ зерна, развиваются большія глупости.

— Что̀ мама?—спрашивала Зиночка, когда онѣ остались вдвоемъ.—Мнѣ можно будетъ сейчасъ пройти къ ней?

— Ни сейчасъ ни потомъ, моя милая... Нужно будетъ подождать, когда она сама позоветъ кого-нибудь изъ дѣтей,—отвѣтила m-lle Бюшъ довольно сухо, что̀ удивило Зиночку.

Вопросъ о неожиданномъ отъѣздѣ отца вертѣлся у нея на языкѣ, но по лицу гувернантки и по тону ея голоса она поняла, что теперь этого не слѣдовало спрашивать. Зиночку пріятно ободрило, что m-lle Бюшъ была такая же, какъ всегда—такъ же аккуратно съѣла свой утренній сухарикъ, такъ же спокойно осмотрѣла ея костюмъ, такъ же невозмутимо разобрала номеръ къ номеру принесенную почту, точно вотъ сейчасъ выйдетъ папа, сядетъ къ столу и начнетъ читать газету. Правда, не было Дарьи, которая безтолково бѣгала въ это время съ заплаканнымъ лицомъ. Однако что̀ же дѣлать Зиночкѣ? Если разучивать сонату, то разбудишь мать; если ѣхать къ модисткѣ примѣривать зимнее платье, то m-lle Бюшъ некогда... Оставалось итти въ свою комнату и дочитывать начатый романъ Поля Буржэ. Безучастность къ ея положенію даже обидѣла Зиночку. Въ самомъ дѣлѣ, почему m-lle Бюшъ такъ заботится о маленькихъ, ничего не понимающихъ дѣтяхъ, а ее оставляетъ совершенно одну? Зиночка отправилась къ себѣ въ комнату, посмотрѣлась въ зеркало, привела въ порядокъ разбросанныя на столѣ книги, отыскала свой французскій романъ и сѣла съ нимъ къ окну. Но и романъ не читался,—глаза только механически пробѣгали строчку за строчкой, а мысль работала отдѣльно. Зиночка бросила романъ; ей было душно въ своей комнатѣ, а въ душѣ нарастала и нарастала жажда высказаться, раздѣлить свое горе съ живымъ человѣкомъ, наконецъ просто поплакать вмѣстѣ. Но она была одна, и только котенокъ сладко спалъ на ея постели. Отодвинувъ завѣтный ящикъ въ письменномъ столѣ, Зиночка занялась пересмотромъ разныхъ записныхъ книжекъ, валявшихся здѣсь безъ всякаго толка. Вотъ голубая бархатная книжка, назначенная для стиховъ, и на первой страницѣ уже есть заголовокъ перваго стихотворенія: „На смерть подруги“. Это была цѣлая элегія, къ несчастью, оборвавшаяся на седьмомъ стихѣ: „Когда смотрю я вдаль лазурной мглы и море шлетъ къ моимъ ногамъ привѣтные валы, въ моей душѣ встаетъ тотъ образъ милый, который не исчезнетъ даже за моей могилой...“ Пробѣжавъ стихи, Зиночка сморщилась,—слишкомъ ужъ по-дѣтски да и какія-то глупыя

повторенія: „*моимъ* ногамъ“, „*моей* душѣ“, „*моей* могилой“. Вообще глупо. Вырвавъ листочекъ съ элегіей и разорвавъ его въ клочки, Зиночка на новой страницѣ съ особенной тщательностью вывела заголовокъ: „*Дневникъ кисейной барышни*“, а потомъ мелкимъ почеркомъ: „Вмѣсто предисловія“. Повертѣвъ въ рукахъ перо, она приступила къ дѣлу. „Мнѣ хотѣлось бы возстановить,—писала она своимъ красивымъ, размашистымъ почеркомъ,—репутацію именно этой кисейной барышни, которую совершенно напрасно опорочили разные семинаристы. Въ ней есть свои хорошія качества и даже маленькія достоинства, которыя хороши уже тѣмъ, что она сама не сознаётъ ихъ, какъ, напримѣръ, самопожертвованіе. Конечно, это слово покажется смѣшнымъ нѣкоторымъ скептикамъ (читай: Бржозовскій), но вѣдь кисейная барышня составляетъ золотую середину. Да, она немножко легкомысленна и, какъ увѣряютъ, очень глупа, потому что играетъ „Пробужденіе льва“, „La prière d'une vièrge“, любитъ сладкое, боится дурныхъ сновъ, требуетъ, чтобы ее смѣшили, пишетъ стихи, плачетъ надъ упавшимъ въ воду котенкомъ... Какъ видите, цѣлый рядъ самыхъ страшныхъ преступленій, когда кругомъ идетъ борьба за существованіе и требуется только одинъ благоразумный эгоизмъ“.

— Для предисловія, право, недурно и пока достаточно, а вотъ что̀ дальше?— Зиночка съ удовольствіемъ написала: „глава первая“.—Развѣ начать такъ: „Я, выключенная изъ 7-го класса гимназистка за дерзость классной дамѣ, Варварѣ Семеновнѣ“... Нѣтъ, это неудобно: во-первыхъ, m-lle Бюшъ презираетъ тѣхъ людей, которые начинаютъ свои письма съ „я“, а во-вторыхъ, въ каждомъ словѣ такъ и чувствуется школьница. Лучше будетъ начать такъ: „Мой отецъ, золотопромышленникъ Ромодинъ, очень меня любилъ и, признаться, сильно баловалъ. Благодаря, можетъ-быть, этому, я и не кончила курса въ гимназіи. Притомъ мама всегда была противъ этихъ гимназій, въ которыхъ дочери кухарокъ и прачекъ учатся вмѣстѣ съ воспитанными дѣвочками. Мама кончила институтъ съ шифромъ и въ обществѣ прежде всего требовала извѣстнаго comme il faut“. Что̀ же, отлично... такъ и начнемъ, нужно только немного выгладить стиль.

Но первой главѣ не повезло: только-что Зиночка взялась за перо, какъ въ передней раздался громкій звонокъ. Такъ звонятъ только хорошіе знакомые или разносчики телеграммъ. Зиночка слышала, какъ хлопнула гдѣ-то дверь и черезъ залу прошла Ермиловна. Дарьи не было, и дверь приходилось отворять нянькѣ. Но кто бы это могъ быть? Вѣроятно, кто-нибудь по дѣлу къ папѣ, потому что сейчасъ еще только время завтрака. Прислушавшись, Зиночка убѣдилась, что въ залѣ прошли мужскіе шаги. Да, это навѣрно докторъ, хотя онъ и не стучитъ каблуками. Мучимая любопытствомъ, Зиночка осторожно вышла въ залу,—тамъ никого не было. Изъ дѣтской доносился ровный голосъ m-lle Бюшъ, которая читала вслухъ. Если бы была Дарья, то отъ нея сейчасъ же можно бы все разузнать. Зиночка прокралась въ гостиную и здѣсь замерла. Изъ угловой дверь вела въ комнату матери, и оттуда доносился сейчасъ веселый смѣхъ... Да, это смѣялась она, мама, и ей въ отвѣтъ слышался другой веселый смѣхъ. Это былъ Бржозовскій... Для своихъ дѣтей мама больна, а Бржозовскаго приняла. Болѣе чѣмъ странно...

— А я тутъ чуть не умерла,—слышался голосъ матери,—отъ скуки. Развѣ можно такъ мучить?..

Послышался сдержанный шопотъ, а потомъ Бржозовскій весело отвѣтилъ:

— Поздравляю. Помните, я вамъ говорилъ?... Все хорошо, что̀ хорошо кончается. Этого дурака давно слѣдовало по шеямъ прогнать.

Зиночка обомлѣла и, пошатываясь, побрела къ себѣ въ комнату. Бржозовскій постоянно бывалъ у нихъ въ домѣ, и знакомые называли его женихомъ. Формальнаго предложенія онъ не дѣлалъ, но Зиночка привыкла къ мысли, что онъ ея женихъ. Ей не нравилось въ немъ только одно: именно, что онъ всегда относился къ ней свысока, какъ къ ребенку, и даже позволялъ себѣ читать наставленія. Конечно, она ссорилась съ нимъ, но Бржозовскій всегда былъ правъ и какъ-то умѣлъ сдѣлать такъ, что она не могла разсердиться на него совсѣмъ серьезно. М-lle Бюшъ тоже не любила его и высоко поднимала свои тонкія брови, когда приходилось встрѣчаться съ нимъ за общимъ столомъ или въ театральной ложѣ. Зиночка объясняла эту ненависть тѣмъ, что Бржозовскій постоянно кого-нибудь дразнилъ—Милочку или мальчиковъ, а гувернантка этого не выносила.

Отъ подслушаннаго разговора у Зиночки закружилась голова, точно она очутилась на краю пропасти и какая-то непреодолимая сила заставляла ее наклоняться надъ зіявшей бездной. Но она больше не плакала, а только плотно сжала губы, какъ человѣкъ, знавшій, что̀ ему дѣлать.

IV.

Ромодинъ считался въ Косогорьѣ однимъ изъ богатыхъ золотопромышленниковъ, хотя это былъ пришлый человѣкъ, вообще не свой,—а это много значитъ въ провинціальномъ городѣ, гдѣ все переплетено родственными связями, старыми знакомствами и родовымъ хлѣбомъ-солью. Кромѣ того, Ромодинъ былъ дворянинъ, а въ Сибири дворянства нѣтъ. Онъ появился въ Косогорьѣ лѣтъ пятнадцать назадъ съ небольшимъ оборотнымъ капитальцемъ, который сумѣлъ быстро пустить въ оборотъ, какъ человѣкъ умный и предпріимчивый. Присмотрѣвшись къ золотопромышленному дѣлу, онъ пристроился и здѣсь,—еще въ то время, когда дворяне пользовались преимуществами по этой части. Счастье улыбнулось ему съ перваго же раза, и онъ быстро пошелъ въ гору. Но дворянская кровь сказалась въ стремленіи жить не по средствамъ—свой большой домъ, лошади, пріемы, выѣзды, большая игра. У Ромодиныхъ угощались званый и незваный, а сколько они проживали—оставалось неизвѣстнымъ даже самимъ хозяевамъ. Это помѣщичье радушіе могло только удивлять такихъ людей, какъ братья Черняковы—тугой народъ, прижимавшій подъ ноготь каждую копейку. Въ ихъ тѣсномъ золотопромышленномъ кружкѣ Ромодинъ пользовался кличкой „барина"; этотъ „баринъ" любилъ все настоящее: шампанское, такъ шампанское подлинное, а не ланинское, преферансъ, такъ преферансъ по пятачку фишка, букетъ актрисѣ, такъ букетъ, подписка какая-нибудь, такъ настоящая подписка. Но всего больше выдвигался Ромодинъ, когда устраивался какой-нибудь обѣдъ, чествованіе и вообще торжество,—онъ такъ все устроитъ, что только успѣвай вынимать деньги. За обѣдомъ онъ всегда говорилъ коротенькія застольныя рѣчи, а послѣ обѣда, въ холостой компаніи, являлся душой общества. Красное словцо у него всегда готово для всякаго. Однимъ словомъ, ловкій человѣкъ, не то, что̀ другіе шильники, которые все старались сдѣлать „на грошъ да пошире". Однимъ словомъ, какъ есть баринъ, и вся барская повадка...

Но настоящимъ бариномъ Ромодинъ являлся главнымъ образомъ у себя дома, гдѣ никому и ни въ чемъ не было отказа. Собственно, безпорядокъ царилъ здѣсь страшный, потому что каждый дѣлалъ по-своему, и господа являлись въ глазахъ прислуги доходной статьей. Три кучера—выѣздной, будничный и „бариновъ"—и цѣлый штабъ женской прислуги обворовывали направалую, но никто этого не замѣчалъ. Если какой-нибудь наушникъ доносилъ Ромодину объ этомъ, онъ улыбался и говорилъ одно и то же:

— Отъ домашняго вора не убережешься... Значитъ, я не умѣю заслужить уваженія у собственной прислуги, а у хлѣба не безъ крохъ.

О пріисковыхъ служащихъ, о разныхъ повѣренныхъ и довѣренныхъ— и говорить нечего: тѣ тащили уже по-настоящему. Но ромодинское богатство не убывало, и всѣ говорили, что „барину“ за его простоту Господь воздаетъ сторицей. Дѣйствительно, Ромодинъ былъ очень добрый и честный человѣкъ, пропитанный пріятными барскими недостатками. Особенно баловалъ онъ дѣтей и больше всѣхъ Зиночку, отражавшую въ себѣ отцовскіе достоинства и недостатки, какъ въ зеркалѣ. Отцу нравилось, что она не знаетъ цѣны ни деньгамъ ни вещамъ, и что вообще „въ ней есть размахъ“.

— Ты вѣдь у меня добрая душа,—любилъ онъ повторять, обнимая Зиночку.—Вся въ отца. Знаешь сказку о солнцѣ и вѣтрѣ? Солнце все можетъ сдѣлать...

Зиночка искренно любила отца, а онъ относился къ ней всегда, какъ къ большой, и даже совѣтовался съ ней. „Зиночка, взять мнѣ пріискъ Побѣдный вмѣстѣ съ Черняковымъ?“—„Бери, папочка...“—„Да вѣдь Черняковъ опять меня обманетъ?“—„А ты не позволяй себя обманывать“... Ромодину нравилось, что Зиночка была умна и даже съ нѣкоторой поэтической складкой. Гимназію она не кончила, но знала два новыхъ языка и много читала.

„Въ дѣвочкѣ есть кровь“,—думалъ Ромодинъ на своемъ помѣщичьемъ языкѣ, любуясь дочерью.

Сближающимъ пунктомъ между отцомъ и дочерью были интимныя семейныя отношенія. M-me Ромодина оставалась въ жизни такой же институткой, какой выходила замужъ. Избалованная красавица держала себя царицей и ничего не хотѣла знать, кромѣ своихъ прихотей и капризовъ. Она жила въ толпѣ, на виду у своихъ поклонниковъ, а дома только скучала,—постоянно и ужасно скучала. Дѣвичья любовь къ мужу смѣнилась требовательностью и придирками созрѣвшей женщины. Изъ пустяковъ она поднимала страшныя исторіи, дѣлала мужу сцены при дѣтяхъ и кончала истерикой. Она знала, что мужъ ее не любитъ, и поэтому на институтскомъ жаргонѣ отнесла себя къ числу несчастныхъ жертвъ. Собственныхъ дѣтей она любила только въ томъ возрастѣ, когда они составляютъ для матерей живыя игрушки, и потомъ какъ-то сразу отвертывалась и принимала съ ними тонъ классной дамы. Какъ во всѣхъ барскихъ домахъ, дѣти находились въ полномъ распоряженіи прислуги, и спасала ихъ отъ этого положенія одна m-lle Бюшъ. Зиночка съ ранняго дѣтства была посвящена во всѣ семейныя исторіи и всегда принимала сторону отца. Ромодинъ это чувствовалъ, ласково улыбался и, по окончаніи какой-нибудь горячей сцены, говорилъ Зиночкѣ:

— Ну, намъ сегодня таки - досталось... У мамы нервы расходились!

Зиночка знала даже и то, что папа „не могъ выносить ни одной смазливой рожицы“, какъ онъ самъ говорилъ про себя въ холостой компаніи. Женщины были его слабостью, грѣхомъ и наказаніемъ. Но свои любовные подвиги Ромодинъ умѣлъ вести съ такимъ искусствомъ, что не компрометировалъ семьи и ловко хоронилъ всякіе концы. Женщины любили его даже въ наступившемъ неблагодарномъ для мужчины возрастѣ, и Зиночкѣ нравилось выѣзжать на балы съ отцомъ, когда онъ являлся въ своей сферѣ,—предупредительный, ласковый, любезный и всегда остроумный. Издали она любовалась, какъ отецъ подходилъ къ дамамъ, особенно къ незнакомымъ, и знала напередъ, кто ему нравился—лицо у него дѣлалось почти строгое, глаза слегка прищуривались. А какъ онъ танцовалъ, когда былъ въ духѣ, особенно мазурку! Вообще отецъ держался молодцомъ.

— Папа, а ты за m-lle Бюшъ тоже ухаживалъ?—спросила однажды Зиночка съ обычной наивностью.—Вѣдь она была въ свое время хорошенькая.

Этотъ вопросъ точно ужалилъ Ромодина. Онъ какъ-то черезъ плечо быстро взглянулъ на дочь и серьезно проговорилъ:

— О m-lle Бюшъ такъ нельзя говорить... Это святая дѣвушка.

— Папочка, миленькій, признайся... Она къ тебѣ еще и сейчасъ немножко неравнодушна?

— Ты говоришь глупости, за которыя слѣдовало бы драть уши, если бы ты не была такая большая и глупая.

Это былъ единственный разъ, когда Ромодинъ разсердился на дочь, и Зиночка отлично его запомнила. Онъ дулся на нее цѣлую недѣлю и все время былъ особенно внимателенъ къ гувернанткѣ.

M-lle Бюшъ жила въ домѣ уже лѣтъ десять и являлась членомъ семьи. Безродная нѣмочка одна въ цѣломъ домѣ сохранила еще престижъ власти и пользовалась откровенной ненавистью прислуги. Самъ баринъ ея побаивался, а барыня призывала, какъ третейскаго судью. Всегда невозмутимая, ласково-строгая, чистенькая, скромная, она походила на ангела-хранителя изъ хорошей дѣтской сказки. Поблекшее прежде времени лицо всегда носило на себѣ печать какой-то внутренней покорной печали. Чистота—это былъ цѣлый культъ m-lle Бюшъ, и такая же внутренняя чистота придавала ей святой видъ. Одна Зиночка иногда „бунтовала съ гувернанткой", но такой бунтъ всегда заканчивался полнымъ пораженіемъ, и шалунья должна была со слезами вымаливать отпущеніе своихъ кисейныхъ прегрѣшеній. Избалованные мальчики знали только ее одну, какъ зналъ кучеръ Потапъ, старая Ермиловна и вообще вся домовая челядь. По настоянію m-lle Бюшъ, въ домѣ не держали лакеевъ,—гувернантка не могла выносить этихъ безполезныхъ тварей, развращавшихъ отъ бездѣлья женскую прислугу. Самымъ большимъ наказаніемъ было приглашеніе въ комнату m-lle Бюшъ, откуда горничная выходила съ красными отъ слезъ глазами. Послѣ приключенія съ Дарьей m-lle Бюшъ долго молчала и старалась избѣгать Елизаветы Петровны, которая была обижена такимъ невниманіемъ. Но дней черезъ пять гувернантка сама явилась въ комнату „madame" и съ обычной простотой заявила, что ей нужно поговорить серьезно.

— Я къ вашимъ услугамъ...—сухо отвѣтила Елизавета Петровна.

Всѣ эти дни madame почти не выходила изъ своей комнаты и поэтому не считала нужнымъ одѣваться. Вездѣ былъ страшный безпорядокъ, а сама madame являлась образцомъ всякаго безпорядка: волосы не убраны, кофточка разстегнута, юбки надѣты криво, чулки спустились. Это былъ полнѣйшій контрастъ той Елизаветы Петровны, какую привыкли видѣть ея поклонники въ театрѣ, клубѣ и на гуляньяхъ.

— Садитесь...—прибавила madame, предчувствуя непріятное объясненіе.

Но m-lle Бюшъ не сѣла, а только хрустнула своими тонкими пальцами.

— Я пришла заявить вамъ, Елизавета Петровна, что должна, къ сожалѣнію, оставить вашъ домъ,—твердо проговорила гувернантка.—Мнѣ это слишкомъ тяжело сдѣлать, но я не могу...

— Оставить домъ?—повторила madame, не вѣря собственнымъ ушамъ.—Да, понимаю: васъ возмутило поведеніе Игнатія Павловича... У него много было грязныхъ приключеній и раньше, но у себя въ домѣ... на глазахъ у дѣтей... Наконецъ связаться съ хамкой, какъ лакей... Да, я васъ понимаю! Этого нужно было ожидать.

— Мое правило, Елизавета Петровна, не вмѣшиваться въ чужія дѣла... Повѣрьте, что мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело... Дѣти почти выросли на моихъ глазахъ, и бросить ихъ въ критическихъ обстоятельствахъ...

— Вы имѣете еще что-нибудь сказать, m-lle?

— Да... Я напомню вамъ послѣдній визитъ m-r Бржозовскаго, какъ разъ на другой день послѣ несчастья; Зиночка слышала вашу болтовню съ нимъ... и смѣхъ. Если вы хотите, чтобы я осталась, то m-r Бржозовскій не долженъ переступать порогъ этого дома.

— Это называется не вмѣшиваться въ чужія дѣла?..

— Я говорю не за себя, а за дѣвочекъ... Онѣ больше понимаютъ, чѣмъ вы думаете...

Madame широко раскрыла глаза. На лицѣ у нея появились красныя пятна и глаза сверкнули. Собравъ всѣ свои силы, она по возможности спокойнымъ тономъ проговорила:

— Вы правы: намъ необходимо разстаться... Дѣвочки, дѣйствительно, въ такомъ возрастѣ, что могутъ догадаться о вашей роли... любовницы въ отставкѣ.

Ударъ былъ прямо въ лицо, но m-lle Бюшъ ожидала его.

— Я дѣйствительно любила Игнатія Павловича и, можетъ-быть, сейчасъ его люблю,—отвѣтила она съ достоинствомъ,—но ничьей любовницей я никогда не была...

— Перестаньте играть комедію... Такихъ женщинъ у него дюжины, но я смотрѣла на это сквозь пальцы... какъ на несчастье... А становиться на одну доску съ Дарьей—это ужъ выше моихъ силъ.

— Вы меня напрасно оскорбляете, Елизавета Петровна: я ухожу изъ вашего дома такой же чистой, какъ и вошла... Въ послѣдній разъ спрашиваю васъ о томъ условіи, которое я поставила: будетъ m-r Бржозовскій посѣщать домъ попрежнему?

Это ужъ было слишкомъ, и madame молча указала гувернанткѣ на дверь. M-lle Бюшъ посмотрѣла на нее широко раскрытыми глазами, повернулась и, какъ тѣнь, вышла изъ комнаты. Съ ней уходило изъ дома его благополучіе, тотъ духъ, который все связывалъ и живилъ.

V.

„M-lle Бюшъ уходитъ, m-lle Бюшъ больше не будетъ никому мѣшать, m-lle Бюшъ вообще перестаетъ существовать“,—эта мысль сначала обрадовала весь домъ, а потомъ испугала. Та самая прислуга, которая по пятамъ преслѣдовала ненавистную „губернантку“, теперь говорила о ней съ непритворными слезами. Въ самомъ дѣлѣ, если ужъ гувернантка уходитъ, то что же остается другимъ-то дѣлать? „Баринъ уѣхалъ, теперь вотъ губернантка—домъ и нарушился“... Прислуга, конечно, отлично знала, какая была „причина“ у барина; какими-то невѣдомыми путями она уже пронюхала и о подлинномъ содержаніи случившейся размолвки между барыней и гувернанткой. Въ послѣднемъ случаѣ во всемъ обвиняли барыню, за которой выходила большая „неустойка“ изъ-за Бржозовскаго. Старая Ермиловна даже сдѣлала попытку умиротворить гувернантку.

— А какъ же, напримѣръ, дѣти, сударыня?—говорила старуха, вытирая глаза платкомъ.—Вы уйдете, я уйду, а дѣти останутся...

— Я не могу, няня...

— Все вѣдь прахомъ пойдетъ... Прислуга, и та какъ жалѣетъ васъ, потому, ежели васъ не будетъ, такъ какой порядокъ въ дому...

— Это не мое дѣло. Зиночка большая, она меня замѣнитъ...

— Да какой же еще разумъ у нашей-то Зиночки?.. Добрая она, точно, а гдѣ же ей управиться...

— Ничего, другую гувернантку найдутъ, а я не могу.

— Большой отвѣтъ Богу дадите, сударыня... Невступная у насъ ни во что барыня-то, весь домъ рукавомъ растрясетъ.

Все это знала m-lle Бюшъ, но она знала и то, что оставаться въ домѣ ей нельзя, иначе приходится быть сообщницей Елизаветы Петровны. Долгъ—прежде всего. Наконецъ она—дѣвушка и совсѣмъ не желаетъ вмѣшиваться въ грязную исторію. Любовь къ дѣтямъ удерживала ее до сихъ поръ, но больше не было силъ, да и что̀ она могла сдѣлать? Днемъ раньше, днемъ позже, дѣти узнали бы горькую истину, и ея присутствіе никого не спасетъ. Милочка, которую m-lle Бюшъ особенно любила, отнеслась къ ея отъѣзду совершенно равнодушно, а мальчики не скрывали своей дѣтской радости: по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю не будутъ заниматься, а тамъ—новая гувернантка или учитель. Оставалась одна Зиночка, которая упорно молчала, что̀ немало удивляло m-lle Бюшъ. Объясненіе съ ней она дотянула до послѣдняго момента и только наканунѣ отъѣзда, поздно вечеромъ, пришла къ ней въ комнату.

— Вы, вѣроятно, уже знаете, что намъ приходится разстаться... — начала гувернантка, сдерживая волненіе.—О причинахъ моего отъѣзда я считаю неудобнымъ говорить...

— Я все знаю... — коротко и просто отвѣтила Зиночка и посмотрѣла гувернанткѣ прямо въ глаза.

— Все-таки намъ не приходится объ этомъ говорить... Я пришла сказать вамъ, что весь домъ остается сейчасъ на вашей отвѣтственности, а главнымъ образомъ—дѣти. Вы имъ должны замѣнить и мать, и гувернантку, и сестру—все... Если встрѣтится какое-нибудь затрудненіе, обращайтесь ко мнѣ: я всегда буду готова помочь вамъ словомъ и дѣломъ. Пока я переѣзжаю на квартиру, а тамъ не знаю, что̀ будетъ.

Онѣ разстались съ искренними слезами, хотя осталось что-то недоговоренное и скрытое. Эта выдержка Зиночки удивила m-lle Бюшъ.

Первая глава дневника Зиночки начиналась такъ: „M-lle Бюшъ сегодня уѣхала. Я ее не обвиняю ни въ чемъ, но знаю только одно, что на ея мѣстѣ такъ не сдѣлала бы. Странно, что на прощанье мнѣ хотѣлось горячо расцѣловать ее и вмѣстѣ поплакать, но что-то такое необъяснимое сдѣлало меня холодной... Это показываетъ, что у меня довольно скрытный характеръ. Да и какъ быть откровенной, когда „порядочная дѣвушка“ должна дѣлать видъ, что ничего не понимаетъ, не видитъ и не слышитъ. Кстати, какъ сегодня удивилась Милочка, когда я сдѣлала ей серьезное замѣчаніе... Нужно показать мальчикамъ, что я большая и буду держать ихъ строго. Бржозовскій попробовалъ-было пошутить относительно m-lle Бюшъ, намекая на ея привязанность къ отцу, но я его очень ловко осадила, такъ что онъ даже не нашелся сразу, что̀ отвѣтить, и только посмотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами. Одна мама ничего не хочетъ замѣчать... Я понимаю, почему m-lle Бюшъ съ перваго раза возненавидѣла этого Бржозовскаго: у него совершенно фальшивые глаза, и я его тоже ненавижу“.

Но Зиночка не могла даже въ дневникѣ написать того, что̀ ее сейчасъ мучило,—она боялась даже думать на эту тему. Развѣ она не могла ошибиться, наконецъ ей просто что-нибудь послышалось... Ясно было одно, что послѣдняя тѣнь семейнаго счастья разлетѣлась дымомъ, и отецъ съ матерью являлись

чужими у себя дома. Зиночкѣ казалось, что у нихъ здѣсь, въ этихъ комнатахъ, невидимый покойникъ или тотъ сказочный призракъ, одно появленіе котораго заставляетъ все цѣпенѣть. Спасеньемъ лично для нея явилось то бремя ежедневныхъ мелкихъ женскихъ заботъ, которыя, какъ пыль, скрываютъ постепенно самое страшное горе. О, она теперь съ радостью хваталась за каждое дѣло, только бы не было свободнаго времени. Къ вечеру она утомлялась до того, что едва могла добраться до своей постели, — теперь она переселилась въ комнату гувернантки и заняла ея мѣсто. Тяжелѣе всего на первое время было то, что приходилось притворяться передъ дѣтьми: именно казаться спокойной и довольной, чтобы они не замѣтили рѣзкой перемѣны во всемъ строѣ жизни: папа уѣхалъ по дѣламъ, у мамы нервы — это случалось и раньше.

— Надо бы намъ какую ни на есть мадаму въ домъ, — повторяла нѣсколько разъ старая Ермиловна, не довѣрявшая Зиночкѣ.—Все-таки порядокъ въ домѣ, а гдѣ же тебѣ одной управиться...

— Ничего, няня... Можетъ-быть, я какъ-нибудь и сама справлюсь.

— Гдѣ ужъ тебѣ, Зинушка! Да и дѣло-то твое совсѣмъ молодое... Не разорваться же, въ самомъ дѣлѣ.

Это недовѣріе старой няньки огорчало Зиночку больше всего, и она старалась изо всѣхъ силъ заставить уважать себя. Изо дня въ день дѣвушка начала забирать въ свои руки весь домъ, начиная отъ дѣтской и кончая кухней. Работы было по горло, и даже неопытная Зиночка видѣла, какой царитъ вездѣ безпорядокъ: кухарка воруетъ, два кучера совершенно лишніе; въ лавкахъ все забирается по книжкамъ въ кредитъ, всего выходитъ много и т. д. Больше всѣхъ удивлены были кучера, когда Зиночка пожелала осмотрѣть конюшни, гдѣ стояли лошади, лари съ овсомъ и даже сѣновалъ.

— Баринъ и тотъ никогда не вмѣшивался въ такія дѣла, а тутъ вдругъ барышню точно укололо. Положимъ, она по бабьему своему дѣлу ничего не понимаетъ, а все-таки обидно.

Оказалось однако, что барышня понимала и прежде всего отобрала себѣ ключи. Это ужъ совсѣмъ было обидно.

— Что мы, развѣ воры какіе... — ворчалъ старшій кучеръ.

Зиночка сдѣлала видъ, что ничего не слыхала, но ключи такъ и остались у нея.

— Ишь дошлая! — ругалась кухарка. — Откуда прыть взялась... Это ее мамзель всему научила.

— Высоко летаетъ, да гдѣ-то сядетъ... — вздыхала Ермиловна.

Оказалось, что Зиночка умѣла и хорошо садиться. Прислуга помирилась на томъ, что вотъ пріѣдетъ баринъ и все пойдетъ по-старому. Зиночка и сама частенько думала объ отцѣ, и ей хотѣлось услышать отъ него ласковое слово, но вѣдь это была несбыточная дѣтская мечта. Она понимала, что при настоящихъ обстоятельствахъ онъ не могъ вернуться, и приходилось ждать чего-нибудь необыкновеннаго. Одно безпокоило Зиночку попрежнему: Бржозовскій бывалъ у нихъ почти каждый день и начиналъ держать себя своимъ человѣкомъ. Елизавета Петровна оживлялась только въ его присутствіи. По вечерамъ она уѣзжала куда-то на извозчикѣ, и это больше всего мучило Зиночку. Прислуга перешептывалась и Богъ знаетъ, что могла подумать.

— Мама, отчего ты не хочешь ѣздить на своихъ лошадяхъ?—спросила ее однажды Зиночка.—Кучера отъ бездѣлья скоро сопьются.

— Не твое дѣло...—рѣзко оборвала ее Елизавета Петровна и заперлась въ своей комнатѣ, какъ дѣлала всегда въ минуты раздраженія.

Она одна ничего не хотѣла замѣчать и не обращала на Зиночку никакого вниманія, точно все такъ и должно быть. Вставала она не раньше двѣнадцати часовъ, въ постели пила кофе и показывалась только къ обѣду. Вечеромъ бывалъ одинъ Бржозовскій, а другіе знакомые точно всѣ забыли, что на свѣтѣ существуютъ Ромодины. Сначала Зиночка была рада этому, а потомъ ее стало безпокоить такое невниманіе. Положимъ, особенно близкихъ знакомыхъ у нихъ въ городѣ не было, но все-таки она была бы рада, если бъ время отъ времени бывали у нихъ въ домѣ солидныя дамы.

— Я замѣчаю въ васъ большую перемѣну, Зиночка...—заявилъ однажды Бржозовскій, желавшій подразнить кисейную барышню.

— Во-первыхъ, на какомъ основаніи вы позволяете себѣ называть меня полуименемъ?—вспыхнула Зиночка. — Кажется, я не давала вамъ повода къ подобнымъ фамильярностямъ...

— А во-вторыхъ?—съ нахальной улыбкой спрашивалъ Бржозовскій.

Сцена происходила опять у рояля. Зиночка только-что хотѣла разобрать новую тетрадку нотъ, какъ вошелъ Бржозовскій и помѣшалъ ей. Она встрѣтила его очень холодно и теперь смотрѣла на него такими глазами, какъ собака, которую въ первый разъ ударили палкой.

— Во-вторыхъ?—машинально повторила она, чувствуя, какъ у нея поблѣднѣло лицо и задрожали губы.

— Да, во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ, то, что вы меня компрометируете, m-r Бржозовскій.

— Кисейную барышню? Я компрометирую?

— Да, вы... Напомню вамъ только то, что ваши слишкомъ частые визиты могутъ дать поводъ къ лишнимъ разговорамъ, и страдающимъ лицомъ здѣсь являюсь я. Если вы сами не догадались пощадить мою репутацію, то я считаю себя въ правѣ напомнить вамъ обязанности порядочнаго человѣка.

— Выражаясь вѣжливо, вы гоните меня вонъ...

— Да...

Бржозовскій захохоталъ ей въ лицо, но это было уже напускное нахальство, и онъ благоразумно не передалъ своего разговора Елизаветѣ Петровнѣ, которая подняла бы сейчасъ же бурю. А Зиночка смотрѣла ему прямо въ лицо вызывающимъ взглядомъ и сама изумлялась собственной смѣлости.

„Ну, кисейная барышня, я вамъ это припомню...“ — думалъ Бржозовскій, кусая губы отъ злости.

VI.

Между Зиночкой и Бржозовскимъ завязалась глухая и безпощадная борьба. Силы были, конечно, неравныя, но у кисейной барышни оказался неистощимый запасъ чисто-женской энергіи. Такая война не нуждается въ словахъ и ведется съ молчаливой жестокостью. Мысль о дѣтяхъ удваивала силы Зиночки и дѣлала ее хитрой, какъ птицу-насѣдку. Дѣло шло не о ней. Когда являлся Бржозовскій, она уходила въ дѣтскую и всячески старалась не встрѣчаться съ нимъ, насколько это было возможно въ одномъ домѣ. Даже Милочка, и та чувствовала инстинктивную непріязнь къ „анжинеру“, который, между прочимъ, теперь заискивалъ у дѣтей, чтобы сдѣлать непріятность Зиночкѣ.

— Ты какъ-то странно держишь себя съ Бржозовскимъ, — замѣтила однажды мать Зиночкѣ. — А между тѣмъ это нашъ единственный преданный другъ... Притомъ онъ, кажется, имѣетъ виды, то-есть я говорю о томъ, что̀ мнѣ казалось раньше...

— Мама, оставимте этотъ разговоръ разъ навсегда,—отвѣтила Зиночка со спокойствіемъ человѣка, много думавшаго на эту тему.

— Ты ничего не понимаешь, дурочка... У меня серьезное дѣло съ Бржозовскимъ,—отъ него зависитъ наше матеріальное положеніе.

Зиночка отмолчалась, какъ вообще дѣлала, чтобы избѣжать сценъ. На этотъ разъ Елизавета Петровна говорила правду: она дѣйствительно выдала полную довѣренность Бржозовскому, который и дѣйствовалъ отъ ея имени. Дѣло въ томъ, что пріиски были пріобрѣтены Ромодинымъ на имя жены, какъ это часто дѣлается, и, кромѣ того, онъ выслалъ ей еще довѣренность на всякія юридическія дѣйствія, чтобы не останавливать сложнаго золотопромышленнаго дѣла. Бржозовскій принялся энергично приводить все въ порядокъ и каждый день являлся съ отчетами, смѣтами и разными дѣловыми соображеніями. Они обыкновенно запирались въ комнатѣ Елизаветы Петровны, и старая Ермиловна, не дожидаясь приказа, подавала туда бутылку краснаго вина. Послѣ такихъ занятій Елизавета Петровна выходила изъ комнаты съ усталымъ лицомъ и лихорадочно блестѣвшими глазами. За обѣдомъ она выпивала лишній стаканъ вина и замѣтно хмелѣла. Чтобы не выдать своего состоянія „въ подпитіи", она накидывалась на дѣтей съ замѣчаніями и придирками.

— Что это съ мамой дѣлается? — спрашивала Милочка съ дѣтской наивностью.—Вчера она идетъ по комнатѣ и вдругъ какъ пошатнется...

— Ты говоришь глупости...—спокойно замѣтила Зиночка.—У мамы нервы.

Это послѣднее слово служило объясненіемъ рѣшительно всего, что дѣлала Елизавета Петровна,—дѣти уже привыкли къ нему. По городу между тѣмъ уже шла громкая молва относительно Ромодиныхъ. Исторія съ Дарьей, съ необходимыми прикрасами и дополненіями, циркулировала изъ дома въ домъ, какъ предметъ для разговоровъ. Особенно возмущены были дамы, которыя съ благочестивою ревностью разбирали чужія дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, хороша семейка: милый папаша срываетъ цвѣты удовольствія и съ гувернанткой и съ горничной, а милая мамаша заводитъ амуры съ женихомъ дочери... Бржозовскій самъ подавалъ поводъ къ подобнымъ разговорамъ, потому что велъ жестокую игру въ клубѣ, а вечера короталъ у арфистокъ въ „Аркадіи", въ обществѣ мистера Рея и Сенички Татаурова. Держалъ онъ себя набобомъ и сыпалъ чужими деньгами направо и налѣво. Всѣмъ было понятно, откуда могли явиться деньги у такого проходимца. Елизавета Петровна дорого расплачивалась за свои бальзаковскіе грѣхи. По пути доставалось и Зиночкѣ, которая разыгрывала изъ себя наивное созданіе. Ромодины теперь платили тяжелую дань за ту популярность, какою пользовались до этого времени: публика неумолима ко всякой пошатнувшейся репутаціи, особенно когда падаетъ видный человѣкъ. Нужно же на комъ-нибудь выместить собственное ничтожество...

М-lle Бюшъ поступила къ Черняковымъ, которые уже давно переманивали ее къ себѣ отъ Ромодиныхъ. Она одна знала истинное положеніе дѣлъ, но по обыкновенію молчала и дѣлала видъ, что ничего не слышитъ и не видитъ. Какъ мучилась она за свою пострадавшую репутацію, никто и не догадывался по ея неприступному внѣшнему виду. А между тѣмъ дѣло усложнялось и росло, какъ сорвавшійся съ горы снѣжный комъ. Никто не зналъ, что черезъ каждые три дня m-lle Бюшъ получала самыя отчаянныя письма отъ Ромодина, которыя проживался въ Москвѣ безъ всякаго дѣла. Онъ каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, приходилъ въ отчаяніе и молилъ ее не оставлять семьи. Что было ему отвѣчать? М-lle Бюшъ сначала не отвѣчала, а потомъ

собрала всю свою энергію и написала откровенное объясненіе, почему должна была оставить родной для нея домъ. Объяснивъ отношенія Елизаветы Петровны къ Бржозовскому, она не обвиняла ее, а все сваливала на голову самого Ромодина—онъ самъ во всемъ виноватъ, и прощенія нѣтъ. Если онъ не любилъ жены, то долженъ былъ пощадить ея репутацію, наконецъ—поберечь дѣтей. Онъ, и онъ одинъ, толкнулъ потерявшуюся женщину въ объятія этого проходимца и теперь только пожинаетъ плоды собственныхъ подвиговъ. „Я ужъ не говорю о томъ положеніи, въ какое вы поставили лично меня,—писала m-lle Бюшъ:—на меня смотрятъ, какъ на предшественницу Дарьи... Кстати, что̀ вы думаете относительно послѣдней: несчастная дѣвушка скоро будетъ матерью, и вы должны понимать обязанности порядочнаго человѣка, поставившаго ее въ такое безвыходное и скандальное положеніе“.

Когда Ромодинъ получилъ это письмо, то первою его мыслью было застрѣлиться — семья разбита, онъ разоренъ, а тутъ еще Дарья готовитъ сюрпризъ. Но, перечитывая письмо m-lle Бюшъ и соглашаясь съ собственной виновностью, Ромодинъ чувствовалъ спрятавшуюся между строкъ святую любовь къ собственной погибшей особѣ,—вѣдь m-lle Бюшъ все еще любила его, и эти строки выводила женски-любящая душа. Это его спасло... Есть такіе удивительные люди, которые приходятъ въ нормальное состояніе только подъ гнетомъ несчастья, если ихъ вдобавокъ поддерживаетъ слабая женская рука. Ромодинъ именно былъ такой человѣкъ, и въ своемъ добровольномъ изгнаніи онъ со слезами цѣловалъ письмо m-lle Бюшъ. О, онъ теперь зналъ, что̀ ему дѣлать... Нѣтъ такого положенія, изъ котораго невозможно было бы выйти. Въ немъ проснулся тотъ хорошій и добрый человѣкъ, который былъ столько лѣтъ похороненъ подъ нараставшей корой животныхъ чувствъ. Счастье не въ деньгахъ, не въ извѣстномъ внѣшнемъ положеніи, а внутри себя, въ тѣхъ невѣдомыхъ глубинахъ, откуда бьетъ струей добро и зло. Прежде всего, нужно быть честнымъ человѣкомъ, и это самое лучшее наслѣдство, какое только можетъ достаться дѣтямъ. Что-то теперь дѣлаетъ Зиночка?.. Отчего m-lle Бюшъ ничего не пишетъ о ней?..

Отвѣтъ на свое письмо m-lle Бюшъ получила черезъ три недѣли—почта такъ долго ходитъ въ Москву!.. „Вы тысячу разъ правы, моя святая женщина, мой ангелъ-хранитель, моя совѣсть, — писалъ Ромодинъ. — Ваше письмо спасло и воскресило меня. А вѣдь я еще оправдывалъ себя въ собственныхъ глазахъ, хитрилъ, обманывалъ: „что̀ жъ такое, если мужчина увлечется какой-нибудь смазливой рожицей, наконецъ надъ всѣми нами тяготѣетъ зоологическая правда, и природа вѣчно лѣзетъ въ окно“, и т. д. Мнѣ сейчасъ стыдно и больно; я пла̀чу, но каждая грѣшная душа должна покупать собственное спасеніе муками рожденія... Боже мой, что̀ съ Зиночкой?.. А Лиза... какъ я ее сейчасъ люблю!.. Да, я виноватъ и даже не прошу прощенія... Тѣло еще сильно, и нужно подумать, куда затратить остатокъ этой разбитой жизни. Я пишу вамъ, какъ съ того свѣта — старый Ромодинъ умеръ... Сегодня я даже былъ въ церкви и, знаете, за кого молился? За васъ, мой ангелъ-хранитель... А Зиночка нейдетъ у меня изъ ума: бѣдная кисейная барышня! Испытали ли вы это чувство, когда душа невидимкой витаетъ надъ своимъ гнѣздомъ и оплакиваетъ даже неодушевленныя вещи, къ которымъ привязаны наши воспоминанія? То, чего раньше не замѣчалъ, теперь вдвойнѣ дорого, а счастье, какъ здоровье, цѣнится только тогда, когда мы его потеряли... Еще слово о Зиночкѣ: дочь моя, моя дорогая дочь, — которой я не смѣю даже писать,—чувствуетъ ли она, что я невидимо стою надъ каждымъ ея шагомъ? Вѣдь она добрая, и это доброе въ ней — мое. Могу ли я, дрян-

ной и чувственный человѣкъ, обвинять васъ за переходъ къ Черняковымъ: значитъ, такъ было нужно...“

M-lle Бюшъ всю ночь проплакала надъ этимъ письмомъ: вѣдь у нея даже не было того гнѣзда, о которомъ писалъ Ромодинъ. Этотъ погибшій человѣкъ не замѣтилъ, что рѣжетъ ее ножемъ: нѣтъ у нея гнѣзда, какое бываетъ у самой ничтожной птицы, — нѣтъ и нѣтъ. Она гувернантка-кукушка, для которой жизнь проходитъ бокомъ, съ чужими радостями и чужими слезами. Да, она любила Ромодина, созданнаго ея собственнымъ воображеніемъ... А настоящій Ромодинъ, въ припискѣ къ письму, говорилъ: „не пишу ничего о Дарьѣ, потому что увѣренъ, что святая дѣвушка пригрѣетъ ее и не оставитъ“. Онъ угадалъ, и m-lle Бюшъ даже покраснѣла отъ скрытаго въ этой фразѣ чувства: онъ увѣренъ—чего же больше? И потомъ, какъ хорошо сказано: „пригрѣетъ“, — да, она уже пригрѣла эту жертву помѣщичьяго темперамента.

Зиночка занималась съ братьями въ дѣтской, когда пріѣхала m-lle Бюшъ. Дѣвушка не ожидала этого визита и бросилась гувернанткѣ на шею.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить,—отвѣтила m-lle Бюшъ съ особенной серьезностью.—Пойдемте къ вамъ въ комнату.

— Не въ мою, а въ вашу: я заняла ваше мѣсто.

M-lle Бюшъ не сняла даже мѣховой шапочки и все время держала свои маленькія холодныя ручки въ муфтѣ. Зиночка почувствовала готовившійся ударъ, но спокойно задала дѣтямъ работу и пошла за гувернанткой.

— Вы не пугайтесь, моя хорошая... — начала m-lle Бюшъ, оглядывая свою комнату, въ которой провела десять лѣтъ:—Бржозовскій бѣжалъ...

— Только-то?

— Нѣтъ, есть и еще непріятная новость: онъ воспользовался довѣренностью вашей мамы и стащилъ всѣ деньги, какія были... Кромѣ того, я слышала о какихъ-то векселяхъ, которые выдавала мама. Однимъ словомъ, выходитъ самое некрасивое дѣло, но вы не падайте духомъ...

— А что̀ же папа?..

Этотъ вопросъ смутилъ m-lle Бюшъ, и она пробормотала что-то такое несвязное, чего Зиночка не разобрала. Папа, конечно, пріѣдетъ, но пока его задерживаютъ дѣла; вообще, необходимо приготовиться ко всему. Но Зиночка уже не слушала ее, счастливая одною мыслью, что Бржозовскій больше не будетъ пріѣзжать къ нимъ. Ее непріятно поразило только слишкомъ большое участіе m-lle Бюшъ,—то участіе, съ какимъ являются на похороны.

VII.

Въ дневникѣ Зиночки, черезъ мѣсяцъ, было написано слѣдующее: „Мы разорены окончательно... Вчера пріѣзжалъ судебный приставъ, долго о чемъ-то говорилъ съ мамой, а потомъ опечаталъ всѣ наши вещи. Мама очень разстроена. Что̀ касается лично меня, то я... — мнѣ, право, тяжело выговорить это слово—я почти рада этому. Да, я рада нашей бѣдности, которая окончательно поставитъ кисейную барышню на собственныя ноги: буду сама зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. M-lle Бюшъ говоритъ, что продадутъ рѣшительно все, начиная съ дома, и даже рояль. Да, и рояль продадутъ, — единственную вещь, которую мнѣ жаль. Я каждый день теперь подхожу къ нему и долго смотрю, точно этотъ рояль что-то живое, даже больше—родное... Черезъ нѣсколько дней мой инструментъ будетъ принадлежать другому, и я напрасно стараюсь представить себѣ этого „другого“, который ходитъ по аукціонамъ и за полцѣны скупаетъ чужія вещи. Ужасный человѣкъ, о кото

ромъ я не могу думать безъ ненависти... Чуть не забыла: еще жаль мнѣ разстаться съ „Рогнѣдой“. Это самая умная лошадь у насъ, отлично ходитъ подъ дамскимъ сѣдломъ и понимаетъ каждое мое слово, — можетъ-быть, это немножко и сильно сказано, но всѣ любители животныхъ думаютъ въ этомъ родѣ, потому что хочется въ любимомъ животномъ найти такое пониманіе и хотя слабый отвѣтъ на собственное чувство. Бѣдныя дѣвушки не играютъ на рояляхъ и не ѣздятъ на дорогихъ рысакахъ... Кисейная барышня, мужайся!.. Кстати, прислуга, заслышавъ о нашемъ разореніи, начинаетъ грубить всѣмъ, и меня удивляетъ черная неблагодарность этихъ младшихъ братьевъ. Я дѣлаю видъ, что ничего не замѣчаю: нужно учиться выдерживать характеръ, какъ m-lle Бюшъ. Больше писать рѣшительно некогда: съ одними ребятами хлопотъ по горло“.

Обстоятельства полной ликвидаціи послѣдовали очень быстро.

Прежде всего проданы были пріиски, а потомъ домъ. Оставалась распродажа движимаго имущества—мебель, платье, цвѣты, лошади, экипажи. На парадныхъ дверяхъ подъѣзда уже цѣлую недѣлю висѣло печатное объявленіе судебнаго пристава о днѣ продажи съ торговъ. Когда Зиночкѣ посовѣтовали припрятать кое-какія золотыя бездѣлушки, она отказалась наотрѣзъ: это дарилъ папа, и оно должно итти въ счетъ его долга.

— Да гдѣ же наконецъ папа? — приставала каждый день Милочка ко всѣмъ.—Вѣдь это невозможно: безъ него у насъ все продадутъ.

— Папа пріѣдетъ, и мы купимъ тогда все новое... — утѣшала ее Зиночка, глотая слезы.

Мальчики рѣшительно ничего не понимали и даже были рады происходившей въ домѣ суматохѣ. Это непониманіе спасало ихъ отъ преждевременнаго холода жизни. Наконецъ наступилъ и роковой день „сукціона“, какъ говорила нянька Ермиловна. Елизавета Петровна съ утра заперлась въ своей комнатѣ, теперь совершенно пустой, и не желала показываться. У подъѣзда толкались какія-то темныя личности въ полушубкахъ и чуйкахъ. Благообразный сѣдой старичокъ-приставъ пріѣхалъ ровно въ одиннадцать часовъ и поздоровался съ Зиночкой, какъ старый хорошій знакомый.

— Что̀ дѣлать, барышня: всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, — ласково проговорилъ онъ, надѣвая свою бронзовую цѣпь.—Тяжелое наше ремесло...

Комнаты ромодинскаго дома сразу наполнились спеціально-аукціонной публикой, которая ходила по всѣмъ комнатамъ, ощупывала мебель, прицѣнивалась къ разнымъ незнакомымъ вещамъ и горячо совѣтовалась по угламъ. Были тутъ и купцы, и чиновники, и городскія торговки—жажда легкой наживы соединила всѣхъ въ одно живое и алчное цѣлое. Зиночка оторопѣла, когда въ этой толпѣ увидѣла Сеничку Татаурова и одного изъ братьевъ Черняковыхъ—неужели и они будутъ что-нибудь покупать? Въ слѣдующій моментъ дѣвушкѣ сдѣлалось совѣстно, совѣстно не за себя, а за нихъ... Она хотѣла выйти изъ комнаты и не могла: ее что-то приковывало остаться здѣсь до конца. Ни Татауровъ ни Черняковъ даже не поздоровались съ ней...

— Начните съ дорогихъ вещей,—совѣтовалъ Черняковъ приставу. — А то что̀ мы будемъ здѣсь толкаться напрасно...

Но приставъ не согласился, ссылаясь на опись имущества. Черняковъ и Татауровъ даже не сняли шубъ и ходили по комнатамъ, точно гдѣ-нибудь въ лавкѣ. Зиночка поняла, куда пойдутъ рояль и „Рогнѣда“, но теперь ей было все равно. Только скорѣе бы все кончилось и скорѣе бы выбраться изъ этого дома.

— Лампа висячая, для столовой,—началъ приставъ какимъ-то деревяннымъ тономъ, какъ читаютъ дьячки.—Оцѣнена въ три рубля: кто больше?

— Накидываю гривенникъ...—донеслось отъ дверей, гдѣ жалась кучка какихъ-то „сшибаевъ“.

— Три рубля десять копеекъ... Кто больше? Разъ... Три рубля десять копеекъ... Кто больше? Два... Три рубля десять копеекъ... Кто больше? Три.

Эту церемонію продажи Зиночка видѣла въ первый разъ, и каждый ударъ аукціоннаго молотка отдавался въ ея сердцѣ, точно заколачивали невидимый гробъ невидимаго мертвеца. Двери въ передней постоянно отворялись, впуская клубы бѣлаго пара,—въ комнатахъ набралось такъ много народу, что сдѣлалось жарко. Приходившіе и уходившіе не снимали калошъ, и весь паркетъ покрылся грязными слѣдами отъ ногъ. Даже окна отпотѣли, и въ нихъ такъ печально смотрѣлъ сѣрый зимній день. Аукціонная публика принесла съ собой запахъ лука, пота и грязнаго бѣлья. Какая-то торговка громко икала... Зиночка смотрѣла на шумѣвшую публику и старалась припомнить, гдѣ она видала старичка-пристава — у нихъ онъ не бывалъ и въ театрѣ тоже, а лицо положительно знакомое. Ахъ, да, въ церкви, въ соборѣ... Онъ всегда стоялъ у праваго клироса и, склонивъ голову немного набокъ, подтягивалъ соборнымъ пѣвчимъ. Зиночка принимала его почему-то за полицейскаго чиновника.

Нерѣшительно шушукавшая публика дѣлалась съ каждой минутой все смѣлѣе. Одни развалились въ креслахъ, другіе курили дешевыя папиросы, третьи въ десятый разъ перерывали шубы—да, это были ужасные люди, явившіеся сюда растащить все до послѣдней нитки. Проданныя вещи немедленно уносились, и оцѣнка купленнаго происходила уже на улицѣ. Были покупки, которыя сейчасъ же переходили во вторыя руки. Жадность настолько разрасталась, что азартные покупатели набивали цѣну на вещи совсѣмъ имъ не нужныя. Особенно выдавался сгорбленный старичокъ съ рябымъ лицомъ, который покупалъ все: умывальникъ, олеографіи, посуду, сбрую, дѣтскую кроватку, старыя калоши. Это оказался маньякъ покупокъ „по случаю“. У него вышло нѣсколько ссоръ съ торговками, вырывавшими другъ у друга изъ рукъ разное платье. Настоящіе вороны, слетѣвшіеся на падаль.

Съ каждой проданной вещью изъ дому уходило какое-нибудь дѣтское воспоминаніе, семейная сцена, просто затѣйливая часть той обстановки, среди которой жилось такъ хорошо. Это были молчаливые друзья, которые уходятъ послѣдними. Вотъ это было любимое кресло папы, это подарокъ, это рабочій столикъ m-lle Бюшъ... Когда дѣти обрываютъ растеніе листочекъ за листочкомъ, оно, вѣроятно, чувствуетъ то же, что сейчасъ переживала Зиночка.

— Рояль... кто больше? — выкрикивалъ своимъ деревяннымъ голосомъ приставъ.

Зиночка вздрогнула. Неужели и рояль продадутъ? Покупателемъ явился Татауровъ, а Черняковъ для шутки набивалъ цѣну пятачками — онъ хотѣлъ отплатить приставу за его нелюбезность. Зиночка не вытерпѣла и убѣжала въ свою комнату, гдѣ и бросилась головой въ подушку, чтобы заглушить рыданія. Какіе они всѣ злые, гадкіе, жадные и безсовѣстные!

Рояль остался за Татауровымъ, а „Рогнѣду“ купилъ Черняковъ.

Послѣ аукціона домъ Ромодиныхъ сразу опустѣлъ и комнаты сдѣлались точно больше. Но бѣднымъ людямъ даже горевать некогда: нужно было отыскивать квартиру, укладывать оставшійся скарбъ и вообще хлопотать. Ангеломъ-утѣшителемъ явилась опять m-lle Бюшъ, которая вмѣстѣ съ Зиночкой ѣздила по всему городу отыскивать дешевенькую квартиру, комнаты въ три,— Елизавета Петровна ничего не хотѣла знать. Квартиры оказались дрянныя и дорогія, но нужно было выбирать хоть что-нибудь. M-lle Бюшъ знала все

на свѣтѣ и остановилась на маленькомъ домикѣ въ три окна. Хозяинъ—отставной чиновникъ, дворикъ чистенькій, при домѣ небольшой садикъ.

— Деньги за мѣсяцъ впередъ,—предупредилъ чиновникъ.

— Неужели онъ боится, что мы ему не заплатимъ какихъ-нибудь десять рублей? — удивлялась Зиночка. — Онъ, должно-быть, очень жадный человѣкъ.

— Нѣтъ, гораздо проще: бѣдный...

Переѣздъ на новоселье занялъ всего одинъ день: вещей оставалось такъ мало. М-lle Бюшъ опять явилась на помощь и не вышла изъ квартиры, пока не поставленъ былъ на свое мѣсто послѣдній стулъ. Когда она собралась уходить, Милочка бросилась къ ней на шею и со слезами начала упрашивать остаться. Эта сцена произвела на всѣхъ самое тяжелое впечатлѣніе, а Милочка плакала до истерики. Маленькая квартира просто давила Зиночку,—она еще не знала, что маленькія квартиры требуютъ мало дровъ, а дрова стоятъ денегъ. Отъ промозглыхъ стѣнъ чѣмъ-то пахло, изъ передней несло холодомъ, а кухня помѣщалась въ подвалѣ. Изъ всей прислуги теперь осталась одна черная кухарка, сварливая и грубая баба, напивавшаяся по праздникамъ.

— Ничего, привыкнете помаленьку...—утѣшалъ чиновникъ, явившійся на другой день утромъ поздравить съ новосельемъ.—Лѣтомъ вотъ садикъ у меня, цвѣточки можно будетъ посадить.

Размѣститься въ трехъ комнатахъ было довольно мудрено, тѣмъ болѣе, что Елизавета Петровна заняла одна самую большую. Въ другой помѣстились мальчики, а въ третьей—Зиночка съ Милочкой. Ни гостиной, ни столовой, ни кабинета—это ужъ совсѣмъ скверно, и Милочка опять капризничала, потому что въ ихъ комнатѣ обѣдали. Зиночкѣ пришлось самой отправиться въ первый разъ на рынокъ, чтобы закупить провизіи, а потомъ на нее же легло и все остальное хозяйство. У бѣдныхъ людей день коротокъ.

VIII.

— Что же, разорваться мнѣ, что ли?—повторяла кухарка на тысячу ладовъ каждый день.—И туда и сюда,—вездѣ Матрена покатись горошкомъ.

Собственно, Матрена съ грѣхомъ пополамъ управлялась на своей кухнѣ, но была глубоко убѣждена, что ворочаетъ цѣлымъ домомъ: кто же, кромѣ нея, ежели другой прислуги нѣтъ,—все она, Матрена! Сначала такое бахвальство возмущало Зиночку, но потомъ она привыкла къ нему, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда къ Матренѣ завертывала на минутку какая-нибудь такая же „черная куфарка“ и онѣ вдвоемъ начинали разбирать своихъ господъ по косточкамъ. Конечно, отказать Матренѣ можно было каждую минуту, но вѣдь всѣ Матрены на свѣтѣ одинаковы, какъ увѣряла m-lle Бюшъ, и всѣ держатъ себя такимъ образомъ, что хоть сейчасъ отказывай. Къ числу достоинствъ настоящаго экземпляра принадлежало то, что она умѣла какимъ-то образомъ ладить съ Елизаветой Петровной. Секретъ заключался въ томъ, что Матрена проносила барынѣ подъ своимъ фартукомъ бутылки съ мадерой. Когда у барыни вышли деньги, Матрена съ ловкостью обезьяны начала сбывать разныя барскія вещи—кольца, брошки, серьги. Елизавета Петровна совсѣмъ упала духомъ и все сильнѣе поддавалась охватившей ее апатіи. Будь, что будетъ: и мужъ обманулъ и любовникъ обманулъ—чего же ждать отъ жизни? Она принадлежала къ тому разряду женщинъ-нулей, которыя никакого самостоятельнаго значенія не имѣютъ, а получаютъ нѣкоторый смыслъ только въ качествѣ „жены своего мужа“. Да и несчастій для такого короткаго срока выпало слишкомъ ужъ много.

Зиночка узнала, что каждое время года богатымъ людямъ приноситъ свои удовольствія и радости, а бѣднякамъ—сезонныя невзгоды и новыя огорченія. Особенно тяжело становилось подъ годовые праздники, когда всѣ магазины и лавки принимали такой оживленно-радостный видъ и публика сновала по городу изъ конца въ конецъ съ праздничными покупками. Но были семьи, для которыхъ и праздникъ являлся только лишнимъ несчастьемъ, какъ яркое напоминаніе о счастливыхъ семьяхъ. Тѣмъ не менѣе Зиночка не унывала. Пока еще у нихъ оставались кой-какія крохи, а по вечерамъ Зиночка работала—да, работала! Конечно, она могла бы поступить куда-нибудь гувернанткой или бонной, но это значило бросить семью на произволъ судьбы. Оставалось тянуть свою лямку на пространствѣ этихъ низенькихъ трехъ комнатъ, въ какихъ творятся иногда поистинѣ геройскіе подвиги. Утро уходило за хлопотами по хозяйству и въ занятіяхъ съ дѣтьми; въ двѣнадцать часовъ просыпалась мама,—нужно ей приготовить и подать кофе съ любимыми сухарями изъ кондитерской, потомъ опять занятія и обѣдъ. Послѣ обѣда Зиночка садилась за швейную машинку и работала, пока дѣти гуляли,—нужно было и починить, и сшить новое, и выкроить что-нибудь изъ стараго. Это была отчаянная борьба съ нараставшими прорѣхами, дырами и заплатами. Вечеръ уходилъ опять на занятія, и свободное время у Зиночки оставалось только послѣ ужина, когда всѣ укладывались спать. Да, это было уже ея время, когда она могла работать на себя... Весь домъ спитъ, на столѣ горитъ лампочка съ зеленымъ абажуромъ, а Зиночка сидитъ и опять шьетъ—она хорошо знала разныя дамскія работы, особенно вышивки. На первый разъ она готовила нѣсколько бальныхъ носовыхъ платковъ, вышитыхъ по тончайшему батисту. Зиночка хорошо знала, чего стоятъ такія бездѣлушки, и разсчитывала заработать на нихъ на первый разъ хоть что-нибудь,—это будутъ ея первыя трудовыя деньги. Конечно, въ магазинѣ ей дадутъ половину цѣны, но гдѣ же взять больше? Главное, была работа, убивавшая послѣдніе свободные часы, да за такой работой и думать можно было... Ахъ, сколько было передумано за первыми двумя платками! И о прошломъ, и о настоящемъ, и о будущемъ—о всемъ нужно подумать. Неужели они такъ и погибнутъ въ этихъ трехъ конуркахъ? Какъ учить дѣтей, когда Зиночкины знанія истощатся, а учиться самой ей некогда... Господи, какая она была глупая, когда такъ легкомысленно бросила гимназію: теперь бы могла давать уроки и поддерживать семью. Виноватъ во всемъ отецъ, который ее баловалъ. Зато теперь Зиночка чувствовала, что съ каждымъ днемъ дѣлается лучше. Конечно, руки у нея загрубѣли отъ работы, лицо поблѣднѣло, но тамъ, внутри, образовался свой міръ, и Зиночка чувствовала себя сильной. Да, она не плакала, не убивалась, не жаловалась, а отвоевывала день за днемъ съ женскимъ геройствомъ. Во всякомъ случаѣ, она лучше той знакомой толпы, которая ежедневно сновала у нихъ, а теперь и носу не показывала, точно они всѣ умерли. Впрочемъ, люди—всегда люди, какъ она еще читала много разъ раньше.

Когда пришлось отнести первую работу въ модный магазинъ, на Зиночку напало малодушіе: днемъ итти совѣстно—ее всѣ знали, а вечеромъ она боялась. Конечно, можно было взять извозчика, но вѣдь ему нужно заплатить, по крайней мѣрѣ, двадцать копеекъ, а это большія деньги, особенно когда въ домѣ нѣтъ ни гроша. Три дня Зиночка откладывала свой рѣшительный шагъ и только на четвертый отправилась въ сумерки, когда зажигали уличные фонари. До магазина было съ версту—пройти Обь-Енисейскій банкъ, потомъ повернуть за „Аркадію“, а тамъ сейчасъ „Robes et modes“ m-me Жанетъ. Надъ окнами моднаго магазина красовалась большая синяя вывѣска

съ дамскими шляпами на одномъ концѣ, а на другомъ съ невозможной красной дамой въ палевыхъ перчаткахъ. Это было какъ разъ передъ масленицей, и городъ замѣтно оживлялся по вечерамъ—сани такъ и летѣли, а пѣшеходы торопливо сновали по тротуарамъ. Городъ былъ бойкій, особенно въ центрѣ. Зиночка въ своей бархатной шубкѣ, накинувъ шаль на голову, старалась итти какъ можно скорѣе и, завидѣвъ впереди мужчину, переходила на другую сторону улицы. Все шло благополучно до большого дома братьевъ Черняковыхъ. Именно здѣсь Зиночка встрѣтилась носомъ къ носу съ молодымъ человѣкомъ, который вдругъ остановился, помахалъ тросточкой и попробовалъ загородить ей дорогу.

— Мадмуазель, позвольте проводить...

У Зиночки завертѣлись круги въ глазахъ, и она бросилась бѣжать. Кто-то вслѣдъ крикнулъ: „Держи ее!“. Отдохнула она только черезъ два квартала, гдѣ было уже совсѣмъ свѣтло отъ линіи магазиновъ, сбившихся въ одну кучу. Тутъ ей стали попадаться тѣ ночныя подозрительныя тѣни, которыя сами заговаривали съ мужчинами и дерзко оглядывали ее съ ногъ до головы. Но вотъ и „Аркадія“, всегда такъ ярко освѣщенная. У подъѣзда дремало нѣсколько извозчиковъ. Здѣсь всегда было свѣтло и людно. Магазинъ m-me Жанетъ тоже свѣтился, какъ большой фонарь. Взбѣжавъ по деревянному крылечку, Зиночка остановилась, чтобы перевести духъ. Въ магазинѣ всегда такъ ужасно трещали десятки швейныхъ машинъ,—точно это было гнѣздо желѣзныхъ кузнечиковъ. Зиночка прежде бывала здѣсь съ m-lle Бюшъ и теперь боялась, что m-me Жанетъ узнаетъ ее. Перекрестившись, она отворила дверь. На ея счастье, никого изъ покупательницъ не было, и m-me Жанетъ, пожилая, обрюзглая женщина съ сердитымъ лицомъ, стояла у своей конторки и что-то записывала въ большую конторскую книгу. Въ отворенную дверь видна была слѣдующая комната, гдѣ за отдѣльными столиками работали мастерицы—все такія блѣдныя дѣвушки, наклонявшіяся грудью надъ своими машинками.

— Вамъ что̀ угодно?—спросила m-me Жанетъ тѣмъ тономъ, какимъ не говорила съ покупательницами.

Зиночка передала ей платки, стараясь не попадать въ полосу яркаго свѣта изъ-подъ абажура стоявшей на конторкѣ большой лампы. M-me Жанетъ небрежно развернула свертокъ, поднесла работу къ самому лицу и внимательно разсмотрѣла ее, а потомъ какъ-то сверху посмотрѣла на Зиночку и сухо спросила:

— Это вы сами вышивали?

— Да, сама...

— Жаль... то-есть не къ сезону. Балы кончаются, а въ Великій постъ дамы обходятся съ простыми платками.

Когда m-me Жанетъ начала свертывать платки въ прежнемъ порядкѣ, Зиночка испугалась и пропентала какимъ-то не своимъ голосомъ:

— Пожалуйста, возьмите... Мнѣ крайне нужны деньги.

M-me Жанетъ посмотрѣла еще разъ на продавщицу и платки и проговорила уже ласковѣе:

— Что̀ я могу вамъ дать? Платки должны проваляться въ магазинѣ до будущаго сезона, то-есть до слѣдующей зимы, а у меня всякаго тряпья и безъ того много. Если желаете, получите два рубля...

— Да вѣдь они шесть рублей сто̀ятъ, я хорошо знаю!

— Желаю получить вамъ за нихъ всѣ десять, если найдете охотника...

— Нельзя ли хоть три рубля... Вѣдь я двѣ недѣли надъ ними сидѣла.

Въ сущности, m-me Жанетъ была добрая женщина (звали ее Степанидой Марковной, а фирма „Жанетъ“ являлась псевдонимомъ моднаго магазина), да и платки были хорошо сдѣланы: рисунокъ оригинальный, работа тщательная, „со вкусомъ“. Давая три рубля, она все-таки нажила бы рубль на рубль.

— До свиданья...—проговорила Зиночка, когда сдѣлка не состоялась.

— Всего хорошаго.

Когда дѣвушка уже взялась за ручку двери, m-me Жанетъ окликнула ее:

— Повѣрьте, что мнѣ жаль...—тянула она, поправляя ярко-красную косынку на своей жирной груди.—Работа прекрасная.

Зиночка стояла съ опущенными глазами, чувствуя, что m-me Жанетъ оглядываетъ ее тѣмъ же гадкимъ взглядомъ, какъ только-что пристававшій молодой человѣкъ.

— Могу вамъ предложить нѣчто другое...—докончила магазинщица съ ласковыми нотами въ голосѣ.—У меня есть свободное мѣсто помощницы старшей продавщицы... Если вы пожелаете занять его, то условія у меня для всѣхъ одинаковы: три рубля жалованья на всемъ готовомъ.

— Благодарю васъ, но я, къ сожалѣнью, не могу согласиться.

Когда Зиночка вышла, m-me Жанетъ еще разъ пожалѣла ее: такая хорошенькая рожица была бы приманкой за прилавкомъ. Впрочемъ, все равно, придетъ сама... Придетъ во второй разъ и сама будетъ просить,—не первая и не послѣдняя...„ А гдѣ-то я будто видала ее...“—раздумывала магазинщица, погружаясь въ свою расчетную книгу.

IX.

Можно себѣ представить огорченіе Зиночки, когда она вернулась домой: двѣ недѣли безсонныхъ ночей, и въ результатѣ нуль. А въ довершеніе всего—ни одной души, съ которой можно бы подѣлиться своимъ горемъ, посовѣтоваться. Никогда еще не чувствовала она себя настолько одинокой и безпомощной. Поступить на три рубля жалованья и закабалить себя m-me Жанетъ, какъ тѣ блѣдныя несчастныя дѣвушки, которыя сохнутъ надъ машинками—нѣтъ, ужъ лучше голодная смерть! Удрученная своей неудачей, Зиночка вспомнила про m-lle Бюшъ, которая вотъ уже цѣлую недѣлю глазъ не показываетъ,—она вывозила на балы своихъ воспитанницъ.

Несчастья и неудачи,—какъ сказалъ Шекспиръ,—приходятъ семьями. Такъ было и теперь. Не успѣла Зиночка успокоиться отъ своего горя, какъ сдѣлала самое непріятное открытіе: кухарка Матрена каждый день носила Елизаветѣ Петровнѣ по бутылкѣ мадеры, и та каждый вечеръ напивалась. Когда всѣ деньги вышли и закладывать ничего не оставалось, Матрена пошла странствовать по всему городу съ записочками, въ которыхъ Елизавета Петровна умоляла старыхъ знакомыхъ о помощи. Большинство, конечно, отказывалось разными способами, а нѣкоторые посылали по два, по три рубля—деньги же опять уходили на вино. Зиночкѣ попалось одно изъ такихъ писемъ, а пьяная Матрена разболтала остальное.

— Мама, что же это такое?—взмолилась Зиночка, ломая руки.—Вѣдь это позоръ... униженіе... Отчего ты мнѣ ничего не сказала?..

— Я не могу...—растерянно повторяла Елизавета Петровна.—У меня болѣзнь...

— Тогда нужно лѣчиться!..

— А на какія средства, позволь узнать?.. Нѣтъ, я ужъ лучше водку буду пить...

Только теперь Зиночка увидѣла, насколько опустилась мать,—съ ней и разговаривать не стоило. Вѣроятно, несчастная привычка напиваться развивалась годами, и въ этомъ отчасти заключалась разгадка того, что мать всегда держала себя такъ далеко отъ дѣтей. Это было удобно въ большомъ домѣ, но какъ спрятаться здѣсь,—въ этихъ несчастныхъ трехъ комнатахъ,—чтобы дѣти не видѣли своего домашняго безобразія? Это домашнее зло было хуже того позора, который называется попрошайничествомъ... А дѣти, когда они узнаютъ все, какъ они будутъ относиться къ родной матери?—такое открытіе убьетъ въ нихъ все, чѣмъ хорошо счастливое своимъ непониманіемъ дѣтство. И безъ того мальчики доставляли Зиночкѣ немало огорченій, начиная съ тѣхъ отвратительныхъ словъ, которыя они приносили иногда съ улицы; въ обществѣ мѣщанскихъ и чиновничьихъ дѣтей они замѣтно дичали, быстро усвоивали грубый тонъ и вообще начинали отбиваться отъ рукъ, а тутъ еще новая бѣда.

Въ дневникѣ Зиночки, безъ числа, было занесено слѣдующее: „Господи, научи меня, что дѣлать... Мнѣ *страшно* жить; *страшно* подумать о будущемъ, а вѣдь, кромѣ меня, еще трое младшихъ дѣтей. Когда я смотрю на Милочку, мнѣ все представляется ужасный трескъ швейныхъ машинокъ въ мастерской m-me Жанетъ, потомъ эти подозрительныя женскія тѣни, которыя бродятъ вечерами по улицамъ, какъ бездомныя собаки; наконецъ я вижу пагло освѣщенныя окна „Аркадіи“, гдѣ погибшія дѣвушки продаютъ свой послѣдній позоръ... Дай мнѣ силы, Господи, вразуми, научи!.. Я не ропщу на свою судьбу, я буду работать всѣ ночи напролетъ, но поддержи тѣхъ, кто меньше меня... Благодарю Тебя, Господи, что Ты открылъ мнѣ глаза, и съ радостью принимаю посланное Тобой испытаніе. Есть много людей лучше меня въ тысячу разъ, и они безъ ропота несутъ свой тяжелый крестъ, и я пойду за ними, какъ младшая сестра“.

До этого времени Зиночка молилась сама и заставляла дѣтей молиться дома, но не рѣшалась итти въ церковь: ее удерживала мысль о знакомыхъ, съ которыми можно было тамъ встрѣтиться. Этотъ ложный стыдъ теперь отпалъ какъ-то самъ собой, и Зиночка въ первое же воскресенье повела всѣхъ дѣтей въ соборъ, куда раньше ѣздили молиться. Дѣти одѣвались скромно, даже очень скромно, но чистенько; были вымыты, причесаны и чувствовали, что ихъ готовятъ къ чему-то торжественному. Зиночка имѣла теперь такой же строго-ласковый видъ, какъ m-lle Бюшъ, и въ церкви выстроила всѣхъ дѣтей въ одинъ рядъ передъ собой, какъ это дѣлала гувернантка. Въ соборѣ все было по-старому: тотъ же ветхій старичокъ судебный приставъ, который стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, точно не сходилъ съ него все время, пока Зиночка не бывала въ соборѣ. Онъ поклонился ей и любовно посмотрѣлъ на дѣтей. Зиночкѣ сдѣлалось вдругъ такъ тепло: какое-то особенное благоговѣйное спокойствіе наполнило ея душу: она нашла себѣ и помощь, и поддержку, и новыя силы. Богъ услышалъ ея молитву... А она, малодушная, еще такъ недавно стыдилась своей бѣдности и своего труда. Человѣкъ, замерзающій и заблудившійся въ неоглядной снѣжной пустынѣ, вѣроятно, испытываетъ то же, когда завидитъ призывный огонекъ какого-нибудь жилья. Зиночка молилась усердно и горячо, и все лицо у нея разгорѣлось. Обѣдня показалась ей такой короткой, а она еще хотѣла молиться. Все здѣсь отвѣчало ея душевному настроенію, и слова неумирающей любви она повторяла шопотомъ про себя.

Послѣ обѣдни старичокъ-приставъ степенно подошелъ къ ней и ласково началъ разспрашивать, гдѣ они живутъ, чѣмъ занимаются, здоровы ли. Онъ приласкалъ мальчиковъ и на прощанье проговорилъ:

— А ваша гувернантка, бѣдняжка, въ больницѣ...

— Какъ въ больницѣ?—воскликнула Зиночка.

— Расхворалась что-то... Конечно, въ новомъ домѣ она постѣснилась безпокоить людей, а въ больницѣ-то удобнѣе. До свиданья, сударыня...

М-lle Бюшъ въ больницѣ—это было такъ неожиданно и поразило Зиночку, какъ ударъ грома. Отчего же она ей ничего не написала до сихъ поръ? Наконецъ, для нея нашлось бы мѣсто и у нихъ въ квартирѣ. Вернувшись домой, Зиночка поскорѣе устроила завтракъ и затѣмъ отправилась въ больницу. Милочка поймала ее въ передней и, спрятавъ лицо въ платокъ, глухо зарыдала.

— О чемъ ты, Милочка?

— Мадмуазель умретъ... — всхлипывала она, сдерживая душившія ее рыданія.

— Съ чего ты это взяла, глупенькая?.. Перестань.

— Нѣтъ, умретъ... Непремѣнно умретъ. Возьми меня съ собой...

Зиночка ничего не говорила дѣтямъ, куда идетъ, и удивилась догадливости сестры: доброй дѣвочкѣ подсказало ея дѣтское сердце. Взять ее она не могла, потому что до больницы было около двухъ верстъ, да еще и неизвѣстно, что̀ она тамъ сама найдетъ. Успокоивъ Милочку, она торопливо отправилась въ далекій путь—нужно было пройти весь городъ изъ конца въ конецъ. Стоялъ послѣдній день масленицы, и всѣ улицы кишѣли народомъ. Занятая своей миссіей, Зиночка не боялась теперь ни пьяныхъ, ни молодыхъ людей, оглядывавшихъ ее съ ногъ до головы, ни лошадей, когда переходила черезъ улицу. На одномъ такомъ переходѣ ее чуть не смяли налетѣвшія вихремъ бѣговыя санки,—Зиночка даже вскрикнула, когда надъ самымъ ея ухомъ раздалось: „берегись!“... Она видѣла только большую сѣрую лошадь, которая пронеслась мимо нея стрѣлой. Когда Зиночка оглянулась, ее точно что̀ кольнуло въ сердце: вѣдь это была ея „Рогнѣда“...

Городская больница стояла за городомъ, образуя своими бревенчатыми низенькими зданіями особый городокъ. У воротъ стояло нѣсколько извозчиковъ и сидѣли какіе-то мужики въ дубленыхъ полушубкахъ. Зиночка прошла прямо въ пріемный покой, гдѣ дожидались доктора цѣлыя толпы больныхъ. Заспанный фельдшеръ съ измятой физіономіей назвалъ ей палату, гдѣ лежала m-lle Бюшъ. Нужно было перейти дворъ, обойти какое-то каменное зданіе и подняться на деревянное крылечко, на которомъ висѣла вывѣска: „Женская палата“. Въ сѣняхъ ее уже охватила чисто-больничная атмосфера: пахло „карболкой“, лѣкарствами и чѣмъ-то такимъ нездоровымъ. Старушка-сидѣлка въ бѣломъ платкѣ повела ее по длинному коридору къ отдѣльному номеру, который занимала m-lle Бюшъ.

— Пожалуйте...

Зиночка плохо помнила, какъ вбѣжала въ узкую и высокую комнату съ однимъ окномъ и какъ бросилась на шею m-lle Бюшъ, сидѣвшей на больничной кровати съ книгой въ рукѣ.

— Какъ вамъ не стыдно...—повторяла Зиночка, цѣлуя гувернантку.— Что̀ стоило послать записочку... наконецъ, отчего вы не хотѣли переѣхать къ намъ? Эта ужасная больничная обстановка...

— Напротивъ, здѣсь мнѣ очень удобно,—спокойно заявила m-lle Бюшъ, ласково пожимая руку Зиночки.—А не писала я вамъ потому, что не хотѣла васъ безпокоить, и притомъ скоро все пройдетъ.

По внѣшнему виду трудно было принять m-lle Бюшъ за больную; только лицо у нея осунулось и поблѣднѣло, да глаза сдѣлались больше. Зи-

почка нѣсколько разъ принималась ее цѣловать, смѣялась сквозь слезы и порывисто разсказывала о своихъ новыхъ горестяхъ, о сегодняшней службѣ въ соборѣ, о старичкѣ-приставѣ, о догадливости Милочки, о болѣзни мамы. М-lle Бюшъ слушала ее съ печальной улыбкой и какъ-то вся выпрямилась, когда услышала слова Милочки.

— Ахъ, вы, моя хорошая... дорогая...—прошептала она, прижимая голову Зиночки къ своей груди и цѣлуя ее въ лобъ.—Вы не знаете, какъ мнѣ пріятно видѣть васъ и слышать все это... Милая моя, дорогая, хорошая!.. Я тоже сегодня молилась за васъ всѣхъ... Я почти здорова, только вотъ кашель да иногда кровь горломъ, а по вечерамъ лихорадка. Но я скоро поправлюсь... Оставаться у Черняковыхъ было неудобно: больной человѣкъ въ богатомъ домѣ всегда лишній, а кому же пріятно слышать, какъ гувернантка кашляетъ, точно овца. У васъ совсѣмъ негдѣ помѣститься, а здѣсь мнѣ такъ хорошо, и потомъ уходъ... Докторъ каждый день два раза бываетъ, сидѣлка—однимъ словомъ, все... Но это пустяки; поговоримте лучше о васъ.

Исторія съ платками занимала ее мало: когда она выпишется изъ больницы, то устроитъ это дѣло; болѣзнь мамы гораздо серьезнѣе... Зимній день такъ коротокъ, и Зиночкѣ нужно было подумать о возвращеніи. На прощанье m-lle Бюшъ нерѣшительно проговорила:

— У меня есть къ вамъ просьба, Зиночка... Это немножко неудобно, но что дѣлать. Меня задержитъ болѣзнь еще недѣли двѣ... Навѣстите Дарьицу, которая мучится и страдаетъ больше насъ всѣхъ.

Зиночка, конечно, согласилась и взяла адресъ горничной, хотя это порученіе и кольнуло ее. М-lle Бюшъ еще разъ поцѣловала ее въ лобъ и перекрестила, какъ свою дочь. Это успокоило Зиночку, какъ и вообще свиданье съ гувернанткой—она ужъ совсѣмъ не такъ больна, какъ ей представлялось давеча. Изъ больницы Зиночка выходила съ облегченнымъ сердцемъ и въ первый разъ подумала: какъ могла она забыть о Дарьѣ?

X.

Чтобы отыскать Дарью, нужно было опять потерять цѣлый день, т.-е. разстроить установившійся уже порядокъ ежедневныхъ занятій. Потомъ Зиночкѣ начало казаться, что она очень ужъ скоро согласилась на предложеніе m-lle Бюшъ—слѣдовало сначала подумать. Въ ея положеніи какъ-то неловко было разыскивать Дарью, но, съ одной стороны, сказался авторитетъ гувернантки, а съ другой—почти дѣтское повиновеніе. Раздумывать, впрочемъ, было некогда.

Дарья жила на окраинѣ, гдѣ начинались гнилыя покосившіяся избушки. Зиночка отправилась туда рано утромъ, прямо съ рынка, куда пошла съ кухаркой за разной провизіей. Отославъ кухарку домой, она могла располагать двумя свободными часами; мама еще спитъ, а съ дѣтьми осталась Милочка. Въ городскомъ предмѣстьѣ Зиночка была только разъ, да и то мелькомъ, когда катались на тройкахъ. Теперь и домишки ей казались ниже и вообще все бѣднѣе. Какъ только живутъ въ такихъ отвратительныхъ гнилушкахъ, у которыхъ окна заклеены сахарной бумагой, крыши рѣшетомъ, ворота покосились, и въ каждую дыру глядитъ непокрытая бѣдность! Домъ мѣщанина Перетыкина стоялъ въ ряду этихъ дворцовъ своимъ человѣкомъ—ни хуже ни лучше другихъ. Ворота распахнуты настежъ, хозяйственныхъ пристроекъ никакихъ. По шатавшемуся крылечку Зиночка вошла въ темныя сѣни и уже ощупью нашла желѣзную скобку тяжелой двери. Небольшая комната, скупо освѣщенная двумя подслѣповатыми и точно слезившимися оконцами, дѣли-

лась перегородкой на двѣ половины. У стола сидѣлъ какой-то мужикъ и сосредоточенно курилъ свернутую изъ бумаги „цыгарку“. На полу ползала дѣвочка лѣтъ двухъ съ подобранной за поясъ рубашонкой.

— Мнѣ нужно видѣть Дарьицу...—заговорила Зиночка и сама не узнала своего измѣнившагося голоса.

— Никакой Дарьицы нѣту...—хрипло отвѣтилъ мужикъ, оглядывая гостью съ ногъ до головы.

За перегородкой послышались возня и шушуканье, а потомъ изъ-за ситцевой занавѣски показалось лицо и самой Дарьи.

— Сюда, барышня...—позвала она, распахивая занавѣску.

Въ первую минуту Зиночка не узнала бывшей горничной,—такъ она сильно измѣнилась: поблѣднѣла, осунулась, исхудала. Лицо сдѣлалось длиннѣе, и только глаза пріобрѣли какой-то необыкновенный блескъ. У громадной русской печи, занимавшей четвертую часть всей избы, стояла съ ухватомъ въ рукахъ пожилая женщина съ такимъ непріятнымъ лицомъ; она едва посторонилась, чтобы пропустить гостью.

— Меня просила провѣдать тебя m-lle Бюшъ,—заговорила Зиночка.— Сама она нездорова и сейчасъ лежитъ въ городской больницѣ.

Дарья вся какъ-то охнула, и слезы покатились градомъ по ея лицу. Отъ захватившаго духъ волненія она едва могла проговорить.

— Ангельская душенька... я къ ней побѣгу, барышня... провѣдать...

— Куда ты побѣжишь-то?—оборвала ее стоявшая съ ухватомъ баба.— Давно ли сама съ постели встала?.. Туда же „побѣгу“. А съ ребенкомъ кто возиться будетъ?..

— Развѣ ты была тоже больна?—удивилась Зиночка.

— Ахъ, барышня...—простонала Дарья и закрыла лицо руками.

— Въ непривычку ей, вотъ и застыдилась, глупая,—уже ласковѣе проговорила баба.—А чего стыдиться: все одно, не скроешь... Дѣвичій-то грѣхъ всегда на виду.

— Ты выйди на минутку куда-нибудь, а мнѣ нужно поговорить съ ней,—попросила ее Зиночка, испытывая приливъ энергіи.

— И то уйти...—согласилась баба, почесывая ухватомъ бокъ.

Когда она вышла, Зиночка быстро обняла Дарью и горячо поцѣловала ее въ мокрую отъ слезъ щеку.

— Ахъ, барышня... что̀ вы, Богъ съ вами...—шептала Дарья, еще болѣе смущенная этой лаской.—Развѣ вамъ можно понимать такія слова?.. Да и быть-то вамъ здѣсь нехорошо.

— Гдѣ же ребенокъ?—спрашивала Зиночка, оглядывая каморку, загроможденную разнымъ бабьимъ хламомъ.

Вмѣсто отвѣта, Дарья повела ее за печку, гдѣ изъ досокъ была устроена кровать, и на ней въ большой рѣшеткѣ спалъ двухнедѣльный ребенокъ. Изъ-подъ разнаго тряпья выдѣлялось только красное, сморщившееся дѣтское личико. Дарья все время не спускала глазъ съ гостьи, какъ насторожившаяся птица.

— Да онъ здѣсь задохнется...—прошептала Зиночка въ ужасѣ.

— Нѣтъ, за печкой тепло, барышня.

Ребенокъ проснулся и жалко пискнулъ,—онъ былъ спеленатъ, какъ мумія. Красное личико повернулось къ свѣту, и раскрылись еще лишенные мысли, сѣрые глаза. Зиночка наклонилась надъ нимъ и долго всматривалась въ это личико, отыскивая въ немъ что-то знакомое и родное. Вотъ здѣсь, за печкой, ее охватило то теплое материнское чувство, которое изъ дѣвушки дѣ-

лаетъ женщину. О, она теперь понимала все и не боялась ничего... Безпомощный маленькій человѣкъ требовалъ ея помощи,—вѣдь онъ ни въ чемъ не виноватъ, этотъ несчастный ребенокъ. Въ головѣ Зиночки быстро сложилась картина того позора, который пережила и переживаетъ Дарья, и только теперь она поняла, зачѣмъ m-lle Бюшъ послала ее въ эту трущобу, не предупредивъ ни о чемъ. Да, вотъ гдѣ дѣйствительное несчастье, а бѣдность еще можно переносить. У кошки, когда она мечетъ дѣтенышей, гдѣ-нибудь вотъ такъ же за печкою, нѣтъ, по крайней мѣрѣ, мукъ совѣсти, нѣтъ того горя, которое будетъ расти вмѣстѣ съ этимъ ребенкомъ. А онъ, этотъ маленькій человѣчекъ, когда вырастетъ большимъ, можетъ попрекать за свое нелегальное происхожденіе, и несчастная мать будетъ всегда жить подъ страхомъ этого послѣдняго и самаго страшнаго оскорбленія. Такихъ дѣтей душатъ и топятъ обезумѣвшія отъ ужаса матери... Можетъ-быть, и Дарья не разъ подумала о томъ же. Зиночку охватилъ паническій страхъ передъ безпощаднымъ зломъ человѣческаго существованія. Она опомнилась только тогда, когда Дарья увела ее отъ своего логовища и принялась отпаивать холодной водой изъ тяжелаго желѣзнаго ковша.

— Барышня, барышня...—стонала Дарья, цѣлуя руки у Зиночки.—Простите меня, барышня... Вы и понимать-то этого ничего не должны... Уходите домой поскорѣе...

— Домой?.. Оставить тебя съ ребенкомъ въ этой трущобѣ?.. Вѣдь онъ мнѣ братъ, Дарьица.

— Дѣвочка, барышня...

— Ну, сестра—это все равно. Это наше общее несчастье, и мы должны его раздѣлить... Если отецъ тебя бросилъ, то я не могу оставить.

Прощаясь, Зиночка поцѣловала еще разъ Дарью и маленькую сестру и бодро отправилась домой, полная неизвѣданныхъ мыслей и чувствъ. Въ ней шевельнулся нетронутый еще міръ, и она чувствовала себя жутко, но хорошо, какъ человѣкъ, твердо рѣшившійся довести смѣлое дѣло до конца. Чего ей бояться и кого стыдиться? О, она, кисейная барышня, знаетъ отлично, что̀ ей дѣлать; m-lle Бюшъ поняла ее... Только на полдорогѣ Зиночка вспомнила, что не спросила, какъ зовутъ маленькую сестренку, и даже хотѣла вернуться, но было уже поздно, и дома ждали ее свои хлопоты. Домой дѣвушка вернулась съ веселымъ лицомъ, розовая отъ мороза и полная своей собственной честной радостью.

Какимъ дворцомъ показались Зиночкѣ свои три комнатки, когда она сравнила ихъ съ запечнымъ угломъ Дарьи! Да, въ такой квартирѣ можно еще жить, особенно когда впереди есть опредѣленная цѣль, есть смыслъ, и когда каждое усиліе будетъ окупаться сознаніемъ исполненнаго долга. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Зиночка послѣ завтрака отправилась прямо въ кухню и заявила кухаркѣ, чтобы она искала себѣ мѣсто.

— Это еще что̀ за мода?—грубила кухарка.—Куды это я пойду, на зиму глядя?.. Тоже придумала!..

— Сегодня же убирайся... Я не желаю съ тобой разговаривать.

Рѣшительный тонъ произвелъ свое дѣйствіе. Кухарка сначала расплакалась, а когда Зиночка выдала ей за полмѣсяца жалованье впередъ, согласилась отойти хоть сейчасъ.

— Подай обѣдъ, и тогда можешь уходить,—рѣшила Зиночка.

Послѣ обѣда, проводивъ кухарку, Зиночка имѣла длинный и непріятный разговоръ съ матерью. Елизавета Петровна даже расплакалась, отстаивая прогнанную кухарку.

— Я сама буду покупать вамъ водку, мама...—заявила Зиночка.—По крайней мѣрѣ, объ этомъ не будетъ никто знать. У меня есть другая кухарка...

— Какъ знаешь...—вдругъ согласилась Елизавета Петровна, нуждавшаяся въ чьемъ-нибудь покровительствѣ.—Ты большая, Зина, и можешь понимать сама наше безвыходное положеніе...

— Предоставьте все мнѣ, мама, и ни о чемъ не безпокойтесь.

Поручивъ Милочкѣ наблюденіе за братьями, Зиночка въ сумерки отправилась опять въ путь. Теперь ее не пугало уже темнота и одиночество: такъ было нужно... Она пріѣхала къ Дарьѣ на извозчикѣ и заявила, что увезетъ ее съ собой. Это смутило дѣвушку, и она долго не хотѣла согласиться на такой рѣшительный шагъ, потому что боялась барыни и вообще семейной обстановки.

— Пустяки... Ты будешь жить съ ребенкомъ въ нижнемъ этажѣ, въ кухнѣ,—успокоивала ее Зиночка.—У тебя будетъ цѣлая комната... понимаешь? А пока ты будешь стряпать, за ребенкомъ буду ходить я... До насъ никому дѣла нѣтъ, и мы сами должны позаботиться о себѣ...

Дарья нѣсколько разъ начинала соглашаться, а потомъ раздумывала и принималась причитать. Сердитая баба приняла дѣятельное участіе въ этой исторіи и по-своему уговаривала глупую дѣвку.

— Ты въ ножки барышнѣ поклонись, дура... Ну, чего уперлась, точно на пень наѣхала. Оболикайся да и ребенчишка обряжай...

— Охъ, стыдно мнѣ... страшно глаза показать...—причитала Дарья, закрывъ лицо руками и раскачиваясь изъ стороны въ сторону.—Барыня-то убьетъ меня, когда узнаетъ...

— Никто и ничего пока не узнаетъ,—уговаривала ее Зиночка.—Ты не будешь показываться изъ кухни, а ребенка назовемъ чужимъ... Да мама и не спроситъ, чей онъ: ей все равно.

Потерявшую голову Дарью пришлось увезти почти насильно, и сердитая баба прослезилась на прощанье.

— Ну, какъ быть-то, дѣвушка,—всхлипывала она.—Охъ, горюшко ты мое, спобѣдная головушка!

Нѣмымъ свидѣтелемъ этой сцены былъ извозчикъ, который нѣсколько разъ встряхивалъ головой и, когда поѣхалъ, все оглядывался назадъ.

— Ай да барышня... молодецъ!—похвалилъ онъ, когда Зиночка стала съ нимъ разсчитываться.

— Развѣ ты меня знаешь?

— Какъ не знать, помилуйте... На своихъ рысакахъ катались, а теперь пѣшечкомъ на рынокъ ходите. Вся биржа знаетъ... „Вонъ,—говорятъ,—ромодинская барышня за пропиталомъ пошла!..“

XI.

У m-lle Бюшъ оказалась скоротечная чахотка, и она сама знала, что „дни ея сочтены“. Мысль о смерти не пугала безродную дѣвушку: ей нечего было терять въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Да и случилось все это какъ-то вдругъ, безъ всякой видимой причины, и m-lle Бюшъ удивлялась, что должна скоро кончить всякіе расчеты со своей трудовой и скитальческой жизнью. Конечно, было немножко обидно, что останется на свѣтѣ такъ много негодяевъ и вообще пустыхъ людей, а она, m-lle Бюшъ, трудолюбивая, любящая, глубоко честная, должна будетъ гнить въ холодной могилѣ... Зачѣмъ? Видно, такъ нужно, и у судьбы есть своя ариѳметика. Каждый день поочередно ее

посѣщали или Зиночка, или Дарья. M-lle Бюшъ уже не могла подняться съ постели, но всегда умѣла знаками или улыбкой выразить свою признательность. Да, она любила обѣихъ дѣвушекъ и затруднялась бы сказать, которую любитъ больше.

— Я васъ, Зиночка, оцѣнила только теперь,—откровенно заявляла m-lle Бюшъ, задыхаясь отъ душившаго ее кашля.—У васъ золотое сердце... Да. Но отчего вы никогда... да, никогда даже не спросили о своемъ отцѣ? Онъ васъ всегда такъ любилъ... это несчастный человѣкъ, и не намъ его судить.

— Онъ забылъ насъ...—коротко отвѣчала Зиночка.

— Нѣтъ, не забылъ... могу васъ увѣрить...

— Онъ сдѣлалъ хуже... Бросить жертву своего увлеченія на произволъ судьбы, бросить съ ребенкомъ на рукахъ—нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Я не желаю обвинять отца, быть вообще судьей, но всякій имѣетъ право думать по-своему. Намъ лучше оставить этотъ разговоръ.

— У меня это на совѣсти, Зиночка... Кто умѣетъ такъ много перенести, какъ вы, тотъ не долженъ останавливаться на полдорогѣ: любить—значитъ... безконечно прощать. Послѣднее вѣрно не только вообще, но и въ частности... Умѣть прощать даже враговъ—въ этомъ великая тайна жизни.

— Это философія великихъ людей и подвижниковъ, а я самая простая кисейная барышня...

M-lle Бюшъ тяжело закрывала глаза и ничего не отвѣчала: она не могла сказать всего даже Зиночкѣ.

Наканунѣ рокового дня больная пожелала непремѣнно видѣть Милочку. Раньше она забывала какъ-то о ней, а теперь требовала съ особенной настойчивостью. Съ этимъ порученіемъ командирована была Дарья. Когда Милочка вошла въ комноту, m-lle Бюшъ не могла отъ волненія сказать ни одного слова, а только протянула съ умоляющимъ видомъ руку впередъ. Когда же Милочка наклонила надъ ней свою бѣлокурую головку, гувернантка торопливо ее перекрестила и сказала только одну фразу:

— Слушайте во всемъ сестру...

Дарьица и Милочка съ перваго извѣстія о болѣзни гувернантки были убѣждены, что она умретъ, оплакали ее заранѣе и теперь относились къ ней съ тупымъ горемъ выплакавшихся людей. Утромъ, на другой день, началась агонія. Присутствовала одна Зиночка. Больная часто забывалась и бредила.

— Пріѣхалъ?—спрашивала она въ бреду.—О, я была увѣрена, что онъ пріѣдетъ... зовите его сюда...

Зиночка понимала, о комъ шла рѣчь, и молча выносила эту пытку. Но силы больной быстро падали, точно она сгорала. Передъ самой смертью наступилъ короткій промежутокъ. M-lle Бюшъ вытянулась, оглядѣла съ удивленіемъ всю комнату, точно въ первый разъ ее видѣла, и вытащила изъ-подъ подушки свою дорожную сумочку.

— Вотъ здѣсь вы найдете все... да, все...—слабо проговорила она.—Я умираю съ надеждой на васъ, Зиночка... Помните: прощать—это жить.

За этимъ послѣдовала тоска и опять бредъ,—m-lle Бюшъ опять звала Милочку и начинала собираться въ какое-то неизвѣстное путешествіе.

— Мнѣ такъ легко... я здорова...—шептали побѣлѣвшія губы.—Только бы уйти отсюда... Милочка, мы идемъ вмѣстѣ... о, я не хочу умирать—нѣтъ!

Хоронили m-lle Бюшъ черезъ три дня. Похоронный обрядъ совершался въ маленькомъ костелѣ, куда набралось очень много публики. Все это были ученицы или очень хорошіе знакомые покойной. Дамы плакали, особенно когда патеръ своимъ разбитымъ тенорикомъ уныло затянулъ „De profundis“... Ми-

лочка горько рыдала и въ то же время удивлялась, какъ много хорошихъ, тоже плакавшихъ знакомыхъ у m-lle Бюшъ. Въ плерезахъ особенно эффектно выдѣлялась развертывавшаяся красота дѣвочки-подростка, и Милочкѣ мѣшала молиться суетная мысль, что она сегодня „очень интересна“ и всѣ на нее смотрятъ. Стоявшая съ ней рядомъ Зиночка ничего не замѣчала, подавленная потерей единственнаго друга. Кругомъ оставалась пустота... Являлась мысль, что и вообще жизнь—глупая шутка, и что нѣтъ въ ней смысла. Когда выносили гробъ изъ костела, Зиночка на паперти лицомъ къ лицу встрѣтилась съ Сенечкой Татауровымъ, который поклонился ей и неизвѣстно чему улыбнулся. Она не протянула руки и прошла мимо. У католиковъ было свое кладбище, до котораго нужно было пройти съ версту. Погода стояла уже весенняя, хотя и сыпались хлопья мягкаго снѣга. Этотъ снѣгъ напоминалъ Зиночкѣ одинъ разговоръ съ гувернанткой, когда она выражала свое единственное желаніе—умереть лѣтомъ. Но и это единственное желаніе осталось неисполненнымъ, и m-lle Бюшъ ждала холодная могила. Зиночкѣ сдѣлалось вдругъ такъ обидно и больно за безродную дѣвушку, которой, можетъ-быть, всю жизнь было холодно.

Милочка была недовольна этимъ путешествіемъ пѣшкомъ,—другія дамы ѣхали въ экипажахъ, а три сестры Черняковы даже въ каретѣ. Впрочемъ, онѣ приглашали ее, но Милочка отказалась, потому что не желала оставлять Зиночку одну. Свѣжій воздухъ и движеніе ободрили дѣвушку, и она, ухватившись за руку сестры, шептала ей:

— Тебя принимаютъ за даму, Зина... Какой-то господинъ въ костелѣ такъ и спрашивалъ: „Кто эта молодая дама?“ У него великолѣпная шинель съ бобромъ... Татауровъ уже объяснилъ ему.

— Перестань болтать пустяки...

Милочка надулась и даже отняла свою руку. На кладбищѣ, когда гробъ поставили надъ открытой могилой, она опять горько рыдала, не замѣчая уже публики, толпившейся на свѣжей насыпи. И Зиночка тоже плакала... Когда начали бросать мерзлую землю на гробъ, она оглянулась. Это было инстинктивное движеніе, въ которомъ она не могла бы дать себѣ отчета. И странная вещь!—въ толпѣ мелькнуло знакомое лицо, которое она боялась узнать... Неужели это былъ отецъ, котораго такъ ждала m-lle Бюшъ? Ей показалось, что онъ тоже смотрѣлъ на нее и старался спрятаться за толпившейся на насыпи публикой. Не дождавшись конца церемоніи, когда надъ покойницей вырастетъ свѣжая могила, Зиночка схватила Милочку за руку и повела ее черезъ толпу къ выходу. Домой она предполагала вернуться пѣшкомъ, чтобы сберечь двугривенный, но теперь взяла извозчика и все время старалась занимать сестру, чтобы отвлечь ея вниманіе отъ расходившейся кучками публики.

„Что-то дома дѣлается?..“—думала Зиночка, и въ ея душѣ поднималась смутная тревога за неприкосновенность своего угла: теперь она была увѣрена, что отецъ здѣсь и что онъ, навѣрно, видѣлъ уже Дарью.

Вернувшись домой, Зиночка успокоилась: по лицу Дарьи она убѣдилась, что все обстоитъ благополучно.

Болѣзнь m-lle Бюшъ и хлопоты съ похоронами на время разстроили установившійся порядокъ жизни. Мальчики не готовили своихъ уроковъ, работа и у Зиночки пріостановилась, и приходилось начинать снова. Елизавета Петровна попрежнему отсиживалась въ своей комнатѣ и совсѣмъ не удивилась, когда въ первый разъ увидѣла Дарью, точно такъ и должно было быть. Раза два она, впрочемъ, спрашивала, откуда слышится по ночамъ дѣтскій плачъ, и сейчасъ же успокаивалась, когда ей говорили, что это визжатъ

кошки на крышѣ. Мальчиковъ въ кухню не пускали совсѣмъ, а Милочка догадалась сама о существованіи таинственнаго маленькаго незнакомца и сгорала отъ любопытства посмотрѣть на него хоть издали. Дарья умѣло повела все хозяйство, а по вечерамъ помогала Зиночкѣ починивать бѣлье. Ея присутствіе сдѣлалось необходимымъ, и это значительно ее успокоило. Зиночка могла теперь всецѣло отдаться своей собственной работѣ—днемъ занималась съ дѣтьми, а вечерами далеко за полночь сидѣла за разными вышивками. Свои платки она кое-какъ продала той же m-me Жанетъ, которая сдѣлала ей небольшой заказъ на вышиванье гладью. Положимъ, это была адская работа, но все-таки она могла дать рублей 5—6 въ мѣсяцъ. Теперь Зиночка отлично знала цѣну деньгамъ и высчитывала каждый грошъ. Въ постоянной работѣ время бѣжало незамѣтно, и Зиночка жалѣла, что приходилось спать и ѣсть—удовольствія ужъ совсѣмъ не по средствамъ. Ихъ дѣла были изъ рукъ вонъ плохи: все, что̀ можно было заложить въ ссудную кассу, было заложено, а впереди надвигалась грозовая туча безпомощной нищеты. Впрочемъ, приближалось лѣто, когда не нужно покупать дровъ и когда можно будетъ пустить въ оборотъ зимнее платье. Дорогу въ ссудныя кассы Зиночка теперь знала отлично. Сначала она стѣснялась ходить туда, но потомъ привыкла—тысячи людей прибѣгали къ братской помощи ростовщиковъ, и у Зиночки завязалось даже нѣсколько знакомствъ съ какими-то безродными старушками и подозрительными вдовами.

Въ сумочкѣ, которую передала умирающая m-lle Бюшъ, Зиночка нашла связку старыхъ писемъ, медальонъ съ портретомъ Милочки и небольшой пакетъ съ деньгами. На пакетѣ стояла лаконическая надпись, сдѣланная уже дрожавшей рукой: „На крайній случай“. Всѣхъ денегъ было около полутораста рублей, и Зиночка смотрѣла на нихъ, какъ на помощь m-lle Бюшъ уже изъ того міра. Она дала себѣ слово, что не прикоснется къ нимъ для своихъ нуждъ, потому что есть еще кандидатъ на эти деньги—та маленькая сестренка, которая скрывалась въ кухнѣ. Въ сумочкѣ еще былъ розовый пакетикъ и въ немъ шелковый fleur d'oranger; на пакетикѣ стояло: „Мой подарокъ на свадьбу Зиночкѣ“. Этотъ послѣдній подарокъ Зиночка сочла бы оскорбленіемъ, если бы его сдѣлалъ кто-нибудь другой, а не m-lle Бюшъ. Развѣ такія бѣдныя дѣвушки выходятъ замужъ?.. Письма Зиночка узнала по почерку—всѣ были отъ отца. Но читать ихъ она не рѣшилась, а только провѣрила числа—всѣ были написаны уже послѣ катастрофы. Зиночка не хотѣла тревожить тѣнь дорогой покойницы и бросила письма въ огонь. Она отлично понимала, почему m-lle Бюшъ передала ей свою интимную переписку,—этимъ гувернантка хотѣла снять съ своей памяти всякое подозрѣніе, но Зиночка и безъ того слишкомъ сильно уважала ее, чтобы искать еще письменныхъ доказательствъ.

XII.

Прошелъ мѣсяцъ. Наступила пасха. Скрывать ребенка долѣе оказывалось неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ отнималъ много времени какъ у матери, такъ и у Зиночки. За нимъ могла ходить Милочка, а это ужъ сохранило бы нѣсколько часовъ въ день. Зиночка очень привязалась къ маленькой дѣвочкѣ и съ головой погрузилась въ широкій міръ беззащитнаго дѣтства съ его маленькими радостями, болѣзнями и заботами. Ребенокъ сдѣлался душой всего дома, и для Зиночки въ немъ заключалась нравственная поддержка.

— Мы хотимъ взять съ Дарьицей ребенка на воспитаніе,—предупреждала Зиночка свою мать.

— Это еще что̀ за глупости?—удивилась Елизавета Петровна.—Вы съ Дарьицей съ ума, кажется, сошли.

— А если у него ни отца ни матери? Воспитательнаго дома здѣсь нѣтъ, и ребенокъ долженъ погибнуть...

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что ребенокъ мальчикъ?

— Къ сожалѣнію, дѣвочка, мама...

— Еще разъ глупо!

— Что̀ же дѣлать?.. Несчастный ребенокъ не виноватъ, а потомъ ты сама была дѣвочкой, и я тоже...

— Ахъ, отстань, пожалуйста, съ своими глупостями: бери хоть цѣлыхъ десять.

Къ своему удивленію, по тону этого отвѣта Зиночка убѣдилась, что мать догадывается, о какомъ ребенкѣ идетъ рѣчь, и если соглашается, то только потому, что согласилась бы теперь на все, только бы ее оставили въ покоѣ. Такимъ образомъ маленькая Нюта изъ кухни перебралась наверхъ, и Зиночка поставила маленькую дѣтскую кроватку рядомъ со своей. Милочка была въ восторгѣ и дня два не отходила отъ живой куклы. Зато мальчики отнеслись сразу враждебно къ новому члену семьи и устраивали свои каверзы. Но все это были пустяки,—Зиночка, сидя у дѣтской кроватки, могла свободно работать, и въ маленькой комнаткѣ зазвенѣла первая дѣтская пѣсенка. Иногда только Зиночка задумывалась, и работа вываливалась изъ ея рукъ: она припомнила послѣдній наказъ m-lle Бюшъ и думала объ отцѣ. Что̀ съ нимъ, гдѣ онъ?.. Она думала о немъ, какъ о постороннемъ человѣкѣ, и удивлялась сама себѣ, какъ скоро могла разлюбить его. Впрочемъ, вѣдь и она была другая, совсѣмъ другая Зиночка, хоть и кисейная барышня.

Маленькая Нюта скоро наполнила собой весь домъ. Появились дешевенькія дѣтскія игрушки, ванночка для купанья, принадлежности сложнаго дѣтскаго гардероба и т. д. Милочка выучилась ухаживать за ребенкомъ и болтала надъ его кроваткой цѣлые часы, какъ щебечетъ лѣсная птичка надъ своимъ гнѣздомъ. Явилась потребность отказывать себѣ во всемъ, чтобы только доставить ребенку маленькое удобство.

— Когда Нюта будетъ ходить?—въ сотый разъ спрашивала Милочка.

— Черезъ годъ, не раньше...

— Я тогда буду гулять съ ней каждый день... А лѣтомъ буду катать въ телѣжкѣ, въ садикѣ.

Легко сказать—добыть дѣтскую колясочку, но, все равно, этотъ вопросъ былъ рѣшенъ. Задумавшись, Милочка иногда говорила:

— Если бы жива была m-lle Бюшъ, какъ она была бы рада... Вѣдь она всегда была такая добрая и подбирала съ улицы даже щенковъ.

Зиночка сильно измѣнилась: она вытянулась, похудѣла, вообще сформировалась окончательно. Блѣдное лицо приняло характерный отпечатокъ внутренней работы мысли. Глаза смотрѣли просто и строго, губы сложились съ опредѣленнымъ выраженіемъ, и только на бѣломъ лбу болтались прежнія дѣтскія кудряжки. Простенькія ситцевыя платья придавали ей видъ мастерицы изъ моднаго магазина. Отъ одного не могла отдѣлаться Зиночка—это отъ привычки къ тонкому бѣлью. Положимъ, его достанетъ еще на годъ, а дальше кисейная барышня боялась даже думать—неужели она, Зиночка, будетъ носить „славянское полотно“ или коленкоръ? Сколько ей труда и заботъ доставляла эта привычка, а у бѣдныхъ людей такъ скоро занашивается бѣлье и потомъ рвется въ стиркѣ. Спустившись однажды вечеромъ въ кухню, Зиночка застала Дарью въ слезахъ. Та попалась врасплохъ и даже сдѣлала

попытку скрыть свои слезы, но этимъ еще сильнѣе выдала себя. Взглянувъ на нее, Зиночка поняла сразу, въ чемъ дѣло.

— Ты видѣла отца?—спросила она строго.

— Да... и не узнала совсѣмъ... Они бороду отпустили и такъ бѣдненько одѣты. Помните, сѣрый дорожный бешметъ...

— Надѣюсь, что въ другой разъ ты постараешься его не встрѣчать.

— Я на рынокъ пошла, а они и вывернулись изъ-за угла...

— Такъ... Значитъ, остается ходить мнѣ на рынокъ самой.

Это извѣстіе сильно взволновало Зиночку, какъ она ни старалась скрыть свое душевное состояніе отъ всѣхъ. Каждый шорохъ, каждый стукъ заставлялъ ее вздрагивать, и она торопливо бѣжала къ окну. Зиночка боялась за мать, а главнымъ образомъ за дѣтей—появленіе отца могло повести Богъ знаетъ къ чему.

— Ты кого-то ждешь, Зина?..—пытливо спрашивала Милочка.

— Нужно всегда ждать чего-нибудь дурного,—отвѣтила Зиночка, поднимая брови.—Вотъ мы были богаты, а сдѣлались бѣдными... Бываетъ и еще хуже.

— А что̀ еще можетъ быть?

— Мало ли что̀? Болѣзнь, напримѣръ.

Милочка покорно умолкла, а Зиночкѣ сдѣлалось ея жаль. Трудовая и замкнутая жизнь быстро накладывала на дѣвушку печать преждевременной серьезности.

Бѣда дѣйствительно пришла, только не съ той стороны, откуда ее ждала Зиночка. Выдался такой хорошій весенній денекъ. Деревья стояли еще голыя, но вездѣ уже пробивалась первая весенняя травка. По общему совѣту было рѣшено, что сегодня Нюта сдѣлаетъ свою первую прогулку на свѣжемъ воздухѣ. Зиночка торжественно вынесла ребенка въ свой садикъ, и тамъ состоялся настоящій праздникъ. Милочка прыгала, какъ коза. Даже Елизавета Петровна показалась на минуту въ окнѣ. Обѣдъ прошелъ очень шумно, и дѣти едва успокоились только къ вечеру. Уложивъ мальчиковъ спать, Зиночка по обыкновенію сидѣла за работой на своемъ мѣстѣ у дѣтской кроватки. Милочка въ ночной кофтѣ готовила свои уроки къ завтрашнему дню. Въ этотъ моментъ къ воротамъ подъѣхалъ экипажъ и послышался стукъ. Зиночка вздрогнула и бросилась внизъ. Дарья уже съ кѣмъ-то разговаривала у воротъ и вернулась обратно крайне смущенная.

— Кто тамъ?

— Извозчикъ изъ „Аркадіи“ пріѣхалъ... Да вы, ради истиннаго Христа, не выходите, барышня!

Дарья пыталась-было загородить ей дорогу, но Зиночка, накинувъ шаль на голову, оттолкнула ее и сама пошла къ воротамъ. Ночь была свѣтлая, весенняя. Извозчикъ оставался попрежнему у воротъ, а въ окно хозяйскаго флигеля выглядывала чья-то голова.

— Тебѣ кого нужно?—спросила Зиночка.

— А изъ „Аркадіи“ прислалъ меня баринъ Татауровъ... Такъ и наказалъ: „привези, молъ, мнѣ въ номеръ ромодинскую барышню“. У нихъ тамъ компанія собралась: англичанинъ Рей, анжинеръ Бржозовскій, ну и Семенъ Иванычъ съ ими третьи сутки путаются.

— Скажи Семену Иванычу, что онъ мерзавецъ...

Зиночка плохо помнила, какъ добралась до своей комнаты—ее точно обухомъ ударили по головѣ. За что, за что же такое оскорбленіе?.. Слышала Дарья, слышалъ хозяинъ дома, а завтра будетъ объ этомъ говорить вся

извозчичья биржа... У нея нѣтъ даже брата, который могъ бы разбить Сенечкѣ дурацкую башку. Безсильныя слезы не давали Зиночкѣ замѣтить, что Милочка смотритъ на нее во всѣ глаза и тоже готова разразиться рыданіями.

— За что же, о, Господи?!—стонала кисейная барышня, ломая руки.

— Папа пріѣхалъ?..—шопотомъ спрашивала Милочка.

— Нѣтъ, это такъ... Ты ложись спать, голубчикъ.

Зиночка съ особенной нѣжностью цѣловала сегодня сестру, укладывая ее спать, и нѣсколько разъ благословила, точно поцѣлуями и молитвой хотѣла отогнать отъ дорогой бѣлокурой головки всякую тѣнь нанесеннаго оскорбленія. Да, ея честное дѣвичье имя волочитъ по грязи пьяная орда гдѣ-нибудь въ „Аркадіи", и никто не защититъ ее, никто не заступится за ея честь!.. Каждый нахалъ можетъ оскорблять ее совершенно безнаказанно.

Цѣлую ночь не спала Зиночка: она и плакала, и молилась, и опять плакала. Что̀ же дальше будетъ? Что̀ будетъ съ Милочкой? Достанетъ ли у нея силы бороться съ нуждой и еще больше—устоять противъ искушенія?.. Сколько бѣдныхъ дѣвушекъ погибаютъ подъ гнетомъ нищеты и, очертя голову, бросаются въ омутъ. Зачѣмъ наконецъ m-lle Бюшъ всегда отстаивала Сенечку Татаурова и называла его добрымъ человѣкомъ? Развѣ добрый и порядочный человѣкъ позволитъ себѣ подобную выходку? Нѣтъ, m-lle Бюшъ глубоко ошибалась въ людяхъ, начиная съ ея отца. Философія всепрощенія приложима только гдѣ-нибудь въ домѣ сумасшедшихъ, а живой человѣкъ чувствуетъ оскорбленіе, особенно когда онъ ничѣмъ его не заслужилъ.

Нервное утомленіе къ утру перешло въ настоящій бредъ. Зиночкѣ казалось, что она уже ѣдетъ на извозчикѣ, и освѣщенныя окна „Аркадіи" глядятъ на нее, какъ глаза чудовища. Вотъ и дверь подъѣзда растворяется, и откуда-то вырывается струя пьянаго хохота, а тамъ вверху льется безшабашная трактирная пѣсня. А вотъ и самъ Сенечка Татауровъ встрѣчаетъ ее на лѣстницѣ и, протягивая руки впередъ, бормочетъ заплетающимся пьянымъ языкомъ: „А... барышня, пожалуйте!". Она хочетъ крикнуть и не можетъ. „Оставьте меня, не смѣйте прикасаться ко мнѣ: я честная дѣвушка"... Но вѣдь это совсѣмъ не она, а Милочка, большая Милочка, и Татауровъ уже тащитъ ее за талію. Опять Зиночка хочетъ крикнуть и не можетъ: „Милочка, опомнись... Милочка, вернись!". Но это и не Милочка, а m-lle Бюшъ съ приколотымъ fleur d'oranger на груди. Она улыбается и говоритъ: „Сенечка добрый"... Зиночка наконецъ крикнула и проснулась.

XIII.

Кисейная барышня пролежала въ постели дня три. При малѣйшемъ стукѣ она вскакивала и бросалась къ окну, а потомъ уже приходила въ себя. Каждая такая тревога выкупалась пароксизмами ужасной слабости, точно Зиночка умирала. Если бы не дѣти, она умерла бы безъ особеннаго сожалѣнія, умерла такой, какой сейчасъ была—чистой, красивой, молодой. Нѣтъ, лучше не думать о будущемъ! Во время болѣзни Зиночка испытала въ первый разъ, что и она необходима и что ее искренно любятъ. Какъ смѣшно ухаживала за ней Милочка! Вскорѣ послѣ болѣзни Зиночкѣ пришлось усиленно работать, чтобы наверстать потерянные дни. Теперь она относилась равнодушно къ самой себѣ, какъ къ постороннему человѣку, и думала только о другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ могъ оскорбить ее пьяный нахалъ—не стоило и безпокоиться. Дарья говорила то же самое. Даже, когда по городской почтѣ Зиночка получила первое письмо отъ отца, оно ее не взволновало. Ромодинъ умолялъ дочь о свиданьи, самъ онъ жилъ въ номерахъ для

пріѣзжающихъ, содержатель которыхъ былъ его старый знакомый. Зиночка сейчасъ же послала отвѣтъ, что придетъ въ воскресенье послѣ обѣдни.

Ромодинъ съ утра стоялъ у окна, поджидая гостью. Какъ билось и замирало теперь его грѣшное сердце! Она придетъ, она будетъ здѣсь,—развѣ можетъ быть счастье больше этого? А Зиночка въ это время была въ соборѣ, куда носили маленькую Нюту причащать въ первый разъ—отверженный людьми ребенокъ предъ лицомъ Божьяго милосердія имѣлъ всѣ человѣческія права, и эта мысль окрыляла дѣвушку въ добровольно взятомъ на себя подвигѣ. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія Зиночка готовилась къ этому таинству, а въ церкви молилась такъ горячо и такъ искренно, чтобы самой подняться на высоту непритворнаго христіанскаго смиренія. Ей предстояло еще свиданье съ отцомъ. Старичокъ судебный приставъ опять былъ въ церкви и опять подошелъ къ ней поздравить съ причастницей.

— Съ малюткой няньчитесь?—ласково проговорилъ онъ, и такъ хорошо сказалось у него это слово: „малютка“.

— Да...—смущенно отвѣтила Зиночка, вспыхивая румянцемъ.

— Богъ все видитъ, Зинаида Игнатьевна... Хорошаго дѣла не слѣдуетъ стыдиться. Рѣдкая вы дѣвушка. Извините ужъ старика на простомъ словѣ.

Эта неожиданная похвала дополнила настроеніе кисейной барышни, и она молча кивнула старику головой: руки были заняты. На паперти ее ждала Дарья, которая и унесла ребенка домой, а Зиночка пошла къ отцу. Уже подготовленная словами Дарьи о большой перемѣнѣ въ отцѣ, Зиночка все-таки въ первую минуту не узнала его—это былъ совсѣмъ старикъ, чужой ей человѣкъ. Ромодинъ и сгорбился, и посѣдѣлъ, и какъ-то весь осунулся. Его непріятно поразило спокойствіе Зиночки, которая держала себя такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось—прежней Зиночки не было, а предъ нимъ стояла другая женщина.

— Извини, что я тебя потревожилъ...—бормоталъ Ромодинъ, стараясь подбирать слова. Ему такъ много нужно было сказать дочери, а сейчасъ все точно вылетѣло изъ головы.—M-me Сталь сказала: „все понимать—все прощать“... да!

Послѣднюю фразу онъ сказалъ по-французски, что̀ выходило красивѣе и какъ будто убѣдительнѣе: tout comprendre, c'est tout pardonner. Эта французская фраза точно рѣзнула по уху Зиночку, и она съ удивленіемъ посмотрѣла на отца. То, что̀ было у нея на душѣ, не нуждалось въ формулахъ, а тѣмъ болѣе—фразахъ.

— Я пришла не обвинять тебя, папа...— заговорила Зиночка и остановилась...— Ты, ты самъ понимаешь, почему. Мы слишкомъ, кажется, далеко ушли другъ отъ друга...

— Ахъ, это все не то..—застоналъ Ромодинъ.— Неужели это говоришь ты, моя Зиночка?

— Оставимте этотъ натянуто-сближающій тонъ и поговоримте серьезно, какъ большіе люди. Конечно, о прошломъ не можетъ быть и рѣчи, но есть будущее... т.-е. въ данномъ случаѣ цѣлая кучка маленькихъ людей, о которыхъ должны позаботиться именно мы.

— Послушай, ты говоришь, какъ нотаріусъ или судебный приставъ, — замѣтилъ весело Ромодинъ, довольный такимъ оборотомъ разговора. — Домой, въ свой уголъ, я сейчасъ не могу вернуться, потому что долженъ скрываться отъ кредиторовъ, и если занимаю отдѣльный номеръ, то только изъ милости, пока мнѣ вѣрятъ въ долгъ. А дѣла̀ свои я быстро поправлю, и тогда...

Неестественно-дѣловымъ тономъ Ромодинъ принялся торопливо развивать свои планы: онъ еще не окончательно разоренъ, и есть шансы на то, что онъ опять станетъ на ноги: въ золотопромышленномъ дѣлѣ такіе крахи не рѣдкость, и въ Косогорьѣ кто не банкротился; наконецъ, онъ еще въ силахъ самъ; у него есть нѣсколько вліятельныхъ знакомствъ, извѣстная репутація въ кругу золотопромышленниковъ и т. д. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ досталъ изъ бокового кармана толстый бумажникъ, набитый старыми счетами, дѣловыми письмами и собственными замѣтками. На выдержку онъ даже прочелъ два письма отъ самаго вліятельнаго человѣка — это были тѣ характерныя литературныя произведенія, въ которыхъ отказъ затушевывался ходячими фразами и дешевенькими обѣщаніями. Не нужно было особенной проницательности, чтобы видѣть полную ихъ несостоятельность, но Ромодинъ вѣрилъ имъ, потому что нужно же было чему-нибудь вѣрить.

— И ты вѣришь этимъ письмамъ?— невольно вырвалось у Зиночки. — Вѣдь это одна писаная бумага, которую стòитъ только бросить въ печь.

— Да вѣдь у Толоконникова сорокъ милліоновъ, Зина. Ну чтò ему стòитъ сказать одно слово. Мы съ нимъ въ свое время были на „ты“ и... гм...

Увлекшись, Ромодинъ чуть не прибавилъ, что вмѣстѣ съ Толоконниковымъ онъ кутилъ нѣкогда по разнымъ притонамъ, но вò-время спохватился. Зиночкѣ не понравился прежде всего самый тонъ этого разговора— съ такой торопливой угодливостью говорятъ только безнадежные люди. Много ихъ прежде перебывало въ ромодинскомъ домѣ, и всѣ они ужасно походили одинъ на другого и точно такъ же читали, въ подтвержденіе своихъ несбыточныхъ надеждъ, письма вліятельныхъ людей. Ромодинъ тогда только пожималъ плечами, а сейчасъ, незамѣтно для самого себя, повторялъ избитые типы крупныхъ банкротовъ и вообще неудачниковъ. Это особаго рода сумасшествіе, и Зиночка слушала теперь слова отца, какъ лепетъ ребенка. Послѣ дѣловыхъ разговоровъ наступилъ пароксизмъ слезъ. Ромодинъ подробно разспрашивалъ, какъ живетъ семья, чтò дѣлаетъ мать, большая ли выросла Милочка, какъ учатся дѣти. Онъ напрасно крѣпился, стараясь удержать бѣжавшія по лицу слезы. Ахъ, какъ онъ тосковалъ все время, какъ рвался въ свой уголъ, какъ въ немъ изболѣла вся душа. Но вѣдь немного остается подождать, чтобы онъ занялъ свое прежнее положеніе въ обществѣ, и тогда опять все пойдетъ по-старому.

— Ты говоришь о деньгахъ, — замѣтила Зиночка, — но не всякое прошлое можно вернуть однѣми деньгами...

Ромодинъ посмотрѣлъ на дочь широко открытыми глазами и пробормоталъ что-то ужъ совсѣмъ безсвязное. Но Зиночкѣ было некогда, она обѣщала прійти въ другой разъ, и онъ на прощанье проговорилъ:

— Ты все знаешь, ma petite... знаешь больше того, чтò слѣдовало бы тебѣ знать, какъ дѣвушкѣ. Чтò дѣлать!.. У меня есть одна просьба къ тебѣ: нельзя ли мнѣ взглянуть на маленькую?.. Я, можетъ-быть, дрянной отецъ вообще, но все-таки не звѣрь же...

— Это ужъ потомъ какъ-нибудь, папа.

По выраженію отцовскаго лица Зиночка замѣтила, что ему хотѣлось добиться свиданія съ Милочкой, но онъ удержался. Желаніе видѣть „маленькую“ и то, что отецъ не стѣснился высказать ей это прямо, нѣсколько примирило ее съ нимъ, и свиданье кончилось теплѣе, чѣмъ началось. Ни о m-lle Бюшъ ни о Дарьѣ не было сказано ни одного слова. Когда Зиночка уже вышла на подъѣздъ, ей вдругъ сдѣлалось жаль отца до слезъ. Явилось даже

желаніе вернуться и расцѣловать его, утѣшить, самой открыть всю душу: вѣдь того отца, котораго она разлюбила за эти полгода, не было, а былъ дѣйствительно несчастный и жалкій человѣкъ. Но въ слѣдующую минуту у Зиночки явилась такая мысль: стòитъ только отцу разбогатѣть, какъ онъ забудетъ про всѣ свои несчастья, а ей, Зиночкѣ, уже не разстаться со своимъ новымъ душевнымъ міромъ, да она и не отдала бы его ни за какія деньги.

— Какъ ты долго...— ворчала Милочка на сестру.— Гдѣ ты была?

— Я носила работу въ магазинъ.

— Въ воскресенье?

Дѣвочка подозрительно оглядѣла сестру и надулась, — вѣдь она такъ ждала ее, чтобы раздѣлить радость по поводу причастницы, а теперь уже все испорчено. Вообще, въ дѣтяхъ начинала проявляться большая требовательность къ старшей сестрѣ съ тѣмъ безпощаднымъ эгоизмомъ, на какой способны только маленькіе люди.

— Вы ихъ видѣли, барышня?..—смущенно спрашивала Дарья, улучивъ минутку, когда онѣ остались вдвоемъ.

— Да, видѣла... Отецъ очень постарѣлъ и вообще измѣнился, — уклончиво отвѣтила Зиночка, задѣтая этимъ вопросомъ: въ ней глухо прозвучала ревнивая нота.

— Я такъ...—извинялась Дарья, краснѣя. — Не подумайте чего-нибудь дурного, барышня... Мнѣ только показалось тогда, что они какъ будто не въ себѣ... не такіе, какъ прежде были.

— И мы съ тобой тоже не такія...

Это замѣчаніе Дарьи пришло на умъ Зиночкѣ уже послѣ, когда у нея въ первый разъ мелькнуло страшное подозрѣніе, именно, что отецъ ненормальный человѣкъ. Зиночка, несмотря на свою проницательность, не знала только одного, что каждый вечеръ, когда въ домѣ зажигался огонь, на улицѣ боязливо кралась чья-то тѣнь, и эта тѣнь цѣлые часы наблюдала въ окна, чтò дѣлается въ домѣ. Но, о чемъ не догадывалась дѣвушка, то чутьемъ знала женщина. Дарья каждый вечеръ выносила ужасную пытку: она знала, что это онъ, Игнатій Павловичъ, бродитъ около своего разореннаго гнѣзда.

XIV.

Въ дневникѣ Зиночки мы читаемъ:

„Давно я не писала, а сколько съ того времени воды утекло... Сейчасъ стоитъ весна, т.-е. наша поздняя сѣверная весна, которая, какъ бѣдная дѣвушка, надѣла къ празднику самое лучшее платье. Да, много цвѣтовъ, особенно въ полѣ, тамъ за городомъ, куда я хожу гулять вмѣстѣ съ папой. Такіе все бѣдненькіе полевые цвѣточки, которымъ далеко до оранжерейныхъ, но зато сколько родного и грустно-поэтическаго въ этихъ *нашихъ* цвѣтахъ съ ихъ блѣдными красками и слабымъ ароматомъ. Мнѣ иногда кажется, глядя на нихъ, что это—живые глаза и земля смотритъ ими на небо... Мы живемъ попрежнему, и мнѣ стòитъ большого труда отвлекать папу отъ стремленія увидѣть мать или Милочку. Онъ тоскуетъ и утѣшается только своими несбыточными надеждами и проектами; я не желаю отнимать у него этой послѣдней надежды и часто лгу съ совершенно спокойнымъ лицомъ. Чтò дѣлать? Приходится лгать даже самой себѣ... Ахъ, какъ это тяжело!.. Человѣкъ созданъ изъ противорѣчій, какъ матерію ткутъ изъ разноцвѣтныхъ нитокъ... Раньше я думала о другихъ, а теперь приходится думать о себѣ, не изъ эгоизма,—нѣтъ, а изъ болѣе худшаго чувства, котораго я не умѣю даже назвать. Зависть?—нѣтъ! Ревность?—нѣтъ... А между тѣмъ мнѣ такъ иногда бы-

ваетъ тяжело, какъ только можетъ быть тяжело кисейной барышнѣ—вѣдь это ей полезно, а слезы—ея родная стихія, какъ для рыбы вода. Дѣло въ томъ, что съ нѣкотораго времени я просто не могу выносить Дарьи... Именно не могу. Провѣряя себя, я нахожу, что это началось давно, съ того момента, когда Дарья пришла съ рынка и заявила, что видѣла „ихъ“ и что „они сильно измѣнились“. Потомъ, когда я вернулась послѣ перваго свиданья съ отцомъ, Дарья смотрѣла на меня такими глазами, точно вся превратилась въ одинъ нѣмой вопросъ... Она же тогда первая замѣтила, что отецъ „не въ себѣ“. Меня непріятно кольнуло это вмѣшательство въ мои личныя отношенія, но вѣдь Дарья не чужая, и это счастье en trois возмущаетъ меня... Нужно сознаться, что я ревную ее къ Нютѣ... Я люблю въ ребенкѣ сестру, но вѣдь она по всѣмъ правамъ принадлежитъ матери. Получается какой-то лабиринтъ, изъ котораго нѣтъ выхода... Дарья, съ своей стороны, догадывается о моемъ настроеніи и принимаетъ такой несчастный приниженный видъ, что̀ еще больше меня возмущаетъ. Разъ я даже обошлась съ ней очень сурово, когда она стороной завела рѣчь о „нихъ“... Ей-то какое дѣло!.. Но, съ другой стороны, она, кажется, любитъ отца, любитъ по-своему, какъ отца своего ребенка... Иногда утромъ Дарья встаетъ съ опухшими отъ слезъ глазами. Одна мать ничего не видитъ и не желаетъ видѣть. О, какъ мнѣ тяжело писать эти строки, но нужно же кисейной барышнѣ высказаться такъ или иначе; эта потребность — родная сестра кисейныхъ слезъ. Когда я ухожу изъ дому съ Нютой, Дарья каждый разъ провожаетъ меня такими ревнивыми глазами, точно я ворую частичку ея собственнаго счастья...“

Въ хорошую погоду, почти каждый день послѣ обѣда, Зиночка брала маленькую Нюту на руки и отправлялась съ ней за городъ—городской бульваръ былъ въ двухъ шагахъ, и тамъ ее неизмѣнно дожидался отецъ. Съ бульвара они вдвоемъ отправлялись по узкой дорожкѣ въ лѣсъ и черезъ полчаса приходили на пасѣку. Это былъ красивый уголокъ, какимъ-то чудомъ сохранившійся въ окрестностяхъ Косогорья. По глубокому логу катилась маленькая рѣчка: въ нижней части она была запружена и образовала небольшой прудокъ. Избушка старика-пасѣчника стояла на самомъ берегу, въ садикѣ изъ молодыхъ липокъ. Тутъ же прямо на травѣ стояли ульи для пчелъ. Глухой старикъ-пасѣчникъ встрѣчалъ Зиночку съ особеннымъ удовольствіемъ и сейчасъ же приготовлялъ самоваръ. Въ прудкѣ водились караси, и Зиночка иногда удила ихъ. Отецъ въ это время возился съ Нютой и, повидимому, былъ совершенно счастливъ.

— Никакъ я не разберу, баринъ, кто она тебѣ приходится: жена или дочь,—замѣтилъ однажды старикъ, кивая въ сторону Зиночки, сидѣвшей на плотинѣ съ удочкой въ рукахъ.—По обличью-то будто какъ и дочь...

— Дочь будетъ, старина...

— Такъ, такъ... Значитъ, эта махонькая внучкой придется?..

— Нѣтъ, тоже дочь...

— Ишь ты, какъ оно пришлось... Матери-то, видно, нѣту?

— Да, нѣтъ, то-есть она умерла...—вралъ Ромодинъ, чувствуя, что начинаетъ краснѣть.—То старшая дочь, а эта младшая.

— Такъ, такъ... Много въ городѣ всякаго народу болтается, и не разберешь въ другой разъ, какъ кто кому приходится. Наѣзжаютъ тоже сюда, особливо по праздникамъ...

Маленькая Нюта уже сидѣла и весело взмахивала пухлыми ручками, когда къ ней подходилъ Ромодинъ. Когда Зиночка выходила съ ней изъ дому, ребенокъ, видимо, понималъ, куда его несутъ, и самъ сказалъ свое первое

дѣтское слово: па-па... Зиночка подозрѣвала, что этому слову научила дѣвочку Дарья—ей было тяжело его слышать, какъ и самому Ромодину. Ребенокъ своимъ невиннымъ лепетомъ увеличивалъ неловкость ихъ положенія. Но, за исключеніемъ этого маленькаго неудобства, оба чувствовали себя такъ хорошо и отдыхали душой. Зиночка опять узнавала прежняго отца, который говорилъ такъ умно и держалъ себя настоящимъ джентльменомъ до послѣднихъ мелочей. Впрочемъ, все это исчезало моментально,—стоило только завести рѣчь о разореніи и вообще о дѣлахъ. Между отцомъ и дочерью установились простыя дружескія отношенія, и они говорили откровенно обо всемъ.

— Я рѣшительно не понимаю этого превращенія...—задумчиво повторялъ Ромодинъ, съ лаской глядя на свою любимицу.—Гдѣ ты взяла силы для такого подвига? Выдержать характеръ въ большихъ дѣлахъ, въ цѣломъ событіи—это совсѣмъ другой вопросъ, и такихъ героевъ всегда найдется достаточно; но тянуть лямку изо дня въ день, проходить черезъ тысячи ежедневныхъ мелочей—нѣтъ, это требуетъ всего человѣка.

— А по-моему, такъ нѣтъ ничего проще,—отвѣчала Зиночка:—только не нужно самому дѣлать оцѣнку того, что̀ дѣлаешь, то-есть оцѣнку со стороны трудностей. Это все равно, что̀ смотрѣть внизъ, проходя надъ пропастью по тонкой дощечкѣ. А потомъ, многое, чего не сдѣлаешь для себя, сдѣлаешь для другихъ... Наконецъ ты забываешь, что у меня предъ глазами былъ живой примѣръ—m-lle Бюшъ.

Такіе разговоры велись обыкновенно за работой; Зиночка что-нибудь вышивала для магазина m-me Жанетъ. Иногда Ромодинъ читалъ вслухъ какую-нибудь французскую книгу.

— А вотъ когда у меня липки расцвѣтутъ—рай...—говорилъ старикъ-пасѣчникъ, провожая гостей.—Духъ такой пойдетъ, какъ въ церкви.

Дѣйствительно, когда зацвѣли липки, пасѣка превратилась въ чудный уголокъ. Это было уже въ іюнѣ. Особенно хорошъ былъ одинъ вечеръ: наканунѣ пронеслась гроза, и умывшаяся, потрясенная земля ликовала всѣми своими красками и точно курилась благоухавшимъ воздухомъ. У Ромодиныхъ въ садикѣ былъ облюбованъ свой уголокъ. Прямо на травѣ стоялъ потухшій самоваръ. Зиночка сидѣла рядомъ съ заснувшимъ ребенкомъ и торопливо доканчивала какую-то срочную работу. Ромодинъ лежалъ на травѣ и, облокотившись на одну руку, смотрѣлъ на маленькій прудикъ, совсѣмъ заросшій осокой и зеленью прибрежнаго тальника, вербы и черемухи. Вода точно застыла, какъ глубокое окно куда-то въ подземныя глубины. Гдѣ-то печально чиликала невидимая птичка, а надъ осокой цвѣтными точками кружились мотыльки. Старикъ-пасѣчникъ ходилъ около своихъ ульевъ и разговаривалъ вслухъ. Эта тишина вдругъ нарушилась далекимъ лошадинымъ топотомъ.

— Кто-то сюда ѣдетъ...—замѣтилъ Ромодинъ.

Звуки на время замерли, но потомъ топотъ возобновился—онъ быстро приближался, и можно было различить, что скакала не одна лошадь, а двѣ. Дѣйствительно, изъ-за мелкаго лѣска показался скоро одинъ всадникъ на красивой заводской лошади, а за нимъ другой. Это были Рей и Татауровъ, оба нетвердо державшіеся въ сѣдлѣ.

— Ай-да, заворачивай на мельницу!—кричалъ Татауровъ, спускаясь къ плотинѣ.—У мельника закуску найдемъ, а водка есть...

Зиночка узнала ихъ съ перваго раза, но промолчала. Ромодинъ старался не смотрѣть на нее и даже отвернулся. Когда наѣздники поровнялись съ садикомъ, пьяный Татауровъ, наклонившись въ сѣдлѣ, проговорилъ заплетавшимся языкомъ:

— А вотъ она гдѣ... мельничиха...

Рей узналъ Зиночку и хлыстомъ ударилъ лошадь Татаурова. Они отъѣхали къ избушкѣ и спѣшились, переговариваясь о чемъ-то вполголоса. Зиночка вдругъ испугалась, припомнивъ выходку Татаурова съ извозчикомъ— она ничего не говорила объ этомъ отцу. Теперь онъ опять былъ пьянъ и могъ выкинуть какую-нибудь дерзкую шутку.

— Пойдемъ, папа... — торопила она отца, собирая свою работу въ корзинку.

— Зачѣмъ же такъ быстро? Они могутъ подумать, что мы бѣжимъ отъ нихъ.

— Мнѣ все равно, что̀ они подумаютъ, но я не выношу пьяныхъ.

„Она стыдится за ребенка, а можетъ-быть, и за меня...“—съ горечью подумалъ Ромодинъ, тяжело поднимаясь съ земли.

Татауровъ видѣлъ эти сборы и все порывался подойти къ Зиночкѣ, но Рей крѣпко держалъ его за руку и не отпускалъ.

— Нѣтъ, я пойду... и скажу все... — бормоталъ Сенечка. — Это ея ребенокъ?..

— А намъ какое дѣло, чей онъ... Послушай, если ты будешь еще артачиться, я тебя завяжу узломъ и брошу въ воду.

Эта угроза подѣйствовала. Сенечка сѣлъ на землю, махнулъ рукой и окончательно осовѣлъ. Онъ пришелъ въ себя, когда Ромодины успѣли перейти плотину и начали подниматься въ гору; впереди шла Зиночка съ ребенкомъ на рукахъ, а за ней, опустивъ голову, медленно шелъ Ромодинъ.

— А тамъ кто?.. — спрашивалъ Сенечка, провожая глазами медленно двигавшуюся группу.

— Все она же, Зиночка... Ребенка несетъ на рукахъ.

— Развѣ у нея двое ребятъ?! Одинъ на травѣ лежалъ, а другого на рукахъ тащитъ!.. отлично!..

Рей захохоталъ, а Татауровъ сидѣлъ на землѣ и раскачивался, какъ человѣкъ, который плыветъ въ лодкѣ по бурнымъ волнамъ.

— Рей, дай воды...—попросилъ онъ, притворяясь совсѣмъ пьянымъ.

Когда Рей ушелъ въ избушку, Татауровъ вскочилъ на лошадь и бѣшенымъ галопомъ помчался къ плотинкѣ. Онъ быстро догналъ Ромодиныхъ. Зиночка съ ребенкомъ на рукахъ шла по сторонѣ дороги. Поровнявшись съ ней, Татауровъ хотѣлъ что-то сказать и раскрылъ ротъ, но громкій топотъ догонявшаго Рея заставилъ его ударить лошадей нагайкой, и онъ только крикнулъ что-то безсвязное, сильно мотаясь въ сѣдлѣ.

XV.

Прогулки на пасѣку скоро прекратились, отчасти во избѣжаніе встрѣчъ съ Татауровымъ, отчасти за скверной погодой, а главнымъ образомъ потому, что Зиночкѣ не хотѣлось одной пользоваться лѣтомъ. Каждая такая прогулка мучила ее, точно она отнимала что-то отъ другихъ дѣтей: вѣдь и Милочка и мальчики тоже хотѣли подышать свѣжимъ воздухомъ. Жертвовать ихъ удовольствіями она чувствовала себя не въ правѣ,—Зиночка и безъ того много дѣлала для отца, больше, можетъ-быть, чѣмъ онъ заслуживалъ. По временамъ въ ней поднималось такое тяжелое и нехорошее чувство... Вообще, причинъ быть недовольной накоплялось все больше: отецъ скрывается, мать пьетъ, Дарья ходитъ, какъ въ воду опущенная, мальчики избѣгались, а тутъ еще нужно работать, не покладая рукъ. Работа спасала Зиночку отъ всего, и, если бы еще рояль, она была бы счастлива. Она даже иногда плакала о своемъ

инструментѣ, который не умѣла раньше цѣнить, и у нея являлось желаніе хоть взглянуть на него, какъ на хорошаго стараго друга.

Лѣто въ Косогорьѣ, какъ во всѣхъ провинціальныхъ глухихъ городишкахъ, было само по себѣ отвратительно, т.-е. лѣта въ собственномъ смыслѣ не было, а его замѣняли пыль и грязь. Ахъ, какъ хорошо знала теперь Зиночка, что̀ значитъ погода для бѣднаго человѣка и какъ быстро изнашивается обувь, когда приходится дѣлать пѣшкомъ такіе большіе концы. Изъ дому Зиночка выходила только по дѣлу, главнымъ образомъ, когда нужно было отнести работу къ m-me Жанетъ. Лѣтняя пора—глухая, но магазинщица давала одинъ заказъ за другимъ и даже предлагала Зиночкѣ немного денегъ впередъ. M-me Жанетъ теперь знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и по-своему покровительствовала дѣвушкѣ, вступившей въ отчаянную борьбу со своими несчастьями. Это много ободряло Зиночку: свѣтъ не безъ добрыхъ людей! А дѣла шли все хуже и хуже, и роковой кругъ суживался все тѣснѣе; бѣдность обходила со всѣхъ сторонъ и предъявляла въ тысячѣ мелочей свои неотступныя требованія. Сколько разъ Зиночка думала о деньгахъ m-lle Бюшъ, но не рѣшалась ихъ трогать, потому что могла случиться еще бо̀льшая крайность. Быстро проходившее лѣто говорило о новыхъ заботахъ и напастяхъ—нужно будетъ и о дровахъ позаботиться и о теплой одеждѣ. Одна мысль о темной осени наводила на Зиночку уныніе, а думать приходилось все чаще и чаще—лѣто катилось незамѣтно.

Къ отцу Зиночка заходила по пути, когда носила работу m-me Жанетъ. Однажды вечеромъ она запоздала и возвращалась изъ магазина уже въ сумерки. Зиночкѣ не хотѣлось заходить къ отцу, но она такъ привыкла теперь дѣлать все пунктуально, безъ всякихъ откладываній и колебаній. „Нужно“—вотъ великое слово, которое дѣлаетъ все на свѣтѣ. И теперь Зиночка проголодалась, устала и вообще была „рада мѣсту“, но нужно было провѣдать еще отца. Дождь шелъ съ утра, и на улицахъ вездѣ стояли лужи. Зиночка промокла и въ заключеніе всего начерпала грязи въ калоши. Въ номера она поднималась въ очень скверномъ настроеніи духа и даже хотѣла вернуться домой. Мокрыя юбки такъ и шлепали по ногамъ, осеннее пальто было забрызгано грязью.

Отворивъ дверь въ знакомый номеръ, Зиночка даже попятилась назадъ—у стола на диванѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, сидѣлъ Сенечка Татауровъ.

— А вотъ и ты...—заговорилъ Ромодинъ, съ необычайной живостью выскакивая навстрѣчу гостьѣ.—Вотъ и отлично...

— Я какъ-нибудь въ другой разъ зайду...—замѣтила Зиночка, останавливаясь въ нерѣшимости.

— Нѣтъ, мы тебя не отпустимъ!—заявилъ Ромодинъ, снимая пальто съ Зиночки.—Семенъ Иванычъ уже третій вечеръ поджидаетъ тебя здѣсь... Ему нужно переговорить съ тобой о какомъ-то дѣлѣ.

Это нахальство возмутило Зиночку, и она смѣло посмотрѣла на своего врага, который нерѣшительно поднялся съ мѣста и видимо не смѣлъ протянуть руки. Онъ былъ трезвъ и имѣлъ приниженно-скромный видъ.

— Я даже могу на время выйти, чтобы не мѣшать вамъ...—предлагалъ Ромодинъ, видя замѣшательство молодыхъ людей.

— Нѣтъ, пожалуйста, не уходите...—просилъ Татауровъ.

Зиночка хотѣла сказать то же самое и еще сильнѣе взволновалась отъ того, что Татауровъ предупредилъ ее. Она плохо различала теперь окружающую ее обстановку и только чувствовала, что тамъ, въ глубинѣ души, все у нея похолодѣло, а губы дрожатъ отъ волненія. На лицѣ оставались

капли дождя, прядки бѣлокурыхъ волосъ прилипли ко лбу, а на щекахъ заиграли нехорошія лихорадочныя пятна.

— Я могу только удивляться...—заговорила Зиночка, задыхаясь:—да, удивляться, что встрѣчаю здѣсь господина Татаурова, именно здѣсь, въ квартирѣ моего отца, и... и еще больше могу удивляться его смѣлости, — чтобы не сказать больше,—видѣть меня...

Ромодинъ стоялъ въ дверяхъ и удивленно смотрѣлъ то на дочь, то на смущенно переминавшагося у стола Сенечку. Зиночка ни слова не сказала ему до сихъ поръ о выходкѣ Татаурова.

— Я... я хотѣлъ видѣть васъ, Зинаида Игнатьевна, только для того, чтобы сказать вотъ при Игнатьѣ Павловичѣ, что я мерзавецъ и свинья...—отвѣтилъ Татауровъ заранѣе приготовленной фразой.—Я настолько понимаю, что не заведу даже рѣчи о прощеніи... Такихъ подлецовъ и не слѣдуетъ прощать. Да... Вотъ я именно это и хотѣлъ сказать...

— Господи, что̀ же это такое?..—взмолился Ромодинъ.—Зиночка, я ничего не зналъ... что-то такое случилось... Зиночка, да ты присядь, а то едва на ногахъ держишься.

Она машинально повиновалась ему и присѣла къ столу. Теперь она не рѣшалась взглянуть на Татаурова, который оставался на ногахъ и только дѣлалъ лѣвой рукой такой жестъ, точно кого-то отталкивалъ отъ себя.

— Вы были пьяны...—тихо проговорила Зиночка, съ трудомъ переводя духъ.—А развѣ пьяный человѣкъ можетъ отвѣчать за свои поступки?.. Но и другіе не виноваты... Есть такія положенія... когда потерпѣвшему остается только молчать.

— Да, я постоянно былъ пьянъ, Зинаида Игнатьевна...—продолжалъ Татауровъ.—Предъ вами погибшій человѣкъ... Но и у погибшаго человѣка можетъ проснуться совѣсть. Когда я увидалъ васъ тогда на пасѣкѣ... ахъ, какъ мнѣ сдѣлалось совѣстно, гадко!.. И такой человѣкъ поднялъ свою грязную руку на честную дѣвушку... Игнатій Павловичъ, гоните меня, подлеца, въ шею—вотъ и весь разговоръ.

— Да въ чемъ дѣло?—спрашивалъ Ромодинъ.

Татауровъ, сбиваясь и дѣлая остановки, разсказалъ откровенно всѣ обстоятельства. Ромодинъ слушалъ его, блѣдный, какъ полотно, и отъ охватившаго его волненія у него затряслась нижняя челюсть. Зиночка сидѣла попрежнему у стола и не замѣчала, какъ по лицу ея катились слезы. Стоявшая на столѣ лампа освѣщала эту живую картину, оставляя углы комнаты въ полутьмѣ. Жажда покаянія у Татаурова разразилась именно въ той острой формѣ, когда человѣкъ говоритъ: „смотрите, всѣ смотрите, какой я дурной и скверный человѣкъ—я самъ презираю себя“. Это—свойство русскаго простого человѣка, который кланялся съ высокаго лобнаго мѣста на всѣ четыре стороны и прощался съ міромъ православнымъ. Накипѣвшему злу нуженъ выходъ.

— Нѣтъ... всего я не могу и разсказать...—безсильно закончилъ Татауровъ, опускаясь на диванъ.—Вѣдь я все-таки получилъ кой-какое образованіе, а жилъ до сихъ поръ по-свински. Такимъ людямъ даже нѣтъ имени.

Наступила тяжелая пауза. Ромодинъ шагалъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руку за спину. Какъ, къ его дочери посылать извозчика изъ гостиницы!.. Господи, что̀ же это такое?.. И она, она молчала все время... Нѣтъ, всему есть предѣлы, и онъ, Ромодинъ, покажетъ, что нельзя безнаказанно оскорблять порядочныхъ людей. Только пусть уйдетъ Зиночка; у него съ Татауровымъ будетъ свой разговоръ: старый и больной отецъ покажетъ купеческому саврасу, что̀ называется порядочностью въ человѣческомъ общежитіи.

Но въ этотъ моментъ Татауровъ поднялся и, не прощаясь, пошелъ прямо къ двери.

— Послушайте,—остановила его Зиночка.—О своей пьяной выходкѣ вы сказали больше, чѣмъ я сама знала... Я даже понимаю такой поступокъ, какъ проявленіе ничѣмъ не сдерживаемой разнузданности. Но для меня непонятно вотъ что̀: зачѣмъ вы тогда купили съ аукціона мой рояль? Это былъ единственный вѣрный другъ, и вы отняли его у меня... Если бы купилъ его какой-нибудь незнакомый человѣкъ, то это еще можно объяснить жаждой наживы, наконецъ привычкой къ дешевымъ покупкамъ; но вы бывали у насъ такъ часто въ домѣ... вообще были приняты какъ свой человѣкъ...

— Вотъ ужъ этого не могу вамъ сказать,—бормоталъ Татауровъ, перебирая въ рукахъ шапку.

— Почему?..

— Такъ... А впрочемъ, все равно: меня подговорилъ Бржозовскій, чтобы сдѣлать вамъ непріятность. Это еще хуже того, что̀ я дѣлалъ дурного лично отъ себя...

— Неправда! — рѣзко прервала его Зиночка.—Да, неправда...

— Я лучше уйду,—повторялъ Татауровъ.—Ей-Богу, уйду... что̀ же тутъ говорить: мерзавецъ, и только. На такихъ людей даже не сердятся, а только презираютъ...

Зиночка не помнила, когда и какъ вышелъ изъ номера Татауровъ. Отцу стоило большихъ хлопотъ, чтобы привести ее въ себя. Она не плакала, не жаловалась, не стонала, а точно вся застыла. Ромодинъ хорошо зналъ нервные женскіе припадки и поэтому молчалъ тоже; лучшее лѣкарство въ такихъ случаяхъ—тишина. Испытанный человѣкъ понималъ многое такое, о чемъ не догадывалась и не могла бы догадаться сама Зиночка, и о чемъ онъ не могъ ей сказать. Желаніе посчитаться съ купеческимъ саврасомъ уступило мѣсто другому чувству... Да и ему ли, изъ-за котораго плакало столько женщинъ, судить другихъ!

— Папа... я всѣхъ ненавижу... да, всѣхъ!—заговорила наконецъ Зиночка, просыпаясь отъ своего забытья.—И тебя ненавижу, папа... и себя... вотъ за то, что сидѣла здѣсь и слушала васъ обоихъ. Нужно бѣжать.

Она такъ и ушла, не простившись съ отцомъ.

XVI.

Прошелъ годъ. Опять наступала весна. Ромодины жили все въ томъ же флигелькѣ, а Игнатій Павловичъ перебивался попрежнему въ своихъ номерахъ. Милочка поступила въ гимназію, маленькая Аня ходила уже около стульевъ.

Въ дневникѣ Зиночки мы читаемъ: „Какъ я люблю, когда расцвѣтаютъ въ февралѣ гіацинты и тюльпаны... Они, эти восточные гости, говорятъ намъ, что тамъ, далеко-далеко, подъ горячимъ южнымъ небомъ, уже наступила весна,—благоухающая, пышная, цвѣтущая, одуряющая богатствомъ красокъ и ароматовъ весна. Тамъ плачутъ соловьи надъ распускающимися розами, а у насъ все еще покрыто снѣжнымъ саваномъ и завываютъ зимнія мятели... А я такъ люблю цвѣты—вѣдь они говорятъ намъ о вѣчной веснѣ, солнцѣ и жизни вообще. Напримѣръ, какая прелесть левкой—мой любимый цвѣтокъ. Одинъ его запахъ уже напоминаетъ лѣто, жизнь гдѣ-нибудь на дачѣ, прогулки и тѣ маленькія дешевыя удовольствія, которыя хороши уже однимъ тѣмъ, что доступны самымъ маленькимъ людямъ. Я всегда мечтала о томъ, чтобы пожить хоть одно лѣто на такой дачѣ и отдохнуть. Да, отдохнуть...

Однако какія странныя мысли у меня сегодня выливаются изъ головы. Чуть не забыла очень удачное сравненіе нашей весны съ настоящей южной весной: наша походитъ на бѣдную родственницу, которая старается войти и выйти незамѣтно, чтобы кого-нибудь не обезпокоить—и платье на ней перекрашенное, и цвѣты на шляпѣ выцвѣли, и надушилась она дешевенькими духами. Но мнѣ нравится это блѣдное, хорошее лицо, эти честные глаза, эта скромная молчаливость, точно это я сама.

„Сегодня мнѣ приходится писать о глупостяхъ: цвѣты, весна, лѣнь... Я дѣлаюсь положительно эгоисткой, потому что начинаю думать, кажется, только о себѣ и о томъ, что̀ мнѣ нравится. Что̀ можетъ быть отвратительнѣе такого разыгравшагося эгоизма кисейной барышни? Хочу думать о другихъ и не могу... Если бы у меня было свободное время, я стала бы капризничать и скучать. А мысли такъ и разбѣгаются сами собой, чтобы помечтать. Для чего я пишу все это? Кому это нужно? А вотъ для чего: нужно провѣрять себя, каждый свой шагъ, и подводить итогъ каждому дню, какъ ведутся приходо-расходныя книги... Есть наконецъ потребность высказаться и прислушаться къ самому себѣ. Итакъ, весна, цвѣты и... ну, конечно, у всякой кисейной барышни долженъ быть свой *онъ*. Нельзя! Природа безжалостна и лѣзетъ въ окно, когда ее не пускаютъ въ дверь. У меня тоже есть свой *онъ*. Да, настоящій *онъ*... *Онъ* появился совершенно неожиданно и страшно меня напугалъ. Это было еще зимой. Кажется, на Святкахъ—да, да, на Святкахъ. Дешевенькіе часы пробили ровно часъ, когда дверь въ передней растворилась, и показался Сенечка Татауровъ... Помню, какъ вся кровь хлынула мнѣ въ голову и какое бѣшенство охватило меня: какъ онъ смѣлъ явиться въ домъ, опозоренный его же рукой?.. Потомъ мнѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно за свое ситцевое платье, за оборвавшуюся рюшку на рукавѣ, наконецъ за то, что намъ рѣшительно негдѣ было принимать гостей. Я вышла сама къ нему въ переднюю (въ скобкахъ: мною овладѣла отчаянная рѣшимость выгнать этого нахала вонъ!) и самымъ сухимъ тономъ, какъ не умѣетъ говорить ни одна кисейная дама въ свѣтѣ,—спросила:

„— Что̀ вамъ угодно?

„Этотъ нахальный человѣкъ пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и затоптался на мѣстѣ, какъ козелъ, ударившійся лбомъ въ стѣну. Я уже подняла руку, чтобы указать ему на дверь, какъ взглянула нечаянно на его лицо и остановилась: это лицо было такое жалкое, умоляющее...

„— Не гоните меня...—какъ нищій, просилъ этотъ нахальный человѣкъ.

„Что̀ было мнѣ дѣлать? Говоря правду, я немножко растерялась: какое нахальство нужно для того, чтобы явиться ко мнѣ на глаза... И притомъ, что̀ нужно этому человѣку? Что̀ общаго могло быть между нами? Когда я опомнилась, онъ уже сидѣлъ въ моей комнатѣ... Конечно, это было глупо, мнѣ не слѣдовало ни въ какомъ случаѣ пускать его черезъ порогъ своей комнаты, но тутъ сидѣла Милочка, и мнѣ не хотѣлось выдавать передъ ней свою оплошность. Хитрая дѣвчонка сдѣлала такое лицо, точно все это такъ и должно быть, а *онъ* растерянно смотрѣлъ куда-то въ уголъ, какъ пойманный за ухо школьникъ. Оставалось разыграть комедію до конца, и я даже предложила ему стаканъ кофе... Представьте себѣ, *онъ* и не подумалъ отказаться, а точно обрадовался. Я еще разъ разсердилась и на себя, и на него, и на Милочку—на всѣхъ. Если такъ, то пусть полюбуется нашей семейной обстановкой, ситцевыми платьями, вообще убожествомъ всего окружающаго. Дарья подала жидкій кофе и — вмѣсто сливокъ — простого молока. Онъ молча выпилъ стаканъ и посмотрѣлъ на меня, какъ будто просилъ еще второй,—нѣтъ, это уже изъ рукъ

вонъ. *Онъ* говорилъ что-то такое о погодѣ, о театрѣ, о какихъ-то знакомыхъ, вообще держался ужасно глупо, и я едва дождалась, когда онъ наконецъ уйдетъ. Главнымъ образомъ, мнѣ было совѣстно Милочки, но ловкая дѣвчонка даже глазомъ не повела и не проронила ни одного слова, когда *онъ* ушелъ. Ночью, когда всѣ спали, я горько плакала... Да, я поступила, какъ настоящая кисейная барышня, и всякая другая порядочная дѣвушка сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ совсѣмъ не такъ. Я про себя повторяла тѣ великолѣпныя фразы, которыя должна была ему сказать и не сказала: „милостивый государь, вы, вѣроятно, ошиблись адресомъ“... О, я испытывала такой приливъ настоящей благородной гордости, у которой былъ всего одинъ недостатокъ—дѣйствительность совсѣмъ не отвѣчала ей, и я себя называла опять кисейной барышней. Но страшное было впереди: черезъ три дня онъ явился опять... Что̀ ему нужно, въ самомъ дѣлѣ?.. Я могла только удивляться его глупости... Въ довершеніе всего, Милочка незамѣтно ускользнула въ комнату къ матери и оставила насъ однихъ съ глазу на глазъ.

„— Я вамъ не буду мѣшать, Зинаида Игнатьевна?

„— Послушайте, Семенъ Ивановичъ... Если вы не хотѣли понять изъ того, какъ я васъ приняла въ первый разъ, что дѣлать второй визитъ—совершенно напрасный трудъ, то я должна сказать вамъ это прямо, словами. Надѣюсь, между нами не можетъ быть недоразумѣній.

„Кажется, я высказалась прямо и опредѣленно, и каждый умный человѣкъ убѣжалъ бы сейчасъ же, а *онъ* только посмотрѣлъ на меня недоумѣвающимъ взглядомъ и какъ-то разсѣянно проговорилъ:

„— А вы сегодня дадите мнѣ кофе?..

„Ясно, что это была глупая уловка, чтобы, съ одной стороны, выиграть время, а съ другой—прикинуться дурачкомъ, что̀ бываетъ иногда выгодно. Я велѣла Дарьѣ подать ему кофе, а сама ушла въ комнату къ maman... Кажется, достаточно? Онъ остался одинъ дожидаться своего кофе и просидѣлъ съ полчаса, пока Милочка не сжалилась и не вышла къ нему... Неужели еще и послѣ того кто-нибудь можетъ упрекнуть меня въ слабости?

„Противъ меня составилось что-то въ родѣ заговора. Разъ возвращаюсь отъ m-me Жаметъ. Милочка встрѣчаетъ меня въ передней и таинственно сообщаетъ: „*Онъ* сидитъ у maman“. Это уже наглость: ворваться въ чужой домъ, когда нѣтъ хозяйки... Виновата, я привыкла теперь считать хозяйкой себя и забываю совсѣмъ о maman. Съ этой точки зрѣнія *онъ*, пожалуй, и правъ... Итакъ, *онъ* сидѣлъ у maman. Я сначала ужасно разсердилась и приготовила ему приличную встрѣчу, но онъ сидѣлъ такъ долго, что мнѣ вдругъ надоѣло сердиться: развѣ на дураковъ можно сердиться? Милочка все время сидѣла за своими книжками и лукаво поглядывала на меня... Когда онъ пошелъ, я не вышла къ нему.

„Должна сознаться, что *онъ* ужасный человѣкъ, и я рѣшительно не понимаю, что̀ ему нужно отъ меня... Съ тѣхъ поръ онъ часто бываетъ у насъ. Какъ это случилось, сама не знаю, точно все вышло само собой или „такъ“, какъ говорятъ дѣти. Для него я ни на волосъ не измѣняю установившагося порядка жизни и работаю тутъ же за столомъ, когда *онъ* сидитъ и глупо смотритъ на меня. Maman за него... Хуже всего то, что я начинаю мириться съ его присутствіемъ. Даже больше: я точно оправдываю его передъ кѣмъ-то. На-дняхъ,—не знаю для чего,—разспрашивала его, гдѣ онъ учился, какіе у него родные, что̀ онъ дѣлаетъ и что̀ думаетъ дѣлать. Крайне непослѣдовательно и глупо, потому что мнѣ рѣшительно нѣтъ до него никакого дѣла. Мое вниманіе видимо его обрадовало (о, глупый человѣкъ!), и онъ разсказалъ

почти всю свою біографію, за исключеніемъ той части, о которой неприлично разсказывать. Говоритъ *онъ* складно и какъ-то особенно искренно, что невольно подкупаетъ въ его пользу—я замѣтила это на Милочкѣ, которая иногда скучаетъ, если *онъ* не показывается дня три. Чтобы отвадить его, я иногда читаю длинныя нравоученія по его адресу. Это выходитъ очень забавно, и онъ начинаетъ ежиться. Въ сущности, онъ, кажется, не злой человѣкъ... Позвольте, что же это я такъ далеко уѣхала въ сторону отъ своихъ гіацинтовъ, тюльпановъ и левкоевъ? Второй часъ ночи, а я теряю время за глупымъ дневникомъ".

Весна стояла во всемъ разгарѣ. Живая зелень покрывала и лѣсъ, и поля, и нивы, и даже то кладбище, гдѣ покоилась m-lle Бюшъ. Ея дерновая могилка была обсажена бѣлыми левкоями, которые уже цвѣли. Чья-то любящая рука черезъ каждые три дня приносила свѣжій букетъ и клала его къ подножію простого деревяннаго креста.

Было раннее утро, когда къ кладбищу подкатилъ щегольской экипажъ, и изъ него вышли двое молодыхъ людей. Дама торопливо пошла къ знакомой могилкѣ, а мужчина несъ за ней вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Они остановились надъ могилой m-lle Бюшъ, и деревянный крестъ былъ украшенъ цвѣтами. Дама долго молилась, а потомъ отколола отъ своей груди букетъ fleurs d'orange и прикрѣпила его къ вѣнку.

— Есть вещи, которыхъ не вернешь никакими слезами... — задумчиво говорила дама, подавая руку мужу. — И тѣмъ обиднѣе свое собственное счастье.

Читатель, конечно, ужъ догадывается, что молодая дама была Зиночка, теперь m-me Татаурова, а ея кавалеръ—Сенечка Татауровъ.

1889.

ПАУЧКИ.

Разсказъ.

I.

На городской каланчѣ пробило десять часовъ. Лѣтнее утро свѣжо, хотя уже начинаетъ чувствоваться наливающійся зной, особенно на солнечной сторонѣ улицы; пѣшеходы пробираются по дряннымъ деревяннымъ тротуарамъ, какіе сохранились только въ глухихъ провинціальныхъ городахъ. Каждый прокатившійся по улицѣ экипажъ оставляетъ за собою длинную полосу пыли, которая садится на все кругомъ толстымъ слоемъ.

— Кажется, пора...—говорю я, вынимая часы.

Предстоитъ довольно непріятный визитъ; поэтому я стараюсь не думать о немъ, а беру шляпу и торопливо выхожу изъ своей квартиры. Всего нѣсколько улицъ. Навстрѣчу попадается нѣсколько чиновниковъ, дьяконъ, отслужившій раннюю обѣдню, нѣсколько разбитныхъ мѣщанокъ съ коромыслами; вихремъ пронеслась пара на-отлетъ мѣстнаго свѣтила медицины; шарахнулся одурѣвшій съ жиру стоялый купеческій жеребецъ, заложенный въ лакированную пролетку; гдѣ-то на крышѣ неистово кричатъ галки. Вотъ и старинная церковь, видавшая еще татарскіе „заѣзды". Беру налѣво по каменному тротуару; вотъ и черная, точно крытая бархатомъ, вывѣска съ золотой надписью: „Банкирская контора Подбрюшникова и К°". Трехъэтажный каменный домъ, великолѣпный подъѣздъ—однимъ словомъ, помѣщеніе приличное для финансовыхъ операцій.

— Заперто-съ... — предупреждаетъ какой-то сомнительный господинъ, когда я направляюсь въ подъѣздъ.

Очевидно, мы явились сюда по одному и тому же дѣлу, придется подождать. Сомнительный господинъ продолжаетъ совершать неторопливый „проминажъ" по тротуару и заглядываетъ въ окна банкирской конторы. Я тоже дѣлаю нѣсколько туровъ по его слѣдамъ, но это скучно—ухожу на бульваръ и сажусь на зеленую скамейку, покрытую пылью и разными гіероглифическими надписями. Солнце начинаетъ припекать. Отъ-нечего-дѣлать черчу палкой на пескѣ разныя геометрическія фигуры. Незадолго до меня кто-то сидѣлъ на этой же скамьѣ и тоже чертилъ палкой по песку; видны слѣды широкихъ каблуковъ, нѣсколько свѣжихъ окурковъ валяются тутъ же. Начинаю думать на тему: кто былъ мой предшественникъ и чего онъ ждалъ? Можетъ-быть, это тотъ самый господинъ, который ходитъ подъ окнами банкирской конторы; навѣрно, онъ сидѣлъ, сидѣлъ, а теперь и разминаетъ ноги. Еще разъ вынимаю часы—половина десятаго безъ семи минутъ.

Часы у меня дешевые и очень плохіе; пріобрѣтены они въ минуту

жизни трудную и ходятъ чрезвычайно капризно—то отстанутъ на полчаса, то забѣгутъ впередъ на цѣлый часъ, а то и совсѣмъ остановятся. Но я все-таки люблю ихъ, какъ любятъ стараго испытаннаго друга; вѣдь они были живымъ свидѣтелемъ работы, неудачъ, радости и горя, именно живымъ, потому что размѣривали какъ бы сознательно время по всѣмъ этимъ житейскимъ рубрикамъ. А сколько было передумано и перечувствовано съ ними въ безсонныя ночи, у постели больного любимаго человѣка, въ минуты тяжелаго унынія, когда не клеилась работа и нападало страшное чувство сомнѣнія и неувѣренности въ собственныхъ силахъ. По нимъ же считался пульсъ, когда жизнь уходила изъ тѣла капля за каплей, и неотступная мысль о смерти заслоняла собой всѣ другія представленія, чувства и желанія. Нѣтъ, я положительно люблю вотъ эти самые дрянные часы, это механическое сердце нашего торопливо работающаго времени: чувство довольно смѣшное, но, вѣроятно, хорошо знакомое очень многимъ небогатымъ людямъ. Кромѣ своихъ законныхъ функцій, моимъ часамъ приходится выполнять одну двусмысленную и обидную роль, потому что они въ отдѣлѣ моей движимой собственности являются единственнымъ представителемъ благороднаго металла и поэтому время отъ времени выступаютъ на сцену въ качествѣ замаскированнаго денежнаго знака, говоря проще—закладываются въ кассу ссудъ. Мнѣ всегда было тяжело разставаться съ ними именно такимъ образомъ, но дѣлать нечего: есть обстоятельства сильнѣе людей, и между ними первое мѣсто занимаетъ „нашъ общій другъ"—голодъ. Увы, я долженъ сознаться, что и теперь шелъ въ банкирскую контору съ коварною цѣлью устроить нѣкоторое перемѣщеніе цѣнностей, именно при посредствѣ этого стараго испытаннаго друга. Впрочемъ, это слишкомъ старая исторія...

— Подлецы...—сердито проворчалъ надо мною тотъ же голосъ, который давеча предупредилъ о запертыхъ дверяхъ.

Сомнительный господинъ видимо взволнованъ и садится на лавочку рядомъ со мной; онъ сердито сплевываетъ на сторону и раскуриваетъ дешевую измятую папироску. Слѣдуетъ довольно длинная пауза, и я опять начинаю думать на тему о разныхъ неодушевленныхъ предметахъ, которые имѣютъ счастье дѣлаться нашими друзьями—фактъ, безъ сомнѣнія, интересный въ психологическомъ отношеніи, потому что расширяетъ область нашихъ альтруистическихъ чувствъ за предѣлы даже органическаго міра.

— Нѣтъ, каковы подлецы-то?..—уже шипитъ сомнительный господинъ, запахивая расходящіяся полы своего верхняго пальто съ явной цѣлью скрыть заплатанныя колѣнки:—дрыхнутъ до десяти часовъ... а?..

— Кажется, контора обыкновенно открывается въ девять?—спрашиваю я, чтобы поддержать разговоръ.

— Всегда въ девять... Я и пришелъ сюда въ восемь, цѣлый часъ продежурилъ, а они не изволятъ и шевелиться. Знаете, я таки-добился—поймалъ швейцара и спрашиваю, отчего контору не отворяютъ: „Юбилей, говоритъ, справляли вечоръ..."—„Какой такой юбилей?.." — „А, говоритъ, трехлѣтній юбилей, потому какъ наше занятіе весьма себя оправдало". По случаю этого юбилея теперь всѣ и дрыхнутъ... Ну, скажите, ради Бога, не подлецы они послѣ этого... а? Тьфу!.. Конечно, есть изъ чего юбилеи-то справлять, когда съ нашего брата по три шкуры дерутъ... Двѣнадцать процентовъ годовыхъ да за храненіе двадцать четыре, итого тридцать шесть процентовъ въ годъ... Очень недурно!..

Сомнительный господинъ фукнулъ носомъ и съ ожесточеніемъ задымилъ папиросой. Опухшее красное лицо съ щетинистыми усами, запошенная бли-

номъ фуражка, отсутствіе бѣлья—все обличало разночинца безъ опредѣленныхъ занятій, какъ и оказалось на дѣлѣ, когда мы познакомились.

— Трудно нынче на свѣтѣ жить,—разсказывалъ мой разночинецъ:—хоть и умирать, такъ въ ту же пору... Ужъ гдѣ только я ни служилъ, Господи, а все вотъ со дня на день бьюсь. Плохо нашему брату... Было мѣсто на желѣзной дорогѣ, на двадцать рублей жалованья, подаю прошеніе, а тамъ ихъ больше трехсотъ лежитъ. Это какъ?.. Смерть, а не житье нашему брату, разночинцу. Да-съ... Нынче все мужика жалѣютъ, а что̀ мужикъ?—мужикъ настоящій богачъ супротивъ нашего брата. Послушайте, что̀ же это мы тутъ сидимъ? Можетъ, юбилейники-то и встали... Эхъ, вотъ кому масленица, а не житье—это закладчикамъ. Да-съ, прежде этого и званія не было, а нынче вездѣ пошли эти самыя банкирскія конторы. Взять того же Подбрюшникова. Да, дѣло вѣрное: положилъ сто цѣлковыхъ—черезъ годъ вынулъ триста. И все принимаютъ, хоть кожу съ себя спими да принеси имъ...

Контора однако оказалась еще закрытой, хотя швейцаръ, изъ отставныхъ солдатъ, и пропустилъ насъ подождать въ пріемную залу.

— Ну, такъ выправили юбилей, служба?—спрашивалъ разночинецъ.

— Извѣстно, выправили... шампанскаго одного сколько выпили—страсть! Потому наше дѣло вѣрное, вполнѣ оправдалось...

II.

Банкирская контора Подбрюшникова и К° ничѣмъ не отличалась отъ другихъ кассъ. Прямо изъ передней посѣтители входятъ въ длинную пріемную, перегороженную деревянной рѣшеткой на двѣ половины: въ первой—кліенты, во второй—служащіе. Кассиръ помѣщался, какъ обезьяна, въ проволочной клѣткѣ. Двери налѣво вели въ собственные апартаменты Подбрюшникова, человѣка новой геологической формаціи. Въ маленькій городокъ, на одномъ изъ притоковъ Оби, онъ явился неизвѣстно откуда, открылъ свою банкирскую контору и черезъ три года „выправилъ юбилей“.

— Здѣсь попрохладнѣй будетъ...—говорилъ разночинецъ, усаживаясь на вылощенную посѣтителями дубовую лавочку:—можетъ, и проснутся, стервы, юбилейныя! Охъ-хо-хо...

Дѣйствительно, въ пріемной было гораздо прохладнѣе, чѣмъ на [illegible] особенно около крашеной подъ дубъ кирпичной стѣны. Пока я разсматривалъ обстановку банкирской конторы, разночинецъ погрузился въ сладкую дремоту. Гдѣ-то жужжала и билась головой о стекло большая зеленая муха; на стѣнѣ съ медленной важностью тикали большіе часы; на столахъ и конторкахъ правильными кучками, какъ кирпичи, лежали тяжелыя книги въ массивныхъ переплетахъ. Къ юбилею контора, очевидно, была подновлена, и сильно пахло непросохшей краской.

Сердобольный швейцаръ оказалъ гостепріимство не намъ однимъ,—скоро вошла молодая дѣвушка съ поблекшимъ лицомъ, потомъ старикъ-чиновникъ, двѣ бойкихъ городскихъ мѣщанки, какой-то мастеровой въ кожаной фуражкѣ. У кого былъ въ рукахъ узелъ, у кого просто бумажный свертокъ; фабричный досталъ изъ фуражки двѣ розовыхъ квитанціи. Словомъ, набиралась спеціальная публика, которую можно встрѣтить въ любой кассѣ ссудъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ далекой провинціи. Собственно, настоящей голой нужды, которая протягиваетъ руку на улицѣ, здѣсь не бываетъ,—ей нечего закладывать,—но зато всѣ переходныя ступени къ этой отрицательной величинѣ налицо. Большинство закладывающихъ всегда принадлежитъ къ разночинцамъ, а въ фабричныхъ мѣстностяхъ—къ мастеровымъ; среднія ступени заняты

мелкимъ чиновничествомъ, якобы цивилизованнымъ новымъ купечествомъ, людомъ случайной наживы, прогорѣлымъ барствомъ, мыслящимъ пролетаріатомъ и т. д. Мужика, духовное лицо, представителя стариннаго, крѣпкаго купечества вы никогда не встрѣтите въ этой финансовой ловушкѣ, которая затягиваетъ и разоряетъ въ конецъ. Замѣчательно то, что и въ далекой провинціи составъ закладывающей публики тотъ же, что̀ и въ столицахъ.

Мнѣ слишкомъ часто приходилось обращаться за братской помощью къ ссуднымъ кассамъ, такъ что специфическое впечатлѣніе, производимое этими паучьими гнѣздами на свѣжаго человѣка, съ теченіемъ времени притупилось, какъ стирается монета изъ самаго чистаго, благороднаго металла отъ слишкомъ долгаго употребленія. Но я нахожу, что время отъ времени очень полезно заглядывать въ эти печальныя мѣста. Эта открытая всѣмъ четыремъ вѣтрамъ нужда оставляетъ сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что здѣсь, въ этихъ финансовыхъ притонахъ, идетъ самая безжалостная спекуляція человѣческаго горя и несчастья во всевозможныхъ видахъ, разновидностяхъ и подраздѣленіяхъ.

— Э, съ богатаго немного возьмешь,—говорилъ мнѣ одинъ старикъ-еврей:—богатый купитъ все во̀-время, оптомъ, а капиталы наживаютъ по крошечкамъ, съ небогатыхъ людей.

Это уже цѣлая теорія о великомъ значеніи неизмѣримо-малыхъ величинъ, когда капля долбитъ камень или изъ микроскопическихъ ракушекъ вырастаютъ горные кряжи. Поэтому спекуляція бѣдности и несчастья доставляетъ самые баснословные барыши, какъ это извѣстно всѣмъ политико-экономамъ. Сидя въ банкирской конторѣ Подбрюшникова, я думалъ о томъ, отчего наши благотворительныя общества не пустятъ въ ходъ такихъ же точно ссудныхъ кассъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, брали бы законные проценты на капиталъ—и только. Вѣдь существуютъ же за границей такія кассы, гдѣ съ бѣдныхъ людей не берутъ за заклады никакихъ процентовъ... Закладывающая бѣднота еще можетъ вывернуться при маленькой поддержкѣ, и важно то, что она не будетъ переплачивать за свое безвыходное положеніе 300—400% разнымъ благодѣтелямъ, въ родѣ Подбрюшникова и К°.

Однимъ словомъ, читатель, я немного замечтался и залетѣлъ въ область совсѣмъ несбыточныхъ фантазій. Изъ этого состоянія вывелъ меня уже знакомый вамъ разночинецъ, который толкнулъ меня локтемъ и прошепталъ:

— Смотрите налѣво... въ дверь.

Въ полуотворенную дверь можно было разсмотрѣть отлично меблированную комнату съ орѣховой мебелью и настоящими шелковыми драпировками. На порогѣ стояла дѣвочка лѣтъ восьми и какъ-то не по-дѣтски проницательно осматривала собравшуюся публику, т.-е. насъ; она была одѣта въ розовое барежевое платьице, открывавшее до самаго плеча полныя дѣтской полнотой руки, съ ямочками на круглыхъ локтяхъ. Дѣвочка была очень красива, какъ бываютъ красивы дѣти послѣдней дѣтской красотой, на границѣ неблагодарнаго переходнаго возраста; особенно хороши были задумчивые темные глаза съ длинными загнутыми рѣсницами и великолѣпные бѣлокурые волосы, падавшіе бахромой на бѣлый маленькій лобъ. Легкое кружево, охватывавшее шею, точно пѣной, ажурные шелковые чулки и прюнелевыя туфельки на ногахъ свидѣтельствовали о желаніи нравиться.

— Настоящая грёзовская головка...—проговорилъ мой разночинецъ.— Не правда ли, какая красивая дѣвочка? И сейчасъ видно, что въ этой маленькой феѣ уже просыпается женщина: посмотрите, какъ она держитъ ноги, точно позицію учитъ... Да. А какъ она смѣло смотритъ... а?...

Этотъ отзывъ разночинца меня удивилъ, потому что откуда бы знать этому сомнительному господину о грёзовскихъ головкахъ и позиціяхъ, а между тѣмъ онъ заговорилъ языкомъ настоящаго аматера и принялся разсматривать дѣвочку непріятно прищуренными глазами. Отъ дѣвочки не ускользнуло это вниманіе; она нахмурила брови, сжала пухлыя губки и, не торопясь, скрылась, что̀ заставило разночинца улыбнуться самодовольной, странной улыбкой.

— Какова... а?—заговорилъ онъ послѣ короткой паузы.—Это дочь самого Подбрюшникова и будетъ красавица, увѣряю васъ. Замѣтили, какъ у нея поставлена голова—роскошь...

— Знаете, какъ-то нейдетъ именно такъ говорить о дѣтяхъ,—замѣтилъ я, чтобы оборвать разлакомившагося разночинца.—Дѣтскій возрастъ имѣетъ нѣкоторыя счастливыя преимущества...

— Совершенно вѣрно... Но я ужасно люблю женщинъ. Да... видите, въ какомъ я звѣриномъ видѣ, а все изъ-за женщинъ!..

Мнѣ показалось, что мой собесѣдникъ начинаетъ заговариваться, и я съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на его опухшее некрасивое лицо: съ такой неблагодарной физіономіей трудно было нравиться кому-нибудь.

— Однако вы за кого меня принимаете?—заговорилъ разночинецъ, поймавъ мой вопросительный взглядъ. — Ахъ, если бы вы были на Востокѣ, гдѣ женщина въ двѣнадцать лѣтъ бываетъ матерью,—о какія тамъ женщины, какія женщины...

— А вы какъ это на Востокъ попали?

— Помилуйте, три года въ Тегеранѣ жилъ... Какъ же-съ!.. Да... При русскомъ посольствѣ состоялъ. Я вѣдь на факультетѣ восточныхъ языковъ кончилъ, служилъ при министерствѣ, а потомъ получилъ командировку въ Персію. Память у меня хорошая была—восемь языковъ зналъ, да и теперь кое-что помню. Саади читалъ въ оригиналѣ... Вотъ авторъ... а?.. Его нужно читать именно подъ персидскимъ небомъ, въ этой восточной обстановкѣ.

— Какъ же вы изъ Персіи къ намъ въ Сибирь попали?

— Изъ-за женщины... ха-ха!.. Вамъ это смѣшно слышать отъ такого санкюлота, а между тѣмъ это такъ. Я и восточными языками съ этою цѣлью занимался, чтобы пожить на Востокѣ въ свое удовольствіе. Дѣйствительно, скажу я вамъ, вотъ сторонка... и какія женщины!.. Разъ, ночью, иду я по Тегерану уличка этакая грязная, узкая, какъ самая скверная канава. Хорошо-съ... Мазанки, сады... Только поровнялся я съ одной стѣной—тамъ вѣдь стѣны не такія, какъ у насъ: во-первыхъ, изъ кирпича-сырца ихъ лѣпятъ, а потомъ никакой архитектуры, просто какая-то дѣтская работа,—тутъ выступъ, тамъ яма, однимъ словомъ, ни на что не похоже!—только иду я по уличкѣ, задумался, и вдругъ надъ само̀й моей головой этакій смѣхъ раздался... Такъ меня и обожгло! Поднялъ голову, а тамъ, надъ стѣной изъ виноградной зелени, два такихъ глаза, какъ черные брильянты... Конечно, молодъ былъ, искалъ приключеній. Да... Началъ я каждую ночь бродить мимо этой стѣны и познакомился... Оказалось, что это какой-то загородный дворецъ одного князька; ну, жены тутъ у него жили. Я познакомился съ одной изъ нихъ, влюбился безъ ума, а потомъ въ одну такую прекрасную ночь и увезъ ее... Ей-Богу!.. Конечно, вышелъ громадный скандалъ, и, вдобавокъ, меня поймали почти на самой границѣ... Ну, понятно, меня со службы въ шею, потому что я скомпрометировалъ все посольство. Мыкался-мыкался я, объѣхалъ всю Россію, теперь вотъ въ Сибирь отправился искать счастья. Я, собственно, въ Бухару хотѣлъ пробраться, да вотъ на полдорогѣ засѣлъ и теперь третій годъ въ вашемъ Пропадинскѣ переколачиваюсь.

— Странная исторія... Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Да какъ случится... Прошенія пишу по кабачкамъ, занимаюсь бухарскимъ языкомъ, суфлеромъ былъ. А теперь вотъ притащилъ въ кассу эту штучку...

Мой собесѣдникъ вытащилъ откуда-то изъ-подъ подкладки складную зрительную трубку и торжественно раздвинулъ ее.

— Настоящая офицерская, тридцать пять рублей стоила,—объяснилъ онъ, снимая съ объектива мѣдную накладку.—Очень хорошая штучка, и такъ жаль разставаться съ нею... Пригодилась бы въ Бухарѣ. Крѣпился до послѣдняго, а теперь вотъ приходится ее закладывать, да еще, пожалуй, и выкупить не удастся.

Мы разговорились, т.-е. я собственно хотѣлъ провѣрить моего собесѣдника и началъ его разспрашивать объ университетѣ, о профессорахъ, о Персіи, о персидской литературѣ. Оказалось, что мой разночинецъ не лгалъ и дѣйствительно былъ тѣмъ, чѣмъ выдавалъ себя.

— Странно, какъ вы въ самомъ дѣлѣ дошли до своего настоящаго положенія,—удивился я въ заключеніе.

— Бываетъ,—фиософски отвѣтилъ любитель восточныхъ красавицъ. — Знаете, у меня въ Персіи была даже какая-то проказа... ей-Богу!.. Ноги раздуло, какъ бревна, язвы; однимъ словомъ, по всей формѣ. На бѣду вылѣчился...

— Т.-е. какъ это на бѣду?

— Да такъ... Иногда недурно вò-время покончить лишніе расчеты съ этимъ лучшимъ изъ міровъ и выйти въ тиражъ. Да вонъ, кажется, и юбиляры начинаютъ показываться... Однако двѣнадцатый часъ! Ахъ, злодѣи!..

Упраздненный представитель восточной дипломатіи засмѣялся какимъ-то неопредѣленнымъ смѣхомъ и потянулся рукой за подкладку, гдѣ лежала зрительная труба. Въ публикѣ произошло легкое движеніе, точно дунуло вѣтромъ по залѣ.

III.

Первымъ явился кассиръ, розовый, опрятный старичокъ въ безукоризненной лѣтней „парѣ“ изъ китайскаго шелка; онъ, не торопясь, забрался въ свою проволочную клѣтку и съ медленной важностью принялся выполнять нѣкоторыя предварительныя манипуляціи—надѣлъ золотыя очки, высморкался, причесался, даже поковырялъ въ зубахъ. Лицо у него носило явные слѣды безсонной ночи, а красивые глаза такъ и слипались, какъ у кота. За нимъ появились канцеляристы, одѣтые въ сборные костюмы; глаза у всѣхъ были заспаны, лица помяты. Они переглядывались между собою, улыбались, зѣвали и потягивались, передавая шопотомъ подробности юбилея, законченнаго гдѣ-нибудь въ портерной или въ дрянномъ трактирѣ. Послѣднимъ явился щегольбухгалтеръ; онъ небрежно кивнулъ головой кланявшимся канцеляристамъ и прошелъ прямо въ кассирскую клѣтку. Началась какая-то очень занимательная бесѣда, которая ведется послѣ веселыхъ ночей обрывками фразъ, полусловами и заспанными улыбками; дожидавшаяся публика могла любоваться открытой бѣлой шеей бухгалтера и его выхоленными руками.

— Когда же это начнутъ-то?—спрашивала съ тоской дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ.—Ужъ обѣдъ на дворѣ... Ахъ, ты, Господи!..

— Сказано: юбилей выправляли,—громко отвѣтилъ фабричный.

— Это наконецъ чортъ знаетъ что̀ такое!—возмущался мой дипломатъ и отправился за объясненіями къ кассирской клѣткѣ.

Онъ вернулся оттуда съ нахмуреннымъ лицомъ и сердито проворчалъ:

— Оцѣнщика потеряли... Нигдѣ не могутъ найти и въ полицію заявленіе подали. Вотъ гдѣ подлецы-то...

Публика начала роптать. Въ комнатѣ набралось человѣкъ двадцать; одни уходили, не желая дожидаться, ихъ замѣняли новые посѣтители. Кто-то вполголоса ругалъ пропавшаго безъ вѣсти оцѣнщика; одна старушка спала, прикорнувши въ уголкѣ. Солнце врывалось въ окна цѣлыми снопами яркаго свѣта и заставляло жмуриться и вѣвать; въ комнатѣ дѣлалось жарко и душно. Швейцаръ спустилъ парусинную занавѣску на одномъ окнѣ, но солнце упрямо лѣзло въ комнату золотыми пятнами и полосками, которыя разсыпались по мебели, конторскимъ книгамъ и публикѣ. А кассиръ и бухгалтеръ продолжали бесѣдовать самымъ беззаботнымъ образомъ, прихлебывая чай изъ стакановъ въ мельхіоровыхъ подстаканникахъ.

— Это безсовѣстно такъ обращаться съ публикой,—роптал дипломатъ, начиная шагать по комнатѣ.

Появленіе самого Подбрюшникова на мгновеніе заставило роптавшую публику притихнуть. Онъ вышелъ изъ той двери, въ которой недавно стояла дѣвочка, поздоровался со служащими и прошелъ прямо въ кассирскую клѣтку, куда ему сейчасъ же былъ поданъ свѣжій стаканъ чаю. Его привѣтствовали горячими рукопожатіями и какими-то комплиментами по поводу вчерашняго торжества, на что онъ отвѣчалъ легкими кивками головы. Это былъ видный и красивый господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ легкой лысиной въ бѣлокурыхъ волнистыхъ волосахъ; одѣтъ онъ былъ безукоризненно; на жилетѣ болталась двойная массивная золотая цѣпь, на толстыхъ и короткихъ пальцахъ блестѣли крупные брильянты,—вообще, это былъ настоящій „банкиръ“, какъ ихъ описываютъ въ бульварныхъ парижскихъ романахъ.

— Что же мы будемъ дѣлать?—спрашивалъ кассиръ.—Оцѣнщика нигдѣ не могутъ найти.

— Подождемъ еще немного...—лѣниво протянулъ Подбрюшниковъ, поглядывая на публику.

Въ самый критическій моментъ, когда публика готова была поднять открытый бунтъ, въ дверяхъ показался наконецъ оцѣнщикъ—заспанный угрюмый человѣкъ съ какимъ-то желтымъ лицомъ. Онъ, раскланявшись съ хозяиномъ и получивъ приличный выговоръ, занялъ свое мѣсто за длиннымъ столомъ, придвинутымъ къ самому барьеру. Публика хлынула къ нему и торопливо принялась развертывать принесенные узелки съ вещами; впереди всѣхъ протолкался дипломатъ и торжественно предложилъ вниманію оцѣнщика свою зрительную трубу. Раздвинувъ и сдвинувъ нѣсколько разъ трубу, оцѣнщикъ отвѣтилъ совершенно особеннымъ, равнодушнымъ тономъ, какимъ говорятъ, кажется, только одни оцѣнщики:

— Два рубля...

— Помилуйте, да она заплачена тридцать пять рублей!—взмолился дипломатъ:—я съ ней хотѣлъ ѣхать въ Бухару...

— Извините, пожалуйста, мнѣ рѣшительно некогда.

— Да вѣдь я съ ней объѣхалъ всю Персію!—не унимался дипломатъ и, схвативъ трубу, побѣжалъ съ ней къ кассиру.

Публика сильно наперла на оцѣнщика, и я очутился въ хвостѣ. Отъ нечего-дѣлать я разсматривалъ физіономіи служащихъ, оцѣнщика, который съ особенной ловкостью встряхивалъ и развертывалъ на столѣ какія-то шали, старую шубу и военные штаны съ красной прошвой. Дверь налѣво, гдѣ помѣщалась хозяйская квартира, была пріотворена наполовину, и мнѣ отлично

было видно почти всю комнату. Около окна стоялъ изящный дамскій рабочій столикъ, а за нимъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ семи, лицомъ ко мнѣ; изъ-подъ стола выставлялись только его короткія ножки въ ботинкахъ и шелковыхъ синихъ чулкахъ. Отложной широкій воротъ бѣлой рубашки придавалъ красивому и серьезному личику ребенка необыкновенно поэтическій колоритъ; русые волосы вились изъ кольца въ кольцо, сѣрые большіе глаза смотрѣли бархатнымъ влажнымъ взглядомъ, но припухлыя дѣтскія губы были сложены серьезно, совсѣмъ не по-дѣтски. Около неслышными шагами двигалась уже показывавшаяся намъ дѣвочка въ розовомъ бареженовомъ платьѣ; она выглядывала въ полуотворенную дверь и кокетливо потупляла глаза. Дѣти были одни въ комнатѣ и старались говорить вполголоса, такъ что трудно было разслышать ихъ дѣтскую болтовню.

Я сначала не понялъ, что̀ дѣлали эти двѣ грёзовскихъ головки, но потомъ сдѣлалось все ясно.

— Таня, ты что̀ же это?—сердито спрашивалъ маленькій Боря, сдвигая свои брови.—Послѣ этого я играть не буду съ тобой.

— Что̀ же ты сердишься...—проговорила дѣвочка.—Въ прошлый разъ ты гораздо меньше закладывалъ вещей.

— Хорошо, хорошо...—строго оборвалъ мальчикъ.—Ну, теперь ты что̀ принесла?

Дѣвочка достала изъ кармана какой-то свертокъ бумаги, осторожно его развязала и подала брату бѣлую коробку изъ-подъ конфетъ. Мальчикъ взялъ коробку, не торопясь, раскрылъ ее, развернулъ розовую вату и добылъ оттуда маленькое золотое колечко; онъ внимательно осмотрѣлъ его, взвѣсилъ на рукѣ и серьезнымъ тономъ проговорилъ:

— А гдѣ проба?

— Ахъ, какой ты, Боря...—возмутилась дѣвочка и, выхвативъ кольцо, указала розовымъ пальчикомъ на пробу.—Ну, какой еще тебѣ нужно пробы?

Мальчикъ опять внимательно разсмотрѣлъ все кольцо, прикинулъ даже его на свѣтъ, и, съ прежней серьезной миной, проговорилъ:

— Камень поддѣльный...

— Поддѣльный рубинъ?—всплеснула обѣими ручками дѣвочка.—Боря, ты, кажется, совсѣмъ съ ума сошелъ... Это мнѣ мама на рожденье подарила, а ты: „камень поддѣльный“...

Дѣвочка очень удачно скопировала недовольную мину братца и даже отвернулась. Изъ-за шелковой оконной драпировки на дѣтей упалъ золотой лучъ, и эти милыя головки сдѣлались еще лучше, какъ выставленные въ окно цвѣты.

— Послушай, съ тобой играть невозможно...—заворчалъ мальчикъ и заговорилъ прежнимъ серьезнымъ тономъ, копируя большихъ:—хорошо, я вамъ дамъ за него двадцать копеекъ...

— Нельзя ли рубль?—упрашивала дѣвочка, тоже стараясь поддѣлаться подъ тонъ большихъ.

— Нѣтъ, не могу... У насъ и безъ того много всякой дряни. Если хотите — двадцать пять копеекъ... Больше, ей-Богу, не могу...

Боря еще разъ взвѣсилъ на рукѣ кольцо и положилъ его въ деревянную копилку, стоявшую на столѣ, а потомъ написалъ квитанцію и выдалъ ее сестрѣ.

— Ты, Таня, совсѣмъ просить не умѣешь...—заговорилъ онъ уже дѣтскимъ тономъ.—Нужно плакать... Знаешь, какъ просятъ женщины у папы въ конторѣ?

— Да я не умѣю, Боря...—шептала дѣвочка со слезами въ голосѣ.

— Пожалуйста, безъ капризовъ!.. Не разориться же мнѣ для васъ... Что у васъ еще принесено?..

Дѣвочка сдѣлала нерѣшительное движеніе, но маленькій закладчикъ былъ неумолимъ: онъ поймалъ ее за платье, притянулъ къ себѣ и досталъ изъ кармана шагреневый футляръ съ какой-то блестящей бездѣлушкой.

— Я не хочу больше играть...—говорила дѣвочка, закрывая лицо руками.

Эта интересная игра грёзовскихъ головокъ кончилась тѣмъ, что маленькая Таня окончательно расплакалась, хотя и не разжалобила семилѣтняго закладчика, который аккуратно сложилъ полученныя въ закладъ вещи въ свою копилку, выдалъ плаксѣ деньги и не моргнулъ глазомъ во все время операціи. Это уже была не дѣтская игра, и, по всей вѣроятности, Боря Подбрюшниковъ пойдетъ далеко,—можетъ-быть, гораздо дальше своего родителя...

Что же сказать на это? Я видалъ сотни дѣтей нищихъ, маленькихъ воровокъ и воришекъ, дѣтей несчастныхъ и забитыхъ, которыхъ впереди ждала, можетъ-быть, тюрьма; но и эти отверженцы общества, исчадія нищеты, подваловъ и всевозможныхъ трущобъ никогда не производили на меня такого гнетущаго впечатлѣнія, какъ эти поистинѣ несчастные Боря и Таня въ пестрой рамкѣ окружающей ихъ роскошной обстановки... Кстати, вотъ вамъ, господа русскіе художники-жанристы, самый благодарный сюжетецъ для картины на самую большую золотую медаль.

1886.

ОСИПЪ ИВАНЫЧЪ.

Разсказъ.

I.

— А я пойду мальчикомъ,—говорилъ лысый Осипъ Иванычъ, дѣлая выходъ съ валета.

— А мы его барышней прикроемъ, — съ улыбкой отзывался старикъ Балуевъ.

— Мала̀,—хрипло провозглашалъ майоръ Муштуковъ и непремѣнно покрывалъ или тузомъ, или козыремъ.

Это было вообще чрезвычайно странно, что у майора всегда карты были лучше, чѣмъ у другихъ: возьметъ взятку изъ-подъ носа да еще захохочетъ прямо въ лицо Осипу Иванычу. Какъ хотите, это хоть для кого будетъ обидно! Осипъ Иванычъ ворчалъ и морщился, Балуевъ сладко улыбался и только [illegible] плечами, а майоръ продолжалъ хохотать, да еще возьметъ и похло[illegible] Осипа Иваныча по плечу своей волосатой, красной рукой. Четвертымъ партнеромъ неизмѣнно состоялъ Иванъ Петровичъ Чинетти, молчаливый и безцвѣтный человѣкъ, у котораго всегда были дрянныя карты.

Обыкновенно „винтили“ или у майора, на пріискѣ Саранкѣ, или у Осипа Иваныча, на Ягодномъ, потому что тамъ и здѣсь были довольно сносныя пріисковыя конторы: не мочило дождемъ и не очень ужъ продувало вѣтромъ. Майоръ былъ чрезвычайно гостепріименъ и всегда принималъ своихъ друзей съ распростертыми объятіями. Осипъ Иванычъ морщился, но тоже дѣлалъ такой видъ, что и онъ радъ гостямъ. Иногда послѣ винта, особенно когда проигрывалъ Осипъ Иванычъ, поднимались горячіе споры, доходили до очень горькихъ истинъ, но потомъ дѣло улаживалось, благодаря вмѣшательству старика Балуева, который умѣлъ примирить враждующія стороны. Чинетти равнодушно молчалъ или насвистывалъ какую-то неизмѣнную мандолинату.

— Этакая эта консисторія жадная до взятокъ! — каламбурилъ майоръ относительно Осипа Иваныча.—Вѣдь денегъ и безъ того куры не клюютъ, Осипъ Иванычъ, а еще жадничаешь.

— Чужія-то деньги легко считать, а вы свои сосчитайте, — огрызался Осипъ Иванычъ, насупивъ свои густыя брови.—Что̀ вы меня, майоръ, взятками тычете? Ну, бралъ, со всѣхъ бралъ, потому что такая была моя должность; всѣ консисторскіе секретари берутъ.

— И съ просвиренъ бралъ?

— И съ просвиренъ... со всѣхъ.

— Натурой, можетъ-быть?

— Тьфу!.. А вы, майоръ, солдатскіе пайки благороднымъ образомъ при-

карманивали, сѣнцо у лошадокъ, отъ солдатскихъ сапожекъ да разныхъ ремешковъ малую толику присовокупляли... хе-хе!

— Будетъ вамъ, господа, ей-Богу, будетъ-съ,—умолялъ Балуевъ, оправляя свою благородную сѣдину.—Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ!.. А чей у насъ ходъ, господа?

Когда майоръ хотѣлъ окончательно взбѣсить Осипа Иваныча, то выходилъ съ короля бубенъ и приговаривалъ: „бѣглый австрійскій архіерей Галактіонъ". Осипъ Иванычъ блѣднѣлъ, бросалъ карты и начиналъ бѣгать по комнатѣ пѣтушкомъ: онъ былъ выгнанъ со службы по третьему пункту за взятку съ какого-то раскольничьяго архіерея. Впрочемъ, майоръ обращался къ этой выходкѣ только въ послѣдней крайности, когда начиналъ проигрывать, что̀ съ нимъ случалось очень рѣдко.

Въ записной книжкѣ Осипа Иваныча, куда онъ, съ аккуратностью настоящаго консисторскаго секретаря, заносилъ всѣ свои расходы, значилось, между прочимъ: „Майору въ отставкѣ Лукѣ Лукичу Муштукову проиграно мною въ разное время бытности на пріискѣ Ягодномъ 784 р. 72 к. серебромъ". За этой замѣткой слѣдовала нравственная сентенція: „Игра въ картежъ есть пагубнѣйшая страсть, которой подвержены очень многіе неглупые умомъ люди... Господи, не введи мя, многогрѣшнаго, въ искушеніе". Изъ послѣдняго видно, что Осипъ Иванычъ сознавалъ нѣкоторую опасность своего положенія, хотя противостоять искушенію былъ не въ силахъ. Да и какъ уберечься, когда навалится ненастье или начнутся безпросвѣтныя осеннія ночи? День на пріискѣ, а вечеромъ или майоръ завернетъ, или Осипъ Иванычъ отправится къ майору.

Въ сущности, майоръ былъ добродушнѣйшій малый, правда, немножко фатъ, немножко хвастунъ и мотъ, но гдѣ люди безъ недостатковъ, какъ справедливо разсуждаетъ Осипъ Иванычъ, умудренный жизнью? Общаго между майоромъ и Осипомъ Иванычемъ была только лысина, хотя первый не старался скрывать этотъ чувствительный недостатокъ своей наружности и не зализывалъ на макушку жиденькихъ височковъ, какъ это дѣлалъ по праздникамъ Осипъ Иванычъ.

— Что̀ же, братику, пожили въ свою долю; надо и честь знать,— говаривалъ майоръ въ минуту откровенности, хлопая Осипа Иваныча своей пятерней,—это была скверная майорская привычка, которая приводила консисторскаго секретаря даже въ отчаяніе.—И у тебя, Осипъ Иванычъ, лысина-то, поди не отъ благочестивыхъ мыслей завелась.

— Нѣтъ, ужъ извините, г. майоръ!—протестовалъ Осипъ Иванычъ и обиженно складывалъ свои сморщенныя, сухія губы ижицей.—У васъ лысина отъ любострастія, а у меня отъ службы.

— Это когда съ просвирней натурой получалъ?

Осипъ Иванычъ только отплевывался, потому что въ веселомъ настроеніи духа майоръ впадалъ въ явное вольнодумство и даже позволялъ себѣ отзываться о нѣкоторыхъ священныхъ предметахъ въ легкомъ шутливомъ тонѣ.

По наружности друзья представляли рѣзкую разницу: майоръ былъ толстъ, румянъ, подвиженъ, любилъ ходить въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ и въ сѣрой курткѣ съ зелеными отворотами, носилъ длинные усы, любилъ крѣпко поѣсть и еще крѣпче выпить и не пропускалъ ни одной смазливой бабенки, появляющейся на пріискахъ. Осипъ Иванычъ былъ тонокъ и худъ, малорѣчивъ, всегда чисто брился, ходилъ въ манишкахъ, длинномъ суконномъ сюртукѣ, въ резиновыхъ калошахъ и обязательно, несмотря ни на какую погоду,

съ зонтикомъ въ рукахъ. У майора былъ полонъ ротъ бѣлыхъ, какъ рѣпа, зубовъ, хотя онъ не выпускалъ изо рта сигары, глаза на выкатѣ и, когда смѣялся, глаза сначала покрывались масломъ, а потомъ какъ-то начинали прыгать, такъ что Осипъ Иванычъ обыкновенно старался въ это время не смотрѣть на майора и отплевывался; у Осипа Иваныча зубы оставались только напереди,— „жениховскіе", какъ говорилъ майоръ, да и тѣ гнилые, сѣрые; полинявшіе глазки слезились, хотя смотрѣли очень проницательно.

Старикъ Балуевъ выдѣлялся изъ всей компаніи своей благообразной апостольской наружностью, хотя былъ плутъ первѣйшей руки и существовалъ главнымъ образомъ тѣмъ, что скупалъ краденое золото съ пріисковъ своихъ пріятелей. Одѣвался онъ по-купечески: въ рубахи-косоворотки, въ глухіе жилеты, и носилъ сапоги бутылкой.

— Знаю, знаю, ангелъ мой, какъ ты мое-то золото скупаешь,—говорилъ Балуеву майоръ.—Ну, признайся... а?..

— Помилуйте, г. майоръ, какъ же я смѣю такіе поступки поступать?— отшучивался Балуевъ, разглаживая свою сѣдую окладистую бороду.

Майоръ говорилъ это такъ, шутки ради, совсѣмъ не желая обижать сѣдовласаго старца, потому что и самъ скупалъ чужое золото, какъ его скупалъ и Осипъ Иванычъ и всѣ вообще мелкіе золотопромышленники на Уралѣ. „Не я куплю,—все равно другой купитъ",—говорятъ опытные люди въ этомъ случаѣ.

Четвертый партнеръ по висту, Иванъ Петровичъ, смуглый, чахоточный господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, былъ совсѣмъ неизвѣстный человѣкъ. На пріиски его затащилъ Осипъ Иванычъ, и, какъ увѣрялъ майоръ, пріискъ Журавлевскій принадлежалъ тоже секретарю, а Чинетти былъ только подставнымъ лицомъ. Самъ о себѣ этотъ пріисковый иксъ разсказывалъ очень длинную и совсѣмъ неправдоподобную исторію: онъ былъ наѣздникомъ въ циркѣ, объѣздилъ всю Россію, вывихнулъ гдѣ-то ногу и долженъ былъ избрать себѣ другой родъ жизни. Единственной слабостью Чинетти было самое невинное франтовство: надѣнетъ лакированные ботфорты, кургузую курточку, закрутитъ черные усы шильцемъ и выступаетъ по пріиску, какъ журавль. Майоръ божился, что Чинетти какой-нибудь проворовавшійся маркеръ съ чисто-лакейской фамиліей: Егоровъ, Куликовъ, Норкинъ.

На пріискахъ толчется слишкомъ много самаго страннаго люда, такъ что разбирать генеалогію каждаго проходимца положительно не стоитъ. Да и что̀ значитъ прошлое? У кого нѣтъ ошибокъ, увлеченій, слабостей, маленькихъ и большихъ прегрѣшеній? Майоръ любилъ распространяться на эту тему и даже приходилъ къ нѣкоторымъ философскимъ обобщеніямъ.

— Нужно жить настоящимъ, господа,—проповѣдывалъ онъ, бойко дѣлая мѣлкомъ выкладки на зеленомъ полѣ.—И, главное, не надо привыкать ни къ чему: ни къ квартирѣ, ни къ мебели, ни къ женщинѣ, ни къ друзьямъ, ни къ дѣлу... Всѣ мы только гости въ здѣшнемъ бренномъ мірѣ, и вся наша жизнь—одно сладкое мгновенье. Да-съ!

Осипа Иваныча, считавшаго себя очень умнымъ и начитаннымъ человѣкомъ, всегда поражали подобныя выходки майора: вѣдь совсѣмъ глупый человѣкъ и легкомысленный, а иногда какую умную вещь скажетъ. Старикъ Балуевъ былъ того же мнѣнія, потому что очень интересовался нѣкоторыми отвлеченными вопросами: о душѣ, о первородномъ грѣхѣ, о загробной жизни, о покаяніи. Но душеспасительное направленіе не мѣшало Балуеву держать у себя на пріискѣ двухъ любовницъ, хотя онъ былъ женатый человѣкъ и отецъ семейства.

II.

Пріиски Ягодный, Саранка, Журавлевскій и Кочетъ были заброшены вглубь Уральскихъ горъ, за Богословскіе заводы. Это настоящій угрюмый сѣверъ: высокія горы, глубокія долины и болота безъ конца. Большихъ селеній здѣсь почти не встрѣчается, потому что нѣтъ проѣзжихъ дорогъ; маленькіе поселки жмутся по берегамъ быстрыхъ горныхъ рѣкъ, гдѣ населеніе промышляетъ охотой и рыбной ловлей. Ближайшимъ къ пріискамъ жильемъ была глухая лѣсная деревушка Розвальни; до нея считали всего двѣнадцать верстъ, но проѣхать можно было только верхомъ, да и то не всегда: въ ненастную погоду вода заливала всѣ стлани, рѣчонки выступали изъ береговъ, и только одни записные охотники могли пробраться на пріиски по глухимъ звѣринымъ тропамъ.

Лучшимъ пріискомъ былъ Ягодный, купленный Осипомъ Иванычемъ „по случаю", какъ любилъ онъ покупать. Прежній хозяинъ, открывшій Ягодный, разорился и умеръ, а пріискъ пошелъ съ аукціона. Мѣсто было вѣрное, разсыпное золото налицо, но, чтобы взять его, нужно было произвести большія затраты: поставить паровыя машины, бутары, водокачки, водоотводныя канавы и т. д. У Осипа Иваныча были деньжонки, и довольно кругленькая сумма. Потерпѣвъ крушеніе на консисторской службѣ, онъ рѣшился пустить ихъ въ оборотъ, благо предпріятіе представлялось вѣрное, какъ увѣряли люди самые надежные, прошедшіе въ золотомъ дѣлѣ сквозь огонь и воду. Вся бѣда заключалась въ томъ, что у такихъ опытныхъ вѣрныхъ людей какъ-то никогда не бываетъ денегъ, а у Осипа Иваныча деньги были: всего-то нужно было заплатить за вѣрный пріискъ 8—10 тысячъ рублей. И Осипъ Иванычъ заплатилъ.

Когда онъ пріѣхалъ верхомъ на вновь пріобрѣтенное по случаю сокровище, его разобрала такая тоска, что онъ чуть не бросилъ всего дѣла. Майоръ увѣрялъ, что это происходило отъ непривычки ѣздить верхомъ по болотамъ, а самъ Осипъ Иванычъ жаловался на комаровъ и болотную мошку, которые буквально не давали покоя ни днемъ ни ночью. Рабочіе должны были работать въ дегтярныхъ сѣткахъ и съ дымокурками на поясѣ. Такія же дымокурки ставились въ балаганахъ и всякомъ другомъ жильѣ, чтобы отгонять страшнаго врага; даже когда играли въ вистъ, и то ставили подъ столъ дымокурку. Непривычный человѣкъ, конечно, убѣжалъ бы, куда глаза глядятъ, но привычка великое дѣло.

— Я сначала даже плакалъ, ей-Богу, — увѣрялъ майоръ. — Отъ комаровъ плакалъ! Какъ это вамъ понравится?

Ягодный пріискъ занималъ глубокій лѣсистый логъ, сдавленный каменистыми кручами; по дну лога бѣжала холодная и бурливая рѣчушка Безымянка, выступавшая изъ береговъ при первомъ ливнѣ. Пріисковая контора, срубленная въ пять стѣнъ изъ кондоваго лѣса, стояла на каменистомъ мыскѣ, выступившемъ въ середину пріиска, такъ что Осипъ Иванычъ могъ видѣть изъ окна, что̀ дѣлается въ обоихъ концахъ его владѣній. Налѣво изъ глубокаго разрѣза добывались золотоносные пески, направо желтѣлъ небольшой прудокъ, изъ котораго вода проводилась къ бутарѣ, гдѣ производились промывки. Осипъ Иванычъ любилъ по цѣлымъ часамъ наблюдать, какъ рабочіе изъ разрѣза отвозили пустую верхнюю породу въ громадные отвалы и какъ мимо его конторы катились пріисковыя таратайки съ золотоноснымъ пескомъ къ бутарѣ. Въ нижнемъ концѣ разрѣза попыхивала паровая машина, откачивавшая воду. Вообще пріискъ былъ устроенъ на широкую ногу, и вся роз-

сыпь развѣдана съ самаго начала ширфами, какъ шахматная доска. Золото было вѣрное, и Осипъ Иванычъ съ спокойной душой ждалъ большихъ прибылей.

— Надо бы хорошенькую взяточку взять, — шутилъ онъ, когда выигрывалъ съ майора двугривенный. — Съ людей грѣшно взятки брать, а изъ земли не возбранено, дабы втунѣ не пропадало благословеніе Божіе.

Пріискъ Журавлевскій былъ въ двухъ верстахъ отъ Ягоднаго по той же рѣчкѣ Безымянкѣ, а майорская Саранка — верстахъ въ четырехъ, сейчасъ за Пихтовой горой, которую видно было изъ конторы Осипа Иваныча всю, какъ на ладони. Балуевскій пріискъ Кочетъ занималъ центръ этого треугольника, такъ что ему одинаково близко было скупать золото со всѣхъ трехъ пріисковъ.

Внутренность конторы на Ягодномъ капитальной стѣной дѣлилась на двѣ половины: въ одной жилъ главный штейгеръ, а въ другой самъ Осипъ Иванычъ. Эта хозяйская половина представляла собою высокую, свѣтлую комнату въ три окна. На полу лежала сѣрая кошма, у внутренней стѣны помѣщалась складная желѣзная кровать, превращавшаяся, по желанію хозяина, въ диванъ, у одного окна простой деревянный столъ, въ углу желѣзная касса; на стѣнѣ висѣли желѣзное копье и револьверъ, плохая гравюра изъ священной исторіи и небольшой деревянный шкапикъ съ цѣлебными настойками на разныхъ мудреныхъ травахъ. Нѣсколько деревянныхъ сундуковъ и три стула дополняли эту скромную обстановку. Хотя Осипъ Иванычъ могъ бы устроиться гораздо комфортабельнѣе, но, какъ всѣ старые холостяки, онъ былъ немного скупенекъ.

— Знаешь, чего у тебя недостаетъ? — говорилъ нѣсколько разъ откровенный майоръ, когда пріѣзжалъ на Ягодный. — Жены, голубчикъ мой... Ну, что̀ ты теперь живешь? Пусто, непріютно, консисторія какая-то... А то пріѣхали бы мы къ тебѣ въ гости, вдругъ жена выходитъ, самоварчикъ, варенье...

— Жена — дѣло серьезное, г. майоръ, — отвѣчалъ Осипъ Иванычъ самымъ серьезнымъ тономъ: — этимъ шутить нельзя-съ... Когда я еще былъ на службѣ, протопопица Секундова довольно прозрачно намекала мнѣ на возможность брака съ одной изъ ея семи дочерей, но я противустоялъ женскому искушенію. Вотъ устроюсь немножко, тогда можно будетъ уже серьезно размыслить о семъ тонкомъ предметѣ.

— Это когда съѣшь послѣдніе зубы? Дудки, братъ! Надо, чтобы человѣкъ былъ въ полномъ соку, чтобы у него играла каждая жилка. Я такъ понимаю это дѣло, голубчикъ.

— А вы сами?..

— Ну, это ужъ совсѣмъ особенная штука. А все-таки я исполнилъ долгъ гражданина, женатъ. Положимъ, жена не живетъ со мной... гм... но вѣдь я военный человѣкъ, крови во мнѣ на десять женъ хватитъ, ну, и не тово... не сошлись характерами. Доведись до меня самого, то я никогда не согласился бы быть своей женой... ха-ха!.. Губительныя страсти, государь мой, завлекли меня въ эту трущобу.

— Страсти свойственны каждому человѣку, г. майоръ, но все произошло отъ вашего легкомыслія... да. Это предметъ серьезный...

На особой полочкѣ у Осипа Иваныча помѣщалась цѣлая библіотека душеспасительныхъ книгъ, и онъ любилъ почитать что-нибудь божественное, особенно на сонъ грядущій. Иногда онъ читалъ вслухъ, и единственнымъ его слушателемъ являлся безотвѣтный Чинетти, котораго онъ непремѣнно желалъ обратить въ православіе. Особенно Осипъ Иванычъ любилъ читать житіе пре-

подобнаго Ефрема Сирина и даже проливалъ слезы невольнаго умиленія, сравнивая свое окаянство съ подвигами пустынножителей и великихъ угодниковъ. Если бы не проклятый майоръ, Осипъ Иванычъ вѐлъ бы, навѣрное, жизнь вполнѣ богоугодную.

Нужно сказать, что Осипъ Иванычъ былъ человѣкъ необыкновенно степенный и недаромъ сумѣлъ выбиться въ люди изъ состоянія полнаго ничтожества. Онъ съ дней зеленой юности мечталъ о своемъ семейномъ очагѣ, о кругленькой бабенкѣ, о ребятишкахъ. Конечно, ему представлялось много случаевъ жениться, но онъ всегда уклонялся, выжидая вполнѣ обезпеченнаго положенія, чтобы дѣти послѣ могли помянуть его хорошимъ словомъ. Въ послѣдніе дни своей консисторской службы онъ чуть-чуть не женился на одной изъ протопопицыныхъ дочерей, но разразившаяся надъ его головой катастрофа разстроила всѣ его планы: во-первыхъ, ему невозможно было оставаться въ томъ городѣ, гдѣ его репутація была опорочена безповоротно, а во-вторыхъ, приходилось проживать уже нажитое. Женитьба въ такомъ положеніи привела бы къ неизбѣжной погибели. Осипъ Иванычъ предпочелъ удалиться въ глубину Уральскихъ горъ, чтобы тамъ взять у судьбы послѣднюю свою взяточку.

Часто, ложась спать, Осипъ Иванычъ впадалъ въ очень грустное настроеніе: ему мерещилась молодая жена, дѣтскія розовыя личики, свой теплый уголокъ, и онъ тяжело вздыхалъ и завертывался въ свое одѣяло съ головой. Легкомысленныя рѣчи и глупые намеки майора всегда коробили Осипа Иваныча, потому что развѣ можно такъ говорить о женщинахъ? Особенно возмутилъ майоръ въ послѣдній разъ: ввалился въ комнату Осипа Иваныча въ своихъ грязныхъ сапожищахъ, задымилъ сигару и, подмигнувъ круглымъ глазомъ, заявилъ:

— Ну, братику, и бабецъ!

Майоръ взмахнулъ въ воздухѣ волосатой рукой, зажмурилъ, какъ котъ, свои круглые глаза и поцѣловалъ кончики пальцевъ, — жестъ, какъ хотите, самый легкомысленный, что̀ и замѣтилъ Осипъ Иванычъ.

— Нѣтъ, ты представь себѣ, — продолжалъ майоръ, не слушая его: — третьяго-дня пріѣзжаю въ Розвальни... знаешь, какая яма: всю въ карманъ положишь... и вдругъ... нѣтъ, ты только представь себѣ: вывѣска, а на вывѣскѣ: „мелочная торговля“. Ха-ха! Натурально, я туда. Отворяю дверь, а она тутъ какъ тутъ, это хозяйка, значитъ, лавчонки. И бабенка!.. Познакомился, конечно, то, се, ничего, за словомъ въ карманъ не лѣзетъ, а что̀ касается дальнѣйшаго — ни-ни, даже разсердилась на меня... Главное, странно то, что эта Марья — Марьей ее звать — дѣвушка совсѣмъ одинокая и забралась въ такую трущобу. То-есть рѣшительно ничего не понимаю... Но я тебѣ скажу по секрету: не будь я майоромъ, если эта Марья не будетъ у меня на Саранкѣ. Да-съ... Чортъ возьми, майоръ еще постоитъ за себя!

— Что̀ вы хотите сказать этимъ?

— А то, что я буду дуракомъ, если пропущу такую лакомую штучку! Балуевъ ужъ пронюхалъ про нее, и вотъ посмотри, какъ начнетъ подъѣзжать. Ха-ха! Но майора трудно провести, чортъ мою душу возьми!

Эта откровенность возмутила Осипа Иваныча до глубины души: намѣренія майора слишкомъ очевидны, и онъ серьезно замѣтилъ этому погрязшему въ грѣхѣ человѣку, что даже думать въ такомъ родѣ неприлично, а тѣмъ болѣе высказывать такія мысли открыто, даже съ нѣкоторой хвастливостью.

— Ну, братику, я считалъ тебя гораздо умнѣе, — отвѣтилъ изумленный

майоръ и прибавилъ: — по настоящему своему расположенію къ тебѣ, Осипъ Иванычъ, я даже хотѣлъ предложить свои услуги, если бы у тебя явилось нѣкоторое вожделѣніе...

— Довольно, г. майоръ, — рѣшительно заявилъ Осипъ Иванычъ и даже поблѣднѣлъ отъ охватившей его ярости. — Довольно-съ... я не позволю-съ, да-съ, не позволю-съ!.. Вы оскорбляете меня!

Майоръ страшно вытаращилъ глаза, поднялъ плечи, махнулъ рукой, плюнулъ и, не простившись съ сумасшедшимъ старикомъ, уѣхалъ домой.

III.

Дружба между майоромъ и Осипомъ Иванычемъ порвалась, какъ туго натянутая нитка. Майоръ, получивъ неожиданный афронтъ со стороны секретаря, золотилъ его на всѣ корки.

— А я радъ... весьма радъ, — заявлялъ, съ своей стороны, Осипъ Иванычъ, когда ему передавали разныя выходки майора. — Помилуйте, сколько я однѣхъ денегъ проигралъ этому майору, а кромѣ того каждый разъ, какъ пріѣдетъ въ гости, непремѣнно вытребуетъ графинчикъ коньяку. А развѣ у меня гостиница въ конторѣ? Чай тоже примется пить — крѣпкій ему наливай, всегда сахаръ въ накладку, да еще рому набухаетъ. Нѣтъ, я такъ не могу и очень радъ, что развязался съ этимъ пѣтухомъ.

Даже равнодушный, кажется, ко всему Чинетти, и тотъ принялъ нѣкоторое участіе въ этой распрѣ, по крайней мѣрѣ, все, что̀ зналъ Осипъ Иванычъ про ругательства и насмѣшки майора, приносилось на Ягодный Чинетти.

— Ну, а какъ онъ (Осипъ Иванычъ въ нѣкоторыхъ деликатныхъ случаяхъ называлъ майора просто „онъ“) ѣздитъ въ Розвальни? — спрашивалъ секретарь своего благопріятеля. — Тамъ эта дѣвка какая-то завелась... Марьей звать...

— И не дѣвка и не какая-то, Осипъ Иванычъ, и не Марья, а очень почтенная дѣвица Марья Ивановна... да-съ.

— Онъ все-таки ѣздитъ туда?

— Ѣздитъ.

— И Балуевъ ѣздитъ?

— Балуевъ-то, пожалуй, чаще ѣздитъ. Такъ и льнутъ къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Ну, а что̀ же она?

— Что̀ же имъ дѣлать, Осипъ Иванычъ? Дѣвичье дѣло, все-таки совѣстно... А майоръ, сами знаете, развеселится да такое словечко отвѣситъ, что чертямъ тошно.

— Такъ, такъ... Значитъ, эта Марья Ивановна не какая-нибудь этакая-такая?

— Нѣтъ, онѣ даже весьма соблюдаютъ себя...

Въ головѣ Осипа Иваныча неожиданно сложился великолѣпный планъ, о которомъ онъ не говорилъ даже Чинетти.

Въ одно прекрасное утро Осипъ Иванычъ велѣлъ пораньше осѣдлать себѣ лошадь и отправился въ Розвальни совершенно одинъ. На пріискѣ онъ сказалъ, что ѣдетъ по хозяйственнымъ дѣламъ, какъ разсказывалъ послѣ штейгеръ.

Дѣло было въ іюнѣ, т.-е. сейчасъ послѣ спада вешней полой воды, когда можно было проѣхать въ Розвальни лѣтникомъ. Поздняя сѣверная весна была еще въ полномъ разгарѣ, и вездѣ весело топорщилась свѣжая зеленая травка, распускалась липа, набирала свой душистый цвѣтъ черемуха. Даже

вѣчно угрюмыя ели и пихты, и тѣ пустили бархатную почку, точно каждая вѣточка была увѣшана свѣтло-зелеными сережками. Хорошо было теперь въ лѣсу, да и настоящій оводъ еще не успѣлъ народиться, хотя въ низкихъ мѣстахъ, надъ ржавыми болотинами уже стонъ стоялъ отъ толпившейся здѣсь болотной мошкары. Осипъ Иванычъ былъ въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, весело поглядывалъ на зеленыя горы, на болото, на голубое бирюзовое небо и даже замурлыкалъ какую-то мудреную стихиру изъ партесныхъ, которую пѣвалъ прежде вмѣстѣ съ дочерями протопопицы Секундовой. Было, правда, одно сомнительное мѣсто — это какъ разъ только отъѣдешь версты полторы отъ Ягоднаго, будетъ ложокъ, а сбоку, въ полугорѣ и выпадетъ извилистая лѣсная дорожка, которая ведетъ на майорскую Саранку. Осипъ Иванычъ почему-то боялся встрѣчи съ майоромъ, который точно долженъ былъ дожидаться его на розстани *), но дѣло обошлось благополучно: дорожка была пуста и даже слѣдовъ свѣжихъ не было замѣтно. А солнце такъ свѣтило любовно и горячо, въ лѣсу заливались птицы, въ воздухѣ стояла ароматная смолистая струя.

Дорогу до Розвальней въ три года пріисковой жизни Осипъ Иванычъ изучилъ какъ свои пять пальцевъ. Отъ Ягоднаго она идетъ все ложками, по гатямъ и стланямъ, потомъ повертка на Саранку, дальше пойдутъ вставать крутыя горки съ каменистыми шиханами, на половинѣ бродъ черезъ рѣчку Черную, которая разливается въ топкихъ, болотистыхъ берегахъ; отъ Черной до Розвальней дорога идетъ все горой, по крутому увалу, заросшему ельникомъ и лиственью. Въ хорошую погоду до Розвальней два часа ѣзды верхомъ, и Осипъ Иванычъ много успѣлъ передумать за это время, какъ вообще случается думать всякому въ дорогѣ. Вспомнилось ему и дѣтство, и мудреное ученье, и служба. Чего-чего онъ ни претерпѣлъ на своемъ вѣку! Росъ онъ сиротой, отецъ былъ дьячкомъ и послѣ себя оставилъ семерыхъ дѣтей; потомъ слѣдовала бурса, которой преодолѣть до конца Осипъ Иванычъ не могъ. Онъ вышелъ изъ философіи и поступилъ на службу въ консисторію на полтора рубля жалованья и тянулъ лямку цѣлыхъ тридцать лѣтъ, пока не дослужился до 12 р. жалованья. Да, это было самое большое жалованье, а еще корятъ взятками, хотя, конечно... Кажется, вотъ за этимъ угоромъ сейчасъ и Розвальни? Да, точно, вонъ и „перемѣны“ **) розваленскихъ мужиковъ, и первыя избушки, и деревянная церковка съ почернѣвшимъ крестомъ.

Розвальни была самая глухая деревушка, какую только можно себѣ представить; она точно заблудилась въ глуши уральскаго лѣса и раскидала свои почернѣвшія избушки по краю ржавой болотины. У первыхъ поселенцевъ не было толку поставить избы куда-нибудь къ рѣкѣ: нѣтъ, сѣли прямо на болото, и дѣлу конецъ. Всѣхъ избъ было десятка три, и онѣ разсажались, какъ растутъ грибы въ лѣсу: гдѣ торчитъ одна, гдѣ три, гдѣ пять. Строился всякій, какъ хотѣлъ, и Осипъ Иванычъ называлъ эту деревню чортовой городьбой. Розвальни пользовались плохой репутаціей благодаря сосѣдству золотыхъ промысловъ: мужики пьянствовали, бабы и дѣвки баловались съ пріисковыми рабочими.

Осипъ Иванычъ отыскалъ глазами вывѣску Марьи Ивановны и прямо подъѣхалъ къ новой лавочкѣ. Это была простая деревенская изба, стоявшая противъ церкви; на крышѣ была поставлена голубая вывѣска съ золотыми словами, а въ воротахъ продѣланъ изъ свѣжаго теса ходъ въ лавочку.

---

*) Розстанью на Уралѣ называются перекрестки дорогъ, отъ слова разставаться.

**) Перемѣнами называются обнесенные изгородью покосы.

— Ишь ты, какая машина! — улыбнулся Осипъ Иванычъ.

Онъ привязалъ лошадь къ вереѣ и, не торопясь, вошелъ въ лавочку. Марья Ивановна сидѣла за прилавкомъ съ какимъ-то шитьемъ въ рукахъ и привѣтливо поклонилась покупателю. Осипъ Иванычъ немного смутился, когда увидѣлъ эту высокую, красивую дѣвушку съ большими темными глазами и тяжелой русой косой. Да, это была писаная красавица: высокая, стройная, съ могучей грудью, только лицо у нея было какое-то блѣдное, а красивыя губы сложены совсѣмъ строго, по-монашески.

— На перепутьѣ заѣхалъ къ вамъ, Марья Ивановна, — заявилъ Осипъ Иванычъ, съ развязностью разглядывая разложенный на полкахъ разный товаръ: папиросы, спички, ситецъ, чай, конфеты и т. д.

— Очень рада. Садитесь, — просто отвѣтила Марья Ивановна и сейчасъ же уткнула носъ въ работу. — Вы не отъ майора ли?

— Ахъ, нѣтъ, сударыня, г. майоръ сами по себѣ, а я самъ по себѣ. Они на Саранкѣ, а я на Ягодномъ-съ... Да-съ! Меня зовутъ Осипомъ Ивановичемъ Померанцевымъ.

— Іосифомъ? — переспросила Марья Ивановна, оставляя работу.

— Точно такъ, а сокращенно: Осипъ. Такъ-съ... такъ-съ... Вотъ въ какую глушь вы забрались, Марья Ивановна. Далеконько-съ... хе-хе!..

— Ничего, вездѣ люди живутъ, Осипъ Иванычъ.

— Совершенно вѣрно-съ. А мнѣ, знаете, нужно было въ Розвальняхъ одно дѣльце оборудовать, увидалъ вашу лавочку, дай, думаю, заверну. Извините за нескромный вопросъ: вы откуда въ нашихъ-то палестинахъ проявились?

— Я дальняя... изъ Нижегородской губерніи, — съ улыбкой отвѣтила Марья Ивановна и посмотрѣла въ глаза Осипу Иванычу.

Говорила она нараспѣвъ и какъ-то особенно мило, по-дѣтски растягивала послѣднія слова фразы, да и голосъ у ней былъ такой грудной, полный, съ ласковыми контральтовыми нотками.

— Вотъ какъ-съ... — глубокомысленно замѣтилъ Осипъ Иванычъ и еще разъ внимательно осмотрѣлъ всю лавочку. — Далеконько-таки... Родственниковъ, можетъ-быть, имѣете гдѣ-нибудь поблизости?

— Нѣтъ, я одна...

„Вретъ; навѣрное, хоть братъ двоюродный есть, — усомнился про себя опытный Осипъ Иванычъ. — Навѣрное, братъ есть... Знаемъ мы вашего брата, смиренницъ!“

— Что̀ вы такъ на меня смотрите? — спросила Марья Ивановна, замѣтивъ на себѣ испытующій взглядъ Осипа Иваныча, и засмѣялась; очень ужъ хорошо она смѣялась: на подбородкѣ ямочки, на щекахъ ямочки, а лукавый глазъ такъ въ душу и смотритъ.

— Одной дѣвицѣ это весьма опасно, т.-е. одной-съ... — довольно строго замѣтилъ Осипъ Иванычъ.

— А почему вы знаете, что я дѣвица?

— Слухомъ земля полнится, — смущенно замѣтилъ Осипъ Иванычъ, сболтнувшій некстати, и, чтобы поправиться, прибавилъ еще съ большею строгостью: — трудно, сударыня, по молодости лѣтъ себя соблюсти, и при красотѣ лица бываетъ большой соблазнъ. Извините меня, старика, я говорю откровенно, что̀ думаю...

— Спасибо... Другіе ко мнѣ не такъ относятся, какъ вы.

Осипу Иванычу показалось, что у дѣвушки блеснули слезы на глазахъ.

— Да-съ, другіе будутъ вамъ расточать словеса лукавствія, сплетать лесть, а я прямо правду, — прибавилъ онъ. — Бываютъ даже люди военнаго

званія, которые готовы погубить человѣка изъ-за своей прихоти, а я только правду говорю.

— Это вы про майора намекаете?—засмѣялась Марья Ивановна.

— Хотя бы и про г. майора... ну, и старецъ здѣсь есть, Балуевъ... можетъ-быть, изволите знать?..

— Да, онъ часто заѣзжаетъ ко мнѣ и надоѣлъ.

— Вотъ, вотъ... но я больше про г. майора... Передъ вами нѣкоторые будутъ расточать лесть, а за глаза будутъ клеветать, что вы якобы пріѣхали въ Розвальни скупать наше золото. Я не вѣрю, но уже говорятъ. Вы извините меня, старика, что я прямо говорю, безъ лести.

Знакомство завязалось очень быстро. Марья Ивановна отнеслась къ Осипу Иванычу съ особенной трогательной довѣрчивостью и даже пригласила его напиться чаю къ себѣ въ комнату, куда ни майоръ ни Балуевъ, несмотря на свое ласкательство, не были ни разу допущены. Комнатка была крошечная, едва двоимъ повернуться. У стѣны кровать съ бѣлыми подушками и бѣлымъ покрываломъ, у окна столикъ, покрытый вязаной салфеткой (эта салфетка немного кольнула Осипа Иваныча: точно такія же салфетки были у протопопицы Секундовой), желѣзный сундукъ, зеркальце на стѣнѣ и какія-то книги на полочкѣ.

— Это у васъ что̀ за книжки? Можно полюбопытствовать?—спросилъ Осипъ Иванычъ, кажется, еще въ первый разъ въ жизни попавшій въ дѣвичью комнату.

— Божественныя, Осипъ Иванычъ... библія, евангеліе, житія святыхъ.

— Вотъ какъ-съ!.. Кто же сіи книги читаетъ у васъ?

— Да я сама читаю... Теперь на пророкѣ Исаіи остановилась; я люблю его больше всѣхъ пророковъ.

— Очень похвально, Марья Ивановна, очень похвально... одобряю.

Самоваръ Марья Ивановна ставила сама, а принесъ его въ комнату какой-то сѣдой, суровый старикъ, гладѣвшій на гостя исподлобья.

— Это кто такой будетъ?—полюбопытствовалъ Осипъ Иванычъ.

— Это такъ... старичокъ одинъ. Неловко одной совсѣмъ, все же торговля, всякій народъ бываетъ, Осипъ Иванычъ.

— Весьма одобряю... весьма. Какая у васъ славная комнатка, Марья Ивановна!

Эта похвала заставила Марью Ивановну немного покраснѣть, и она даже спрятала раскраснѣвшееся лицо за самоваромъ, что̀ еще болѣе понравилось Осипу Иванычу: настоящая благонравная дѣвица должна краснѣть отъ похвалы; это законъ природы.

— Занавѣсочки... хе-хе!.. кроватка... сундучокъ...—продолжалъ старикъ, ухмыляясь.—Чистота вездѣ... сіе подобаетъ благонравной дѣвицѣ, ибо чистота внѣшняя знаменуетъ чистоту тѣлесную, а чистота тѣлесная — чистоту душевную. Въ дѣвицѣ дороже всего непорочность, сберегающая неоцѣнимое сокровище...

Марья Ивановна, чтобы удобнѣе разливать чай, поправила кисейныя рукава своей рубашки выше локтя, и Осипъ Иванычъ, говоря о неоцѣнимомъ сокровищѣ дѣвичьей непорочности, замѣтилъ, что руки у Марьи Ивановны бѣлыя, нѣжныя, съ розовыми ямочками на локтяхъ. Она была одѣта въ синій сарафанъ и кисейную рубашку; расшитый полотняный бѣлый передникъ цѣломудренно былъ подвязанъ подъ самыя мышки.

— Я чай пью въ прикуску, — предупредилъ Осипъ Иванычъ, когда Марья Ивановна хотѣла положить сахаръ въ стаканъ.

— И я тоже въ прикуску. Это гораздо экономнѣе, не правда ли?

— О, совершенно вѣрно, совершенно вѣрно... Такая молодая дѣвица и такъ благоразумно разсуждаетъ, одобряю!—восторгался Осипъ Иванычъ.— Вотъ если бы вамъ еще, Марья Ивановна, надлежащую подпору обрѣсти въ лицѣ солиднаго мужа, который могъ бы и руководить вами, и защитить, и наставить васъ, и поберечь... хе-хе-хе!

Марья Ивановна опять такъ глянула на своего гостя, что Осипъ Иванычъ чуть не выронилъ блюдечка съ чаемъ, отрицательно покачала головой и совершенно серьезно проговорила:

— Нѣтъ, я не думаю итти замужъ... Какіе нынче мужья, Осипъ Иванычъ? Или пьяница, или дуракъ, или еще того хуже.

— Какъ, напримѣръ, г. майоръ? О, совершенно вѣрно... хе-хе! Да вы, барышня, себѣ на умѣ, съ ноготкомъ. А если бы нашелся человѣкъ серьезный... хе-хе... а? Извините меня, старика, за болтовню.

— Какой же вы старикъ, Осипъ Иванычъ?

— А вы какъ полагаете?

— Я? Просто степенный и солидный человѣкъ... сразу видно. Развѣ я поведу къ себѣ въ комнату майора или Балуева?

IV.

Можно себѣ представить глубокое изумленіе майора Муштукова и чувство справедливаго негодованія, когда онъ узналъ о похожденіяхъ Осипа Иваныча, и мало того, что Марья Ивановна оказываетъ ему явное предпочтеніе сравнительно съ другими претендентами и прежде всего сравнительно съ нимъ, самимъ майоромъ Муштуковымъ. Какая-нибудь консисторская затычка, старая тряпка, церковная крыса, и онъ, майоръ... Нѣтъ, майоръ никогда не чувствовалъ себя настолько униженнымъ со стороны женщинъ.

— Повѣрьте мнѣ, Тихонъ Матвѣичъ, я отлично знаю, что̀ такое женщина,—увѣрялъ онъ старика Балуева, схвативъ его за плечо.—Чортъ возьми! Могу сказать только одно, что всѣ женщины походятъ другъ на друга, какъ капли воды, даже хитрость, кокетство, капризы и глупости у нихъ одни и тѣ же. Да-съ...

— Однако вотъ насчетъ Марьи-то Ивановны вы большого маху дали: Осипъ Иванычъ дорожку перебѣжалъ.

— Осипъ Иванычъ? Ну, и пусть Машка цѣлуется съ этимъ уродомъ: все ея... Я знаю, она хочетъ его козой обдѣлать: наслышалась, что у стараго деньги, и подманиваетъ его: цыпъ, цыпъ!.. Извѣстная политика-то, а потомъ оберетъ, какъ липку, и слѣдъ простылъ.

Майоръ былъ горячій человѣкъ и первымъ дѣломъ полетѣлъ въ Розвальни, чтобы произвести слѣдствіе на мѣстѣ. Марья Ивановна встрѣтила его какъ ни въ чемъ не бывало: вѣжливо, но съ холоднымъ достоинствомъ.

— Марья, ты это что̀ же, голубушка, придумала?.. а?—загремѣлъ майоръ, не здороваясь и не снимая своей фуражки съ краснымъ околышемъ.

— Что̀ вамъ угодно, г. майоръ?—сухо спросила, въ свою очередь, Марья Ивановна, не шевельнувъ бровью.

— Что̀ угодно!—передразнилъ майоръ, бросая фуражку на прилавокъ.— А зачѣмъ ты старичонку этого околпачиваешь? Я, матушка, все знаю, все... меня не проведешь!

— Я и не думала никого проводить, г. майоръ, и только прошу васъ оставить меня въ покоѣ. До свиданья!

Марья Ивановна повернулась, хлопнула дверью подъ самымъ носомъ у

майора да и не показалась больше, какъ онъ ее ни упрашивалъ. Майоръ вернулся къ себѣ на Саранку ни съ чѣмъ и только сердито проговорилъ:

— Это чортъ, а не дѣвка... Я ей же добра желалъ.

Нужно сказать, что майоръ противъ желанія сослужилъ большую службу Марьѣ Ивановнѣ: у ней въ каморочкѣ сидѣлъ Осипъ Иванычъ, когда майоръ гремѣлъ въ лавочкѣ. Она вернулась къ себѣ въ комнату блѣдная и такая огорченная, со слезами на глазахъ, такъ что Осипу Иванычу сдѣлалось ее жаль, какъ родную дочь.

— Все изъ-за васъ,—проговорила Марья Ивановна, глотая слезы.

— Слышалъ-съ,—смиренно отозвался Осипъ Иванычъ, приглаживая височки.—Неистовый человѣкъ и больше ничего. Вы не обращайте на него никакого вниманія, Марья Ивановна.

— Да, хорошо вамъ говорить!—совсѣмъ ужъ расплакалась Марья Ивановна.—Развѣ я что-нибудь сдѣлала ему или вамъ? Конечно, я одинокая дѣвушка, и меня всякій можетъ обидѣть, а только я не дурная дѣвушка.

— Марья Ивановна, что̀ вы это говорите? Кто же считаетъ васъ за дурную дѣвушку? Напротивъ, г. майоръ дѣлаетъ вамъ непріятности просто изъ зависти... да-съ. Это ужасный человѣкъ, Марья Ивановна...

Положеніе Осипа Иваныча вышло чертовски-критическое, какъ говорилъ майоръ: чуть не на груди у него плакала прехорошенькая дѣвушка, а слабая женская рука искала опоры въ своей женской немощи. Нужно замѣтить, что Осипъ Иванычъ вообще не переносилъ женскихъ слезъ. Можетъ-быть, это происходило оттого, что ему приходилось видѣть слишкомъ много такихъ слезъ въ консисторіи, когда онъ бралъ жаренымъ и вареным съ просвиренъ и разныхъ вдовицъ духовнаго званія. Но какое сравненіе: тамъ были слезы тщетно вопіявшей нищеты, а здѣсь плакалась прелестная дѣвственница, непорочная горлинка... И кто же былъ виной этихъ слезъ? Конечно, онъ, Осипъ Иванычъ, который получилъ преферансъ передъ другими искателями. Бѣдная дѣвушка не стыдилась плакать передъ нимъ же, орошая росой довѣрія его старое консисторское сердце. Да, нужно было быть чудовищемъ, чтобы не почувствовать нѣкоторой отвѣтственности за свое исключительное положеніе, хотя Осипъ Иванычъ все-таки не выдалъ себя сразу, а ограничился нѣсколькими нравственными сентенціями, высказанными отеческимъ тономъ.

Однимъ словомъ, Осипъ Иванычъ крѣпко задумался, и ему все мерещилось заплаканное дѣвичье лицо, которое отъ слезъ сдѣлалось еще красивѣе. Искушеніе было сильное, хотя Осипъ Иванычъ понималъ, что бѣгать искушенія—самое постыдное проявленіе гнуснаго малодушія. Напротивъ, съ искушеніемъ нужно бороться его же оружіемъ, и Осипъ Иванычъ сталъ посѣщать Розвальни чаще прежняго, читалъ съ Марьей Ивановной душеполезныя книги и по возможности укрѣплялъ эту молодую душу, колебавшуюся, какъ трость въ пустынѣ. Въ этомъ христіанскомъ подвигѣ Осипъ Иванычъ дошелъ до полнаго самоотреченія, потому что совсѣмъ началъ забывать о себѣ, а думалъ только о ней, о Марьѣ Ивановнѣ, желая спасти ее отъ дьявольскихъ происковъ.

Но и майоръ не дремалъ. Онъ, съ своей стороны, тоже принялъ мѣры и распустилъ про Осипа Иваныча сплетни.

Все, что̀ говорилъ майоръ, доносилось до Осипа Иваныча и, конечно, доносилось въ пріукрашенномъ видѣ, что̀ еще сильнѣе возбуждало его христіанское смиреніе.

— Злоба и коварство людей есть удѣлъ человѣка,—наставительно говорилъ онъ Чинетти.

— Все-таки, Осипъ Иванычъ, какъ же это г. майоръ позволяетъ себѣ подобныя выходки?

— Я лично за себя не жалуюсь... нѣтъ, и даже не ропщу, но больно то, что изъ-за меня топчется въ грязь дѣвичья честь. Да-съ...

Марья Ивановна никогда не намекала ни единымъ словомъ, что она что-нибудь знаетъ о майорскомъ злословіи, хотя Осипъ Иванычъ по сосредоточенно-покорному выраженію ея лица чувствовалъ, что она все знаетъ, и невольно смущался. Эта кротость и величіе женской души приводили Осипа Иваныча въ невольное умиленіе, и онъ не безъ основанія приходилъ къ тому заключенію, что въ этой красотѣ женской души есть капля и его меду.

Это мирное теченіе дѣлъ чуть-было не нарушилось совершенно неожиданной катастрофой: разъ въ іюлѣ Осипъ Иванычъ подъѣзжаетъ верхомъ къ знакомой избушкѣ, входитъ въ лавочку и видитъ, что товары убраны и завязаны. На полу стояло нѣсколько деревянныхъ ящиковъ, перевязанныхъ веревками по-дорожному. Старикъ обомлѣлъ.

— Уѣзжаю...—заявила Марья Ивановна и съ кроткой покорностью опустила заплаканные глаза.—Я больше не могу, Осипъ Иванычъ, г. майоръ и про васъ и про меня говоритъ Богъ знаетъ что̀.

— То-есть позвольте, какъ же это уѣзжаете?—разсѣянно лепеталъ Осипъ Иванычъ, удерживая въ своихъ рукахъ теплую, бѣлую руку Марьи Ивановны.—Нѣтъ-съ, это дѣло необходимо обсудить...

— Что̀ же тутъ обсуждать?—настойчиво возражала Марья Ивановна.—Я думала торговать въ Розвальняхъ, разсчитывала на пріиски, а между тѣмъ г. майоръ и Балуевъ запретили рабочимъ покупать у меня. Мнѣ просто дѣлать здѣсь нечего.

— Такъ, такъ... Да, это гнусно со стороны г. майора, и онъ поступилъ съ вами, сударыня, вполнѣ звѣрски.

— Я никого не обвиняю.

Осипъ Иванычъ пилъ чай въ комнаткѣ Марьи Ивановны въ послѣдній разъ и чувствовалъ, какъ все у него вертится въ глазахъ: и самоваръ, и Марья Ивановна, и какія-то бѣлыя подушки, и красная рожа майора, и собственное одиночество, и опять это заплаканное дѣвичье лицо. Ему вдругъ сдѣлалось страшно, точно впереди разверзалась темная и мрачная пучина, готовившаяся поглотить его безвозвратно. Отъ его согрѣвшагося старческаго сердца отлеталъ послѣдній лучъ надежды, и чайное блюдечко дрожало въ его рукахъ, точно онъ шелъ съ нимъ по канату надъ страшной бездной.

— Марья Ивановна... да-съ... а что̀ бы вы сказали...—заговорилъ онъ наконецъ, съ трудомъ подбирая слова.—Конечно, я не юноша... но есть достоинства и въ человѣкѣ, умудренномъ опытомъ... да-съ. Постыдно отступать передъ препятствіями и искушеніями... нужно бороться со зломъ... Марья Ивановна, будьте моей женой, и тогда... злоба г. майора обрушится на его же собственную голову.

Марья Ивановна точно испугалась и даже отодвинулась отъ Осипа Иваныча, а по лицу у нея разлился яркій румянецъ. Осипъ Иванычъ плохо помнилъ, какъ онъ схватилъ дѣвушку въ свои руки и запечатлѣлъ на ея лицѣ первый поцѣлуй; она не сопротивлялась, ея голова съ закрытыми глазами скатилась къ нему на плечо, какъ подкошенная, а тяжелая русая коса, какъ змѣя, поползла по его колѣнамъ.

Осипъ Иванычъ плакалъ.

V.

Извѣстіе о женитьбѣ Осипа Иваныча поразило майора Муштукова, какъ ударъ грома: именно этого-то онъ и не ожидалъ. Всякое душевное волненіе у майора переходило въ движеніе, поэтому онъ немедленно полетѣлъ на пріискъ къ Балуеву, какъ на пожаръ.

— Слышалъ новость?!—гремѣлъ майоръ, вваливаясь въ контору Балуева.—Нашъ старикъ съ ума сошелъ... Эта Марья, навѣрное, опоила его чѣмъ-нибудь.

— Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро...

— Нѣтъ, шутки въ сторону: ѣдемъ сейчасъ на Ягодный и разговоримъ старика... Хотя онъ и виноватъ передо мной, но я зла не помню... Вѣдь я первый открылъ Марью и первый сказалъ ему о ней; выходитъ, чортъ возьми, что онъ нѣкоторымъ образомъ обокралъ меня.

— И меня тоже, Лука Лукичъ... Вѣдь какая бабенка-то, ѣшь ее мухи съ комарами!..

— Разбойникъ дѣвка, однимъ словомъ; но я не могу позволить, чтобы она обманывала моего друга... Чортъ ее знаетъ, кто она такая: прилетѣла неизвѣстно зачѣмъ и, здорово живешь, околпачила этого лысаго дуралея.

Майоръ курилъ сигару за сигарой, ругался, дергалъ себя за усы и наконецъ вытащилъ Балуева, чтобы ѣхать вмѣстѣ на Ягодный и разговорить Осипа Иваныча.

Планъ былъ великолѣпный, и черезъ часъ майоръ и Балуевъ уже подъѣзжали къ конторѣ на Ягодномъ, и первое, что̀ увидѣли тамъ, былъ самъ секретарь, собственноручно прибивавшій кисейныя занавѣски къ окну той половины, гдѣ раньше жилъ штейгеръ.

Теперь обѣ половины были соединены только-что прорубленной въ стѣнѣ дверью, и, очевидно, спятившій съ ума старикъ приготовлялъ гнѣздышко для будущей жены. Контора совсѣмъ измѣнила свой видъ: откуда-то появились ковры, занавѣски на окнахъ, желѣзная двухспальная кровать, обои на стѣнахъ, зеркало и т. д.

— Мы къ тебѣ, Осипъ Иванычъ, пріѣхали, — началъ майоръ заранѣе составленную рѣчь. — Ты хоть и не правъ предо мной, но я зла не помню. Буду говорить откровенно, какъ всегда: Осипъ Иванычъ, ты съ ума сошелъ, или у тебя его не было никогда... да! Говорю это не въ укоризну, а вотъ Балуевъ свидѣтель, что отъ чистаго сердца. Мы пріѣхали отговорить тебя жениться на этой Марьѣ, которая, чортъ ее знаетъ, что̀ за штука...

— И не штука и не чортъ знаетъ, что̀ такое, а моя невѣста,—съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣтилъ Осипъ Иванычъ, нимало не смутившись.— Мнѣ вообще, г. майоръ, кажется очень страннымъ ваше поведеніе, какъ я уже имѣлъ честь замѣтить вамъ въ послѣдній разъ...

— Да ты перестань ершиться-то,— вспылилъ майоръ. — Мы къ тебѣ съ хорошимъ словомъ пріѣхали, а онъ выкомуры выкомуриваетъ... Развѣ такъ порядочные люди дѣлаютъ?.. Ну, разсуди: ты—лысый старичишка, Марья—дѣвка кровь съ молокомъ, ну, какой толкъ выйдетъ? Ей нужно здоровеннаго мужа, чтобы она ему въ глаза глядѣла, а ты посмотри на себя въ зеркало... Извини, что я говорю, можетъ-быть, очень откровенно, но вѣдь я отъ чистаго сердца.

— Дѣйствительно, сумлительная дѣвица,—вставилъ свое слово Балуевъ, пожимая плечами.— Я такъ понимаю своимъ умомъ, что она къ вашимъ деньгамъ подбирается, Осипъ Иванычъ, и больше ничего. Дескать, какъ ослабѣетъ да раскиснетъ со мной старичокъ-то, я и приберу денежки...

— Вѣрно!..—подтвердилъ майоръ, точно гвоздь заколотилъ.—Не иначе... Вѣдь ты понимаешь ли, что̀ значитъ женщина молодая, когда она въ полномъ прыску? Тутъ нужно, прежде всего, имѣть силу, да-съ!

— Господа, я уже рѣшился твердо и исполню свой долгъ, — невозмутимо-спокойно отвѣчалъ Осипъ Иванычъ, не поддаваясь искусителямъ.

Какъ друзья ни уговаривали Осипа Иваныча, какъ ни убѣждали его, какія неопровержимыя доказательства ни приводили, онъ остался непреклоненъ, и даже больше: отнесся къ нимъ какъ будто свысока, съ самой обидной снисходительностью, какъ держатъ себя съ маленькими дѣтьми. Это наконецъ взорвало майора, и онъ отрѣзалъ Осипу Иванычу:

— Если ужъ тебѣ такъ загорѣлось имѣть эту Марью, такъ отчего же ты не сказалъ этого мнѣ, твоему другу? Я, не будь я майоръ, доставилъ бы тебѣ ее живую, съ руками и съ ногами, за красный билетъ... Я, братъ, знаю женщинъ!..

Осипъ Иванычъ побѣлѣлъ, затрясся всѣмъ тѣломъ и только молча указалъ друзьямъ на дверь.

Странное состояніе души переживалъ Осипъ Иванычъ. Такіе дни иногда случаются осенью: трава давно высохла и пожелтѣла, листъ съ деревьевъ облетѣлъ, кругомъ все голо, и вдругъ выглянетъ ласковое, теплое солнышко и обольетъ все своимъ золотистымъ свѣтомъ. Тихо-тихо все стоитъ кругомъ, ни одна былинка не шелохнется, точно въ природѣ совершается какое-то великое таинство, торжественное, таинственное и неизъяснимое: потухающая жизнь улыбается послѣдней своей улыбкой, какъ засыпающій ребенокъ. Именно такое торжественное спокойствіе испытывалъ теперь консисторскій секретарь, согрѣтый молодымъ, горячимъ огнемъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ ту блаженную полноту, которая дѣлаетъ людей истинно-счастливыми, и удивлялся, какъ онъ раньше могъ жить, не понимая смысла всей жизни. Да развѣ онъ жилъ? Онъ ползъ, какъ червь, и, какъ червь, не могъ поднять головы. Правда, онъ думалъ всегда о томъ, чтобы устроить свой уголъ, завестись семьей, но все это было такъ смутно, неясно и постоянно затемнялось тысячью совершенно постороннихъ соображеній. Точно какой внутренній свѣтъ разомъ освѣтилъ Осипа Иваныча и даже на мгновеніе ослѣпилъ его: жизнь гораздо проще, а онъ теперь именно жилъ. Не нужно было ни искать ее, ни ждать, ни выбирать, нѣтъ, она пришла къ нему сама и сама протянула къ нему свои руки, прекрасная и слабая, полная жизни и не знающая жизни.

Когда майоръ выскочилъ изъ конторы и даже хлопнулъ дверью, Осипъ Иванычъ только улыбнулся: ослѣпленный злобой человѣкъ хотѣлъ разстроить его счастье и теперь неистовствуетъ отъ собственнаго посрамленія. Нѣтъ, во всемъ случившемся есть какая-то невидимая рука, которая все устроила, и слабому человѣку только оставалось покориться.

Приготовленія къ свадьбѣ занимали теперь все свободное время у Осипа Иваныча, и онъ съ наслажденіемъ устраивалъ гнѣздышко для своего будущаго счастья. Изъ сундуковъ были вытащены всевозможныя вещи, заготовленныя Осипомъ Иванычемъ раньше именно для такого торжественнаго случая: ковры, занавѣски, зеркало, шкатулочки, салфеточки, посуда, даже картины. Все это по случаю скупалось консисторскимъ секретаремъ на аукціонахъ и распродажахъ, вообще по случаю, когда вещи продавались за полцѣны.

— А какъ ты теперь находишь, Иванъ Петровичъ? — спрашивалъ старикъ своего клеврета Чинетти, развѣсивъ надъ двухспальной кроватью бархатный коверъ съ двумя голыми нимфами.

— Ничего, хорошо,..

— Хе-хе... Все было припасено, давно припасено, а теперь дѣло за птичкой: прилетитъ, расправитъ перышки, и Осипъ Иванычъ помолодѣетъ съ птичкой.

Чинетти долженъ былъ принимать довольно дѣятельное участіе въ приготовленіи готовившагося торжества, т.-е. чистилъ самоваръ, подсвѣчники, амуницію Осипа Иваныча, зеркало и т. д. Время бѣжало быстро, необходимо было торопиться, чтобы предотвратить злоухищренія со стороны майора, о которыхъ Осипъ Иванычъ говорилъ довольно часто.

Свадьба должна была произойти въ Розвальняхъ, куда, спеціально на этотъ случай, былъ выписанъ священникъ, пріѣхавшій откуда-то верхомъ, кажется, верстъ за сто; послѣ вѣнца молодые должны были сейчасъ же отправиться на Ягодный: Осипъ Иванычъ верхомъ, а молодая въ сибирской качалкѣ, привязанной между двумя лошадьми на тонкихъ жердяхъ.

— Мнѣ бы хотѣлось первые дни остаться въ Розвальняхъ,—заявила-было Марья Ивановна, но Осипъ Иванычъ ничего и слышать не хотѣлъ о такомъ рѣшеніи.

Наконецъ наступилъ и торжественный день свадьбы. Изъ знакомыхъ Осипа Иваныча въ церкви, при совершеніи обряда, присутствовалъ одинъ Чинетти, который держалъ надъ невѣстой вѣнецъ. Осипъ Иванычъ былъ въ какомъ-то вицмундирѣ и при орденѣ, невѣста въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, однимъ словомъ, молодые были хоть куда. Послѣ вѣнца сейчасъ же всѣ отправились на Ягодный. Марья Ивановна ѣхала торжественно въ качалкѣ, а за ней верхомъ гуськомъ Осипъ Иванычъ, Чинетти и молчаливый, угрюмый старикъ, который жилъ при мелочной лавочкѣ Марьи Ивановны.

Путешествіе совершилось благополучно, и только когда показался Ягодный, Осипъ Иванычъ молодцомъ заскакалъ впередъ и, встрѣтивъ жену на крыльцѣ своей конторы, облобызалъ ее и проговорилъ:

— Вотъ, Маша, и наше гнѣздышко!

Было уже поздно. Лѣтній іюльскій день быстро склонился къ вечеру; со всѣхъ сторонъ на пріискъ ползла ночная мгла, и только яркіе огни около казармы рабочихъ нарушали общій порядокъ пріисковаго рабочаго дня. Это рабочіе пили за здоровье молодыхъ. Марья Ивановна была необыкновенно весела, шутила, смѣялась и ласково заглядывала прямо въ глаза Осипу Иванычу, котораго все время называла Іосифомъ.

— Ахъ, ты, моя птичка!—задыхаясь, шепталъ Осипъ Иванычъ.

Пожелавъ молодымъ спокойной ночи и выпивъ два бокала кисленькаго вина, купленнаго Осипомъ Иванычемъ гдѣ-то по случаю, Чинетти ушелъ изъ конторы послѣднимъ. Утромъ онъ проснулся рано; но окна въ конторѣ были завѣшаны, а дверь заперта. Чинетти подождалъ одиннадцати часовъ и рѣшился наконецъ взойти на крыльцо, причемъ осторожно кашлянулъ. Изъ конторы ему послышался какой-то странный стонъ. Чинетти еще разъ кашлянулъ, стонъ повторился. Это озадачило бывшаго наѣздника, и онъ попробовалъ отворить дверь; она была, какъ оказалось, не заперта. Когда Чинетти вошелъ въ контору, его взорамъ представилось нѣчто ужасное: Осипъ Иванычъ, какъ былъ, въ вѣнчальномъ нарядѣ, сидѣлъ у стола, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ и блуждавшими глазами.

— Это ты, Чинетти?—окликнулъ онъ и грустно поникъ головой.

— Я-съ... Что̀ это съ вами, Осипъ Иванычъ?

— Со мной?.. Ничего... несчастный человѣкъ и больше ничего.

Движеніемъ головы Осипъ Иванычъ показалъ на спальню, гдѣ стояла нетронутая парадная кровать; Марьи Ивановны не было.

— Никого нѣтъ... одинъ, одинъ, одинъ!—шепталъ Осипъ Иванычъ, съ глухими рыданіями роняя свою лысую голову на столъ.

VI.

Стояла глубокая осень, когда на сѣверѣ небо по цѣлымъ недѣлямъ обложено низкими сѣрыми туманами и безъ конца льется безпощадный дождь. Особенно тяжела такая осень гдѣ-нибудь на глухомъ пріискѣ, съ котораго нельзя ни выйти ни выѣхать, а приходится отсиживаться въ четырехъ стѣнахъ, точно въ осажденномъ городѣ. Майоръ Муштуковъ отъ души ненавидѣлъ это время года, хотя человѣкъ былъ испытанный и видавшій на своемъ вѣку виды.

— Это тюрьма, а не осень,—говорилъ онъ, поглядывая въ окно своей конторы на мутную полосу струившагося дождя.—Если бы я былъ англичанинъ, то давно бы повѣсился десять разъ.

Къ счастью майора, онъ не былъ англичанинъ, а поэтому ограничивался крупной руганью, курилъ безъ конца копеечныя сигары, плевалъ въ потолокъ, иногда игралъ на гитарѣ, на которой вотъ уже второй годъ не хватало двухъ басковъ, и все поджидалъ, не навернется ли кто-нибудь. Прежде хоть Осипъ Иванычъ съ Чинетти завернутъ повинтить грѣшнымъ дѣломъ, а нынче... о, чортъ возьми! какое иногда можетъ быть скверное положеніе! Майоръ сравнивалъ себя съ медвѣдемъ, который посаженъ въ яму, но медвѣдь хоть можетъ спать, а майоръ извѣстную часть сутокъ долженъ бодрствовать. Даже на охоту нельзя было носъ показать: пистоны отсырѣвали, ружье давало осѣчку, да и бродить мокрому по уши не особенно пріятно. Правда, дичи было много, но она теряла цѣну именно благодаря этому обстоятельству, и майоръ сидѣлъ въ своей берлогѣ, смотрѣлъ въ окно на пріискъ, ругался и опять смотрѣлъ, поджидая, не навернется ли какой-нибудь дьяволъ, хотя отлично зналъ, что подвертываться рѣшительно некому, кромѣ старика Балуева. Да и Балуевъ пріѣзжалъ рѣдко, все жаловался на какія-то болѣзни и сидѣлъ дома.

— Хоть бы тебя черти задавили для разнообразія,—говорилъ майоръ, встрѣчая гостя.

— Этакія слова у васъ, Лука Лукичъ, неспособныя!—ежился Балуевъ.— Сейчасъ и черти! И безъ нихъ вонъ какая на дворѣ страсть Господня стоитъ.

Обыкновенно, перекинувшись послѣдними пріисковыми новостями, друзья усаживались играть въ вистъ съ двумя болванами и каждый разъ непремѣнно ругали Осипа Иваныча и Чинетти.

— Подлецы, всю музыку испортили!—говорилъ майоръ, сдавая карты.— А гдѣ-же Миликтриса-то Кирбитьевна?

— Какъ въ воду канула, ни слуху ни духу. Чудное это дѣло, Лука Лукичъ!.. А старикъ-то вѣдь совсѣмъ съ ума спятилъ: горькую пьетъ...

— Фельдфебельскимъ запоемъ?

— Точно такъ-съ... Утромъ пріискъ обойдетъ, а потомъ затворится въ конторѣ самъ-другъ съ четвертью да до утра и чертитъ. У него въ каждомъ углу по четверти поставлено. Подойдетъ сначала къ одной и начнетъ себя упрашивать: „Осипъ Иванычъ, пожалуйте, рюмочку выкушайте“.—„Нѣтъ, благодарю васъ, что-то не хочется“.—„Да сдѣлайте такую милость, уважьте“.— „Развѣ ужъ для васъ колупнуть единую“. Ну, и разводитъ эту же музыку передъ каждою четвертью. Охъ, страсть одна... Испортила его, надо полагать, Марья-то Ивановна, въ первую же ночь испортила, а сама тягу.

— Да какъ она его испортить могла, когда онъ и не раздѣвался совсѣмъ и кровать была не тронута? Убѣжала, и все тутъ. Навѣрное, деньжонокъ прихватила... Вѣдь я говорилъ этому старому чорту, такъ нѣтъ: всѣхъ умнѣе хочу быть... вотъ и достукался. Не фордыбачь впередъ.

— Темное дѣло, Лука Лукичъ.

— Да, вѣдь я же говорилъ?

— Говорить-то, точно что говорили, только вышло маненько въ розницу супротивъ вашего... Старикъ-то говоритъ, что ни синь-пороха не взяла Марья Ивановна.

— Вретъ... не можетъ быть!

Друзья долго спорили на эту благодарную тему, а темное дѣло такъ и осталось темнымъ. Было извѣстно только то, что Марья Ивановна скрылась въ первую ночь послѣ свадьбы, а почему и какъ—оставалось тайной, надъ которой всѣ напрасно ломали голову. Нѣсколько разъ майоръ разными правдами и неправдами завлекалъ къ себѣ Чинетти и старался хоть изъ него выпытать что-нибудь, но Чинетти самъ ничего не зналъ.

— Ну, если бы эта колдунья Машка попалась мнѣ въ руки, я ее лихо отлупцовалъ бы,—ругался майоръ и даже засучивалъ рукава.—Теперь вотъ играй съ двумя болванами...

Особенно страшны были майору безконечныя осеннія ночи, которыя наводили на него тоску. Чего-чего онъ ни передумаетъ за такую ночь, а не спится, хоть зарѣжь. Вся безпутная майорская жизнь выплывала: какъ онъ барахтался среди коньяку, сомнительныхъ женщинъ, долговъ, картъ, зуботычинъ и вѣчной неизвѣстности, чѣмъ будетъ сытъ завтра. И какъ будто вновь все это было и какъ будто во снѣ. Некуда было дѣваться майору со своей майорской силой; онъ колобродилъ, пока не выгнали изъ полка, и хорошо еще, что нашелся добрый человѣкъ, который далъ мѣсто смотрителя на пріискѣ. Да, тяжело иногда бывало майору, очень тяжело, особенно, когда онъ раздумывался о томъ, что вѣдь, пожалуй, можно бы прожить нѣсколько иначе.

Въ одну изъ такихъ страшныхъ ночей, когда майоръ мучился у себя въ конторѣ безсонницей, въ окно кто-то осторожно постучалъ. Майоръ вскочилъ, зажегъ свѣчу и впустилъ Чинетти, который былъ блѣденъ и еле шевелилъ языкомъ отъ усталости.

— А я за вами, г. майоръ,—объявилъ Чинетти, не раздѣваясь.—Осипъ Иванычъ умираютъ и просили васъ Христомъ Богомъ пріѣхать къ нимъ проститься. Очень плохи-съ.

— Да куда же я въ этакую ночь отправлюсь? Ты съ ума сошелъ, братецъ... Нѣтъ, не поѣду. Такъ и скажи своему Осипу Иванычу, что майоръ его прощаетъ заочно. Всѣ мы грѣшные люди, да дѣвать только насъ некуда.

— Никакъ нельзя-съ; на колѣнахъ приказали просить васъ, руки цѣловать. Очень тяжело Осипу-то Иванычу, смертный часъ приходитъ.

Майоръ былъ добръ, какъ мы уже говорили. Онъ обругалъ по порядку все и всѣхъ, но въ концѣ концовъ велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ съ Чинетти на Ягодный. Ночь была, на счастье, свѣтлая. Въ воздухѣ тихо кружились медленно падавшія пушистыя снѣжинки, замерзшая земля звенѣла подъ копытами лошадей, какъ стекло, молодой мѣсяцъ разливалъ радужное сіяніе колыхавшимися столбами. Торжественно и тихо было въ лѣсу, точно все живое умерло навсегда, и только гдѣ-то далеко выла волчья голодная стая, заставлявшая лошадей фыркать и пятиться.

— Ну, и задачу задалъ Осипъ Иванычъ,—ворчалъ майоръ, напрасно

закрывая мерзнувшія колѣна полой нагольнаго полушубка—полы разъѣзжались, и морозъ начиналъ щипать грѣшное майорское тѣло.—Нашелъ время умирать... чудакъ, право!

Наши путники еще издали увидѣли слабый огонекъ, мерцавшій въ конторѣ Осипа Иваныча. Майоръ не безъ удовольствія соскочилъ съ лошади, стряхнулъ съ себя снѣгъ, потянулся всѣмъ корпусомъ, такъ что хрустнуло въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и бодро взбѣжалъ на крылечко. Отворивъ дверь, онъ чуть не попятился: умиравшій Осипъ Иванычъ лежалъ на своемъ старомъ диванчикѣ, а противъ него на стулѣ сидѣла Марья Ивановна и вполголоса читала какую-то большую книгу въ кожаномъ почернѣвшемъ переплетѣ. Осипъ Иванычъ открылъ глаза и сдѣлалъ попытку улыбнуться: онъ узналъ майора.

— Вы, пожалуйста, не растревожьте его,—шопотомъ проговорила Марья Ивановна, показывая головой на больного.—Очень онъ плохъ.

У майора вертѣлась на кончикѣ языка какая-то дерзость, но Марья Ивановна въ это время успѣла выйти.

— Ну что̀, Осипъ Иванычъ, какъ себя чувствуешь?—наклонился майоръ къ больному, который опять закрылъ отяжелѣвшія вѣки.

— Плохо... умираю...—хрипѣлъ Осипъ Иванычъ и глухо закашлялся; въ груди у него точно что̀ переливалось.—Ушла та... змѣя-то?

— Ушла... Пріѣхалъ проститься съ тобой, Осипъ Иванычъ... Мало ли что̀ бываетъ, голубчикъ, а только я зла не помню...

Майоръ не кончилъ, потому что по его красному лицу катились крупныя слезы, а въ горлѣ сперлись рыданія.

— Меня... прости... меня...—хрипѣлъ Осипъ Иванычъ, опять закрывая глаза.—Совѣсть... замучила... напрасно я тогда... тебя-то обидѣлъ...

— Богъ проститъ!—шепталъ задыхавшимся голосомъ майоръ, отвертываясь, чтобы скрыть заплаканное лицо.

Осипъ Иванычъ былъ страшенъ, какъ бываютъ страшны умирающіе отъ водянки: лицо опухло какой-то сѣрой полнотой, подъ глазами просвѣчивали темные круги, носъ обострился, посинѣвшія губы запеклись. Каждое слово стоило ему страшныхъ усилій, но онъ непремѣнно хотѣлъ говорить.

— Видѣлъ... змѣю-то?—повторилъ Осипъ Иванычъ свой вопросъ.—Сама пришла... сегодня ночью... узнала... я при смерти... и пришла... а вы ничего не знаете про нее-то... про Марью?

— Ничего, Осипъ Иванычъ... такъ, болтаютъ разное.

— Охъ!.. никто не знаетъ... я одинъ... Знаете, г. майоръ, что̀... меня-то погубило?

Майоръ вопросительно пожалъ плечами.

— А какъ меня зовутъ-то?

— Осипомъ.

— Вотъ, вотъ... Іосифъ... это и нужно было змѣѣ-то моей. Она... Марья... хлыстовка... захотѣла сдѣлаться... хлыстовской богородицей... ну, ей и нужно было... обручиться... съ Іосифомъ, который хранилъ бы ея дѣвство... Вотъ она тогда и нашла меня... а сама убѣжала... со старикомъ своимъ... Охъ, смерть моя... душно.

Къ утру хранителя дѣвства хлыстовской богородицы не стало; онъ умеръ на рукахъ майора, который рыдалъ надъ нимъ, какъ ребенокъ. Марьи Ивановны не было; она опять пропала безъ вѣсти, а съ ней исчезъ и Чинетти.

1885.

БОГОДАНКА.

Очеркъ.

I.

Фельдшеръ Криспъ Мухояровъ по привычкѣ завернулъ перевести духъ къ своей старой баушкѣ *) Варламихѣ, которая торговала на заводскомъ базарѣ въ маленькой деревянной лавчонкѣ. Какъ себя помнилъ фельдшеръ, старуха всегда сидѣла около своей лавчонки и почти нисколько не измѣнилась, а онъ изъ мальчишки, бѣгавшаго босикомъ, превратился почти въ старика. Время точно остановилось для баушки Варламихи, какъ и для ея лавчонки, кое-какъ сколоченной изъ тонкихъ досокъ и имѣвшей такой видъ, точно вотъ-вотъ она сейчасъ развалится на всѣ четыре угла. Торговала старуха разной дрянью, которая на базарномъ языкѣ называется мелочью—тесемками, пуговицами, листовымъ табакомъ, спичками и т. д. Но у нея была и своя спеціальность, которая составляла душу ея коммерческихъ операцій: въ плетеныхъ коробушкахъ, въ ящикахъ и просто въ холщевыхъ мѣшочкахъ хранилось всевозможное лѣчебное зелье—травы, коренья и разныя таинственныя снадобья, составъ и назначеніе которыхъ знала только одна баушка Варламиха. Ея кліентами были главнымъ образомъ бабы, наѣзжавшія изъ деревень и запасавшіяся всѣмъ необходимымъ—кому колгану, кому богородицкой травки, кому звѣробою. Были и такія кліентки, которыя предварительно долго шептались съ торговкой, въ чемъ-то ее убѣждали и божились.

— Охъ, согрѣшила я съ вами!—роптала баушка Варламиха.—Снимете вы съ меня голову...

Просимое выдавалось подъ страшнымъ секретомъ. Это были или сулема, или мышьякъ, или царская водка. По деревнямъ старуха знала всѣхъ настоящихъ лѣкарокъ и отпускала яды съ большой осторожностью. Конечно, это была опасная торговля, но баушка Варламиха торговала пятьдесятъ лѣтъ и привыкла къ опасности. Что же дѣлать, надо гдѣ-нибудь раздобыться средствіемъ, котораго въ аптекѣ не купишь. Фельдшеръ Криспъ слышалъ объ этихъ статьяхъ баушкиной торговли и не разъ говорилъ:

— Смотри, старуха, доиграешься... не похвалятъ, пожалуй.

— Ничего я не знаю...—отпиралась старуха.—Такъ, зря болтаютъ.

Твердое поведеніе баушки всегда производило на фельдшера извѣстное дѣйствіе, и онъ былъ готовъ повѣрить, что про старуху, дѣйствительно, болтаютъ лишнее. Говорили же и про него, что онъ доставляетъ ей всякое ядовитое снадобье изъ своей заводской аптеки, и что барыши отъ этой торговли

*) На Уралѣ часто говорятъ „баушка“ вмѣсто бабушка.

они дѣлятъ пополамъ. Деревенскія бабы обращались даже прямо къ фельдшеру за разной отравой, причемъ навеличивали его Крысомъ Иванычемъ.

— Да вы сбѣсились?—накидывался на нихъ фельдшеръ.—Изъ-за васъ мнѣ въ каторгу итти, что ли?

Бабы пугались и ничего не понимали, а которыя были побойчѣе, тѣ объясняли, что зелье нужно для отравы таракановъ.

— Знаю я, какихъ вы таракановъ травите...

Другимъ ремесломъ баушки Варламихи было то, что она одна въ цѣломъ заводѣ умѣла заговаривать кровь и при случаѣ, когда было нужно, могла и погадать, хотя послѣднее считала великимъ грѣхомъ. Фельдшеръ въ качествѣ интеллигентнаго чоловѣка, конечно, не вѣрилъ ни заговорамъ ни гаданьямъ и любилъ пошутить надъ старухой, когда приходилъ въ веселомъ настроеніи.

— Ну-ка, погадай мнѣ, старая кочерга...—приставалъ онъ, набивая носъ табакомъ.—У меня телушка потерялась, такъ гдѣ ее найти?

Въ этихъ случаяхъ старуха отдѣлывалась разными общими фразами, въ родѣ того, что „не положилъ—не ищи“, или „не радуйся—нашелъ, не тужи—потерялъ“. Фельдшеръ хихикалъ и говорилъ:

— Хлѣбъ ты у меня отбиваешь, Варламиха... А того не знаешь, что я завсегда отъ науки дѣйствую.

Въ свою очередь, баушка Варламиха ни на волосъ не вѣрила фельдшерской наукѣ и хохотала до слезъ, когда онъ сообщалъ ей разныя послѣднія слова знанія. Особенно смѣшили ее бактеріи.

— Какія же онѣ, ну, эти... какъ ихъ...

— Бактеріи-то?

— Охъ, и слова-то такія грѣшно выговаривать... Въ родѣ собачекъ, что ли?

— Всякія бываютъ, глядя по болѣзни... Палочки, запятыя, звѣздочки...

— Охъ, перестань! Можетъ, и слушать-то грѣшно такія слова...

— Это въ тебѣ, Варламиха, темнота твоя говоритъ. Вотъ тебѣ и смѣшно... Тутъ какіе ученые люди придумывали, чтобы все въ аккуратъ выходило.

Въ сущности, фельдшеръ и самъ сильно сомнѣвался относительно бактеріологіи. Конечно, наука, и даже въ микроскопъ можно все разсмотрѣть, а какъ будто и не такъ. Ежели, дѣйствительно, такая тьма тьмущая этой самой бактеріи, такъ тогда и дохнуть нельзя. Потомъ у человѣка науки являлось даже такое соображеніе, что только богатые люди, дѣйсгвительно, разводятъ въ себѣ разную дрянь, главнымъ образомъ благодаря всевозможнымъ дорогимъ закускамъ, а гдѣ же бѣдному человѣку набрать кокковъ и микрококковъ? Одинъ земскій врачъ говорилъ Мухоярову, что въ каждой бактеріи живутъ свои бактеріи, а въ этихъ опять свои, и такъ безъ конца-краю.

— Нѣтъ, ужъ это того...—рѣшилъ Криспъ Иванычъ.—Умъ за разумъ, пожалуй, зайдетъ, если до конца захочешь узнать, гдѣ сидитъ главная-то бактерія.

Сейчасъ фельдшеръ очень торопился къ одному больному и на этомъ основаніи завернулъ къ баушкѣ Варламихѣ. Лавчонка была открыта, а самой старухи не было, что̀ случалось не рѣдко.

— Этакая крымза старая,—проворчалъ вслухъ фельдшеръ.—Весь магазинъ бросила; на̀, получай, что̀ тебѣ нравится.

День былъ жаркій, солнце такъ и палило, а подъ деревяннымъ навѣсомъ лавочки царила благодѣтельная тѣнь. Фельдшеръ снялъ фуражку, вытеръ лысину носовымъ платкомъ и посмотрѣлъ на линію базарныхъ лавчонокъ, гдѣ торговали тоже мелочью и краснымъ товаромъ конкуренты Варламихи,

захватившей лучшее мѣсто—на углу, какъ говорится, прямо въ горлѣ, такъ что ни одинъ покупатель не могъ пройти мимо Варламихи. Этотъ заводскій базаръ, состоявшій изъ деревянныхъ лавчонокъ, оживлялся только по воскресеньямъ, а въ будни торговли почти не было, и торгаши сидѣли по своимъ лавчонкамъ просто по привычкѣ. Фельдшеръ зналъ всѣхъ, конечно, наперечетъ, зналъ подноготную каждаго, достатокъ, семейное положеніе, до болѣзней включительно. Сейчасъ, напримѣръ, Пимка Мятелевъ, очевидно, былъ съ похмелья, потому что оралъ на весь базаръ, когда хромой Гаврила Матвѣичъ „фукалъ“ у него шашку за шашкой. Пимка былъ краснорожій кудрявый мужчина, считавшійся на заводѣ первымъ борцомъ, а хромой Гаврила Матвѣичъ отличался необыкновенно мрачнымъ характеромъ, показывалъ свой товаръ покупателямъ молча и, случалось, выгонялъ изъ лавки, если покупатель слишкомъ долго рылся въ его товарѣ.

— Куда это запропастилась старая кочерга?—ворчалъ фельдшеръ, начиная терять терпѣнье.

Онъ уже хотѣлъ уходить, когда изъ-за угла вывернулась какая-то баба съ плетенкой, увидала его и скрылась.

— Ага, видно, за ядомъ приходила къ Варламихѣ,—сообразилъ фельдшеръ.—Ахъ, бабы, бабы... То-то отчаянныя!

Фельдшеру даже понравилось, что баба испугалась его и спряталась за уголъ. Знаетъ, видно, кошка, чье мясо съѣла...

Но баба показалась во второй разъ и подошла съ видимой нерѣшительностью.

— Баушки-то нѣту?—спросила она, переминаясь съ ноги на ногу, какъ испуганная овца.

— Была да вся вышла... Чего тебѣ нужно?

— А вотъ плетушку пока поставить...

— Ставь. Вонъ сунь ее подъ лавку...

— И то суну, Крысъ Иванычъ...

— Ты меня знаешь?

— Кто тебя не знаетъ, Крысъ Иванычъ...

— Дура ты полосатая: не Крысъ, а Криспъ Иванычъ...

Баба засунула плетушку подъ лавку и, не глядя на фельдшера, проговорила:

— Ужо, заверну къ бабушкѣ...

— Ладно, ладно, проваливай въ палевомъ, приходи въ голубомъ,—пошутилъ фельдшеръ, дѣлая здоровую понюшку.

II.

Варламиха скоро вернулась. Это была сгорбленная, худая старуха съ сморщеннымъ, темнымъ лицомъ, на которомъ оставались живыми одни глаза. Она и зиму и лѣто кутала голову толстой бумажной шалью, почему голова казалась несоразмѣрно большой. У Варламихи больше тридцати лѣтъ не проходила головная боль, ломило поясницу—вообще, старуха „скудалась здоровьемъ“ и постоянно лѣчилась своими домашними средствіями.

— Ну, старая кочерга, прокараулила покупательницу,—шутилъ фельдшеръ, здороваясь.—Тутъ бабенка одна навертывалась... „Яду, гритъ, мнѣ надобно у баушки купить!..“

— Отстань, смола!

— Мнѣ-то какая печаль? Вотъ сижу тутъ и караулю твой магазинъ... Бабенка сунула тебѣ подъ лавку плетушку. Вонъ стоитъ...

Варламиха сегодня была не въ духѣ и не обратила вниманія на слова фельдшера, а только сердито двинула ногой плетушку въ самый уголъ. Точно въ отвѣтъ на это движеніе изъ плетушки послышался жалобный дѣтскій писк.

— Вотъ такъ фунтъ!—ахнулъ фельдшеръ, вскакивая.—Это что̀ тамъ пищитъ?

Старуха достала плетенку, завязанную сверху синей пестрядиной, развязала ее и только развела руками. Въ плетушкѣ, на куделкѣ, лежала худенькая дѣвочка мѣсяцевъ трехъ. Она сосала кулачокъ и искала ножками... Фельдшеръ въ одинъ мигъ сообразилъ, что хитрая бабенка подкинула младенца.

— Что̀ же это такое?—растерянно бормоталъ онъ.—Ахъ, шельма бабенка... Ну, и шельма!

Ребенокъ принялся кричать. Баушка Варламиха вынула его изъ плетушки, завернула въ фартукъ и принялась качать.

— Твое, видно, счастье, Крысъ Иванычъ,—говорила она.

— Какъ мое? Это тебѣ баба подкинула.

— А вотъ и не мнѣ... Ты принялъ—твой и отвѣтъ.

— Ну, ужъ это дудки!.. Я-то при чемъ тутъ? Баба прямо принесла тебѣ... Такъ и сказала: „баушкѣ Варламихѣ“.

— Врешь ты все, Крысъ... Кабы мнѣ, такъ я бы поглядѣла, что̀ въ плетушкѣ. А ты бралъ—твой и подкидышъ...

— И не думалъ брать!.. Она сунула подъ лавку—только и всего. Я ужъ совсѣмъ думалъ уходить, а ее чортъ и принесъ.

— То-то вотъ, все у тебя чортъ да чортъ... Теперь и расхлебывай кашу.

— Я?! Да я бы ее, шельму...

Ребенокъ не унимался, баушка Варламиха положила его обратно въ плетушку и спокойно проговорила:

— На̀, получай богоданку.

Фельдшеръ отталкивалъ отъ себя плетушку, а Варламиха все наступала. Поднялся крикъ, причемъ оба говорили разомъ и толкали плетушку. На крикъ прибѣжалъ первымъ Пимка Мятелевъ, заглянулъ въ плетушку и залился хохотомъ.

— Вотъ такъ Крысъ Иванычъ, ловко приспособилъ младенца... Ха-ха!.. Баушка, не поддавайся—это его работа. Я и бабенку видѣлъ, какъ она приходила...

На шумъ приковылялъ хромой Гаврила Матвѣичъ, заглянулъ въ плетушку, мрачно посмотрѣлъ на фельдшера и только покачалъ головой. Бѣдный Криспъ Иванычъ началъ чувствовать, что онъ краснѣетъ. Изъ другихъ лавчонокъ сбѣжались торговки и тоже качали головами. „Да не Крысъ ли Иванычъ какую штуку откололъ“,—слышался бабій шопотъ. Бабы въ качествѣ спеціалистокъ осмотрѣли богоданку во всѣхъ подробностяхъ и въ голосъ рѣшили, что она заморышекъ и, того гляди, помретъ.

— Приданое надо, видно, готовить, Крысъ Иванычъ,—смѣялся Пимка Мятелевъ.—Вѣдь это къ счастью, ежели младенца подкинутъ...

Фельдшеръ только плюнулъ и, воспользовавшись суматохой, незамѣтно юркнулъ изъ толпы.

— Крысъ Иванычъ, куда ты? Крысъ Иванычъ, постой!..—послышались голоса вслѣдъ.

— Держи его!—закричалъ Пимка Мятелевъ.

Баушка Варламиха схватила плетушку съ ребенкомъ и побѣжала за удиравшимъ фельдшеромъ. Онъ оглянулся и тоже побѣжалъ. Старуха долго не могла бѣжать, остановилась, поставила плетушку на землю и погрозила ему

кулакомъ. Фельдшеръ остановился только на заводской плотинѣ, чтобы перевести духъ, и отсюда могъ отлично видѣть, какъ высыпали изъ лавчонокъ всѣ торговки и торговцы и что-то страшно галдѣли, указывая на него руками. Впереди другихъ виднѣлась красная рубаха Пимки Мятелева. А баушка Варламиха стояла на прежнемъ мѣстѣ и продолжала грозить ему кулакомъ. Переведя духъ, фельдшеръ быстро пошелъ по плотинѣ—его спасеньемъ было то, что заводская больница стояла сейчасъ за плотиной, гдѣ онъ благополучно и скрылся.

На выручку къ баушкѣ Варламихѣ сбѣжались почти всѣ торговки и составили военный совѣтъ, въ которомъ принялъ участіе изъ мужчинъ одинъ Пимка Мятелевъ.

— Давайте, я снесу богоданку Крысу прямо въ лазаретъ,—предлагалъ онъ.—Вонъ какъ стреканулъ, песъ... Кабы не его дѣло, такъ зачѣмъ бы человѣку бѣжать? Кругомъ, значитъ, виноватъ...

Бабы сбились въ кучу и долго галдѣли. Конечно, можно стащить дѣвчонку въ лазаретъ, только изъ этого ничего не выйдетъ, потому что безсовѣстный Крысъ отопрется у всѣхъ на глазахъ. Съ другой стороны, все равно, онъ не уйдетъ, а главное—дѣвчонка совсѣмъ голодная и надо ее накормить. Плетушку торжественно перетащили въ лавчонку къ баушкѣ Варламихѣ, гдѣ сейчасъ же сдѣлали соску изъ калача и заткнули ей ротъ. Потомъ явилось молоко, и бабы хлопотали и суетились, какъ пчелы, ругая хитраго Крыса самыми обидными словами. Мужчины больше не подходили, и только Гаврила Матвѣичъ послалъ мальчика сказать, что это дѣло совсѣмъ не подходящее и что Варламиха пусть убирается со своей богоданкой, куда знаетъ.

— Куда съ ней дѣваться-то?—замѣтила старуха.—Не собачонка, на улицу не выкинешь...

— Въ волость ее отправить,—совѣтовалъ кто-то.—Тамъ разберутъ... Да и Крысу достанется.

Но баушка Варламиха не согласилась. Какое же дѣло, чтобы тащить ребенка въ волость, точно вора. Чѣмъ онъ виноватъ? Баба, которая совѣтовала это сдѣлать, согласилась первая, что, дѣйствительно, дѣло не подходящее. Надо подумать. Другія бабы думали то же самое, причемъ ругали обманщика фершала, который вотъ какъ подвелъ баушку Варламиху. Тоже вѣдь это дѣло обидное, кагда ребятъ будутъ подбрасывать. Да и бабенка смѣлая выискалась,—на глазахъ у всѣхъ подкинула. Ежели бы да она попалась, такъ растерзать ее мало... Какая же это мать, ежели свое рожоное дитё не пожалѣла?

— Какъ же, поди, не пожалѣла, бабочки? — спорила толстая торговка.—Хоть до кого доведись... Значитъ, уже устигла ее бѣда неминучая. Тоже бабьимъ дѣломъ всяко бываетъ...

— Можетъ, вся душенька у ней разрывалась...

— Легкое мѣсто сказать!

У всѣхъ прикинулась бабья жалость. Какая бы мать ни была, а все-таки мать. Надо подумать, чтобы дитё выносить, да родить, да три мѣсяца няньчить, а потомъ подбросить. Можетъ, мать-то вотъ гдѣ-нибудь за уголкомъ вся „слезами изошла“. Вообще, жалкихъ бабьихъ разговоровъ было достаточно, и молчала одна баушка Варламиха.

— Ну, а ты-то, баушка, что̀ думаешь?—приставали къ ней.

— Я-то? Дума короткая: посмѣялись, надъ старухой добрые люди. Вонъ даве Пимка что̀ сказалъ: богоданка. А куды я съ ней на старости лѣтъ?

— Это ужъ вѣрно, баушка,—тараторили бабы.—Извѣстно, старое твое дѣло... А тутъ, первое, ночи не спи. Гдѣ ужъ тебѣ...

— Отдамъ ее Крысу,—рѣшила баушка Варламиха.—Онъ принялъ, ну, и расхлебывай кашу.

— Ужъ это вѣрно, баушка. Недаромъ убѣжалъ-то.

Въ душѣ баушка Варламиха рѣшила такъ или иначе отдѣлаться отъ богоданки. Ежели бы она была помоложе лѣтъ на сорокъ, ну, тогда другое дѣло: свои дѣти были, и богоданка выросла бы около нихъ. А теперь куда она дѣнется съ ней? Небось, завтра весь заводъ узнаетъ, какъ ее, старуху, осрамили... У баушки Варламихи явилось даже озлобленіе къ богоданкѣ, которая не хотѣла больше брать соски.

— Ишь, скверная, мать ищетъ,—ворчала она.—А вырастетъ, такая же будетъ, какъ мать. У, дармоѣдка!

Старуха знала, что другія бабы наговорятъ всякихъ жалостливыхъ словъ и уйдутъ, а она останется съ богоданкой. Такъ и вышло, конечно. Помаленьку бабы начали незамѣтно исчезать, а остававшіяся принялись ее же жалѣть.

— Какъ же ты, баушка, управишься-то? Не молодое твое дѣло, а тутъ ребенчишко будетъ пищать день и ночь...

Баушка Варламиха сердито молчала, пока не ушла послѣдняя баба. Она вытащила потомъ кричавшаго ребенка и больно его отшлепала.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, скверная!

Ребенокъ, какъ говорится, зашелся, т.-е. захлебнулся отъ истерическаго плача, а старуха продолжала его шлепать, повторяя:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, дрянь ты этакая!

III.

Положеніе фельдшера Мухоярова получилось самое каверзное. Прибѣжавъ въ свою больничку, онъ даже заперся на ключъ и долго выглядывалъ изъ-за косяка, точно ожидая погони. Ему мерещились угрожающіе жесты баушки Варламихи и ревъ толпы—да, именно толпы, какъ былъ убѣжденъ фельдшеръ. Это разъ. Съ другой стороны, къ вечеру, конечно, узнаетъ о происшествіи весь Курмышскій заводъ, управляющій, заводскіе служащіе, наконецъ его непосредственное начальство, докторъ Павелъ Алексѣичъ, и тогда ничего не останется, какъ подавать въ отставку. Но самое большое зло находилось у него подъ бокомъ и называлось Настасьей Егоровной—казенная фельдшерская квартира находилась въ одномъ флигелѣ съ аптекой, гдѣ спрятался Мухояровъ.

— Ахъ, скверная! Ахъ, негодная!—ругался онъ, повторяя про себя, какъ урокъ, всѣ подробности событія.—И вѣдь дернула же меня нелегкая зайти къ Варламихѣ... Ну, это еще ничего,—отчего и не зайти? Не въ первый разъ зашелъ... А вотъ зачѣмъ ее чортъ унесъ изъ лавчонки ни позже ни раньше?!.. Не слѣдовало ждать, а повернуться и уйти. Нѣтъ, тогда было бы хуже: Цимка видѣлъ, что я заходилъ, а бабу могъ и не видѣть—ну, тогда и вышло бы ужъ прямо, что я подбросилъ ребенка.

Вообще фельдшеръ очень мучился и нарочно оттягивалъ время обѣда, чтобы замедлить роковое объясненіе съ женой. Въ сущности онъ даже не боялся жены, и Настасья Егоровна ничего страшнаго собою не представляла, а просто съ теченіемъ времени сложилось самое обыкновенное семейное рабство, нарастающее изъ ничтожнѣйшихъ причинъ. Вѣдь фельдшера не обязаны быть совершенствомъ и имѣютъ свои маленькіе недостатки: Криспъ Иванычъ засиживался иногда въ гостяхъ, иногда возвращался домой съ мухой, были наконецъ случаи, когда онъ подозрѣвался въ измѣнѣ своимъ се-

мейнымъ прямымъ обязанностямъ. Всѣ эти мелочи складывались въ одну кучку, и въ результатѣ пятнадцатилѣтняго супружескаго опыта получилось то, что Мухояровъ приходилъ домой всегда съ какимъ-то виноватымъ видомъ и въ разговорахъ съ женой торопливо соглашался съ ней во всемъ.

А время обѣда близилось. Балбесъ Колька, второй сынъ, прибѣгалъ уже два раза.

— Сейчасъ, сейчасъ,—повторялъ фельдшеръ, выигрывая каждую минуту.

Вотъ зимой такъ и совсѣмъ не пошелъ бы обѣдать, потому что пріемная всегда биткомъ набита больными, а лѣтомъ никто не желаетъ лѣчиться. Ничего не оставалось, какъ итти домой. „Навѣрно, Настенька все уже знаетъ",—думалъ фельдшеръ, переступая порогъ своего пепелища. Но Настасья Егоровна, видимо, еще ничего не знала и притомъ была въ хорошемъ настроеніи. Это сразу ободрило упавшаго духомъ Криспа Иваныча. Вѣдь это совсѣмъ другое дѣло, когда онъ самъ первый разскажетъ, причемъ, конечно, освѣтитъ все настоящимъ образомъ. Сегодня была его любимая ботвинья съ пирогомъ изъ соленой рыбы, что̀ тоже дѣйствовало ободряюще на душу. Кончая ботвинью, Криспъ Ивановичъ проговорилъ такимъ тономъ, какъ разсказываютъ о разныхъ постороннихъ пустякахъ:

— Какой сегодня смѣшной случай вышелъ, т.-е. не смѣшной, а скорѣе глупый... Совсѣмъ глупый случай. Ты вѣдь знаешь, Настенька, баушку Варламиху? Да... Я ходилъ дѣлать перевязку нашему бухгалтеру... да... ну, завернулъ къ старухѣ перевести духъ... да...

Брови Настеньки сразу приняли угрожающее положеніе, и дальнѣйшій разсказъ Криспа Иваныча носилъ довольно сбивчивый характеръ, такъ что Настенька никакъ не могла понять, откуда же наконецъ взялся ребенокъ.

— Фу, Боже мой! Какъ это ты не можешь понять?!—вспылилъ Криспъ Ивановичъ рѣшительно безъ всякаго основанія, какъ дѣлаютъ всѣ безхарактерные люди въ виду грозящей опасности.—Ну, сижу въ лавочкѣ... Пимка Мятелевъ, очевидно, съ жестокаго похмелья: рожа красная, а Гаврила Матвѣичъ фукъ да фукъ у него шашку... Ну, хорошо. Я ужъ совсѣмъ собрался... Однимъ словомъ, не я же родилъ этого ребенка, чортъ возьми!.. Да это, наконецъ, и не ребенокъ, а Богъ знаетъ что̀... Все равно, не сегодня—завтра помретъ. Такъ, едва дышитъ дѣвчонка...

Настенька дослушала до конца и зловѣще-спокойнымъ тономъ проговорила:

— Что̀ ты путаешь тутъ, Криспъ Иванычъ?.. Бабенкѣ-то вѣрнѣе всего было бы подождать Варламиху, а то она сунула свою плетушку тебѣ.

— И совсѣмъ не мнѣ, а поставила подъ лавку. Я-то при чемъ тутъ?.. Всѣ вы, бабы, на одну колодку... Варламиха гналась за мной чуть не до плотины и все совала мнѣ въ руки плетушку съ ребенкомъ.

Это уже была совсѣмъ, совсѣмъ лишняя подробность, и Криспъ Иванычъ мгновенно смолкъ. Брови Настеньки показывали приближеніе настоящаго шторма. Все пропало, Криспъ Иванычъ погибалъ...

Дальнѣйшія событія совершались съ замѣчательной быстротой, т.-е. мужъ и жена жестоко поссорились и наговорили другъ другу тысячи самыхъ обидныхъ вещей. Кончилось тѣмъ, что Криспъ Иванычъ убѣжалъ изъ дому, хлопнувъ дверью... Онъ весь вечеръ просидѣлъ у одного знакомаго служащаго, пилъ водку свыше обычной нормы и вернулся домой совсѣмъ пьяный, когда начала заниматься утренняя заря.

— А я эту проклятую дѣвчонку прикончу... Я же и сталъ кругомъ виноватъ?! Благодарррю...

Утромъ онъ проснулся съ жестокой головной болью и даже не сталъ пить чаю, а потихоньку скрылся въ свою аптеку. Настасья Егоровна, въ свою очередь, скрылась въ кухню, гдѣ гремѣла ухватами и съ ожесточеніемъ совала горшки въ печь, точно это были преступники, приговоренные къ сожженію.

Криспъ Иванычъ, конечно, не былъ виноватъ ни тѣломъ ни душой, но противъ него была тяжелая улика, именно, зачѣмъ онъ побѣжалъ отъ Варламихи? Не побѣги онъ—и всему дѣлу конецъ. Мало ли ребятъ кому подкидываютъ,—не велика бѣда, хотя, конечно, и удовольствія никакого. Вообще, Криспъ Иванычъ оказалъ себя совсѣмъ глупымъ человѣкомъ, и теперь ему не дадутъ прохода шуточками да насмѣшками.

— И всего-то было прійти и сказать мнѣ,—съ горечью думала она, припоминая коварство мужа:—а то: „какой смѣшной случай"—вотъ тебѣ и будетъ смѣшной.

Женскія мысли отличаются тѣмъ, что съ необыкновенной быстротой переходятъ въ дѣйствіе. Такъ было и здѣсь. Настасья Егоровна во мгновенье ока рѣшила, какъ ей нужно поступать, чтобы возстановить фамильную честь. Достаточно сказать, что она бросила свои ухваты, горшки и топившуюся печь, накинула на себя платокъ и съ рѣшительнымъ видомъ отправилась на базаръ, захвативъ на всякій случай корзинку, съ которой обыкновенно ходила за провизіей. Криспъ Иванычъ видѣлъ въ окно, какъ жена прошла мимо, и пришелъ въ ужасъ отъ одной мысли о томъ, что̀ могло случиться. Да, Настенька полетѣла прямо на базаръ и, конечно, прямо къ Варламихѣ, и, конечно, ни одинъ мудрецъ не могъ поручиться за послѣдствія дальнѣйшей исторіи Курмышскаго завода.

Со своей стороны, Варламиха, очевидно, ждала жену фельдшера и встрѣтила ее довольно непривѣтливо.

— Куды наклалась, мать, экую рань?

Это была ясная иронія по адресу корзинки для провизіи, потому что настоящія хозяйки выходили на базаръ за разнымъ харчемъ раннимъ утромъ, когда изъ деревень привозили и овощи, и домашнюю убоину, и рыбу, и яйца, и прочую снѣдь.

Настасья Егоровна нимало не смутилась такимъ пріемомъ и отвѣтила:

— Кому рань, а кому и поздно... Торопятся только блохъ ловить да чужихъ ребятъ собирать.

Роли сразу перемѣнились. Баушка Варламиха только замычала и отвернулась, а фельдшерова жена спокойно сѣла на деревянную скамеечку и проговорила:

— Ну-ка, старушка Божія, показывай свою богоданку...

Баушка Варламиха только отвернулась и плюнула.

— Нечего, нечего притворяться,—продолжала Настасья Егоровна:—ужъ что̀ Богъ далъ... Мово-то Криспа Иваныча вотъ какъ умѣла срамить. Побѣжалъ онъ отъ васъ, какъ вы его устыдили. Ну, говори, какъ дѣло было. Криспъ-то Иванычъ простъ, а ты со мной поговори...

Баушка Варламиха только тяжело вздохнула и опять отвернулась. Настасья Егоровна осмотрѣла однимъ взглядомъ всю лавчонку и не нашла того, чего искала.

— Куда дѣвчонку дѣла, баушка?

Старуха вся выпрямилась, подошла совсѣмъ близко къ фельдшеровой женѣ и шопотомъ проговорила:

— Ступай домой, Настасья Егоровна... Это не наше дѣло, а Божье. Слышала?

IV.

Съ баушкой Варламихой случилось нѣчто совершенно особенное и до того необыкновенное, что она сама испугалась.

Когда коварный фельдшеръ бѣжалъ и она осталась съ ребенкомъ на рукахъ, ее охватило мучительно-злобное чувство, сосредоточившееся именно на этомъ ребенкѣ. Дѣвчонка точно понимала все это и отчаяннымъ крикомъ заявляла свой протестъ. Старуха и укачивала ее, и совала ей въ ротъ соску, и давала пить молока, но ребенокъ не унимался, пока не заснулъ отъ утомленія. Этимъ моментомъ и воспользовалась Варламиха, чтобы безъ огласки перенести его къ себѣ въ избушку, стоявшую на берегу заводскаго пруда. Дѣло было подъ вечеръ, и на счастье Варламиха не встрѣтила никого изъ знакомыхъ.

Изба у Варламихи ничѣмъ не отличалась отъ другихъ такихъ же бревенчатыхъ заводскихъ построекъ. Она давно покосилась, на крышѣ уже росла трава, труба давно уже требовала починки,—однимъ словомъ, во всемъ чувствовалось отсутствіе хозяйской мужской руки. Старуха жила вдвоемъ съ глухонѣмой племянницей Аннушкой, которая управляла всѣмъ хозяйствомъ. Это была дѣвушка лѣтъ подъ тридцать, начавшая замѣтно увядать. Черты лица у Аннушки, какъ у большинства нѣмушекъ, были грубоваты, причемъ на немъ съ поразительной быстротой смѣнялись разныя впечатлѣнія. Аннушка удивилась, что баушка вернулась раньше обычнаго времени, а больше всего тому, что старуха затворила за собой ворота на запоръ.

— Гостинецъ тебѣ принесла,—объяснила она, передавая плетушку Аннушкѣ.

Когда нѣмая заглянула въ корзинку и увидала ребенка, она отскочила, какъ ужаленная, и со страхомъ начала отмахиваться обѣими руками. Варламиха объяснила ей, что ребенка принесла неизвѣстная баба и подбросила въ лавку, а сама скрылась. Потомъ Аннушка узнала о коварномъ поведеніи фельдшера и сердито замычала.

— Вотъ какъ побѣжалъ, сквернавецъ!—объяснила Варламиха, изображая бѣжавшаго отъ нея Криспа Иваныча.—Ну, я до него еще доберусь...

Нѣмая долго не рѣшалась подойти къ ребенку и смотрѣла на него издали, качая головой.

— Да не бойся, глупая,—смѣялась надъ ней Варламиха.—Не укуситъ, у нея и зубовъ-то еще нѣтъ...

Когда ребенокъ проснулся и взглянулъ на Аннушку своими бѣлыми глазенками, нѣмая въ ужасѣ закрыла лицо руками.

— Ишь, скверная, какъ таращитъ глазенки!—повторяла Варламиха, сердито поглядывая на ребенка.—Въ прудъ тебя бросить надо, скверную... Гдѣ мать-то потеряла?.. У, скверная!

Аннушка поняла, что старуха сердится, и сдѣлала умоляющее лицо, показывая руками, что вѣдь дѣвочка такая маленькая-маленькая, что она хочетъ навѣрно ѣсть, что ей нужно сдѣлать колыбельку, и что она, Аннушка, будетъ ходить за ней и день и ночь.

— Вотъ-вотъ, въ самый разъ,—ворчала старуха.—Ахъ, ты, глупая, глупая!

Ребенокъ со страхомъ смотрѣлъ на морщинистое лицо Варламихи и улыбнулся въ первый разъ, когда Аннушка нагнулась его поцѣловать. Ахъ, какъ ей, нѣмушкѣ, было и стыдно, и хорошо, и тепло, и страшно!.. На глазахъ у нея выступили слезы неизвѣданнаго счастья.

Все, что происходило дальше, походило на какой-то сонъ. Аннушка точно впилась въ ребенка, цѣловала его, плакала и говорила, что ни за что и никому его не отдастъ.

— Да не глупая ли!—удивлялась Варламиха.—А если мать придетъ?

— Не отдамъ... не отдамъ... не отдамъ!—повторяла Аннушка, дѣлая энергичные жесты, замѣнявшіе ей слова.

— А какъ ты будешь возиться ночью съ ней?—спрашивала Варламиха.— Она будетъ плакать, а ты не услышишь.

— Услышу... услышу... Баушка, миленькая, я все услышу. Меня Богъ разбудитъ...

Дальше Аннушка объяснила, что у маленькой дѣвочки есть свой ангелъ, который будетъ ее беречь.

— Какой ангелъ, когда она, можетъ, и некрещеная? Поняла: надо еще къ попу нести и крестить...

Лицо Аннушки приняло испуганное выраженіе. А вдругъ маленькая умретъ?.. Надо ее сейчасъ же тащить къ попу, чтобы былъ ангелъ. Да, такой свѣтлый ангелъ, добрый и весь бѣлый...

— Ладно, дѣло не къ спѣху. Успѣется,—успокаивала ее старуха, растроганная этимъ святымъ страхомъ Аннушки.— Въ воскресенье, дастъ Богъ, и окрестимъ.

Вечеромъ, когда ложились спать, Аннушка разсмѣшила старуху до слезъ. Она поставила плетушку съ ребенкомъ на лавку, а себѣ устроила постель на полу рядомъ. Чтобы не проспать, когда ребенокъ проснется, Аннушка обернула одну дѣтскую ручку тряпочкой, а отъ этой тряпочки провела нитку и замотала себѣ за ухо.

— Маленькая проснется, дернетъ ручкой, я и услышу,—объяснила Аннушка съ радостнымъ мычаніемъ, счастливая своей выдумкой.

— Ахъ, глупая... да не глупая ли?!

— Все услышу, баушка миленькая...

Баушка Варламиха зиму и лѣто спала на печи. Своя старая кровь уже не грѣла. Ночью она проснулась отъ дѣтскаго плача и въ первое мгновенье испугалась. Можетъ и поблазнить грѣшнымъ дѣломъ. Занималась уже лѣтняя ранняя заря, и при слабомъ сѣромъ освѣщеніи старуха увидала удивительную картину. Аннушка сидѣла на лавкѣ и усердно укачивала плакавшаго ребенка, прижимая его къ груди. Ребенокъ инстинктивно искалъ мать, и маленькія худенькія ручонки искали материнскую грудь. Аннушка поняла это движеніе и дала ребенку то, чего онъ искалъ. Но пустая дѣвичья грудь только разсердила его, и онъ принялся уже блажить. Бѣдная Аннушка была въ отчаяніи. Старуха долго потихоньку наблюдала эту картину и только качала головой.

„Господь-то какъ умудряетъ младенца,—думала она, продолжая наблюдать.—Обмани-ка вотъ ее, скверную. Все мать ищетъ“.

Обыкновенно баушка Варламиха поднималась чуть свѣтъ, а сегодня проспала. Ни Аннушки ни ребенка въ избѣ не было.

„Она и не знаю что сдѣлаетъ съ нимъ съ большого-то ума“,—всполошилась старуха, слѣзая съ печи.

Аннушки не было и на дворѣ. Старуха нашла ее въ огородѣ. Нѣмушка устроила между грядъ что-то въ родѣ маленькой бесѣдочки, куда и поставила плетушку съ ребенкомъ. Увидавъ баушку, Аннушка съ проворствомъ обезьяны схватила ребенка и крѣпко прижала его къ своей груди.

— Да никто у тебя не возьметъ, глупая,—уговаривала ее Варламиха.—

Да и кому надобна такая скверна дѣвчонкая? Аннушка, да ты потише, а то еще задушишь грѣшнымъ дѣломъ ребенчишка. Охъ, и грѣхъ и смѣхъ!

Аннушка больше не хотѣла понимать и смотрѣла на баушку злыми глазами.

— Да ты въ умѣ ли, дѣвка?—обидѣлась старуха, когда Аннушка наотрѣзъ отказалась дать ей ребенка на руки.—Печку надо топить, курицъ кормить... Ишь, нашла себѣ игрушку!

— Не дамъ... мой...—знаками объяснила Аннушка, отступая съ ребенкомъ.

У баушки Варламихи опустились руки.

— Ну, что̀ я буду дѣлать съ этой полоумной?.. Ступай въ избу, глупая, а то еще увидятъ сосѣди и не знаю что̀ про тебя же наговорятъ. Поняла? Ну, ступай съ Богомъ...

— Мнѣ все равно,—объяснила Аннушка и погрозила кулакомъ невидимому врагу.

Поведеніе Аннушки до того было необычно, что баушка Варламиха рѣшительно не знала, что̀ ей дѣлать съ ней. Совсѣмъ дѣвка рехнулась. Будетъ грѣха, когда придется отнимать у нея скверную дѣвчонку. Вонъ какъ уцѣпилась, а глаза у самой злющіе-презлющіе. Много всякой всячины видывала на своемъ вѣку баушка Варламиха, а такого домашняго чуда не видывала.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ старуха ушла и на базаръ. Когда Пимка Мятелевъ спросилъ ее о богоданкѣ, старуха отвѣтила:

— Приказала долго жить...

— Куды ты ее дѣла, баушка?

— А въ прудъ бросила... Кто посмѣялся надъ старухой, на томъ и отвѣтъ.

Когда прикатила фельдшерова жена, баушка Варламиха знала, какъ говорить съ ней, и сразу осадила разлетѣвшуюся съ претензіями мужнюю жену.

— Туда же, форцъ на себя напустила,—ворчала старуха, когда Настасья Егоровна ушла.— А всему виной скверная дѣвчонка...

V.

Въ воскресенье богоданку окрестили, причемъ воспріемникомъ былъ суровый старикъ Гаврила Матвѣичъ. Онъ самъ пришелъ въ лавчонку Варламихи и предложилъ себя въ кумовья.

— Тоже живая душа...—сурово объяснилъ онъ, глядя въ уголъ.—На улицу не выкинешь, какъ слѣпого котенка.

Кумой была толстая торговка Василиса, которая больше всѣхъ ругала безстыжаго фельдшера. Поступокъ Гаврилы Матвѣича сразу повернулъ симпатіи всего базара въ сторону богоданки, которая сдѣлалась съ этого момента предметомъ общихъ заботъ. Пимка Мятелевъ пожертвовалъ фунтъ мятныхъ пряниковъ, торговки натащили пеленокъ и разной мелочи дѣтскаго гардероба. Однимъ словомъ, богоданка Аксинья сдѣлалась въ своемъ родѣ дочерью рынка, и, когда баушка Варламиха приходила утромъ на базаръ, ее всѣ встрѣчали вопросами о здоровьѣ маленькой Аксютки. Особенно одолѣвали бабы-торговки, какъ спеціалистки по ребячьимъ дѣламъ. Главный вопросъ, конечно, сводился на питаніе богоданки.

— Надо бы ее грудью кормить, — совѣтовали всѣ. — Чахлая она, не выживетъ на соскѣ.

— Гдѣ мнѣ ее взять, грудь?—сердилась Варламиха.

— Отдать кому-нибудь изъ бабенокъ, у которыхъ свои дѣти. Много ли ей надо, чахлой.

— Ступайте-ка, возьмите у моей Аннушки ее,—смѣялась баушка Варламиха.—Да она и глаза выцарапаетъ... Совсѣмъ ума рѣшилась дѣвка.

О богоданкѣ толковалъ нѣкоторое время весь заводъ, причемъ дѣло, конечно, не обходилось безъ прикрасъ и остроумныхъ добавленій. Главнымъ образомъ доставалось хитрому фельдшеру, подкинувшему ребенка баушкѣ Варламихѣ. Въ послѣднемъ уже никто больше не сомнѣвался, и даже докторъ Павелъ Алексѣичъ подшучивалъ надъ Криспомъ Иванычемъ.

— Нехорошо, Криспъ Иванычъ, подкидывать дѣтей... Знаете, если дѣло разобрать по закону... да, по закону...

— Ахъ, Боже мой!—умоляюще взывалъ несчастный фельдшеръ, приходя въ ожесточеніе.—Да я... Проходу мнѣ не даютъ, а еще вы, Павелъ Алексѣичъ!..

— Да, да... Безъ огня дыму не бываетъ, Криспъ Иванычъ. Я это такъ, а все-таки... да, того...

— А разыщу эту бабенку, которая подкинула!—увѣрялъ Криспъ Иванычъ.—Всѣ деревни обойду и разыщу... Нѣтъ, шалишь! Тоже и на нее законъ найдемъ.

Криспа Иваныча утѣшало только одно, именно, что жена была на его сторонѣ, чего онъ ужъ никакъ не ожидалъ. Правда, что она его корила иногда за бѣгство, но и то такъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Подкинь бы тебѣ чужого ребенка, такъ побѣжала бы лучше меня,—спорилъ Криспъ Иванычъ.

— А вотъ бы и не побѣжала... Принесла бы домой—и все тутъ. Конечно, я не молода, а еще могу выняньчить. Можетъ, Богъ тебѣ счастье послалъ, а ты бѣжишь... Много ли ребенку нужно? Небось, Варламиха вотъ какъ уцѣпилась за богоданку.

— Ну, а ей какое счастье, старухѣ?

— И у старухъ свое счастье бываетъ...

Мысль о счастьѣ раньше какъ-то не приходила въ голову Криспа Иваныча, а сейчасъ онъ началъ думать на эту тему и постепенно пришелъ къ убѣжденію, что счастье—вещь недурная, особенно, когда его пошлетъ Богъ за доброе дѣло. Къ чему счастье какой-нибудь Варламихѣ, когда ей ужъ помирать давно пора? Другое дѣло, ежели бы оно пришло къ нему, къ Криспу Иванычу. Пожалуй, Настасья-то Егоровна и правду сказала, что онъ напрасно тогда побѣжалъ. Она ужъ знаетъ, что̀ говоритъ. Свои дѣти подросли, и въ лучшемъ бы видѣ она богоданку выняньчила. Хорошая курица въ одно лѣто два гнѣзда цыплятъ выводитъ. Однимъ словомъ, у Криспа Иваныча явилось много новыхъ мыслей, которыя безпокоили его и заставляли вздыхать. Счастье счастьемъ, а тоже и совѣсть не слѣдуетъ забывать. О душѣ пора подумать.

Чѣмъ дальше фельдшеръ думалъ на эту тему, тѣмъ сильнѣе въ немъ росло желаніе увидать богоданку. Онъ смутно помнилъ заплаканное дѣтское личико, тоненькія ручки и ножки—и только. Какая она, въ самомъ дѣлѣ, эта богоданка? Криспу Иванычу начало казаться, что въ ней должно быть что-нибудь особенное, чѣмъ она отличается отъ остальныхъ ребятъ... Объѣзжая заводъ по дѣламъ своей службы, Криспъ Иванычъ нѣсколько разъ бывалъ въ той улицѣ, гдѣ стояла избушка Варламихи, и его такъ и тянуло заглянуть въ нее. И самая избушка начала ему казаться какой-то таинственной.

Въ заводѣ поговорили о богоданкѣ недѣли двѣ и, какъ это бываетъ, забыли о ней. Къ Криспу Иванычу тоже не приставали, за исключеніемъ Пимки Мятелева, который называлъ его „богоданомъ“ и кричалъ еще издали:

— Богодану съ огурцомъ девять!..

Тянуло Криспа Иваныча завернуть въ лавчонку къ баушкѣ Варламихѣ, но какъ-то не хватало смѣлости. А вдругъ старуха возьметъ да и прогонитъ его... Съ нея взять нечего. Когда фельдшеру нужно было проходить черезъ базарную площадь, онъ нарочно дѣлалъ крюкъ, чтобы обойти лавчонку Варламихи.

Разъ лѣтнимъ утромъ Криспа Иваныча вызвали въ ту улицу, гдѣ жила Варламиха, да еще какъ разъ напротивъ ея избушки. Умирала женщина отъ родильной горячки, и ничего подѣлать было нельзя. Оставалась семья „малъ мала меньше", что̀ подѣйствовало на фельдшера самымъ удручающимъ образомъ. Мало ли видѣлъ онъ на своемъ вѣку умирающихъ, а тутъ схватила его жалость къ ребятишкамъ. Охъ, тяжело будетъ сиротамъ... Медицина была безсильна, и Криспъ Иванычъ чувствовалъ себя точно виноватымъ въ этомъ безсиліи науки.

Онъ виновато вышелъ изъ избы умиравшей женщины и остановился у воротъ, чтобы перевести духъ. Солнце такъ и пекло. Улица была пуста, потому что всѣ были на покосѣ—началась горячая заводская страда.

— Нехорошо,—бормоталъ про себя Криспъ Иванычъ, поправляя фуражку на головѣ.—Да, нехорошо... Добрые люди страдуютъ, а тутъ смерть...

Потомъ Криспа Иваныча охватила вдругъ страстная жалость къ богоданкѣ, которая была хуже круглой сироты—сирота при живой матери. Онъ почувствовалъ себя глубоко виновнымъ, припомнивъ, какъ къ нему тянулись худенькія дѣтскія ручки,—сейчасъ онъ былъ увѣренъ, что онѣ тянулись именно къ нему.

— А вотъ возьму и пойду...—храбрился онъ про себя.—Да, пойду. Пусть говорятъ, что̀ хотятъ, а я все-таки пойду. Можетъ, она лежитъ больная, и Варламиха лѣчитъ своими травами, пока не заморитъ.

Расхрабрившись окончательно, Криспъ Иванычъ перешелъ улицу. Ворота были заперты, и онъ постучалъ въ окно.

„Денегъ, видно, старуха накопила, что днемъ запирается",—подумалъ онъ.

Въ окнѣ мелькнуло встревоженное лицо Аннушки, но ворота не отворялись. Фельдшеръ постучалъ еще разъ. Аннушка пріотворила ворота и знаками показала, что баушки нѣтъ дома.

— Да мнѣ и не нужно твою баушку,—отвѣтилъ Криспъ Иванычъ и, отмѣривъ руками величину ребенка, объяснилъ, что пришелъ провѣдать богоданку.

Лицо Аннушки приняло суровое выраженіе, и она отрицательно покачала головой.

— Какъ нѣтъ?—удивился фельдшеръ.—Эге, да ты меня хочешь провести, красавица!

Онъ сдѣлалъ попытку пролѣзть въ ворота, но Аннушка такъ его придавила полотнищемъ, что онъ даже закряхтѣлъ. Произошла настоящая борьба, прежде чѣмъ Аннушка потерпѣла пораженіе.

— Да ты съ ума сошла?!—ругался Криспъ Иванычъ, только теперь почувствовавшій боль въ придавленномъ пальцѣ.—Куда бы я безъ пальца-то дѣлся? Фельдшеръ и безъ пальца—крышка... Сбѣсилась дѣвка!..

Но Аннушка не желала ничего понимать и только мычала, показывая руками, что она не только оторветъ ему палецъ, но и голову.

— Да не дура ли дѣвка!—продолжалъ ругаться фельдшеръ, стараясь пробраться въ избу.—Ужо вотъ я тебѣ покажу!..

Произошло новое единоборство, причемъ Криспу Иванычу пришлось со стыдомъ отступить, особенно, когда Аннушка схватила палку.

— Да я только посмотрю на богоданку,—увѣрялъ онъ, ретируясь къ воротамъ.—Тише ты, чучело... Еще глазъ выткнешь. Куда я безъ глаза-то буду годенъ?

Одержавъ полную побѣду надъ врагомъ, Аннушка представила ему въ лицахъ всю картину появленія богоданки въ лавочкѣ баушки Варламихи и затѣмъ изобразила его постыдное бѣгство.

— Тьфу!.. — отплевывался Криспъ Иванычъ, выходя на улицу. — Это какой-то нѣмой чортъ, а не дѣвка... Ну, какой бы я человѣкъ былъ безъ пальца? Ахъ, окаянная душа!..

VI.

Съ баушкой Варламихой окончательно было не ладно, что̀ замѣчали на базарѣ всѣ. Общественное мнѣніе рѣшило, что старуха какъ будто рехнулась, и что въ головѣ у нея „не всѣ дома". Толстая Василиса нарочно заходила къ ней въ лавочку для экспертизы и заявляла на весь базаръ, что баушка Варламиха даже на рѣчахъ заговаривается.

— Старо̀ мѣсто, тронулась наша баушка,—жалѣли другія торговки.— И на чемъ, подумаешь, свихнулась...

Единственнымъ основаніемъ для такого приговора было то, что суровая старуха совершенно измѣнилась характеромъ и сдѣлалась такой ласковой, добродушной и даже веселой, какими дѣлаются „дѣтныя" бабы, у которыхъ долго не было дѣтей.

— И диви бы свое дитё принесла да радовалась,—судачили базарныя бабы,—а то радуется чужому младенцу...

— Былъ чужой, а теперь, видно, сталъ мой, — невозмутимо отвѣчала баушка Варламиха.—Богъ послалъ...

Старуха точно оттаяла послѣ долгой зимы, и въ ней съ мучительной радостью проснулась женщина. Счастливыя бабушки переживаютъ нѣчто подобное и часто любятъ внучатъ больше, чѣмъ любили родныхъ дѣтей.

И на базаръ баушка выходила нынче позже обыкновеннаго и уходила домой раньше. Идетъ по улицѣ и улыбается, какъ не улыбалась много-много лѣтъ. Встрѣчные только дивились и качали головами. Охъ, повихнулась баушка Варламиха, не къ добру развеселилась на старости лѣтъ...

Но всего интереснѣе разыгрывались сцены въ избушкѣ баушки Варламихи, гдѣ происходило тяжелое соперничество между старухой и Аннушкой. Онѣ ревновали другъ друга къ ребенку, какъ умѣютъ ревновать только влюбленныя женщины. Аннушка вела дѣло открыто и всѣми силами старалась не допускать баушки къ своей воспитанницѣ.

— Не возьму, не возьму, — повторяла баушка Варламиха. — Кому нужна такая дрянь... Тоже нашла игрушку. Охъ, глупая ты, глупая, совсѣмъ глупая.

Аннушка недовѣрчиво качала головой и только радостно мычала. О, она никому не отдастъ маленькую, у которой есть свой ангелъ,—вотъ какъ въ церкви нарисованъ—бѣлый, съ бѣлыми крыльями и золотымъ сіяніемъ кругомъ головы. Аннушка разъ видѣла во снѣ точно такого ангела: онъ слетѣлъ къ нимъ въ избушку и сѣлъ у самой колыбели маленькой. И бѣлый, и весь свѣтлый, и съ неземной радостью въ чудныхъ глазахъ... Аннушка плакала отъ радости, объясняя знаками баушкѣ свой чудный сонъ. Старуха сильно задумалась и покачала головой.

— И какъ будто хорошо и какъ будто не совсѣмъ,—соображала она.— Всякіе ангелы бываютъ... Другого Господь ангела и по душу пошлетъ.

— Нѣтъ, баушка, это былъ хорошій ангелъ...—увѣряла Аннушка.—Я сама видѣла... Свѣтлый весь...

— Охъ, горе ты мое лукавое... Именно, что пошлетъ Богъ нѣмому говорье. Тоже и придумаетъ: ангелъ. Охъ, невитое ты сѣно, Аннушка...

Въ сущности, старуха нисколько не сердилась на Аннушку и вполнѣ ее понимала, потому что сама переживала такой же приливъ силъ, и ее тревожила только мысль о неизвѣстной матери, которая въ одно прекрасное утро могла явиться. Даже очень просто: возьметъ и объявится. Что̀ тогда дѣлать? Аннушка, конечно, глупа и ничего не понимаетъ, а все можетъ быть. Одумается бабенка и придетъ за ребенкомъ... Аннушка не хотѣла вѣрить, что у „маленькой" есть мать, и только сердито мычала.

— Говорятъ тебѣ, глупая, что есть,—объясняла баушка Варламиха.—Вотъ ужо придетъ и возьметъ маленькую. Только и видѣли.

Аннушка схватывала ребенка и тащила его куда-нибудь въ уголъ, какъ прячутся нашалившія дѣти.

Кромѣ страха предъ появленіемъ неизвѣстной матери, было достаточно и другихъ страховъ. А вдругъ богоданка захвораетъ? Мало ли ребячьихъ болѣстей... Сегодня младенецъ живъ, а завтра и поминай какъ звали. У самой баушки Варламихи перемерло такимъ манеромъ своихъ пятеро ребятишекъ,—который горлышкомъ, который отъ живота, одинъ отъ оспы, а еще одинъ кончился родимчикомъ. Охъ, какъ трудно выхаживать дѣтей... Только за своего-то и отвѣта нѣтъ, а за чужого еще наотвѣчаешься. Скажутъ, заморили богоданку. Часто баушка Варламиха подходила къ ребенку и подолгу прислушивалась къ его дыханію. Слабенькая такая богоданка, много ли ей нужно. Захватитъ горлышко—вотъ и вся тутъ. На Курмышскомъ заводѣ половина ребятъ умирала до году, и баушка Варламиха знала это лучше другихъ, потому что ей же приходилось ихъ лѣчить.

Неожиданный визитъ фельдшера Мухоярова и его странное поведеніе, когда онъ старался прорваться въ избу, тоже безпокоили баушку Варламиху. Что̀ ему, въ самомъ-то дѣлѣ, было нужно? Аннушка передавала, что фельдшеръ хотѣлъ ее убить и навѣрно убилъ бы, если бы она не прогнала его палкой...

— Тоже надумалъ, песъ,—ворчала старуха.—Выбралъ время, когда меня дома нѣтъ, и хотѣлъ чѣмъ-нибудь обмануть Аннушку. Дѣвка глупая совсѣмъ...

Разъ, лежа ночью и прислушиваясь къ каждому шороху, баушка Варламиха поняла, зачѣмъ приходилъ фельдшеръ, и даже удивилась, какъ это она сразу не догадалась. Конечно, онъ приходилъ выкрасть богоданку,—дѣло ясное. Отъ него все станется. Тогда бѣгомъ побѣжалъ, а теперь выкрасть хочетъ. Вотъ человѣчекъ, подумаешь, навяжется... Прежде-то чуть не каждый день въ лавку заходилъ, а теперь и глазъ не кажетъ. Тоже стыдно добрыхъ-то людей, вотъ и прячется.

— А надо его будетъ попытать,—рѣшила баушка Варламиха, прикидывая въ умѣ фельдшерскую хитрость.—Нѣтъ, ты у меня не уйдешь, голубчикъ... А зачѣмъ рвался къ Аннушкѣ? Ну-ка, скажи... Воровать тоже не полагается. Найдемъ и на тебя управу. И сколь хитеръ, песъ... Нѣтъ, постой. Вотъ пойду къ самому дохтуру Павлу Алексѣичу и все обскажу. У меня не отвертишься...

Чѣмъ дальше старуха думала на эту тему, тѣмъ сильнѣе убѣждалась, что фершалъ Крысъ недаромъ хитритъ. Потомъ у нея мелькнула мысль:

„А ежели онъ да съ той бабенкой снюхался, которая богоданку подкинула?"

Баушка Варламиха вся похолодѣла. Что̀ же это такое? Ахъ, лукавецъ... Вотъ онъ что̀ удумалъ. Ни стыда ни совѣсти у человѣка.

Баушка Варламиха ходила дня три, какъ въ воду опущенная. Ее давила мысль о фельдшеровомъ коварствѣ, и она напрасно придумывала средства и мѣры предупредить его. Разъ пришелъ, такъ придетъ и въ другой разъ. Извѣстно—волчья повадка. Нечего дѣлать, придется, видно, итти къ дохтуру. Конечно, можно было бы переговорить съ Настасьей Егоровной, да только изъ этого ничего не выйдетъ: она же и стоитъ за мужа. Вотъ какъ разлетѣлась тогда, точно хорошая насѣдка. А докторъ—все-таки начальство и долженъ все разобрать по правдѣ.

Но фельдшеръ Крысъ перехитрилъ и на этотъ разъ. Въ одно прекрасное утро онъ заявился въ лавочку баушки Варламихи самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и, вытирая лицо платкомъ, проговорилъ:

— Ну, каково прыгаешь, старая кочерга?

Баушка Варламиха просто онѣмѣла отъ удивленія.

— Да ты, змѣй, откуда взялся-то? — спросила, она наконецъ, приходя въ себя.

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось.

— Да совѣсть-то у тебя есть, а?..

— Даже сколько угодно... Вполнѣ можемъ себя оправдать, ежели касаемо что̀ совѣсти. Сдѣлай милость, и мы не въ уголъ рожей...

— Такъ, такъ... А зачѣмъ тогда къ Аннушкѣ ломился середь бѣла дня?

— Дура она, твоя Аннушка... Просто хотѣлъ посмотрѣть на богоданку, чтобы вы ее не заморили отъ большого-то ума.

— Ты-то вотъ въ умѣ-ли? Аннушкѣ-то тогда надо было ударить тебя палкой по твоему самому умному мѣсту, чтобы ты чувствовалъ, какая есть на бѣломъ свѣтѣ совѣсть...

Криспъ Иванычъ выслушалъ эти обидныя слова съ ангельскимъ терпѣніемъ, точно рѣчь шла не о немъ. Это, конечно, возмутило баушку Варламиху, и она накинулась на него съ еще бо̀льшимъ азартомъ:

— Ну, сейчасъ-то за чѣмъ сюда притащился, лукавецъ? Охъ, вижу я тебя, насквозь всего вижу... Ты еще не подумалъ, а я ужъ все вижу.

— И видѣть нечего... Просто зашелъ провѣдать. Думаю, жива ли старая кочерга...

— Безъ смерти никто не помираетъ... А я ужъ хотѣла на тебя итти жаловаться дохтуру Павлу Алексѣичу, чтобы онъ унялъ разбойника. Богъ тебя знаетъ, что̀ у тебя на умѣ. Пожалуй, и убьешь...

Фельдшеръ только улыбался. Очень ужъ смѣшно старуха сердилась.

VII.

А богоданка жила себѣ и помаленьку росла. Аннушка увѣряла, что „маленькая“ уже все понимаетъ, рѣшительно все, и даже ненавидитъ проклятаго фельдшера Крыса. Тогда всю ночь не спала, когда онъ ломился въ ворота, какъ чумной быкъ.

— Совсѣмъ она у тебя грамотная стала, — шутила надъ ней баушка Варламиха.—Вдвоемъ-то наговориться, поди, не можете... Охъ, ты, невитое сѣно, Аннушка!

Аннушкѣ все казалось, что „маленькая“ голодна. Чуть ребенокъ начиналъ плакать, она сейчасъ же затыкала ей ротъ соской или давала базарный пряникъ, твердый, какъ камень.

Заходилъ провѣдать богоданку и крестный Гаврила Матвѣичъ. Старикъ

принесъ цѣлыхъ полфунта изюму. Дѣвочка ему понравилась, и онъ нѣсколько разъ задумчиво проговорилъ:

— Ишь, вѣдь растетъ... дда-а.

— Ребячьимъ дѣломъ подрастаетъ,—точно оправдывалась баушка Варламиха.—Смѣшная такая... Прежде-то худенькая такая была, ручки и ножки точно лутошки. Тьфу, тьфу... Что̀ это я говорю. Еще сглазишь какъ разъ...

Старуха даже отплюнула въ лѣвую сторону, откуда, какъ извѣстно, бываетъ всякое навожденіе. Она вѣрила и въ дурной глазъ и во всякія примѣты. Дѣло самое вѣрное, какъ бѣсъ добрыми людьми мутитъ. Даже очень просто... Кажется, дохтуръ Павелъ Алексѣичъ всѣмъ взялъ—и уменъ, и ученъ, и всякое дѣло можетъ разсудить, а вотъ постовъ и не умѣетъ соблюдать. Къ умному-то человѣку бѣсъ еще сильнѣе льнетъ.

Время шло. Лѣто смѣнилось осенью. На базарѣ лавки закрывались раньше, и баушка Варламиха съ особеннымъ удовольствіемъ шла домой, въ свою избушку, гдѣ было точно и свѣтлѣе, и теплѣе, и уютнѣе, чѣмъ раньше. „Маленькая“ своимъ присутствіемъ оживляла все. Въ хорошіе дни Аннушка уже выносила ее на улицу. Дѣвочка уже могла сидѣть на рукахъ и такъ смѣшно таращила свои синіе глазенки на все, что̀ попадалось. Разъ съ такой прогулки Аннушка прибѣжала бѣгомъ, какъ сумасшедшая, и долго не могла объяснить, въ чемъ дѣло. Потомъ ужъ она разсказала старухѣ, что встрѣтила какую-то незнакомую бабу, которая остановила ее на улицѣ и говорила что-то непонятное.

— Мало ли бабъ на свѣтѣ,—успокаивала ее баушка Варламиха.

— Она плакала...—объяснила Аннушка.

Баушка Варламиха, хотя и старалась не выдать себя, но тоже сильно встревожилась. Очевидно, это была мать богоданки. Вотъ и бродитъ по улицѣ, какъ оглашенная. Ахъ, скверная!.. Потомъ у старухи явилась новая мысль,—не иначе тому дѣлу быть, что подослалъ эту бабу фершалъ Крысъ. Его работа.

Однако баба показалась всего одинъ разъ и точно въ воду канула. И баушка Варламиха и Аннушка успокоились, хотя прогулки по улицѣ и были прекращены, а ворота держались на запорѣ. Можетъ-быть, и не та баба, а все-таки страшно.

Аннушка увѣряла, что „маленькая“ испугалась бабы и расплакалась такъ горько, какъ никогда не плакала.

— Тоже чувствуетъ младенецъ, — согласилась старуха.—Какая же это мать, которая родное дитё не жалѣетъ?

Обѣ женщины испытывали ревнивую жгучую ненависть къ неизвѣстной матери, доводившую ихъ до галлюцинаціи. Каждый бабій платокъ заставлялъ ихъ настораживаться и ждать неминучей бѣды. Это было мучительное состояніе, причемъ и баушка Варламиха и Аннушка старались невольно обмануть другъ друга кажущимся спокойствіемъ.

„Найдется и на нее, скверную, управа,—думала старуха.—Пусть только носъ покажетъ... Прямо въ волостное правленіе потащу, а тамъ ей же бока и налупятъ, какъ сидоровой козѣ“.

Аннушка рѣшила защищаться собственными средствами и припрятала палку, которой отражала нападеніе фельдшера Крыса. Пусть только подойдетъ... Хромой Гаврила Матвѣичъ тоже опасался неизвѣстной матери и нѣсколько разъ къ слову говорилъ баушкѣ Варламихѣ:

— Въ случаѣ чего, такъ ты прямо ко мнѣ, старуха... Ваше дѣло бабье, а я поговорю съ ней. Ужъ сдѣлай милость...

Волновался и Криспъ Иванычъ, хотя прямо и не высказывался. У него

явилась теперь такая комбинація: очень ужъ стара баушка Варламиха, того гляди, и померла, а тогда куда дѣнется Аннушка съ ребенкомъ? А подрастетъ побольше—еще лучше такую-то взять въ домъ. Онъ даже повеселѣлъ отъ этой мысли, тѣмъ болѣе, что и его жена Настасья Егоровна вполнѣ ее раздѣляла.

— Некуда Аннушкѣ дѣться съ ребенкомъ,—говорила она.—Сама придетъ къ намъ и въ правую ногу поклонится...

Наступила зима. Курмышскій заводъ засыпало глубокимъ снѣгомъ, а въ глухихъ улицахъ изъ снѣжныхъ сугробовъ выставлялись однѣ крыши. Такъ было и съ избушкой баушки Варламихи, которая точно вросла въ землю. Зимніе дни короткіе, и старуха возвращалась съ базара совсѣмъ рано. По вечерамъ частенько начали завертывать сосѣдки, которыхъ влекло въ избушку баушки Варламихи неудержимое бабье любопытство. Раньше онѣ какъ-то стѣснялись, а зимними вечерами время свободное.

— И чего нужно только этимъ бабенкамъ?—удивлялась суровая старуха.—Дома-то, видно, угарно, вотъ и бѣгаютъ по чужимъ дворамъ, какъ коты дикіе.

Чаще другихъ завертывала вдова Степаниха, которая „бабилась" на весь Курмышскій заводъ, т.-е. была своей заводской повитухой. Это была худенькая, сгорбленная старушка, ходившая въ темныхъ платочкахъ и вѣчно жаловавшаяся на свою горе-горькую судьбу. Сначала всю жизнь она терпѣла отъ своего пьяницы-мужа, работавшаго на фабрикѣ, а сейчасъ у нея были цѣлыхъ двое пьяницъ—сынъ и зять. Каждый разъ Степаниха являлась съ какой-нибудь новой бѣдой, и когда разсказывала, то заодно и плакала и смѣялась.

— Ну, а какъ у тебя дочь-то?—строго спрашивала бабушка Варламиха.—Дѣвка на возрастѣ, пора и замужъ...

— Вотъ какъ пора, только жениховъ-то про насъ, видно, не припасено... Гдѣ ихъ взять-то?

— Смотри, зачичеревѣетъ въ дѣвкахъ твоя Марья...

— Въ самый разъ зачичеревѣетъ,—уныло соглашалась Степаниха.

Про Степанихину Марью въ заводѣ поговаривали не совсѣмъ ладно, какъ и про другихъ избаловавшихся дѣвокъ. Заводскій народъ вольный, особенно кто, какъ Марья, побывалъ на фабричной работѣ. Когда заходила рѣчь о дочери, Степаниха вся съеживалась и точно дѣлалась еще меньше. Съ мужиками заводскими горе, а съ дѣвками—вдвое. Въ качествѣ заводской повитухи Степаниха, конечно, знала всю подноготную и, грѣшнымъ дѣломъ, любила поточить языкъ о чужихъ бабьихъ дѣлахъ, за что баушка Варламиха очень ее недолюбливала. И сейчасъ бы старуха ее выпроводила живой рукой, если бы у нея не явилась счастливая мысль вызнать черезъ Степаниху, кто подкинулъ ей богоданку. Ужъ Степаниха да не узнаетъ, ежели захочетъ.

— На сарафанъ ситцу подарю,—обѣщала баушка Варламиха.—Чтобы не даромъ башмаки носила...

Степаниха старалась изо всѣхъ силъ, но совершенно безплодно. Подкинувшая ребенка баба исчезла, какъ тѣнь.

— Не иначе, что изъ дальнихъ деревень привезли младенца,—догадывалась Степаниха, разводя руками.—Изъ своихъ-то заводскихъ некому... Всѣ бабы, которыя въ тяжести, наперечетъ. Ужо поспрошу я чужестранныхъ бабъ... И смѣла только эта самая баба: осередь бѣла дня подкинула, да еще на базарѣ...

— Дуракъ Крысъ своими руками взялъ...

— А она выждала, когда ты ушла изъ лавки... Ну, не хитрая ли бабенка? Только и народъ нонѣ пошелъ... Осередь бѣла дня подкинуть младенца...

Относительно богоданки Степаниха держала себя противъ обыкновенія очень скромно и не звонила по всему заводу, какъ имѣла привычку дѣлать въ такихъ случаяхъ. Положимъ, всѣ знали, но не всѣ говорили разные пустяки. И то ужъ очень хорошо.

— Ты мнѣ разыщи эту бабенку со дна моря,—наказывала ей баушка Варламиха.—Кабы я была помоложе, такъ сама бы ее нашла... Живой человѣкъ—не иголка.

— Обыщу всѣ деревнюшки, дай срокъ...—обѣщалась Степаниха.

Теперь вообще баушка Варламиха „жила на людяхъ“ и чувствовала себя какъ-то бодрѣе и лучше, точно помолодѣла на десять лѣтъ...

Все, что̀ дѣлалось въ избушкѣ Варламихи, Степаниха мигомъ переносила въ квартиру фельдшера, куда любила завернуть вечеркомъ, чтобы попить чайку. Повитуха замѣняла мѣстную газету и разносила всѣ новости. Настасья Егоровна была ей рада и любила послушать, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

— Одинъ смѣхъ и глядѣть-то на нихъ,—сообщала Степаниха объ Аннушкѣ.—Полоумныя какія-то... Ну, Аннушка-то всегда полудурьемъ была, а то и сама старуха тронулась. И ребенчишко-то гниленькій...

— Живучѣе такіе-то,—замѣчала Настасья Егоровна.

— Всяко бываетъ... Какой кому Богъ вѣкъ пошлетъ.

VIII.

Наступила весна. Растаялъ снѣгъ, разбитый лодъ унесла рѣка, высыпала первая весенняя травка, начали въ горахъ распускаться березы, рябины, черемухи. Оттаявшая земля точно сама требовала рабочихъ рукъ. И работа кипѣла. На всѣхъ огородахъ заводскія бабы вперегонку копали гряды и сажали разный овощъ. На огородахъ у баушки Варламихи управлялась обыкновенно одна Аннушка, а нынче ей пришлось разрываться за двоихъ. На ея счастье подвернулась Степанихина Марья, здоровая и сильная дѣвушка, которая сама вызвалась помочь.

— Гдѣ тебѣ одной-то, тоже не четыре руки,—говорила Марья.—А мнѣ отъ свободности. Раньше-то я на фабрику ходила работать на поденщину, а нонѣ мамынька не пущаетъ.

Марья была „изъ вольныхъ“, и Аннушка ее недолюбливала, а тутъ пришлось помириться. Сама пришла, такъ не гнать же ее.

— Только ты ничего баушкѣ Варламихѣ не говори,—наказывала Марья впередъ.—Не любитъ она меня. Ну, да Богъ съ ней. Надоѣло мнѣ дома одной сидѣть.

Аннушкѣ это тоже было на руку. Взъѣстся баушка, ежели узна̀етъ про Марью. Дѣвушки принялись работать вмѣстѣ, и дѣло пошло быстро, такъ что старуха только дивилась, откуда у Аннушки такая прыть берется—и съ ребенкомъ управляется и гряды копаетъ.

„Это она хочетъ показать, что ей богоданка совсѣмъ не въ тягость,—соображала старуха.—Тоже хитрость на себя напустила“.

Богоданка понемногу росла. Она уже умѣла улыбаться и выговорила первое дѣтское слово: ба-ба. Аннушка горько плакала, что не могла слышать этого перваго дѣтскаго лепета, и ревновала „маленькую“ къ бабушкѣ, точно

она отнимала ее у нея. Свое горе нѣмая довѣряла Марьѣ, которая приходила тайкомъ провѣдать ее, когда старухи не было дома. Аннушку удивляло одно, что другія женщины такъ и рвались посмотрѣть на богоданку, а Марья даже ни разу не взглянула.

— Не люблю я ребятъ,—сурово объясняла Марья.—Только одна маята съ ними...

— Да вѣдь у каждаго маленькаго свой ангелъ!—удивлялась Аннушка.—Бѣлый ангелъ съ крыльями.

Марья только горько усмѣхнулась. Какой тамъ ангелъ... Это старуха придумала.

— Нѣтъ, ангелъ,—сказала Аннушка.—Я сама видѣла... совсѣмъ бѣлый и совсѣмъ свѣтлый... А когда маленькая вырастетъ, онъ можетъ и улетѣть, если она будетъ не хороша...

— Какіе тутъ ангелы по нашему заводскому дѣлу...—съ полнымъ озлобленіемъ отвѣтила Марья и даже вздохнула.—Вонъ на фабрикѣ-то что̀ дѣлается. Какая дѣвушка попала туда, та и пропала...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Есть ангелъ!..

Изъ этихъ споровъ Аннушка поняла только одно, что Марья злая. Развѣ можно не любить „маленькую“, а она даже не взглянетъ на нее. Это обижало Аннушку, и, когда Марья предложила ей помочь полоть гряды, она наотрѣзъ отказалась.

— Нѣтъ, не надо,—повторяла она.—Ты злая...

Началось самое хорошее время для Аннушки. Она цѣлые дни теперь проводила съ богоданкой въ своемъ огородѣ. Кругомъ уже все давно было зелено. Распустились первые цвѣточки—одуванчики, бѣлая ромашка, желтыя купавки. Аннушка набирала цвѣтовъ и плела изъ нихъ вѣнки для своей „маленькой“, которая все тащила въ ротъ. Да, было хорошо, и Аннушка была счастлива. Весной даже Марья точно оттаяла и разъ принесла изъ лѣсу цѣлый букетъ красныхъ большихъ цвѣтовъ Марьина-корня и пестрыхъ лѣсныхъ саранокъ. Эти цвѣты росли только въ горахъ. Аннушка не знала, какъ ей благодарить Марью, а „маленькая“ такъ смѣшно таращила свои синіе глазенки на красные цвѣты и улыбалась беззубымъ ротикомъ.

У баушки Варламихи весной работы былъ полонъ ротъ, потому что именно въ это время производился сборъ разныхъ травъ и корешковъ. Раньше, когда была молодой, она сама уходила въ горы за сборомъ, а нынче приходилось покупать у разныхъ старушекъ, понимавшихъ толкъ въ травахъ. Теперь въ лавочкѣ баушки Варламихи на протянутыхъ веревкахъ сушились разные коренья и пучки травъ. За зиму все это уйдетъ. Самая лучшая и полезная травка росла только весной, когда набирала изъ земли весенній сокъ. Лѣтомъ уже было не то, и многія травы теряли свою цѣлебную силу. Запахъ отъ травъ въ лавчонкѣ у непривычнаго человѣка заставлялъ кружиться голову.

Фельдшеръ Криспъ Иванычъ заходилъ въ лавчонку баушки Варламихи попрежнему и подтрунивалъ надъ ея старушечьей работой.

— Вотъ такъ аптека!.. Х-хе!.. Можно хорошую корову накормить... Духъ одинъ чего стоитъ. И все на пользу?

— Другимъ помогаетъ.

— Ну, а ежели бы я съѣлъ заразъ весь твой магазинъ?

— Подавился бы, только и всего.

Разъ, когда въ концѣ мая фельдшеръ сидѣлъ и спорилъ, въ лавчонку вбѣжала Аннушка. На бѣдной дѣвушкѣ, какъ говорится, лица не было. Она

такъ и грохнулась на лавку съ отчаянными рыданіями. Баушка Варламиха едва добилась отъ нея толку. Оказалось, что „маленькая“ исчезла... Аннушка вынесла ее въ огородъ, „маленькая“ заснула въ своей корзинкѣ, а когда Аннушка ушла за чѣмъ-то въ избу—она исчезла. Осталась одна корзинка. Баушка Варламиха, оставивъ открытой свою лавчонку, понеслась домой, чтобы на мѣстѣ провѣрить все случившееся. Криспъ Иванычъ тоже отправился съ ней.

— Можетъ, собака стащила,—догадывался фельдшеръ, едва поспѣвая за старухой.—Долго ли до грѣха. Бывали случаи... Тоже вотъ свиньи...

Баушка Варламиха ничего не отвѣчала, точно оглушенная неожиданнымъ извѣстіемъ. У ея избушки ихъ встрѣтила Степаниха, уже успѣвшая узнать новость.

— Ахъ, какой грѣхъ-то случился!—причитала она, вытирая кончикомъ платка сухіе глаза.

На мѣстѣ совершившейся трагедіи стояла одна пустая корзинка. Самый тщательный осмотръ не далъ никакихъ результатовъ. Баушка Варламиха точно вся застыла и не проронила ни одного слова. Бурное горе Аннушки кончилось тѣмъ, что она убѣжала въ избу, спряталась въ уголъ и, схватившись за голову и раскачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ пойманный въ клѣтку звѣрь, тянула какую-то одну ноту.

— Да, дѣльце, можно сказать!—задумчиво говорилъ Криспъ Иванычъ, набивая носъ табакомъ.—А впрочемъ, нужно заявить въ волостное правленіе, чтобы, значитъ, все по порядку.

Баушка Варламиха и тутъ промолчала.

Прошло три года.

Баушка Варламиха попрежнему сидѣла въ своей лавчонкѣ и попрежнему торговала мелочью и разнымъ лѣкарственнымъ снадобьемъ. Старуха по наружному виду ничѣмъ не измѣнилась, только глаза смотрѣли безучастнымъ тусклымъ взглядомъ, точно въ нихъ погасъ свѣтъ. И раньше баушка Варламиха не отличалась особенной общительностью характера, а теперь совсѣмъ сдѣлалась неприступной, точно послѣ богоданки для нея уже ничего не оставалось на свѣтѣ. Не заходилъ къ ней въ лавочку и фельдшеръ Криспъ Иванычъ. Бѣдняга заразился на эпидеміи сыпного тифа и умеръ. Дома у баушки Варламихи тоже все точно омертвѣло. Нѣмая Аннушка не перенесла потери „маленькой“ и тронулась. Она цѣлыми днями сидѣла гдѣ-нибудь въ уголкѣ и качала на рукахъ пустую корзинку, въ которой когда-то няньчила свою „маленькую“. Завертывала иногда провѣдать баушку Варламиху одна Степаниха, да и та едва таскала ноги.

— Охъ, смертынька приходитъ!—жаловалась Степаниха.

— И то пора помирать,—мрачно соглашалась съ ней баушка Варламиха.

Разъ весной баушка Варламиха только растворила свою лавчонку, какъ явилась Марья. Отъ нея пахло водкой, и одинъ глазъ былъ подбитъ.

— Мамынька за тобой прислала,—объяснила Марья.—Значитъ, у смерти конецъ... Наказала непремѣнно тебя привести.

Баушкѣ Варламихѣ не хотѣлось итти, но отказать тоже было нельзя. Степаниха жила на другомъ концѣ завода въ маленькой избушкѣ и страшно обрадовалась, когда пришла баушка Варламиха. Больная лежала на лавкѣ, маленькая и худенькая, какъ цыпленокъ. Около нея стояла дѣвочка лѣтъ четырехъ, которая посмотрѣла на гостью испуганными глазами.

— Ты, Марья, выйди,—проговорила больная.—И дѣвочку уведи.

Когда Марья вышла, Степаниха горько заплакала и долго не могла успокоиться.

— Помираю, Варламиха... смертынька!—шептала она.—Вотъ и послала за тобой... Хочу покаяться, какъ попу на духу... Тяжело уносить съ собой великій грѣхъ... Не знаю, простишь ли ты меня.

Баушка Варламиха не двинула бровью. Больная начала свою исповѣдь, прерывая ее слезами.

— Вѣдь богоданка-то, выходитъ, Марьина незаконная дочь. Охъ, горе съ дѣвками, которыя потеряютъ себя! Ну, пожалѣла ее, глупую, свезла въ деревню, а тамъ Марья и разродилась дѣвочкой. Опять бѣда: куда дѣться съ ней, съ дѣвчонкой? Еще мальчика взяли бы на воспитаніе, а дѣвчонку кому нужно? Тогда и придумали подкинуть дѣвчонку тебѣ. Наняла за рубль деревенскую отчаянную бабенку, а сама стояла на плотинѣ и караулила. Мимо тогда пробѣжалъ фершалъ Крысъ и ничего не замѣтилъ. Да, взяла великій грѣхъ на душу и свою бѣду въ чужіе люди подсунула. Богъ-то за сиротъ, ну, богоданка и призрѣлась у тебя, какъ своя. Лучше бы и не надо, кабы черезъ годъ Марья не сбѣсилась. Это она выкрала богоданку у Аннушки... Все теперь...—устало шептала Степаниха.—Мой грѣхъ...

— Богъ тебя проститъ на твоемъ бабьемъ грѣхѣ,—глухо отвѣтила баушка Варламиха, продолжавшая сохранять спокойствіе.

— Охъ, тяжко, Варламиха... Ты видѣла богоданку-то?

— Какую?

— Ну, вотъ около меня стояла даве?

Баушка Варламиха пожевала сухими губами и улыбнулась.

— Это не она... Та была маленькая.

— Да вѣдь три года прошло. Сосчитай годы-то...

— Все-таки та была маленькая...

Больная закрыла глаза и заговорила:

— Помру я скоро, Варламиха... Марья-то совсѣмъ съ кругу сбилась. При мнѣ-то еще дѣвчонка держалась, а безъ меня пропадетъ... Возьми ты ее опять къ себѣ... Богъ тебѣ заплатитъ.

Баушка Варламиха вся выпрямилась, точно ее ударили, и проговорила рѣшительно:

— Нѣтъ, не могу... У меня въ другой разъ сердце не перевернется. Чужая она мнѣ сейчасъ вдвое.

Больная долго молчала, не имѣя силъ открыть глаза. Баушка Варламиха тоже молчала, а потомъ поднялась и проговорила:

— Ужо пошлю къ тебѣ Настасью Егоровну... Сильно тогда Крысъ-то у меня отбивалъ дѣвчонку. Можетъ, она и возьметъ... Сама пойду къ ней и уговорю.

Уходя, баушка Варламиха встрѣтила въ сѣняхъ богоданку, но даже не взглянула на нее.

Настасья Егоровна явилась къ Степанихѣ въ тотъ же день. Она долго и внимательно всматривалась въ богоданку, а потомъ со слезами проговорила:

— Покойникъ Криспъ Иванычъ еще передъ смертью вспоминалъ ее... Ну, значитъ, такая ужъ ей судьба.

Она сейчасъ же и увела съ собой дѣвочку, счастливая, что исполняетъ послѣднее желаніе покойнаго мужа. Все-таки онъ тогда былъ виноватъ, что побѣжалъ отъ богоданки.

1899.

ДВА ЗАВѢЩАНІЯ.

Разсказъ.

I.

Павелъ Васильевичъ проснулся очень рано, какъ всегда. Онъ нѣсколько времени лежалъ на своемъ ложѣ съ закрытыми глазами, что-то соображая. Это было его привычкой. Во-первыхъ, что̀ было вчера—купилъ живого налима на базарѣ, котораго по ошибкѣ съѣли сибирскія монашины (Павелъ Васильевичъ по этому поводу немного посердился, но изъ принципа подавилъ накипавшее негодованіе—развѣ сто̀итъ сердиться на бабъ?), потомъ встрѣтилъ новаго урядника (назначили какого-то мальчишку!), потомъ заходилъ къ попу за газетами поспорить о политикѣ, но попа увезли куда-то съ требой, и пришлось уйти въ клубъ раньше обыкновеннаго. Позвольте, что̀ было въ клубѣ? Да, да... Иванъ Митричъ остался въ пяти безъ четырехъ и чуть не подрался съ партнеромъ, хотя самъ кругомъ виноватъ, потому что козырнулъ лишній разъ, а потомъ просчиталъ отыгранную девятку трефъ у Николая Парфеныча. Съ Иваномъ Митричемъ это случается—все играетъ ничего, а тутъ вдругъ точно на пень наѣдетъ. Много смѣялись. Потомъ въ концѣ чуть-чуть не вышелъ скандалъ изъ-за соборнаго дьякона, который повадился ходить въ клубъ играть на бильярдѣ. Удивительно, что̀ смотритъ Иванъ Митричъ, а еще исправникъ. Павелъ Васильевичъ, какъ сквозь сонъ, припомнилъ, что онъ громогласно началъ обличать дьякона—не подобаетъ такое упражненіе духовному сану, а дьяконъ замахнулся на него кіемъ. Всего обиднѣе въ этомъ послѣднемъ было то, что дьяконъ непьющій и былъ трезвый, какъ всегда,—значитъ, онъ совершенно не уважаетъ Павла Васильича Размахнина. Онъ, т.-е. Павелъ Васильичъ, страшно разсердился и безъ шапки бѣгалъ жаловаться соборному протопопу о. Арсенію, но протопопъ уже спалъ, и Павелъ Васильичъ такъ и вернулся безъ шапки домой.

„Все-таки надо проклятаго дьякона ущемить,—соображалъ Павелъ Васильичъ дальше.—Онъ не знаетъ, кто я... Ххе-е! Побывалъ бы раньше у меня въ лапахъ, когда я былъ исправникомъ. Развѣ такіе прежде были исправники, какъ Иванъ Митричъ? Ѣдешь—землетрясеніе, вопль... Не сталъ бы дьяконъ кіемъ замахиваться“.

Месть дьякону входила уже въ планъ наступавшаго дня. Нужно будетъ дѣло обмозговать основательно, чтобы ни сучка ни задоринки. Раздумавшись о духовномъ санѣ, Павелъ Васильичъ опять вспомнилъ сибирскихъ монашинъ.

„Что̀ онѣ, въ самомъ-то дѣлѣ, живутъ у меня? Пріѣдутъ неизвѣстно откуда и живутъ, какъ дома. Что̀ у меня, дѣвичій монастырь? богадѣльня? И то Николай Парфенычъ какъ-то игуменомъ назвалъ... Сегодня же прогоню

всѣхъ монашинъ. Довольно, пожили... Пусть идутъ къ протопопу Арсенію и живутъ у него, сколько хотятъ".

Когда Павелъ Васильичъ что-нибудь думалъ, то всегда сердился. У него такъ ужъ была устроена голова. Да и какъ было не сердиться, когда все кругомъ было устроено точно на зло Павлу Васильичу, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже разрасталось это зло. Павелъ Васильичъ сѣлъ на своей кровати, кого-то обругалъ въ пространство и закашлялся. Онъ страшно кашлялъ по утрамъ. Сегодня кашель особенно донялъ Павла Васильича, и онъ со злобой припомнилъ слова пропадинскаго доктора Онтолова:

— У васъ, Павелъ Васильичъ, два кашля—утромъ кашель застарѣлаго алкоголика, а ночью—чахоточнаго. Вы непремѣнно умрете, если не бросите пить...

Удивительно глупый человѣкъ этотъ докторъ. Какой же человѣкъ не умретъ? И кто этого не знаетъ? Всѣ умрутъ въ свое время, вмѣстѣ съ другими и самъ докторъ, со всей своей медициной. Сегодня у Павла Васильича показалась кровь горломъ, на что онъ не обратилъ особеннаго вниманія. Случалось это съ нимъ и раньше, когда онъ еще фельдъегеремъ скакалъ по всей Сибири, какъ хорошій волкъ. Надо напиться горячаго чаю, и все пройдетъ. Монашины ужъ, навѣрно, сидятъ за самоваромъ.

Павелъ Васильичъ накинулъ старый бухарскій халатъ, на босую ногу надѣлъ стоптанныя туфли и подошелъ къ зеркалу, что̀ дѣлалъ очень рѣдко.

— Да, хорошъ...— бормоталъ онъ, разглядывая свою особу.

На него смотрѣло изъ зеркала испитое, сморщенное, покрытое синеватыми жилками лицо. Глаза были красные и слезились, рыжіе щетинистые усы и совсѣмъ сѣдыя баки, по-николаевски проведенныя отъ уха къ усамъ, придавали этому лицу суровое выраженіе. Сѣдые волосы на головѣ подстрижены были щеткой, а длинная жилистая шея походила на гусиную. Вообще, хорошаго было немного, и Павелъ Васильичъ самому себѣ укоризненно покачалъ головой. Эхъ, куда что̀ дѣвалось, подумаешь, а еще и шестидесяти лѣтъ нѣтъ. Вонъ купецъ Митюхляевъ, такъ ни одного сѣдого волоса, только толстѣетъ да краснѣетъ. Павелъ Васильичъ опять разсердился — купецъ Митюхляевъ былъ его единственный врагъ во всемъ Пропадинскѣ. А отчего? Очень просто—разбогатѣлъ, раздулся, какъ клопъ, вотъ и злится.

Домикъ у Павла Васильича былъ небольшой, деревянный, выходившій на улицу пятью окнами и зеленымъ палисадникомъ. Онъ вообще былъ устроенъ уютно, какъ снаружи, такъ и внутри, напоминая то время, когда Павелъ Васильичъ былъ женатъ. Онъ и сейчасъ женатъ, но только жена убѣжала отъ него уже лѣтъ пятнадцать, когда онъ состоялъ еще подъ судомъ. Между тѣмъ Павелъ Васильичъ былъ склоненъ къ семейной жизни и ревниво сохранялъ свое гнѣздо. Жилъ онъ въ трехъ комнатахъ — спальня, кабинетъ и гостиная, а двѣ пустовали. Все хозяйство вела старая кухарка Анѳиса, которая, какъ хозяинъ, тоже была вѣчно чѣмъ-то недовольна и относилась къ хозяину, какъ къ своему злѣйшему врагу. Не проходило дня безъ горячихъ сценъ, причемъ въ выраженіяхъ не стѣснялись. Кромѣ своей сварливости, Анѳиса отличалась набожностью и поэтому прикармливала разныхъ подозрительныхъ странниковъ, а въ послѣднее время напустила въ свободныя двѣ комнаты монахинь. Павелъ Васильичъ не отличался религіознымъ рвеніемъ и всѣхъ монашествующихъ называлъ дармоѣдами. А тутъ они развелись въ его собственномъ домѣ, какъ черные тараканы.

— Анѳиса! — крикнулъ къ гостиной Павелъ Васильичъ, не разсчитывая на отвѣтъ.— Анѳиса!.. Эй, ты, старая корга!.. Анѳиса!.. Да ты умерла недавно, что ли?.. Анѳиса!.. анаѳема!..

Голосъ у Павла Васильича не отличался свѣжестью, особенно, когда онъ кричалъ и доходилъ до высокихъ нотъ. Въ общемъ этотъ голосъ напоминалъ бой старинныхъ часовъ.

— Вѣдь слышитъ, анаѳема,—обозлился окончательно Павелъ Васильичъ, набивая трубку съ длиннымъ чубукомъ.— Вотъ я тебѣ покажу...

Запахнувъ полы халата и размахивая грозно трубкой, Павелъ Васильичъ по коридору отправился въ кухню, но на полдорогѣ остановился—дверь въ комнату монахинь была открыта, и онъ увидѣлъ ихъ чинно сидѣвшими около самовара. Одна была старуха, сестра Маргарита, а двѣ помоложе — сестра Таисія и послушница Антонида. Послѣднюю можно было назвать даже хорошенькой. Монахини встали и низко поклонились грозному домовладыкѣ.

— Что̀ за люди?! — грянулъ Павелъ Васильичъ. — Паспорта есть?

— Чтой-то, Павелъ Васильичъ...—ласково заговорила Маргарита, дѣлая смиренное лицо. — Второй годъ живемъ вмѣстѣ, слава Богу, а ты выдумалъ паспортъ требовать. Вотъ садись съ нами чайку попить...

— Дармоѣдки вы! — ворчалъ Павелъ Васильичъ, присаживаясь къ столу.— Я бы васъ въ военную службу отдалъ...

— Ужъ тоже и скажешь: какая же военная служба бабамъ.

— А такая... Тамъ бы научили, какъ чужой хлѣбъ ѣсть.

Послушницы смотрѣли на хозяина равнодушными глазами, потому что такіе разговоры повторялись каждый день.

— Ты со мной разговаривать?!— грянулъ Павелъ Васильичъ, замахиваясь на Маргариту трубкой.— Сейчасъ вонъ! Слышали: вонъ! вонъ! Убирайтесь къ Митюхляеву или къ о. Арсенію и живите у нихъ... Сейчасъ же!..

— Куда мы пойдемъ, сироты?— плаксиво заговорила Маргарита.

— А мнѣ какое дѣло? Вонъ!.. Чтобы и духу вашего не было...

— Да ты не сердись, Павелъ Васильичъ... Вредно это бываетъ человѣку, который ежели...

— Что̀ ежели?

— Побойся хоть смертнаго часа...

Павелъ Васильичъ плюнулъ и убѣжалъ къ себѣ. Вотъ проклятый бабій языкъ... Тоже и скажутъ: смертный часъ. Павелъ Васильичъ забылъ только одно, что уже въ теченіе пяти лѣтъ продолжается эта комедія съ разными варіаціями. Сколько разъ онъ покушался выдворить изъ своего дома „черную команду“, какъ онъ называлъ монахинь, и каждый разъ наскакивалъ на этотъ „смертный часъ“. Собственно говоря, онъ и смерти не боялся, а все-таки оно непріятно. Теперь онъ вторично подошелъ къ зеркалу и продѣлалъ разныя манипуляціи, которымъ научился у доктора: стоялъ на одной ногѣ, закрывалъ одинъ глазъ, вытягивалъ руку впередъ, растопыривъ пальцы, высовывалъ языкъ — всѣ эти опыты были не въ его пользу.

— А что̀, ежели я и въ самомъ дѣлѣ умру? —подумалъ невольно Павелъ Васильичъ, и его охватила какая-то холодная дрожь... Смерть... Что̀ такое смерть? Докторъ, конечно, вретъ, и монахини тоже врутъ, а все-таки оно того...

Павелъ Васильичъ даже закрылъ глаза, представляя себя уже лежащимъ въ гробу.

II.

Павелъ Васильичъ долго ходилъ по комнатѣ, неистово посасывая трубку и продолжая кашлять. У него что-то кружилось въ головѣ, точно онъ опять куда-то ѣхалъ, какъ въ молодые годы, когда служилъ сибирскимъ фельдъегеремъ.

— Ахъ, чортъ возьми! Этакъ и въ самомъ дѣлѣ подохнешь,—вслухъ думалъ онъ, размахивая чубукомъ.—Разъ—и готово дѣло.

Нужно было что-то такое предпринять, что-то такое устроить и сдѣлать совсѣмъ особенное. Въ головѣ Павла Васильича, какъ осеннія тучи, быстро понеслись невеселыя мысли. Ну, умретъ—пріѣдетъ жена и заберетъ свою законную седьмую часть, потомъ есть гдѣ-то два племянника—они разберутъ все остальное. Домъ, конечно, продадутъ, и въ немъ будетъ жить кто-то другой. Да, тотъ другой, который не строилъ этого дома, не хлопоталъ, не заботился, а просто пришелъ и сѣлъ на готовое. На своемъ вѣку Павелъ Васильичъ достаточно насмотрѣлся на наслѣдниковъ всякаго рода. Милліонныя состоянія разлетались прахомъ, какъ дымъ. Для чего же и для кого Павелъ Васильичъ наживалъ? Ему вдругъ захотѣлось что-нибудь оставить послѣ себя, чтобы его кто-то помнилъ.

— Нѣтъ, надо составить духовную,—рѣшилъ Павелъ Васильичъ и обрадовался, что такъ просто разрѣшается вопросъ.—Пусть всѣ поминаютъ Павла Размахнина. Да, я имъ покажу!.. Наслѣдники-то, наслѣдники какъ разлетятся къ наслѣдству... ха-ха!.. А вотъ вамъ, получи и не потеряй. А вѣдь я не умру, что заблаговременно составлю духовную. Какъ это я раньше объ этомъ не подумалъ? Именно, вѣкъ живи—вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь.

Прежде всего, конечно, нужно было привести въ порядокъ всѣ свои дѣла. Большихъ денегъ у Павла Васильича не было, но про черный день было кое-что сбережено. Онъ присѣлъ къ своему письменному столу и долго рылся по всѣмъ ящикамъ, выбирая всевозможные документы. Правда, ихъ было не особенно много, и все велось въ строгомъ канцелярскомъ порядкѣ. Павелъ Васильичъ долго что-то высчитывалъ, соображалъ, провѣрялъ себя на счетахъ и хмурился. Да, нужно развязаться со всѣмъ этимъ хламомъ.

— А наслѣдники-то, вѣроятно, ждутъ не дождутся, когда любезный дядюшка подохнетъ... Х-хаа!.. А вотъ вамъ...

Павелъ Васильичъ досталъ листъ чистой бумаги, осмотрѣлъ съ особеннымъ вниманіемъ перо и вывелъ круглымъ канцелярскимъ почеркомъ:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, я, нижеподписавшійся, надворный совѣтникъ Павелъ Васильевъ Размахнинъ, завѣщаю все свое движимое и недвижимое имущество...“

Тутъ перо остановилось. Кому, въ самомъ дѣлѣ, завѣщать? Павелъ Васильичъ задумался. Удивительно, какъ это ему раньше ничего подобнаго не приходило въ голову. А вѣдь это самое главное. И чтобы никто-никто ничего не зналъ, а какъ вскроютъ завѣщаніе, тогда... Нѣтъ, позвольте, нужно серьезно подумать. Купцы жертвуютъ на поминъ души въ монастыри, на богоугодныя заведенія, на нищую братію—ну, и пусть жертвуютъ. Наслѣдники да опекуны все равно растащутъ—вотъ тебѣ и нищая братія. Павелъ Васильичъ разсердился...

— Ахъ, чортъ возьми!.. Не привыкъ я эти кляузы строчить...

Онъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ на улицу. Лѣтній день былъ сѣренькій. Накрапывалъ мелкій дождь. Нахохлившіяся галки тяжело перелетали по горбившимся крышамъ деревянныхъ рядовъ. Дальше бѣлѣла соборная колокольня и неуклюже поднималась желтая пожарная каланча. По улицѣ медленно катились крестьянскія телѣги. Въ рядахъ уже начиналась торговая суета. Пропадинскіе прасолы отличались большой живостью характера. Въ хорошую погоду Павелъ Васильичъ иногда рано утромъ выходилъ на базаръ въ одномъ халатѣ. Походитъ, посмотритъ, нѣтъ ли чего новаго, покалякаетъ—глядишь, время и прошло незамѣтно. Его всѣ знали, и онъ

всѣхъ зналъ. Это тоже было пріятно, хотя мальчишки и кричали иногда вслѣдъ:

— Змѣй выползъ... змѣй!..

Эта кличка осталась за Павломъ Васильичемъ еще отъ блаженнаго времени, когда онъ былъ исправникомъ. Онъ не обижался, а только останавливался, грозно смотрѣлъ въ сторону прятавшихся по заугольямъ шалуновъ и, погрозивъ пальцемъ, говорилъ:

— Вотъ я вамъ покажу змѣя!..

Теперь, благодаря ненастью, нельзя было итти въ одномъ халатѣ, да и дѣло выходило совсѣмъ особенное. Павелъ Васильичъ одѣлъ съ особеннымъ вниманіемъ крахмальную манишку и досталъ изъ гардероба суконную черную пару.

— Да, надо будетъ толкнуться къ нотаріусу,—думалъ онъ вслухъ, встряхивая сюртукъ.—Онъ, хотя и плутъ, а свое дѣло знаетъ. Да... Значитъ, первымъ дѣломъ къ нему. Тоже недурно посовѣтоваться съ протопопомъ... Такъ, будто къ слову.

Онъ надѣлъ верхнее пальто, суконную фуражку съ бархатнымъ чернымъ околышемъ и вышелъ на крыльцо. Къ чему этотъ дурацкій дождь идетъ? По привычкѣ Павелъ Васильичъ покрестился на соборъ и пошелъ рядами,—ближняя дорога къ нотаріусу. Только перейти соборную площадь—тутъ тебѣ и нотаріусъ. По дорогѣ Павелъ Васильичъ здоровался съ торгашами и по привычкѣ спрашивалъ, какъ дѣла.

— Ничего, Павелъ Васильичъ, прыгаемъ помаленьку.

У одной мучной лавки Павелъ Васильичъ остановился. У двери на деревянномъ стулѣ сидѣлъ старикъ съ окладистой сѣдой бородой и въ серебряныхъ большихъ круглыхъ очкахъ.

— Ѳедору Силантичу,—здоровался Размахнинъ, соображая, что старикъ, навѣрно, уже написалъ свою духовную и что съ нимъ недурно посовѣтоваться.

— Здравствуй, Павелъ Васильичъ. Куды наклался?

— А такъ... вообще... Ну, какъ торговля?

— Ничего, слава Богу. Живемъ, нога за ногу не задѣваемъ.

Павелъ Васильичъ присѣлъ на стулъ и закурилъ папиросу. Старикъ поморщился,—онъ придерживался старой вѣры и не выносилъ табачниковъ.

— Вотъ все что-то нездоровится,—началъ Павелъ Васильичъ.—Старость приходитъ.

— Какіе еще твои года—такъ, середка на половинѣ. А здоровье отъ Бога... Кому ужъ какъ доведется.

— Служба была тяжелая, Ѳедоръ Силантичъ. Вотъ и сказывается. Когда былъ фельдъегеремъ, по недѣлѣ, не спавши, выгонялъ концы. Душу, бывало, всю вытрясешь... Стоя спишь, какъ деревянный.

— На что тяжелѣе...

Пришелъ какой-то покупатель и отвлекъ старика. Павелъ Васильичъ терпѣливо дождался, когда они кончатъ. Когда Ѳедоръ Силантичъ вышелъ и сѣлъ на свой залощенный стулъ, Павелъ Васильичъ проговорилъ какъ-то неожиданно для самого себя:

— А я иду, Ѳедоръ Силантичъ, къ нотаріусу... да... Надо духовное завѣщаніе составить на всякій случай...

— Что же, доброе дѣло. Не лишнее... И наслѣдникамъ безъ сумлѣнія, значитъ, кому и что.

Старикъ пожевалъ губами, посмотрѣлъ на Павла Васильича поверхъ очковъ и прибавилъ уже другимъ тономъ:

— Особенное это дѣло, Павелъ Васильичъ.

— Какъ особенное? Такое же, какъ и всякія другія гражданскія дѣла.

— Такъ да не такъ, Павелъ Васильичъ... Ну-ка, какъ начинается духовная-то: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Такъ?

— Что̀ же изъ этого? Это только форма...

— Ну, не совсѣмъ... Тутъ дѣло душевное, прямо на совѣсть. Тутъ ужъ, братъ, нечего вилять. Живемъ-то мы такъ и этакъ, а духовную-то надо съ чистой совѣстью писать. Ты вотъ къ нотаріусу собрался, ну, онъ возьметъ съ тебя деньги, и что̀ тебѣ угодно, то и напишетъ.

— За этимъ и иду.

— А вотъ и не за этимъ. Надо подумавши... Живемъ же, такъ все грѣшимъ, а тутъ надо по совѣсти, по чистой. Пряменько сказать, можетъ, у тебя врагъ какой есть...

— Всего одинъ: Егоръ Антонычъ Митюхляевъ, то-есть онъ на меня шестой годъ сердится.

— Вотъ, вотъ... Какъ-то ты съ нечистой совѣстью духовную-то будешь писать?

— Что̀ же я, по-твоему, долженъ сдѣлать?

— Очень даже просто: итти и помириться съ Егоромъ Антонычемъ.

— Я? къ Егоркѣ?

Павелъ Васильичъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— А ты не сердись,—спокойно продолжалъ Ѳедоръ Силантичъ, точно онъ читалъ какую-то книгу.—Можетъ, и окромя Митюхляева найдутся люди.

— Вчера въ клубѣ чуть съ дьякономъ не подрался...

— Ну, это пустое. Ты старое-то, старое пообдумай... Служба-то у тебя, Павелъ Васильичъ, была аховая. Немало, поди, на своемъ-то вѣку народу изувѣчилъ.

— Я?! Да вѣдь это не я, а моя служба... Вотъ живу въ Пропадинскѣ у васъ пятнадцатый годъ—развѣ тронулъ кого пальцемъ?

— Это ужъ извѣстно, что не привязанъ и медвѣдь не пляшетъ.

— Вотъ то-то... А назначь меня опять, да я вверхъ дномъ весь уѣздъ переверну... Раздавлю, какъ лягушекъ.

— Ахъ, Павелъ Васильичъ, скоръ ты очень на руку, а время-то уже не то. Пока вотъ ты отдыхалъ отъ своей службы, морду-то и отмѣнили. Напрочь нынѣ морда отмѣнена. Значитъ, не моги...

Павелъ Васильичъ поникъ головой. Да, старикъ былъ правъ... Онъ посидѣлъ еще немного и какимъ-то упавшимъ голосомъ спросилъ, неестественно улыбаясь:

— Такъ, значитъ, дѣдушка, къ Егору Антонычу на поклонъ итти?

— Не для себя пойдешь, а для своей души.

Размахнинъ показалъ жилистый, костистый кулакъ и вмѣсто нотаріуса побрелъ домой.

III.

Цѣлыхъ три дня Павелъ Васильевичъ не показывался изъ дому. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатамъ, страшно курилъ и все что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, точно съ кѣмъ спорилъ. Иногда онъ начиналъ хрипло хохотать и швырялъ трубку.

— Матушки, да никакъ нашъ-то змѣй совсѣмъ рехнулся?—шептала кухарка Аноиса, прячась въ комнатѣ монахинь.—Еще задушитъ, грѣшнымъ дѣломъ.

— Ничего, отойдетъ,—успокаивала ее Маргарита.—Онъ только снаружи себя оказываетъ неистовымъ, а середка-то вся добрая. Кто-нибудь обидѣлъ, надо полагать.

— Да вѣдь глядѣть-то на него одна страсть: какъ вытаращитъ глаза, какъ зыкнетъ... Тоже живъ человѣкъ смерти боится.

Въ теченіе этихъ трехъ дней Павелъ Васильевичъ дѣлалъ себѣ самый строгій экзаменъ, перебирая всю свою жизнь. Родился онъ далеко въ Сибири, „изъ казачьихъ дѣтей“, какъ значилось у него въ формулярѣ. Размахнины всѣ числились въ „казачьихъ дѣтяхъ“,—и отецъ, и дѣдушка, и прадѣдушка. Двѣнадцати лѣтъ онъ уже былъ на службѣ при какой-то канцеляріи, куда по доброму старому времени являлся босымъ. Такъ онъ дотянулъ до двадцати лѣтъ, когда опредѣлился въ фельдъегеря. Пашка Размахнинъ оказался лихимъ фельдъегеремъ, и по всему сибирскому тракту ямщики знали Пашку-головорѣза. И здоровъ былъ, и удалъ, и не жалѣлъ ни своихъ боковъ ни чужихъ. Еще посейчасъ по сибирскому тракту доживаютъ старики безъ зубовъ—все это „Пашкина работа“. Вспоминая теперь свою каторжную службу, Павелъ Васильичъ въ ужасѣ закрывалъ глаза. А съ другой стороны, онъ чѣмъ былъ виноватъ: такая ужъ была проклятая собачья служба.

Именно въ этотъ боевой періодъ и произошла встрѣча Павла Васильича съ нынѣшнимъ купцомъ первой гильдіи Митюхляевымъ, который тогда „гонялъ ямщину“. Въ результатѣ у ямщика Егора оказались выбитыми два переднихъ зуба. Прошло уже много лѣтъ. За необузданное рвеніе по службѣ Павелъ Васильичъ началъ получать повышенія и въ значительно короткій срокъ дослужился до исправника. Въ этомъ званіи онъ достигъ громкой извѣстности, какъ человѣкъ, который умѣетъ подтянуть, разнести, забрать въ ежовыя рукавицы. За свою ревность онъ былъ переведенъ на Уралъ, гдѣ и прогремѣлъ на нѣсколько губерній своимъ казачьимъ неистовствомъ. Одно имя исправника Размахнина наводило панику. Закончилась эта боевая въ полномъ смыслѣ карьера совершенно неожиданно, когда наступила эпоха реформъ и „отмѣнили морду“, какъ говорилъ Ѳедоръ Силантичъ. Павелъ Васильичъ не повѣрилъ реформамъ и попалъ подъ судъ. Выплыла масса дѣлъ спеціально-сибирскаго характера, съ кулачной расправой, взяточничествомъ и всякимъ насиліемъ. Павлу Васильичу грозила довольно сильная кара, но онъ спасся благодаря тому, что въ его подвигахъ замѣшана была вся губернія. Дѣло разсматривалось еще при старыхъ судахъ, и Павла Васильича, отставивъ отъ должности, по тогдашней судебной терминологіи, „оставили въ подозрѣніи“. Никуда на службу со своимъ подозрѣніемъ поступить онъ не могъ и поселился въ Пропадинскѣ. Самъ Павелъ Васильичъ былъ глубоко убѣжденъ въ собственной невинности, какъ и въ томъ, что его призовутъ.

— Да-съ, вспомнятъ и призовутъ,—увѣренно говорилъ онъ.—Тогда я имъ покажу ужъ не то... да-съ. Все равно, сколько ни поживутъ, а безъ меня не обойдутся. Безпорядокъ вездѣ, малодушіе, а я ихъ и подтяну всѣхъ, всѣхъ до одного. За что меня судили-то? Судятъ и сами не знаютъ за что... А я все по закону... Такая моя служба. Да-съ... Пусть попробуютъ другіе такъ-то послужить. Себя не жалѣлъ, никого не щадилъ...

Однако Павла Васильича не призвали, и онъ озлобился. Помилуйте, такого человѣка забыть!.. Каждую новую реформу онъ встрѣчалъ съ озлобленіемъ, какъ личное оскорбленіе. Безпорядокъ и неуваженіе начальства. Народное образованіе ведетъ къ пьянству и усиленному приготовленію фальшивой монеты. А всего лучше новые суды, когда судятъ простые мужики и говорятъ простому мужику „вы“. Это ужъ прямой развратъ. Да, развратъ-съ!..

— Увидимъ! Посмотримъ!—грозилъ Павелъ Васильичъ неизвѣстно кому.

„Состояніе подъ судомъ и слѣдствіемъ“ стоило Павлу Васильичу очень дорого, и въ это же время отъ него сбѣжала жена. Сохранились кое-какія крохи, и онъ поселился въ дешевомъ провинціальномъ городкѣ, гдѣ еще не остыла его недавняя громкая слава. По существу дѣла, многіе могли бы припомнить Павлу Васильичу его прежніе подвиги, но всѣ понимали, что онъ тутъ былъ ни при чемъ—такая ужъ была служба. Не онъ, такъ другой, да другой-то еще могъ быть и похуже. Только одинъ человѣкъ припомнилъ ему старое, именно купецъ Митюхляевъ, имѣвшій салотопенную заимку и винокуренный заводъ. Онъ выбился въ люди изъ простыхъ ямщиковъ и шелъ все въ гору.

Встрѣча произошла въ мѣстномъ клубѣ. И раньше, когда Павелъ Васильичъ былъ исправникомъ, они встрѣчались десятки разъ, но тогда Митюхляевъ не смѣлъ пикнуть, а тутъ заявилъ прямо на „ты“:

— А помнишь, Палъ Василичъ, какъ ты фельдъегеремъ гонялъ? Да? А меня вотъ и забылъ...

— Гдѣ же всѣхъ упомнить. Мало ли народа встрѣчалось...

Купецъ Митюхляевъ вынулъ вставные зубы и, показывая ихъ Павлу Васильичу, проговорилъ:

— А это чья работа?.. Забылъ, какъ Егоркѣ ямщику выставку дѣлалъ по тракту? Онъ самый и есть...

— Да вѣдь я по службѣ... — бормоталъ сконфуженный Павелъ Васильичъ.

Свидѣтелями этой сцены были все новые люди: слѣдователь, докторъ, нотаріусъ, члены земской управы. Народъ былъ, въ сущности, хорошій, но развѣ они могли понимать настоящую службу? Павелъ Васильичъ даже растерялся, точно очутился среди иностранцевъ, которые не поймутъ настоящей русской рѣчи. А Митюхляевъ такъ и наступаетъ, такъ и „тыкаетъ“, такъ и задираетъ:

— Кого по всему тракту Пашкой-головорѣзомъ величали? И это, небось, забылъ... а? Отольется все! Изъ ямщичьихъ-то зубовъ версту можно вымостить!

Расходившагося Митюхляева едва уняли; главнымъ образомъ, что такой откровенный разговоръ происходилъ въ общественномъ мѣстѣ, а Павелъ Васильичъ былъ членомъ клуба. Инцидентъ кое-какъ замяли, но съ этого времени Размахнинъ и Митюхляевъ не кланялись и считали себя въ правѣ за глаза поносить другъ друга.

— Когда вздумалъ обидѣться человѣкъ!—удивлялся Павелъ Васильичъ совершенно искренно.—Побольше пятнадцати лѣтъ прошло, а онъ въ амбицію лѣзетъ... Гдѣ же мнѣ всѣхъ ямщиковъ упомнить. И, навѣрно, еще вретъ, потому какъ и кромѣ меня фельдъегеря ѣздили... Да и не стоило о пустякахъ разговаривать. Экая важность: зубы... А каково мнѣ было ихъ учить, сиволапыхъ? Можетъ, отъ моей-то науки и купцомъ первой гильдіи сдѣлался. Другой бы спасибо говорилъ, а не то что фордыбачить...

Вражда продолжалась цѣлыхъ пять лѣтъ, и перевѣсъ какъ будто былъ на сторонѣ Митюхляева. Павлу Васильичу казалось, что новые люди какъ-то не могутъ его понять по-настоящему, какъ онъ ни объяснялъ имъ, что̀ такое настоящая служба. Слушаютъ изъ вѣжливости, а по глазамъ видно, что ничего не понимаютъ. А Митюхляевъ все шелъ въ гору и не довольствовался богатствомъ, а жаждалъ почестей. Онъ уже два трехлѣтія состоялъ земскимъ гласнымъ и мѣтилъ въ предсѣдатели управы.

— Тогда я покажу Пашкѣ-головорѣзу, какіе бываютъ ящики,—вездѣ хвастался онъ.—Пусть на меня поглядятъ, когда я въ цѣпи выйду на всю почтенную публику и съ губернаторомъ буду чай пить. Первымъ дѣломъ Пашку-головорѣза оштрафую за что ни на есть... Пусть чувствуетъ.

И къ такому человѣку итти съ повинной, какъ совѣтовалъ Ѳедоръ Силантичъ? У Павла Васильича даже духъ захватывало и голова начинала кружиться при одной мысли о такомъ униженіи. Помилуйте, что̀ же это такое? За что? Этакъ Митюхляевъ-то окончательно зазнается. Павелъ Васильичъ, какъ ни перебиралъ всю свою жизнь, никакъ не могъ найти за собой вины.

— Нѣтъ, не виноватъ!—оправдывался онъ вслухъ предъ самимъ собой.—Начальство ослабѣло вконецъ—это вѣрно. Меня позабыли—тоже вѣрно. А когда помру, тогда вспомнятъ. Непремѣнно вспомнятъ... „Эхъ, не стало Павла Васильича,—вотъ какъ бы онъ раздѣлалъ всѣхъ и вездѣ бы настоящій порядокъ завелъ!“ У Павла Васильича, небось, комаръ носу бы не подточилъ...

Цѣлыхъ три дня Павелъ Васильичъ не заглядывалъ даже въ клубъ, занятый мыслью о своемъ завѣщаніи. Какъ ни вертись, а завѣщаніе надо составлять... И Ѳедоръ Силантичъ правъ,—надо на совѣсть. Но какъ итти къ Митюхляеву, когда онъ, Павелъ Васильичъ, ни въ чемъ не виноватъ? Можетъ-быть, Митюхляевъ самъ себѣ вышибъ зубъ, а говоритъ на него.

Потомъ у Павла Васильича явилась мысль, что нужно посовѣтоваться съ новыми людьми, какъ и что̀. Умъ хорошо, а два лучше того. Въ этихъ видахъ на четвертый день онъ отправился въ клубъ. Въ Пропадинскѣ насчитывалось всего пять тысячъ жителей, и клубъ помѣщался въ простомъ деревянномъ одноэтажномъ домикѣ, выходившемъ на площадь, которая передъ нимъ была покрыта зеленой травкой. Погода поправилась, хотя вечеръ и былъ темный. Гдѣ-то надвигалась гроза. Въ клубѣ было душно, а садика не полагалось, поэтому игроки располагались по-домашнему, прямо на площади. Оно даже и пріятнѣе на свѣжемъ воздухѣ. Павелъ Васильичъ еще черезъ площадь видѣлъ, какъ мигали огоньки на столикахъ игроковъ.

— Ого, сегодня на четыре стола винтятъ,—сообразилъ Павелъ Васильичъ, сосчитавъ пары свѣчъ.—Должно полагать, податной инспекторъ пріѣхалъ или акцизный. Митюхляевъ не въ ладахъ съ новымъ акцизнымъ...

IV.

— А, Павелъ Васильичъ!..—послышались голоса игроковъ, когда Размахнинъ подошелъ къ столикамъ.—Гдѣ это запропалъ? Цѣлыхъ три дня глазъ не показывалъ. А Иванъ Митричъ опять безъ трехъ остался. Заказалъ маленькій шлемъ въ червяхъ и безъ трехъ.

— Умирать собираюсь,—хрипло отвѣтилъ Павелъ Васильичъ, здороваясь.

Это заявленіе было встрѣчено дружнымъ смѣхомъ. Развѣ можно такія вещи говорить, когда Иванъ Митричъ безъ трехъ? Игроки, какъ и вся вообще провинціальная публика, дѣлились на толстыхъ и тонкихъ. Къ первымъ принадлежали: исправникъ Клоповъ, добродушный хохолъ, не вѣрившій, что земля вертится, докторъ Онтоловъ, нотаріусъ Текутьевъ, а къ тонкимъ остальные—слѣдователь Гусевъ и акцизный новый—Меридіановъ. Какъ видно изъ этого перечня, численный перевѣсъ былъ на сторонѣ толстыхъ. Этотъ смѣхъ покоробилъ Павла Васильича, и онъ, обращаясь къ нотаріусу Текутьеву, проговорилъ разсчитанно-громко:

— А я къ тебѣ все собираюсь, Варсонофій Поликарпычъ. Надо какъ-нибудь духовную написать. Да.

— Духовную?—машинально спрашивалъ Текутьевъ, сдавая карты.— Что же, можно и духовную. Доброе дѣло.

Остальные молчали, углубившись въ свои партіи. Павелъ Васильичъ отказался, когда ему предложили попробовать счастья по двухсотой, и молча наблюдалъ за игрой. Клубные завсегдатаи приходили каждый вечеръ въ клубъ, какъ на службу, и убивали здѣсь время съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ своего злѣйшаго врага. Самыя ревнивыя жены были спокойны за свое семейное счастье—и проиграютъ по двухсотой пустяки, и ничего такого не будетъ. Послѣ каждаго роббера всѣ поднимались и уходили въ буфетъ. Душой общества былъ нотаріусъ Текутьевъ, который передъ каждой рюмкой говорилъ:

— И что скажетъ Европа?

Это повторялось уже третій годъ, но всѣ считали своимъ долгомъ смѣяться, хлопали Текутьева по плечу и повторяли:

— Ужъ Варсонофій Поликарпычъ тоже скажетъ!

Павелъ Васильичъ сначала наотрѣзъ отказался пить, а потомъ, чтобы вознаградить себя за твердость характера, сразу хлопнулъ двѣ рюмки. Новый акцизный немного дулся, потому что считалъ себя тоже остроумнымъ, а тутъ ужъ свой остроумецъ.

— Ну, такъ какъ, милашка, завѣщаніе?—спрашивалъ Текутьевъ въ третій разъ, обнимая Павла Васильича.—Можемъ... Вотъ и благородные свидѣтели налицо. Такую духовную составимъ, что наслѣдники пальчики оближутъ.

Почему-то всѣ считали своимъ долгомъ вставить словечко относительно духовнаго завѣщанія и давали разные совѣты. Такъ какъ робберы не совпадали, то Павлу Васильичу приходилось пить съ каждымъ столомъ отдѣльно, и онъ скоро почувствовалъ замѣтное облегченіе. Послѣдніе дни его что-то давило, а тутъ онъ сдѣлался обыкновеннымъ Павломъ Васильичемъ. Мысль о смерти какъ-то не вязалась съ этой буфетной обстановкой и разговорами клубныхъ завсегдатаевъ.

Обыкновенно игроки расходились по домамъ, закончивъ карточные расчеты, а сегодня остались ужинать.

— Мы твое дѣло разсудимъ сообща,—говорилъ Текутьевъ повеселѣвшему Павлу Васильичу.

— Что же, я буду радъ. Оно того... И не сообразишь сразу, что и къ чему.

— Ужъ мы обсудимъ, ангелъ мой.

Ужинъ, благодаря все тому же Текутьеву, вышелъ очень веселый. Началось съ того, что Текутьевъ чуть не выпилъ рюмку уксуса вмѣсто водки, потомъ долго разбиралъ порціонную карточку и кончилъ тѣмъ, что заявилъ лакею:

— Дай мнѣ что-нибудь посмѣшнѣе...

— Консоме... антрекотъ... бефъ а-ля-модъ...—бормоталъ, какъ тетеревъ, клубный лакей, улыбаясь. Извѣстно, что Варсонофій Поликарпычъ принимали только осетрину по-русски, а остальное говорили для разговору словъ.

Передъ ужиномъ, конечно, опять выпили, и докторъ Оптоловъ, прожевывая ломтикъ осетроваго балыка, первый проговорилъ:

— Ну, теперь, господа, надо обсудить завѣщаніе Павла Васильича... Дѣло серьезное, во всякомъ случаѣ.

Еще выпили по этому поводу.

— Видите ли, Павелъ Васильичъ,—продолжалъ докторъ:—какъ вы хотите составить свое завѣщаніе: въ пользу родственниковъ или въ пользу общества? Выясните прежде всего этотъ вопросъ...

— Родственникамъ вотъ...

Павелъ Васильичъ показалъ, что̀ онъ оставляетъ родственникамъ, и всѣ опять смѣялись, даже акцизный Меридіановъ.

— Значитъ, въ пользу общества. Хорошо-съ... Завѣщанія бываютъ разныя. Одинъ англичанинъ, торговавшій пилюлями, оставилъ все свое состояніе на женскій университетъ...

— Что̀ же, это недурно: первый университетъ въ Пропадинскѣ,—поддержалъ доктора Текутьевъ.

Павелъ Васильичъ протестовалъ. Учить, да еще бабъ—благодарю покорно. Нѣтъ, не согласенъ.

— Одна француженка все свое наслѣдство завѣщала кошкамъ,—замѣтилъ Павелъ Васильичъ.—Самъ читалъ въ газетахъ. Такъ ужъ я лучше кошкамъ...

— Одинъ американецъ завѣщалъ свои деньги на постройку обсерваторіи, съ тѣмъ, чтобы его похоронили тамъ,—сообщилъ слѣдователь Гусевъ.

Тутъ вышло смѣшное недоразумѣніе, потому что Павелъ Васильичъ смѣшивалъ иностранныя слова, и ему долго объясняли разницу между обсерваторіей, лабораторіей и консерваторіей. По его мнѣнію, въ такихъ мудреныхъ мѣстахъ вездѣ рѣзали лягушекъ и производили человѣка отъ обезьяны, что̀ возмущало его въ одинаковой мѣрѣ.

— Что̀ же, тогда можно сдѣлать завѣщаніе въ пользу мѣстной пожарной команды,—предложилъ Текутьевъ среднюю мѣру.—Ты, Павелъ Васильичъ, любилъ ходить на пожары,—ну вотъ, какъ случится пожаръ, тебя и помянутъ добрымъ словомъ.

Опять пили, и опять Текутьевъ говорилъ какія-то непонятныя иностранныя слова, надъ которыми всѣ смѣялись. Павлу Васильичу начало казаться, какъ будто смѣются надъ нимъ, и онъ разсердился.

— Ангелочекъ, пренебреги,—уговаривалъ Текутьевъ. — Сто̀итъ изъ-за пустяковъ волноваться.

— Какіе пустяки! Я серьезно хотѣлъ посовѣтоваться, а вы на смѣхъ меня поднимаете... А еще образованные люди. Ничего вы не понимаете, вотъ что̀... Я хотѣлъ на совѣсть...

— Не сердись, душечка. Ну, такъ, къ слову пришлось.

Въ заключеніе кто-то посовѣтовалъ сдѣлать завѣщаніе въ пользу „каперпаума“, какъ мѣстные остряки называли свой клубъ. Это уже окончательно взорвало Павла Васильича, онъ плюнулъ и убѣжалъ.

Вѣсть о завѣщаніи „змѣя“ разлетѣлась по всему Пропадинску. Теперь Павлу Васильичу просто нельзя было показаться на улицу. Вотъ вамъ и образованные люди... Павелъ Васильичъ пересталъ выходить на улицу и сидѣлъ дома. Всѣхъ интересовало, что̀ могъ онъ дѣлать. Молва уже давно приписывала ему несуществовавшія сокровища, которыя онъ скрывалъ. Говорили о сотняхъ тысячъ, награбленныхъ „змѣемъ“ во время его исправничества. Больше всего этому вѣрили проживавшія у Павла Васильича сибирскія монахини, а сестра Маргарита видѣла во снѣ цѣлыя груды кредитныхъ бумажекъ.

— И все это останется, подумаешь!—вздыхала она благочестиво.— Развѣ наслѣдникамъ угодишь? Только однѣ ссоры изъ-за наслѣдства пойдутъ.

А „змѣй“ быстро хирѣлъ. Онъ уже не обращался больше къ доктору. Сестра Маргарита улучила минуту утромъ, когда, по ея мнѣнію, „змѣй“ долженъ былъ быть добрѣе, и направилась къ нему, крестясь по дорогѣ. Павелъ Васильичъ сидѣлъ у своего письменнаго стола и что-то писалъ.

— Тебѣ чего?—грубо спросилъ онъ, не оборачиваясь.

— А пришла поговорить, милостивецъ,—храбро заявила сестра Маргарита.

— О чемъ это?—удивился Павелъ Васильичъ, оборачиваясь.—Ну, разговаривай.

Набравшись смѣлости, сестра Маргарита присѣла на стулъ, вытерла ротъ бѣлымъ платочкомъ и безъ предисловій начала разговоръ.

— Дѣло къ тому идетъ, милостивецъ, что скоро ты помрешь...

— Весьма пріятно слышать... Впрочемъ, и безъ тебя знаю. Ну?

— Ну, такъ пора и о душѣ подумать... Будетъ грѣшить-то. Сказываютъ, духовную ты пишешь.

— Ахъ, ты, старая крымза... вонъ!

Сестра Маргарита едва уплела ноги и долго отплевывалась отъ тѣхъ словъ, которыми выпроводилъ ее неистовый „змѣй“.

Вечеромъ Павелъ Васильичъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ сестру Маргариту и въ упоръ спросилъ строго:

— Вотъ что̀... какъ ты, напримѣръ, меня понимаешь? То-есть каковъ я человѣкъ, по-твоему? Смотри, говори прямо.

— А ругаться не будешь?

— Смотря по даннымъ... ну?

— Какъ тебя понимать-то?—нерѣшительно начала сестра Маргарита, подбирая слова.—Недаромъ „змѣемъ“ тебя всѣ величаютъ.

— Что-о?

— Змѣемъ, говорю... Змѣй и есть. Какія слова-то говоришь женскому полу да еще монашескому? А я не сержусь, потому какъ знаю, что ты это только такъ, какъ прежде на службѣ привыкъ разговаривать... Въ середкѣ-то ты совсѣмъ добрый, самъ этого даже не знаешь.

Это признаніе растрогало Павла Васильича. У него даже показались слёзы на глазахъ. Вотъ баба, да еще монашина, а поняла его. Единственный человѣкъ, который его понялъ.

Непосредственнымъ результатомъ этой бесѣды съ сестрой Маргаритой было то, что Павелъ Васильичъ рѣшилъ окончательно примириться съ Митюхляевымъ.

„Ему же будетъ хуже, если начнетъ артачиться,—соображалъ онъ.—А я его припугну смертнымъ часомъ“.

Сестра Маргарита, ободренная ласковымъ поведеніемъ „змѣя“, рѣшилась замолвить словечко о пожертвованіи на обитель, но „змѣй“ опять оказался змѣемъ и прогналъ ее, а сестра Маргарита опять плевалась, точно проглотила муху.

V.

Долго не рѣшался Павелъ Васильичъ итти къ Митюхляеву. Одѣнется, выйдетъ на улицу, постоитъ на крыльцѣ и вернется. Разъ ужъ почти совсѣмъ дошелъ, всего оставалось перейти улицу, и вернулся назадъ.

— Это тебя злой духъ не пущаетъ,—объяснялъ Ѳедоръ Силантичъ.—*Ему* это вотъ какъ непріятно... Погляди, какъ люди ссорятся скоро—разъ и вскипѣло, потому что *ему* одно удовольствіе. А мириться-то и трудно. Ты идешь, а тебя точно кто за ноги держитъ. Надо укрѣпиться, Павелъ Васильичъ, преодолѣть себя.

Эта рѣчь о зломъ духѣ подѣйствовала на Павла Васильича самымъ убѣдительнымъ образомъ. А, злой духъ—хорошо. Онъ узнаетъ, каковъ есть человѣкъ Павелъ Васильичъ Размахнинъ. Вотъ тебѣ и злой духъ...

Утромъ на другой день Павелъ Васильичъ подходилъ къ двухъэтажному каменному дому Митюхляева твердой дѣловой походкой. Одѣтъ онъ былъ офиціально, какъ во времена оны, когда представлялся разному начальству. Ворота были открыты настежь. Парадное крыльцо по-провинціальному выходило во дворъ, но Павелъ Васильичъ не вошелъ въ него, а отправился въ нижній этажъ черезъ заднее крылечко. Какъ у всѣхъ богатыхъ купцовъ, верхъ назначался для парадныхъ случаевъ и въ обыкновенное время стоялъ пустымъ, а вся семья жила въ нижнемъ этажѣ, въ низенькихъ комнатахъ, гдѣ пахло жаренымъ лукомъ, геранью и вообще чѣмъ-то жирнымъ. Несмотря на богатство, семья продолжала сохранять простые ямщичьи нравы и ѣла изъ одной большой чашки, какъ ѣдятъ на постоялыхъ дворахъ.

Въ темной, крошечной передней, заставленной сундуками, точно послѣ пожара, Павелъ Васильичъ долженъ былъ нѣсколько разъ предупредительно кашлянуть—это замѣняло звонокъ. На кашель послышался голосъ самого хозяина:

— Кто тамъ?

— Это я, Егоръ Антонычъ... Можно войти?

Митюхляеву показалось, что онъ ослышался. На всякій случай онъ застегнулъ суконную ямщичью поддевку, въ какой щеголялъ дома, и вышелъ въ переднюю. Враги нѣсколько времени стояли молча, разсматривая другъ друга, точно встрѣтились въ первый разъ.

— Я къ вамъ по очень важному дѣлу, Егоръ Антонычъ,—заговорилъ наконецъ первымъ Павелъ Васильичъ, испытывая жуткое чувство новичка.—Очень нужно переговорить...

Митюхляевъ, не подавая руки, молча посторонился, давая дорогу. Павелъ Васильичъ вошелъ въ низенькую комнату, замѣнявшую кабинетъ и контору. У окна за конторкой стоялъ приказчикъ, сдѣлавшій видъ, что не замѣтилъ, какая птица прилетѣла.

— Ужо, ты бы вышелъ, молодецъ,—кинулъ ему Митюхляевъ, чувствуя, что воротъ кумачной рубахи-косоворотки начинаетъ какъ будто давить ему шею.

Это былъ обыкновенный пріемъ, когда къ Митюхляеву приходили по дѣлу—молодецъ выходилъ на дворъ и цѣлые часы торчалъ гдѣ-нибудь у калитки. Но Митюхляевъ спохватился и остановилъ его:

— Погоди, ужо мы пройдемъ наверхъ, а у тебя спѣшка,—объяснилъ онъ молодцу.—Господинъ Размахнинъ, пожалуйте...

Они прошли въ темный коридорчикъ, а изъ него по темной лѣсенкѣ поднялись въ верхіе покои, гдѣ совсѣмъ не пахло жилымъ, какъ въ домѣ, который сдается постояльцамъ года два и не находитъ желающихъ его занять. Митюхляевъ, переваливаясь, провелъ гостя въ парадный кабинетъ, обставленный на господскую руку, и проговорилъ:

— Садитесь, господинъ Размахнинъ...

Павелъ Васильичъ присѣлъ на кончикъ стула, какъ проситель, машинально оглядѣлъ комнату и, подбирая слова, заговорилъ:

— Дѣло въ томъ, Егоръ Антонычъ... да... давно собираюсь къ вамъ... да...

Красное, широкое лицо Митюхляева выразило сосредоточенное вниманіе. Онъ тряхнулъ намасленными волосами, подстриженными по-ямщичьи на затылкѣ отъ одного уха къ другому, погладилъ тронутую просѣдью окладистую бородку и крякнулъ, какъ дѣлалъ въ затруднительныхъ случаяхъ, когда приходили къ нему просить денегъ въ долгъ. Павелъ Васильичъ точно поперхнулся какимъ-то мудренымъ словомъ, раскашлялся и сквозь слезы проговорилъ:

— Умирать собираюсь, Егоръ Антонычъ...

— Вамъ нужно къ господину дохтуру обратиться, господинъ Размахнинъ...—довольно сухо отвѣтилъ Митюхляевъ, дѣлая жестъ короткой рукой съ заплывшими пальцами.

— Какой ужъ тутъ докторъ... Не къ доктору дѣло идетъ. Да-съ... Видите ли, началъ я составлять духовное завѣщаніе...

— Слышали-съ. Все по клубамъ духовныя пишутъ... Самое подходящее мѣсто.

— Это пустяки. Такъ случилось... Просто посмѣялись надо мной господа образованные люди, а мнѣ даже совсѣмъ не до смѣху. Писалъ-писалъ завѣщаніе и ничего не выходитъ, ну, а тутъ меня Ѳедоръ Силантичъ и вразумилъ.

Размахнинъ подробно разсказалъ свою бесѣду съ почтеннымъ старикомъ и особенно подчеркнулъ коварныя дѣйствія злого духа. Голова Митюхляева сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Такъ вотъ я и пришелъ проститься съ вами, Егоръ Антонычъ, потому, какъ вы одинъ злобитесь на меня...

— А ежели бы вы, господинъ Размахнинъ, то-есть совершенно наоборотъ, ежели бы я вамъ, къ примѣру, вышибъ два зуба? Вы бы сказали мнѣ: покорно васъ благодарю, Егоръ Антонычъ?

— Ахъ, какой вы человѣкъ... — огорченно проговорилъ Павелъ Васильичъ.—Я о смертномъ часѣ говорю, а вы о зубахъ. Ну что же, допустимъ, было дѣйствительно...

— Даже очень было-съ, господинъ Размахнинъ. Конечно, темнота тогда стояла, звѣрство, можно сказать, въ полной формѣ...

— Вотъ то-то и есть!—точно обрадовался Павелъ Васильичъ.—Я-то о чемъ говорю? Вы вотъ своихъ двухъ зубовъ не можете забыть, а у меня, можетъ, живой косточки не осталось... Ежели бы васъ посадить фельдъегерь да заставить пять денъ и пять ночей скакать безъ отдыху, что бы вы тогда сдѣлали? Вѣдь не по своей волѣ я волкомъ-то скакалъ, а притомъ какой отвѣтъ начальству — каждая минута на счету, чуть что—и самого въ зубы. Ежели бы вотъ васъ такъ-то погонять по Сибири лѣтъ пять...

— Храни, Господь! Да во снѣ это увидишь, да и то не обрадуешься...

Митюхляевъ запустилъ всю пятерню въ затылокъ, долго смотрѣлъ въ уголъ и проговорилъ уже другимъ тономъ:

— Да, оно конечно... Господи, какъ подумаешь, и для чего все это звѣрство было? Вѣдь вотъ можемъ же жить и безъ него...

— А вы еще то подумайте: ежели бы не я, такъ другой бы фельдъегерь, можетъ-быть, всю скулу вамъ на сторону сдѣлалъ...

— Бывало и такъ-съ, господинъ Размахнинъ. Только вы, значитъ, первый мнѣ починку сдѣлали, а другимъ ужъ и нечего было вышибать. А обидно мнѣ то, какъ я состою при собственномъ своемъ капиталѣ, и всѣ знаютъ, что у меня зубы вышиблены. Знакъ-съ... Разсудите сами по собственному человѣчеству.

— Опять на это долженъ я вамъ сказать то, Егоръ Антонычъ, что развѣ вы одинъ безъ зубовъ-то остались? У кого изъ ямщиковъ зубы цѣлы? Помните, какъ генералъ военный проѣзжалъ на Амуръ? Что было-то? Только земля-матушка тряслась... А я бы на вашемъ мѣстѣ такъ еще какъ Господу Богу благодарилъ, что, напримѣръ, у васъ спина цѣлой осталась. По тому-то времени, ухъ, какъ это было просто!..

— На что проще. Видывали мы этую самую зеленую улицу... А вѣдь вотъ теперь нѣтъ палокъ, и живы всѣ. Даже удивительно дѣлается, когда вдругъ раздумаешься о старинѣ... Одна битва была, можно сказать, битва и страхъ.

Разговорившись о старинѣ, оба забыли главную тему. Павелъ Васильичъ начиналъ припоминать разные мудреные случаи изъ собственной жизни, а Митюхляевъ въ тактъ разсказа качалъ головой и повторялъ:

— Такъ-съ. Совершенно даже вѣрно-съ...

Потомъ онъ прибавилъ уже другимъ тономъ:

— Ужо вы тутъ посидите малость, а я живой рукой соображу...

Павелъ Васильичъ облегченно вздохнулъ, когда Митюхляевъ вышелъ. Дѣло пошло на ладъ. Отъ-нечего-дѣлать онъ осматривалъ убранство митюхляевскаго кабинета и только покачалъ головой.

„Экъ, чего нагородилъ разбухшій отъ денегъ ямщикъ... И рѣзной орѣховый письменный столъ, и мраморная чернильница, и портьеры на дверяхъ, и мебель, крытая тисненой кожей, и даже этажерки съ какими-то книгами. Вотъ ты и поди, а простой былъ ямщикъ, лѣтъ двадцать на облучкѣ трясся, какъ грѣшная душа“.

Поговаривали, что Митюхляевъ пошелъ жить не совсѣмъ чисто, именно, что онъ „прикончилъ“ какого-то богатаго иркутскаго купца, который ѣхалъ съ большими деньгами на ирбитскую ярмарку. Но сейчасъ онъ объ этомъ не желалъ думать. Мало ли о комъ болтаютъ...

Митюхляевъ, дѣйствительно, не заставилъ себя ждать и, вернувшись, весело проговорилъ:

— Ну что̀ же, Павелъ Васильичъ, поминать старое: кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ. Недаромъ пословица молвится... Ужо, пойдемъ-ка въ столовую, можетъ, что̀ и найдемъ.

А въ столовой уже призывно позванивала столовая посуда, и невидимыя руки разставляли напитки и ѣду. Это напомнило Павлу Васильичу доброе старое время, когда онъ вездѣ былъ желаннымъ гостемъ, предъ нимъ заискивали и радовались, что осчастливилъ посѣщеніемъ самъ Павелъ Васильичъ.

— Ну, такъ ка̀къ насчетъ духовной-то? — говорилъ Митюхляевъ, наливая первую рюмку. — Одобряю вполнѣ... А господа напрасно на смѣхъ подняли.

— Мнѣ-то теперь ужъ все равно,—уныло повторялъ Павелъ Васильичъ.— Все равно, скоро умру.

— Раньше смерти никто не помираетъ...

— Нѣтъ, у меня ужъ болѣзнь такая... Ни одинъ докторъ понять не можетъ, а только я понимаю. Да... Да и ты (съ третьей рюмки они незамѣтно перешли на ты) поймешь. Пыли во мнѣ много, Егоръ Антонычъ. Можетъ, я этой самой пыли пуда три проглотилъ, когда служилъ фельдъегеремъ.

— А вѣдь ты вѣрно, Палъ Василичъ...

— Да вѣдь я чувствую ее на языкѣ... Значитъ, все она лежала во мнѣ спокойно, значитъ, пыль, а теперь и начала подниматься. Ночью какъ начнетъ душить... И все какъ будто я мчусь фельдъегеромъ, и все какъ будто колотитъ меня въ таратайкѣ, какъ пробку въ бутылкѣ. Даже во снѣ кричу на ямщиковъ: „Па-ашолъ!“.

— И голосина у тебя былъ,— умилялся Митюхляевъ. — Какъ медвѣдь рявкнешь, бывало. Оторопь возьметъ.

VI.

Примиреніе Размахнина и Митюхляева произвело въ „капернаумѣ“ извѣстную сенсацію. Текутьевъ, въ качествѣ присяжнаго остроума, покачивая головой, повторялъ:

— Теперь имъ остается только подраться... Впрочемъ, что̀ еще скажетъ Европа...

— Вмѣстѣ-то они вотъ какую духовную напишутъ.

Почему-то всѣмъ дѣлалось весело, и всѣ изощряли свое остроуміе по адресу примирившихся враговъ.

А Павелъ Васильичъ, какъ говорили въ Пропадинскѣ, „зачастилъ“ къ Митюхляеву. Какъ вечеръ, такъ и плетется туда. Его начала одолѣвать одышка, и по дорогѣ онъ нѣсколько разъ останавливался отдохнуть. Когда Павелъ Васильичъ не могъ прійти, къ нему ѣхалъ Митюхляевъ. Дѣло въ томъ, что у послѣдняго было такое же сомнѣніе относительно смертнаго часа, и онъ тоже рѣшилъ составить духовную.

— Въ самый ты разъ пришелъ ко мнѣ, Павелъ Васильичъ, — признавался Митюхляевъ въ откровенную минуту.— Самъ даже хотѣлъ итти къ тебѣ прощаться, когда узналъ, что ты составляешь духовную, потому какъ по человѣческой слабости говорилъ о тебѣ разное неподобное. На самомъ грѣховъ, какъ на черемухѣ цвѣту... Тоже на людяхъ жили. Охъ-хо-хо, горе душамъ нашимъ!

Примиренные враги теперь подолгу бесѣдовали между собой главнымъ образомъ на отвлеченныя темы: о безсмертіи души, о правдѣ, о воздаяніи за грѣхи и т. д.

— Ты-то вездѣ бывалъ, Палъ Васильичъ, такъ больше знаешь, — говорилъ Митюхляевъ. — А мы только и знаемъ, что посты соблюдаемъ да среду съ пятницей. Попамъ я не совсѣмъ какъ-то довѣряю, потому какъ они все норовятъ за деньги. Какая ужъ тутъ душа! У насъ вонъ и на базарѣ говорятъ: вѣсъ не попова душа.

Павлу Васильевичу приходилось разъяснять разныя богословскія тонкости, причемъ базисомъ всѣхъ этихъ объясненій служило твердое убѣжденіе, что *тамъ* царитъ самый строгій порядокъ. Нѣтъ, братъ, шалишь — не уйдешь. Здѣсь-то еще и обманулъ и обидѣлъ, а тамъ все и видно, какъ муху въ молокѣ.

— Ахъ, какъ это трудно, особливо по купечеству, чтобы соблюсти себя,— вздыхалъ Митюхляевъ.— Такая ужъ наша часть... Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ, прямо сказано. Вотъ мужичку, я такъ полагаю, тому куда легче попасть въ царство небесное...

— Пожалуй, и легче, ежели не воръ,— авторитетно соглашался Павелъ Васильичъ.— И мужики тоже разные бываютъ...

Митюхляевъ вообще сильно волновался при такихъ разговорахъ и падалъ духомъ, а Размахнинъ спокойнѣе смотрѣлъ на будущее. Для него главнымъ утѣшеніемъ служило то, что „тамъ ужъ разберутъ“, и все начистоту выйдетъ. Митюхляевъ завидовалъ ему и говорилъ:

— Тебѣ вотъ хорошо, Палъ Васильичъ, потому какъ ты не самъ жилъ, а по приказанію высшаго начальства. Съ него, значитъ, и взыскъ, а ты ни при чемъ... Даже очень это хорошо и удобно.

— Начальство-то начальствомъ, а тоже и свои грѣхи найдутся...

— Ну, тамъ насчетъ барашка въ бумажкѣ?

— И это и другое разное...

— Женскъ полъ... Вотъ ужъ эта статья мнѣ окончательно даже противна. Еще и тутъ отвѣчай. Да вѣдь какъ отвѣчай-то: аще воззрился еси на жену... Такъ-то и дна адова не достанешь, а будешь летѣть, летѣть безъ конца.

— Нельзя и летѣть безъ конца, потому какъ *тамъ* на все свой порядокъ. Кому, значитъ, что̀ достанется...

Когда Митюхляевъ пріѣзжалъ къ Размахнину, въ качествѣ эксперта вызывалась сестра Маргарита.

— Ты ужъ, пожалуйста, того, значитъ, правду истинную говори, — упрашивалъ Митюхляевъ.— Тоже ваша сестра, монашина, въ другой разъ такое наговоритъ, что ни въ какія ворота не пролѣзетъ. Ты уже не обманывай...

Сестра Маргарита клялась, что скажетъ все на совѣсть, и начинала говорить какимъ-то заученымъ пѣвучимъ речитативомъ. Тяжело грѣшной душенькѣ съ тѣломъ разставаться—это разъ, а потомъ—сорокъ денъ летаетъ около своего дома и тоскуетъ, а потомъ ужъ на вышній судъ. Какъ ее обсудили—сейчасъ въ адъ, а тамъ и огнь, и смола кипитъ, и великій неугасимый смрадъ, и скрежетъ зубовный.

— Ну, ну, это мы и безъ тебя знаемъ, — начиналъ сердиться Митюхляевъ.—Вотъ относительно смолы я даже и сомнѣваюсь... Въ какомъ смыслѣ смола. Есть составы даже и очень похуже...

— Въ Писаніи такъ сказано.

— Ну, ну, а дальше?

Дальше слѣдовало еще болѣе непонятное. Все сводилось на то, чтобы грѣшную душеньку вызволить изъ ада молитвой, милостыней и жертвами. Тутъ ужъ необходимо особенно постараться, чтобы грѣшной душенькѣ было легче. Митюхляевъ опять сомнѣвался.

— Хорошо, касательно молитвы... А, напримѣръ, ежели у меня ихъ нѣтъ, этихъ самыхъ сродственниковъ, или есть какіе-нибудь заблудящіе дальніе племянники, или опять малолѣтніе? Я тутъ ужъ совсѣмъ не виноватъ... А ежели теперь опять такъ, что, положимъ, я передъ самой смертью обанкручусь? Бѣдному человѣку, значитъ, и ходу въ рай нѣтъ? Какъ будто ты и не совсѣмъ ладно говоришь, сестра, хоша и монашина.

Павелъ Васильичъ относился къ этимъ разговорамъ крайне пренебрежительно. Что̀ можетъ знать монашина? У ней только и ремесла, что клянчить на свою обитель да распускать розсказни про грѣшную душеньку.

— Все отъ темноты, Егоръ Антонычъ,— объяснилъ онъ Митюхляеву.— Темнота насъ одолѣла. Ежели бы, напримѣръ, насъ учить... Ежели теперь человѣка поучатъ, онъ и корабль тебѣ выстроитъ, и машину всякую, и телеграфъ — значитъ, сила. Такъ для души-то онъ ужъ особливо постарается, а главное, будетъ знать, что̀ и къ чему. Одинъ раскольничій архіерей мнѣ какъ-то попался, такъ онъ прямо говорилъ: незнаемый грѣхъ тяжелѣе знаемаго. А мы, кромѣ постовъ, ничего не знаемъ...

Павелъ Васильичъ много думалъ о своемъ завѣщаніи и составлялъ его нѣсколько разъ на всевозможные лады, пока не остался доволенъ. Однажды вечеромъ онъ пригласилъ къ себѣ Митюхляева, старика Ѳедора Силантьича, протопопа Арсенія и нотаріуса Текутьева. Была устроена закуска и выпивка — все какъ слѣдуетъ. Всѣ понимали, что приглашены подписывать духовную, и остались недовольны, когда Павелъ Васильичъ попросилъ подписать не читая.

— По закону завѣщателю предоставлено такое право,— объяснилъ Те-

кутьевъ, когда протопопъ Арсеній выразилъ нѣкоторое сомнѣніе. — А я засвидѣтельствую ваши подписи и прочее.

Всѣ чувствовали себя немного не по себѣ и разошлись рано. Павелъ Васильичъ былъ такой хмурый.

— Ну, теперь я совсѣмъ готовъ,— подумалъ онъ вслухъ и улыбнулся загадочной улыбкой.— Будутъ добромъ поминать, по крайней мѣрѣ, Пашку-головорѣза.

Онъ былъ доволенъ.

Все это происходило незадолго до Рождества. Вскорѣ послѣ завѣщанія Митюхляеву пришлось уѣхать въ уѣздъ по своимъ кабацкимъ дѣламъ. Когда онъ вернулся, то еще на послѣдней станціи узналъ, что „змѣй приказалъ долго жить". Это извѣстіе произвело на Митюхляева какое-то ошеломляющее впечатлѣніе, и онъ долго крестился. Какъ же это такъ: былъ Павелъ Васильичъ—и вдругъ его не стало. Жилъ человѣкъ, хлопоталъ, старался, радовался и печалился, и вдругъ ничего... И какой человѣкъ! Другого такого Павла Васильича днемъ съ огнемъ не найдешь.

Въ Пропадинскѣ тоже жалѣли Павла Васильича. Конечно, когда былъ на службѣ, такъ былъ звѣрь, а такъ человѣкъ даже совсѣмъ не злой. Даже съ соборнымъ дьякономъ простился. Всѣхъ почему-то интересовала больше всего мысль о томъ, что̀ ожидаетъ бывшаго сибирскаго исправника на томъ свѣтѣ.

— По дѣламъ его и вмѣстится, — уклончиво отвѣчалъ протопопъ Арсеній, когда къ нему приставали съ разспросами. — Странникомъ убогимъ является человѣкъ въ міръ и уходитъ странникомъ.

Пріѣхала къ похоронамъ жена, болѣзненная и забитая женщина, и какихъ-то двое подозрительныхъ племянниковъ, о которыхъ никто раньше не слыхалъ. Оказалось, что еще существуетъ у Павла Васильича родной братъ гдѣ-то въ Сибири. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали вскрытія духовнаго завѣщанія, которое хранилось у нотаріуса. Митюхляевъ боялся покойниковъ вообще, а Павла Васильича почему-то въ особенности, и даже не былъ на похоронахъ, а пріѣхалъ только къ вскрытію духовнаго завѣщанія. Собрались родственники, свидѣтели, душеприказчики и полиція, которая должна была сдѣлать опись. Митюхляевъ прятался въ толпѣ, какъ виноватый.

— Приступимъ, господа, — заявилъ нотаріусъ непривычнымъ для клубныхъ завсегдатаевъ, дѣловымъ тономъ.—Воля завѣщателя священна.

Онъ вскрылъ запечатанный сургучной печатью большого казеннаго размѣра конвертъ, не торопясь досталъ сложенный вчетверо листъ сѣрой бумаги и началъ читать:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

По завѣщанію все недвижимое имущество должно было быть продано, вырученныя за него деньги пріобщены къ наличному капиталу, что̀ въ общемъ составляло сумму около десяти тысячъ. Изъ этихъ денегъ назначалось женѣ за время ея прожитія съ нимъ въ супружествѣ по 1 р. въ сутки, что̀ составляло сумму (за 5 лѣтъ 2 мѣсяца и 4½ дня—она бѣжала подъ вечеръ 17 іюня) въ 1841 руб. 50 к. Это было оригинально и заставило нѣкоторыхъ переглянуться. Остальныя деньги Размахнинъ, въ видахъ просвѣщенія, жертвовалъ городу Пропадинску на пріобрѣтеніе телескопа и микроскопа, причемъ возлагалось исполненіе воли завѣщателя на городскую управу.

Отъ завѣщанія Павла Васильича ожидали всего, но только не этого. Въ комнатѣ нѣсколько секундъ царило молчаніе. Всѣ чувствовали себя немного смущенными.

— Да, телескопъ и микроскопъ, — повторилъ Текутьевъ, перечитывая про себя завѣщаніе еще разъ,—съ чѣмъ и поздравляю.

VII.

Завѣщаніе Размахнина произвело въ Пропадинскѣ громадную сенсацію, а городская дума, состоявшая изъ купцовъ, рѣшительно не знала, что̀ ей дѣлать. Городской голова Вахрамѣевъ, имѣвшій пряничное заведеніе, даже обидѣлся.

— Это онъ на-смѣхъ сдѣлалъ, Павелъ Васильичъ,—увѣрялъ онъ всѣхъ.— На кой намъ лядъ, прости, Господи, телескопъ и микроскопъ? Мы по печатному-то съ грѣхомъ пополамъ разбираемъ...

— Да, вотъ такъ всучилъ всѣмъ щетинку!—ахали купцы.

— Это онъ хотѣлъ намъ наше невѣжество показать. На-те, полюбуйтесь, какіе вы есть сущіе обормоты!..

Когда въ засѣданіе думы былъ представленъ докладъ по поводу завѣщанія, большинствомъ голосовъ было постановлено не принимать наслѣдства Размахнина. Изъ числа гласныхъ только двое поддерживали волю покойнаго: нотаріусъ Текутьевъ, доказывавшій, что дума не имѣетъ права отказываться отъ наслѣдства, пожертвованнаго въ интересахъ просвѣщенія города Пропадинска, и Митюхляевъ, который былъ въ восторгѣ отъ выкинутой Павломъ Васильичемъ шутки.

— Ужъ онъ зналъ, на что жертвовалъ, Павелъ-то Васильичъ, — увѣрялъ Митюхляевъ гласныхъ. — Онъ вотъ какъ эту самую темноту терпѣть ненавидѣлъ. Ну, и того, произвелъ всѣхъ въ лучшемъ видѣ...

Купцы съ особенной энергіей кинулись всѣ на Митюхляева.

— Ты-то чему обрадовался, борода? Ну, и ставь машины къ себѣ... Второй-то этажъ все равно пустой стоитъ. Еще какъ разъ убьетъ или изувѣчитъ...

— Къ себѣ вотъ въ думу поставите,—огрызался Митюхляевъ.—Экъ въ васъ темнота-то эта самая расходилась! Видно, донялъ васъ Павелъ-то Васильичъ. Онъ зналъ, по которому мѣсту какъ стегнуть...

Не меньшую сенсацію завѣщаніе Размахнина произвело въ „капернаумѣ", гдѣ его обсуждали на тысячу ладовъ, безъ конца удивлялись и комментировали новыми варіаціями.

— Это былъ самый остроумный человѣкъ, какого я только зналъ,— заявлялъ нотаріусъ Текутьевъ. — Я съ удовольствіемъ пожалъ бы ему руку. Помилуйте, преподнести богоспасаемому городу Пропадинску такую задачу... Да это небывалый примѣръ. Вообще одобряю.

Слѣдователь Гусевъ смотрѣлъ на дѣло съ другой точки зрѣнія. Откуда могла у стараго сибирскаго исправника, выгнаннаго со службы по третьему пункту, явиться такая фантазія!

— Самъ онъ былъ человѣкъ безграмотный, — разсуждалъ слѣдователь, напрасно стараясь проникнуть въ корень вещей. — И вдругъ такая идея... Вѣдь онъ долго обдумывалъ завѣщаніе и, очевидно, хотѣлъ, чтобы его имя дошло до ушей благодарнаго потомства. Можетъ-быть, основной мотивъ всего— тщеславіе, попросту—самодурство.

— Намъ до этого нѣтъ никакого дѣла,— сказалъ докторъ, въ качествѣ мыслящаго реалиста.—Что̀ намъ до того, чѣмъ Павелъ Васильичъ руководился? Важенъ самый фактъ, а фактъ самъ по себѣ можетъ быть отнесенъ къ разряду отрадныхъ явленій. Микроскопомъ, напримѣръ, буду пользоваться я для бактеріологическихъ изслѣдованій...

— А телескопъ?

— Телескопъ? Что же, и телескопу мѣсто найдется. Пока его можно будетъ передать въ уѣздное училище, а когда въ Пропадинскѣ откроется гимназія, что составляетъ только вопросъ времени, то онъ явится лучшимъ украшеніемъ будущаго физическаго кабинета. Вообще недурно...

— Недурно?! — возмущался Текутьевъ. — А по-моему это геніальная мысль. Да-съ, геніальная... Ничего остроумнѣе нельзя было придумать. Кто знаетъ, при другихъ условіяхъ изъ него, можетъ-быть, выработался бы знаменитый путешественникъ, который открылъ бы намъ сѣверный полюсъ, или геніальный изобрѣтатель, который могъ бы осчастливить все человѣчество.

— Ну, Варсонофій Поликарпычъ, ты уже того, хватилъ, мамочка...

— Господа, что же тутъ особеннаго? — защищался Текутьевъ. — Вѣдь придумалъ же человѣкъ геніальную штуку, слѣдовательно могъ придумать и что-нибудь другое.

Больше всѣхъ пораженъ былъ завѣщаніемъ Митюхляевъ. У него не выходилъ изъ головы Павелъ Васильичъ. Теперь онъ все началъ мѣрить имъ, какъ живымъ аршиномъ. А что бы сказалъ Павелъ Васильичъ? А какъ бы сдѣлалъ Павелъ Васильичъ? И какъ онъ хорошо предусмотрѣлъ свой смертный часъ! Жилъ всяковато, конечно, служба ужъ такая, а умеръ вполнѣ правильно. Даже протопопъ Арсеній говорилъ, что Павлу Васильичу зачтется тамъ его доброе дѣло,—именно доброе, потому что въ телескопъ всѣ пропадинцы воочію убѣдятся въ величіи Божіемъ.

— Даже весьма любопытно будетъ взглянуть въ трубу на свѣтила небесныя,—объяснялъ онъ. — Микроскопъ—это земное, вящшее углубленіе въ строеніе мельчайшей натуры, а телескопъ—это вещь душеспасительная.

По этому поводу протопопъ прочиталъ даже пасхалію, которую когда-то проходилъ въ семинаріи, и припомнилъ нѣчто о „золотомъ числѣ“ и „въ руцѣ лѣто“. Митюхляевъ слушалъ его съ умиленіемъ.

— Да, умственно, ваше преподобіе,— повторялъ онъ. — Вотъ какъ Павелъ-то Васильичъ достигъ всю темноту... Теперь и другимъ городамъ, я такъ полагаю, завидно будетъ.

Сибирскія монашины послѣ смерти Размахнина переселились къ Митюхляеву. Сдѣлалось это какъ-то само собой. Попросились просто переночевать, да и остались. Митюхляевъ неоднократно пробовалъ ихъ выдворять, но получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, какой въ свое время получалъ Размахнинъ.

— Куда мы пойдемъ?—спрашивала сестра Маргарита, дѣлая удивленное лицо.—Ты бы хоть подумалъ о своемъ смертномъ часѣ.

— Тьфу! Перестань каркать,—ругался Митюхляевъ.

Въ веселую минуту, впрочемъ, онъ зазывалъ монахинь напиться чаю и любилъ надъ ними пошутить.

— Ну, какъ вы наслѣдство-то послѣ Павла Васильича раздѣлили? Ха-ха... На возу, поди, едва довезли въ обитель? Я такъ думаю, что ты, честная мать Маргарита, запугала его своей смолой да неугасимымъ смрадомъ...

Сестра Маргарита благочестиво опустила глаза, собрала губы оборочкой и съ женской скромностью отвѣчала:

— А мы не сѣтуемъ, милостивецъ. Его дѣло, значитъ, Павла Васильича. Конечно, обидѣлъ онъ нашу честную обитель,—опять его же дѣло.

— Ну, ничего, кто-нибудь изъ грѣшныхъ сибирскихъ купцовъ на поминъ души пожертвуетъ—вотъ обитель-то и выправится въ лучшемъ видѣ, а вамъ вѣдь все равно, за кого молиться.

Митюхляевъ хотя и посмѣивался надъ монахинями, но все сильнѣе за-

думывался надъ смертнымъ часомъ. Сколько ни живи, а помирать все равно придется. Духовная все еще только составлялась, но окончательнаго пока ничего не было. Главное, трудно было писать все самому, а чужому человѣку довѣрять трудно. Митюхляевъ по вечерамъ трудился до седьмого пота и впадалъ въ тяжелое уныніе.

„Кабы Павелъ Васильичъ былъ живъ, такъ мы бы вдвоемъ лѣвой ногой все оборудовали,—съ грустью думалъ Митюхляевъ.— Онъ бы ужъ все обмозговалъ... Вѣдь купеческое-то завѣщаніе еще труднѣе написать, чѣмъ партикулярное, какъ у Павла Васильича, хотя онъ былъ въ томъ родѣ, какъ на военномъ положеніи“.

Митюхляевъ по всѣмъ церквамъ заказалъ сорокоусты по болярину Павлѣ и записалъ его въ свое поминанье. Вообще онъ постепенно предавался благочестивымъ упражненіямъ все больше и больше. Посты соблюдались въ домѣ еще строже, протопопъ Арсеній былъ дорогимъ гостемъ, въ поѣздкахъ Митюхляевъ не пропускалъ ни одного монастыря и особенно любилъ подавать тайную милостыню, а по субботамъ у воротъ митюхляевскаго дома собирались нищіе со всего Пропадинска и даже приходили изъ сосѣднихъ деревень. Закончилось это благочестіе тѣмъ, что въ кухнѣ поселился настоящій юродивый, ходившій зимой безъ шапки и босой и ругавшій собираемыхъ монахинь нехорошими словами. Доставалось отъ юродиваго и самому Митюхляеву, но онъ переносилъ все съ христіанскимъ терпѣніемъ.

— Эй, ты, семая рота, на шапкѣ ворона сидитъ!—выкрикивалъ юродивый, забѣгая впередъ и показывая языкъ. — Ну, ударь?.. У тебя кишки красныя, такъ я тебѣ ихъ сдѣлаю зелеными...

За юродиваго досталось Митюхляеву отъ протопопа Арсенія, но онъ выслушалъ нравоученіе по-христіански и только замѣтилъ:

— Самъ онъ пришелъ, юродивый. Куда мнѣ его дѣть?

— Юродивый—это сумасшедшій,—объяснялъ о. Арсеній.—Онъ, конечно, не виноватъ, что боленъ, а вотъ вы виноваты, что слушаете его безсмысленную и весьма неприличную болтовню, отыскивая въ оной тайное значеніе. Очень даже это не подобаетъ истинному христіанину...

— А можетъ, онъ лучше насъ предъ Господомъ, т.-е. юродивый?

— Во-первыхъ, сіе никому неизвѣстно, а во-вторыхъ, даже грѣшно, ибо разумъ данъ человѣку не для того, чтобы отъ онаго отказываться и слушать неистовое блекотанье бѣсноватаго.

Все это было не то, что̀ было нужно сейчасъ Митюхляеву. Главная бѣда заключалась въ томъ, что онъ даже объяснить не могъ своего душевнаго состоянія. Ну, былъ ямщикъ, а сейчасъ купецъ первой гильдіи,—а позвольте узнать, къ чему? Конечно, уваженіе въ обществѣ и прочее такое,—а позвольте узнать, къ чему? Можетъ, другой, самый бѣдный ямщичокъ въ тысячу разъ лучше, а его никто и не замѣчаетъ, потому что денегъ нѣтъ. Что̀ такое богатство?—это въ томъ родѣ, какъ болѣзнь: нажилъ тысячу—надо наживать десять тысячъ, нажилъ десять—подавай сто. А извѣстно, какъ деньги наживаются... По совѣту о. Арсенія, Митюхляевъ выписалъ духовный журналъ „Странникъ“, избранныя житія святыхъ и нѣкоторыя другія душеполезныя книги, но плохо понималъ прочитанное, особенно церковныя слова. Для него ясно было одно, что спастись можно только живя монахомъ. Но опять и монахи бываютъ разные.

VIII.

Дѣло съ завѣщаніемъ Размахнина разыгралось не на шутку. Хлопотали главнымъ образомъ попрежнему Текутьевъ и Митюхляевъ, а гласные думы

попрежнему упорствовали. Такъ шло цѣлыхъ два года, потомъ были новые выборы, но и новые гласные большинствомъ голосовъ отказались отъ размахнинскаго наслѣдства. Вмѣшался губернаторъ, и дѣло пошло куда-то въ высшія инстанціи. Благодаря завѣщанію Размахнина, Пропадинскъ распался на двѣ партіи: старожиловъ, состоявшую изъ купцовъ, и навозную, какъ купцы называютъ по сибирскимъ городамъ пришлый элементъ. Въ навозной партіи сплотилась немногочисленная пропадинская интеллигенція, рѣшившая дать генеральное сраженіе пропадинской косности и невѣжеству.

— Ну, не правъ ли я?—ораторствовалъ Текутьевъ въ „капернаумѣ“.— Вѣдь это называется общественнымъ явленіемъ. Замѣтьте: общественное явленіе въ Пропадинскѣ. А создалъ его Павелъ Васильичъ своимъ завѣщаніемъ... Вотъ вамъ и Европа заговорила.

Митюхляевъ теперь заходилъ въ „капернаумъ“ каждую недѣлю, чтобы освѣдомиться, въ какомъ положеніи дѣло.

— Скоро, скоро все рѣшится, — неизмѣнно повторялъ Текутьевъ. — Ну что̀, все спасаешься, Егоръ Антонычъ?

— Такъ, пока Господь грѣхамъ нашимъ терпитъ, Варсонофій Поликарпычъ. Какое ужъ въ міру спасенье...

— Да, трудненько, другъ мой. Вотъ я о себѣ скажу: кажется, ужъ стараюсь, а все не знаю, спасусь ли.

— Изволите шутить, Варсонофій Поликарпычъ, и весьма напрасно. У всякаго свой предѣлъ. Поговорите съ отцомъ Арсеніемъ...

— Я какъ-то съ нимъ очень серьезно говорилъ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ винтили на именинахъ у Ивана Митрича и онъ посадилъ меня безъ двухъ.

— Охъ, не нужно! Все-то вы шутите... Пора бы и того...

— Я третьяго-дня былъ сильно „того“. На слѣдующій день голова вотъ какъ болѣла...

Съ каждымъ годо́мъ Митюхляевъ дѣлался все серьезнѣе и за прилежаніе къ церкви былъ избранъ церковнымъ старостой при соборѣ. Онъ уже не мечталъ о земскомъ предсѣдательствѣ, которое связано было еще съ большей мірской суетой. Соборные прихожане видали часто, какъ Митюхляевъ молился со слезами на глазахъ, и умилялись сами. Духовное завѣщаніе было составлено Митюхляевымъ еще годъ назадъ и лежало дома въ несгораемомъ сундукѣ.

Разъ, когда Митюхляевъ умиленно клалъ земные поклоны за всенощной, къ нему прибѣжалъ собственный молодецъ и шепнулъ:

— Егоръ Антонычъ, Текутьевъ-то... Кондрашка его хлопнулъ... У васъ дѣла съ нимъ, такъ вотъ я и прибѣжалъ сказать.

Текутьевъ умеръ внезапно, отъ разрыва сердца, не оставивъ духовнаго завѣщанія, что̀ поразило всѣхъ. Помилуйте, человѣкъ въ теченіе двадцати лѣтъ составлялъ пропадинцамъ духовныя завѣщанія и умѣлъ такъ краснорѣчиво убѣдить другихъ въ необходимости такого акта, а о своемъ завѣщаніи забылъ, откладывая день за днемъ, по русскому обычаю. Долго ли его написать, а тутъ все какъ-то некогда. Навозная партія потеряла въ Текутьевѣ самаго дѣятельнаго члена. Потомъ говорили, что это онъ въ теченіе двадцати лѣтъ посылалъ таинственныя корреспонденціи изъ Пропадинска, оповѣщая міръ о пожарахъ, отрадныхъ явленіяхъ (учительницѣ прибавили жалованья), разныхъ проявленіяхъ звѣрства и т. д. А кто говорилъ лучшіе застольные спичи? Кто такъ трогательно умѣлъ проливать слезу на похоронахъ клубнаго завсегдатая? Кто умѣлъ устроить пышные встрѣчи и проводы

пропадинскихъ излюбленныхъ людей? Кто наконецъ такъ могъ быть веселъ и остроуменъ? И вдругъ не стало Текутьева, и „капернаумъ“ осиротѣлъ. Еще за нѣсколько дней до своей смерти онъ сострилъ въ послѣдній разъ, именно, что, въ случаѣ его смерти, его жена должна получать пенсію изъ „капернаума“.

Митюхляевъ принялъ извѣстіе о смерти Текутьева молча и знакомъ руки отпустилъ расторопнаго молодца. Для него теперь было все ясно: раньше онъ думалъ, что его очередь послѣ Павла Васильича, а теперь оказалось, что послѣ Текутьева... Чего же еще яснѣе? Каждый младенецъ пойметъ.

Предчувствіе Митюхляева сбылось. Текутьевъ умеръ въ Великомъ посту, а послѣ Святой захворалъ Митюхляевъ. Онъ какъ-то сразу слегъ. Когда ему посовѣтовали домашніе послать за докторомъ, Митюхляевъ только махнулъ рукой. При чемъ тутъ доктора? Вонъ Текутьевъ десять лѣтъ игралъ въ карты съ докторомъ, а все-таки умеръ. Два раза его водили въ баню, потомъ отецъ Арсеній лѣчилъ гомеопатіей, потомъ онъ надѣвалъ на себя рубаху городового — лучше не было.

— Завѣщаніе тамъ... — слабымъ голосомъ сказалъ онъ отцу Арсенію послѣ напутствія, указывая на несгораемый шкапъ. — Тамъ все написано.

Онъ умеръ ночью. Утромъ весь домъ наполнился многочисленной родней, которую Митюхляевъ не показывалъ чистой публикѣ. Онъ стѣснялся даже показывать жену, простую бабу съ постоялаго двора, которая всю жизнь пряталась гдѣ-то въ нижнемъ этажѣ, какъ прячутъ неприличныя вещи. Теперь все это оказалось налицо. Кромѣ того, двѣ замужнихъ дочери, подростокъ-сынъ, три племянницы, старуха-тетка и т. д. Собравшіеся для вскрытія завѣщанія именитые пропадинскіе люди только удивлялись, сколько у Митюхляева родни.

— Цѣлая портретная галлерея, какъ сказалъ бы покойный Текутьевъ,— шепнулъ докторъ исправнику Клопову.

Какъ-то было принято, что всѣ завѣщанія вскрывалъ и читалъ Текутьевъ, а поэтому исправникъ, въ качествѣ новичка, немного конфузился. Притомъ завѣщаніе было на трехъ листахъ—извольте-ка все вычитывать. Сначала шло все хорошо: оставляю такое-то движимое и недвижимое имущество, столько-то наличнаго капитала „женѣ ея законныя части — седьмую и четырнадцатую, сыну столько-то (ежели будетъ почитать мать), замужнимъ дочерямъ столько-то, теткѣ, племянникамъ“ и т. д. Дальше слѣдовали мелкія пожертвованія на церкви, монастыри и богоугодныя заведенія. Самыя сильныя статьи оказались въ концѣ завѣщанія...

— „...На бѣдныхъ жертвую триста тысячъ рублей серебромъ“, — читалъ исправникъ съ особенной разстановкой.

Дальше онъ остановился, пробѣгая послѣдній пунктъ про себя, потомъ протеръ очки, еще разъ прочиталъ и передалъ завѣщаніе стоявшему рядомъ отцу Арсенію.

— Нѣтъ, ужъ это вы прочтите, батюшка. Это по вашей части...

Отецъ Арсеній не спѣша досталъ очки, не спѣша ихъ надѣлъ и прочелъ, дѣйствительно, изумительный пунктъ:

— „...Завѣщаю городу Пропадинску пять тысячъ рублей на покупку пушки, изъ которой должны стрѣлять ежегодно въ день моего ангела“.

Описать ошеломляющее впечатлѣніе этого послѣдняго пункта трудно. Даже никто ничего не говорилъ, всѣ стояли и молчали. Первымъ нашелся отецъ Арсеній и замѣтилъ:

— Да, вообще... неудобь сказуемо...

Представители „капернаума“ еще разъ пожалѣли, что нѣтъ Текутьева— вотъ когда онъ былъ нуженъ. Даже слава завѣщанія Павла Васильича померкла. Что̀ значатъ его телескопъ и микроскопъ передъ пушкой ямщика Митюхляева...

Изъ-за духовнаго завѣщанія Митюхляева возникло цѣлое дѣло. Наслѣдники ничего не имѣли даже противъ пушки, но триста тысячъ въ пользу какихъ-то неизвѣстныхъ бѣдныхъ — это было возмутительно свыше всякой мѣры. Наслѣдники бросились за родственной помощью къ адвокатамъ въ Екатеринбургъ—ближе не было. Тѣ взяли за предварительные разговоры пять тысячъ, а за веденіе дѣла запросили еще тридцать.

— Ну, это ужъ дудки! — разсердился самый горячій изъ наслѣдниковъ.—За этакую сумму мы изъ Москвы добудемъ что̀ ни есть злющаго адвоката. Такого сахара предоставимъ, что чернымъ молокомъ напоитъ...

Сказано — сдѣлано. Пріѣхалъ въ Пропадинскъ и „самый первѣющій адвокатъ“, слава котораго гремитъ по всей Россіи. Въ „капернаумѣ“ ему былъ устроенъ обѣдъ. Опять — не было Текутьева, чтобы сказать приличный такому рѣдкому случаю спичъ. Ужъ онъ бы сказалъ, покойная головушка. Все-таки говорили — говорилъ слѣдователь Гусевъ отъ имени провинціальныхъ юристовъ, говорилъ докторъ Онтоловъ отъ имени мѣстной интеллигенціи, даже что-то хотѣлъ сказать исправникъ Клоповъ, но только махнулъ рукой, сознавая свое великое ничтожество предъ великимъ столичнымъ свѣтиломъ.

— Благодарю, господа,—лѣниво отвѣтилъ адвокатъ. — Въ моей практикѣ еще первое такое дѣло... Мы признаемъ духовное завѣщаніе написаннымъ завѣщателемъ въ состояніи невмѣняемости. Кажется, ясно само собой.

Дѣло пошло по инстанціямъ и доходило до Сената, который призналъ завѣщаніе законнымъ по всѣмъ пунктамъ, исключая, конечно, послѣдняго. Огорченный этой неудачей, адвокатъ удовольствовался тѣми пятью тысячами, которыя были завѣщаны Митюхляевымъ на пушку. По пути адвокатъ-свѣтило велъ дѣло и о духовномъ завѣщаніи Размахнина, которое признано было Сенатомъ правильнымъ, и адвокату ничего не оставалось, какъ предложить свои услуги по пріобрѣтенію телескопа и микроскопа, что̀ онъ, конечно, и сдѣлалъ. „Навозная“ партія ждетъ съ нетерпѣніемъ вотъ уже пять лѣтъ телескопа и микроскопа, но ихъ дѣлаютъ гдѣ-то за границей спеціально для Пропадинска и никакъ не могутъ сдѣлать...

1897.

Оглавленіе

VII тома.

стр.

Горное гнѣздо. Романъ 3
Ранніе всходы. Романъ 201
Милліонъ. Разсказъ 319
Кисейная барышня. Повѣсть 339
Паучки. Разсказъ 388
Осипъ Иванычъ. Разсказъ 397
Богоданка. Очеркъ 416
Два завѣщанія. Разсказъ 438

494382

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собраніе сочиненій ... [П.В.Быков].
v.7. [Translit: Polnoe sobranie sochineny ...
~~[P.V.Buikov]]~~

NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED